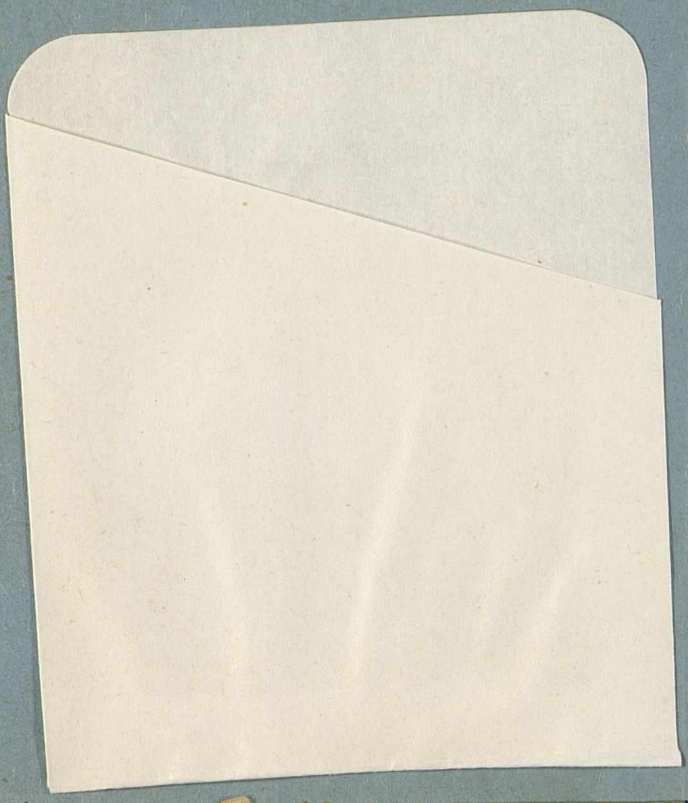
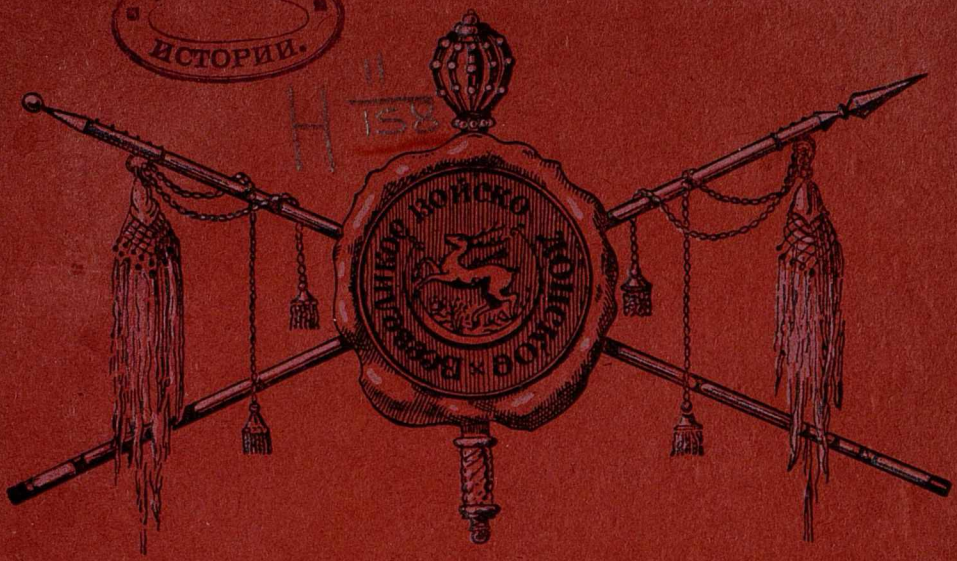
A-2406

2406



КАБИНЕТ ИСТОРИИ.



С. Г. СВАТИКОВЪ

Россія и Донъ

(1549—1917)

Изслѣдованіе
по исторіи государственнаго и административнаго права
и политическихъ движеній на Дону

ИЗДАНІЕ
ДОНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМИССІИ
1924

Отъ Донской Исторической Комиссіи.

Донская Историческая Комиссія имѣетъ цѣлью — собираніе, обработку и изданіе матеріаловъ по новѣйшей исторіи Донского Казачества со времени русской революціи 1917 года.

Собранные, обработанные и одобренные Комиссіей матеріалы печатаются частью въ сборникахъ «Донской лѣтописи», частью могутъ быть изданы отдѣльными книгами.

Комиссія обращается къ учрежденіямъ и лицамъ, имѣющимъ въ своемъ распоряженіи вышеуказанные матеріалы (книги, журналы, газеты, вырѣзки изъ нихъ, распоряженія властей, документы, рисунки, фотографіи и проч.) или свѣдѣнія о нихъ, съ просьбой сообщить ей свѣдѣнія о содержаніи, объемѣ, собственникѣ и мѣстонахожденіи матеріаловъ. Равнымъ образомъ, Комиссія проситъ лицъ, желающихъ дать свои статьи, очерки, замѣтки, дневники и проч., имѣющіе отношеніе къ указанному времени, сообщить ей темы и объемъ своихъ работъ.

По разсмотрѣніи полученныхъ свѣдѣній и предложеній о матеріалахъ и признанія ихъ соотвѣтствующими по содержанію цѣлямъ предстоящихъ изданій, Комиссія войдетъ въ сношеніе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ собственникомъ или авторомъ матеріаловъ объ условіяхъ ихъ печатанія.

Адресъ Донской Исторической Комиссіи: Улица Милоша Великог, N 49, Бѣлградъ.

Заявленія о высылкѣ «Донской Лѣтописи» и другихъ изданій Донской Исторической Комиссіи принимаются:

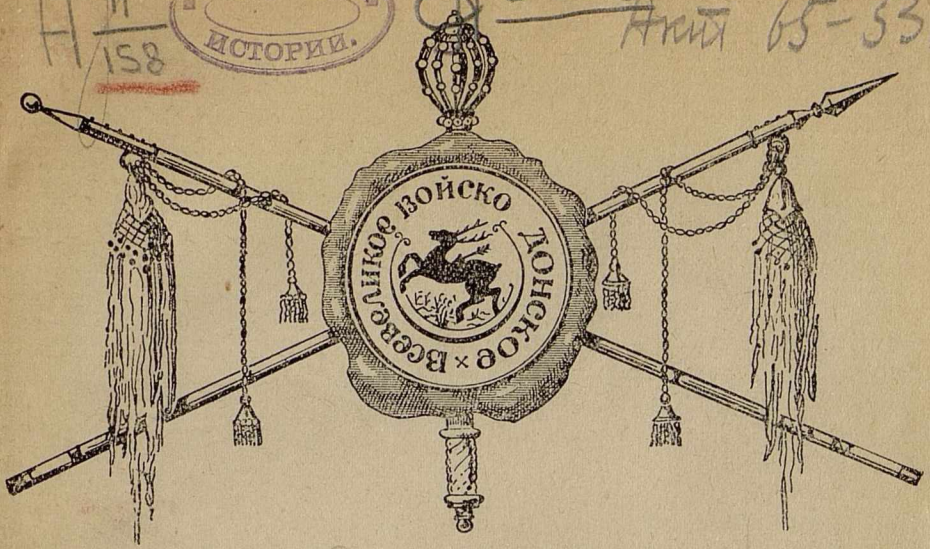
— Въ Бѣлградѣ, ул. Милоша Великог, N 49, Донская Историческая Комиссія.

— Въ Софіи, ул. Патріархъ Ефтимій N 88, въ редакціи журнала «Казачьи Думы».

— Въ Прагѣ, Отель «Беранекъ» у С. В. Маракуева.

— Въ Парижѣ, 13 rue Bonaparte, Povolotzy & Cie.

Н II/158 КАБИНЕТ ИСТОРИИ Д 2406 Акт 65-53г



С. Г. СВАТИКОВЪ

Россія и Донъ

(1549—1917)

Изслѣдованіе
по исторіи государственнаго и административнаго права
и политическихъ движеній на Дону

Гос. ордена Ленина Публичная библиотека им. В. И. Ленина
Рос. Ком. Н. Сов. Д 4602

46-254 ИЗДАНІЕ
ДОНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОМИССІИ
1924

ф 46535-34



Типографія «Липиа» общ. съ огр. отв. Вѣна IX. Grünetorgasse 17

Предисловіе.

Первоначальный очеркъ этой работы, носившій названіе «Государственно-правовое положеніе Дона въ XVI—XX в. в. (1549—1919)», былъ написанъ авторомъ въ эпоху гражданской войны на югѣ Россіи, въ 1918—1919 г. г., на основаніи матеріаловъ, имѣвшихся въ слѣдующихъ учрежденіяхъ: въ Донскомъ Музеѣ; въ дѣлопроизводствѣ Донского Войскового Круга въ Новочеркасскѣ; въ библіотекахъ — Донского (государственнаго) Университета, Ростовскаго на Дону Общества Исторіи и Древностей, Ростовской Городской Публичной и въ библіотекахъ покойнаго Г. С. Сватикова — въ г. Ростовѣ на Дону. Очеркъ этотъ касался періода государственнаго бытія Дона (1549—1721), исторіи донской автономіи и донского областничества въ эпоху Имперіи (1721—1917) и судебъ Дона въ эпоху революціи (1917—1919).

Осенью 1919 года книга эта печаталась въ Новочеркасскѣ, въ Областной типографіи. Къ декабрю мѣсяцу готова была къ выпуску изъ типографіи первая часть книги (съ подзаголовкомъ: «Ч. I. Эпоха 1549—1721 г. г.» Новочеркасскъ. 1919, 110 с.). Приближеніе фронта гражданской войны къ столицѣ Дона повлекло за собою спѣшную эвакуацію матеріаловъ Обл. типографіи, въ томъ числѣ и названной книги. Въ мартѣ 1920 г., на ст. Крымской (Кубан.-Черномор. ж.-дор.), вагоны съ имуществомъ Донской Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ и Обл. типографіи были брошены на произволъ судьбы и подверглись разграбленію. При этомъ погибла и книга. Лишь нѣсколько экземпляровъ ея сохранилось у разныхъ лицъ на югѣ Россіи.

Авторъ продолжалъ свою работу въ Парижѣ, въ библіотекахъ: Русской Общественной имени И. С. Тургенева, Польской, Національной, Музея Войны, Сорбонны и Школы Восточныхъ Языковъ. Фондъ русскихъ книгъ, имѣющійся въ означенныхъ библіотекахъ, позволилъ автору закончить работу, посвященную исторіи Дона, Яика, Терека, Кубани, а также Запорожья и Украины (въ ихъ отношеніяхъ къ Россіи). Въ 1922—1923 учебн. году работа эта предложена была имъ студентамъ Парижскаго Университета въ формѣ курса (на франц. яз.), посвященнаго «народамъ Юга Россіи». Въ томъ-же году, ав-

торъ прочиталъ этотъ курсъ, въ сокращенномъ видѣ, въ Institut des Hautes Etudes, въ Брюсселѣ.

Часть работы, касающаяся Дона и подробно разработанная, выдѣлена авторомъ и нынѣ издается Донской Исторической Комиссіей.

Помимо ряда монографій, общихъ трудовъ и отдѣльныхъ статей, упомянутыхъ въ текстѣ, авторъ использовалъ слѣдующіе сборники матеріаловъ, по большей части никѣмъ еще въ отношеніи Дона не проработанныхъ: Полное Собраніе Законовъ (первое, второе и третье); Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, т. I—V; Акты Археограф. Экспедиціи (особенно т. III); Акты Историческіе (т. I—V); Дополненія къ Акт. Ист. (т. т. I—XII); Русс. Ист. Библ., Донскія Дѣла т.т. I—V); Акты, относящіеся къ исторіи Войска Дон., собр. ген.-м. Лишинымъ, т. т. I, II, III, ч. 1 и 2, и дополн.; Грамоты, Матеріалы для ист. Войска Дон., Новочерк. 1864; Акты Моск. Государства. Разрядный Приказъ, т. т. I—III; Труды Дон. Войск. Стат. Комитета, т. I (1867) и II (1872); Сборники Обл. Войск. Дон. Стат. Комитета (т. т. I—XIV); «Дон. Войск. Вѣдомости» (1849—1870) и «Дон. Обл. Вѣдомости» (1870—1917); Записки Ростов. н. Д. Общества Ист. и Древн.; Истор. описаніе Земли Войска Дон., Новочерк., 1903; Статист. описаніе Земли Войска Дон., Новоч., 1891; Сборники И. Русс. Ист. Общества (томы, касающіеся Законодательной Комиссіи 1767 г.; кн. А. И. Чернышева; диплом. сношеній съ Крымомъ); Столѣтіе воен. Министерства, т. XI, ч. 1 и 2; Архивъ Государств. Совѣта; Воронежскіе Акты, Воронежск. юбилейный сборникъ; Записки Одесск. Общ. Ист. и Древн.; Сводъ Законовъ; Сборники узаконеній и распоряженій по казачьимъ войскамъ; Стенографич. отчеты Госуд. Думы, и ея коммиссій (I—IV созывовъ); журналы: «Право», «Русс. Старина», «Русс. Архивъ», «Ист. Вѣстникъ», «Былое», «Мин. Годы», «Голосъ Минувш.», «Древн. и Нов. Россія», наконецъ, вся русская заграничная печать.

Старыя воззрѣнія въ области государственнаго и національнаго единства Россіи были построены на основѣ механическаго объединенія земель, областей, національностей, на основѣ централизаціи и чисто внѣшняго единообразія формъ, на основѣ подавленія всѣхъ мѣстныхъ особенностей, національныхъ и бытовыхъ. Этимъ воззрѣніямъ соотвѣтствовали и построенія въ области русской исторіи, а также исторіи и теоріи русскаго государственнаго права.

Между тѣмъ, фактически, старая Россійская Имперія была конгломератомъ областей, въ коихъ, наряду съ имперскимъ правомъ, дѣйствовали остатки мѣстнаго, сепаратнаго права. Оставляя въ сторонѣ Царство Польское и Финляндію, такими областями были: Прибалтика, Бессарабія, Украина, обладавшія во время своего пребыванія въ составѣ Имперіи различной сте-

пенью и полнотою автономныхъ правъ. Проф. Б. Э. Нольде, въ статьѣ своей о «Единствѣ Россіи», еще въ 1910 г. сгруппировалъ воедино и сдѣлалъ впервые блестящій анализъ историческаго, автономнаго права Эстляндіи, Лифляндіи, Курляндіи, старой Финляндіи (1710—1809), Бессарабіи, губерній, отошедшихъ отъ Польши, и Украины.*)

Но ни одинъ еще русскій историкъ не далъ цѣльной исторіи русскихъ колоній и взаимоотношеній ихъ съ метрополіей, исторіи русскаго областничества (сибирскаго, волжскаго, донского). Ни одинъ еще историкъ русскаго права не отмѣтилъ государственнаго бытія республиканскихъ колоній Юга и Юго-Востока Россіи, не изложилъ исторію автономій этихъ колоній въ эпоху Имперіи.

Между тѣмъ, Донъ, Яикъ, Терекъ, Запорожье были вольными республиканскими колоніями. Правда, еще Карамзинъ называлъ Войско Донское «республикой». Но вопросъ о государственномъ бытіи Дона никѣмъ не ставился. Въ 1907 году г. Бородинъ, въ статьѣ о казакахъ (въ «Политической Энциклопедіи») сказалъ нѣсколько словъ о томъ, что казачьи войска (Донское, Яицкое, Терское и Волжское) были «демократическими республиками». Но впервые эта мысль была развита и обоснована авторомъ этихъ строкъ въ помянутой выше книгѣ: «Государственно-правовое положеніе Дона въ XVI—XX в.в.», (Новочеркасскъ, 1919).

Въ 1923 году, въ историческомъ сборникѣ «Русское Прошлое» (в. Ш, Петроградъ), г. С. Тхоржевскій пришелъ къ тѣмъ же выводамъ въ статьѣ своей: «Донское Войско въ первой половинѣ XVII-го вѣка». Вслѣдъ за авторомъ этого изслѣдованія г. Тхоржевскій полагаетъ, что Войско Донское имѣло «всѣ признаки, которые .... почитаются необходимыми для государства: свою непроизводную власть, территорію, населеніе, право международныхъ сношеній». Подобно автору настоящей книги, г. Тхоржевскій полагаетъ, что «Донское Войско слѣдуетъ считать вассальнымъ государствомъ, находящимся подъ сюзеренитетомъ Москвы». Авторъ считаетъ долгомъ отмѣтить, что русская научная мысль, раздѣленная разстояніемъ и разнаго рода преградами, работаетъ въ одномъ направленіи и самостоятельно приходитъ къ одинаковымъ выводамъ.

Послѣ статей автора, посвященныхъ въ «Донской Лѣтописи» исторіи Донскаго Войскового Круга, исторіи терскаго и уральскаго казачества, послѣ настоящаго труда, посвященнаго исключительно гражданской и соціально-политической исторіи Дона, врядъ-ли возможно будетъ оспаривать государственное бытіе русскихъ вольныхъ колоній. Не менѣе несомнѣнно и существованіе автономнаго права этихъ колоній послѣ присоединенія этихъ колоній къ Россіи (1721—1917).

*) Б. Нольде, «Очерки русс. государ. права», СПБ., 1911.

Заглавіе книги дано Донской Исторической Комиссіей. Но, противопоставляя Россію, какъ метрополію, Войску Донскому, Землѣ Донскихъ Казаковъ, какъ колоніи, ни Комиссія, ни авторъ, не задавались цѣлью обосновать необходимость какого-либо выдѣленія Дона изъ общенаціональнаго единства. Для автора, въ особенности, соціально-политическая исторія Дона имѣла интересъ чисто научный. Развитіе донского историческаго права, коллизіи его съ имперскимъ правомъ, судьбы донской автономіи, исторія управленія на Дону, эволюція правъ донского казачества — все это темы, достаточно оправдывающія научную необходимость настоящаго труда. Однако, для лицъ, чуждыхъ Дону, не безполезно будетъ ознакомиться со своеобразной исторіей этого края. Это ознакомленіе съ прошлымъ донского казачества «устранитъ многія недоразумѣнія и предубѣжденія и установитъ на казачество взглядъ, соотвѣтствующій назначенію и роли его въ исторіи русскаго государства». Такова надежда Донской Исторической Комиссіи и автора.

Въ настоящемъ томѣ изложеніе доведено до 1-го марта 1917 года. Книга, посвященная исторіи Дона въ эпоху революціи (1917—1924), выйдетъ отдѣльно.

С. Г. Свѣтиковъ.

Отъ Донской Исторической Комиссіи.

Историческая литература о казачествѣ не богата. Въ ней излагается преимущественно его военная исторія, описываются воинскіе подвиги и доблести казачества.

Поэтому въ широкихъ кругахъ русскаго общества болѣе или менѣе извѣстна историческая служба казачества по охранѣ и расширенію границъ государства, его участіе въ многочисленныхъ войнахъ Россіи сначала какъ иррегулярныхъ, а позже казачьихъ воинскихъ частей.

Извѣстны имена прославленныхъ военными подвигами вождей казачества — графа Платова, Бакланова, Слѣпцова.

Серьезныхъ изслѣдованій, посвященныхъ вопросамъ происхожденія казачества, какъ самобытнаго явленія русской жизни, политическихъ и соціальныхъ процессовъ его жизни, въ русской литературѣ не было.

Такія крупныя явленія въ жизни казачества и Россіи, какъ движенія Степана Разина, Кондрата Булавина, Игната Некрасова, Емельяна Пугачева по условіямъ времени и цензуры не могли быть подвергнуты всестороннему изученію; матеріалы и работы о нихъ не могли быть полностью опубликованы.

Между тѣмъ, исторія казачества представляетъ громадный интересъ, какъ цѣнный опытъ разрѣшенія самимъ народомъ вѣковыхъ задачъ построенія жизни на началахъ свободы и равенства.

Казачество — это не книжный, а практическій, жизненный путь исканій и достиженій формъ человѣческаго общежитія на началахъ народоправства.

Казачество возникло и развивалось въ жестокое время рабства русскаго народа, являясь могучимъ протестомъ, идущимъ изъ глубины народныхъ массъ противъ духовнаго и тѣлеснаго рабства человѣка, противъ лишенія массы русскаго народа его человѣческихъ и гражданскихъ правъ.

Получить «казачьи права» — было идеаломъ русскаго крестьянина въ соціальныхъ движеніяхъ XVII и XVIII вѣковъ. Эти движенія зарождались и развивались въ областяхъ, жившихъ на «казачьемъ правѣ», первымъ опытомъ изученія котораго является настоящая книга.

Идеалы казачества живы и до настоящаго времени. Въ началѣ русской революціи 1917 года одному видному русскому политическому дѣятелю принадлежитъ крылатое слово: «будущая новая Россія будетъ строиться по казачьему образцу. Россія должна оказачиться . . .»

Быть можетъ слова эти оправдаются, когда русскій народъ, добившись свободы, начнетъ самъ строить свою новую жизнь.

Быть можетъ онъ используетъ почти четырехъ-вѣковой опытъ своего дѣтища — казачества, которое строило свою жизнь на началахъ свободы, равенства и братства, о которыхъ сотни лѣтъ мечтаетъ русскій народъ.

Комиссія будетъ считать себя удовлетворенной, если изданная ею книга С. Г. Сватикова «Россія и Донъ» дастъ возможность русскому обществу подробнѣе ознакомиться съ казачествомъ, а казакамъ всѣхъ казачьихъ войскъ Россіи вспомнить по исторіи своего старшаго брата — Тихаго Дона — славные завѣты сѣдой казачьей старины для возрожденія ихъ въ новой, Великой Россіи.

Комиссія считаетъ долгомъ выразить искреннюю благодарность автору книги Сергѣю Григорьевичу Сватикову за его многолѣтніе труды по изученію общественно-политической жизни Донского казачества.

Комиссія.

Глава I.

Политическія судьбы Дона въ теченіе 375 лѣтъ (1549—1924).

Войско Донское возникло 375 лѣтъ назадъ (около 1549 г.). Это была, одновременно, и община Донскихъ казаковъ, и военная организація («войско»), и вольная республиканская колонія русскаго народа. Вдали отъ тогдашнихъ предѣловъ Московскаго царства, отдѣленные отъ него обширными равнинами пустыннаго «Дикаго Поля», вольные казаки попытались создать свою жизнь по своей волѣ. Это были люди съ твердымъ и независимымъ характеромъ, которые не могли и не желали мириться съ государственными и соціально-экономическими порядками Московскаго царства. Великій исходъ изъ московской Руси людей, не желавшихъ стать рабами, искавшихъ свободы въ раздольи степей, далъ впослѣдствіи великой Россіи бассейны рѣкъ Дона, Яика (Урала), нижней Волги, Терека, великихъ Сибирскихъ рѣкъ, далъ всю Сибирь вплоть до Тихаго Океана, до Берингова пролива....

Исторія русскихъ колоній, какъ таковыхъ, еще никѣмъ не написана. Когда она появится, въ ней видное мѣсто отведено будетъ вольной Донской колоніи. Ея судьбы замѣчательны не только тѣмъ, что ея граждане въ теченіе вѣковъ проливали свою кровь во имя русскаго общенаціональнаго дѣла, прикрывая Россію съ юга отъ татаръ и турокъ, а также, со времени покоренія Казани, участвуя во всѣхъ войнахъ, которыя вела Россія со своими врагами. Да, блестяща военная исторія Донского казачества! Интересны боевыя его лѣтописи!... Но не менѣе ихъ интересна исторія донской гражданственности, соціально-политическая исторія Дона.

Въ эпоху, когда на развалинахъ федераціи древне-русскихъ княжествъ и сѣверо-русскихъ республикъ, укрѣплялось самодержавіе царей московскихъ, исконное русское начало народоправства возродилось къ новой жизни въ первобытныхъ по устройству казачьихъ демократіяхъ на Дону, на Яикѣ, на Терекѣ и, временно, на Волгѣ. Всѣ онѣ, въ конечномъ счетѣ, были поглощены великой метрополіей, «освоены» ею, утратили свой государственный характеръ и сохранились лишь, какъ соціальныя общины и военно-служебныя организаціи. Но изъ

этихъ вольныхъ великорусскихъ колоній на долю Дона выпалъ жребій — создать государственный организмъ наиболѣе совершенный изо всѣхъ казачьихъ демократій Юго-Востока. Кто знаетъ политическое прошлое Дона, тотъ легко пойметъ, почему, въ эпоху развала россійской государственности, въ 1917—1920 г. г., Донъ проявилъ высокую степень національнаго самосознанія и государственнаго пониманія, почему такъ легко и быстро съорганизовалась Донская республика, замѣнившая собою, на мѣстѣ, общероссійскую государственную власть.

Главные періоды, на которые можно разбить политическую исторію Дона, опредѣляются, какъ внутренними измѣненіями въ строѣ колоніи, такъ и измѣненіями въ отношеніяхъ Дона къ Россіи. Съ 1549-го по 1720-е годы Донъ является государствомъ и, одновременно, республикой. Съ 1720-хъ годовъ и до 1917 г. Донъ является провинціей Россіи. Съ 1917 по 1920 годъ Донъ снова становится государствомъ, снова республикой.

Въ зависимости отъ измѣненія взаимоотношеній колоніи и метрополіи, исторію Дона можно раздѣлить на слѣдующіе періоды: 1) періодъ независимости и союзныхъ отношеній, случайно, на время войнъ съ общимъ врагомъ, возникающихъ (1549—1614). Отношенія эти прерываются блокадой, объявленной со стороны Москвы Дону въ 1600 году. Въ Смутное Время граждане колоніи принимаютъ видное участіе въ дѣлахъ метрополіи. Борьба казачества и дворянства заканчивается побѣдой дворянства, но не полной и нерѣшительной.

Второй періодъ вассалитета (1614—1671), когда колонія сохраняетъ и развиваетъ свое народоправство, но вступаетъ добровольно въ регулярныя сношенія съ метрополіей, оказывая ей военную помощь, получая за то постоянную субсидію («жалованіе»). Международная правоспособность Дона подвергается нѣкоторому, хотя и слабому, ограниченію. Возстаніе Разина знаменуетъ собой новую попытку казачества измѣнить государственный и общественный порядокъ въ метрополіи.

Третій періодъ (1671—1721) — есть періодъ государственной автономіи, когда Донъ, послѣ присяги, которую вынуждены были Донскіе казаки принести Алексѣю Михайловичу, входитъ въ составъ Россійскаго Государства, сохраняя свое республиканское устройство. Столкновеніе царскаго самодержавія и донского народоправства (возстаніе Булавина) ведетъ, въ конечномъ счетѣ, къ потерѣ колоніей ея государственнаго характера (1721) и ея республиканскаго устройства (отмѣна выборныхъ атамановъ въ 1723 г.).

Четвертый періодъ областной автономіи (1721—1775) очень интересенъ для историка права. Власть отъ Круга переходитъ къ «собранію старшинъ». Аристократическое правленіе старшинъ подавляется самодержавіемъ атамана, превращаю-

шагося понемногу въ какого-то «великаго герцога донского». Чрезвычайно оригинальное положеніе создается на Дону, когда первый назначенный царскою властью атаманъ Данила Ефремовъ (1738—1753) испрашиваетъ соизволеніе передать атаманскую власть по наслѣдству своему сыну Степану (1753—1772). Послѣдній входитъ въ столкновеніе съ центральной властью (1772). Екатерина II побѣждаетъ самодержавнаго атамана, равно какъ и Пугачева, защитника казачьихъ вольностей, вождя послѣдней схватки казачества съ дворянствомъ (1775). Указомъ 15 февраля 1775 г. учреждается Войсковое Гражданское Правительство, даются нѣкоторыя права старшинѣ и вводится частичное имперское право. Автономія въ нѣкоторыхъ обломкахъ существуетъ до 1835 года.

Пятый періодъ (1775—1797) — длится 22 года и заканчивается временнымъ, по капризу Павла I, возстановленіемъ областной автономіи. Но вскорѣ-же назначеніе Войскового Прокурора (не изъ Донцовъ), реформы Войсковой Канцеляріи (1800, 1802, 1804), прикрѣпленіе Донскихъ крестьянъ (1796 г.), признаніе части дворянскихъ правъ за казачьей старшиной (1797), организація Платовымъ «сословія» донскихъ «чиновниковъ» (1804), — все это вводитъ на Дону черты губернскаго управленія и начала дворянскаго крѣпостническаго строя. Прежнее вольное казачество, хотя и остается лично свободнымъ, но превращается въ закабаленное государству служилое казачество.

Шестой періодъ — переходный (1797—1835) — ознаменованъ волненіями крестьянства (1820), работами чиновничьяго комитета (1819) о выработкѣ «положенія» о Войскѣ.

Седьмой періодъ — это эпоха 1835—1917 г. г., когда Донъ является «областью по особымъ учрежденіямъ управляемой». Этими «учрежденіями» является «Положеніе объ управленіи Войска Донского», изданное въ 1835 году, съ добавленіями къ нему. «Положеніе» регламентировало всѣ стороны жизни Войска и казачества, опредѣлило казачій пай въ 30 дес., превратило атамана въ «военнаго губернатора», позже въ генералъ-губернатора, по его правамъ, и всю жизнь казака поставило въ зависимость отъ усмотрѣнія начальства. Съ 1848 г. атаманы стали назначаться обязательно не изъ Донцовъ.

«Эпоха великихъ реформъ» принесла уничтоженіе выборной администраціи, освобожденіе донскихъ крестьянъ (1861), новые суды (1872), замѣну схода станицы собраніемъ лишь домохозяевъ (1870), а потомъ однихъ десятидворныхъ и ограниченіе правъ станичнаго самоуправленія. Земство просуществовало не долго (1876—1882).

Царствованіе Александра III принесло Дону присоединеніе Приазовья (1887); уничтоженіе земства (1882); усиленіе дисциплинарной власти начальства надъ казаками внѣ военной службы и почти полное уничтоженіе станичнаго самоуправленія

(1891). Нѣкогда вольные граждане республиканской колоніи превратились въ поселенное служилое войско типа аракчеевскихъ поселеній, хотя и нѣсколько смягченнаго. Вся власть, нѣкогда выборная сверху до низу, замѣнена повсюду назначаемой; въ станицахъ же — утвержденіемъ угоднаго начальству кандидата. Всѣ особенности Дона въ отношеніи военнаго управленія и внутренняго распорядка воинскихъ частей уничтожены. Всѣ т. наз. «привилегіи» Дона сведены на нѣтъ.

Царствованіе Николая II оставило неприкосновенными порядки, установившіеся къ 1894 году. Внутреннія соціальныя противорѣчія обострились. Избирательныя права казачества, не слишкомъ широкія при выборахъ въ I-ю и II-ю Думу, урѣзаны закономъ 3 іюня 1907 г. Ни Войсковой Кругъ, ни земство не возрождены къ жизни. Донскіе депутаты всѣхъ 4-хъ Думъ отчетливо и ясно поставили предъ Правительствомъ вопросы о войсковой землѣ, о самоуправленіи и о казачьей службѣ. Но проведенный ими въ 1912 году черезъ Государственную Думу законопроэктъ о донскомъ земствѣ, несмотря на то, что онъ былъ написанъ примѣнительно къ реакціонному Положенію 1890 г., отвергнутъ Государственнымъ Совѣтомъ. Совѣщательное собраніе представителей отъ станицъ (1909 г.), созванное для дачи отзыва по частичному вопросу, касавшемуся войсковой земли, болѣе не созывалось.

Февральскій переворотъ 1917 г. сдѣлалъ Донъ автономной провинціей Россійской республики съ казачьимъ Войсковымъ Кругомъ и выборнымъ (послѣ 194 лѣтняго перерыва) Атаманомъ. Вслѣдъ за переворотомъ 25 октября (7 ноября) 1917 г. въ Петроградѣ, Донской Атаманъ Калединъ провозгласилъ принятіе Войсковымъ Правительствомъ на себя всей полноты власти. Войсковой Кругъ 5-го созыва 4 декабря 1917 г. провозгласилъ Донъ «автономной провинціей», но, уже черезъ 6 дней, вынужденъ былъ присвоить Войсковому Правительству — «всю полноту исполнительной Государственной власти въ Области».

10 декабря 1917 г. Донъ сталъ, несмотря на оговорки, самостоятельнымъ государствомъ. Попытка созданія власти на началахъ равномѣрнаго въ ней участія войскового и не войскового населенія («паритетъ») не удалась. Совѣтъ же Народныхъ Комиссаровъ отнесся къ Дону, какъ къ мятежной провинціи.

12 февраля 1918 года государственная власть Дона перестала существовать. Метрополія снова овладѣла колоніей, на этотъ разъ подъ краснымъ знаменемъ Россійской Соціалистической Федеративной Совѣтской Республики. Донской Военно-Революціонный Комитетъ (боевая организація большевиковъ-коммунистовъ) объявилъ выборы по четырехстепенной системѣ: 1) въ хуторскіе совѣты, 2) оттуда въ станичные (волостные), 3) затѣмъ въ окружные и, наконецъ,

4) въ Областной Съѣздъ Совѣтовъ, собравшійся въ Ростовѣ на Дону, 3 апрѣля 1918 г. Болѣе назначенный, нежели избранный, Съѣздъ провозгласилъ Донъ — Донской Совѣтской Республикой, во главѣ которой долженъ былъ стоять избираемый съѣздомъ Донской Центральный Исполнительный Комитетъ и, при немъ, Донской Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ. Эта организація осталась на бумагѣ, такъ какъ въ 20-хъ числахъ апрѣля противобольшевистскія части заняли и Новочеркасскъ, и Ростовъ.

28 апрѣля (11 мая) 1918 г. собраніе представителей Донскихъ войсковыхъ частей, изгнавшихъ большевиковъ, провозгласило себя «Кругомъ спасенія Дона». 3 (16) мая Кругъ принялъ на себя «всю полноту верховной власти», создавши, такимъ образомъ, и фактически, и юридически, новое государство, подъ именемъ: «Всевеликое Войско Донское». Въ тотъ же день избранъ былъ и атаманъ П. Н. Красновъ. 4 (17) мая Кругъ утвердилъ «Основные законы Всевеликаго Войска Донского». Эта суверенная республика просуществовала до февраля 1920 г., когда ея государственные органы (Атаманъ, Правительство и Кругъ) вынуждены были, наступленіемъ совѣтскихъ войскъ, покинуть предѣлы Дона. Конституція 4 мая 1918 года была замѣнена болѣе демократическими «Основными Законами Всевеликаго Войска Донского», 15 (28) сент. 1918 г. принятыми казачьимъ Войсковымъ Кругомъ 4-го созыва, подъ предсѣдательствомъ В. А. Харламова. 6 (19) февраля 1919 г. на мѣсто Краснова, Атаманомъ избранъ А. П. Богаевскій. Организаціи Донского государственнаго народнаго представительства отъ всего населенія осуществить не удалось.

Въ концѣ 1917 г. сдѣлана была попытка созданія Юго-Восточнаго Союза (изъ автономныхъ провинцій Дона, Кубани и Терека и національно-территоріальныхъ организацій народовъ Сѣв. Кавказа). Эта конфедерація стала уже создавать союзные исполнительные органы, но не осуществилась вслѣдствіе побѣды большевизма. Предсѣдателемъ Союза былъ Харламовъ.

Въ іюнѣ 1919 г. создана была «Конференція для созданія союза государственныхъ образованій Юга Россіи» (т. н. «Южно-Русская Конференція»). 15 (28) іюня 1919 г. представители Дона, Кубани и Терека подписали союзный договоръ, но не было создано ни федеративнаго, ни конфедеративнаго союзнаго органа. Идея федераціи Дона, Кубани и Терека, Азербейджана, Грузіи, Арменіи и областей, занятыхъ Добровольческой Арміей, не осуществилась. Совѣщаніе Конференціи съ представителями Главнокомандующаго вооруженными силами на Югѣ Россіи ген. Деникина (сент.—декаб. 1919 г.) признало, въ принципѣ, необходимость единой Южно-Русской власти, автономію Дона, Кубани и Терека и занялось детальной разработкой предѣловъ автономіи краевой власти.

Новой попыткой объединить власть на Юго-Востокѣ было

созданіе конфедераціи Дона, Кубани и Терека, съ союзнымъ законодательнымъ органомъ, въ формѣ «Верховнаго Круга Дона, Кубани и Терека», который просуществовалъ съ 4 (14) января 1920 г. до конца февраля того же года. Кругъ этотъ не уничтожилъ существованія Донского и Терскаго Круговъ и Кубанской Рады. Результатомъ соглашенія Верховнаго Круга съ ген. Деникинымъ было образованіе «Южно-Русскаго Правительства», съ Н. М. Мельниковымъ во главѣ, подавшаго въ отставку по прибытіи въ Крымъ (мартъ 1920 г.).

Эвакуированный окончательно въ февралѣ 1920 г. Донъ сталъ провинціей Р. С. Ф. С. Р., въ которой введена была система совѣтскихъ учрежденій. Почти половина территоріи прирѣзана была къ новымъ, образованнымъ по сосѣдству, совѣтскимъ губерніямъ.

Таковы были политическія судьбы вольной колоніи, созданной въ половинѣ XVI-го вѣка вольнымъ казачествомъ. Грядущее переустройство Россіи снова поставитъ на очередь вопросъ о мѣстѣ Донского края въ составѣ Россійскаго государства, о правахъ Донского казачества. Подробный очеркъ развитія государственнаго и административнаго права на Дону, въ связи съ исторіей политическихъ движеній въ предѣлахъ края, является и своевременнымъ, и настоятельно необходимымъ.

Глава II.

Возникновеніе казачества служилаго и вольнаго.

Казачество, какъ мы его себѣ представляемъ, ведетъ свое начало съ XV-го вѣка. Причинъ его возникновенія было нѣсколько: это были причины политическія, соціально-экономическія и, наконецъ, просто политико-экономическія. Вольные казаки были членами вольныхъ же общинъ, сложившихся внѣ предѣловъ Московскаго и Польско-Литовскаго государствъ и разросшихся до предѣловъ небольшихъ государствъ, гражданами вольныхъ республиканскихъ колоній Юга и Юго-Востока. Указавши на отличіе вольнаго казачества отъ служилаго, жившаго въ предѣлахъ государства, мы будемъ въ дальнѣйшемъ говорить исключительно о вольномъ казачествѣ, о гражданахъ Донской колоніи, упоминая лишь мимоходомъ о другихъ казачьихъ демократіяхъ.*)

Политически, возникновеніе казачества и республиканскихъ колоній Юго-Востока, т. е. великорусскихъ казачьихъ республикъ, можно объяснить слѣдующимъ образомъ. Великая федерація русскихъ земель, объединившихся подъ верховен-

*) Судьбы ихъ заслуживаютъ отдѣльнаго очерка для каждой (Терекъ, Волга и, особенно, Яикъ).

ствомъ великихъ князей кіевскихъ, была разрушена вторженіемъ и двухвѣковымъ владычествомъ татаръ. На долю великихъ князей Московскихъ выпало осуществленіе великой національной задачи — собрать снова русскія земли подъ властью, на этотъ разъ, не только номинальнаго, но и фактическаго вождя. Къ половинѣ XVI вѣка Москва закончила эту задачу по отношенію къ великорусскимъ землямъ. Новое государство сложилось въ унитарное царство съ самодержавнымъ царемъ во главѣ (1546 г.). Лишились своего политическаго существованія и стали провинціями царства не только прежнія княжества (послѣднимъ — великое княжество рязанское, въ 1520 г.), но и торгово-промышленныя республики Новгорода (1478), Вятки (1489), Пскова (1509). Ведя тяжкую борьбу съ внѣшними врагами, московская государственная власть все болѣе принимала форму военной диктатуры. Старинное начало народоправства въ его примитивной формѣ уступало мѣсто абсолютизму. Было бы наивно сказать, что казачьи демократическія колоніи основались внѣ предѣловъ Московскаго царства, какъ поселеніе сознательныхъ гражданъ, въ частности новгородцевъ, покинувшихъ родину во имя республиканскихъ идеаловъ.*) Но можно утверждать, что русскій народъ, свободно организовавшійся вдали отъ московской власти, естественно, создалъ свои колоніи на основѣ традиціоннаго народоправства. Можно допустить, что, послѣ разгрома Новгорода Іоанномъ IV въ 1561 г., нѣкоторое, хотя и весьма незначительное, количество бѣглецовъ изъ этого бывшаго республиканскаго центра достигло низовьевъ Дона и растворилось въ Донскомъ Казачествѣ.

Политическія причины не имѣли особаго значенія въ созданіи новыхъ колоній. Гораздо большее значеніе имѣли причины соціальныя, общественныя. Во имя интересовъ государственной обороны московское правительство щедро раздавало черныя и дворцовыя земли съ тяглымъ ихъ населеніемъ служилымъ помѣщикамъ и вотчинникамъ. «Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ возникновенія привилегированныхъ земельныхъ хозяйствъ былъ переходъ крестьянъ отъ податного самоуправленія и хозяйственной самостоятельности въ землевладѣльческую опеку и въ зависимости отъ господскаго хозяйства». Лишенныя права самостоятельнаго владѣнія и пользованія своею землею тяглые люди стали искать себѣ новыхъ земель на окраинахъ, по преимуществу южныхъ. Желая удержать крестьянъ, помѣщики и монастыри прибѣгали къ экономическому закабаленію крестьянства. Земледѣльческій трудъ все болѣе становится источникомъ закабаленія свободнаго работника. Тяглое населеніе бросало государево тягло ,боярскій дворъ и господскую

*) Это отмѣчаетъ еще Лесюръ въ своей „Исторіи казаковъ“ (Парижъ, 1814, т. I, 215—216), возражая Шторху. Ошибку Шторха повторяетъ Х. И. Поповъ, который родоначальниками Донцовъ считаетъ новгородскую вольницу. См. „Краткій очеркъ дон. казачества“, Новочеркасскъ, 1907, с. 8.

пашню, «брело розно», уходило за предѣлы государства, унося съ собою чувство вражды къ тому государственному строю, который постепенно лишалъ его земли и свободы. Тысячи людей покидали насиженныя мѣста и уходили на «украины» Московскаго государства и за его предѣлы.*)

Закрѣпощеніе труда и личности крестьянина въ Московской Руси было одной изъ главныхъ причинъ созданія вольнаго казачества и постояннаго пополненія его рядовъ «новоприходцами», «сошедшими на Донъ».

Наконецъ, нельзя не указать еще на одну причину созданія казачества, не отмѣченную еще историками, причину — такъ сказать — политико-экономическую. XVI вѣкъ былъ періодомъ окончательнаго перехода большей части Московской Руси къ занятію земледѣліемъ. За исключеніемъ крайняго сѣвера и крайняго юга земледѣліе одержало побѣду надъ другими отраслями народнаго производства. Въ писцовыхъ книгахъ эпохи пашенныя угодья далеко перевѣшивали собою землю, назначенную для другихъ хозяйственныхъ цѣлей. Бобровые же гоны, бортные ухожаи, соляныя варницы и даже рыбныя ловли отступали все далѣе на сѣверъ и югъ.**) Далеко не всѣ хотѣли мѣнять трудъ охотника на трудъ земледѣльца. Эти люди уходили въ нетронутыя и неиспользованныя еще мѣста ловить рыбу въ рѣкахъ Юго-Востока, бить дикаго звѣря въ лѣсахъ восточной Россіи и на обширной равнинѣ Дикаго Поля, тянувшагося отъ Днѣпра и за Волгу. Быть можетъ, вкусъ къ освоенію даровыхъ силъ природы обострялся подъ вліяніемъ того, что земледѣльческій трудъ на Руси все болѣе становился средствомъ закабаленія экономическаго, соціальнаго и политическаго.

Пролетаризованное крестьянство, лишившееся земли или покинувшее ее, составило главное ядро казачества. Государство безъ особой симпатіи смотрѣло на «утеклецовъ», покинувшихъ, тягло, «избывавшихъ тяготы». Оно звало ихъ «загонными людьми», «шарполниками», «ворами», но чаще всего «гулящими людьми».***)

Съ его точки зрѣнія, это были люди, не принадлежавшіе къ опредѣленному сословію, не несущіе тяготы, возложенной на сословія царства.

«Гулящіе люди», въ свою очередь, питали малую симпатію къ государству, которое было для нихъ жестокой мачехой. Они нанимались иногда въ батраки на работу, не брезговали разбоемъ, но главнымъ занятіемъ ихъ былъ «промыселъ» — охота,

---

*) Платоновъ „Очерки по исторіи смуты". СПБ. 1910. стр. 155, 171, 175.

**) Рожковъ. „Городъ и деревня въ русской исторіи", изд. 6-е. Москва, 1920, стр. 38—39.

***) Акты Историческіе, т. I, стр. 433—434; бродящихъ по Дону рязанцевъ Иванъ III въ 1501 г. звалъ „заполянами" (за Полемъ). „Памятники дипломат. сношеній Моск. государства съ Крым. и Нагайск. Ордами", т. I, Сб. Р. И. О., т. 41, стр. 366.

рыбная ловля. Выходя на «украины» и за предѣлы царства, «гулящіе люди» объединялись въ «ватаги», промышленныя товарищества, или же въ «станицы».

Во главѣ станицы стоялъ выборный «атаманъ», при немъ былъ выборный же «есаулъ» или «молодшій товарищъ», исполнитель велѣній атамана. Всѣ дѣла станицы рѣшались въ «Кругу», собраніи всѣхъ членовъ общины. Выходя въ Дикое (т. е. никому не принадлежащее) Поле, станица могла столкнуться съ такими же вольными «гулящими людьми», въ частности съ татарами. Поэтому «гулящимъ людямъ» приходилось организоваться и вооружаться по военному, становиться профессіональными воинами. И, вотъ это, именно, качество — военнаго человѣка — придало «гулящему человѣку» названіе казака.

Казакъ не былъ только бѣглымъ крестьяниномъ, пролетаріемъ и эмигрантомъ по соціальнымъ причинамъ. Онъ былъ казакомъ потому, что, отправляясь въ Поле, на охоту, рыбную ловлю и «за зипуномъ», онъ становился воиномъ. Въ началѣ — «погулять на Полѣ», «уйти въ молодечество», «казаковать» — было лишь временнымъ занятіемъ «гулящаго», а иногда и служилаго человѣка, жившаго на украинѣ Московскаго государства. «Показаковавши» человѣкъ возвращался съ «добычью» въ предѣлы царства продать ее и пожить въ волю. Энтузіасты казачества, готовые одѣть самого Адама въ штаны съ лампасами, относятъ появленіе казачества ко временамъ весьма отдаленнымъ. Они правы въ томъ отношеніи, что и Кіевская Русь знала такихъ «добрыхъ молодцовъ», вольныхъ людей, которые, подобно казакамъ, вели непрестанную войну съ степными хищниками своего времени. Примѣръ тому — куряне, «свѣдомы кмети» изъ «Слова о полку Игоревѣ». Но казачество, въ томъ смыслѣ, какъ мы его понимаемъ, было явленіемъ, начало которому положено въ первой половинѣ XV вѣка.

Древнѣйшее извѣстіе о казачествѣ говоритъ о казакахъ рязанскихъ, оказавшихъ своему городу услугу въ столкновеніи съ татарами въ 1444 году. Эти, именно, рязанскіе казаки и явились, повидимому, первыми Донскими казаками. По крайней мѣрѣ, въ наказѣ в. кн. Ивана III вел. княгинѣ рязанской Агриппинѣ (1502) мы читаемъ о томъ, чтобы казнить тѣхъ, кто «ослушается и пойдетъ самодурью на Донъ въ молодечество».*)

Ослабленіе и раздѣленіе Орды облегчило, нѣсколько, выходъ въ Дикое Поле казакамъ съ «украинъ» Московскаго и

*) Иловайскій. „Исторія Россіи“, М. 1890, т. III, стр. 382; также „Памятники диплом. сношеній съ Крымъ.“, Сб. Р. И. О., т. 41, стр. 413. Для проводовъ черезъ Донъ къ Азову нанимали рязанскихъ казаковъ, „которые бы на Дону знали...“, чтобы послать отъ ея, Аграфены (в. кн. рязанской) „людей, отъ заполянъ, лиха никотораго не было...“ (стр. 366). В. Н. Татищевъ считалъ родоначальниками донскихъ казаковъ не рязанцевъ, а мещерскихъ (русскихъ казаковъ, которые удалились изъ „Мещоры“ при „царѣ Іоаннѣ I“ (т. е. при Грозномъ), который перевелъ на ихъ мѣсто ногайцевъ. Русскіе-же казаки основали свой городокъ на правомъ берегу р. Дона,

Польско-Литовскаго государствъ. Краковскій каноникъ начала XVI вѣка, оставившій намъ описаніе «Сарматіи», такъ пишетъ о Дикомъ Полѣ своего времени: «Широко раскинулись степи Аланіи, покинутыя какъ Аланами, такъ и послѣдующими пришельцами. Иногда только пересѣкаютъ ихъ казаки, ищущіе, по обычаю своему, «кого поглотити». Ибо живутъ они грабежомъ, никому не подвластные, и пробѣгаютъ обширнѣйшія степи, объединяясь въ шайки по 10, 20, 60 и т. д. человѣкъ . . .» *)

Среди «польскихъ», т. е. бродившихъ на Полѣ казаковъ, были казаки и татарскіе: ордынскіе и азовскіе.**)

Самое имя «казакъ» заимствовано у татаръ, которые давали это названіе всаднику съ легкимъ вооруженіемъ. Что касается казаковъ, то въ 1468 г. упоминаются казаки въ Москвѣ; татарскіе казаки на русской службѣ — мещерскіе и городецкіе (касимовскіе) съ 1493 г. Сѣверскими, «украинскими» и «севрюками» звались казаки изъ бывшаго княженія Сѣверскаго, поселенные въ Черниговѣ, Новгородѣ-Сѣверскомъ, Стародубѣ, Путивлѣ, Рыльскѣ. Они упоминаются съ 1531 г.***)

Московское Правительство, быстро колонизовавшее южныя украины государства, рано оцѣнило воинскія достоинства казачества и привлекло его на свою службу. Когда казаковъ «прибирали» на царскую службу въ одиночку изъ «гулящихъ людей», то они служили подъ начальствомъ «головъ» и сотниковъ, назначаемыхъ отъ правительства. Взятые на службу цѣлыми отрядами, они имѣли своихъ выборныхъ атамановъ, которымъ поручался дальнѣйшій «приборъ» казаковъ на службу. Эти атаманы имѣли честь, равную съ казачьими и стрѣлецкими головами. Казаки составили четвертый разрядъ русской конницы, легкую конницу, вооруженную саблей, пикой и лукомъ (впослѣдствіи пищалью). Обыкновенно, этихъ «служилыхъ» казаковъ селили при городахъ, строившихся на южной окраинѣ государства, давали имъ жалованье, «испомѣщали»

„гдѣ нынѣ Донской монастырь“, ниже Тулучѣева 16 верстъ, ниже ст. Калитвенской 86 верстъ, ниже Новопавловска 114 в. Низовые-же казаки, будто-бы, потомки запорожцевъ (1.000 ч.), которые остались на Дону отъ отряда въ 5.000 ч., приходившаго подъ Астрахань, на помощь русскимъ, подъ командою Мих. Вишневецкаго. Татищевъ, „Лексиконъ Росс. ист., геогр. и пол.“, СПБ. 1793, ч. II, стр. 167, 170.

*) Матвѣй Миховъ (р. 1456, ум. 1523). Mattiaca Michow. „Descriptio Sarmatiarum“ (Collectio script. polon., Warszawa, 1761, t. I, cap. XII.

**) Первыя упоминанія о казакахъ въ Крымской ордѣ встрѣчаются въ 1474 г., въ Волжской — съ 1492 г., въ царствѣ Казанскомъ — съ 1491 г., въ Астраханскомъ — съ 1502 г., въ Азовѣ — съ 1499 г., въ Аккерманѣ — съ 1515 г. „Историческое описаніе земли Войска Донского“, Новочеркасскъ, 1903, стр. 3.; Сб. Р. И. Общ., т. т. 41 и 95; Lesur, „Histoire des Kosaques“, Paris, 1814, I, p. 185, 217.

***) Ханъ Крымскій Менглы-Гирей, приходившій войною на Ши-Ахмета въ 1501 г. и построившій крѣпость на Усть-Тихой-Сосны, просилъ союзника своего Ивана III: „ты-бъ казаковъ своихъ послалъ улусовъ его (Ши-Ахмета) воевать . . .“ Сб. Р. И. Общ., т. 41, стр. 369. Такимъ образомъ, количество служилыхъ казаковъ вел. князя Московскаго было уже довольно велико для набѣговъ на улусы Орды.

землею. Поэтому ихъ звали «помѣстными» казаками, но чаще всего «городовыми». Таковы были казаки — Курмышскіе, Темниковскіе, Шацкіе, Алаторскіе, Пронскіе, Воронежскіе и т. д.

Иногда бывало, что московскіе воеводы, явясь съ отрядомъ на мѣсто, гдѣ указано было ставить «городъ» (т. е. новую крѣпость), находили мѣстность уже занятой вольными колонистами, опередившими колонизацію правительственную. Тогда они, начиная работы, приказывали «со всѣхъ рѣкъ атаманамъ и казакамъ лутчимъ быти къ себѣ въ городъ». Государевымъ именемъ они «жаловали» имъ, т. е. укрѣпляли за ними, ихъ «юрты» (земли), затѣмъ переписывали и записывали на службу.*)

Жалованье служилымъ казакамъ давалось или деньгами, или хлѣбомъ (въ города, не успѣвшіе завести своей пашни). Служилое казачество вѣдалось «Разрядомъ» или Разряднымъ приказомъ, въ вѣдомствѣ коего состояли, вообще, всякія воинскія дѣла, постройка крѣпостей, снабженіе ихъ гарнизонами, и всѣ служилые люди (отъ бояръ до низшихъ чиновъ) въ отношеніи ихъ къ воинской службѣ. Съ 1628 по 1646 годъ упоминается Казачій приказъ, вѣдавшій и «кормовыхъ» и «бѣлопомѣстныхъ» казаковъ.**) Но Донскіе казаки никогда не вѣдались въ Казачьемъ Приказѣ.

Глава III.

Основаніе Донского Войска.

Донское войско, о которомъ мы пишемъ, до 1721 года ничего не имѣло общаго съ «служилымъ» казачествомъ. Донскіе казаки были люди вольные, члены вольной общины, граждане республиканской колоніи. Въ актахъ эпохи именуются Донскими «вольными» казаками. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, которое отмѣтилъ еще Сухоруковъ въ 1820 г.***) До появленія общины Донскихъ казаковъ, быть можетъ, иногда называли Донскими служилыхъ казаковъ, приписанныхъ къ городамъ, изъ которыхъ отправлялись на Донъ станицы для провѣдыванія вѣстей о татарахъ и возможномъ набѣгѣ ихъ на Русь. Такъ, въ началѣ 1549 г. посолъ Іоанна IV долженъ былъ передать ногайскому князю Юсуфу, которому не доброжелательствовалъ царь (ханъ) крымскій, отъ имени Іоанна: «Я, по дружбѣ вашей ко мнѣ, пове-

*) Бѣляевъ, „О русскомъ войскѣ въ царствованіе Мих. Федор.“, М. 1846, стр. 17—21; Платоновъ, „Очерки“, изд. 3-е, стр. 93.

**) „Бѣлопомѣстными“ назывались казаки, владѣвшіе землями безъ платежа податей. „Акты Ист.“, III, 90. Совершенно неразработанный матеріалъ о служиломъ казачествѣ заключается въ „Актахъ Моск. Государства“, изд. Акад. Наукъ, подъ ред. Н. А. Попова, ст. 1890 и слд., т. I-III. Кое что есть въ юбилейномъ изданіи „Столѣтіе Военн. Министер.“ т. XI, ч. и.

***) „Историч. описаніе“, 1903, с. 8.

лѣлъ моимъ путивльскимъ и Донскимъ казакамъ крымскіе улусы воевать». Подтвержденіемъ этой мысли служатъ и акты Земскаго Собора 1621 года, въ коихъ упоминаются какъ подлежащіе мобилизаціи («разбору») по случаю войны съ Польшей, между прочимъ, не только «Бѣлгородскіе, Воронежскіе, Елецкіе, Ливенскіе помѣщики, атаманы и казаки», но и «Донскіе Атаманы и казаки, которые живутъ въ Путивлѣ и въ Рыльскѣ.*) Около 1571 года, на Дону, у Галичьихъ горъ (приблизительно у нынѣшняго Задонска), стояли лѣтомъ для дозору «Донскіе (казачьи) головы» приходившіе сюда изъ Шацка. Равнымъ образомъ, въ Донецкія сторожи изъ Путивля и Рыльска посылались на лѣто сторожа. Если этихъ городовыхъ казаковъ и звали иногда «Донецкими» казаками, то они ничего общаго не имѣли съ тѣми «Донецкими вольными казаками», которые осѣли по Донцу, подобно тому, какъ «Донскіе головы» изъ Шацка не были Донскими вольными казаками.

Въ 1520-хъ г. г. Донъ былъ еще пустъ. Великій князь Московскій уговаривался съ султаномъ о встрѣчѣ русскаго и турецкаго пословъ на Дону при впаденіи въ него Хопра или Медвѣдицы; на случай же несогласія о мѣстѣ «съѣзда», «люди великаго князя» должны были «провожать коньми» своего посла до Азова, а «салтановы люди» своего посла то-же «коньми» — отъ Азова «до украины великаго князя». Въ 1530-хъ годахъ нападенія людей, бродившихъ въ Полѣ, на крымцевъ, ногайцевъ и на русскихъ вынудили великаго князя московскаго, хана крымскаго и князей ногайскихъ давать взаимныя обѣщанія ловить и казнить этихъ «баловней-казаковъ».**)

---

*) Собраніе Гос. Грам. и Дог., т. III, с. 227 и 233. Въ 1630 г. „били челомъ государю изъ Путивля донскіе верстаные, безпомѣстные и неверстаные кормовые атаманы Баженко Семеновъ, да Гаврилка Еремѣевъ, и эсаулы и казаки", всего 146 чел., просили продолжать имъ „мѣсячный (денежный) кормъ" и хлѣбъ изъ житницъ. Были пожалованы государевымъ жалованьемъ противъ прежняго («кормовыя деньги и за хлѣбъ деньгами»). Акты М. Госуд., т. I, с. 316-7. Въ 1635 г. путивльскіе дворяне и дѣти боярскіе просили, чтобы съ отписками посылали не ихъ однихъ, а и „донскихъ и жилыхъ казаковъ", Акты М. Госуд., т. II. с. 10. Въ 1659 г. поминаются лишь „путивльскіе полковые казаки", тамъ-же, т. II, с. 641. Неверстаные казаки были, очевидно, вольные донскіе казаки, а верстаные — изъ донцевъ-же, ставшіе служилыми, „жилыми". Бывали случаи верстанія и испомѣщенія отдѣльныхъ охочихъ донскихъ казаковъ. Такъ, въ 1660 г. за Конотопскій бой нѣкоторые донскіе казаки получили къ прежнимъ окладамъ по 50 чети и денегъ по 3 руб., Акты М. Гос., т. III, с. 35. Двѣсти тридцать донскихъ казаковъ въ Смоленскѣ и сто чел. въ Быховѣ были пожалованы государевымъ жалованьемъ, пожелали „жить" въ этихъ городахъ и получили „на дворовое строенье". Короткое время ихъ именовали „смоленскими донскими казаками". Въ Бѣлгородѣ, въ 1660 г., поминаются „Орѣшковскіе донскіе казаки", рядомъ со „старыми донскими казаками". Всѣ они: и путивльскіе, и рыльскіе, и смоленскіе, и орѣшковскіе — всѣ были служилыми, а не вольными донскими казаками. Акты М. Гос., т. III, с. 35, 55, 98, 99, 112; ср. т. II, с. 363.

**) Въ 1501 г. дорога отъ Москвы шла по рр. Пронѣ и Хуптѣ до Рязкаго поля, затѣмъ полемъ до Рясы, откуда снова былъ водный путь. Навстрѣчу послу высылали людей на усть-Воронежа. Сб. Р. Ист. Общ., т. 95, с. 689, 690, т. 41, с. 412.

До половины XVI вѣка масса гулящаго народа на московскихъ украинахъ пребываетъ въ состояніи броженія: у казачества не замѣтно ни внѣшнихъ центровъ, ни общей организаціи. Къ серединѣ XVI вѣка казачество начинаетъ собираться въ нѣсколькихъ центрахъ въ организованныя объединенія. Еще въ 1538 г. в. к. Іоаннъ Васильевичъ отвѣчалъ на жалобы ногайскаго мирзы Келмагмеда: «Лихихъ гдѣ нѣтъ? на Полѣ ходятъ казаки многіе: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки; а и нашихъ украинъ казаки, съ ними смѣшавшись, ходятъ, и тѣ люди, какъ вамъ тати, такъ и намъ тати.» Въ 1546 г. воевода изъ Путивля уже доноситъ: «нынѣ, государь, казаковъ на Полѣ много и черкасцовъ, и кіянъ, и твоихъ государевыхъ; вышли, Государь, на Поле изо всѣхъ украинъ.» Въ іюнѣ 1549 г. Юсуфъ, князь Ногайскій, жалуется царю на грабежъ, который учинили татарскимъ купцамъ «ваши казаки севрюки, которые на Дону стоятъ». Въ октябрѣ того же года Юсуфъ пишетъ: «холопи твои, нѣхто Сары-Азманъ словетъ, на Дону въ трехъ и четырехъ мѣстахъ города подѣлали... Да нашихъ людей и пословъ стерегутъ, да разбиваютъ».

Это письмо Юсуфа — п е р в о е, до сихъ поръ, извѣстіе о городкахъ, поставленныхъ донскими казаками на Дону. Государство Россійское, устами царя, отреклось отъ Донцовъ, говоря, что «тѣ наши холопи въ нашей землѣ многое лихо учинили и... убѣжали на Поле», и что царь повелѣлъ ихъ «добывать» и казнить. Въ 1551 г. султанъ писалъ ногайскому князю Измаилу: «русскаго царя Ивана лѣта пришли... и мнѣ отъ нево обида великая: Поле — де все и рѣки у меня поотымалъ, да и Донъ отъ меня отнялъ, да и Азовъ — городъ упустъ у меня доспѣлъ, поотымалъ всю волю въ Азовѣ, казаки его съ Азова оброкъ емлютъ и воды изъ Дона пить не дадутъ... А Крымскому царю... какую-де соромоту казаки его (Ивана) учинили, пришедъ Перекопъ воевали; да сво же де казаки Астрахань взяли... Да царя же Ивана казаки у васъ Волге оба берега отняли... Да ты же бы, Смаилъ-Мирза, пособилъ моему городу Азову отъ царя Ивана казаковъ...» *) Призывая ногайцевъ на защиту Ислама отъ поступательнаго движенія Руси на югъ, султанъ рисовалъ значительные успѣхи казачества. Изъ этого документа видно, что Донскіе казаки не только осѣли въ низовьяхъ Дона, но и стали тяжелыми сосѣдями для турецкаго Азова.

Нѣкоторые историки не придаютъ значенія сообщеннымъ выше фактамъ. По мнѣнію Платонова, въ 80 г. г. XVI вѣка «на Дону образовался постоянный центръ низового казачества — т. н. Раздоры, городокъ на сліяніи Дона съ Сѣв. Донцомъ...» «Верховые же казаки, раскинувшіеся на громад-

*) „Ист. Описаніе“, 1893, с. 7, 11; П л а т о н о в ъ, „Очерки“, с. 108-9.

номъ пространствѣ отъ Путивля и Бѣлгорода до нижней Волги, жили и дѣйствовали въ полной разобщенности...» «Донская община, получившая въ XVII вѣкѣ опредѣленное устройство, въ XVI вѣкѣ только еще зарождалась; она не захватывала въ свой составъ не только всѣхъ жившихъ на Полѣ казаковъ, но даже и всѣхъ собственно донскихъ. Верховые донскіе юрты и городки и казачество прочихъ рѣкъ и рѣчекъ жило въ розни, даже во взаимной враждѣ...»*)

Другіе, какъ Владимирскій-Будановъ, говорятъ, что «выходцы изъ государства (московскаго), большею частью недовольные новымъ государственнымъ строемъ, основывали свободныя казацкія общины, ведя борьбу съ татарами на свой собственный рискъ, и, наконецъ, въ низовьяхъ Дона сплотились въ одну большую Землю, которая вступила въ союзъ съ московскимъ государствомъ, не теряя своей самостоятельности; но въ 1549 году донскіе казаки уже именуются подданными, и затѣмъ земля ихъ инкорпорирована государствомъ съ незамѣтною постепенностью...»**)

Такимъ образомъ, Владимирскій-Будановъ относитъ основаніе «Земли Донскихъ казаковъ» ко времени до 1549 года. Не касаясь здѣсь вопроса о взаимоотношеніяхъ между метрополіей и колоніей, мы должны сказать, что неправы и Платоновъ, и Владимирскій-Будановъ. Первый не считается съ тѣмъ, что отлично знали и помнили сами донскіе казаки, еще въ началѣ XVII вѣка о созданіи Войска Донского. Въ отпискѣ 1632 г. царю Михаилу Ѳеодоровичу они ссылались на свои 80-ти лѣтнія службы Россіи и противопоставляли свою колонію — метрополіи,***) именно, какъ одну государственную организацію другой. Неправъ Платоновъ и въ отношеніи того, что Донская община не объединяла всѣхъ донскихъ казаковъ. Несомнѣнно, Волжскіе казаки создали свою собственную общину, независимую отъ Дона и менѣе совершенную въ смыслѣ организаціонномъ. Дѣйствительно, Донецкіе казаки составляли особую общину, небольшую по количеству людей, независимую отъ Москвы, равно какъ и отъ Дона.[1]) Но верховые Донскіе казаки «тянули» къ низовому казачьему центру и слушались его, подобно тому, какъ въ

*) Платоновъ, „Очерки“, с. 110, 111, 113.

**) Владимирскій-Будановъ. — „Обзоръ ист. рус. права, 1904, с. 116. Лесюръ, ссылаясь на польскіе источники (Andr. Cellarii „Descriptio Poloniae“, p. 597), полагаетъ, что около 1549 г. или за нѣсколько времени до взятія Астрахани, Донскіе казаки отдались подъ покровительство Россіи, получивши привилегіи на земли, рѣки, ловли, куреніе вина и на самоуправленіе. Lesur, T. I, p. 221.

***) Отписка 26 мая 1632 г. въ „Сбор. Обл. В. Дон. Стат. Комит.“, т. XIII, с. 160 и сл.

[1]) Донецкіе казаки не присягали царю. См. ту же отписку 1632 г. О Донецкихъ казакахъ см. „Акты Моск. Государства“, т. I, с. 163. Жили они по верхнему Донцу и по Осколу. Часть ихъ вошла въ XVII в. въ составъ Донскихъ, часть — въ составъ слободскихъ казаковъ.

Кіевской Руси «пригороды» тянули къ главному городу Земли и не выходили изъ его воли. Что-же касается Яицкаго Войска, то это была колонія Дона, основанная въ 1586 г. выходцами изъ Донской общины и «тянувшая» къ Войску Донскому болѣе 100 лѣтъ.*)

Съ другой стороны, полное отсутствіе свѣдѣній о какой-либо осѣдлой организаціи Донскихъ казаковъ до 1549 г., заставляетъ отвергнуть взгляды Владимирскаго-Буданова, Костомарова, Лесюра. Ключевскій полагаетъ, что «во второй половинѣ XVI вѣка, когда казачество запорожское только еще начинало устрояться, Донское является уже устроеннымъ».**)

Такимъ образомъ, можно считать, что донская колонія создалась въ 1549 году. Вопросомъ о томъ, что представляла изъ себя и какъ создалась донская казачья республика, занимались лишь мѣстные донскіе историки. Такъ, Пудавовъ рисовалъ Войско Донское, какъ «совокупность военныхъ общинъ, живущихъ станицами (станами, городками), проникнутыхъ духомъ братства и разумной федеративности».***) Изъ его дальнѣйшихъ разсужденій видно, что, по его мнѣнію, Донская республика создалась путемъ федерированія, объединенія снизу, ряда уже существовавшихъ казачьихъ общинъ или станицъ.

Другой казачій историкъ, А. А. Леоновъ, пишетъ: «Община Донскихъ казаковъ образовалась не изъ отдѣльныхъ, независимыхъ, хотя и небольшихъ общинъ, сошедшихся вмѣстѣ и заключившихъ между собою отдѣльныя условія, извѣстный договоръ, для достиженія общей цѣли; не изъ отдѣльныхъ бродячихъ жилыхъ станицъ составилось великое Донское войско. Нѣтъ! Войско возникло изъ среды единой, нераздѣльной общины, родилось на данномъ пунктѣ по своей волѣ и безусловно». Затѣмъ уже, по мнѣнію Леонова, войско выдѣлило изъ себя отдѣльныя, зависящія отъ него общины. [1]) «Войско, говоритъ Леоновъ, было всегда единымъ и нераздѣльнымъ по составу и духу своему».

Правъ Леоновъ, а не Пудавовъ, такъ какъ никогда и никакого федеративнаго договора, даже безмолвно, никакія казачьи общины на Дону между собою не заключали. Войско Донское всегда было республикой единой и нераздѣльной. Но Леоновъ ошибается, думая, что всѣ станицы на Дону выдѣлились изъ единой первоначальной общины. Въ дѣйствительности несомнѣнно существовало на Дону уже нѣсколько общинъ, когда возникла общая организація, каза-

---

*) Дополн. къ Акт. Ист., т. X, с. 72; Дружининъ, „Расколъ на Дону“, с. 34.

**) Ключевскій — „Курсъ рус. ист.“, ч. III, М. 1908, с. 133.

***) Пудавовъ. — „Дон. Войск. Вѣдомости“, 1862, N. 37, с. 209, и его-же „Исторія Войска Донскаго и старобытность началъ казачества“, Новочерк., 1890, в. I; т. II в. 2 (1818).

[1]) Леоновъ. — „Дон. Войск. Вѣд.“, 1862, N 39—40.

чья республика замѣтныхъ размѣровъ подъ именемъ «Войска Донского». Эта организація возникла въ серединѣ XVI-го вѣка или въ Раздорахъ, или въ низовьяхъ Дона. Точно мы не знаемъ пункта ея возникновенія. Она образовалась путемъ случайнаго или обусловленнаго какими-нибудь военными соображеніями скопленія въ одномъ мѣстѣ значительной массы вольнаго казачества. Эта организація приняла названіе Войска Донского. Авторитетъ этой организаціи былъ признанъ безмолвно окрестными станицами, жившими или бродившими вблизи. Это тѣмъ болѣе понятно, что фактически Войско составилось изъ членовъ этихъ самыхъ общинъ, съѣхавшихся въ наиболѣе крупномъ и удобномъ пунктѣ. Въ первый моментъ, съѣхавшіеся врядъ ли задавались иными цѣлями, кромѣ осуществленія крупнаго военнаго предпріятія (напримѣръ, набѣга на Азовъ).

Итакъ, я полагаю, что естественное и постоянное, изъ года въ годъ повторяющееся скопленіе казаковъ въ наиболѣе крупномъ городкѣ и повело къ созданію Войска. Первоначальная организація Войска была лишь немногимъ болѣе сложной, чѣмъ организація отдѣльной станицы, ватаги. Всѣ вопросы рѣшались на общемъ собраніи Войска, въ Кругу. Авторитетъ Войска былъ такъ великъ, власть его на Дону такъ сильна, что оно, естественно, стало единой общиной Донскихъ казаковъ, а всѣ *другія* станицы, сохраняя свое бытіе, безпрекословно подчинились авторитету Войска, вошли въ его составъ, какъ подчиненныя части.

Каковы-же были основные элементы новаго государства, сложившагося вдали отъ метрополіи? Какъ велика была его *территорія*? Изъ кого состоялъ *народъ* Донской республики? Что представляла изъ себя *власть*, управлявшая Дономъ? И, наконецъ, каковы были *взаимоотношенія великой метрополіи и вольной колоніи*? Таковы вопросы, на которые долженъ быть данъ отвѣтъ.

Глава IV.

Территорія Дона.

Войско Донское представляло изъ себя въ XVI—XVII в. в. военно-демократическую республику. Эта республика была особымъ, отдѣльнымъ отъ Московскаго царства, государствомъ, имѣла *свою* территорію, *свой* народъ и *свою* власть. Территорія Войска Донского опредѣлилась уже въ самомъ началѣ его существованія. Это былъ бассейнъ рѣки Дона, кромѣ его верховьевъ и бассейны рѣкъ — Бузулука, Хопра, Медвѣдицы и Донца. Историческія измѣненія въ границахъ Войска были сравнительно незначительны. Страна, лежавшая за рѣкой Дономъ, къ югу, была пустынна: тамъ до 1784 г. кочевали ногай-

скіе татары. Крайней границей Войска на западъ долгое время было мѣсто сліянія р. Дона съ р. Аксаемъ. Фактически, несмотря на существованіе при выходѣ Дона въ море, мощной турецкой крѣпости Азова, казаки ловили рыбу и въ «гирлахъ» (дельтѣ) Дона, а были періоды, когда они (въ XVI в. и въ 1637—1614 г. г.) владѣли и Азовомъ, взявши его съ бою. На западъ отъ устья Дона они владѣли, фактически, землями до р. Калміуса и перебирались даже за нее. На востокѣ, сперва, граница была довольно неопредѣленной. Здѣсь колонизація Волги казаками (носившими здѣсь названіе волжскихъ) столкнулась съ правительственной колонизаціей московскаго государства, которое, покоривши татарскія царства — Казанское и Астраханское, овладѣло опорными пунктами на великой водной артеріи. Оно построило на Волгѣ цѣлый рядъ крѣпостей, въ которыхъ поставило гарнизоны своихъ регулярныхъ войскъ — стрѣльцовъ и посадило своихъ воеводъ. Благодаря этой мѣрѣ, Донская колонія, которая могла бы стать твердою ногою на берегахъ Волги, была навсегда отрѣзана отъ этой рѣки. Выходъ казаковъ на Волгу былъ закрытъ.

Въ 1614 г., возстанавливая поколебленный Смутой порядокъ, воевода Астраханскій писалъ на Донъ: «будетъ которые Донскіе казаки похотятъ гулять по Волгѣ для рыбные ловли и для звѣровья и вамъ бы велѣти имъ пріѣзжати къ намъ въ Астрахань, и мы имъ учнемъ давати грамоты, по чему имъ на Волгѣ быти, а безъ грамоты бы ваши казаки на Волгѣ не были.*)

Что касается сѣверной границы, то московская правительственная колонизація не скоро еще подошла къ границамъ вольной колоніи, вышедшей столь далеко изъ границъ царства въ Дикое Поле. Мѣста, занятыя Донскими казаками, простирались по началу отъ низовьевъ Дона далеко до царской «украины» и доходили по Дону почти до теперешняго Воронежа, гдѣ имъ принадлежалъ Боршевскій Троицкій монастырь (осн. 1615 г.), а на сѣверо-востокѣ до такъ называвшихся «Шацкихъ воротъ», гдѣ на рѣкѣ Цнѣ находился другой, принадлежавшій имъ же Черніевъ-Никольскій монастырь (осн. 1573 г.). Насколько далеко къ сѣверу заходили разъѣзды донскихъ казаковъ, видно изъ грамоты царя Ѳеодора Іоанновича (1584), который просилъ Донцовъ проводить посланника своего въ Цареградѣ Благово «отъ Азова до Рязскаго города» (т. е. до Ряжска), «межъ себя городокъ отъ городка».**) Монастыри Боршевскій и Черніевъ были наиболѣе сѣверными пунктами Донской вольной колонизаціи, если не считать случайнаго по-

*) „Акты Ист.“, т. III, с. 36—7.

**) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. II, с. 86. Хар. Ив. Поповъ ошибочно полагаетъ, что казачьи городки шли до самого Ряжска. Ср. Х. Поповъ. „Кр. Очеркъ“, 1907, с. 5.

селенія ушедшихъ изъ Дона вольныхъ казаковъ въ Рязанскомъ краѣ, близъ гор. Данкова.*)

Однако, довольно скоро, правительственная колонизація Поля продвинулась на югъ, и монастыри оказались на царской «украинѣ». Московское правительство не нарушило взаимоотношеній между монастырями и Войскомъ и, до 1671 г., походатайству Войска, жаловало монастырямъ различныя привилегіи. Но, послѣ 1671 г., попытка монастырей уклониться отъ непосредственнаго управленія ими со стороны мѣстной духовной власти и обращеніе за защитою на Донъ, къ Донской власти, вызвала сперва рѣзкое заявленіе Москвы, что монастыри находятся внѣ компетенціи Донской власти, а затѣмъ и закрытіе ихъ (1685—1686 г. г.)[1].

Такимъ образомъ, если въ теченіе болѣе 100 лѣтъ, просуществовали островки Донскихъ владѣній въ предѣлахъ царской украины, то и московское правительство, первое время посылало дозоры и сторожи въ территоріи, ставшія затѣмъ неотъемлемой собственностью Дона. Въ XVI в., низовья Дона и С. Донца остаются, собственно, внѣ дозора городовыхъ, служилыхъ казаковъ. Изрѣдка лишь разъѣзды спускаются южнѣе Святыхъ Горъ на Донцѣ. Такъ, въ 1556 г. Даніилъ Чулковъ ходилъ внизъ по Дону до Азова. Передъ 1571 г. самыя близкія къ Приазовью сторожи — Донецкія — стоятъ на Святыхъ Горахъ, Бахмутскія — у устья р. Чернаго Жеребца, и Айдарская — у впаденія р. Айдара въ Донецъ. Въ эти Донецкія сторожи посылались сторожа изъ Путивля и Рыльска. Доходили онѣ до верховьевъ Тора и Міуса. Изъ Шацка, какъ мы знаемъ, казачьи головы ходили до нынѣшняго г. Задонска.

Въ 1570 г. сторожа была перенесена въ Усть-Богатаго-Затона (у нынѣшнихъ Лисокъ). Разъѣзды были съ 1-го апрѣля до перваго большого снѣга. Ѣздили здѣсь дозоромъ до Волжской переволокъ, до Мѣловыхъ горъ. Одному изъ 4 головъ, вѣдавшихъ дозорами, поручалось стоять на Дону въ Вежкахъ (очевидно, гдѣ теперь станица Вешенская) выше Медвѣдицы и Хопра и, переѣзжать «гряды на право за Донъ въ верхъ р. Айдару», «а на лѣво къ Волгѣ до Усть-Балыклея». Подъ 1578 г. говорится: «А мещерскимъ станицамъ ѣздити, по вѣстемъ... внизъ по Дону къ Клеткамъ (очевидно, гдѣ теперь станица Клетская) и до переволоки до Волжинскіе и ниже, гдѣ ходятъ ногайскіе люди въ Крымъ и изъ Крыму въ Ногаи». Въ выпискѣ 1573—1581 г. г.: «А иногда резанскіе станицы по-

*) Т. н. Казацкая Слобода, при г. Донковѣ, на берегу Дона, основанная 12-ю семьями казаковъ, пришедшими съ низовьевъ Дона. „Переселеніе крестьянъ Рязан. губ.“, М. 1884, с. 7. Слобода оставалася вольной все время своего существованія. Въ 1571 г. въ Донковѣ появились служилые казаки. Ихъ не приказано было посылать въ сторожи „докуды уселятца и пашню учнутъ пахати и льготу отсидятъ, на колько имъ дано“ „Акты М. Гос.“, т.I, с. 5.

сылаютъ внизъ по Донцу до Кумшка (Кумшака?) и до Раздоровъ Донецкихъ и до Азова».*)

Послѣдняя четверть XVI-го вѣка, особенно же время правленія, а затѣмъ и царствованія Бориса Годунова, ознаменовано энергичнымъ продвиженіемъ Московскаго государства въ предѣлы Дикаго Поля и первыми столкновеніями съ вольной Донской колоніей.

Въ 1586 г. основываются Ливны, Елецъ, Воронежъ (послѣдній: «не доѣзжая 2 днищъ до Богатаго Затона»). Въ 1593 г. дѣлается новое продвиженіе впередъ: основываются Осколъ и Волуйки, далеко выдвинувшіеся на югъ опорные пункты. Въ 1598 г. ихъ подкрѣпляютъ Бѣлгородомъ. Наконецъ, въ 1600 г. строится г. Царевъ-Борисовъ, опорный пунктъ для борьбы метрополіи съ Донской колоніей.

Смута останавливаетъ надолго движеніе Московской Руси на югъ. Только въ 1643 г. строится Усердъ, на прямой линіи между Воронежомъ и Волуйками, на р. Тихой Соснѣ. Въ 1644 г. станичные разъѣзды доѣзжаютъ по Донцу до Усть-Айдара и до Сокольихъ горъ. Такимъ образомъ, на 100 лѣтъ крайними южными пограничными (украинными) городами Московской Руси становятся Воронежъ и Волуйки. Къ югу отъ нихъ по теченію Дона, до нынѣшней ст. Аксайской («Кобяково городище») и по лѣвымъ его притокамъ, отдѣленная отъ Руси еще незанятой частью Дикаго Поля лежитъ Земля Донскихъ казаковъ, страна «вольныхъ казачьихъ городковъ», «казачьево присуду», или — говоря языкомъ современнаго государственнаго права — Донская республика. Такова была граница Дона въ XVI—XVII вѣкѣ на сѣверѣ.

Съ запада лежали степи, отдѣлявшія Войско Донское, великорусскую колонію отъ Запорожья, вольной республиканской колоніи Малороссіи. Запорожскіе казаки, охотясь на дикаго звѣря и отправляясь для рыболовства на берега Азовскаго моря, заходили за р. Кальміусъ, доходили до устьевъ Дона, и въ 1576 г. Павлюкъ, кошевой запорожскаго низового войска, испросилъ у польскаго короля Стефана Баторія грамоту на землю «до самой рѣки Дону, гдѣ еще до Прецлова Ланцкорунскаго казаки запорожскіе свои зимовники имѣли». **) Однако, прошло еще болѣе полутора вѣка, прежде чѣмъ Донскіе казаки столкнулись съ запорожцами у береговъ Азовскаго моря изъ за земельныхъ владѣній. Разграниченіе Донцовъ съ Запорожцами произошло въ 1746 г.

*) Бѣляевъ. — „О сторожевой, станичной и полевой службѣ на Польской украинѣ Моск. Гос.“, М. 1846, с. 6, 15, 16, 26, 31, 35; А. Яковлевъ „Засѣчная черта Моск. Гос. въ XVII в. Очерки изъ исторіи обороны южной окраины Моск. Гос.“, М. 1916, с. 319: также В. Н. Сторожевъ.

Ср. Миклашевскій „Къ исторіи хозяйств. быта Моск. Госуд.“, М. 1894, с. 114—115. Въ 1629 г. ниже Борщева монастыря Донъ пустъ до верхнихъ казачьихъ городковъ. Также „Акты Моск. Гос.“, СПБ., 1890 т. I, с. 6 и слѣд.

**) Скальковскій. — Исторія Новой Сѣчи“, т. I, ст. 12—14.

Что касается разграниченія земель Войска Донского и Московскаго царства, то оно произошло насильственнымъ и кровавымъ путемъ и закончилось поглощеніемъ колоніи. Великая самодержавно-крѣпостническая метрополія и вольная ея колонія подошли вплотную другъ къ другу къ началу XVIII в.

Царство Московское не столько нуждалось въ новыхъ земляхъ для правительственной колонизаціи, сколько пошло войною на самый укладъ вольной жизни своей колоніи. Самодержавнѣйшій Петръ Великій, тогда еще царь Великія и Малыя и Бѣлыя Руси, и атаманъ Кондратій Булавинъ, выборный президентъ Донской республики, помѣрились силами... Метрополія побѣдила свою колонію. Помимо послѣдствій для политическаго строя Дона, Войско Донское лишилось одного милліона десятинъ земли. Верховыя рѣки Хопра были отрѣзаны царемъ къ Воронежской губерніи. По р. Айдару, по верховьямъ р. р. Донца, Лугани, Деркула, по Иловлѣ, по Калитвамъ было уничтожено 44 казачьихъ городка. Земли по р. Айдару отошли къ острогожскимъ казакамъ; земли по р. Донцу съ Бахмутскими солеварнями — къ Бахмутской провинціи.

Но и послѣ этой своего рода «аннексіи» главный массивъ земли Донскихъ казаковъ остался въ ихъ безспорномъ обладаніи. Въ XVI и XVII вѣкѣ Московское царство не предъявляло никакихъ притязаній на Донскія казачьи земли. Для Москвы — Донская колонія была землею, лежащей в н ѣ предѣловъ царства, за линіей «украинныхъ городовъ». Московское юридическое мнѣніе отличалось своеобразнымъ формализмомъ, особенно, въ области притязаній на увеличеніе территорій или правъ царства. И всего лишь въ одномъ актѣ, и то адресованномъ не Донскимъ казакамъ, мы встрѣчаемъ намекъ на какія-то притязанія Москвы на Донскія земли, точнѣе на земли, еще отдѣлявшія Донъ отъ царства. А, именно, въ переговорахъ 22 марта 1652 г. съ Иваномъ Искрою, посломъ гетмана Украины Богдана Хмѣльницкаго, мы находимъ приглашеніе «итти на Царскаго Величества сторону, а у Царскаго Величества въ Московскомъ Государствѣ земли великія, и пространныя, и изобильныя, поселиться имъ (украинцамъ) есть гдѣ, а податно имъ поселиться по рѣкамъ, по Дону и по Медвѣдицѣ, и прочимъ угожимъ и пространнымъ мѣстамъ».*)

Впрочемъ, это — единственный извѣстный намъ случай, когда московскіе бояре предлагали кому-либо земли Донского казачества, вѣрнѣе, верховья «запольныхъ» рѣчекъ Донского бассейна.

На основаніи какого титула владѣли казаки своими землями? На основаніи права перваго занявшаго (jus primae occupationis), на основаніи права завоеванія. Читая лѣтописи

*) „Собр. Гос. грамотъ", т. III, с. 473.

Донского казачества, видишь непрерывныя кровавыя войны казаковъ съ окрестными народами, съ ханствомъ Крымскимъ (около 240 лѣтъ, до самого 1782 г.), съ ногайскими татарами (до 1790-хъ г. г.), съ калмыками, наконецъ, съ турками. Или война, или мирная жизнь въ состояніи полной боевой готовности. Только въ 1780-хъ г. г. отмѣняются мѣры военной охраны станицъ на Дону, отмѣняется военная охрана обозовъ, шедшихъ за Донъ (за солью на Манычъ и т. п.). Никто не даровалъ, да и не могъ даровать Донскому казачеству его территорію. И когда монархи Россіи стали «жаловать» своими грамотами Донскимъ казакамъ право на владѣніе ихъ землями по Дону, Хопру, Медвѣдицѣ и т. д., то это было лишь признаніемъ съ ихъ стороны существовавшаго факта. Среди Донского казачества сохранилось преданіе о жалованной грамотѣ Іоанна IV на владѣніе Дономъ. Преданіе связываетъ исчезновеніе этой грамоты съ эпохой Петра I, нанесшаго роковой ударъ Донской государственности. Я сомнѣваюсь въ существованіи этой грамоты. Я полагаю, что легенда о царской грамотѣ появилась тогда, когда Войско Донское стало препираться изъ-за окраинныхъ своихъ земель съ сосѣдями, подошедшими вплотную: съ служилымъ казачествомъ малороссійскаго происхожденія, съ вольными запорожскими казаками, съ великороссійскими военными властями, управлявшими территоріей Приазовскаго края. Но, если даже Іоаннъ Грозный и далъ подобную грамоту Донской казачьей общинѣ, то онъ призналъ лишь совершившійся помимо его воли и повелѣній фактъ.

Казачьи поселенія именовались «городками». Строились они по теченію главныхъ рѣкъ, укрѣплялись тыномъ и терновыми плетнями или глубокими рвами и земляными валами съ (деревянными) башнями. Въ городкахъ казачество, долгое время остававшееся холостымъ, жило въ «куреняхъ» или «избахъ», довольно помѣстительныхъ, хотя и легкихъ постройкахъ. Оттуда названіе станицы Пятиизбянской, въ которой при основаніи было, очевидно, пять такихъ казармъ. Впослѣдствіи, когда казаки стали жениться на плѣнныхъ татаркахъ и другихъ инородкахъ, или же вывозить женъ съ украинъ, отъ «родимцовъ», и жить отдѣльными семьями, отдѣльный казачій дворъ также сталъ называться «куренемъ».

Мы не знаемъ именъ тѣхъ 3—4 городковъ, которые построили донцы въ 1549 г. подъ Азовомъ. Въ 1570 г. указывается на крайній къ Азову пунктъ, занятый Атаманскою станицей подъ Кобяковымъ городищемъ. Туда, именно, посылалъ со своею грамотою Іоаннъ IV (17 авг. 1570 г.) «казачья атамана Микиту Мамина, да Молчана Яковлева съ товарыщи...» На старинныхъ западно-европейскихъ картахъ постоянно указывается въ XVII вѣкѣ ниже Черкасской станицы «Атаманскій городокъ». Въ 1571 г. упоминаются Раздоры, при впаденіи Донца въ Донъ; около того же времени городокъ

Митякинъ, на Донцѣ. Въ 1593 г. — Манычъ и Черкасской. Въ 1594 г. Монастырскій или Нижній Городокъ, на Монастырскомъ яру, пониже нынѣшней ст. Старочеркасской. Въ 1595 г. городокъ Медвѣдицкой (нынѣ ст. Усть-Медвѣдицкая), при впаденіи въ Донъ р. Медвѣдицы. Въ 1613 г. — Курманъ-Яръ и Пять Избъ на Дону. Съ 1614 г. упоминаются въ актахъ многіе городки. Въ 1672 г. ихъ насчитывается на одномъ Дону 52 городка, не считая прочихъ «запольныхъ» рѣкъ.

Столица Войска была, повидимому, въ Атаманскомъ городкѣ, потомъ «главнымъ войскомъ« (главнымъ станомъ войска) стали Раздоры. Около 1622 г. «главное войско» перешло въ Монастырской городокъ (на Монастырской Яръ), ближе къ Азову, и здѣсь пробыло 15 лѣтъ. Съ 1637 по 1642 годъ столица была во взятомъ у турокъ Азовѣ. Въ декабрѣ 1641 г. атаманъ станицы, присланной въ Москву, сообщалъ, что Донскіе казаки «стоятъ нынѣ отъ Раздору въ верхъ по дальнимъ городкамъ и по юртамъ, а на весну съѣзжаются всѣ вмѣсто и Государю служатъ заодно».

Въ 1642 г., когда царь не принялъ отъ казаковъ Азова, они вышли оттуда «на старыя свои мѣста» и «учали жить» войскомъ «на Махинѣ островѣ», съ центромъ въ томъ же Монастырскомъ городкѣ.*) Однако, имъ пришлось на годъ или два (1643—1644) перейти въ Раздоры. Начиная же съ 1645 г. столицею Войска сталъ городокъ, а затѣмъ и «городъ» Черкасской, составившійся изъ 11-ти станицъ. Здѣсь пробылъ центръ Войска до 1805 года, когда былъ основанъ г. Новочеркасскъ.

Глава V.

Народъ Дона.

Народъ Дона составляли Донскіе казаки, свободные граждане Донской республики. Что касается этнографическаго состава казачества, то главную его массу составляли, несомнѣнно, выходцы изъ Великороссіи. Въ низовьяхъ Дона вошла въ составъ Донского казачества довольно замѣтная, но быстро растворившаяся въ великорусской массѣ группа малороссовъ. Самое названіе одной изъ столицъ Донского казачества — Черкасской городокъ — свидѣтельствуетъ о малорусскомъ происхожденіи первыхъ ея насельниковъ. Въ первую эпоху въ составъ казачества входило нѣкоторое (небольшое) количество татаръ. Имя одного изъ первыхъ Донскихъ атамановъ — Сары-Азманъ — говоритъ о восточномъ его происхожденіи. Впослѣдствіи встрѣчаются въ составѣ Главнаго Войска (обитателей столицы Дона) небольшія группы «Чюровъ, Болдырей и Татаръ».

*) Собр. Госуд. Грам., т. III, с. 400, 402.

Чюры или Чуры, а также Болдыри, обозначаютъ одно и тоже понятіе: это — метисы, помѣсь русскихъ и инородцевъ (преимущественно же татаръ).

Татары были въ составѣ войска съ его основанія. Ихъ не принуждали креститься. Были они или изъ мещерскихъ казаковъ, или бѣглецы изъ Крыма и изъ Ногайской Орды. Въ XVII—XVIII вѣкѣ они были объединены въ особую группу. Именовались они «своими», «юртовыми», «жилыми» татарами. Служили честно и оказывали Войску серьезныя услуги въ сношеніяхъ съ единовѣрцами, подвластными Крыму и Ногайскимъ мурзамъ.*)

Калмыки вошли въ сношенія съ Донскимъ войскомъ впервые въ 1642 году, а въ 1648 г. заключили съ нимъ оборонительный и наступательный союзъ противъ Крыма. Отдѣльные бѣглецы зачислялись въ войско, а въ 1686 г. на Донъ перебѣжало до 200 кибитокъ (семействъ). Донскихъ калмыковъ звали иногда «юртовыми» и «базовыми». Съ 1803 г. они были поселены въ Задонской степи.**)

Помимо инородцевъ восточнаго происхожденія, входили въ войско понемногу и представители другихъ національностей: въ XVII вѣкѣ — поляки, грузины, греки; въ XVIII вѣкѣ — «шведы» (финны), нѣмцы и (въ XIX в.) даже одинъ французъ. Фамиліи Донскихъ казаковъ: Грековъ, Поляковъ, Грузиновъ, Калмыковъ, Болдыръ, Чуркинъ, Болдырей, Татаръ, Урусовъ, Татаркинъ, Татарченковъ, Татариновъ, Мурзинъ, Мурзенко, Волошениновъ, Жидковъ, — говорятъ о происхожденіи ихъ родоначальниковъ. Донскіе казаки — Миллеры — уже служилаго происхожденія. Подавляющее большинство Донцовъ — великороссы, православные. О малороссійскомъ происхожденіи говорятъ фамиліи: Черкашенинъ, Несвитаевъ, Хохлачъ, Панъ; но фамиліи, оканчивавшіеся на «ко», самими же носителями ихъ передѣланы были на «ковъ» (напр., Михайленковъ). Уроженцемъ Курляндіи (финскаго происхожденія) былъ атаманъ эпохи Смуты — А. Корела. Донское казачество быстро и легко ассимилировало всѣхъ «новоприходцевъ», дѣлая ихъ русскими по языку, православными по вѣрѣ и казаками по міросозерцанію.

Казаки съ первыхъ же моментовъ своей исторіи характеризуются высокимъ чувствомъ русскаго національнаго самосознанія. Неоднократно находимъ мы въ историческихъ актахъ свидѣтельство этому: они «природу свою» (т. е. русское происхожденіе) «всегда помнятъ», знаютъ свое «общее отечество». Они отбиваютъ оружіемъ и выкупаютъ изъ плѣна у татаръ рус-

*) Въ Черкасскомъ была особая „Татарская станица“, имѣвшая свою мечеть. Послѣ 1856 г. татары выселились группой въ Турцію.

**) Въ 1907 г, ихъ числилось 30.176 душъ обоего пола. „Крат. очеркъ“, Попова, стр. 14. Ср. Маслаковецъ „Стат. описаніе кочевья дон. калмыковъ“, Труды В. Д. Стат. Ком.“, т. VI.

скихъ «полоненниковъ», кормятъ ихъ на свой счетъ и для этого «деньги собираютъ съ своей братьи казаковъ, себя осудя» (1639).

Вступая въ борьбу съ турками, казаки призываютъ другъ друга «попомнить престолъ Ивана Предотечи, государевы милости, атаманской и молодецкой славы не потерять», «пострадать за истинную православную христіянскую вѣру».

Но тѣмъ не менѣе, казаки всегда, втеченіе всей своей исторіи, противополагаютъ себя, донцовъ — русскимъ, а Донъ — Руси. Броневскій въ 1830 г. пишетъ, что «отчужденіе донскихъ казаковъ отъ русскихъ и теперь замѣтно».*) Въ перепискѣ казаковъ съ Московскимъ правительствомъ мы всегда находимъ противоположеніе: «на Дону» и «на Руси». Въ одномъ изъ историческихъ актовъ 1640 г. читаемъ: «которые русскіе люди съ Дону отпущены къ Руси и тѣхъ русскихъ людей ворочаютъ въ Азовъ».**) Это странное смѣшеніе — подлиннаго русскаго національнаго чувства у казаковъ съ рѣзкимъ отмежеваніемъ отъ слова «русскій», именованіе себя казаками, не русскими — все это имѣетъ въ основѣ своей причины соціально-политическаго характера. Донъ — это убѣжище всѣхъ, кто былъ задавленъ московскимъ государственнымъ и общественнымъ строемъ, кто бѣжалъ отъ московскихъ порядковъ. Казаковъ объединяетъ любовь къ свободѣ политической, религіозной и индивидуальной, свободѣ отъ тягла и принудительной службы, вражда къ привиллегированнымъ землевладѣльческимъ классамъ, «лихимъ боярамъ», отвращеніе къ земледѣльческому труду, который велъ тогда къ закабаленію работника.

Соціальное неравенство московскаго государства вызвало въ казачествѣ обостренное сознаніе полнаго равенства и стремленіе къ нему. Общеизвѣстенъ отвѣтъ казаковъ русскому послу въ Константинополѣ Гр. Нащокину, ѣхавшему въ 1592 г. черезъ Донъ. Онъ привезъ въ даръ казакамъ сукна и, по московскому приказу, исходившему изъ глубоко укоренившагося понятія о неравенствѣ, «хотѣлъ, разверставъ, раздать лутчимъ добрые, а рядовымъ средніе, а инымъ рославскіе» (очевидно, рославскія сукна были третьяго сорта). «И они (казаки) говорили, что у нихъ большихъ нѣтъ никого, всѣ равны, и раздѣлятъ сами на все войска, по чему достанетца»***) —

Въ XVII вѣкѣ на предложеніе московскаго правительства прислать въ Москву, въ составъ посольства, «лутчихъ» людей, Донскіе казаки отвѣтили, что «лутчихъ людей у нихъ нѣтъ,

*) Т. I, с. 77.

**) „Донск. Дѣла“, т. II, с. 44. Атаманъ А. К. Денисовъ, въ концѣ XVIII вѣка отмѣчалъ, что всѣ донцы изстари „считаютъ себя однимъ народомъ“. Записки „Русс. Стар.“, 1874, V,с. 5—6.

***) „Истор. Описаніе“, с. 57.

всѣ они межъ себя равны: лутчіе — ково они, выбравъ Войскомъ, пошлютъ».*)

Въ соціальномъ отношеніи казачество, по происхожденію, представляло изъ себя весьма пеструю группу: здѣсь можно было встрѣтить и бывшихъ царскихъ стрѣльцовъ, и служилыхъ людей, и дворянъ. Всѣ они теряли свои титулы и фамиліи, оставалось лишь именованіе по отчеству или какая нибудь казачья кличка.**)

Котошихинъ, въ 1666—1667 г. г., писалъ о Донскихъ казакахъ: «а люди они породою москвичи и иныхъ городовъ, и новокрещенные татаровя, и запорожскіе казаки, и поляки, и многіе изъ нихъ московскихъ бояръ и торговые люди и крестьяне.» Въ одной отпискѣ царю, въ 1675 г., казаки писали: «А на твою государеву отчину, на рѣку Донъ, приходятъ къ намъ... всякихъ чиновъ люди и иноземцы, надѣючись на твою государеву премногую милость, и тѣми людьми твоя государская рѣка наполняется и служатъ тебѣ, великому государю, за едино». Въ 1592 г. среди фамилій атамановъ, на Дону встрѣчаются фамилія Воейковъ, старая дворянская. Но дворянъ попадало на Донъ очень мало.***)

Главную массу казачества составляли представители низшихъ сословій, въ особенности-же, крестьянства вольнаго или уходившаго на Донъ отъ закабаленія и холопства. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича свело во едино всѣ прежніе законы, закрѣпощавшіе крестьянъ помѣщикамъ. Съ другой стороны, царствованіе Алексѣя Михайловича ознаменовано грандіозными религіозными гоненіями на тѣхъ, кто, вопреки постановленіямъ господствующей церкви, не пожелалъ согласиться на исправленіе богослужебныхъ книгъ и на отказъ отъ старыхъ обрядовъ въ области вѣры. Люди, желавшіе вѣрить по своему, искали убѣжища на Дону, въ вольной колоніи русскаго народа, въ средѣ Донского казачества, и находили здѣсь свободу вѣры.

---

*) „Дон. Дѣла“, т. I, 660—661.

**) Иногда фамиліи казачьи указываютъ на происхожденіе ихъ изъ опредѣленной мѣстности: Мещерякъ, Калуженинъ, Стародубецъ, Трубчанинъ, Самарениновъ. Иногда онѣ происходятъ отъ имени городка: Богаевскій. Маноцковъ, Кумшацкій; или отъ мѣстности на Дону: Міюсскій. Иногда она подчеркиваетъ какое нибудь качество физическое или моральное: Картавый, Бедрищевъ, Ж-пинъ, Сухоруковъ, Хиловатый, Носъ, Ротъ, Косой. Скалозубъ, Хорошій, Смирный, Плохой. Болѣе оригинальныя клички: Лебяжья Шея, Долгая Пола, Вострая Игла, Чертовъ Усъ. О рыболовахъ говорятъ фамиліи: Ершовъ, Карасевъ, Стерлядевъ, Сула. О страданіяхъ отъ турокъ на галерѣ („каторгѣ“) говоритъ фамилія Каторжный. Для пролетарскаго происхожденія казачества характерны фамиліи: Голодный, Голый, Драный. Есть клички поносительныя: Дура, Ебалда и т. п. даже неудобьсказуемыя. Чаще же всего фамиліи происходятъ отъ имени собственнаго: Ефремовы, Харламовы, Васильевы и т. п. Ср. указатели при „Дон. Дѣла“, т. I—V; „Акты“ Лишина, т. I—III и т. п.

***) Х. И. Поповъ пытается доказать, что въ томъ-же 1592 г. былъ еще атаманъ кн. Трубецкой. На самомъ дѣлѣ, это былъ Трубецкихъ, т. е. бывшій человѣкъ или крестьянинъ кн. Трубецкихъ, а не князь Трубецкой.

Въ теченіе первыхъ ста лѣтъ своего существованія казачество пополнялось почти исключительно притокомъ взрослыхъ мужчинъ, покидавшихъ московское царство въ поискахъ политической, религіозной или соціальной свободы. Браки начались лишь въ XVII вѣкѣ, когда войско стало терять свой характеръ военнаго братства, своеобразнаго рыцарскаго ордена.

Въ первую эпоху существованія казачества никакихъ сословій на Дону не существовало. Всѣ были свободны, всѣ были равны между собою, всѣ были воинами, а въ мирное время охотниками и рыболовами.

До третьей четверти XVII вѣка занятіе хлѣбопашествомъ не было извѣстно на Дону. Въ 1685 г. тамбовскіе жители доносили царю о казакахъ: «напредъ сего по р. Хопру и по Медвѣдицѣ отнюдь пашню не пахивали и никакого хлѣба не сѣвали, а важивали хлѣбъ изъ русскихъ городовъ и кормилися звѣрми и рыбою, а нынѣ — де въ тѣхъ (казачьихъ) городкахъ, они (казаки) завели пашню; и слыша то, что они, казаки, пашню пашутъ и хлѣбъ сѣютъ, дворцовые, и помѣщиковы, и вотчинниковы, и монастырскіе крестьяне и бобыли и боярскіе холопи къ нимъ, казакамъ, бѣгаютъ.»*)

Еще въ 1690 г. хлѣбопашество на Дону воспрещалось подъ угрозой смертной казни войсковой грамотой.**) Причина этого, какъ мы указали выше, заключалась въ томъ, что земледѣльческій трудъ въ Россіи XVI—XVII в.в. велъ къ закабаленію свободнаго землепашца, къ рабству экономическому и личному.

Итакъ, казаки всѣ были люди свободные. Однако, еще въ XVIII в. существовалъ на Дону институтъ рабства. Рабами, хотя и въ весьма маломъ количествѣ, были плѣнники, называвшіеся на Дону татарскимъ словомъ «ясырь». Казаки брали плѣнниковъ исключительно для выкупа. Впослѣдствіи изъ «ясырокъ» стали они себя брать женъ. У знатныхъ казаковъ «ясырки» стали работницами, прислугою, и еще до начала XIX вѣка горничныхъ на Дону звали «ясырками». Казаки считали себя вправѣ убить невыкупленнаго раба или продать его въ Москву. Впослѣдствіи, когда началось на Дону скотоводство и земледѣліе, «ясыри» были пастухами и работниками на пашнѣ. Во второй половинѣ XVII вѣка представители казацкой старшины уже покупали «ясырей» у рядовыхъ казаковъ.***)

---

*) „Дополн. къ Акт. Истор.“, т. XII, с. 124.

**) „Труды Стат. Комит.“, вып. I, 1867 г., с. 73; Дружининъ „Расколъ“, с. 16.

***) „Дополн. къ Акт. Истор.“, XII, с. 198. Кромѣ своихъ же атамановъ, покупали „ясырей“ пріѣзжіе на Донъ торговые люди. Въ 1651 г. „для покупки полоняниковъ и всякія рухляди пріѣзжали на Донъ изъ государевыхъ городовъ торговые люди изъ Астрахани и изъ Царицына и изъ иныхъ изъ многихъ городовъ, и ясырь у казаковъ покупали рублевъ по 20, и по 30, и по 40 человѣка“ . . . Ист. Опис., с. 386.

По большей-же части, «ясырей» брали для «окупа». Мѣстомъ мѣновой торговли (товаръ на ясырей) былъ Окупной Яръ близъ турецкаго Азова. Тамъ же казаки выкупали и русскихъ полоненниковъ, угоняемыхъ татарами съ окраинъ Московской Руси. Вообще же говоря, рабство на Дону, въ XVI—XVII в. в., было мало распространеннымъ явленіемъ. Рабами становились плѣнные татары, турки, калмыки. Въ XVIII вѣкѣ прибавились плѣнные другихъ націй (напр., во время войнъ имп. Елизаветы съ Фридрихомъ Вел. и съ Швеціей даже пруссаки и финны). Въ спискѣ имущества, оставшагося послѣ казненнаго въ 1688 г. на Москвѣ Донского атамана Самойла Лаврентьева, мы находимъ гдѣ-то между «сапогами красными азовскими» и «шубой китайчатой на зайцахъ» также и «двухъ дѣвокъ татарокъ» и резолюція царя о нихъ: «отдать тѣхъ дѣвокъ нынѣшнему атаману,*) велѣть продать, а деньги послать въ Войско», войсковому атаману. Такимъ образомъ, «ясыри» трактовались, какъ вещь. Однако, личность раба на Дону была, во многихъ случаяхъ, ограждена. Рабъ могъ стать свободнымъ по волѣ господина. Даже противъ воля хозяина рабъ могъ быть освобожденъ по постановленію Круга. Такъ, въ 1675 г., была освобождена полонянка, донесшая на хозяина, который собирался учинить государственную измѣну — бѣжать въ турецкій Азовъ.**) Въ 1776 г. распоряженіемъ Войска была разведена плѣнная Туркеня Дарья, пожаловавшаяся на хозяина, что онъ выдалъ ее за своего крестьянина «съ принужденіемъ и съ причиненіемъ ей немалаго боя, безъ всякаго ея желанія».***)

Кромѣ рабовъ была на Дону довольно значительная группа лицъ, не принадлежавшихъ къ казачеству. Это были бѣглые изъ Великой и Малой Россіи, еще не принятые въ казаки, которыхъ акты той эпохи называютъ «бездольными людьми», «бурлаками». Послѣдній терминъ укрѣпился за этой категоріей людей. Изъ нихъ образовались «ватаги», группы работниковъ для ловли рыбы и варки соли. Наемный трудъ сталъ получать развитіе на Дону со средины XVII вѣка, въ особенности-же, въ связи съ начавшимся земледѣліемъ. Въ актахъ 1680 г. мы встрѣчаемъ упоминаніе о «работникахъ», «работныхъ людяхъ».[1])

Отчасти, это были на время пришедшіе изъ русскихъ городовъ на заработки: такъ «работный человѣкъ Вас. Зайка ходилъ съ Царицына на Донъ покормитца работой, въ казачьемъ Качалинѣ городкѣ жилъ въ куреняхъ у казака Гр. Кондратьева». Другіе же продолжали жить на Дону въ надеждѣ попасть въ казаки. Какъ рабы, такъ и наемные рабочіе,

*) Атаману зимовой станицы 1688 г., т. е. главѣ донского посольства.
**) Дружининъ „Расколъ на Дону“, с. 26, прим.
***) „Труды Стат. Ком.“, т. II, 1872 г., Матеріалы.
[1]) Дополн. къ Акт. Истор., т. XII, с 197, 214, 264.

и «бурлаки», не имѣли политическихъ правъ. Такъ, въ 1688 г. «работной человѣкъ Ермошка» показывалъ, что «жилъ у одного изъ старшинъ, работалъ черную работу, а не въ казакахъ служилъ и въ круги не хаживалъ».*) Не всегда находя себѣ пропитаніе на Дону, «бурлаки» были всегдашнимъ элементомъ соціальнаго броженія на Дону.

Среди казаковъ, воиновъ и охотниковъ-рыболововъ по преимуществу, мы не встрѣчаемъ ремесленниковъ. Ремеслами занимались исключительно приходившіе изъ царства на заработки на Донъ «посадскіе» и «боярскіе люди». Въ актахъ XVII вѣка мы встрѣчаемъ указанія на пришлыхъ кузнецовъ, сапожниковъ, шапочниковъ, серебрянныхъ дѣлъ мастеровъ и т. п.**) Число ремесленниковъ было незначительно.

Наконецъ, къ числу тѣхъ, которые получили, впослѣдствіи, наименованіе «иногороднихъ» не казаковъ, проживавшихъ на Дону, относились купцы. Сами казаки вели усиленную мѣновую торговлю, ѣздили въ Азовъ, въ «украинные» русскіе города съ военной добычей, съ рыбой, съ мѣхами. До начала разработки Манычской соли въ Задонской степи, казаки ѣздили за солью въ Царицынъ. Съ другой стороны, съ Воронежа, съ Ельца, съ Коротояка торговые и посадскіе люди везли на Донъ — вино, медъ, сырецъ, хлѣбные запасы, а съ Дону увозили рыбу. За тою же рыбою пріѣзжали и уполномоченные монастырей.***) Кромѣ русскихъ купцовъ проживали на Дону, преимущественно, въ столицѣ Войска — Черкасскѣ, иностранные купцы — греки, армяне. Французы, итальянцы (венеціанцы) появились на Дону лишь около средины XVIII вѣка.[1])

Всякій, не принятый въ казачье общество, но проживавшій въ казачьемъ городкѣ, носилъ на языкѣ казаковъ имя «тумы».[2]) Нужно еще разъ подчеркнуть, что донское казачество въ XVI—XVII в. составляло почти исключительное населеніе Донской колоніи и образовывало изъ себя въ соціальномъ отношеніи общину, въ которой было полное равенство правъ и обязанностей.

Община Донскихъ казаковъ не была федераціей станичныхъ общинъ. Все Войско владѣло всѣми землями, водами, рыбными ловлями, звѣриными гонами, лѣсами и прочимъ угодьями. Станицы казаковъ, жившіе по городкамъ, были лишь

---

*) Дружининъ, с. II, примѣч.

**) „Воронеж. Акты", кн. 3—я, с. 71—2; Доп. къ Акт. Истор., т. X, с. 430; т. XII, с. 152; Дружининъ, с. 20 примѣч. 64; Палласъ, т. I (фр. изд.), с. 227.

***) „Воронеж. Акты", кн. 3, с. 147, 177; Доп. къ Акт. Ист., XII, с. 185; Дружининъ, 1820.

[1]) Акты относящ. къ исторіи В. Дон., собран. ген.-м. Лишинымъ, Новоч. т. II, т. III, ч. I.

[2]) О „тумѣ" см. статьи: А. Полякова „Дон. Войск. Вѣд.", 1862, N 35—36. Пудавова — тамъ же.

подраздѣленіями единаго Войска, единой соціальной и политической организаціи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, существовали и въ первоначальномъ строеніи казачьей общины нѣкоторыя подраздѣленія казаковъ. Послѣдніе дѣлились на верховыхъ и низовыхъ. Первое названіе носили казаки, жители городковъ до городка Голубые, вверхъ по Дону, и его притокамъ, а второе — обитатели городковъ, ниже Голубыхъ лежащихъ. Преимущественное политическое и военное значеніе имѣли низовые казаки, въ земляхъ которыхъ находились послѣдовательно столицы Войска: Раздоры, Монастырскій городокъ, Черкасскъ. Сознаніе преимущественнаго своего значенія сказалось у низовыхъ казаковъ въ 1592 г., при слѣдующемъ случаѣ. До этого года цари Московскіе, посылая своихъ пословъ на Донъ, адресовали свои грамоты просто «Донскимъ Атаманамъ и казакамъ».*) Затѣмъ формула осложнилась, стали писать: «на Донъ, Донскимъ Атаманамъ и казакамъ, старымъ и новымъ, которые нынѣ на Дону и которые зимуютъ близко Азова» (грамота царя Ѳеодора Ивановича, 31 авг. 1584 г.). Грамота, вызвавшая негодованіе Войска, носила такой заголовокъ: «Отъ царя и великаго князя Ѳеодора Ивановича всея Русіи, на Донъ, Донскимъ атаманамъ верховымъ и низовымъ, Степану Ершову и всѣмъ атаманамъ и казакамъ верховымъ и низовымъ...» Казаки заявили послу Нащокину: «прежде сего государь... писывалъ къ намъ грамоты низовымъ атаманамъ лутчимъ имяны и всѣмъ атаманамъ и казакамъ низовымъ и верховымъ, а нынѣ — де писано на передъ атаманамъ и казакамъ — де верховымъ, а послѣ намъ, низовымъ, и то не имянно, а верховые-жъ казаки государевы службы и не знаютъ».**)

Объясненіе посла, что грамота была адресована сперва верховымъ казакамъ потому, что, плывя сверху по Дону, посолъ долженъ былъ встрѣтить въ первую очередь верховыхъ казаковъ, были признаны неудовлетворительными. Да и, дѣйствительно, низовые казаки были авангардомъ русской вольной колонизаціи, принимавшимъ на себя всѣ удары кочевниковъ и турокъ, верховые-же жили въ тылу.

Въ актахъ XVI—XVII в. в. встрѣчается часто различіе казаковъ «старыхъ» и «новыхъ». Новыми являлись тѣ, которые непрерывно пополняли ряды казачества, терпѣвшаго уронъ отъ войнъ. Проживши извѣстное время на Дону, они «застарѣвали» здѣсь, изъ «новыхъ», «молодчихъ», становились «старинными», «старыми» казаками, обзаводились извѣстной осѣдлостью, скотомъ и т. п. Такъ постепенно создавалось дѣленіе на группы: болѣе сильную соціально и болѣе вліятельную политически группу «старыхъ» казаковъ, съ одной стороны, и болѣе демо-

*) (Сухоруковъ). „Истор. описаніе земли войска Дон.“, 1903, с. 65 прим.
**) Грамота царя Іоанна IV, — 17 авг. 1571 г. „Матер. для ист. В. Дон.“ 1869 г., с. 3; Собр. Госуд. Грам., т. II.

кратическую группу «новыхъ» казаковъ, съ другой стороны. «Новымъ» казакамъ, «голыдьбѣ», пока они не обзаводились к. л. добромъ, не были свойственны к. л. особые политическіе идеалы. Въ 1614 г. въ отвѣтъ на убѣжденія поддержать Михаила противъ Заруцкаго, «иные казаки, молодые люди, говорили: «намъ бы гдѣ зипунами добуться....»*) Было это, правда, не на Дону, а на Волгѣ, но психологія у казачьяго пролетаріата была одинаковая.

Было бы ошибочно, однако, думать, какъ дѣлаютъ это нѣкоторые, что казачество было пролетаріатомъ ободранцевъ (Lumpenproletariat) и что казачьи идеалы въ эпоху всѣхъ народныхъ движеній были типичными идеалами люмпенъ- пролетаріевъ (голодранцевъ): желаніе мести, разрушенія, стремленіе «ограбить награбленное», перераспредѣлить цѣнности и «поровнять» всѣхъ. Такова была, молъ, теорія и практика казачества въ эпохи Смуты, Разиновщины, Пугачевщины. Какъ мы увидимъ далѣе, взглядъ этотъ неправиленъ. Казаки были представителями русскаго народа, пытавшимися построить общество и государство на иныхъ началахъ, нежели это было въ великой метрополіи. Они создавали трудовое товарищество, соціальную общину и государственную организацію на началахъ равенства, свободы и братства. Они выполняли колоссальную національную задачу борьбы со степью и съ кочевниками, и сознавали эту задачу и ея значеніе. Тотъ, кто недавно покинулъ семью и «родимцевъ» на Москвѣ, особенно остро ощущалъ ненависть къ московскимъ порядкамъ и жаждалъ мести. Но казачество въ массѣ умѣло подыматься до высокихъ національныхъ и религіозныхъ переживаній. И — «сарынь на кичку» — не было лозунгомъ казачества.

Съ самаго начала существованія казачества, его вожди — атаманы — отдѣлялись и въ жизни, и въ актахъ эпохи, отъ «рядового» казачества. По истеченіи полномочій атаманы возвращались въ ряды товарищей, но сохраняли и вѣсъ, и вліяніе. Мы видѣли уже, что въ 1592 г. они были недовольны, что царь не назвалъ ихъ поименно въ грамотѣ, посланной на Донъ. Въ половинѣ XVII вѣка этихъ «знатныхъ», т. е. всѣмъ въ Войскѣ иввѣстныхъ, казаковъ, стали звать «старшинами».**)

Эти старшины были хранителями традицій и военныхъ, и политическихъ, и юридическихъ, что было особенно важно, такъ какъ Донъ былъ типической страной прецедента, обычая. Но не только политическій и военный опытъ выдвигалъ старшинъ. Несмотря на безусловное гражданское и политическое равенство, мало по малу, создавалось на Дону неравенство экономическое. Въ рукахъ старшинъ сосредочились богатства,

*) „Акты Истор.“, т. III, с. 425.
**) Впервые такое наименованіе мы встрѣчаемъ въ 1647 году.

въ видѣ военной добычи, въ видѣ скота и лошадей. Въ концѣ XVII вѣка уже обозначилась рознь между старшинами и голыдьбой, бѣглыми съ Россіи, которые прибывали на Донъ въ большомъ количествѣ. Терскій атаманъ Ив. Кукля, покровительствовавшій бѣжавшей къ нему съ Дона голыдьбѣ, называлъ въ 1688 году Донскихъ старшинъ «станишными бояры и воеводы», а укрывшійся съ Дону на Терекъ бывшій донской станичный атаманъ Мурзенокъ грозился возвратиться на Донъ и у «войсковыхъ старшинъ головы рѣзать, и бородами связывать, и черезъ якору вѣшать...».*)

Соціальный антагонизмъ проявился на Дону въ третьей четверти XVII вѣка довольно остро. Онъ былъ одинъ изъ главныхъ причинъ крушенія Донской независимости. Старшина казачья стала, естественно, тянуть въ сторону Москвы. Бояре Московскіе очень ухаживали за старшинами во время пріѣзда ихъ въ Москву въ составѣ ежегодныхъ казачьихъ посольствъ («зимовыхъ станицъ»). Царь дарилъ старшинамъ богатые дары — въ Москвѣ явно, на Дону, черезъ своихъ пословъ — тайно. Московская партія, создавшаяся на Дону въ половинѣ XVII вѣка, состояла преимущественно изъ старшинъ. Однако, не надежда получить отъ царя помѣстья на Руси, не грубый подкупъ, заставляли въ концѣ XVII вѣка казачьихъ старшинъ обращать свои взоры къ Москвѣ. Ихъ соціально-экономическіе интересы начинали уже отдѣляться отъ интересовъ общины. Переходъ отъ охотничьяго быта къ скотоводству, а затѣмъ и къ земледѣлію, пользованіе рабскимъ и наемнымъ трудомъ для охраны табуновъ и стадъ, для обработки земли, для услугъ; накопленіе богатствъ въ рукахъ старшинъ, — все это выдѣляло старшинъ изъ единой прежде среды казачества. Обособленное положеніе старшинъ въ казачьей средѣ, стремленіе ихъ стать независимыми отъ воли демократической массы, желаніе обезпечить обработку своихъ земель принудительнымъ трудомъ крѣпостныхъ, жажда почета соотвѣтственно создавшемуся соціальному положенію, — все это заставляло старшинъ оглядываться невольно на Москву, на московское помѣстное дворянство, вздыхать о дворянскомъ званіи, о правѣ владѣть крѣпостными. Процессъ превращенія старшинъ въ дворянъ длился полтора вѣка и закончился лишь въ началѣ XIX столѣтія. Однако, тенденціи къ раздѣленію единой соціальной массы казачества на двѣ неравныя группы намѣтились уже во второй половинѣ XVII столѣтія.

Приведенныя выше свѣдѣнія о населеніи вольной колоніи русскаго народа на Дону говорятъ намъ о томъ, что общественная организація колоніи, благодаря ея примитивности, представляетъ собой въ XVI—XVII вѣкѣ нѣчто цѣльное, монолитное. Всѣ члены общины равны между собою и въ полити-

*) Дон. Акт. Истор., т. XII, с. 271, 280.

ческомъ, и въ соціальномъ отношеніи. Всѣ они ясно чувствуютъ свою обособленность и соціальную, и политическую отъ остального русскаго народа. Казачество ревниво охраняло право своего званія. Казачье посольство въ Москвѣ, зимою 1640 г., просило правительство разслѣдовать, «для чего» нѣкій Ив. Полѣновъ «живетъ на Москвѣ и Донскимъ казакомъ называется».*)

Чтобы стать полноправнымъ гражданиномъ Донской республики, нужно было быть принятымъ въ казаки. Для этого требовалось заявленіе въ Войсковомъ Кругу и согласіе Круга. Далеко не всѣ получали это согласіе Войска. Нужно было пожить на Дону, иногда лѣтъ 5—7, войти въ мѣстную жизнь, зарекомендовать себя, и тогда уже давалось разрѣшеніе на пріемъ въ казаки. Отказъ въ пріемѣ мотивировался иногда политическими причинами: такъ, опасались принимать азіатскихъ выходцевъ. Экономическія причины отказа заключались въ нежеланіи казачества превысить норму, на которую давалось т. наз. «царское жалованье», т. е. субсидія, выдаваемая Московскимъ правительствомъ Донскому Войску за вспомогательную службу казаковъ въ войскахъ царя и за охрану Войскомъ безопасности южной границы царства.

Въ случаѣ нужды въ людяхъ Войско предписывало станицамъ представить списки бурлаковъ, жившихъ по городкамъ не одинъ годъ, и носившихъ, поэтому, особое названіе «озимейныхъ бурлаковъ» (дословно зазимовавшихъ), проводившихъ на Дону не только время лѣтнихъ работъ, но жившихъ и зимою, т. е. весь годъ сплошь. Войско, по представленію станицъ, избирало изъ числа «озимейныхъ бурлаковъ» лучшихъ и достойнѣйшихъ и записывало ихъ въ званіе служилыхъ казаковъ.**)

Прирожденныхъ правъ вначалѣ (до конца XVIII в.) не было. Дѣти казаковъ именовались «казачій сынъ», пока не принимались, въ свою очередь, въ Войско и не становились казаками. Въ XVIII вѣкѣ казакъ, пробывшій много лѣтъ внѣ Войска, долженъ былъ просить станицу о дозволеніи ему жить въ станицѣ, «если отъ Войска будетъ милость на вступленіе его по прежнему въ званіе казака...» Уѣхавшій въ Москву казакъ, поселившійся тамъ, становился уже «бывшимъ донскимъ казакомъ».***)

Никто не могъ и не пытался навязать Донскимъ казакамъ принять кого-либо въ число ихъ согражданъ. Наоборотъ, притязанія московскаго правительства воспрепятствовать зачисленію въ казаки ряда лицъ начались уже въ третій періодъ жизни казачества, послѣ 1671 года. Именно, правительство

---

*) Дон. Дѣла. I, 980.

**) Леоновъ. — „О томъ, какъ поступали въ казаки въ старое время“, „Дон. Войск. Вѣд.“, 1862, № 39 и 40; также: Н. Красновъ, ст. въ „Воен. Сборн.“, 1862, 4 апр.

***) Дополн. къ Акт. Истор., XII, 177.

стало бороться съ пріемомъ на Донъ бѣглыхъ холоповъ и крестьянъ.*) До 1677 года былъ лишь одинъ случай, когда Москва интересовалась, не хотятъ ли казаки принять къ себѣ на Донъ извѣстнаго претендента Александра Ахію. Это было въ 1638 г., и причиной запроса была боязнь вызвать осложненія съ Турціей. Но вопросъ былъ, конечно, не о зачисленіи Ахіи въ казаки, а о политическомъ убѣжищѣ.

Глава VI.

Власть Дона.

Такимъ образомъ, Донская колонія обладала своей территоріей, отдѣленной долгое время отъ метрополіи незаселенными, пустыми мѣстами, и своимъ населеніемъ. Спрашивается, была ли въ колоніи своя собственная государственная власть, былъ ли Донъ государствомъ или провинціей царства. На этотъ вопросъ нужно отвѣтить: безусловно, на Дону существовала своя собственная государственная власть и съ 1549 по 1721 годъ Донъ былъ государствомъ, а не провинціей.

Государственная власть на Дону имѣла источникомъ своимъ народную волю, и Донская колонія представляла изъ себя республику. Суверенная власть принадлежала общему народному собранію, носившему названіе Круга или Войскового Круга. Предполагалось, что въ Кругѣ присутствуютъ всѣ правоспособные политически граждане, все великое Войско Донское, т. е. все Войско въ полномъ его составѣ. Мимоходомъ замѣтимъ, что въ XX-мъ уже вѣкѣ это выраженіе стали толковать, какъ титулъ, соединяя два первыя слова въ одно — «Всевеликое Войско» — и придавая ему смыслъ величія, суверенности и т. п.

Для меня, какъ историка и юриста, несомнѣнна тѣсная связь между Кругомъ и древнерусскимъ вѣчемъ. Идея народоправства, отмиравшая въ сѣверо-восточной Россіи и сознательно уничтожавшаяся великими князьями московскими въ Новгородѣ и Псковѣ, нашла свое выраженіе въ вольной колоніи русскаго народа на Дону. Свойственное славянскимъ народамъ, русскому въ частности, стремленіе рѣшать общія дѣла путемъ общаго совѣта и общаго согласія, искореняемое въ московскомъ государствѣ, продолжало жить въ душѣ вольныхъ промышленниковъ, воиновъ и охотниковъ, уходившихъ изъ предѣловъ царства въ Дикое Поле.

*) Что касается „малороссіянъ“, то Московское правительство, принимая Черкасъ семьями на Слободскую Украину, предписывало: „а одинокихъ, у которыхъ племени въ выходцахъ не будетъ, не принимать „сказывать, чтобы шли на Донъ, для чего давать имъ прохожія памяти“ . . . (іюль 1649 г.). Соловьевъ „Ист.“, изд. 2-е, т. X, с. 227.

Казаки были прирожденными республиканцами. Каждая отдѣльная группа казаковъ, для какой бы цѣли она не объединялась, рѣшала всѣ дѣла сообща, въ Кругу. Была ли это ватага, собравшаяся на рыбную ловлю, для добычи соли, для перевоза товара; была ли это ватага для совмѣстнаго празднованія и объѣзда своихъ друзей, — она неизмѣнно избирала сообща своего главу — «ватажнаго атамана» — и исполнителя его велѣній «есаула». Собиралась ли станица для занятія новой территоріи (т. н. «юрта»), никѣмъ не занятой, и для основанія на ней новаго городка; отправлялась ли «зимовая станица» (посольство) въ Москву; выступало ли въ походъ противъ врага «походное войско», — всѣ они выбирали — каждая организація для себя — атамана и есаула. При этомъ въ походномъ войскѣ избирались, помимо походнаго атамана и его есаула, полковники, сотники и есаулы. Равнымъ образомъ, при дальнѣйшемъ усложненіи въ организаціи войсковой организаціи въ XVII—XVIII в.в., всѣ чины ея были выборные. Соотвѣтственно, и всѣ вопросы рѣшались казаками коллегіально. Выборныя власти были лишь исполнителями воли и предначертаній общаго собранія соотвѣтственной организаціи (сбора или круга). Интересно, что въ эпоху мятежей въ Московскомъ царствѣ, народъ, подражая казачеству, собирался въ круги. Такъ, неоднократно, во время возстаній стрѣльцовъ на окраинахъ Московскаго царства (въ концѣ XVII в.), стрѣльцы также устраивали круги. Во время бунта Стеньки Разина, въ юго-восточной полосѣ Россіи, казаки насаждали по городамъ свое устройство, объявляя жителей казаками и предписывая имъ собираться въ круги, выбирать «городовыхъ» атамановъ. Такъ было въ 1670 году въ Астрахани, Царицынѣ, Саратовѣ, Самарѣ, Симбирскѣ. Это было общимъ явленіемъ въ районѣ царства, охваченномъ возстаніемъ 1670 года.

Само московское правительство смотрѣло на республиканскій укладъ казачьей жизни, какъ на естественный фактъ, и свое нерасположеніе къ республиканству казаковъ стало проявлять лишь во второй половинѣ XVII вѣка; да и то исподволь и очень осторожно. Въ первой-же половинѣ XVII вѣка, подкрѣпляя Донское Войско посылкою на Донъ «вольныхъ охочихъ людей», вооруженныхъ за счетъ царя, правительство поручало «тѣхъ вольныхъ людей отдать на Дону атаманамъ и казакамъ...» «И вы-бъ, — писано было въ наказѣ воеводамъ,— атаманамъ и казакамъ и нашимъ вольнымъ людямъ велѣли быть къ себѣ и учинить кругъ и сказали, чтобы вольные люди были у атамановъ и у казаковъ въ послушаньѣ...»*)

*) Дон. Дѣла, II, с. 1085. Ср.: ст, Сухорукова „Общежитіе донскихъ казаковъ въ XVII и XVIII ст.“, „Русс. Старина“, 1925 г.; Евл. Котельниковъ „Ист. свѣдѣніе В. Дон. о Верхней Курмояр. станицѣ“, „Дон. Войск. Вѣд.“, 1860, Но. 12 и сл., отд. изд. Новоч. 1891 (также „Чтенія И. О. Ист. и Древн.“, 1863, Но. 3; Карузинъ „Свѣдѣнія о казацк. общинахъ на Дону“, м. 1885, в. I. с. XVII 306.

Сравнивая казацкій Кругъ и древнее русское народное собраніе — «вѣче», — мы видимъ черты ихъ полнаго сходства. Лѣтописецъ рисуетъ слѣдующую картину: «Новгородцибо изначала, и Смольняне, и Кіяне, и Полочане, и вся власти (волости, страны) якоже на думу на вѣча сходятся, на что же старѣйшіе сдумаютъ, на томъ же пригороды станутъ».*)

Подобно тому, какъ въ каждой древне-русской землѣ былъ свой старшій городъ, къ которому тянули всѣ пригороды (младшіе города) той страны, и вся страна управлялась «вѣчемъ», народнымъ собраніемъ старшаго города, точно такъ же и на Дону всѣ «городки» (станицы) казачьи безпрекословно повиновались Войску, имѣвшему пребываніе въ главномъ городкѣ, и выразителю воли Войска, Войсковому Кругу, хотя, въ сущности, полное собраніе всѣхъ казаковъ бывало фактически, разъ въ году, а въ остальное время въ Кругу принимали участіе только «войсковые» казаки, т. е. жившіе въ столицѣ. На Кругѣ, какъ и на вѣчѣ, присутствіе и подача голоса были предоставлены на волю члена общины; онъ по своему усмотрѣнію могъ присутствовать въ Кругу, могъ и не присутствовать, подавать голосъ и не подавать, но каждый присутствовавшій и не присутствовавшій долженъ былъ повиноваться приговору, состоявшемуся на Кругѣ, и не присутствовавшій не могъ отговариваться своимъ отсутствіемъ. Тоже было и на вѣчѣ.

Подобно тому, какъ вѣче могло перемѣнять существующій порядокъ вещей, смѣнять князя, сановниковъ, судить и наказывать, точно также и Кругъ имѣлъ безграничное право выбора и смѣны неугодныхъ лицъ, суда и наказанія.

Въ отличіе отъ вѣча, для котораго всегда достаточно было наличныхъ гражданъ главнаго города, Донскіе казаки считали нужнымъ разъ въ году устраивать «съѣздъ» всѣхъ казаковъ на Кругъ, въ главный городокъ. Обыкновенно, это было весною, для рѣшенія обычныхъ дѣлъ и дѣлежа государева жалованья.**) Однако, въ случаяхъ чрезвычайной важности (напр., вѣсть въ 1639 г. о походѣ на занятый казаками Азовъ крымскаго царя), «атаманы и казаки по тѣмъ вѣстямъ посылали изъ столицы вверхъ по Дону по всѣмъ городкамъ и запольнымъ рѣчкамъ и велѣли... всѣмъ казакамъ ѣхати въ съѣздъ къ себѣ въ главный городокъ».***) Въ болѣе тревожные годы казаки «для совѣту изъ городковъ» въ Войско «часто пріѣзжали». Обыкновенно-же, въ менѣе важныхъ случаяхъ, «посылали о войсковой думѣ въ ближніе (отъ главнаго) городки войсковыя для съѣзду письма...»[1])

*) Лаврент. Лѣтопись, с. 160.
**) Доп. къ Акт. Истор., XII, 179.
***) Доп. Дѣла, I, 662.
[1]) Доп. къ Акт. Ист., т. XII, с. 195.

Въ 1688 г. въ апрѣлѣ, по чрезвычайно важному вопросу (о выдачѣ на расправу въ Москву бывшаго войскового атамана Лаврентьева), казаки, не довольствуясь Кругомъ въ Черкасскѣ, послали въ верхніе городки до Раздоръ и на четвертый день учинили «иной Кругъ».*) Въ 1675 г. казаки, уклоняясь отъ исполненія неугодныхъ имъ пожеланій царскаго правительства, писали, что вопросъ не можетъ быть рѣшенъ «безъ совѣту съ верхними городками».**)

Присутствовало ли на Кругѣ (въ важнѣйшихъ случаяхъ) фактически большинство казаковъ, или же только жители главнаго городка съ атаманами ближайшихъ городковъ, все равно, воля Круга была волею всего Войска.

Полную аналогію Круга съ вѣчемъ можно провести и по вопросу о правѣ участія въ Кругѣ. Всякій Донской казакъ могъ участвовать въ Кругѣ. Подобно вѣчу, не допускались на Кругъ малолѣтніе (до 16½ лѣтъ). Такъ называемые «выростки» (отъ 16½ до 18 лѣтъ) и «малолѣтки» (18 лѣтъ, присяжные, но не служилые) могли присутствовать, но безъ права голоса. Подобно вѣчу, не могли принимать участія въ Кругѣ «работные люди» и «озимейные казаки», «зажилые бурлаки» и «тумы», какъ люди посторонніе Войску, могшіе въ любое время оставить Войско. Чужеземцевъ, каковыми являлись и московскіе люди, въ Кругъ не допускали, хотя они и могли поодаль слушать, о чемъ рѣчь идетъ. Азіаты (турки, татары и калмыки) совершенно не допускались, по соображеніямъ военнымъ. Духовенство на Дону было устранено отъ участія въ Кругѣ. Въ концѣ XVII вѣка, когда началось соціальное разслоеніе казачества, казакъ, работавшій у богатаго старшины, изъ за работъ не всегда могъ фактически попасть на Кругъ. Наконецъ, въ эпоху особеннаго наплыва «голыдьбы», въ послѣдней четверти XVII вѣка, послѣ усмиренія возстанія Разина, эта «голыдьба» вынуждена была «стоять за Кругомъ», предоставляя рѣшеніе дѣлъ, въ центрѣ, старшинамъ и «старымъ казакамъ».***)

Войсковой Кругъ рѣшалъ всѣ дѣла, касавшіяся Донской республики: объявленіе войны и заключеніе мира; посылку вспомогательныхъ войскъ на службу царю; пріемъ пословъ, отправленіе посольствъ и грамотъ къ окрестнымъ народамъ и въ Москву; всѣ церковныя и монастырскія дѣла; выборы всей войсковой администраціи и смѣну ея; пріемъ въ казаки, увольненіе изъ казачества; выдачу уполномочій («войсковыхъ пра-

*) Доп. къ Акт. Ист., XII, 192.

**) Соловьевъ. „Ист. Россіи“, изд. 3-е, т. III, стр. 493.

***) Ср. Соловьевъ. „Объ отношеніяхъ Вел. Новгорода къ вел. князьямъ Московскимъ“, М. 1846, с. 2; Ив. Бѣляевъ „Судьбы земщины и выборнаго начала на Руси“, М. 1906, с, 9, 12-15, 17, 35; Леоновъ. „Войсковой Кругъ“, Дон. Войск. Вѣдом.“, 1962, Но. 26, 28; Дополн. къ Акт. Ист.“, т. XII, 292, 161, 139; Сергѣевичъ — Вѣче и князь“, М. 1867, с. 57, 61, 66, 92; Владимирскій-Будановъ — „Обзоръ“, с. 23, 46—60.

выхъ писемъ») и заграничныхъ паспортовъ («войсковыхъ прѣзжихъ грамотъ»). Кругъ разрѣшалъ станицамъ заемъ новыхъ юртовъ на территоріи Войска и основаніе новыхъ городковъ; онъ же выдавалъ соотвѣтственныя грамоты и рѣшалъ земельные споры. Кругъ судилъ всѣ преступленія противъ Войска и главнѣйшія уголовныя преступленія, назначалъ наказанія. Наконецъ, Кругъ распредѣлялъ царское жалованье.

Рѣшеніе Круга не требовало ничьего утвержденія, на нихъ не было никакой аппеляціи. Акты эпохи часто говорятъ о «мысли войсковой», о «войсковой думѣ», выраженной на Кругѣ. Въ дѣйствительности же, Кругъ выражалъ в о л ю Войска. Этой волѣ никто не смѣлъ противиться на территоріи Войска. Вотъ примѣръ, относящійся къ 1638 г., къ эпохѣ, когда казаки владѣли Азовомъ. На помощь Донцамъ пришелъ отрядъ запорожскихъ казаковъ (черкасъ) съ атаманомъ Матьяшемъ во главѣ. И запорожскіе черкасы съ атаманомъ Матьяшемъ «учали было бунтовать и Войска (Донского) было слушать не учали, и учали (у Донскихъ казаковъ) прошать города въ Азовѣ особнаго и наряду (орудій), и хотѣлъ было онъ владѣть и жить особно. И они-де (Донскіе) атаманы и казаки, поговоря межъ себя, тово черкасскаго атамана Матьяша убили полѣньемъ до смерти и вкинули въ Донъ. И послѣ этого запорожскіе черкасы имъ во всемъ послушны попрежнему, а будетъ-де они впредь похотятъ владѣть собою, и имъ-де Войскомъ молчать не будутъ и съ ними управятца».*) Такими рѣшительными мѣрами, съ полнымъ сознаніемъ своей суверенности, пресѣкало Донское Войско попытки «владѣть и жить особно» отъ Войска. Къ той же эпохѣ (1641 г.) относится попытка Черкасской и Манычской станицъ отказать въ помощи Войску, защищавшему Азовъ отъ турокъ изъ послѣднихъ силъ. Крамольники отвѣтили: «Мы-де за камень не хотимъ умеретъ, мы-де умремъ за свои щепки». Черкасскіе и Манычскіе казаки были с в о и м и, не пришельцами, но и ихъ постигла бы жестокая кара за ослушаніе, если-бы не соглашеніе, очевидно, состоявшееся.**) Для ослушниковъ войсковой воли у Войска было грозное наказаніе: лишеніе суда. Это значило, что объявленнаго «пеннымъ» (отъ слова «пеня», штрафъ) всякій могъ ограбить и даже убить безнаказанно. Внутри своей территоріи Войско утверждало свой суверенитетъ грозными и рѣшительными мѣрами, вплоть до сожженія мятежнаго городка и поголовнаго истребленія преступниковъ противъ Войска.***)

---

*) „Дон. Дѣла“, т. I, с. 707.

**) „Дон. Дѣла“, т. II, с. 177.

***) За нарушеніе войскового приговора въ 1683 г. войсковая грамота обѣщала: „буде изъ котораго городка такое злое дѣло учинится, и за то того городка казаковъ выбить вонъ и съ рѣки Дону сослать, чтобы имъ нигдѣ пристанища не было, а городокъ сжечь, а заводчиковъ вѣшать и рубить„. Ист. Опис.“, с. 315, прим.

Выборный президентъ Донской республики — войсковой атаманъ — былъ высшимъ представителемъ Войска. Въ его рукахъ было высшее распоряженіе военными силами Войска, снаряженіе его, высшая администрація, дипломатическія сношенія. Имя Войскового Атамана обязательно поминалось въ грамотахъ, адресованныхъ Войску, а равно и въ войсковыхъ отпискахъ и грамотахъ. Онъ предлагалъ Кругу на разрѣшеніе дѣла и проэкты резолюцій. Постепенно установилось правило выбирать атамана разъ въ году, срокомъ на одинъ годъ, хотя, фактически, атаманъ правилъ, пока былъ угоденъ Кругу. Неугодный Кругу атаманъ могъ быть «отставленъ» или даже «скинутъ». Въ случаѣ отклоненія его предложенія Кругомъ, атаманъ считалъ это голосованіе актомъ недовѣрія и складывалъ свою насѣку (знакъ достоинства). Въ случаѣ расхожденія съ Кругомъ въ вопросахъ политики, атаманъ «сдавалъ атаманство», не хотѣлъ «отаманить».

Атаманъ долженъ былъ находиться всегда въ столицѣ Войска. Если Войско выступало въ походъ подъ командою войскового атамана лично, то на его мѣсто выбирался временный замѣститель, а войсковой атаманъ принималъ титулъ походнаго. Если Войско, въ XVIII в., посылало войскового атамана въ Москву, онъ становился атаманомъ зимовой (или легковой) станицы, мѣсто же его занималъ «наказной атаманъ» — выборный временный замѣститель. Такимъ образомъ, поддерживалась непрерывность высшаго представительства Войска.

Помощникомъ Войскового Атамана былъ войсковой «есаулъ», или какъ онъ назывался въ XVI в.: «молодшій товарищъ». Есаулъ былъ министромъ полиціи и юстиціи. Онъ приводилъ въ исполненіе постановленія Круга по судебной и по административной части. На немъ лежала охрана порядка въ Войскѣ и въ главномъ городкѣ. Въ XVII вѣкѣ войсковыхъ есауловъ стало два.

Третьимъ лицомъ войсковой администраціи былъ «войсковой дьякъ» или «подъячій». Онъ былъ, такъ сказать, генеральнымъ секретаремъ Войска; черезъ него шли всѣ внѣшнія и внутреннія сношенія. Считался дьякъ на Дону «человѣкомъ знатнымъ», ибо былъ «у государевыхъ дѣлъ и войсковыхъ писемъ». Занятіе своимъ дѣломъ не мѣшало дьяку, въ нужный моментъ, быть исправнымъ воиномъ. Такъ въ 1640-хъ годахъ войсковой дьякъ Михаилъ Петровъ былъ взятъ въ плѣнъ въ бою; за то, что «зналъ всякія московскія вѣсти и войсковую думу вѣдалъ», подвергался отъ турокъ пыткѣ неоднократно, и выкупу за него запросили турки не мало: 2.000 золотыхъ червонцевъ и нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ крымскихъ татаръ знатнаго рода.*)

Въ XVI вѣкѣ появились и другія должности: «войско-

*) Дон. Дѣла, т. IV, с. 499—505.

вого толмача» и «подтолмача» — для сношеній съ татарами и калмыками. Мы упоминали о томъ, что существовали въ походѣ выборныя должности «войскового полковника» (на полкъ изъ 500 человѣкъ), сотниковъ и есауловъ. Иногда различали въ морскомъ походѣ — «судового полковника», т. ск. адмирала флота, и «боевого полковника» — начальника десанта, сухопутнаго командира. Для срочныхъ отвѣтственныхъ порученій Войска по близости отъ столицы посылался есаулъ, а въ далекія поѣздки — «войсковые казаки» или старшины. Такимъ образомъ, Войско вмѣсто учрежденія особыхъ должностей, предпочитало систему порученій.

Вообще говоря, должно признать, что долгое время управленіе Войскомъ носило весьма примитивный характеръ. Не говоря уже о сложной системѣ, образовавшейся на Украинѣ, даже въ Запорожьѣ существовали постоянныя должности судьи и т. д. Татищевъ увѣряетъ, что на Дону существовали «войсковой хорунжій», «войсковой писарь». Мы нигдѣ не встрѣчали этихъ чиновъ.*)

Для полноты картины политическаго устройства Войска Донского нельзя не упомянуть о совѣтѣ старшинъ при атаманѣ, который фактически существовалъ съ начала XVII вѣка. Естественно было для атамана, въ особенно важныхъ и затруднительныхъ случаяхъ, прежде чѣмъ созвать Войско и предложить ему то или иное рѣшеніе, призвать къ себѣ для совѣта тѣхъ, кто занималъ ранѣе должности атамановъ (войсковыхъ, походныхъ, станичныхъ), бывшихъ пословъ въ Москву и т. п. Еще въ 1623 году Московское правительство предписывало своему послу Бѣлосельскому призвать къ себѣ «лутчихъ атамановъ Исая Мартемьянова, да Епиху Радилова и иныхъ атамановъ и есауловъ, и казаковъ старыхъ и лутчихъ, которыхъ Войско слушаетъ».**)

Вполнѣ естественно было, что московское правительство пыталось войти въ общеніе съ военными и политическими вождями казачества. Мы знаемъ, что еще въ 1593 г. была заявлена претензія Войскомъ, почему въ царской грамотѣ на Донъ не поименованы въ отдѣльности атаманы. Это заявленіе не прошло безслѣдно, и, въ періодъ грандіознаго политическаго движенія начала XVII вѣка и временнаго безсилія московской власти, мы встрѣчаемъ обращенія царя къ Дону, въ которыхъ поименно называютъ 2—3, а иногда и 7 атамановъ. Затѣмъ имена другихъ исчезаютъ, и представителемъ Войска, которому адресуются обращенія окрестныхъ народовъ, остается одинъ войсковой атаманъ. Изъ этого видно, какимъ фактическимъ вліяніемъ пользовалась та группа, которая съ 1640-хъ годовъ получила названіе «старшины».

*) Татищевъ. „Лексиконъ“, 1793, т. II („Дон. казаки“). ср. Скольковскій. „Ист. Новой Сѣчи“, т. I, с. 74—129; Эварницкій. „Ист. запор. казаки“.

**) „Истор. опис.“, с. 122.

Въ 1644 г. посланецъ Томила Корякинъ доноситъ царю о томъ, что «слышалъ на Дону у атамана Ивана Каторжнаго и у его совѣтниковъ».*)

О 1644 годѣ есть извѣстіе, что плѣнныхъ турокъ, взятыхъ на морѣ, «разспрашивали старшины одни (войсковой атаманъ) Осипъ Петровъ съ товарыщи, тайнымъ дѣломъ». **) Въ 1687 г. атаманъ Самойло Лаврентьевъ, собравъ къ себѣ на дворъ старшину, посылалъ къ Кузьмѣ Косому (вождю партіи раскольниковъ), «чтобы онъ шелъ къ нимъ для разговору».***)

Такимъ образомъ, складывалось новое учрежденіе, получившее въ XVIII вѣкѣ названіе «собранія старшинъ» и сыгравшее видную роль въ управленіи и политической жизни Дона.

Наконецъ, мѣстное управленіе на Дону было организовано слѣдующимъ образомъ.

Въ гражданскомъ отношеніи Войско дѣлилось на «станицы». т. е. мѣстныя общины. Каждая община селилась въ особомъ «городкѣ», или «станичномъ городкѣ». Въ началѣ XVIII вѣка имя «станицы» становится обозначеніемъ не только общины, но и самого поселенія и станицами начинаютъ называться городки, а послѣднее имя выходитъ изъ употребленія. Болѣе крупныя административныя единицы («сыскное начальство», «округъ») появляются лишь въ концѣ XVIII вѣка — началѣ XIX вѣка.

Подобно Войску, и въ каждой станицѣ всѣ дѣла рѣшаетъ станичный кругъ или сборъ. Онъ избираетъ атамана и есаула, затѣмъ при усложненіи жизни въ XVIII вѣкѣ, и другихъ станичныхъ административныхъ лицъ (судей, писаря и т. п.). Онъ судитъ по всѣмъ дѣламъ, кромѣ важнѣйшихъ уголовныхъ преступленій и преступленій противъ Войска. Срокъ полномочій выборныхъ властей — одинъ годъ.

Такимъ образомъ, сверху до низу, организація Войска носитъ характеръ республиканскій. И въ мѣстныхъ общинахъ, и въ Войскѣ, — всѣ дѣла рѣшаются общимъ собраніемъ гражданъ. Всѣ власти выборныя. Болѣе того, даже воинская организація Войска Донского въ XVI—XVIII-мъ в. в. носитъ тотъ же характеръ. Войсковой Кругъ опредѣляетъ контингентъ воиновъ, подлежащихъ отправленію въ походъ: иногда это одна десятая часть, иногда три четверти всѣхъ воиновъ, способныхъ носить оружіе, иногда поголовное ополченіе. Собравшись въ назначенный пунктъ, «походное войско» избирало себѣ «походнаго атамана», старшинъ, полковниковъ, сотниковъ, хорунжихъ и т. п.

Итакъ, Донская республика обладала своей собственой законодательной, исполнительной и судебной властью. Верхов-

*) Дон. Дѣла. II, 701.
**) Дон. Дѣла, т. III, с. 70.
***) Доп. къ Акт. Ист., XII, 139.

ная власть внутри Войска Донского принадлежала Войсковому Кругу и его выборнымъ органамъ. Она была непререкаема и суверенна. Такимъ образомъ, государственная власть Войска Донского была таковою для донского казачества, которое повиновалось ей «не только за страхъ, но и за совѣсть». Всѣ вступавшіе на территорію Войска признавали эту власть безпрекословно. Дальше мы разберемъ вопросъ о внѣшнихъ отношеніяхъ Войска.

Подводя итоги сказанному выше, мы можемъ утверждать, что въ XVI—XVII в. в. Войско Донское, говоря языкомъ современнаго государственнаго права, было простой (не федеративной) непосредственной демократической республикой.

Глава VII.

Донъ въ 1549—1614 г. г.

Донская колонія имѣла всѣ признаки государства по своей внутренней организаціи. Спрашивается, обладала-ли Донская республика признаніемъ ея со стороны метрополіи и окружавшихъ ее народовъ? Каковы были, вообще, взаимоотношенія Московскаго Государства и Войска Донского въ періодъ 1549—1671 г. г.?

Какъ это ни странно, но вопросъ о государственно-правовомъ положеніи Дона не только не разрѣшался до сихъ поръ, но и не ставился съ достаточной отчетливостью. У большинства лицъ, писавшихъ о Донѣ, самый вопросъ о государственномъ бытіи его не возникалъ. Донъ мыслился ими, какъ провинція Московскаго государства, затѣмъ Россійской Имперіи. Казаки, для большинства историковъ, были подданными царя отъ перваго и до послѣдняго момента существованія Дона, «холопями царскими». Своеобразная политическая организація Дона изображалась какъ соціальная община или какъ организація военнослужебнаго характера, съ широкимъ самоуправленіемъ. Карамзинъ видѣлъ въ Войскѣ Донскомъ «республику», но считалъ подданство и подчиненность Дона царю — несомнѣнными. Вопросъ о государственномъ бытіи Дона не возникаетъ ни у Костомарова, ни у Соловьева, ни у Платонова. Владимирскій-Будановъ, какъ мы видѣли, говоритъ о Донской колоніи, какъ о «Землѣ», союзѣ вольныхъ общинъ, вошедшемъ въ союзныя отношенія съ Русью, но съ 1549 года уже присягнувшемъ царю. Мы не будемъ приводить здѣсь мнѣній отдѣльныхъ историковъ, но постараемся установить тѣ историческіе факты, на основаніи которыхъ можетъ сдѣлать свое заключеніе юристъ. Спутанность понятій той эпохи, различіе ихъ отъ современныхъ, отсутствіе основныхъ актовъ, — все это затрудняетъ задачу, но и тѣ данныя, которыми мы обладаемъ, позволяютъ

Библиотека имени Д. И. Яворницкаго

возстановить юридическое положеніе Войска, какъ государства, и опредѣлить сущность отношеній колоніи къ метрополіи.

Историковъ обычно смущаютъ тѣ выраженія, которыя встрѣчаются въ царскихъ грамотахъ на Донъ и въ «отпискахъ» донскихъ въ Москву. Царь всегда пишетъ, что Донъ — его «отчина», а казаки именуютъ себя «холопями», «вѣковыми, прирожденными холопями». Отсюда обычно дѣлаютъ выводъ, что казаки были всегда подданными царя, а Донъ всегда былъ русской провинціей. Дѣлается аналогія со служилыми казаками, которые тоже служили цѣлыми отрядами, подъ начальствомъ выборныхъ атамановъ, а не назначенныхъ только «головъ» казачьихъ. Берутся примѣры изъ той эпохи, когда цѣлыя «войска» казачьи образовывались волею царя, причемъ имъ даровалось самоуправленіе. Мы увидимъ далѣе, что и слово «вотчина», и слово «холопы», не всегда значило одно и то-же, и не такъ звучало на Москвѣ, какъ на Дону. И сама Москва лишь изрѣдка пыталась вложить въ эти слова свой, московскій смыслъ, но немедленно-же отъ попытки отказывалась. Донъ сталъ подлинной царской «вотчиной», а казаки — «холопями», т. е. подданными царя, лишь съ 1721 г.

Сохранилось на Дону преданіе, что Іоаннъ IV въ награду за помощь Донскихъ казаковъ подъ Казанью, далъ имъ хартію («жалованную грамоту») на владѣніе рѣкой Дономъ и на полную свободу отъ податей и повинностей. Грамота эта, по преданію, читалась по станичнымъ церквамъ 1-го октября ежегодно, но исчезла при Петрѣ I. Если бы подобная грамота нашлась, то мы имѣли бы передъ собою въ лицѣ Дона самоуправляющуюся, на основаніи хартіи, колонію, подобную тѣмъ, которыя были основаны первыми переселенцами изъ Англіи въ Сѣверную Америку. Однако, государственные нравы московскаго государства въ XVI вѣкѣ и Англіи въ XVII вѣкѣ слишкомъ были различны, чтобы допустить существованіе русской республиканской колоніи въ составѣ самодержавнаго царства.

Просто, царство было слишкомъ слабо, чтобы наложить свою руку на тѣхъ, кто покинулъ его предѣлы въ поискахъ вольной жизни и охотничьихъ и рыболовныхъ угодій. Донъ былъ занятъ казаками силою оружія, по праву перваго занявшаго, и дальнѣйшія царскія грамоты могли признать лишь фактъ, давно существовавшій.

Если, однако, Іоаннъ Грозный, дѣйствительно, «пожаловалъ» казачьей вольницѣ большую рѣку, ему не принадлежавшую, и предоставилъ ей завоевывать себѣ у татаръ и турокъ «жалованную» рѣку съ притоками, то это дѣлало бы большую честь его мудрости. Однако, мы настаиваемъ на томъ, что Донская колонія была результатомъ не правительственной, а стихійной, вольной народной колонизаціи, происходившей помимо и вопреки волѣ правительства.

Втеченіе первыхъ 65 лѣтъ своего существованія (1549—1614) небольшая Донская республика была совершенно независимымъ государствомъ. Нѣкоторые полагаютъ, что полной независимостью Войско пользовалось до 1671 г., другіе же періодъ независимости Дона оттягиваютъ до 1721 г., когда сношенія съ Дономъ перешли изъ вѣдомства иностранныхъ дѣлъ въ военное. Я, лично, полагаю, что въ періодъ 1549—1614 г. г. Донская республика, будучи независимой, вступала съ метрополіей въ союзныя отношенія, крайне нерегулярныя, отъ случая къ случаю. Въ 1614 г. отношенія эти опредѣлились и, въ силу доброй воли колоніи, приняли характеръ в а с с а л и т е т а.

Каково было первоначальное отношеніе московскаго правительства къ Дону? Политически, появленіе вольной колоніи «трапперовъ дальняго Юга» было очень на руку для метрополіи. Колоссальна была работа Москвы по «освоенію» Дикаго Поля въ послѣднія 30 лѣтъ XVI вѣка. А тутъ появился передовой отрядъ русскихъ людей, который, оторвавшись далеко впередъ отъ медленно наступающей на степь народной массы, на свой страхъ и рискъ, велъ борьбу съ злѣйшимъ врагомъ земледѣльческой Руси. Рыболовы и охотники выказывали себя отличными воинами, и Московское правительство поспѣшило привлечь ихъ на службу. Старые города Польской (къ Полю прилегающей) украины превращались въ постоянные лагери пограничной милиціи путемъ вербовки казаковъ для приселенія ихъ къ городамъ (крѣпостямъ). Съ 1571 г. вербовка эта шла особенно энергично.*)

Понятно, что Московское правительство постаралось использовать донцовъ, осѣвшихъ на пути отъ Азова къ Руси, для охраны пословъ, ѣхавшихъ черезъ Азовъ въ Турцію и обратно. Затѣмъ, донцы освѣдомляли Москву о планахъ татаръ и, наконецъ, въ своихъ собственныхъ интересахъ они вели борьбу съ ногайцами, азовцами и крымцами за обладаніе Дономъ. Кромѣ того, съ самого начала своего политическаго существованія, Донская республика посылала, «по случаямъ», вспомогательные отряды для участія въ опредѣленныхъ походахъ и войнахъ Руси. О вызовѣ Донскихъ казаковъ посылались особыя царскія грамоты, и послѣ окончанія операцій вспомогательный отрядъ возвращался на Донъ.**)

---

*) Въ 1577 г. для Шацка надо было — 150, для Ряжска — 200, для Епифани — 700, для Дѣдилова — 500, для Донкова — 1000 городовыхъ казаковъ. „Акты Моск. Гос.“, т. I, с. 35—37.

**) Свѣдѣнія о количествѣ казаковъ, вышедшихъ съ Дону на государеву службу (именные списки), посылались въ Розрядъ изъ Посольскаго приказа. Черезъ Розрядъ шла къ отряду царская грамота къ казакамъ, вышедшимъ на Украину, гдѣ именно „быти имъ въ полкѣ съ бояры и съ воеводы“. Если надо было, то казаки разбивались на небольшіе отряды (сотни), которыми руководили отъ правительства „головы“, передававшіе атаманамъ оперативныя распоряженія. Все время службы казакамъ платилось жалованіе („государевой денежной казны“). Присланные въ Москву съ отписками или плѣнными („языками“) казаки били челомъ государю

Въ 1552 г. подъ начальствомъ атамана Сусара Федорова казаки участвовали въ осадѣ и взятіи Казани. Помимо Казани, казаки считали своею службою Россіи при Іоаннѣ Грозномъ участіе атамана Михаила Черкашенина въ «сидѣніи» въ осажденномъ Псковѣ; завоеваніе Сибири Ермакомъ; участіе въ дѣлахъ подъ Орѣшкомъ (Шлиссельбургомъ); при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ — походъ подъ Ругодявъ (Нарву) и Иванъ-Городъ, подъ Выборгъ; при царѣ Борисѣ Годуновѣ участіе въ оборонѣ Москвы отъ татаръ (подъ Серпуховымъ). Всѣ эти «службы» помянуты въ Донской отпискѣ 1632 г. Сюда можно добавить, пожалуй, службу 1576 г. въ т. н. «судовой рати» на Волгѣ.

Велики заслуги Донского казачества уже въ эту эпоху. Дважды брали въ XVI в. казаки Азовъ, но не могли въ немъ удержаться. Метрополія всегда отрекалась отъ своей колоніи, когда приходилось вести, по поводу непрерывной казачьей войны, переговоры съ могущественнымъ тогда ханомъ крымскимъ и, тѣмъ болѣе, съ султаномъ. Въ 1574 г. Іоаннъ писалъ хану крымскому: «казаки Донскіе не по нашему велѣнью на Дону живутъ; бѣгая изъ нашего государства, а не по нашему наказу; и много лѣтъ живутъ подъ Азовомъ, и много живетъ того; иногда въ миру, а иногда не въ миру, да только всякія такія дѣла у нихъ межъ ихъ дѣлаются безъ нашего вѣдома».*) Тоже повторяли и послѣдующіе цари, и Ѳеодоръ (1584), и Михаилъ (1620, 1642, 1643), увѣряя, что «на Дону живутъ воры, бѣглые холопи боярскіе, которые утекаютъ изъ Московскаго государства отъ всякихъ винъ своихъ, и всякіе схожіе вольные люди, и на море ходятъ самовольствомъ безъ повелѣнія великаго государя». И Алексѣй Михайловичъ (1647) повторялъ, что «Донскіе казаки бѣжали изъ Московскаго государства, заворовавъ, отъ смертныя казни, а живутъ въ тѣхъ мѣстахъ изстари кочевымъ обычаемъ..., а нашего царскаго повелѣнія не слушаютъ...»**) И только въ 1661 г., Алексѣй Михайловичъ впервые сказалъ нѣсколько словъ въ защиту Донскихъ казаковъ. Да и трудно было бы ему тогда отрекаться, потому что въ это время уже не разъ бывали посылки военной помощи на Донъ за царскій счетъ.

Обыкновенно, историки, по поводу этого отреченія царей Московскихъ отъ казачества, находятъ, что это были диплома-

объ особомъ за это жалованіи. „Выѣхали мы, — писали они царю, — съ Дону Ивановича на новую государеву службу"... и просили „жалованія язычнаго" или-же „за посылки". Въ 1654 г., повелѣвая выслать отрядъ донцевъ изъ Ливенъ въ Рыльскъ, царь писалъ: „А которые изъ нихъ учнутъ ослушаться... и тѣхъ велѣть имати и сажати въ тюрьму до нашего указу"... Слѣдовательно, къ донцамъ пытались примѣнить общія дисциплинарныя мѣры. Въ 1653 г. бояринъ Шереметевъ, распуская донскихъ и яицкихъ казаковъ по домамъ, считалъ возможнымъ наказывать имъ, „чтобы они были въ домѣхъ своихъ... и никуда не разъѣзжались, а быть имъ на государевой службѣ по вѣстямъ"... „Акты М. Гос.", т. I, с. 365, 376, 525, 576; т. II, с. 352, 370, 403, 415, 542; т. III, с. 129, 257, 303, 483—484.

*) „Истор. опис.", с. 42. Это была сущая правда!

**) „Истор. опис.", с. 205.

тическія увертки слабаго Московскаго государства предъ лицомъ грозныхъ враговъ: имперіи турецкой и ханства крымскаго. Я считаю, что Московскіе бояре, писавшіе отписки въ Крымъ и Константинополь, ничуть не кривили душой, говоря о казакахъ, что это — бѣглецы изъ Москвы, и что Донъ не слушается повелѣній царскихъ. Войско Донское, дѣйствительно, не слушалось царя, и по очень простой причинѣ: оно считало себя и было на самомъ дѣлѣ отдѣльнымъ государствомъ. Оно плохо слушалось внушеній Москвы и оказывало услуги Москвѣ по с в о е м у изволенію, а не по царскому приказу.

Самая служба, которую спорадически несли Донскіе казаки, была типичной вспомогательной службой вассала суверену и выражалась въ посылкѣ, по мѣрѣ надобности, вспомогательныхъ отрядовъ. Службу эту казаки считали добровольной и находили возможнымъ уходить на Донъ тогда, когда это имъ заблагоразсудится. Сошлемся на два историческихъ примѣра: въ 1579 г. Донскіе казаки, участвовавшіе въ арміи боярина Шеина, изъ крѣпости Соколъ «пошли безъ отпуска на Донъ». Разрядная книга добавляетъ: «въ тѣ поры Донскіе казаки и з м ѣ н и л и, пошли безъ отпуску». Другой примѣръ относится къ 1665 году, когда князь Юрій Долгорукій, въ польскомъ походѣ, казнилъ атамана Разина, брата знаменитаго Стеньки Разина, за намѣреніе уйти со своимъ отрядомъ на Донъ безъ отпуска.*) Мы не знаемъ, каковъ былъ срокъ выхода на службу, но въ 1793 г. срокъ этотъ былъ равенъ тремъ годамъ, и по истеченіи ихъ Донскіе полки ушли съ Кубани, считая, что они честно исполнили свой долгъ.**) Англичанинъ, разсказавшій исторію 1665 г., сообщаетъ, что казаки «просили отпуска», но не получили его и ушли самовольно. Изъ этихъ примѣровъ видно, что и въ XVI и въ XVII в. в. казаки считали службу свою метрополіи добровольной, каждый разъ оговоренной на извѣстный срокъ, и считали себя в п р а в ѣ уходить по окончаніи срока. Военачальники московскіе, естественно, не одобряли этого, но п р а в о было на сторонѣ Донцовъ.***)

---

*) „Истор. опис.“, с. 20; Костомаровъ. — „Бунтъ Стеньки Разина“, 1359, с. 47—48; также: Relation des particularitez de la rebellion de Stenko Razin, Paris, MDCCCLVI, p. 3—4.

**) Правда, въ 1793 г. думали полки, отслужившіе срокъ, не возвращать на Донъ, а поселить на Кубани навсегда, что усугубляло, конечно, тяжесть положенія этихъ казаковъ.

***) Иногда донскіе казаки, небольшими отрядами, попросту убѣгали. Но причиною этого было нежеланіе нести службу, которой они не обѣщали. Такъ, въ 1655 г. донскіе казаки не пожелали дѣлать окопы (земляной городокъ) въ Воркламовѣ (на польскомъ фронтѣ) и 300 ч. бѣжали на Донъ. „Акты М Гос.“, т. II, с. 450. Въ январѣ 1633 года донскіе казаки, „которые ѣздили для конныхъ кормовъ“, отошли съ государевой службы и пошли на Донъ съ атаманомъ Ив. Балашомъ. Царь послалъ въ догонку Владимира Ляпунова, сына знаменитаго Прокофія, уговаривать донцовъ вернуться: „Кормовыя деньги“ давать казакамъ „безпереводно“... „а наказанья имъ

За службу свою метрополіи (проводы пословъ черезъ Дикое Поле, присылку отрядовъ, освѣдомленіе о татарскихъ набѣгахъ) казаки получали «жалованье», состоявшее изъ хлѣба, воинскихъ припасовъ и сукна. Это жалованье, въ XVI вѣкѣ, давалось каждый разъ особо, за отдѣльныя услуги метрополіи со стороны колоніи. Наоборотъ, съ 1613 по 1809 годъ жалованье шло регулярно и ежегодно, кромѣ нѣсколькихъ лѣтъ перерыва, когда колонія порывала съ метрополіей.*)

Врядъ ли Москва, съ самого начала, ясно представляла себѣ положеніе Дона съ правовой точки зрѣнія. Дѣла о донскихъ, какъ и о другихъ вольныхъ казакахъ, вѣдались первое время въ Разрядѣ, быть можетъ потому, что это учрежденіе вѣдало до смуты и пограничныя мѣстности Сѣверской и Польской Украины. По отношенію къ Донцамъ обязанность Разряда была двоякая: 1) онъ опредѣлялъ цифру того количества казаковъ, которыхъ желательно было имѣть съ Дону (что, впослѣдствіи, въ XVII вѣкѣ именовалось «нарядомъ»); 2) Разрядъ заботился о посылкѣ на Донъ субсидіи («жалованья»). Такъ какъ Донскіе казаки земли не пахали, какъ и многіе служилые, то хлѣбъ имъ посылался изъ казенныхъ житницъ. Для наполненія ихъ населеніе южной украины царства пахало т. н. «государеву десятинную пашню».**) Но, вѣдая и помѣстныхъ, и вольныхъ казаковъ въ одномъ и томъ же учрежденіи, Московское правительство отлично представляло себѣ разницу между ними. Это не помѣшало Борису Годунову - правителю сдѣлать попытку превратить Донцовъ въ служилыхъ казаковъ, но результатъ попытки показалъ, что Донская община была государственой организаціей.

Нѣкоторые рисуютъ «польское», вольное казачество, какъ текучую, неопредѣленную массу, изъ которой любой антрепренеръ могъ составить «странствующую труппу», чтобы играть на любомъ «театрѣ». Конечно, набрать отрядъ любому атаману на Полѣ было не трудно. Но общины: донская, волжская, терская, яицкая — были осѣдлыми республиками еще съ половины XVI вѣка, а не странствующими наемниками типа

никакого чинить не велѣно", лишь-бы вернулись. Казаки жаловались на отсутствіе корма для коней; одни пошли въ партизанщину на малороссійскіе города, другіе „шарпали" Стародубскій уѣздъ, т. е. брали сѣно и провіантъ у крестьянъ. Балашъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ стародубскимъ воеводой, но чел. 500 съ атаманомъ Семеномъ Пирогомъ прорвались на Донъ по изюмскому шляху. „Акты М. Гос.", т. I, с. 440, 447, 478, 480—2. 499. Равнымъ образомъ, оказали непослушаніе 1.200 донскихъ и яицкихъ казаковъ, требовали, чтобы имъ отвели „приставства" для корму коней, „имали у крестьянъ животину и сѣно и грабили ихъ". Затѣмъ, загладили вину блестящей побѣдой въ Смоленскомъ уѣздѣ (1633). „Акты М. Гос.", т. I, с. 544, 548, 570. Такимъ образомъ, донцы протестовали противъ окопной службы и недостатковъ московскаго интендантства, считая себя вправѣ уйти на Донъ.

*) „Дон. Войск. Вѣдом.", 1864, N 7. Чрезвычайно цѣнная сводка количества „жалованья" за всѣ годы (съ 1613 по 1809 г.).

**) Сохранились интересные документы о сборѣ хлѣба и о передачѣ его казакамъ, въ томъ числѣ и донскимъ въ концѣ XVI в. (1594). „Дон. Дѣла", т. I, с. 1—24.

ландскнехтовъ. Отъ выхода на вспомогательную службу даже большинства казаковъ, юго-восточныя демократіи не прекращали (на мѣстѣ) своего государственнаго бытія. Это можно сказать даже о волжской общинѣ, наиболѣе текучей по составу, даже о донецкой, быстро исчезнувшей.

Сношенія съ Дономъ велись путемъ посылки царскихъ грамотъ. Адресовались онѣ сперва кратко «Отъ Царя» и проч. «на Донъ, Донскимъ атаманамъ и казакамъ».*)

Въ XVII же вѣкѣ выработалась форма, существовавшая неизмѣнно до первой четверти XIX вѣка: «Отъ Царя и Великаго Князя (имя рекъ) всея Русіи, въ нижніе и въ верхніе юрты атаманамъ и казакамъ (имя-отчество войскового атамана) и всему Донскому Войску», или-же: «и всему великому Войску». Въ грамотѣ обыкновенно указывалось — кого и зачѣмъ послалъ царь на Донъ или, черезъ Донъ и Азовъ, въ Царьградъ. «И какъ (посолъ) пойдетъ на Азовъ Дономъ и вы-бъ однолично съ Азовскими людьми жили смирно, и задору никотораго Азовскимъ людемъ не чинили, чтобъ въ томъ нашему дѣлу порухи не было. И которые, будетъ, Азовскіе люди учнутъ ходить на Донъ, и по рѣкамъ, для рыбныхъ ловель и для дровъ, и иныхъ которыхъ запасовъ, и вы-бъ техъ людей пропущали...»

Такъ писалъ, напримѣръ, въ 1584 году царь Ѳеодоръ Іоанновичъ.**)

Поручая послу сговориться съ Азовскимъ пашею («Санчакомъ»), чтобы и Азовцы жили съ казаками въ миру, царь оговаривался, чтобы и казаки сами «въ Азовъ отъ себя ссылались». Такимъ образомъ, даже Борисъ-правитель признавалъ самостоятельныя сношенія Дона съ Азовомъ.

Обыкновенно содержались въ грамотѣ просьбы: «толко-бъ есте того берегли накрѣпко, какъ воинские люди Крымские, и Казыева улуса, Нагаи пойдутъ войною на наши украины, или которые воинские люди пойдутъ съ полономъ съ нашихъ украинъ, и вы-бъ втѣпоры на тѣхъ людей на перевозехъ приходили и надъ ними промышляли, чтобъ надъ ними... поискъ учинити и полонъ отклонити: того-бъ есте однолично берегли накрепко, а намъ тѣмъ служили, а мы васъ, за вашу службу, жаловать хотимъ...»

Интересно, что въ цитируемой нами грамотѣ 1584 года жалованье посылается, именно, за отдѣльныя услуги. «А нынѣ, — пишетъ царь Ѳеодоръ, — есмя къ вамъ свое жалованье которые ходили атаманы і казаки подъ Калмиюсъ, послали... селитру и свинецъ, а впередъ васъ, своимъ жалованьемъ, хотимъ жаловать». Далѣе требовалась новая служба: дождаться посла изъ Турціи и проводить до «Рязскаго города». При

*) Собр. Госуд. Грам., т. II, 62, 83.
**) Собр. Госуд. Грам., т. II, с. 86.

этомъ царь просилъ: «А которые останутца низовые атаманы отъ Азова до Раздоровъ, и вы-бъ ихъ имяна, хто имянемъ атаманъ, и сколко съ которымъ атаманомъ казаковъ останетца, тобъ есте имянно переписавъ, дали писмо посланнику нашему... А мы къ нимъ впередъ, на веснѣ рано, свое жалованье пришлемъ...»

Равнымъ образомъ, и грамоты Іоанна IV (1570—1571 г. г.) говорятъ о проводахъ посла Новосильцева къ Азову, и о томъ, чтобы казаки «промышляли» о царскихъ «дѣлехъ заодинъ» съ посланнымъ на Донъ «казачьимъ атаманомъ Микитою Маминымъ».

Въ 1593 г. Борисъ Годуновъ-правитель вздумалъ наложить на Донъ руку, посадить Донцамъ назначеннаго «голову» и, вообще, поступить съ Донцами такъ, какъ поступали воеводы въ украинныхъ новозанятыхъ мѣстностяхъ. Казаки глубоко оскорбились и неуваженіемъ къ Кругу царскаго посла, и вмѣшательствомъ его въ донскія дѣла, и, вообще, попыткою обращаться съ ними, какъ съ подлинными «холопями» царскими. Исторія эта крайне характерна для выясненія истинныхъ взаимоотношеній Дона и Москвы. Ѣхавшій въ Турцію, въ маѣ 1593 года, посолъ Нащокинъ прибылъ «въ нижніе юрты, гдѣ стоятъ въ сборѣ Донскіе атаманы и казаки», въ Раздоры, и остановился въ 3-хъ верстахъ отъ Войска «на Гостинѣ» (Гостиномъ) «острову». Нащокинъ привезъ съ собою грамоты царя Ѳеодора о томъ, чтобы казаки жили съ азовцами въ миру, отпустили съ Нащокинымъ въ Азовъ своихъ турецкихъ «полоненниковъ» безъ «окупу», проводили бы Нащокина до Азова, а сами были «съ сыномъ боярскимъ съ Петромъ Хрущовымъ на Дону въ Раздорѣхъ, гдѣ пригоже», и царскимъ дѣломъ «промышляли съ Петромъ Хрущовымъ». Дѣло шло о превращеніи Донцовъ въ служилыхъ казаковъ. По дорогѣ Нащокинъ толковалъ кое съ кѣмъ изъ верховыхъ казаковъ и тѣ согласились «итти на государеву службу съ Хрущевымъ». Иначе отнеслось Войско.

Нащокинъ не пожелалъ итти на Кругъ и посылалъ три дня къ казакамъ, чтобы тѣ шли къ нему на станъ. Уговаривать Войско поѣхалъ одинъ изъ верховыхъ атамановъ Вишата Васильевъ. «И въ войску атаманъ и казаки хотѣли его въ воду посадить» (т. е. утопить). «А говорили-де ему, что онъ тебѣ, государю, служитъ, — писалъ Нащокинъ въ Москву, — а имъ доброхотаетъ...» Въ концѣ концовъ, черезъ нѣсколько дней, донцы, придя въ станъ посла, захватили тамъ силою Вишату Васильева «били его ослопы» передъ шатромъ посла и тутъ-же «посадили его въ воду», «а говорятъ, что онъ всему бойску измѣнникъ...»

На 4-й день пріѣхали къ Нащокину атаманъ Семенъ Воейковъ и человѣкъ съ триста казаковъ. Посолъ воспользовался случаемъ, чтобы сказать имъ рѣчь «по наказу» и передать

грамоты. Казаки заявили, что посла провожать и царю служить готовы, «а полоняниковъ отдати не мочно», ибо взяли ихъ «своею кровью». И, «отшедши» отъ посла, «въ кругу чли грамоты въ слухъ». Въ Кругу рѣшено было полоняниковъ не отдавать. Казаки разгадали умыселъ Бориса — отдѣлить верховыхъ казаковъ отъ низовыхъ и указали, что обращеніе къ верховымъ ранѣе низовыхъ противорѣчило обычаю. Обѣщанію царя заплатить выкупъ казаки попросту не повѣрили. Они говорили: «и будетъ-де государь нынѣ съ вами тотъ окупъ прислалъ, и мы ихъ отдадимъ, а безъ окупу намъ ихъ отдавать не мочно... тѣ паи давно у насъ въ расходѣ; надѣяся на тѣ окупы, займали и стали въ великихъ долгѣхъ; а только-де намъ нынѣ отдать ихъ безъ окупу, и намъ тѣхъ окуповъ не видать и въ десять лѣтъ, а къ Москвѣ намъ по тѣ окупы не ѣзживать...»

Напрасно уговаривалъ посолъ «много и разводя атамановъ порознь». Казаки возражали: «будетъ вамъ велѣлъ государь тѣхъ полоняниковъ взяти у насъ сильно, и вы-де у насъ возмите изъ крови, а мы-де, ихъ пересѣкши, пойдемъ куды очи несутъ, ужъ то-де у насъ готово пропало...» На это посолъ попытался возразить: «отъѣздомъ вамъ государю грозить не пригоже, холопи вы государевы и живете на государевѣ отчинѣ». Казаки прервали переговоры. Черезъ три дня они заявили, что «прежде сего о миру напередъ присылывали» къ нимъ изъ Азова, а теперь имъ «черезъ прежніе обычаи самимъ о миру задирать не прихоже». Затѣмъ казаки потребовали предъявленіе наказа, чтобы выяснить, почему воинскіе припасы не всѣ передаются въ Войско, а часть удержана для верховыхъ казаковъ, протестовали противъ разверстки суконъ по разрядамъ. И на неоднократные уговоры «быть съ Хрущовымъ» отказали: «прежде сево мы служили государю, а головъ у насъ не бывало, служивали своими головами, и нынѣ-де ради государю служить своими головами, а не съ Петромъ...»

Посла задержали до возвращенія «походнаго войска» изъ морского похода въ Азовское море, а затѣмъ силою отняли у него жалованье, присланное на Донъ.

Все было необычно для донцовъ въ поведеніи Нащокина: и нежеланіе итти на Кругъ, и попытка внести рознь въ казачью среду, и требованіе, чтобы казаки изъ вольныхъ превратились въ служилыхъ. Вѣрный слуга царскій — Вишата Васильевъ, пошедшій въ служилые казаки, былъ казненъ казаками, какъ измѣнникъ Войску, за то, что «государю доброхотаетъ». Одинъ этотъ фактъ говоритъ больше объ отношеніяхъ Дона къ Москвѣ, нежели десятки отписокъ, писанныхъ отъ имени «холопей».

На это, посылая на Донъ князя Волконскаго, отозвался правитель Борисъ Годуновъ грозной грамотой. За борьбу съ

азовцами, которая могла бы «царскому дѣлу съ Турскимъ учинить поруху», Борисъ, именемъ Ѳеодора, обѣщалъ: «и вамъ отъ насъ быти въ опалѣ и въ казни и впредь къ Москвѣ вамъ къ намъ николи не бывать, и пошлемъ на Низъ Дономъ къ Раздорамъ большую свою рать и поставить велимъ городъ на Раздорѣхъ, и васъ сгонимъ съ Дону, и вамъ отъ насъ и отъ Турскаго Салтана гдѣ избыти, только почнете такъ воровать, какъ нынѣ воруете...»*) Годуновъ увидѣлъ, что донцы не служилые казаки, а вольная колонія, и послалъ ей двойную угрозу — во первыхъ, пойти войною на колонію, оккупировать ее и поставить царскую крѣпость въ центрѣ республики, во вторыхъ — вступить для наказанія колоніи въ союзъ съ вѣковѣчнымъ врагомъ Россіи — съ султаномъ.

Еще Іоаннъ, оправдываясь передъ ханомъ и султаномъ, писалъ: мы «по всѣмъ своимъ украинамъ заказали, которой казакъ донской ни придетъ на украинный городъ нашъ», (который ходилъ подъ Азовъ), «велѣли тѣхъ, имая, казнити...» При Іоаннѣ и Ѳеодорѣ подобныя заявленія бывали больше на бумагѣ. Несмотря на новыя угрозы, донцы не пошли провожать къ Азову кн. Волконскаго, привезшаго имъ вышеуказанную грамоту. Причина этого заключалась въ томъ, что съ государевой службы изъ Серпухова бѣжалъ обратно на Донъ казакъ Нехорошко Картавый съ вѣстью: «на Москвѣ ихъ товарищамъ нужа великая: государева жалованья имъ не даютъ, а на Донъ не пускаютъ, а служатъ на своихъ коняхъ и корму имъ не даютъ, а иныхъ въ холопи отдаютъ...» Такое обращеніе съ казаками не могло способствовать укрѣпленію связей колоніи съ метрополіей.

Отношеніе Годунова къ Дону достаточно опредѣлилось еще при Ѳеодорѣ. Занявши престолъ, Годуновъ рѣшилъ покончить съ республиканской колоніей. Для «обузданія казаковъ», онъ построилъ городъ Царевъ-Борисовъ на р. Донцѣ, далеко выдвинувши эту крѣпость въ Поле, за линію крѣпостей, охранявшихъ государство съ юга. На запросъ хана Крымскаго Борисъ заявилъ, что эта мѣра направлена не противъ татаръ, а противъ казаковъ, и подтвердилъ свои слова цѣлымъ рядомъ мѣропріятій. О нихъ напоминалъ казакамъ въ 1625 г. царь Михаилъ Ѳеодоровичъ: «вамъ пригоже памятовать, какая вамъ неволя была при прежнихъ государехъ, царехъ Московскихъ, а послѣднее при царѣ Борисѣ, не вольно было вамъ не токмо къ Москвѣ пріѣхать, и въ украинные города къ родимцамъ притти, и купити, и продати, вездѣ заказано; а сверхъ того во всѣхъ городахъ васъ имали и въ тюрьмы сажали, а иныхъ многихъ казнили, вѣшали и въ воду сажали».**)

*) Собр. Госуд. Грам., т. II, 125; „Истор. Опис.“, с. 15, прим.

**) „Мат. для ист. Войска Дон.“, 1864, с. 41; „Дон. Дѣла“, т. I. О томъ же въ Никон. Лѣтописи, VIII, с. 59. „Тѣмъ же казакамъ отъ царя Бориса было гоненіе веліе“...

Если вспомнить, что Донская колонія получала хлѣбъ и порохъ единственно изъ Московскаго государства, если присоединить къ этому жестокія репрессіи противъ казачества со стороны Годунова, то, не касаясь уже соціальныхъ причинъ, легко объяснить политически, почему казачество взяло сторону Лжедимитрія противъ Годунова и приняло затѣмъ такое энергичное участіе въ т. н. Смутѣ. Войско хорошо запомнило угрозу Бориса «поставить городъ на Раздорѣхъ», и въ теченіе всего своего существованія всѣ усилія прилагало къ тому, чтобы на войсковой территоріи не было ни крѣпостей царскихъ, ни войска царскаго, ни воеводъ.

Итакъ, къ началу XVII вѣка опредѣлилось достаточно ясно, что Донская колонія была чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ Руси и что она стояла на пути Государства Россійскаго къ южнымъ морямъ. Борисъ, предшественникъ Петра I и Екатерины II, первый рѣшилъ, что у самодержавно-крѣпостнической метрополіи не можетъ быть вольныхъ республиканскихъ колоній. Смерть унесла его раньше, нежели блокада, объявленная имъ Дону, принесла результаты. Смута-же, возникшая затѣмъ, многое измѣнила.

Глава VIII.

Донъ и Смута.

Роль, сыгранная казачествомъ, въ частности Донскимъ, въ эпоху смуты была очень велика. Можно было бы путемъ историческаго анализа выяснить разницу между дѣйствіями казачества вообще, «воровского казачества, въ особенности, и Войска Донского, какъ отдѣльнаго государственнаго организма, въ частности. Во всякомъ случаѣ, нельзя согласиться съ нѣкоторыми историками, которые видятъ въ казачествѣ исключительно анархическій протестъ закабаляемой народной массы противъ московскаго общества и государства. «Казачество на Дону, — пишетъ С. Ѳ. Платоновъ, — служило выраженіемъ недовольства гонимыхъ и угнетенныхъ тяглыхъ людей — государствомъ. Оно (Донское казачество) себя ставило въ сторонѣ отъ государства, бывало всегда почти ему враждебно». Мы видѣли уже, что Донское вольное казачество было враждебно лишь Московскому государству. На Дону-же оно создало иную государственную организацію, довольно примитивную, но основанную на равенствѣ и свободѣ.

Точно также и въ эпоху Смуты Донское казачество сыграло роль, которую нельзя назвать ни противогосударственной, ни антинаціональной.*) Колонія вышла изъ Смуты органи-

*) Ср. разсужденія пр. Локоть „Смутное время и Революція“, Берлинъ, 1923. Выдающуюся роль казачества въ ликвидаціи Смуты признаютъ и Платоновъ, и Прѣсняковъ. Ср.: Платоновъ „Вопросъ объ избраніи Мих. Ѳеод. въ русс.

зовавшейся болѣе прочно, окрѣпнувшей и вступила въ болѣе опредѣленную связь съ метрополіей. Что касается казачества вообще, то въ эпоху Смуты всѣ холопы и крестьяне, взявшіеся за оружіе, чтобы искать свободы, немедленно принимали на себя званіе казака. Все служилое казачество «Польской» Украины приняло участіе въ движеніи. Наконецъ, «черкасскіе казаки», приходившіе на Русь то съ «литовскими людьми», то служившіе самозванцамъ, а то и самостоятельно гулявшіе по всей Руси, думали объ одной лишь наживѣ. «Воровскимъ» казачествомъ крестьянская Русь выразила протестъ противъ порядковъ Московскаго государства.

Донская же колонія отразила не разрушительныя, а созидательныя стремленія русскаго народа, желаніе его возродить и укрѣпить народоправство. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отвергнувъ попытку царя Бориса превратить ихъ республику въ служилую общину, Донскіе казаки всегда помнили, знали и выражали во всѣхъ актахъ, что царь является національнымъ вождемъ всего русскаго народа. Поэтому Донское казачество всегда, кромѣ рѣдчайшихъ исключеній, свое политическое недовольство и протестъ направляло не противъ царя лично, но противъ «лихихъ бояръ», объединяя въ этихъ словахъ ненависть къ московскому политическому и общественному устройству. Поэтому, отъ начала и до конца Донской республики, верховная національная гегемонія царя является непререкаемой для гражданъ этой колоніи и другихъ казачьихъ демократій. Изъ этого то чувства по отношенію къ царю, наряду съ энергичной защитою казаками ихъ республиканскаго устройства, и вытекаетъ всегдашнее желаніе казачества видѣть во главѣ Руси царя народнаго, казачьяго и крестьянскаго. Отсюда и идетъ казачья традиція, особенно со времени Лже-Дмитрія, поддерживать и даже создавать сознательно самозванцевъ, собственныхъ кандидатовъ въ «казачьи» цари. Начиная отъ «цариковъ» Смутнаго времени, «ублюдка, Маринкинаго отродья», котораго возилъ при себѣ донской атаманъ Заруцкій, до «царевича Алексѣя Алексѣевича» при Стенькѣ Разинѣ, до царевича «Петра Петровича» (1732 г.), до самого «амперадора» Емельяна Ивановича (1773) тянется эта исторія съ исканіями такого справедливаго, народнаго царя.

Донская колонія, защищая свой суверенитетъ отъ Бориса, увидѣла въ немъ не столько послѣдовательнаго защитника интересовъ метрополіи, сколько плохого царя: татарскаго племени, не царскаго рода, а главное, врага казачьей республики. Отсюда понятенъ восторгъ Дона при первой же вѣсти о Лже-Дмитріи. Какъ разъ въ 1600—1601 г. г., когда Борисъ объ-

---

ист. литературѣ", „Ж. М. Н. Пр.", 1913, II; его-же: „Моск. правительство при первыхъ Романовыхъ", „Ж. М. Н. Пр.", 1906, XII; Пресняковъ „Три вѣка", М. 1912.

явилъ блокаду непокорной республики, въ Кіевѣ появился самозванецъ. Онъ правильно сообразилъ, что Донъ могъ-бы поддержать его, и однимъ изъ первыхъ дѣлъ его была посылка на Донъ какого то чернеца, чуть ли не подлиннаго Гришки Отрепьева. Кругъ отправилъ 8.000 человѣкъ къ польскимъ границамъ, и въ Краковъ къ Самозванцу явились два депутата, атаманы Корела и Нѣжакожъ, признавшіе его за подлиннаго Дмитрія.*) Кромѣ того, какъ писалъ впослѣдствіи Шуйскій, Самозванецъ «многія свои грамоты прелестныя къ украиннымъ людямъ писалъ, называючи себя царевичемъ Дмитріемъ Углетцкимъ и на Донъ, къ воромъ, къ Донскимъ атаманомъ и казакомъ, знамя свое воровское съ Литвы съ Литвиномъ съ Часнымъ Свирскимъ посылалъ».**)

Узнавъ, что Донъ готовъ поддержать Дмитрія, Годуновъ не нашелъ ничего умнѣе, какъ послать на Донъ Петра Хрущева, того самаго, который въ 1592 г. долженъ былъ стать начальникомъ всего Войска Донского по назначенію. Не слушая его уговоровъ, Войско заковало Хрущева въ кандалы и выдало его Дмитрію (Сент. 1604 г.). Станица, привезшая Хрущева, заявила, по словамъ польскаго источника, «какъ и прежде сего, что Войско находится въ готовности и подданствѣ Царевичу, яко природному государю своему».***)

Самозванецъ постоянно подчеркивалъ свой демократизмъ. Въ Тулѣ (май—іюнь 1605 г.), принимая главнѣйшихъ представителей боярства, признавшаго, наконецъ, его царемъ, онъ демонстративно «преже московскихъ бояръ» припялъ Донскихъ атамановъ и казаковъ со Смагою Чертенскимъ во главѣ, и казаки потѣшились тутъ надъ высокомѣрнымъ и гордымъ боярствомъ, тутъ же при царѣ «лаяли и позорили» ихъ, а потомъ и Дмитрій «наказываше и лаяше» бояръ «якоже прямый царскій сынъ», указывая, что они признали его позже казаковъ и простого народа.[1])

Сцена въ Тулѣ показала боярамъ, чего имъ ждать отъ Самозванца. Впослѣдствіи, самъ Сигизмундъ, помогавшій Самозванцу сѣсть на престолъ, попрекалъ его память, говоря, что онъ «боярскіе дворы и животы, и помѣстья, и вотчины роздалъ худымъ людямъ, каковъ самъ, и казакомъ Донскимъ и Запорожскимъ».[2]) Не лучше было боярамъ и отъ тѣхъ Донцевъ, которые помѣстій не искали. Атаманъ Корела расхаживалъ по Москвѣ и «чудилъ», говоря, что онъ презираетъ блага міра сего. «Тогда, говоритъ современникъ, — отъ злыхъ враговъ казаковъ и холопей всѣ умные только пла-

*) Костомаровъ „Смутное время“, СПБ. 1868, т, I. 83, 108. „Рустіи зъ Дону казачея пріидоша къ нему въ Литву“... „Русс. Ист. Библ.“, т. XIII, с. 25—26 и 156.

**) Собр. Гос. Грам. и Д., т. II, с. 323. Письмо (Дек. 1606 г.),

***) Собр. Гос. Грам., т. II. 173, Допросы 3 Сент. 1604 г.; Акт. Ист., II, 281.

[1]) Костомаровъ, I 209; Платоновъ, „Очерки“ с, 271.

[2]) Акты Ист., т. II, с. 350.

кали, не смѣя слова сказать; только назови кто царя разстригою, тотъ и пропалъ».*)

Мы не знаемъ, дошло ли до Главнаго Войска знамя Самозванца, но оно не присягнуло ему, какъ не присягало, впрочемъ, ни Іоанну, ни Ѳеодору, ни Борису. Равнымъ образомъ, не присягнулъ Донъ и Василію Шуйскому, хотя тотъ и посылалъ на Донъ — приводить Донскихъ казаковъ къ присягѣ — Василія Толстого. **) Шуйскій не питалъ нѣжныхъ чувствъ къ казакамъ и не снискалъ ихъ симпатій. При немъ часть Донцевъ приняла участіе въ движеніи Болотникова, который заявлялъ себя вѣрнымъ слугою Дмитрія, но боролся въ сущности во имя мести не только боярамъ, но и торговому классу. Какъ только кн. Шаховской поднялъ въ Путивлѣ и на Сѣверской Украйнѣ возстаніе противъ Шуйскаго, во имя якобы уцѣлѣвшаго Дмитрія, Донцы снова двинулись на сѣверъ на защиту «своего» царя. Въ это время на Донъ явились Терскіе казаки, которые шли на Русь съ изобрѣтеннымъ ими «Царевичемъ Петромъ», якобы сыномъ царя Ѳеодора. Донцы охотно помогли «Петру» взять и разорить до тла гор. Царевъ-Борисовъ, имъ ненавистный.***)

Казачество «воровское» и вольное сочувственно отнеслось къ идеѣ соціальнаго переворота, брошенной Болотниковымъ. По словамъ современника, прокламаціи («воровскіе листы») Болотникова «велятъ боярскимъ холопамъ побивати своихъ бояръ и жены ихъ, и вотчины, и помѣстья ихъ сулятъ; и шпынямъ, и безымяннымъ-воромъ велятъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивати и животы ихъ грабити; и призываютъ ихъ воровъ къ себѣ» (къ мятежникамъ) «и хотятъ имъ давати боярство и воеводство и окольничество и дьячество . . .»

Однако, подобная программа передѣла наличнаго имущества и перетасовки общественныхъ классовъ оттолкнула отъ Болотникова имущіе классы, пошедшіе было за нимъ, да и «Дмитрій» (Молчановъ) не явился изъ Польши, чтобы явно выдать себя за убитаго Самозванца. Разбивши Болотникова, Шуйскій жестоко казнилъ главныхъ враговъ, но служилыхъ, а также вольныхъ казаковъ отпустилъ на «старыя печища» и на «польскіе юрты». Отпущены были и тѣ владѣльческіе люди, крестьяне и холопы, «за которыхъ никто не имался въ холопствѣ» и тѣ, которые вышли въ казачьи войска по отпускнымъ изъ холопства. Всѣ эти люди вскорѣ явились къ Москвѣ снова, когда появился такъ наз. «Воръ», или «Тушинскій воръ», какъ его прозвали.

*) Палицынъ „Сказаніе объ осадѣ“, 1822, с. 27. См. также „Русс. Ист. Библ.“, т. XIII, СПБ. 1891.

**) Дон. Дѣла, т. I, с. 23.

***) Кн. Катыревъ-Ростовскій писалъ объ этомъ: „къ Петру прилѣпишася несмысленніи человѣцы казацкого того сонма“, и съ Дону „Петръ“ пошелъ „со множествомъ казацкаго собранія“ . . . „Памятники древ. письменности, относящіеся къ Смут. Времени“, СПБ., 1891, с. 602—3.

Если Донцы поддержали съ Болотниковымъ призракъ царя Дмитрія, одно имя его, то естественно, что они пошли къ живому человѣку, который довольно неожиданно для самаго себя попалъ въ Дмитріи. У Тушинскаго «царика» оказалось, помимо 20.000 поляковъ, 30.000 Запорожцевъ, а также 15.000 Донскихъ казаковъ, не считая людей московскихъ. Главная сила «вора» была въ казачествѣ. Идеаломъ послѣдняго было насажденіе въ метрополіи «казатчины», т. е. того устройства, которое создалось на Дону, въ Запорожьѣ, на Яикѣ и т. д. Трудно сказать во что, въ какія государственныя формы вылилось бы новое общественное и государственное устройство на Руси, если бы побѣдило казачество. Но «казатчина» насаждалась не только Донцами, которыхъ тоже нельзя выставлять, какъ борцевъ исключительно за республиканскій и эгалитарный идеалъ, но и Запорожцами и поляками, идеаломъ коихъ была добыча. Дѣло Царика гибло не только потому, что онъ былъ самозванецъ въ квадратѣ (Лже-Лже-Дмитрій), не только потому, что оно съ начала было скомпрометировано иностранной помощью, но и оттого, что элементы государственнаго и общественнаго переустройства въ его лагерѣ отсутствовали или подавлялись просто разбойничьимъ элементомъ. «Казатчина» приняла форму анархіи и грабежа, отъ которыхъ крестьянство страдало не меньше высшихъ классовъ. Между тѣмъ, мода на самозванцевъ до того усилилась на «Полѣ», что тамъ ихъ стали фабриковать десятками. Самъ «Воръ», уже въ началѣ 1608 г. вынужденъ былъ издать списокъ состряпанныхъ «въ казачьихъ юртахъ на Полѣ» конкуррентовъ своихъ. Все это были царевичи: второй Петръ, Ѳеодоръ, Клементій, Савелей, Симеонъ, Василій и даже, просто, «царевичъ Ерошка, царевичъ Гаврилка, царевичъ Мартынка». Войско не имѣло отношенія къ этому «творчеству», но отдѣльные Донцы къ нему свою руку приложили.

Начало 1610 г. принесло бѣгство Царика въ Калугу, потому что Сигизмундъ самъ началъ походъ на Россію съ цѣлью покорить ее, и польская часть Тушинскаго войска отшатнулась къ королю. Знатные тушинцы изъ москвичей послали пословъ къ Сигизмунду, а Донцы пошли за «Дмитріемъ» въ Калугу, не желая служить чужеземцамъ. Тушинскіе же знатные москвичи, съ Салтыковымъ во главѣ, просили королевича Владислава на московское царство и составили договоръ (4—14 февр. 1610 г.) объ условіяхъ, на которыхъ долженъ былъ царствовать Владиславъ. Впослѣдствіи, по сверженіи Шуйскаго, пункты февральскаго договора были повторены въ договорной записи, заключенной 17/27 августа 1610 г., гетманомъ Жолкевскимъ съ Московскимъ Временнымъ Правительствомъ (боярина Мстиславскаго), о призваніи на царство Владислава. И знатные тушинцы, въ февралѣ, и бояре московскіе, въ августѣ 1610 г., внесли въ договоръ такой пунктъ:

«На Волгѣ, на Дону, на Яикѣ и на Терекѣ казаки будетъ надобе, или ненадобе, о томъ Государю Королевичу говорити съ бояры и съ думными людьми, какъ будетъ на Государствѣ».*)

Такимъ образомъ, правящая группа метрополіи въ 1610 году поставила вопросъ о самомъ существованіи казачьихъ демократій на Дону, Яикѣ, Волгѣ и Терекѣ. Интересно, что вопросъ ставился лишь о вольномъ, но не о служиломъ казачествѣ. Донцы остались вѣрны «Вору» до конца. Та часть ихъ, которая осталась на Руси послѣ гибели Вора, пошла за атаманомъ Ив. Заруцкимъ, вступившимъ въ союзъ съ рязанцами, которые собирались подъ Москву на поляковъ. Организуя казачьи силы, Заруцкій разослалъ прокламаціи, призывая «людей боярскихъ крѣпостныхъ и старинныхъ», всѣмъ обѣщая волю и жалованье, «какъ другимъ вольнымъ казакамъ». Земская часть ополченія шла за Прокопіемъ Ляпуновымъ, казачья — за Заруцкимъ, который жаловалъ казачьимъ атаманамъ города и волости. Попытка компромисса земщины и «казатчины» не удалась. Дума, собранная походнымъ войскомъ, большинствомъ земскихъ голосовъ постановила вернуть прежнимъ владѣльцамъ бѣглыхъ и выведенныхъ насильно за время смуты людей и крестьянъ. Рѣшено было также не посылать казацкихъ атамановъ для сбора корму, а дворянъ и дѣтей боярскихъ со стрѣльцами и казаками.

Недовольство казаковъ на Ляпунова было использовано поляками, которые подослали имъ поддѣльную грамоту Ляпунова. Въ ней говорилось, что казаки враги и разорители Московскаго государства, что ихъ слѣдуетъ брать и топить, куда только они придутъ. «Когда Богъ дастъ, Московское государство успокоится, тогда мы истребимъ этотъ злой народъ...» Это была искусная поддѣлка, удивительно удачная по содержанію, если сопоставить ее съ извѣстнымъ договорнымъ пунктомъ 1610 г. Ляпуновъ, явившійся для объясненій въ казачій кругъ, былъ зарубленъ.

Заруцкій, оставшійся побѣдителемъ, мстилъ земщинѣ, отнимая у дворянъ, дѣтей боярскихъ и, вообще, у земскихъ людей жалованье, кормъ и самыя помѣстья. Его дѣятельность вызывала рѣзкую реакцію среди земщины. Восточные и сѣверо-восточные города откликнулись на смерть Ляпунова грамотами, въ которыхъ они взаимно обѣщались «казаковъ въ городъ не пущати..., а выбрати бы намъ на Московское государство Государя всею землею Россійскія Державы; а будетъ казаки учнутъ выбирати... Государя по своему изволенію одни, не сослався со всею землею, и намъ того Государя на Государство не хотѣти.»**)

---

*) Собр. Гос. Грам., т. II, 395 и 404.
**) Собр. Гос. Грам., II, с. 569.

Эта перекличка городовъ между собою была вызвана двумя обстоятельствами: во-первыхъ, слухами — и довольно основательными — о желаніи Заруцкаго провозгласить царемъ «Воренка», т. е. сына Марины отъ Вора; во-вторыхъ, тѣмъ, что, послѣ смерти Ляпунова, зачатки правительственной власти, организованные въ земскомъ ополченіи 1611 г., попали въ руки Заруцкаго и казаковъ.

Движеніе, начатое Гермогеномъ, подхваченное Мининымъ и нижегородцами, привело земское ополченіе 1612 г. къ Москвѣ. Временное правительство, организованное въ Ярославлѣ, составилось изъ элементовъ, враждебныхъ казачеству. Оно полагало, что убивши Ляпунова, «старые заводчики великому злу, атаманы и казаки, которые служили въ Тушинѣ лжеименитому царю», желали всѣмъ въ государствѣ «по своему воровскому обычаю владѣти». Присягнувши (въ таборахъ подъ Москвою, 2-го марта 1612 г.) псковскому Вору (новому самозванцу), казаки вернулись къ «своему первому злому совѣту: бояръ и дворянъ и всѣхъ чиновъ людей и земскихъ уѣздныхъ лучшихъ людей побити и животы разграбити и владѣти имъ по своему воровскому казацкому обычаю». «Первый злой совѣтъ» казачій, — это было стремленіе казачества къ уничтоженію зависимости крестьянства отъ землевладѣльцевъ, къ имущественному поравненію, къ народоправству. Призывая къ объединенію дворянской земщины, ярославское правительство желало борьбы не только противъ чужеземцевъ, но и противъ «русскихъ воровъ, которые новую въ государствѣ кровь всчинаютъ»

При приближеніи новаго ополченія къ Москвѣ, Заруцкій съ Мариной и «воренкомъ» и съ частью казаковъ побѣжалъ на югъ. Онъ достигъ р. Медвѣдицы, но Донъ его не поддержалъ. Добѣжалъ онъ до Яика, но былъ выданъ и казненъ. Такъ кончилъ вождь части казачества, еще недавно разсылавшій изъ-подъ Москвы грамоты отъ «бояръ и воеводъ, князя Дмитрія Тимофѣевича Трубецкого и Ивана Мартыновича Заруцкаго». Достоинствомъ Заруцкаго и поддерживавшаго его казачества было то, что они пошли съ представителями земщины противъ польской «интервенціи». Недостаткомъ, его погубившимъ, было то, что онъ не столько стремился освободить народные низы, сколько сажалъ имъ помѣщиками своихъ же атамановъ и казаковъ и изнурялъ ихъ реквизиціями и грабежомъ. Вмѣстѣ съ нимъ отхлынула на югъ часть вольнаго и воровского казачества, убоявшаяся «земщины».

Оставшіяся подъ Москвою подъ началомъ другого вождя казачества, кн. Дмитрія Трубецкого, казаки, среди коихъ было немало донцевъ, сыграли видную роль въ очищеніи Москвы отъ поляковъ. Именно они подготовили отступленіе отъ Москвы гетмана Хоткѣвича, шедшаго на помощь; они же въ октябрѣ 1612 г. взяли приступомъ Китай-городъ. Казацкіе

же атаманы, а не московскіе воеводы, отбили отъ Волоколамска Сигизмунда, шедшаго къ Москвѣ и заставили его вернуться домой.

Вопросъ объ организаціи общегосударственной власти былъ разрѣшенъ путемъ компромисса между земщиной и казачествомъ; сперва «приговориша всею ратью съѣзжаться на Неглиннѣ», т. е. на нейтральномъ мѣстѣ между казацкимъ и земскимъ лагерями («таборами»). Пожарскій (отъ земщины) и Трубецкой (отъ казачества) писали, что они «по челобитію и по приговору всѣхъ чиновъ людей стали во единачествѣ и укрѣпились, что намъ да выборному человѣку Кузьмѣ Минину Московскаго государства доступать и Россійскому государству во всемъ добра хотѣть безо всякія хитрости; и Розрядъ и всякіе приказы поставили на Неглиннѣ и на Трубѣ, и снесли въ одно мѣсто и всякія дѣла дѣлаемъ заодно...»

Пожарскій и Трубецкой довольно быстро созвали учредительный Земскій Соборъ, первый безспорно всесословный Земскій Соборъ съ участіемъ посадскихъ и даже сельскихъ обывателей. Казачество приняло видное участіе въ предвыборной агитаціи. Сперва оно выставило Воренка, сына Тушинскаго Вора, «казачьяго царя».*) Но затѣмъ побѣдила кандидатура сына тушинскаго же патріарха Филарета (Ѳеодора) Никитича Романова — Михаила. Въ то время, когда дворянство разбивало свои голоса между Мстиславскимъ, Голицынымъ, Трубецкимъ и другими кандидатами, примиряясь на Михаилѣ, казацкая громада громко и единогласно поддержала Михаила. Въ то время, когда шла борьба партій на Соборѣ, какой то галицкій дворянинъ подалъ записку за Романова. Раздались сердитые голоса: «кто принесъ такое писаніе, откуда...»

Тогда разыгралась сцена весьма показательная. Изъ рядовъ выборныхъ вышелъ одинъ изъ Донскихъ атамановъ и, демонстративно подошедши къ столу, положилъ на него «писаніе»..

— «Какое это писаніе ты подалъ, атаманъ, — спросилъ его кн. Д. М. Пожарскій.

— «О природномъ царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ», — отвѣчалъ атаманъ. «Прочетше писаніе атаманское, — пишетъ лѣтописецъ, — бысть у всѣхъ согласенъ и единомысленъ совѣтъ..»

Конечно, не «писаніе» атаманское было убѣдительно, а казацкія сабли, стоявшія за атаманомъ. Дворянство, склонявшееся, отчасти, къ мысли о Михаилѣ, поддержало его кандидатуру. Казаки бушевали, требуя избранія того, кто по отцу тѣсно и неразрывно связанъ былъ съ революціонной эпохой.

*) Боярскій сынъ Ив. Философовъ, въ концѣ ноября 1612 г., показывалъ полякамъ, что бояре и лучшіе люди хотятъ Владислава, но прямо говорить не смѣютъ, боясь казаковъ. „А казаки-де говорятъ, чтобъ обрать кого изъ русскихъ бояръ, а примѣриваютъ Фяларетова сына и Воровского Калужскаго. И во всемъ-де „казаки бояромъ и дворяномъ сильны, дѣлаютъ, что хотятъ“ . . .

21 февраля 1613 г. вооруженными толпами они явились на Красную площадь, и Михаилъ былъ выкрикнутъ прежде, чѣмъ поставили вопросъ, кого-молъ выбирать.

Участіе казаковъ въ Соборѣ 1613 г. несомнѣнно, на избирательномъ актѣ есть и подписи «за нихъ» (по ихъ неграмотству). Но также несомнѣнно и то, что Войско Донское, какъ таковое, не принимало участія въ избраніи царя.

Отдѣльные Донскіе атаманы и казаки приняли участіе въ «государскомъ обираньѣ», приняли присягу, ходили въ Кострому упрашивать Михаила принять избраніе.*) Но Войско не принимало участія ни въ избраніи царя, ни въ присягѣ на вѣрность.**)

Если сторонники народоправства и освобожденія крестьянъ и не одержали побѣды въ революціи начала XVII вѣка, то и дворянство, отстоявшее московскій государственный и общественный порядокъ, не въ силахъ было раздавить вольныя казачьи демократіи. Послѣднія вышли изъ Смуты окрѣпнувшими и пережили періодъ расцвѣта и славы.

Глава IX.

Донъ въ эпоху вассалитета (1614—1671) и его международныя отношенія.

Избраніе Михаила при помощи казачества имѣло большое значеніе для установленія хорошихъ отношеній между московскимъ государствомъ и Донской колоніей. Поляки прямо утверждали, что «Михаила выбрали не бояре, а взбунтованное казачество». Интересно, что, очищая сѣверъ и центръ Руси отъ воровского казачества, правительство Михаила сочло долгомъ сдѣлать реверансъ по адресу вольнаго и служилаго казачества. Земскій Соборъ приговорилъ (сент. 1614 г.) «къ ата-

*) Донскія Дѣла, т. I. На грамотѣ объ избраніи Михаила нѣтъ подписей за Донскихъ казаковъ: онѣ имѣются за Рыльскихъ, Бѣлогородскихъ и Ливенскихъ „посадцкихъ людей, и казаковъ, и стрѣльцовъ, и пушкарей“ . . . но здѣсь дѣло идетъ о служилыхъ городовыхъ казакахъ. Собр. Гос. Гр., т. I, 635—643.

**) Платоновъ правильно отмѣтилъ, что казачество сыграло видную роль въ избраніи Михаила, и что выборъ этотъ связанъ былъ съ воспоминаніями объ участіи Филарета въ тушинскомъ правительствѣ. Платоновъ „Вопросъ объ избраніи“, „Ж. М. Н. Пр.“, 1913, II, 188. Но не менѣе правъ и А. И. Соболевскій, говорящій, что это было больше служилое казачество московскаго Юга, а не „вольница“. Соболевскій „Земщина и казаки при избраніи на царство Михаила“. „Р. Арх.“, 1913, N 6, с. 625 и сл. По мнѣнію Соболевскаго, вольные казаки или ушли къ Заруцкимъ на югъ, или грабили крестьянъ на сѣверѣ. По вопросу объ избраніи Михаила см. статью Готье въ „Чтеніяхъ М. О. И. и Др.“, 1913, IV; Цвѣтаевъ „Избраніе М. Ѳ.“, М. 1912, 79 с.; Яблонскій „Монархическая идея въ событіяхъ Смут. времени“, Харьковъ, 1913; Сташевскій „Очерки по исторіи царствованія Мих. Ѳед.“, ч. I. Кіевъ, 1913, 390 с.; сборникъ „Три Вѣка“, М. 1913; Обзоръ у Гнѣвушева“ Нов. изд. матеріалы, касающіеся Смут. Времени“, „Научн. Ист. Журн.“, 1914. III.

манамъ и казакамъ, которые стоять въ уѣздѣхъ и Государеву землю пустошатъ», послать делегацію отъ Собора, предложить тѣмъ атаманамъ и казакамъ, которые «хотятъ отобратися отъ воровъ, именъ своихъ списки прислать къ Государю и идти на Государеву службу», за которую царь «пожалуетъ ихъ денежнымъ жалованіемъ». Вѣрныхъ казаковъ Соборъ призывалъ «на воровъ стоять за одинъ и надъ ними промышлять для того, что они пуще и грубнѣе Литвы и Нѣмецъ, и «казаки» (т. е. казаками) тѣхъ воровъ не называть, чтобы прямымъ атаманамъ, которые Государю служатъ, тѣхъ воровъ казачьимъ именемъ безчестья не наносить».*) Такъ что не было уже больше рѣчи, нужны ли вообще казаки на Дону, или нѣтъ.

Это не помѣшало тому же Михаилу Ѳеодоровичу писать въ 1617 г. «И мы вамъ Ахметъ салтанову величеству, про тѣхъ воровъ, про Донскихъ казаковъ, объявляемъ, что тутъ на Дону живутъ нашихъ государствъ воры бѣглые люди и казаки вольные, которые бѣгаютъ изъ нашихъ государствъ заворовавъ отъ татьбы и отъ разбою и отъ всякихъ смертныхъ винъ, боясь отъ насъ смертныя казни, и тутъ, на Дону живучи, воруютъ, сложася, ссылаяся съ запорожскими черкасы; по повелѣнью недруга нашего польскаго короля, въ смутное время съ польскими и съ литовскими людьми и съ запорожскими черкасы наши великія россійскія государства воевали и многія мѣста запустошили и единоплеменную крестьянскую кровь розлили и многую смуту тѣ воры, называючи воровъ свою братью государскими дѣтьми, учинили . . .» Царь обѣщалъ: по окончаніи польской войны «мы на тѣхъ воровъ пошлемъ рать свою и съ Дону ихъ велимъ сбити . . .»**)

Конечно, тутъ было много «словесности», необходимой для турокъ, но были и искреннія ноты.

Въ 1613 г. уже начался отливъ Донцевъ, зашедшихъ на Русь за время Смуты; тѣхъ, кто позадержался, и честью попросили. Съ Войскомъ же Донскимъ искали союза и Жигимонтъ (Сигизмундъ) польскій, и Москва. Къ первому послѣ смуты войсковому атаману, Смагѣ Чертенскому, были посланы послы отъ Жигимонта, что онъ «учинился на Московскомъ государствѣ государемъ, и они бъ (Донскіе казаки) служили ему также, какъ и прежнимъ московскимъ государемъ . . .»

Съ своей стороны, и Земскій Соборъ, продолжавшій сотрудничать съ молодымъ Михаиломъ въ дѣлѣ правленія, и составлявшій часть его Освященный (Духовный) Соборъ, посылали на Донъ атаманамъ и казакамъ и «всему великому Войску»***) грамоты, полныя похвалъ Донскому казачеству за

*) Соб. Гос. Грам. т. III. с. 101.

**) „Истор. опис.“, с. 93; Дон. Дѣла, т. I, с. 62, 70, 89, 147.

***) Нѣкоторые историки думаютъ, что это былъ титулъ, данный Донцамъ царями за отличія. На самомъ дѣлѣ, Соборъ писалъ всему войску, всей Донской колоніи, а не отдѣльной части: верховымъ или низовымъ казакамъ. „Все великое

его патріотическое участіе въ общенаціональномъ дѣлѣ. Напоминая Донцамъ Ивана IV-го и Ѳеодора къ нимъ жалованіе и ихъ «прямую службу», Соборъ просилъ казаковъ «потомужъ» (такъ-же) «служить и прямити» и Михаилу и проводить до Азова царскаго посланника Солового Протасова. Соборъ звалъ казаковъ итти къ Путивлю на поляковъ и тѣмъ «начальныя службы свои и радѣнье къ царю показать...» «А за свою нынѣшнюю и прежнюю многую службу вы..... отъ всемогущаго Бога милости, а отъ царя..... великое жалованье, отъ всякихъ людей Московскаго государства и отъ окрестныхъ государствъ честь и славу и похвалу будете имѣть...»

На Хопрѣ еще казаки въ 1613 г. «воровали, прямили Маринкѣ и сыну ея», но въ нижнихъ юртахъ посла встрѣтили съ честью, «стрѣляли изъ наряду и изо всего мелкаго ружья», приняли жалованье и «обѣщалися» Михаилу «служити и прямити во всемъ, какъ прежнимъ великимъ государемъ». Послѣдняя оговорка имѣла важное значеніе. Казаки не присягали царю «по записи», какъ вся Россія, но обѣщались лишь служить въ прежнемъ объемѣ. Протасовъ завѣрялъ Михаила: «и правда, государь, и радѣнье атамановъ и казаковъ и всего войска къ тебѣ единодушна, отнюдь безо всякаго суетнаго позабыванія».

Высоко характерны для выясненія взаимоотношеній Дона и Россіи слова отписки, посланной Михаилу 5 ноября 1613 г. съ Дону. Колонія уже успокаивалась послѣ Смуты; но еще не были въ полномъ единствѣ съ Войскомъ всѣ верховые казаки, и въ грамотахъ поминались, то семь главнѣйшихъ «низовыхъ атамановъ», то три, то, наконецъ, два (Смага Чертенскій и Епифанъ Родиловъ). «Государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Руси холопи твои царскіе донскіе низовые атаманы, Смашка Степановъ, да Епишка Родиловъ, да Митька Кабановъ, да Семенецъ Уколовъ, да Дементейка Ерофѣевъ, да Михалко Трубченинъ, да Иванко Носъ, всѣ атаманы и казаки и все войско отъ низу и до верху, о милости Божіей и о твоемъ царскомъ великомъ жалованьѣ челомъ бьютъ. Прислалъ ты..... своего посла къ турскому царю.... и свою царскую и милосердную и жаловальную грамоту, а въ ней пишетца къ намъ твое царское жалованное слово....»

«И мы, холопи твои, грамоту вычетъ и рѣчь по наказу выслушавъ отъ тебя, что ты.... (съ посломъ) наказалъ, и мы о Бозѣ радуемся и били есмя челомъ на твоей милости до лица земли, и приняли твое жалованье съ великой радостью, и звоны звонили, и молебны пѣли, и милости у Бога просили о твоемъ государевѣ многолѣтнемъ здравіи, изъ на-

Войско“ означало въ XVII вѣкѣ все Донское войско, находящееся въ сборѣ. П. Н. Красновъ въ 1918 г. превратилъ его во „Всевеликое“ (Allmächtig, tout puissant).

ряду и изъ мелкаго ружья стрѣляли, и служити тебѣ, великому государю, ради вседушно, какъ есьми служили прежнимъ царемъ и государемъ польскую службу съ травы да съ воды и кровь свою проливаемъ.»

Затѣмъ шло сообщеніе, сколько и какого жалованья дошло до войска. «Да ты же, государь .... пишешь въ своей царской грамотѣ, чтобы мы тебѣ, государю, служили польскую службу: на крымской и на ногайской сторонѣ по шляхомъ разъѣзжали и по перевозомъ лежали да и съ азовскими людьми тюшманиться намъ не велѣлъ, и всѣмъ мирнымъ быти для своего царскаго и земскаго строенья... И мы... вседушно ради Божью волю и твою царскую творити во всемъ до исхода души своея, и осѣли есьми нынѣ по юртишкамъ для тебя, самодержавнаго государя ни подъ Азовъ, ни на море уже не бывати, ни на перевозы, ни въ походы не ходити. Православный царь государь, пожалуй насъ, холопей своихъ, своимъ царскимъ великимъ жалованьемъ денежнымъ, и сукны, и селитрою, и свинцомъ, и запасомъ, чѣмъ мы нужны, чтобы мы холопи твои, служа съ травы да съ воды, наги и босы и голодны не были, а насъ... теперь на Дону тысяча восемьсотъ и восемьдесятъ, и восемь человѣкъ...» Число это скоро же возросло во много разъ.

По поводу выхода на службу противъ поляковъ Донцы писали, что они «нынѣшнее лѣто пѣши и безконны, а се зима предлежитъ...» Вообще же, замедлили они изъ за проводовъ посла въ Азовъ. Послѣ чего они «сѣли уже на всю зиму и на лѣто по своимъ юртамъ...» «А у насъ, — продолжали они, — то и лучей зипунъ былъ, по вся дни подъ Азовъ да на море ходити, а нынѣ... и перевозы не наши, коли со Азовымъ мирнымъ быти, ты, государь, въ томъ воленъ, а чтобы земское дѣло и твое Россійское царство строилось, а покой и тишину Богъ далъ... а мы, холопи твои прироженные, много лѣтъ ожидали будущихъ благъ, а на кроволитіе есьми нигдѣ не дерзнули, а на Волгу... многижда пишемъ и приказываемъ ко атаманомъ и казакомъ волжскимъ и терскимъ и яицкимъ, чтобы они убоялись Бога и держалися правды, и бездѣлья Маринкина и сына ея не слушали, и не воровали на Волгѣ, а отъ твоей царской милости съ нами неотступны были... А послали мы... къ тебѣ, милостивому и милосердному царю и государю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Русіи, бити челомъ о своей нуждѣ отъ всего войска Донского, любя и вѣрячи, донского атамана Игната Давыдова сына Бедрищева, да съ нимъ казака....; а отпущенъ съ Дону Ноября въ 5-ый день.»

Мы нарочно сдѣлали такую большую выписку, чтобы подвергнуть ее разбору. Здѣсь нужно добавить, что въ отвѣтъ на эту отписку Михаилъ Ѳеодоровичъ послалъ на Донъ дворянина Опухтина, который въ кругу «спросилъ ихъ отъ госу-

даря о здоровьѣ» и передалъ имъ царскую похвальную грамоту и государево знамя. Въ 1613 г. Войску дана была грамота о снятіи съ Дона объявленной въ 1600 году блокады, о разрѣшеніи Донскимъ казакамъ свободнаго пріѣзда съ Дона въ русскіе «украинные», т. е. пограничные города «къ родимцомъ» съ товаромъ и безъ товара. Въ сентябрѣ 1614 г. сношенія съ Донскими казаками были переданы изъ Разряда въ Посольскій Приказъ (учрежденный въ 1601 г.). Такимъ образомъ, Россія признала Донъ государствомъ, а не общиною казачьей, и установила сношенія съ колоніей черезъ вѣдомство иностранныхъ дѣлъ.

Но какимъ же образомъ, казаки именовали себя «холопями», «вѣковыми (государевыми) холопями», «прирожденными (царскими) холопями». Значитъ, Донъ не былъ государствомъ или государствоподобнымъ образованіемъ, а казаки были «рабами», подданными царя.

Въ тѣсномъ смыслѣ холопами или «людьми» назывались въ Москвѣ, вообще, рабы: или плѣнные, или вошедшіе въ это званіе по долговымъ обязательствамъ, или родившіеся отъ рабовъ; по отношенію же къ царю-подданные.

Но въ обширномъ смыслѣ холопами назывались всѣ тѣ, которые были обязаны какою нибудь службою другому лицу. Въ этомъ смыслѣ и бояре, и князья, писались царскими холопами. Въ этомъ же смыслѣ холопами царскими именовали себя и иностранцы, служившіе на русской военной службѣ и даже иностранные торговые гости.*) Въ этомъ, и только въ этомъ смыслѣ, именовали себя холопами вольные казаки (по французски: serviteurs, а не sujets и тѣмъ менѣе esclaves).

Въ этомъ убѣждаетъ насъ также категорическій отказъ казаковъ (вплоть до 1671 г.) принять присягу на вѣрность царю (т. н. крестное цѣлованіе учинить), подписать «крестоцѣловальную запись» по «чиновной книгѣ» Московской. Въ маѣ мѣсяцѣ 1632 г. былъ присланъ на Донъ дворянинъ князь Иванъ Дашковъ для приведенія казаковъ къ присягѣ. Властный и крутой отецъ царя Михаила, патріархъ Филаретъ, написалъ самъ текстъ этой присяги и включилъ въ него заявленіе, что казаки получатъ его, патріаршее прощеніе (въ тогдашней своей винѣ передъ Москвою) лишь въ случаѣ принесенія присяги на вѣрность.**) На это, войсковою «отпискою» 26-го мая 1632 г.

---

*) Ср. Дон. Дѣла, т. IV. с. 175, челобитная маіора Ирвинга и капитана Прусса, а также — Дон. Дѣла, т. II с. 36—7 челобитная „московскаго торговаго иноземца“ Пауля Вестгоффъ („Павла Вестова“).

**) Текстъ ея во „Временникѣ Моск. Общ. Ист. и Древн“., т. IV, смѣсь, с. 25. Исправнѣе въ „Акт. Моск. Госуд.“, т. I, СПБ., 1890, с. 431—435. Помимо полной присяги на вѣрность, патріархъ Филаретъ прибавилъ: „также намъ самовольствомъ безъ государскаго указа подъ турскаго городы . . . и на крымскіе улусы . . . на Волгу и подъ Астрахань . . . не ходить . . . и на Хвалимское море . . . и государевыхъ пословъ и посланниковъ и воеводъ и ратныхъ людей не побивати, и не грабити . . . А будетъ мы, атаманы и казаки и все войско донское, не учнемъ . . .

казаки отвѣтили, что грамотою, присланною съ Дашковымъ, имъ «указано цѣловати крестъ по записи, а ко крестному цѣлованію велѣно привести» ихъ Дашкову, а затѣмъ казаковъ велѣно «взяти въ смѣту, сколько насъ будетъ...»* «И крестнова, Государи (царь и патріархъ), «цѣлованья на Дону, какъ зачелся Донъ казачьи головами, не повелось. При бывшихъ Государехъ старые отоманы казаки имъ непремѣнно служивали не за крестнымъ цѣлованіемъ...» Дальше шло перечисленіе казачьихъ службъ Россіи: «въ которыя время царь Иванъ стоялъ подъ Казанью и по ево государеву указу отоманы казаки выходили зъ Дону и зъ Волги, и Яика, и съ Терка и отоманъ Сусаръ Ѳедоровъ и многие отоманы казаки яму, Государю, подъ Казанью служили не за крестнымъ цѣлованьямъ...» Перечисливши восьмидесятилѣтнія службы Россіи, казаки повторяли каждый разъ, что тогда они не «за крестнымъ жа цѣлованьемъ служили...» «Да не токма, Государи, донскихъ, и волотцкихъ, и яицкихъ, и терскихъ выхаживали при бывшихъ царѣхъ на украинные городы... донецкіе казаки, и тѣхъ бывшіе государи ко кресту приводить нигдѣ неуказали.»

Далѣе слѣдовала энергичная фраза: «а съ нами, холопи вашими, тово крестнова целованья на Дону не обновитца, чево искони вѣкъ не была...» Это былъ категорическій отказъ присягать, несмотря на то, что обстоятельства были чрезвычайныя: казаки убили передъ тѣмъ царскаго посла Карамышева; посланные казаками въ Москву атаманы Богданъ Канинской и Тимофѣй Яковлевъ (Лебяжья Шея) присягнули царю. Но Войско отреклось отъ пословъ. Оно писало: «а креста, государи целовати мы челобитчикомъ своимъ не писали, то они... учинили, не помня старины, своими молодыми разумы, безъ нашево войскового совѣту и безъ приказу.»

Вотъ — документъ, являющійся для юриста необходимымъ и достаточнымъ для опредѣленія государственно-правового положенія Дона въ XVII вѣкѣ.

«Мы, холопи ваши прироженные, служимъ ваши государскіе всякие полевые службы и вашихъ государевыхъ пословъ и посланниковъ і воеводъ, по вашему указу, встречаемъ и примаямъ и провожаемъ не за крестнымъ целованьямъ и при

служити... какъ въ сей записи писано, и до своего живота, и на насъ не будь милость Божія..., и небудь на насъ прощенье и благословенье святѣйшаго патріарха"... Костомаровъ („Бунтъ Разина", 1859, с. 8) и Дружининъ („Расколъ", с. 44) считали ошибочно, что казаки цѣловали крестъ въ 1632 году. Ту-же ошибку относительно 1613 г. повторяетъ Платоновъ. На самомъ дѣлѣ, какъ видно изъ донской отписки, найденной Хар. И. Поповымъ, донцы отказались присягать.

*) Еще въ февралѣ 1614 г., при пріѣздѣ Бедрищева, отъ него желали получить имена всѣхъ донцевъ. Приказъ писалъ: „А на тѣхъ казаковъ, которые съ атаманы по дальнимъ городкомъ и по юртомъ, государева жалованія... выложить ныне не мочно, потому что того невѣдомо, сколько въ которой станицѣ человѣкъ казаковъ"... Но прошло еще лѣтъ сто, пока донцевъ „смѣтили" и переписали. Дон. Дѣла, I, с. 27.

твоемъ царьскомъ величествѣ тобѣ, Государю Царю, и отцу твоему... Потриарху... многие твои государевы службы полявые противъ всякова государскова недруга за васъ, Государей, служимъ безъ крестнаго целованья неизмѣнно: ни къ Турскому, ни къ Крымскому, ни къ Литовскому, ни къ иному которому царю и королю служить не ходимъ окромѣ васъ, Великихъ Государей, всегда вездѣ за васъ... противъ всякова вашево государьскова недруга и не за крестнымъ целованьемъ за ваше государьская имя стоимъ и умираемъ...» Казаки точно перечислили объемъ своей добровольной службы Россіи, но подчеркивали, что дѣлали это «не за крестнымъ цѣлованіемъ», не подъ присягой.*)

Итакъ, казаки были слугами царю и Россіи, но не рабами и не подданными. Они были гражданами родственной по происхожденію, по вѣрѣ, по языку, но самостоятельной свободной республики.

Но можно ли утверждать, что Донъ былъ вполнѣ независимымъ отъ Руси государствомъ? Нѣтъ, зависимость отъ Руси была. Одни ученые опредѣляютъ ее какъ «союзъ»,**) но относятъ союзныя отношенія къ эпохѣ до 1549 г. Другіе, какъ Платоновъ, говорятъ о «протекторатѣ».***) Послѣдняя формула наиболѣе простая и заманчивая по своей простотѣ.

Мы предлагаемъ опредѣленіе «вассалитета», какъ формулу взаимоотношеній Московскаго государства и Донской колоніи («Войска Донского»), и обосновываемъ его слѣдующими соображеніями: въ отпискѣ 5 ноября 1613 г. колонія, сильно потрепанная событіями Смуты, сообщаетъ, что казаки «осѣли по юртамъ», что Войско, какъ таковое, во время Смуты «много лѣтъ ожидало будущихъ благъ» (субсидіи со стороны метрополіи), но «на кроворазлитіе нигдѣ не дерзнуло» во имя общенаціональныхъ интересовъ («ради царскаго и земскаго строенья»). Но война съ Азовомъ и получаемая съ него «для перемирья» опредѣленная дань была однимъ изъ средствъ добывать нужныя для колоніи средства. Поэтому колонія «била челомъ» царю о своей «нуждѣ» и заявляла, что готова «служити польскую службу» Михаилу «какъ прежнимъ государямъ». Царь послалъ Дону знамя, и это было первое знамя, принятое Войскомъ отъ царей Московскихъ. Это была своего рода инвеститура. Передача сношеній съ Донцами въ Посольскій Приказъ въ томъ же 1614 г. обозначала признаніе ихъ особымъ народомъ, а колоніи — особымъ государствомъ. Со своими подданными черезъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, и толь-

*) Сбор. Обл. В. Дон. Стат. Комит. т. XIII, с. 160 и слѣд.

**) Владимірскій-Будановъ „Обзоръ“ с. 116.

***) Платоновъ. „Очерки“, с. 536. Авторъ ссылается на слова Донской отписки отъ 22-го декабря 1613 года, что „они де (донскіе казаки) во всемъ царскому величеству послушны и на всякихъ государевыхъ недруговъ стоять готовы“... (Донск. Дѣла, I, с. 25) Тамъ же, с. 601, прим. 252.

ко черезъ него, не сносятся. Пожалованіе знамени было повторено въ 1646 году Алексѣемъ Михайловичемъ, и затѣмъ повторялось послѣдующими государями. Только Войско связывало съ этимъ пожалованіемъ знамени, и въ XVIII вѣкѣ, значеніе гораздо большее, нежели цари и Военная Коллегія.

Вассалъ получалъ отъ сюзерена бенефицій или феодъ за службу. Если найдется грамота Ивана IV казакамъ на владѣніе р. Дономъ, то и эту параллель съ вассалитетомъ можно будетъ провести. Мы, однако, полагаемъ, что казаки завоевали сами свою землю, а не получили ее въ даръ за службу. Однако-же, служба ихъ носила вассальный характеръ военной поддержки сюзерена. Правда, дани они не платили, наоборотъ, сами получали жалованье, что дѣлаетъ связь ихъ положенія съ вассалитетомъ — слабѣе. Въ отличіе отъ правителя-вассала, который утверждался или «признавался» сюзереномъ, донской атаманъ избирался Войскомъ и не нуждался ни въ чьемъ утвержденіи и признаніи. Такъ было до второй половины царствованія Петра I-го. Равнымъ образомъ, до 1709 г. атаманъ, лично, никакой инвеституры отъ царя не получалъ (знамя давалось Войску). Знакомъ атаманскаго достоинства былъ жезлъ — «насѣка». Войско имѣло собственную печать («елень пронзенъ стрѣлою»). И только въ 1705 г. Царь Петръ далъ Войску свои «клейноды» (знамя, перначъ, бунчукъ).

Формою сношеній царя съ Дономъ были царскія грамоты, посылавшіяся черезъ Посольскій Приказъ съ особыми посланниками, иногда съ русскими послами въ Турцію, ѣхавшими по Дону черезъ Азовъ въ Константинополь, иногда съ гонцами. Войско Донское настолько привыкло къ этому способу сношеній, что требовало царской грамоты черезъ Посольскій Приказъ даже тогда, когда воеводы сосѣднихъ русскихъ городковъ обращались на Донъ по уголовному дѣлу.*) Въ 1723 г., подчиненные уже вѣдомству Военной Коллегіи и получая отъ нея указы, донцы просили «полнаго царскаго указу» о посылкѣ 1.000 казаковъ на Дербентъ.**) Во время возстанія на Дону, въ 1772 году, казаки заявляли объ указѣ Военной Коллегіи, что на немъ нѣтъ «ручки нашей государыни», т. е. собственноручной подписи имп. Екатерины II. Тоже было и при возстаніи 1792 г. по поводу повелѣнія переселить часть казаковъ на Кубань. Даже въ XIX вѣкѣ, въ 1879 г., заявляя свое неудовольствіе противъ земства, въ той формѣ, какъ оно было введено въ 1876 г., верховые казаки заявляли: «Не хотимъ мы земства, это наше начальство его выдумало, а царь про то не знаетъ. Подай намъ подлинную Ляксандрову руку, тогда мы повѣримъ».***)

*) Ср. 1678 г. „Акты“ собр. Лишинымъ I с. 91; тоже 1703 г. тамъ же с. 225.
**) „Акты“ т. I. с. 303.
***) „Черный Передѣлъ“, N I, 15 Янв. 1880 г. с. 23, корресп. „Съ Тихаго Дона“.

Правда, въ эпоху ликвидаціи Смуты (въ 1614 г.) обращались къ Донскимъ казакамъ астраханскіе воеводы, призывая ихъ «на ратную службу по Государеву указу», и казаки имъ отвѣтили. Но астраханскій воевода именно имѣлъ право иностранныхъ сношеній.*)

Еще одна характерная для вассала черта, — это, если не отрицаніе права международныхъ сношеній, то ограниченія, и довольно сильныя, въ этой области. Въ теченіе XVI—XVII в.в. цари неоднократно пытались ограничить право Войска Донского на международныя сношенія.

Внѣшнія сношенія Войско имѣло: съ Московскимъ государствомъ, съ Азовомъ, который за дальностью отъ Константинополя велъ своеобразную и довольно самостоятельную политику; съ Крымскимъ ханомъ; съ Турецкимъ султаномъ; съ Польскимъ королемъ; съ Шахомъ Персидскимъ («кизылбашскимъ»); съ главами ордъ нагайскихъ татаръ и калмыковъ, съ казачьими войсками, т. е. вольными республиканскими колоніями Запорожья, Волги, Яика, Терека. Здѣсь не мѣсто излагать исторію внѣшнихъ сношеній Дона, однако, нельзя не замѣтить, что съ Азовомъ, принадлежавшимъ туркамъ, казаки годами вели войну, втеченіе почти двухъ вѣковъ. Въ этомъ отношеніи политика казаковъ была совершенно самостоятельна, и обѣ стороны воевали до изнеможенія, рискуя вовлечь въ войну и Турцію, и Россію. Масса грамотъ была послана царями на Донъ съ увѣщаніями не вести войны съ Азовомъ, или ради того, чтобы послы могли проѣхать изъ Турціи или въ Турцію, или во имя общерусской политики.

Между тѣмъ, полуторавѣковая борьба донцовъ съ азовцами выработала своеобразныя формы сношеній. Казаки посылали для заключенія мира въ Азовъ 2 казаковъ «мировщиковъ», взамѣнъ которыхъ присылались 2 татарина отъ бея Азовскаго заложниками, или какъ ихъ звали «аманатами». Если присылали турки, то переговоры велъ ихъ переводчикъ, а у донцовъ «войсковой толмачъ». Они «мѣрялись о перемиріе и о окупѣхъ ясырскихъ», т. е. о выкупѣ военно-плѣнныхъ. Казаки обычно, въ серединѣ XVII в., «бирали на миру по 10 человѣкъ Русково полону, и на станицы — золотые, и котлы большіе, неводы и нити на илымы рыбные и соли по 3 кочтаря на станицу». «Золотыхъ» уже въ началѣ XVII вѣка платили азовцы по 1.000 штукъ каждое «перемиріе». Договоръ утверждался обоюдной присягой: «лучшіе» азовскіе люди «шертовали» передъ казакомъ-татариномъ, а атаманы передъ «греческимъ попомъ», котораго турки присылали изъ Азова. Иногда азовцы вводили въ «мирную грамоту» условіе освѣдомлять взаимно другъ друга о намѣреніяхъ своихъ сюзереновъ (Тур-

*) Акты Ист., т. III, с. 22, 24, 414; Владимірскій-Будановъ „Обзоръ“ с. 205.

ціи и Россіи) и огорчались, что донцы не исполняли этого обѣщанія.

Иногда азовцы отзывались, что «имъ нынѣ разореніе, заплатить нечѣмъ, никакихъ судовъ съ товары и съ салтанскимъ жалованьемъ къ нимъ не бывало... а будетъ де за то (казаки) и розмирятца, и они съ ними готовы...» Казаки, получивъ такое извѣстіе «собирали круга съ четыре, и приговорили всѣмъ войскомъ съ ними розмиритца». Сторона, желавшая воевать, посылала «розмирную грамоту». Азовскій Резенъ-паша еще въ 1713 г. посылалъ казакамъ самостоятельно (помимо султана и царя) «розмирное письмо».*)

Грамоты Войску адресовались слѣдующимъ образомъ: (Войсковому атаману) «Ивану Каторжному отъ Мустафы князя и отъ Али-бея и отъ всѣхъ Озовскихъ ратныхъ людей челобитья», или еще: «грамота азовскаго паши Мустафы. Тебѣ, атаману, Ив. Каторжному, челобитье да всему Войску по челобитью-жъ...» «Листъ» крымскаго Мурадъ-Гирей Хана къ донскимъ казакамъ имѣлъ заголовокъ: «Наше Муратъ-Гирей Ханова Величества слово. Въ Ісусовѣ законѣ почтенному, честныхъ христіянскихъ народовъ въ Черкасскомъ городкѣ атаману и всѣмъ на Дону будучимъ многимъ казакамъ наше ханово письмо сіе есть....» О послѣ своемъ ханъ писалъ: «Сіе наше достойное письмо написавъ, изъ великихъ аговъ нашихъ послали одного человѣка агу». Въ частности, въ 1682 г. ханъ грозилъ войною въ случаѣ нападенія на Крымъ донскихъ казаковъ, т. наз. «зипунниковъ», т. е. тѣхъ, которые ходили за добычей, за зипунами. Ханъ звалъ этихъ зипунниковъ «бешъ-баши» и добавлялъ: «И что повоюемъ вашихъ городковъ, оттого у насъ съ Московскимъ государствомъ дружба не нарушитца».

Въ 1650 г. пришла грамота: «Отъ Богдана Хмельницкаго Гетмана Запорожскаго и ото всего Войска великаго Запорожскаго атаману и всему товариству Войска Донского добраго здоровья, яко братьи нашей, отъ Господа Бога вѣрьно зичимъ» (желаемъ). Подпись гласила: «Всему Войску Донскому зичливые пріятели Богданъ Хмельницкій... рукою власною» (собственною).**)

Сами донскіе казаки обращались къ другимъ войскамъ казачьимъ съ такими грамотами: «Великому и славному рыцарскому Волжскому, Терскому и Яицкому войску и всѣхъ рѣкъ пресловутыхъ господамъ атаманамъ и казакамъ и всему великому войску». Надпись на донской грамотѣ 1614 г. гласила: «Великія Россійскія Державы и Московскія области оберега-

*) Ср. „Истор. Опис." с. 384—6. Соловьевъ „Ист. Россіи", т. IX, с. 82 Дон. Дѣла, т. I, 5. 4,293; т. с. II, 463; т. III, 795; т. IV, с. 240, 348; Дополн. къ Акт. Истор. т. XII, 291, 119—120; Акты Лишина т. I, 273, 276.

**) Дон. Дѣла т. IV. 518—520; т. III. 442—3; Доп. къ Акт. Ист. т. X. с. 210—211.

телямъ, Волжскимъ, Терскимъ и Яицкимъ атаманамъ и молодцамъ и всему великому войску».*) Такимъ образомъ, казачество сознавало свое значеніе «оберегателей» Россіи.

Интересно отмѣтить, что Яицкое войско не стало (въ 1614 году) за Заруцкаго; что же касается волжскихъ казаковъ, то часть ихъ приняла донскія грамоты, а «казаки Калмаковы станицы Донскія грамоты изодрали: намъ де Донскихъ казаковъ не слушивать . . .»**)

Царское правительство двояко относилось къ факту сношеній Войска съ другими державами и народами. По отношенію къ однимъ, оно не протестовало противъ сношеній Войска съ ними. Иногда даже оно само обращалось къ Войску, прося его войти въ сношенія и дѣйствовать въ общерусскомъ интересѣ. Такъ, въ 1613—1614 г. г. Земскій Соборъ просилъ о посылкѣ грамотъ отъ Войска на Волгу, Яикъ и Терекъ, а во второй половинѣ XVII вѣка Московское правительство неоднократно просило Донъ о сношеніяхъ съ калмыками. И въ 1682 г. атаманъ Фролъ Минаевъ по московской просьбѣ посылалъ «добрыхъ знающихъ молодцовъ», «выборныхъ посыльщиковъ», и «на Еикъ къ Еицкому войску и на Терекъ къ Терскимъ казакамъ, и къ Гребенскимъ казакамъ». Связь донцовъ съ яицкими казаками Фролъ Минаевъ въ 1690 г. объяснилъ такъ: «Яицкіе де казаки издавна Донскому Войску въ послушаніи и обо всякихъ дѣлахъ межъ себя пересылку имѣютъ и большихъ дѣлъ безо всякаго ихъ права у себя не вершатъ, а присылаютъ къ нимъ на Донъ».***) Но не сношенія Дона съ его вольной колоніей, Яицкой республикой, и даже съ казачьими демократіями вообще волновали Московское правительство.

По отношенію къ другимъ, оно всегда было настроено отрицательно и пыталось запретить Войску сношенія. Почти ежегодны были увѣщанія царя, чтобы казаки съ азовцами «въ миру жили». Конфликты Москвы съ Дономъ на этой почвѣ были весьма серьезны и влекли иногда чрезвычайныя послѣдствія. Однако, казаки сносились съ азовцами и вели самостоятельную политику съ Азовомъ до 1713 г. Постоянныя морскія экспедиціи казаковъ къ берегамъ Крыма, Анатоліи, вплоть до предмѣстій Константинополя, грозили, какъ и война казаковъ съ Азовомъ, разрывомъ Россіи съ Крымомъ и Турціей. «Какими обычаи, — спрашивалъ 10 марта 1623 г. Михаилъ Ѳеодоровичъ казаковъ, — вы такъ, атаманы и казаки, безъ нашего указу учинили (напали на Трапезундъ) и мѣшаете туркамъ воевать съ польскимъ королемъ, недругомъ и разорителемъ

*) Соловьевъ, изд. 3, т. IX, с. 1058; Дон. Дѣла т. I; Акты Ист. т. III, с. 12—13.

**) Акты. Ист., т. III, с. 424. Въ 1614 г. и Волжская республика имѣла свой „съѣздъ атамановъ на Прорвѣ“, ниже Царицына 200 верстъ.

***) Доп. къ Акт. Ист., т. X., с. 72; Дружининъ с. 34.

Россійскаго государства».*) Посылая посла съ этой грамотою на Донъ, царь давалъ ему тайную инструкцію разузнать, «нѣтъ ли къ казакамъ присылки отъ Литовскаго (Польскаго) короля, и будетъ есть, и о чемъ, и сколь давно, и что о томъ казаки мыслятъ, въ каковой мѣрѣ впередъ хотятъ быти съ Литовскимъ королемъ и съ казаки запорожскими». Въ 1627 г. посылаются донцамъ упреки въ союзѣ «съ запорожскими Черкасы, а сами вѣдаете, что Запорожскіе черкасы служатъ Польскому королю».

Но въ 1637 г., изъ Азова, казаки сообщали царю, что (по царской грамотѣ о томъ) они писали запорожцамъ «отъ себя накрѣпко, чтобъ они заодно съ нами на твоихъ государевыхъ недруговъ, на Крымскихъ и Ногайскихъ людей, стояли и помочь чинили твоему Московскому царству....» «И мы, государь, пошлемъ вскоре нарочно къ Запорожскому Войску своихъ донскихъ казаковъ».**)

Въ 1662 г. было велѣно казакамъ ссылаться съ гетманомъ малороссійскомъ Брюховецкимъ о совмѣстномъ «промыслѣ» надъ Крымомъ.***) 18-го іюля 1672 г. предписано было снестись съ Запорожскимъ кошевымъ атаманомъ о походѣ на Крымъ. [1]) Въ 1685 г. казакамъ пришлось оправдываться въ обвиненіи со стороны Москвы въ томъ, что они совѣтовались съ Запорожцами о походѣ на помощь къ польскому королю. «Писали къ намъ, — объясняли донцы, — они, Запорожцы, о своемъ совѣтѣ и любви, чтобъ рѣка съ рѣкою межъ собою совѣтъ и любовь имѣли и о всякомъ дѣлѣ вѣдомость чинили; и мы, сопротивъ того, имъ писали-жъ, любовь и совѣтъ имѣть съ ними рады, а въ прежніе годы мы съ ними списывались и совѣтъ имѣли и никогда съ ними во враждѣ не бывали, и о воинскихъ дѣлахъ вѣдомости чинили; а нынѣ мы о совѣту Польскаго короля ничего къ нимъ не писали, только писали о своемъ казачью совѣту, чтобъ намъ съ ними во враждѣ не быть». [2])

Такимъ образомъ, донская колонія считала своимъ исконнымъ правомъ сноситься съ подобными ей вольными демократіями Юга и Юго-Востока, и продолжала это дѣлать и послѣ присяги на вѣрность (въ 1671 г.). Ей казалось естественнымъ, чтобы одна республика съ другою («рѣка съ рѣкою») писали другъ другу «о своемъ казачью совѣту».

Мы не будемъ перечислять сношеній казаковъ съ ногайцами, многихъ изъ которыхъ они, путемъ дипломатическихъ переговоровъ, привели къ подданству Россіи, сношеній съ калмыками, съ которыми они иногда сносились по прямому ука-

*) Дон. Дѣла, с. I, с. 219—220.
**) Дон. Дѣла т. I. 655.
***) „Акты“ т. I. с. 70.
[1]) Дон. Войск. Вѣд. 1864 N 44, Опись.
[2]) Доп. къ Акт. Ист. т. XII. с. 287.

занію царя, иногда самовольно воевали и заключали союзъ для совмѣстной борьбы съ татарами.

Мало по малу, указанія Москвы въ области внѣшнихъ сношеній стали восприниматься казаками, которые не отрицали въ принципѣ права метрополіи направлять общую иностранную политику, но часто дѣйствовали совершенно самостоятельно.

Съ 1632 г. мы встрѣчаемъ заявленія казаковъ, что отъ такихъ то внѣшнихъ выступленій они воздержались, не имѣя указа царя. Въ 1632 г. они «безъ государева указа громить азовцевъ не смѣли». Въ 1639 г. нагайцы давали имъ «аманатовъ», но они не взяли «безъ государева указу». Въ 1640 г. приходилъ «отъ Кызылбаскаго шаха (Персидскаго) Саѳея Саѳѣевича посолъ Мараткахъ шахъ Мамедовъ», казаки «безъ указу» не посмѣли его принять. Въ 1642 г. казаки отослали къ царю присланные имъ отъ султана «польскіе листы», «не наруша печатей». Не дали въ 1649 г. казаки Хмельницкому людей противъ ляховъ, «не имѣя указа»....

Въ 1650 г. на требованіе хана Крымскаго покориться ему, казаки отослали эти «листы» къ царю и писали: «И мы, бѣдные, и безпомощные и разоренные холопи твои государевы природные, а служимъ мы и радѣемъ мы тебѣ, праведному и великому государю, одному и твое государское повелѣніе во всемъ исполняемъ безо всякіе хитрости». Въ 1682 г. присланный султаномъ «Капичей» говорилъ войсковому атаману Фролу Минаеву, «чтобы учинить рубежи и жить безссорно». Атаманъ отвѣтилъ, что «имъ безъ указу великаго государя рубежей съ ними чинить невозможно».... и что казаки «о тѣхъ рубежахъ будутъ писать великому государю». Въ 1684 г. атаманъ писалъ, что азовцы нападаютъ, «а мы безъ вашего, великихъ государей, указу управитца съ басарманы не смѣемъ». Ханъ Крымскій обращался къ казакамъ еще въ 1718 г., но листъ его, конечно, былъ отосланъ въ Петербургъ.*)

Однако, наряду съ систематическимъ признаніемъ за царемъ преимущественнаго права внѣшнихъ сношеній, казаки вели, какъ мы видѣли, самостоятельную внѣшнюю политику съ окрестными народами, заставляли трепетать своими морскими набѣгами берега Крыма, Анатоліи, Румеліи и даже Босфора. Въ 1630 г. имъ было предложено царемъ прекратить, наконецъ, набѣги на Турцію и Крымъ и «итти на государева недруга на польскаго короля землю съ турскими пашами съ Муртузою да съ Абазою вмѣстѣ.»

Казаки отвѣтили рѣшительнымъ отказомъ: «мы, писали они, отъ Божіей милости не отступники, а тебѣ государь, не измѣнники и не лакомцы, служимъ тебѣ, государю, съ травы,

*) Дон. Дѣла, т. I, 338, 868: т. II, с. 22, 451; т. IV, 278, 571; Доп. къ Акт. Ист.", т. X. с. 209; т. XI. с. 155, 256: „Акты", т. III, с. 313.

да съ воды... и во всемъ себя въ твою царскую милость отдаваемъ и истинную православную крестьянскую вѣру... помнимъ и крѣпко держимъ..., а николи, государь, во крестьянствѣ кроворазлитія, какъ прежде сего, и такъ и нынѣ, не хотимъ и не желаемъ, и сами..., мимо своей крестьянской вѣры и мимо твоего россійскаго государства въ бусурманскую землю турскимъ пашамъ на помощь, на литовскую землю идти не хотимъ».

Ссылаясь на вѣковую русскую исторію и вѣковую свою службу Россіи, казаки заявляли: «ни при которыхъ бывшихъ царехъ, мы, донскіе атаманы и казаки, Муратъ-салтанамъ не служивали и черезъ турскую землю не хаживали, а бывали на многихъ службахъ, при бывшихъ государехъ, посыланы съ Москвы съ русскими людьми и съ бояры и съ воеводы, а нынѣ, государь, по тому жъ мы того сердечно радѣемъ и промышляемъ, чтобъ твое великое московское государство... было въ покоѣ и въ тишинѣ, а намъ бы... за тебя, государя, стоять и умирать безо всякія шатости попрежнему.»

Высоко развитое религіозное и національное чувство казачества воспротивилось ухищреніямъ иностранной политики сюзерена, государя московскаго. Они не только воспротивились исполненію царскаго повелѣнія, но и посолъ царя, пытавшійся угрозами заставить ихъ повиноваться, былъ обезглавленъ.*)

Право сношеній Войска съ окрестными народами просуществовало до 1703 г. Если мы сравнимъ это донское неписанное право съ правами Малороссіи, то увидимъ, что преимущество было на сторонѣ Дона. Въ статьяхъ, постановленныхъ въ Москвѣ боярами съ посланцами гетмана Хмельницкаго, на какомъ основаніи войску Запорожскому быть въ подданствѣ россійскомъ, 12 марта 1654 г., было указано «пословъ о добрыхъ дѣлѣхъ принимать и отпускать», сообщая немедленно въ Москву о цѣли и результатахъ, а присланныхъ съ дѣломъ «противнымъ царскому Величеству» задерживать и безъ указа не отпускать. «А съ Турскимъ Салтаномъ и съ Польскимъ королемъ, безъ указа Царскаго Величества, не ссылаться».**) Такимъ образомъ, то, что Московское правительство втеченіе цѣлаго вѣка пыталось внушить Донской колоніи, было введено, какъ правило, при самомъ соединеніи Малой Россіи съ Москвою.

Самостоятельное право объявленія войны кому бы то ни было было отнято еще у Богдана Хмельницкаго самимъ текстомъ присяги на вѣрность. Въ «статьяхъ» Юрія Хмельницкаго это запрещеніе было выражено съ исчерпывающей точностью. Что касается пріема пословъ, то право это было почти отнято уже у Юрія Хмельницкаго. Ему дозволили прини-

*) Истор. Опис.“, с. 183—144.

**) ст. 5-я Статей 12 Марта 1654 г. „Собр. Гос. Грам. и Дог.“, т. III, с. 508

мать пословъ лишь отъ «господарей» Валахіи и Молдавіи, да и то лишь «о малыхъ дѣлѣхъ», по «великимъ же дѣламъ» отсылать ихъ бумаги къ царю (§ 7).

«Статьи» же гетмана Брюховецкаго 1665 г. (§ 9), писанныя въ Москвѣ, и Глуховскія статьи гетмана Многогрѣшнаго 1669 г. (§§ 12, 17) строго воспретили всякія сношенія, каковы бы они ни были, съ иностранными государствами. *)

Изложенная нами вкратцѣ исторія внѣшнихъ сношеній Войска, въ связи съ исторіей вопроса о присягѣ, убѣждаетъ насъ въ томъ, что Донская колонія въ XVII вѣкѣ признавала зависимость отъ метрополіи, несла вассальную службу, но власть метрополіи была слишкомъ незначительна и зиждилась болѣе на доброй волѣ самой колоніи, нежели на твердой правовой основѣ и на властныхъ велѣніяхъ сюзерена.

Глава X.

Донъ и царская власть въ 1614—1671 г.

Независимая политика Дона вызывала неоднократныя жалобы, увѣщанія, угрозы и репрессіи со стороны метрополіи. Такъ въ 1625 г. Михаилъ Ѳеодоровичъ жаловался, что казаки отказываются понять его союзъ съ Турціей и Крымомъ, не хотятъ итти противъ Польши и «живутъ все самовольствомъ», громятъ берега Турціи и Крыма, упорствуютъ въ поддержаніи своего союза съ Запорожьемъ. «И то они дѣлаютъ воровствомъ и государеву велѣнію во всемъ противятся». Боярамъ повелѣно было, въ разговорѣ съ донскими послами, все это «выговорити имъ сердито».

«Писано вамъ во многихъ грамотахъ, и вы то наше царское повелѣніе ставите ни во что... и то намъ въ великое подивленіе...» Царь напоминалъ казакамъ «прежнюю неволю» и свое къ нимъ «милосердое жалованье»: «прежнихъ вашихъ грубостей, которые есте учинили Московскому государству, мы ничего не попамятовали...» Царь напоминалъ казакамъ о всегдашнемъ торжественномъ пріемѣ имъ лично казачьихъ пословъ, о субсидіи Войску деньгами, воинскими припасами и хлѣбомъ, о дарованномъ казакамъ правѣ торговли съ украинными городами и пріѣзда ихъ на Москву. Мы, писалъ царь, «вольность вамъ учинили, чего изначала ни при которыхъ государехъ не бывало». Царь объяснялъ и причину такого отношенія: «а то есмя все чинили, чтобы вы нашего повелѣнія слушали» и не воевали съ Турціей и Крымомъ. Но казаки «повелѣнія николи не слушали»: «помочи» противъ Польши не дали; на Волгѣ, Яикѣ и Каспіи шли грабежи.

*) Б. Нольде „Очерки русс. гос. права“, СПБ., 1911; Nolde „L'Ukraine sous le protectorat russe“, Paris, 1915, p. 41.

Царь угрожалъ за дальнѣйшее ослушаніе репрессіями: «и намъ за такія ваши грубости жаловати будетъ не за что и въ городы ни въ которые васъ пускать и съ запасы ни съ какими изъ городовъ къ вамъ ѣздить не велимъ». Чтобы усилить впечатлѣніе, царь приказалъ схватить атамана зимовой станицы Алексѣя Старово и 5 казаковъ и послать ихъ въ ссылку «для береженья», какъ говорилось въ указѣ, и «кормъ имъ давать не отъ велика». По пріѣздѣ посольства въ Бѣлоозеро «велѣно у нихъ быть приставу и корму имъ не давать, изъ двора никуда не спускать», и чтобъ никто «письма къ нимъ не привезъ и у нихъ не взялъ». Тюремное заключеніе посольства длилось два года.*) Это была обычная въ то время форма международной репрессіи на Востокѣ. Перерывъ сношеній былъ законченъ примиреніемъ въ 1627 г.

Однако, уже въ томъ же 1627 г. патріархъ Филаретъ, истинный руководитель всей политики, именемъ царя снова угрожалъ казакамъ: «или того себѣ чаете, что мы, великій государь, не можемъ съ вами управитца».**) За дальнѣйшее непослушаніе угрожалъ царь «казнити смертію» казаковъ. 2-го іюля 1629 г. послѣдовала новая грамота, что царь и патріархъ на казаковъ «кручиноваты, какими обычаи вы такъ дѣлаете не по нашему указу». Грамота угрожала казакамъ «отъ патріарха... быти въ полномъ запрещеньѣ» — угроза для вѣрующихъ людей очень серьезная.***)

Наконецъ, гнѣвъ царя разразился. На Донъ, въ 1630 г. посланъ былъ дворянинъ Иванъ Карамышевъ съ грознымъ указомъ. Съ полнымъ сознаніемъ правъ метрополіи, грозности царскаго гнѣва противъ колоніи, Карамышевъ пріѣхалъ на Донъ въ Войско. «И — описывали казаки царю, — пріѣхавъ тотъ Иванъ Карамышевъ насъ, холопей, хотѣлъ казнью смертною казнить, вѣшать и въ воду сажать и кнутьями достальныхъ бить, и мы, холопи, твоего государева указу и грамоты», на это у Ивана Карамышева «не поединожды спрашивали, и онъ отвѣтилъ: «нѣтъ де у меня государевой грамоты и ни наказу, ни какого твоего государева указу намъ не сказалъ, а насъ своимъ злохитрствомъ и умышленьемъ безъ винной вины хотѣлъ казнить, вѣшать и въ воду сажать и кнутьями бить и ножами рѣзать, а сверхъ того, Иванъ Карамышевъ учалъ съ крымскими и съ нагайскими людьми ссылатца, чтобъ насъ всѣхъ побить и до конца погубить и разорить и искоренить и городки наши безъ остатку пожечь, чтобы наше донскихъ атамановъ и казаковъ, на Дону и по заполью, вездѣ имя казачье не именовалось...»

Такая попытка представителя метрополіи уничтожить вольную колонію при помощи казней и разоренія, при поддержкѣ

*) Дон. Дѣла, т. I., passim.
**) Дон. Дѣла, т. 271—6.
***) Дон. Дѣла I. 293—8.

коренныхъ и извѣчныхъ враговъ Россіи и казачества, потрясла душу свободныхъ гражданъ Дона до самой глубины и придала ихъ словамъ, обращеннымъ къ царю, силу и мощь, и выразительность истинно библейскія:

«И мало тотъ Карамышевъ, за грѣхи наши, попущеніемъ Божіимъ, а дѣйствомъ діаволимъ, того своего злоумысла не совершилъ было, но благій, всещедрый, человѣколюбивый и въ Троицѣ славимый Богъ нашъ неостави достоянія своего до конца, и молитву и смиреніе рабъ своихъ услыша и къ тебѣ, государю, правую нашу службу видѣвъ, пророченную пророкомъ: «посѣщу жезломъ беззаконія и ранами неправды ихъ, милость же свою не отъиму отъ нихъ», и помилова Богъ насъ грѣшныхъ, объявилъ намъ Христосъ то злоумышленье Ивана Карамышева, что онъ безъ твоего, государева, указу, умыслилъ всѣхъ насъ на Дону, низовыхъ и верховыхъ, побить, и городки наши пожечь, и мы, холопи твои, видя его, Иваново, надъ собою злоухищренье отъ горести душъ своихъ, за его великую неправду того Ивана Карамышева обезглавили».

Таковъ былъ отвѣтъ Донской республики на попытку бесѣдовать съ ея гражданами языкомъ, обычнымъ на Москвѣ! Правда, казаки отговаривались, что если бы Карамышевъ предъявилъ царскій указъ, то ему они подчинились бы: «какъ противу солнца зрѣть нельзя, такъ противу тебя, великаго государя, намъ, холопемъ твоимъ, безстрашнымъ быть нельзя. Ты государь, воленъ въ головахъ нашихъ, а безъ твоего указу Карамышеву насъ всякой казнью казнить было не за что».

Казаки готовы были покинуть Донъ и уйти искать новыхъ земель. «И, писали они, будетъ, государь, мы тебѣ на Дону рѣкѣ негодны и великому твоему, государеву, Россійскому Московскому государству непріятны.... тебѣ и всей землѣ ненадобны, и мы тебѣ, государю, не сопротивники: Донъ рѣку отъ низу и до верху, и рѣки запольныя всѣ тебѣ, государю, до самыхъ украинныхъ городовъ Крымскихъ и нагайскимъ людемъ распространимъ, все очистимъ, съ Дону съ рѣки сойдемъ.»*)

Метрополія прервала всякія сношенія съ колоніей. Послы казачьи, бывшіе въ Москвѣ, атаманъ Наумъ Васильевъ, и 70 чел. казаковъ, посланныхъ для охраны пословъ русскихъ, пріѣхавшихъ изъ Константинополя, были «всѣ по городамъ (внѣ Москвы) разсожаны и показнены, а иные перекованы, пометаны въ заключеніе, помирали голодной смертью». Нужно было или идти войною на непокорную колонію, въ южныя степи, или же, дѣйствительно, приказать казакамъ, какъ они предлагали, очистить Донъ съ вершины до устья и фактически отдать его татарамъ, обнаживши всю южную окраину

*) Ист. опис., 149—750.

царства отъ мощнаго заслона, которымъ являлась Донская республика.

Если со стороны прямолинейныхъ слугъ самодержавія возникали планы стереть Донскую республику съ лица земли даже при помощи враговъ Россіи, то и съ Дона приходили вѣсти, что республика ищетъ союзниковъ противъ царскихъ войскъ. Послѣ убійства Карамышева состоялся «съѣздъ» всего Войска, «шумѣли» на атамана, «почему не побилъ и пословъ», ѣхавшихъ изъ Константинополя обратно въ Россію, «все равно мы уже заворовали, съ Москвы хоть 100.000 пришлютъ, то мы не боимся, соберемся въ одинъ городокъ». Были посланы на Днѣпръ послы въ Запорожскую республику.

Тайные развѣдчики доносили въ Москву, что въ 1632 г. весною у казаковъ прошелъ слухъ, будто царь «указалъ послать на Донъ посылку, чтобъ насъ, холопей его, всѣхъ зъ Дону сбити, і по Дону-де будетъ государевы городы ставить.... У Донскихъ де казаковъ съ Запорожскими Черкасы приговоръ ученъ таковъ: какъ приходу откуды чаять какихъ людей многихъ, имъ взаимно помогать, а Дону-де, — заявляли казаки, — «намъ безъ крови не покидывать».... Словомъ, былъ заключенъ оборонительный союзъ двухъ казачьихъ республикъ противъ Москвы, и готовились къ вооруженной борьбѣ.

Однако, если Москва не могла рѣшиться и не въ силахъ была нанести Дону ударъ, если ей необходимо было содѣйствіе Дона въ охранѣ южной украины государства, то и Дону приходилось несладко отъ военной и экономической блокады съ сѣвера и съ востока. «Донскіе и Яицкіе казаки въ нижнихъ и верхнихъ городкахъ говорили: токо-де къ намъ на Донъ нынеча на веснѣ (1632 г.) не будетъ государева жалованья и ево государева жалованнова слова, и мы де пойдемъ зъ Дону въ Запороги къ Литовскому королю на службу, тогда де отъ него къ намъ письмо будетъ».*)

Обстоятельства и самое взаимное положеніе метрополіи и колоніи диктовали имъ заключеніе мира, и сношенія возобновились. «Которые казаки», — писалъ царь, благодарный Дону за сообщеніе въ 1632 г. о планахъ вѣчныхъ враговъ-крымцевъ, — «были въ нашей опалѣ, и тѣ всѣ взяты къ Москвѣ, и наши государскіе очи видѣли, и у отца нашего... патріарха у благословенья были, и нашимъ государскимъ жалованьемъ пожалованы и посланы на нашу службу подъ Смоленскъ съ бояры нашими воеводы»... О казни тѣхъ, кто убилъ посла, не было ни слова.

Однако, колонія не могла отказаться отъ самостоятельной политики. Въ 1637 г., когда турецкій посолъ Тома Кантакузенъ жилъ въ Войскѣ, ожидая проѣзда на сѣверъ въ Москву, ка-

---

* Доп. Дѣла, т. I, 340; Соловьевъ, т. IX, с. 288.

заки рѣшили вдругъ покончить вѣковой споръ съ Азовомъ, загораждавшимъ имъ выходъ въ море на главномъ протокѣ Донского устья. Созвавши съѣздъ, казаки «межъ собой учинили приговоръ, что однолично надъ азовскими людьми промышлять». Во время осады Азова турецкій посолъ пытался послать вѣсть султану о необходимости помочь Азову. «И мы, — писали казаки, — видя его умышленье къ тебѣ, государю, неправду.... его посла, за то съ его людьми порубили». 28-го іюня 1637 г. самовольная колонія совершила самый блестящій подвигъ: неприступный Азовъ былъ взятъ.

Мы знаемъ, что Смута почти на 100 лѣтъ остановила движеніе Россіи къ Черному Морю. Только въ 1769 году Азовъ сталъ русскимъ, много разъ до того переходя изъ рукъ въ руки. Трудно недооцѣнить значеніе, которое имѣло овладѣніе Азовомъ со стороны Донской колоніи. Царь ограничился тѣмъ, что напомнилъ казакамъ о необходимости, даже во время войны, соблюдать неприкосновенность пословъ и просилъ о присылкѣ къ Москвѣ оставшихся отъ Кантакузена документовъ: Донъ нуженъ былъ Россіи, какъ заслонъ отъ татарской орды.

Взятіе Азова повело къ весьма интересной перепискѣ Дона съ Москвою, опредѣляющей характеръ ихъ взаимоотношеній. Казаки писали царю: «взяли Азовъ, вамъ, государямъ, въ отчину» (10 сент. 1640 г.). Имъ трудно было вести правильную защиту крѣпости, безъ достаточной артиллеріи, безъ знанія фортификаціи, безъ достаточнаго количества людей. «Бьемъ челомъ, — писали казаки, — тобѣ, праведному великому государю, городомъ Азовомъ со всѣмъ градскимъ строеньямъ. А мы не горододержцы»....

И не только въ этотъ моментъ, но и раньше, и позже называли казаки Донъ — «вотчиной» царя. Такъ, въ 1654 г., они просили о жалованьѣ «чтобъ голодной смертью не помереть и разно бъ не разбрестись и твоей бы государевы вотчины, рѣки Дона, впустѣ не покинуть» Вотчина — наслѣдственное имѣніе на правѣ собственности; московское государство построено было на основѣ вотчиннаго права великихъ князей московскихъ. Казалось бы, въ своей вотчинѣ царь былъ полный господинъ. И, однако, атамана станицы, привезшей царю челобитье о принятіи Азова, Михаила Татаринова, царь приказалъ спрашивать въ Посольскомъ приказѣ, чтобы «онъ сказалъ имянно, *какой* имъ государевъ указъ о городѣ Азовѣ надобенъ, и *какъ* тому городу впередъ быть». По поводу подлинной «вотчины», т. е. непререкаемой царской собственности, нечего было бы предлагать подобные вопросы. Москва отлично умѣла цѣпляться за слова, когда хотѣла округлить свои владѣнія. Достаточно было въ свое время посламъ новгородской республики обмолвкою назвать великаго князя Московскаго, вмѣсто «господина», «государемъ», какъ въ этомъ най-

день былъ легальный предлогъ для присоединенія Великаго Новгорода къ Москвѣ. Оказалось, что Азовъ отдавался, дѣйствительно, въ отчину: казаки просили о присылкѣ туда царскаго воеводы съ войсками, желая удалиться въ свои юрты.

Такимъ образомъ, и слово «вотчина», какъ и слово «холопи» звучало не всегда одинаково на Дону и на Москвѣ*).

Вопросъ о принятіи отъ казаковъ Азова былъ поставленъ на обсужденіе спеціально созваннаго Земскаго Собора 1642 г., который призналъ невозможнымъ начинать войну изъ за него съ Турціей, и по царскому указу казаки покинули Азовъ. Однако, на Земскомъ Соборѣ слышались голоса и за принятіе Азова, но съ тѣмъ, чтобы на помощь Донцамъ были посланы вооруженные и снабженные за счетъ царя «ратные пѣшіе вольные люди, опричь крѣпостныхъ и кабальныхъ людей... «А сидѣти имъ, — предлагали Никита Беклемишевъ и Тим. Желябужскій, — въ Азовѣ заодно съ казаками подъатаманскимъ началомъ, а государевымъ воеводамъ въ Азовѣ быти нельзя, ... потому что они (казаки) — люди самовольные»**).

Несомнѣнно, оба члена Земскаго Собора, предостерегавшіе царя отъ посылки воеводъ на Донъ, были правы, ибо воеводское управленіе пошло бы въ разрѣзъ съ республиканскими навыками и правами казачества. Царь Ѳеодоръ, угрожая въ 1593 г. «поставить городъ на Раздорѣхъ», т. е. въ центрѣ казачьей территоріи, зналъ, чѣмъ грозилъ. Позже, въ 1674 г. казаки учинили то, что теперь зовутъ саботажемъ, въ вопросѣ о постройкѣ царской крѣпости на р. Міусѣ, т. е. въ сферѣ вліянія, если не во владѣніяхъ донскихъ казаковъ. «И потому знатно, что то городовое на Міусѣ строеніе отговариваете вы, — писалъ царь, — не хотя въ томъ намъ, великому государю, послужити, ... и то вы учинили не дѣломъ***).»

Въ постройкѣ царскихъ городовъ вблизи предѣловъ Войска казаки видѣли угрозу своей независимости.

Въ 1632 г. они угрожали Царицыну — «пришодъ городъ зжечь и людей побить за то, что», — по словамъ воеводы, — «имъ воровскимъ казакамъ отъ царицынскихъ служилыхъ людей чинится тѣснота великая, вездѣ де ихъ казаковъ, на переходехъ (къ Волгѣ) побиваютъ, и въ языцехъ емлютъ и приводятъ на Царицынъ. И Царицынъ имъ, воровскимъ казакамъ сталъ пуще Азова»[1]).

Въ исторіи отношеній Дона къ Москвѣ, помимо челобитья казаковъ царю городомъ Азовымъ, былъ лишь одинъ случай, когда Войско, истощенное «азовскимъ сидѣніемъ» и

*) Дон. Дѣла, т. I, с. 613, 708; т. II, с. 50—51, 340, 264.

**) Акты, относ. къ ист. Зем. Соборовъ, 1906, с. 48; Соб. Гос. Гр. т. III, с. 398.

***) „Акты“, т. I, с. 92.

[1]) Дон. Дѣла, т. I, с. 344.

тяжкой борьбою послѣ ухода изъ Азова, готово было просить не только о присылкѣ вспомогательныхъ царскихъ войскъ на Донъ, но и о постройкѣ городовъ на Дону. Это было въ 1648 г. *). Позднѣе же, въ 1683 г. казаки возводили обвиненія въ подстрекательствѣ къ нападеніямъ на Волгѣ на Царицынскаго дворянина Ив. Бакунина. Послѣдній оправдывался, что это месть казаковъ за то, что онъ «дѣлалъ валовой чертежъ отъ Царицына черезъ степь по Дону, до Паншина городка, гдѣ пристойно быть въ которомъ мѣстѣ какимъ крѣпостямъ». Правительство повелѣло поэтому Бакунина «ни для какихъ дѣлъ на Донъ не посылать, чтобъ ему, Ивану, отъ казаковъ убиту не быть» **). Стало быть, и казаки, и правительство отлично понимали значеніе царскихъ крѣпостей на казачьей территоріи.

Спрашивается, какія правительственныя лица, помимо казачьихъ выборныхъ властей, могли пребывать и дѣйствовать на территоріи донской республики. Это были: царскіе послы, ѣхавшіе въ Турцію и обратно, и спеціальные посланцы на Донъ, къ казакамъ, съ грамотами и государевой казной***). Обыкновенно, это бывали дворяне. Посла встрѣчали въ верховыхъ городкахъ и провожали внизъ отъ городка къ городку. Церемоніалъ пріема былъ установленъ обычаемъ и повторялся въ наказахъ послу изъ Посольскаго Приказа.

Вотъ образецъ наказа 1682 г. (3 Мая): «А какъ онъ, Егорей, учнетъ пріѣзжать близко Дону Черкасскаго городка, и ему послать отъ себя изъ вожей или изъ провожатыхъ нарочитаго человѣка, кого пригоже, въ Черкасской, велѣть атаманомъ и казакомъ про себя сказать, что онъ присланъ къ нимъ великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, самодержца съ грамотою, и чтобъ о томъ у нихъ въ войску вѣдали. Да какъ онъ, Егорей, на Донъ въ Черкасской пріѣдетъ, а дворъ ему, гдѣ стоять дадутъ, и ему приказать къ атаману и казакамъ въ войско, чтобы они собирались въ Кругъ всѣ къ церкви Божіи, и вел. государя грамоту у него приняли и выслушали.

«Да, какъ атаманы и казаки въ кругъ соберутся, и ему при всѣхъ говорить: Атаманы и казаки, Фролъ Минаевъ и все Войско Донское. Великій государь царь (полный титулъ) велѣлъ васъ, атамановъ и казаковъ и все Войско Донское спросить о здоровьѣ.

«И, изговоря рѣчь, подать имъ грамоту... Да какъ атаманы и казаки великаго государя грамоту у него, Егорья, примутъ и въ кругу вычтутъ и выслушаютъ, и Егорью говорить:

*) Намѣчались мѣста: 1) на Монастырскомъ яру, 2) противъ Раздоръ, 3) 10 верстъ ниже острова Кутлубанскаго, 4) 5 вер. ниже ст. Багаевской. Дон. Дѣла, т. III, 793—6.

**) Доп. къ Акт. Ист., с. 161—2.

***) Ср. „Дон. Дѣла“, т. I. с. 209, 223, 224.

Атаманы и казаки, Фролъ Минаевъ и все Войско Донское. Великій государь царь (и проч.) велѣлъ вамъ говорить» *). Далѣе шла дѣловая часть рѣчи.

Со стороны казаковъ выработался также свой обрядъ встрѣчи царскихъ пословъ: «встрѣчали всѣмъ войскомъ, конные и судовые и пѣшіе люди, и изъ наряду (изъ орудій) и изъ ручного ружья стрѣляли... и пословъ принимали честно, и за царское многолѣтнее здоровіе молебны пѣли со звономъ и послѣ молебновъ послы грамоту въ кругу отдали и царское жалованное слово противъ царской грамоты казакамъ говорили, и казаки тое царскую грамоту у пословъ принимали честно и въ кругу чли... И, — писалось обычно, — казаки царское жалованье, деньги и сукна у пословъ царскихъ приняли съ великою радостью».**)

Посламъ на Донъ давался наказъ, въ которомъ обычно были секретныя статьи о тайной развѣдкѣ на Дону. Съ тою же цѣлью воеводы украинныхъ городовъ посылали людей на Донъ. Казаки знали или догадывались объ этомъ. Такъ, въ 1638 г. помѣстнаго атамана Ив. Арефьева и Ст. Пареново, посланныхъ съ Воронежа воеводою, казаки въ верхнихъ станицахъ спрашивали, «для какова дѣла посланъ и дана ль къ нимъ отписка и ему, Степану, наказная память. И ему, Степану, сказать было нѣчево, потому что отписки и наказные памяти ему дано не было. И за то де называли ево лазутчикомъ, и хотѣли ево убить» ***). Въ 1641 г. Волуйскому воеводѣ былъ наказъ послать на Донъ станичниковъ, «и они бъ провѣдали тайно, што у нихъ дѣлаетца... и сколько человѣкъ ихъ». Въ 1646 г. Ждану Кондыреву наказывали «разсмотрѣть подлинно тайно въ городкѣхъ, въ которыхъ нынѣ живутъ на Дону атаманы и казаки, сколь велики тѣ мѣста и каковы крѣпости подѣланы». Въ 1683 г. казаки «въ кругу имали Ельчанина Евсѣя Бехтѣева и говорили ему: что онъ за дворянинъ. Есть ли у него великаго государя указъ, съ чѣмъ онъ къ нимъ пріѣхалъ»... И, когда Бехтѣевъ «въ рѣчахъ разошелся», хотѣли его «въ воду посадить». Что касается Разина, то онъ, появившись въ 1670 г. на войсковомъ кругѣ со своими сторонниками, допрашивалъ Герасима Овдокимова, пріѣхавшаго съ царской грамотой на Донъ: «отъ кого онъ пріѣхалъ, отъ Великаго Государя или отъ бояръ». Затѣмъ назвалъ его «лазутчикомъ» и, бивъ до полусмерти, посадилъ въ воду [1])

С. М. Соловьевъ отмѣчаетъ «всегдашнюю идею Москвы — ставить воеводъ». [2]) Но на Донъ Москва послѣ 1592 г. и не

*) Доп. къ Акт. Ист., т. X. с. 1—2.
**) „Акты“ т. I. с, 10 (1633).
***) Дон. Дѣла т. I. с. 684—690.
[1]) Дон. Дѣла. т I. с. 172, 762; „Матеріалы для исторіи возмущенія Ст. Разина“, М. 1857., с. 195.
[2]) Соловьевъ „Ист. Россіи“, 3 изд., т. XI, с. 16.

помышляла послать воеводъ. Еще въ 1638 г. атаманъ Мих. Татариновъ на вопросъ въ Посольскомъ Приказѣ отвѣтилъ: «А въ помочь де себѣ о воеводѣ и о ратныхъ людехъ съ нимъ отъ Войска государю бити челомъ не наказано, и чево-де съ ними не приказано, и тово-де они и дѣлать не смѣютъ...» *).

Однако, въ 1645 г. Войску пришлось очень плохо, и на помощь ему были посланы: изъ Астрахани кн. Семенъ Пожарскій съ войскомъ, а изъ Воронежа дворянинъ Жданъ Кондыревъ съ 3.000 чел., набранныхъ имъ «вольныхъ охочихъ людей», и Петръ Красниковъ съ 1.050 чел. такихъ же «новоприборныхъ вольныхъ казаковъ». Въ 1648 г. былъ присланъ дворянинъ Андрей Лазаревъ, съ нимъ 1 «маеръ», 4 капитана, 5 «порутчиковъ» и 1.000 солдатъ. И казакамъ и военачальникамъ повелѣвалось обоюдно быть «въ совѣтѣ», служить «безъ всякаго розвратья» **). Такимъ образомъ, начальники вспомогательныхъ войскъ на Дону обязаны были предпринимать всѣ шаги «по совѣту» съ казаками. Въ 1660 г. были присланы на Донъ на помощь съ Воронежа воеводы Семенъ и Иванъ Хитрово съ войскомъ. 4-го Іюля 1661 г. казаки жаловались, что Иванъ Хитрово называлъ ихъ измѣнниками и «съ ними, атаманы и казаки, ни о какихъ государевыхъ дѣлѣхъ не совѣтуетъ и имъ съ нимъ на великаго государя службѣ быти нельзя...» Царь обѣщалъ «сыскать» о томъ, а Хитрово было написано «имѣть совѣтъ» съ казаками ***). Такимъ образомъ, о воеводскомъ управленіи на Дону, о вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла Дона, не было и рѣчи.

Появленіе, хотя и временное, вспомогательныхъ царскихъ отрядовъ на Дону не могло очень нравиться казакамъ. Въ 1661 г. они жаловались: «какъ стала на Дону война быть, такого утѣсненья намъ никогда не бывало — для промысловъ ходить некуда и многіе безъ промысловъ съ Дону отъ насъ разбредутся». [1])

Сравнивая, опять таки, положеніе Малой Россіи послѣ 1654 г. и Дона въ періодъ 1614—1721 г.г. и даже позже, до самаго XIX вѣка, мы видимъ, что всѣ преимущества были на сторонѣ Дона. Въ самомъ дѣлѣ, ст. I-ая Статей Хмѣльницкаго (12 марта 1654 г.) устанавливала, «чтобъ въ городѣхъ (Малой Россіи) урядники были изъ ихъ людей обираны... для того, что Царскаго бъ Величества воевода, пріѣхавъ, учалъ права ихъ ломать и уставы какіе чинить, и чтобъ имъ было въ великую досаду; а какъ тутошніе ихъ люди гдѣ будутъ старшіе то они противъ правъ своихъ учнутъ исправляться». [2]) Царь согласился, оставивши право контроля надъ мѣстной вы-

*) Дон. Дѣла, I, с. 709.
**) Дон. Дѣла, т. III, с. 275, 540, 858, 930.
***) Акты, I. с. 66, 68.
[1]) Соловьевъ кн. 3 с. 89.
[2]) Соб. Гос. Грам., т. III, с. 507,

борной администраціей въ финансовомъ отношеніи за пріѣзжими изъ Москвы чиновниками. О воеводахъ не было и рѣчи, но вскорѣ же они были поставлены въ Кіевѣ и Черниговѣ, затѣмъ въ Нѣжинѣ, Переяславлѣ, Остерѣ. Въ статьяхъ Многогрѣшнаго (1669 г.) было оговорено, что воеводы — лишь начальники московскихъ гарнизоновъ и не имѣютъ права вмѣшиваться въ ихъ (жителей) права, и вольности, и суды и всякія дѣла *).

Что касается Дона, то не только до 1671 г., но и послѣ 1721 г. и послѣ 1775 г. не было и рѣчи ни о гарнизонѣ царскихъ войскъ на Дону, ни о назначеніи туда чиновниковъ для управленія. Всѣ дѣла вершились мѣстными людьми. Однако, какъ только Донъ позвалъ метрополію на помощь, такъ тотчасъ почувствовалъ неудобства этого положенія.

Роковое для казачьей независимости царствованіе царя Алексѣя Михайловича, уже въ началѣ его, ознаменовалось нѣкоторыми выступленіями Московскаго правительства противъ республиканскаго правленія на Дону. Такъ, по наказу изъ Москвы, дворянинъ Жданъ Кондыревъ, приведшій на помощь Дону, въ общемъ, 4.000 человѣкъ вспомогательнаго войска, не пожелалъ идти на кругъ и звалъ атамановъ и казаковъ къ себѣ на станъ. Войсковые есаулы отъ Круга вторично звали Кондырева на Кругъ. «А Войску де Донскому къ вамъ, — заявили есаулы, — въ станъ не хаживать, и напредь де сего того не бывало, что атаманамъ и всему Донскому Войску къ вамъ, къ стану, ходить и то де вы затеваете собою... и въ государевой де грамотѣ того къ Войску не писано...»

Такъ пересылались съ 26-го по 30 Мая (1646) включительно. Жданъ Кондыревъ «противъ» (т. е. согласно) «государева указа стоялъ накрѣпко и посылалъ къ казакамъ многижда»... Наконецъ, 30 Мая сослался на указъ и требовалъ, чтобы «казаки не упрямились». Войсковой есаулъ Захаръ Дементѣевъ и 2 казака изъ Круга заявили: и вы упрямитесь, и затѣваете собою, и государевымъ дѣломъ не радѣете, и въ Кругъ нейдете, и тѣмъ Войско безчестите. А у насъ тово въ Войску николи не повелось, что ходить Войску къ вамъ на станъ; а мы де для васъ Круги збиваемъ, и затѣмъ де у насъ государева служба стала, что вы въ Кругъ нейдете и государевы казны не отдаете. А у насъ де, какъ и зачалось Донское Войско, такового образца не бывало, что Донскому Войску на станъ ходить или иныя какія статьи перемѣнять. И о томъ де у насъ въ Кругу приговоръ, какъ истари было, такъ и нынѣ будетъ. И велѣли вамъ отъ Войска говорить, будетъ вы къ намъ въ Кругъ не пойдете, и впредь къ вамъ о томъ отъ Войска пересылки никакіе не будетъ, и государевы казны и запасовъ не примемъ»... Казаки требовали, чтобы посолъ писалъ государю объ указѣ, и сами обѣщали писать.

*) Nolde „L'Ukraine", Paris, 1915, p. 41—43.

Жданъ Кондыревъ устроилъ компромиссъ. Пригласилъ казаковъ къ часовнѣ на молебенъ, а самъ, вышедши къ нимъ, сказалъ казакамъ то, что долженъ былъ говорить въ Кругѣ *).

Это было первое выступленіе Москвы противъ республиканской колоніи, попытка умалить достоинство державнаго Круга Донской республики.

Второй разъ дала почувствовать казакамъ Москва, что обращеніе ихъ къ ней за помощью грозитъ колоніи умаленіемъ ея политическихъ правъ, — въ 1646 г. Посланецъ Андрей Лазаревъ тоже заявилъ, чтобы казаки шли на станъ, а ему итти на Кругъ «непригоже». И казаки «учинились непослушны противъ государева повелѣнія, къ нему въ патеръ милостивыхъ словъ слушать не пошли, государева жалованья и казны тутъ у него не приняли»... Семеро «крѣпостныхъ людишекъ» Лазарева сбѣжали къ казакамъ, а онъ вздумалъ, находясь въ странѣ «казачьево присуду», послать за ними на розыски офицеровъ иностранцевъ изъ своего отряда. «И имъ, иноземцемъ, за то въ Кругу многіе были позорные лаи. А меня», — жаловался Лазаревъ царю, — «холопа твоего, сверхъ разоренья моего, хотѣли убить въ Кругу до смерти безъ вины моей, что Ив. Карамышева: прислали по меня въ тотъ день исъ Кругу есауловъ звать къ себѣ въ Кругъ, чтобъ я пришелъ въ Кругъ къ нимъ самъ говорить объ людѣхъ своихъ».

Казаки были правы, охраняя свою юрисдикцію отъ невѣжественнаго вмѣшательства московскаго приказного. Именно въ Кругу и надо было принести жалобу. Но Лазаревъ этого не хотѣлъ понять. «И, — писалъ онъ, — я, боясь твоего государева страху и за своею болѣзнью, къ нимъ въ Кругъ не пошелъ и есауламъ ихъ въ томъ отказалъ, что въ Кругъ къ нимъ нейду о разоренье своемъ и о людѣхъ. Будетъ они не сыщутъ, буду милости просить у тебя, а не у нихъ».

Это было явнымъ покушеніемъ на верховныя суверенныя права Войска. «И они (казаки) тово-жъ часу въ Кругѣ закричали всѣ, что за тѣ слова мои любо меня убить; а и саблю войсковую, чѣмъ было меня казнить, выдали, а по меня прислали исъ Круга», двухъ посланцевъ, «а съ ними многихъ казаковъ, и велѣли меня за ноги приволочь до Кругу.... И твои государевы люди, салдаты, видя ихъ безстрашное суровство, за твое государьское имя стали, меня волочить за ноги въ Кругъ не дали. И хотѣли съ казаками битца смертнымъ боемъ. Видя казаки ихъ твердое стояніе, убивство мое ужъ съ тѣхъ мѣстъ оставили и въ круги свои ужъ съ тѣхъ мѣстъ звать не почали, и бѣглыхъ людей моихъ отъ себя изъ Черкасска въ верхніе городки товожъ дни выслали».

*) Наказъ Ждану Кондыреву", „Дон. Дѣла", т. II, с. 754—5; пребываніе на Дону тамъ же, т. III с. 52—54. Ср. также: Харламовъ, Матеріалы въ „Сбор. О. В. Д. Статистическ. Комит." т. III. с. 106—109 и щелкуновъ, „Вольные люди и ихъ служба на Дону", „Сборн". т. XII. с. 85 и сл.

Лазареву было приказано изъ Москвы солдатъ его оставить на Дону, предложивши имъ поступить въ Донскіе казаки. Послѣ молебна по этому случаю, царскаго посла «въ воротѣхъ есаулы ихъ и казакъ Василій Зевака съ товарищи» взяли «къ себѣ въ Кругъ неволею»... «А, — писалъ Лазаревъ царю, — сказали, что за мною твое государево великое государственное дѣло и войсковое. И привели меня въ Кругъ, что плѣннова, и въ Кругу мнѣ атаманъ ихъ войсковой Наумъ Васильевъ почелъ говорить рѣчь, что я на нихъ къ тебѣ государю писалъ ихъ первое въ пріѣздѣ непослушаніе, и за то де твое письмо атаману нашему станишному на Москвѣ выговоры были большіе; а кто де у насъ на Дону отъ государя не бывалъ, честнѣе тебя, и тѣ де на насъ государю тово не писывали, и въ Кругъ къ намъ всѣ хаживали. Да ты жъ де писалъ на насъ государю многижда, утаясь отъ насъ, многія затѣйные слова».... Однако, Павелъ Чесночихинъ, на котораго сослался атаманъ, ссылки не подтвердилъ, и на атамана Наума Васильева казаки «зіятельствомъ крикнули» и освободили посла.*)

Москва и въ дальнѣйшемъ пыталась поддержать политику умаленія правъ Круга, но есть рядъ извѣстій, что послѣдующіе посланцы ходили на Кругъ **). Взять, хотя бы къ примѣру, извѣстный уже намъ наказъ 1682 г. Такимъ образомъ, подорвавши силы на геройскомъ подвигѣ взятія Азова и пятилѣтняго имъ владѣнія, Донскіе казаки должны были почувствовать, что съ ихъ державнымъ народнымъ собраніемъ начинаютъ поговаривать на московскомъ языкѣ.

Глава XI.

Донъ и Московское Государство (1614—1671).

Послѣ революціонной эпохи, когда казаки вмѣшались въ жизнь метрополіи, послѣ учредительнаго Земскаго Собора, въ которомъ приняли участіе случайные и отдѣльные Донскіе казаки, граждане вольной колоніи не имѣютъ отношенія ко внутренней жизни метрополіи. Нѣкоторые историки***) ошибочно полагаютъ, что Земля Донскихъ казаковъ, какъ одна изъ русскихъ земель, принимала участіе въ Земскихъ Соборахъ черезъ своихъ выборныхъ. Но мы находимъ указаніе на участіе въ Соборѣ именно Донскихъ, а не служилыхъ помѣстныхъ казаковъ, лишь однажды. А именно, въ составѣ Со-

*) Дон. Дѣла, т, IV, 239—244.

**) Запрещеніе ходить на Кругъ въ наказѣ Парамона Золотарева 1653 г.: „стоять на томъ крѣпко, то будетъ Государеву имени не къ чести“ ... Дон. Дѣла, т. IV, с. 618, 783. Однако двор. Прибытковъ „въ Кругу рѣчь говорилъ“. Дон. Дѣла, т. IV. 950.

***) Владимирскій-Будановъ „Обзоръ“ с. 184.

бора 12 окт. 1621 г., послѣ «головъ и сотниковъ, и дѣтей боярскихъ всѣхъ городовъ, и гостей, и торговыхъ людей», помянуты «Донскіе атаманы и казаки» и послѣ нихъ идутъ «и всякихъ чиновъ люди Московскаго государства». *)

На первый взглядъ, это точное упоминаніе («Донскіе») можетъ заставить думать, что это были выборные, по уполномочію или выбору Войска, депутаты отъ Дона во всероссійскомъ представительномъ собраніи. Болѣе близкое знакомство со способомъ составленія Соборовъ въ XVII в., а также съ текстомъ документа, опровергаетъ это предположеніе. Извѣстно, что въ экстренныхъ случаяхъ, собирая Соборъ, звали на него не выборныхъ съ мѣстъ, а просто наличныхъ, въ Москвѣ пребывающихъ, служилыхъ людей изъ извѣстнаго города. А Соборъ 1621 г. рѣшалъ весьма экстренный вопросъ о неминуемомъ разрывѣ и войнѣ съ Польшей. На войну вызвали бы и Донскихъ казаковъ. Естественно было позвать, какъ экспертовъ, свѣдующихъ людей, и Донскихъ казаковъ. На Москвѣ могла находиться Донская «станица» (посольство). Ее могли и позвать «для совѣту» и за справкой.

Но дѣло рѣшается гораздо проще. Въ рѣшеніяхъ Собора имѣется постановленіе: поручить «разбирати», т. е. привести въ состояніе военной готовности, войска — воеводамъ. Въ частности, въ Путивлѣ стольнику кн. Туренину и воеводѣ Собакину поручено было разобрать боярскихъ дѣтей въ рядѣ «Сѣверскихъ и Польскихъ городовъ», въ томъ числѣ, и «Донскихъ атамановъ и казаковъ, которые живутъ въ Путивлѣ и въ Рыльскѣ». **) Мы знаемъ уже (см. гл. III), что это были двѣ станицы Донскихъ казаковъ, призванныя на службу послѣ возобновленія разоренныхъ во время Смуты Путивля и Рыльска. Это были служилые, жилые, а не «вольные Донскіе» казаки. Отъ нихъ то и были депутаты на Соборѣ. Войско же Донское не принимало никакого участія въ Земскихъ Соборахъ, ни какъ община Донскихъ казаковъ, ни какъ государственная организація.

Самостоятельный во всѣхъ своихъ внутреннихъ дѣлахъ Донъ руководился въ своей жизни т. наз. «войсковымъ правомъ». Это былъ комплексъ положеній, касавшихся государственнаго, административнаго, уголовнаго и гражданскаго права. «Войсковое право» было обычнымъ правомъ, никѣмъ не собраннымъ, никѣмъ не написаннымъ. Десятилѣтіе за десятилѣтіемъ накоплялись эти нормы, касавшіяся Круга, атамана, сношеній съ Москвой и другими народами, касавшіяся внутренняго распорядка, суда и наказанія. Московское право не распространялось на казаковъ. Первый сводъ россійскихъ законовъ, упоминавшій о казакахъ, былъ — Уложеніе царя Алексѣя Михайловича 1649 г. Тамъ мы находимъ наказанія для

*) Собр. Гос. Грам. т. III, с. 227.
**) Тамъ же с. 233.

казаковъ, «збѣжавшихъ» со службы, размѣръ «окупа» за плѣннаго казака (25 р.), опредѣленіе наказанія казаку за обезчещеніе бояръ и другихъ привиллегированныхъ лицъ словомъ (кнутъ и двѣ недѣли тюрьмы), запрещеніе казакамъ продавать свои вотчинныя земли, размѣръ «печатной пошлины» съ грамотъ казакамъ и т. д. *) Но все это относится къ казакамъ «кормовымъ», «помѣстнымъ», «городовымъ», а не къ вольнымъ Донскимъ казакамъ. Московское правительство считало Донскихъ казаковъ — подлежащими суду и наказанію только Войска по «ихъ войсковому праву». Въ 1625 г. Михаилъ Ѳеодоровичъ ссылался на существовавшій въ Войскѣ Донскомъ, въ началѣ XVI-го вѣка, «крѣпкой заказъ, хто куды пойдетъ безъ вѣдома войскового, и тѣхъ кажнивали смертью». Царь просилъ Войско казакамъ, ходившимъ (для разбоя) на Волгу и на Яикъ, «и впредь чинить наказаніе по своему суду, какъ у васъ на Дону повелось».**) Въ 1671 г. царь Алексѣй Михайловичъ просилъ Войско «пущимъ заводчикомъ (бунта) учинить указъ по войсковому праву».***) 8-го октября 1673 г. царь писалъ: «послать вамъ, атаманамъ и казакамъ вверхъ по Дону, въ городки къ казакамъ листы свои съ жестокимъ своимъ казацкимъ правомъ, чтобы они бѣглыхъ ратныхъ людей къ себѣ не принимали» [1]) Въ 1683 г. предлагается Войску — казакамъ, погромившимъ «юртовыхъ» (мирныхъ) татаръ, — «велѣти учинить наказаніе по своимъ войсковымъ правомъ». [2]) 17-го августа 1700 г. воспрещается чинить посланнымъ для осмотра казачьихъ лѣсовъ царскимъ чиновникамъ «противности и запрещенія» подъ «жестокимъ своимъ войсковымъ приговоромъ». [3])

И въ XVIII вѣкѣ, когда Донъ былъ уже россійской автономной провинціей, право казаковъ быть судимыми исключительно въ Войскѣ, на Дону, продолжало признаваться на Москвѣ. Появились въ грамотахъ, адресованныхъ на Донъ, выраженія: «по обыкности», «по казацкому обыкновенію» (1715), «по казачьему артикулу» (1764), но сохранилось и выраженіе: «по ихъ войсковому праву». [4])

Наказанія по «войсковому праву» отличались крайней жестокостью: за большинство преступныхъ дѣяній полагалась смертная казнь отъ руки самихъ казаковъ. Но въ Войскѣ не было палачей, и въ 1756 году Войско заявляло петербургскому правительству: «никогда и никого Войска Донского казаковъ

*) „Уложеніе 1649 г.“, гл. VII, п. 9; гл. VIII, п. 1; гл. X, § 92; гл. XI, § 50; гл. XIII, §§ 50, 51; гл. XIX. § II; гл. XXIV, §§ I, 159, 266—8.

**) Дон. Дѣла, т. I, с. 251—2.

***) „Ист. Опис.“ с. 272.

[1]) „Мат. для ист. В. Д.“. с. 100.

[2]) Доп. къ Акт. Ист., т. X, с. 150.

[3]) „Акты“ т. III, с. 293,

[4]) „Акты“ т. I 181; т. II, с. 365, 344—5; т. III, 297; Труды стат. ком. т. II, 1872, матеріалы, с. 17.

катъ (палачъ) не бьетъ, а наказываются насѣками и плетьми самими же казаками».*)

Въ XVI—XVII в. в. Войско Донское считало подлежащими своей юрисдикціи всѣхъ находившихся на его территоріи, и, фактически, притязало даже судить и пословъ (убійство русскаго посла Карамышева, турецкаго посла Кантакузена, расправа съ Лазаревымъ). Въ 1641 г. казаки казнили стрѣльца изъ вспомогательной рати Пожарскаго, зная, что онъ стрѣлецъ, т. е. подлежитъ суду воеводы. Казнили его потому, что «кража у нихъ не повелась и спуску за то не бываетъ».**)

Однако, общимъ правиломъ эпохи была подсудность людей тому сословію, къ которому они принадлежали по рожденію или положенію. Въ видѣ общаго правила были на Дону неприкосновенны послы; ратные люди вспомогательныхъ армій подлежали суду своихъ воеводъ. На отсылкѣ т. н. «русскихъ», т. е. не-казаковъ, для суда въ россійскіе города стало настаивать русское правительство въ XVIII вѣкѣ. Въ XVI—XVII же в. в. Донцы судили своимъ судомъ и пріѣзжихъ на Донъ русскихъ людей.

Зато, по отношенію къ казакамъ, было установлено твердое правило неподсудности ихъ московскому суду. Современникъ (Котошихинъ) пишетъ: донскіе казаки, «будучи на Москвѣ или въ полкахъ кто что сворует, царскаго наказанія и казней не бываетъ, а чинятъ они межъ собой сами же. А кого случится имъ казнить за воровство или иныя дѣла и не за крѣпкую службу, и тѣхъ людей, посадя на площади или на полѣ, изъ луковъ или изъ пищалей разстрѣливаютъ сами». ***)

И, дѣйствительно, до 1671 г. казаки на Москвѣ пользуются полной неприкосновенностью. Московское правительство очень льготно относится къ проступкамъ казаковъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ были довольно серьезны. Только въ двухъ случаяхъ правительство арестовало казаковъ и наказало ихъ. Въ 1641 г. войсковой дьякъ Ѳеодоръ Порошинъ пріѣхалъ въ Москву въ зимовой станицѣ, есауломъ при атаманѣ Наумѣ Васильевѣ, который, до отправленія въ Москву во главѣ посольства, былъ войсковымъ атаманомъ. Порошинъ увѣрилъ правительство, что Васильевъ пріѣхалъ въ качествѣ войскового атамана, а онъ — войскового есаула. Эта ложь была открыта, и царь за обманъ повелѣлъ послать Порошина въ Сибирь. [1]) Другой, казакъ Зайка, былъ наказанъ, какъ измѣнникъ, бѣгавшій изъ Дону въ Азовъ, снова на Донъ, и снова въ Азовъ. [2])

---

*) Акты, т. II, 775.
**) Дон. Дѣла, т. III с. 175.
***) Котошихинъ, гл. IX. с. 198.
[1]) Дон. Дѣла, т. I, с. 253 и слѣд. с. 312—3; т. II, с. 481.
[2]) Дон. Дѣла, т. IV, с. 917—913.

Дѣла по жалобамъ и искамъ самихъ казаковъ къ Московскимъ людямъ производились въ Посольскомъ приказѣ. При осложненіи отношеній, при увеличеніи сношеній, казаки стали обращаться къ воеводамъ украинныхъ городовъ. Въ 80-хъ г. г. XVII вѣка часто случалось, что воеводамъ били челомъ на служилыхъ людей, на помѣщиковъ, казаки — ихъ же бывшіе крѣпостные, бѣжавшіе незадолго передъ тѣмъ на Донъ и ставшіе, такимъ образомъ, свободными. Стоитъ прочитать челобитную царю отъ «Тонбовскихъ служилыхъ людей» (1685 г.), чтобы понять въ какую ярость приводило помѣщиковъ это обстоятельство: вчерашній рабъ, ставшій путемъ побѣга свободнымъ, требовалъ суда на бывшаго господина и получалъ его. Въ гибели Донской независимости настойчивыя домогательства помѣстнаго класса, особенно, украинныхъ земель московскихъ, сыграли не малую роль.*)

Въ 1645 году на Воронежѣ жили, въ ожиданіи навигаціи по Дону, казаки и вели себя своевольно, и воевода Бутурлинъ безпомощно писалъ царю: «у меня такова твоего государева указа нѣтъ, что ихъ (казаковъ) отъ всякаго дурна унимать и бѣглыхъ боярскихъ холопей у нихъ вынимать».**)

Въ 1646 г. на Воронежѣ былъ сборъ вольныхъ охочихъ людей, которыхъ за счетъ царя посылали на помощь Дону. Отовсюду бѣжали холопы и крѣпостные и, выдавая себя за вольныхъ, записывались на службу. Помѣщики, получая «погонныя грамоты», ѣхали въ Воронежъ, но законная власть не могла оказать имъ содѣйствія. Воевода писалъ: «Мы посылали для выимки (бѣглыхъ) приставовъ. И вольные люди учали приставовъ бить и за ними гонять до съѣзжего двора со многими людьми. А съ ними пришедъ къ съѣзжему двору, Донской казакъ Ивашко, прозвище Агарышъ, учалъ кричать во всѣ люди: вы де посылаете къ намъ на выимку и хотите вольныхъ людей выдавать, и вамъ де на Дону указъ таковъ же будетъ, что и Івану Карамышеву». Воевода жаловался казачьему атаману Павлу Чесночихину. «И атаманъ и казаки намъ сказали: кто де къ намъ не придетъ, и у насъ де выимки не бываетъ; а только де намъ людей выдавать, и намъ де и на Дону не бывать». Правительство, скрѣпя сердце, и въ этомъ случаѣ написало Войску: «і вы-бъ казаку Ивашку Огарышеву за такие дурные ненадобные слова учинили наказанье, чтобъ ему и инымъ на то смотря, впредь неповадно было такъ плутать и такие ненадобные воровскіе слова говорить».***)

Члены посольствъ (зимовыхъ станицъ) пользовались безусловной неприкосновенностью, равно какъ ихъ свита и багажъ. Только послѣ 1671 г. правительство московское стало производить, по политическимъ причинамъ, аресты и среди

*) Ср. Доп. къ Акт. Истор., т. XII, с. 124.
**) Дон. Дѣла, т. III, с. 465.
***) Дон. Дѣла, II, с. 803—808.

участниковъ зимовыхъ станицъ, разсматривая ихъ уже, какъ своихъ подданныхъ, а не какъ пословъ иноземнаго государства. Такъ 6-го февр. 1688 г. были арестованы атаманъ зимовой станицы Кириллъ Матвѣевъ Чюрносовъ и 4 казака изъ станицы по дѣлу о расколѣ на Дону.*) Въ 1697 г. по дѣлу заговора Цыклера на жизнь Петра I арестовали изъ состава зимовой станицы Лукьянова.**) Послѣ возстанія Булавина Петръ долженъ былъ на запросъ воеводы, какъ быть, написать (11 марта 1709 г.) въ Воронежъ: «зимовой станицы казаковъ, которые съ Василіемъ Поздѣевымъ, Рыковскихъ, Скородумовой, Тютеревской (станицъ), — какъ поѣдутъ съ Москвы не удерживать». Только поэтому они были отпущены.***)

Потеря независимости Дономъ сказалась и на отношеніи къ казачьимъ посламъ. Въ 1684 г. приходилъ въ Москву со станицею отъ походнаго войска атаманъ Иванъ Размочѣевъ, былъ пожалованъ (царемъ) и на обратномъ пути Коротоякій воевода Опухтинъ «убилъ его до смерти и переувѣчилъ станичниковъ». Слѣдствіе затянулось, и Войско вынуждено было заявить: «и впредь, великіе государи, отъ такихъ воеводъ и отъ ихъ смертнаго убивства и озорничества и отъ задержанія къ вамъ, великимъ государемъ, съ вашими государскими дѣлами и съ вѣстовыми отписки посылать къ вамъ немощно». Боярская дума и цари отвѣтили, что объ Опухтинѣ «сыскивано и сыскъ къ Москвѣ присланъ», и обѣщали сообщить о результатахъ суда. [1])

Пріемъ станицъ на Москвѣ хорошо описывалъ Котошихинъ, самъ служившій въ Посольскомъ приказѣ: «А какъ они къ Москвѣ пріѣдутъ, и имъ честь бываетъ такова, какъ чужеземскимъ нарочитымъ людемъ»... Котошихинъ объяснилъ и причину, почему Москва должна была терпѣть независимость Дона: «а ежели бы имъ (казакамъ) воли своей не было, (то) и они бъ на Дону служить и послушны быть не учали. И только бъ не они, Донскіе казаки, — не укрѣпились бы и не были бы въ подданствѣ давно за Московскимъ царемъ Казанское и Астраханское царствы, зъ городами и зъ землями во владѣніи». [2])

Политическая необходимость и собственная слабость заставляли метрополію мириться съ существованіемъ республики вольныхъ русскихъ людей. Какъ только Московское государство достаточно окрѣпло, чтобы своими силами начать движеніе къ Черному морю, естественной грани его съ юга, какъ только былъ взятъ Азовъ царскими войсками, тотчасъ же измѣнилась политика Москвы по отношенію къ Дону. Но еще

*) Доп. къ Акт. Истор., т. XI, с. 154.
**) Соловьевъ, 3 изд., т. III, с. 1166—1167.
***) „Дѣянія Петра Великаго“, т. XI, с. 506—7.
[1]) Доп. къ Акт. Истор., т. XI, с. 264—5.
[2]) Котошихинъ, гл. IX, с. 198—9.

ранѣе того, произошло роковое столкновеніе началъ, которыя развивались и крѣпли на Москвѣ, съ началами, на которыхъ была построена Донская республика.

Соціальныя условія на Москвѣ все болѣе ухудшались. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича закрѣпило и объединило всѣ законы о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ. Это вызвало новый отливъ на украины и за предѣлы царства. Мечтою всѣхъ, кто былъ угнетенъ на Руси, былъ «тихій, вольный Донъ». На Донъ ѣхали гонцы, торговцы, и оставались на Дону «воровскимъ дѣломъ».*) Въ челобитной (26 мая 1646 г.) стольники, стряпчіе и дворяне Московскіе просили царя, чтобы «впредь бѣглые холопы и крестьяне и ихъ дѣти своимъ воровскимъ побѣгомъ Дономъ отъ насъ холопи наши въ холопствѣ, а крестьяне въ крестьянствѣ не отбыли. И не вели, государь, тѣмъ нашимъ холопемъ въ холопствѣ, а крестьянамъ въ крестьянствѣ быть свободнымъ, какъ станутъ выѣзжать съ Дону къ тебѣ, государю».**)

Въ этой челобитной заключалась просьба дворянъ объ отмѣнѣ вѣкового права убѣжища, которое признавалось Москвою за Дономъ. До 1671 г. Москва не осмѣливалась посягать на это право свободнаго Дона. При побѣгѣ людей на Донъ давались помѣщикамъ «погонныя грамоты»; по городамъ воеводамъ разсылались «заказныя или заповѣдныя грамоты».***) Но отбирать бѣглыхъ у Донскихъ казаковъ никто не осмѣливался. Царь приказывалъ воеводамъ изъ Воронежа и Волуекъ (при выѣздѣ казаковъ изъ предѣловъ царства) «лишнихъ людей никого съ ними не выпускать, т. е. тѣхъ, кто не былъ обозначенъ въ «проѣзжей грамотѣ».[1])

Вообще, Донъ ревниво охранялъ свое право политическаго убѣжища. «Съ Дона выдачи нѣтъ» — было девизомъ Дона, о которомъ въ 1917 г. напомнилъ казачеству погибшій отъ руки большевиковъ товарищъ Донского атамана М. П. Богаевскій.

Въ XVI вѣкѣ, пока Московское правительство не установило еще опредѣленнаго взгляда на политическую организацію Донского казачества, оно требовало иногда, хотя и тщетно, выдачи отдѣльныхъ лицъ съ Дона. Такъ, въ 1584 г. послу-

*) Дон. Дѣла, т. I, с. 204—205 (1619 г.) „Ср. Акты Моск. Гос.“, т. I, с. 336, донесеніе Шацкаго воеводы (1631 г.): „а иные дворцовыхъ селъ крестьяне и пошы и нынѣ живутъ на Дону и на Яикѣ, а братья ихъ и племянники и дѣти хотятъ къ нимъ идти на Донъ“ . . .

**) Дон. Дѣла, т. I, с. 1089.

***) Дон. Дѣла, т. IV, с. 115—117; 655—656; т. III, с. 16. Въ 1655 г. царь повелѣлъ: „бѣглыхъ боярскихъ холопей на Москвѣ и въ городѣхъ имать и вѣшать, а на Воронежъ воеводѣ послать грамоту: какъ пріѣдутъ въ Воронежъ донскіе казаки, и ихъ велѣно на Донъ отпустить тѣхъ, которые съ Дону пріѣхали, а лишнихъ съ ними отпускать не велѣно“ . . . „Акты М. Гос.“, т. II, с. 399. При проѣздѣ донцевъ на государеву службу къ нимъ приставали „по ихъ казачьему подговору“ многіе люди „изъ служебъ, и крестьяне и холопи боярскіе“ . . . Тамъ-же, с. 411.

[1]) Дон. Дѣла т. с. 676,778 (1638) 690, 545, 295,445.

ѣхавшему на Донъ, предписывалось «трехъ-четырехъ казаковъ переимать и въ Москву привезти, а 5—6 пущихъ заводчиковъ бити кнутьями на Дону». Дѣло шло о нападеніи на другого русскаго посла на пути его на Донъ *).

Требованіе 1629 г. было гораздо скромнѣе: «сыскать воровъ, (ходившихъ на море для нападеній на Крымъ) и прислать имена тѣхъ воровъ къ государю, къ Москвѣ» **).

Котошихинъ хорошо описалъ донское право убѣжища. Онъ писалъ о казакахъ: «и многіе изъ нихъ московскихъ бояръ и торговые люди и крестьяне... А бывъ на Дону хоть одну недѣлю или мѣсяцъ, а случится имъ съ чѣмъ нибудь пріѣхать къ Москвѣ и до нихъ впредь дѣла не бываетъ никому, потому что Дономъ отъ всѣхъ бѣдъ освобождаются» ***). Воздухъ Дона дѣлалъ людей свободными, это было незыблемымъ правиломъ XVII вѣка. Дѣйствительно, обращенія помѣщиковъ къ правительству о возвращеніи въ холопство бѣглаго человѣка, пріѣзжавшаго уже въ качествѣ казака съ Дону въ Москву, были тщетны. [1]) Максимумъ неудовольствія, которое выражало Московское правительство, когда на Москву пріѣзжали казаки, недавно лишь убѣжавшіе изъ Московскаго государства, заключался въ сообщеніи о томъ Войску. Такъ, въ 1637 г. царь писалъ Донскому Войску: «А вы тѣхъ новыхъ казаковъ прислали къ намъ къ Москвѣ вмѣстѣ со старыми казаки, не вѣдая, что они пришли къ вамъ бѣгомъ вновѣ». Поэтому царь приказалъ казакамъ, на которыхъ было челобитье на Москвѣ, своего государева жалованья (за пріѣздъ въ станицѣ) не давать, а на Донъ велѣлъ отписать, чтобъ они впредь такихъ новоприходцевъ новыхъ казаковъ къ Москвѣ въ станицахъ не присылали для ссоры» [2]).

И позже, въ 1683 г., на челобитной о выдачѣ бѣглаго крестьянина, прибывшаго въ станицѣ съ казаками на Москву, было написано: «И противъ сего челобитья въ государственномъ Посольскомъ приказѣ выписать не изъ чего, потому что напредъ сего Донскихъ казаковъ, которые пріѣзживали къ великимъ государемъ съ Дону въ станицѣ, никому не отдавано, и великихъ государей указу о бѣглецахъ, которые бѣгаютъ на Донъ съ Москвы изъ городовъ отъ всякихъ чиновъ людей въ Приказѣ нѣтъ». На подобную же челобитную 1687 г. былъ отвѣтъ: «по сему челобитью отказано, для того, что николи Донскіе казаки челобитчикомъ не отдаваны» [3]). Тщетны были заявленія «Приказа холопья суда» и частныхъ лицъ! Ставшій казакомъ не возвращался въ рабство.

*) Истор. Опис.“ с. 45—9.

**) Дон. Дѣла т. I, с. 312.

***) Котошихинъ с. 48—49; ср. также „Relation des particulariter de la rebellion de Stenko“, Paris 1856, p. 3.

[1]) Рядъ примѣровъ въ „Дон. Дѣл.“ т. I, с. 631—2, 583—6 и др.

[2]) Дон. Дѣла, т. I, с. 586.

[3]) Дружининъ, с. 28.

Не только съ Дону, но даже находясь на царской территоріи, казаки не выдавали бѣглыхъ, присоединившихся къ нимъ *). Въ 1646 г. воронежскій воевода доносилъ, что всѣ «вольные люди», собиравшіеся на службу на Донъ, «были надежны на Донского атамана, что ихъ никому не выдаютъ, и всѣмъ владѣетъ атаманъ Чесночихинъ противъ (т. е. согласно) своево Донского обычаю, мимо твоего государева указу». Въ томъ же году, бывшій войсковой атаманъ, Иванъ Каторжный, ѣздившій съ станицей на Москву, возвращался на Донъ. И воронежскій воевода «при игуменахъ и попѣхъ, при головахъ и сотникахъ, при дѣтяхъ боярскихъ, при стрѣлецкихъ и казачьихъ пятидесятникахъ и при торговыхъ людяхъ въ съѣзжей избѣ, говорилъ Ивану Каторжному о бѣглыхъ людехъ и крестьянахъ». Каторжный, врядъ ли съ основаніемъ, сослался на «изустный царскій приказъ: боярскихъ бѣглыхъ холопей выдавать не велѣно». Когда на слободу, гдѣ жили проѣздомъ казаки, стали приходить за бѣглыми, Каторжный «угрожалъ побивать ихъ до смерти изъ пищалей». Черезъ нѣсколько дней, воронежскій воевода собралъ такой же торжественный синклитъ, и пріѣхавшій съ «погонной» царской грамотой дворянинъ Данило Мясной потребовалъ у Каторжнаго выдачи бѣглыхъ. И, — эпически повѣтствуетъ воевода, — Каторжный, «ударя ево (Мясного) въ душу, твой государевъ наказъ, каковъ ему данъ отъ тебя изъ Посольскаго приказа, у нево, Данилы, вырвалъ и заткнулъ къ себѣ за голенище и хотѣлъ Данилу убить». ... А уѣзжая, Ив. Каторжный «съ товарыщи» бѣглыхъ людей не отдали, а говорили: «хотя де пріѣдетъ бѣглыхъ людей вынимать самъ воевода и мы де ему отсѣчемъ ухи да пошлемъ къ Москвѣ»... А одного изъ «погонщиковъ» за бѣглыми атаманъ велѣлъ «бить ослопы» **).

Донъ твердо держался своего права убѣжища, права не выдавать политическихъ и религіозныхъ бѣглецовъ и бѣглыхъ рабовъ. 1671-й годъ, роковой для Донской вольности, былъ роковымъ, въ первую очередь, для права убѣжища. Выдачей Разина на расправу въ Москву, вмѣсто того, чтобы казнить его по своему войсковому праву, Донъ самъ нарушилъ свой завѣтъ.

Запорожскій атаманъ Сѣрко правильно предусматривалъ: «какъ одного выдадимъ, тогда всѣхъ насъ Москва по одному разволочетъ»***). Напрасны были потомъ, въ 1670—1680-хъ г.г. крики казаковъ на атамана, требовавшаго подчиниться требо-

*) Въ 1655 г. они разгромили въ Воронежѣ тюрьму, чтобы освободить донского казака Дениса Кириллова, который былъ посаженъ „въ государевѣ въ измѣнномъ дѣлѣ“ ... Акты М. Гос., т. II, с. 411. Попытка отобрать подъ Смоленскомъ у донцевъ бѣглыхъ людей окольничьяго Стрѣшнева повела къ уходу на Донъ большинства донцевъ. Акты М. Гос. т. I, с. 624.

**) Дон. Дѣла II, 884, 891 1107.

***) Соловьевъ, изд. 3-е, т. III, с. 444.

ванію Москвы о выдачѣ: «Повадился ты насъ къ Москвѣ возить, будто азовскихъ ясырей, будетъ съ тебя и той удачи, что Разина отвезъ» *). Въ 1688 г., когда возникъ вопросъ о выдачѣ на Москву бывшаго войскового атамана Самойла Лаврентьева, одинъ изъ вождей партіи сторонниковъ независимости Дона, Чюрносовъ заявилъ казаку, предлагавшему согласиться: «ты де повадился къ Москвѣ русскихъ языковъ возить... Я русскаго полону возить не хочу...» **)

Итакъ, въ области суда и управленія, какъ и въ области законодательства, Донъ былъ абсолютно самостоятеленъ. Своеобразной чертою обособленности Дона отъ Москвы въ области церковнаго управленія было самостоятельное рѣшеніе Войскомъ всѣхъ вопросовъ, касавшихся церквей, монастырей и духовенства, и выборность церковно- и священнослужителей. Религіозная связь колоніи съ метрополіей духовно была одной изъ самыхъ крѣпкихъ; она поддерживалась, внѣшне, непрерывно, такъ какъ казачество получало изъ Москвы всѣ предметы культа: священныя книги, облаченія, кресты, колокола и т. д. Въ отличіе отъ русскихъ провинцій, подчиненныхъ мѣстнымъ епископамъ, Войско Донское въ церковномъ отношеніи состояло въ вѣдѣніи самого патріарха Московскаго и всея Руси. Но власть и заботы патріарха выражались лишь въ посылкѣ предметовъ церковнаго обихода, благословенныхъ антиминсовъ и въ посвященіи въ священники тѣхъ кандидатовъ, которыхъ присылали съ Дону. Всѣ священники и причетники на Дону были выборные. Ихъ посылали въ Москву съ рекомендаціей, что такой то «духовенъ и смиренъ и не упоецъ (не пьяница), а намъ (казакамъ) онъ годенъ». Сношенія съ патріархомъ шли черезъ Посольскій Приказъ. Войсковой Кругъ выбиралъ войсковыхъ священниковъ (главнаго городка), станичные круги - станичныхъ. Кругъ разрѣшалъ постройку церквей и часовенъ, иногда даже «безъ благословенія св. патріарха по старому антиминсу». Въ эпоху великаго раскола русской церкви казаки въ значительной массѣ своей оказались на сторонѣ «старой вѣры», точнѣе «стараго обряда».

Въ эту, именно, эпоху Донъ сталъ убѣжищемъ не только для политическихъ бѣглецовъ, не только для тѣхъ, кого общественно-экономическія отношенія Московскаго государства заставляли покидать родину, но и для эмигрантовъ религіозныхъ, для раскольниковъ. Въ 1680 годахъ раскольничьи вожди на Дону проповѣдывали, что — «отпадшія вѣры (суть) Римъ, Польша, Кіевъ съ товарыщи, Греки, Москва; только де осталася благочестія малая вѣтвь на Дону; и отъ той вѣтви расцвѣтетъ

*) Соловьевъ, т. III, с. 493.

**) Доп. къ Акт. Ист. т. X, с. 175 и 196. Казни раскольниковъ на Москвѣ вызывали негодованіе казаковъ. О высылкѣ Кузьмы Косого старшина Павелъ Чекуновъ сказалъ въ Кругу: „для чего ихъ къ Москвѣ посылать? и безъ нихъ на Москвѣ много мяса“!... Дружининъ, с. 114.

многое благочестіе». ... Тогда же «умышляли» на Дону: «учинить на Дону особаго патріарха или епископа»...

Подобное стремленіе было логическимъ выводомъ изъ положенія церкви на Дону. Тѣсная связь клира съ населеніемъ, выборность всѣхъ священно- и церковно-служителей, эта своеобразная самостоятельность церковнаго управленія — естественно увѣнчались бы созданіемъ особой епархіи или, даже, автокефаліей донской церкви.

Автономистскія стремленія донскаго казачества въ области духовнаго управленія были весьмы сильны. Въ XVIII-мъ вѣкѣ Донъ былъ подчиненъ въ духовномъ отношеніи епископамъ воронежскимъ, но прошло около полутора вѣка, пока удалось подчинить донское духовенство непосредственому вѣдѣнію епископа, изъявши его окончательно изъ подъ власти войскового начальства. Весь XVIII-й вѣкъ наполненъ довольно безплодной борьбою епископовъ воронежскихъ съ войсковымъ начальствомъ изъ за власти надъ духовенствомъ. Населеніе же Дона, казачество, заявляло: «мы и вашего архіерея не боимся для того, что не у него въ командѣ»... Верхне-Чирской попъ укорялъ присланнаго въ монастырь, по назначенію епископа, управителя: «Ты къ намъ въ управители опредѣленъ безъ нашего выбору; намъ ты неугоденъ; дѣлай по нашему, что намъ угодно, а не по твоему. Нѣтъ, здѣсь — Донъ, донщина»*)...

Въ отношеніи финансовомъ войско много лѣтъ сохраняло свою примитивную организацію простѣйшей первобытной общины, товарищества воиновъ-промышленниковъ. Средства къ жизни сперва добывались казаками лишь охотой и рыбной ловлей, затѣмъ прибавилось пчеловодство и скотоводство. Послѣднее имѣло серьезное значеніе, особенно коневодство. Значительна была торговля рыбой. Но, въ сущности, пока не произошелъ переходъ казачества къ земледѣлію, главнымъ рессурсомъ казачества была добыча. Казачество «добывалось» на войнѣ оружіемъ, одеждою и плѣнными. Одежда — «зипуны» — была однимъ изъ главныхъ элементовъ добычи, почему мотивомъ войны съ окрестными народами было желаніе «зипуна добыть», а казаковъ, совершавшихъ набѣги, сосѣди, да и сами казаки, звали «зипунниками».

Военная добыча дѣлилась между участниками похода поровну. Это называлось — «дуванъ дуванить», нѣкоторыя урочища получили названіе «дуванной поляны», ибо тамъ обычно останавливалось походное войско для дѣлежа. Военная «добыча» или «здобычь» въ XVII вѣкѣ, когда Войско стало «коннымъ», по преимуществу, стала пополняться лошадьми, а затѣмъ и скотомъ. Добыча считалась легальнымъ способомъ военнаго обогащенія еще въ XVIII вѣкѣ, да — правду сказать, —

*) Харламовъ, „Дон. Церк. стар." т. I, с. 48.

и позже. Суворовъ, руководившій казаками въ 1783 г. при войнѣ съ нагайскими татарами, писалъ въ своемъ ордерѣ: «Всю добычу дѣлить: половину на государя; казакамъ изъ остального — двѣ трети; остальному (регулярному) войску одну треть» *).

Отсутствіе на Дону хлѣба, одежды и воинскихъ припасовъ создало потребность въ томъ «жалованьи» царскомъ, которое давалось Войску сперва за опредѣленныя отдѣльныя услуги спорадически, а съ 1614 г. — періодически. Жалованье — эта субсидія колоніи со стороны метрополіи, — состояло изъ хлѣба, пороху, свинцу, сѣры, селитры, сукна. Позже прибавились деньги. Жалованье привозилось изъ Москвы зимовыми станицами въ Воронежъ, а оттуда, водою, въ такъ называемыхъ «бударахъ», въ половодье, сплавлялось въ главный городокъ Войска. Бударамъ, которые везли «на Низъ» жалованье, устраивались по городкамъ торжественныя встрѣчи. Караванъ увеличивался новыми лодками, въ которыхъ ѣхали на майскій Кругъ представители отъ станицъ за своею долею жалованья.

Полученіе жалованья несомнѣнно создавало зависимость Дона отъ Москвы. Михаилъ Ѳеодоровичъ въ 1623 г. напоминалъ казакамъ, что раньше жалованье посылалось лишь во время войны, а онъ сталъ дѣлать это «мало не ежелѣть, чего при прежнихъ государѣхъ николи не бывало»**)

Въ эпоху тяжкаго экономическаго кризиса, пережитаго Домомъ въ послѣдней четверти XVII вѣка, жалованье явилось крупнымъ подспорьемъ въ жизни донского казачества. Однако, оно же было и однимъ изъ самыхъ сильныхъ средствъ въ рукахъ Московскаго правительства при борьбѣ его съ Донской независимостью. Тотъ, кто держалъ въ рукѣ кошелекъ, оказался сильнѣе.

Въ области торговой казаки пользовались правомъ безпошлинной торговли съ Москвою. Въ Сентябрѣ 1615 г. по челобитью Войска ему была пожалована «царская жалованная грамота за царскою красною печатью». Царь писалъ въ ней: «мы васъ, атамановъ и казаковъ, за ваши многія къ намъ службы, пожаловали, вамъ велѣли въ наши украинные городы со всякими ваши товары, которые вы доставаете своею службою, и безъ товаровъ, къ родимцамъ вашимъ ѣздить и съ ними видитися повольно и торговати всякими товарами; и по городамъ къ воеводамъ нашимъ и всякимъ приказнымъ людемъ о томъ отъ насъ писано, чтобъ они вамъ и товарищамъ вашимъ въ городы съ товары и безъ товаровъ ѣздить велѣли повольно и насильства бъ никому не чинили и сильно ни у кого ничего не имали; а кто что возьметъ товаровъ, и у тѣхъ съ товаровъ

*) Сенюткинъ, ч. II, с. 277; Доп. къ Акт. Ист. т. XII, с. 194, 289; т. X, с. 73; Тимощенко въ Трудахъ стат. Комит.“ т. II, с. 134. Правила о военной добычѣ встрѣчаются еще въ „Полож. объ управл. В. Дон.“ 1835 г.

**) Дон. Дѣла, т. I, с. 220.

пошлинъ имать есмя за вашу службу не велѣли» *). По этой грамотѣ казаки пріобрѣли право свободнаго пріѣзда въ украинные города Московскаго государства для свиданія съ родными, продажи «добычи» и товаровъ, и безпошлиннаго вывоза товаровъ на Донъ. Впослѣдствіи, по жалобамъ казаковъ на злоупотребленія воеводъ, цѣловальниковъ и приказныхъ, цари много разъ подтверждали Войску эти его права на пріѣздъ «ко племяни», къ «родимцамъ», а также на богомолье, и на безпошлинную продажу и покупку товаровъ **)

Помимо торговли казаковъ на Москвѣ, они же возили товары и на Донъ. Такъ, въ 1641 г. войсковая отписка отмѣчала, что «сверху изъ государевыхъ изъ украинныхъ городовъ пришли въ Азовъ торговые люди, ихъ братья казаки, которые были по городомъ, съ запасы, не многіе будары» ***). Но все же, главнымъ образомъ, снабжали Донъ товарами московскіе торговые и посадскіе люди. Казаки неоднократно ходатайствовали передъ Московскимъ правительствомъ о безпрепятственномъ пропускѣ на Донъ купцовъ съ товарами [1]) Въ рукахъ Москвы торговля съ Дономъ была способомъ политическаго воздѣйствія на непокорный Донъ. Закрывало свои границы для проѣзда на Донъ и съ Дона московское государство и при Борисѣ Годуновѣ, и при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ (1625—1627, 1630—1632), и при Алексѣѣ Михайловичѣ (въ эпоху Разинскаго возстанія). Закрытіемъ границъ угрожало правительство неоднократно [2]) Понятіе экономической блокады было и

---

*) Ист. опис., с. 84.

**) Дон. Дѣла, passim. Особенно т. I, с. 536; „Дон. Войск. Вѣдом“, 1864, N 8; И. С. Кошкинъ „Дон. торг. казаки“, Ростовъ на Дону 1904; Номиковъ, с. 550; Савельевъ „Очерки по исторіи торговли на Дону“.

***) Дон. Дѣла, т. II, с. 179. Въ 1651 г. коротоякскій воевода пишетъ о донскихъ казакахъ, которые „съ Дону отъ Войска и для своихъ промысловъ ѣздили въ Коротоякъ“ . . . „Акты Моск. Гос.“, т. II, с. 303. За хлѣбомъ ѣздили въ Маяцкой. „Доп. къ Акт. Ист.“, т. XII, с. 185. Возили и рыбу въ украинные города Дружининъ, с. 19.

[1]) Въ 1623 г. ѣздили на Донъ 40 Ельчанъ и 30 Осколянъ „для лошадиныя покупки“. Въ 1631 г. изъ Шацкаго „государевыхъ дворцовыхъ селъ и Чернѣева монастыря крестьяне и всякіе уѣздные люди ѣздили съ виномъ и съ зельемъ и со свинцомъ и со всякими товары на Донъ и на Яикъ“ . . . „Акты Моск. Госуд.“, т. I, с. 192 и 336. Въ 1674 г. донцы показывали въ Посольскомъ приказѣ: „Да пріѣзжаютъ въ Черкасской сверху съ Воронежа, и съ Ельца и съ Коротояка (и) изъ иныхъ украиныхъ городовъ торговые люди многіе съ виномъ и съ медомъ — сырцомъ, и со всякими хлѣбными запасы и, испродавшись, покупаютъ себѣ рыбу“, . . . Дружининъ, с. 19.

[2]) Новоназначенный въ 1631 г. Шацкій воевода доносилъ царю, что онъ „по государеву указу отъ Дону и отъ Волги поставилъ заставы . . . и никого ни съ чѣмъ на Донъ и на Волгу не пропускаю“ . . . „Акты М. Гос.“, т. I, с. 336. Иногда закрытіе границъ съ стороны Дона объяснялось „моровымъ повѣтріемъ“ . . . (1655). „Акты М, Гос.“, т. I, с. 417. Въ 1671 г. арестовывали на границѣ донцевъ, ѣхавшихъ для торгу. Такъ въ Сѣвскѣ арестовали „Стеньку Болдыря съ товарыщи 17 человѣкъ“, хотя знали, что онъ „и напередъ сего для торгу пріѣзжалъ“. 8 іюня 1671 г. донцы жаловались, что весною ни жалованья къ нимъ, ни „торговыхъ людей ни единаго судна не бывало“ . . . „Мат. для ист. возмущ.“, 1857, с. 196 и 201.

тогда извѣстно, и угроза блокадой оказывала свое воздѣйствіе на руководящіе круги Донской республики. Сильную зависимость испытывалъ Донъ отъ Москвы и вслѣдствіе отсутствія на Дону своей соли. Только съ 1740-хъ годовъ началась разработка Манычскихъ озеръ, и то въ теченіе 50 лѣтъ она была сопряжена съ серьезной опасностью отъ задонскихъ кочевниковъ. Въ 1653 г. Войско жаловалось: «нынѣ въ Войскѣ солью оскудѣли, а съ Руси къ намъ торговые люди соли на продажу не привозятъ же*). Тогда же Войско жаловалось на царицынскаго воеводу «Олексѣя Львова», что онъ «дуруетъ и дѣлаетъ не по указу для своей бездѣльной корысти. Донскіе казаки ѣздятъ на Царицынъ городъ молиться и для своихъ нуждъ соли купить, и воевода... казаковъ на Царицынѣ бьетъ и увѣчитъ напрасно и въ тюрьму сажаетъ для своей бездѣльной корысти, а соли купить не даетъ и продавати и возить на Донъ запретилъ»...

Такимъ образомъ, если казаки, охраняя свое право политическаго убѣжища, и позволяли себѣ своевольства, вродѣ того, что атаманъ, находясь еще на московской территоріи, ударилъ уполномоченнаго рабовладѣльцевъ, требовавшаго выдачи бѣглыхъ, «въ душу», а царскую «погонную» грамоту вырвалъ и за голенище спряталъ, то и воеводы украинныхъ городовъ, цѣловальники и др. приказные, позволяли себѣ насилія надъ казаками и нарушенія ихъ привилегій.

Войско всякій разъ вступалось за казаковъ, причемъ обращенія къ царю носили иногда весьма ядовитый характеръ. Такъ, по поводу упомянутаго Царицынскаго воеводы Львова, Войско писало: «и такова, государь, воеводы глупова, плута и лихова въ той твоей государевѣ отчинѣ на Царицынѣ николи прежде сего не бывало».

Для историка Дона небезынтересно отмѣтить, что роковое для Дона столкновеніе его съ Москвою въ началѣ XVIII-го вѣка произошло не только на почвѣ политической, изъ-за республиканскаго строя колоніи и изъ-за права убѣжища, но и изъ за экономической борьбы за обладаніе соляными промыслами въ Бахмутѣ (Булавинское возстаніе).

Глава XII.

Разиновщина и присяга 1971 года.

29-го августа 1671 г. произошло событіе, съ точки зрѣнія юридической, имѣющее первостепенное значеніе. Войско Донское, неоднократно отвергавшее присягу царямъ московскимъ,

*) Дон. Дѣла, т. IV2, с. 66. „Для соляного промыслу“ ѣздили донцы не только въ Царицынъ, но и на Торъ (въ 1620-хъ г. г.). Срав.: „Акты М. Госуд.“ т. I, с. 177, 192; т. II, с. 121 (1641 г.).

присягнуло царю Алексѣю Михайловичу по «крестоцѣловальной записи». Донъ вошелъ въ составъ Государства Россійскаго, а казаки стали подданными царя. Начался длинный періодъ «освоенія» колоніи, продолжавшійся до XX-го вѣка.

Событіе это настолько важно, что на немъ нельзя не остановиться и подробнѣе изложить причины, повлекшія его за собою. Причинъ было много, и внутреннихъ, и внѣшнихъ, и онѣ тѣсно связаны между собою. Царствованіе Алексѣя Михайловича было эпохою укрѣпленія самодержавно-крѣпостническаго строя на Руси. Первый Романовъ, избранный Земскимъ Соборомъ, связанный «записью» ограничительнаго характера или, по крайней мѣрѣ, извѣстными обѣщаніями, втеченіе всего своего царствованія долженъ былъ опираться на представительный органъ. И недаромъ, въ эту именно эпоху земскаго соборнаго правленія, расцвѣла государственная жизнь республиканской колоніи. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича Земскій Соборъ быстро сходитъ на нѣтъ. Параллельно съ паденіемъ общенароднаго представительства идетъ процессъ централизаціи на мѣстахъ, процессъ вымиранія и искорененія мѣстнаго самоуправленія, замѣны его властью воеводъ. Расколъ 1666—1667 г. г. повелъ къ жесточайшимъ религіознымъ гоненіямъ. Преслѣдовалось не разномысліе въ дѣлѣ вѣры: обрядовыя различія были не столь велики. Но самая мысль о непослушаніи, неподчиненіи, приводила въ бѣшенство правящую группу. Церковь призвала на помощь государство, и послѣднее обрушилось съ жесточайшими преслѣдованіями на старообрядцевъ. Религіозные эмигранты хлынули широкой волною на «тихій вольный Донъ», въ сторону исконнаго политическаго убѣжища.

Но еще серьезнѣе было, по причинамъ и слѣдствіямъ, нашествіе на Донъ массъ пролетаризованнаго «бездомовнаго» крестьянства, бѣжавшаго отъ закрѣпощенія. Проникнутый глубокою ненавистью къ московскимъ государственнымъ и общественнымъ порядкамъ, темный и невѣжественный, голодный пролетаріатъ находилъ себѣ мѣсто въ рядахъ Донского казачества. Оно принимало бѣглыхъ въ составъ Войска, включало ихъ въ станицы, давало имъ право на долю въ жалованьи. Потеря людьми въ войскахъ была чрезвычайно велика, и казачество охотно пополняло свои ряды бѣглецами изъ метрополіи. Но потокъ людей, стремившихся на Донъ, увеличивался несоразмѣрно рессурсамъ Дона.

Къ великорусской эмиграціи на Донъ прибавилась теперь и малороссійская. Съ 1667 г., послѣ Андрусовскаго перемирія, разрѣзавшаго Украину на двѣ части, потянулись на Донъ эмигранты изъ Украины. Постепенно назрѣвалъ тяжкій экономическій кризисъ: Донъ не былъ уже въ состояніи прокормить новыхъ пришельцевъ.

Рыболовство продолжало кормить казаковъ, особенно, въ

низовьяхъ Дона. Не только московскіе люди ѣхали сюда за соленой и вяленой рыбой, но и чумаки съ Украины начинали пробивать новые «шляхи» на Донъ. Скотоводство, составлявшее *) въ началѣ XIX вѣка преимущественное занятіе донцевъ, уже сильно развилось въ началѣ XVII вѣка.**) «Новоприходцы» могли бы начать жить земледѣліемъ. Но именно въ земледѣльческомъ трудѣ казачество видѣло лишь средство къ порабощенію труда и личности человѣка. Еще въ 1689 г. атаманъ Фролъ Минаевъ сообщалъ: «бѣглые... приходятъ къ намъ на Донъ и на Хоперъ и на Медвѣдицу непрестанно... и завели было всякую пашню и они (казаки) увѣдавъ то... во время съѣзда всѣхъ казаковъ великихъ государей къ годовому жалованью, послали по всѣмъ городкамъ войсковой свой приговоръ, чтобъ никто и нигдѣ хлѣба не пахали и не сѣяли, а если станутъ пахать, и тогда бить до смерти и грабить, и кто на такое ослушаніе кого убьетъ и ограбитъ, и на того суда не давать, а кто хочетъ пахать, и тѣ бъ шли въ прежнія свои мѣста, кто гдѣ жилъ» ***)

Такимъ образомъ, «голыдьбѣ» оставалось «добываться» на войнѣ или составлять шайки «воровскихъ» казаковъ и грабить, что можно и гдѣ можно. Можно было бы воевать съ окрестными народами, но метрополія, истощенная войнами съ Польшей и Швеціей, не желала быть втянутой въ войну съ Турціей или Крымомъ и категорически запрещала нападенія въ этомъ направленіи. «Голутвенные» казаки отправлялись въ самовольные походы на Волгу грабить персидскія и русскія суда, на Сѣверный Кавказъ и на Каспійское море.

Войско боролось съ «воровскими» казаками. Въ 1627 г. «воровство» на Волгѣ было запрещено Войскомъ подъ страхомъ смертной казни. При этомъ обнаружилось, что воровъ ссужали «зельемъ» и свинцомъ и покупали у нихъ ясырь - атаманы и казаки верховыхъ городковъ и торговые люди. Этихъ лицъ, организаторовъ воровского казачества, на Кругѣ «били ослопьемъ и грабили» [1]). Въ 1628 г. группа воровскихъ казаковъ въ 600 человѣкъ «на Дону у Чиру» построила себѣ даже особый городокъ. О нихъ сообщалось, что «съ донскими де казаками съ нижними городки они не съѣзжаютца и ни въ чемъ донскихъ казаковъ не слушаютъ» [2]). Этотъ городокъ былъ уничтоженъ, но въ 1660 г. воровскіе казаки построили между Паншинскимъ и Иловлинскимъ городками свой воровской городокъ Рыгинъ,

*) По свѣдѣніямъ «Комитета 1819 года», «Столѣт. Воен. мин-ва», т. XI, ч. 2, с. 290.

**) Уже въ 1614 г. жители «Главнаго Войска», т. е. станицы Дона, жаловались царю на азовцевъ, которые угнали у нихъ «лошадей съ тысячу . . . и коровъ со сто . . .» Стоги сѣна, сметанные казаками и азовцами, оставлялись неприкосновенными во время самыхъ жестокихъ войнъ Дона съ Азовомъ въ XVII вѣкѣ. Изъ этого видно, какое значеніе придавали обѣ стороны сохраненію скота. «Ист. Опис.», с. 83 и др.

***) Дружининъ с. 16.

[1]) «Ист. Опис. с. 134.

[2]) Тамъ же с. 246.

для уничтоженія котораго Войску пришлось пустить въ ходъ войска всѣхъ трехъ родовъ оружія *). Это были наиболѣе крупные предвѣстники того громаднаго движенія, которое въ 1667—1671 г. охватило часть Дона и все Поволжье.

Въ 1667 г. доносили въ Москву, что «во многіе Донскіе города пришли съ Украины бѣглые боярскіе люди и крестьяне съ женами и дѣтьми, и отъ того де на Дону голодъ большой». Въ 1670 г. предвѣщали: «на весну (1670 г.) безъ воровства, конечно, не будетъ, потому что на Дону людей стало гораздо много, а кормитца имъ нечимъ, никакихъ добычь не стало» **). Впослѣдствіи станица, посланная Стенькою Разинымъ къ царю, объяснила, что «на Дону имъ учала быть скудость большая, на Черное море проходить имъ не мочно, учинены отъ турскихъ людей крѣпости», а потому пошли они безъ вѣдома войскового атамана на Волгу, а затѣмъ на Каспійское море ***).

Мы не имѣемъ возможности, даже вкратцѣ, пересказывать фактическую сторону грандіознаго возстанія, которое было поднято въ Юго-Восточной Россіи «голутвеннымъ» казачествомъ. Не находя себѣ выхода на Черное море, остановленное въ движеніи (по Каспію) на берега Персіи, «голутвенное» казачество обрушилось внутрь государства и потрясло его до основанія. Движеніе это было колоссально. Оно было явленіемъ болѣе всероссійскимъ, нежели донскимъ. Наша задача выяснить въ немъ спеціально донскіе элементы.

Возстаніе Разина показало явно, что единая прежде масса донского казачества подверглась разслоенію, точнѣе сказать, что на Дону появилось 2 элемента: старое осѣдлое казачество, связанное съ краемъ нѣкоторымъ имуществомъ, получающее свою долю въ царскомъ жалованьи, обладающее политическими правами, — и новое, — голутвенное, пролетарское казачество, формально иногда и не принятое въ гражданство Донской республики, пользующееся правомъ убѣжища на Дону, участвующее въ походахъ съ цѣлью добычи и зачисленія въ ряды казачества, но не пользующееся правомъ участія въ политической жизни. Невольно напрашивается современная классификація — буржуазная демократія, въ лицѣ домовитаго казачества, и пролетаріатъ оборванцевъ, «голыдьба», «голутвенное казачество». Будь на Дону просторнѣе, не переживай Донъ глубокаго экономическаго кризиса, перейди Донъ къ земледѣлію, и соціальный взрывъ былъ бы предотвращенъ или смягченъ. Но произошло иначе.

Домовитое казачество весьма дорожило связью съ метрополіей, царскимъ жалованьемъ, правомъ торговли и т. д. Верхушка домовитаго казачества, казачья старшина, прилѣплялась сердцемъ къ Москвѣ во имя освобожденія изъ подъ

*) Тамъ же, с. 247.
**) Акты Историч., т. IV, с. 374; Доп. къ Акт. Ист., т. VI, с. 23.
***) Доп. къ Акт. Истор., т. VI., с. 16.

власти толпы, во имя почета и благъ земныхъ. Голутвенное казачество, не могшее забыть всего пережитаго на Москвѣ, мечтало о мести Московскимъ порядкамъ, о насажденіи всюду казачьяго устройства, о соціальной революціи. Когда Разинъ явился изъ персидскаго похода на Донъ и пришелъ на Кругъ, разговоръ его съ войсковымъ атаманомъ Корнѣемъ Яковлевымъ былъ весьма символиченъ.

Убивши царскаго посланца, на упреки войскового атамана, Разинъ сталъ ему грозить такимъ же смертнымъ убійствомъ и говорилъ ему: «ты де владѣй своимъ войскомъ, а я де владѣю своимъ войскомъ» *). Эта выразительная бесѣда вскрываетъ предъ нами фактъ несомнѣннаго раздѣленія Войска Донского на двѣ группы, интересы которыхъ были, если не всегда противоположны, то часто различны. Разинъ — войсковой старшина, которому Войско въ 1660 г. поручило заключеніе весьма отвѣтственнаго договора съ калмыцкимъ народомъ, — въ силу ли честолюбія, или изъ желанія отомстить Москвѣ за казненнаго брата или по иной причинѣ, сталъ во главѣ голутвеннаго казачества. «Старые домовые казаки» о томъ «гораздо тужили». Однако, они не выступили активно противъ Разина. На Яикѣ Разина встрѣтили съ распростертыми объятіями. На Дону этого не было. Правда, нѣкоторые казаки, «ссужая воровскихъ казаковъ, голутвенныхъ людей, ружьемъ, платьемъ... отпускали для добычь исполу». Когда разинцы вернулись изъ персидскаго похода, то «тѣ Донскіе казаки съ тѣми посыльщики своими добычь ихъ дѣлили» **). Сохранились даже имена этихъ разбойничьихъ антрепренеровъ. Это были «войсковые казаки Иванъ Жопинъ и Исай Ротъ».

Большинство Войска не приняло участія въ дѣлѣ голытьбы. Оно осталось нейтральнымъ и лишь подъ конецъ трагедіи выступило противъ Разина. Московское правительство не простило Войску этого нейтралитета и называло Донцевъ «ворами и измѣнниками». Торжествуя побѣду надъ Разинымъ, оно не прошло молчаніемъ и «Корнила Яковлева съ товарыщи, которые съ Разинымъ въ томъ зломъ замыслѣ были», хотя и сознавалось, что «Донскіе казаки обратились отъ злобъ своихъ» и сами схватили и выдали Разина на расправу въ Москву ***). Между тѣмъ, то же самое правительство сообщало для всеобщаго свѣдѣнія, что Разинъ «прямыхъ старыхъ Донскихъ казаковъ, которые за церковь и крестное цѣлованіе и за Московское государство вездѣ съ бояры и воеводы, и одни они казаки, не щадя головъ, бивались и до смерти страдали, ихъ многихъ побилъ и пограбилъ и позорилъ». Однако эти страданія «домовнаго казачества» не были зачтены Дону. За нейтралитетъ въ

*) «Матеріалы для исторіи... Ст. Разина», 1857, с. 196.
**) Доп. къ Акт. Истр., т. VI, с. 23.
***) Доп. къ Акт. Истор., т. VI, с. 70—71 то-же: П. С. З., т. I., N 503, «Сказка о С. Разинѣ».

1670 году Донъ поплатился своимъ независимымъ государственнымъ существованіемъ, хотя Москва знала, что нейтралитетъ «домовнаго казачества» былъ вынужденный. 28-го Февраля 1671 г. Войско прислало царю отписку и челобитную... что «Разинъ подходилъ подъ Черкасской»... чтобы «въ Войску учинить многую смуту, а имъ де за малолюдствомъ не токмо надъ нимъ, воромъ, и надъ его единомышленники промыслу учинить, и себя уберечь нѣкѣмъ», и просило у царя помощи. Царь указалъ послать стольника полковника Косогова *). Дорого обошлась Дону эта помощь.

Несомнѣнно, что большинство «старожилаго, домовнаго, войскового казачества» не приняло участія ни въ походѣ его на Каспій, чисто разбойничьемъ, ни въ походѣ его на Москву, имѣвшемъ соціально-политическій характеръ. Однако казачество, даже «домовное», не сразу почувствовало разницу между своими идеалами и лозунгами Стеньки Разина. Въ самомъ дѣлѣ, Разинъ пошелъ во главѣ «голутвеннаго» казачества на Москву во имя защиты вольности отъ «лихихъ» бояръ и воеводъ. Но, вѣдь, вся Донская колонія составилась изъ людей, ушедшихъ изъ родного государства, именно, отъ лихихъ бояръ отъ крѣпостного права, отъ произвола администраціи. Стенька заявлялъ, что идетъ истребить бояръ, дворянъ, приказныхъ людей, искоренить всякое чиноначаліе и власть, установить на всей Руси казачество и учинить такъ, чтобы всякъ всякому былъ равенъ. Дѣйствительно, народъ прозвалъ это движеніе «Стеньковщиной», но еще чаще употребляли имя «казатчина» **).

Названіе вполнѣ соотвѣтствовало сущности. Всюду, куда приходили Разинъ и его сообщники, они учреждали «казатчину», т. е. жители получали числовое дѣленіе, общее казакамъ, на тысячи, сотни и десятки; должны были управляться кругомъ, т. е. всенароднымъ собраніемъ, которое выбирало атамановъ, есауловъ, сотниковъ и десятниковъ. Въ столкновеніяхъ съ воеводами Стенька Разинъ дѣлалъ заявленія близкія и понятныя всякому казаку. «Переписки казакамъ на Дону, и на Яикѣ, и нигдѣ по ихъ казацкимъ правомъ не повелось» — сказалъ онъ въ Астрахани, возвращаясь изъ персидскаго похода. «У казаковъ того не повелось, что бѣглыхъ людей выдавать»... «Я увижусь и разсчитаюсь съ воеводой (астраханскимъ). Онъ дуракъ и трусъ. Хочетъ обращаться со мною, какъ съ холопомъ, но я прирожденный вольный человѣкъ» ***).

Политическая программа Разина, врядъ ли, вызывала большой протестъ въ казачествѣ. Я думаю, что довольно искренно жители Астрахани, обращенные въ казаковъ, составили слѣдующій приговоръ: «атаманы и всѣ казаки Донскіе, и

*) Доп. къ Акт. Истор., т. VI, с. 64.

**) Костомаровъ, 1859, с. 145; Акты Ист., т. VI, с. 430; Доп. къ Акт. Ист., т. XII, 237.

***) Доп. къ Акт. Ист., т. VI, с, 2135; Соловьевъ, т. XI, 3-е изд., с. 303.

Астраханскіе, и Терскіе, и Гребенскіе, и пушкари, и затинщики, и посадскіе люди и гостина двора торговые люди, написали межъ собою письмо, что имъ жить въ Астрахани въ любви и совѣтѣ, и никого межъ себя не побивать и выводить бояръ измѣнниковъ» *). Стенька проповѣдывалъ освобожденіе крестьянъ. И это не было чуждо желаніямъ казачества. Вначалѣ Разинъ могъ казаться и, до извѣстной степени, былъ защитникомъ казачьихъ вольностей, освободителемъ закрѣпощеннаго крестьянства.

Однако, вскорѣ же обнаружилось, что соціальная часть программы Разина противорѣчила интересамъ не только всѣхъ имущихъ на Москвѣ, но и средняго казачества на Дону. Разинъ проповѣдывалъ истребленіе всѣхъ, кто возвышался надъ уровнемъ бездомовнаго голутвеннаго люда, разграбленіе и дѣлежъ всего имущества.

Типичный демагогъ, онъ, съ одной стороны, по традиціи воровского казачества эпохи Смуты, пытался создать призракъ демократическаго царя въ лицѣ, яко бы, оставшагося въ живыхъ царевича Алексѣя Алексѣевича (незадолго передъ тѣмъ умершаго); заявлялъ, что идетъ за государя, противъ бояръ измѣнниковъ; съ другой стороны, у него прорывались заявленія: «скажи воеводѣ, что я его не боюсь, не боюсь и того, кто повыше его»... Онъ жегъ бумаги, видя въ актахъ всякаго рода способъ закрѣпощенія темныхъ людей: «не токмо въ Астрахани, въ Приказной палатѣ, дѣла велѣлъ драть, и въ Верху де у Государя дѣла всѣ передеретъ» **).

Съ одной стороны, Разинъ распускалъ слухъ, что въ его караванѣ, на особомъ суднѣ, плыветъ опальный патріархъ Никонъ; съ другой стороны, на Дону онъ запрещалъ богослуженіе и постройку церквей, издѣвался надъ вѣрой и Христомъ, ввелъ вѣнчаніе вокругъ куста и т. п. Соловьевъ, въ своей «Исторіи», правильно говоритъ, что Разинъ понималъ, что церковь на Дону является одною изъ важнѣйшихъ связей Дона съ Россіей (мы скажемъ: колоніи съ метрополіей), и сознательно рвалъ эту связь.

Идеи всеобщаго раздѣла наличнаго имущества и всеобщаго поравненія были пріятны голутвенному казачеству, но встрѣтили несочувствіе казачества «домовнаго», казачьей буржуазной демократіи. Поэтому, сперва нейтральное, домовное казачество активно выступило противъ Разина. Между тѣмъ, Московское государство остро ощутило, какую колоссальную опасность представляла для него и соціальная, и политическая программа Разина. Разрушить самодержавное царство, и на его мѣстѣ создать грандіозную казацкую республику; опрокинуть старое общество, цѣликомъ построенное на соціальномъ

*) Акт. Ист., т. IV., ст. 434.

**) Соловьевъ, т. XI., изд. 3-е, с. 303 и 306; Акт. Ист., т. IV., с. 415.

неравенствѣ, и взамѣнъ его создать основанную на уравнительномъ началѣ анархическую федерацію общинъ бездомоваго, голутвеннаго, пролетарскаго казачества — этого не могли вынести даже въ идеѣ Московское государство и московское правящее сословіе - дворянство. А Разинъ захватилъ всю Волгу. Города: Астрахань, Царицынъ, Саратовъ, Самара, мѣстности подъ Нижнимъ были уже «оказачены», возстаніе крѣпостныхъ охватило тамбовскій край. Разинъ мечталъ соединиться съ запорожцами, а «воровскіе» атаманы Василій Усъ и Ѳедоръ Шелудякъ уже сносились съ Крымскимъ ханомъ. Московское государство было на краю гибели.

Пораженіе, нанесенное Разину Барятинскимъ подъ Симбирскомъ, однимъ ударомъ рѣшило судьбу Москвы... и судьбу Дона. Карта Разина была бита, а за его анархическое выступленіе пришлось расплатиться Дону.

Самодержавно-крѣпостническая Россія, на красный терроръ пролетаріата и возставшаго крестьянства, соблазненнаго прокламаціями («воровскими, прелестными, заговорными письмами») Разина, отвѣтила бѣлымъ террором. Кромѣ казненныхъ по суду, безъ суда было казнено нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ. Всѣхъ «воровскихъ» казаковъ, взятыхъ въ плѣнъ казнили; «сѣкли» (т. е. рубили), вѣшали, а иныхъ четвертовали, которые были у нихъ въ заводчикахъ» *).

Что касается колоніи, то ея поведеніе сразу вызвало подозрѣніе Москвы. 14 Дек. 1670 г. прибыла въ Москву станица съ атаманомъ Иваномъ Аверкіевымъ, сообщившая, что въ началѣ ноября Разинъ пришелъ изъ Царицына съ 1.500 казаковъ, и что «ссылки у него, Стеньки, съ войсковымъ атаманомъ и съ Войскомъ ни о чемъ не бывало». «Память» (наказъ) «жильцу Герасиму Овдокимову», посланному на Донъ, предписывала «провѣдати всякими мѣрами подлинно, гдѣ Разинъ, и съ нимъ атаманы и казаки съ Михаиломъ Самарениномъ съ товарыщи въ совѣтѣ ли или не въ совѣтѣ, и ссылка межъ ими есть ли». Такимъ образомъ, Разинъ, съ своей точки зрѣнія, былъ несовсѣмъ неправъ, называя Овдокимова «лазутчикомъ»: Москва Войску не вѣрила.

Съ одной стороны, на Донъ послали грамоту, восхваляющую казаковъ за то, что они «также, какъ въ прежніе времена Великимъ Государемъ Царемъ храбро и мужественно служили, и нынѣ... служатъ вѣрно...» «И, — писалъ царь, — по совѣту всего Донского Войска, по выбору съ атаманы, сколь могучи, бусурманскихъ народовъ теснили и междо ими на Дону смѣлымъ сердцемъ стояли, чего и впредь мы, Великій Государь, на васъ, вѣрныхъ, Донское Войско, надѣемся въ прежнемъ постоянствѣ быти»...

...«А воровскихъ шатостныхъ людей за крѣпкимъ ата-

*) Мат. для исторіи возмущ., с. 89; Акты Ист., т. IV., 411—415.

манскимъ постереганіемъ и старшинъ всего Войска береженіемъ здержите... А вы бъ нашего Царскаго Величества атаманъ и старшина все Войско Донское... въ нашемъ государскомъ жалованьѣ были надежны... А когда такіе воровскіе ссоры на Дону престанутъ и казаки въ послушаніи будутъ, и по нашему... указу съ Воронежа къ вамъ всѣ запасы безъ задержанья будутъ отпущены»...

Такимъ образомъ, посылка жалованья была поставлена въ зависимость отъ прекращенія движенія на Дону. А пока что, станица съ атаманомъ Аверкіевымъ и 19 чел. казаковъ были сосланы въ ссылку «на Колмогоры и къ Архангельскому городу»...

Войско не въ силахъ было воспрепятствовать убійству Разинымъ Овдокимова и воеводы Ивана Хвостова*), хотя и послало въ догонку за Разинымъ, уходившимъ на Волгу, «войскового казака» Фрола Минаева, уговаривать его вернуться назадъ. Настроеніе Круга было, однако, таково, что «провожатыхъ», сопровождавшихъ Овдокимова отъ Волуекъ, послѣ его убійства и отъѣзда Разина «держали въ Черкасскомъ городкѣ 7 недѣль въ крѣпи» (тюрьмѣ), откуда ихъ «отпустилъ тайно войсковой атаманъ Корнилій Яковлевъ».

Осенью 1670 года атаманъ держалъ въ Кругу рѣчь, говорилъ, «что де мы вѣры христіанскіе и Соборной и Апостольской церкви отступили, пора де намъ вспокаетца и дурость отложить и Великому государю служить по прежнему. И тое рѣчь... говорилъ въ Кругу трожды со слезами... И хотѣли Донскіе казаки отпустить къ Москвѣ станицу, и выбрали было ѣхать... Родіона Колуженина; и Вольскіе де казаки закричали: зачѣмъ де посылать станицу къ Москвѣ, разве де похотелъ въ воду, которые поедутъ». Подобное заявленіе задержало посылку станицы.

Между тѣмъ, отсутствіе жалованья и запрещеніе торговымъ людямъ ѣхать на Донъ заставляли Донцовъ писать: «мы... на Дону помираемъ голодною смертью, потому что къ намъ... весною... жалованья и торговыхъ людей ни единаго судна не бывало». Москва отвѣчала предложеніями: «надъ ворами промыслъ учинить, и переимавъ ихъ воровъ, прислати къ Великому Государю къ Москвѣ, а инымъ заводчикамъ и зачинателемъ воровству учинити бы указъ по своему войсковому разсмотрѣнію»...

Родіону Колуженину, посланному въ Москву «сказали сказку» въ «Казанскомъ Дворцѣ»**). Въ этой «сказкѣ» объявляли Войску: «объявилось ваше многое неисправленіе, что забывъ Бога и его государское крестное цѣлованіе и его... ми-

*) Послѣдній съ 15 стрѣльцами находился въ Ратномъ городкѣ, подъ Черкаскомъ, гдѣ охранялъ военное имущество, оставшееся послѣ стоявшихъ на Дону московскихъ вспомогательныхъ войскъ.

**) Дѣло о подавленіи возстанія производилось въ Приказѣ Казанскаго Дворца

лость многіе люди (изъ Донцовъ) къ вору пристали, а которые и не пристали, и тѣ надъ воромъ поиску не чинили, и отъ воровства его не унимали, и никакихъ вѣстей къ государю не писывали и станицъ не присылали...; а нынѣшнее кровопролитіе учинилось все вашимъ нерадѣніемъ»... Однако, Алексѣй Михайловичъ объявлялъ: «видя ваше нынѣшнее челобитье... и нынѣшнее ваше начатое дѣло къ добру на разореніе Стенькина воровства», онъ ихъ пожаловалъ: «вины ваши велѣлъ отдать». Казакамъ было повелѣно: «учиня войскомъ совѣтъ, чинить промыслъ надъ воромъ Стенькою и братомъ его Фролкою и надъ иными зачинатели воровству, и поймавъ тѣхъ воровъ Степку и Фролку, привезть къ Москвѣ, а инымъ бы пущимъ заводчикамъ учинить указъ по войсковому праву, а милость будетъ... смотря по службѣ»...

Въ приговорѣ, прочитанномъ 6 іюня 1671 г. Степану Разину было упомянуто, что онъ и его братъ Фролъ... «по должности къ Великому Государю... службою и радѣніемъ войска Донского Корнѣя Яковлева и всего Войска... пойманы и привезены къ Великому Государю къ Москвѣ».*) Тѣмъ не менѣе, воспользовавшись случаемъ, заставили Корнила Яковлева присягнуть на Москвѣ въ вѣрности царю. Яковлеву пришлось писать на Донъ, чтобы выдали на Москву еще рядъ прикосновенныхъ къ «Разиновщинѣ» казаковъ (Лазаря Тимофѣева, Ларіона Хрѣнова и т. д.). Лиха бѣда начало!

Помощь Москвы «домовному казачеству», о которой просили въ февралѣ, явилась не рано, только въ августѣ 1671 г., уже послѣ казни Разина.

Когда стольникъ полк. Косоговъ, съ отрядомъ въ 1000 человѣкъ прибылъ на Донъ, онъ объявилъ казакамъ царское милостивое жалованье. Казаки получили «деньги и хлѣбные и пушечные запасы». Но, кромѣ того, было и иное.

«И про обѣщанье говорили имъ, какъ будучи на Москвѣ войсковые ихъ атаманы Корнило Яковлевъ и Михайло Самарениновъ и казаки Великому Государю въ вѣрныхъ своихъ службахъ предъ Св. Евангеліемъ обещались, такъ же бы и они, казаки, ему, Великому Государю, предъ Св. Евангеліемъ вѣру учинили жъ».

Нелегко было казачеству согласиться на то требованіе, которое они неоднократно отвергали въ теченіе одного съ четвертью вѣка. «На другой и на третій и на четвертый день были Круги, и въ тѣхъ Кругахъ говорили казаки молотчіе люди, что они Великому Государю служить ради вѣрно и безъ крестнаго цѣлованія, а креста де имъ въ томъ целовать не для чего... И на третьемъ Кругу приговорили, что имъ Великому Государю обешанье учинить предъ Св. Евангеліемъ всѣмъ Войскомъ».

---

*) «Матеріалы для ист. возмущен.», с. 335.

Далѣе шла обычная войсковая угроза непослушнымъ: «а есть ли кто изъ нихъ къ тому обещанію не пойдетъ, и того по войсковому праву казнить смертью и животы ихъ грабить...»

29-го августа 1671 г. «атаманы и всѣ казаки при нихъ стольникѣ (Косоговѣ) и дьякѣ... по чиновной книгѣ, какова съ нимъ послана, вѣру учинили, Св. Евангеліе целовали...» Изъ другого акта видно, что «Донскіе казаки нижнихъ и верхнихъ городковъ и все Войско Донское Великому Государю крестъ целовали».

Присяга была учинена на площади передъ соборомъ. Имена присягнувшихъ вписаны были въ книгу, присланную изъ Посольскаго приказа. Другая книга оставлена была въ Войскѣ для записыванія тѣхъ, кто вновь будетъ принятъ въ казаки.

Главныя статьи присяги заключались въ томъ, чтобы «старшинамъ и казакамъ всѣ открывшіяся на Дону возмущенія и тайные заговоры противу Великаго Государя въ тожъ время укрощать, главныхъ заговорщиковъ присылать въ Москву, а ихъ послѣдователей по войсковому праву казнить смертію; если же кто изъ нихъ, въ нарушеніи этой присяги, измѣня государю, начнетъ ссылаться съ непріятелемъ, или съ поляками, нѣмцами или татарами, съ таковыми предателями, не щадя живота своего сражаться; самимъ къ таковымъ злоумышленникамъ не приставать и даже не помышлять о томъ; съ калмыками дальнѣйшихъ сношеній не имѣть, кромѣ увѣщаній служить государю съ казаками вмѣстѣ; скопомъ и заговоромъ ни на кого не приходить, никого не грабить и не убивать и во всѣхъ дѣлахъ ни на кого ложно не показывать. На здравіе Государя и всей его царской фамиліи не посягать и, кромѣ царя Алексѣя Михайловича, другого государя, польскаго, литовскаго, нѣмецкаго и изъ другихъ земель царей, королей или принцевъ иноземныхъ и россійскихъ на царство московское никого не призывать и не желать, а ежели услышатъ или узнаютъ на государя или всю его царскую фамилію скопъ или заговоръ или другой какой умыселъ, возникшій у русскихъ или иноземцевъ, и съ такими злоумышленниками, не щадя жизни своей биться» *).

Присяга эта, изложенная здѣсь, къ сожалѣнію, въ пересказѣ, хотя и довольно точномъ, должна дать намъ указанія на измѣненія, внесенныя во взаимныя отношенія между Москвою и Дономъ. Какъ ни глядѣть на широту государственной автономіи, которой пользовался Донъ втеченіе еще 50 лѣтъ (1671—1721), надо признать, что съ 1671 г. казаки стали подданными царя, а Донская колонія вошла въ составъ Россійскаго государства. Автономія эта была гораздо шире той, кото-

*) «Запись, по которой атаманы и казаки приведены къ присягѣ въ Москвѣ и на Дону». Приводимъ ее въ пересказѣ Сухорукова. (Подлинникъ въ Дон. Дѣл., іюль 1671 г.).

рой пользовалась Малороссія съ 1654 года подъ «гетманскимъ региментомъ».

Въ самомъ дѣлѣ, присяга не коснулась внутреннихъ распорядковъ республики, правъ народнаго собранія, правъ гражданъ. Цѣль ея была обезопасить Москву: 1) отъ самозванцевъ, ибо и Разинъ имѣлъ въ своемъ багажѣ «царевича Алексѣя Алексѣевича»; 2) отъ попытокъ сверженія династіи и замѣны ея другой (русской или иностранной); 3) отъ организаціи на Донской территоріи предпріятій, подобныхъ Разинскому.

Главный ударъ наносила присяга 1671 г. праву убѣжища политическаго. Право принимать бѣглецовъ по причинамъ соціальнымъ и религіознымъ не было, пока, подвергнуто сомнѣнію. Но враги Московскаго государства не могли болѣе себѣ находить пріюта на Дону. Они подлежали выдачѣ на Москву для сужденія по законамъ царства. Даже граждане республики подлежали выдачѣ, если они были главными «заводчиками». Остальныхъ предоставлялось «казнить смертію» по «войсковому праву».

Второе ограниченіе, которое налагала Москва, касалось права иностранныхъ сношеній. Объ «азовцахъ» не было сказано ни слова. Но «поляки, нѣмцы и татары», т. е. король польскій, европейскія государства и ханъ Крымскій, попали въ списокъ тѣхъ, съ кѣмъ Донъ не долженъ уже былъ сноситься помимо Москвы. Даже калмыковъ можно были лишь «увѣщевать» на предметъ «службы государю съ казаками».

Такимъ образомъ, вмѣсто прежняго устнаго обѣщанія «служити и прямити, какъ прежнимъ государемъ», была дана присяга. Присягу эту нельзя назвать общей присягой на вѣрность, какую давали всѣ подданные при началѣ новаго царствованія. Подобная присяга дана была впервые лишь въ 1676 г., при вступленіи Ѳеодора Алексѣевича. Присяга 1671 г. была присягой «на случай», подобно той, которую казаки принесли впослѣдствіи, въ 1705 г., по случаю возстанія въ Астрахани. Но, тѣмъ не менѣе, и упорный отказъ казачества, втеченіе 122 лѣтъ, приносить присягу, и сопротивленіе Круга въ августѣ 1671 г., все это говоритъ, что обѣ стороны ясно понимали значеніе присяги. Она дала Москвѣ основаніе для постепеннаго вторженія въ область внутренней жизни Войска. Вслѣдъ за требованіемъ выдачи по причинамъ политическимъ, появились требованія выдачи раскольниковъ, сперва подъ политическими предлогами, а потомъ и просто; потомъ — требованія о непріемѣ и выдачѣ бѣглыхъ крестьянъ и т. д. Затѣмъ сталъ на очереди вопросъ о самомъ республиканскомъ строѣ и о государственной автономіи.

Интересно отмѣтить еще одну черту въ этой картинѣ. Въ связи съ присягой, Москва попыталась сдѣлать перепись казаковъ, при этомъ въ такой формѣ, чтобы списки исправно

пополнялись и впредь. Впервые рука Московскаго правительства протянулась къ гражданамъ колоніи черезъ голову ея выборной власти. Недаромъ, одной изъ основъ Донской вольности было положеніе: «число на Дону не живетъ», и «переписи на Дону не повелось». Бѣглецы изъ Московскаго государства хорошо знали, что значила «перепись». Это былъ символъ отягощенія податями и потери личной свободы. Для казаковъ «перепись» была первымъ шагомъ по пути превращенія ихъ изъ вольныхъ въ служилые. На первое время цѣль Москвы была весьма скромная, какъ ей казалось. Ей хотѣлось прекратить л е г а л ь н ы й доступъ въ граждане колоніи тѣмъ, кто бѣжалъ изъ царства.

Присягою 1671 года закончился періодъ свободнаго развитія Донского народоправства и начался періодъ долгой борьбы — сперва за донскую государственность, потомъ за автономію и привилегіи.

Глава XIII.

Эпоха государственной автономіи (1671-1721).

Въ періодъ 1671—1721 г. г. Войско Донское, признавши свою зависимость отъ царя, сохраняло свое республиканское устройство и во внутренней жизни своей пользовалось столь широкой автономіей, что ее, не колеблясь, можно назвать — государственной. Первое время, Войско вело довольно самостоятельную внѣшнюю политику. Такъ, въ 1686 году оно «замирилось съ крымскими и азовскими людьми и черкесы по своему войсковому обычаю». Такъ, заключало оно союзы съ калмыками для совмѣстныхъ дѣйствій противъ татаръ. Московское правительство довольно терпимо относилось къ этимъ фактамъ. Ближайшіе преемники Алексѣя Михайловича не были достаточно сильны, чтобы наложить руку на вольную колонію. Но правительство зорко слѣдило, чтобы Войско не вступало въ какія либо сношенія съ Польшей.

Въ 1684—1685 г. г. шла долгая и упорная переписка Москвы съ Дономъ. Москва требовала присылки «листа» отъ польскаго короля къ казакамъ, а когда оказалось, что «листъ» адресованъ былъ не Донцамъ, а калмыцкимъ «многовладнымъ тайшамъ», то подъ подозрѣніе были взяты сношенія Дона съ калмыками, и посолъ Войска къ калмыкамъ, Василій Волошениновъ «съ товарыщи», былъ арестованъ царицынскимъ воеводой. Донцы послали «листъ» въ Москву, но запорожскихъ «присыльщиковъ», которые этотъ листъ привезли, пропустили къ калмыкамъ.

Вслѣдъ за послами отъ запорожскаго кошевого атамана Григорія Сагайдашнаго, пришло на Донъ письмо отъ запорож-

скаго полковника Семена Палѣя, съ просьбою пропустить къ калмыкамъ новыхъ посланцевъ отъ польскаго короля. Палѣй предупреждалъ Донцевъ: «какъ около Днѣпра будетъ не добро, такъ и вамъ худо», почему и просилъ не мѣшать желающимъ изъ казаковъ и калмыковъ итти на турокъ и татаръ. Донъ, потихоньку отъ Москвы, послалъ отписку польскому королю и запорожскому кошевому. Не рѣшившись итти на помощь къ польскому королю, Войско объявило самостоятельно войну Турціи (азовцамъ) и Крыму. Это могло-бы повести къ серьезному конфликту съ метрополіей, но вскорѣ сама Москва, по своимъ собственнымъ соображеніямъ, рѣшила воевать съ Турціей и Крымомъ.*)

Роковое значеніе для донской вольности имѣли азовскіе походы Петра. Съ этого времени началась неуклонная и непрерывная работа по объединенію вольной и независимой колоніи съ метрополіей. Петръ I не пожелалъ болѣе мириться съ независимой внѣшней политикой Донской республики, съ которой все время тщетно боролось Московское правительство до него. Довольно искренни были заявленія русскихъ пословъ въ Константинополѣ, въ ноябрѣ 1699 г., во время мирныхъ переговоровъ съ турками. Они оправдывали желаніе Петра удержать за собою Азовъ и другія крѣпости Приазовья не «желаніемъ какой нибудь себѣ славы, но только для унятія съ обѣихъ сторонъ своевольныхъ людей». Далѣе прямо говорилось, что «если во время мира казаки пойдутъ войною на турецкія и крымскія мѣста, то вольно ихъ побивать, какъ злодѣевъ; а когда изъ похода возвратятся, то по царскому указу учинена имъ будетъ смертная казнь».**) Въ устахъ Петра это обѣщаніе не было уже обычной «словесностью» русскихъ дипломатовъ въ Стамбулѣ.

Постройка царскихъ крѣпостей у устьевъ Дона, въ связи съ завоеваніемъ Азова, дала Петру возможность запереть казачьему легкому флоту выходъ въ Азовское море. Устья Дона, предметъ вѣковой кровопролитной борьбы казачества съ турками, перешли въ обладаніе Россіи. Но они не были переданы Дону. Приазовскій край былъ превращенъ офиціально въ Азовскую губернію, въ которой числились: губернскій городъ Азовъ, Троицкой, что на Таганьемъ Рогу, Міюсъ, Павловскій, Сергіевъ и Никоновъ (послѣдніе два — «у Каланчей на Дону»).

Территорія Азовской губерніи совпадала, въ общемъ, съ опредѣлившейся впослѣдствіи (1797 г.) территоріей Ростовскаго на Дону уѣзда, Екатеринославской губерніи (въ 1917 г. это была территорія Ростовскаго и, отчасти, Таганрогскаго округовъ Донской области). Къ Азовской-же губерніи принадлежала и отдѣленная отъ нея Землею Донскихъ казаковъ территорія Воронежской и, отчасти, Тамбовской губерніи.

*) «Ист. опис.», с. 323—327.

**) Соловеевъ, изд. 3-е, т. III, с. 1232.

Въ лицѣ азовскаго губернатора у общероссійской власти появился впервые, въ непосредственной близости отъ Войска, свой собственный представитель, который сталъ вступать съ Войскомъ въ регулярныя мѣстныя сношенія. Онъ-то и замѣстилъ собою постепенно Войско Донское въ сношеніяхъ съ окрестными народами.

Въ 1703 г. Петръ I запретилъ Войску посылать своихъ пословъ («станичниковъ») къ окрестнымъ народамъ безъ вѣдома губернатора Азовскаго, Толстого. Тѣмъ-же указомъ Донскіе казаки, на случай войны, въ военное время, подчинялись единому командованію того-же азовскаго губернатора. Ему-же поручался разборъ ссоръ и нападеній между Донцами, съ одной стороны, азовцами и калмыками, съ другой стороны *). Азовскому-же губернатору Апраксину, какъ ближайшему высшему агенту своей власти, поручилъ въ 1705 г. Петръ I разборъ споровъ Донскихъ казаковъ съ сосѣдями изъ за земельныхъ владѣній. Въ частности, Апраксинъ долженъ былъ рѣшить споръ Войска Донского съ Изюмскимъ Слободскимъ полкомъ по поводу обладанія Бахмутомъ.

Итакъ, можно считать, что право самостоятельныхъ внѣшнихъ сношеній (безъ обязательнаго контроля агента общероссійской власти) было утеряно Доном въ 1703 г. Однако-же, когда Азовъ снова перешелъ во власть турокъ, то азовскій паша (въ 1713—1736 г.г.) одинаково сносился и съ Войскомъ и съ представителемъ общероссійской власти, въ лицѣ оберъ-коменданта приазовской крѣпости («Транжамента», а затѣмъ — св. Анны).

Прутскій несчастный походъ лишилъ Россію завоеваній на Азовскомъ морѣ: «Фортеція Азовъ», — по договору 1711 г., — сдана туркамъ. «Фортеція Таганрогъ весьма разорена...» «Фортеція Его Имп. Величества Черкасской (городокъ) на краю рубежа обрѣтаетца...» Граница Россіи, «оставляя Леонтьевы буераки влѣвѣ», т. е. въ предѣлахъ Россіи, идетъ «на Сауръ-Могилу, на рѣку Тузловъ и тою рѣкою до Каменнаго броду, оттуда степью на вершину рѣки Темирника, до впаденія ея въ Донъ, и по южную сторону р. Дона къ границамъ Кубанской орды, къ рѣкѣ Еѣ...» Въ 1713—1735 г. г. пограничный постъ стоитъ на р. Темерникѣ, на территоріи нынѣшняго города Ростова на Дону, такъ что Затемерницкое поселеніе было

*) «Акты» Лишина, т. I. Въ дальнѣйшемъ, для сокращенія сносокъ, мы не оговариваемъ, въ какомъ томѣ и на какой страницѣ этихъ «Актовъ» помѣщается та или иная приводимая нами грамота конца XVII-го и XVIII-го вв. Точное заглавіе «Актовъ»: «Акты, относящіеся къ исторіи Войска Донскаго, собранные ген.-м. Лишинымъ», изданіе Областного Правленія Войска Дон.. Новочеркасскъ 1891—1896, т. I, II, III, ч. 1; III ч. 2. Въ этихъ 4 томахъ грамоты расположены въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ. Благодаря этому легко провѣрить наши ссылки, т. к. мы всюду, въ гл. XIII—XXIV-й даемъ годъ, чаще полную дату (число, мѣс. и годъ) каждой грамоты, данной на имя Войска. Грамоты, взятыя не изъ Актовъ Лишина, всюду оговорены особо.

бы на турецкой сторонѣ. Не желая терять опорнаго пункта на Дону, Петръ I основалъ на Дону, въ 4 верстахъ ниже Черкасскаго, крѣпость подъ названіемъ Транжаментъ, куда перевезли всѣ боевыя припасы изъ разореннаго Азова (1713 г.). Вскорѣ, вслѣдствіе протестовъ турокъ, пришлось перенести его выше Черкасскаго, и назвать Новымъ Транжаментомъ (1712—1730 г. г.). «Губернія»-же, уже въ 1711 г., переводится въ Воронежъ. Воронежскій историкъ начала XIX вѣка Болховитиновъ сообщалъ, что въ 1719 году состоялось причисленіе къ Воронежской губерніи не только «Новаго правленія Азовскаго» съ Транжаментомъ, но и «Казаковъ Донскихъ». Болховитиновъ даже называлъ «адмиралтейца», губернатора воронежскаго Апраксина, «Донскимъ генералъ-губернаторомъ»*). Это — невѣрно. До 1718 г. Донскіе казаки были въ вѣдѣніи Посольскаго приказа, а въ 1718—1721 г. г. — Коллегіи Иностранной. Въ составѣ послѣдней существовало отдѣленіе: «повытье казачьихъ дѣлъ».

3-го марта 1721 года Петръ указалъ: «Донскимъ (и Яицкимъ) казакамъ во всѣхъ управленіяхъ быть въ вѣдѣніи въ Военной Коллегіи.» Этотъ, именно, моментъ и является для юриста рѣшающимъ. Донъ потерялъ свою государственную автономію, пересталъ быть государствомъ, и перешелъ на положеніе провинціи, сохранивши надолго свою областную автономію.

Послѣ присяги 1671 г. данной, собственно, «на случай», Донъ присягнулъ впервые, по формулѣ, обычной для всѣхъ подданныхъ, въ 1676 году при воцареніи Ѳеодора Алексѣевича, а затѣмъ присягалъ и послѣдующимъ государямъ**). Но въ царскихъ грамотахъ по случаю приведенія Донскихъ казаковъ къ присягѣ (1676 г. царя Ѳеодора, 1682 г. — Петра; 1682-же года — Петра I и Іоанна V) неизмѣнно содержалось нѣкоторое «увѣреніе», не лишенное нѣкотораго государственно-правового смысла: «а Наше, Великаго Государя, жалованье и милость къ вамъ, Атаманамъ и Казакамъ, и ко всему войску Донскому, будетъ противъ прежняго, какъ было при Отцѣ Нашемъ»... Интересной подробностью этихъ грамотъ является и просьба къ Войску, чтобы сановнику, посланному «въ казачьи городки вверхъ по Дону» и по притокамъ, изъ Войска были (помимо охраны) даваемы, «для вѣрности, добрыхъ молодцевъ» человѣка три-четыре, и «о послушаньѣ въ верхніе городки къ Атаманамъ изъ Войска» послана грамота войсковая. Въ другихъ провинціяхъ Россіи незачѣмъ было просить кого бы то ни было о сопровожденіи царскаго сановника «для вѣрности» мѣстными людьми и о подтвержденіи со стороны мѣстной власти, что жители обязаны присягать. Да и самая посылка

*) Болховитиновъ «Историч. и проч. описаніе Воронеж, губерніи», Воронежъ, 1800.

**) Собр. Гос. Грам., т. IV.

особаго лица въ остальной Россіи для приведенія къ присягѣ жителей была бы излишней *). Въ 1676 году сочли нужнымъ указать, что на Москвѣ присягнули новому царю «всѣ люди, также и Донскіе Атаманы и казаки, которые нынѣ на Москвѣ Корнило Яковлевъ, станичный Атаманъ Иванъ Семеновъ и Есаулы и всѣ казаки... при Патріархѣ... и при властяхъ... вѣру учинили». Для приведенія къ присягѣ въ концѣ XVII в. посылали стольниковъ. Формула присяги гласила: «служити и прямити и во всемъ всякаго добра хотѣти безо всякіе хитрости, и быти имъ въ Нашемъ (царскомъ) повелѣніи такъ-же, какъ были при Отцѣ Нашемъ»...

Своеобразнымъ подтвержденіемъ донской автономіи было пожалованіе Войску каждымъ новымъ царемъ знамени. 21-го сентября 1704 года Петръ I «за вѣрную службу» даровалъ Войску, кромѣ того, «новосдѣланную Войсковую серебреную печать» и «насѣку Войска Донскаго». Старая печать: «елень пронзенъ стрѣлою» была замѣнена казакомъ на бочкѣ, съ ружьемъ въ рукахъ. Посылка насѣки атаману явилась своеобразной инвеститурой. Теперь уже не Войско только, принимая знамя отъ царя Московскаго, становилось въ зависимость отъ него, но и атаманъ, хотя и выбранный Войскомъ, получалъ знакъ власти своей, жалованный царемъ. Еще болѣе сказался этотъ характеръ подчиненности атамана царской власти въ пожалованіи (21 февр. 1706 г.) «честныхъ и знатныхъ войсковыхъ клейнотовъ»: «Войсковымъ Атаманамъ въ знакъ ихъ управленія Перначъ серебряной, Бунчюкъ съ яблокомъ, Знамя большое»...

Пожалованіе, въ свое время, королемъ Стефаномъ Баторіемъ Запорожскому войску т. наз. «клейнодовъ» означало независимость войска отъ польскихъ гетмановъ. До самаго уничтоженія запорожской республики, съ момента присоединенія ея къ Россіи, «клейноды» неизмѣнно жаловались Запорожью каждымъ новымъ россійскимъ монархомъ, вплоть до Екатерины II (1763). Такое пожалованіе клейнодовъ Войску Донскому Петромъ I подтверждало автономію Войска, и въ такомъ, именно, смыслѣ понимаемо было и правительствомъ, и казаками. Поэтому, донцы въ теченіе всего XVIII вѣка, каждое новое царствованіе, неизмѣнно ходатайствовали о знамени, и знамя имъ жаловалось. Правда, въ Военной Коллегіи постепенно забывали смыслъ пожалованія знамени, и къ XIX-му вѣку военное вѣдомство начало уже разсматривать пожалованіе знамени Войску наряду съ пожалованіемъ знаменъ воинскимъ частямъ собственно за воинскія заслуги. Однако, пожалованіе клейнодовъ и принятіе ихъ Войскомъ имѣло и тотъ несомнѣн-

*) Грамота 3 февр. 1676 г., П. С. З., II, N 622; 3 мая 1682. II, С. З., II, N 977; 27 іюня 1682 г., П. С. З., N 932.

ный смыслъ, что Войско этимъ актомъ, помимо присяги, признавало свое подчиненіе монархамъ россійскимъ.

Кромѣ обычныхъ присягъ Войска на вѣрность, бывали, въ началѣ, и чрезвычайныя присяги, по особеннымъ случаямъ. Напримѣръ, въ 1705 году, получивши «воровскія, прелестныя, ложныя письма» отъ стрѣльцовъ, возставшихъ въ Астрахани, Войско «цѣловало Евангеліе и Крестъ, чтобы къ астраханскимъ бунтовщикамъ не приставать»...

Сношенія Войска съ царемъ продолжались и въ XVIII вѣкѣ, но характеръ ихъ измѣнился. 14 іюля 1707 г. Петръ I повелѣлъ, «чтобы со всѣми просьбами казаки относились въ Москву, а не въ походъ къ великому государю». Мѣра эта состоялась по частному случаю: казаки требовали отъ царя грамоты на право владѣнія Бахмутомъ и рѣками Красной и Жеребцомъ. Конечно, Петръ I былъ очень занятъ въ эту эпоху, и созданіе имъ вскорѣ Сената знаменовало попытку создать государственное учрежденіе, стоящее во главѣ всего управленія. Однако, несомнѣнно, что этотъ указъ наносилъ ударъ донской автономіи. Отославши донцевъ въ «Москву», вообще, Петръ I не далъ казакамъ точнаго адреса: въ Москвѣ они знали лишь Посольскій Приказъ, который не могъ сдѣлать распоряженій по ряду дѣлъ. Обращеніе же казаковъ въ другіе приказы явилось бы, фактически, умаленіемъ правъ Войска, отрицаніемъ его автономіи.

Своеобразнымъ признакомъ автономіи Дона была посылка ежегодно въ столицу т. н. «зимовыхъ станицъ», въ составѣ атамана, есаула и 98 ч. казаковъ, ѣхавшихъ за «жалованьемъ». По традиціи они принимались при Дворѣ, хотя (съ 1671 г.) и утратили прежній дипломатическій характеръ. «Зимовыя станицы» жили въ Москвѣ по 3 мѣсяца. Ихъ трижды подчивали во дворцѣ: на пріѣздѣ, въ день Богоявленія и на отпускѣ. Въ виду перенесенія столицы изъ Москвы, вмѣсто трехъ столовъ, казакамъ зимовой станицы стали съ 1716 г. выдавать, за то, 215 р. 70 коп. деньгами. Членамъ зимовыхъ станицъ жаловались: оружіе, серебряные ковши, соболя, цѣнныя матеріи. Атаману отпускались царскія лошади и сани. Отъ Волуекъ до Москвы, и отъ Москвы до Воронежа давались зимовой станицѣ 103 подводы: 3 атаману, двѣ — есаулу и по подводѣ каждому казаку *).

Иногда, уже въ XVIII в., правительство дѣлало попытки отмѣнить посылку станицъ, но Войско упорно держалось за свое старое право. До 1672 г. легкія станицы состояли изъ атамана, есаула и десяти или болѣе казаковъ. Въ 1672 г. было повелѣно присылать впредь въ легкихъ станицахъ по д в а человѣка, зимой въ Волуйки, а лѣтомъ въ Воронежъ, гдѣ и

*) Ср. «Ист. Опис»., с. 394-396; очень подробно у Дружинина «Расколъ на Дону въ XVII в», с. 50—54. Подробности въ «Дон. Дѣлахъ», т. I—V, особенно въ т. I-мъ.

отдавать войсковыя отписки тамошнимъ воеводамъ. Въ случаѣ присылки плѣнныхъ или выдаваемыхъ преступниковъ посылать станицу до Москвы, имѣя сопровождающихъ казаковъ вдвое болѣе противъ числа сопровождаемыхъ. Въ 1685 г. предписали, чтобы больше указаннаго числа станицъ не пресылали: накладно было кормить слишкомъ много гостей! Въ 1693 г. постановлено за непремѣнное правило: въ зимовой станицѣ присылать не болѣе 100 ч., въ легкой не болѣе десяти. Въ 1695 г. Петръ I повелѣлъ писать черезъ почту, и лишь «о нужныхъ великихъ дѣлахъ съ нарочными станицы»...

Члены станицъ, ранѣе неприкосновенные, подвергались съ 1671 г. арестамъ и даже казни по политическимъ дѣламъ. Выдавать рабовладѣльцамъ бывшихъ ихъ рабовъ, сбѣжавшихъ на Донъ и пріѣхавшихъ въ Москву въ «станицѣ», не рѣшались. Но уже былъ положенъ конецъ тому положенію, что зимовая и легкія станицы выводили на Донъ съ собою десятки и сотни бѣглыхъ. Въ 1683 г. начали имѣть наблюденіе за зимовыми станицами, возвращавшимися изъ Москвы черезъ Воронежъ на Донъ; на пограничной съ войсковою землею заставѣ, учрежденной въ Коротоякѣ, велѣно было дѣлать обыскъ и «вынимать» бѣглыхъ.

Съ точки зрѣнія взаимоотношеній Дона и Московскаго государства въ эпоху 1671—1721 г.г. очень интересны конфликты, возникшіе въ 1680 г.г. между Дономъ и Москвою по поводу казачьихъ монастырей, оказавшихся на царской украинѣ. Такихъ монастырей было три: Черніевъ Никольскій (основанъ въ 1573 г.), Троицкій Боршевъ (осн. до 1615 г.) и женскій Покровскій (осн. 1623 г.). Основаны они были донскими казаками для тѣхъ, которые «изъ нихъ постригаютца и которые изъ нихъ же раненые и увѣчные въ томъ монастырѣ будутъ»... Дѣвичій Покровскій монастырь основанъ былъ на донскія средства для донскихъ казачекъ. «Въ тотъ монастырь», — поясняли казаки въ одной изъ войсковыхъ отписокъ, — «въѣзжаютъ съ Дону наши матери и сродницы»... «дѣвичьихъ монастырей смежно къ Дону нѣтъ» (кромѣ Покровскаго) *).

Правительственная колонизація довольно быстро достигла тѣхъ мѣстъ, гдѣ были поставлены монастыри, основанные донцами. Поэтому, казаки неоднократно «били челомъ царю», испрашивая тѣ или иныя милости для монастырей. Такъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ, 23 окт. 1621 года далъ жалованную грамоту, въ коей излагалъ, что «били челомъ донскіе атаманы и есаулы», исчисляли службы свои Россіи, сообщали, что построили они «на Дону Животворящія Троицы Боршевъ монастырь и при старости и болѣзняхъ постригаются въ томъ монастырѣ. А жалованной вотчинки... и иныхъ угодій къ тому монастырю нѣтъ»... ...«И мы донскихъ атамановъ Епишку

*) «Ворон. Старина», т. II, 1903, с. 175.

Диглова съ товарыщи пожаловали», дали монастырю рыбную ловлю «Богатый Затонъ»...*) Правда для поѣздки въ монастырь, наиболѣе далеко отъ Дона расположенный на царской украинѣ, въ Черніевъ монастырь, уже въ 1640 г., приходилось донцамъ испрашивать у царя особую «проѣзжую грамоту» **).

Но, вообще, донскими казаками, втеченіе XVII вѣка, испрашивались у царей неоднократно жалованныя грамоты на урочища, отъ которыхъ «кормились» монастыри. Подчиненные формально воронежскому епископу, монастыри «тянули», естественно, къ родимому Дону. Казаки и казачки, даже въ монастырѣ, не признавали иной власти надъ собою, кромѣ власти Войска Донского, и въ случаѣ обиды со стороны сосѣдей «били челомъ» Войсковому Кругу въ Черкасскомъ. Еще въ 1685 году монахи Троицкаго Борщева монастыря не хотѣли итти на судъ Воронежскаго епископа и писали челобитную: «Государемъ атаманомъ молодцемъ Фролу Минаеву и всему великому войску Донскому извѣщаютъ богомольцы ваши»...

До 1671 г. Москва мирилась съ такою экстерриторіальностью украинныхъ монастырей, но послѣ 1671 г., когда Донъ уже присягнулъ царю, когда расколъ нашелъ на Дону убѣжище и призывалъ казаковъ къ отдѣленію отъ Москвы, съ этого правовою черезполосицей рѣшили покончить однимъ ударомъ. На Донъ, въ Войско, написали, чтобы казаки «впередъ въ такія дѣла не вступались», потому что «такія дѣла имъ не належатъ»... Съ монастырями же рѣшили расправиться по свойски.

Къ тому же, въ томъ же самомъ 1685 году, Воронежскаго Покровскаго монастыря игуменья Ульяна съ сестрами подала челобитную въ Кругу, въ Черкасскомъ, по поводу разоренія монастырской вотчины Фарасани жителями г. Коротояка. Войско просило, чтобы «великіе государи пожаловали-бы ихъ казаковъ ради войсковаго прошенья велѣли вотчину Фарасань принять на себя и пожаловать старицъ рукою» (т. е. заступничествомъ). За эту попытку дѣйствовать помимо установленныхъ властей Московскаго Государства, игуменью сослали въ одинъ изъ сѣверныхъ монастырей, Войску-же объяснили, что его не касаются дѣла, происходящія не на его территоріи. При этомъ сдѣлали видъ, что позабыли, какъ, еще 5 лѣтъ назадъ, цари считали умѣстнымъ писать грамоты Войску какъ разъ въ отвѣтъ на его ходатайства по поводу этихъ самыхъ монастырей. Теперь же наступилъ моментъ разграниченія компетенцій.

По отношенію къ Боршеву монастырю поступлено было еще серьезнѣе. Казначея и семь монаховъ повелѣно было «бить плетьми и сослать въ вологодскіе монастыри подъ начало

*) Вейнбергъ «Мат. для ист. Воронеж. губ. Ворон. писцовыя книги, 1891; также «Вор. Старина», т. II, с. 64 и слѣд.

**) Дон. Дѣла, т. I, 928—930 (29 іюня 1640 г.).

безповоротно»; дьячка, писавшаго челобитную на имя Войска, «бить кнутомъ нещадно и сослать въ Холмогоры съ женой и дѣтьми (!) на вѣчное житье», а монаховъ — «донскихъ казаковъ Василія Иванова, Ивана Степанова и Ив. Афонасьева изъ... монастыря выслать на Донъ»... «И, — заканчивалъ указъ, — впредь въ томъ монастырѣ донскимъ казакамъ никому не быть». Такъ ликвидировала Москва донской монастырь и казачью богодѣльню, оказавшіеся на ея территоріи. Наконецъ, 9 февр. 1686 г. Троицкій Боршевъ монастырь былъ попросту закрытъ. Но Покровскому монастырю былъ данъ приказъ: «больше трехъ дней никого казаковъ не держать»... Метрополія отнюдь не пожелала болѣе терпѣть, чтобы вольная донская колонія на московской территоріи оказывала кому либо свое покровительство *).

Въ области внутренняго управленія Донъ продолжалъ быть совершенно самостоятельнымъ. Власть надъ Войскомъ продолжала принадлежать Кругу, фактически до 1709 года. Какъ мы увидимъ далѣе, Кругъ въ послѣдней четверти XVII в. сталъ ареной обостренной борьбы между партіей московской, старшинской, и партіей независимости, демократической, защищавшей свободу вѣры, связавшей свое дѣло съ защитой раскольниковъ, религіозныхъ эмигрантовъ, и получившей поэтому названіе «раскольничьей». Проводниками московскаго вліянія на Кругѣ явились: атаманъ, котораго частое общеніе съ царемъ поставило въ болѣе независимое отъ казачества положеніе; затѣмъ — старшины. Кругъ обычно подчинялся внушеніямъ Москвы, но были моменты, когда онъ поступалъ по своей волѣ, вопреки ясно выраженному царскому желанію и даже вопреки указу.

Такъ, въ 1675 г. Войско не пожелало строить крѣпостей на Казачьемъ ерикѣ и на Каланчинской протокѣ. Казаки заявляли: «ради де мы за великаго государя и такъ помереть, безъ городковъ». Но, на самомъ дѣлѣ, ими руководило смутное недовѣріе къ постройкѣ крѣпостей на донской территоріи, куда затѣмъ явились бы стрѣльцы, а за ними воеводы и приказные. Колонія, сдѣлавшая уже первый шагъ къ соединенію съ метрополіей, опасалась насажденія въ ней тѣхъ самыхъ порядковъ, которые заставили ея гражданъ, въ свое время, покинуть родину и въ далекихъ степяхъ искать себѣ убѣжища и воли.

Казаки сперва отговаривались необходимостью устроить съѣздъ всего Войска, но и «съѣзжей Кругъ» расходился много

*) «Дон. Дѣла», т. I—V, особенно — же т. IV; Соловьевъ, «Ист. Россіи», изд. 2-е, кн. 5, с. 1045: Звѣревъ «Древніе акты Ворон. Покров. монастыря»; П. В. Никольскій «Матеріалы по исторіи монастырей на Дону»; его-же «Положеніе монастырей Ворон. епархіи при святителѣ Митрофанѣ»; «Ворон. Старина», т. II, 1903 г. «Акты относ. къ ист. В. Д.» В. Д., т, I, с. 108, 127, 221; Савеловъ «Сб. .Дон. Стат. Ком., в. т. 1902, с, 34—48.; Описаніе Свято Николаевскаго Черніевскаго монастыря, Харьковъ 1849; Вейнбергъ «Ворон. писцовыя книги», Вор., 1891.

разъ, не рѣшая дѣла. Попытка атамана заставить Кругъ дать тотъ или иной отвѣтъ повела къ немедленному сверженію атамана (Корнила Яковлева).

Государь тщетно грозилъ Дону (23 сент. 1675 г.) экономической блокадой и прекращеніемъ субсидіи: «И къ вамъ нашей государской милости и присылки... денежнаго жалованія... не будетъ и изъ нашихъ верховыхъ городовъ о не пропускѣ къ вамъ на Донъ всякихъ запасовъ нашъ... указъ учиненъ будетъ крѣпко подъ смертною казнью»... Войско осталось непреклонно. Но блестящій походъ его на Крымъ заставилъ сложить гнѣвъ на милость. Въ декабрѣ 1675 г. пошла на Донъ грамота: «И что вы по нашему указу... городковъ не построили... и учинились въ томъ намъ, великому государю, непослушны, за что вы были достойны всякой нашей государской немилости и опалы... И тѣ ваши вины за тое-жь вашу... службу жалуемъ, отпущаемъ, а впредь тѣ ваши вины вспоминаны не будутъ» *).

Точно также, въ 1685 году, когда войсковому атаману Фролу Минаеву повелѣно было изъ Москвы принять начальство надъ походнымъ войскомъ, Кругъ на это не согласился, находя присутствіе атамана нужнымъ на Дону. Вмѣсто Минаева послали Ивана Семенова, вопреки указу **).

Въ 1685 г., вопреки запрещенію царя, Донъ порвалъ перемиріе съ турками и Крымомъ. Царь писалъ по этому поводу, что «не только чинить, но и мыслить о томъ не годилось». Атаманъ Фролъ Минаевъ могъ лишь, по секрету отъ казаковъ, сообщить царскому посланцу, что «онъ со слезами донскихъ казаковъ унималъ, чтобъ перемирья съ турскимъ салтаномъ и съ крымскимъ ханомъ не разрушали, только де они его не послушали, потому что много голыдьбы и наброду, и присланное къ нимъ жалованье многимъ не достается, и для того унять ихъ невозможно»... Кругъ же отвергъ запрещеніе царя, и Войско продолжало войну независимо отъ метрополіи на свой страхъ и рискъ ***).

Что касается атамана, то выборность войсковыхъ атамановъ была поколеблена, а затѣмъ и уничтожена Петромъ I. Крюйсъ пишетъ, что еще Лукьянъ Максимовъ, въ 1700 г., былъ «выбранъ вольными голосами, но утвержденъ» царемъ. Вѣрнѣе, что Петръ I, близко ознакомившійся съ Дономъ во время азовскихъ походовъ, умѣлъ оказывать неофиціальное воздѣйствіе на выборы атамана. Естественно, что атаманы, кандидаты царя, чувствовали себя болѣе независимыми отъ Круга.

*) Ист. Опис.», с. 304—305.

**) «А Фрола Минаева мы войскомъ въ походъ... не пустили, потому что нынѣ у насъ въ войску осталось малолюдно»... «Мы, войскомъ Донскимъ, надѣясь на вашу государскую премногую къ себѣ милость, его, Фрола, оставили силою»... Дружининъ, с. 27.

***) «Ист. Опис.», с. 333, 326—7.

Важное значеніе для конституціонной исторіи Дона имѣло возрастающее вліяніе совѣта или собранія старшинъ. Оно увеличивалось вмѣстѣ съ ростомъ соціально-экономическаго значенія старшинъ. Самое учрежденіе — «собраніе старшинъ» — было основано на обычаѣ. На Украинѣ можно найти ему параллель въ той «тайной радѣ полковниковъ», которую устраивалъ гетманъ прежде, чѣмъ устроить «явную раду всему войску». Уже въ 1671 г., Родіонъ Колуженинъ, видный старшина, совѣтовалъ боярамъ въ Москвѣ провести его планъ постройки на Казачьемъ ерикѣ и на Каланчинскомъ протокѣ такъ, чтобы о немъ знали лишь «войсковой атаманъ и лучшіе старшины». Такъ и было сдѣлано, но съѣзжій Кругъ всего Войска отвергъ предложеніе старшинъ, атаманъ былъ «скинутъ», а Колуженину пришлось, отбиваясь ножомъ, бѣжать въ Ратный городокъ подъ защиту воеводы кн. Хованскаго. Въ 1695 г., при отправленіи генерала Гордона въ первый азовскій походъ, Петръ I писалъ: «а сей-бы нашъ указъ былъ у васъ тайно и кромѣ тебя, войскового атамана, и старшинъ, кому надлежитъ, инымъ былъ не вѣдомъ...»*)

Значеніе, которое имѣлъ къ началу XVIII в. старшина, особенно ясно видно изъ грамоты 21 февраля 1706 г. Царь хвалилъ Войско за поведеніе во время астраханскаго бунта. Когда изъ Астрахани отъ возставшихъ стрѣльцовъ присланы были «подсыльщики», «войсковой атаманъ Лукьянъ Максимовъ съ знатною и съ разумною старшиною и съ прочими добрыхъ сердецъ казаками...., тѣхъ подсыльщиковъ оковавъ, и съ прелестными письмами прислали къ Москвѣ, къ великому государю...» «И они, войсковой атаманъ и знатная старшина, съ добраго и усердно радѣтельнаго своего совѣту, во всѣ донскіе верховые городки съ низу послали того-жъ времени къ станичнымъ атаманомъ и казакомъ крѣпкіе войсковые указы съ нарочными посыльщики, чтобы... отнюдь никто къ тому злому дѣлу не приставали...» Какъ мы видимъ, къ 1705 году «знатная старшина» уже почти вытѣсняетъ Кругъ, на который зоветъ лишь «прочихъ добрыхъ сердецъ казаковъ», т. е. сторонниковъ московской партіи. Совѣтъ старшинъ, именемъ Войска, разсылаетъ запреты по станицамъ**). Такимъ образомъ, значеніе старшинъ послѣ 1671 г. выросло чрезвычайно. Какъ воспользовался своею властью старшина, обнаружилось во время Булавинскаго возстанія. Итакъ, въ началѣ XVIII в., власть собранія старшинъ уже успѣшно конкурируетъ съ властью Круга.

Съ усложненіемъ соціальнаго строенія Войска, съ увеличеніемъ населенія, количество дѣлъ, восходящихъ на усмотрѣніе Войска, возрастаетъ. Часть дѣлъ подготовляется для

*) «Ист. Опис.», с. 302, 303, 347.
**) Ист. Опис.», с. 361—362; Акты, т. I.

Круга въ собраніи старшинъ, другія-же становятся предметомъ компетенціи собранія старшинъ, особенно тяжбы гражданскаго характера, дѣла уголовныя и т. под. Къ числу особенно важныхъ дѣлъ относятся: раздача земель подъ поселеніе новыхъ городковъ (выдача «заимныхъ грамотъ»), разбирательство споровъ между станицами изъ за юртового довольствія (выдача «разводныхъ грамотъ»), и т. п. Дѣла эти рѣшалъ Кругъ, но голосъ старшинъ на Кругѣ пріобрѣталъ все большее значеніе. Старшины, пользуясь своимъ вліяніемъ, захватываютъ войсковыя земли, заселяютъ ихъ бѣглыми, присваиваютъ себѣ значительную часть денежнаго жалованья, и всячески угнетаютъ рядовое казачество.

Въ военномъ отношеніи, въ теченіе всего XVIII вѣка, Войско оставалось самодовлѣющимъ организмомъ. Царскія грамоты опредѣляли лишь число казаковъ, потребныхъ для похода; до 1720-хъ г. г. даже и этотъ контингентъ опредѣлялся, собственно, Войскомъ. Послѣднее само опредѣляло, какая станица сколько должна выставить бойцовъ. Такъ, въ 1672 г., войсковой грамотой приказано было, чтобы казаки шли въ Черкасской изъ каждаго городка по три части, оставляя четвертую часть для охраны городковъ. Въ 1705 г. Войско послало «изъ Черкасскаго конныхъ казаковъ болѣе 2000 чел. съ атаманомъ съ Максимомъ Фроловымъ, и съ полковниками, которымъ приказано взять съ собою въ прибавку изъ верховыхъ городковъ, которые до Паншина, отъ десяти по два человѣка, а за Паншинымъ по Дону, и по Хопру, и по Медвѣдицѣ велѣно итти изо всякаго городка по половинѣ...»*)

Что касается подчиненія казаковъ въ военномъ отношеніи главной власти россійскаго военачальника, то походное войско, посланное по царскому указу на войну, съ походнымъ атаманомъ во главѣ, подчинялось власти главнокомандующаго лишь въ оперативномъ отношеніи. Вся военно-административная, военно-судебная, дисциплинарная, хозяйственная и интендантская часть оставалась въ рукахъ выборного походнаго атамана, и выборныхъ-же полковыхъ начальниковъ. Только въ 1703—1711 г. г. Войско было подчинено, на случай войны, главному командованію азовскаго губернатора. До того-же и послѣ того, казачьи отряды включались обычно въ составъ арміи на опредѣленномъ фронтѣ или дѣйствовали самостоятельно, на правахъ отдѣльной арміи, подъ начальствомъ своего походнаго атамана, получавшаго указанія или отъ Войска, или отъ верховной власти.

Въ 1670-хъ г.г. отправлялись неоднократно на Донъ отряды царскихъ войскъ, и довольно значительные, подъ начальствомъ воеводъ, чтобы, совмѣстно съ казаками, вести войну съ турками и татарами. Воеводамъ всегда предписывалось «совѣтовать съ

*) «Ист. Опис.», с. 293, 356, 388.

войсковымъ атаманомъ и старшинами». Въ 1674 г. предписывалось воеводѣ князю Хованскому «съ донскими атаманы и казаки обо всякихъ дѣлахъ совѣтывать и ихъ къ себѣ призывать, и мысль свою, что пристойно надъ непріятели къ промыслу, имъ объявлять и у нихъ, что покажется годно, принимать». Такимъ образомъ, до личнаго появленія на Дону Петра, отношенія царскихъ и донскихъ военачальниковъ носили, собственно, союзническій характеръ *).

Что касается славнаго донского флота, то для него эпоха Петра оказалась роковой. Въ 1689 и 1690 г. г. Войску пришлось просить у царя о присылкѣ изъ Лебедяни и Воронежа лодокъ, ибо ихъ флотъ очень пострадалъ, но присланные лодки оказались непригодными. Первая морская побѣда Петра (13 мая 1696 г., на Азовскомъ морѣ) была одержана имъ при помощи донского флота. Но, повидимому, тотъ-же Петръ I, вслѣдъ за усмиреніемъ Булавинскаго возстанія, приказалъ уничтожить донской флотъ и запретилъ строить на Дону струги. По крайней мѣрѣ, съ этого момента исчезаютъ всякія извѣстія о донскомъ флотѣ, который, при всей его примитивности, имѣлъ въ XVI и XVII в. в. столь славную исторію. Петръ I заводилъ уже на Азовскомъ морѣ свой флотъ, но прутское пораженіе 1711 г. повлекло за собою его уничтоженіе. Въ періодъ 1713—1730 г. г. турецкій Азовъ и царскія приазовскія крѣпости (Транжаментъ, крѣпость св. Анны) закрывали выходъ донцамъ въ Азовское море.

Въ 1730 г. вспомнили о славномъ донскомъ флотѣ, но приказами изъ Петербурга о постройкѣ судовъ нельзя было уже возстановить то, что 30 лѣтъ назадъ было разрушено. Другая попытка возрожденія флота на Дону и Азовскомъ морѣ была сдѣлана въ связи съ началомъ войны въ 1769 г., при Екатеринѣ II, но это касалось болѣе «азовской флотиліи», нежели донского казачьяго флота. Морской опытъ и навыки донцевъ были безплодно утеряны и для родного края, и для Россіи **).

Въ области духовнаго управленія Петръ I нанесъ донской независимости тяжкій ударъ. Москва, преслѣдуя расколъ, видѣла въ немъ не только религіозное, обрядовое инакомысліе, но и политически враждебную силу. Въ 1688 г. Москва потребовала на свой судъ и расправу главнѣйшихъ вождей старообрядческаго движенія на Дону, «раскольщиковъ», которые, защищая свободу вѣры, защищали единовременно и донскую независимость. Черезъ 30 лѣтъ, Петръ изъялъ Донъ изъ подъ власти патріарха и подчинилъ его митрополиту во-

*) «Ист. Опис.», с. 292, 298.

**) Елагинъ «Ист. русс. флота», 1864, 3 т.; History of the Russian fleet during the reign of Peter the Great, London, 1899; Архивъ Гос. Сов.; т. I, 1869, с. 10. Въ 1768 г. было заготовлено «донскимъ казакамъ 100 лодокъ къ употребленію на Азовскомъ морѣ»...

ронежскому Пахомію. Указъ 8 марта 1718 г. преслѣдовалъ цѣли и политическія, и полицейскія. Петръ «указалъ: церкви, монастыри и тѣхъ монастырей властей и монаховъ, отъ церквей священниковъ и всѣхъ церковниковъ по Дону и по другимъ рѣкамъ, которые были вѣдомы въ патріаршей епархіи, ради лучшаго смотрѣнія и близости, — вѣдать въ Воронежской епархіи для того: извѣстно ему, Великому Государю, учинилось, что въ казачьихъ донскихъ городкахъ при церквахъ, монастыряхъ и часовняхъ, во многихъ мѣстахъ есть, укрываючись отъ воровства, растриженные и непосвященные старцы, которые чинятъ многіе расколы и возмущеніе, а иные перешли къ вору Некрасову на Кубань, и за дальностію отъ Москвы таковыхъ смотрѣть и наказывать невозможно...»

Итакъ, главная цѣль реформы была — наказывать донскихъ старообрядцевъ. Войско фактически болѣе ста лѣтъ (до 1829 г.) не подчинялось этому указу и вело борьбу съ воронежскими епископами. На первыхъ порахъ оно стало хлопотать, чтобы Донъ былъ зачисленъ въ непосредственное подчиненіе Св. Синоду, смѣнившему патріарха, но Петръ I не пожелалъ сохранить за Дономъ этого признака его особности. Казачество по станицамъ и Войско въ центрѣ бойкотировали Воронежъ.

Поэтому, по челобитной воронежскаго митрополита Пахомія, послѣдовалъ 21 дек. 1720 г. (черезъ Иностранную Коллегію) указъ, гласившій: «въ духовныхъ дѣлахъ Войску Донскому быть у него, Митрополита, въ вѣдѣніи, и поповъ, отъ него свидѣтельствованныхъ, и въ ихъ казачьи городки присылаемыхъ, принимать, и безъ вѣдома отъ него, Митрополита, оныхъ собою отъ приходовъ не отлучать, и отъ мѣста къ мѣсту не переводить, и безъ его Митрополичья вѣдѣнія и безъ данныхъ отъ него, Митрополита, письменныхъ свидѣтельствъ собою никакихъ поповъ и старцевъ отнюдь ни въ которые города и мѣста не принимать и не держать..., чего надобно войсковому Атаману самому смотрѣть и предостерегать...»*)

Глава XIV.

Право убѣжища. Политическое движеніе на Дону (1671—1708).

Одной изъ основъ донской вольности было право убѣжища. Признанное Москвою это право позволяло Дону, въ извѣстной степени, играть по отношенію къ метрополіи ту-же

*) Правдинъ. «Объ отношеніяхъ дон. казаковъ къ власти воронеж епископовъ», «Воронеж. Старина», 1902, в. I, с. 165—166; В. Харламовъ, «Дон. Церк. Старина», т. I; «Акты»; т. I, т. III, ч. 1. Воронежская епархія, какъ викаріатъ Рязанской метрополіи, учреждена въ 1667 г. «Акт. Ист.», т. V, 493.

роль, какую играли нѣкоторое время Нидерланды по отношенію къ самодержавно-королевской Франціи. Въ 1671 году былъ нанесенъ ударъ праву политическаго убѣжища на Дону. Въ 1688 году наступилъ конецъ религіознаго убѣжища на Дону.

Потеря этого права тѣсно связана не только съ событіями, происходившими на Москвѣ, но и съ соціально-политическими процессами, имѣвшими мѣсто внутри самой колоніи. Экономическій кризисъ, приведшій къ Разиновщинѣ, продолжался. Притокъ эмигрантовъ по религіозно-политическимъ, экономическимъ и соціальнымъ причинамъ продолжалъ возрастать, несмотря на кровопусканіе, устроенное Дону въ 1671 г. Соціально-экономическая неурядица сказывалась и на политическихъ настроеніяхъ казачества. Политическая мысль глухо и тяжело бродила.

Казачество было вѣрно царю, какъ русскому общенаціональному вождю. Въ 1676 г. на Дону близъ Хопра, въ раскольничьей «пустынькѣ», озлобленный — за преслѣдованія на Москвѣ — на царя, «черный попъ за великихъ государей Бога не молилъ и другимъ запрещалъ молить». Атаманъ и все Войско послали схватить попа и, привезя въ Черкасской, по своему войсковому праву, сожгли его.

Однако, оппозиціонный духъ силенъ былъ среди верховыхъ казаковъ, раздраженныхъ пребываніемъ на Дону царскихъ войскъ. Въ 1675 г. воеводѣ Хованскому доносили, что во всѣхъ городкахъ по станичнымъ избамъ всѣ казаки собираются на государевыхъ людей, (стоявшихъ на Дону), и московскихъ стрѣльцовъ хотятъ побить, а городовымъ стрѣльцамъ дать волю... «А если государь пришлетъ на Донъ рать большую, то мы замиримся съ Азовомъ и поднимемъ Крымъ; старшинъ, которые съ Разинымъ не были и государю доброхотствуютъ, побьемъ, чтобъ они въ Москву вѣстей не давали»... Старшины объяснили Хованскому, что это «нѣкоторые пьяницы казаки въ верхнихъ городкахъ начали волноваться», обнадеживали, что «у казаковъ въ нижнихъ городкахъ никакихъ злыхъ умысловъ нѣтъ и не бывало, государю по присягѣ служатъ»...

Малороссія, неоднократно возстававшая противъ Москвы, знала о броженіи, шедшемъ на Дону. Гетманъ Брюховецкій, отлагаясь въ 1668 г. отъ Москвы, послалъ грамоту и на Донъ. Онъ жаловался на «правовѣрныхъ бояръ» московскихъ, совсѣмъ какъ кубанцы донцамъ жаловались въ 1919 г. на Особое Совѣщаніе Деникина. «Жалуюсь, — писалъ онъ, — на нихъ передъ вами, братьями моими, и передъ всѣмъ главнымъ рыцарскимъ войскомъ, подавая къ разсужденію сію вещь: праведно ли Москва сотворила», побратавшись съ Ляхами; «постановили... слобожанъ, захвативъ какъ скотъ, въ Сибирь за-

гнать, славное Запорожье и Донъ разорить и вконецъ истребить»...

«...Мы великому государю добровольно безъ всякаго насилія поддались потому только, что онъ царь православный; а московскіе царики, бояре безбожные, усовѣтовали присвоить себѣ насъ въ вѣчную кабалу и неволю, но всемогущая Божія десница, уповаю, освободитъ насъ. ...Вы, братья моя милая, привыкли при славѣ, побѣдѣ, и вольности пребывать: порадѣйте, Господа, о золотой вольности... и не прельщайтесь обманчивымъ московскимъ жалованьемъ. Остерегаю васъ: какъ только насъ усмирятъ, станутъ промышлять объ искорененіи Дона и Запорожья... Не прельщайтесь ихъ несчастною казною, но будьте въ братскомъ единомысліи съ господиномъ Стенькою, какъ мы находимся въ союзѣ съ Заднѣпровскою братьею нашею»...

Надо отдать справедливость политической дальновидности Брюховецкаго. Москва шла по пути объединенія при помощи централизаціи, подавленія автономій и политической свободы. Донъ не поддержалъ Украины и лишь въ слабой степени пошелъ за «господиномъ Стенькою».

Одинъ изъ товарищей Разина, «прежнихъ воровъ Степкина собранія Разина казакъ Міусской», возвратившійся въ 1673 г. на Донецъ съ «воровскимъ собраніемъ» человѣкъ въ 200, попытался выдвинуть противъ Алексѣя Михайловича его, якобы, «сына», «царевича Симеона Алексѣевича». Донъ не пошелъ за этимъ наскоро состряпаннымъ самозванцемъ, но кошевой атаманъ Запорожскій Сѣрко принялъ «Симеона» сердечнѣе и «писалъ на Донъ къ черни, чтобы на Дону всѣхъ старшинъ вырубили и къ нему приклонились» для совмѣстнаго похода на Москву. Интересно, что Сѣрко зналъ уже о розни, возникшей на Дону между «чернью» и «старшинами» и хотѣлъ ее использовать. Но Донъ не поддержалъ Сѣрка, и Симеона пришлось съ Запорожья послать къ «родителю», который его и четвертовалъ *).

Москва требовала у Дона выдачи себѣ на расправу своихъ политическихъ враговъ. Такими были въ 1671—1673 г.г. разинцы, пытавшіеся укрыться на Дону. Такими оказались старообрядцы, дерзавшіе, вопреки указу, молиться по своему, даже и тѣ, которые еще не превратили свой религіозный протестъ въ протестъ политическій. Такимъ врагомъ Москвы оказался и казакъ Бѣляевской станицы Семенъ («Сенька») Буянка. Онъ отбилъ силою у боярскаго сына Клокова арестованныхъ имъ на донской территоріи раскольниковъ (1675). Буянка защищалъ землю «казачьево присуду» отъ незаконнаго вторженія царскаго чиновника, защищалъ религіозныхъ эмигрантовъ, искавшихъ убѣжища въ вольной колоніи. Онъ

*) «Ист. Опис.», с. 283; Соловьевъ, 3-е изд., т. Ш, passim.

былъ добрымъ гражданиномъ Донской республики, но для Москвы это былъ «воръ», и выдачи его требовали весьма упорно.

Посылая стольника Арсеньева на Донъ *), давали ему наказъ хвалить казаковъ за выдачу Разина, что та «вѣрная и радѣтельная служба, что они такова вора поимавъ прислали, не токмо въ Московскомъ государствѣ прославилась», ...«говорить казакамъ не по одинъ день прилежно и радѣтельно великихъ государей указомъ и своими ласковыми разговоры»...

Но когда было нужно, начинали говорить съ Дономъ и грозно. Нарушивши однажды принципъ невыдачи, казаки могли «по своему войсковому праву» казнить лишь второстепенныхъ персонажей, а «главныхъ заводчиковъ» приходилось отсылать въ Москву. Въ 1703 году было предписано государственныхъ преступниковъ и доносчиковъ на нихъ («сказавшихъ государево слово и дѣло») высылать въ Преображенскій Приказъ. 28 марта 1720 г. было подтверждено: «кто изъ Донскихъ казаковъ будутъ сказывать за собою Государево слово и дѣло, таковыхъ присылать къ розыскамъ, какъ о томъ отъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ... указъ повелѣваетъ» **).

Вліяніе Москвы на донскія дѣла возрастало, политическій гнетъ усиливался, и казачество легко вѣрило слухамъ. Тѣмъ болѣе, что и на Москвѣ было неспокойно. Въ 1683 г. прошелъ слухъ, что Донскіе казаки, которые были на Москвѣ въ легкихъ станицахъ всѣ перевѣшаны, а иные безъ вѣсти пропали, а зимовую станицу не отпускаютъ. Въ томъ же году раскольничій старецъ говорилъ, что царя Іоанна «на Москвѣ бояря не почитаютъ, извести хотятъ»... Казаки говорили, чтобъ имъ «собрався итти въ Русь, къ Москвѣ»... Такимъ образомъ, дѣло шло о защитѣ царя отъ бояръ. Царь этотъ считался защитникомъ старой вѣры.

Съ другой стороны, бѣжавшіе на Донъ и находившіе здѣсь радушный пріютъ раскольники составляли на Дону элементъ крайней оппозиціи Москвѣ. Жестокія преслѣдованія старообрядцевъ дѣлали изъ нихъ мучениковъ за вѣру. Очень многіе казаки сочувствовали старшинѣ Чюрносову, который «на царскую грамоту о разореніи роскольныхъ пристанищъ на Дону» говорилъ: «разорять ихъ не для чего», потому что посланецъ изъ Войска, разслѣдовавшій дѣло, «никакого воровства и расколу про нихъ не сыскалъ, кромѣ того, что они въ тѣхъ пустыняхъ Богу молятся»... Казаки, даже и не раскольники, не могли проникнуться тѣмъ рвеніемъ къ исправленному обряду, которое воздвигало на Москвѣ костры для сожженія инако вѣрующихъ.

Въ рѣчахъ раскольниковъ на Дону были ссылки на библію, на Гедеона, который съ тремя стами триста тысячъ Ма-

*) 10 сент. 1683 г. Дружининъ, с. 118.

**) «Акты» Лишина, т. I (1675, 1703 г.); П. С. З., т. VI, N 3553 (1720 г.).

діанитянъ побѣдилъ. Начинались разговоры о походѣ на Москву, на бояръ, Петръ Мурзенокъ заявилъ: «лучше-де быть на каторгѣ, нежели на Москвѣ». Чюрносовъ грозился: «такъ-де учиню, что задрожитъ отъ меня и Москва вся»... Попъ Самойло и Чюрносовъ посылали «письма свои на Еикъ, и на Терекъ, чтобъ не слушали ни царей, ни патріарховъ, но крѣпко держались за вѣру старую. Аще-ли будетъ на насъ какой опалъ съ Москвы, вы къ намъ тогда придите... станутъ де за насъ и многіе орды и калмыки»... Такимъ образомъ, раскольничья партія ставила вопросъ о союзѣ вольныхъ колоній Дона, Яика и Терека противъ метрополіи.

Чюрносовъ хвалился: «не покинетъ-де меня и Чаганъ-Батырь, и Нагай Мурза, какъ пойду на Московское царство, и замучю-де всѣми»... «Куды-де намъ итти на Крымскаго; надобно-де тутъ первое очистить; лучше-де нынѣ Крымской, нежели наши цари на Москвѣ»... Чюрносовъ ставилъ вопросъ о необходимости военнаго союза съ калмыками противъ Москвы *).

На Дону, подъ вліяніемъ раскольниковъ, перестали «въ войсковой бесѣдѣ про государское здравіе заздравныя чаши пить, о государскомъ здравіи древніе обычаи отставили**) три года на церковной службѣ не поминали государей, и духовенство, и русское воинство»...

На Дону шла ожесточенная борьба партіи независимости, защиты республиканскихъ вольностей, «раскольничьей», — и московской партіи. Къ первой принадлежали верховые казаки, голытьба, прибѣжавшіе на Донъ старообрядцы. Ко второй — значительная часть низовыхъ казаковъ и старшины. Казакъ Янъ Грекъ, строчившій доносы въ Посольскій Приказъ князю В. В. Голицыну, писалъ: «тѣ, которые суть противники апостольскіе церкви не есть раби великихъ государей»...

Московская партія была терроризована. Большинство было противъ нея — за свободу вѣры, за народоправство. Побѣждало даже теченіе въ пользу отдѣленія отъ Руси и въ политическомъ, и въ военномъ, и въ религіозномъ отношеніи. Но за московской партіей была идея единства общенаціональнаго, религіознаго, и — кромѣ того — мощная поддержка московскаго правительства. Послѣднее съ интересомъ наблюдало за развитіемъ событій.

Подчиненные агенты московской власти не смѣли вмѣшиваться въ донскія дѣла. Московская партія подстрекала воронежскаго воеводу «управиться съ раскольниками» въ верховыхъ городкахъ, по сосѣдству, но тотъ заявилъ, что надъ рас-

*) Чаганъ-Батырь-тайша, послѣ расправы Москвы съ Чюрносовымъ, почувствовалъ себя настолько скомпрометированнымъ, что въ 1689 г. ушелъ съ своими калмыками за Волгу.

**) Это былъ историческій тостъ Донскихъ казаковъ: «Здравствуй, царь-государь въ кременной Москвѣ, а мы, казаки, на тихомъ Дону»...

кольниками на р. Медвѣдицѣ «изгономъ промыслу и посылки учинить не мочно, чтобъ не возмутить всѣмъ Дономъ отъ того дѣла»... Пограничный воевода помнилъ объ автономіи Дона.

Въ 1687 г. Москва, молчаливо ждавшая «оказательства», внезапно и рѣзко потребовала у Дона выдачи раскольничьихъ вождей. Въ спискѣ значилось и имя бывшаго войскового атамана Самойлы Лаврентьева.

Лаврентьеву ставили въ вину не только покровительство старообрядцамъ, но и то, что при немъ былъ принятъ на Донъ раскольничій проповѣдникъ Самойло Ларіоновъ, который сталъ служить по «старымъ» книгамъ, не поминая на великомъ выходѣ ни патріарха, ни великихъ государей. Это было сдѣлано по совѣту со старшинами изъ раскольниковъ. Затѣмъ, на пасхальной недѣлѣ Лаврентьевъ созвалъ Кругъ, который долженъ былъ подтвердить и подтвердилъ это рѣшеніе. Московская партія была безсильна, и осмѣлившіеся выступить за государей «добрые казаки» Василій Инжировъ, Ѳома Голодный и попъ Василій едва не были убиты. Тотъ-же Кругъ запретилъ называть старообрядцевъ «раскольниками», послѣ чего попъ Самойло открыто проповѣдывалъ въ станичной избѣ, на майданѣ и, наконецъ, по казачьимъ куренямъ. Онъ называлъ царя Алексѣя Михайловича орломъ, а дѣтей его орлятами, «и что ихъ великихъ государей одинъ мечъ поястъ вскорѣ», другимъ же говорилъ: «вотъ-де бывшей царь Алексѣй бывъ орелъ, и се де его подкрылки; одинъ де уже ищезъ, а сіи вскорѣ отъ меча пропадутъ»...

Другой проповѣдникъ Кузьма Косой заявлялъ: «намъ-де Христосъ велитъ землю очищать: мы не боимся ни царей, ни всей вселенной»... Наиболѣе яркимъ выразителемъ недовольства былъ Чюрносовъ, порицавшій Алексѣя Михайловича за борьбу со старообрядчествомъ, «будто по его государскому разсмотрѣнію чинилось не умно, но яростно, со многимъ рвеніемъ къ кроворазліянію за вѣру»... Царей онъ называлъ «иродами», а «государскую силу Голіаѳской»... Чрезвычайно интересно, что донскіе республиканцы, подобно солдатамъ Кромвеля, искали въ Библіи обоснованія своихъ политическихъ взглядовъ.

Вернувшемуся изъ похода Фролу Минаеву удалось настоять на Кругѣ на выдачѣ въ Москву Кузьмы Косого, который призывалъ казаковъ итти на Москву. Самойлѣ Лаврентьеву пришлось «покиня атаманство ухорониться». Побѣда московской партіи была не полная. Въ Москву, во главѣ зимовой станицы посланъ былъ Кирѣй Чюрносовъ, вождь раскольниковъ, заявлявшій: «не хочетъ-де намъ патріархъ жалованья и хлѣба прислать, а я-де такъ помекаю, и не хочетъ — пришлетъ, были-бъ де зубы, я де знаю и самъ, гдѣ то брать»... Самое жалованье онъ не желалъ признавать царской милостью: «то-де съ міру взято, — говорилъ онъ, — въ жалованье по-

читать не для чего»... Онъ демонстративно отказывался въ «государстви ангелы», въ войсковой бесѣдѣ про «государское здравіе заздравныхъ чашъ пить»...

На царскую грамоту о выдачѣ Лаврентьева семь верховыхъ городковъ откликнулись, запрещая выдавать атамана, «для того, что напередъ-де сего никогда ихъ братію съ Дона не выдавали»... Семь городковъ, въ общей грамотѣ на имя Войска, напоминали объ убійствѣ Карамышева, не имѣвшемъ послѣдствій; «да и нынѣ-де... они и безъ государскаго жалованья прокормить себя сумѣютъ»... Ѣдучи въ станицѣ въ Москву Чюрносовъ открыто готовилъ по пути на сѣверъ силы, которыя должны были итти на Москву, — какъ только вернется онъ изъ поѣздки.

Одну грамоту о высылкѣ Лаврентьева не исполнили, по другой — послали попа Самойлу. По полученіи третьей, состоялось 5 безплодныхъ круговъ, причемъ Фролъ Минаевъ, опасаясь за свою жизнь, сдалъ атаманство и ушелъ изъ Круга. Потомъ его уговорили принять вновь атаманство, но на царскую грамоту отвѣтить отпиской, что «атаманъ Самойла, по розыску Войска, расколу не причастенъ и, притомъ, боленъ, и потому не отправленъ въ Москву.

Члены московской партіи, соблюдая чрезвычайную конспирацію, рѣшили послать въ Москву доносъ на Чюрносова, умоляя не отпускать его на Донъ, ибо по возвращеніи его на Дону вспыхнетъ такой-же мятежъ, какой былъ при Разинѣ.

5 марта 1688 г. атаманъ Зимовой станицы Чюрносовъ былъ схваченъ, вмѣстѣ съ «товарищи»: есауломъ Ив. Рабыцинымъ, Петромъ Смиреннымъ Рыковскимъ, Ѳедотомъ Морозомъ Чирскимъ и др.

7 апрѣля прибылъ на Донъ толмачъ Никитинъ, предъявившій требованіе о выдачѣ Лаврентьева. Казакъ — «новоприходецъ» сталъ стращать казаковъ на Кругѣ, что, если отдать теперь Самойлу, то когда съѣдутся изъ верхнихъ городковъ казаки, то «посыльщикамъ будетъ столько добра, что ничье имя не помянется»... Такая угроза ободрила раскольниковъ и они стали приговаривать, чтобы остановить указъ великихъ государей. Фролъ Минаевъ и другіе члены московской партіи, чувствуя, что опасность грозитъ ихъ жизни, бросились — Фролъ съ насѣкою, а остальные съ дубьемъ и обушками, и, избивъ «новоприходца» до смерти, выкинули его тѣло съ Круга*). Послѣ этого раскольники дрогнули, а Кругъ, а затѣмъ и собравшійся черезъ 3 дня Съѣздъ всего Войска постановили выдать Лаврентьева и его товарищей.

---

*) Гордонъ въ дневникѣ говоритъ, что казаки, сопротивлявшіеся указу, стояли не за расколъ, а за войсковую привиллегію. «Дневникъ», т. II, 1851, с. 216. Есть новое изданіе «Дневника», М. 1892; также A. Gordon The History of Peter the Great. Aberdeen, 1758; Geschichte Peter des Grossen, Leipzig, 1765.

10 мая 1688 года на Красной площади и на Болотѣ, подъ топоромъ палача, упали головы десятка казаковъ — Чюрносова и другихъ вождей «раскольничьей» партіи. Въ ихъ числѣ казненъ былъ и бывшій войсковой атаманъ Войска Донского, Лаврентьевъ. Не Донъ казнилъ «отпадчиковъ» по своему «войсковому жестокому праву», а московскій палачъ. Яицкое войско, не выдавая въ томъ же году своихъ поповъ-раскольниковъ, заявляло: «буде по розыску объявятца у насъ какіе раскольщики и мы укрывать ихъ не станемъ, по войсковому своему суду станемъ смертную казнь (имъ) чинить»... На Дону-же не заикнулись о своемъ «войсковомъ судѣ». Выдача Лаврентьева была предрѣшена финансово-экономической зависимостью отъ Москвы: «всѣмъ войскомъ (въ Кругу) закричали: зачѣмъ-де намъ его, Самойла, съ его единомысленники не не отдать? но не помереть бы намъ голодною смертью для ихъ»...*).

1688-й годъ предрѣшилъ на Дону судьбу свободы вѣры. Въ 1689 году пришлось Войску организовать экспедицію для разгрома раскольничьяго городка. 14 августа 1688 г. ему повелѣно было «итти съ Чаганъ-Батырь-Тайшею на р. Медвѣдицу и надъ городкомъ, въ которомъ сидятъ, собрався съ Донскихъ городковъ, воры и раскольщики» и ихъ «единомысленники», чинить «промыслъ»... Городокъ былъ разгромленъ, вожди раскольниковъ — чернецы Досиѳей, Ѳеодосій и Пафнутій ушли на Куму. Пойманы были: атаманъ Ив. Заецъ, Сем. Колодинъ, Сем. Понилинъ, Сем. Распопинъ. «За поруки» были оставлены Илья Зерщиковъ, Иванъ Терской, Левъ Епифановской**).

Пять лѣтъ спустя казакъ-раскольникъ Саратовецъ объяснялъ Крымскому хану, у котораго искалъ убѣжища: «А какъ намъ на Дону жить? старую вѣру нынѣ выводятъ, а держатъ новую вѣру и крестное сложеніе не такъ, какъ прежде бывало, и для той новой вѣры съ Дону у насъ къ Москвѣ забрали людей добрыхъ и заслуженыхъ, Кирѣя Матвѣева съ товарыщи и показнили невѣдомо за что и намъ на Дону поэтому жить нельзя...»***) Таково-же было мнѣніе и многихъ оставшихся на Дону казаковъ.

Громадное вліяніе оказало дѣло раскольниковъ 1688 г. и на внутреннюю борьбу партій. Старшины подняли голову и, опираясь на поддержку Москвы, стали управлять Дономъ по своему. Но внѣшнее спокойствіе, воцарившееся на Дону, не означало того, что казачество примирилось съ ограниченіемъ своей политической свободы и независимости.

---

*) Исторію съ раскольниками мы излагаемъ на основаніи подлиннаго дѣла; Доп. къ Акт. Ист.», т. XII. Ср. также: Дружининъ «Расколъ на Дону въ концѣ XVII вѣка», ст. 1889.

**) 14 авг. 1688 г., П. С. З., т. II, N 1310.

***) Соловьевъ, т. III, с. 1098.

То, что происходило на Дону, въ 1688—1708 г. г. было несомнѣнной прелюдіей къ возстанію Булавина. Въ стрѣлецкихъ бунтахъ конца XVII—начала XVIII в. возлагали надежду на революціонность и свободолюбіе Дона. Цыклеръ, участникъ и организаторъ заговора противъ Петра въ 1697 г., предполагалъ: «какъ буду на Дону у городового дѣла въ Таганрогѣ, то, оставя ту службу, съ Донскими казаками пойду къ Москвѣ для ея разоренія и буду дѣлать тоже, что и Стенька Разинъ...» Казакъ П. Лукьяновъ изъ Донской зимовой станицы 1697 г. грозился: «дай намъ сроку, поворотимся мы (на Донъ), какъ государь пойдетъ (заграницу) и учинимъ по своему. Полно, что и прежь сего вы намъ мѣшали, какъ Стенька былъ Разинъ, а нынѣ мѣшать некому...» Тотъ-же П. Лукьяновъ говорилъ: «какъ вы, стрѣльцы, пойдете съ Москвы на службу (въ Азовъ), и въ то число наши казаки зашевелятся», и пояснялъ, что революціоннымъ элементомъ на Дону являются «голые казаки верхнихъ городковъ...» Лукьяновъ повторилъ и ту мысль, что и раскольники 10 лѣтъ назадъ: «казаки отпишутъ для помощи Турецкому султану о помощи для московскаго разоренья, и онъ пришлетъ къ нимъ въ помощь кубанцевъ (татаръ), такъ они великое разоренье учинятъ...» 4 марта 1697 г., на Красной площади, вмѣстѣ съ Цыклеромъ и 4 его сообщниками, былъ казненъ и Лукьяновъ *).

Въ 1698 г. московскіе стрѣльцы, отбывшіе два года на тяжелой службѣ въ Азовѣ и посланные, вмѣсто Москвы, прямо въ Великіе Луки, возмутившись въ походѣ, требовали: «нѣмцевъ побить, бояръ, идти къ Москвѣ, и къ Донскимъ казакамъ вѣдомость послать...» Донцы въ Черкасскомъ, узнавши о казни стрѣльцовъ, говорили писарю изъ Воронежа: «Знать и ты — потѣшный! Дай только намъ сроку, перерубимъ мы и самихъ васъ, какъ вы стрѣльцовъ перерубили...»**)

Тогда шли повсюду слухи, что Петръ I не вернется изъ за границы, и казаки говорили: «Если великій государь къ заговѣнамъ къ Москвѣ не будетъ, то нечего государя и ждать! А боярамъ мы не будемъ служить и царствомъ имъ не владѣть, и атаманъ насъ не одержитъ, и Москву намъ очищать — воеводъ будемъ рубить...» Такимъ образомъ, казаки, признавая національное верховенство царя, не признавали и въ идеѣ боярскаго правленія на Руси.

Въ 1701 году на Дону шли разговоры: «Азову за государемъ недолго быть; Донскіе казаки, взявъ его, передадутся къ Турскому султану попрежнему» (?!)... Другіе говорили: «теперь намъ на Дону отъ государя тѣсно становится; какъ будетъ къ намъ на Донъ, — мы приберемъ его въ руки...» Для насъ интересно это заявленіе, что на Дону отъ Петра «тѣсно

*) Соловьевъ, кн. 3. с. 1166—1168.
**) Соловьевъ, т. III, с. 1184, 1193.

становилось...» По этому дѣлу были затребованы съ Дону въ Преображенскій Приказъ казаки: городка Тишанки — Андрей Поминовъ съ матерью да Левка Сметанинъ; городка Нижняго Чиру — Игнатъ Пчелинецъ. При розыскѣ оказалось, что Сметанинъ, со словъ раскольничьяго пустынника Авноха, поселившагося на р. Бѣлой Калитвѣ, говорилъ, что «царь Иванъ Алексѣевичъ живъ, и живетъ въ Іерусалимѣ для того, что бояре воруютъ. Царь Петръ полюбилъ бояръ, а царь Иванъ чернь полюбилъ»*). И въ этихъ слухахъ сказалась старая вѣра въ крестьянскаго и казачьяго, «справедливаго» царя и старая-же ненависть къ «лихимъ боярамъ...»

Въ 1705 г., въ Астрахани вспыхнуло возстаніе посланныхъ туда изъ Москвы на службу стрѣльцовъ. Зачинщики возстанія, еще до отъѣзда на Низъ, на совѣщаніи въ Коломнѣ, говорили, что хорошо бы «если въ Астрахани людей смутить, и Донъ, и Яикъ потянутъ съ вами же... малые люди того-же желаютъ и ради вамъ будутъ, можно старую вѣру утвердить...»

Въ грамотахъ къ Войску Донскому возставшіе заявляли, что возстали за старую вѣру, противъ нѣмецкаго платья, табаку, брадобритія и непосильныхъ податей. Грамота увѣряла, будто-бы «воеводы, начальные люди заставливали» астраханцевъ «кланяться болваннымъ кумирскимъ богамъ». Кумирскіе боги эти были, на самомъ дѣлѣ, «столярной работы личины деревянныя, на которыхъ у иноземцевъ и у русскихъ начальныхъ людей кладутся наклацные волосы для береженія, чтобъ не мялись...» Обращеніе астраханцевъ имѣло кратковременный успѣхъ у терскихъ и гребенскихъ казаковъ, но не на Дону. Помимо того, что «прелестныя письма» попали къ старшинамъ на Низъ, а не къ верховой голыдьбѣ, нѣкоторую роль сыграло и то, что воронежскій губернаторъ Апраксинъ двинулъ на Донъ войска, а передъ ними казацкіе слободскіе полки, не очень расположенные къ донцамъ. «О походѣ своемъ» Апраксинъ написалъ къ донцамъ «и пустилъ эха, чтобъ ихъ привести тѣмъ въ размышленіе...»

Въ результатѣ «размышленія» донцы къ бунту не пристали. Въ сентябрѣ 1705 г. атаманъ легкой станицы Кочетовъ объяснялъ это боярамъ слѣдующимъ образомъ: «И тѣмъ-де они, донскіе казаки, предъ иными народами отъ него, великаго государя, пожалованы и взысканы, что къ нимъ и по се число о бородахъ и о платье... указу не прислано, и платьѣ де они нынѣ носятъ по древнему своему обычаю, какъ кому изъ нихъ которое понравится: иные-де любятъ носить платье и обувь по-черкесски и по-калмыцки, а иные обыкли ходить въ русскомъ стародревняго обычая въ платьѣ, и что-де кому лучше похочитца, тотъ тако и творитъ, и въ томъ-же между ими, казаками, распри и никакого посмѣханія другъ надъ другомъ

*) Соловьевъ, т. III, 1393—1394.

нѣтъ; а нѣмецкаго-де платья ни кто изъ нихъ, казаковъ, у нихъ на Дону не носитъ... и охоты-де у нихъ, кромѣ изволенія государскаго, къ тому нѣмецкому платью нѣтъ...» Кочетовъ оговаривался, что въ случаѣ повелѣнія, «и они-де его воли государской противны не будутъ...»*) Но, понятно, что Петръ I не особенно стремился поднять Донъ, посягая на внѣшнія отличія мѣстной жизни. Онъ послалъ на Донъ громадное «жалованье» и клейноды, но не забылъ потребовать, чтобы среди «пущихъ завотчиковъ» отнюдь не позабыли донского казака Елисея Зиновьева, котораго астраханцы выбрали у себя въ атаманы. Зиновьевъ былъ колесованъ въ Москвѣ**).

За потерею права убѣжища политическаго и религіознаго пришла очередь и за правомъ убѣжища соціальнаго. На Донъ бѣжали не только крѣпостные. Туда бѣжали и стрѣльцы и драгуны, и прочіе воинскіе чины. Въ 1673 г. изъ отряда воеводы Ивана Хитрово, стоявшаго на Дону, бѣжало до 1.500 человѣкъ. Войско разослало грамоты, требуя, чтобы бѣглецовъ ловили. Верховые казаки дѣлали имъ вспомоществованіе, снабжали провіантомъ, судами, отпускали ихъ въ украинные города или же держали по городкамъ для работъ. «Кто не послушаетъ нашей войсковой грамоты, и на той станицѣ наша пеня войсковая: вѣкъ бить и грабить и суда имъ не будетъ и впредь въ такой нашей войсковой пенѣ милости не просить...»***). Однако, войсковая грамота была грозной лишь на словахъ. Донъ принималъ и бѣглыхъ воинскихъ людей и крестьянъ.

Особенно страдали отъ побѣговъ крѣпостныхъ помѣщики украинныхъ уѣздовъ. Отовсюду неслись ихъ вопли къ правительству о необходимости не только требовать выдачи бѣглыхъ рабовъ съ Дону, но и о томъ, чтобы не пускать казаковъ на Русь, въ украинные уѣзды, ничего имъ не продавать, не ссужать, «казакамъ на городскихъ и уѣздныхъ всякихъ чиновъ жителей суда и управы не давать, кто казаковъ пришедъ что принесетъ также не отдавать...»[1]).

Такова была, напримѣръ, грамота, которую тамбовскіе помѣщики рекомендовали правительству въ 1685 г. Ихъ можно понять, потому что, при появленіи казаковъ въ украинныхъ уѣздахъ, за ними бѣжали на близкій Донъ цѣлыя села крѣпостныхъ и холоповъ. Правящее сословіе на Руси требовало отъ правительства обезпеченія его правъ на трудъ и личность крестьянина. Несомнѣнно, что и государство страдало отъ такой утечки плательщиковъ податей и воиновъ въ сосѣднюю вольную колонію.

---

*) «Ист. Опис.», с. 358.

**) Соловьевъ. т. III, с. 1377—1390; Есиповъ «Раскольничьи дѣла XVIII стол.», ст., 1863, т. II, с. 100, 104.

***) Ист. Опис., с. 297—8.

[1]) «Доп. къ Акт. Ист.», т. XII, с. 124.

Результаты побѣговъ на Донъ хорошо изображены въ «подписной челобитной», которую подали царю въ 1690 году «стольники, стряпчіе, дворяне московскіе, жильцы рязанскіе, шацкіе, ряжскіе помѣщики, и дворяне городовые, Рязанцы, Мещеряки, Ряшане, копейщики, рейтары и дѣти боярскія, мурзы, татары и солдаты выборныхъ полковъ...» «Бѣгаютъ», — писали эти многочисленные представители украиннаго помѣстнаго землевладѣнія, — «отъ насъ люди и крестьяне, съ женами, съ дѣтьми на Донъ, и на Хоперъ, и на Медвѣдицу безпрестанно, многія села и деревни запустошили; домы, животы, лошадей и всякую рухлядь безъ насъ, какъ мы бываемъ на службахъ и въ отъѣздахъ, грабятъ, остальныхъ людей и крестьянъ нашихъ подговариваютъ женъ и дѣтей нашихъ въ избахъ и хоромахъ заваливаютъ колодами, дѣтей нашихъ рѣжутъ и побиваютъ до смерти и въ воду, ругаясь, сажаютъ. Теперь мы отъ этого побѣгу разорены безъ остатка, а государевой службы отбыли, и за этихъ бѣглыхъ задворныхъ людей и крестьянъ платимъ ямскія и рублевыя деньги и стрѣлецкій хлѣбъ, и дѣлаемъ городовыя подѣлки...»*)

13 окт. 1684 г. Коротоячане подали царямъ челобитную «всѣмъ городамъ и уѣздамъ на разорителей и изъ городовъ бѣглецовъ и на подговорщиковъ, на Донскихъ казаковъ. Будучи они, Донскіе казаки, въ легковыхъ и зимовыхъ станицахъ на Москвѣ и по вашей государской милости обогатясь вашимъ жалованіемъ, ѣдучи съ Москвы р. Дономъ мимо Коротояка на Донъ, ... и свойственниковъ и работниковъ нашихъ, мужеска и женска полу у насъ, холопей вашихъ и сиротъ вашихъ подговариваютъ съ животами нашими съ собою на Донъ ихъ тайно...»**)

Правительство вняло жалобамъ помѣщиковъ. Съ 1673 г. начались требованія Москвы о выдачѣ бѣглыхъ и до первой четверти XIX в. можно насчитать болѣе сотни указовъ, посвященныхъ этому вопросу, воспрещающихъ принимать бѣглыхъ въ казаки и, вообще, укрывать ихъ на Дону. Въ 1675 г. на требованіе выдачи въ Москву нѣкоторыхъ казаковъ, обвинявшихся въ разбояхъ и грабежахъ, Войско отвѣчало, что напередъ сего оно никогда не выдавало людей съ Дону, ибо существованіе Войска поддерживалось приходящими на Донъ людьми. Яицкіе казаки, въ 1684 году, когда Москва потребовала выдачи двухъ бѣглыхъ стрѣльцовъ («оба Ивашки, а прозвищемъ Тига да Гога»), «отвели въ войсковую избу» подъячаго, привезшаго царскій указъ, и «велѣли посадить его на цепь». Войско Донское поступало менѣе «независимо». Въ 1691 г. (8 авг.), требуя у Москвы удовлетворенія за незаконный арестъ донцевъ астраханскимъ воеводой, Войско угрожало, что

*) Соловьевъ, изд. 2-е, кн. V, с. 1218.
**) Дружининъ, с. 95; также «Доп. къ Акт, Ист.», т. XII., с. 123.

«отъ нихъ изъ войска многіе разбредутся куда кому сручно, а въ Русь иной и не пойдетъ для того, что у нихъ людъ вольной и бѣглые отъ бояръ люди и крестьяне, имъ негдѣ дѣваться...»*).

Въ 1688 г. благодаря разгрому партіи независимости («раскольничьей») многіе раскольники бѣжали съ Дону на Куму, гдѣ стали жить вольно, на территоріи «шевкала» (Шамхала Кабардинскаго), и въ Азовѣ. Эти эмигранты, отчасти, звали донцевъ къ себѣ, отчасти, вмѣстѣ съ турками, нападали на Войско, желая согнать донцевъ съ Дону, и основать с в о е войско, подвластное султану. Войско предостерегало царя противъ требованій о выдачѣ съ Дону, заявляя, что въ этомъ случаѣ «враговъ измѣнниковъ и дураковъ явится у нихъ много... туда жь въ погибель къ раскольникамъ пойдутъ...»

Въ 1682 г. въ первый разъ послѣдовало запрещеніе принимать въ верховыхъ городкахъ свободныхъ и помѣщичьихъ людей. Въ слѣдующемъ году стали принимать извѣстныя намъ болѣе строгія мѣры противъ увода бѣглыхъ зимовыми станицами. Въ 1685 г. вслѣдствіе помянутаго выше челобитья «тонбовскихъ» помѣщиковъ, Боярская Дума приговорила, а царь указалъ: «людемъ и крестьяномъ учинить заказъ подъ смертной казнью, чтобъ никто въ казачьи городки не бѣгалъ, на границѣ съ Войскомъ учинить заставы и сторожи крѣпкія...»

Ничто не помогало. «Избывая тяготы» московскіе помѣщичьи «люди и крестьяне» бѣжали на вольный Донъ, заселяя пустопорожнія мѣста по Дону, Хопру, Медвѣдицѣ, Бузулуку, Донцу. Равнымъ образомъ, быстро заселялись мѣста по притокамъ Сѣвернаго Донца: Бахмуту, Деркулу, Айдару и обѣимъ Калитвамъ. Въ послѣднемъ районѣ столкнулись три колонизаціонныя волны: одна была правительственная московская, другая — находившаяся подъ правительственнымъ покровительствомъ — народная, малороссійская, въ лицѣ слободскихъ казачьихъ полковъ; третья — вольная донская, великороссійская, народная колонизація. Роковымъ для Дона оказался вопросъ о Бахмутскихъ солеварняхъ. Но и, вообще, Петръ I не только поддержалъ мощною рукою притязанія изюмскихъ слободскихъ казаковъ противъ донцевъ. Онъ вскорѣ уже поставилъ вопросъ о независимомъ существованіи Дона. Вольная донская колонія снова, какъ и 100 лѣтъ назадъ, въ эпоху великаго колонизатора — царя Бориса, стояла на путяхъ великой Россіи къ южнымъ морямъ. Столкновеніе было неминуемо. И оно вскорѣ разразилось. Но ему предшествовалъ рядъ мѣръ Петра и московскаго правительства къ постепенному овладѣнію колоніей изнутри.

Такъ какъ Донъ не выдавалъ бѣглыхъ, то въ 1698 г. со-

*) «Доп. къ Акт. Ист.», т. XII.; «Ист. Опис.», 339.

стоялся боярскій приговоръ о посылкѣ въ донскіе и хоперскіе городки сыщиковъ для поимки бѣглыхъ людей и крестьянъ*). Это была полумѣра, потому что «сыщики» не имѣли права дѣйствовать самостоятельно, но должны были обращаться за содѣйствіемъ къ войсковымъ, а затѣмъ станичнымъ властямъ. Можно себѣ представить, какъ сердечно ихъ на Дону принимали. Въ Войскѣ были еще сухо-оффиціальны, но въ городкахъ дѣлалось все, чтобы миссія «сыщиковъ» оказалась безрезультатной.

Тогда Петръ I посягнулъ на автономное право Дона распоряжаться внутри Войска землею и постройкою городковъ. Къ тому-же ему хотѣлось имѣть охрану двухъ новыхъ почтовыхъ трактовъ. Въ 1700 г. онъ далъ указъ войсковому атаману Ильѣ Григорьеву (Зерщикову) и войску Донскому: «указали мы вамъ сего настоящаго лѣта верховыхъ донскихъ городковъ казаковъ, которые живутъ по Хопру и по Медвѣдицѣ, и по разнымъ рѣкамъ, перевесть и поселить по двумъ дорогамъ къ Азову, однихъ до Волуйки, а другихъ отъ Рыбнаго къ Азову-же, чтобы тѣ оба пути впредь были населены и жили; а буде вы, атаманы и казаки, нынѣшняго лѣта казаковъ не сведете и не поселите, и по нашему указу тѣ Хоперскіе и Медвѣдицкіе казаки поселены будутъ въ иныхъ мѣстахъ». Намекъ былъ довольно ясный, но Войско не исполнило повелѣнія полностью: оно поселило лишь до 1.000 семей на рѣчкахъ: Кундрючьѣ, Лихой. Донцѣ, Каменкѣ, Бѣлой и Черной Калитвахъ, на Березовой, Тихой и Грязной. Верховые-же казаки не были обезпокоены.

Тогда, въ 1703 г., Петръ послалъ изъ Разряда двухъ стольниковъ — М. Пушкина и М. Кологривова въ казачьи городки, лежащіе по Дону, Хопру, Медвѣдицѣ, Бузулуку и Донцу до Паншинскаго городка (вверхъ) для разбора и переписи «казаковъ-старожильцевъ» и «новоприхожихъ людей, которые въ тѣхъ мѣстахъ по наѣзду явятся...» Посылка царскихъ чиновниковъ изъ Разряда для «разбора» казаковъ на Дону была вторженіемъ въ донскую автономію. Петръ I начиналъ уже вольныхъ донскихъ казаковъ трактовать, какъ московскихъ служилыхъ. Болѣе того, стольники должны были выслать съ Дону на «прежнія мѣста» (т. е. къ рабовладѣльцамъ) тѣхъ, кто «зашелъ на Донъ» послѣ 1695 года, наказавши ихъ и отославши каждаго десятаго въ Азовъ на работы, включая сюда и тѣхъ, кто зашелъ на Донъ до 1695 года, но не участвовалъ въ походахъ подъ Азовъ. Городки, поселенные на дорогахъ отъ Азова къ Волуйкамъ и Рыбному оставить на прежнемъ мѣстѣ, но выслать тѣхъ, кто зашелъ въ эти городки послѣ 1701 года. Станичныхъ атамановъ стольники обязывали подпискою, дабы

*) П. С. В., т. III., N 1644.

они бѣглыхъ, подъ страхомъ смертной казни, къ себѣ не принимали. Таковъ былъ указъ 11 іюля 1703 г. *)

Войско запросило царя, сообщая ему, что «верховыхъ казацкихъ городковъ казаки въ великомъ сумнѣніи пребываютъ, чая на себя государскаго гнѣва». Оно просило оставить тѣхъ, кто зашелъ до 1695 г., такъ какъ они, хотя и не участвовали въ азовскихъ походахъ, но оставались для охраны городковъ. Многіе изъ нихъ и родились въ городкахъ. Петръ указалъ «казаковъ обнадежить, понеже его... гнѣва на тѣхъ... казаковъ нѣтъ...» и (что) имѣетъ «ихъ всегда въ своей... милости какъ и прочихъ нижнихъ городковъ казаковъ...» Переписка-же учинена «къ лучшей явственной смѣтѣ, сколько по Дону тѣхъ верховыхъ... городковъ старыхъ и новопостроенныхъ числомъ и какъ какому городку имя или званіе, и что въ нихъ людей, и нѣтъ-ли откуду какихъ бѣглецовъ и пришлыхъ людей, о чемъ ему, великому государю, многое есть челобитье разныхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, что люди ихъ и крестьяне, бѣгая со многими ихъ краденными пожитками, ухораниваются въ тѣхъ верховыхъ городкахъ...» Въ успокоительной грамотѣ дѣло обстояло такъ, будто на Донъ пріѣхали два ученыхъ географа и статистика. «Однако-жь, заключала грамота, — великій государь всѣмъ по Дону стоящимъ городкамъ указалъ по (т. е. послѣ) той перепискѣ быть въ прежнемъ состояніи, гдѣ который городокъ стоитъ, не перенося тѣхъ городковъ на иные мѣста...»**)

Грамота 15 марта 1704 г. заканчивалась словами: «только болше того... иныхъ городковъ и поселеній безъ нашего именного указу строить вамъ, казакамъ не велѣть...» Это былъ новый ударъ внутренней автономіи Войска. 14 мая 1705 г. Петръ I повелѣлъ: «впредь на заполныхъ рѣчкахъ на Московскую сторону Сѣверскаго Донца безъ нашего указу никому вновь селитца не велѣть, а которые поселены по Сѣверскому Донцу городки Старый Айдаръ и выше Айдара иные, до сего указу, и тѣмъ городкамъ быть попрежнему...» Что-же касается городковъ Новаго Айдара, Осиноваго Ревенека и — на Тишанкѣ, то Петръ I повелѣлъ: «жителей тѣхъ городковъ перевесть и поселить за Сѣверскимъ Донцомъ...»

Войско ничего не сдѣлало для исполненія повелѣнія. Оно просило оставить городки по р. Айдару: Новый Айдаръ, Бѣленскій, Закотный, и Кабаній. 7 іюля 1706 г. Петръ I снова приказалъ «городки, которые поселены не по указу и на шляхахъ, а именно: Новый Айдаръ, Шюльгинъ, Осиновой Ревенекъ, на Красной Кабаней, и которые построены, кромѣ стараго Айдара, по инымъ запольнымъ рѣчкамъ, послѣ Азовской службы, — свесть и старожитныхъ казаковъ... перевесть за Сѣ-

*) «Акты», т. I.; «Ист. Опис.», с. 364-5; Ключковъ, «Населеніе Россіи» СТ., 1911, с. 4.

**) «Акты», т. I.; «Ист. Опис.», с. 365-6.

верской Донецъ, а новопришлыхъ, которые пришли изъ нашихъ, великаго государя, украинныхъ городовъ, бѣгая отъ службы и отъ азовскихъ и корабельныхъ работъ, распрося, выслать за провожатымъ (т. е. подъ арестомъ) въ украинные городы, кто отколь пришелъ». Въ Закотномъ и Бѣленскомъ позволялось оставить лишь «старожильцовъ».

Не довольствуясь довольно сердитымъ повтореніемъ указа, Петръ послалъ на Донъ, для наблюденія за исполненіемъ указовъ, своего комиссара: «для того нынѣ посланъ къ Вамъ съ Москвы стольникъ нашъ Леонтій Шеншинъ, которому велѣно у васъ быть до тѣхъ мѣстъ, какъ по прежнему и по сему нашему указу то все исполните...»*)

Еще въ майскомъ указѣ 1705 г. Петръ приказывалъ казакамъ: «бѣглецовъ и никакихъ пришлыхъ и работныхъ людей ни откуда не принимать; за укрывательство такихъ бѣглецовъ казаки сосланы будутъ вѣчно на каторги, а пущіе заводчики безъ милости казнены будутъ». Такимъ образомъ, черезъ голову Донской власти Петръ грозилъ уже непосредственно гражданамъ вольной колоніи.

Пока россійская верховная власть путемъ указовъ и посылки комиссара пыталась вмѣшаться во внутреннюю жизнь Дона, подчиненные агенты ея, вторгаясь въ Донскую территорію, дѣйствовали еще рѣшительнѣе. Чиновники Адмиралтейскаго приказа, присланные въ Воронежъ, для описи корабельнаго лѣса, въѣзжали на Донъ и «самопроизвольно» высылали казаковъ въ Россію. Того-же Приказа маіоръ Шанкѣевъ, явившись на рѣчку Богучаръ, уже занятую донцами, не увѣдомивъ Войско, сталъ разорять Богучарскій казачій городокъ, а жителей высылать въ Россію. Донская и московская колонизація Дикаго Поля встрѣтились лицомъ къ лицу.

На Западѣ Земли Донскихъ казаковъ завязалась борьба съ казаками Изюмскаго полка. Въ 1701 г. на территоріи Бахмутскаго казачьяго городка открылись солеварни, куда потянулись жители изъ Тора и другихъ мѣстъ. Полковникъ Изюмскаго полка Шидловскій, подкрѣпляя новыхъ поселенцевъ слободскими казаками, сталъ тѣснить Донцевъ, разорялъ городки по рѣчкамъ Бахмуту, Красной и Жеребцу. Наконецъ, казна сама наложила руку на соль, отбирая ее и у Донцевъ, и у изюмскихъ казаковъ. Станичный атаманъ Бахмутскаго городка, изъ Трехизбянскихъ казаковъ, Кондратій Аѳанасьевъ Булавинъ, велъ неустанную войну съ слободскими казаками, торскими жителями и другими переселенцами изъ за соляныхъ угодій. Въ октябрѣ 1705 г. онъ разорилъ варницы слободскихъ казаковъ. Присланнаго въ іюнѣ 1706 г. отъ Адмиралтейскаго приказа дьяка Горчакова, который съ отрядомъ явился для разбора дѣла, онъ посадилъ подъ караулъ, пока не получилъ отвѣтъ

*) «Акты», т. I.; «Ист. Опис.», с. 366—367.

отъ Войскового Круга на свое донесеніе. Булавинъ поступилъ какъ добрый гражданинъ Донской республики, ожидая повелѣній верховнаго ея органа — Круга — и не допуская чуждаго чиновника распоряжаться на Донской землѣ. Кругъ не разрѣшилъ Горчакову дѣлать опись разграбленныхъ варницъ, такъ какъ онѣ были учреждены изюмскими казаками на Донской землѣ. Прибывшіе-же изъ Черкасскаго старшины вступили съ Горчаковымъ въ долгія юридическія пренія и отправили его восвояси. Шеншинъ, повидимому, такъ и не поѣхалъ на Донъ. Да и что онъ сдѣлалъ бы, безъ войска, среди вооруженнаго народа. Въ 1707 г. Петръ I принялъ рѣшительную мѣру, которая повела къ роковому столкновенію между вольной колоніей и великой метрополіей. Онъ послалъ на Донъ полковника кн. Юрія Долгорукаго съ отрядомъ въ 1.000 человѣкъ. Неизбѣжность грядущаго столкновенія съ Дономъ была ясна иностранцамъ еще въ 1702 г. Такъ, австрійскій посолъ (25 декабря 1702 г.) писалъ въ Вѣну объ «опасности казацкаго мятежа, ежечасно возрастающей...»*) И столкновеніе разразилось.

Глава XV.

Возстаніе Булавина (1707—1708).

Карательная экспедиція кн. Ю. Долгорукаго взволновала весь Донъ. Атаманъ Лукьянъ Максимовъ и старшины дали Долгорукому въ помощь для розыска Ефрема Петрова, идейнаго вождя московской партіи, и еще 4 старшинъ. Но сами они, и рядовое казачество, всѣ были потрясены фактомъ военной экспедиціи въ предѣлы Войска. Старшины сами приняли на Донъ не малое количество бѣглыхъ и въ казаки, и къ себѣ въ работники; рядовое казачество, особенно-же «новоприходцы», сочувствовало бѣглымъ. Казаки-же тѣхъ городковъ, куда направлялся Долгорукій, видѣли гибель неминучую: возвращеніе въ рабство къ помѣщикамъ и московскому государству, тяжкія наказанія и даже смерть. Къ тому-же Долгорукій мало разбирался въ томъ, кто и съ какого года «зашелъ» на Донъ. И вольныхъ гражданъ Донской республики, которые хотя-бы участіемъ въ многолѣтнихъ войнахъ за Россію пріобрѣли себѣ право личной свободы, Долгорукій билъ, гналъ и разорялъ безъ пощады. Въ восьми только городкахъ по р. Айдару онъ схватилъ болѣе 3.000 человѣкъ для отправки въ Россію.

Повидимому, не безъ участія старшинъ, вслѣдъ за Долго-

*) (Елагинъ) «Ист. Русс. Флота», приложенія, т. I., 1864, с. 513. О бахмутскомъ столкновеніи см. «Ист. Опис.», 1903, с. 367-9; Н. Гербель, «Изюм. слобод. казачій полкъ 1651—1763», СПБ. 1852.

рукимъ, были разосланы по станицамъ грамоты съ призывомъ бить сыщиковъ.

Когда эта грамота попала въ Бахмутъ, она попала на почву, вполнѣ подготовленную. Булавинъ, уже ведшій тяжкую борьбу съ надвигавшейся на Войско правительственной колонизаціей и защищавшій вольности Войска и «казачій присудъ» отъ московскихъ чиновниковъ, немедленно сталъ дѣйствовать. Склонивъ на свою сторону Донецкіе и по запольнымъ рѣчкамъ стоявшіе городки, онъ устроилъ съѣздъ на р. Хопрѣ, гдѣ положено было начать возстаніе.

Въ ночь на 9-е окт. 1707 года въ Шульгинскомъ городкѣ на Айдарѣ кн. Юрій Долгорукій и съ нимъ 1.000 солдатъ и офицеровъ регулярныхъ войскъ были истреблены. Старшины успѣли ускакать.

Войсковые казаки съ Лукьяномъ Максимовымъ во главѣ выступили изъ Черкасска и разбили Булавина у городка Закотнаго на р. Айдарѣ. Вѣрные царю казаки, «переимавъ многихъ рядовыхъ, наказаніе чинили, носы рѣзали больше ста человѣкамъ, а иныхъ плетьми били и въ русскіе городы выслали, а пущихъ заводчиковъ, близъ 10 человѣкъ, повѣсили по деревьямъ за ноги, а иныхъ перестрѣляли въ смерть, а 12 человѣкъ послали къ великому государю...»

Булавинъ, бѣжавшій «въ Запороги», звалъ тамошнее казачество къ совмѣстному выступленію. Кошевой, не соглашавшійся на это, былъ «скинутъ» радою съ отаманства. Его преемникъ держался по отношенію къ Булавину благожелательнаго нейтралитета. Запорожцы рѣшили — позволить Булавину «прибирать» вольницу, а пойти съ нимъ явно на великороссійскіе города только тогда, когда онъ призоветъ къ себѣ на помощь Бѣлгородскую (Аккерманскую) и Ногайскую орды, горскихъ Черкесъ и Калмыковъ.

Въ началѣ 1708 года Булавинъ разослалъ свои грамоты: «Отъ Кондратья Булавина и отъ всего съѣзднаго войска походнаго Донскаго въ русскіе города начальнымъ добрымъ людямъ, такъ-же и въ села, и въ деревни, посадскимъ и торговымъ, и всякимъ чернымъ людямъ челобитье; вѣдомо имъ чинятъ, что они всѣмъ войскомъ единодушно — вкупѣ въ томъ, что стоять имъ со всякимъ радѣньемъ за домъ Пресв. Богородицы и за истинную вѣру христіанскую и за благочестиваго царя, и за свои души и головы, сынъ за отца, братъ за брата, другъ за друга, и умирать за одно...»

Булавинъ призывалъ «начальныхъ добрыхъ людей и всякихъ черныхъ людей всѣмъ также стоять вкупѣ» съ казаками и не опасаться обидъ. «А которымъ худымъ людемъ, и князем, и бояромъ, и прибыльщикомъ, и Нѣмцомъ, за ихъ злое дѣло отнюдь бы не молчать и не спущать ради того, что они вводятъ всѣхъ въ Еллинскую вѣру и отъ истинной вѣры хри-

стіанской отвратили своими знаменьми и чудесы прелестными...»

Затѣмъ, Булавинъ запрещалъ «напрасно бить, грабить и разорять...» «А по которымъ городамъ по тюрьмамъ есть заключенные люди, — и тѣхъ заключенныхъ выпустить тотчасъ безъ задержанія...» Приказъ объ освобожденіи всѣхъ вообще заключенныхъ, независимо отъ ихъ вины, мало согласовался съ призывомъ бороться за «благочестиваго царя». Врядъли, боярскій царь казался Булавину «благочестивымъ». Очень дурной привкусъ имѣло заявленіе, что «Запорожскіе казаки, и Бѣлгородская орда, и многія орды» обѣщали помощь свою возставшимъ.

Дѣйствительно, Булавинъ посылалъ татаръ и казаковъ съ письмами «въ Ачуевъ (на Азовскомъ морѣ) къ Хасану-пашѣ, на Кубань къ Сартлану-мурзѣ и къ Кубанскимъ казакамъ Савелію Пахомову съ товарыщи». Послѣднихъ официальные документы эпохи называютъ «ворами и измѣнниками, Окреанами, которые живутъ на Кубани». На письмо Азовскаго царскаго коменданта Ачуевскій паша отозвался, что эмиссары Булавина были высланы съ Кубани «съ безчестіемъ», и что ханъ Крымскій предписалъ Крымцамъ и Кубанцамъ жить съ (русскими) Азовцами «смирно и въ дружелюбіи».

Хотя Булавинъ и увѣрялъ, что онъ «за благочестиваго царя», старшины въ Черкасскомъ истолковали его выступленіе, какъ сепаратистское. Карательный отрядъ изъ Черкасскаго, подъ командою старшинъ Тимоѳея Ѳедорова и Матвѣя Матвѣева, 8 февр. 1708 г., разгромилъ булавинцевъ на р. Хопрѣ. Въ своемъ донесеніи Войску старшины именовали возставшихъ «ворами, отпадчиками, отметчиками», и сообщали, что они ихъ «подъ его, великаго государя, руку подклонили...»

Затѣмъ былъ созванъ съѣздъ изъ верховыхъ городковъ Донскихъ, и Хоперскихъ, и Бузулуцкихъ, и Медвѣдицкихъ, на которомъ присягали снова Петру, послѣ чего по станицамъ «учинены приговоры» о смертной казни для «воровъ», а за попустительство имъ со стороны станицы — «на той станицѣ по приговору Войска Донскаго войсковая пеня безъ пощады, а станицу ту всю разорить...»

Не ограничиваясь внутреннею своею расправой Войско (вѣрнѣе черкасскіе казаки) отослали въ Москву подъ стражею: и казака Бѣляевской станицы Кузьму Акимова, выдававшаго себя на Хопрѣ за Булавина, съ 5 товарищами, и «пойманныхъ пущихъ бунтовщиковъ и забойцевъ Старо-айдарской станицы Ив. Пожара и Святолуцкой станицы знаменщика Ив. Емельянова», и даже пріѣхавшихъ съ повинною представителей Ѳедосѣевской станицы. Въ Москвѣ всѣхъ ихъ изъ Посольскаго препроводили въ грозный Преображенскій Приказъ.

Въ мартѣ 1708 года появился на Хопрѣ подлинный Булавинъ. Здѣсь центромъ его войскъ сталъ Пристанской городокъ.

Противъ Булавина былъ двинутъ изъ Азова т. наз. Азовскій казачій полкъ (полковника Николая Васильева), изъ служилыхъ казаковъ. Васильевъ, вмѣстѣ съ атаманомъ Лукьяномъ Максимовымъ, встрѣтилъ Булавина (8 апр. 1708 г.) выше Паншина городка, на рѣкѣ Лисковаткѣ. Казаки верховыхъ городковъ изъ отряда Л. Максимова потребовали «пересылки съ ворами». Когда старшина Ефремъ Петровъ собралъ войско въ кругъ и докладывалъ ему о своихъ переговорахъ съ Булавинымъ, верховые казаки измѣнили, а булавинцы внезапно ударили и одержали побѣду. Васильевъ еле убѣжалъ въ Азовъ, а Максимовъ съ Ефремомъ Петровымъ въ Черкасскъ.

Тогда 26 городковъ по Хопру, 16 — по Бузулуку, 12 — по Сѣверскому Донцу — возстали и присоединились къ Булавину. Въ Тамбовскомъ и Козловскомъ уѣздахъ жители деревень выбирали атамановъ и есауловъ, и чинили расправу по казацкому образцу. Снова начиналось насажденіе «казатчины», какъ и при Разинѣ.

28 апрѣля Булавинъ съ 15.000 войска подошелъ къ Черкасску. 1-го мая атаманъ и 4 старшинъ были выданы Булавину. 6-го мая 1708 года Лукьянову и 6 старшинамъ отрубили головы. Ефремъ Петровъ, идеологъ единенія Дона съ Москвой, заявилъ предъ казнью: «Хотя я отъ васъ и умру, но слово мое не умретъ. Вы этотъ островъ такому вору отдали, а великому государю тотъ островъ знатенъ, и рѣку великій государь всю очиститъ, и васъ, воровъ, выведетъ...»

Изъ Черкасска Булавинъ послалъ «отписки» на имя Петра и «его царскаго величества въ полки полководцамъ», — одинакового содержанія. Онъ сообщалъ: «въ нынѣшнемъ 1708-мъ году, Мая во 2-й день, пришедъ мы войскомъ походнымъ въ Черкасской, собрався по Дону, по Донцу, по Хопру, по Бузулуку и по Медвѣдицѣ и со всѣхъ заполныхъ рѣкъ для перемены и выбору иныхъ старшинъ, атамана Лукьяна Максимова, Ефрема Петрова съ товарыщи, видя мы Войскомъ Донскимъ за ними атаманами и старшинами многія къ намъ неправды, и разореніе, и всякіе нестерпимые налоги...»

Далѣе Булавинъ опредѣлялъ точнѣе обиды отъ старшинъ: «и которое его, великаго государя, присылается къ намъ, войску, годовое денежное и хлѣбное жалованье, также и за Астраханскую службу двадцать тысячъ рублевъ, также и въ нынѣшнемъ 1708 году присланныя же десять тысячъ рублевъ, и того... денежнаго жалованья, намъ они, старшины, въ дуванъ ничего не давали. Да они-жъ, неправые старшины, Лукьянъ Максимовъ съ товарыщи противъ прежнихъ... великаго государя указовъ... о непринимании новопришлыхъ съ Руси людей, и они, старшины, съ Руси людей многое число принимали и о заимкѣ юртовъ безъ нашего войсковаго вѣдома письма многія давали, и за тѣ письма многія къ себѣ взятки брали...»

Такимъ образомъ, Булавинъ изобличалъ старшинъ въ не-

исполненіи того самаго указа, изъ за котораго была предпринята экспедиція Долгорукаго. «И, — продолжалъ Булавинъ, — по... великаго государя указу и по грамотамъ велѣно новопришлыхъ съ Руси всякихъ чиновъ людей съ 203 года выслать въ Русь попрежнему въ старыя ихъ мѣста, откуда кто пришелъ, и они неправые старшины, Лукьянъ Максимовъ съ товарыщи, не однихъ пришлыхъ съ Руси людей, многое число и старожилыхъ казаковъ, которые пришли лѣтъ по двадцати и больше, и тѣхъ всѣхъ неволей въ Русь выслали, и въ воду, ради своихъ взятковъ, сажали, и по деревьямъ за ноги вѣшали женска пола и дѣвичья, тако-же и младенцевъ межь колодъ давили и всякое ругательство надъ нашими женами и дѣтьми чинили, и городки многіе огнемъ выжгли, а пожитки наши они, старшины, на себя отбирали, и то они чинили не противъ (т. е. не согласно) его, великаго государя, указу...»

Обвиненія противъ самоуправства старшинъ были, какъ мы видимъ, двоякаго рода. Высылка на Русь «старожилыхъ» казаковъ и насилія были связаны, очевидно, главнымъ образомъ, съ поведеніемъ старшинъ, помогавшихъ Долгорукому въ его карательной экспедиціи. Но поведеніе старшинъ въ вопросѣ о распредѣленіи жалованья, о приниманіи на Донъ бѣглыхъ за взятки, о разграбленіи войсковыхъ земель, — все это показываетъ, что «собраніе старшинъ» уже въ началѣ XVIII вѣка подавляло волю Круга, что демократическій образъ правленія на Дону превращался уже въ аристократическій.

Грамота пыталась оправдать убійство Долгорукаго. Его «убилъ не одинъ Кондратей Булавинъ, (а) съ вѣдома общего нашего со всѣхъ рѣкъ войскового совѣту», убилъ за дѣйствія Долгорукаго вопреки указа царскаго. Здѣсь авторы грамоты поддерживали обычную фикцію, что царскій посланецъ хотѣлъ причинить зло Войску вопреки царской волѣ.

«Также, — писалось далѣе, — мы войскомъ и своихъ старшинъ, за неправду, Лукьяна Максимова съ товарыщи шестью человѣкъ, казнили смертію, а вмѣсто ихъ, по совѣту, всѣмъ Войскомъ Донскимъ иного атамана, Кондратья Аѳонасьева, и старшинъ, кто намъ, войску, годны и любы, выбрали... и отъ него, великаго государя, не откладываемся (!) и желаемъ ему... всѣмъ войскомъ и всѣми рѣками всеусердно по прежнему непремѣнно служ ть... и въ томъ нынѣ... крестъ всѣмъ войскомъ цѣловали...»

Итакъ, выходило, что казаки лучше знали волю Петра, чѣмъ Долгорукій. Кромѣ того, произошло возстановленіе демократическаго правленія, Кругъ смѣнилъ неугодныхъ и казнилъ преступныхъ старшинъ, и Войско не помышляло о сепаратизмѣ. Булавинъ говорилъ правду, потому что Донъ не думалъ порывать съ Россіей. Онъ хотѣлъ лишь сохраненія автономіи. Однако, въ виду вооруженнаго наступленія метрополіи на колонію, Булавинъ считалъ не лишнимъ добавить въ грамотѣ,

что они «и межь себя войскомъ учинили въ любви и въ совѣтѣ за братство по прежнему» присягу. Онъ просилъ «великаго государя полководцевъ», не ходить на Донъ. Если же они пойдутъ и «насилно» поступятъ съ Дономъ, то, — какъ писалъ Булавинъ, — «и въ томъ воля его, великаго государя, мы Войскомъ Донскимъ рѣку Донъ и со всѣми запольными рѣками уступимъ и на иную рѣку пойдемъ...» «а будетъ мы войскомъ ему, великому государю, на рѣкѣ годны и въ винахъ нашихъ милосердно проститъ, а на рѣкѣ жить по прежнему укажетъ, и о томъ, мы ожидать премилосердаго указу желаемъ...»

Итакъ, повстанцы языкомъ XVII вѣка увѣряли Петра, что они готовы уступить ему всю территорію Дона и уйти «на иную рѣку». Но въ то-же время они искали союзниковъ и (17 мая 1708 г.) писали отъ Войска Донского Войску Запорожскому грамоту, напоминая, что «отъ себя напредъ сего писали, чтобы намъ дали (запорожцы) отъ себя руку помощи и быть-бы вамъ съ нами вкупѣ единодушно...» Они напоминали, что во время пребыванія Булавина въ Запорожьи, Донцы и запорожцы «межь себя совѣтовали и души позадавали, чтобъ всѣмъ вамъ съ нами, войскомъ Донскимъ, быть въ соединеніи и другъ за друга радѣть единодушно...» Но изъ Запорожья никто не пришелъ. «... А нынѣ намъ, войску Донскому, слышно чинитца, что-де собраніемъ государевы полки пришли разорять наши казачьи городки и... хотятъ де итить подъ Черкасской и мы всѣмъ войскомъ Донскимъ просимъ у васъ... у всего войска Запорожскаго милости, если вамъ слышно про приходъ царевыхъ полковъ на наше разореніе, и вы намъ дайте помощи, чтобъ намъ стать вкупе обще, а въ разореніе намъ себя напрасно не отдать... Если государевы полки станутъ насъ разорять, и мы имъ будемъ противиться, чтобъ они насъ въ конецъ не разорили напрасно, также-бъ и вашему войску Запорожскому зла не учинили...» Въ концѣ грамоты Донцы повторяли формулу союза: «чтобъ намъ жить вкупѣ и во всякомъ добромъ совѣтѣ и другъ за друга постоять въ правдѣ и свое здоровье намъ межь собою оберегать купно».

Булавинъ пытался поднять бунтъ въ Азовѣ, сносился съ таганрогскимъ протопопомъ о томъ-же относительно Таганрога, писалъ къ татарамъ. Но переписка его была перехвачена. Запорожье осторожно выжидало результатовъ. Увлекшись желаніемъ быть избраннымъ въ атаманы на Черкасскомъ майданѣ и ниспровергнуть старшинское правленіе, Булавинъ раздробилъ свои силы.

Этимъ временемъ бригадиръ Шидловскій, во главѣ слободскихъ служилыхъ полковъ, 1-го іюля разбилъ отрядъ Дранаго, а вслѣдъ затѣмъ 1.500 запорожцевъ въ Бахмутѣ, и съ радостью доносилъ царю, что имъ «конклюзію учинилъ: Бахмутъ выжгли и разорили», т. е. уничтожили донской Бахмутскій городокъ.

6-го іюля самъ Булавинъ потерпѣлъ пораженіе подъ Азовомъ. Тогда черкасскіе казаки избрали въ войсковые атаманы Илью Зерщикова, одного изъ видныхъ вождей раскольничьей партіи 1688 года. 11-го іюля Зерщиковъ осадилъ курень Булавина, и онъ «видя свою погибель застрѣлилъ себя изъ писто ли до смерти...»

Схваченные «совѣтники его проклятые» были выданы въ Азовъ.*)

Петръ I отправилъ на Донъ кн. Вас. Вл. Долгорукаго, брата убитаго Юрія, повелѣвая ему «ходить по тѣмъ городкамъ, которые пристаютъ къ воровству, и оные жечь безъ остатку, а людей рубить, а заводчиковъ на колеса и колья, дабы тѣмъ удобнѣе оторвать охоту къ приставанью къ воровству людей; ибо сія сарынь, кромѣ жесточи, не можетъ унята быть...» Давши такую программу и такую оцѣнку донцамъ, Петръ I рекомендовалъ узнать, «какъ казни вершить», изъ донесеній кн. Ю. А. Долгорукаго, усмирявшаго разинскій бунтъ. Вообще, у Дона съ именемъ князей Долгорукихъ связаны воспоминанія мало пріятныя.

Меншиковъ очень скептически расцѣнивалъ положеніе дѣлъ на Дону. 7 мая (1708 г.) онъ писалъ царю о замыслахъ Булавина насчетъ Азова и Таганрога, и заключалъ: «по всему признаваемъ, что уже всѣ они (Донскіе) казаки заодно...» 27 мая Петръ отвѣчалъ: «необходимая мнѣ нужда мѣсяца на три туда (на Донъ) ѣхать, дабы съ помощью Божіей безопасно тотъ край сочинить, понеже самъ знаешь, каково тотъ край намъ надобенъ...»**)

Итакъ, считая положеніе весьма серьезнымъ, Петръ хотѣлъ самъ ѣхать на Донъ. Въ день нападенія Булавина на Черкасской, одинъ изъ его помощниковъ, Лукьянъ (Лучка) Хохлачъ, былъ разбитъ на р. Курлакѣ. Казаки отряда Хохлача заявляли: «если побьемъ царскіе полки, пойдемъ на Воронежъ, тюремныхъ сидѣльцевъ распустить; судей, дьяковъ, подъячихъ и иноземцевъ побьемъ...» Въ прокламаціи («прелестномъ письмѣ») къ солдатамъ они писали: «Идете вы къ намъ въ Донскіе городки для разоренья. За что вамъ (насъ) разорять? Намъ до васъ дѣла нѣтъ, ни до бояръ, ни до солдатъ, ни до драгунъ. Мы стоимъ за вѣру христіанскую, что почали Еллинскую вѣру вѣровать. Намъ только дѣло до Нѣмцевъ и до прибыльщиковъ и до неправыхъ судей»***). Изъ этого воззванія

*) Это были братъ и сынъ Булавина и «пущіе его воровскіе заводчики Сеньки Дранаго сынъ, да атаманъ Ивашка Чайкинъ, Лупка Хохлачъ, и Мишка Голубятниковъ, Кирюшка Калгановъ съ товарыщи, человѣкъ пятьдесятъ»...

**) «Ист. Русс. Флота» (Елагина). Приложенія, т. II. (1864). с. 68-69.

***) Напомнимъ, что «прибыльщиками» называли при Петрѣ частныхъ лицъ, которые входили къ государю съ проектами того или иного увеличенія «прибыли» государственной, и получали иногда извѣстныя монополіи, отъ которыхъ страдалъ народъ.

выходитъ, что въ 1708 г. Войско не стремилось уже насаждать свои порядки въ метрополіи, а хотѣло лишь отстоять свободу вѣры, право убѣжища и автономію для Дона.

19-го іюня 1708 г. Петръ I послалъ кн. В. Долгорукому слѣдующій приказъ: «Какъ будешь въ Черкасскомъ, тогда добрыхъ обнадежь, и чтобъ выбрали атамана добраго человѣка, и, по совершеніи ономъ, когда пойдешь назадъ, то по Дону лежащіе городки по сей росписи разори и надъ людьми чини по указу: надлежитъ опустошить по Хопру сверху Пристанной по Бузулукъ; по Донцу сверху по Луганъ; по Медвѣдицѣ — по Усть-Медвѣдицкой, что на Дону. По Бузулуку — все. По Айдару — все. По Деркулѣ — все. По Калитвамъ и по другимъ Задоннымъ*) рѣкамъ — все. А по Илавлѣ, по Илавлинской, по Дону до Донецкаго надлежитъ быть такъ, какъ было...»

Если взглянуть на карту, то станетъ ясно, что, въ лицѣ Петра, великая метрополія, охватившая вольную колонію со всѣхъ сторонъ, пыталась уменьшить на третью часть территорію колоніи. Кн. Долгорукій, съ пути въ Черкасской, писалъ Петру 15 іюля, что «пошелъ къ Черкасскому для лучшаго укрѣпленія казаковъ. Вашему величеству извѣстно, какіе они шаткіе люди, и нынѣшній атаманъ» (Зерщиковъ) «какого онъ состоянія...» На Дону «всѣ измѣнили сплошь...» Ссылаясь на примѣръ стрѣлецкихъ бунтовъ, Долгорукій писалъ, что и на Дону «въ лице выберутъ дураковъ, а сами изъ за нихъ воруютъ; такъ (собственно) какъ въ Черкасскомъ, такъ и во всѣхъ станицахъ первые люди всѣ сплошь воровству (измѣнѣ) причастны...» «Надобно опредѣленіе съ ними сдѣлать, чтобъ и впредь имъ нельзя не токмо дѣлать, (но) и мыслить и вольность у нихъ убавить...» Особенно важной мѣрой для Россіи Долгорукій считалъ: «которые городки вновь поселились верхніе близъ нашихъ городковъ, — чтобы конечно у нихъ отнять...» Въ этой программѣ дѣйствій, начертанной Долгорукимъ, съ чрезвычайной ясностью вскрывается противоположеніе Дона и Россіи, «ихъ» городковъ и «нашихъ» городковъ, намѣчается аннексія той части колоніи, которая приблизилась къ предѣламъ царства, и — планъ борьбы съ республиканскимъ строемъ вольной колоніи.

26-го іюля, подъ Черкасскимъ атаманъ Зерщиковъ, со всею старшиною и знаменами, встрѣтилъ Долгорукаго знаками рабскаго подчиненія. 29-го іюля были выданы представителю царя 26 человѣкъ «пущихъ заводчиковъ»...» Всѣ сплошь черкасскіе, — писалъ Долгорукій царю, — въ томъ воровствѣ равны, и самъ атаманъ Илья, и есаулъ Соколовъ, будучи у меня, сказали, что они всѣ этому дѣлу виновны...» «...А что ваше величество изволилъ ко мнѣ писать, чтобъ выбрать атамана

*) «Задонныя» — повидимому, за С. Донцомъ лежащія.

человѣка добраго, — и ручаться по нихъ невозможно... Одно средство — оставить въ Черкасскѣ полкъ солдатскій...» На это Петръ отозвался: «Оставили вы полкъ въ Черкасскомъ, а то, кажется, не добро ради многихъ причинъ, а лучше оному быть въ Азовѣ, а когда понадобится, только тридцать верстъ оттуда...» Петръ I хотѣлъ имѣть орудіе противъ непослушнаго Дона, но не желалъ раздражать присутствіемъ оккупаціоннаго отряда въ самой столицѣ Войска.

Что касается репрессій, то Петръ полагалъ, что, вмѣсто того, чтобы «всѣхъ сплошь рубить», надо «заводчиковъ пущихъ казнить, а иныхъ на каторгу, а прочихъ высылать въ старыя мѣста, а городки жечь по прежнему указу. Сіе чинить по тѣмъ городкамъ, которые велѣно вовсе искоренить, а которые, по Дону старые городки, въ тѣхъ только въ нѣкоторыхъ, гдѣ пущее зло было, заводчиковъ только казнить, а прочихъ обнадеживать, а буде гдѣ какую противность нынѣ вновь сдѣлаютъ, то и всѣхъ подъ главу...»

Гибель Булавина Петръ I торжествовалъ молебствіемъ 23-го іюля. Азовскаго губернатора Толстого повысилъ чиномъ, Долгорукаго произвелъ изъ маіоровъ въ подполковники, солдатамъ далъ трехмѣсячное не въ зачетъ жалованье. Разрозненные отряды булавинцевъ — Голаго, Дранаго, Некрасова были разбиты одинъ за другимъ, хотя они и имѣли временные успѣхи, успѣли «показачить» города Камышинъ, Царицынъ и подымались даже вверхъ по Волгѣ. Некрасовъ бѣжалъ на Кубань, гдѣ отдался подъ покровительство Крымскаго хана. Онъ былъ водворенъ на Таманскомъ островѣ между Таманью и Копыломъ, въ 30 вер. отъ моря, гдѣ основалъ три станицы: Себелей, Кара-Игнатъ и Конти...е. Здѣсь нашелъ онъ Донскихъ эмигрантовъ раскольниковъ, бѣжавшихъ въ 1688 и 1692 г. г.*)

Къ осени отправлены были въ Москву переловленные, оставшіеся въ живыхъ, Никита Голый, Максимъ Маноцковъ и другіе булавинцы. По оговору Голаго былъ схваченъ и отправленъ въ Москву самъ войсковой атаманъ Илья Григорьевъ Зерщиковъ. В ѣмъ имъ на Красной площади отрубили головы.

«Усмиреніе» Дона носило демонстративно жестокій характеръ. Долгорукій съ регулярными солдатами, слободскіе (малороссійскіе) служилые казаки, калмыки ходили по Дону, жгли, рѣзали, вѣшали казаковъ, спуская по Дону плоты съ повѣшенными. Отъ 7 до 10 тысячъ казаковъ было истреблено въ

*) Потомки некрасовцевъ переселились въ гирла Дуная, а оттуда въ М. Азію, гдѣ и живутъ по сей день, близъ Константинополя. При сдачѣ Азова туркамъ въ январѣ 1722 г. Апраксинъ требовалъ отъ турокъ и получилъ обѣщаніе, что они «въ Азовѣ и близъ онаго жилищъ и кочевья имѣть вору Некрасову и его товарищамъ не дадутъ» ..

«Ист. Русс. Флота», т. II., с. 156. О потомкахъ некрасовцевъ: К. Леонтьевъ «Майносскіе старообрядцы», «СПБ Вѣд.», 1884, N 260—262; В. Ивановъ-Желудковъ «Русс. село въ Мал. Азіи», «Русс. Вѣстникъ», 1866, кн. 6.

порядкѣ репрессій, не считая погибшихъ въ бою. Обозначенные въ «росписи» Петра «городки», были сметены съ лица земли. Бассейнъ Донца, отрѣзанный отъ Войска, былъ присоединенъ къ Бахмутской провинціи; земли по Айдару пожалованы Острогожскому казачьему полку, потрудившемуся при усмиреніи; земли въ верховьяхъ рѣки Хопра, опустѣвшія послѣ разоренія станицъ Пристанской, Бѣляевской, Григорьевской и прочихъ, прирѣзаны были къ Воронежской губерніи. Граница Дона съ сѣверо-запада, сѣвера и востока опредѣлилась на долгое время.

Но еще важнѣе, чѣмъ потеря милліона десятинъ земли, чѣмъ эмиграція однихъ и гибель другихъ казаковъ, были для Дона результаты въ области внутренняго управленія Дона и внѣшняго его положенія.

Метрополія готовилась проводить въ жизнь программу кн. В. Долгорукаго: на Дону нуженъ былъ атаманъ, хотя и выборный, но «добрый человѣкъ», т. е. сторонникъ Москвы. Затѣмъ, нужно было Дону «вольности убавить». Высоко символическій характеръ имѣла сцена, происшедшая 19-го апрѣля 1709 года въ Черкасскомъ, на мѣстѣ собраній Круга («войсковомъ майданѣ»). Только что лично прибывшій туда Петръ I приказалъ взоткнуть на колья головы обоихъ атамановъ революціонной эпохи: Булавина и Зерщикова. Грозный царь, окруженный «знатною и разумною старшиною», пришелъ на майданъ полюбоваться на поверженное въ прахъ донское народоправство. Юридически оно просуществовало еще 14 лѣтъ (до 1723 года). Но ему уже не суждено было воспрянуть послѣ 1709 года. Наставалъ періодъ правленія старшинъ и атаманскаго самовластія, автономіи окраиннаго сатрапа, раба самодержавнаго владыки.*)

То обстоятельство, что донскіе политическіе эмигранты нашли себѣ убѣжище въ Турціи, очень волновало Петра. 1 сент. 1709 г. Толстой велъ изъ Азова переговоры съ турками насчетъ некрасовцевъ. Объявляя 22 февраля 1711 г. войну Турціи, Петръ ставилъ въ вину султану намѣреніе его «войну продолжать и чрезъ бунтовщиковъ-казаковъ Мазепинцовъ и Булавинцовъ, въ Турскую область ушедшихъ, возмущенія въ Его Царскаго Величества Государствахъ сочинить...» Не оставлялъ Петръ некрасовцевъ своимъ вниманіемъ и послѣ прутскаго пораженія.**)

---

*) Соловьевъ, «Разсказы изъ русс. исторіи XVIII в. Булавинскій бунтъ «Р. Вѣст.» 1897 г.); Голиковъ, «Дѣянія»,., т. II.—IV., XI., XIV., XVI.; Дополн. къ Дѣяніямъ, т. VII. и VIII.; Описаніе дѣлъ архива мор. минист. т. I. и II.; Карисевъ, «Бумаги, относ. къ Булавин. бунту», «Р. Арх.» 1894, кн. 11; Соловьевъ, «Ист.», т. XV., изд.»

*) «Ист. Русс. Флота», Приложенія, т. II., с. 374-5; с. 156; П. С. З., т. IV. № 2332.

Глава XVI.

Донъ въ эпоху областной автономіи (1721—1775).

Въ 1721—1775 г. г. Донъ не мѣнялъ своихъ границъ. Во время турецкой войны, при Аннѣ, былъ взятъ при помощи Донскихъ казаковъ Азовъ, находившійся, фактически, до 1741 г. въ обладаніи Россіи. Но онъ не былъ присоединенъ къ Войску, находясь въ управленіи комендантовъ. По бѣлградскому миру 1739 г. укрѣпленія его пришлось разорить и сдать туркамъ. Въ 1741—1766 г. г. Приазовье именуется «барріерою», землею «лежащею впусте между двумя Имперіями». Съ 1769 г. Азовъ и возстановленный Таганрогъ отходятъ, наконецъ, въ полное и окончательное обладаніе Россіи, закрѣпленное въ 1771 г. Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ.

Передача сношеній съ Дономъ изъ Иностранной въ Военную Коллегію (3 марта 1721 г.) знаменуетъ для юриста утрату Дономъ его государственности.*) Государственная автономія смѣнилась областной, довольно широкой, просуществовавшей въ полномъ объемѣ до 1775 г. Потеря государственности немедленно-же сказалась на сношеніяхъ Войска съ окрестными народами.

Въ 1726 г. «комисальныя дѣла объ обидахъ съ турской стороны» производилъ генералъ-кригсъ-комиссаръ и воронежскій губернаторъ Чернышевъ». Въ 1728 г. нѣкоторыми дипломатическими правами былъ облеченъ оберъ-комендантъ Транжамента ген. Таракановъ по дѣламъ съ ханомъ Крымскимъ, пашою Азовскимъ, а также съ калмыками. Въ 1730 г. казакамъ было предложено изъ Петербурга вести дѣло съ дербешевскими калмыками «черезъ Иностранную Коллегію». Въ 1733 г. была сдѣлана попытка отнять у Войска право выдачи заграничныхъ паспортовъ, которое хотѣли передать оберъ-коменданту крѣпости св. Анны, но Войско рѣзко протестовало, заявляя, что право это древнее и теперь «яко-бы за какія прослуги отнято». Поэтому, право это было Войску возвращено съ извиненіемъ, что «въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ о прежнихъ обыкновеніяхъ» Войска насчетъ «пашпортовъ нималаго извѣстія не обрѣтается...» Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, предписано было выдачу паспортовъ чинить «съ твердымъ о шпіонствѣ разсмотрѣніемъ» и сообщать о выданныхъ паспортахъ оберъ-коменданту крѣпости св. Анны къ свѣдѣнію.

Такимъ образомъ, постепенно исчезло право внѣшнихъ сношеній Войска. Правда, въ XVIII вѣкѣ Войску поручалось посылать «добрыхъ шпіоновъ» для развѣдыванія. Болѣе того, войсковой атаманъ Данило Ефремовъ былъ облеченъ полномочіями сноситься по всѣмъ дѣламъ съ калмыками, кубанскимъ мурзою и ачуевскимъ агою. Онъ самостоятельно рѣшалъ

*) П. С. З., т. VI., N 3750.

пограничныя дѣла, входя въ сношенія съ Иностранной и Военной Коллегіями. Но «положенныя на Ефремова по тамошнему пограничію дѣла» были ему поручены въ силу особаго довѣрія къ нему лично императрицы и правительства. И онъ дѣйствовалъ уже не отъ имени Войска, не въ силу собственнаго права, а по порученію общегосударственной власти, какъ ея агентъ.

Остаткомъ былыхъ посольствъ въ Москву были «станицы», ѣздившія ко Двору, но совершенно утратившія дипломатическій характеръ. Въ 1731 г. установили заново число этихъ станицъ: одну зимовую и по пяти легковыхъ въ годъ. Въ 1734 г. предложили замѣнить провіантъ деньгами. Въ 1739 г. пытались отмѣнить зимовыя станицы въ Москву, но затѣмъ возстановили. Станицы просуществовали до самаго конца XVIII вѣка.*) Привозили въ «бударахъ» царское жалованье, устраивали имъ «встрѣчу» по станицамъ и въ Черкасскѣ. Все это продѣлывалось въ силу упорства казачьей массы: духъ уже отлетѣлъ отъ этого учрежденія; жалованье давно уже можно было перевести на деньги; порохъ и другіе воинскіе припасы поставляли Войску приазовскія царскія крѣпости. Но казачество не хотѣло разстаться съ обрядами, въ которыхъ жила память о былой независимости Дона.

Главнымъ средствомъ для подчиненія вольной колоніи власти Петербурга явилось, сперва, воздѣйствіе на выборы войскового атамана. На мѣсто арестованнаго Зерщикова, по личному желанію Петра, былъ избранъ Петръ Емельяновъ Рамазановъ. Царь выразилъ также желаніе, чтобы Рамазановъ атаманилъ до смерти, безъ смѣны. Кругъ исполнилъ волю царя. Въ 1715 г. комендантъ Транжамента доносилъ, что «послѣ погребенія Емельянова, по ихъ обыкновенію, былъ войсковой кругъ для избранія атамана. Собрались всѣ станицы и большая часть приговорила быть атаманомъ изъ старшинъ Василію Фролову; меньшая же часть за старшину Максима Кумшацкаго; однако-жь рѣшено было у нихъ быть войсковымъ атаманомъ Кумшацкому и насѣку ему вручили впредь до указу...» Послѣднія слова показываютъ, что съ 1709 года атаманы уже утверждались царемъ. Кумшацкій былъ, повидимому, казачьимъ кандидатомъ, а Василія Фролова, сына знаменитаго Фрола Минаева, выдвигала, очевидно, московская партія. Въ 1717 году атаманомъ избрали Василія Фролова. И Войско просило «подтвержденія того себѣ указу, понеже имъ безъ войскового атамана пробыть невозможно...» Въ отвѣтъ прислана была грамота 18 января 1718 г.: «Указали мы, Великій Государь, на Дону у васъ войсковымъ атаманомъ быть тебѣ, Василью Фролову, по выбору всего Войска, ...впредь... до нашего указу

*) «Акты», т. I.—III.; ср. Записки акад. Лепехина «Полн. Собр. Ученыхъ Путешествій по Россіи», т. III., С. П. Б., 1821, с. 460—464.

бесперемѣнно...» Это первый указъ, который мы знаемъ, объ утвержденіи атамана, притомъ безъ права перемѣны его Кругомъ, до царскаго указа. Этимъ актомъ наносился новый ударъ автономіи Войска, правамъ Круга.

Когда Василій Фроловъ «умре», то казаки «выбрали и учинили войсковымъ атаманомъ» донского героя Ивана Матвѣевича Краснощекова (1723), но Петръ I его не утвердилъ, а «въ атаманахъ быть, впредь до нашего указу» повелѣлъ «изъ старшинъ Андрею Лопатину». Такимъ образомъ, послѣднимъ (до 1917 г.) правившимъ на Дону выборнымъ войсковымъ атаманомъ былъ Василій Фроловъ, а послѣднимъ избранникомъ Круга — Краснощековъ.

Андрей Лопатинъ правилъ Дономъ до 1735 г., до дня смерти. Смѣнилъ его наказный атаманъ Иванъ Фроловъ, братъ Василія. Оба эти наказныхъ атамана, какъ ставленники верховной власти, чувствовали себя въ полной зависимости отъ нея.

4 марта 1738 г., въ именномъ указѣ своемъ Анна объявила: «понеже Мы за благо и потребно разсуждаемъ, при Донскомъ войскѣ особливаго для нынѣшняго военнаго случая, вмѣсто наказнаго атамана, которымъ до нынѣ войсковыя дѣла управляемы были, опредѣлить войскового атамана; того ради Мы онаго войска старшину Данилу Ефремова за долговременныя и ревностныя ево Намъ и предкамъ Нашимъ службы, въ оный чинъ войскового атамана всемилостивѣйше жалуемъ».*) Такимъ образомъ, петербургскія канцеляріи, послѣ 30 лѣтней практики утвержденій, а потомъ назначеній атамановъ на Донъ, стали разсматривать званіе и должность войскового атамана, какъ какой-то «чинъ». Въ грамотѣ на Донъ это было изложено нѣсколько приличнѣе: «пожаловали Мы Войска Донскаго старшину Данилу Ефремова... къ оному войску Донскому настоящимъ войсковымъ атаманомъ...»

Данила Ефремовъ былъ сыномъ удавленнаго въ 1708 г. за преданность Россіи Ефрема Петрова и, въ свою очередь, преданнымъ слугою престола. Онъ правилъ Дономъ съ 1738 по 1753 годъ, оказывая до самой смерти (1763 г.) сильнѣйшее вліяніе на донскія дѣла. Уже въ 1749 г. сынъ его, Степанъ Ефремовъ, назначенъ былъ «войсковымъ наказнымъ атаманомъ» и замѣнялъ отца во время отлучекъ того съ Дону.

Отмѣна выборности войсковыхъ атамановъ превратила окончательно государственную организацію Войска въ военную и хозяйственную общину Донскихъ казаковъ. Смерть Петра, ослабленіе Россіи при ближайшихъ преемникахъ великаго императора, пріостановка движенія Россіи къ южнымъ морямъ, превращеніе Дона на полвѣка въ пограничную область Россіи, все это явилось причиной того, что историческое донское право

*) П. С. З., т. X., N 7525.

сохранилось въ неприкосновенности еще полвѣка (1725—1775). Къ сожалѣнію, политика Московскаго царства, а потомъ и Имперіи, построена была на подавленіи мѣстныхъ автономій, внѣшняго механическаго объединенія и подавленія. Благодаря этому, все, что было самобытнымъ, своеобразнымъ, подавлялось насильственно и истреблялось. Въ частности, демократическія республиканскія колоніи оказывались препятствіемъ для движенія Имперіи къ морямъ, хотя именно высокое религіозное и національное самосознаніе донского казачества и другихъ вольныхъ казачьихъ «войскъ» обезпечило русскому народу обладаніе Юго-Востокомъ Восточной Европы.

Яицкіе казаки говаривали: «живи, пока Москва не узнала». Донцы пережили періодъ, когда Москва «узнала» о нихъ, когда самодержавіе протянуло руку для подавленія республиканскаго уклада, когда помѣщики заставили правительство нарушить право донского убѣжища и посылать отряды «сыщиковъ для выимки бѣглыхъ» рабовъ и крѣпостныхъ. При самодержавно-крѣпостническомъ укладѣ метрополіи временное ослабленіе ея давало передышку вольной колоніи. А между тѣмъ Донъ всегда желалъ процвѣтанія Россіи и боролся за это.

Положеніе Россіи при преемникахъ Петра Великаго способствовало увеличенію власти атамана и ослабленію значенія центральной власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ, власть Круга была почти сведена на нѣтъ. Естественно, что Ефремовъ, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ общегосударственной власти, сдѣлался на Дону владѣтельнымъ княземъ, своего рода «великимъ герцогомъ Донскимъ».

Психологически понятно, почему въ 1753 г., покидая по своему желанію постъ атамана, Данила Ефремовъ пожелалъ передать Донъ сыну въ наслѣдство. 8 мая 1753 года Данила Ефремовъ просилъ: его «за старостію отъ управленія атаманскаго уволить». 12 августа 1753 г. вышелъ прелюбопытный указъ Елизаветы, которымъ устраивались семейно-служебныя дѣла Ефремовыхъ, а за компанію и — Войска Донскаго. Степанъ Ефремовъ назначался войсковымъ атаманомъ. «А также, говорилось въ указѣ, — Данило Ефремовъ, самъ желая Ея Имп. Величеству услугу показывать, представилъ себя въ случаяхъ, бываемыхъ по донскому пограничному мѣсту, противъ непріятеля Войскомъ Донскимъ командовать и во всякихъ нужныхъ приключеніяхъ распоряженія чинить, и для того Ея Имп. Величество, видя его въ воинскихъ и пограничныхъ дѣлахъ искусство, которому долженъ онъ и сына своего, Степана, обучать, пожаловала его, Данилу Ефремова, за многія его и вѣрныя службы, чиномъ армейскаго генералъ-маіора, подъ котораго командою, доколѣ онъ живъ, долженъ быть сынъ его, войсковой атаманъ Степанъ Ефремовъ, со всѣмъ войскомъ Донскимъ, и въ нужныхъ дѣлахъ по его ордерамъ и наставленіямъ поступать, и о всемъ имъ обще обстоятельно доносить Военной Кол-

легіи. Данилѣ Ефремову давать жалованье по чину генералъ-маіорскому съ раціонами и деньщиками изъ воинской суммы, а для отправленія секретныхъ дѣлъ дать ему писаря и адъютанта, тако-жь сто человѣкъ казаковъ изъ Донскихъ, кого онъ самъ выберетъ...»

Удивительный документъ, установившій лѣтъ на десять двоевластіе Ефремовыхъ. Точно въ предчувствіи грядущаго, авторъ указа напоминалъ обоимъ Ефремовымъ о совмѣстной подчиненности ихъ Военной Коллегіи. Въ 1759 г. Данилѣ Ефремову пожалованъ былъ чинъ тайнаго совѣтника, совершенно странный для донского атамана, да еще за участіе въ Семилѣтней войнѣ.*)

Каково было правленіе Данилы въ области внутренней жизни Дона, видно изъ донесенія, посланнаго въ Петербургъ старшиною Серебряковымъ. «Войско Донское, — писалъ Серебряковъ, — пришло въ наибѣднѣйшее состояніе и крайнее разореніе отъ наглаго нападенія, неутомимаго лакомства и нестерпимаго насилія атамана Данилы Ефремова. Посылаемые отъ него старшины и прочіе его люди, вверхъ по Дону, Донцу, Медвѣдицѣ, Хопру, Бузулуку и во всѣхъ станицахъ дѣлаютъ великія притѣсненія; станичныхъ атамановъ и казаковъ немилосердно бьютъ понапрасну и берутъ большія деньги, которыя дѣлятъ съ атаманомъ, отчего почти всѣ станицы сильно задолжали, бѣдные казаки принуждены юрты (земли) свои, сѣнокосы и прочія угодья заложить у старшинъ съ большими процентами, и горько всѣ плачутъ, не имѣя ни откуда защиты. Старшины не только имѣніе, но и законныхъ женъ у бѣдныхъ казаковъ отнимаютъ».

«Жалованья государева присылаются на все Войско Донское ежегодно по 7.000 руб., да хлѣба по 7.000 четвертей; изъ этой присылки атаманъ раздаетъ по малому количеству хлѣба, и то на половину Войска, а 65 станицамъ ни денежнаго, ни хлѣбнаго жалованья не производитъ. Рыбныя ловли атаманъ у казаковъ отнялъ и отдаетъ отъ себя на откупъ за большія деньги; лавки, гдѣ съѣстные припасы продаются, у всѣхъ отнялъ и продаетъ припасы, какою цѣною хочетъ. Отъ его злобы двое старшинъ — Котлюбанцевъ и Фальчинскій — съ Дону сбѣжали невѣдомо куда. Атаманъ отдаетъ кабаки откупщикамъ...»

«Сынъ его, Степанъ Ефремовъ, наказный атаманъ атамана Терскаго въ тюрьмѣ уморилъ, и отъ этого страха восемь человѣкъ казаковъ на Кубань ушли; да онъ-же Степанъ, съ женою развелся безъ всякой вины, и женился на другой, а первая его жена пропала.»

«Почти во всѣхъ станицахъ бѣглыхъ бурлаковъ умножилось

---

*) А. Поповъ, «Управленіе въ Войскѣ Донскомъ и его атаманы съ 1737 г.» «Дон. Войск. Вѣд.», 1854, N 22—24; «Акты», т. I.—II.

до нѣсколько тысячъ, и атаманъ даетъ имъ паспорты. Ежегодно въ верховыхъ станицахъ казаки заготовляютъ множество лѣса и водою сплавляютъ до Черкасскаго подъ предлогомъ, что тотъ лѣсъ надобенъ на городовое строеніе» (т. е. на крѣпостныя укрѣпленія въ Черкасскомъ). «Но атаманъ употребляетъ его на свои постройки. Атаманъ войсковыхъ старшинъ въ тюрьму и на цѣпь сажаетъ, и моритъ безвинно, и старшинство отнимаетъ, а другихъ сынъ его бьетъ смертельно...»*)

Изъ этого донесенія выясняется яркая картина экономическаго всевластія донской старшины и атаманскаго произвола. Рыбныя ловли, съѣстныя лавки, приготовленіе и продажа вина, царское жалованье и т. д., — все это было общимъ достояніемъ Войска, а распоряженіе ими — прерогативой Круга. Между тѣмъ, Ефремовы распоряжались по-свойски и съ рядовымъ казачествомъ, и съ войсковымъ имуществомъ, и съ самими старшинами — правящимъ сословіемъ на Дону.

Благодаря отмѣнѣ выборности атамановъ, войсковой атаманъ внутри Войска сталъ независимымъ и отъ Круга, и отъ старшинъ. Назначенные атаманы были поставлены зато въ подчиненіе центральной власти. Въ эпоху Лопатина, Ив. Фролова и Ефремовыхъ стало обычаемъ, чтобы атаманы ѣздили въ Петербургъ, какъ они писали, «по всеподданнѣйшей рабской ихъ должности для всенижайшаго рабскаго поклоненія». Проще говоря, они присвоили себѣ званіе атамана зимовой станицы.

Переходъ въ вѣдѣніе Военной Коллегіи унизилъ атамана, которому стали писать изъ Коллегіи угрозы, что за молчаніе на запросы Коллегіи «вы (атаманъ) истязаны будете жестоко». Или угрожали атаману, что «и онъ безъ тяжкаго штрафа не останется» за неаккуратную высылку бѣглыхъ. Уѣзжая изъ Войска войсковые атаманы, по своему усмотрѣнію, оставляли, вмѣсто себя, наказнаго атамана. Военная Коллегія вмѣшивалась и въ это дѣло и предписывала, напримѣръ, Данилѣ Ефремову, чтобы наказнаго атамана Емельянова, «какъ человѣка торопливаго и неудобъ дознаннаго наказнымъ атаманомъ вмѣсто себя не оставлялъ».

Подчиненіе Войска Военной Коллегіи сдѣлало донцевъ и яицкихъ казаковъ изъ вольныхъ служилыми. Въ составѣ Военной Коллегіи было образовано «казачье повытье» (отдѣленіе), преобразованное впослѣдствіи въ «казачью экспедицію». Въ подчиненіи Коллегіи Войско находилось съ 1721 по 1812 г. г. Военная Коллегія вела казакамъ только учетъ, выплачивала жалованье деньгами и провіантомъ. Она совершенно не касалась внутреннихъ распорядковъ Войска, отношеній казаковъ къ ихъ будущимъ начальникамъ изъ казаковъ же и подготовки этихъ послѣднихъ къ начальствованію отрядами.**)

---

*) Соловьевъ, изд. 2, кн. V., с. 768-9.

**) Масловскій, «Русс. Армія въ Семилѣтнюю войну», въ 1886, т. I., с. 45.

Въ 1722 году, вслѣдъ за подчиненіемъ Войска Военной Коллегіи, вмѣсто дьяка, для письменныхъ дѣлъ и управленія Войскомъ учреждена была Войсковая Канцелярія, или Канцелярія Войсковыхъ Дѣлъ, какъ ее изрѣдка называли. Всѣ войсковыя дѣла сосредоточились въ этомъ бюрократическомъ учрежденіи, смѣнившемъ Войсковую Избу. Войсковой дьякъ остался начальникомъ Войсковой Канцеляріи. Съ момента основанія Войсковой Канцеляріи Военная Коллегія начала требовать отъ нея срочныхъ отвѣтовъ, какъ отъ губерній и провинцій. Съ большимъ трудомъ, послѣ ряда грамотъ съ напоминаніями, Войско входитъ въ новое для него положеніе провинціи Россійской Имперіи.

Совѣтъ старшинъ, негласно и неформально состоявшій при атаманѣ, сталъ отнынѣ называться «Сборомъ старшинъ въ Войсковой Канцеляріи». Въ приговорахъ Сбора мы находимъ перечисленіе присутствовавшихъ на немъ лицъ: войсковой атаманъ, чел. 15—20 старшинъ; «для докладу — войсковые есаулья...» Старшины слушали судебныя и административныя дѣла и постановляли приговоры, которые дьякомъ заносились суммарно въ книгу. Порядокъ управленія былъ весьма патріархальный.

Несмотря на возраставшее самовластіе атамана и старшинъ, Донъ производилъ на сторонникъ наблюдателей впечатлѣніе «республики», «страны народнаго правленія». Еще въ 1730-хъ годахъ Манштейнъ называлъ Донъ «республикой, добровольно подчинившейся покровительству Россіи...» «Дворъ обращается съ ними съ большою мягкостію и обходительностію», — писалъ онъ. Донцовъ называлъ онъ «націей», изъ «главныхъ офицеровъ» (старшинъ), которой избирается «глава ихъ республики», утверждаемый Дворомъ.*)

Академикъ Гмелинъ (въ 1769 г.) говоритъ о Черкасскѣ, какъ о мѣстѣ, гдѣ казаки, «разсуждая по образу общенароднаго ихъ правленія, собираются въ важныхъ случаяхъ, совѣтовать между собою, гдѣ также находится верховный ихъ судъ, которому они всѣ подчинены...»**)

Войсковой Кругъ собирался въ эту эпоху гораздо рѣже. Составъ его былъ традиціонный: жители 11 станицъ города Черкасска, станичные атаманы и «старики» ближайшихъ къ Черкасску станицъ. Въ случаяхъ, когда дѣлались торжественныя объявленія наградъ, пріемъ «бударъ», чтеніе манифестовъ, въ Кругъ допускались, помимо выростковъ и малолѣтковъ, «приписные станищные малороссіане». 1 января продолжали производиться въ Кругу выборы всѣхъ административныхъ лицъ, кромѣ атамана. Въ маѣ, въ присутствіи представителей станицъ, происходило распредѣленіе жалованья. Въ

*) Manstein, «Mémoires sur la Russie», Lyon, 1782, t. I., p. 33.
**) Гмелинъ, «Путешествіе», т. I., 1771, с. 259.

этомъ-же Кругу происходило разбирательство важнѣйшихъ судебныхъ, особенно-же межевыхъ дѣлъ. Иногда, по случаю половодья майскій съѣзжій Кругъ фактически происходилъ на Аксайскихъ бугрaхъ, у ст. Аксайской.

Какъ быстро падало значеніе Круга, видно изъ ходатайства 1740 г. о знамени. Войско просило (29 апрѣля) пожаловать ему знамя, которое «при публичныхъ церемоніяхъ въ кругъ выносится». Но пожалованію знамени сами казаки придавали большее значеніе, нежели Военная Коллегія. Они настаивали на пожалованіи «противъ прежнихъ примѣровъ», т. е. съ прежнимъ значеніемъ.*)

Политическое значеніе Круга упало, но было еще довольно значительно. Кругъ избиралъ зимовыя станицы, до 1754 г. — старшинъ, до 1765 г. — въ военныя должности, независимо отъ избранія имъ также всей войсковой администраціи (кромѣ атамана).

Во внутреннихъ дѣлахъ своихъ, въ эпоху преемниковъ Петра, Войско было предоставлено само себѣ. Въ то время, когда Малороссія пережила рядъ перемѣнъ въ 1726—1727, 1747, 1764 г. г., то направленныхъ къ укрѣпленію связей ея съ Россіей, то возстановлявшихъ ея автономію, Войско Донское жило и развивалось (1725—1775) подъ властью назначенныхъ атамановъ. Послѣдніе правили сперва по совѣту со старшинами, а потомъ стали обходиться и безъ него. Самовластію Ефремомыхъ не было границъ. Центральной власти было не до Дона. Онъ жилъ, управлялся и судился по своимъ обычаямъ, на своемъ историческомъ правѣ, «по ихнему нерегулярству», какъ выражались въ питерскихъ канцеляріяхъ.

Въ политическомъ отношеніи это была эпоха тихая, но особаго довѣрія къ Дону не было. Въ 1717 году одинъ изъ «прибыльщиковъ» подалъ Петру I записку, «какимъ образомъ Донскихъ казаковъ воздержать отъ мятежей и пресѣчь ихъ бунты и непостоянство и пріемъ изъ россійскихъ городковъ сходцевъ и бѣглецовъ».**)

Въ прямой связи съ возстаніемъ 1707—1708 г. г. Донъ охватили рядомъ крѣпостей: Новой Павловскою на р. Осередѣ, Бахмутской, Лютикомъ (1708—1713 г. г., на Дону), Хоперской, Транжаментомъ. Изъ нихъ лишь Транжаментъ поставленъ былъ на Донской землѣ близъ Черкасска.***) Державное право Дона создавать новые городки подверглось ограниченіямъ уже въ началѣ XVIII вѣка. Въ 1734 году Войско испросило разрѣшеніе Сената и Кабинета министровъ на то, чтобы «Бѣляевскую станицу никуда не переводить», но Военная Коллегія предписала переименовать ее въ Трехъ-Островянскую. Въ 1742

*) П. С. З., т. XI., N 8086, указъ 29 апр. 1740.

**) Ключковъ, «Населеніе Россіи при Петрѣ Великомъ», СПБ., 1911 с. 210.

***) О приазавскихъ крѣпостяхъ, начиная съ Транжамента см.: П. С. З., т. VIII., N 5515; 5681; 5701; т. IX., N 6512; т. XII., N 9423; т. XV., N 11233.

году, по поводу предположенія Войска поселить по Донцу межь Усть-Быстрянской и Усть-Бѣлокалитвенской станицами вновь казачью станицу, Войску изъ Петербурга напомнили указъ «блаженныя памяти» имп. Петра и его «жесточайшее запрещеніе», а провѣрку, надо-ли и «для какихъ имянно резоновъ новую станицу селить», поручили оберъ-коменданту крѣпости св. Анны. Образованіе въ началѣ XIX вѣка, въ Задонской степи станицъ Махинской, Кагальницкой, Мечетинской и Егорлыцкой произошло уже по высочайшему повелѣнію.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, при Петрѣ I продолжалось вмѣшательство во внутреннюю жизнь Войска. Въ частности (3 февраля 1721 г.) предписывали «Донскихъ казаковъ съ рѣки Бузулука за дальностію свесть и поселить ниже Паншина по казачьимъ прежнимъ городкамъ «сколько гдѣ пристойно...»*)

Изъ политическихъ выступленій эпохи можно отмѣтить лишь нѣкоторыя весьма слабыя связи между Дономъ и царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, а также дѣло о самозванствѣ 1732 г. Послѣднее дѣло объяснялось, во первыхъ, непривычкою народа видѣть на тронѣ женщину, во вторыхъ, жаждою демократическаго народнаго царя, который освободилъ-бы казаковъ отъ чрезмѣрныхъ тягостей службы, защитилъ-бы старую вѣру отъ гоненій, а «чернь» отъ бояръ.

Въ 1732 г. атаманомъ Яменской станицы былъ арестованъ казакъ (изъ «новоприходцевъ», бѣглый драгунъ) Ларіонъ Стародубцевъ, выдававшій себя за царевича Петра Петровича, сына Петра I. Онъ хотѣлъ набрать «охочихъ людей» и итти къ Москвѣ, побивая тѣхъ, кто не будетъ къ нему приставать. На мысли о самозванствѣ его навелъ странникъ Тимоѳей Труженикъ, объявившій вскорѣ себя царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ въ селѣ Чуевѣ, Тамбовскаго уѣзда. Собирая вокругъ себя группу приверженцевъ, Стародубцевъ заявлялъ, «батюшкино царство службами растащили, а какъ я сяду на царство, то служба уймется на десять лѣтъ...» Самозванцемъ было составлено два манифеста («ярлыка»), одинъ къ казакамъ Донскимъ, другой, вообще, ко всему народу и казакамъ. Въ «ярлыкахъ» Стародубцевъ писалъ: «проявился Петровичъ стараго царя и не императорскій, пошелъ свои законы искать отцовскіе и дѣдовскіе... Мы, Петръ Петровичъ, покладаемся на казаковъ, дабы постояли за старую вѣру и за чернь, какъ бывало при отцѣ нашемъ и при дѣду нашемъ, и вы, голутвенные люди, безпріютные бурлаки, гдѣ нашъ голосъ ни заслышитя, идитя со стараго закону денно и ночно...» Самозванецъ обличалъ Петра, который заставилъ его, «царевича», и народъ страдать за старую вѣру, который «излюбилъ себѣ властниковъ, кормныхъ боровьевъ...» Стародубцевъ заявлялъ, что онъ «тогда-же отъ императорскихъ законовъ пошелъ на

*) П. С. З., т. VI., N 3727.

вольную рѣку, а теперь я хочу умышленіемъ своимъ вступить на отцовское и дѣдовское пепелище и вамъ-бы, всякому нашему государству, сему ерлыку вѣрить и поступать смѣло не опасая себя ничего . . .»

Стародубцева отослали изъ Черкасскаго въ Москву въ контору Тайной Канцеляріи. 27 октября 1733 г. Тайная Канцелярія положила резолюцію — отрубить самозванцамъ головы, взоткнуть головы на колъ, а тѣла — сжечь. Казнь Стародубцева совершена была, по мѣсту преступленія, въ станицѣ Яменской. Тамъ-же отрубили головы девяти его сообщникамъ, казакамъ станицъ Дурновской и Березовской и бурлакамъ.*)

Глава XVII.

Система жалованныхъ правъ и привилегій въ XVIII—XIX вв. Право на землю и угодья.

Въ моментъ соединенія Донской республиканской колоніи съ Имперіей (1721) не состоялось никакого акта, который опредѣлилъ-бы конституцію края и права гражданъ его въ составѣ Имперіи. Не было издано ничего подобнаго тѣмъ пунктамъ, которые, съ 1654 г., подтверждались царями въ отношеніи Малой Россіи.**) Взамѣнъ этого, втеченіе всего XVIII вѣка изданъ былъ рядъ жалованныхъ грамотъ Войску, сдѣлавшихъ Донскихъ казаковъ привилегированнымъ почти во всѣхъ отношеніяхъ сословіемъ Имперіи, включая сюда, конечно, и одіозную привилегію поголовной и пожизненной военной службы со снаряженіемъ за свой счетъ.

Сперва это были царскія грамоты, потомъ указы, наконецъ, въ XIX в., рѣшенія высшихъ судебныхъ учрежденій Имперіи по вопросу о примѣненіи этихъ правъ и привилегій. «Акты, относящіеся до исторіи Войска Донского», собранные ген.-маіор. Лишинымъ, состоятъ въ значительной части изъ груды разновременно изданныхъ по отдѣльнымъ случаямъ грамотъ XVII—XVIII в. в., подтверждавшихъ то или иное право Войска. Историки русскаго права совершенно не занимались до сихъ поръ исторіей права на Дону, и ни одинъ изъ нихъ не изложилъ основъ того сепаратнаго имперскаго законодательства, которое опредѣляло жизнь Донского края.

Располагая эти грамоты по отдѣльнымъ вопросамъ и рубрикамъ, мы получаемъ, въ результатѣ, цѣлую с и с т е м у жалованныхъ п р а в ъ и п р и в и л е г і й. Всѣ эти акты имперской власти хранились въ Войсковой Канцеляріи, въ войсковомъ архивѣ (въ соборной колокольнѣ, въ Черкасскѣ). Но архивъ

*) Г. В. Е с и п о в ъ, «Люди стараго вѣка», С. П. Б. 1880, с. 416.

**) Ср. П. С. З., т. I, N 119, (29 мар. 1654); N 262, п. 1 (17 окт. 1659) N 376 (22 окт. 1665 г.)

неоднократно страдалъ отъ пожаровъ, и тогда Войско просило и получало подтвержденіе своихъ правъ и преимуществъ. Тѣмъ не менѣе, Донъ и Войско хорошо знали и помнили свои права, хотя они и не были сведены въ какой либо общій Сводъ или Уложеніе. Причина этого заключалась въ томъ, что всѣ разновременно высочайше пожалованныя Дону права и привилегіи были ничто иное, какъ естественныя права, которыя издавна были присущи и власти, и населенію края. Дону и казачеству эти права были извѣстны искони. Высочайшія грамоты дѣлали изъятія изъ имперскаго права, основами котораго были: самодержавіе, централизація, крѣпостное право. А основами неписаннаго Донского казачьяго права были: народоправство, самоуправленіе, свободное использованіе естественныхъ богатствъ, политическая и гражданская свобода. Такимъ образомъ, россійская власть повелѣвала признавать въ предѣлахъ Имперіи тѣ права, которыя принадлежали Донскимъ казакамъ, какъ гражданамъ вольной колоніи, но противорѣчили имперскимъ нормамъ. Признаніе правъ казачества имперской властью было неполное, да и не могло быть полнымъ, ибо суверенныя права Войска перешли къ россійскимъ монархамъ, а Донъ изъ государства сталъ лишь провинціей, хотя и автономной.

Система жалованныхъ правъ и привилегій, создавшаяся естественно въ началѣ XVIII вѣка и развивавшаяся въ теченіе XVIII—XIX в.в., составилась изъ трехъ элементовъ: 1) правъ исконныхъ, 2) правъ, полученныхъ отъ царя въ эпоху вассалитета (1614—1671); 3) правъ, пожалованныхъ «за службу» въ XVIII вѣкѣ. Къ исконнымъ правамъ, естественно принадлежавшимъ Войску, какъ Государству, относились: право Войска на землю, на всю территорію Войска; право свободнаго использованія естественныхъ богатствъ и угодій, въ частности право рыбной и звѣриной ловли. Важнѣйшими исконными правам Дона были: «особое управленіе» въ военномъ и гражданскомъ отношеніи и право суда на основаніи «войскового права»; особый образъ служенія казачества.

Исконныя естественныя права Войска — на землю, воды, охоту рыбную ловлю и использованіе прочихъ угодій (лѣсъ, впослѣдствіи — нѣдра) — приняли форму жалованныхъ привилегій уже тогда, когда край постепенно утрачивалъ свою государственную автономію и становился автономной провинціей царства. У историческихъ границъ Войска появились «новопришельцы»: запорожцы, вернувшіеся при Аннѣ въ россійское подданство; возрожденное въ XVIII в. волжское войско; малороссійскіе слободскіе казаки; жители приазовскихъ крѣпостей; воронежскіе однодворцы и т. п.

Споръ изъ-за земель съ новопришельцами вынудилъ казаковъ, еще въ началѣ XVIII вѣка, обращаться неоднократно къ верховной власти съ домогательствами и просьбами закрѣ-

пить за Войскомъ его право на его земли и воды. Попытка вооруженною рукою отражать притязанія пограничныхъ гражданъ метрополіи и самой метрополіи, предпринятая Булавинымъ, кончилась печально. Ставши подданными той-же власти, коей подчинялись и «новопришельцы», надо было поражать захватчиковъ юридическими, а не палочными аргументами. Поэтому приходилось прибѣгать къ авторитету — верховной власти. Такимъ образомъ, естественное право Войска переставало быть самодовлѣющимъ, становилось въ зависимость отъ подтвержденія его царской властью.

Особое управленіе Войскомъ заключалось въ самоуправленіи Дона въ центрѣ и на мѣстахъ; въ выборности всѣхъ (кромѣ атамана) властей военныхъ, гражданскихъ и духовныхъ; въ войсковомъ происхожденіи всѣхъ, безъ исключенія, мѣстныхъ властей; въ управленіи и судѣ на основѣ мѣстнаго донского права, мѣстными людьми; въ свободѣ гражданъ отъ податей, налоговъ, повинностей и постоя и въ полной финансовой и хозяйственно-административной автономіи Войска ;въ полномъ равенствѣ всѣхъ гражданъ, независимо отъ временнаго исполненія или тѣхъ или иныхъ обязанностей.

Особое служеніе Донского казачества заключалось въ сохраненіи за Войскомъ Донскимъ значенія самодовлѣющей военной, административной и хозяйственной единицы. Внутренняя военная организація Войска и отдѣльныхъ отрядовъ, подготовка и назначеніе командnаго состава, снабженіе казаковъ оружіемъ, лошадьми, провіантомъ и боевыми припасами — все это было дѣломъ Войска, но не имперской администраціи, которая присылала лишь, по прежнему, жалованье на все Войско, не касаясь распредѣленія его, и давала выходящимъ съ Дона на государеву службу отрядамъ годовое жалованье, не входя въ разсмотрѣніе вопроса объ использованіи и распредѣленіи его. Всѣ казаки, сохраняя въ рядахъ отряда строгую дисциплину, оставались вольными гражданами, которые судились лишь войсковымъ казачьимъ судомъ, которыхъ никто, даже царь, не могъ закрѣпостить кому бы то ни было. Всѣ воинскіе чины, вплоть до походнаго атамана, были избирательными. Донскіе казаки сохраняли обязанность, лежавшую на нихъ, какъ на гражданахъ вольной республики, — поголовно и пожизненно защищать родной край, выходя на службу по первому-же требованію Войска со своимъ конемъ, снаряженіемъ и вооруженіемъ.

Въ этихъ чертахъ ясно видны всѣ признаки свободныхъ гражданъ и вольнаго, республикански организованнаго края. Когда монархи россійскіе въ грамотахъ своихъ, при началѣ своего царствованія, подтверждали неизмѣнность «особаго служенія казачества», то казачество видѣло въ этихъ словахъ обѣщаніе соблюдать его исконныя права въ области управленія, суда и военной службы. По горькой ироніи судьбы, всѣ почти

черты автономіи были уничтожены въ періодъ Имперіи, одна лишь одіозная привилегія — службы за свой счетъ, со своимъ конемъ и снаряженіемъ, пожизненно и поголовно — была сохранена за казачествомъ до самой великой революціи.

Правами, полученными въ эпоху вассалитета, были: жалованье Войску и безпошлинная торговля. Жалованье предназначалось Войску, какъ единому цѣлому. Правами-же, принадлежавшими гражданамъ Войска, пріѣзжавшимъ на Москву и въ украинные города, были: право безпошлиннаго привоза и вывоза товаровъ, свобода отъ податей и налоговъ, уплачиваемыхъ россійскими подданными; право свободнаго пріѣзда на Москву и въ пограничные (украинные царскіе) города для торговли, для свиданія съ «родимцами» и на богомолье. Послѣднее право было важнымъ въ эпоху раздѣльнаго государственнаго существованія Дона и Россіи. Оно стало естественнымъ, когда Донъ присоединился къ Россіи, когда Донское казачество стало сословіемъ имперіи. Но таможенныя льготы, въ отношеніи внутреннихъ россійскихъ таможенныхъ пошлинъ, сохранили свое значеніе для донцевъ до момента уничтоженія послѣднихъ, до 1753 г.

Жалованными, въ истинномъ смыслѣ слова, могутъ казаться лишь права, данныя казакамъ въ эпоху Имперіи, «за службу». Къ такимъ правамъ, даннымъ въ XVIII в., относятся: право на добываніе и потребленіе соли и вина. Но, по существу, и эти оба права были исконными правами Донскихъ казаковъ и они были лишь защищены отъ общеимперскаго обложенія сепаратными законами (жалованными грамотами»).

Такимъ образомъ, наивно было бы думать, что казачьи «права и привилегіи» появились въ результатѣ «милости», пожалованія казакамъ чего-то новаго, какихъ-то правъ, коими они не обладали ранѣе. Наоборотъ, до присоединенія къ Россіи, Донскому казачеству принадлежали *всѣ* права свободныхъ гражданъ свободной республики. А, послѣ присоединенія, лишь *часть* этихъ правъ была «признана» за казачествомъ, но и это было сдѣлано не сразу, въ общемъ актѣ, а по частямъ, по «случаямъ», въ порядкѣ разрѣшенія конфликтовъ между имперскимъ и донскимъ историческимъ правомъ. Да и эти, частично признанныя и закрѣпленныя права, которыя для насъ воплощаются въ общемъ терминѣ *областной автономіи*, немедленно-же начали подвергаться урѣзкамъ, ограниченіямъ, и къ концѣ періода Имперіи отъ всей системы «жалованныхъ» правъ и привилегій ничего не осталось.

Первые споры съ новопришельцами у донскихъ казаковъ, естественно, произошли изъ за угодій. Мы знаемъ уже о столкновеніи Донскихъ казаковъ съ изюмскимъ слободскимъ полкомъ изъ за Бахмутской соли, которую въ концѣ концовъ, присвоила метрополія. Споры изъ-за рыбной ловли начались въ концѣ XVII, началѣ XVIII вѣка съ жителями крѣпостей

Азова и Таганрога, которые попытались захватить въ свое исключительное пользованіе многорыбныя гирла Дона. Казакамъ пришлось поступиться частью правъ въ пользу новопришельцевъ, однако, основное право ихъ на гирла Дона было за ними признано. Дѣло было рѣшено указомъ 1702 г. Съ 1713 года по 1738-й годъ надъ устьями Дона возобновилась власть турокъ. Но съ 1738 года, когда Азовъ сталъ русскимъ, снова возобновились споры изъ за рыбной ловли, кончившіеся въ 1741 года. Одновременно, съ 1730 года, начались препирательства съ жителями крѣпости св. Анны, съ 1761 г. съ жителями крѣпости св. Димитрія и его пригородовъ (форштадтовъ), Ростова и (съ 1782 г.) Нахичевани. Обычно, верховная власть, подтверждая права Донского Войска на устья Дона, оговаривала право крѣпостныхъ жителей ловить рыбу для пропитанія (не для продажи на сторону). Послѣднимъ актомъ имперской власти, въ которомъ были подробно изложены всѣ жалованныя грамоты Войску и вся исторія вопроса, а также окончательно размежеваны права Войска и городовъ Ростова н./Д. и Азова, былъ указъ Правительствующаго Сената отъ 20-го февраля 1819 года.*)

Меньше результатовъ для Войска далъ споръ изъ за земли съ приазовскими крѣпостями. Крѣпость св. Анны, смѣнившая собою Транжаментъ (1730—1761), стояла, собственно, на казачьей землѣ (нѣсколько верстъ выше Черкасска). Однако, подъ ея защитою началось поблизости поселеніе приходившихъ изъ Россіи «однодворцевъ» и изъ Украины т. наз. «малороссіанъ». Войско повело съ новопришельцами, осѣдавшими на его земляхъ, упорную борьбу, которая закончилась лишь черезъ 50 лѣтъ выселеніемъ однодворцевъ съ рѣкъ Тузлова и Санбека за Донъ. Гарнизонная канцелярія крѣпости св. Анны вступалась за однодворцевъ. Въ 1750-хъ годахъ она доносила въ Военную Коллегію: «Знатно (т. е. очевидно), Войско Донское, домогаясь всякими мѣры, дабы они, однодворцы, яко люди безгласные, по причинимости нападковъ и совершенно изъ поселеннаго ихъ жилища согнаны были» — дѣйствуетъ неправильно. «По происхожденію тамошнихъ случаевъ Гарнизонная канцелярія довольно извѣстна: весьма болѣе они, однодворцы, пріемлютъ утѣсненій, нежели какъ Войско Донское отъ нихъ обижено . . .» Канцелярія писала, что къ переселенію съ Дона однодворцевъ она «ни какого резону не признаваетъ . . .»**) Однодворцы выселены были въ 1780-хъ г. г. на землю крѣпости св. Димитрія за Дономъ, образовавши селенія Батайское и Койсугъ.

Крѣпость св. Анны страдала отъ наводненій. Поэтому, въ 1761 г., основана была на буграхъ, надъ т. наз. Богатымъ

*) „Акты“, т. I—III; П. С. З., т. X, NN 7501 (7 февр. 1738) и 7523 (1 март. 1738).

**) „Акты“, т. II,

Источникомъ, у берега Дона, крѣпость св. Димитрія Ростовскаго. Солдатскій форштадтъ крѣпости съ самаго начала назывался Ростовомъ и съ 1797 г. сталъ городомъ Ростовомъ на Дону. Съ основаніемъ «Ростовской крѣпости» споры Войска изъ за земли приняли еще болѣе рѣзкій характеръ. Крѣпости было отведено значительное количество земли къ сѣверу, югу и западу отъ нея. На востокъ, отъ Войска отдѣляла крѣпостныя земли т. наз. Кизитеринская балка.

Энергичные оберъ-коменданты крѣпости пытались заселить «округу крѣпости св. Димитрія», которая причислена была, по традиціи, къ Воронежской губерніи. Войско упорно боролось противъ захвата. Въ 1768 году, подъ вліяніемъ рѣзкихъ протестовъ Войска, въ Петербургѣ усмотрѣли въ домогательствахъ оберъ-коменданта ген. Потапова «единое исканіе такихъ земель и угодій, чтобъ на владѣлыхъ Войска Донскаго земляхъ сочинить уѣздъ и сдѣлать земское правительство, котораго ни по какимъ «указамъ и заводить не дозволено...» Коменданту предписали: «сколь можно Войску Донскому, яко уже нѣсколько (!) лѣтъ тамъ живущему и службу Нашего Имп. Величества вѣрно производившему показывать дружелюбное пребываніе». А на второе засимъ мѣсто отнесено было въ этомъ перечнѣ обязанностей коменданта — «и попеченіе о крѣпостныхъ жителяхъ». Вмѣстѣ съ симъ, «округа крѣпости св. Димитрія» была сильно урѣзана.*)

Однако, въ связи съ окончательнымъ завоеваніемъ въ 1769 году Азова, Таганрога и всего Приазовскаго края, закрѣпленныхъ въ 1771 г. за Россіей миромъ въ Кучукъ-Кайнарджи, возстановилось положеніе, создавшееся при Петрѣ (1698—1711).

Гражданскія учрежденія «округа крѣпости св. Димитрія» съ 1761 по 1775 годъ, равно какъ гражданскія учрежденія и лица крѣпости св. Анны (1730—1761) и Темерницкаго порта (1749—1776), подчинялись воронежскому губернатору. Въ Екатерининскую Законодательную Комиссію (1767) Ростовъ (крѣпость св. Димитрія) послалъ трехъ депутатовъ: одного отъ ростовскихъ купцовъ, одного отъ однодворцевъ, одного отъ Азовскаго казачьяго полка.**)

Чтобы не возвращаться болѣе къ Приазовскому краю, упомянемъ вкратцѣ о судьбахъ его съ 1775 по 1887 годъ. 14 фев. 1775 г. была образована Азовская губернія, въ составѣ которой, въ 1777 г., упоминается, какъ составная часть Азовской «провинціи», и «Дмитріевскій (т. е. крѣпости св. Димитрія) уѣздъ». Въ той же Азовской «провинціи», Азовской губерніи,

*) Ср. Ригельманъ „Ростовъ на Дону въ 1760-хъ г. г.“ Ростовъ н/Д 1996; „Акты“, т. III, ч. I.

**) Азовскій служилый полкъ основанъ въ 1698 г., съ 1711 по 1730 г. приписанъ былъ къ Транжаменту, съ 1730 по 1761 г. къ крѣпости св. Анны, съ 1731 по 1777 къ крѣпости св. Димитрія. Въ 1777 г. поселенъ въ Александровскѣ близъ Аксая и влитъ въ Войско Донское.

числились, на бумагѣ, и «Донскіе казаки». Въ 1780 г., вмѣсто Дмитріевскаго, упоминается уже Таганрогскій уѣздъ.

Въ 1783 г., при созданіи Екатеринославскаго намѣстничества, Приазовье именуется уже Маріупольскимъ уѣздомъ, Азовзовской губерніи. Въ 1797 г. поселеніе при крѣпости св. Димитрія оффиціально именуется «городомъ Ростовомъ на Дону», а Приазовье входитъ въ Новороссійскую губернію, какъ Ростовскій уѣздъ. Въ 1802 г. создается Екатеринославская губернія, куда зачисляется и Ростовскій уѣздъ, но Таганрогъ, какъ крупный коммерческій портъ, выдѣляется въ особое градоначальство. Земли эти населяются при Екатеринѣ отчасти греками (близъ Таганрога), отчасти армянами (близъ Ростова, 1782), отчасти помѣщичьими крестьянами, отчасти бурлаками и бѣглыми изъ Россіи. Ужасающая административная и земельная черезполосица существуетъ до 1887 г., когда Приазовье присоединяется къ Донской области. Черезъ 192 года послѣ взятія Азова царскими войсками, Донскіе казаки видятъ, такимъ образомъ, возсоединеніе Приазовскаго края, который они всегда считали своимъ достояніемъ, съ Землею Донскихъ казаковъ. Правда, возсоединеніе это вышло довольно механическимъ и не имѣло въ виду ни удовлетворить историческія притязанія Дона, ни возсоздать административное и хозяйственное единство Донского края.

Что касается правъ Войска на земли, отрѣзанныя при Петрѣ, послѣ булавинскаго возстанія, то Войско не осмѣливалось упоминать о нихъ въ обращеніяхъ къ власти верховной. Память о своемъ донскомъ происхожденіи хранили казаки, оставшіеся въ Хоперской округѣ, прирѣзанной къ Воронежской губерніи, и «прибранные» на службу въ казачій Хоперскій полкъ, при Новохоперской крѣпости.*) Впервые заявилъ гласно Донъ свои притязанія на «дезаннексію» донскихъ земель въ эпоху великой революціи. Въ 1918 г., отправляя въ Западную Европу ген.-м. Свѣчина съ особой миссіей, Донской атаманъ П. Н. Красновъ поручилъ ему требовать присоединенія къ Дону соотвѣтствующихъ частей Екатеринославской, Воронежской и Саратовской губерній. Въ частности, Красновъ предписывалъ Свѣчину отстаивать и присоединеніе Царицына, оправдывая это требованіе торговыми, экономическими, а больше всего, стратегическими соображеніями.**) Послѣднія соображенія были наиболѣе вѣскими, ибо историческихъ правъ на Царицынъ Войско Донское не имѣло никакихъ.

При Екатеринѣ, съ имперской властью, подчинившей себѣ Приазовскій край, Донскимъ казакамъ спорить не пришлось. Удалось лишь отстоять для себя гирла Дона, часть

*) Толстовъ „Ист. хроника Хоперскаго полка“, Екатеринодаръ, 1896; Короленко „Двухсотлѣтіе Кубан. войска“, Екатеринодаръ, 1896. Новохоперская крѣпость построена въ 1716 г., Хоперскій полкъ переселенъ на Кавказъ въ 1777 г.

**) Инструкція Донского Атамана Ген.-М. Свѣчину (1918).

побережья ниже Ростова, да право рыбной ловли и звѣриной охоты. Гораздо удачнѣе оказалась борьба съ казачьими войсками: запорожскимъ и волжскимъ.

Правый берегъ устьевъ Дона отъ Темерника на западъ, равно какъ и часть побережья Азовскаго моря до устья рѣки Міуса перешли въ фактическое обладаніе Россіи уже съ 1737 г. Казаки немедленно-же заняли этотъ районъ и стали продвигаться за р. Калміусъ, но встрѣтились съ передовыми ватагами запорожцевъ. Запорожское войско, отложившееся отъ Россіи въ 1709 г., по 1739-й годъ жило въ предѣлахъ т. наз. «барріерной земли», въ подданствѣ султана. За это время запорожцы ловили рыбу въ Азовскомъ морѣ не только на сѣверномъ его побережьи, но и на кубанскомъ, близь Ачуева и т. д. Вернувшись въ россійское подданство, они заняли былыя земли (т. наз. вольности) Войска Запорожскаго и стали притязать на в с е побережье Азовскаго моря, т. е. на всю дельту Дона, вплоть до р. Темерника и на Кубанское побережье. Претензія эта была совершенно необоснованой.

12 мая 1746 г. состоялась грамота имп. Елизаветы, утверждавшая рѣшеніе Сената по дѣлу о спорахъ Дона и Запорожья. Донцы, въ свою очередь, простирали свои притязанія на побережье Азовскаго моря до р. Берды, ссылаясь на свое владѣніе спорными мѣстами «изъ давнихъ лѣтъ, а въ свѣжейде памяти отъ самаго перваго взятья Азова» (1637). Сперва была сдѣлана попытка поручить развести оба Войска ближайшему агенту имперской власти, оберъ-коменданту крѣпости св. Анны. Но «старожилы» каждой спорящей стороны хорошо помнили лишь о выгодахъ с в о е г о Войска и забывали все, что было имъ противно. Поэтому Сенатъ, «смотря въ ландкарту», разрубилъ гордіевъ узелъ пополамъ, отдавши донцамъ земли къ востоку, а запорожцамъ — къ западу отъ рѣки Калміусъ.*)

Въ 1731 г. было образовано изъ части Донскихъ казаковъ т. наз. Волгское (Вольское) Войско для содержанія т. наз. «Царицынской линіи» между Дономъ и Царицыномъ. Размежеваніе съ этимъ новымъ войскомъ повлекло нѣкоторые споры, закончившіеся, впрочемъ, переводомъ Волгскаго Войска на Кавказъ (1775).

Гораздо серьезнѣе для судьбы Войска оказались внутреннія захваты войсковой земли, совершившіеся съ конца XVII в. старшинами. Одинъ изъ этихъ захватовъ любопытенъ и по юридическимъ основаніямъ, и по размѣрамъ. Захватывая свободныя войсковыя земли, а иногда и части станичныхъ юртовъ, въ частную свою собственность, старшины умѣли всегда получить на владѣніе ими «войсковыя грамоты», которыя, при попустительствѣ атамановъ, щедро раздавала Войсковая Канце-

*) „Акты“, т. II. Ср. II. С. З., т. XII, N 9282 (указъ 30 апр. 1746 г.)

лярія на основаніи постановленій «Сбора старшинъ». Но старшина Серебряковъ, въ 1762 г., ухитрился получить отъ Петра III «за услугу» громадный участокъ войсковой земли въ нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ. Войско начало въ Сенатѣ процессъ съ Серебряковымъ, тянувшійся много лѣтъ, доказывая, что Серебряковъ ввелъ въ обманъ монарха, и, что войсковая земля неотчуждаема и не можетъ быть жалуема отдѣльнымъ лицамъ, даже монархомъ. Но Сенатъ былъ формаленъ, а грамота Петра III очень ясна и отчетлива. Подобный случай болѣе уже не повторялся, но земля осталась за Серебряковымъ и его преемниками.

15 марта 1766 г. состоялся указъ Екатерины II о размежеваніи Земли Войска Донскаго отъ всѣхъ сосѣднихъ земель. 10 окт. 1786 г., послѣ двадцатилѣтнихъ работъ, предѣлы Земли Войска Донскаго были установлены въ томъ объемѣ, въ которомъ они существовали до 1887 г. (до присоединенія Приазовья). Наконецъ, 27 мая 1793 г. дана была Екатериною II грамота «на Донъ, въ нижніе и верхніе юрты, всѣмъ Атаманамъ и Казакамъ, Атаману Алексѣю Иловайскому, Правительству Войска Донскаго и всему оному Войску». Екатерина писала, что Потемкинъ, въ свое время, поднесъ ей на подтвержденіе карту земель, «отъ предковъ Нашихъ Войску пожалованныхъ, и коихъ владѣніемъ казаки Донскіе издревле спокойно пользовались, доколѣ народное изъ разныхъ странъ стеченіе и сооруженіе на окрестныхъ степяхъ градовъ и селеній не произвели сосѣдственныхъ между ними споровъ о межахъ...» Эта «карта пограничная войсковая» вмѣщала въ себѣ всѣ тѣ земли, «на которыя казаки Донскіе отъ давнихъ временъ простирали права свои».*)

Врядъ-ли обоснованными были въ этой грамотѣ Екатерины II утвержденія о «пожалованіи» казакамъ земель ихъ «отъ предковъ» ея. И «права свои простирали» казаки не только на тѣ земли, что попали на карту.

Екатерина II, «желая Войску Донскому доставить безспорное на вѣчныя времена владѣніе принадлежащими оному землями и чрезъ то изъявить Монаршую свою признательность къ ревностной его службѣ», утвердила карту еще въ 1786 году, а «нынѣ» (1793) препровождала карту эту Войску. «И сію грамоту, — торжественно заканчивала императрица, — собственною Нашею рукою (Мы) подписали и Государственною Нашею печатью утвердить повелѣли». Въ такой формѣ урегулированъ былъ Имперіей вопросъ о границахъ Войска и правѣ Войска на его земли. Согласно грамотѣ этой, **все** Войско было признано владѣльцемъ **всей** «Земли Войска Донскаго».

Такимъ образомъ, колонія, вошедшая въ составъ метрополіи, постепенно, путемъ разрѣшенія верховной властью воз-

*) „Акты“, т. III, ч. 2; П. С. З., т. XXIII, N 17126.

никающихъ конфликтовъ, переходила отъ владѣнія и пользованія Землею и различными угодіями на своемъ правѣ къ цѣлой системѣ «пожалованныхъ» правъ и привилегій.*)

Глава XVIII.

Автономія въ области управленія и суда.

Особый «образъ управленія» Войска былъ ничѣмъ инымъ, какъ областной автономіей. Въ періодъ 1711—1771 г.г., если исключить мало удачную по результатамъ войну съ Турціей при Аннѣ, Россія отхлынула отъ Азовскаго моря. Это внѣшнее обстоятельство сыграло видную роль въ продленіи донской автономіи. Безсильные продолжать работу Петра, преемники его предоставили, въ общемъ, окраинамъ свободно жить на основѣ ихъ собственнаго права. Мѣстныя автономіи Прибалтики (Эстляндіи и Лифляндіи), т. наз. старой Финляндіи, завоеванной при Петрѣ и Елизаветѣ, Украины, продолжали свое существованіе до временъ Екатерины II.**) На юго-востокѣ и югѣ продолжали свое существованіе автономіи Дона, Яика, Терека и Запорожья.***) Широкое народоправство смѣнилось на Дону правленіемъ старшинъ. Кругъ собирался довольно рѣдко, но старшины не совсѣмъ еще забыли о своей зависимости отъ Круга. Да и правительство, въ отдѣльныхъ случаяхъ, на-

---

*) Ср. Ветчинкинъ „Очеркъ поземел. владѣнія на Дону". „Труды В. Д. Стат. Ком.", т. II, 1872.

**) Нольдэ «Очерки русс. государ. права», СПБ., 1911. Впрочемъ, самъ Петръ и Апраксинъ, вслѣдъ за эвакуаціей Азова въ 1711 г., стали опасаться возникновенія «между солдатъ и казаковъ многихъ ссоръ». Въ указѣ объ управленіи Новаго Транжамента (1 сентъ 1711 г.) Петръ I настойчиво предписывалъ: „съ казаками обходиться во всякой дружбѣ"... „Ист. Русс. Флота". Приложенія, т. II, (ст. 1864). с. 158. Дѣло въ томъ, что солдаты и аммуниція были эвакуированы изъ Азова на донскую территорію.

***) Витевскій „Яицк. войско до появленія Пугачева", „Р. Арх.", 1879, 3, 4, 8, 10—12; его же „Я. войско и проектъ Неплюева о его преобразованіи", „Р. А.", 1875, 5 и 8; его же „Расколъ въ Урал. войскѣ въ XVIII и въ XIX в." Казань, 1877; Ист. и стат. обозрѣніе урал. казаковъ, СПБ., 1823; Бородинъ „Ур. каз. войско", 1891; Желѣзновъ „Уральцы", 3 т., РПБ., 1881; Урал. справоч. книга, Ур. 1891; Рябининъ „Урал. Каз. Войско", ч, I, РПБ., 1866; Карповъ „Памятникъ казач. старины. Кр. очеркъ изъ ист. Урал. войска", Уральскъ, 1909. О Запорожьи: Эварницкій „Исторія запорож. казаковъ", т. I, СПБ. 1892, т, II, 1895; его-же „Главнѣйш. моменты въ исторіи запорож. казачества", „Р. Мысль", 1897, I; Скальковскій „Ист. Новой Сѣчи", Одесса, 1846, 3 тома; Запорож. Старина, 2 ч., Харьковъ 1833; Сементовскій „Старина, Запорож. и Донская", СПБ. 1846, 4 т.; также библіогр. у Щербины „Ист. Кубан, Казач. Войска", т. I. О Терекѣ: Г. Писаревъ „Мат. для ист. Тер. казач. войска" 1559—1880. Владикавказъ, 1881; Писаревъ „Трехсотлѣтіе Тер. каз. войска", Влк. 1881; Потто „Два вѣка тер. казач." 1559–1677—1801, т. I—II; Попко „Тер. казаки", СПБ. 1880; Евг. Максимовъ „Тер. каз. войско", 1890; Дубровинъ „Ист. войны и владыч. русс. на Кавказѣ", т. I; Очерки развитія админ. учрежденій въ кавказкихъ войскахъ, Тифлисъ, 1885; Маркграфъ и Линтваревъ „Стат. Монографіи по изслѣд. станич. быта" Владик. 1881.

поминало атаману, что то или иное дѣйствіе предпринялъ онъ самовольно, «безъ совѣту Войска», т. е. безъ согласія Круга.

Если-бы на Дону укрѣпился обычай посылать на Кругъ, въ Черкасской по 2 чел. выборныхъ отъ станицъ, то на Дону могъ бы развиться своеобразный конституціонный порядокъ: атаманъ — назначенный сверху представитель верховной власти; при немъ собраніе старшинъ, какъ совѣтъ, представляющій интересы мѣстной аристократіи; и — Кругъ, какъ краевой представительный органъ.

Этого не произошло. Атаманъ дѣлилъ свою власть со старшинами, но и онъ, и старшины, въ равной мѣрѣ стремились свести къ нулю значеніе Круга. Степанъ Ефремовъ пересталъ считаться и со старшинами. Такъ, вдали отъ Петербурга, отъ глазъ Военной Коллегіи, развивалось самодержавіе атамана.

Но, несмотря на послѣднее обстоятельство, выражавшееся въ назначеніи иногда атаманомъ станичныхъ атамановъ, въ присвоеніи имъ войсковыхъ имуществъ и въ насиліяхъ надъ личностью казаковъ и даже старшинъ, все-же основою управленія на Дону было самоуправленіе. Неписанное донское право было закономъ и для самовластныхъ Ефремовыхъ.

Въ этотъ періодъ умаленію подверглась одна изъ основныхъ чертъ автономіи: выборность всѣхъ должностныхъ лицъ. Атамановъ Кругъ выбиралъ до 1723 г., старшинъ — до 1754 г., когда выборы замѣнили назначеніемъ сверху (изъ Военной Коллегіи).

Въ 1765 г. отвѣтственность за состояніе военныхъ силъ казачьихъ возложена была лично на начальниковъ. Тогда-же предписано было «во всякіе чины выбирать достойныхъ, заслуженныхъ и неподозрительныхъ людей по порядку изъ десятниковъ въ сотники, изъ сотниковъ въ есаулы, изъ есауловъ въ старшины, изъ старшинъ въ войсковые старшины по общему приговору...» «Кромѣ старшинъ въ протчіе чины производить атаману съ прочею старшиною, по учиненнымъ приговорамъ, а о старшинахъ представлять и резолюціи ожидать отъ Военной Коллегіи, а собою отнюдь не производить...» Было предписано также на службу командировать старшинъ по распоряженію войскового атамана, а не по выбору войсковому, ибо до сего казаки начальниковъ себѣ выбирали изъ такихъ, которые слабы были и попустительны и дѣлаютъ единственно то, что казакамъ угодно...» Указомъ этимъ у Круга было отнято и передано атаману право избранія походныхъ атамановъ; подтверждено право Коллегіи и назначать въ «чинъ» старшины, но оставлено за Войскомъ право избирать во всѣ чины, кромѣ старшинъ.

Избраніе становилось дѣйствительнымъ, когда атаманъ и собраніе старшинъ «произведутъ» избраннаго Кругомъ «по общему приговору». Это было тоже нѣкоторымъ ограниченіемъ для Круга. Кандидатовъ въ войсковые старшины, избранныхъ Кругомъ, можно было лишь представлять Коллегіи.

Выборъ войсковыхъ есауловъ, дьяка и всѣхъ прочихъ чиновъ войсковой администраціи оставался за Кругомъ. Въ 1767 году старшина и войсковой дьякъ Яновъ жаловался, что «войсковой наказный атаманъ Сулинъ, не взирая на приговоръ многихъ старшинъ, станичныхъ атамановъ и всего круга казаковъ, и, не принявъ отъ него, дьяка, представленія, имѣя въ рукахъ своихъ войсковую насѣку, безразсмотрительно сыну своему Дмитрію оную изъ собственнаго своего произволенія ему отдалъ».

Это назначеніе (въ есаулы войсковые), учиненное «казацкимъ обрядамъ въ противность», было Военной Коллегіей отмѣнено. Такимъ образомъ, Коллегія защитила казачье самоуправленіе и права Круга отъ произвола атамана. Въ Кругуже производился выборъ зимовыхъ станицъ и эмиссаровъ и комиссаровъ Войска (т. наз. старшинъ съ особыми порученіями отъ Войска).

Существеннымъ признакомъ автономіи Войска было донское, казачье происхожденіе всѣхъ чиновниковъ, церковно- и священно-служителей.

Агенты императорской власти не имѣли своей компетенціи на Дону. Политическими агентами имперской власти въ отношеніи Дона были, въ XVIII вѣкѣ, сперва воронежскіе губернаторы, а затѣмъ оберъ-коменданты приазовскихъ крѣпостей. Характеръ порученій, которыя давались изъ Петербурга этимъ оберъ-комендантамъ, виденъ изъ инструкціи, данной въ 1728 году ген. Тараканову, назначенному въ Транжаментъ (на Дону).*) Ему поручалось, помимо военнаго командованія, «при томъ смотрѣть, чтобъ отъ Донскихъ казаковъ какой шатости и никакихъ противныхъ поступковъ не происходило и о томъ всякими образы развѣдывать и, буде что противно усмотритъ или за подлинно увѣдаетъ, до того ихъ не допускать...» Впослѣдствіе эта роль политическаго наблюдателя и освѣдомителя переходила послѣдовательно къ оберъ-комендантамъ крѣпостей св. Анны (1730) и св. Димитрія (1761).**) Тараканову же по-

*) П. С. З., т. III. Въ 1705 г. сообщая Апраксину объ астраханскомъ бунтѣ, Петръ писалъ (22 сент.): „извольте охранять Азовъ, такъ какъ и Таганрогъ, и донскихъ казаковъ вѣдать, какъ Васъ Богъ вразумитъ.“ Осенью 1711 г. Петръ I писалъ о Транжаментѣ: „Крѣпость, которая ниже Черкасска, держать пока аммуниція въ ней, а когда испразднится, мню — лучше разорить, понеже не безъ мнѣнія отъ турковъ о томъ будетъ, а прибыли нѣтъ, а буде для казаковъ, можно повыше современемъ сдѣлать“... Т. е. Петръ I Транжаментъ, наскоро построенный (въ авг. 1711 г., для храненія въ немъ вывезенной изъ Азова аммуниціи, считалъ безполезнымъ въ военномъ, и вреднымъ въ дипломатическомъ отношеніи. Крѣпость-же какъ опорный пунктъ имперской власти въ краѣ противъ казаковъ, онъ считалъ возможнымъ поставить выше Черкасска. И, дѣйствительно, Трапжаментъ, находившійся 3 вер. ниже Черкасска, уже съ 22 іюня 1712 г., стали переводить на новое мѣсто: „выше Черкасска версты 2 отъ доку, противъ крестовыхъ горъ что близъ рѣчки Василевки“. „Исторія русс. Флота“ (Елатна). Приложенія, т. II, СПБ. 1864. с. 48. 136, 138, 161.

**) Палласъ въ 1793 г. писалъ по поводу крѣпости св. Димитрія, что она „имѣетъ значеніе для того, чтобы держать въ почтеніи донскихъ казаковъ и защищать устья Дона“. Pallas Second Voyage v, II, p. 228.

ручили было и сыскъ бѣглыхъ на Дону. Послѣднее обстоятельство едва не вызвало открытаго возмущенія среди казаковъ, и Тараканову пришлось спасаться въ Транжаментъ подъ защиту гарнизона и крѣпостныхъ орудій. И, по прошенію войскового атамана и всего Войска, «за вѣрныя ихъ службы» было высочайше повелѣно «чинить» высылку «зашедшихъ на Донъ» лишь съ 1710-го (а не съ 1695-го) года*).

Иногда изъ крѣпости производилась своеобразная политическая развѣдка среди Донскихъ казаковъ. Въ ноябрѣ—декабрѣ 1773 г. оберъ-комендантъ крѣпости св. Димитрія ген. Потаповъ разослалъ «для наблюденія за донскими казаками» своихъ офицеровъ, которые поѣхали по р. р. Дону, Сѣверному Донцу, Хопру, Медвѣдицѣ и Бузулуку. Сдѣлано это было въ связи съ пугачевщиной, и являлось это событіемъ необычнымъ. Впрочемъ, въ августѣ 1731 года Таракановъ посылалъ своихъ офицеровъ по станицамъ для записи желающихъ переселиться въ Волгское войско.**)

6 февраля 1774 г. въ ст. Зимовейской, въ присутствіи присланнаго отъ оберъ-коменданта крѣпости св. Димитрія штабъ-офицера (маіора Рукина) и Войска Донскаго старшины Туровѣрова, былъ сожженъ домъ Пугачева. Нѣсколько ранѣе, въ 1772 г. въ крѣпость св. Димитрія увезенъ былъ схваченный по высочайшему повелѣнію войсковой атаманъ Степанъ Ефремовъ.***)

Но попытки генераловъ вмѣшиваться во внутренніе распорядки Дона, хотя и рѣдкія, вызывали сопротивленіе Войска и не находили себѣ поддержки въ Военной Коллегіи. Такъ, въ 1737 г., командиръ корпуса, стоявшаго, по случаю войны съ турками, въ крѣпости св. Анны, генералъ-аншефъ Левашовъ уволилъ своею властью въ отставку казака Осипа Чернаго, подавшаго ему о томъ прошеніе. Войско энергично возстало противъ подобнаго вмѣшательства въ его дѣла и опредѣлило Чернаго на службу вновь. Распоряженіе Левашова отмѣнено было Военной Коллегіей.[1])

При Екатеринѣ II были посылки на Донъ, отъ Военной Коллегіи, генераловъ для производства слѣдствія о тѣхъ или иныхъ непорядкахъ въ Войскѣ. Такъ, въ 1763 г. былъ присланъ на Донъ ген. Романусъ для разслѣдованія вопроса о хищеніи старшинами войсковыхъ земель и о поселеніи на этихъ земляхъ «малороссіанъ». 7 марта 1772 г. подъ предлогомъ заразныхъ болѣзней и борьбы съ ними и «прочихъ резоновъ», а также подъ предлогомъ «отозванія» въ Петер-

*) Ригельманъ «Исторія о донскихъ казакахъ», М. 1846; П. С. Е., т. VIII, N 5329, выс. указъ 9. сентября 1728.

**) П. С. Е., т. VIII, N 5824 (3 авг. 1731 г.).

***) Дубровинъ «Пугачевъ», т. III. и I.

[1]) Труды В. Дон. Стат. Ком. т. I, 1867, ист. мат.; Савельевъ, «Трехсотлѣтіе В. Дон.» (1570—1870), 1870.

бургъ войсковаго атамана Степана Ефремова, посланъ былъ на Донъ недавній «усмиритель» яицкихъ казаковъ ген.-м. Череповъ, какъ «особа, которая-бы поспѣшествовала безостановочному теченію дѣлъ». Ему, однако, при этомъ дѣлѣ, «не велѣно было входить ни въ какія внутреннія собственно войсковыя дѣла, ниже въ выборы, наряды и правленіе...» Это былъ соглядатай за атаманомъ, своего рода комиссаръ петербургскаго правительства при атаманѣ, а, быть можетъ, и кандидатъ въ назначенные атаманы «со стороны», т. е. не изъ донцевъ. Онъ прожилъ на Дону съ марта до октября 1772 г. и былъ изгнанъ казаками съ Дону, при благосклонномъ попустительствѣ атамана. Казаки, изгоняя Черепова, защищали себя отъ «регулярства», а донскую автономію отъ нарушенія.

Борьба съ пріемомъ въ казаки бѣглыхъ великороссійскихъ людей повела къ усложненію донской администраціи. Произошло это такъ: Войско всегда разсматривало посылку на Донъ регулярныхъ воинскихъ командъ, какъ попытку нарушить мѣстную автономію. По мнѣнію Войска, на донской территоріи имѣли право и должны были дѣйствовать лишь мѣстныя донскія власти.

Въ XVIII вѣкѣ Донъ былъ наполненъ «бурлаками», бѣглыми непринятыми въ казачество. Правительство настойчиво требовало выдачи «бѣглыхъ Россійскихъ людей». 20 февр. 1729 г. было повелѣно привозить ихъ и «отдавать стоящимъ въ городкахъ по квартирамъ Полковникамъ и офицерамъ», угрожая «доправить» съ атамана и виновныхъ въ задержаніи («передержательствѣ») бѣглыхъ «пожилыя деньги».*) Въ 1742 году на Донъ былъ отправленъ генералъ-маіоръ и 300 драгунъ для сыску бѣглыхъ.**) Такіе рейды не могли нравиться казачеству, и въ 1749 г. Войско, видя въ посылкѣ командъ въ предѣлы Земли Донскихъ казаковъ недовѣріе къ себѣ со стороны правительства, протестовало и добилось отмѣны на будущее время подобныхъ распоряженій. Зато Войску пришлось взять на себя заботу о точномъ исполненіи указовъ о высылкѣ съ Дону бѣглыхъ. Войско прибѣгло съ этою цѣлью, въ 1743 г., къ учрежденію должностей «старшинъ, находящихся у сыску и высылки бѣглыхъ». Одновременно, Войско стало требовать отъ станичныхъ обществъ «подписки» о недержаніи бѣглыхъ. Подписку эту давали станичный атаманъ и «лучшіе старики».

Благодаря этому рѣшенію Войска, съ 1743 года усложнился административный аппаратъ Войска. А, именно, старшины «для сыску бѣглыхъ», посылавшіеся сперва періодически для объѣзда извѣстнаго района, а затѣмъ, по исполненіи порученія, возвращавшіеся въ Войско, стали превращать-

*) П. С. З., т. VIII, N 5241. Немного позже требовали привозить бѣглыхъ въ Воронежъ. П. Е. З., т. XI, N 8359.

**) П. С. З., т. XI, N 8589, 2 авг. 1742.

ся въ т. наз. «сыскныхъ начальниковъ», вѣдавшихъ дѣлами извѣстнаго округа. Этимъ мѣстнымъ агентамъ Войско стало поручать не только «сыскъ и высылку бѣглыхъ великороссійскихъ людей», не только завѣдываніе дѣлами о «малороссіанахъ» и «бурлакахъ», не принятыхъ въ казаки, но и нѣкоторыя чисто казачьи дѣла (слѣдствія по выдающимся дѣламъ уголовнымъ и касающимся Войска, административныя дознанія) и т. п. При «сыскныхъ начальникахъ» стали создаваться учрежденія — «сыскныя начальства» (канцелярія и исполнительный аппаратъ). Сперва «сыскныя начальства» ѣздили по станицамъ своего района, и станицы обязаны были отводить имъ квартиру и давать довольствіе натурой. Потомъ они осѣли въ опредѣленныхъ, болѣе крупныхъ станицахъ, которыя и стали центрами будущихъ округовъ. Процессъ этотъ продолжался съ 1743 года по начало XIX вѣка, но уже въ 1773 г. «сыскные начальники» сидѣли въ опредѣленныхъ пунктахъ.*)

Что касается станицъ, то, помимо атамана и писаря, «подписные старики», избиравшіеся сборомъ, стали, естественно, совѣтниками при атаманѣ, членами «станичнаго правленія», и станичными судьями. Повидимому, въ тѣсной связи съ переходомъ Войска въ вѣдѣніе Военной Коллегіи, стоитъ первая грамота Войска (1721 г.), которою Войско пыталось урегулировать рядъ вопросовъ станичной жизни, вопросовъ управленія въ казачьихъ городкахъ. На первый планъ грамота войсковая ставила запрещеніе станицамъ принимать бѣглыхъ. За принятіе угрожала станичнымъ атаманамъ и «лучшимъ людямъ» смертной казнью. Затѣмъ шли предписанія: «изъ своей станицы никуда (казаковъ) безъ писемъ (удостовѣреній личности) не распускать, а которые у васъ есть бурлаки и у ихъ бы были ружья и самимъ бы вамъ быть во всякой готовности, вина въявь не курить и на хлѣбъ не вымѣнивать... Выборныхъ станичныхъ годовыхъ атамановъ почитать и во всемъ имъ быть послушными... Городокъ крѣпить, а ежели гдѣ будутъ въ вашемъ юрту какіе непріятельскіе люди, и ихъ поймать и того-же бы часу черезъ степь прямо съ письмомъ доброконныхъ казаковъ присылать къ намъ, Войску, въ Черкасскъ немедленно... Поповъ и дьяковъ съ Руси безъ указу и безъ перехожихъ (грамотъ), не объявляя намъ, Войску, не принимать. У которыхъ-же вашихъ казаковъ есть пчельники по боеракамъ и по рѣчкамъ хутора — разорять... и жилымъ казакамъ учинить переписку, и знатнымъ бурлакамъ также особливую, и ту переписку къ намъ прислать; пустынниковъ вамъ въ своемъ юрту не держать. Если же вы... о чемъ писано вамъ въ сей грамотѣ, того исполнять не будете, то всеконечно ваша станица будетъ разорена и выжжена, безъ

*) О стан. сыскныхъ начальствахъ см. Ив. П. Поповъ «Матеріалы къ исторіи Дона», Новоч., 1900, с. II.; Труды стат. ком., т. I, 1867.

остатку, а атаманъ и лучшіе люди будутъ казнены смертію безо всякой пощады и милосердія...»*)

Всѣ распоряженія этой грамоты продиктованы чисто полицейскими соображеніями. Запрещеніе самовольнаго пріема священно- и церковно-служителей «съ Руси», запрещеніе проживанія «пустынниковъ», требованіе разорить хутора и пчельники и всякіе «уметы», все это вызвано было желаніемъ лишить на Дону убѣжища и раскольниковъ, и бѣглыхъ людей. Ту-же цѣль преслѣдовало и предписаніе вести списки и служилыхъ казаковъ, и бурлаковъ. Вообще, грамота отразила желаніе старшинъ исполнить всѣ требованія общеимперской власти. Такимъ образомъ, съ 1721 г. началось, черезъ посредство Войсковой Канцеляріи, болѣе замѣтное вліяніе центральной власти на казачество.

Въ дѣлахъ судебныхъ Войсковая Канцелярія и Собраніе старшинъ при ней продолжали руководствоваться «войсковымъ правомъ», «казацкими обыкновеніями» до 1775 года — всецѣло, а отчасти и позже. Станичные-же судьи («подписные старики») примѣняли «станичное право» втеченіе всего XVIII и XIX в. в.**)

По дѣламъ политическимъ, какъ это было и въ предыдущемъ періодѣ, казаки должны были высылать преступниковъ въ Петербургъ. Въ 1744 г. на Донъ дали знать, чтобы виновныхъ высылали въ Канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ. Въ 1772 г. даже войсковой атаманъ былъ схваченъ драгунами, подъ командою спеціально присланнаго гвардейскаго офицера, и отправленъ для суда въ Петербургъ. Но иногда предоставляли и Войску судить самому казаковъ—государственныхъ преступниковъ. Такъ, въ 1773 г., Екатерина II посланнаго на Донъ отъ Пугачева «съ возмутительными письмами» казака Черникова «дала собственному сего Войска суду и поступленію съ нимъ по государственнымъ узаконеніямъ». Къ Черникову примѣнили, въ видѣ исключенія, не «казацкія обыкновенія», не «посадили въ воду» и не отрубили голову, а воинскій артикулъ и, согласно артикула, повѣсили.

По дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ Донъ дѣйствовалъ и въ 1721—1775 г. г. независимо отъ имперскаго уголовнаго права. Мѣстному донскому суду подчинялись всѣ казаки, начиная съ «наказнаго атамана», старшины, не имѣвшіе армейскихъ чиновъ (а по гражданскимъ дѣламъ и тѣ, кто имѣлъ изъ старшинъ армейскіе чины), казаки, бурлаки, крестьяне, жившіе на донскихъ земляхъ, и донское духовенство. Въ 1744 г. наказный атаманъ Романъ Емельяновъ, за недостаточную распорядительность во время громаднаго пожара (12 авг.) въ Черкасскѣ, былъ отданъ Военной Коллегіей подъ

*) Труды В. Дон. Стат. Ком., т. I, 1867 г., ист. матер.; Акты Лишина, т. II—III; Савельевъ «Трехсотлѣтіе Войска Донск» (1570—1870), СПБ. 1870, с. 104—106.

**) Для XIX в. ст. Харузина «Земельная община Дон. казаковъ», М. 1885.

судъ Войска съ тѣмъ, чтобы «судить его по казацкому обыкновенію и какого наказанія достоенъ онъ будетъ, то о томъ отписать въ Военную Коллегію». Послѣдняя присваивала, очевидно, въ данномъ случаѣ, себѣ утвержденіе приговора Войска по отношенію къ наказному атаману.

Старшины, произведенные въ офицерскіе чины россійской арміи, стали постепенно выходить изъ подъ власти Войска въ судебномъ отношеніи. Пожалованіе армейскихъ чиновъ старшинамъ началось при Петрѣ Великомъ, вслѣдъ за установленіемъ «табели о рангахъ». Оберъ-офицерскій чинъ давалъ уже дворянское достоинство. Понятно, что старшины, ставшіе благодаря чину дворянами, пожелали уйти изъ подъ суда Войска. Бригадиры И. Краснощековъ и Д. Ефремовъ, подъ предлогомъ своей неподсудности Войску, учинили не мало безнаказанныхъ самоуправствъ въ періодъ 1721—1738 г. г. и не мало доставили непріятностей и Войсковой Канцеляріи, и атаманамъ. Глядя на старшинъ въ армейскихъ чинахъ, и другіе старшины стали искать правосудія у ближайшаго высшаго военнаго имперскаго начальства, — у оберъ-комендантовъ крѣпости св. Анны, позже св. Димитрія. Къ 1766 г. въ крѣпости создалась по разнымъ слѣдствіямъ цѣлая коммиссія, во главѣ которой стоялъ особый генералъ-маіоръ. Но, кромѣ особыхъ «криминальныхъ» туда стали поступать и «тяжебныя», т. е. гражданскія дѣла. Комендантъ жаловался въ Петербургъ на обремененіе. Правительство предписало (1766) закончить старыя дѣла, а вновь «челобитень того Войска на старшинъ и казаковъ не принимать, ибо оные должны свои удовольствія требовать (т. е. искать удовлетворенія) и с у д ъ и м ѣ т ь въ Войсковой Канцеляріи...» Допущены были временно лишь кассаціонныя жалобы, и то для препровожденія, черезъ оберъ-коменданта, въ Военную Коллегію.

Суду Войска не подчинялись офицеры и нижніе чины россійской арміи, находившіеся на Донской территоріи или же слѣдовавшіе черезъ нее. Въ случаѣ тяжкаго уголовнаго преступленія эти лица арестовывались и препровождались къ ближайшему имперскому начальству: къ комендантамъ крѣпостей Царицынской, св. Анны и св. Димитрія. О менѣе важныхъ проступкахъ писало Войско или тѣмъ-же комендантамъ, или непосредственно начальству провинившаго. Вся эпоха до 1775 г. наполнена перепискою Войска съ начальствомъ офицеровъ, учинявшихъ самоуправства при проѣздѣ черезъ донскую территорію. Иногда казаки довольно неучтиво и самоуправно давали почувствовать тому или иному буйному офицеру, что они не мужики, а вольные казаки, и начиналось новое дѣло, уже о буйствѣ казаковъ. Но переписка Войска по дѣламъ о буйствѣ офицеровъ была довольно безплодной и тянулась годами.

Дѣла о запорожцахъ, учинившихъ преступленія на Дону,

до 1775 г. отсылались въ Кіевъ. Дѣла объ уголовныхъ преступленіяхъ т. наз. иногороднихъ (дворянахъ, купцахъ и т. п.) отсылались къ губернаторамъ въ Воронежъ и Астрахань. О восточныхъ купцахъ — дѣла шли въ Астрахань.

Надъ проживавшими въ Войскѣ «малороссіанами» Войско имѣло полную власть. Но въ 1743 г. «базовые калмыки», несшіе вспомогательную службу, были изъяты изъ власти атамана и подчинены юрисдикціи крѣпости св. Анны. Съ 1761 года они перешли въ вѣдѣніе крѣпости св. Димитрія. Потомъ (1803) ихъ вернули въ Войско. Однодворцы, поселившіеся на Тузловѣ (у Каменнаго броду) и на Самбекѣ, подчинялись коменданту крѣпости св. Анны и св. Димитрія.

Съ другой стороны, казаки до 1775 г. пользовались безусловной привилегіей, гдѣ бы они ни совершили преступленіе, быть судимыми на родинѣ, «въ Войску». И лишь постепенно стали возникать притязанія россійскихъ судовъ — судить казаковъ по мѣсту совершенія ими преступленія, да и то приходилось постоянно писать черезъ Военную Коллегію напоминанія, понужденія и т. п. о высылкѣ казака въ такой-то судъ. Что касается казаковъ въ отрядахъ, внѣ территоріи Войска, то и въ XVIII, и въ XIX в.в. ихъ судили лишь казачьи власти, а по тяжкимъ преступленіямъ лишь Черкасская Войсковая Канцелярія. Дѣла тянулись годами и рѣшались на основаніи документовъ.

По коммерческимъ дѣламъ съ купцами казаки обращались въ Темерницкую портовую таможню (1749—1776). Послѣдняя передавала дѣла на третейскій судъ мѣстнымъ купцамъ (1749—1761 — Темерницкаго порта, 1761—1778 — ростовскимъ).

По гражданскимъ дѣламъ Войско еще въ XVIII в. руководствовалось обычнымъ, донскимъ правомъ, особенно по дѣламъ наслѣдственнымъ. Но уже до 1775 г. Войско примѣняло Соборное Уложеніе по дѣламъ объ искахъ посторонникъ лицъ къ казакамъ и подчиненнымъ Войску базовымъ татарамъ. Въ 1760 г. по казусному дѣлу о взысканіи греческимъ купцомъ долга съ имущества убитыхъ должниковъ-казаковъ, Войсковая Канцелярія обращалась въ Военную Коллегію «по неимѣнію къ сему дѣлу въ Соборномъ Уложеніи приличныхъ статей», и получила оттуда разъясненіе со ссылкою на Вексельный Уставъ 1729 года. Въ 1768 г. Сенатъ затребовалъ отъ Войсковой Канцеляріи, видимо впервые, вѣдомость «о производившихся въ Канцеляріи челобитчиковыхъ рѣшенныхъ и не рѣшенныхъ дѣлахъ», и Канцелярія не знала, въ какихъ-же департаментахъ Сената и какія, именно, дѣла производятся.*)

Религіозная свобода на Дону кончилась, въ сущности, въ 1688 г. Весь XVIII вѣкъ ознаменованъ гоненіями на

---

* См. «Акты», т. II; III, ч. 1; III, ч. 2.

раскольниковъ. Особенно усердствовалъ въ этомъ отношеніи атаманъ Данило Ефремовъ. Раскольникамъ приходилось бѣжать съ Дону на Яикъ, на Кавказъ. Старообрядцы жаловались на Ефремова: «онъ насъ, христіанъ, такъ гонитъ немилосердно, что уже нигдѣ отъ него отцамъ» (старообрядческимъ священникамъ и вѣроучителямъ) «скрытца невозможно...» (1752) *). 25 мая 1765 г. казакамъ подтверждали изъ Петербурга о строгой отвѣтственности за переходъ «въ раскольничью вѣру». Наказывали плетьми «за возмущеніе къ переходу въ расколъ». На рѣкѣ Салѣ учреждена была застава «къ пресѣченію побѣговъ находящихся въ расколѣ казаковъ...»

Въ атаманство Степана Ефремова стало легче. Войско пассивно противодѣйствовало жестокостямъ по отношенію къ раскольникамъ. Епископъ Тихонъ Воронежскій учредилъ на Дону коммиссію по раскольничьимъ дѣламъ, но помѣстилъ ее въ крѣпости св. Димитрія. Послѣ двухлѣтнихъ хлопотъ (1764—1766) Войско добилось закрытія этой коммиссіи.**) «Увѣщеватели раскольниковъ», присланные изъ Воронежа святителемъ Тихономъ, дѣлали набѣги на ближайшія станицы съ командою изъ крѣпости св. Димитрія и пытались внушить истинную вѣру привезеннымъ изъ наѣзда раскольникамъ, при посредствѣ дыбы, огня и т. п. «увѣщевательныхъ» средствъ. Войско не только отправляло «увѣщевателей» восвояси, но и старшина Денисовъ, «за избіеніе казаковъ, чтобы они отъ расколу отступили» былъ арестованъ. Ему былъ данъ «при собраніи старшинъ крѣпкой репримандъ» за его усердіе въ гоненіи на казаковъ-старообрядцевъ. Застава на р. Салѣ была снята подъ предлогомъ недостатка лошадей.

Въ 1767 г. Ярыженской станицы попъ Алексѣй былъ посланъ въ Острогожскій монастырь на три года, а дьяконъ Власъ Ѳедотовъ, какъ «явный богохулитель и мерзкій суевѣрецъ, по лишеніи сана, отосланъ въ Воронежскую губернскую канцелярію». Найденныя-же у нихъ «волшебныя тетрадки» были «при нихъ-же» сожжены. Въ 1769 г. Св. Синодъ по докладу Воронежскаго епископа рѣшилъ большое дѣло «о донскихъ раскольникахъ». Вообще, въ XVIII вѣкѣ казаковъ продолжали преслѣдовать за старообрядчество, «за безумное ихъ суевѣріе и упрямство». А «упрямы» были верховые казаки съ своемъ старообрядчествѣ «до изступленія».***)

---

*) Витевскій «Расколъ на Уралѣ», М. 1877.

**) «Акты» Лишина, т. III, ч. 1; «Дѣятельность коммиссіи увѣщевателей раскольниковъ въ 1766 г.», «Дон. Епарх. Вѣдом.», 1883, N 4—5; Н. Кутеповъ «Противораскольничья миссія въ Дон. краѣ», «Дон. Епарх. Вѣд.», 1880, N 18. Донскихъ казаковъ, обличенныхъ въ расколѣ, предписывалось отсылать для для изслѣдованія къ Воронежскому Архіерею (П. С. З., т. XIII, N 10118), но это предписаніе не исполнялось.

***) «Акты» Лишина, т. III, ч. 2; «Воронеж. Старина», т. I (1902), «Опись указамъ св. Синода»; Витевскій, «Расколъ въ Урал. войскѣ... въ пол. XVIII в.» — «Правосл. Собесѣдникъ», 1877 г. и отд. изд., Казань. 1877, с. 36.

Въ области церковнаго управленія Войско сохраняло въ теченіе всего XVIII вѣка свою автономію. Опираясь на свои привилегіи, Войско, фактически, не подчинялось Воронежскимъ епископамъ. Военная Коллегія и Сенатъ, въ спорѣ Войска съ епископами Воронежскими и Синодомъ, становились на сторону Войска. 6 сент. 1737 г. грамотою изъ Военной Коллегіи было велѣно «донскихъ казачьихъ городковъ священно-церковническихъ дѣтей и самихъ церковниковъ не переписывать» (на что претендовалъ епископъ), «а быть имъ въ ихъ войсковомъ порядкѣ».

Въ 1745 г. Войско жаловалось на воронежскаго епископа, по указу котораго «въ Хоперскихъ и Бузулуцкихъ казачьихъ городкахъ закащикъ» (благочинный) «протопопъ Новохоперскій... перепись чинитъ поповскимъ, діаконовскимъ и церковно-причетническимъ дѣтямъ, отъ 7 до 15-лѣтняго возраста, для обученія при архіерейскомъ домѣ..., также и хлѣбу ихъ опись чинитъ» для взиманія одной тридцатой части его «на славено-латинскую школу», и «принуждаетъ ихъ, чтобы они дѣтей своихъ на Воронежъ поставили...» Войско требовало отмѣны этихъ распоряженій, «для того, что тѣ церковническія дѣти всегда на службу Ея Имп. Величеству употребляются въ обществѣ съ казаками, а иные записываются въ дѣйствительные казаки и въ службѣ находятся въ равенствѣ съ прочими...» Вмѣстѣ съ тѣмъ, Войско протестовало противъ обложенія казаковъ воронежскими епископами (противъ взиманія «пошлинныхъ» денегъ съ «новоявленныхъ памятей» — о назначеніи или утвержденіи избранныхъ станицами священно- и церковно-служителей, — «лазаретныхъ» и пошлинныхъ денегъ съ «вѣнечныхъ памятей», судныхъ и исковыхъ пошлинъ, и «почеревныхъ»). Войско заявляло, что оно еще въ 1737 г. отказало епископу въ подобныхъ требованіяхъ, и требовало возвращенія епископомъ взысканныхъ уже денегъ.

Пререканія между Синодомъ и Военной Коллегіей, стоявшей за казаковъ, разрѣшены были Сенатомъ въ пользу казачества. Синодъ пытался предложить компромиссъ; онъ предлагалъ, чтобы Войско само избирало кандидатовъ въ семинарію, которые содержались-бы въ Воронежѣ на «войсковомъ коштѣ». Наконецъ, предлагалъ Войску учредить собственную войсковую семинарію въ Черкасскѣ. Но и на это, вслѣдствіе протеста Войска, Сенатъ не согласился.

Не довольствуясь легальной борьбой за автономію, Войско прямо не исполняло требованій епископа. Въ августѣ 1747 г. въ Синодѣ разсуждали о томъ, что Данило Ефремовъ оженилъ сына Степана отъ живой жены, на «вопросные пункты» епископа Воронежскаго по сему поводу не только не далъ отвѣта, но и самые «пункты» не возвратилъ. Равнымъ образомъ, не исполнилъ Ефремовъ требованія епископа выслать подъ карауломъ въ Воронежъ на судъ епископа — сына своего

двоеженца Степана и казаковъ, оженившихся четвертымъ бракомъ. Болѣе того, Ефремовъ не выслалъ даже черкасскихъ священниковъ, діаконовъ и причетниковъ, не желавшихъ исполнять приказаній епископа, ни даже «раскольничьихъ учителей», которыхъ онъ-же самъ въ другое время усердно преслѣдовалъ. Дошло до того, что Синодъ разрѣшилъ воронежскому епископу, ѣхавшему на Донъ, для обозрѣнія епархіи, «требовать отъ Воронежской Губернской Канцеляріи себѣ конвоя изъ солдатъ, только безъ излишества...» (!)

Въ данномъ частномъ случаѣ атаманъ очень искусно, въ личныхъ интересахъ, использовалъ автономныя права Войска. Дѣло о разводѣ Степана черкасскими попами (!), безъ благословенія епископа и Синода, было возмутительное. Разведенную жену убрали такъ, что и слѣды ея пропали. Степанъ отпраздновалъ свою женитьбу на знаменитой Меланіи Карповнѣ съ такимъ громомъ и блескомъ, что по всей Руси пошла поговорка: «Напекли, какъ на Маланьину свадьбу». И юридически, и по существу, Воронежскій епископъ былъ правъ. Но достать знатнаго преступника и самоуправца можно было лишь путемъ военной экспедиціи. Ефремовъ, въ борьбѣ съ епископомъ, опирался на твердое самосознаніе казачества, защищавшаго свою автономію отъ центральной власти въ лицѣ епископа. И, сильный сочувствіемъ Дона, атаманъ укрылъ отъ епископа не только сына, но и всѣхъ религіозныхъ преступниковъ-казаковъ, даже раскольниковъ.

Тщетны были и позднѣйшія жалобы епископа въ Св. Синодъ. Послѣднему приходилось лишь отмѣчать «ослушанія, дѣлаемыя казаками Донскаго войска и тамошними священниками епископу Воронежскому» (11 авг. 1747 г.), но ничего дѣйствительнаго Синодъ сдѣлать не могъ. Тщетно, по настояніямъ Синода, Военная Коллегія подтверждала Войску: «не вступаться Войску ни въ какія дѣла, принадлежащія до духовнаго суда» (1765). Все Войско, отъ атамана и до послѣдняго казака, стояло дружно за автономію края и въ области церковнаго управленія. Насколько рѣшительно дѣйствовали казаки, защищая свободу вѣры, видно изъ того, что въ 1765 г. священникъ Терновской Архангельской церкви за доносъ о раскольникахъ той станицы, былъ станичнымъ атаманомъ и казаками забитъ въ большую колоду и отосланъ въ Войсковую Канцелярію.*)

Глава XIX.

Финансовая автономія и привилегіи Войска.

Въ финансовомъ отношеніи Войско сохранило свою замкнутость, обособленность, свой бюджетъ, втеченіе чрезвы-

*) Соловьевъ, с. 79.

чайно долгаго времени. Еще въ 4-й Государственной Думѣ шла борьба между депутатомъ В. А. Харламовымъ и представителями военнаго министерства по вопросу объ употребленіи на государственныя нужды т. наз. войскового капитала, остатка государственныхъ капиталовъ Донской республики. Въ промежуткѣ между этимъ моментомъ и 1721-мъ годомъ, когда Донъ сталъ провинціей Имперіи, лежитъ долгая и длинная эволюція донского бюджета и донскихъ финансовъ.

Сравнивая судьбу финансовой автономіи Малороссіи и Дона, мы видимъ, что не въ примѣръ Малороссіи, Донъ надолго отстоялъ свое самобытное и самостоятельное отношеніе въ финансовомъ отношеніи. Въ 1708 году Петръ I, въ борьбѣ съ отложившейся Украиной, полемизируя съ Мазепой, который упрекалъ его въ нарушеніи «привилій (привилегій) и вольностей», писалъ: «можемъ (Мы) нестыдно рещи, что никоторый народъ подъ солнцемъ такими свободами и привиліями и легкостію похвалитися не можетъ, какъ по Нашей Царскаго Величества милости (народъ) Малороссійскій, ибо ни единаго пенязя въ казну Нашу, во всемъ Малороссійскомъ краю, съ нихъ брать мы не повелѣваемъ, но... своими войсками... обороняемъ...»*) Войско Донское, какъ мы знаемъ, исконно не платило «ни единаго пенязя» въ царскую казну. Наоборотъ, и въ эпоху Имперіи, донское казачество за службу свою продолжало получать жалованіе.

Въ эпоху Имперіи казаки свободу свою отъ податей и повинностей основывали на легендарной грамотѣ царя Іоанна IV. Независимо отъ существованія подобной грамоты, вполнѣ понятно происхожденіе подобнаго притязанія казачества. Населеніе донской колоніи, бѣжавшее сюда отъ непомѣрной тяготы налоговъ и повинностей, однимъ изъ основныхъ элементовъ своей вольности считало свободу отъ податей, налоговъ и повинностей. Живя охотой, рыбной ловлей, пчеловодствомъ, скотоводствомъ, при полной примитивности государственнаго аппарата, донцы могли долгое время обходиться безъ налоговъ. Впослѣдствіи, сдача въ аренду войсковыхъ земель и угодій, успѣшно замѣняла обложеніе. Со времени введенія въ Россіи подушной подати, являвшейся символомъ экономическаго, личнаго и сословнаго закрѣпощенія, свобода отъ податей стала для казаковъ символомъ личной свободы. Понятно поэтому, что казачество и во внутренней жизни, и въ отношеніяхъ къ общеимперской власти, отстаивало свою свободу отъ податей.

Право это вошло въ плоть и кровь казачества, и оно неоднократно выражало свою мысль объ этомъ правѣ. Разинъ, возвращаясь изъ персидскаго похода, говоритъ царицынскому воеводѣ: «Если ты станешь впередъ нашимъ казакамъ налоги

*) Манифестъ 3 февраля 1709 г.; грамота 9 ноября 1708 г. П. С. З. N 2212.

чинить, то тебѣ отъ меня живу не быть» (1669). И сто лѣтъ спустя (1762) Кременской попъ выгоняетъ консисторскаго копіиста, ѣздившаго за сборомъ окладныхъ денегъ на содержаніе Воронежскаго соборнаго штата, и кричитъ ему «по какоду-де указу Архіерей на нихъ, донскихъ поповъ, ту дань накладываетъ, понеже-де та ихъ рѣка Донъ жалованная и никакихъ пошлинъ съ ней сбирать не велѣно...»*)

Обращаясь отъ народнаго убѣжденія къ юридическимъ актамъ, мы находимъ грамоту 21 декабря 1720 г., въ которой, по частному случаю, по поводу попытки Воронежскаго епископа брать съ казаковъ платежъ за «вѣнечныя памяти» (брачныя свидѣтельства), было установлено, что «на казаковъ денежнаго сбору накладывать не велѣно, для того, что-де съ нихъ не только никакихъ государевыхъ податей и сборовъ не было и не сбирается, но еще и жалованье (имъ) повсягодно платится...»

Грамотой 16 іюня 1746 года было подтверждено, чтобы войсковой атаманъ писалъ къ Воронежскому архіерею «токмо не на гербовой (бумагѣ), но, какъ и прежде писывано, на простой бумагѣ, понеже при всѣхъ казацкихъ войскахъ гербовой бумаги издревле не бывало и нынѣ нѣтъ...» Св. Синодъ возражалъ, что онъ доношенія на простой бумагѣ принимать будетъ, но «по челобитчиковымъ и тяжебнымъ и имъ подобнымъ дѣламъ оныя производить на простой, а не на гербовой бумагѣ» Синодъ позволить не можетъ, потому что «въ томъ состоитъ интересъ (казны) и то слѣдуетъ до разсмотрѣнія Сената...» Однако, Военная Коллегія рѣшила, что въ силу приговора Иностранной Коллегіи и грамоты 1720 года «съ даемыхъ Войска Донскаго казакамъ вѣнечныхъ памятей пошлинныхъ и лазаретныхъ денегъ на казаковъ накладывать не надлежитъ...» Правда, въ 1731 г. установленъ уравнительный во всемъ государствѣ сборъ съ вѣнечныхъ памятей, но, — писала Коллегія атаману и Войску, — «вы, Войско Донское, на особливыхъ, данныхъ вамъ, привиллегіяхъ состоите...»**) Коллегія отмѣняла всякіе сборы, поясняя: «дабы вы, Войско Донское, яко будучи всегда въ службѣ, не имѣли притчины болѣе о томъ жалобы произносить и таковые, вновь наложенные, сборы въ отягощеніе (себѣ) причитать...»

14 февраля 1766 г. Екатерина II подтвердила: «какъ о произвожденіи челобитчиковыхъ дѣлъ, за неимѣніемъ гербовой, на простой бумагѣ, такъ и о имѣніи съ губернскими канцеляріями сношенія промеморіями, поступать на основаніи указовъ, такъ какъ и до сего оное при ономъ «Войскѣ Нашемъ, издревле происходило...» Привиллегія насчетъ простой бумаги была подтверждена Сенатомъ 21 сент. 1817 г.***)

*) В. А. Харламовъ, «Дон. Церк. Старина», т. I, с. 48—49.
**) П. С. З., т. XII, N 9299.
***) «Акты», т. III, ч. 1 и 2; П. С. З. т. IX, N 9299.

Всѣ имперскія подати и налоги не касались казаковъ. Они безпошлинно содержали мельницы на рѣкахъ, торговыя лавки, бани, кузницы, перевозы черезъ рѣки, — все это безъ платежа въ казну. Когда возникли пошлины по судоходству, то особымъ закономъ 11 сент. 1822 г.*) донскіе казаки были освобождены отъ платежа этихъ пошлинъ по судоходству по р. Дону въ предѣлахъ Земли Войска Донскаго, а старочеркасскую пошлинную заставу было приказано вывести въ слободу Красногоровку (Ворон. губ.) и учредить въ Таганрогѣ (тогда не принадлежавшемъ къ Землѣ Войска Донскаго).

Освобожденное отъ прямыхъ налоговъ казачество, рѣзко отвергавшее всѣ прямыя, особенно личныя, подати, и не замѣтило совершенно, какъ начало, вмѣстѣ съ остальнымъ населеніемъ Имперіи, платить налоги косвенные.

Привиллегіей, за которую Войско упорно боролось, была свобода станицъ отъ постоя регулярныхъ войскъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ для приходившихъ на Донъ вспомогательныхъ русскихъ войскъ былъ выстроенъ Ратный городокъ. Позже войска стояли въ Транжаментѣ и другихъ приазовскихъ крѣпостяхъ. Въ эпоху Булавина постой былъ кратковременнымъ и имѣлъ карательный характеръ.

Станицы смотрѣли недовѣрчиво не только на постой войскъ, но и на другія имперскія учрежденія, которыя пытались устроиться на казачьей землѣ. Такъ, указомъ 30 іюля 1697 г. повелѣно было Войску отвести Григорію Строгонову для постройки четырехъ кораблей въ Паншинскомъ городкѣ «плодбища», а также дать ему и мастерамъ мѣсто для постоя. Однако, станичный атаманъ и казаки, и царскому указу, и войсковой грамотѣ «учинились непослушны», «плодбищъ» не отвели и постою въ городкѣ не дали. Пришлось строить суда не на Дону, а на Воронежѣ.**)

Шестого марта 1727 г. грамотою изъ Военной Коллегіи повелѣно было: для полковъ, расположенныхъ въ казачьихъ городкахъ, «провіантъ неволею не сбирать, развѣ которые сами продавать будутъ.» Въ 1730-хъ годахъ былъ обычай собирать у крѣпости св. Анны корпусъ регулярныхъ войскъ, который оставался тамъ подъ предлогомъ лѣтнихъ маневровъ 5—6 мѣсяцевъ. Но это была лишь временная мѣра въ виду возможности войны съ Турціей, которая и разразилась вскорѣ.***) Проектъ кн. М. М. Голицына поставить на постой въ верховыхъ станицахъ драгунскіе полки былъ отвергнутъ, и въ 1735 г. было повелѣно не располагать полковъ на Дону на «винтеръ-квартиры» (на зимовку). Тоже повторено было и въ 1743 г.

*) П. С. З., т. XXXIII, N 28941.

**) Грамоту и челобитную съ жалобами Строгонова см. «Ист. Р. Флота», т. I, с. 211—213.

***) Mannstein «Memoires», Lyon, 1782, p. 164. Указъ 6 марта 1727 г. П. С. З., т. VII, N 5022.

Въ 1781 г. стоявшіе на Дону пять пѣхотныхъ полковъ были сведены. Въ связи съ возстаніемъ на Дону въ 1793 г., на Донъ въ верхнія станицы былъ присланъ корпусъ ген.-м. кн. Багратіона и кавалерійскій легіонъ бригадира Бринка.*) Однако, въ XIX вѣкѣ, при усиленіи власти атамана и подчиненности его центральной власти, на Донъ перестали посылать регулярныя части.

Казаки считали себя свободными также отъ почтовой повинности. Хотя линія къ Азову заведена была послѣ завоеванія Азова, но казаки держали ее за особую плату отъ правительства, которую получало и распредѣляло Войско. При Аннѣ Ивановнѣ изданъ былъ рядъ указовъ, ограждавшихъ казаковъ отъ тяготы почтовой повинности.**)

Жалованными правами эпохи вассалитета были, какъ указано выше (гл. XVII): жалованье и безпошлинная торговля. Въ XVIII вѣкѣ задержка жалованья произошла лишь во время возстанія Булавина. Уплата его въ натурѣ продолжалась до начала XIX вѣка. Окладное жалованье казачье 21 дек. 1808 года было переведено на деньги и выразилось въ 21.311 рубляхъ. Въ 1809 году на вспоможеніе изувѣченнымъ въ сраженіяхъ воинамъ было добавлено по 20.000 руб. въ годъ. Въ 1822 г., вмѣсто 10.000 четвертей провіанта, было положено давать Войску ежегодно по 90.000 руб., а порохъ, сукно, вино и свинецъ были отмѣнены. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ XIX вѣка жалованье Войску выражалось въ 131.311 руб. 60 коп. ассигнаціями. Такимъ образомъ, уже къ началу XIX в. содержаніе донского казачества, какъ военной силы, почти ничего не стоило государству.***)

Занятіе Приазовья царскими войсками въ 1695 году повело къ первымъ треніямъ по вопросу о безпошлинной торговлѣ, которая была естественнымъ правомъ Войска и казачества въ эпоху его государственнаго бытія. Это право, въ отношеніи Россіи, было установлено извѣстной намъ грамотой, данной въ сентябрѣ 1615 года. Россійскія власти, занявъ Приазовье, на Дону, на «верхней изголовьи» р. Мертваго Донца, т. е. на территоріи нынѣшней станицы Гниловской, поставили таможенную заставу изъ Азова, на которой «присланные къ казакамъ изъ русскихъ городовъ и изъ иныхъ мѣстъ хлѣбные и харчевые запасы, и вино, и пиво, такъ-же и присланное отъ царя жалованье (хлѣбные запасы, вино и порохъ), которое «везли внизъ по р. Мертвому Донцу казачьему гарнизону крѣпости Лютикъ», — отнимали у казаковъ и у ѣхавшихъ къ нимъ торговцевъ. Въ февралѣ 1703 года, по жа-

*) Сенюткинъ «Донцы», М., 1866, ч. II.

**) Указы 7 февр. 1738 и 23 нояб. 1739 г. (П. С. З., т. X, NN 7501 и 7926). См. также «Воронеж. Юбилейный Сборникъ», 1886, с. 439—432.

***) Указъ 1808 г., П. С. З., т. XXX, N 23412; 16 дек. 1811 г., П. С. З., т. XXXI, N 24910.

лобамъ Войска, было приказано хлѣбъ, вино, пиво и царское жалованье для казаковъ пропускать въ обѣ стороны безпошлинно. Такимъ образомъ, выходило, что р. Темерникъ являлась таможенной границей между Войскомъ и Приазовьемъ.

Когда Приазовье было утеряно Россіей, то въ Транжаментѣ (близъ Черкасска) стали взимать имперскій таможенный и кабацкій сборы. Екатерина I — 28 февраля 1727 г. повелѣла съ казаковъ, провозящихъ мимо Транжамента хлѣбъ, «и протчее харчевое» и со «слободскихъ и малороссійскихъ полковъ всякаго чина людей», везущихъ тѣ-же припасы, а «не купеческіе другіе какіе товары, — пошлинъ, тако-жь привалнаго и отвалнаго не брать и на заставахъ задержанія и турбаціи не чинить...»*) Тутъ-же была сдѣлана оговорка, что заставы стоятъ для того, чтобы «съ заграницы заповѣдныхъ товаровъ не возить» и брать пошлину съ торговыхъ людей, «кромѣ донскихъ казаковъ...» Тоже подтверждено было и имп. Петромъ II, 18 мая 1728 г., такъ какъ Войско жаловалось на «цѣловальниковъ транжаментскихъ, кои на откупу держатъ таможню ниже Черкасскаго» и устроили около самого Черкасска рядъ заставъ, на казачьей территоріи.

Въ 1734 г. казакамъ Донскимъ дана была грамота: «въ Черкасскомъ между собою, также и при границѣ съ пріѣзжими греками, турками и армянами, торговать вамъ незаповѣдными товарами, по прежнему вашему казацкому обыкновенію, безпошлинно...» «А старшинамъ и казакамъ валовыми товары, которыхъ по указамъ къ чужимъ портамъ отпускать не велѣно, не торговать и за границу въ турецкую область не отвозить, а съ рыбы, которую вы ловите въ Дону, и съ икры, и съ меду, и съ воску, и съ протчаго, что вы готовите въ домахъ своихъ сами безъ покупки, пошлинъ съ васъ не брать, а которые казаки будутъ торговать въ крѣпости св. Анны, съ тѣхъ пошлину брать... по торговому уставу...»**)

Изъ этихъ указовъ видно, что Транжаментъ, а за нимъ крѣпость св. Анны были островками имперской таможенной территоріи среди донской земли. 18 августа 1749 г. состоялся интересный указъ Елизаветы, показывающій, что въ половинѣ XVIII вѣка Донъ все еще былъ внѣ россійской таможенной границы. Было повелѣно учредить пограничныя таможни въ Воронежѣ, Хоперской крѣпости и Павловскѣ и «близь острова Черкасскаго, которой... изъ давнихъ лѣтъ Россійскою границею есть», «для сбору по тарифу и внутреннихъ пошлинъ съ привозимыхъ изъ турецкой области и отвозимыхъ изъ

*) «Акты», т. II; ср. Указъ 6 мар. 1727, П. С. З., т. VII, N 5021.

**) Ср. Указъ 10 янв. 1734 г. П. С. З., т. IX, N 6530, п, 1, 4. Взиманіе пошлинъ съ казаковъ, торгующихъ «валовыми заповѣдными товарами» основывалось на именномъ указѣ Петра (16 февр. 1700 г.): «Съ Донскихъ казаковъ и съ Черкассъ пошлины имѣть со всего противъ Русскихъ торговыхъ людей»... П. С. З., т. IV, N 1762; также т. IV, N 1922, ст. 207, 1 янв. 1702 года.

Россіи заграницу товаровъ». Таможню эту было повелѣно (18-го октября 1749 г.) учредить въ Черкасскѣ, временно, до постройки новой крѣпости ближе къ Азову.*)

Войско энергично протестовало, прося «о неучрежденіи въ гор. Черкасску той таможни, представляя при томъ, что-де издревлѣ никогда, тако-жъ и въ то время, когда Азовъ и Таганрогъ были во владѣніи за Россіей, не было...» Поэтому, указомъ 15 декабря 1749 г., проектированная таможня была учреждена на Дону, «отъ устья р. Темерника, противъ урочища, называемаго Богатаго Колодеза». Это было первое поселеніе на мѣстѣ будущаго большого города Ростова на Дону. Войску-же, грамотою отъ того-же 15 декабря 1749 г. были подтверждены всѣ его привилегіи безпошлинной торговли. Вскорѣ Войско поняло, что Темерниковскій портъ и Темерницкая таможня отрѣзали его отъ Турціи (отъ Азова), и возбудило рядъ ходатайствъ объ уничтоженіи Темерниковской портовой таможни. Однако, Елизавета таможни не уничтожила. Зато «излишне учрежденныя» таможенныя заставы близъ Черкасска, на казачьей землѣ, и близь Аксайской станицы, были уничтожены. Войско, все-же, продолжало вести торговлю съ Кубани купцами всѣхъ національностей безпошлинно и не допускало таможенныхъ чиновниковъ изъ Темерниковскаго порта къ досмотру товаровъ, прибывшихъ на Донъ степью, съ юга.

7 ноября 1756 г. состоялся указъ о невзиманіи съ казаковъ пошлинъ за производство торговли внутри Россіи. 21-го іюня 1766 г. послѣдовало запрещеніе брать пошлины съ казаковъ за ловлю рыбы. 31-го января 1757 года были подтверждены всѣ предыдущія льготы и постановлено изъять казаковъ отъ платежа вновь установленныхъ внутреннихъ пошлинъ со всего, что въ Великороссіи, Малороссіи и во владѣніи Донскаго Войска родится. Тамъ-же было добавлено: «ибо, въ силѣ (въ силу) вышеписанныхъ указовъ вамъ, Донскому Войску, во внутренней торговлѣ... не токмо при нынѣшнемъ сложеніи во всѣхъ Россійскихъ городахъ внутреннихъ пошлинъ такого запрещенія и взятія пошлинъ чинить, но и до онаго сложенія съ васъ брать не надлежало...»

Торговыя льготы казачества нашли себѣ выраженіе и въ Уставѣ Торговомъ (Св. Зак., т. XI, изд. 1857 г.), гдѣ въ ст. 368 сказано: «по силѣ дарованныхъ Донскому Войску привиллегій всѣмъ жителямъ онаго принадлежитъ право свободной торговли и промышленности, какъ внутри войсковыхъ предѣловъ, такъ и внѣ оныхъ...» И въ ст. 372 тамъ-же: «Торговля донскихъ казаковъ, производимая сухопутно и по рѣкамъ въ предѣлахъ Войска, изъемлется отъ всякихъ въ казну пошлинъ...» Такимъ образомъ, эта привилегія уцѣлѣла и

*) Уже тогда обнаружилась необходимость оставить крѣпость св. Анны, которая страдала отъ разливовъ Дона, и построить новую на нагорномъ берегу Дона.

въ XIX вѣкѣ, хотя и утратила всякое практическое значеніе.

Къ привилегіямъ Войска, дарованнымъ въ XVIII вѣкѣ, а по существу являвшимся исконнымъ правомъ Войска, принадлежали: свободное изготовленіе вина и безпошлинное добываніе и потребленіе соли. Грамотой 1748 года дозволено было казакамъ не только изготовлять, но и брать въ Россію «по прежнему обыкновенію вино съ собою и на одни свои удовольствія...» Много разъ грамотами подтверждалось, что бы казаки, находясь въ Россіи, не продавали и не ссужали вина русскимъ. Доходъ на Дону отъ кабаковъ, «зимниковъ и чуланчиковъ» былъ присвоенъ себѣ войсковыми атаманами, до 1775 г., когда Войско ввело винный откупъ, ставшій источникомъ неокладнаго войскового дохода.

18-го февраля 1801 г. былъ введенъ сборъ съ вина, ввозимаго на Донъ. Въ 1821 г. по настоянію т. наз. «Комитета 1819 года», вслѣдствіе злоупотребленій суммами, получавшимися отъ виннаго откупа, послѣдній былъ на Дону уничтоженъ. Въ 1843 г. его снова возстановили.

До 1860-хъ годовъ винная регалія находилась всецѣло въ распоряженіи Войска, и доходы съ нея шли, частью, въ войсковую казну, частью, въ доходъ станичныхъ казачьихъ обществъ. Однако, со введеніемъ въ 1862 г. акцизной системы, регалія эта была отнята государствомъ и, взамѣнъ ея, были ассигнованы Войску 1,239.000 рублей. Въ 1868 г. право винокуренія было предоставлено всѣмъ, имѣющимъ право на фабричный и заводскій промыселъ. Такимъ образомъ, исчезло особое право казаковъ свободно курить вино.

Въ концѣ 90 хъ г. г. XIX вѣка, въ 1897 г., введена была государственная винная монополія. Со введеніемъ ея станичныя общества потеряли остававшееся еще за ними (съ 1862 г.) право давать разрѣшеніе на открытіе питейныхъ заведеній на своихъ земляхъ, за что получили вознагражденіе въ видѣ ежегодной фиксированной ассигновки въ суммѣ 230.000 рублей. Между тѣмъ, доходъ отъ акциза, къ 1900 году, возросъ съ 1,239.000 руб. до 7,000.000 руб., а къ 1907 году равенъ былъ 14—16 милліонамъ рублей. Такимъ образомъ, Войско лишено было въ пользу государства и своей привилегіи, и крупной статьи дохода.*)

Право на безпошлинный вывозъ соли изъ Руси на Донъ казаки имѣли еще въ XVII столѣтіи. Въ мирное время, низовые казаки получали соль изъ Азова. Верховые (съ Дону, Хопра, Медвѣдицы и Бузулука) привозили соль съ Эльтонскаго озера черезъ Царицынъ и Саратовъ. Съ 1680-хъ г. г. по 1707 г. они разрабатывали бахмутскую соль, на которую, предъ возстаніемъ Булавина, наложила руку казна. Грамо-

*) П. С. З., т. XII, N 9469: Кап. Медвѣдевъ «Служба Дон. Войска», 1899 Стеногр. отъ Гос. Думы 3-го созыва.

тами 1720 и 1732 г. г. указано было Донскимъ казакамъ свободно «торговать солью промежь себя въ своихъ жилищахъ», а въ 1732 г. запрещено было пользоваться Эльтонской солью. Ее стала замѣнять соль Манычская. Въ 1732 г. запретили ввозить на Донъ (безпошлинно) Эльтонскую соль, но въ 1737 г. по докладу Соляной Конторы Кабинетъ Министровъ временно разрѣшилъ это.*) Затѣмъ подтвердили право казаковъ безпошлинно разрабатывать и довольствоваться «даромъ Мануцкой и прочей тамошней солью» съ запрещеніемъ вывоза въ Россійскіе города.**)

Соляная привилегія имѣла въ свое время большое значеніе, но въ 60-хъ годахъ XIX вѣка утратила свое значеніе, такъ какъ манычская соль оказалась не въ состояніи конкуррировать съ привозной россійской солью, менѣе вкусной, но болѣе чистой и болѣе дешевой. Отмѣна акциза на соль въ Имперіи, въ 1880 году, лишила эту привилегію всякаго смысла.***)

Подводя итоги финансовымъ льготамъ, мы видимъ, что Имперія «обѣляла» (освобождала отъ податей и пошлинъ) донское казачество во всѣхъ отношеніяхъ безъ исключенія. Основами доходной статьи имперскаго бюджета были сборы: подушный, питейный, соляной, таможенный и канцелярскій. Всѣ эти сборы не касались казаковъ.[1]) Между тѣмъ, не только самые сборы эти, но и способъ ихъ собиранія являлись тягостью для населенія Имперіи. Стоитъ вспомнить, что творили съ населеніемъ винные откупщики и ихъ команды, имѣвшіе право обыскивать подводы и дома даже дворянъ, чтобы понять, какъ велико было значеніе казачьихъ льготъ для того времени.[2])

Глава XX.

Особое служеніе казачества. Сословія на Дону въ XVIII в.

«Особое служеніе» казачества, сохраненіе котораго обезпечивалось и удостовѣрялось до самаго конца періода Имперіи, заключалось не только въ поголовной службѣ казаковъ, на

*) П. С. З., т. X, с. 7683, отъ 5 ноября 1737 г. Съ 1 янв. 1705 г. въ Россіи (кромѣ Дона) продавались изъ казны. П. С. З., т. IV, N 2009.

**) П. С. З., т. XIII, NN 9884 и 10017. Запрещеніе было повторено. П. С. З. т. XIV, N 10508.

***) Бѣляевскій «Манычскія соляныя озера», «Труды В. Д. Стат. Ком.», т. I, 1867; Скальковскій «Соляная промышленность въ Новоросс. Краѣ» (1715—1847).

[1]) Винная свобода, существовавшая во всѣхъ автономныхъ провинціяхъ Екатерининской Россіи. Ср. Чечулинъ «Очерки по исторіи финансовъ въ царствованіе Екатерины II, СПБ., 1906, с. 164.

[2]) Ср. Чечулинъ, цит. соч., стр. 111—152 (о подушномъ сборѣ); с. 153—179 (о винномъ); с. 180 (о соляномъ); с. 205 (о таможенномъ); с. 235 (о канцелярскомъ).

своихъ коняхъ и со своимъ вооруженіемъ. Этотъ терминъ обнималъ собою всѣ особенности военнаго управленія, обученія, комплектованія и службы казака. Основою «особаго служенія» была автономія Войска въ военномъ отношеніи и личная свобода казачества. Подтвержденія, именно, этихъ правъ и требовало донское казачество отъ каждаго новаго государя въ XVIII и XIX в.в. Военная автономія Войска выражалась въ томъ, что во всѣхъ безъ исключенія вопросахъ воинскаго устройства, снабженія, снаряженія, подготовки служилаго и командная составовъ, назначеній, перемѣщеній и т. п. — Войско было самодовлѣющей единицей, управлявшейся на основѣ своего донского права.

Изъ Петербурга XVIII—XIX в.в., какъ и изъ Москвы XVI—XVII в.в. приходили лишь требованія на посылку того или иного количества воинскихъ частей. Требованія эти согласовались, конечно, со списочнымъ составомъ Войска, но весьма часто, во время войнъ, превышали его. Въ такіе исключительные моменты всѣ, кто могъ носить оружіе, вплоть до глубокихъ стариковъ, выступали въ походъ на защиту общаго отечества — Россіи, какъ бывало выступали предки на защиту родного края — Донской республики.

Требованія о присылкѣ казаковъ облекались въ форму высочайшихъ грамотъ (какъ, впрочемъ, и всѣ акты управленія до 1775 г., посылавшіеся на Донъ отъ центральнаго правительства). По этимъ требованіямъ Войско само чинило «наряды», опредѣляя какія станицы и въ какомъ количествѣ должны прислать казаковъ. Во главѣ «походнаго войска» отправлялся «походный атаманъ», который и былъ главнымъ начальникомъ этой части, подчинявшимся непосредственно власти главнокомандующаго. Жалованье «за выходъ» и годовое содержаніе отряда посылалось въ Войско одновременно съ требованіемъ.*)

На время войны, начиная съ 1703 г., Войско, въ военно-оперативномъ отношеніи, подчинялось высшей власти главнокомандующаго: въ 1706 г. — фельдмаршала Б. П. Шереметева, въ 1723 г. фельдмаршала кн. М. М. Голицына; въ 1735 г. фельдмаршала Миниха. При назначеніи главнокомандующимъ на Украинѣ ген. Бисмарка (временно служившаго въ Россіи, при Елизаветѣ, предка объединителя Германіи), а также при назначеніи туда-же впослѣдствіи Румянцева (1764), «генералитету и Войску» предписывалось лишь имѣть «по часту надлежащее сношеніе и другъ другу чинить вспоможеніе». Главнокомандующіе могли распоряжаться донскими отрядами, но не имѣли права измѣнять ихъ внутренняго строенія и распорядковъ. Казаки имѣли свою интендантскую часть.

---

*) Ср. «Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Пр. Сенатѣ въ царствованіе Петра Вел.», т. V, 1892, с. 95.

Въ моментъ присоединенія къ Россіи, Войско состояло на положеніи особаго военнаго округа. Привыкшее жить на своей волѣ и организовывать охрану края, ни у кого не спрашиваясь, Войско считало себя въ правѣ укрѣплять городки для защиты отъ нападеній кочевниковъ, продолжавшихся до 1790-хъ годовъ. Поэтому оно было непріятно удивлено, когда въ 1743 году грозно запросили изъ Петербурга, какъ смѣлъ атаманъ, безъ особаго разрѣшенія и вѣдома высшей военной власти, строить крѣпость въ Черкасскѣ, когда и самъ генералъ-фельдмаршалъ не можетъ этого сдѣлать безъ высочайшаго повелѣнія. Между тѣмъ, деревянныя стѣны и палисадъ вокругъ Черкасска сильно обветшали, а нападенія кубанскихъ татаръ продолжались, и Войско съ 1738 г. писало тщетно въ Петербургъ. Тогда, въ 1743 г., войсковой атаманъ Данило Ефремовъ, посовѣтовавшись со старшиной, но не собирая Круга, началъ постройку каменныхъ стѣнъ вокругъ Черкасска.

Комендантъ крѣпости св. Анны донесъ въ Петербургъ, что «оная ограда строится формально дефензіею во всемъ яко крѣпости быть надлежитъ». Конечно, это и была цѣль Данилы Ефремова, который думалъ о защитѣ столицы Войска, но вовсе не о провозглашеніи независимости Дона, и никогда и въ мысляхъ не былъ сепаратистомъ («отпадчикомъ»). Тѣмъ не менѣе, въ Военной Коллегіи началось цѣлое дѣло, атамана и станицу задержали въ Петербургѣ. Дѣло производилось въ Сенатѣ и закончилось приговоромъ, въ которомъ довольно явно сказались недовѣріе къ Дону и боязнь донского сепаратизма. Хотя атамана и оправдали, но поставили ему въ вину то, что онъ позволилъ себѣ, «съ нѣкоторою старшиною безъ указу и безъ совѣту Войска Донскаго» постройку каменной крѣпости.*) Простивши Данилу Ефремова, ему разрѣшили закончить стѣну «со стороны Турецкой», но «больше того, вокругъ, со стороны Россійской каменнаго строенія накрѣпко» запретили. Въ 1767 г., при Степанѣ Ефремовѣ, произошла таже исторія: разрѣшили лишь поддержать укрѣпленія въ предѣлахъ необходимости. Эти случаи показываютъ, что на вольный Донъ, хотя и ставшій уже провинціей Имперіи, смотрѣли въ Петербургѣ подозрительно и недовѣрчиво**).

Велики были жертвы казачества во имя русскаго общенаціональнаго дѣла, для защиты великой Россіи. Писать исторію «нарядовъ» на службу значило-бы писать военную исторію Войска. Въ Польшѣ, Финляндіи, на Кавказѣ, въ Персіи, въ Грузіи, не говоря уже о походахъ, въ мирное время несли донцы тяжкую сторожевую службу. Количество казачьихъ частей, выставленныхъ за время войны и въ мирное

*) П. С. З., т. XII, N 8094.

**) Еще 28 апр. 1713 г. Толстой доносилъ Апраксину изъ Новаго Трапжамента: «донскіе казаки Черкасскъ крѣпятъ, вокругъ острова у полисаду рубятъ ящики и насыпаютъ землю и ставятъ туры»... «Ист. Рус. Флота», Прил., т. II, с. 166.

время за два вѣка эпохи Имперіи, не говоря уже объ эпохѣ 1549—1721 г. г., подсчитанное и сведенное въ одно цѣлое, могло бы дать понятіе о жертвахъ донского казачества для Россіи.

Помимо чисто военной службы, въ описываемый періодъ началась та служба донцовъ, которая была для нихъ нелегкой, а въ 1904—1917 г. г. стала особенно тяжкой. Это была посылка донцевъ на внутреннія усмиренія. Въ 1755 г. были посланы 3.000 донцевъ къ Оренбургу. Тамошній губернаторъ писалъ, что «пламя бунтовливое распространяется, и вся Башкирь сумнительна, и притомъ отъ легкомыслія киргизскаго небезопасно». Эта посылка имѣла все-же нѣкоторый видъ участія въ охранѣ внѣшней безопасности. Пять лѣтъ позже донскихъ казаковъ двинули на усмиреніе заводскихъ крестьянъ на Уралѣ (1760—1764).*)

Чертою автономіи Войска въ военномъ отношеніи была выборность всѣхъ чиновъ, просуществовавшая до 1775 г. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, основной чертой «особаго служенія» казачества была личная свобода казака. Политическія права казачества въ эпоху 1721—1775 г. г. все болѣе утрачивались. Но тѣмъ болѣе остро чувствовало Войско значеніе той «привилегіи», за которую оно готово было умереть, которую берегло, какъ зеницу ока, — значеніе личной свободы.

Обычный пріемъ Екатерины II при уничтоженіи мѣстной автономіи заключался во введеніи губернскаго управленія и подушной подати. Если учрежденіе въ 1775 г. т. наз. Войсковаго Гражданскаго Правительства было робкимъ шагомъ по пути приближенія управленія Дономъ къ типу общегубернскому, то второй части программы, примѣненной въ Малороссіи, балтійскихъ провинціяхъ, старой Финляндіи и т. д., на Дону никто не осмѣлился примѣнить. Десятки тысячъ крестьянъ, бѣжавшіе на Донъ, въ XVIII и XIX в. в., въ поискахъ свободы и званія казака, не были правительствомъ и покорными ему старшинами допущены въ число Донскихъ казаковъ. Они оказались закрѣпощеными, стали рабами казачьей старшины. Но сдѣлать крѣпостнымъ, или даже свободнымъ крестьяниномъ вольнаго казака не дерзнулъ никто! Причина этого вовсе не заключалась въ недостаткѣ желанія, или, какъ полагалъ Драгомановъ, въ покровительствѣ казачеству великороссійскому преимущественно предъ украинскимъ. Охотниковъ обратить донцевъ въ «регулярство» было немало. Но вольныхъ нѣкогда гражданъ республиканской колоніи, вооруженный народъ воиновъ, не такъ-то легко было лишить личной свободы.

Только Войско могло лишить казачьяго званія, только оно могло его даровать. Веденіе станицами списковъ «служилыхъ» или «дѣйствительныхъ» казаковъ и представленіе ими

*) Семевскій «Крестьяне при Имп. Екатеринѣ II», т. II.

Войску списковъ кандидатовъ изъ «озимейныхъ бурлаковъ» облегчило контроль центральной власти надъ составомъ казачества. Въ 1740 году послѣдовало воспрещеніе жить въ казачьихъ городкахъ даже «малороссіанамъ», а въ 1785 году — и польскимъ выходцамъ.*) Но потери казачества въ войнахъ были велики, и правительство вынуждено было закрывать глаза на нарушеніе Дономъ указовъ насчетъ бѣглыхъ и пріема ихъ въ казаки.

Несомнѣннымъ покушеніемъ на права Войска и казачества были т. наз. переселенія казачества, начало которымъ положилъ Петръ I. Въ интересахъ защиты новыхъ окраинъ, за время 1721—1775 г. г., правительство трижды изымало изъ среды донского казачества нѣкоторое число людей, для переселенія въ другія мѣста. Петръ I смотрѣлъ на донцевъ уже какъ на служилыхъ казаковъ. Въ первый разъ онъ повелѣлъ переселить часть казаковъ въ 1724 году на р. Аграхань (притокъ Терека), всего 1.000 семействъ.**) Переселеніе это не вызвало волненій, такъ какъ: 1) казаки остались въ своемъ званіи и образовали, по переселеніи, т. наз. аграханское войско (вошедшее затѣмъ въ составъ терскаго войска); 2) «нарядъ» сдѣланъ былъ внутреннимъ распоряженіемъ Войска съ соблюденіемъ интересовъ переселяемыхъ.

Первоначально на это дѣло въ Петербургѣ взглянули довольно просто. Рѣшили о переселеніи «дать указъ Атаману пріѣзжему, призвать его въ Сенатъ и велѣть дать вѣдомость, изъ которыхъ казаковъ . . . тѣхъ казаковъ перевесть способнѣе». Атаманъ Лопатинъ указалъ, какъ именно надо дѣйствовать, и Войску было предоставлено самому осуществить заданіе.***)

Въ 1731 г. (указомъ 3-го августа) были вызваны съ Дона «охотники» для образованія Волгскаго войска. Было указано «заселить Царицынскую линію» тѣми, «кто пожелаетъ охотою своею селиться» (5 ноября 1731 г.). Вскорѣ подтвердили, чтобы «принужденія никакъ не чинить» (31 декабря 1731 г.). Изъ этого видно, что собраніе старшинъ отнеслось не очень благосклонно къ переселенію. Всего перевелось на Волгу 520 семей (частью «малороссіанъ»). Войско организовано было на манеръ донскаго, съ выборными атаманами и старшинами. Но было запрещено выбирать много старшинъ, что бы «во многомъ числѣ старшины казакамъ отягченіе не было».

Волгское войско просуществовало до 1777 года.[1])

Наконецъ, въ 1769 году, при отнятыхъ у турокъ крѣпо-

---

*) П. С. З., т. XI, N 8024; т. XIII; N 16211. «Книги записныя озимейнымъ казакамъ, которые жили при войску и кто имяны» заведены по станицамъ съ 1720 г. Ср. Леоновъ «Кратк. опись нѣкот. актовъ», «Дон. Войсков. Вѣдом.», 1853, N 17; также 1862 NN 49 и 46.

**) П. С. З., т. VII, N 4462. Пятьсотъ семей на Аграхань и 500 на Гребени.

***) Указъ 5 февраля 1724 г.

[1]) П. С. З., т. VIII., 5824, 5868, 5923, 6007; т. IX., 6493 и 6508.

стяхъ Азовской и Таганрогской, Екатерина II повелѣла образовать два казачьихъ полка — Азовскій и Таганрогскій. Существовавшій уже (съ 1698 г.) Азовскій полкъ, числившійся съ 1711 г. въ составѣ приазовскихъ крѣпостей, былъ окончательно причисленъ къ крѣпости св. Димитрія. Какъ и другіе подобные-же полки, (Кизлярскій, Хоперскій и т. п.), эти два полка, составленные изъ Донскихъ казаковъ, были — каждый — поселены «при крѣпости» и сдѣлались служилыми полками. Въ главѣ ихъ стояли не атаманы, а полковники по назначенію, не старшины, а ротмистры. Нѣкоторыя хозяйственныя дѣла рѣшались самими казаками. Вообще-же, это былъ несомнѣнный шагъ къ «регулярству», т. е. къ превращенію казаковъ въ драгуны. Именно такимъ образомъ въ свое время совершилось превращеніе въ крестьянъ украинскаго населенія, причемъ «посполитые» стали крѣпостными, а казаки — свободными крестьянами. Донскіе казаки насильственно набранные для переселенія, независимо отъ трудностей переселенія, жаловались горько на «нарушеніе ихъ привилегій и древнихъ обычаевъ», «обыкновеній казацкихъ». Они всячески уклонялись отъ переселенія, бѣжали на Терекъ и въ Запорожскую Сѣчь.

Недовольство Дона вылилось въ серьезное возстаніе въ октябрѣ 1772 г., подъ вліяніемъ котораго правительство сперва сократило требованія относительно числа переселяемыхъ, а затѣмъ расформировало и зачислило въ Войско всѣ три полка: Азовскій и Таганрогскій (1775) и Дмитріевскій (1777). Такимъ образомъ донское казачество отстаивало личную свободу на Дону и свои привилегіи.*)

Естественная обязанность вольнаго казака, свободнаго гражданина военно-демократической республики, — поголовно являться въ полномъ вооруженіи, на своемъ конѣ, со своимъ снаряженіемъ, — на защиту республики, превратилась въ XVIII и XIX в. в., въ одіозную привилегію донского казачества. Этой привилегіи не оспаривалъ, на нее не посягалъ ни одинъ сторонникъ самодержавнаго централизма. Эту обязанность поголовной службы казачества, въ эпоху Имперіи, стали объяснять тѣмъ, что казачеству, невпримѣръ другимъ сословіямъ, пожалованы царями именно за эту службу обширныя земли, воды, угодья и привилегіи. Поскольку можно было говорить о жалованіи царями служилаго казачества, Донскіе казаки могли отвѣтить, что имъ «бьютъ челомъ ихъ-же добромъ». И земли, и воды, и права, и привилегіи — все это принадлежало донцамъ до присоединенія ихъ къ Россіи. «Пожалованія» закрѣпили за казаками далеко не весь объемъ природныхъ и законныхъ ихъ правъ. И тѣмъ

*) Объ Азов. и Таганрог. полкахъ см. П. С. З., т. XVIII, N 13351; т. XIX, 134768 т. XX, N 14340.

не менѣе, и въ эпоху своей независимости и государственности, и позже, въ эпоху урѣзываемой автономіи, Донскіе казаки безпрекословно несли свою тяжкую службу, сражаясь съ врагами Россіи во всѣхъ войнахъ. Казачьи кости лежатъ и въ долинѣ Ломбардіи, и подъ Парижемъ, и за Балканами, и у береговъ Каспія, и въ Германіи, и въ Грузіи, и въ Финляндіи, всюду, куда Россія посылала вольныхъ донцевъ.

Срокъ казачьей службы, въ XVIII вѣкѣ, не былъ опредѣленъ. Служили до полной дряхлости. Только въ 1802 г. опредѣлили срокъ въ 30 лѣтъ.*)

Въ нашу задачу не входитъ исторія сословій на Дону. Это — тема, заслуживающая особаго очерка. Однако, необходимо отмѣтить, что XVIII-й вѣкъ былъ для Дона эпохой постепеннаго образованія сословій. Правда, сословія эти не отличались тою опредѣленностью и организаціей, какъ сословія Имперіи, но все-же единая масса казачества окончательно раскололась на привилегированную, правящую группу старшинъ и «рядовое казачество». Что касается духовенства, то еще въ первой четверти XIX вѣка оно продолжало быть тѣсно связано съ казачествомъ, къ которому оно по рожденію принадлежало. Кромѣ того, произошла инфильтрація, насыщеніе казачьей массы просачивавшимися отовсюду бѣглецами, которыхъ нельзя уже было принимать въ казаки, а также крестьянами, которыхъ селили на войсковой землѣ старшины.

Выдѣленіе старшины изъ казачьей массы пошло въ XVIII вѣкѣ быстрымъ путемъ. Сперва старшины избирались Кругомъ, и въ отличіе отъ старшинъ полковыхъ, избиравшихся полками, они именовались «войсковыми». По окончаніи полномочій они снова переходили, формально, въ ряды казачества. Но уже въ началѣ XVIII вѣка они стали сохранять званіе старшины. Въ Россіи (въ Военной Коллегіи, въ арміяхъ) стало создаваться постепенно убѣжденіе, что у казаковъ существуютъ «чины» старшины, есаула, хорунжаго и т. д., подобно армейскимъ чинамъ, но только эти чины иррегулярныхъ войскъ нельзя ставить вровень съ чинами арміи. Понемножку начинали «назначать» въ «чины» старшины и войсковой атаманъ, пытавшіеся присвоить себѣ прерогативы Круга, и Военная Коллегія, и командующіе арміями на театрѣ военныхъ дѣйствій. До 1754 года Войско не только избирало въ старшины, но и разжаловывало старшинъ въ рядовые казаки на срокъ и пожизненно. Въ 1730-хъ г. г. званіе старшины было уже, въ сущности, пожизненнымъ. Вслѣдствіе жалобъ и пестроты практики Военная Коллегія взяла въ свои руки утвержденіе, а затѣмъ и назначеніе старшинъ.

Завѣтной мечтой старшинъ было полученіе армейскаго чина, сопряженнаго съ нимъ дворянства, а главное, права

*) П. С. З., т. XXVII, N 20436.

владѣть крѣпостными. Старшины не были только чиновной аристократіей. Они были крупными владѣльцами табуновъ, скота, наконецъ, земель, которыя были захвачены ими. Для веденія хозяйства на этихъ земляхъ старшинамъ нужны были работники. Казаки не могли стать таковыми. Это были люди вольные. И, хотя они и писали на себя старшинамъ кабальныя записи и обязывались отрабатывать свои долги, однако, казака нельзя было фактически закабалить. По словамъ Гмелина, посѣтившаго Донъ въ 1769 г., «возвратившись домой, казакъ работаетъ, какъ крестьянинъ, однако долженъ по врожденному свойству твердо содержать въ памяти, что онъ казакъ и притомъ вольный казакъ, что онъ рожденъ не иначе какъ къ войнѣ, а къ работѣ только для удовольствованія необходимыхъ нуждъ...»*) Казака нельзя было сдѣлать рабомъ.

«Люди» или рабы («ясыри») продолжали существовать на Дону и въ XVIII вѣкѣ. Это попрежнему были военноплѣнные, но ихъ было мало, даже для домашнихъ услугъ знатныхъ старшинъ. Къ тому-же, международные договоры Россіи, съ 1700 года, содержали въ себѣ обязательную оговорку о размѣнѣ плѣнными, особенно-же плѣнными христіанскаго вѣроисповѣданія. Однако, старшины удерживали у себя въ рабствѣ плѣнныхъ татаръ и калмыковъ, тѣмъ болѣе, что указъ 1737 года разрѣшилъ всѣмъ покупать, крестить и держать у себя калмыковъ. Въ самомъ незначительномъ количествѣ застряли на Дону взятые въ плѣнъ финны и даже пруссаки.

Старшины жаждали имѣть людей и крестьянъ на законномъ основаніи. Мало заботившіеся о соблюденіи закона великороссійскіе помѣщики продавали старшинамъ своихъ дворовыхъ. Многіе везли ихъ на Урюпинскую ярмарку, которая, съ половины XVIII и до первой четверти XIX вѣка, стала крупнѣйшимъ на Юго-Востокѣ Россіи рабовладѣльческимъ рынкомъ. Здѣсь донскіе старшины покупали и продавали рабовъ. Все это дѣлалось, несмотря на указъ 1746 г., въ которомъ ясно предписывалось: «впредь купечеству... и крестьянамъ... тако-жь казакамъ..., людей и крестьянъ съ землями и безъ земель, покупать во всемъ государствѣ запретить».**)

Однако, старшины, владѣя людьми уже въ 1720—1740-хъ годахъ, хотѣли легализовать свое фактическое владѣніе. Отсюда ихъ усиленныя ходатайства о правѣ владѣть крѣпостными въ Екатерининской Законодательной Комиссіи 1767 г. На помощь старшинамъ пришли внѣшнія обстоятельства.

Въ Малороссіи и на Слободской Украинѣ процессъ закрѣпощенія посполитыхъ мѣстною войсковою старшиною шелъ съ тѣмъ большею быстротою, что въ этомъ отношеніи совпали

*) Гмелинъ, т. I, 1771, с. 264.
*) Указъ 14 мар. 1746 г., П. С. т. XII, N 9267.

интересы украинской старшины и самодержавно-крѣпостнической Имперіи. Раздача Екатериною своимъ фаворитамъ населенныхъ земель на Украинѣ довершила мѣстный процессъ. Наконецъ, свободные переходы крестьянъ были запрещены въ 1765 году въ Слободской Украинѣ, и въ 1783 году въ Малороссіи.*) Результатомъ официальнаго прикрѣпленія къ землѣ посполитыхъ было массовое бѣгство малороссійскаго крестьянства въ Новороссію и на Донъ.

Старшины донскіе радушно принимали бѣглецовъ, предлагая имъ осѣсть на своихъ земляхъ, захваченныхъ у Войска, а иногда и у станицъ. Болѣе того, они посылали т. наз. осадчихъ закликать къ себѣ «малороссіанъ», обѣщая имъ свободу отъ повинностей втеченіе довольно долгаго времени (чаще всего отъ 2 до 5 лѣтъ). Поэтому, поселенія эти именовались «слободами». «Малороссіане» надѣялись, прежде всего, по примѣру былыхъ временъ, отстоять личную свою свободу путемъ поступленія въ донскіе казаки. Но еще въ 1736 г. указомъ Анны Іоанновны запрещалось принимать и селить въ казачьихъ городкахъ малороссіанъ изъ слободскихъ полковъ.**)

Указъ этотъ соблюдался плохо. Пополненіе рядовъ донского казачества происходило за счетъ и малороссійской, и великороссійской эмиграціи. Войско продолжало, по ходатайству станицъ, зачислять въ «жилые казаки» т. наз. «знатныхъ» (т. е. извѣстныхъ) и «озимейныхъ» бурлаковъ. Проживавшіе въ станицахъ «малороссіане» постепенно переходили на положеніе казаковъ, принимая участіе въ отраженіе татарскихъ набѣговъ, въ станичномъ сборѣ, въ походахъ.

Однако, интересъ старшинъ заключался вовсе не въ пополненіи рядовъ вольнаго казачества, и въ обезпеченіи себя дешевой и безплатной рабочей силой. Еще въ XVIII вѣкѣ на Донъ шли на лѣтніе заработки крестьяне изъ воронежской, тамбовской, калужской губерній. Но старшинамъ нужны были не эти временные «сроковые» рабочіе, остававшіеся, по большей части, до Покрова. Имъ нужны были крѣпостные крестьяне, сидящіе на ихъ землѣ.

Къ 1762 году расхищеніе войсковыхъ земель и заселеніе ихъ «малороссіанами» или «черкасами» достигло уже такой степени, что Военная Коллегія нарядила особую коммиссію для осмотра старшинскихъ хуторовъ и для отобранія зашедшихъ туда черкасъ. Въ 1763 г., въ связи съ третьей ревизіей было повелѣно произвести перепись проживающихъ въ

*) Шульгинъ «Развитіе крѣпостного права въ Малороссіи въ XVII—XVIII в. в.», «Р. Вѣстникъ», 1887. кн. 6; Мякотинъ «Прикрѣпленіе крестьянъ», «Р. Богат. 1894, кн. 2—4; Лаваревскій и др.

*) Ср. П. С. З., Т. XI, N 8024; т. XVI, N 11928 и др. 28 февраля 1740 г. были высланы 50 семействъ малороссіанъ, «якобы желавшихъ жить на мельницѣ войск. атам. Ефремова».

предѣлахъ Войска черкасамъ и положить ихъ всѣхъ въ окладъ. Черкасы оказались проживающими въ 232 мѣстахъ на земляхъ Войска, станицъ и частныхъ лицъ. Подушная подать съ малороссіанъ называлась «семигривеннымъ окладомъ». Всего записанныхъ въ окладъ оказались въ 1763 г. — 20.422 души. Въ томъ-же 1763 году была дарована малороссіанамъ свобода передвиженія, и наплывъ ихъ на Донъ продолжался до 1796 года.

Съ 1763 года малороссіанъ на Дону стали звать «приписными», «сказочными» (ибо о нихъ подавались «сказки»), «подданными». Фактъ переписи и «положенія малороссіанъ въ окладъ» имѣлъ двойное значеніе: во-первыхъ, государство потребовало отъ владѣльцевъ земель, на которыхъ оказались малороссіане, обязательства платить за нихъ подушную подать, и создало, такимъ образомъ, связь между ними (землевладѣльцами) и малороссіанами; во вторыхъ, эта мѣра сблизила нѣсколько положеніе Дона съ положеніемъ россійскихъ губерній. Старшины съ особой охотой изъявили согласіе платить окладъ въ Войсковую Канцелярію, которая (до 1775 г.) препровождала деньги въ Петербургъ черезъ ближайшаго агента имперской власти, оберъ-коменданта крѣпости св. Димитрія. Неформально крестьяне, «подданные» старшинъ, стали ихъ крѣпостными. Въ 1796 году ихъ прикрѣпили окончательно, до тѣхъ же поръ, исправивши свои повинности, они — формально — имѣли право перехода.

Равнымъ образомъ, владѣльцами душъ оказались Войско, на земляхъ котораго проживала часть малороссіанъ, а также станицы. Приписные за Войскомъ малороссіане, которыхъ было немного, довольно быстро стали казаками. За станицами числилось въ 1782 году — 7.456 душъ, а въ 1795 году лишь 3.864 д. Уменьшеніе произошло потому, что станицы охотно зачисляли въ казаки станичныхъ малороссіанъ. Хотя они и числились своего рода «крѣпостными» станицъ и обязаны были отрабатывать свой семигривенный окладъ, положеніе ихъ оказалось гораздо лучшимъ, нежели положеніе тѣхъ, кого «приписали за» старшинами. Главная масса станичныхъ малороссіанъ была въ 1811 г. перечислена въ казаки и составила населеніе задонскихъ станицъ (Махинской, Кагальницкой, Мечетинской и Егорлыцкой).

По переписи 1782 года было показано на Дону за частными лицами 1.106 душъ великороссійскихъ крестьянъ и 19.123 д. малороссіанъ, а, съ 7.456 станичными, всего 27.685 душъ. Въ 1795 году было за частными лицами — 54.628 душъ податного сословія, а съ 3.864 д. станичныхъ малороссіанъ — 58.292 души. Къ 1797 г. было 60.566 душъ податного сословія на Дону.*)

*) Карасевъ «Дон. Крестьяне», труды В. Стат. Ком.», т. I, 1867, с. 72—118; «Дон. Вѣд.», 1865 NN 8—343 и «Дон. Вѣстн.» 1867, N 47; П. С. З., т. XXIV, N 17636; т. XXXI, N 24771.

Такимъ образомъ, благодаря проникновенію на Донъ значительныхъ массъ безправнаго и безземельнаго крестьянства, создался въ краѣ тотъ соціальный узелъ, который не былъ ни развязанъ, ни разрубленъ къ 1917 году. Фискальные интересы метрополіи, въ связи съ классовыми своекорыстными интересами донской старшины, были причиной того, что казачество было насильственно лишено возможности ассимилировать, растворить въ своей средѣ новопришельцевъ. Рядомъ съ вольными гражданами нѣкогда вольной колоніи появились изъ среды казачества — привилегированные рабовладѣльцы, а въ лицѣ пришлаго крестьянства безправные рабы. Въ промежутокъ между 1763 и 1796 г. г. это были полудворяне — старшины и полукрѣпостные — крестьяне. 12 декабря 1796 г. Павелъ I запретилъ переходы крестьянъ во всей южной Россіи, а также на Дону. 22 сентября 1798 г. казачья старшина получила право на офицерскіе чины, дворянство и право владѣнія крѣпостными. Въ XIX вѣкъ Донской край вступилъ, имѣя въ составѣ населенія свѣжеиспеченныхъ дворянъ, только что закрѣпощенныхъ крестьянъ, и бывшихъ вольныхъ казаковъ, превратившихся въ служилыхъ.

Подобно духовенству, и торговое сословіе не отдѣлилось еще въ XVIII вѣкѣ отъ казачества. Торговля была для казака занятіемъ, равно какъ и исполненіе религіозно-пастырскихъ обязанностей, но не основаніемъ для выдѣленія въ особое сословіе. Впрочемъ, только въ 1713—1749 г. г. Черкасскъ имѣлъ нѣкоторое торговое значеніе. Туда стали пріѣзжать, кромѣ турокъ, татаръ, армянъ, грековъ, калмыковъ, — также венеціанцы и даже французы. Но учрежденіе Темерницкой таможни (1749), а затѣмъ и крѣпости св. Димитрія (1761) съ торговымъ форштадтомъ Ростовомъ, уничтожили торговое значеніе Черкасска. Академикъ Гмелинъ, путешествуя въ 1769 г., отмѣтилъ, что «Черкасскъ теперь не почитается болѣе торгующимъ городомъ съ Турками, но крѣпость св. Димитрія присвояетъ себѣ это имя...»*)

Глава XXI.

Попытки кодификаціи казачьихъ правъ. Екатерининская Законодательная Комиссія 1767 г. и казачество.

То, что мы назвали «системой жалованныхъ правъ и привилегій», существовало въ XVIII вѣкѣ въ формѣ груды разрозненныхъ, «на отдѣльные случаи» данныхъ царскихъ жалованныхъ грамотъ. Казачество хорошо знало свои права и не

*) Гмелинъ, «Путеш.», т. I, с. 272.

нуждалось въ такомъ сводѣ, гдѣ всѣ его вольности расположены были-бы въ порядкѣ и по параграфамъ. Грамоты хранились въ Войсковой Канцеляріи и «вычитывались» всенародно, въ Кругу въ соотвѣтственные дни. Но очень необходимымъ оказывался сводъ всѣхъ привилегій при столкновеніи донского и имперскаго права.

Общеизвѣстна политика Петра, направленная къ объединенію и централизаціи управленія. Но и онъ, учреждая Коллегіи и давая имъ Генеральный Регламентъ (28 февраля 1720 года), счелъ нужнымъ особо сказать «о разности всѣхъ провинцій»*) «Понеже, — писалъ императоръ, — владѣніемъ обрѣтаются, которыя особливыя привилегіи имѣютъ, того ради долженствуетъ каждый Коллегіумъ о томъ освѣдомиться и съ привилегій ихъ взять списки, и каждый народъ по ихъ подтвержденнымъ отъ Его Величества привилегіямъ управлять...» Несомнѣнно, Донцы были такимъ «народомъ», состоящимъ на особыхъ, данныхъ ему привилегіяхъ.

Самъ Петръ I, въ общей формѣ, дважды подтверждалъ договорныя статьи, касающіяся Малороссіи.**) Но, поскольку намъ извѣстно, ни самъ императоръ не сдѣлалъ ничего для сведенія воедино Донскихъ привилегій, ни Коллегіи (Иностранныхъ дѣлъ, а затѣмъ Военная), не исполнили предписаній Генеральнаго Регламента, приведенныхъ выше. Только 31-го мая 1744 года Военная Коллегія потребовала отъ Войска подать въ Сенатъ извѣстія, «какія Войску вашему на вольности ваши прежнія грамоты даны...» Войско, невпримѣръ Малороссіи, не сумѣло отвѣтить на этотъ запросъ. Впрочемъ, результатъ былъ одинаковый въ смыслѣ постепеннаго разрушенія автономій: и малороссійской, и донской.***)

Ничего подобнаго договорнымъ пунктамъ гетмановъ или «правамъ, по которымъ судится народъ малороссійскій», Донъ не зналъ и не создалъ. Вопросъ объ актѣ, подтверждающемъ вольности Войска и сводящемъ воедино разновременныя грамоты, возбужденный при Елизаветѣ, заглохъ до 1767 г., когда онъ поставленъ былъ довольно широко въ Законодательной Комиссіи, но уже не по отношенію къ одному лишь Войску Донскому, а по отношенію ко всѣмъ казачьимъ войскамъ. Впрочемъ, нѣсколько раньше, съ проектомъ положенія объ управ-

*) Глава XXVII, Ген. Регл., П. С. З., т. VI, N 3534.

**) П. С. З., NN 2235 и 2213 (17 іюля 1709 г. и въ 1710 г.)

***) Въ «рѣшительныхъ опредѣленіяхъ», послѣдовавшихъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ (1728 г.) на прошеніе гетмана Даніила Апостола, содержалось предписаніе перевести права, по которымъ судится малороссійскій народъ, на великороссійскій языкъ и потомъ свести ихъ въ одно цѣлое. (П. С. З., т. VII, N 5324). Повелѣніе подтверждено было при Аннѣ, въ 1734 г. (П. С. З., т. IX N 6540). Сводъ, законченный въ 1743 г. въ Глуховѣ, въ 1744 г. былъ представленъ въ Сенатъ, но не получилъ утвержденія имперской власти. См. «Права, по которымъ судится малороссійскій народъ», изд. подъ ред.пр. А. Ѳ. Кистяковскаго, Кіевъ, 1879.

леніи Войскомъ Донскимъ выступилъ войсковой атаманъ Степанъ Ефремовъ.

Во время пребыванія своего въ Петербургѣ въ 1765 г. атаманъ Степанъ Ефремовъ представилъ въ Военную Коллегію проектъ коренного преобразованія управленія Войскомъ. Онъ предлагалъ: «1) въ Войсковой Канцеляріи, по назначенію атамана и подъ его предсѣдательствомъ, присутствуютъ восемь искусныхъ и свѣдущихъ въ законахъ старшинъ, для завѣдыванія текущими военными и гражданскими дѣлами; 2) все Войско Донское раздѣляется на 20 постоянныхъ полковъ, по 600 чел. и по 100 резервныхъ каждый, всего рядовыхъ 12.000 человѣкъ, готовыхъ выступить во всякое время, въ нѣсколько дней, по первому требованію; названіе этимъ полкамъ дать по главнымъ казачьимъ городкамъ, а платье они должны имѣть казачье одноцвѣтное. Остальные же затѣмъ казаки, во время командированія всѣхъ 20 полковъ на службу, должны оберегать русскія границы и казачьи городки отъ набѣговъ татаръ. Назначеніе полковниковъ, старшинъ и другихъ чиновъ въ полки вполнѣ зависитъ отъ атамана. Также судъ и расправа въ полкахъ должны производиться по Войсковой Канцеляріи». Для содержанія этихъ полковъ Ефремовъ указывалъ на слѣдующіе источники: 1) назначаемое въ подарки зимовой и легковой станицамъ, присылаемымъ въ Петербургъ, передать въ распоряженіе Войсковой Канцеляріи; 2) семигривенный окладъ съ черкасъ, записанныхъ при Войскѣ Донскомъ, причислять къ войсковой суммѣ и, наконецъ, половину станичныхъ доходовъ зачислять въ войсковую сумму.

Проектъ принадлежалъ перу войскового дьяка Ив. Янова, но идея его была дана самимъ Ефремовымъ. Атаманъ желалъ уничтожить остатки народовластія, въ лицѣ Круга, и патріархально-аристократическое правленіе старшинъ. Атаманъ долженъ былъ назначать и составъ Войсковой Канцеляріи, и всѣхъ чиновъ Войска. Между престоломъ, Военной Коллегіей и Войскомъ долженъ былъ стать всевластный атаманъ. Подарки за службу и станичныя суммы должны были пойти въ войсковую сумму въ безочетное распоряженіе атамана. Такимъ образомъ, автономный Донъ былъ наканунѣ превращенія въ вотчину Ефремовыхъ, наслѣдственныхъ и самодержавныхъ «герцоговъ донскихъ». Но центральная власть не могла согласиться на такое увеличеніе власти атамана. Проектъ Ефремова не осуществился.*)

Войско Донское участвовало въ Екатерининской Законодательной Коммиссіи 1767 г. Въ манифестѣ о созывѣ Коммиссіи было сказано, что опредѣленіе числа депутатовъ отъ казацкихъ войскъ и отъ войска запорожскаго возлагается на высшее ихъ начальство. Число депутатовъ отъ Дона опредѣлилось

*) Ригельманъ «Исторія о донскихъ казакахъ», М. 1844.

въ 6 человѣкъ, которые были избраны двухстепенной подачей голосовъ, т. е. сперва — представители станицъ на станичныхъ сборахъ, а потомъ — съѣздъ выборщиковъ въ Черкасскѣ.

Избранными оказались видные старшины: Никифоръ Сулинъ; бывшій войсковой дьякъ Иванъ Яновъ; извѣстный впослѣдствіи Димитрій Мартыновъ и П. Дулимовъ; кромѣ того, были избраны и два «старика»: Тимофей Небоковъ и Василій Ерофѣевъ.*)

Дѣятельность казачьихъ депутатовъ въ Законодательной Комиссіи заслуживаетъ особаго очерка, равно какъ и сводка пожеланій казачества на основаніи наказовъ (послѣдніе еще не изданы). Донскіе депутаты оказались довольно малодѣятельными. Они выступили съ заявленіемъ о необходимости опредѣлить въ Уложеніи права казачества. Яновъ и Сулинъ были руководителями донской группы, защищали интересы исключительно казачьей старшины, требовали для нея офицерскихъ чиновъ, а для офицеровъ арміи правъ на дворянство, и жаждали права владѣть рабами. Трудно представить себѣ болѣе откровенныхъ и эгоистичныхъ защитниковъ исключительныхъ правъ казачьей аристократіи.

Вмѣстѣ съ донцами выступалъ всегда депутатъ Азовскаго казацкаго коннаго полка (изъ крѣпости св. Димитрія) Степанъ Бѣляевъ. Что касается казачьяго вопроса вообще, то онъ былъ поставленъ достаточно опредѣленно рядомъ депутатовъ, но одинъ лишь представитель Запорожскаго войска Скапа поднялъ вопросъ о правахъ Запорожья на настоящую высоту историческихъ правъ запорожской республики и договорныхъ обязательствъ русскаго правительства. Остальные, въ томъ числѣ и донцы, говорили о необходимости опредѣленія въ законѣ правъ казачества, какъ свободнаго сословія, о «древнихъ обыкновеніяхъ» Войска въ области управленія, о привилегіяхъ, но не о политическихъ правахъ казачьихъ республикъ, не объ автономіи казачьихъ войскъ.

Въ 45-мъ засѣданіи Большой Коммиссіи (22 октября 1767 года) депутаты Донского Войска сдѣлали представленіе, въ которомъ писали: «Предки наши Донскаго Войска изъ древнихъ лѣтъ высокославнымъ Государямъ противу воюющихъ на Россію непріятелей оружіемъ производили вѣрноусердныя и ревностныя службы . . .»

Депутаты обращали вниманіе Коммиссіи на то, что «о Россійскомъ дворянствѣ и о гражданахъ читаны законы, и о разобраніи оныхъ учреждены частныя коммиссіи, а о Донскомъ и прочихъ нерегулярныхъ войскахъ, хотя оныя и военнослужащія, никакого распоряженія не предвидимъ, и въ какомъ бы родѣ оныя войска состояли, того нигдѣ не упоминается . . .»

---

*) А. В. Флоровскій «Составъ Законодат. Ком. 1767—1774 г.», Одесса 1915.

Представляя объ этомъ «благопочтеннѣйшему господъ депутатовъ собранію», донцы просили, «дабы повелѣно было нынѣ, при томъ освященнѣйшемъ законоположеніи Донское Войско... такъ, какъ и прочіе роды узаконены существомъ, узаконить-же; ибо нерегулярныя войска съ прошедшихъ временъ до нынѣшняго вѣка, въ которомъ... Монархиня... сугубо закономъ сыновъ Россійскихъ утверждать соизволитъ, ни въ какомъ правѣ съ прочими родами участія не имѣли...»

Казаки желали, чтобы вопросъ о казачествѣ былъ переданъ въ коммиссію о государственныхъ родахъ, на что Большая Коммиссія и согласилась.*)

Представленіе донцевъ было поддержано двумя депутатами Волгскаго войска и «депутатомъ Азовскаго коннаго казацкаго полку» Бѣляевымъ. Помимо донцевъ, депутатъ Уфимскаго казачьяго войска Бурцевъ просилъ объ учрежденіи особой коммиссіи о казакахъ (въ 99-мъ засѣданіи — 18 марта 1768 года).**) Особой коммиссіи о казакахъ не было создано, но вопросъ обсуждался въ т. наз. Частной Коммиссіи «о родахъ государственныхъ» и закончился составленіемъ цѣлаго проекта.

Въ своихъ выступленіяхъ казачьи депутаты обосновывали боевою службою своего казачества притязанія казачьей старшины на дворянство.

Депутатъ Терскаго семейнаго войска Никита Мироновъ, по поводу мнѣнія о томъ, что не слѣдуетъ давать дворянства съ оберъ-офицерскимъ чиномъ, поддержанный представителями казачьихъ войскъ, подалъ «возраженіе», въ которомъ говорилъ: «Какъ предки (дворянъ), такъ и въ новѣйшее время... не съ ними-ли и другіе вѣнчались тою же кровію?..» Онъ напоминалъ о пограничной ежедневной боевой службѣ казаковъ «близъ горскихъ, беззаконныхъ, звѣрообразныхъ дикихъ народовъ». Его поддержало 10 казачьихъ депутатовъ.***) Такимъ образомъ, Мироновъ стоялъ за право всѣхъ казаковъ на дворянство.

Всѣ донскіе депутаты выступили совмѣстно и въ 156-мъ засѣданіи (17 іюня 1768 г.), поддерживая требованіе депутата Нартова о внесеніи въ «права благородныхъ» права на дворянство всѣхъ тѣхъ, которые получили его благодаря военной и статской службѣ, согласно узаконеній Петра Великаго.[1]) Вмѣстѣ съ ними выступилъ и депутатъ Азовскаго полка Бѣляевъ, а также 12 казачьихъ депутатовъ (Гребенского, Терскаго семейнаго и др.).

Въ 48-мъ засѣданіи депутатъ «Хоперской крѣпости казаковъ» Алейниковъ протестовалъ противъ предоставленія куп-

*) Сб. Р. И. О., т. 8, 148—150.
**) Сб. И. Р. Ист. Общ., т. 14, с. 191—200.
***) Сб. Р. И. О., т. 4, с. 200—1.
[1]) Сб. Р. И. О., т. 32, с. 180.

цамъ, приказнымъ, а равно и казакамъ права покупать и имѣть крѣпостныхъ людей. Онъ объяснялъ, какъ тяжело будетъ рядовымъ казакамъ, когда «чиновные» на ихъ земляхъ будутъ селить покупныхъ крестьянъ. Онъ предлагалъ тѣхъ крестьянъ, которые были уже поселены на казачьихъ земляхъ, «описать на Ея Имп. Величество», равно и запретить всѣмъ казакамъ покупку деревень и дворовыхъ людей.*) Казакъ Алейниковъ явился однимъ изъ выдающихся депутатовъ XVIII в. и крупнымъ борцомъ за свободу крестьянства и за интересы рядового казачества. Среди казачьихъ депутатовъ, онъ былъ единственнымъ въ своемъ родѣ.

Мнѣніе Алейникова вызвало немедленно-же «возраженіе» Никифора Сулина, представителя донской старшины, поддержаннаго 18-ю исключительно казачьими голосами. Сулинъ объяснялъ, что «хотя въ Донскомъ Войскѣ, какъ вѣроятно и въ прочихъ нерегулярныхъ казацкихъ войскахъ, и имѣется небольшое число купленныхъ великороссійскихъ дворовыхъ людей и крестьянъ обоего пола, ибо по случаю командировокъ для службы и для другихъ важныхъ дѣлъ и долговременной отъ дома отлучки, въ этихъ людяхъ и крестьянахъ настоитъ крайняя потребность для домашней службы и хозяйства; но отъ нихъ казакамъ ни малѣйшаго притѣсненія, нужды и озлобленія не бываетъ, потому что они по большей части находятся для домашнихъ услугъ...»

Сулинъ просилъ депутатовъ, «дабы, какъ Донскаго Войска, такъ и другихъ нерегулярныхъ казацкихъ войскъ, дозволено было войсковымъ атаманамъ и старшинамъ, по крайне необходимой нуждѣ, за неимѣніемъ у нихъ собственныхъ служителей для домашнихъ услугъ и работъ, покупать дворовыхъ людей и крестьянъ небольшое количество, какъ будетъ заблагоразсуждено, съ платежемъ за нихъ указной подати, и это внести въ законъ, дабы помянутые войсковые атаманы и старшины, пользуясь таковымъ правомъ, могли имѣть къ службѣ всегдашнюю исправность и поощреніе.»**) Таково было одно изъ самыхъ яркихъ общеказачьихъ выступленій въ Законодательной Коммиссіи.

Депутатъ «отъ четырехъ линій сибирскихъ казаковъ» Ѳедоръ Анцыферовъ (въ 72-мъ засѣданіи, 5 декабря) поддержалъ предложеніе донцевъ, дабы, «въ законъ предписать, въ какомъ бы, именно, родѣ казацкій корпусъ имѣлъ преимущество.» Онъ жаждалъ офицерскихъ чиновъ для старшинъ («казацкихъ командировъ»). Онъ энергично присоединялся также къ возраженію Сулина противъ Алейникова и считалъ запрещеніе казакамъ покупать крестьянъ «съ должнымъ человѣколюбіемъ и добродѣтельми», а равно и съ самимъ Наказомъ,

*) Сб. Р. И. О., т. 8, с. 170—171.
**) Сб. Р. И. О., т. VIII, с. 218—289.

«нимало не сходственнымъ».*) Можно сказать, что вольный защитникъ рабовладѣльчества перестарался! Во имя «человѣколюбія и добродѣтелей» онъ требовалъ, чтобы казаки (т. е. старшины) могли имѣть рабовъ.

Въ 75-мъ засѣданіи (12 декабря) Алейниковъ отвѣтилъ Сулину и всѣмъ, возражавшимъ противъ него, блестящей отповѣдью. Онъ говорилъ о закрѣпощеніи «малороссійскаго народа» и полковыми командирами Слободскихъ полковъ и великороссійскими помѣщиками, о бѣгствѣ малороссіанъ на Донъ, а именно: въ крѣпости св. Димитрія Ростовскаго 4.000 малороссіанъ положены въ 1763 г. въ подушный семигривенный окладъ. ... «Въ Донскомъ войскѣ находится малороссіанъ по разнымъ станицамъ, тысячъ до пяти, которые въ томъ же году тоже положены въ подушный окладъ, но земли, лѣсовъ и другихъ какихъ-либо угодій на пропитаніе имъ въ Донскомъ войскѣ не отведено нисколько и они не имѣютъ ни въ чемъ участія съ донскими казаками, а кормятся только отъ одного рукодѣлія; тѣ-же, которые не имѣютъ у себя никакого ремесла, нанимаются въ работники у донскихъ казаковъ для пастьбы скота и всякихъ домашнихъ надобностей...» Алейниковъ скорбѣлъ объ этихъ обездоленныхъ малороссіанахъ. Малороссіанинъ «предается горькимъ слезамъ и сердце его обливается кровью», — говорилъ депутатъ о народившемся донскомъ крестьянствѣ.

Алейниковъ заявлялъ, что рабы не нужны донскимъ казакамъ, «ибо «донскіе и прочіе казаки снабжены для своего содержанія довольнымъ количествомъ земли, рыбными и звѣриными ловлями, винною продажею, имѣютъ достаточное число разнаго скота, пользуются вольною солью, по рѣкамъ содержатъ мельницы, а въ надлежащихъ мѣстахъ торговыя лавки, бани и кузницы, безъ уплаты въ казну оброчныхъ денегъ. Одни изъ нихъ торгуютъ всякими товарами безъ запрещенія, другіе получаютъ денежное и хлѣбное жалованье. Однимъ словомъ, ... донскіе казаки и прочіе казачьи войска и полки передъ великорусскимъ народомъ во всемъ пользуются большими выгодами и лучшими вольностями...»

Никакого отличія въ службѣ старшинъ и рядовыхъ казаковъ Алейниковъ не видѣлъ. «Во время сраженія съ непріятелемъ рядовые казаки такою-же кровію вѣнчаются, какою и предводители; но рядовые производятъ и больше дѣйствія...» Таковъ былъ голосъ демократическаго казачества!... «Хотя помянутые господа депутаты и представляютъ, что казачьимъ войсковымъ атаманамъ и полковымъ командирамъ безъ крестьянъ быть предосудительно; но... мы видимъ цѣлую Европу, которая въ крѣпостныхъ крестьянахъ никакой нужды не имѣетъ. И не большее-ли будетъ предосужденіе всѣмъ

*) Сб. Р. И. О., т. VIII, с. 340—375.

господамъ депутатамъ и всему нашему государству передъ другими европейскими странами, когда по окончаніи сей высокославной Коммиссіи узаконено будетъ продавать и покупать крестьянъ, какъ скотину, да еще такихъ же христіанъ, какъ и мы сами?!...»

Алейниковъ предлагалъ «великороссійскихъ крестьянъ и крѣпостныхъ дворовыхъ людей, а также государственныхъ однодворцевъ, вывести изъ Малой Россіи и слободскихъ полковъ въ крѣпость св. Димитрія Ростовскаго и причислить ихъ къ тамошнимъ государственнымъ однодворцамъ; ибо при этой новопостроенной крѣпости множество ненаселенной и необработанной земли...»

«Вольныхъ Малороссіанъ, которые состоятъ за казачьими старшинами въ казачьихъ войскахъ и полкахъ и въ Донскомъ Войскѣ, вывести въ Малую Россію съ женами и дѣтьми и со всѣмъ семействомъ и причислить къ малороссійскому народу по прежнему, а великороссійскихъ крестьянъ въ великороссійскіе города съ причисленіемъ ихъ къ государственнымъ однодворцамъ...»*)

Такимъ образомъ, еще въ 1767 г. казачій депутатъ предвидѣлъ гибельныя послѣдствія отъ заселенія казачьихъ войсковыхъ земель пришлыми крестьянами. Но еще важнѣе, конечно, его горячая защита личной свободы крестьянства.

Въ противоположность донскимъ депутатамъ запорожецъ Скапа «на случай присланной изъ Дирекціонной Коммиссіи записки, въ которой о казацкихъ войскахъ упоминается, что они основались на такъ называемыхъ древнихъ обыкновеніяхъ, а въ самомъ дѣлѣ на весьма перемѣнчивомъ», сдѣлалъ въ 157-мъ засѣданіи (23 іюля 1768 г.) заявленіе о правахъ войска Запорожскаго. «Оно, — говоритъ Скапа, — состоитъ на основательныхъ обыкновеніяхъ и сверхъ того утверждается на особливыхъ правахъ и вольностяхъ, не въ примѣръ прочихъ(!) казацкихъ войскъ, поелику оно съ самаго времени добровольнаго подданства подъ россійскую державу съ своими собственными землями всегда въ числѣ шляхетства, а не черносотныхъ пребывало, на что и подлинныя отъ королей польскихъ имѣются у нихъ привилегіи, подтвержденныя отъ россійскихъ государей договорными статьями...»**)

Скапа былъ поддержанъ всѣми «малороссійскихъ полковъ казачьими депутатами», которые помнили хорошо о договорномъ происхожденіи правъ всей Украины. Трудно отказать заявленіямъ Скапы въ отчетливости политическаго мышленія, въ основательности юридическихъ притязаній. Въ 130-мъ засѣданіи Большой Коммиссіи (20-го мая 1768 года) депутатъ Яновъ подалъ «примѣчаніе» объ организаціи управленія Дона.

---

*) Сб. Р. И. О., т. VIII, с. 369—375.
*) Сб. И. Р. И. Общ., т. 32, с. 196—7.

Онъ ссылался на то, что «Начертаніемъ» Екатерины «повелѣно казацкія войска по свойству ихъ службъ, прокормленія, по образу жизни и обращенія, снабдить такими постановленіями, дабы они такъ, какъ и другіе Россійскому скипетру подвластные подданные, пользовались благоденствіемъ, тишиной и спокойствіемъ».

Яновъ объяснялъ, что «Войска Донскаго Войсковая Канцелярія съ начала древняго времени, не имѣя никакого нормальнаго закономъ ограниченія, донынѣ, яко въ нерегулярномъ народѣ по введеннымъ и застарѣлымъ древнимъ обыкновеніямъ состоитъ совсѣмъ на безпредѣльномъ основаніи, какъ-то: сколько ни есть въ наличности въ домахъ войсковыхъ старшинъ, оные всѣ, въ томъ числѣ и грамотѣ незнающіе, а притомъ и безъ судейской присяги, въ Войсковой Канцеляріи имѣютъ присутствіе и по текущимъ воинскимъ и гражданскимъ дѣламъ чинятъ безъ подписыванія опредѣленій, съ одною только на дѣлахъ помѣтою и краткою въ книгу отъ писаря запискою; почему въ письменныхъ дѣлахъ и порядочнаго теченія, какъ въ прочихъ присутственныхъ и снабженныхъ регламентами мѣстахъ, нѣтъ...»

«Въ отвращеніе» этого Яновъ предлагалъ, «не соизволено ли будетъ при нынѣшнемъ сочиненіи проекта Новаго Уложенія, для порядочнаго и формальнаго правленія всѣхъ текущихъ по Войску Донскому воинскихъ и гражданскихъ дѣлъ и всего того Войска общественной полезности, предписать въ законѣ» то, что онъ излагалъ въ своемъ проектѣ.

«По обширности Войска Донскаго, — писалъ Яновъ, — и какъ оное составляетъ немалое число воинскихъ людей, къ непремѣнному въ Войсковой Канцеляріи вообще съ Войсковымъ Атаманомъ присутствіи опредѣлять войсковыхъ старшинъ искусныхъ, грамотныхъ и законы свѣдущихъ в о с е м ь человѣкъ и онымъ, учиня судейскую присягу, велѣть вобще съ Войсковымъ Атаманомъ всякое по Войсковой Канцеляріи текущее дѣло разсматривать, рѣшить и опредѣленія крѣпить по законамъ, и о томъ снабдить ихъ регламентомъ, а прочимъ старшинамъ отправлять воинскую службу. Но дабы и въ томъ одному предъ другими въ командированіяхъ излишняго отягощенія не было, а отправляли бы оную по надлежащему порядку, о томъ сдѣлать единственно навсегда постановленіе....»

Изъ этихъ предположеній Янова видно, что старшинское правленіе, въ формѣ неорганизованнаго, но властнаго «Совѣта Старшинъ» при Войсковой Канцеляріи продолжалось и въ 1760-хъ годахъ, умѣряемое, конечно, произволомъ самого Атамана. Яновъ, какъ многолѣтній войсковой дьякъ, острѣе другихъ чувствовалъ необходимость созданія опредѣленнаго порядка, какъ въ формѣ учрежденія канцеляріи на точныхъ началахъ, такъ и въ примѣненіи законовъ. Послѣдніе не при-

мѣнялись въ управленіи Войскомъ и въ области суда, замѣняясь «застарѣлыми древними обыкновеніями».

«Къ присутствію же опредѣленнымъ старшинамъ быть не перемѣннымъ, — полагалъ Яновъ, — для того, чтобы оные наилучше законы познать, къ правленію дѣлъ пріобыкнуть и свободный голосъ имѣть могли. А если имъ въ томъ присутствіи быть по какому либо времени съ перемѣною другихъ, то, мнится, изъ оныхъ многіе находиться будуть и такіе, кои довольно законовъ и несвѣдущіе, и потому имъ въ подробное разсмотрѣніе дѣлъ входить, кольми-же паче и во время присутствія свободнаго голоса, какъ непремѣнно присутствующимъ, имѣть будетъ невозможно, и черезъ то могутъ происходить неудобства, а изъ того главнымъ правительствамъ затрудненія.»

Такимъ образомъ, депутатъ изъ войсковыхъ дьяковъ просилъ Коммиссію не только уничтожить старшинское правленіе и замѣнить его чиновничьимъ, хотя и изъ старшинъ, но и отмѣнить вовсе начало избранія войсковой администраціи.

Во 2-мъ пунктѣ своего «примѣчанія» Яновъ предлагалъ замѣнить одного войскового дьяка, существовавшаго «по древнему войсковому обыкновенію», двумя войсковыми дьяками; «да изъ находящихся въ Войсковой Канцеляріи канцелярскихъ служителей 20 чел., и раздѣлить письменное правленіе на двѣ экспедиціи — на воинскую и гражданскую».

Въ 3-мъ пунктѣ Яновъ говорилъ: «еже-ли Войсковая Канцелярія на законномъ управленіи учреждена и изъ старшинъ въ общее присутствіе съ Войсковымъ Атаманомъ непремѣнные (члены) опредѣлены будутъ, то необходимо какъ онымъ, такъ войсковымъ дьякамъ и канцелярскимъ служителямъ опредѣлить надлежитъ изъ войсковой суммы жалованье, понеже оные въ промыслахъ и въ вольностяхъ своихъ уже столько времени, какъ другіе, имѣть никакъ не могутъ.»

Затѣмъ Яновъ полагалъ необходимымъ «въ законѣ предписать и въ регламентѣ изъяснить» объ учрежденіи «для малыхъ дѣлъ» словеснаго суда. Наконецъ, онъ просилъ подтвержденія старой привилегіи о производствѣ «всякихъ челобитчиковыхъ дѣлъ» на простой бумагѣ . . .»*)

Мы уже отмѣтили выше совпаденіе проекта Степана Ефремова съ проектомъ Янова. Весьма характерно, что донской войсковой дьякъ заботился лишь о созданіи бюрократической канцеляріи, а вовсе не о правахъ Войска. Съ точки зрѣнія хорошо организованной администраціи старшинское правленіе было безпорядочно, произвольно, хаотично. Но въ контролѣ мѣстнаго общественнаго мнѣнія, въ «застарѣлыхъ» казачьихъ «обыкновеніяхъ» была, все же, нѣкоторая гарантія автономныхъ правъ колоніи. Предложеніе Янова вполнѣ соотвѣт-

*) Сб. Р. И. Общ. т. 32, с. 76—77, 464—465.

ствовало объединительнымъ и централизаторскимъ видамъ правительства Екатерины, и было осуществлено 8 лѣтъ спустя (1775).

Во время засѣданія Законодательной Коммиссіи профессоръ Московскаго Университета Десницкій сдѣлалъ Екатеринѣ II чрезвычайно интересное «представленіе о учрежденіи законодательной, судительной и наказательной власти въ Россійской Имперіи». «Представленіе» это было не лишено конституціоннаго характера.*)

Въ 3-емъ приложеніи къ этому представленію говорилось спеціально «о казакахъ». Десницкій писалъ: «находятся въ Россіи особливые народы, занимающіе отъ упражненій всѣхъ трехъ государственныхъ родовъ жителей. Ихъ вообще не можно причислить къ единому изъ оныхъ... Разные суть народы или въ округахъ оныхъ обитающіе, носящіе всегда воинскія службы, и охраняющіе отечество отъ внезапныхъ внѣшнихъ предпріятій... Сіи народы состоятъ по двумъ званіямъ: одни именуются казачьими войсками, куда относится и войско запорожское, другіе слывутъ некочующими народами... Между ними находятся, на подобіе штабъ- и оберъ-офицеровъ, разныхъ чиновъ предводители, коимъ потому слѣдуетъ имѣть нѣкоторыя офицерскія выгоды... Казаки — и воины, и купцы, и орателі...»

«... Тѣ народы, имѣвъ совсѣмъ особливое основаніе, предлогъ, родъ жизни и будучи въ отмѣнныхъ отъ прочихъ нашихъ подданныхъ обстоятельствахъ, долженствуютъ имѣть особливое положеніе, или права и преимущества въ разсужденіи лицъ...»

«Хотя», — писалъ Десницкій, — казачьи войска и «именуются народными, однако, они суть единственно на особомъ основаніи состоящіе граждане, и все ихъ количество составляетъ только часть россійскаго народа». Такимъ образомъ, первый русскій «законовѣдъ» XVIII вѣка, правильно отмѣтивши русское происхожденіе казачества, смѣшивалъ служилое и вольное казачество и считалъ казачество лишь сословіемъ. Онъ не зналъ, очевидно, историческаго происхожденія вольнаго казачества и не понималъ, почему жители нѣкоторыхъ казачьихъ войскъ именовались «народами». Въ этомъ наименованіи сохранялась память объ эпохѣ, когда казачьи «войска» были государствами иного склада, чѣмъ Россія, а жители казачьихъ республикъ, хотя и русскіе по происхожденію, были особыми «народами» въ смыслѣ ихъ личныхъ и политическихъ правъ.

Десницкій предлагалъ «взирать» на казаковъ, «какъ на сообщества, имѣющія съ россійскими гражданами отличное на своемъ мѣстѣ пребываніе, не одинакое упражненіе и разный жителей родъ....»

*) Записки Имп. Академіи Наукъ, VIII Серія, т. VII, N 4, СПБ, 1905.

Десницкій предлагалъ учредить коммиссію о «войсковыхъ государственныхъ жителяхъ». Такое названіе придумалъ онъ для казаковъ и «небродячихъ» народовъ. Коммиссія эта должна была составить «положеніе казачьихъ войскъ».

Въ качествѣ руководящаго начала государственной политики въ отношеніи казаковъ Деницкій предлагалъ: «избѣгая всякаго насилія, не можно-ли казачьи войска поощрить къ земледѣлію...» Онъ пояснялъ: «искусства и рукодѣлія могутъ ослабить военный духъ, а земледѣліе вящще его подкрѣпляетъ...» Такимъ образомъ, Десницкій расцѣнивалъ казачество лишь съ точки зрѣнія его военной полезности для Россіи,но отчетливо понималъ, что казачество не принадлежитъ «ни къ единому» изъ сословій крѣпостной Россіи.

Вопросъ о «казацкихъ правахъ» разсматривался въ «Частной коммиссіи о разборѣ родовъ государственныхъ жителей». Первоначальный проектъ былъ составленъ членомъ коммиссіи отъ Воронежскаго дворянства Ст. Титовымъ и внесенъ 11 авг. 1769 г. въ дирекціонную коммиссію. При обсужденіи проекта было принято во вниманіе мнѣніе представителя г. Москвы, кн. А. Голицына, «въ помощь которому» въ свое время былъ избранъ донской депутатъ Яновъ.*)

«Проектъ законовъ о правахъ войскъ казачьихъ», составленный коммиссіей о родахъ государственныхъ, раздѣляется на пять главъ.**)

Коммиссія пыталась, прежде всего, посильно опредѣлить, чѣмъ являются казаки въ ряду другихъ сословій Россійской Имперіи.

Казацкія войска, — писали авторы проекта, — суть «люди, служащіе къ оборонѣ границъ Россійской Имперіи, и во время войны бываютъ противъ непріятеля съ прочими регулярными войсками». Такимъ образомъ, коммиссія о родахъ государственныхъ стремилась изгладить прежнее раздѣленіе казаковъ на вольныхъ и служилыхъ и относила всѣхъ казаковъ къ разряду служилыхъ.

«Происхожденіе свое имѣютъ казаки изъ разныхъ званій народовъ, пропитаніе свое получаютъ отъ разныхъ промысловъ, звѣриныхъ и рыбныхъ ловель, отъ скотоводства и земледѣлія. Изъ оныхъ многіе имѣютъ земли и принадлежащіе къ онымъ всякія угодья, данныя имъ на цѣлыя общества» (ст. 1). Такимъ образомъ, комиссія считала всѣ казачьи земли пожалованными. «По службѣ своей, — гласилъ далѣе проектъ, — могутъ казаки причисляться къ военно-служащимъ, а по промысламъ — къ мѣщанству, также и земледѣльцамъ».

Коммиссія раздѣляла войска «по состоянію ихъ прокормленія и тѣхъ мѣстъ, гдѣ они обитаютъ, на двѣ части», а имен-

*) Сб. И. Р. И. Общ., т. 36, с. VI, 244; т. 32, с. 115.

**) Сб. И. Р. И. Общ., т, 36, с. 235—244. Повидимому переписчикъ пропустилъ обозначеніе главы VI-й (о войсковыхъ правительствахъ).

но: а) на жительствующихъ цѣлыми войсками въ обширныхъ округахъ земель общихъ владѣній, б) на жительствующихъ при крѣпостяхъ. Къ первымъ проектъ относилъ казаковъ: запорожскихъ, донскихъ, волгскихъ, яицкихъ, гребенскихъ, терскихъ семейныхъ, «Оренбургской, Сибирской и Иркутской губерній казаковъ», а также Селенгинскихъ братскихъ иновѣрцевъ. Ко вторымъ — терскихъ окончанскихъ, хоперскихъ астраханскихъ и др.

Вторая глава была посвящена «общему праву казацкихъ войскъ»; третья глава — «правамъ казаковъ, жительствующихъ цѣлыми войсками». Начала личной свободы, выборности должностныхъ лицъ и самоуправленія нашли себѣ отраженіе въ этихъ главахъ наравнѣ съ одіозной привилегіей службы за свой счетъ. Проектъ устанавливалъ также, что «всѣ казаки пользуются всѣми общими законами такъ, какъ и всѣ Россійскому скипетру подвластные народы» (ст. 4). Такимъ образомъ, еще до уничтоженія автономіи (1775), предполагалось подчинить казачество дѣйствію имперскихъ законовъ, отмѣнивши «войсковое право».

«Всѣ казаки суть люди свободные, зависящіе только отъ государя и законовъ», — устанавливалъ проектъ и, не довольствуясь этимъ, добавлялъ: «и никѣмъ укрѣплены быть не могутъ, хотя-бы и сами того пожелали» (ст. 3). Къ той же цѣли, защитѣ личной свободы, стремилась и статья 9-ая: «всякій казакъ, кромѣ обыкновенной его службы, ни къ какой другой должности опредѣленъ быть не можетъ, развѣ въ такомъ случаѣ, гдѣ онъ живетъ, и то для общей пользы того мѣста». Ст. 13 давала казаку право «достигать вѣчнаго и потомственнаго себѣ награжденія, т. е. дворянства», но въ общеустановленномъ порядкѣ. Эта статья, несомнѣнно, вставлена была по настоянію депутатовъ отъ казачьей старшины.

«Всякій казакъ нигдѣ не судимъ, кромѣ учрежденныхъ для нихъ правительствъ», кромѣ случая совершенія преступленія внѣ своей войсковой территоріи, но и тамъ казакъ долженъ былъ получить право представить съ своей стороны одного судью (ст. 6). По тяжебнымъ дѣламъ казакъ могъ «самъ себя защищать» и имѣлъ право «не быть судимъ тѣми судьями, на которыхъ имѣетъ подозрѣніе» (ст. 8). Ст. 10 и 11 касались вопроса о пріемѣ въ казаки и о судьбѣ отставныхъ. Проектъ признавалъ за казаками право «принимать въ свое сообщество вольныхъ и ничѣмъ необязанныхъ никому людей, имѣющихъ о себѣ письменное отъ правительства свидѣтельство, и сообщать имъ званіе и право казаковъ.» Отставные «за дряхлостью» или ранами могли пользоваться до смерти своей «всѣми казацкими выгодами». Таковы были личныя права, общія всѣмъ казакамъ.

«Жительствующіе войсками казаки» должны были, кромѣ того, получить — по проекту — слѣдующія права: «не пла-

тить съ себя личныхъ податей» (ст. 24); «имѣть въ своихъ мѣстахъ учрежденныя правительства» (ст. 25); «собираться и избирать въ свои правительства судей на установленномъ обрядѣ» (ст. 26); «подозрительныхъ ихъ обществу судей и старшинъ съ позволенія главныхъ правительствъ перемѣнять» (ст. 27); «къ церквамъ въ ихъ селеніяхъ избранныхъ ими въ священно- и церковнослужители представлять съ согласія прочихъ прихожанъ» (ст. 30). Какъ мы видимъ, большая часть привилегій и правъ казачьихъ нашли свое выраженіе въ проектѣ.

Изъ «правъ надъ имѣніемъ», принадлежащихъ, по проекту, всѣмъ казакамъ, отмѣтимъ: право звѣриной и рыбной ловли «на своихъ земляхъ» (ст. 14); право строить «на дворѣ своемъ» харчевни, трактиры, лавки для съѣстного (ст. 15); право «отдавать свои деньги въ складку для банковъ и промысловъ» (ст. 16).

Въ ст. 19 было оговорено право всякаго казака «нанимать себѣ для домашнихъ работъ или услугъ вольныхъ и крѣпостныхъ людей съ паспортами». Но тутъ же было сдѣлана оговорка, что казакъ «своихъ крѣпостныхъ людей имѣть не можетъ.» Ст. 20 подтверждала право казака «плѣнныхъ во время войны и привезенныхъ во время мира идолопоклонниковъ и махометанъ покупать и имѣть надъ ними право и власть владѣнія»; но это право на «ясырей» ограничивалось 8-ю годами, а для тѣхъ «ясырей», которые приняли бы православіе — и 6-ю годами.

Ст. 31 запрещала продавать или закладывать «ни частно, ни обще» земли, данныя казакамъ на цѣлыя войска. Ст. 32 утверждала почему-то право казаковъ на занятіе скотоводствомъ, а ст. 34 — на занятіе «всѣмъ обществомъ» рыбною ловлею. Ст. 33-я содержала подтвержденіе торговыхъ правъ и льготъ казачества.

Пятая глава посвящена была правамъ «войсковыхъ старшинъ всѣхъ казаковъ». Старшины, — объяснялъ проектъ, — суть тѣ, «которые изъ тѣхъ-же казаковъ достоинствами своими и исправнымъ отправленіемъ своихъ должностей и непорочною службою сіе названіе пріобрѣли» (ст. 43). Проектъ давалъ старшинамъ всѣ права рядовыхъ казаковъ, но, кромѣ того, свободу отъ тѣлеснаго наказанія, свободный входъ ко Двору и всюду, наравнѣ съ оберъ-офицерами, и право «просить оберъ-офицерскаго ранга за важные и отличные на войнѣ поступки»; свободу отъ постоя. Такимъ образомъ, проектъ лишь закрѣплялъ существовавшій въ 1767—1768 г. г. порядокъ въ отношеніи старшинъ.

Наконецъ, коммиссія о государственныхъ родахъ добавила къ проекту «правъ для казачьихъ войскъ» также и положеніе «о войсковыхъ правительствахъ». «Въ каждомъ казацкомъ войскѣ быть правительству», именуемому войсковой канцеляріей.

Послѣдняя дѣлится на двѣ экспедиціи — военную, подчиненную Военной Коллегіи, и гражданскую, подчиненную «вышнему правительству». Мѣстное управленіе войска, организацію его и т. д. проектъ предоставлялъ каждому войску. Впрочемъ, предполагалось заведеніе «по мѣстечкамъ и селеніямъ» тѣхъ мѣстъ «конторъ».

Составъ Канцеляріи долженъ былъ быть слѣдующій: «президентъ», назначенный «отъ Высочайшей власти»; прокуроръ, назначенный отъ «вышняго правительства». Половина «членовъ» Канцеляріи назначается «отъ вышняго правительства», половина выбирается изъ того войска.

«Конторой» проектъ именовалъ то, что въ концѣ XVIII вѣка получило названіе «станичнаго начальства». Одинъ членъ «конторы» долженъ былъ опредѣляться «отъ вышняго правительства»(!), а прочіе изъ казаковъ того селенія. Выборы въ члены должны производиться «баллотированіемъ». Въ конторы выбирать членовъ съ общаго согласія всѣхъ казаковъ, «живущихъ въ вѣдомствѣ оной», и на одно мѣсто трехъ кандидатовъ, коихъ представлять въ Войсковую Канцелярію. Послѣдняя «выбираетъ», т. е. назначаетъ изъ трехъ кандидатовъ одного члена. Такимъ образомъ, мѣстное самоуправленіе казачества становилось призрачнымъ. Что касается Войсковой Канцеляріи, то въ ней не только назначенный элементъ пріобрѣталъ перевѣсъ надъ выборнымъ, но и въ самую Канцелярію вводился высшій правительственный надзоръ въ лицѣ Прокурора.

Избраніе въ члены Войсковой Канцеляріи производилось — по проекту — слѣдующимъ образомъ: «прежде должны въ подсудныхъ оной канцеляріи конторахъ казаки выбрать (въ каждой) изъ живущихъ въ томъ мѣстечкѣ казаковъ — тѣхъ кандидатовъ на каждое мѣсто и прислать оныхъ въ войсковую канцелярію, и какъ оные соберутся, тогда они въ присутствіи Войсковой Канцеляріи между собой выберутъ члена, кого они къ тому способнѣе быть признаютъ...» Проще говоря, на мѣсто прежняго Войскового Круга, вводилось, исключительно для выборовъ на войсковыя должности, собраніе выборщиковъ (по 3 чел. отъ станицы).

Проектъ требовалъ утвержденія бюджета конторъ — Канцеляріей, а бюджета Канцеляріи — «вышнимъ правительствомъ». Такимъ образомъ, автономія Дона въ области финансовой подлежала уничтоженію.

Проекту этому не суждено было осуществиться. Кодификація казачьихъ правъ, превратившихся къ тому времени уже въ безправіе, въ одіозныя привилегіи, произошла лишь въ 1835 году, черезъ 66—67 лѣтъ. Сама же Законодательная Коммиссія прекратила свои занятія подъ предлогомъ начавшейся войны съ Турціей. Въ декабрѣ 1768 г. донскіе депутаты отправились на Донъ и на войну.

Глава XXII.

Борьба за казачьи автономіи. Атаманъ Степанъ Ефремовъ (1772). Пугачевъ и его казачья программа.

Царствованіе Алексѣя Михайловича было роковымъ для независимости казачьихъ республикъ, царствованіе Петра — для ихъ государственнаго бытія. Эпоха Екатерины ознаменовалась гибелью казачьихъ автономій. Каждый разъ казачество пыталось отстоять отъ метрополіи права волныхъ колоній. Въ 1670 г. это была «разиновщина», въ 1708 г. — возстаніе Булавина. Въ XVIII вѣкѣ это была упорная борьба Яика, волненія на Волгѣ и Терекѣ, а также на Дону. Наконецъ, Яикъ отвѣтилъ Имперіи пугачевщиной.

На Дону событія разразились въ 1772 году, и главнымъ героемъ явился войсковой атаманъ Степанъ Ефремовъ. На Яикѣ событія шли, постепенно наростая въ 1760-хъ и 1770-хъ годахъ, и закончились бурнымъ движеніемъ, которое вышло за предѣлы маленькой казачьей республики и приняло грандіозные всероссійскіе размѣры. Во главѣ этого движенія сталъ донской казакъ, изъ представителей мелкой старшины, хорунжій Емельянъ Пугачевъ.

Въ обоихъ случаяхъ, для казачества дѣло шло о борьбѣ за автономію, за сохраненіе прежнихъ республиканскихъ вольностей и личной свободы. Но чистая идея этой борьбы была искажена въ обоихъ случаяхъ. Пугачевъ совершенно отчетливо выразилъ въ своихъ манифестахъ чаянія казачества, но, принявши на себя имя Петра III-го, построилъ все дѣло на обманѣ, погубившемъ и его самого и дѣло казачества.

Что касается Ефремова, то онъ былъ не выборнымъ, а назначеннымъ сверху атаманомъ, вѣрнѣе, получилъ свое званіе по наслѣдству, милостію верховной власти. Самъ онъ подавлялъ, подобно отцу своему, не только остатки народоправства, въ лицѣ Круга, но и аристократическое правленіе Совѣта старшинъ. Ставши наслѣдственнымъ самодержцемъ края, онъ вступилъ въ борьбу съ царскимъ самодержавіемъ не во имя народныхъ правъ, а во имя *своего* самодержавія, своей лично независимости отъ всероссійской власти. Это была борьба за автономію сатрапа, а не народа.

Но Степанъ Ефремовъ съумѣлъ использовать автономистскія стремленія казачества и желаніе его отстоять личную свободу отъ попытокъ введенія на Дону «регулярства» и отъ закрѣпощенія. Это выступленіе его въ защиту казачества едва не повело къ возстанію Дона противъ Россіи и создало ему славу «мученика» за свободу Дона не только среди современниковъ, но и среди позднѣйшихъ донскихъ историковъ.*) На

*) Карасевъ «Бумаги о Булавин. бунтѣ», «Рус. Арх., 1894, XI; «Истор Вѣстн.» 1912, XI; «Рус. Арх.», 1894, V, с. 156—7 «Истор. несправедливость».

самомъ же дѣлѣ, Степанъ Ефремовъ далеко не заслужилъ этой славы.

Находившаяся въ 1762 г. въ Петербургѣ донская «легковая станица» приняла участіе въ переворотѣ 28 іюня, возведшемъ на престолъ Екатерину II. За участіе «донской станицы» въ «походѣ» на Ораніенбаумъ войсковому атаману Степану Ефремову пожалована была сабля въ серебряной оправѣ съ именемъ императрицы, старшина Мих. Поздѣевъ, войсковой дьякъ Ив. Яновъ, есаулы Сем. Сулинъ и И. Горбиковъ получили именныя золотыя медали въ 30 червонцевъ съ надписью: «30 іюня 1762 г.» и 11 чел. донскихъ казаковъ деньги по 10 руб. «противъ гвардейскихъ солдатъ».*) Такимъ образомъ, можно было ожидать для Степана Ефремова, особенно послѣ 1763 г., когда отпала довольно тягостная семейно-административная опека отца, спокойнаго до смерти правленія на Дону. Вышло иначе.

Въ 1771 г. наказный атаманъ Сидоръ Кирсановъ и старшина Юдинъ донесли Военной Коллегіи о злоупотребленіяхъ войскового атамана. Они обвиняли Степана Ефремова: 1) въ расхищеніи войсковой казны и провіанта; 2) во взяточничествѣ; 3) въ тайныхъ сношеніяхъ съ кабардинскими князьями и кумыкскимъ княземъ Темиромъ и 4) въ тайныхъ сношеніяхъ съ пограничными татарами, вслѣдствіи чего атаманъ уклонялся дѣйствовать противъ татаръ.

Дѣйствительно, въ 1769 г., собравши войско, Ефремовъ вскорѣ распустилъ его, не выступивши противъ крымскихъ татаръ, а въ 1770—1771 г. г. не высылалъ казаковъ во 2-ую армію. Военная Коллегія отправила въ Черкасскъ ген.-м. Опочинина, потомъ ген.-м. Романуса, наконецъ, ген.-м. Черепова. Послѣдняго избрали, очевидно, потому, что за 6 лѣтъ передъ тѣмъ, онъ былъ командированъ съ воинской командой на Яикъ для разбора споровъ между «старшинской» и «войсковой» партіей и, окруживши собравшійся Войсковой Кругъ драгунами, приказалъ стрѣлять по казакамъ «за неповиновеніе» (казаки не рѣшались подойти близко къ крыльцу Войсковой Избы, гдѣ сидѣлъ питерскій генералъ). Этотъ предательскій разстрѣлъ въ спину участниковъ Круга на Яикѣ былъ сочтенъ въ Петербургѣ за проявленіе твердой власти и за особое умѣніе вести разговоръ съ народными собраніями окраинныхъ республикъ.

Генераламъ было поручено наблюдать за тѣмъ, чтобы требованія главнокомандующихъ исполнялись немедленно. Ефремовъ былъ недоволенъ этимъ, нѣсколько разъ просилъ объ отозваніи петербургскихъ «коммиссаровъ» при Войскѣ, и, не добившись этого, грозилъ «надѣлать много непріятностей».

— «Когда правительство начало за мною присматривать, —

*) Арх. Военн. Колл., Желѣзновъ «Уральцы», т. III, изд. 2, 1888, с. 213.

говорилъ онъ, — такъ я уберусь въ горы и такихъ бѣдъ Россіи натрясу, что она будетъ вѣкъ помнить. Стоитъ только Джанъ-Мамбетъ-бею одно слово сказать, такъ ни одной души на Дону не останется...»

Когда было на Дону получено повелѣніе (27 авг. 1769 г.) вызвать желающихъ казаковъ на поселеніе въ Азовскую и Таганрогскую крѣпости, Ефремовъ собралъ войско и, выражая соболѣзнованіе, обѣщалъ освободить казаковъ отъ такого переселенія. Этимъ Ефремовъ привлекъ къ себѣ сердца казачества. Кирсановъ обвинялъ Ефремова въ томъ, что онъ заставлялъ имущихъ откупаться отъ посылки въ армію и отъ переселенія въ Азовъ и Таганрогъ, а неимущихъ посылалъ, вызывая этимъ вспышки и бунты.

Военная Коллегія вызвала атамана въ Петербургъ подъ предлогомъ необходимости лично поговорить съ нимъ о безопасности границъ. Ефремовъ понялъ, въ чемъ дѣло, и не ѣхалъ, несмотря на дважды повторенные ему указы. Тогда Военная Коллегія приказала Черепову выслать атамана силою въ Петербургъ, не долѣе какъ черезъ трое сутокъ, и объявить Войсковой Канцеляріи, чтобы она не приводила въ исполненіе никакихъ распоряженій атамана. Самому Ефремову было приказано, чтобы онъ, «въ какомъ бы состояніи и гдѣ бы теперь ни находился», слѣдовалъ въ Петербургъ безъ малѣйшаго въ пути промедленія.

Легко было писать изъ Петербурга подобные приказы. Ген.-м. Череповъ былъ на Дону безъ драгунъ, да и Войско Донское было во много разъ больше Яицкаго. Однако, Ефремовъ сдѣлалъ видъ, что ѣдетъ въ Петербургъ, самъ же отправился въ объѣздъ по верхнимъ донскимъ станицамъ. Собирая въ каждой станицѣ станичныхъ атамановъ и казаковъ, Ефремовъ увѣрялъ ихъ, что изъ Войска Донского будетъ наборъ рекрутъ и уговаривалъ подавать на его имя прошенія объ «избавленіи отъ регулярства» и о возвращеніи поселенныхъ уже казаковъ изъ Азова и Таганрога. Обращенія атамана имѣли большой успѣхъ. Собравши 25 приговоровъ станицъ, онъ вернулся въ свой хуторъ «Зеленый Дворъ» подъ Черкасскомъ.

На новое требованіе Черепова ѣхать въ Петербургъ Ефремовъ отвѣтилъ отказомъ и объявилъ, что онъ пожалованъ атаманомъ по высочайшему именному указу, и ему, а не Черепову, поручено въ команду Войско, что за свои поступки онъ самъ будетъ отвѣчать. Череповъ, чтобы не впустить Ефремова въ Черкасскъ, выставилъ вооруженные казачьи пикеты.

Сторонники Ефремова убѣждали казаковъ, что атаманъ подвергается преслѣдованіямъ за то, что желаетъ отстоять старинныя права Войска, избавить казаковъ отъ «регулярства» и вернуть тѣхъ, кто былъ поселенъ при Азовской и Таганрогской крѣпостяхъ.

Въ концѣ сентября въ Войсковой Канцеляріи былъ по-

лученъ «предвозвѣстительный пасквиль» отъ Бесергеневской станицы казака Якова Янченкова, который писалъ атаману и старшинамъ: «за рѣку» (т. е. за Войско) «стойте крѣпко, ген. Черепову подписокъ не давайте, а то узнасте, что вамъ и генералу съ вами будетъ. Это, вѣдь, не Яицкое, а Донское Войско...»

1 окт. 1772 г. въ Черкасскѣ собрался обычный Войсковой Кругъ. На Кругѣ были прочитаны дьякомъ грамоты Военной Коллегіи и указъ объ отзывѣ Ефремова въ Петербургъ. Произошедшія пренія хорошо отразили взглядъ казачества на автономію. Походный есаулъ казачества Перфиловъ заявилъ: «Грамоты подписаны генералами, а ручки государыни нашей нѣтъ. Атаманъ Ефремовъ пожалованъ по именному высочайшему указу, а теперь не велѣно отъ него никакихъ ордеровъ исполнять, а слушать Черепова».

Казаки кричали: «По войсковомъ атаманѣ стрѣлять не будемъ, и какъ командира своего въ городъ пустимъ; генерала-же за командира почитать не желаемъ, потому что и напредъ сего никогда не бывало, какъ нынѣ Череповъ нами командуетъ. Отъ этого намъ большая обида...» «Генералъ хочетъ насъ въ регулярство писать, и рѣку раздѣлить...» Толпа бросилась къ дому, занимаемому Череповымъ. «Ты хочешь насъ писать въ солдаты, — кричала толпа, — но мы всѣ помремъ, а до того себя не допустимъ...»

Череповъ, пытавшійся бѣжать къ Дону, а затѣмъ рѣкою подъ прикрытіе пушекъ крѣпости св. Димитрія, былъ схваченъ и избитъ. По старинному обычаю его хотѣли-было «посадить въ воду», а потомъ поволокли къ атаману на расправу. Ефремовъ съ большой свитой выѣхалъ на встрѣчу толпѣ и, принимая отъ нея избитаго представителя центральной власти, сказалъ послѣднему съ усмѣшкой, повторяя слова «предвозвѣстительнаго пасквиля»: это Войско Донское, а на Яицкое...»

Объявивши войну коммиссару всероссійской власти, Ефремовъ не сдѣлалъ должныхъ выводовъ изъ своего поступка и казачьихъ волненій. Надо было или покоряться, или возставать. Ефремовъ-же выжидалъ и бездѣйствовалъ.

Въ ночь на 9-е ноября въ Черкасскѣ раздался набатъ и выстрѣлы вѣстовыхъ пушекъ. Казаки, сбѣжавшіеся къ Войсковой Канцеляріи, узнали, что команда драгунъ, прибывшая изъ крѣпости св. Димитрія, арестовала Ефремова на Зеленомъ Дворѣ и увезла его въ крѣпость. Казаки упрекали наказнаго атамана за выдачу Ефремова. «Всѣхъ васъ перебить и въ воду посадить», — кричали они. Ефремовъ успѣлъ послать къ Войску гонца съ просьбой отбить его на Бахмутскомъ трактѣ. Къ утру старшина Василій Иловайскій и 300 казаковъ, подскакавши къ Кизитиринскому форпосту крѣпости св. Димитрія, требовали выдачи атамана, угрожая, что ночью «всѣмъ войскомъ придутъ выручать атамана.»

Волненія продолжались нѣсколько дней, укрѣплялся Черкасскъ, готовились къ оборонѣ, были посланы гонцы по станицамъ, но движеніе стало затихать, когда узнали, что Ефремовъ взятъ по именному высочайшему указу. Объ этомъ поторопилась сообщить и сама императрица Екатерина II, на этотъ разъ «императорскою грамотою» за собственноручною подписью. «Возмездіе за ослушаніе преступнику» должно было доказать всему Донскому Войску, «коль нетерпимо Нами такое ослушаніе и всякая продерзость...» «Буде-же паче чаянія, и къ возбужденію праведнаго гнѣва Нашего нашлись бы въ Донскомъ Войскѣ Нашемъ такіе преступники, кои бы дерзнули еще продолжать безпокойство и волнованіе, то да вѣдаютъ, что тогда не избѣгнутъ злодѣи и возмутители достойной себѣ казни». Монаршее благоволеніе обѣщано было, наоборотъ, «пребывающимъ въ повиновеніи вѣрнымъ рабамъ».

Въ отвѣтъ на вѣрноподанническую «отписку» Войска Екатерина простила и «сію часть сего Войска старшинъ и казаковъ, которые забывъ страхъ Божій и свою Намъ присягу, дерзнули вооружиться и подъѣзжать подъ крѣпость св. Димитрія въ намѣреніи выручить оттуда реченнаго атамана...» Виновные въ этомъ дѣлѣ были наряжены внѣ очереди въ дѣйствующую противъ турокъ армію.

Военный судъ въ Петербургѣ приговорилъ Ефремова къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Главными его винами были признаны официально: неисполненіе многихъ повелѣній главнокомандующихъ арміями, ослушаніе шести указовъ Военной Коллегіи о выѣздѣ въ Петербургъ, вызванное этимъ возмущеніе казаковъ противъ Черепова и то, что «публично, предъ старшинами, съ дерзостію и угрозами, забывъ подданническую къ Ея Имп. Величеству должность, выговаривалъ непристойныя слова. Главное обвиненіе и заключалось въ этихъ «непристойныхъ словахъ». Главное-же, о чемъ умалчивалъ приговоръ военнаго суда, было то, что Ефремовъ осмѣлился угрожать провозглашеніемъ независимости Дона и союзомъ съ горцами и татарами противъ Россіи.

Надо отмѣтить, что Джанъ Мамбетъ-бей, дѣйствительно, пытался оказать помощь Ефремову, пославши въ защиту его письма и «министру иностранныхъ дѣлъ» гр. Панину и оберъ-коменданту крѣпости св. Димитрія Потапову. Все дѣло о волненіяхъ на Дону подвергалось разсмотрѣнію въ Государственномъ Совѣтѣ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Екатерины. Государственный Совѣтъ руководилъ всѣмъ дѣломъ о посылкѣ на Донъ Черепова «для правленія дѣлъ» въ отсутствіе Ефремова. Онъ-же предложилъ послать на Донъ «гвардіи офицера», который долженъ былъ потребовать отъѣзда Ефремова въ Петербургъ, давши ему лишь три часа сроку. Совѣтъ одобрилъ также предложеніе президента Военной Коллегіи гр. Чернышева, «въ уваженіе дальняго разсмотрѣнія и на случай про-

долженія въ Войскѣ Донскомъ замѣшательствъ» о посылкѣ на Донъ «двухъ полковъ пѣхотныхъ съ генералъ-маіоромъ» изъ второй арміи.

Нельзя не отмѣтить и роли оберъ-коменданта крѣпости св. Димитрія И. Потапова. Въ 1763 г. онъ былъ командированъ на Яикъ производить слѣдствіе по поводу дѣйствій предшествовавшаго слѣдователя, которыя показались въ Петербургѣ слишкомъ благопріятными для «войсковой» (народной) партіи. Потаповъ все перерѣшилъ, назначилъ вмѣсто выборнаго атамана на Яикъ атаманомъ премьеръ-маіора драгунскаго полка Романа Новокрещеннаго. За этотъ подвигъ Потаповъ назначенъ былъ оберъ-комендантомъ въ Казань (отъ которой зависѣли Яицкіе казаки); затѣмъ этого казачьяго недруга назначили «за способностью и по надобности пограничнаго мѣста» оберъ-комендантомъ крѣпости св. Димитрія. Подобно Черепову онъ имѣлъ «опытъ» борьбы съ казачествомъ. Когда гвардіи капитанъ-поручикъ Ржевскій прибылъ въ Ростовъ съ инструкціей дѣйствовать по обстоятельствамъ, вплоть до ареста атамана, если тотъ откажется исполнить высочайшее повелѣніе, то, именно, Потаповъ убѣдилъ его сдѣлать ночной вооруженный набѣгъ на донскую территорію и начать прямо съ ареста Ефремова.

14 марта 1773 года смертная казнь была замѣнена Ефремову вѣчною ссылкою въ Перновъ.

Для подробнаго разслѣдованія дѣла по обвиненію Ефремова въ растратѣ войсковой казны, взяткахъ, а также и о Череповскомъ бунтѣ, наряжена была, въ 1773 г., въ крѣпости св. Димитрія, слѣдственная коммиссія изъ семи лицъ, подъ предсѣдательствомъ оберъ-коменданта Потапова. Эта коммиссія вызывала къ допросамъ болѣе 50 чел.; разыскивала обвиняемыхъ по станицамъ и «къ утвержденію сущей справедливости разспрашивала пристрастно съ батоги и розгами». Такимъ образомъ, дѣло о Череповскомъ бунтѣ трактовалось, какъ государственное преступленіе, и розыскъ о немъ былъ порученъ представителю центральной власти въ Приазовьѣ.

Дѣла о казакахъ были прекращены въ 1774 г. по высочайшему повелѣнію; самъ же Степанъ Ефремовъ умеръ въ ссылкѣ (въ Таганрогѣ), гдѣ тщательно слѣдили, что-бы онъ не имѣлъ сношеній съ донцами.*) Политическіе выводы изъ Ефремовскаго дѣла были сдѣланы правительствомъ уже въ 1775 г., послѣ подавленія «пугачевщины». Въ томъ-же 1775 г. (25-го

---

*) Филоновъ «Паденіе атамана Ефремова» въ сб. «Очерки Дона», 1859; Савельевъ «Трехсотлѣтіе Войска Донского», СПБ. 1870; «Труды Дон. Войсков. статист. комитета», т. I, 1867, и т. II, 1874 г. (документы); Дубровинъ «Пугачевъ и его сообщники», т. I, 1884 г.; Карасевъ «Атаманъ Ст. Д. Ефремовъ (1754—1772)», «Ист. Вѣстн.», 1902, IX; П. С. З. т. XVIII, N 13351, т. XIX, N 13476; т. XX, N 14340; «Арх. Гос. Сов». т. I, СПБ, 1869; с. 436; Кириллов «Старочерк. Ефрем. монастырь», Новочеркасскъ, 1897.

іюня) пришлось расформировать Азовскій и Таганрогскій полки, передавши службу Войску Донскому, по его наряду.

Что касается Черепова, 15 окт. 1772 г. Екатерина II повелѣла, «чтобъ ген.-м. Череповъ въ подобныя коммиссіи, какову имѣлъ на Дону, впредь употребляемъ не былъ». Потаповъ-же два года расправлявшійся съ донскими казаками, былъ назначенъ поблизости, чтобы не терять Дона изъ виду, воронежскимъ губернаторомъ.*)

При первой-же встрѣчѣ съ Пугачевымъ яицкій казакъ Ильяновъ заявилъ ему, что яицкому войску живется худо: «мы разорены отъ старшинъ и всѣ наши привилегіи нарушены.»**) Словами этими онъ точно опредѣлилъ сущность происходившаго на Яикѣ соціально-политическаго процесса. Разслоеніе единаго казачества на старшинскую, своего рода, аристократію и рядовое казачество происходило на Яикѣ болѣе бурно, чѣмъ на Дону. Старшинская «сторона» тянула къ Питеру. Одновременно, метрополія, близко подошедшая и къ этой вольной колоніи, пыталась наложить руку на республиканскія вольности, опираясь въ борьбѣ съ народной партіей («войсковой» или «непослушной стороной») на «послушную» старшинскую «сторону».

Доведенные до отчаянія сторонники народной партіи, послѣ жестокой съ ними расправы 1772 г. со стороны правительственныхъ войскъ, съ восторгомъ встрѣтили заявленіе Пугачева, что онъ — Петръ III. Противъ дворянской царицы, покровительницы казачьей аристократіи, они могли выдвинуть своего «казачьяго» царя. Иниціаторовъ возстанія не смутило чистосердечное признаніе Пугачева. «Все отъ меня злодѣяніе, — показывалъ впослѣдствіи Пугачевъ, — произошло черезъ яицкихъ казаковъ, ибо они точно знали, что я не государь, а донской казакъ».

— «Намъ какое дѣло, государь онъ или нѣтъ», — разсуждали яицкіе «заводчики» этого дѣла, — «мы изъ грязи сумѣемъ сдѣлать князя. Если онъ не завладѣетъ московскимъ царствомъ, такъ мы на Яикѣ сдѣлаемъ свое царство... Мы вздумали взять его (Пугачева) подъ свое защищеніе и сдѣлать надъ собой властелиномъ и возстановителемъ своихъ притѣсненныхъ и упадшихъ обрядовъ и обычаевъ, которые давно стараются у насъ перемѣнить... Для сихъ причинъ вздумали мы принять его покойнымъ государемъ Петромъ Ѳедоровичемъ, дабы онъ возстановилъ прежніе наши обряды, а бояръ, которые больше всего въ семъ дѣлѣ» (угнетеніи казачьей вольности) «умничаютъ, всѣхъ истребить, надѣясь на то, что сіе наше предпріятіе будетъ подкрѣплено и сила наша умножится отъ черни, которая тоже вся притѣснена и въ конецъ разорена».***)

*) Архивъ Гос. Сов., т. I, с. 436; Русс. Біогр. Словарь («Плавильщиковъ», с. 640—642, біогр. И. Потапова.

**) Дубровинъ, т. I, с. 156.

***) Дубровинъ, т. I, с. 220—221.

Трудно яснѣе и точнѣе изложить ту программу и тотъ планъ дѣйствій, съ которыми рѣшилась выступить республиканская партія колоніи противъ самодержавно-крѣпостнической метрополіи.

Во исполненіе казачьей (яицкой) программы Пугачевъ, еще укрываясь на Таловомъ умету, устно объявилъ казакамъ, пріѣзжавшимъ провѣрить слухъ о появленіи государя: «Я вамъ даю свое обѣщаніе жаловать ваше войско такъ, какъ Донское; по двѣнадцати рублей жалованья и по двѣнадцати четвертей хлѣба жалую васъ рѣкою Яикомъ и всѣми протоками, рыбными ловлями, землею и угодьями, сѣнными покосами безданно и безпошлинно; я распространю соль на всѣ четыре стороны, вези, кто куда хочетъ, и буду васъ жаловать такъ, какъ и прежніе государи, а вы мнѣ за то послужите вѣрою и правдою».*)

16-го сентября 1773 г. на хуторѣ Толкачева, передъ походомъ на Яицкій городокъ, Пугачевъ держалъ рѣчь къ собравшимся казакамъ: «жалую васъ рѣкой Яикомъ, съ вершины до устья, жалую морями, травами, денежнымъ жалованьемъ, хлѣбомъ, свинцомъ, порохомъ и всею вольностію. Я знаю, что всѣмъ обижены, что васъ лишаютъ привиллегій и истребляютъ вашу вольность. Богъ за мою прямую къ нему старую вѣру вручаетъ мнѣ царство по прежнему, и я намѣренъ возстановить вашу вольность.. . Я васъ не оставлю и вы будете у меня первые люди . . .»**)

Въ «имянномъ указе Яицкому войску» отъ 17 сент. 1773 г. Пугачевъ повторилъ свои обѣщанія: «жаловаю я васъ: рякою съ веръшинъ и до усья» и т. д. Онъ напоминалъ также: «когда вы устоите за свое отечество, и ниисточитъ ваша слава казачья отъ нынѣ и до веку и у детей вашыхъ».

Яицкому казачеству, изнемогавшему въ борьбѣ за остатки своего республиканскаго устройства, появленіе среди нихъ царя, который говорилъ имъ объ истребленіи «злодѣевъ-дворянъ», о возстановленіи народоправства, о томъ, что казаки будутъ первые у царя люди, — все обѣщаемое Пугачевымъ показалось чудеснымъ. Даромъ, что царь именовалъ себя «амперадоромъ». Спаситель д о л ж е н ъ былъ явиться, а если его не было, то можно было и «изъ грязи сдѣлать князя».

Донской хорунжій Емельянъ Пугачевъ, попавшій въ «амперадоры», все время своего государствованія пробылъ, въ сущности, въ плѣну у группы яицкихъ казаковъ, «пущихъ завотчиковъ». Они-же, спасая свою голову, и выдали его потомъ властямъ. Царство самозванца было большой казацкой республикой. По большей части, царство это совпадало съ райономъ, занятымъ фактически арміей повстанцевъ. Подобно

*) Дубровинъ, т. I, 189.
**) Дубровинъ, т. I, с. 245.

казакамъ эпохи Смуты, подобно Разину, и Пугачевъ насаждалъ повсюду «казатчину». Уже въ Татищевой крѣпости Пугачевъ приказалъ остричь по казачьи головы помилованнымъ плѣнникамъ и приказалъ имъ именоваться «государевыми казаками».*) «Будь ты отнынѣ казакъ, а не воевода», — сказалъ онъ воеводѣ пригорода Осы.**) «Ну, господа купцы, — сказалъ онъ пензенскимъ купцамъ, — теперь вы и всѣ городскіе жители называйтесь моими казаками. Я ни подушныхъ денегъ, ни рекрутъ съ васъ брать не буду».***) Впрочемъ, это не помѣшало ему немедленно-же потребовать на свою службу новоявленныхъ «казаковъ» (по разсчету одного изъ шести мужскихъ душъ).

Плѣнныхъ офицеровъ, которые его признавали, онъ жаловалъ въ «атаманы» и «есаулы». Самъ онъ носилъ всегда казачье платье. Обѣщалъ уничтожить Петербургъ и сдѣлать Яицкій городокъ столицею. Женился на казачьей дочери Устиньѣ Кузнецовой. Царедворцами его были яицкіе казаки. Государственныя дѣла вершились въ кругу, который нерѣдко отвергалъ предложенія Пугачева криками: «Не любо! къ черту!» И «амператоръ» ничего не могъ подѣлать со своими «подданными».

Полки арміи Пугачева дѣлились на сотни съ сотникомъ, есауломъ и хорунжимъ во главѣ. Выборы всѣхъ чиновъ, вплоть до полковниковъ производились по казачьи, въ кругу (сотни или полка). Если выбираемый былъ не ихъ мысли, казаки кричали «негоденъ». Зародышемъ государственнаго учрежденія была лишь «Военная Коллегія», докладывавшая Пугачеву болѣе сложныя челобитныя.

Когда, взявши Яицкій городокъ, Пугачевъ приказалъ казакамъ созвать Кругъ и выбрать себѣ атамана и старшинъ съ правомъ смѣстить ихъ хоть черезъ три дня, онъ привелъ ихъ въ восторгъ тѣмъ, что возстановилъ «старинный ихъ обычай». Пріѣхавшему изъ Петербурга яицкому казаку Перфильеву одинъ изъ главныхъ полководцевъ Пугачева, яицкій казакъ Овчинниковъ сказалъ о Пугачевѣ: «Онъ намъ оказалъ уже милости: пожаловалъ насъ водами и сѣнокосами, крестомъ и бородой и обѣщалъ намъ еще жалованье — чего-же больше?!...» Кромѣ земли, рыбы, старой вѣры и жалованья было еще осуществлено народоправство.

Какъ мы видимъ, для широкой массы яицкаго казачества вопросъ состоялъ не въ желаніи отложиться отъ Россіи. Соблюдая вѣрность царю, какъ общенаціональному вождю, казаки желали, чтобы великая метрополія поддержала ихъ республику субсидіей, признала право казачества на земли, воды и угодья, предоставила-бы казакамъ свободу вѣры и не на-

*) Дубровинъ, т. II, с. 28.
**) Дубровинъ, т. II, с. 201.
***) Томъ III, с. 165—6.

рушала республиканскаго образа правленія Яика. Пугачевъ особенно хорошо усвоилъ эту программу, будучи лично донскимъ казакомъ. Онъ мечталъ провести ее не только на Яикѣ, но и по всей Россіи.

Политическая программа Пугачева была весьма не сложна. Дворянская царица Екатерина II должна была быть замѣнена казачьимъ, демократическимъ царемъ. Весьма характеренъ его манифестъ, обращенный въ іюлѣ 1774 г. къ населенію приволжскихъ губерній праваго берега, по существу же, къ крестьянству всей Россіи. Въ немъ онъ писалъ: «Жалуемъ всѣмъ находящимся прежде въ крестьянствѣ и подданствѣ помѣщиковъ быть вѣрноподданными рабами собственно нашей короны и награждаемъ древнимъ крестомъ и молитвою, головами и бородами, вольностію и свободою, вѣчно казаками, не требуя рекрутскихъ наборовъ, подушныхъ и прочихъ денежныхъ податей, во владѣніи землями, лѣсными, сѣнокосными угодьями, рыбными ловлями, соляными озерами безъ покупки и безъ оброку и освобождаемъ (отъ) всѣхъ прежде чинимыхъ, — отъ злодѣевъ дворянъ, градскихъ мздоимцевъ и судей — крестьянамъ и всему народу налагаемыхъ податей и отягощеніевъ . . .»*)

Итакъ, крестьяне должны были стать «рабами» не помѣщиковъ, а царя. Затѣмъ шелъ обычный для Пугачева перечень обѣщаемыхъ свободъ: свободы вѣроисповѣданія (точнѣе, прекращенія преслѣдованій противъ раскольниковъ); связанной съ этимъ свободы носить любую прическу и не брить бороду; уничтоженія злоупотребленій со стороны чиновниковъ «мздоимцевъ». Главныя обѣщанія были: свобода отъ крѣпостной зависимости и предоставленіе земли народу съ правомъ пользованія всѣми угодьями безъ всякаго выкупа. Къ этому Пугачевъ прибавлялъ освобожденіе отъ рекрутскихъ наборовъ, подушныхъ и прочихъ денежныхъ податей.

Для насъ наиболѣе интересны въ этой программѣ слова о томъ, что крестьяне на вѣки обращались въ казаковъ; въ людей свободныхъ отъ власти помѣщиковъ, отъ рекрутства и налоговъ, во владѣльцевъ всей земли со всѣми угодьями. Осуществленіе этой программы представлялось Пугачеву довольно простымъ: надо было лишь физически истребить классъ помѣщиковъ. «Кои дворяне въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, — писалъ Пугачевъ, — оныхъ, противниковъ нашей власти, возмутителей имперіи и разорителей крестьянъ, ловить, казнить и вѣшать . . . По истребленіи которыхъ противниковъ и злодѣевъ дворянъ всякій можетъ восчувствовать тишину (и) спокойную жизнь . . .» Впрочемъ, замѣтимъ мимоходомъ, иногда Пугачевъ говорилъ также, что «отъ дворянъ лучше всѣ деревни отнять и опредѣлить жалованье, хотя-бы и большое». Оче-

*) Дубровинъ т. III, с. 112.

видно, дворяне были все-же, въ его глазахъ «спецами по части управленія».*)

Врядъ-ли Пугачевъ задумывался, какъ онъ осуществитъ свое казацкое царство, отмѣнивши подати, обязательную военную службу и т. д. Да ему и не до того было...

Пожалуй, что не однимъ только цвѣтистымъ оборотомъ царской рѣчи, а и вполнѣ искреннимъ желаніемъ Пугачева, можно объяснить обращеніе его къ «Башкирской области» (1 окт. 1773 г.). Въ этомъ манифестѣ, пожаловавши башкиръ «даже до послѣдка землями, водами, лѣсами, жительствами, травами, рѣками, рыбами, хлѣбомъ, пашнями», добавивши имъ еще свое «царское» жалованье: «денежное, свинецъ и порохъ», Пугачевъ писалъ: «и пребывайте такъ, какъ степные звѣри въ благодѣяніяхъ и продерзостяхъ, всѣхъ васъ пребывающихъ на свѣтѣ освобождаю...»**)

Вольная колонія Яика, республиканская община воиновъ-рыболововъ, значительно позже Дона подверглась всѣмъ послѣдствіямъ того, что правительственная колонизація подошла близко къ ея границамъ. Пугачевъ, или его случайный писарь, несомнѣнно, правильно выразилъ тоску окраиныхъ вольныхъ республикъ по тому времени, когда въ предѣлахъ великаго «Поля», вольные и свободные, жили «яко степные звѣри», воины-охотники и воины-рыболовы.

Трудно сказать, какъ отозвался-бы Донъ на призывы Пугачева, если-бы большая часть донского казачества не была на войнѣ, если бы онъ пришелъ на Донъ въ эпоху своихъ успѣховъ, а не наканунѣ пораженія, и если-бы въ основѣ его дѣла не лежалъ обманъ самозванца.

Послѣ своей неудачи на прямомъ пути къ Москвѣ, Пугачевъ двинулся къ Дону. Онъ надѣялся встрѣтить сочувствіе донцевъ, поднять казаковъ и уйти съ ними на Кубань. Когда онъ былъ еще въ Казани, сообщники его звали его на Москву. Онъ отвѣтилъ имъ: «Еще время не пришло, надобно-де побывать на Дону». Оттуда онъ хотѣлъ двинуться уже на Москву.***) Обращаясь къ тѣмъ донцамъ, которые попадали къ нему въ плѣнъ, онъ говорилъ имъ, что они у него, невпримѣръ жалованью Екатерины, будутъ въ золотѣ ходить, «а у васъ господа съѣдаютъ жалованье». Повидимому подъ «господами» онъ разумѣлъ старшинъ.

Подходя къ Дону, Пугачевъ заявилъ депутату Астраханскаго войска Горскому, что онъ идетъ на Донъ, «а съ Дона пройдемъ мы въ Москву — по гладкому мѣсту...» Очевидно онъ былъ увѣренъ или хотѣлъ увѣрить Горскаго, что Донъ подымется по его призыву.

---

*) Дубровинъ, т. II, с. 144.
**) Дубровинъ, т. II, с. 40.
***) «Русс. Стар.», 1876 г., іюль, с. 487.

Къ войску Донскому Пугачевъ обратился съ тремя манифестами. Первый изъ нихъ (отъ 13 августа 1774 г.) былъ довольно кратокъ. «Вы уже довольно и обстоятельно знаете, — писалъ самозванецъ, — что подъ скипетръ и корону нашу почти уже вся Россія добропорядочнымъ образомъ по прежней своей присягѣ склонилась. Сверхъ того, нѣсколько донского и волгскаго войска оказываютъ къ службѣ нашей, — по искорененію противниковъ, разорителей и возмутителей имперіи— дворянъ — ревность и усердіе и получили себѣ свободную вольность, нашу монаршію милость и награжденіе древняго Святыхъ Отцовъ преданія крестомъ и молитвою, головами и бородами».

Такимъ образомъ, Пугачевъ обѣщалъ Войску «вольность», т. е. уваженіе къ республиканскому строю колоніи, «милость, т. е. «жалованье», или субсидію, и свободу вѣры. Желая увлечь донцевъ за собою, Пугачевъ указывалъ и на общую причину поднятой имъ борьбы. «Вы, — писалъ онъ, — нынѣ помрачены и ослѣплены прельщеніемъ тѣхъ проклятаго рода дворянъ, которые не насытясь Россіею, но и природныя казачьи войска хотѣли раздѣлить въ крестьянство и истребить казачій родъ»- Интересно здѣсь противоположеніе «Россіи» окраинным республиканскимъ колоніямъ («природнымъ казачьимъ войскамъ»), напоминаніе о желаніи дворянъ обратить казаковъ въ крестьянъ и тѣмъ «истребить казачій родъ». Раскаявшимся Пугачевъ обѣщалъ прощеніе и награжденіе, какъ и другимъ уже «склонившимся вѣрноподданнымъ рабамъ».*)

Второй манифестъ, обращенный къ «Антиповской станицы, г. атаману, старшинамъ и всей Антиповской станицѣ» былъ повтореніемъ предыдущаго въ главныхъ своихъ частяхъ.**) Зато очень подробно излагалъ Пугачевъ свои мысли о казачьей вольности въ манифестѣ «Березовской станицы г. атаману и всѣмъ живущимъ въ оной донского войска казакамъ и во всенародное извѣстіе».***)

«Довольно уже, — писалъ Пугачевъ, — наполнена была Россія о нашемъ отъ злодѣевъ (главныхъ сенаторовъ и дворянъ) укрытіи вѣроятнымъ слухомъ... Не отъ чего иначе сіе воспослѣдовало, какъ во время царствованія нашего разсмотрѣно, что отъ прописанныхъ злодѣевъ дворянъ, древняго святыхъ отецъ преданія законъ христіанскій совсѣмъ нарушенъ и поруганъ, а вмѣсто того отъ ихъ зловреднаго умысла съ нѣмецкихъ обычаевъ введенъ въ Россію другой законъ и самое богомерзкое брадобритіе и разныя христіанской вѣрѣ, какъ въ крестѣ, такъ и прочемъ, неистовства, и подвергнули кромѣ нашей монаршей власти всю Россію себѣ въ подданство, съ наложеніемъ великихъ отягощеніевъ и доводя ее до самой

*) Дубровинъ «Пугачевъ», т. III, с. 215—216. «Русс. Арх.», 1870, т. I.
**) Дубровинъ «Пугачевъ», т. III, с. 221—1.
***) Тамъ же, с. 225—6.

крайней гибели; черезъ то, какъ яицкое, донское, волжское войско ожидали своего крайняго разоренія и истребленія, что нами во всемъ вышепрописанномъ отечески соболѣзновавъ сожалѣли и унамѣрены были отъ ихъ злодѣйскаго тиранства свободить и учинить во всей Россіи вольность, за что нечаянно лишены мы всероссійскаго престола и вмѣнены злоумышленными публикованными указами въ мертвые. . .»

Итакъ, ложный Петръ III представалъ предъ донскимъ казачествомъ въ образѣ народнаго и казачьяго царя, который скорбѣлъ о преслѣдованіи старой вѣры, о захватѣ дворянствомъ всей Россіи «въ подданство» (очевидно, дѣло шло не только о захватѣ политической власти дворянами, сколько о крѣпостномъ правѣ), который соболѣзновалъ казачьимъ войскамъ по поводу подготовлявшагося «истребленія» ихъ.

Пугачевъ сообщалъ, что «склонились» подъ его «скиптръ и корону»: «Казанской и Оренбургской губерній народъ», башкирскія и калмыцкія орды и волжское казачье войско. Онъ призывалъ донское казачье войско «вступиться за природнаго своего государя» и истреблять «вредительныхъ обществу дворянъ», обѣщая «на первый случай невзачетъ жалованья по 10 руб.»

«Истребленіемъ казачьяго рода», о которомъ писалъ Пугачевъ, было, очевидно, образованіе т. наз. казачьихъ полковъ при Азовской и Таганрогской крѣпостяхъ и репрессіи противъ Яицкихъ казаковъ. И то, и другое было лично Пугачеву извѣстно.

По Дону распространился слухъ, что идетъ не Пугачевъ, а истинный государь Петръ Ѳедоровичъ. Старшины, находившіеся въ верхнихъ станицахъ, дѣйствовали нерѣшительно и не всегда согласно. Можно признать, что верховыя станицы (по Медвѣдицѣ, Иловлѣ и Хопру) не особенно охотно поднимались противъ Пугачева. Особенно противились старики и люди пожилые.

16-го августа донскія части полковника Кутейникова были разбиты Пугачевымъ, а 19-го августа снова понесли пораженіе на р. Мечетной. При этомъ хорунжіе полка Грекова — Крапивинъ и Терентьевъ преклонили предъ Пугачевымъ «хорунгу» и увлекли за собою до 400 казаковъ.

Кутейниковъ сообщилъ объ этомъ царицынскому коменданту, говоря, что передавшіеся, «и прочихъ смѣшавъ мысли, нанесли страхъ такой, что мы объ истребленіи отъ казаковъ злодѣя надежды не предвидимъ, и хотя изъ оныхъ, изъ находящихся при насъ еще большая половина и осталась съ нами, но, что послѣдуетъ и отъ нихъ, увѣрить никакъ теперь не можно».

Когда Пугачевъ проходилъ мимо Царицына, хвостъ его обоза былъ атакованъ донцами. Однако, при этой удачной атакѣ, многіе донцы присоединились къ пугачевцамъ, и къ

вечеру число такихъ доходило до 1.200 чел. При остановкѣ на ночлегъ всѣ они старались взглянуть на самозванца, но тутъ-то и вскрылась ложь всего предпріятія Пугачева, ибо «злодѣй рожу свою отъ нихъ отворачивалъ». Несмотря на это, его узнали, и донцы стали по одиночкѣ покидать лагерь самозванца. Въ свою очередь, это обстоятельство привело и яицкихъ казаковъ, непосвященныхъ въ тайну казачьяго «царя», «въ такое замѣшательство, что руки у всѣхъ опустились и не знали за что приняться». Пугачевъ вскорѣ преданъ былъ яицкими казаками въ руки правительства.

Правительство хорошо понимало значеніе выставленныхъ Пугачевымъ лозунговъ для Дона и принимало свои мѣры.

15-го окт. 1773 г., въ засѣданіи Государственнаго Совѣта, гр. Чернышевъ заявилъ, что пугачевскій мятежъ есть только искра волненій, происходившихъ въ 1772 г. на Дону, но что теперь донцы, «пришедъ въ себя, живутъ спокойно».

— «Если-бъ атаманъ Ефремовъ», — прибавилъ къ этому гр. Панинъ, — «въ пору схваченъ не былъ, то мы имѣли-бы всю Кубань на плечахъ, что довольно видно по перепискѣ съ татарами».*) Все-же, на Донъ послали «предупрежденіе». Желая предупредить присоединеніе Дона къ Пугачеву, Екатерина II повелѣла 21 іюня 1774 г. оберъ-коменданту крѣпости св. Димитрія ген.-м. Потапову прекратить всѣ слѣдственныя дѣла надъ донскими казаками, выпустить всѣхъ арестованныхъ (въ частности, по дѣлу Степана Ефремова) и объявить имъ «Наше милостивое прощеніе и оставленіе дальняго взысканія въ разсужденіи вѣрныхъ и усердныхъ заслугъ сего войска въ нынѣшнюю (турецкую) войну оказанныхъ».**)

Эти мѣры оказали извѣстное воздѣйствіе на Дону, но еще большее значеніе имѣло отсутствіе съ Дона большей части казаковъ, находившихся на турецкомъ фронтѣ.

Правительство, какъ и во времена Булавинскаго возстанія, использовало раздоры среди казаковъ. Екатерина II, повелѣвая послать въ Казань тысячу чел. малороссійскихъ казаковъ, писала Бибикову: «въ сихъ изстари ненависть примѣчена къ яицкимъ . . .» На основаніи исторіи Дона, мы могли бы сказать, что малороссійскіе казаки сыграли не малую роль въ подавленіи и донской автономіи.

Въ октябрѣ 1774 г. находившіеся въ Петербургѣ Войска Донского депутаты (члены Законодательной Коммиссіи), вмѣстѣ съ тремя присланными съ Дона старшинами, «именемъ всего донского общества», по «желанію всего войска», просили черезъ Потемкина Екатерину II «дозволить Зимовейскую станицу, откуда сей помрачающій славу ихъ извергъ происхожденіе свое имѣетъ, перенести на другое мѣсто», а домъ его сжечь. Та-

*) «Арх. Гос. Сов.», т. I, СПБ., 1869, с. 439.
**) Дубровинъ «Пугачевъ», т. III, с. 46.

кимъ образомъ, Войско официально отгородилось отъ своего казака, который боролся за свободу казачества и хотѣлъ оказачить всю Россію. Но память о Пугачевѣ осталась въ казачествѣ: это показало дѣло Грузинова въ 1800 году.

Помимо символическаго истребленія памяти о Пугачевѣ Войско завѣряло императрицу въ своихъ чувствахъ и получало отвѣтъ: «ревность и вѣрность Войска... къ намъ и престолу... никакому сомнѣнію не подвержены, но во всегдашней нашей помяти пребываютъ...»

Въ войсковой грамотѣ по станицамъ предписывалось казакамъ, «никакимъ о немъ (Пугачевѣ) слухамъ не внимать, а стараться разбить его, искоренить и во прахъ истребить его со всею его сволочною толпою... и чтобы тѣмъ исполнить законъ Божій, соблюсти вѣрноподданническую Ея Имп. Величеству и отечеству должность, спасти отъ разоренія донское благоцвѣтущее общество и не погасить древнѣйшей донской вѣрной за службы славы».*)

Четырнадцать донскихъ полковъ изъ походнаго войска атамана Грекова были отряжены «ко усмиренію народнаго государственнымъ злодѣемъ Пугачевымъ возмущенія», и изъ района 2-ой арміи быстро явились на новый театръ гражданской войны. Здѣсь они «съ вѣрностію, усердіемъ, мужествомъ и неутомленными трудами» преслѣдовали Пугачева.

Екатерина II внимательно слѣдила за дѣятельностью донцевъ и отличила наиболѣе усердныхъ преслѣдователей Пугачева. Это были А. И. Иловайскій, М. И. Платовъ и полк. Амвросій Луковкинъ. Послѣдній собралъ изъ пяти станицъ 550 малолѣтковъ и нанесъ пугачевцамъ пораженія у ст. Етеревской, Медвѣдицкой и у рѣчки Володы. Онъ получилъ чинъ полковника отъ арміи, золотую медаль и назначеніе въ безсмѣнные судьи Войсковой Канцеляріи. Платовъ съ полкомъ бросился на розыски Пугачева, а затѣмъ былъ отправленъ въ Воронежскую и Казанскую губерніи для разсѣянія пугачевскихъ шаекъ. Эта дѣятельность по усмиренію пугачевскаго движенія была зачтена ему правительствомъ въ неменьшую заслугу, нежели его блестящіе военные подвиги. Наконецъ, полк. А. И. Иловайскій, гнавшійся по пятамъ за Пугачевымъ и принявшій его въ Яицкомъ городкѣ изъ рукъ выдавшихъ его сообщниковъ, сдѣлалъ еще болѣе быструю карьеру: онъ сталъ войсковымъ атаманомъ и правилъ Войскомъ до смерти своей, 22 года.**)

---

*) М. Сенюткинъ «Донцы», М. 1866.

**) Сенюткинъ «Донцы». М. 1866. ч. 2-я; Савельевъ «Трехсотлѣтіе», 1870, с. 92—93; біографія Платова въ «Русс. Біогр. Слов.», с. 22 («Плавильщиковъ»).

Глава XXIII.

Судьба казачьихъ автономій. Донъ въ эпоху Войскового Гражданскаго Правительства (1775—1797). Возстаніе 1792—1793 г. г.

1775-й годъ оказался роковымъ для казачьихъ автономій, особенно для запорожской. Пугачевщина сыграла видную роль въ этомъ отношеніи. Непосредственными результатами этого движенія въ области законодательной были: губернская реформа, спѣшно проведенная, уменьшеніе объема губерній, усиленіе мѣстной административной власти; перемѣны въ управленіи окраинными народами (башкирами, киргизами); переселеніе волгскаго казачьяго войска на Кавказъ; полное уничтоженіе Сѣчи Запорожской; мѣры противъ яицкаго казачества и переименованіе Яика въ Уралъ; наконецъ, «преобразованіе» казачьихъ войскъ и, на первомъ мѣстѣ, Донского Войска.

Преобразованіе, совершенное на Дону, заключалось въ созданіе т. наз. Войсковаго Гражданскаго Правительства, которое должно было, какъ учрежденіе, приблизить гражданское управленіе Дона къ общеимперскому губернскому типу, и въ примѣненіи имперскаго права въ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлахъ. Это были первые шаги, направленные къ разрушенію донской областной автономіи. Хотя объединительная политика Екатерины и прервалась, на короткое время, послѣ ея смерти, но она возобновлена была уже при Павлѣ и еще болѣе энергично проводилась при Александрѣ I. Съ 1775 г. начался переходной періодъ въ правовомъ положеніи Дона, періодъ постепеннаго разрушенія автономіи, который закончился въ 1835 году изданіемъ имперскаго сепаратнаго закона «Положенія объ управленіи Войска Донскаго». До этого года, на Дону продолжали существовать обломки донского историческаго права, «древнія обыкновенія» и обычаи. Войсковое Гражданское Правительство просуществовало 22 года (1775—1797 г. г.). Создателемъ его и проводникомъ взглядовъ Екатерины въ отношеніи казачества явился Потемкинъ.

Въ іюлѣ 1774 года Потемкинъ, состоявшій уже вице-президентомъ Военной Коллегіи, генералъ-губернаторомъ Новороссійской губерніи, и «войскъ тамо поселенныхъ главнымъ командиромъ», былъ назначенъ начальникомъ всей легкой кавалеріи и иррегулярныхъ войскъ. Въ числѣ послѣднихъ были подчинены: казачьи войска — Донское, Яицкое, Волжское, Астраханское, Оренбургское; Хоперскій, Моздокскій, Азовскій, Таганрогскій, Кизлярскій и крѣпости св. Димитрія Чугуевскій и Тобольскій казачьи полки. Кромѣ того — легкая кавалерія (драгунскіе, гусарскіе и конный полки).

Такимъ образомъ, всѣ казачьи дѣла были сосредоточены въ рукахъ Потемкина. Внѣшне интересовавшійся особенно-

стями казачьяго быта, Потемкинъ явился однимъ изъ наиболѣе энергичныхъ проводниковъ взглядовъ Екатерины на окраинныя автономіи. Вступая на престолъ, Екатерина намѣтила свою политику въ отношеніи окраинныхъ автономій въ знаменитой инструкціи генералъ-прокурору кн. Вяземскому. Она помянула въ ней лишь Малую Россію, Лифляндію, Финляндію да еще Смоленскую провинцію. «Отрѣшеніе всѣхъ вдругъ конфирмованныхъ имъ привилегій» Екатерина II считала «весьма непристойнымъ» и замѣнила его постояннымъ введеніемъ въ нихъ имперскаго права. Что касается автономій Запорожья, Дона и Яика, то съ ними было поступлено различно.

Черезъ пять дней послѣ опубликованія приговора о Пугачевѣ Екатерина II повелѣла: «для совершеннаго забвенія сего на Яикѣ послѣдовавшаго несчастнаго происшествія, рѣку Яикъ, по которой, какъ оное войско, такъ и городъ его свое названіе донынѣ имѣли, ... переименовать Ураломъ, а потому и оное войско наименовать Уральскимъ, и впредь Яицкимъ не называть, равно и Яицкому городу называться отнынѣ Уральскъ...»*)

Однако, въ отношеніи Яика, Потемкинъ не счелъ возможнымъ настаивать на оставленіи тѣхъ мѣръ, которыя вовлекли Яицкое казачество въ кровавую борьбу съ метрополіей. Послѣ возмущенія 1772 г., подавленнаго регулярными войсками, «народное правленіе и круги были отмѣнены, назначеніе атамана предоставлено исключительно высочайшей волѣ, войсковая артиллерія была отобрана, а въ Яицкѣ былъ водворенъ постоянный регулярный гарнизонъ». Мѣры эти вызвали пугачевщину. Испытавши репрессіи, правительство обратилось къ инымъ мѣрамъ.

Капитанъ-поручикъ С. Мавринъ, посланный на Яикъ главою слѣдственной коммиссіи П. С. Потемкинымъ, началъ съ того, что собралъ въ Яицкомъ городкѣ Кругъ, искорененіе котораго было одною изъ причинъ самого возстанія. На кругѣ прочиталъ онъ воззваніе ген.-м. Потемкина, въ которомъ онъ называлъ Яицкихъ казаковъ «россіянами несчастнаго сего края». Онъ напоминалъ казакамъ, что Екатерина, въ цѣляхъ искорененія «всякія неправды положила въ сердцѣ своемъ сдѣлать Новое Уложеніе, призвала избранныхъ отъ васъ на объясненія каждаго надобности». Интересно отмѣтить, что Законодательная Коммиссія уже давно не собираемая, служила на Яикѣ аргументомъ противъ «мнимой вольности», обѣщанной Пугачевымъ.

Можно думать, что фактическое возстановленіе Мавринымъ Войскового Круга въ Яицкѣ гораздо болѣе способствовало тому, что яицкіе казаки пошли на примиреніе съ центральной россійской властью, нежели жестокія репрессіи, пораженіе Пугачева и вскрытіе обмана его самозванства.

---

*) П. С. З., т. XX, N 14235.

Одновременно, въ секретной запискѣ на имя Екатерины II, Мавринъ весьма объективно и съ большимъ сочувствіемъ къ казачеству изложилъ причины возстаній на Яикѣ и возникновенія пугачевщины. Главную причину гибели яицкой вольности видѣлъ Мавринъ въ классовомъ разложеніи казачества, въ угнетеніи рядового казачества старшиною.

«Управляющія народомъ власти, — писалъ Мавринъ, — желая себя обогатить, не только общественную сумму расхищали, но и вновь, подъ видомъ народныхъ, общихъ нуждъ, неумѣренные и необыкновенные на народъ поборы налагали. Лихоимство-же и бѣднымъ притѣсненіе, тѣхъ властей обыкновенное было упражненіе, для того, что ихъ власть, не имѣя никакихъ законовъ, такъ безъизвѣстна, что не токмо народъ, но и самъ начальникъ границъ ея не знаетъ». Соціальное разложеніе имѣло слѣдствіемъ необузданный произволъ казачьей аристократіи. «Сіе все народъ терпѣлъ, покуда умъ властей народную глупость затмевалъ обманами», — писалъ Мавринъ, — но затѣмъ у народной партіи нашлись вожди, которые попытались защитить рядовое казачество сперва путемъ обращеній къ центральной власти, а потомъ и возстаній.*) По своему положенію, Мавринъ не могъ, конечно, указать, что старшина нашла поддержку въ центральной власти, и что казачья автономія систематически ослаблялась на Яикѣ мѣрами петербургскаго правительства. Записка Маврина осталась не безъ вліянія на рѣшенія Потемкина.

9-го февраля 1775 г., по его настоянію, Яицкое комендантское управленіе было упразднено, и во главѣ войска были поставлены войсковой атаманъ и войсковая канцелярія.**)

Гораздо хуже пришлось Сѣчи Запорожской, которая была единственной изъ казачьихъ республикъ Юга и Юго-Востока Россіи, сохранившей наиболѣе ясное политическое самосознаніе и пониманіе своихъ историческихъ правъ, — за это съ нею и расправились болѣе рѣшительно. Драгомановъ добавляетъ сюда еще украинское происхожденіе гражданъ запорожской республики, какъ причину болѣе рѣшительнаго образа дѣйствій петербургскаго правительства.***)

Манифестомъ 3-го августа 1775 года Екатерина II возвѣстила, что «сѣчь Запорожская въ конецъ уже разрушена, со изтребленіемъ на будущее время и самаго названія Запорожскихъ казаковъ».[1])

Излагая исторію возникновенія Сѣчи, Екатерина писала, что эта часть малороссійскихъ казаковъ, учрежденная какъ

*) Записка Маврина напечатана въ «Памятникахъ новой русской исторіи», изд. Кашпиревымъ, т. II, и цитирована у Дубровина, т. I; также «Заря», 1871. кн. 10 и 11.

**) До 1829 г. атаманы назначались на Уралѣ исключительно изъ мѣстныхъ казаковъ.

***) Драгомановъ «Пропащій часъ», съ предисл. Павлика.

[1]) II, С. З., т. XX, 13355, Зав. 1775 г.

военная стража, «составила изъ себя мало по малу совсѣмъ особливое и намѣренію самого Творца въ размноженіи рода человѣческаго... противоборствующее политическое сонмище».

«Не могъ, — объясняла Екатерина, — и не можетъ, конечно, быть полезенъ отчеству сихъ качествъ политической, разнообразный и юродивый составъ членовъ» Сѣчи, погруженныхъ въ разбойничество, праздность, «гнуснѣйше пьянство и презрительное невѣжество». Преступленіями запорожцевъ считала Екатерина притязанія ихъ не только на всѣ земли, только что присоединенныя Россіей отъ Турціи, но и на тѣ, которыя уже заняты были поселеніями Новороссійской губерніи; упорную борьбу запорожцевъ съ властями и населеніемъ Новороссійской губерніи изъ-за земель, пріемъ въ казаки бѣглыхъ и вызовъ ими малороссійскихъ поселянъ для обработки земель Новороссіи; непослушаніе, а также «распространіе своевольныхъ ихъ притязаній и до земель издревле принадлежащихъ Нашему Войску Донскому, непоколебимому... въ вѣрности...», «дѣлая и онымъ Донскимъ казакамъ запрещенія пользоваться оными землями, которыя уже долговременно въ ихъ обладаніи состоятъ...» Екатерина отмѣчала, между прочимъ, что «поселянъ въ земледѣліи упражняющихся» оказалось на земляхъ «бывшаго Запорожскаго владѣнія» до 50.000 душъ. Въ этомъ фактѣ императрицѣ видѣлся не только объективный соціально-экономическій фактъ, но и результатъ продуманной сепаратистской украинской политики.

Екатерина II разоблачала «какъ лукавое намѣреніе Запорожскихъ казаковъ, такъ и существительный отъ онаго Государству вредъ». По ея мнѣнію, «заводя собственное хлѣбопашество, расторгали» запорожцы «тѣмъ самое основаніе зависимости ихъ отъ Престола» ея, «и помышляли конечно составить изъ себя посреди отечества область совершенно независимую подъ собственнымъ своимъ неистовымъ управленіемъ, въ надеждѣ, что склонность къ развратной жизни и къ грабежу будетъ при внутреннемъ изобиліи безпрестанно обновлять и умножать ихъ число».

Такимъ образомъ, Екатерина выступила и противъ республиканскаго («неистоваго») управленія вассальной казачьей республики, и противъ ея автономіи, которую изображала она, какъ сепаратизмъ. «Событіе сего злодѣйскаго умысла» (независимость Запорожья) было бы «предосудительно», по словамъ Екатерины и «въ разсужденіи безопасности смежныхъ къ Запорожью жилищъ» и въ разсужденіи «неминуемой убыли въ людяхъ изъ числа... подданныхъ»; да и торговля «съ Портой Оттоманской» не могла бы достигнуть совершенства при существованіи «вреднаго скопища Запорожскихъ казаковъ» на торговыхъ путяхъ Турціи съ Россіей.

Не былъ забытъ и элементъ государственной измѣны въ «замыслахъ» Запорожья. Екатерина ссылалась и на то, что

нѣкоторые запорожцы «умышляли» передаться Туркамъ. Она считала долгомъ «передъ Богомъ, предъ Имперіей» своею, «предъ самымъ вообще человѣчествомъ разрушить Сѣчу Запорожскую и имя казаковъ отъ оной заимствованное...»

Сообщивши о томъ, какъ 4-го іюня 1775 года генералъ-поручикъ Текели окружилъ и разоружилъ Сѣчь при посредствѣ регулярныхъ войскъ, великая «централизаторша» объявляла, что «нѣтъ теперь болѣе Сѣчи Запорожской въ политическомъ ея уродствѣ...»

Нельзя не согласиться съ Екатериной въ томъ, что существованіе автономныхъ окраинныхъ казачьихъ республикъ, рядомъ съ централистической самодержавной имперіей, должно было искренне представляться ей «политическимъ уродствомъ». Разнообразію окраинныхъ автономій суждено было смѣниться внѣшнимъ единообразіемъ губернскаго управленія.

Къ этой, именно, цѣли стремился Потемкинъ, авторъ реформы въ управленіи Дономъ, положившей грань между прежнимъ и новымъ положеніемъ Дона.

Въ докладѣ своемъ 14-го февраля 1775 г. Екатеринѣ Потемкинъ требовалъ примѣненія къ Дону общеимперскаго законодательства.

«По довольному уже времени, — писалъ Потемкинъ, — моего надъ онымъ Войскомъ начальства, испыталъ я неудобства нынѣшняго тамошняго образа правленія. Гражданскія и земскія дѣла у нихъ имѣютъ теченіе не соотвѣтственно генеральному въ Государствѣ положенію, и не такъ основано тамъ, чтобъ рѣшеніи чинились правильно и именемъ законовъ безлично, но, купно съ дѣлами военными, подвержены неограниченной власти своего Атамана...»

Потемкинъ правильно подмѣтилъ, какое значеніе имѣло для Дона самовластіе атамана. Но онъ не замѣчалъ, что «неограниченная власть» атамана, именно, явилась результатомъ отмѣны атаманскихъ выборовъ, и хотѣлъ лѣчить это зло усиленіемъ административнаго контроля, примѣненіемъ общеимперскихъ нормъ. Главное-же, онъ полагалъ, «предпочтительно всѣмъ прочимъ установленіямъ нуженъ испытанный въ вѣрности и знаніи Начальникъ...»

Послѣ ареста Степана Ефремова Войскомъ правили со званіемъ наказныхъ атамановъ: Василій Машлыкинъ (1772—1773) и Семенъ Сулинъ (1773—1775). Послѣднимъ Потемкинъ былъ недоволенъ. На мѣсто наказнаго атамана Сулина, «коего, докладывалъ Потемкинъ, — по несоотвѣтствующему преподаваемымъ отъ меня почасту руководствамъ правленію и какъ не имѣющаго отъ всѣхъ старшинъ довѣренности, отъ должности отрѣшая», — онъ просилъ назначить Иловайскаго, «которому въ благонравіи и честности не токмо я, но и большая часть Старшинъ подлежащую справедливость отдать долженствуемъ». Потемкинъ оговаривался, что онъ считалъ себя вправѣ с а м ъ

назначить атамана, но просилъ высочайшаго утвержденія, желая придать этимъ новому атаману уваженіе «и соединенную съ тѣмъ народную довѣренность».

Въ силу этого, 16 го февраля 1775 г. войсковымъ наказнымъ атаманомъ назначенъ былъ Алексѣй Иловайскій съ пожалованіемъ чиномъ «полковника арміи». 22-го мая 1776 года онъ былъ «пожалованъ» войсковымъ атаманомъ съ повелѣніемъ считать его «противъ (т. е. наравнѣ) IV класса чиновъ Россійской Арміи».

Весьма характерно, что Потемкинъ считаль себя вправѣ и увольнять атамана Войска Донского и назначать ему преемника. Впрочемъ, это право принадлежало ему не столько, какъ вице-президенту Военной Коллегіи, сколько какъ «вице-императору», всевластному фавориту императрицы. Не менѣе характерно для дворянскаго царства Екатерины, что Потемкинъ сослался на одобреніе и неодобреніе старшинъ.

На основаніи доклада Потемкина, Екатерина II, указомъ 15 февраля 1775 г., положила конецъ автономіи Войска Донского. Она повелѣла: «къ возстановленію въ предѣлахъ Войска Донскаго желаемаго благоденствія, учредить отнынѣ, для правленія всѣхъ земскихъ дѣлъ, Войсковое Гражданское Правительство, которому ввѣрить все хозяйственное въ предѣлахъ Войска внутреннее распоряженіе, равнымъ образомъ сборъ всѣхъ установленныхъ тамъ доходовъ и расходовъ, также всѣ до промысловъ, торговли и протчія гражданскому суду подлежащія дѣла производить на генеральномъ во всемъ государствѣ установленіи, съ соблюденіемъ данныхъ оному Войску привиллегій и состоять оному» подъ управленіемъ Потемкина.

Составъ «Канцеляріи этой» императрица опредѣлила слѣдующимъ образомъ: «сверхъ войскового атамана, присутствовать изъ тамошнихъ старшинъ надежнѣйшимъ и знающимъ», по «избранію» Потемкина, «непремѣннымъ двумъ и по общему выбору погодно четыремъ . . .»

Пунктъ 2-й гласилъ: «что же собственно до дѣлъ военныхъ принадлежитъ, то управлять оными войсковому атаману на такомъ точномъ основаніи и съ такою, безъ малѣйшаго изъятія и дополненія, силою, какъ всеь генералитетъ, по посылаемымъ изъ верховнаго военнаго правительства указамъ управляетъ, которому и состоять главнымъ того Войска», по Потемкинѣ, «начальникомъ».*)

Наиболѣе интересны для юриста слова: «на генеральномъ», т. е. всеобщемъ, «во всемъ государствѣ установленіи». Съ 15-го февраля 1775 г. Войско Донское вошло въ общую систему имперскаго управленія, съ примѣненіемъ къ нему общихъ гражданскихъ законовъ. Наименованіе атамана высшимъ воен-

*) П. С. З., N 14251.

нымъ начальникомъ Войска, подчиненнымъ Потемкину, наравнѣ со всѣмъ остальнымъ «генералитетомъ», ввело атамана въ общій кругъ военнаго управленія.

14-го февраля 1775 г. «гор. Черкасскъ и всѣ жилища вѣрнаго Намъ Войска Донского, съ соблюденіемъ онаго при всей его собственности и при всѣхъ благозаслуженныхъ правостяхъ» были зачислены Екатериною въ составъ Азовской губерніи. Причисленіе это связывало Землю Войска Донского, собственно, не съ Новороссіей, а съ главнымъ начальникомъ ея, Потемкинымъ, и кончилось вскорѣ послѣ его смерти.*)

На атамана, по Положенію 1775 г., были возложены не только всѣ дѣла военныя, но и до полиціи безопасности относящіяся, и за эти дѣла атаманъ долженъ былъ отвѣтствовать уже «своей персоной».

Въ развитіи этого указа, 28 марта 1776 г. Войсковая Канцелярія опредѣлила: въ отправленныхъ въ Московскую, Финляндскую и Бѣлорусскую дивизіи полкахъ . . . въ сотники, хорунжіе и квартирмейстеры выбрать» (т. е. назначить) «самимъ полковникамъ . . .» Послѣ этого всѣ чины Войска по военной службѣ назначались, а не выбирались.

По гражданской же службѣ, хотя и появились въ 1775 г., въ составѣ Войскового Гражданскаго Правительства два непремѣнныхъ члена по назначенію, однако, остальные чины гражданской администраціи, включая сюда и войсковыхъ есауловъ, продолжали избираться «по общему выбору». Правда, предписанія указа 1775 г. звучали довольно формально: при выборахъ (четырехъ) членовъ Войскового Гражданскаго Правительства надо было «по всѣмъ станицамъ отобрать надлежащія о назначиваемыхъ судьяхъ одобренія». Фактически-же, независимо отъ этого канцелярскаго запроса «по станицамъ», члены Правительства избираемы были въ Черкасскѣ голосами старшинъ, въ присутствіи и при фиктивномъ участіи чисто декоративнаго Круга.

Эпоха 1775—1797 г., проникнутая централизаторскимъ духомъ, была для Дона временемъ, когда народовластіе исчезло, смѣнившись, въ сущности, дворянскимъ управленіемъ со всѣми его недостатками, которое, въ свою очередь, подавлялось самовластіемъ назначеннаго сверху атамана.

Представляя 14 февраля 1775 г. Екатеринѣ свой докладъ, Потемкинъ не скрылъ, что идея автономіи, соединенная неразрывно съ именемъ Степана Ефремова, продолжала еще жить на Дону. Потемкинъ писалъ, что «многіе изъ Старшинъ того войска обольщаютъ другихъ возвращеніемъ бывшаго Войскового Атамана Ефремова къ прежней его должности». Поэтому Потемкинъ просилъ о «совершенномъ отрѣшеніи Ефремова отъ той должности». Екатерина II написала противъ этого

*) П. С. З., 14 фев. 1775 г., 14252; «Акты» Лишина, т. III, ч. 2.

мѣста доклада: «Отрѣшенъ». Отсюда ясно, что и императрица, и Потемкинъ ясно понимали значеніе «административной» реформы, примѣненной къ Войску.

Подчиненіе Войска нормамъ имперскаго права отразилось и на самой формѣ актовъ Войска. Въ частности, отмѣнена была старая войсковая печать (1704), изображавшая казака на бочкѣ, жалованная Петромъ. Вмѣсто этого введена была печать съ государственнымъ гербомъ.

Однако, еще втеченіе 11 лѣтъ (до 1786 г.) Войсковое Гражданское Правительство продолжало разсылать по станицамъ «грамоты» отъ имени Войска и атамана. Затѣмъ, «грамоты» смѣнились «предписаніями» Войскового Гражданскаго Правительства. Что касается Потемкина, то Иловайскій, въ перепискѣ, именовалъ его «Главнокомандующимъ Войскомъ Донскимъ», писалъ: «все ввѣренное мнѣ въ начальство войско Донское», и подписывался: «Командующій надъ Войскомъ Донскимъ Войсковой Атаманъ со всѣмъ Войскомъ Донскимъ». Донесенія Потемкину именовались «покорнѣйшій рапортъ» (или «доѣздъ») «Войска Донскаго отъ Войскового Атамана Иловайскаго кн. Потемкину». Писались также «рапорты Войска Донскаго изъ Войсковаго Гражданскаго Правительства въ Государственную Военную Коллегію».*)

Послѣ смерти Потемкина возобновилась естественная связь между Войскомъ и Военной Коллегіей, но лишь 19 февраля 1796 г. повелѣно было всѣмъ иррегулярнымъ войскамъ быть въ непосредственномъ управленіи Коллегіи.**)

Съ 1775 г. уголовныя и гражданскія дѣла судило Войсковое Гражданское Правительство «на генеральномъ во всемъ Государствѣ установленіи». Это означало, что съ 1775 г. имперское право стало примѣняться на Дону по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ. Только приговоры къ смертной казни, къ наказанію кнутомъ и къ ссылкѣ представлялись до 1791 г. Потемкину, какъ высшему начальнику надъ Войскомъ, а съ 1792 года по 1796-й годъ Военной Коллегіи. 11 іюля 1796 г. Сенатъ разрѣшилъ Военной Коллегіи утверждать приговоры Гражданскаго Правительства.***)

Съ 1775 года Войсковое Гражданское Правительство начало судить не только малороссіянъ, проживавшихъ на донскихъ земляхъ, но и однодворцевъ и великороссійскихъ крестьянъ. Возобновленіе автономіи при Павлѣ повело, на короткое время, къ возобновленію стараго правила о подсудности по сословіямъ. Въ 1797 г. повелѣно было передать въ Воронежскую и Новороссійскую губернію дѣла о людяхъ, Войску Донскому

---

*) Дмитренко «Сб. Ист. мат.» т. I, СПБ. 1896, с. 6, 13, 16, 16, 18.
**) Ср. Указъ 11 іюля 1796 г., П. С. З.. т. XXIII, N 17483.
***) П. С. З.. т. XXIII, N 17483.

не принадлежащихъ, но учинившихъ на землѣ онаго уголовныя преступленія.*)

Въ 1776 году послѣдовалъ указъ объ учрежденіи изъ Новороссійской и Азовской губерній особой епархіи, съ наименованіемъ ея Словенскою и Херсонскою. Къ новой епархіи были отчислены церкви Приазовья (т. е. крѣпостей св. Димитрія съ ея округою, Азовской и Таганрогской). Донскіе-же казаки, оставлены были, по прежнему, въ вѣдомствѣ Воронежской епархіи.

Попытки воронежскихъ епископовъ наложить руку на паству, священно- и церковно-служителей на Дону, были, какъ и ранѣе, тщетны и въ періодъ 1775—1797 г. г. Св. Синодъ подтверждалъ въ 1780 г. воронежскому епископу объ опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста къ приходамъ Войска Донского изъ окончившихъ курсъ Воронежской духовной семинаріи только по сношенію съ Войсковымъ Атаманомъ. Въ томъ же 1780 г., по представленію кн. Г. А. Потемкина и Войскового Атамана Иловайскаго въ Св. Синодъ, послѣдній далъ указъ «объ опредѣленіи въ монастыри Войска Донскаго настоятелями изъ священниковъ того-же Войска, о не перемѣщеніи монашествующихъ въ другіе монастыри и о подчиненіи монастырской экономіи Войсковому Правительству . . .»

4-го іюля 1785 г. Св. Синодъ напомнилъ воронежскому епископу о привилегіяхъ Войска въ отношеніи духовной администраціи, въ частности-же, запретилъ опредѣлять въ церковники въ Войскѣ Донскомъ людей изъ великороссіянъ, приказалъ замѣщать тамъ-же священническія и діаконскія мѣста тамошними-же жителями, предуготовляя ихъ къ сему званію въ народныхъ (а не въ архіерейскихъ) школахъ.

Изъ мѣръ противу раскольниковъ въ эпоху 1775—1797 г.г. можно отмѣтить указъ Св. Синода (1795) объ отсылкѣ въ Саловецкій монастырь, по лишеніи сана, священника Камышевской станицы Ивана Никитина, до посвященія принадлежавшаго къ расколу и скрывшаго это. Чисто политическій характеръ имѣло лишеніе сана священника Михаила Ѳедотова и дьякона Венедикта Донскова, «за участіе въ бунтѣ донскихъ казаковъ, предназначенныхъ къ поселенію по рѣкѣ Кубани».

31-го мая 1795 г., при назначеніи архимандрита Меѳодія епископомъ Воронежскимъ, было повелѣно ему именоваться «епископомъ Воронежскимъ и Черкасскимъ». Титулъ этотъ воронежскіе епископы сохраняли до 1829 г.

Въ томъ же 1775 г., когда была уничтожена автономія Войска, въ томъ же самомъ актѣ 14-го февраля было положено первоначальное основаніе юридическому признанію правъ дворянства за казачьей старшиною Дона.

*) П. С. З., т. XXV, N 18541.

Въ докладѣ 14 февраля 1775 г. о Войскѣ Донскомъ Потемкинъ «подвергалъ правосудію» Екатерины «всѣхъ Войска Донского Старшинъ и Полковниковъ». Потемкинъ, не безъ резона, находилъ несообразнымъ подчиненіе заслуженныхъ донскихъ полковниковъ «младше ихъ по службѣ состоящимъ офицерамъ». Поэтому просилъ онъ «Старшинамъ, кои въ походахъ командовали уже полками, объявить штабъ-офицерскіе чины».

Донскихъ казачьихъ полковниковъ считать впредь «зауряду младшими предъ Армейскими Секундъ-Маіорами, а выше всякаго капитана, и при пожалованіи ихъ въ Полковники Войска Донскаго давать на тѣ Полковничьи чины патенты изъ Военной Коллегіи». Прочихъ-же чиновъ Донского войска, «состоящихъ въ полкахъ Есауловъ и Сотниковъ, . . . хотя они настоящихъ по Арміи Офицерскихъ чиновъ и не будутъ имѣть, однако-жь . . . признавать и принимать ихъ прилично Офицерскому чину . . .»

Такова была плата централистическаго самодержавія казачьей старшинѣ за потерю Дономъ его автономіи.

Впрочемъ, нельзя не отмѣтить любопытный фактъ: въ эпоху 1775—1797 г.г. донское казачество испытало наибольшій гнетъ именно со стороны своей наполовину одворяненной старшины.

Взявши въ свои руки назначеніе въ чины, центральное правительство стало жаловать чинъ войскового старшины юношамъ 21 года, а затѣмъ даже грудным дѣтямъ наиболѣе отличившихся старшинъ.*)

Замѣчательнымъ событіемъ въ жизни Дона, въ эпоху 1775—1797 г.г., были волненія на Дону въ 1792 г., въ связи съ попыткою правительства переселить нѣкоторое количество донцевъ на Кубань. Идея переселенія принадлежала ген. Гудовичу, командовавшему войсками на Кубани.

Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 16-го января 1792 г. Гудовичъ предложилъ: «дабы сдѣлать сію (на Кубани) границу надежнѣе и чтобы оная самими поселянами была защищаема, то поколику, Донское войско, защищавшее прежде сію часть границъ, остается во внутри Россіи, перевести оттуда три полка казаковъ, . . . которыхъ поселить внизъ по Кубани отъ кр. Прочнаго Окопа до устья Лабы . . .»**)

Имп. Екатерина II въ рескриптѣ своемъ на имя «генералъ-поручика и Войска Донскаго войскового атамана» Иловайскаго подтвердила свой указъ (28 февраля 1792 г.) о населеніи на Кубани 12 станицъ донскими казаками въ числѣ 3.000 семей. Въ это время, на Кубани находились шесть донскихъ полковъ, заканчивавшихъ трехлѣтній срокъ своей службы на Линіи и

*) Восп. А. К. Денисова, «Рус. Ст.», 1874, V, с. 9. 29 и др.

**) Дмитренко «Сб. истор. матер. по ист. Кубанскаго каз. войска, т, I. 123.

собиравшихся уже на Донъ. Этихъ людей, истосковавшихся по родному краю, рѣшили разселить на Кубани по 12 станицамъ и «выслать» къ нимъ съ Дону семьи, — т. е. разорить все обзаведеніе этихъ казаковъ, оторвать ихъ навѣки отъ родины. Кромѣ того, старый донской обычай переселенія «по жеребу и по очереди» былъ грубо нарушенъ этимъ предположеніемъ.

Начались волненія. Въ Черкасскъ къ атаману, были посланы депутаты, которымъ Иловайскій обѣщалъ ходатайствовать объ отмѣнѣ этого повелѣнія. Пока онъ просилъ о разрѣшеніи ему пріѣхать въ Петербургъ для представленія доклада, волненія среди донцевъ на Кубани усилились. Вождями казачества явились казаки Никита Бѣлогороховъ и Фока Сухоруковъ. Бѣлогороховъ, «первый разглашатель, что поселеніе ихъ противно казачьимъ привилегіямъ и для того повиноваться не должно», предложилъ итти на Донъ.

Три полка — Поздѣева, Луковкина и Кошкина — взявши полковыя знамена, безъ своихъ полковниковъ и старшинъ, двинулись на Донъ, явились неожиданно въ Черкасскъ и потребовали у Иловайскаго отчета, «за что онъ отдаетъ ихъ на поселеніе». Иловайскому пришлось распустить возставшіе полки по домамъ и спѣшно ѣхать въ Петербургъ. Ему удалось убѣдить Екатерину не настаивать на прежнемъ повелѣніи. Екатерина «простила» казаковъ съ тѣмъ, чтобы они немедленно отправились въ свои полки и докончили-бы свою службу до будущей смѣны.

Между тѣмъ, Бѣлгороховъ, выѣхавшій въ Петербургъ ходатайствовать объ отмѣнѣ переселенія, былъ тамъ арестованъ. Фока Сухоруковъ, ѣздившій по верхнимъ станицамъ и призывавшій казачество поддержать товарищей, не безъ труда былъ арестованъ и отправленъ въ Петербургъ съ 4 сообщниками (Штукаревымъ, Садчиковымъ, Подливалинымъ и Поповымъ).

Гражданское Войсковое Правительство доносило, что «отъ буйства бѣглецовъ произошло повсемѣстное въ предѣлахъ Донскаго войска возмущеніе, разстроившее во всѣхъ частяхъ добрую подчиненность».

Воинскій судъ, учрежденный при Военной Коллегіи «по дѣлу о побѣгѣ трехъ казачьихъ Донскихъ полковъ съ Кавказской линіи», разсмотрѣлъ дѣло главныхъ виновниковъ. Онъ постановилъ: Бѣлогорохова и Сухорукова «наказать кнутомъ» въ крѣпости св. Димитрія, въ присутствіи делегатовъ отъ ихъ родныхъ станицъ, и, заклеймивши, отослать ихъ въ Нерчинскъ, въ вѣчную ссылку, что и было исполнено.

Интересны разсужденія «воинскаго суда» по поводу остальныхъ 4 обвиняемыхъ. «Уваживъ, что всѣ они не знаютъ воинскихъ артикуловъ, которые не читаются въ Войскѣ Донскомъ», судъ постановилъ: «наказать 4 человѣкъ прутьями и послать на нѣсколько годовъ безъ очереди въ Донскіе полки».

Соотвѣтственно съ этимъ, судъ постановилъ «осудить и прочихъ на Дону оставшихся, изъ которыхъ большую дерзость и развратъ учинившихъ, сверхъ посылки безъ очереди на службу, подвергнуть и прогнанію сквозь строй прутьями или по обыкновенію казачьему наказать въ кругу публично плетьми».*)

Войсковое Гражданское Правительство донесло въ Петербургъ, что, кромѣ осужденныхъ, «другихъ бѣглецовъ и, въ поводъ имъ, производившихъ въ станицахъ дерзости и неповиновеніи состоитъ множественное число, такъ что цѣлыя станицы, цѣлымъ обществомъ, должны быть въ отвѣтѣ и судѣ...»

По словамъ «Записки объ обстоятельствахъ дѣла», «мѣры, принятыя въ обращеніи ихъ къ раскаянію были самыя благоразумныя, чтобы не ожесточить пуще чернь, которая завсегда и обыкновенно бываетъ въ предубѣжденіяхъ своихъ упорна и старинныхъ обыкновеній и обрядовъ держится до изступленія...» Такъ характеризовали войсковые чиновники казачество, упорное въ защитѣ автономіи и личной свободы. Тѣмъ не менѣе Екатерина хотѣла настоять на своемъ.

Въ августѣ 1792 г. на имя атамана Иловайскаго получился ея рескриптъ, которымъ отмѣнялись прежнія распоряженія о поселеніи на Линіи шести полковъ, а взамѣнъ того, по усмотрѣнію Войскового Правительства, изо всего войска было назначено къ переселенію на Кубань 3 тысячи казаковъ.

Обнародованіе этого рескрипта на Дону было задержано Иловайскимъ почти на годъ. Были заранѣе назначены и разосланы по станицамъ «чиновники» (такъ именовались въ концѣ XVIII вѣка старшины) для объявленія грамоты Войскового Правительства. Въ послѣдней было сказано, что императрица, снисходя только къ «древнему донскому обряду», простила ослушниковъ ея воли, за исключеніемъ, впрочемъ, «нераскаявшихся начинщиковъ» зла, наказанныхъ по суду. Станицамъ было предоставлено самимъ назначить казаковъ для переселенія. Разосланнымъ по станицамъ «чиновникамъ» предписано было лишь объявить грамоту и отобрать потомъ списки выбранныхъ на поселеніе, но самимъ на станичные сходы не входить и въ «станичное разсмотрѣніе не вмѣшиваться». Чтобы уменьшить число переселяемыхъ коренныхъ донцевъ, Войсковое Правительство предназначило къ переселенію 800 семей изъ малороссіянъ, записанныхъ въ казаки. Переселенцамъ обѣщаны были особыя льготы.

Центральное правительство вынуждено было считаться съ донской автономіей («древнимъ обрядомъ»), и Войсковое Правительство искренне пожелало обезпечить казачеству свободу рѣшенія вопроса на станичныхъ сборахъ. Но, несмотря на

*) Дмитренко, т. I, с. 183.

смягченную форму исполненія, самая сущность требованія, предъявленнаго къ казачеству, показалась ему нарушеніемъ исконнаго его права: вольные граждане донской колоніи должны были покинуть родной край и превратиться въ невольныхъ колонистовъ новой окраины. Рядъ станицъ не принялъ войсковыхъ грамотъ и отказался производить нарядъ на переселеніе. Станицы Есауловская, Кобылянская, Верхняя и Нижняя Чирская и Пятиизбянская отрѣшили отъ должности своихъ станичныхъ атамановъ и подписныхъ стариковъ, а на мѣсто ихъ выбрали новыхъ, дали клятву другъ друга не выдавать. Самыя станицы были укрѣплены, вокругъ нихъ поставлена была стража. Затѣмъ разослали грамоты въ другія станицы, приглашая ихъ стоять заодно. Собравшись затѣмъ въ Есауловскую станицу, казаки возставшихъ станицъ заявили, что они о переселеніи и слышать не хотятъ: земли свои они заслужили кровью, и кровью-же защищать ихъ станутъ. На весну они собирались итти на Черкасскъ, забрать всѣ «регалін» и выбрать другого войскового атамана. Запахло булавинскимъ духомъ...

Черкассъ сталъ спѣшно укрѣпляться, исправляли пушки, бастіоны, палисады... «Бунтъ» перебросился во всѣ хоперскія, бузулуцкія и медвѣдицкія станицы... Слѣдуя примѣру Петра, наслѣдница его централизаторской политики двинула на Донъ регулярныя войска. Около Кагальника задержали стрѣлковый батальонъ подп. Бакунина, шедшій изъ Таганрога на новую Кубанскую Линію. Пять полковъ и четыре баталіона пѣхоты, два эскадрона драгунъ съ 4 орудіями полевой артиллеріи были двинуты на Донъ, подъ командою кн. Щербатова; одна тысяча донскихъ казаковъ подъ командою ген. Д. Мартынова («депутата» 1767 г.) и три тысячи чугуевскихъ казаковъ подъ командою ген. М. И. Платова были назначены усмирять возстаніе.

Послѣ занятія Есауловской и ближайшихъ станицъ были закованы въ кандалы 48 старшинъ и 298 казаковъ, какъ «главные бунтовщики». «Менѣе виновные, въ количествѣ 1.645 чел., были наказаны плетьми. Но этого было мало. По приказу Военной Коллегіи была открыта на Дону слѣдственная коммиссія подъ предсѣдательствомъ кн. Щербатова, съ цѣлью «открыть истинныя причины бывшаго упорства, намѣренія начинщиковъ, отношенія и надежды ихъ поддерживающія...» Метрополія искала въ колоніи вліяній со стороны, духа сепаратизма.

По конфирмаціи рязанскаго, тамбовскаго и кавказскаго генералъ-губернатора Гудовича, тринадцать человѣкъ были наказаны нещадно кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей и поставленіемъ на лицахъ знаковъ. Полковой есаулъ Иванъ Рубцовъ, «яко главный виновникъ», получилъ 251 ударъ кнутомъ и вырѣзаніе ноздрей, причемъ скончался въ тотъ-же день.

146 человѣкъ были «жестоко биты кошками». Кромѣ того, изъ этихъ 146 чел. были выбраны по жребію по одному отъ каждой станицы старшины, а изъ рядовыхъ казаковъ каждый десятый, и сосланы въ ссылку. По тому-же дѣлу священникъ Ѳедотовъ и дьяконъ Донсковъ были лишены Синодомъ сана.*)

Казалось, что сопротивленіе Дона уже сломлено, и семейства предназначенныхъ къ переселенію казаковъ стали готовиться къ отъѣзду на линію. Но въ казачьи полки, стоявшіе въ Крыму, пришли слухи, что «на Дону разоряютъ ихъ семейства, жгутъ дома, и дѣтей берутъ въ солдаты». Казаки стали уходить на Донъ большими партіями.

Исторія могла начаться съ начала. Кн. Щербатовъ, не дѣлая «дальнѣйшихъ изслѣдованій», подвергъ до 5.000 чел. наказаніямъ безъ суда въ тѣхъ верховыхъ станицахъ, которыя, хотя и не участвовали, въ возстаніи, но отказались исполнить войсковыя грамоты. Предусматривая возможность пассивнаго сопротивленія станичныхъ сборовъ, войсковая администрація рѣшила покончить съ мѣстнымъ самоуправленіемъ. Наказный атаманъ, ген. Д. Мартыновъ, замѣнявшій войскового атамана Иловайскаго, бывшаго въ Петербургѣ, «по учиненіи наказанія учредилъ во всѣхъ тѣхъ» (волновавшихся) «станицахъ, въ каждой станичное начальство, избравъ атамановъ, судей и помощниковъ имъ». Случаи назначенія станичныхъ атамановъ войсковымъ атаманомъ бывали въ эпоху самовластія Ефремовыхъ. Теперь-же, въ видѣ общей мѣры, въ большинствѣ станицъ учреждены были станичныя начальства по назначенію. Состояли они изъ атамана, двухъ судей и двухъ помощниковъ.

Часть регулярныхъ войскъ была разставлена на постой, въ порядкѣ карательномъ и предупредительномъ; другая-же выведена изъ территоріи Войска, но сосредоточена у крѣпости св. Димитрія «на всякій непредвидимый случай». Выведены съ Дону эти войска были лишь черезъ два года.**)

Несмотря на столь чрезвычайныя мѣры понужденія, принятыя, какъ имперскимъ, такъ и Войсковымъ Гражданскимъ Правительствомъ, удалось втеченіе года переселить лишь 1.000 семействъ. Пришлось отказаться отъ прежняго требованія и удовольствоваться одной тысячей семействъ; подъ предлогомъ, яко-бы въ отправленныхъ семьяхъ «состоитъ мужеска и женска пола 4.701 душа». Но все-же попытка пассивнаго сопротивленія казачества подавлена была почти съ тою-же жестокостью, какъ побѣгъ 3 полковъ съ Кубани или-же вооружен-

*) «Ворон. Старина», в. I, 1902, с. 369.

**) Труды В. Дон. Стат. Комит. ч. I, 1867; в. II, 1872; Фелицынъ «Побѣгъ съ Кубани трехъ донскихъ полковъ», Екатеринодаръ, 1896; Дмитренко «Сборн. истор. матеріал. по истор. Кубан. Каз. Войска», т: I; Савельевъ «Трехсотлѣтіе», 1870; П. С. З., т. XXIII, NN 17025, 17050.

ное возстаніе на Дону. Метрополія вооруженною рукою утверждала свой суверенитетъ надъ автономнымъ Дономъ.

Душа казачества была глубоко потрясена. Мы видѣли уже, какъ великъ былъ процентъ старшинъ, принявшихъ участіе въ движеніи. Это показываетъ, на сколько произвольна и незаконна была мѣра имперской власти по отношенію къ гражданамъ Дона. Имп. Екатерина почувствовала необходимость, помимо репрессій, успокоить казачество какимъ нибудь внѣшнимъ актомъ «милости». Такъ какъ возстаніе было вызвано попыткой оторвать часть донцевъ отъ родной земли, то вынули старую уже (1786-го года) грамоту о границахъ Войска и торжественно подтвердили «право» Войска на землю, снова «пожаловали» ее Войску. 26 мая 1793 г. Екатерина II подписала особую жалованную грамоту на владѣніе Войска землями. Въ этой грамотѣ былъ данъ старинный заголовокъ: «въ нижніе и верхніе юрты, атаманамъ и казакамъ . . .» За грамотой ѣздила въ Петербургъ особая депутація, избранная Кругомъ, которая получила ее изъ рукъ самой императрицы, а также карту войсковыхъ земель и хлѣбъ-соль. Къ границамъ Войска былъ высланъ почетный караулъ для встрѣчи депутатовъ. При приближеніи ихъ къ Черкасску данъ былъ залпъ изъ пушекъ. Созвали Кругъ (съ представителями отъ станицъ), которому войсковой дьякъ прочелъ грамоту; а атаманъ поцѣловалъ царскую подпись. Хлѣбъ-соль была отчасти раздѣлена между присутствующими, отчасти разослана по всѣмъ станицамъ. Тамъ тоже торжественно «вычитывали» грамоту на полныхъ станичныхъ сборахъ, а царскую хлѣбъ-соль дѣлили между всѣми станичниками. «Древній обрядъ» былъ соблюденъ. Дорого обошелся Дону екатерининскій хлѣбъ, и солона оказалась казачеству царская соль. Но казачество отстояло свою личную свободу отъ посягательствъ крѣпостнической метрополіи.

Глава XXIV.
Донъ при Павлѣ I.

Границы Земли Войска Донскаго не мѣнялись въ царствованіе Павла I. Но въ 1798 г., ненадолго, къ Войску Донскому была причислена калмыцкая Большая Дербетова орда. Для управленія ею было учреждено въ Войскѣ особое «сыскное начальство».*) Способъ управленія черезъ «сыскное», т. е. уѣздное, въ сущности, «начальство» не соотвѣтствовалъ значенію Дербетовской орды, и уже 16 февраля 1799 г. было уничтожено «особое отъ Войска Донскаго сыскное началь-

*) П. С. З., N 18651, указъ 1 сент. 1798 г.

ство» и учреждено «Особое правленіе, подчиненное Канцеляріи Войска Донскаго».*)

Дербетовскія орды прикочевали отъ Астрахани къ Дону еще въ 1788 г. Въ 1794 г. ихъ перевели на лѣвый берегъ Волги. Но нападенія киргизовъ заставили калмыковъ просить Павла о причисленіи ихъ навсегда къ Войску Донскому и о дозволеніи имъ отправлять службу наравнѣ съ казаками. «Особое правленіе» сдѣлало перепись калмыкамъ, причемъ ихъ оказалось 9,525 душъ мужского пола. Примѣненіе къ калмыкамъ нормъ, обычныхъ для служилаго казачества, не понравилось имъ.

11-го августа 1800 г. Павелъ I повелѣлъ: «Большой Дербетовской Ордѣ: 1) избрать себѣ начальника; 2) быть независимой отъ Донцевъ; 3) зависѣть прямо отъ Государя; 4) переписываться прямо съ нимъ; 5) по дѣламъ-же имѣть сношенія съ иностранной коллегіей, какъ то прежде было; 6) по землямъ и сего рода сношеніями съ генералъ-прокуроромъ».**) Вслѣдъ затѣмъ орда откочевала съ Дону въ астраханскія степи. По этому поводу Павелъ отозвался, что, если Войско Донское лишится этихъ калмыковъ, «то и ништо имъ: Зачѣмъ не умѣли держать ихъ на своей землѣ...» Послѣ ухода дербетовцевъ осталось въ Войскѣ юртовыхъ калмыковъ 2.262 души мужского пола.***)

Атаманъ Иловайскій, находившійся въ Москвѣ, на коронаціи, умеръ во время торжествъ. Императоръ предложилъ постъ атамана ген. Ѳ. П. Денисову, но тотъ просилъ назначить вмѣсто себя, своего зятя ген. Василія Орлова, что и было исполнено. Орловъ правилъ Дономъ до 1801 г.

Начало царствованія Павла связано съ временнымъ и недолговѣчнымъ возстановленіемъ донской автономіи. Уже 13 дек. 1796 г., благодаря Войско за поздравленія съ восшествіемъ на престолъ, Павелъ I повелѣвалъ атаману объявить его августѣйшее «расположеніе» къ Войску «въ собраніи коша». Очевидно, Павелъ не подозрѣвалъ, что это «собраніе коша» на Дону называлось Войсковымъ Кругомъ.

Павелъ I, какъ извѣстно, возстановилъ мѣстныя автономіи, отмѣненныя цѣликомъ или частично Екатериной II. Врядъ-ли это было результатомъ опредѣленной политической мысли и системы. Попросту, онъ сдѣлалъ это изъ ненависти къ памяти своей матери.[1])

*) П. С. З., N 18860.

**) П. С. З., N 19511.

***) Маслаковецъ «Статист. описаніе кочевья Дон. калмыковъ», «Труды В. Дон. Стат. Ком.», т. II, 1872.

[1]) «Ср. ст. Б, Е. Нольде о единствѣ Россіи въ его «Очеркахъ госуд. права», СПБ. 1911. Въ указѣ 12 дек. 1796 г. Павелъ отмѣчалъ, что «на особыхъ по правамъ и привиллегіямъ ихъ основаніяхъ состоятъ губерніи: Малороссійская, Лифляндская, Эстляндская, Выборгская, Курляндская, Литовская, Минская. Бѣлорусская, Волынская, Подольская и Кіевская. П. С. З. т. XXIV. N 17634.

ской автономіи ясно показываетъ это. 6-го іюля 1797 г. былъ данъ высочайшій указъ на имя ген. Орлова.

«Утверждая, — писалъ Павелъ, — совершенно и безъ изъятія всѣ прежде бывшія постановленія Войска Донскаго, намѣренъ (Я) сохранить ихъ въ цѣлости для продолженія того правленія, коимъ Войско Донское было всегда на пользу Государя и Отечества. Что-жъ касается до вкравшихся злоупотребленій и сдѣланныхъ перемѣнъ княземъ Потемкинымъ, то вамъ надлежитъ первыя искоренять, а Мнѣ послѣднихъ не апробовать, яко клонящихся всегда къ истребленію общественнаго порядка вещей...» Такова была рѣзкая характеристика, данная Павломъ объединительной дѣятельности Потемкина.*) Не слѣдуетъ, однако, думать, что Павелъ I былъ сторонникомъ сохраненія автономій. Весьма скоро онъ самъ сталъ «истреблять общественный порядокъ вещей» и уничтожать только что возстановленную автономію Дона.

Высочайшее повелѣніе 6-го іюля 1797 г. было торжественно объявлено въ Войсковомъ Кругу и на станичныхъ сборахъ, и приведено въ исполненіе. Казалось-бы Войско и казаки могли вздохнуть свободнѣе. Съ точки зрѣнія политической, внѣшне, былъ признанъ принципъ ненарушимости автономіи края и правъ казачества. Но атаманъ Орловъ и не думалъ о правахъ Круга и казачества, о возрожденіи донского народоправства. Онъ возстановилъ, и весьма тщательно, старшинское правленіе на Дону, какимъ оно было къ 1775 г. Въ присутствіи всѣхъ наличныхъ старшинъ Орловъ открылъ Войсковую Канцелярію. Кругъ по прежнему остался декораціей, парадомъ, лишеннымъ всякаго политическаго значенія.

6-го ноября 1797 г. Орловъ донесъ Коллегіи объ исполненіи указа 6-го іюля и сообщилъ, что «отнынѣ по всѣмъ дѣламъ станицы и чиновники относятся по древнему обычаю на имя Войскового Атамана и Войска Донскаго, а равно пишутъ изъ станицъ, именуя по прежнему, а не отъ станичнаго начальства...» Въ Военную Коллегію стали снова писать «отписки», а не рапорты, а въ губернскія правленія — «сообщенія и промеморіи».**

Такова была перемѣна съ точки зрѣнія внѣшней, формальной, бумажной.

Съ точки зрѣнія административной, положеніе ухудшилось. Вмѣсто количественно ограниченнаго, опредѣленнаго, болѣе или менѣе постояннаго состава чиновъ Войсковаго Гражданскаго Правительства, возродился къ жизни «сборъ старшинъ при Войсковой Канцеляріи», многолюдный, текучій по составу, никакими правилами неограниченный. Благодаря отмѣнѣ т. наз. непремѣнныхъ (постоянныхъ) членовъ въ составѣ

*) П. С. З., т. XXIV, N 28239.
**) П. С. З., т. XXIV, N 18239.

Канцеляріи уменьшилось вліяніе имперскаго правительства и возросло значеніе старшинъ. Безпорядокъ увеличивался еще тѣмъ, что всѣ дѣла возникали и разрѣшались окончательно въ канцеляріи. Не было ни аппеляціи, ни кассаціи. Дѣла, поступившія при Войсковомъ Гражданскомъ Правительствѣ разрѣшались «судьями» въ прежнемъ составѣ. Новыя-же дѣла зависѣли отъ произвола случайнаго состава отдѣльныхъ засѣданій «Сбора старшинъ» при Канцеляріи.

Во исполненіе указа 1797 г. были отмѣнены «станычныя начальства», назначенныя въ 1793 году. Но, возстанавляя «во управленіи всѣхъ дѣлъ общихъ порядокъ бывшаго издревле положенія», войсковой атаманъ Орловъ далъ «станичнымъ» атаманамъ «наставленіе», регламентировавшее всѣ ихъ дѣйствія. «Наставленіе» рекомендовало — тѣхъ, кто будетъ критиковать «насылаемыя повелѣнія», не выходя со сбора, «наказать на страхъ другимъ плетьми». Это должно было сильно съузить свободу сужденій станичнаго сбора.

Предлагая выбирать станичныхъ атамановъ «изъ людей расторопныхъ и добрыхъ въ поведеніи», Орловъ совѣтовалъ «ради пособія имъ во всегдашнихъ словесныхъ судопроизводствахъ» выбрать «изъ степенныхъ стариковъ, которые прежде назывались «подписными», четырехъ человѣкъ или болѣе, по усмотрѣнію общества. Обязанность атамана и стариковъ состояла въ немедленномъ исполненіи распоряженій сыскныхъ начальствъ, въ словесномъ разбирательствѣ всякихъ спорныхъ дѣлъ. Дѣла-же, подлежащія общему собранію, должны были откладываться на праздничные дни для разсмотрѣнія на полныхъ сборахъ. Всѣ тяжебныя дѣла на сумму не свыше 50 рублей могли быть рѣшаемы на станичномъ сборѣ. Недовольные рѣшеніемъ станицы могли переносить свои дѣла въ сыскныя начальства. Станичные атаманы и старики могли судить уличенныхъ въ разныхъ преступленіяхъ, особенно въ малыхъ воровствахъ. За вырубку лѣса и «перекосъ» луговъ станичные правители должны были взыскивать денежный штрафъ, а «отнюдь не должны напивать пойломъ, — писалъ Орловъ, — ибо сіе введеніе было весьма подло и не соображено съ должнымъ порядкомъ . . .»*)

Наставленіе Орлова было первой попыткой войскового начальства регламентировать, какъ строй станичной администраціи, дотолѣ основанный на обычаѣ, такъ и самую ея дѣятельность. Въ качествѣ аппеляціонной инстанціи вводилось впервые «сыскное начальство», принявшее къ этому времени форму учрежденія, подчиненнаго (прежде единоличному) «сыскному начальнику».

Порядокъ, установившійся въ 1797 году, просуществовалъ

---

*) «Труды Б. Дон. Стат. Ком.», т. I. 1867, Матеріалы; Кательниковъ «Ист. свѣдѣнія о Верхне-Курмояр. станицѣ», Новоч., 1891.

недолго. Вскорѣ послѣдовалъ рядъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью приблизить административное устройство Земли Донскихъ казаковъ къ общегубернскому типу. Эти мѣры были предприняты тѣмъ, именно, имп. Павломъ, который только что возстановилъ порядокъ, «испровергнутый» кн. Потемкинымъ.

11-го іюня 1800 г. имп. Павелъ I повелѣлъ: «Войска Донскаго Войсковой Канцеляріи по дѣламъ воинскимъ быть подъ вѣдомствомъ Военной Коллегіи на прежнемъ основаніи; по гражданскимъ-же относиться прямо въ Сенатъ и быть подъ его указами, опредѣливъ въ нее Прокурора, на основаніи Прокуроровъ Губернскихъ...»*) Подчиненіе Сенату означало, по существу, уничтоженіе автономіи, всего лишь три года назадъ возстановленной. Назначеніе Войскового Прокурора вдвойнѣ поражало донскую автономію: въ Войсковую Канцелярію вводился общеимперскій органъ надзора, кромѣ того, впервые нарушался принципъ мѣстнаго (донского казачьяго) происхожденія всѣхъ чиновъ донской администраціи, ибо и атаманы, и непремѣнные члены Гражданскаго правительства назначались всегда изъ казаковъ.

Прибывшій на Донъ Войсковой Прокуроръ немедленно-же сдѣлалъ представленіе въ Сенатъ о множествѣ дѣлъ, поступающихъ въ Канцелярію и просилъ Сенатъ «учинить о ней положеніе». Проектъ Сената былъ утвержденъ 2 сент. 1800 г. императоромъ и опубликованъ въ формѣ сенатскаго указа 6-го сент. 1800 г.

Согласно этого указа,**) «Войска Донскаго Войсковая Канцелярія» была «учреждена» на слѣдующихъ основаніяхъ: «1) Въ Войсковой Канцеляріи присутствовать отъ Войска Донскаго Войсковому Атаману, двумъ членамъ и сверхъ того особамъ, каковыхъ «благоугодно будетъ» назначить императору. 2) Отъ сей Канцеляріи зависѣть должно наблюденіе въ подчиненныхъ мѣстахъ благоустройства и правосудія и рѣшеніе всѣхъ дѣлъ».

Далѣе повелѣвалось: «3) Учредить зависящія отъ той Канцеляріи Экспедиціи: первую для дѣлъ криминальныхъ; вторую для гражданскихъ и тяжебныхъ; третію для казенныхъ, въ которыхъ присутствовать въ каждой по 3 члена...»

Статья 4-я предписывала Экспедиціямъ вносить приговоры свои на утвержденіе Канцеляріи. Очень важное значеніе имѣла статья 5-я, согласно которой Канцелярія и Экспедиція подлежащія имъ дѣла должны «производить и рѣшить на основаніи общихъ узаконеній Всероссійской Имперіи». Дѣла по гражданской части предписывалось (ст. 6-я) на апелляцію вносить въ Сенатъ, а по военной — относиться въ Военную Коллегію, «сообразно чему и уголовныя вносить на ре-

*) П. С. З. т. XXVI, N 19447.
**) П. С. З. т. XXVI, N 19547.

визію по роду ихъ и принадлежности до того или другого правительства . . .»

Въ «судейскія должности» предписывалось «опредѣлять погодно, избирая въ сіе званіе способныхъ и благонадежныхъ людей». Наконецъ, жалованье членамъ и служащимъ и, вообще, свой бюджетъ Канцеляріи предоставлялось опредѣлять самой «по своему распоряженію».

Несомнѣнно, съ 1721 года, подчиненное Военной Коллегіи, Войско было посредствующимъ образомъ подчинено и Сенату. Равнымъ образомъ, важнѣйшія мѣропріятія, касавшіяся Войска, восходили ко власти верховной черезъ тѣ органы, которые возникали въ XVIII вѣкѣ для верховнаго управленія Имперіи: Верховный Тайный Совѣтъ, Кабинетъ Министровъ, Государственный Совѣтъ Екатерины. Указъ 6-го сент. 1800 г. устанавливалъ подчиненность Войска по гражданскимъ дѣламъ Сенату, нарушая впервые сосредоточенность всѣхъ дѣлъ Войска (даже и судебныхъ) въ военной Коллегіи. Вообще, этотъ указъ былъ первымъ актомъ, начавшимъ разсредоточеніе войсковыхъ и краевыхъ дѣлъ по имперскимъ вѣдомствамъ. Съ точки зрѣнія раздѣленія властей большимъ шагомъ впередъ было учрежденіе экспедицій криминальной и гражданской въ составѣ Канцеляріи. Указъ возстанавливалъ примѣненіе въ Войскѣ «общихъ узаконеній Имперіи», но признавалъ финансовую автономію Войска. Во всякомъ случаѣ, Имперія не желала брать на себя содержаніе гражданской администраціи Войска. Власть она присвояла себѣ, расходы-же великодушно предоставляла Войску. Политика эта продолжалась неизмѣнно до 1917 года.

Вскорѣ-же, именнымъ указомъ 8-го окт. 1800 г., Павелъ I дополнилъ учрежденіе Канцеляріи, только что (2-го сент.) созданное Совѣтомъ, разрѣшеніемъ «учредить еще 3 Экспедиціи: а) для межевыхъ дѣлъ, б) для Полиціи въ городѣ Черкасскѣ и в) третью — сыскное начальство», соотвѣтствующее Земскому Суду. Павелъ I повелѣвалъ «для выбора въ новыя экспедиціи» придерживаться правилъ указа 2-го сент. 1800 г. и донести ему лично: «кто же имянно будутъ выбраны въ чиновники Правленія Войска Донскаго . . .»*) Павелъ объяснялъ (въ указѣ), что онъ сдѣлалъ дополненіе свое въ согласіи съ тѣмъ «постановленіемъ Правленію войску Донскому», которое было сдѣлано атаманомъ ген. Орловымъ «вмѣстѣ съ ген. Рѣпинымъ», уполномоченнымъ Императора.

Получилось довольно странное учрежденіе, въ которомъ были смѣшаны учрежденія высшаго мѣстнаго управленія (4 экспедиціи Канцеляріи — криминальная, гражданская, казенная и межевая) и — подчиненнаго управленія, съ именемъ также

*) П. С. З., т. XXVI, N 19591. Нужно замѣтить, что въ указѣ 2-го сент. глухо говорилось лишь о «выборѣ погодно» людей «способныхъ и благонадежныхъ».

«экспедицій»: полицейское управленіе гор. Черкасска и окружное управленіе Черкасскаго округа («сыскное начальство», соотвѣтствующее «Земскому Суду»). Къ тому-же, первыя двѣ экспедиціи были судебныя, двѣ другія — административныя.

9-го августа 1800 г. Войсковой Канцеляріи напомнили изъ Сената объ указѣ 11-го іюня того-же года, согласно которому — по военнымъ дѣламъ — Войско состояло въ вѣдѣніи Военной Коллегіи, по гражданскимъ-же ему повелѣно было «относиться прямо въ Сенатъ и быть подъ его указами». Поэтому Войсковая Канцелярія отнынѣ должна была «по дѣламъ въ объявленіи рѣшеній своихъ тяжущимся, въ допущеніи ихъ къ апелляціи» дѣйствовать «на основаніи изданныхъ апелляціонныхъ и другихъ узаконеній и Учрежденія о губерніяхъ по начертаннымъ для Палатъ въ разсужденіи сего правиламъ».*)

Уродливость организаціи Войсковой Канцеляріи стала ясной очень скоро, и даже черезъ два года она была вновь реформирована. Со 2-го сент. 1800 г. матеріальное, а съ 9-го августа 1800 г. — процессуальное имперское право стало примѣняться на Дону въ судебныхъ дѣлахъ. Послѣ 1775 г., это былъ новый ударъ по автономіи Войска. Для тяжущихся-же это было шагомъ впередъ въ смыслѣ ихъ правъ отъ произвола. Однако, до 1835 года донское казачье право продолжало примѣняться въ донскихъ судахъ и по уголовнымъ дѣламъ. Въ 1821 г. произошло столкновеніе между Сенатомъ, который требовалъ безусловнаго примѣненія общаго уголовнаго закона къ казакамъ, и Войсковой Канцеляріей, которая продолжала примѣнять иногда въ области наказанія обычное право, «введенное на Дону изъ самой глубокой древности». Дѣло шло о наказаніи за кражу, и 6-ой Департаментъ Сената предписывалъ отдать казака для заработанія цѣны покраденнаго въ пользу Приказа Общественнаго Призрѣнія, вмѣсто наказанія плетью на сборѣ. Войско-же настаивало на наказаніи казаковъ и за 1—3-ю кражу плетью «по тамошнему обыкновенію, при полныхъ станичныхъ сборахъ, на мѣстѣ преступленія. За 4-ю же кражу или-же за кражу свыше 20 рублей — служилыхъ казаковъ посылать безъ очереди въ полки, а отставныхъ во внутреннюю (на Дону) службу на одинъ годъ. «Сей образъ наказанія, — дѣлаетъ на казаковъ вліяніе, ибо публичное наказаніе ихъ и за малое воровство введено на Дону изъ самой глубокой древности».

Въ результатѣ ходатайства атамана состоялось высочайшее повелѣніе «въ подобныхъ случаяхъ, когда въ какомъ либо изданномъ указѣ не сказано ясно, что оный распространяется и на Войско Донское, прежде отправленія рѣшительнаго предписанія, чтобы руководствоваться таковымъ указомъ по Войску Донскому», испрашивать предварительно Высочайшее раз-

*) П. С. З., т. XXVI, N 19510.

рѣшеніе на то черезъ министра юстиціи. По этому поводу въ Сенатѣ возникло даже дѣло, довольно нелѣпое, по вопросу: «не слѣдуетъ-ли останавливать разсылку указовъ въ прочія мѣста до полученія Высочайшаго разрѣшенія на примѣненіе ихъ къ Войску Донскому». Понятное дѣло, было рѣшено, что нельзя тормозить все имперское законодательство ради справки съ правами и привилегіями отдѣльнаго края.*)

Временное возрожденіе донской автономіи не повлекло за собою возрожденія политической роли Круга. Шесть разъ въ году собирался Кругъ, выносились и «вычитывались» главнѣйшія грамоты, но къ началу XIX вѣка это — былъ уже войсковой парадъ, соединенный съ церковнымъ торжествомъ. Войсковая «хлѣбъ-соль» послѣ Круга все болѣе превращалась въ пиршество «чиновниковъ Войска», на казенный (войсковой) счетъ.

Въ соціальной жизни Дона царствованіе Павла Петровича ознаменовано двумя выдающимися событіями, которыя, впрочемъ, подготовлены были еще въ царствованіе Екатерины II. Донскіе старшины получили, наконецъ, вожделѣнныя права дворянства, а донское крестьянство было окончательно закрѣпощено. Одворянившіеся казачьи старшины стали, наконецъ, сословіемъ легальныхъ рабовладѣльцевъ. То, что въ XVIII в. основывалось на злоупотребленіи властью, на привилегіяхъ немногихъ отдѣльныхъ старшинъ, стало достояніемъ цѣлаго класса.

22-го сентября 1798 г. «чины Донскаго Войска» были «сравнены съ армейскими: чинъ войсковаго старшины приравненъ маіору, есаулъ — ротмистру, сотникъ — поручику и хорунжій — корнету».**) Съ этого времени прекратилось нелѣпое пожалованіе донскихъ полковниковъ въ армейскіе маіоры. Они были уравнены съ полковниками арміи.

Отнынѣ, не только немногіе донскіе старшины, имѣвшіе армейскіе чины генераловъ, бригадировъ, полковниковъ, премьеръ- и секундъ-маіоровъ, но и всѣ вообще донскіе казачьи офицеры пріобрѣли права дворянства. Рядовая казачья масса неодобрительно встрѣтила это законодательное завершеніе вѣкового соціальнаго процесса. Англійскій путешественникъ этой эпохи отмѣтилъ, что «дарованіе чиновъ старшинамъ старые казаки на Дону считаютъ новшествомъ, противнымъ конституціи края» (une innovation inconstitutionnelle***). Они были, конечно, правы.

Весьма объективную картину взаимоотношеній одворянившейся старшины и рядового казачества далъ академикъ Палласъ, посѣтившій Донъ въ 1793 году. Онъ записалъ: «Пре-

*) Сборникъ обл. В. Дон. Стат. Комит., № 10. Ср. П. С. З., т. XXXVIII, N 23319, 17 февр. 1823; и N 29529 (іюнь 1823).

**) П. С. З., т. XXV, N 16673.

***) W. Fooke «View of the Russian Empire», vol. I.

имущества и отличія, слишкомъ легко пожалованныя съ недавняго времени старшинамъ, сдѣлали ихъ высокомѣрными и надменными... Они основываютъ поселенія, наполненныя бродягами, привлекаемыми приманкой добычи, на прекрасныхъ земляхъ... Они изыскиваютъ всѣ средства для угнетенія бѣднѣйшаго казачества, которое несетъ на себѣ тяжесть воинской службы, отъ коей богатые избавляются путемъ наемки. Казаки не получаютъ того, что имъ причитается. Рождающееся отсюда неудовольствіе, которое старшины разсматриваютъ, какъ неповиновеніе и мятежъ, служитъ для послѣднихъ предлогомъ для еще болѣе сильнаго угнетенія казачества.

Благодаря этому, народъ этотъ, по природѣ своей добрый, доставляющій Россію великолѣпныя легкія войска, несмотря на свою свободную конституцію, находится во все болѣе возрастающемъ порабощеніи со стороны аристократіи своихъ вождей и выказываетъ все больше отвращеніе къ службѣ, въ то время какъ богатые и знатные живутъ въ самой сладострастной лѣности и полнѣйшей распущенности нравовъ...»*)

Итакъ донская старшина стала дворянской по офицерскимъ чинамъ. Но это не обозначало еще, что правительство склонно было признать коллективную принадлежность донской старшины къ дворянству, какъ къ сословію. Отдѣльныя лица, получившія армейскіе чины въ теченіе XVIII вѣка, приписывались къ дворянству россійскихъ, по большей части сосѣднихъ, губерній. Но правительство и не помышляло объ организаціи новаго сословнаго дворянскаго общества. Въ 1819 году гр. Чернышевъ указывалъ на донское дворянство, какъ на «классъ чиновниковъ Войска, происшедшій отъ казаковъ и появившійся между ими съ недавняго времени, но совершенно неизвѣстный въ древности, когда начальство въ полкахъ вручалось только на время походовъ, а съ возвращеніемъ на Донъ не давало имъ предъ казаками ни въ чемъ ни малѣйшаго преимущества».

Уже въ 1760-хъ г. г. донская старшина стала присваивать себѣ имя «войскового общества», заслоняя собою казачью массу. Теперь стояла на очереди задача, законно или незаконно, — создать сословную организацію «чиновниковъ Войска» съ дворянскими правами и закрѣпить за этой организаціей названіе «войскового общества». На осуществленіе этой задачи понадобилось всего шесть лѣтъ (1798—1804). Большинство донскихъ историковъ приписываетъ имперскому правительству политику сознательнаго разслоенія единой казачьей массы путемъ пожалованія дворянства старшинѣ. Несомнѣнно, правительство постепенно убѣждалось въ томъ, что разслоеніе казачества было полезно для самодержавія, опирающагося на дворянство, полезно и въ цѣляхъ ассимиляціи Донского края.

*) Pallas «Second voyage», Paris, 1811, pp. 217—218.

Но, по большей части, правительство слѣдовало за процессомъ, происходившимъ въ нѣдрахъ самого донского общества, и санкціонировало результаты эволюціи, уже достигнутые на мѣстѣ. Стоитъ вспомнить, что уже въ 1767 г. объединенная старшина всѣхъ казачьихъ войскъ, кромѣ демократа Алейникова, единогласно заявила требованіе для себя правъ дворянства, сопряженнаго съ чинами, и права владѣть рабами. И лишь послѣ 23-лѣтняго самовластнаго правленія старшинъ (1775—1798 г. г.) правительство сдѣлало новый шагъ по пути удовлетворенія этого требованія. Благодаря одворяненію казачьей старшины Донъ еще болѣе приблизился, по соціальной организаціи своей, къ типу дворянской великороссійской губерніи.

Еще большее сходство съ метрополіей придало донской колоніи узаконеніе крѣпостного права на Дону.*)

Указъ 12 дек. 1796 г., подготовленный, несомнѣнно, еще при Екатеринѣ, гласитъ: «Извѣстно Намъ, что въ полуденномъ краю государства Нашего, заключающемъ въ себѣ губерніи Малороссійскую, Воронежскую, Кавказскую и область Таврическую, своевольные переходы крестьянъ съ мѣста на мѣсто наносили многимъ изъ тамошнихъ обитателей великія въ заведеніяхъ ихъ разстройства и разоренія, и что вкоренившемуся сему злу, поколику оно сдѣлалось тамо общимъ, до приведенія въ извѣстность всѣхъ жителей тѣхъ губерній, воспрепятствовать не было средствъ безъ самыхъ крайнихъ мѣръ. А, между тѣмъ, подавало сіе поводъ корыстолюбцамъ, забывшимъ присягу, отваживаться на подговоры туда къ побѣгу крестьянъ и изъ самыхъ внутреннихъ губерній, въ которыхъ многіе помѣщики лишились своихъ крестьянъ».

«Для прекращенія того, и дабы единожды навсегда водворить въ помянутыхъ мѣстахъ по сей части порядокъ и утвердить въ вѣчность собственность каждаго владѣльца, за благо Мы признали постановить, чтобы въ (поименованныхъ) губерніяхъ каждый изъ поселянъ остался въ томъ мѣстѣ, какъ онъ по нынѣшней ревизіи написанъ будетъ, а также на Дону и островѣ Таманѣ съ состоянія сего указа Нашего».**)

Какъ мы видимъ, указъ этотъ былъ продиктованъ желаніемъ защитить интересы помѣщиковъ внутреннихъ губерній и сборъ подушной подати въ «полуденномъ краѣ». На второмъ планѣ стояла защита новороссійскихъ и кавказскихъ, а также украинскихъ помѣщиковъ. Донъ былъ прихваченъ за компанію: по контексту видно, что его вписали въ послѣдній моментъ, вмѣстѣ съ островомъ Таманью. Но, несомнѣнно, что, въ значительной степени, именно къ донской старшинѣ относились слова указа о «корыстолюбцахъ», подговаривавшихъ

*) Карасевъ «Дон. крестьяне», «Труды В. Д. Стат. Ком.», т. I. 1867; Ив. П. Поповъ «Мат. къ исторіи Дона», Новоч. 1900; Сборники Обл. В. Д. Стат. Ком., в. 1—13, passini.

**) П. С. З., N 17638.

крестьянъ изъ внутреннихъ губерній на побѣги къ себѣ, на югъ.

Благодаря указу 12 дек. 1796 года «малороссіане» и великороссы, населявшіе слободы на земляхъ, захваченныхъ у Войска и станицъ старшинами, стали крѣпостными. Отнынѣ они лишились права перехода, которымъ пользовались въ періодъ 1763—1796 г. г. при условіи оплаты семигривеннаго оклада и исправленія всѣхъ повинностей по отношенію къ «чиновникамъ Войска». Кстати сказать, по аналогіи, очень скоро «чиновниковъ» на Дону стали звать «помѣщиками», хотя никогда и никто не жаловалъ донской старшинѣ «помѣстій», да и вотчинъ не могло существовать въ Донскомъ войскѣ, гдѣ вся земля принадлежала всему казачеству. Искавшіе на Дону спасенія отъ крѣпостного права, насаждавшагося на Украйнѣ, мечтавшіе о принятіи въ донское казачество, «малороссіане» стали нежданно-негаданно крѣпостными донской старшины. Съ этого момента жизнь донского крестьянина пріобрѣла трагическій оттѣнокъ, и многія событія 1917—1919 г. г. объясняются тѣми воспоминаніями, которыя сохранило донское крестьянство о времени своего «подданства» донскому дворянству втеченіе 65 лѣтъ (1796—1861).

Указъ 1796 года создалъ довольно неожиданную категорію крѣпостныхъ, принадлежавшихъ станицамъ. Аномалія эта была уничтожена въ 1811 году.*) Итакъ изъ конца XVIII в. Донской край, въ соціальномъ отношеніи, вдвойнѣ сталъ ближе къ дворянскихъ губерніямъ Имперіи. Объ увеличеніи числа крѣпостныхъ на Дону позаботилось донское дворянство, развившее колоссальную энергію по заселенію «своихъ» земель новыми рабами. Эта работа дворянъ, въ промежуткѣ между 1763 и 1816 годами, имѣла роковое значеніе для казачества. Великая метрополія осваивала свою вольную колонію путемъ обволакиванія (enveloppement), путемъ постепеннаго измѣненія административныхъ нормъ, уничтоженія автономіи. Донское дворянство своими захватами создало ужасающую земельную черезполосицу. Заселивши эти земли крестьянствомъ, донское дворянство создало инфильтрацію единой прежде, свободной и равноправной, массы казачьяго населенія крѣпостными, безправными крестьянами. Послѣдніе вошли въ донскую жизнь, не въ качествѣ новыхъ полноправныхъ гражданъ, а въ качествѣ угнетенной, рабской группы, въ качествѣ инороднаго, часто враждебнаго тѣла. Правительство, въ политическихъ, а болѣе въ фискальныхъ интересахъ, сдѣлало все, чтобы эти два элемента населенія отнюдь не смѣшивались, чтобы крестьянство не стало свободнымъ, перейдя въ казачество. Уже въ первой четверти XIX вѣка сталъ на очередь вопросъ о необходимости или оказачить все населеніе Донского края, давши ему всѣ права на свободу и землю, или-же расказачить

*) Ср. гл. XX настоящей книги.

Донъ, сдѣлавши казаковъ свободными крестьянами. Но противъ второго рѣшенія говорила вся исторія Дона, военно-служебная полезность казачьихъ войскъ и, наконецъ, готовность казачества съ оружіемъ въ рукахъ отстоять свое званіе казака, вольнаго человѣка. Противъ перваго-же рѣшенія боролись совмѣстно: самодержавный централизмъ, интересы помѣщиковъ внутреннихъ губерній и интересы донского «чиновничества».

Въ указѣ 12 дек. 1796 г. Павелъ I возлагалъ «Войска Донскаго на Войсковое Правительство и особенно на Войскового Атамана, чтобы они всемѣрно старались не токмо сохранять въ совершенной цѣлости сіе узаконеніе, но даже предупреждать малѣйшее поползновеніе къ какимъ либо безпорядкамъ...» *)

Павелъ I продолжалъ слѣдить за исполненіемъ своего указа, и 26-го іюня 1800 г. отправилъ грозный рескриптъ на имя Орлова.**) Онъ писалъ, что «въ Новороссійской губерніи многіе отъ помѣщиковъ ихъ бѣжавшіе люди для укрывательства прямо идутъ въ земли Войска Донскаго... Восемь семей найдены были въ хуторѣ донского полковника Мѣшкова и, когда ихъ брать хотѣли, то они, будучи вооружены, дерзостно сопротивлялись...» По высочайшему повелѣнію Мѣшковъ былъ выключенъ изъ службы и долженъ былъ быть отправленъ «съ симъ нарочно посланнымъ» отъ императора. Павелъ повелѣвалъ, «дабы въ станицахъ Донскихъ впредь не дерзали держать бѣглыхъ и безпашпортныхъ...»

Императоръ заключалъ рескриптъ свой весьма энергично: «въ противномъ случаѣ, если сіе зловредное пристанодержательство тамъ еще продолжаться будетъ, то вы сами смѣнены будете...»***)

Въ области церковнаго управленія и при Павлѣ I Войско продолжало охранять свою власть надъ священно- и церковнослужителями. Въ 1798 году, по ходатайству Войска, Павелъ I повелѣлъ оставить монаховъ въ двухъ монастыряхъ Войска Донскаго: Вознесенскомъ Кременскомъ и Преображенскомъ Усть-Медвѣдицкомъ на содержаніи Войсковой Канцеляріи.[1])

Въ политическомъ отношеніи Павловская эпоха ознаменовалась на Дону терроромъ, направленнымъ противъ тѣхъ, кто — справедливо или нѣтъ — былъ заподозрѣнъ въ автономизмѣ или сепаратизмѣ. Съ другой стороны, Павелъ I нанесъ новоявленнымъ дворянамъ нѣсколько сильныхъ ударовъ путемъ посылки на Донъ довѣренныхъ лицъ для разбора дѣлъ о захватѣ войсковой земли. Результаты этихъ случайныхъ слѣдствій оказались крайне ничтожными.

Гораздо серьезнѣе были дѣла политическія. Наиболѣе значительнымъ было дѣло Грузиновыхъ. Сперва близкій къ Па-

*) П. С. З., т. XXIV, N 17638.
**) П. С. З., т. XXVI, N 19461.
***) Тамъ же.
[1]) П. С. З. т. XXV, N 18711.

влу, гвардіи полковникъ, Евграфъ Осиповичъ Грузиновъ подвергся внезапной опалѣ, былъ сосланъ на Донъ, затѣмъ не менѣе внезапно схваченъ, судимъ и казненъ. 26 апрѣля 1800 года на Черкасскомъ майданѣ былъ наказанъ кнутомъ братъ его гвардіи поручикъ Петръ Осиповичъ Грузиновъ, сосланный затѣмъ въ Сибирь.

Евграфу Грузинову ставили въ вину мечты о завоеваніи Стамбула при помощи войска изъ «охотниковъ», набранныхъ на Дону, объ учрежденіи тамъ конституціоннаго «Сената». Въ его мечтаніяхъ, поскольку они нашли себѣ отраженіе въ немногихъ судебныхъ документахъ, всплыли стародавнія казачьи воспоминанія о походахъ на турокъ. Грузиновъ тяготился властью, которую проявляла метрополія по отношенію къ вольной колоніи.

— «Знаете-ли, — говорилъ онъ, — кто Донъ заслужилъ? — Ермакъ. А теперь отнимаютъ и поселили грековъ и армянъ...» Здѣсь онъ говорилъ, конечно, о грекахъ, которыхъ поселили въ Таганрогѣ послѣ первой турецкой войны при Екатеринѣ, и объ армянахъ изъ Крыма, переселенныхъ въ 1782 г. въ Приазовскій край (въ гор. Нахичевань на Дону, основанный на мѣстѣ «купеческаго форштадта» крѣпости св. Димитрія, и въ рядъ селеній близъ Ростова). Слѣдовательно, Грузиновъ считалъ Приазовскій край исконнымъ владѣніемъ донского казачества и негодовалъ на захватъ его россійской властью.

Старыя воспоминанія о вооруженномъ возстаніи противъ метрополіи всплывали въ рѣчахъ Грузинова. — «Вступился-было, — говорилъ онъ, — за отечество Пугачъ, но пропалъ. Я не такъ, какъ Пугачъ, но еще лучше сдѣлаю: какъ возьмуся за мечъ, то вся Россія затрясется...» Эти угрозы, даже самое выраженіе ихъ не было новостью, какъ мы знаемъ изъ примѣровъ Кирилла Чюрносова, Булавина, Пугачева, Степана Ефремова. Примѣръ Степана Тимоѳеевича, «тряхнувшаго» Москвой, былъ всегда предъ глазами, и донская похвальба звучала довольно серьезно.

Грузиновъ проникнутъ былъ идеей донской независимости. Онъ просилъ растолковать ему, «почему онъ Россійскаго императора подданный...» Священнику, котораго посылали къ нему въ тюрьму для увѣщеванія, онъ говорилъ о донскомъ казакѣ Ермакѣ Тимоѳеевичѣ, а также, что и «всѣ Донскіе казаки независимы отъ царскаго престола и не обязались предъ нимъ вѣчною присягою, а только временною относительно службы, что онъ, а также и всѣ казаки, нимало не подвластны, а потому и не подданные...» Грузиновъ, конечно, думалъ о присягѣ 1671 года и о предыдущей эпохѣ. Но онъ забывалъ, что съ 1676 года Донъ приносилъ обычную для всѣхъ подданныхъ присягу. Его «сепаратистскія», вѣрнѣе автономистскія, рѣчи интересны для насъ, какъ выраженіе

твердыхъ убѣжденій, которыя продолжали существовать на Дону въ средѣ казачества.

Здѣсь не мѣсто описывать возмутительную обстановку судебной расправы надъ Грузиновымъ. Войсковая Канцелярія дѣйствовала съ крайней поспѣшностью и угодливостью. Приговоръ ея утвержденъ былъ 26 авг. 1800 г. и опубликованъ въ формѣ указа Сенату: «Исключеннаго изъ службы полковника Грузинова I-го за измѣну противъ насъ и государства повелѣваемъ, лиша чиновъ и дворянства, наказать нещадно кнутомъ, а имѣніе его отписать въ казну...»*)

5-го сент. 1800 г. на Черкасскомъ майданѣ Грузиновъ, «по лишеніи чиновъ и дворянства былъ наказанъ кнутомъ», и, при этомъ, столь «нещадно», что, — какъ сообщала во всеобщее свѣдѣніе Войсковая Канцелярія, — «послѣ оной извергъ Грузиновъ черезъ два часа лишился жизни...» Не менѣе серьезны были результаты дѣла для «недоносителей». Дядѣ Грузинова, войсковому старшинѣ Аѳонасьеву и тремъ казакамъ: Касмынину, Попову и Колесникову отрубили головы «за недонесеніе». Брата-же Евграфа, Петра Грузинова, еще раньше били кнутомъ жестоко, вырвали ему ноздри и наложили знаки.**)

Неменѣе громкимъ было дѣло донского героя М. И. Платова, который былъ также заподозрѣнъ Павломъ I въ сепаратизмѣ, внезапно схваченъ, сосланъ въ Кострому и не менѣе внезапно переведенъ въ Петропавловскую крѣпость. Не менѣе неожиданнымъ, чѣмъ опала, оказалось и освобожденіе Платова изъ крѣпости, награжденіе его командорскимъ крестомъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго и «производство» въ походные атаманы Войска Донскаго.***)

Наконецъ, «крамола» обнаружилась среди служащихъ Войсковой Канцеляріи. Была найдена «поносная противу Государя Императора ода», состоявшая всего изъ четырехъ строчекъ, лестныхъ для Екатерины и непріятныхъ для Павла. Она гласила:

«При Царицѣ
«Ѣли паляницы,
«А у Царя
«Нѣтъ сухаря...»

И больше ничего!... Но по дѣлу объ этой «поносной одѣ» до 10 человѣкъ, на Черкасскомъ майданѣ, были биты кнутомъ, съ урваніемъ ноздрей, поставленіемъ клеймъ и со ссылкою

---

*) Шильдеръ «Павелъ I», с. 432. Имѣніе было пожаловано Грузинову въ одной изъ россійскихъ губерній.

**) А. А. Карасевъ «Полк. Грузиновъ», «Русс. Обозр», 1896, NN 9—12; «Русс. Стар.» 1873, N 5, 7; 1878, N 10; біографія Штейнеля въ «Общ. движ. первой четверти XIX в.», подъ ред. Семевскаго, 1905.

***) Е. И. Тарасовъ «Дон. атаманъ Платовъ», СПБ. 1902 (тамъ-же библіографія о Платовѣ); «Біограф. Словарь» (Плавильщиковъ» и др.).

въ Сибирь. Главными обвиняемыми были канцеляристы Щербаковъ и Барановъ. Священникъ Ѳедоръ Петровъ, на квартирѣ у котораго жилъ одинъ изъ обвиняемыхъ, подвергся тому-же наказанію.*)

По дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, при Павлѣ, дѣйствовала Войсковая Канцелярія. По дѣлу Грузиновыхъ приговоръ ея подлежалъ представленію на ревизію въ генералъ-аудиторіатъ, а затѣмъ на высочайшее утвержденіе. Войсковая Канцелярія обошла генералъ-аудиторіатъ, и это дало поводъ Павлу послать на Донъ слѣдователя изъ Петербурга и наказать судей за «поспѣшность» въ исполненіи приговора. Хотя, конечно, Канцелярія лишь исполнила указъ самого Павла (отъ 26 авг. 1800 г.).

Нельзя не отмѣтить безумнаго акта Павла I въ отношеніи Войска: знаменитаго «похода на Индію», въ который онъ послалъ все мужское населеніе войска «о двуконь», безъ плана, маршрутовъ, картъ и безъ провіанта. Вѣсть о смерти Павла и приказъ о возвращеніи застигли донцевъ въ верховьяхъ р. Иргиза.

Глава XXV.

Донъ подъ управленіемъ Платова (1801—1818).

Имп. Александръ I, вскорѣ по вступленіи на престолъ, назначилъ атаманомъ ген. М. И. Платова. Заподозрѣнный въ сепаратизмѣ при Павлѣ I, Платовъ, подобно другимъ донцамъ своего времени, употреблялъ слова: «Донской край», «границы Войска Донскаго», и т. п.,**) но онъ не только былъ вѣрнымъ исполнителемъ велѣній центральной власти, но и самъ сильно способствовалъ уничтоженію остатковъ автономіи, приближенію Дона къ общегубернскому типу. Въ гражданской жизни своей Донъ обязанъ Платову организаціей дворянскаго и торговаго сословій изъ среды казачества, ухудшеніемъ положенія донского крестьянства, выборомъ мѣста для новой столицы края. Вмѣстѣ съ тѣмъ, крайнее напряженіе силъ, вызванное Отечественной войной, сильно подорвало экономическое благосостояніе казачества.

И въ XIX вѣкѣ, подобно XVIII-му, казачество добивалось отъ каждаго новаго монарха подтвержденія своихъ историческихъ правъ. Только на 11 году своего царствованія, 30 авг. 1811 года, Александръ I далъ Войску торжественную грамоту, адресуя ее по старинѣ: «На Донъ, въ нижніе и верхніе юрты, нашимъ атаманамъ и казакамъ, войсковому атаману ген. Платову, правительству Войска Донскаго и всему оному знамени-

*) Опись указамъ св. Синода, хранящимся въ Воронеж. Дух. Консисторіи за 1743—1850 г. г.». «Вор. Стар.», 6. II, 1903.

**) Сборн. Р. Ист. Общ., 1878, с. 189.

тому войску, намъ вѣрнолюбезному». Исчисливши боевыя заслуги Войска, «въ довершеніе Всемилостивѣйшаго благоволенія» своего къ Донскому Войску, Александръ I писалъ: «Мы подтверждаемъ всѣ права и преимущества, въ Бозѣ почивающими Высокими Предками Нашими ему дарованныя, утверждая Императорскимъ словомъ Нашимъ ненарушимость настоящаго образа его служенія, толикою славою покрытаго, неприкосновенность всей окружности его владѣній, со всѣми выгодами и угодіями, Грамотою... 27 мая 1793 г. утвержденную и кровью отцовъ его пріобрѣтенную...» Мы знаемъ, что подъ «образомъ служенія» донское казачество понимало всю совокупность автономныхъ правъ въ области управленія. Грамота же 1811 г. ясно говорила лишь о военной службѣ казачества. Въ послѣдній разъ упоминалось о томъ, что донская земля добыта казачьей кровью. Подтвержденіе правъ на землю оговорено было въ предѣлахъ грамоты 1793 года. Стало быть, не было рѣчи о правахъ казачества на Приазовье, о которыхъ говорилъ Грузиновъ, ни о правахъ на аннексированныя въ 1708 году метрополіей земли по Донцу, Хопру и т. д.

Торжественныя завѣренія были повторены и въ грамотѣ 19-го ноября 1817 года, отмѣчавшей заслуги Войска въ 1812—1815 г. г. Въ этихъ торжественныхъ завѣреніяхъ продолжала жить память о былomъ государственномъ прошломъ Дона. Однако, значеніе Войскового Круга, временно увеличившееся въ 1797—1800 г. г., уже въ началѣ царствованія Александра I совершенно ничтожно. Избираемые по властному указанію атамана войсковые есаулы изъ докладчиковъ по всѣмъ дѣламъ, превращаются, фактически, въ адъютантовъ атамана. До 1800 г. ни одна бумага отъ имени Войска не могла выйти безъ подписи войскового есаула. Теперь въ ней нѣтъ никакой надобности. Кругъ, помимо традиціонныхъ дней, собирается для выслушанія новыхъ манифестовъ или грамотъ о пожалованіи знаменъ. Но значеніе пожалованія знаменъ стирается въ памяти, а иногда и нарочито затушевывается.

Въ 1803 году Войско, прося у царя новыхъ знаменъ, поясняетъ, что они «по древнимъ Войска Донскаго привиллегіямъ и обрядамъ, въ нѣкоторыя времена года, въ числѣ прочихъ войсковыхъ регалій, со святыми иконами выносятся, въ память въ Бозѣ почивающихъ Россійскихъ Монарховъ и заслугъ, въ Войсковой Кругъ, гдѣ вычитываются при собраніи генералитета, штабъ- и оберъ-офицеровъ и казаковъ, приличныя къ тому высочайшія грамоты...» Итакъ, Кругъ превращенъ въ какое-то церковно-войсковое поминаніе почившихъ монарховъ, и лишь глухо упоминается о «приличныхъ къ тому» (къ «нѣкоторымъ времянамъ года») высочайшихъ грамотъ.

Немудрено, что въ 1809 г. военный министръ Аракчеевъ предложилъ атаману Платову о назначеніи Войскового Круга «въ день св. Александра Невскаго, вмѣсто того, что таковой дѣ-

лаемъ былъ всякій разъ при полученіи изъ казны жалованья».

22 августа 1810 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе, чтобы «Войско Донское въ воспоминаніе высокомонаршихъ милостей, ему дарованныхъ, продолжало дѣлать по древнимъ своимъ обычаямъ церемонію единожды въ годъ, въ день св. Александра Невскаго, составленіемъ воинскаго круга съ выносомъ регалій и вычетомъ въ ономъ кругѣ Высочайшихъ грамотъ — привилегій Войска, за отличную службу оному дарованныхъ...»

Итакъ Войсковой Кругъ въ умѣ петербургскихъ канцелярій превратился уже въ «воинскій кругъ» (что-то вродѣ «каррэ» или иного воинскаго построенія). Аракчеевъ не хотѣлъ также, чтобы «вычетомъ» грамотъ нѣсколько разъ въ годъ слишкомъ часто напоминали казачеству о его привилегіяхъ и правахъ.

Съ точки зрѣнія общей политики Россіи по отношенію къ донской колоніи весьма интересны соображенія Государственнаго Совѣта, высказанныя имъ въ 1802 году (въ засѣданіи 16 февраля) по вопросу о донскомъ казачествѣ.*)

«Неоспоримо, — разсуждалъ Государственный Совѣтъ, — что виды правительства въ отношеніи къ управленію сихъ (казачьихъ) войскъ всегда клонились къ тому, чтобы привесть ихъ въ единообразіе съ прочими обывателями; но частныя ихъ привилегіи, воинскій ихъ составъ, духъ народный, нравы и обычаи всегда полагали сильныя сему препятствія. Учрежденіе въ 1775 году въ войскѣ Донскомъ гражданскаго правительства, сколько ни далеко еще оно было отъ общаго порядка, полагало, однако-жъ, къ нему нѣкоторое начало. Перемѣны въ учрежденіи семъ въ 1797 г. и послѣдующихъ сдѣланныя, состояли только въ раздробленіи дѣлъ на разныя части и введеніи новыхъ имянъ, а не въ существенномъ преобразованіи...»

Далѣе высказывалась правильная мысль, что т. наз. «экспедиціи» Канцеляріи были въ сущности не департаменты, а повытья, на которыя не было аппеляціи въ самое канцелярію, равно и сыскныя начальства, «дѣйствуя на правилахъ земской полиціи, не могли ни начинать, ни производить исковъ, по закону уѣзднымъ судамъ принадлежащимъ...» Поэтому, всѣ тяжебныя, уголовныя, межевыя и всякаго рода дѣла начинались и кончались въ Канцеляріи и оттуда приходили прямо въ Сенатъ». Отсюда проистекала «для обывателей тяжесть содержанія сихъ мѣстъ...» «Всѣ сіи уваженія дѣлали необходимымъ перемѣнить въ казачьихъ войскахъ образъ гражданскаго управленія...»

---

*) «Столѣтіе Воен. Мин.», т. XI, ч. I, с. 154; Архивъ Гос. Сов., т. III, ч. I, с. 218—219.

Съ политической точки зрѣнія интересна, въ данномъ случаѣ, оцѣнка Совѣтомъ централизаторской и уравнительной политики правительства и ссылка на препятствія для подобной политики, коими являлись «воинскій составъ» и «народный духъ» казачества. Въ связи съ этими разсужденіями Совѣта стояли: административная реформа на Дону, а также разсредоточеніе донскихъ дѣлъ въ центральномъ управленіи.

До 1812 г. Войско подчинялось Военной Коллегіи, во главѣ которой съ 8 сент. 1802 г. сталъ Министръ военныхъ сухопутныхъ силъ, съ 1808 г. переименованный въ Военнаго Министра. Въ 1812 году Военная Коллегія была уничтожена, и Войско подчинено было (по военнымъ дѣламъ) Военному Министерству. Донскія дѣла производились въ инспекторскомъ департаментѣ и касались, главнымъ образомъ, состава и количества тѣхъ частей, которыя наряжало Войско на службу.

Съ образованіемъ въ 1802 году министерствъ Земля Донскихъ казаковъ введена была въ сношенія съ ними непосредственно, вмѣсто прежнихъ сношеній съ одною лишь Военной Коллегіей и Сенатомъ. По дѣламъ внутренняго благоустройства и порядка Войско подчинилось Министру внутреннихъ дѣлъ и (до 1811 г.) Министру полиціи. Отпускъ казенныхъ суммъ перешелъ къ Министерству финансовъ. Дѣла судебныя восходили къ Министерству юстиціи и въ Сенатъ. Въ 1820 г. повелѣно было, чтобы дѣла, идущія на ревизію, по уголовной части, вносились въ 6-й (московскій) департаментъ Сената.*) Болѣе сложныя дѣла разсматривались въ Комитетѣ Министровъ, а законодательныя дѣла до 1815 г. шли черезъ Военнаго Министра, а съ 1815 г. черезъ Начальника Главнаго Штаба. При этомъ они облекались въ форму доклада Военной Коллегіи и вносились въ Комитетъ Министровъ, а въ 1810 г. въ Государственный Совѣтъ.

Распредѣленіе донскихъ дѣлъ, въ центрѣ, по министерствамъ имѣло большое значеніе для уничтоженія донской автономіи. Смѣшно было бы казачью экспедицію Военной Коллегіи выдавать за какой-то статсъ-секретаріатъ по дѣламъ бывшихъ вольныхъ колоній, Дона, Яика, Терека. Казачья экспедиція вѣдала и остальныя казачьи войска, чисто служилыя, созданныя въ XVIII вѣкѣ по волѣ императорской власти. Но Военная Коллегія, стоявшая между Войскомъ Донскимъ и центральными учрежденіями Имперіи, невольно способствовала продленію существованія донского историческаго права, краевой автономіи.

Въ 1802, 1804 и 1816 г. г. состоялись преобразованія мѣстнаго, высшаго и подчиненнаго управленія на Дону, имѣвшія цѣлью не только вернуться къ порядку, учрежденному въ

*) Указъ 28 сент. 1820 г., П. С. З., т. XXXVII, N 28430.

1775 г. и, временно, нарушенному въ 1797—1800 г. г. Павломъ I, но и приблизить донское управленіе къ общегубернскому.

Указъ 25 февраля 1802 года былъ изданъ въ цѣляхъ «учиненія твердаго для внутренняго управленія казачьихъ войскъ постановленія».*) Въ указѣ этомъ повелѣно было «Войсковую Канцелярію составить по примѣру того, какъ въ 1775 г. учреждено было Гражданское Правительство». По воинскимъ дѣламъ сохранено было подчиненіе Военной Коллегіи, а по дѣламъ гражданскимъ — Сенату. Составъ Канцеляріи: предсѣдатель — Войсковой Атаманъ, 2 члена непремѣнныхъ и 4 Ассессора по выбору. Выборы — каждые три года. Присутствіе «генерала не изъ войсковыхъ» отмѣнялось. «Но, дабы законы во всей точности исполняемы были, то быть въ Канцеляріи Прокурору противу Губернскихъ». Учрежденныя при Канцеляріи экспедиціи уничтожались. Полицейская экспедиція была оставлена «въ видѣ управы благочинія подъ точнымъ и единственнымъ вѣдомствомъ Войскового Атамана».

До 1802 г. Земля Войска Донскаго раздѣлялась на девять «сыскныхъ начальствъ», или округовъ. При Екатеринѣ число ихъ доходило до 11-ти. Тѣмъ-же указомъ 25 февраля 1802 г. семь Сыскныхъ Начальствъ основывались на Дону «въ видѣ Уѣздныхъ и Нижнихъ Земскихъ Судовъ въ соединеніи». По просту говоря, Сенатъ оставилъ неприкосновеннымъ смѣшеніе судебной и административной власти въ округѣ. Сыскное Начальство должно было стать первой инстанціей суда. Жалобы на Сыскное Начальство должны были поступать въ Войсковую Канцелярію. «Жалобы сіи были изъяты отъ обряда, для аппеляціонныхъ дѣлъ установленнаго, который для тяжущихся войсковыхъ обывателей, къ оному не привыкшихъ, былъ бы крайне отяготителенъ». Въ этомъ послѣднемъ правилѣ Сенатъ шелъ навстрѣчу «древнимъ обыкновеніямъ» казачества, не привыкшаго къ формальностямъ имперскаго права: сюда надо включить и освобожденіе отъ всякаго рода судебныхъ пошлинъ и гербоваго сбора.

Уничтоженіе экспедицій было шагомъ назадъ въ смыслѣ организаціонномъ. Поэтому они были возобновлены въ 1804 году, но болѣе стройно, нежели въ 1800 г., расположены. Указомъ 6-го февраля 1804 года было повелѣно составить Войсковую Канцелярію подъ предсѣдательствомъ Атамана изъ двухъ членовъ непремѣнныхъ и изъ четырехъ Ассессоровъ. Въ число членовъ непремѣнныхъ въ случаѣ ихъ отставки или смерти, избирать войсковому обществу кандидатовъ и представлять ихъ на Высочайшее утвержденіе. Ассессоровъ избирать каждые три года по большинству балловъ и доносить о нихъ Правительствующему Сенату.

Канцелярія, составляя одно нераздѣльное присутствіе, дѣ-

*) П. С. З., т. XXVII, N 20156.

лилась «въ обрядѣ производства дѣлъ» на три экспедиціи: Воинскую, Гражданскую и Экономическую. Первая должна была вѣдать всѣ воинскія дѣла и тѣ, которыя вѣдались въ походной Атаманской Канцеляріи.*) Къ Экспедиціи Гражданской относились «всѣ дѣла тяжебныя, слѣдственныя и уголовныя, крѣпостныя, межевыя и дѣла Земской Полиціи». Къ Экспедиціи Экономической принадлежали: «всѣ денежные по Войску сборы, приходы и расходы, подряды, откупы, оброчныя статьи, ревизія книгъ и всякіе денежные отчеты».

Воинская Экспедиція, по дѣламъ воинскимъ, «требующимъ скорости и единства» была поставлена подъ «болѣе непосредственное и точное управленіе Войскового Атамана». Но двѣ другія экспедиціи отправляли свои дѣла по обыкновенному порядку присутственныхъ мѣстъ. За точнымъ сохраненіемъ обряда и формъ наблюдалъ Прокуроръ.

По части воинской, Канцелярія подчинялась Военной Коллегіи, а по гражданской — Сенату, который разсматривалъ на нее жалобы, какъ на Палаты Гражданскихъ и Уголовныхъ Дѣлъ.

Указъ требовалъ, чтобы всѣ дѣла тяжебныя, межевыя, до Земской Полиціи и Уголовной гражданской части принадлежащія, были начинаемы по порядку въ Сыскныхъ Начальствахъ, «яко первой инстанціи Уѣзднаго и Земскаго Суда въ соединеніи».

Члены Сыскныхъ Начальствъ избирались каждые три года при общихъ выборахъ Войсковымъ «обществомъ» и утверждались Канцеляріей. Въ случаѣ смерти или отставки ихъ замѣщалъ слѣдующій по порядку кандидатъ. Земская полиція вѣдалась Сыскными Начальствами «на основаніи общихъ узаконеній и на правилахъ Земскихъ Судовъ».

Желая облегчить Сыскныя Начальства и Войсковую Канцелярію, законъ предписалъ учреждать Словесный Судъ, по выбору сторонъ, для тяжебныхъ дѣлъ и исковъ по имѣнію (на правахъ третейскаго суда). Судъ этотъ получилъ на Дону названіе «медіаторскаго».

Въ Черкасскѣ учреждена была полиція съ полицеймейстеромъ во главѣ. Послѣдній опредѣлялся, по представленію Атамана, черезъ Министра внутреннихъ дѣлъ, Сенатомъ. Учреждены были должности Войскового Казначея — по выборомъ — и Войсковыхъ: Архитектора, Землемѣра и Коммиссаровъ (для завѣдыванія магазинами и почтою) — по назначенію.

Здѣсь нужно замѣтить, что уже съ первой четверти XVIII вѣка Войско учреждало различныя должности исполнительнаго характера (для завѣдыванія торговлею и войсковою казною т. наз. «базарнаго»; для завѣдыванія почтою, питейнымъ дѣ-

*) Походная Канцелярія Атамана учреждена была неформально съ 1776 г и просуществовала до 1804 г. Она была зародышемъ Войскового штаба.

ломъ, складами и т. п.). Теперь эти должности становились изъ выборныхъ (отъ Круга) — въ назначенныя, и основывались не на мѣстномъ правѣ, а на имперскомъ законѣ.

Нельзя не отмѣтить, что гражданская экспедиція была крайне перегружена дѣлами, ибо въ ней были сосредоточены дѣла и административныя и судебныя (уголовныя и гражданскія). Что касается реальнаго положенія власти на Дону въ началѣ XIX вѣка, то объ этомъ даютъ представленіе воспоминанія А. К. Денисова и А. Л. де-Романо.*) Послѣдній ѣздилъ на Донъ, чтобы принять мѣры для защиты Черкасска отъ наводненій. Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ говоритъ: «у казаковъ Войсковой Атаманъ имѣетъ всѣ преимущества. Онъ военный и гражданскій правитель. Резиденція его почти въ 2.000 верстъ отъ метрополіи. На подобномъ разстояніи деспотизмъ развивается, голосъ истины подавляется или отклоняется отъ должнаго пути такъ, чтобы онъ не достигъ цѣли...» Де-Романо отмѣчаетъ, что недовольство казаковъ атаманомъ не могло достигнуть трона. Атаманъ могъ послать на военную службу внѣ очереди, отнять землю у войскового «чиновника». Хотя Екатерина II и начала ограничивать неограниченную власть атамана, но она (власть эта) «приведена къ алгебраическому уравненію, содержащему всѣ необходимыя данныя, но также много иксовъ, а потому неразрѣшимому».

Денисовъ разсказываетъ, какъ въ 1805 и 1806 г. Платовъ, уѣзжая въ Петербургъ, назначалъ его «начальствующимъ надъ Войскомъ Донскимъ наказнымъ атаманомъ», вопреки его просьбамъ. Пришлось (въ 1807 г.) просить высочайшаго разрѣшенія уйти въ дѣйствующую армію, чтобы избавиться отъ наказнаго атаманства. А Денисовъ былъ виднѣйшимъ донскимъ генераломъ, взявшимъ Миланъ, другомъ Суворова. По словамъ де-Романо, «прокуроръ былъ на Дону единственнымъ лицомъ, призваннымъ охранять законъ. Но можетъ-ли одинъ человѣкъ бороться противъ гидры, оживляемой кровью взяточничества...»**)

Въ 1816 году Платовъ возбудилъ рядъ ходатайствъ о реформахъ въ войсковой администраціи. Онъ просилъ о выдѣленіи судебныхъ дѣлъ въ особое учрежденіе и о переименованіи Войсковой Канцеляріи въ Войсковое Правительство. Департаментъ Законовъ Государственнаго Совѣта согласился на то и на другое, но законъ 1816 года оставилъ наименованіе Войсковой Канцеляріи по прежнему, уничтожилъ Гражданскую Экспедицію, а вмѣсто нея, для производства дѣлъ уголовныхъ и тяжебныхъ, учредилъ новое присутственное мѣсто, независимое отъ Войсковой Канцеляріи, подъ названіемъ «Департамен-

*) Записки Дон. атамана Адр. Карп. Денисова, «Р. Стар.», 1875, февр. и апр.; Antoine Louis de Romano «Coup d'oeil philosophique sur le pays occupé par les Cosaques du Don», Milan, 1807, 2 vol.

**) De-Romano, t. I, préface, p. 12; t. II, pp. 170, 173, 177, 179.

та Суда и Расправы», на общемъ основаніи Палатъ уголовной и гражданской. Этотъ «Департаментъ» долженъ былъ состоять изъ одного непремѣннаго судьи и трехъ ассессоровъ, мѣняющихся по выбору каждые три года. Дѣла должны были производиться, какъ въ Палатахъ. Жалобы по тяжебнымъ дѣламъ должны были приноситься Правит. Сенату. Уголовныя дѣла должны были восходить на утвержденіе Войскового Атамана, «какъ вносятся къ начальникамъ губерній». Равнымъ образомъ, и въ отношеніи дѣлъ гражданскихъ Платовъ получилъ лишь тѣ права, которыя предоставлены были вообще губернаторамъ, хотя и ходатайствовалъ о большихъ.*) Такимъ образомъ, лишь въ 1815 г. произошло отдѣленіе судебной власти отъ административной въ центрѣ Донского края.

Въ томъ-же 1816 г. возбужденъ былъ вопросъ о невозможности для Войскового Прокурора справиться съ работой, тѣмъ болѣе, что учрежденъ былъ независимый отъ Канцеляріи судебный «Департаментъ». Вопросъ о назначеніи въ Новочеркасскъ двухъ Войсковыхъ стряпчихъ обсуждался и былъ рѣшенъ положительно Государственнымъ Совѣтомъ, но лишь въ 1822 г. (30 іюня), по настоянію Чернышева, было «повелѣно»: «на основаніи учрежденія о Губерніяхъ опредѣлить при Войсковой Канцеляріи двухъ Войсковыхъ Стряпчихъ, одного для казенныхъ, а другого для уголовныхъ дѣлъ, и семь Окружныхъ Стряпчихъ» (при каждомъ изъ сыскныхъ начальствъ.**)

Въ томъ-же 1816 г., въ виду переобремененія Черкасскаго сыскного начальства дѣлами, было учреждено временное Черкасское сыскное начальство для ликвидаціи накопившихся дѣлъ. Большія пренія въ Государственномъ Совѣтѣ вызвалъ вопросъ объ «особенностяхъ въ порядкѣ объявленія рѣшеній сыскныхъ начальствъ и порядка переноса дѣлъ въ Войсковую Канцелярію». Мы не можемъ входить въ изложеніе подробностей, но причиной затрудненій Совѣта была необходимость считаться съ отсутствіемъ отвѣтчиковъ донцевъ, находившихся на службѣ по далекимъ окраинамъ, и съ привилегіями казачества относительно гербовыхъ и судебныхъ пошлинъ.

4-го декабря 1816 г. Государственный Совѣтъ утвердилъ постановленіе Правительствующаго Сената объ учрежденіи «словеснаго торговаго суда» въ Новочеркасскѣ и о производствѣ дѣлъ въ немъ «порядкомъ, установленнымъ въ 1726 г. для суда таможеннаго по словеснымъ прошеніямъ, а не по челобитьямъ . . .»***)

Изъ взаимоотношеній центральной и мѣстной власти стоитъ отмѣтить, что еще въ 1810-хъ годахъ Государственный

---

*) Архивъ Гос. Сов., т. IV, с. 886—887; П. С. З., т. XXXIII, N 25839, указ 16 мая 1816 г.

**) Указъ изданъ «на основаніи положенія Комитета о устройствѣ Войска Дон.» П. С. З., т. XXXVIII, N 29044, Арх. Гос. Сов., т, IV, с. 873—878.

***) Арх. Гос. Сов., т. IV, с. 888—890.

Совѣтъ не вполнѣ ясно представлялъ себѣ титулъ Атамана и именовалъ его «Донскимъ Казацкимъ Атаманомъ». 14 янв. 1815 г. Войсковой Канцеляріи предложено было доставлять въ Экспедицію Ревизію счетовъ при Государственномъ Совѣтѣ, отчеты о расходованіи войсковыхъ средствъ.*) Это былъ первый актъ вмѣшательства центральной власти въ финансовую автономію Войска. Въ связи съ этимъ Платовъ предложилъ проектъ легализаціи донского дворянскаго общества, которое должно было содѣйствовать повѣркѣ счетовъ. Ему было сухо отвѣчено, чтобы въ повѣркѣ отчетовъ онъ руководствовался общегосударственными узаконеніями. Но въ томъ и заключалось дѣло, что Донъ не обладалъ общегубернскими органами. Въ томъ-же 1815 году «Донскому Правительству» было предписано отъ Сената, чтобы «о всѣхъ случающихся чрезвычайныхъ происшествіяхъ доносить Сенату безъ замедленія».**)

Къ административнымъ перемѣнамъ относится переселеніе донской столицы на новое мѣсто. Низменное положеніе Черкасска, затопленіе улицъ и домовъ водою во время половодья — все причиняло, помимо убытковъ для жителей, большія затрудненія въ дѣлѣ управленія. Французскій офицеръ де-Романо, изслѣдовавшій венеціанскія лагуны, былъ присланъ изъ Петербурга съ утвержденнымъ планомъ урегулированія Дона и его протоковъ вблизи Черкасска и поднятія уровня самого города. Онъ не встрѣтилъ поддержки въ Платовѣ (о чемъ разсказалъ въ своей двухтомной книгѣ). Платовъ считалъ болѣе дешевымъ перенесеніе города и учрежденій на нагорную сторону Дона, но вмѣсто станицы Аксайской, расположенной на тракту, соединявшемъ Россію съ Кавказомъ, на сліяніи Дона и Аксая, онъ выбралъ бугоръ на Куричьей балкѣ, обуреваемый вѣтрами со всѣхъ сторонъ, съ отличными видами во всѣ стороны и по близости отъ своего имѣнія (хутора Мишкина). Этотъ выборъ предопредѣлилъ торговый ростъ и преобладаніе уѣзднаго города Екатеринославской губерніи — Ростова на Дону, захуданіе Аксайской станицы и чахлое существованіе самого Новаго Черкасска.

Всего лишь 8 окт. 1803 г. былъ утвержденъ гербъ города Черкасска, незадолго предъ тѣмъ организована была по городскому полиція столицы, а уже 23 авг. 1804 г. было предписано, вслѣдствіе наводненій, перенести г. Черкасскъ въ другое мѣсто съ наименованіемъ его Новымъ Черкасскомъ. Указъ 31 дек. 1804 г. предписалъ основать новый городъ «на мѣстѣ между рѣчекъ Тузлова и Оксая».***) Фактическое перенесеніе учрежденій началось въ 1805 году. Для насъ интересно отмѣтить, что перенесеніе столицы Дона на пустой бугоръ, со-

*) П. С. З., т. XXXIII, N 25765. Приказъ этотъ не исполнялся до 1830-хъ годовъ.

**) П. С. З., т. XXXIII, N 26038.

***) П. С. З., т. XXVII, NN 20971, 21431, 21580.

зданіе города чиновниковъ, способствовало перерыву историческихъ традицій. Жители Новаго Черкасска не призывались въ Войсковой Кругъ и не сохраняли никакихъ воспоминаній о былomъ донскомъ народоправствѣ.

Автономія Дона въ области церковнаго управленія продолжалась до 1829 года. Еще въ 1808 году были воронежскимъ епископомъ сдѣланы попытки примѣнить на Дону рядъ общихъ мѣръ по духовному вѣдомству (распоряженій объ обращеніи свѣчныхъ доходовъ церквей исключительно для содержанія духовно-учебныхъ заведеній и дохода отъ продажи вѣнчиковъ и разрѣшительной молитвы на содержаніе бѣдныхъ учениковъ въ нихъ). Войско запротестовало, результатомъ чего было изданіе новаго синодальнаго указа на имя епископа воронежскаго «дабы по церквамъ Войска Донскаго не дѣлали не только ни назначеній, ни требованій объ отсылкѣ въ консисторію денегъ, но не посылали-бы въ оныя церкви ни всеподданнѣйшаго доклада Св. Синода (1808 г.) объ усовершеніи духовныхъ училищъ, ни инструкціи новой церковнымъ старостамъ, такъ какъ Синодъ разсудилъ оставить эти церкви, впредь до разсмотрѣнія, на прежнемъ основаніи» (указы Св. Синода 26 іюля 1808 г., 8 іюля 1809 г. и 15 сент. 1810 г.).

Однако, Синодъ не оставлялъ мысли вырвать донское казачье выборное духовенство изъ подъ власти Войска и превратить его въ послушное, замѣщаемое по назначенію. Въ 1813 и 1816 г. г. Синодъ запрашивалъ воронежскаго епископа «на какихъ правахъ состоятъ и опредѣляются причетники въ Войскѣ Донскомъ». Донскіе «помѣщики» присвоили себѣ право выбора священниковъ въ слободахъ, населенныхъ ихъ крѣпостными. Поэтому Синодъ въ 1820 и 1821 г. предписалъ примѣнять общія распоряженія о церковныхъ и свѣчныхъ суммахъ къ церквямъ помѣщичьихъ поселеній Войска Донскаго.*) Это была первая брешь въ правовомъ положеніи донского духовенства. Часть его (не-казачье духовенство) стала въ большую зависимость отъ воронежскихъ епископовъ.

Борьба съ расколомъ и сектантствомъ продолжалась и при Александрѣ I. Въ 1807 г. 92 духобора было сослано изъ Войска Донского въ Финляндскую и Олонецкую губерніи, дѣти моложе 15 лѣтъ отняты у родителей и отданы: мальчики — въ гарнизонныя школы, а дѣвочки — въ монастыри. Въ 1810 г. лишенъ священства священникъ Нагавской станицы Авраамій Ѳеоктистовъ «за побѣгъ къ раскольникамъ».

18 іюля 1822 г. было повелѣно открытыхъ въ Войскѣ Донскомъ духоборовъ удалить въ Таврическую губернію «къ единомышленникамъ». 25 іюля 1825 г. и 6 февраля 1826 г. донскихъ казаковъ, «изобличенныхъ въ духоборческой ереси», повелѣно выслать на Кавказскую линію.**)

*) «Воронеж. Старина», т. II, с. 283—291.

**) «Сбор. постанов. по расколу», Лондонъ, 1863, с. 53, 67; «Ворон. Стар.», т. II.

Особнякомъ стоитъ исторія есаула Евлампія Кательникова, одного изъ замѣчательныхъ людей Донского края начала XIX вѣка, одного изъ первыхъ изслѣдователей донской старины.*) Человѣкъ «безпокойный», Кательниковъ былъ лишенъ чина въ 1805 г., но получилъ его снова въ 1815 г. Въ 1817 г. за публичное порицаніе въ церкви мѣстныхъ священниковъ и «за вредные толки о вѣрѣ» онъ былъ преданъ суду и четыре года содержался въ тюрьмѣ въ Новочеркасскѣ. Въ 1824 г. былъ взятъ въ Петербургъ и отпущенъ. Въ 1825 г. снова взятъ въ Петербургъ, находился на испытаніи у архимандрита Фотія, послѣ чего посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, вмѣстѣ съ замужнею дочерью, Маріей Кустовой. Въ 1826 г. сосланъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ сошелъ съ ума отъ условій тюремной жизни и умеръ. «Секта», имъ основанная, называла себя «духоносцами», вѣрила въ то, что каждый изъ ея членовъ — апостолъ, стремилась достигнуть духовнаго совершенства путемъ бдѣній, молитвъ и постовъ. Кательниковъ находился подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ Апокалипсиса, Бема, Штиллинга и другихъ мистическихъ сочиненій.**)

Царствованіе Александра I началось политической амнистіей, коснувшейся и осужденныхъ на Дону по дѣлу Грузинова, а также канцеляристовъ Баранова и др. Но воронежскій епископъ не рѣшился возстановить въ правахъ возвращеннаго изъ Сибири священника Ѳеодора Петрова и назначилъ его лишь дьячкомъ. Казачество приняло видное участіе во всѣхъ войнахъ царствованія (съ Турціей, Швеціей, Наполеономъ). И все-же, несмотря на вѣрныя службы казачества царю и Россіи, на него глядѣли недовѣрчиво. Въ 1812 г. кто то боялся и предостерегалъ правительство, чтобы Платовъ не увелъ казаковъ къ Наполеону. Въ 1818 году опасались, не найдутъ-ли сообщниковъ въ Войскѣ польскіе агенты, якобы посланные на Донъ. 21 января 1820 г., по докладу отношенія цесаревича Константина Павловича къ Начальнику Главнаго Штаба, было повелѣно, «неблагонадежныхъ въ поведеніи офицеровъ Донскихъ казачьихъ полковъ, находящихся по границѣ въ Царствѣ Польскомъ, перемѣнить съ Дона другими, отсылая худыхъ Войска Донского къ Войсковому Атаману, который обязанъ ихъ отправлять въ то же время на службу въ Донскіе полки въ Крымъ и въ Грузію, дабы они не жили праздно на Дону».***)

---

*) Составленное имъ «Статистическое описаніе Верхней Курмоярской станицы» было напечатано въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. И. и Древн.» за 1843 г. Издано въ Новочеркасскѣ въ 1887 г.

**) «Русс. Архивъ», 1868; Пыпинъ «Библ. секта 1820-хъ г. г.», «В. Евр.» 1871, III.

***) П. Р. З., т. XXXVII, N 28107.

Глава XXVI.

Сословія на Дону въ началѣ XIX вѣка.

Въ правовомъ положеніи донского населенія, при Платовѣ, произошелъ рядъ перемѣнъ. Пользуясь разрѣшеніемъ указа 6 февраля 1804 г., даннымъ «войсковому сословію» (т. е. всему донскому казачеству, которое такъ называлось и въ то время въ отличіе отъ не-войскового), разрѣшеніемъ — избирать лицъ по гражданскому управленію (срокомъ на три года), Платовъ истолковалъ слова о «сословіи», какъ указаніе на «чиновниковъ» Войска. Фактически, и до Платова, выборы производились старшиною (съ 1798 г. «чиновниками»). Но онъ окончательно прекратилъ участіе рядового казачества въ какихъ либо выборахъ въ войсковую администрацію (кромѣ «войсковыхъ есауловъ», которыхъ, яко-бы, «избиралъ» декоративный Войсковой Кругъ). Рядовое казачество могло избирать своихъ атамановъ и судей лишь по станицамъ. Оно горько жаловалось на то, что ни на Кругѣ, ни по станицамъ ихъ не запрашивали уже о кандидатахъ на должности по войсковому суду и администраціи. Жалобы эти отмѣтилъ де-Романо.*)

Не довольствуясь обезпеченіемъ войсковыхъ выборовъ за дворянствомъ, Платовъ разрѣшилъ «Войсковымъ чиновникамъ» военнымъ и гражданскимъ, избирать изъ своей среды «домашнимъ образомъ» войскового и окружныхъ «дворянскихъ депутатовъ» въ качествѣ и «на основаніи» губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства. Чувствуя нелегальность созданнаго имъ донского дворянскаго общества, онъ возбудилъ предъ военнымъ министерствомъ ходатайство объ открытіи на Дону сословныхъ дворянскихъ учрежденій. Въ 1816 г., ходатайствуя о реформѣ административныхъ учрежденій, Платовъ предлагалъ: «для попеченія о благосостояніи дворянскихъ имѣній учредить предводителей дворянства общаго и уѣзднаго по примѣру губерній; поставить въ обязанность непремѣнному члену Департамента суда и расправы обще съ дворянскимъ предводителемъ ревизовать годовые счеты Войсковой Канцеляріи въ издержкахъ денежныхъ суммъ».

Министры: военный и полиціи донесли Сенату, что на учрежденіе дворянскихъ предводителей нельзя согласиться, такъ какъ это могло-бы имѣть послѣдствія, противныя правообщегосударственнымъ узаконеніямъ. Платовъ вынужденъ былъ сообщить Государственному Совѣту о согласіи своемъ съ этимъ мнѣніемъ двухъ министровъ.**) Донское дворянство

*) De-Romanó, t. II, p. 175—176.
**) «Архивъ Гос. Сов.» т. IV, с. 871—873.

оставалось безъ легальныхъ «предводителей» до 1870 г., довольствуясь «Войсковымъ» и «окружными дворянскими депутатами».

Тѣмъ не менѣе, правительство отлично знало, что донскіе дворяне («чиновники») изображали изъ себя все казачество подъ именемъ «войскового сословія». Преемникъ Платова, А. К. Денисовъ, вошелъ съ представленіемъ къ министру юстиціи «о съѣздѣ чиновниковъ Войска въ г. Новочеркасскѣ для выборовъ къ разнымъ должностямъ Гражданскаго управленія вмѣсто декабря съ 20-го мая. Комитетъ Министровъ утвердилъ это представленіе.*) Очевидно, выборы, производившіеся до 1819 г. въ декабрѣ, назначались на этотъ срокъ по традиціи. Теперь съ этой традиціей было порвано. Въ 1823 г. Чернышевъ, предсѣдатель «Комитета 1819 г.», вошедшій въ конфликтъ съ донскимъ дворянствомъ, опасался его оппозиціи и заявленій на высочайшее имя. Поэтому, по докладу Чернышева, Александръ I повелѣлъ (16 марта 1823 г.): «предстоящіе въ Маіѣ мѣс. нынѣшняго года по Войску сему выборы чиновниковъ къ должностямъ и къ прочимъ отъ балотированія зависящимъ мѣстамъ отложить до утвержденія новаго о Войскѣ положенія». Старые «чиновники» должны были остаться на своихъ мѣстахъ.**)

Оригинальною чертою донскихъ дворянскихъ выборовъ являлось то обстоятельство, что всѣ выборы во всѣ должности по Войску и по сыскнымъ начальствамъ (по округамъ) производились въ Новочеркасскѣ, разъ въ три года, на дворянскомъ съѣздѣ. Окружныхъ съѣздовъ не было. Такимъ образомъ, только крупное дворянство могло съѣзжаться въ Новочеркасскъ и фактически участвовать въ выборахъ. Мелкіе-же дворяне (офицеры) оставались въ далекихъ округахъ, по станицамъ, и не имѣли голоса и участія въ войсковомъ управленіи.

Де-Романо отмѣтилъ, что Войсковая Канцелярія не имѣла права устанавливать обложеніе донского крестьянства помимо Сената; но «съѣздъ чиновниковъ» могъ облагать всѣхъ «чиновниковъ» на нужды «сословія», на поѣздку атамана въ Петербургъ, на посылку войскового депутата и на иныя нужды. Эти «складки» перелагались на крестьянъ. Немногіе изъ «чиновниковъ» имѣли возможность возражать противъ обложенія въ принципѣ, или противъ его размѣровъ. Одинъ гр. Денисовъ никогда не платилъ противъ своей воли. Это потому, объясняетъ де-Романо, что его защищали его чинъ, званія и богатства, и потому, что, умирая, онъ не оставилъ-бы никого, на комъ можно было бы отомстить.

Де Романо отмѣчаетъ обогащеніе ряда фамилій, вышедшихъ изъ рядовъ казачества въ концѣ XVIII вѣка. Наряду съ

*) 11 ноября 1819 г.. т, XXXVI, N 27975.
**) П. С. З., т. XXXVШ, N 29358.

этимъ онъ видѣлъ казачьяго штабъ-офицера, не обладавшаго ни землями, ни крѣпостными, который нанимался съ рядовыми казаками въ рыболовную ватагу къ урядннку, чтобы прокормить семью. Нелегальность обладанія землями, крестьянами, и незаконность самой организаціи дворянскаго сословія на Дону создавала неувѣренность донского дворянства въ своемъ положеніи, зависимость его отъ атамана. Самыми извѣстными среди донскихъ «чиновниковъ» начала XIX вѣка были: Ефремовы, Платовы, Иловайскіе, Исаевы, Леоновы, Красновы, Серебряковы, Луковкины, Кумшацкіе, Машлыкины, Орловы, Кирсановы, Курнаковы, Краснощековы, Мелентьевы, Грековы, Ханжонковы, Поздѣевы, Кутейниковы, Дячкины, Бобриковы, Кульбаковы, Яновы, Радіоновы, Фроловы, Харитоновы, Карповы, Селивановы, Мальчевскіе, Поповы, Сулины, Барабанчики. Сюда можно добавить Миллеровъ, Сысоевыхъ, Поляковыхъ, и тѣхъ, кого де-Романо считалъ богачами недавняго происхожденія: Астаховыхъ, Туровѣровыхъ, Слюсаревыхъ, Агеевыхъ и др. Этимъ фамиліямъ, дѣлившимся на многочисленныя партіи, принадлежала экономическая и соціально-политическая власть на Дону.*

Организовавши дворянское сословіе, Платовъ посильно способствовалъ дальнѣйшему расхищенію войсковыхъ земель «чиновниками» Войска. Одновременно онъ организовалъ и донское купечество. 1-го сентября 1804 г. было высочайше утверждено представленіе Платова объ освобожденіи отъ очередной службы тѣхъ изъ казаковъ, которые занимаются торговлею или промышленностью въ болѣе или менѣе крупныхъ размѣрахъ, взимая съ нихъ по 100 руб. въ годъ за время обязательной службы ихъ сверстниковъ. Этимъ казакамъ отнынѣ присвоено было имя «торговыхъ казаковъ». Правительство не прочь было придать имъ сословную организацію, но Платовъ заявилъ, что это неудобно, такъ какъ всѣ вообще казаки имѣютъ право свободно заниматься торговлей.

Но въ 1816 г. Платовъ ходатайствовалъ объ учрежденіи «совѣстнаго суда торговаго сословія Войска Донскаго». Онъ пояснялъ, что чиновники Войска Донскаго и казаки отставные и нѣкоторые служащіе, по возвращеніи своемъ изъ похода или по назначенію въ Войскѣ,**) занимаются по Всемилостивѣйше дарованнымъ имъ привиллегіямъ торговлею на немалую сумму, составляя собою особенное сословіе, подъ названіемъ «торговаго...»***)Въ томъ-же представленіи Платовъ объяснялъ неудобства производства коммерческихъ дѣлъ въ Черкасскомъ сыскномъ начальствѣ. Такимъ образомъ, съ 1804 г. ведетъ начало торговое сословіе на

*) De Romano, t. II, pp. 150, 185—187,
**) Т. е. съ внутренней службы по Войску.
***) Арх. Гос. Сов., т, IV, с. 887.

Дону, которое, впрочемъ, не такъ отдѣлилось отъ казачьей массы, какъ дворянское.

Де-Романо отмѣчаетъ фамиліи наиболѣе крупныхъ «торговыхъ казаковъ»: Шапошниковыхъ, Карнѣевыхъ, Епифановыхъ, Поповыхъ, Меркуловыхъ, Маноцковыхъ, Посидѣловыхъ, Гусельщиковыхъ, Кадомцевыхъ, Муратовыхъ, Тарасовыхъ. Главные предметы оптовой торговли были: шерсть, скотъ, лошади, рыба, вино. Торговое казачество, поскольку оно являлось для отбыванія службы, было всегда отлично вооружено, обмундировано и снабжено отличными лошадями. Де-Романо замѣтилъ ненависть одворянившейся старшины къ торговому казачеству.*)

На Дону, помимо торговаго казачества, продолжали торговать и «иногородніе», «русскіе» купцы изъ Воронежской, Саратовской, Тамбовской и Екатеринославской губерній. Незначительное число еврейскихъ купцовъ пріѣзжало для покупки тарани, которая отправлялась въ Польшу. Торговое казачество, по преимуществу, доставляло Войску рыбу, виноградъ, груши, которые ежегодно посылались, какъ «презентъ» отъ Войска ко Двору. Хожденіе съ боченочкомъ икры по министерскимъ и бюрократическимъ переднимъ въ Питерѣ было обычно среди ходатаевъ по донскимъ дѣламъ еще въ концѣ XIX вѣка.

Въ положеніи рядового казачества произошли слѣдующія измѣненія. 16 сентября 1811 г. состоявшіе по Войску Донскому за разными станицами малороссіане, по ревизіи 1795 г. въ количествѣ 3.836 душъ были переименованы въ казаки. При этомъ, оказалось, что бывали случаи, когда станицы «уступали» своихъ малороссіянъ донскимъ чиновникамъ, которые «водворяли ихъ на землѣ», чиновнику «опредѣленной». Попросту говоря, нѣкоторыя станицы своихъ полусвободныхъ крестьянъ, крѣпостныхъ станицы, продавали въ крѣпостные помѣщикамъ. Подобные малороссіане, «уступленные» нѣкоему ген.-маіору Ильину и уже «водворенные» имъ, были у него отобраны и обращены въ казаки.**) Изъ этихъ новыхъ казаковъ образованы были станицы Махинская, Кагальницкая, Мечетинская и Егорлыцкая, населенныя на тракту съ Аксайской станицы на Кавказъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ (10 окт. 1817 г.), въ виду «тягостнаго положенія поселенныхъ на границѣ Донскаго Войска съ Кавказской губерніей малороссіанъ, обращенныхъ въ казаки», Александръ I согласился съ представленіемъ Платова — отдѣлить изъ всѣхъ 118 станицъ Войска 300 семей казаковъ и «приселить ихъ къ означеннымъ изъ малороссіянъ казакамъ, дабы они совокупно могли быть раздѣлены на двѣ части къ

*) Цит. соч., с. 154—155.
**) П. С. З., т. XXXI, N 24771.

отправленію повинностей по мѣсту ихъ жительства и къ хозяйственнымъ управленіямъ».*)

23 дек. 1824 г. состоялось высочайшее повелѣніе о «водвореніи на Задонской степи въ станицахъ Махинской, Мечетинской, Кагальницкой и Егорлыцкой 912 душъ малороссіанъ съ ихъ семействами, обращенныхъ въ казачье состояніе изъ владѣній чиновниковъ сего Войска».**)

Зачисленіе въ 1811 г. станичныхъ малороссіанъ въ казаки вызвано было необходимостью заселить почтовый трактъ и нежеланіемъ переселять коренныхъ донцевъ, хотя-бы и въ предѣлахъ Земли Войска Донского. Однако, войсковое начальство не всегда принимало въ свое вѣдѣніе новыхъ казаковъ. Въ селѣ Рахинкѣ, Царицынской округи, Саратовской губерніи, находилось 359 душъ малороссіанъ, бывшихъ монастырскихъ, переселившихся изъ Новороссійской губерніи. Они «поступили въ Донскіе казаки», но «по нежеланію правительства Войска Донскаго имѣть ихъ у себя, оставались праздными и государственныхъ податей не платили». Поэтому они были «приписаны въ соляные возчики» (возить Эльтонскую соль).***)

Съ другой стороны, правительство, продолжая политику охраны фискальныхъ помѣщичьихъ интересовъ, запрещало приписывать въ казаки кого-либо, кромѣ совершенно вольныхъ людей. Въ 1809 г. Платовъ написалъ военному министру «о позволеніи опредѣлять въ Войско сіе разныхъ націй людей, уволенныхъ отъ каковаго либо мѣста, а особливо Польскихъ шляхтичей». Платовъ ссылался на то, что въ 1771 г. было позволено «Польской націи людей, вывозимыхъ чиновниками, писать въ казаки». Военная Коллегія замѣтила на это, что то было допущено, въ видѣ исключенія, во время войны, позже-же было незаконно. Коллегія предлагала разрѣшить пріемъ «по предъявленіи письменнаго вида, что предъявитель никакими повинностями нигдѣ не обязанъ и имѣетъ личную свободу избрать себѣ родъ жизни, какой пожелаетъ...»[1]) Однако, было рѣшено — запретить принимать въ Войско даже вольныхъ людей.

8-го августа 1811 г. послѣдовало повелѣніе: «въ казачьи полки не записывать на службу никакого званія людей, не принадлежащихъ къ Войску Донскому». Принятыхъ-же «уже донынѣ» повелѣно было исключить. Такъ начала создаваться замкнутость казачьяго сословія.[2]) Наибольшаго развитія достигла эта замкнутость при Николаѣ I, а затѣмъ снова уже при Александрѣ III.

---

*) «Р. Стар.», т. 106. 1901 г., іюнь, с. 642.
**) П. С. З., т. XXXIX, N 30171.
***) Указъ 21 апр. 1803 г., П. С. З., т. XXVII, N 20717.
[1]) Указъ 28 февр. 1810 г., П С. З., т. XXXI, N 24138.
[2]) П. С. З., т. XXXI, N 24742а.

Объемъ службы Донскихъ казаковъ не уменьшился въ описываемую эпоху. Стоявшіе въ Москвѣ и Петербургѣ донскіе казачьи полки стали употребляться, какъ конная полиція. Донской казачій полкъ, стоявшій въ Казанской губерніи, обратили на сопровожденіе колодниковъ и поселенцевъ.*) Донскіе казачьи полки командировались на Кавказскую линію, для содержанія кордоновъ, и въ Грузію. Ихъ смѣняли каждые два года.**) Они-же несли обязанности пограничной стражи, охраняя границы отъ Ботническаго залива до Турецкихъ предѣловъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1815 г. Платовъ, ссылаясь на чудовищную убыль казачества въ войнахъ, вынуждавшую «выйтить на службу» даже отставныхъ и недорослей, настоялъ на томъ, чтобы Донскіе полки были отпущены съ Кавказской линіи въ Войско.***) 15 іюля 1820 г., по докладу Командира Отдѣльнаго Грузинскаго Корпуса ген. Ермолова былъ установленъ 4-лѣтній срокъ пребыванія въ Грузіи Донскихъ казачьихъ полковъ, «дабы тѣмъ дать имъ способъ сдѣлать лучшій навыкъ къ тамошнимъ народамъ». Тогда атаманъ, чтобы уравнять тяготу службы для всѣхъ казаковъ, (служившихъ ранѣе на окраинахъ по три года), исходатайствовалъ срокъ служенія Донскихъ полковъ по границамъ Турціи, Австріи, Пруссіи и Швеціи, и въ Грузіи — въ 4 года.[1])

Въ 1802 г. изданъ былъ первый имперскій законъ о казачьей службѣ, основанной ранѣе на войсковыхъ обыкновеніяхъ. Согласно этому закону установленъ комплектъ Штабъ- и Оберъ-Офицеровъ въ Войскѣ Донскомъ; приказано имѣть по числу 80 пятисотныхъ полковъ — по одному полковнику, по 5 есауловъ, по 5 сотниковъ, по 5 хорунжихъ и по одному квартермистру на полкъ. «Тѣ, кои не могутъ на походной службѣ обращаться, могутъ употреблены быть такъ, какъ и отставные, но могущіе нести внутреннюю службу, на исправленіе оной по Войску, въ присутственныхъ мѣстахъ и другихъ должностяхъ». Законъ впервые опредѣлилъ срокъ казачьей службы. Казакъ могъ просить объ отставкѣ черезъ 30 лѣтъ службы, и не менѣе какъ черезъ 25 лѣтъ. Офицеръ не могъ уйти ранѣе 15 лѣтъ. Для донцевъ не существовалъ указъ о вольности дворянства. Производство въ офицерскіе чины было поставлено въ зависимость отъ высочайшей власти, по представленіямъ войскового атамана,[2]) 10 марта 1819 г. было предписано, чтобы командующіе Донскими полками были чиномъ не ниже подполковника, — и, сверхъ полкового командира, введено на полкъ по одному Войсковому Старшинѣ.[3])

*) Указъ 21 февр. 1802 г. П. С. З., т. XXVII, N 20154. Восемь полковъ было на таможенной службѣ. П. С. З., т. XXXI, N 24480; т. XXXVIII, с. 29067.

**) 24 авг. 1803 г., П. С. З., т. XXVII, N 20906.

***) П. С. З. т. XXXIII, N 25822, 14 апр. 1815.

[1]) 7 сент. 1820 г., П. С. З., т. XXXVII, N 28404.

[2]) П. С. З., т. XLVII, N 20436, 29 сент. 1802 г.

[3]) П. С. З., т. XXXVI, N 27710.

Въ первой трети XIX в. въ организаціи Войска продолжали существовать черты его военной автономіи. До 1835 г. казаки и «чиновники» всѣхъ станицъ собирались всѣ вмѣстѣ на сборный пунктъ, гдѣ нибудь около границъ Войска, и здѣсь уже изъ цѣлаго войска особые «переборщики» или самъ войсковой атаманъ формировали полки на службу. «Переборщики» были выборные. До 1835 г. на одеждѣ рядовыхъ казаковъ не было никакихъ особыхъ знаковъ отличія (исключая лейбъ-гвардіи казачій и атаманскій полки). Лишь постепенно стало вводиться единство вооруженія, въ первую очередь огнестрѣльнаго.

Даже старое правило о подсудности донского казака войсковому начальству продолжало существовать. До 1835 г. служащіе чины, содѣявшіе преступленія въ бытность съ полками, высылались изъ нихъ на Донъ, «купно съ заведенными объ оныхъ слѣдствіями». Дѣла о нихъ разсматривались или въ донскихъ гражданскихъ судебныхъ мѣстахъ или въ воинской Экспедиціи Войсковой Канцеляріи. Принципъ подсудности соблюдался зачастую съ ущербомъ и для правосудія, и для самыхъ подсудимыхъ, такъ какъ дѣла производились по многу лѣтъ, на основаніи слѣдствій, произведенныхъ далеко отъ Дона, по письменнымъ документамъ, безъ передопроса свидѣтелей.

Что касается экономическаго положенія казачества, то оно рѣзко ухудшилось уже къ началу XIX вѣка. Де-Романо, разсчитывая число десятинъ всей войсковой земли на казачью душу, находилъ, что казаки должны были бы благоденствовать. На тѣхъ, кто былъ въ походѣ, давался двойной фуражъ. И въ то-же время, де-Романо видѣлъ, какъ «бѣдные, рядовые казаки, составляющіе истинную основу этой націи, выпрашивали оружіе и снаряженіе по станицѣ, не имѣя ничего этого, въ то время, какъ все имущество, скотъ, земли и крестьяне были поглощены весьма ограниченнымъ числомъ лицъ . . .» Де-Романо заканчивалъ свою книгу словами, что «въ массѣ казачій народъ подавленъ нуждою, въ которой онъ находится, въ то время, какъ нѣсколько десятковъ богачей все поглотили и присвоили себѣ крестьянъ, лучшія земли, самые выгодные берега рѣкъ и притоковъ, и т. д., и т. д., однимъ словомъ, всѣ возможности и всю власть . . .»*)

Самъ де-Романо возлагалъ надежды на введеніе на Дону общероссійскаго губернскаго управленія. Во всякомъ случаѣ, онъ полагалъ, что «русскій» губернаторъ, назначенный на Донъ, многое устроилъ-бы лучше и защитилъ бы простое казачество отъ произвола казачьей аристократіи. Въ «казачьей конституціи» той эпохи де-Романо видѣлъ почти полную невозможность довести до трона о недовольствѣ казачьей массы. Этому

*) De Romano, T. II. pp. 174, 207.

способствовали отдаленность края отъ имперской столицы и боязнь всевластнаго атамана, который могъ сдѣлать каждаго донца навѣки несчастнымъ, даже людей изъ первѣйшихъ фамилій.

«Несмотря на всѣ затрудненія, которыя встрѣчаютъ, чтобы увѣдомить Государя о недовольствѣ этой націи, горечь продолжаетъ наростать, чтобы проявиться въ удобномъ случаѣ, каковымъ явился бы пріѣздъ ревизора, всегда ожидаемаго». Голосъ казачества долженъ былъ дойти до царя, иначе де-Романо предвидѣлъ взрывъ, «который разрушитъ то, что кажется наиболѣе непоколебимымъ».*)

Мы знаемъ, что эпоха послѣ усмиренія пугачевщины, выдвинувшая на первыя мѣста «усмирителей», дала на Дону возможность мѣстной старшинѣ развить громадную, колоссальную дѣятельность по захвату войсковыхъ земель и заселенію ихъ крѣпостными и сманеными изъ сосѣднихъ губерній. Екатерина, посылавшая на Донъ рядъ генераловъ для разбора дѣлъ о хищеніяхъ въ 1760-хъ г. г., послѣ 1775 г. оставила донскую старшину въ покоѣ.

Павелъ I, до котораго дошелъ вопль угнетаемаго казачества, послалъ на Донъ въ 1800 г. «для ревизіи дѣлъ атаманскихъ и войсковой канцеляріи» генераловъ Рѣпина и Кожина. Затѣмъ Рѣпинъ былъ замѣненъ кн. Горчаковымъ. Это и были «особы, каковыхъ благоугодно будетъ назначить Государю Императору для присутствія въ Войсковой Канцеляріи», о которыхъ говорилось въ положеніи о Войсковой Канцеляріи 6 сент. 1800 г., и присутствіе коихъ было отмѣнено въ 1802 г. Занятые чисто бумажной ревизіей, не знавшіе края и его нуждъ, эти императорскіе коммиссары не принесли большой пользы казачеству. На встрѣчу посланному Павломъ на Донъ ген. Кнорррингу выходили толпы казаковъ съ прошеніями. Извѣрившійся въ одворяненой старшинѣ простой казакъ искалъ защиты въ царѣ.**) По словамъ де-Романо, Кнорррингъ былъ встрѣченъ казаками, «какъ если бы онъ былъ спасителемъ казачьей націи...»

При Александрѣ I рѣшилъ вмѣшаться въ аграрныя отношенія на Дону Сенатъ. Въ 1804 г. состоялось постановленіе Общаго Собранія Прав. Сената, установившее отводъ дополнительныхъ надѣловъ малоземельнымъ станицамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено отводить по 20 десятинъ на крестьянскую ревижскую душу, и выводить крестьянъ, поселенныхъ старшинами на станичныхъ юртахъ. Для выселяемыхъ крестьянъ должно было отводить земли въ Міусскомъ сыскномъ начальствѣ.***) Часть крестьянъ, выводимыхъ со станичныхъ земель, была зачислена въ казаки, вмѣсто поселенія ихъ въ

*) Тамъ-же, с. 152, 177.
**) De Romano, pp. 178—179; Денисовъ, «Р. С.», 1875, II, с.238—239.
***) «Арх. Гос. Сов.», т. IV, с. 551.

Міусскомъ округѣ, но выселеніе шло очень медленно, и черезполосица «помѣщичьихъ», населенныхъ крестьянами, земель и станичныхъ юртовъ продолжала быть чудовищной. Дворянство мечтало о закрѣпленіи за нимъ имперской властью захваченныхъ имъ земель.

Однако, Государственный Совѣтъ 1-го февраля 1816 г., по частному дѣлу о покупкѣ крестьянъ съ переводомъ въ Землю Войска Донского, постановилъ, что подобная покупка «запрещается, ибо никто не имѣетъ тамъ собственной земли своей, и земли въ Войскѣ Донскомъ принадлежать войску безъ раздѣленія на частныя собственности».*) Такъ высшее учрежденіе Имперіи авторитетно подтверждало историческія права Войска и казачества. Въ дѣйствительности-же все обстояло иначе.

Въ 1803 г. донскіе калмыки, кочевавшіе по войсковымъ землямъ по всему пространству Земли Войска Донскаго, были собраны вмѣстѣ и поселены въ Задонской степи, въ районѣ р. Сала. 21 апр. 1803 г. состоялось высочайшее повелѣніе о переводѣ Чугуевскихъ и Доломановскихъ калмыковъ, «кочующихъ въ Маріупольскомъ уѣздѣ», для кочевья на земли Донскихъ казаковъ (всего 406 ревижскихъ душъ).**)

Покровительствуемое Платовымъ донское дворянство («чиновники») усердно заселяло «свои» земли купленными въ другихъ губерніяхъ крестьянами. Округа Донецкій и, пустинный дотолѣ, Міусскій быстро заселялись. Новымъ «помѣщикамъ» недовольно было уже тѣхъ рабовъ, которыхъ покупали за Кубанью и возили скованными на продажу въ Крымъ и на Донъ нахичеванскіе армяне.***) На самой территоріи Войска создались (на ярмаркахъ) настоящіе невольничьи рынки, особенно, въ станицѣ Урюпинской, по близости отъ россійскихъ губерній. Помѣщики ряда губерній (въ особенности-же Рязанской и Тамбовской), «забывъ священный долгъ свой и правила чести», отправляли на Урюпинскую ярмарку крестьянъ и крестьянокъ, часто въ оковахъ, гдѣ и «продавали ихъ по единочкѣ Донскимъ казакамъ» (читай — «чиновникамъ», ибо они одни имѣли право покупать людей), продавали вмѣстѣ съ товаромъ, «подобно безсловеснымъ скотамъ».

«Прибытокъ постыдной сей торговли... столь сильно погасилъ въ сердцахъ помѣщиковъ всякое чувство человѣколюбія, что дѣти, лишаясь отцовъ и матерей, влекутся на жертву покупщиковъ», — констатировалъ современный офи-

*) „Арх. Гос. Сов.“ т. IV., с. 315 и 320.

**) П. С. З., т. XXVII, N 20718, также т. XXV, N 18651 и 18860. Доломоновскіе калмыки лѣтъ 30 состояли при крѣпости св. Димитрія. Ср. Ригельманъ «Гор. Ростовъ на Дону въ 1767 г.», Рост. 1916, Н. Страховъ «Нынѣш. состояніе калмыцк. народа», СПБ., 1810; Поповъ «Кр. очеркъ прошл. дон. каз.»

***) Правительство запретило «сей послѣдній торгъ» лишь въ 1804 г. П. С. З., N 21248.

ціальный документъ, — «а послѣдніе остаются стенящими у прежнихъ помѣщиковъ». Такъ доносилъ Александру I ревизующій сенаторъ Руничъ.

Оставшійся непроданнымъ на Урюпинской ярмаркѣ крестьянинъ помѣщика Головина Илья Ивановъ разсказалъ, какъ на ярмаркѣ его раздѣвали до нага (онъ заявилъ, что у него грыжа); что крестьяне, посылаемые на продажу, получали отъ земской полиціи «билеты», подъ видомъ ѣдущихъ для покупки лошадей и хлѣба на ярмаркѣ; что 15 чел. были проданы за 2.400 руб., т. е. по 160—170 руб. за штуку. «За такой торгъ, нетерпимый въ благоустроенномъ государствѣ» помѣщику Головину былъ, всего на всего, «объявленъ высочайшій выговоръ въ присутствіи дворянства».*) Крестьяне остались въ рукахъ новыхъ владѣльцевъ.

Описанный случай повелъ къ изданію общаго указа (1806) о воспрещеніи вывозить людей для продажи на ярмарки и торги.**) Тогда потокъ донскихъ «помѣщиковъ» и ихъ довѣренныхъ устремился во внутреннія губерніи для покупки крестьянъ на мѣстѣ. Къ шестой ревизіи (1811) за донскими «чиновниками» числилось уже 76.856 ревижскихъ душъ. Населеніе земель крестьянами повлекло за собой новые захваты войсковыхъ земель.

26-го февраля 1816 г. состоялся указъ, гласившій: «Его Величество, по доходящимъ жалобамъ, что покупка крестьянъ чиновниками Войска Донскаго для переселенія ихъ въ предѣлы Войска сопровождается разореніемъ крестьянъ и раздробленіемъ даже семействъ ихъ, высочайше повелѣть соизволилъ до разрѣшенія сего вопроса въ Государственномъ Совѣтѣ и изданія на то положительнаго постановленія воспретить нынѣ-же во всѣхъ губерніяхъ продажу Донскимъ чиновникамъ людей и крестьянъ для переселенія ихъ на земли войсковыя.»***)

Было, собственно, уже нѣсколько поздно. Впрочемъ, и послѣ этого, обходными путями, донскіе дворяне вывозили рабовъ на Донъ. Или нахичеванскіе армяне брали по контракту дѣвокъ у помѣщицъ для обученія золотому шитью, срокомъ на 25 лѣтъ (!), или же купчія крѣпости совершались на имя россійскихъ-же помѣщиковъ, связанныхъ предварительно заемными письмами и другими обязательствами. Когда купчія были въ порядкѣ и люди зачислены за мнимымъ покупщикомъ, послѣдній немедленно испрашивалъ въ уѣздномъ казначействѣ плакатные трехъ- или пятилѣтніе паспорта и отдавалъ ихъ казацкому коммиссіонеру, который, взявъ людей на

*) «Русс. Стар.», 1899, VIII, с. 244=245, Дубровинъ «Русс. жизнь въ началѣ XIX в.».

**) П. С. В., N 23157; ср. Богдановичъ «Ист. Александра I», т. III, с. 29.

***) П. С. Б., т. XXXIII, N 26164 вошелъ въ Сводъ Законовъ, изд. 1857 г., ст. 1085.

свои подводы, отъѣзжалъ съ ними благополучно въ свой путь.*) Такимъ образомъ, запрещенія продавать людей безъ земли (1798,1814 г. г.) оставались тщетными. Но указъ 1816 г. все-же остановилъ массовыя переселенія покупныхъ крестьянъ на Донъ.

Въ 1823 г. Комитетъ Министровъ призналъ правильнымъ рѣшеніе Сената о крѣпостныхъ людяхъ, купленныхъ донскими чиновниками. За тѣми, кто имѣлъ право и кто купилъ до 1812 года, крестьяне были оставлены; остальные-же люди, т. е. купленные послѣ 1812 г. или-же «чиновниками», не имѣвшими на то права, должны были быть освобождены».**) Фактически-же, за самыми ничтожными исключеніями, крестьяне, купленные донскими «чиновниками», остались за ихъ новыми господами.

Хотя «сыскныя начальства» были учреждены еще въ XVIII вѣкѣ, главнымъ образомъ, для завѣдыванія дѣлами о крестьянахъ, проживающихъ на Землѣ Войска Донскаго, однако, еще при Александрѣ I, рекрутскій наборъ производился донскими офицерами лишь для того, чтобы набранныхъ рекрутовъ отправить въ распоряженіе коменданта Ростовской (Дмитріевской) крѣпости. Само Войско не имѣло отношенія къ ихъ обученію, формированію частей и т. п.

Глава XXVII.

„Комитетъ 1819-го года". Крестьянскія волненія 1820 г.

Въ 1818 г. атаманъ графъ Платовъ умеръ. Его смѣнилъ на посту атамана представитель стараго казачества, патріархальнаго и демократическаго, ген.-лейт. Адріанъ Карповичъ Денисовъ, правившій до 1821 года. Онъ былъ «наказнымъ атаманомъ» и организаторомъ всѣхъ донскихъ частей, двинутыхъ на войну въ 1812—1815 г.г. Въ эту эпоху все мужское населеніе Войска выступило въ походъ, въ возрастѣ отъ 15 до 60 лѣтъ. Казачество выставило 60 тысячъ человѣкъ. Отправивши ополченіе, Денисовъ объѣхалъ станицы, «дабы въ оныхъ поселить хотя нѣкоторое утѣшеніе, потому что оставшіеся — сущіе старики, жены и дѣти — наполняли воздухъ стонаніемъ и воплемъ».***) За войну донцами было взято болѣе 30 знаменъ, 546 пушекъ и до 70.000 чел. плѣнныхъ. Всемилостивѣйшая грамота 1814 г. была составлена по старинѣ и содержала самую лестную оцѣнку подвиговъ Войска.

---

*) О бывшихъ злоупотребленіяхъ въ продажѣ людей. Три записки Б. Каразина. «Р. Стар.», 1903, VIII, с. 458—459.

**) Середонинъ «Ист. обзоръ дѣят.», т. I, с. 338—339.

***) «Р. Стар.», 1874, III, с. 470.

Однако, оставшіеся въ живыхъ донцы, вернувшись домой, застали тамъ прежнее отсутствіе твердыхъ законовъ, опредѣляющихъ и охраняющихъ права гражданъ, всевластіе дворянства, расхищеніе земель, внѣдреніе въ войсковыя и станичныя земли около ста шестидесяти тысячъ крѣпостныхъ обоего пола, отсутствіе государственнаго и общественнаго обезпеченія жертвъ войны.

Предъ Дономъ стала задача созданія твердой правовой организаціи, возстановленія расхищенной войсковой земельной собственности и размежеванія съ населеннымъ на казачьей землѣ крѣпостнымъ крестьянствомъ.

И аграрная, и административная реформа являлись крайне неотложными. Объемъ права, которымъ руководствовался Донъ въ первой четверти XIX вѣка, былъ крайне сложный. Это были обычаи, которые вели свое начало со временъ независимости Дона, — историческое войсковое право; безконечное число жалованныхъ грамотъ XVIII вѣка, не сведенныхъ въ какую либо систему; наконецъ, отдѣльныя узаконенія имперской власти, сепаратные указы, и частично примѣняемое въ краѣ имперское право. Подобное положеніе считалось ненормальнымъ еще въ XVIII вѣкѣ. Даже Платовъ чувствовалъ необходимость общаго законодательнаго акта, который утвердилъ бы права Войска на твердомъ основаніи. Свой проектъ въ этомъ смыслѣ онъ представилъ Александру I въ 1814 г., но безуспѣшно.*)

Къ 1818 году земельный вопросъ на Дону, а въ связи съ нимъ и взаимоотношенія казачьей массы и донского дворянства сильно обострились. Откладывать рѣшеніе этихъ вопросовъ было невозможно. Денисовъ, по вступленіи въ управленіи войскомъ, «старался разузнать, откуда произошли разнообразія въ нарядахъ казаковъ на службу», и «ясно увидѣлъ, что, не не имѣя твердыхъ и утвержденныхъ государями и военною коллегіею правилъ, а примѣняя оныя различно» — казачьи начальники дѣйствовали каждый по своему. Нѣкоторые пытались даже ввести армейскія построенія и порядки, «вытяжку и узкіе мундиры...» Казаки-же «сожалѣли и смущались, что не по древнему обычаю ими управляютъ...» «Съ сокрушеніемъ сердца» Денисовъ удостовѣрился, «что очереди казачьи на службу не чисто ведутся, да и земли войсковыя захватываются людьми, сильными въ Войскѣ».

21 сент. 1818 г. Денисовъ просилъ Александра I объ учрежденіи на Дону особой коммиссіи изъ четырехъ членовъ. Предметомъ коммиссіи онъ полагалъ: «удобнѣйшее и равномѣрное распредѣленіе земельныхъ угодій; устройство финансовой части въ Войскѣ съ тѣмъ, чтобы расходъ основанъ былъ не на волѣ случая и желанія, а на непреложныхъ правилахъ...» «Раз-

*) Къ сожалѣнію, мы не можемъ изложить его здѣсь.

ные войсковые по внутренности распорядки, — писалъ атаманъ, — размножить письменно, дополнивъ правилами, съ настоящимъ временемъ согласными и сохранивъ всю древность ихъ установленій...»

Денисовъ воображалъ, что задуманная имъ коммиссія сдѣлаетъ сводъ донского историческаго права (обычнаго), а равно и привилегій Войска, и что сами донцы начнутъ и закончатъ эту работу. Александръ I (рескриптомъ 10 марта 1819 г.) «одобрилъ намѣреніе» Денисова — «собрать воедино всѣ узаконенія относительно Войска Донскаго, въ различныя времяна по различнымъ случаямъ изданныя и въ разныхъ частныхъ постановленіяхъ заключающіяся, разсмотреть оныя въ особливомъ комитетѣ; сообразить ихъ съ настоящимъ порядкомъ вещей и представить потомъ» императору «новое войсковое положеніе». Итакъ, Александръ I болѣе думалъ о собраніи законовъ и о приспособленіи ихъ къ «настоящему порядку вещей», нежели о кодификаціи мѣстнаго донского права. Кромѣ того, «желая содѣйствовать» Денисову «въ семъ достохвальномъ трудѣ», Александръ «почелъ нужнымъ назначить военнаго чиновника, извѣстнаго ему своими похвальными качествами, для засѣданія въ семъ Комитетѣ». Далѣе шелъ рядъ комплиментовъ по адресу ген.-ад. Чернышева, якобы «любимаго казаками на поприщѣ воинской славы и въ заимно къ нимъ душевно привязаннаго». «Тѣмъ болѣе, — добавлялъ императоръ, — что ему извѣстны предположенія Мои по разнымъ частямъ устройства вообще Арміи нашей, и онъ можетъ передать вамъ общія соображенія, кои съ пользою вы приложите къ Войску Донскому...» Предсѣдателемъ Комитета назначался Денисовъ, но о значеніи Чернышева говорили слова рескрипта: «Я увѣренъ, что... самая разборчивость, какую имѣлъ я при назначеніи вамъ достойнаго сотрудника, послужитъ доказательствомъ, сколь ценю я заслуги и сколь много желаю видеть Войско Донское благоденствующее подъ сенію закона, опредѣляющаго ясно его права и обязанности...»*)

За назначеніемъ Чернышева послѣдовало назначеніе и гражданскаго чиновника (д. с. с. Болгарскаго). 13 марта 1819 г. Денисовъ написалъ письмо на имя Начальника Главн. Штаба, выражавшее безпокойство по поводу назначенія въ Комитетъ лицъ не войскового сословія. «По крайней простотѣ здѣшняго народа, — писалъ онъ, — введеніе сихъ постороннихъ членовъ можетъ повергнуть его въ разсужденія, простымъ людямъ свойственныя, ибо сколь бы коммиссія ни тайно производила сужденія и положенія свои, но забираемыя о дѣлахъ справки и обозрѣнія дадутъ случай къ заключенію по уму ихъ...» Денисовъ находилъ, что коммиссія изъ однихъ мѣстныхъ жите-

*) Представленіе Денисова: «Р. Стар.» 1875, III, с. 471—472; «Акты, относ. къ ист. В. Дон.» г.-м. Лишина, доп. выпускъ; переписка Александра I и Денисова: «Русс. Стар.», 1894, VI, с. 210—216.

лей добросовѣстно исполнила-бы работу. Денисовъ искренно не понималъ и не хотѣлъ понимать, съ какою цѣлью посылали ему изъ центра и хитраго, угодливаго службиста-чиновника, и властнаго друга императора.

Александръ I отвѣтилъ рескриптомъ (30 марта 1819 г.), въ коемъ оговаривался, что «основаніемъ для учрежденія сего комитета принято собственное ваше (Денисова) представленіе не для измѣненія какихъ либо правъ и преимуществъ войску дарованныхъ, и подтвержденныхъ уже нѣсколькими моими грамотами, но для изысканія удобнѣйшихъ способовъ въ точномъ ихъ исполненіи». Александръ пояснялъ, что «депутатъ со стороны Департамента Гражданскаго или Министерства Юстиціи» будетъ полезенъ, «потому что посредствомъ его совѣщаній ходъ дѣлъ тяжебныхъ и аппеляціонныхъ можетъ получить успѣшнѣйшее направленіе...» «Временное его участіе въ дѣлахъ комитета и потому не можетъ возраждать какого-либо недоразумѣнія, что войско издавна имѣло, и нынѣ имѣетъ прокурора, постоянно участвующаго въ дѣлахъ Войсковой Канцеляріи и опредѣляемаго изъ постороннихъ чиновниковъ, а не изъ среды своего сословія».

Александръ I ошибался, говоря, что Прокуроръ не изъ войсковыхъ существовалъ «издавна»: должность эта была учреждена всего за 18 лѣтъ передъ тѣмъ (въ 1800 г.). Совсѣмъ фальшиво звучали заключительныя слова рескрипта: «Присудствіе-же Армейскаго Генерала въ комитетѣ вашемъ, коего окончательное устройство сохранитъ Донскому войску всѣ старые его обычаи и образованіе, будетъ служить вящимъ и лутшимъ доказательствомъ о непоколебимости оныхъ...» Александръ былъ «совершенно увѣренъ, что по образу мыслей» атамана «и всѣ чины Донскаго войска, зная настоящую цѣль учрежденія комитета, будутъ охотно содѣйствовать оному всеми мѣрами къ совершенію предпріятія, на желаніи ихъ основываемаго и обезпечивающаго собственное ихъ благосостояніе...»

«Чины Войска», т. е. дворяне, наоборотъ, вовсе не желали учрежденія Комитета, и вѣсть о его созданіи потрясла ихъ. Полтора вѣка слагалась казачья аристократія, присваивала себѣ войсковыя земли, населяла ихъ крестьянами, и все это могло пойти прахомъ. Комитетъ вовсе не обѣщалъ принести дворянству «обезпеченія его благосостоянія», наоборотъ, отъ него ждали самаго худшаго. Желаніе Денисова притти на помощь рядовому казачеству и донскому крестьянству было встрѣчено дворянствомъ, какъ актъ ему прямо враждебный.

Между тѣмъ «Комитетъ объ устройствѣ Войска Донскаго» открылъ свои дѣйствія 1-го мая 1819 года.*) Въ просторѣчіи Комитетъ этотъ назывался «Комитетомъ 1819 года» или «чер-

*) Указъ омъ его учрежденіи опубликованъ 29 мая 1819 г. П. С. З. N 27819. («о составленіи временной въ Войскѣ Донскомъ Комиссіи для составленія положенія о внутреннемъ и военномъ управленіи симъ Войскомъ»).

нышевскимъ», ибо властный любимецъ Александра, а затѣмъ Николая I, сталъ держать себя не только фактическимъ предсѣдателемъ Комитета, но и Начальникомъ Войска. Засѣданія были тайныя. Работа Комитета возбудила рядъ слуховъ. Говорили о превращеніи Дона въ обыкновенную губернію, объ отобраніи у дворянъ земель, о превращеніи казаковъ въ крестьяне. Больше всего волновалось дворянство. Казачья масса, почувствовавшая въ пріѣздѣ царскаго генералъ-адъютанта вниманіе къ себѣ и своему положенію верховной власти, оставалась спокойной, не допуская мысли о превращеніи казаковъ въ крестьянъ.

Предсѣдателемъ Комитета былъ атаманъ, членами: ген.-ад. Чернышевъ, ген.-л. Карповъ, ген.-м. Черевковъ, полк. Андріяновъ, подп. Шамшевъ и ст. сов. Болгарскій. Чернышевъ совершенно уклонился отъ разсмотрѣнія вопроса о правахъ Войска и казачества. Было постановлено осуществить мысль Денисова: составить историческое и статистическое описаніе Войска. Дѣло это было поручено группѣ молодыхъ донскихъ офицеровъ, окончившихъ университетъ. Но это было — между прочимъ. Главныя занятія Комитета состояли въ занятіи отдѣльными вопросами войсковой жизни, по которымъ Чернышеву хотѣлось выработать и издать отдѣльныя положенія, не дожидая общаго законодательнаго акта.

Какъ и въ Малороссіи XVIII вѣка, на Дону въ первой четверти XIX вѣка самодержавіе выступило противъ автономіи и историческаго права въ тогѣ защитника народной массы отъ угнетенія со стороны краевой аристократіи. Въ донесеніяхъ своихъ правительству Чернышевъ указывалъ и на нелегальность дворянской организаціи на Дону, и на чрезмѣрное размноженіе донского дворянства, и на отстраненіе дворянствомъ казачьей массы «отъ того участія въ мѣстномъ управленіи, коимъ въ губерніяхъ пользуются купцы, мѣщане и казенные поселяне». На засѣданіяхъ Комитета и въ донесеніяхъ Александру I Чернышевъ доказывалъ, что «пространство земель и водъ, владѣемое Донскимъ Войскомъ, есть древняя общественная его собственность, дарованная отъ Монаршихъ щедротъ за вѣрную службу и составляющая главную Донскихъ казаковъ привиллегію. Непрерывное благоволеніе Государей, ознаменованное Грамотами (съ 21 сент. 1704 г. по 28 мая 1775 г.), освятило неприкосновенность сей привиллегіи... Екатерина II положила войсковому владѣнію твердое основаніе... Сіе общественное достояніе никогда не принадлежало частно лицамъ, Донское Войско составляющимъ, но всему обществу казаковъ...» Указъ 12 дек. 1796 г., «утвердившій за Донскими чиновниками людей, чимало не распространялся на земли, занятыя поселеніями ихъ... Несоразмѣрность помѣщичьихъ довольствій показываетъ злоупотребительный захватъ: у помѣщиковъ до 1.000 и болѣе десятинъ

на (крестьянскую) душу, а у казаковъ 10, 8, 7 и даже менѣе десятинъ... Въ Войскѣ Донскомъ, — заканчивалъ Чернышевъ, — никогда не было и нѣтъ земель частныхъ (исключая укрѣпленныхъ за Серебряковымъ), а существуютъ и должны быть однѣ только общественныя, Войсковыя...»

Чернышевъ справедливо указывалъ, что «члены Войсковаго Правительства были первые, которые устремились на преступное стяжаніе чужихъ земель и людей и тщательно скрывали оное, въ чемъ и успѣли совершенно, ибо притѣсненные казаки не смѣли приносить жалобъ мимо своего начальства, но должны были... искать правосудія у своихъ же притѣснителей...»

Такимъ образомъ, самодержавіе, устами Чернышева, поражало дворянство и объявляло себя (правда, въ секретнѣйшей перепискѣ) защитникомъ рядового казачества и земельной войсковой общины. Съ другой стороны, тоже самодержавіе, дарованіемъ дворянскихъ правъ казачьей старшинѣ и укрѣпленіемъ за нею крестьянъ, сама-же создала дворянъ-рабовладѣльцевъ. Броневскій, написавшій въ 1831 г. «Исторію Донскаго Войска», правильно назвалъ донскихъ дворянъ «даровыми полиціймейстерами». И въ то же время, когда Чернышевъ громилъ въ своихъ донесеніяхъ донское дворянство, членъ Гос. Сов. ген.-ад. Васильчиковъ писалъ: «Несогласіе, нынѣ между ими (донскими дворянами и казаками) существующее, по мнѣнію моему, полезно для правительства; напротивъ, какъ единодушіе въ войскѣ столь многочисленномъ, необразованномъ и отдаленномъ отъ должнаго наблюденія, можетъ имѣть невыгодныя послѣдствія...» Трудно быть откровеннѣе! Защитникъ донского дворянства былъ, въ своемъ родѣ, совершенно правъ.

Съ другой стороны, Чернышевъ указывалъ, что донской «народъ» (онъ называлъ донцевъ народомъ) «угнетенъ беззаконіями всякаго рода». Онъ «имѣлъ удостовѣреніе, что сей народъ полагаетъ всю свою надежду только на насъ», (т. е. на Чернышева и на Болгарскаго).*)

Самодержавіе искусно воспользовалось и мнѣніемъ Чернышева, и мнѣніемъ Васильчикова. Опираясь на соціальное и сословное разслоеніе донского казачества, нѣкогда единаго, умѣло пользуясь возникшей рознью, правительство парализовало разъединенныя стремленія и дворянъ, и казаковъ, которыя, при ихъ единствѣ, могли бы стать опасными для самодержавно-крѣпостнической Россіи.

По словамъ біографа А. П. Денисова — А.П. Чеботарева,**) «учрежденіе Комитета возбудило противъ Денисова страшное негодованіе всего донского аристократизма, прозрѣвавшаго въ

*) Собр. Р. И. Общ., т. 78. с. 453.
**) «Р. Стар.», 1874, V, с. 2.

новомъ «Положеніи» уничтоженіе всѣхъ своихъ преимуществъ; всѣ недовольные начали группироваться вокругъ Чернышева, съ порицаніемъ правительственныхъ распоряженій Денисова и даже съ фальшивымъ толкованіемъ его поступковъ и словъ...» Первый ударъ Денисову былъ нанесенъ по дѣлу объ откупѣ. Вступивши въ исправленіе атаманской должности, Денисовъ засталъ войсковую казну почти пустой; не было денегъ на покупку вина для распродажи его въ краѣ распоряженіемъ войскового правительства. Поэтому Денисовъ возобновилъ винный откупъ, служившій въ 1775—1800 г. г. источникомъ неокладного войскового дохода. Продажа «горячихъ напитковъ» была сдана на откупъ на четыре года. Новостью было то, что на откупъ была сдана продажа вина не только въ станицахъ и хуторахъ (вообще, въ «казачьихъ поселеніяхъ»), но и въ «помѣщичьихъ селеніяхъ», которыя «дотолѣ оставались на произволѣ ихъ владѣльцевъ». Это было ударомъ по карману «помѣщиковъ», которые увидѣли въ этомъ также и умаленіе дворянскихъ правъ на куреніе вина. Денисовъ отмѣчалъ, что «сыскныя начальства» (земская полиція) обслуживали все населеніе края, а содержались за счетъ войсковой казны, «войсковые-же доходы отъ откупа происходили». Кромѣ того «общія войсковыя строенія», непрерывно воздвигавшіяся въ Новочеркасскѣ, содержаніе почтъ, исправленіе мостовъ — все это требовало денегъ, а войсковая казна была пуста.

По доносамъ помѣщиковъ, что «откупъ былъ основанъ на интересахъ и несправедливъ», Комитетъ занялся откупнымъ дѣломъ. Денисовъ «нѣсколько разовъ словесно предлагалъ, чтобъ таковое дѣло, не касающееся до Комитета, передано было въ Сенатъ, а Комитетъ занимался-бы предстоящею ему обязанностію», но властный Чернышевъ, а за нимъ и члены Комитета занимались по прежнему разслѣдованіемъ откупного дѣла.

Въ письмахъ своихъ въ Петербургъ Чернышевъ обвинялъ атамана въ защитѣ откупной системы на Дону, «безотвѣтственно цѣлый народъ угнетающей...» «Права сего послѣдняго, дарованныя Государемъ, разрушены, — писалъ Чернышевъ Александру I, — польза его предана въ руки нѣсколькихъ недостойныхъ чиновниковъ». Закревскому Чернышевъ сообщалъ, о «безднѣ всякаго рода беззаконій, похищеній и низкихъ изворотовъ, для угнетенія бѣдныхъ казаковъ изобрѣтенныхъ...» «Военная Коллегія, по мнѣнію Чернышева, держала войсковую власть въ самомъ строгомъ отвѣтѣ...»

Осенью 1819 г. Чернышевъ былъ въ Петербургѣ и вернулся на Донъ съ рескриптомъ Государя на имя Денисова (отъ 10 дек. 1819 г.). «Возвращаю на Донъ моего ген.-ад. Чернышева», — писалъ Александръ I. «Я желаю, чтобы при немъ совершено было, снимже начатое новое войсковое положеніе... Онъ предварительно представлялъ мнѣ свои предположенія...

Желаю... чтобы были они внимательнѣйше разсмотрѣны и соображены со всѣми мѣстными обстоятельствами». Изъ контекста можно понять, что Чернышевъ не прочь былъ получить подпись Александра I подъ своими предположеніями и безъ обсужденія ихъ въ Комитетѣ. «Нестѣсняясь ничѣмъ въ своихъ дѣйствіяхъ, — продолжалъ Александръ I, — Комитетъ можетъ по своему усмотрѣнію перемѣнить оныя или дополнить своими правилами...»

По существу это было невѣрно. Чернышевъ везъ на Донъ готовое положеніе, котораго Комитетъ уже не могъ перемѣнить. По поводу слуховъ Александръ писалъ Денисову: «Увѣренъ не менѣе и въ томъ, что вы, какъ начальникъ, отвѣтствующій за благоустройство и порядокъ въ войскѣ, конечно, не позволите въ нарушеніе оныхъ распускать неправыхъ толковъ людямъ неблагонамѣреннымъ и упредите всякое съ сей стороны безпокойство въ войскѣ, благоразумными внушеніями объ истинной цѣли занятій Комитета, вами учрежденнаго и мною одобреннаго...»

Заканчивалъ свой рескриптъ имп. Александръ I словами, посвященными донскому крестьянству. «Я не могу, — писалъ императоръ, — не поставить вамъ при семъ случае на видъ множество жалобъ въ настоящемъ управленіи войска Донскаго, доходящихъ къ правительству отъ крестьянъ, поселенныхъ на войсковой землѣ».

«Жалобы сіи, вѣроятно, происходятъ отъ жестокаго обращенія съ ними помѣщиковъ и непомѣрнаго изнуренія работами».

«Обстоятельство, заслуживающее всю внимательность правительства, и я надѣюсь, что вы употребите все ввѣренные вамъ способы для искорененія сего зла, и займетесь въ томже коммитетѣ разсмотрѣніемъ онаго».

Александръ I точно обозначилъ ближайшія причины недовольства крестьянъ, вынуждавшія ихъ подавать жалобы на высочайшее имя. Главная-же причина заключалась въ самомъ фактѣ ихъ закрѣпощенія. По словамъ Денисова, «еще при начальномъ вступленіи его въ должность, крестьяне нѣсколькихъ донскихъ господъ оказали неповиновеніе и дошли до буйства», но онъ ихъ, однако, «скоро усмирилъ и привелъ въ должное повиновеніе». По поводу жалобъ крестьянъ Государю атаманъ произвелъ слѣдствіе и донесъ, что крестьяне не изобилуютъ хлѣбомъ, но бѣдности нѣтъ; что крестьяне впали въ бѣдность отъ лѣности и пьянства; на господъ же они работаютъ только три дня. Комитетъ Министровъ поручилъ атаману наблюдать, чтобы помѣщики на Дону не налагали на крестьянъ работы болѣе положеннаго и не дозволяли себѣ жестокаго обращенія.*)

*) Зап. Денисова, «Р. Стар.». 1875, III, с. 474; Середонинъ «Ист. Обзоръ дѣяній Ком. Мин.», т. I, с. 338.

Трудно сказать, чѣмъ руководствовался Денисовъ, но, получивши рескриптъ, имѣвшій особо довѣрительный характеръ, онъ разослалъ его для объявленія по всѣмъ станицамъ. Вѣрнѣе всего, что онъ это сдѣлалъ по «древнему войсковому обычаю», не думая поднимать возстанія крестьянъ. Послѣдніе встрѣтили опубликованіе рескрипта, какъ откровеніе, переписывали и распространяли его въ сотняхъ экземпляровъ. Увѣренные, что Комитетъ, засѣдающій въ Новочеркасскѣ, освободитъ ихъ, они, въ началѣ 1820 года, начали «оказывать во многихъ донскихъ селеніяхъ неповиновеніе и буйство».

Денисовъ «принялъ мѣры для прекращенія онаго и донесъ главному начальству о томъ и о своемъ предположеніи». Но «нарочный возвратился (изъ Петербурга) безъ отвѣта и доложилъ словесно, что онъ, по приказанію полиціи, принужденъ былъ выѣхать изъ Петербурга въ самое короткое время».

Вслѣдъ затѣмъ Чернышевъ вручилъ Денисову присланный ему съ фельдъ-егеремъ для передачи атаману весьма немилостивый рескриптъ Александра I (отъ 28 апр. 1820 г.). Императоръ съ неудовольствіемъ отвѣчалъ на представленія Денисова о томъ, что онъ «затрудняется» въ виду того, что въ Комитетѣ, вмѣсто свода донскихъ законовъ и обычаевъ, занимаются текущими дѣлами объ откупѣ. «Отлагать окончаніе въ Комитетѣ предпринятыхъ уже дѣлъ, — писалъ императоръ, — значитъ удаляться отъ благонамѣченной цѣли его учрежденія. Я на сіе не согласенъ... Повелѣваю: немедленно заняться въ немъ разсмотрѣніемъ нынѣшней винной въ войскѣ продажи...» Александръ I повѣрилъ доносамъ на членовъ Комитета, сторонниковъ Денисова и писалъ: «ген.-л. Карпову и ген.-м. Черевкову, участвующимъ въ нынѣшнемъ винномъ откупѣ, не свойственно быть членами комитета: они были судьями въ дѣлѣ собственномъ. Повелѣваю вовсѣ ихъ уволить отъ засѣданій въ Комитетѣ, а на мѣста ихъ заступить внемъ ген.-м. Алекс. В. Иловайскому и Дм. Кутейникову...»*) Кромѣ того, по представленію Чернышева въ Комитетъ были назначены: ген.-маіоры Ст. Грековъ и Вас. Сысоевъ; полк. П. Тацынъ; подп. Ѳ. Шамшевъ и Ив. Кирпичевъ и войск. ст. Якимъ Машлыкинъ.

Не совсѣмъ логически по формѣ, но весьма логически по существу дѣла, звучало заключеніе рескрипта. «Приведеніе помѣщичьихъ крестьянъ земли Войска Донскаго въ должное повиновеніе своимъ помѣщикамъ, — заканчивалъ императоръ, — нахожу неразлучнымъ съ благосостояніемъ цѣлаго Войска, на которое труды Комитета должны имѣть непосредственное вліяніе.. Я нынѣ-же возложилъ оное на члена Комитета, моего Ген.-Ад. Чернышева. Вы должны ему содѣйствовать

*) Оба они были затѣмъ, послѣдовательно, донскими атаманами.

немедленнымъ удовлетвореніемъ тѣхъ требованій, кои онъ признаетъ за нужное сообщить вамъ...»

Денисовъ отдалъ Чернышеву казачьи полки, приготовленные на перемѣну находившихся на Кавказской линіи, и Чернышевъ поскакалъ проявить свою кавалерійскую лихость «на лѣвую сторону Дона, въ неповинующееся господъ Орловыхъ имѣніе». Въ это время движеніе охватило рядъ слободъ въ Екатеринославской губерніи (въ Бахмутскомъ и Ростовскомъ на Дону уѣздахъ), а въ Землѣ Войска Донскаго — слободы Городищенскую, Орловку, Несмѣяновку, Серебрякову. За ними послѣдовали и другія слободы Міусскаго «сыскного начальства». Эти слободы, по словамъ Чернышева, — «сами собой отказались отъ повиновенія помѣщикамъ и исправленія работъ на нихъ». Другія добавили требованіе о зачисленіи ихъ въ казаки.

Не успѣлъ Денисовъ, по просьбѣ Чернышева, послать атаманскій полкъ въ сл. Голодаевку господъ Мартыновыхъ, гдѣ было «главное скопище бунтующихъ крестьянъ, расположившееся лагеремъ», какъ былъ присланъ для начальствованія отъ Чернышева ген.-м. Богдановичъ. Чернышевъ потребовалъ еще гвардейскій казачій эскадронъ, роту артиллеріи и затребовалъ изъ сосѣднихъ губерній регулярныя части. Издѣваясь надъ крестьянскимъ афоризмомъ, что «громада це великій чоловікъ», Чернышевъ издалъ (2-го іюня 1820 г.) воззваніе къ крестьянамъ Міусскаго округа. «Знайте, — писалъ онъ, — что громады ваши, представляющіяся въ понятіи вашемъ столь значительными, напротивъ въ существѣ своемъ совершенно ничтожны, и довольно одного примѣра, чтобы разсыпать ихъ въ прахъ...»*)

Крестьянское движеніе на Дону, въ Приазовьи и Бахмутскомъ уѣздѣ подавлено было съ чрезвычайной жестокостью. Чернышеву усердно помогало донское дворянство, кровно заинтересованное въ результатѣ этой экспедиціи. Движеніе это не распространилось далѣе. Но вѣсти о немъ дошли до солдатъ Семеновскаго полка, сидѣвшихъ въ Петропавловской крѣпости за извѣстныя волненія въ этомъ полку, и они радостно говорили, что «на Дону всѣ войска взбунтовались». **) На самомъ-же дѣлѣ, волненія не коснулись казачества.

Тщетно пытался Денисовъ возстановить свое положеніе и даже написалъ письмо вице-императору Аракчееву. «Змѣй» отвѣтилъ ему по змѣиному. — «До сего времяни, — писалъ Аракчеевъ, — я былъ для Васъ въ полномъ смыслѣ человѣкъ чуждый, посторонній. Ваше Пр-ство не имѣли со мной никакой переписки съ самаго вступленія Вашего въ званіе войскового Атамана. Можете представить себѣ, какъ я былъ из-

*) Сб. Р. И. Общ., т. 78, с. 528—529; Сб. ист. матеріал. извлеченн. изъ Архива Соб. Е. Вел. Канц., СПБ. 1893.

**) «Былое», 1907, II с. 112.

умленъ, увидя нынѣ, что Вы не только пишете ко мнѣ, но избираете меня судіею дѣлъ вашихъ...» Аракчеевъ давалъ совѣтъ «стараться исполнять Высочайшую... волю, объявленную вамъ чрезъ такого Генералъ-Адъютанта Е. Вел., который заслужилъ къ себѣ полное довѣріе не только отъ васъ, но и отъ всѣхъ любящихъ Государя и отечество. Увѣренъ, что тогда бы дѣла войска донского шли успѣшно и хорошо къ общему удовольствію...» Аракчеевъ давалъ совѣтъ, который, конечно, могъ-бы, при условіи исполненія его, дать Денисову возможность продержаться на атаманскомъ посту. Аракчеевъ «удивлялся и не понималъ тѣхъ, кои бывъ облечены отъ Государя въ важное званіе Начальниковъ, смѣшиваютъ себя съ людьми частными и пользы общія, Государственныя, съ видами корысти, на которой основаны, напримѣръ, дѣянія частныхъ откупщиковъ...»

Между тѣмъ, Денисовъ, видя въ Чернышевѣ «нетвердыя познанія, какъ бытности казаковъ въ домахъ, такъ и въ военныхъ ихъ дѣйствіяхъ», утверждался въ своихъ мнѣніяхъ, опираясь на то, что самъ онъ «родился отъ казака, прожилъ многіе годы въ жилищахъ казаковъ» и что «всѣ донскіе герои» именовали его «учителемъ военныхъ правилъ». Денисовъ упорно защищалъ привилегіи Войска и права казачества, вопреки Чернышеву. Обнаглѣвшій подъячій (Болгарскій), къ осени 1820 года, не стѣснялся въ журналѣ Комитета употреблять на счетъ атамана «колкія выраженія», на что старикъ пытался, но безполезно, жаловаться министру юстиціи. Зимою Чернышевъ отправился въ Лайбахъ, откуда 27 янв. 1821 г. послѣдовалъ высочайшій рескриптъ объ увольненіи Денисова «во все отъ службы» и о сдачѣ дѣлъ «наказному атаману (Ал. Вас.) Иловайскому-3-му...»

«Извѣстясь, — писалъ императоръ, — о вновь введенномъ питѣйномъ откупѣ на Дону, безъ испрошенія на то дозволенія Вышняго Правительства, совершенно не согласномъ съ дарованными Войску привиллегіями и довершившемъ нарушеніе оныхъ прежде уже сего допущенное, единственно по превратному истолкованію существующихъ узаконеній, изъ уваженія къ вашему званію, Я повелѣлъ тому-же Комитету, въ коемъ вы предсѣдательствовали, разсмотрѣть дѣло сіе и, принявъ въ соображеніе всѣ мѣстныя обстоятельства, права и привиллегіи, представить мнѣ правила, на коихъ часть сія... существовать должна, не упуская изъ виду, чтобы доходъ съ оной падалъ уравнительно на всѣхъ Донскихъ обитателей». Денисовъ противился открыто дѣйствію Комитета и даже не выполнилъ высочайшей воли.

«Вникнувъ-же нынѣ во всѣ подробности противузаконныхъ дѣйствій Войсковой Власти по сему дѣлу, столь несвойственныхъ съ прямою ея обязанностью, — писалъ далѣе императоръ, — Комитетъ Министровъ, находя необходимымъ немѣд-

ленно отрѣшить васъ отъ исправленія настоящей вашей должности, представляетъ Мнѣ объ ономъ».

«Сверхъ сего огласка въ непристойномъ видѣ Указа моего на имя ваше отъ 10 декабря 1819 г., вопреки прямаго смысла моихъ повелѣній и словесныхъ и письменныхъ совѣтовъ, до васъ дошедшихъ, была главною причиною столь необычайнаго разлитія духа неповиновенія и своевольства между помѣщичьими крестьянами на Салу и въ Міузскомъ начальствѣ, недѣятельность-же въ пресѣченіи дѣйствія сей неосторожной огласки и слабости въ мѣрахъ Войскового Правительства, когда обнаружилось зло сіе, такъ-же совершенно падаютъ на вашу отвѣтственность». Упоминалъ, мимоходомъ, Александръ I-й и главную причину увольненія Денисова, его борьбу за автономныя права Дона и простого казачества, что именовалось въ рескриптѣ его «неосновательнымъ сопротивленіемъ по дѣламъ Комитета». *)

Глава XXVIII.

Дворянскій автономизмъ. Докладъ Комитета. Донъ и декабристы.

Одновременно съ увольненіемъ Денисова предсѣдателемъ Комитета былъ назначенъ Чернышевъ, а самый Комитетъ переведенъ въ Петербургъ. Фактическимъ хозяиномъ на Дону сталъ Чернышевъ, съ которымъ атаманъ Иловайскій долженъ былъ находиться въ постоянной перепискѣ. Но Чернышевъ не очень довѣрялъ своему ставленнику, за которымъ первое время присматривалъ Болгарскій. На Дону остался довѣренный человѣкъ Чернышева ген. Богдановичъ, руководившій всѣми работами по внутренней съемкѣ и измѣренію войсковыхъ и станичныхъ земель.

Работы Комитета продолжались въ Петербургѣ. Указомъ 27 янв. 1821 г. на имя Иловайскаго ему было повелѣно примѣнять предположенія Комитета къ дѣйствіямъ войскового управленія. Какъ мы увидимъ дальше, рядъ мѣръ, выработанныхъ Комитетомъ, дѣйствительно, примѣненъ былъ въ Войскѣ въ промежуткѣ между 1821 и 1835 г., когда Положеніе примѣнено было полностью.**)

Въ промежуткѣ между 1821 и 1829 г., пока правилъ Иловайскій, на Дону намѣтилось три общественныхъ теченія. Дво-

*) Уволенный отъ должности Денисовъ былъ всѣми покинутъ; имущество его было описано, изъ подъ надзора полиціи его съ трудомъ отпустили въ имѣніе. Въ 1825 г., при посѣщеніи Александромъ I Черкасска, онъ не былъ принятъ Государемъ, а въ 1837 г. тщетно ходатайствовалъ о прекращеніи дѣла о немъ въ Сенатѣ на основаніи манифеста «Р. Стар.», 1874. V; 1875, III; 1894, VI.

**) Указъ 30 іюня 1822 г. о стрянчихъ, см. гл. XXV; отмѣна виннаго откупа въ 1821 г. и др.

рянство, свалившее Денисова, было безсильно по отношенію къ Чернышеву. Единственное средство борьбы съ демократически-цезаристской политикой Чернышева было усмотрѣно донскими дворянами въ пересмотрѣ и исправленіи проектовъ «мѣстными людьми». Этими людьми должны были явиться, конечно, донскіе «чиновники», въ роли представителей «войскового общества», «войскового сословія». Реакціонное дворянство хотѣло опереться на старую республиканскую традицію Дона, согласно которой Донскія дѣла должны были рѣшаться донцами самими и на Дону.

Другое теченіе было чисто народное, казачье, стоявшее за сохраненіе донской автономіи, за права казачества, за возрожденіе Круга.

Третье теченіе было выразителемъ идей радикальной молодежи, прошедшей черезъ университеты (московскій и харьковскій), черпавшей въ исторіи Дона, въ старыхъ грамотахъ XVI вѣка, обоснованіе для своихъ республиканскихъ и автономистскихъ стремленій.

Эти три теченія не были связаны между собою. Первое, дворянское, было организовано, но оно было недемократично, цѣли его были, по существу, враждебны и донскому крестьянству, и казачьей массѣ. Второе теченіе было абсолютно неорганизовано и парализовалось недовѣріемъ и враждою къ дворянству. Казачья-же масса, разочарованная въ донскомъ дворянствѣ, больше возлагала надежды на царя. Наконецъ, третье теченіе было мало организовано, малочислено, не имѣло связи съ массой, а потому — безсильно.

Дворянство начало компанію за разсмотрѣніе проектовъ Комитета выборными депутатами. Чернышевъ жаловался Александру I, что «появились нелѣпые слухи» насчетъ Комитета, «легко могущіе въ умахъ народа возбудить сомнѣніе и недовѣрчивость, ибо нѣсколько неблагонадежныхъ лицъ предсказывали, что Войско превратится въ одну изъ губерній и измѣнитъ древній образъ существованія своего». Подобные слухи могли поднять казачество.

Александру I пришлось писать рескриптъ новому атаману, А. В. Иловайскому, о томъ, что «предположенія Комитета основаны на неприкосновенности дарованныхъ Войску привиллегій и исключительнаго рода служенія онаго» (12 января 1822 г.).

Реакціонные автономисты на Дону собирались для совѣщаній. Поэтому, 26 марта 1823 г. послѣдовалъ рескриптъ атаману Иловайскому. «Дошло, — писалъ императоръ, — до свѣдѣнія моего, что ген.-м. Иловайскій 5-й, не испросивъ отъ начальства изволенія, 28 февр. 1823 г. собралъ въ домѣ своемъ наличныхъ (донскихъ) чиновниковъ и имѣлъ съ ними совѣщаніе насчетъ выбора и отправленія въ Санктпетербургъ депутатовъ для ходатайства по нѣкоторымъ предметамъ, входив-

шимъ въ сужденіе Донскаго Комитета. Дѣйствіе таковое и цѣль его нахожу Я равно противными общему порядку и закону.

«Никакое сословіе въ государствѣ не должно имѣть совѣщательныхъ собраній безъ предварительнаго на то разрѣшенія начальства; тѣмъ менѣе позволительно разсуждать въ оныхъ о преждевременномъ домогательствѣ по такимъ предметамъ, которые по волѣ Моей обсуживались въ особенномъ комитетѣ и должны... получить утвержденіе непосредственно отъ Меня...»

Отрицая въ силу этихъ разсужденій, вообще, право донцевъ обсуждать проекты касавшихся ихъ законовъ, Александръ I повелѣвалъ атаману: «призвавъ ген. Иловайскаго 5-го и бывшихъ у него въ собраніи чиновниковъ, за сей непозволительный поступокъ ихъ сдѣлать строгій выговоръ, подтвердивъ при томъ, чтобы впредь... на то не отваживались...»

Въ спискѣ «чиновниковъ», получившихъ высочайшій выговоръ, находимъ: 2 генералъ-лейтенантовъ, 5 генералъ-маіоровъ, 2 окружныхъ «дворянскихъ депутатовъ» (предводителей дворянства) — одного генерала и одного полковника; 5 подполковниковъ, 2 маіора и по одному войсковому старшинѣ и гвардіи поручика. Всего съ хозяиномъ дома — 24 чел.

Конечно, Иловайскій 3-й, т. е. атаманъ, зналъ о собраніяхъ у Иловайскаго 5-го и даже сочувствовалъ имъ, что и обнаружилось впослѣдствіи. Не имѣя возможности выступать открыто, донскіе дворяне старались дѣйствовать черезъ высокопоставленныхъ лицъ. Энергичнымъ заступникомъ правъ донского дворянства выступилъ членъ Гос. Совѣта, ген.-ад. Васильчиковъ, который, критикуя проектъ Чернышева, высказывалъ опасенія, чтобы дѣло Комитета не осталось тщетнымъ «безъ предварительнаго выслушанія замѣчаній на проектъ опытнѣйшихъ и службою своею извѣстнѣйшихъ Донскихъ чиновниковъ». 9-го января 1824 г. ген.-ад. Васильчиковъ снова предлагалъ пригласить «депутатовъ отъ лица всего сословія помѣщиковъ на Дону», успокаивая правительство тѣмъ, что оно, «и удостоивъ выслушать депутатовъ, не будетъ тѣмъ нисколько стѣснено...»*)

23-го апрѣля 1825 г. Чернышевъ, какъ предсѣдатель Комитета, поднесъ Александру I проектъ новаго «положенія о Донскомъ Войскѣ». Проектъ этотъ былъ переданъ въ Государственный Совѣтъ, а члены Комитета за занятія въ Комитетѣ получили награды; наказный атаманъ ген.-л. Иловайскій — званіе войскового атамана и Владиміра 2-й степени, а Болгарскій — чинъ тайнаго совѣтника и званіе сенатора. По увѣренію Комитета, положеніе было составлено на основаніи пре-

*) Письма Чернышева и Васильчикова въ Сб. Р. Ист. Общ.. т. 121 и 122 рескрипты Александра I въ «Акт. относ. до ист. В. Дон.», дон. вып.. Н. И. Красновъ, «Ат. Иловайскій», «Р. Стар.», 1875, IV.

жнихъ постановленій и исключительныхъ привиллегій Войска, со всевозможнымъ примѣненіемъ дарованныхъ оному преимуществъ и даже самыхъ обычаевъ жителей сего края къ общему воинскому порядку и гражданскому управленію.*) Заявленіе это было наглой неправдой. Именно, свода стараго войскового права и не было въ чисто бюрократическомъ проектѣ положенія, выработаннаго Комитетомъ.

Представляя докладъ, «Комитетъ 1819 года» доносилъ, что замедленіе произошло вслѣдствіе ряда причинъ: приведенія въ извѣстность народонаселенія и земель, дѣла о питейномъ откупѣ, дѣла о правахъ казачества на рыболовство и т. п. «Неимовѣрная медленность въ производствѣ и накопленіе нерѣшенныхъ дѣлъ, запутанности, совершенная безотчетность и злоупотребленія, замѣченныя Комитетомъ вообще по управленію въ Войскѣ, поставили его въ строгую необходимость... раскрыть истинную мѣру непорядка и зла, терпимыхъ обитателями сего края...»

По мнѣнію Комитета, «главная причина столь невыгоднаго состоянія Донскаго Войска» проистекала «отъ сліянія всѣхъ обязанностей военнаго и гражданскаго управленія въ одной войсковой канцеляріи, отъ недостатка правилъ ея руководства и превратныхъ понятій войсковой власти о разумѣ доклада 1775 г. и указа 6 февр. 1804 г. на счетъ хозяйственности...»

Комитетъ отмѣчалъ, что «всѣ предметы и обязанности, въ губерніяхъ раздѣленныя между губернскими правленіями и палатами, въ Донскомъ войскѣ соединены въ Войсковой Канцеляріи. Она же вѣдаетъ дѣла совѣстнаго суда, общественнаго призрѣнія, опекунскія и войскового духовенства; наборъ рекрутъ и отправленіе ихъ къ арміи; карантины и кордоны по границѣ войска; разсылку по войску почтовой корреспонденціи; общественныя и церковныя строенія, дѣла торговли и промышленности; распоряженія по земскимъ повинностямъ».

Всѣ воинскія дѣла вѣдала та же Канцелярія, не имѣвшая постоянныхъ органовъ на мѣстахъ. Органы-же гражданскаго управленія — «окружныя сыскныя начальства» были одновременно и судебными, и административными учрежденіями, совмѣщая въ себѣ «Уѣздный и Земскій Суды въ совокупности...»

Представителемъ «власти блюстительной» былъ на всю Землю Войска Донскаго одинъ лишь прокуроръ. Стряпчихъ при окружныхъ сыскныхъ начальствахъ не существовало.

Комитетъ считалъ недостаткомъ существующаго положенія отсутствіе правилъ для выбора «чиновниковъ». Изъ-за отдаленности жительства отъ Новочеркасска или благодаря произволу войсковой администраціи лишь немногіе донскіе дво-

*) Докладъ (но не проектъ положенія) напечатанъ во II части т. XI-го «Столѣтія Военн. Министерства», С. П. Б., 1902. с. 263—300.

ряне («чиновники») могли участвовать фактически въ выборѣ лицъ «для употребленія къ гражданскимъ областямъ».

Комитетъ отрицательно относился и къ донскому дворянству, захватившему въ свои руки войсковые выборы, и къ его нелегальнымъ предводителямъ. «Войсковой и окружные депутаты, введенные гр. Платовымъ, — писалъ Комитетъ, — но досель еще верховною властію не утвержденные, тѣмъ менѣе могутъ въ выборахъ руководствовать и дать имъ полезное направленіе, что сами они по сіе время не знаютъ, въ чемъ точно должна состоять ихъ прямая обязанность.»

Отсюда вытекали и отсутствіе защиты для вдовъ и сиротъ и неуравнительность при раскладкѣ повинностей, и то, что «хозяйственныя распоряженія помѣстныхъ чиновниковъ, въ отношеніи къ крестьянамъ своимъ, не имѣютъ ничего положительнаго». Такою деликатною фразою указывалъ Комитетъ на ужасающій произволъ недавно испеченнаго донского «помѣстнаго дворянства» по отношенію къ его крѣпостнымъ.

По вопросу о выборахъ «Комитетъ 1819 года» полагалъ, что «несправедливо было бы многочисленнѣйшій классъ обитателей Войска устранять отъ коренного права ихъ на выборъ судей и, предоставивъ оное однимъ чиновникамъ, лишить казаковъ способа разбираться и пользоваться законнымъ покровительствомъ посредствомъ лицъ, избранныхъ изъ среды ихъ общества...»

Это пожеланіе Комитетъ мотивировалъ тѣмъ, что «въ Донскомъ войскѣ издревле пользовались правомъ выбора и общества казаковъ», фактически вплоть до 1797 г. «По общимъ государственнымъ узаконеніямъ, право избирать судей присвоено не одному только дворянству, но и тремъ другимъ свободнымъ состояніямъ: купечеству, мѣщанству и казеннымъ поселянамъ».

«Казаки Донскіе, въ гражданскомъ отношеніи, образуютъ также сословіе свободное», — напоминалъ Комитетъ. «Сила законовъ дѣйствуетъ на нихъ въ домашней жизни, какъ и на чиновниковъ. Въ дарованныхъ войску привиллегіяхъ и общественныхъ довольствіяхъ, тѣ и другіе равно участвуютъ...» Комитетъ хотѣлъ, конечно, сказать: равно должны участвовать.

Какъ мы видимъ, по вопросу объ управленіи Войскомъ «Комитетъ 1819 г.» высказалъ много весьма здравыхъ и объективно правильныхъ мыслей. Плохо было то, что, въ проектѣ Положенія, онъ не дѣлалъ выводовъ изъ своихъ собственныхъ посылокъ.

Отдѣлъ доклада Комитета, посвященный «части поземельной», былъ обвинительнымъ актомъ противъ донского дворянства. «Вліяніе и сила чиновниковъ, въ станицахъ живущихъ, отторгали обширныя части земель изъ владѣнія ихъ въ личную свою пользу... Самовольное же чиновниками по-

селеніе бѣглыхъ и частію покупныхъ (нынѣ подъ именемъ крестьянъ извѣстныхъ), занявъ большое пространство земель, разлилось повсюду и возобладало выгоднѣйшими мѣстами не только въ окружности станичныхъ юртовъ, но даже проникло и въ самую средину оныхъ...»

«Быстрый приливъ выходцевъ сихъ и виновная дѣятельность чиновниковъ въ самое короткое время стѣснили» казаковъ и привели ихъ «въ обѣднѣлость» въ Хоперскомъ, Усть-Медвѣдицкомъ, I и II Донскихъ, Донецкомъ и, частію, Черкасскомъ округахъ.

«Тяжесть зла, причиняемаго станицамъ, трудно исчислить. Чиновники захватили во владѣніе свое почти всѣ лучшіе сѣнокосы, пастбищныя мѣста, водопои и опустошаютъ общественные лѣса, обстраивая изъ нихъ поселки, хутора, мельницы и другія хозяйственныя свои заведенія...» Чиновники «свой и крестьянскій скотъ пускаютъ въ станичныя пастбища, взимаютъ плату съ казаковъ за водопои, у нихъ-же отторгнутые...» «Устроивъ въ юртахъ поселки, и сверхъ того имѣя въ оныхъ-же отдѣльные хутора, получаютъ притомъ еще и паи изъ общаго станичнаго довольствія...»

«Стѣсненные казаки тщетно прибѣгали съ жалобами своими къ войсковому и мѣстнымъ начальствамъ, которыя бывъ участниками зла сего, вели только наружную переписку, но не оказывали имъ никакой дѣйствительной помощи...»

«Очевиднымъ доводомъ сего угнетеннаго состоянія казаковъ служитъ то, что нѣкоторыя станицы имѣютъ во владѣніи своемъ удобной земли на одну душу мужск. пола не болѣе 11, 10, 8 и даже 6-ти десятинъ; многіе же изъ чиновниковъ дѣйствительно отъ 100 до 300, а нѣкоторые даже отъ 500 до 1.000 десятинъ на всякую мужескаго пола душу ихъ крестьянъ...»

Можно сказать, что Комитетъ точно и ясно опредѣлилъ сущность создавшаго на Дону положенія. Отбросивши въ сторону всякія разсужденія о донскомъ историческомъ правѣ, объ автономіи, объ обычаяхъ, имѣвшихъ на Дону силу закона, Комитетъ констатировалъ, что, въ результатѣ историческаго процесса, на Дону происходившаго, вся соціальная, экономическая и политическая мощь на Дону перешла въ обладаніе мѣстной аристократіи. Комитетъ говорилъ царю правду, не всю и не всегда опредѣленно, но отрицать его утвержденія было невозможно.

Сдѣлавши правильный діагнозъ, Комитетъ дѣлалъ вовсе не тотъ прогнозъ, не то лѣченіе. Вмѣсто возстановленія правъ казачества, нарушенныхъ донскимъ дворянствомъ, возстановленія полностью правъ земельной Войсковой общины и возрожденія народнаго правленія (въ формѣ выборного представительства въ Войсковой Кругъ), Комитетъ предлагалъ, по существу, оставить на бумагѣ, въ архивахъ и для «вычета» на

парадѣ жалованныя грамоты, Войско-же превратить въ чисто служилую и служебную организацію. Комитетъ хотѣлъ оковать всѣхъ сверху до низу предписаніями закона, охранить нѣсколько права низшихъ, но оставить высшимъ всѣ ихъ пріобрѣтенія, подчинивши всѣхъ равно властной бюрократической опекѣ.

Настойчивыя домогательства донского дворянства и его защитниковъ въ Петербургѣ возимѣли успѣхъ, и Александръ I повелѣлъ вызвать въ Петербургъ депутатовъ отъ Войска (отъ дворянства) для дачи заключенія, удовлетворяетъ-ли выработанное Комитетомъ Положеніе потребностямъ Войска. Однако, смерть Александра I прервала это дѣло.

1825-й годъ былъ годомъ перваго революціоннаго выступленія въ Россіи. Декабристы, искавшіе въ россійскомъ прошломъ примѣры борьбы за свободу, хотя и не очень хорошо знавшіе русскую исторію, не прошли безъ вниманія донской вольности былыхъ временъ и отвели извѣстное мѣсто Дону въ своихъ конституціонныхъ проектахъ. Глубокій демократизмъ, врожденная привычка къ свободѣ и равенству въ донскихъ казакахъ поражали не только русскихъ, но и иностранцевъ. Англійскій путешественникъ Кларкъ, посѣтившій Донъ на переломѣ отъ XVIII къ XIX вѣку, описалъ казаковъ, какъ сознательныхъ и полныхъ чувства своего достоинства свободныхъ гражданъ, тогда какъ для русскихъ крестьянъ онъ нашелъ лишь жестокія слова о «рабахъ грубыхъ и плутоватыхъ».*)

Декабристы узнали о республиканскомъ прошломъ Дона отъ В. Д. Сухорукова. Одинъ изъ высокообразованнѣйшихъ и талантливыхъ донцевъ своего времени, онъ былъ привлеченъ Денисовымъ еще до открытія «Комитета 1819 г.» къ дѣлу всесторонняго описанія Земли Войска Донского. Имъ, преимущественно, было составлено «Статистическое описаніе З. В. Д.», оставшееся въ рукописи до конца XIX вѣка. Съ 1821 по 1827 г. г. онъ работалъ надъ составленіемъ «Историческаго описанія Земли Войска Донскаго», перваго труда по исторіи Дона (съ 1549 по 1709 г. г.), основаннаго на первоисточникахъ.**) Имъ были использованы дѣла турецкія, крымскія, ногайскія, персидскія, донскія, малороссійскія и другія изъ Московскихъ архивовъ. Помощниками его были молодые донскіе офицеры, окончившіе университетъ: Кучеровъ, Кушнаревъ, Посновъ, и др.,***) сдѣлавшіе объѣздъ архивовъ Астраханскаго, Цари-

*) Clarke «Voyage en Russie», Paris, 1813, v. II, pp. 54, 55.

**) До Сухорукова выпустилъ свою «Исторію о Войскѣ Донскомъ», Харьковъ, 1814, т. I и II — Алексѣй Поповъ, руководившій народнымъ образованіемъ на Дону съ 1790-хъ г. г.

***) Большую помощь оказали ему П. М. Строевъ, А. Ѳ. Малиновскій и К. Ѳ. Калайдовичъ, приславшіе ему рядъ документовъ. Изъ донской университетской молодежи принадлежали еще къ кружку Сухорукова — Селивановъ, Колесниковъ и др.

цынскаго, Дубовскаго, Ростовскаго н. Д., Новохоперскаго и т. д. Въ Астрахани найдены были грамоты Ѳеодора Іоанновича на Донъ 1593 г., рисующія взаимоотношенія Дона и Москвы въ XVI вѣкѣ.

Чтеніе древнихъ грамотъ и войсковыхъ отписокъ открыло предъ Сухоруковымъ и его товарищами цѣлый міръ, о которомъ въ памяти донцевъ сохранились лишь преданія. Мысль о государственномъ бытіи Дона, о республиканскихъ вольностяхъ казачества воодушевила кружокъ донской молодежи и положила начало новому теченію донского областничества — республиканскому автономизму. Можно считать установленными литературныя и политическія связи, создавшіяся между декабристами и кружкомъ донской молодежи.*)

Декабристъ Завалишинъ утверждалъ впослѣдствіи въ своихъ «Запискахъ», что на Дону были тайныя общества, оставшіяся, однако, неизвѣстными правительству, что въ этихъ обществахъ мечтали о возобновленіи казачьяго самоуправленія и вольности, посредствомъ возстановленія войсковыхъ круговъ. Завалишинъ ссылался на сообщеніе декабриста Корниловича, который былъ знакомъ съ «историкомъ донскихъ казаковъ Сухоруковымъ, членомъ тайнаго общества».**)

Однако, есть свѣдѣнія, что Сухоруковъ сказалъ декабристу А. Бестужеву, что о народномъ правленіи на Дону «и думать нечего, ибо казаки привержены къ царю, и никакъ не могутъ вообразить иного порядка...» Истина, какъ мы знаемъ, лежала по серединѣ, и Донъ, не принимавшій прямого участія въ общерусскомъ движеніи, стремился не столько къ общероссійской республикѣ или конституціи, сколько къ мѣстной автономіи. Только дворянство мечтало на Дону о дворянской автономіи, а радикальная молодежь — о выборномъ атаманѣ, властномъ Кругѣ изъ народныхъ выборныхъ представителей; она сочувствовала также декабристамъ.***)

Декабристы отвели извѣстное мѣсто Дону въ своихъ проектахъ политическаго преобразованія Россіи. Никита Муравьевъ рисовалъ себѣ, какъ извѣстно, Россію раздѣленной въ законодательномъ и политическомъ отношеніи на 13 «державъ» и 2 «области»: Славянскую и Донскую. Столицами «областей» этихъ назначались: Москва и Черкасскъ. Державы и области дѣлились на уѣзды или «повѣты», уѣзды или повѣты на волости. Разницы между державами и областями, въ смыслѣ внутренней организаціи, не было никакой. Такимъ образомъ,

---

*) Въ 1824 г. Сухоруковъ подъ псевдонимомъ С*** помѣстилъ въ «Русской Старинѣ на 1825 годъ» издававшійся декабристомъ А. Корниловичемъ, статью: «Общежитіе донскихъ казаковъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ», до сихъ поръ сохранившую значеніе.

**) Д. И. Завалишинъ «Записки Декабриста», Мюнхенъ, 1904, т. I, с. 185.

***) Къ сожалѣнію, вопросъ о донскихъ декабристахъ совершенно не разработанъ.

Донъ, по плану Муравьева, становился членомъ федераціи, на манеръ Сѣверо-Американской.

Разница между «державами» и Донской «областью» заключалась въ томъ, что Донъ могъ послать въ Верховную Думу (соотвѣтствовавшую Сенату Соединенныхъ Штатовъ) лишь одного члена, тогда какъ державы посылали по 3 члена, а Московская область — двухъ. Въ палату представителей Донъ могъ-бы послать одного депутата на каждые 50 тыс. жителей мужескаго пола, а всего 3 депутатовъ.

Что касается внутренняго устройства самой «области», то въ ней Муравьевъ, какъ и въ каждой державѣ, хотѣлъ учредить мѣстную «Палату Выборныхъ» и «Областную (Державную) Думу», которыя должны были соотвѣтствовать палатѣ представителей и сенату отдѣльныхъ штатовъ Сѣв. Америки. Палата выборныхъ для Дона должна была состоять изъ 15 чел. (по одному на 10.000 душъ мужеск. пола). Державная (Областная) Дума на Дону состояла бы изъ 5 чел.

Здѣсь не мѣсто говорить о чудовищномъ имущественномъ цензѣ, который предполагалъ ввести Муравьевъ, и который противорѣчилъ всему укладу донской жизни. Въ случаѣ введенія въ жизнь проекта Муравьева, въ формѣ Палаты Выборныхъ на Дону могло-бы появиться представительное собраніе. Врядъ-ли казаки примирились-бы со столь малымъ числомъ представителей, ибо «съѣзжій Кругъ» XVI—XVII в.в. былъ уже зародышемъ представительства отъ всѣхъ станицъ. Областная Дума явилась-бы оплотомъ власти самыхъ верхушекъ донской аристократіи, учрежденіемъ еще менѣе демократическимъ, нежели «собраніе старшинъ» XVIII вѣка.

Врядъ-ли Н. М. Муравьевъ задумывался надъ отличіемъ Дона отъ остальной Россіи. Иначе онъ, врядъ-ли, счелъ бы приложимыми къ Дону свои планы о высокомъ имущественномъ цензѣ для участія въ мѣстномъ представительствѣ и управленіи, а также о распространеніи подушной подати на всѣхъ гражданъ во имя... равенства всѣхъ предъ закономъ. Попытка ввести подушную подать на Дону, хотя-бы и во имя свободы, принята была бы казачествомъ за желаніе обратить ихъ въ крестьяне. А на это не осмѣлился ни одинъ самодержецъ.

Равнымъ образомъ, Муравьевъ не посчитался въ своемъ проектѣ съ выборностью донскихъ атамановъ. Согласно его проекту (§ 92) Народное Вѣче, составленное изъ Верховной Думы и Палаты Представителей избирало Правителей Державъ (и Областей). Высшій представитель власти на мѣстахъ, Правитель Области долженъ былъ начальствовать надъ «земскимъ войскомъ» (милиціей) своей Области (Державы). Правитель Области долженъ былъ быть «жителемъ» этой Области и обладателемъ движимаго и недвижимаго имѣнія (повидимому, въ этой же самой Области). Списокъ кандидатовъ на должность

Правителя составлялся объединенными мѣстными законодательными учрежденіями. Избранный Народнымъ (Верховнымъ) Вѣчемъ Правитель Области долженъ былъ подлежать утвержденію императора. Муравьевъ устанавливалъ порядокъ, бывшій на Дону при Петрѣ, но сравнительно съ системой назначенія изъ Петербурга. Это было бы шагомъ впередъ.

При Правителѣ Области долженъ былъ состоять Совѣтъ, состоящій (на Дону) изъ пяти человѣкъ, избираемыхъ каждые три года совмѣстнымъ засѣданіемъ законодательныхъ учрежденій Области. Совѣтъ долженъ былъ участвовать «во всѣхъ мѣрахъ и распоряженіяхъ Правителя». Затѣмъ предполагались избираемые тѣмъ-же порядкомъ: Областной Дьякъ, Областной Казначей, Областной собиратель пошлинъ, Областной блюститель законовъ. Донъ имѣлъ съ XVI вѣка Войскового Дьяка, съ XVIII вѣка (въ лицѣ Базарнаго) Войскового Казначея; съ 1800 г. Войскового Прокурора. Итакъ, по проекту Муравьева, выборное начало въ администраціи не примѣнялось лишь къ Правителю Области.*)

Пестель въ своей «Русской Правдѣ», несмотря на свой крайній централизмъ, выдѣлилъ нѣсколько и Донъ, и, вообще, казачество изъ общей системы управленія. По его проекту Россія дѣлилась на 53 губерніи, изъ нихъ — 50 «округовъ» и три — «удѣла». Каждые пять «округовъ» объединяются въ «область». Внѣ областей состоятъ удѣлы: Донской, Аральскій и Столичный. Каждый округъ и каждый удѣлъ дѣлятся на уѣзды, и каждый уѣздъ на волости.

«Донской удѣлъ или такъ называемая земля Донскихъ казаковъ, — писалъ Пестель, — должна особенный, отдѣльный округъ образовать для того, что цѣль учрежденія казаковъ состоитъ въ снабженіи россійской арміи столь отличною иррегулярною конницею, каковы донскіе казаки: почему и должны они имѣть свое особенное образованіе, особенное правленіе и особенное начальство, совершенно соразмѣрныя съ цѣлью ихъ существованія и слѣдовательно отъ прочихъ частей государства, составляющихъ области, быть отдѣлены...»

Пестель помѣщалъ казаковъ среди «различныхъ племенъ къ Россіи присоединенныхъ», въ числѣ племенъ финскаго, латышскаго, молдавскаго, татарскаго, еврейскаго народа, народовъ кочующихъ, кавказскихъ и т. п. Онъ поясняетъ, что «казаки не столько происхожденіемъ своимъ, сколько образомъ своего существованія отъ прочихъ россіянъ различествуютъ». Казаковъ насчитывалъ Пестель «пять родовъ»: сибирскихъ, уральскихъ, кавказскихъ, черноморскихъ и донскихъ. Всѣхъ ихъ, кромѣ донскихъ, Пестель хотѣлъ оставить въ прежнемъ положеніи, улучшивши его по мѣрѣ силъ;

*) Ср. «Библіотека декабристовъ», в. IV, М. 1907. Проектъ конституціи Н. Муравьева; Сватиковъ «Общ. движеніе», 1905, ч. I, с. 166—177.

сибирскихъ и оренбургскихъ хотѣлъ онъ выселить на земли киргизъ-кайсаковъ, для образованія Аральскаго удѣла, по образцу донскаго. Насчетъ черноморцевъ есть у него упоминаніе о возможности присоединить ихъ къ Георгіевскому «округу» Кавказской области. Но окончательное рѣшеніе судьбы каждаго казачьяго войска Пестель предоставилъ «по обстоятельствамъ и по соображенію желанія самыхъ сихъ казаковъ, усмотрѣнію и рѣшенію временнаго Верховнаго правленія...»

«Что же касается Донскихъ казаковъ, то они должны составлять особенный отдѣльный округъ подъ названіемъ Донского удѣла». Пестель высоко цѣнилъ боевыя и служебныя качества донцевъ. «Довести войско посредствомъ экзерциціи до сего рода совершенства никакой нѣтъ возможности, ибо оно есть послѣдствіе общаго образованія, не одного военнаго,но преимущественно и гражданскаго ихъ состоянія. Коренныя правила, съ коими надлежитъ Верховному правленію въ отношеніи къ донскимъ казакамъ сообразоваться, суть слѣдующія: 1) вся земля есть общая принадлежность и всѣ казаки составляютъ только одно сословіе; 2) составивъ Донской удѣлъ изъ 10 начальствъ или уѣздовъ, раздѣлить каждый уѣздъ по удобству на волости или станицы; 3) сохранить иррегулярство донскихъ казаковъ, яко главную принадлежность сего рода войска; 4) раздѣлить донское начальство на мѣстное и военное. Первое должно всегда существовать, второе должно дѣйствіе свое имѣть только во время воинской службы. Первое должно гражданскимъ образомъ устроено быть; второе — воинскимъ образомъ; одно съ другимъ не должно быть смѣшано, и 5) въ мирное время быть всѣмъ казакамъ въ своихъ домахъ, исключая нѣсколькихъ полковъ, необходимыхъ для пограничной стражи, а въ военное время итти имъ къ арміямъ...»

Взгляды Пестеля на особенности казачьяго устройства были довольно правильные. Онъ совершенно точно усвоилъ, что земля на Дону была собственностью всего Войска; онъ понялъ, несмотря на свои объединительно-уравнительныя склонности, что казаковъ нельзя «обратить въ регулярство», сдѣлать крестьянами. Онъ высказалъ справедливый взглядъ, что гражданское устройство Дона должно быть совершенно отдѣлено отъ военнаго.

Въ отрывкѣ «объ управленіи казачьими войсками» Пестель вернулся къ вопросу о землѣ, административномъ устройствѣ края и сословіяхъ на Дону. «Земля, — писалъ онъ, — или недвижимая собственность принадлежитъ станицамъ, т. е. всему обществу вообще, а не частнымъ людямъ; чины-же должны быть только названіе должностей и носимы единственно во время нахожденія въ какой либо должности, а по истеченіи сего времени должны они переходить на другихъ». Во имя общихъ своихъ принциповъ Пестель стоялъ за уничтоженіе сословныхъ различій, дворянства, чиновъ и т. п. Во

имя-же сохраненія «главныхъ свойствъ иррегулярнаго войска, каковое суть казаки и киргизцы», Пестель полагалъ необходимымъ «устранить всѣ причины, могущія произвести въ удѣлахъ (Донскомъ и Аральскомъ) какое бы то ни было различіе между обывателями».

Пестель измѣнялъ предѣлы Земли Донскихъ казаковъ. «Отъ земли казаковъ, — писалъ онъ, — надлежитъ отдѣлить Міусское начальство, населенное не казаками, но переселенными русскими мужиками, подвластными нѣкоторымъ казачьимъ фамиліямъ. За то присоединить къ сему удѣлу для округленія онаго: 1) часть Таганрогскаго округа,*) за исключеніемъ самаго г. Таганрога и земли отъ сего города до мѣстечка Синявки; 2) гор. Азовъ съ его округомъ; 3) весь почти Новохоперскій уѣздъ Воронежской губерніи, и 4) ту маленькую часть Екатеринославской губерніи, которая лежитъ къ востоку отъ Славяносербска. Межевая черта можетъ итти отъ Синявки прямо на Славяносербскъ.

«Донской удѣлъ можетъ всего удобнѣе раздѣленъ быть на 10 уѣздовъ (начальствъ): 1) Черкасскій уѣздъ; 2) Азовскій; 3) Манычской; 4) Сальской; 5) Донецкій; 6) Медвѣдицкій; 7) Чирскій; 8) Мигулинскій; 9) Зотовскій и 10) Хоперскій. Удѣльнымъ городомъ можетъ быть Новочеркасскъ или какой либо другой городъ по желанію и выбору самихъ казаковъ . . .»

Каждое «начальство» (уѣздъ) Пестель дѣлилъ на 10 станицъ или волостей. Станица управлялась-бы земскою управою, образованною точно такъ, какъ и въ прочихъ Округахъ, съ тою разницею, что старшинъ никогда не было бы ни менѣе, ни болѣе двадцати одного. Уѣздъ, или начальство, управлялся-бы частною управою, устроенной на подобіе уѣздныхъ. Весь-же удѣлъ управлялся-бы войсковою управою, образованною на подобіе окружныхъ управъ.

«Предводитель войсковой управы именовался-бы атаманомъ. Старшины во всѣхъ управахъ «земскихъ» и «частныхъ», кромѣ предводителей, назначаться-бы должны отъ самихъ казаковъ на три года посредствомъ выборовъ, могущихъ происходить на томъ-же основаніи, какъ и въ прочихъ округахъ. Третья часть старшинъ долженствовала-бы ежегодно выбывать изъ управъ и быть замѣняема другими. Въ Войсковой Управѣ назначался-бы отъ правительства на неопредѣленное время предводитель, или атаманъ, и всѣ четыре предсѣдателя; прочіе-же старшины назначались-бы выборомъ на подобіе старшинъ въ частныхъ и земскихъ управахъ. Точно такъ же назначались-бы во всѣхъ управахъ предводители отъ правительства.

*) Повидимому, Таганрогскимъ «Округомъ» называлъ Пестель Ростовскій уѣздъ и Таганрогское градоначальство. Уѣздныя учрежденія Ростовскаго уѣзда нѣкоторое время находились въ г. Таганрогѣ. а не въ Ростовѣ.

Пестель нѣсколько болѣе, чѣмъ Муравьевъ, зналъ и цѣнилъ казачество, но все же онъ не представлялъ себѣ исторіи Дона. Атаманы по назначенію изъ центра должны были, по его идеѣ, служить укрѣпленію Государства Россійскаго «единаго и нераздѣлимаго». Всякую мысль «о федеративномъ для него устройствѣ» Пестель «отвергалъ совершенно, яко пагубнѣйшій вредъ и величайшее зло...»

Глава XXIX.

Выступленіе Иловайскаго въ защиту автономіи (1826).

Декабрьскіе дни 1825 г. прошли на Дону тихо. Равнымъ образомъ, изъ донскихъ вольнодумцевъ пострадалъ лишь Сухоруковъ, но и то не вдругъ, а позже, въ 1827 г. Только въ сосѣднемъ Ростовѣ на Дону (Екатеринославской губ.) былъ арестованъ ѣхавшій въ Одессу съ Кавказа бывшій чиновникъ грузинской «конторы» Василій Сухачевъ. Онъ застрялъ осенью 1825 г. въ Ростовѣ, ѣздилъ неоднократно въ Новочеркасскъ и возбудилъ подозрѣнія ростовскаго городничаго тѣмъ, что имѣлъ много книгъ (!). Рядомъ-же, въ Таганрогѣ, долженъ былъ поселиться имп. Александръ I. Сухачева обыскали, арестовали и отправили въ Таганрогъ, а оттуда въ Одессу. Связи свои съ Новочеркасскомъ онъ объяснилъ удовлетворительно, но у него нашли рукописи «либеральнаго» содержанія, переводъ «Объявленія правъ человѣка и гражданина» и т. п.*)

Однако-же, начало царствованія Николая I ознаменовалось своеобразнымъ автономистическимъ выступленіемъ Дона. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ явился въ данномъ случаѣ самъ войсковой атаманъ А. В. Иловайскій. Выступленіе его по формѣ своей было архилегальнымъ, но по обстоятельствамъ дѣла не было лишено наивности.

Только что новый императоръ подавилъ вооруженною рукою конституціонно-революціонное выступленіе радикальнаго дворянства. Только что, по поводу 14 декабря 1825 г. атаманъ отдалъ по Войску благонамѣреннѣйшій приказъ, сообщая «о гнусномъ намѣреніи злыхъ заговорщиковъ». Только что Иловайскій напоминалъ донцамъ о похвальной грамотѣ 1706 г. Войску за то, что оно не пристало къ астраханскому мятежу и ручался, что всѣ казаки готовы «пожертвовать послѣднею каплею крови своея за царствующій домъ и за всемилостивѣйшаго государя... Николая Павловича».

---

*) Исторія этого «декабриста» разсказана П. Е. Щеголевымъ въ связи съ дѣломъ Грибоѣдова. Щеголевъ «Грибоѣдовъ и декабристы» (по архив. даннымъ изд. Суворина, СПБ., 1905.

И, вдругъ, онъ сдѣлалъ шагъ въ стилѣ «гнусныхъ и злыхъ заговорщиковъ», обратился къ Николаю I съ заявленіемъ рѣзко автономистскаго характера. 10-го августа 1826 г. Иловайскій, находясь въ Москвѣ, во время коронаціи, подалъ имп. Николаю записку о дѣлѣ, которое «тяготило его душу», отъ котораго зависѣлъ «жребій цѣлаго Донскаго войска».

Иловайскій предупреждалъ Николая, что въ проектѣ Положенія, который долженъ былъ быть ему представленъ вскорѣ, допущены многія ошибки. Онъ примѣнялъ втеченіе трехъ лѣтъ предположенія Комитета къ дѣйствіямъ войскового управленія, и они оказались — «одни недостаточными, другія нѣсколько несообразными съ порядкомъ вещей или противорѣчашими пользамъ края нашего; иныя-же вовсе невозможными въ исполненіи...»

Причины этого Иловайскій видѣлъ въ составѣ Комитета и въ «производствѣ его дѣла».

«Въ составѣ Донскаго Комитета не было ни одного члена, избраннаго Донскимъ Войскомъ...» Были назначенные, сперва одни, потомъ другіе. Но «члены, избранные всѣмъ Войскомъ и облеченные довѣріемъ всего общества, знали бы пользы его и внутреннее положеніе вѣрнѣе и точнѣе, нежели назначенные по выбору кого либо (!)...» «Комитетъ никогда не принялъ бы столь несоотвѣтственнаго мнѣнія, каково открывается теперь въ правилахъ о поземельномъ надѣлѣ мелкопомѣстныхъ чиновниковъ, если бы присутствовалъ въ ономъ хотя одинъ членъ, принадлежащій сему классу...» Иловайскій считалъ, что эти правила «окажутся совершенно противными привиллегіи донскихъ офицеровъ, состоящей въ раздачѣ имъ земли во всегдашнее владѣніе...»

Затѣмъ Иловайскій обвинялъ Чернышева въ неисполненіи высочайшей воли. Денисовъ представилъ, а Александръ I утвердилъ, чтобы комиссія «собрала воедино всѣ бывшія постановленія о Донскомъ Войскѣ, въ разныхъ государственныхъ узаконеніяхъ разсѣянныя, равнымъ образомъ всѣ собственные распорядки и обычаи войска, имѣющіе на Дону силу закона, но во многомъ отступившіе отъ коренныхъ началъ своихъ, сообразила-бы съ настоящимъ духомъ народа, съ мѣстнымъ положеніемъ вещей и съ точнымъ смысломъ правъ и привилегій, войску дарованныхъ, и такимъ порядкомъ составила бы цѣлое, полное и ясное законоположеніе для Донского края...» Иловайскій напоминалъ и указъ 10 марта 1820 г., слова Александра I: «Я съ удовольствіемъ принимаю и одобряю намѣреніе ваше собрать воедино всѣ узаконенія относительно Войска Донскаго, въ различныя времена и по разнымъ случаямъ изданныя...»

«При самомъ приступѣ къ занятіямъ своимъ, — констатировалъ Иловайскій, — Комитетъ опустилъ изъ вида сію цѣль и, вмѣсто того, чтобы начать составленіе полнаго свода всѣхъ

существующихъ постановленій и обычаевъ Донскаго Войска, онъ, по внесенной въ первомъ присутствіи запискѣ ген.-ад. Чернышева, потребовалъ отъ Войсковой Канцеляріи разныхъ свѣдѣній, отдѣльно по нѣкоторымъ военнымъ и гражданскимъ частямъ, а потомъ, по мѣрѣ полученія сихъ свѣдѣній, занимался обсужденіемъ самыхъ предметовъ и, такимъ образомъ, дѣлалъ опредѣленія свои для будущаго законодательства.

«Не чувствительно порядокъ сей утвердился навсегда, одинъ предметъ смѣнялся другимъ, оканчивался положительно и давалъ мѣсто новому; къ составленію-же свода существующихъ постановленій Комитетъ уже не обратился... Такимъ образомъ, Комитетъ окончилъ весь свой трудъ отдѣльными постановленіями, по каждому предмету особо. Положенія сіи послѣ того изложены въ систематическомъ порядкѣ, въ Петербургѣ, ген.-ад. Чернышевымъ и т. с. Болгарскимъ...

«Осмѣливаюсь повторить..., что Донскому Комитету, приступая къ сочиненію закона, необходимо надлежало имѣть въ виду полный сводъ постановленій и обычаевъ, ибо тогда только онъ ясно могъ-бы видѣть, — что именно въ существующемъ порядкѣ вещей нужно дополнить, измѣнить, или вовсе уничтожить, сообразно духу и нравамъ народа. Но онъ съ первою своею ошибкою соединилъ другую, — именно: объ обычаяхъ, имѣвшихъ на Дону силу закона, онъ не сдѣлалъ даже вопроса и вовсе не имѣлъ ихъ въ виду. Единственно отъ сего произошли погрѣшности, допущенныя въ правилахъ о «станичномъ управленіи» и «объ управленіи калмыками»: ибо оныя донынѣ основаны исключительно на обычаяхъ, освященныхъ временемъ. Не сохранить ихъ значитъ потрясти права и привилегіи донскихъ обитателей; наиболѣе сего неминуемо ожидать надлежитъ отъ допущенныхъ измѣненій въ «станичномъ управленіи...»

Иловайскій просилъ повелѣть — «приготовленное положеніе для Донскаго края еще разсмотрѣть, съ большимъ вниманіемъ, членамъ, избраннымъ всѣмъ войсковымъ обществомъ.

«Правительство войсковое обязано будетъ вручить имъ полный сводъ всѣхъ существующихъ постановленій и обычаевъ, который составитъ подъ наблюденіемъ правительствующаго. Довѣренные члены будутъ вполнѣ знать мѣстныя положенія вещей на Дону и обстоятельства своего сословія.

«Они, сообразивъ составленный Комитетомъ проектъ съ упоминаемымъ сводомъ древнихъ постановленій, утвержденныхъ временемъ и благостью августѣйшихъ монарховъ нашихъ, вникнутъ во всѣ мѣстныя обстоятельства, въ самыя права и обычаи страны и потомъ сдѣлаютъ, въ чемъ найдутъ нужнымъ, замѣчанія свои и представятъ оныя вмѣстѣ съ прежнимъ проектомъ...»

Записка эта, несомнѣнно, была направлена противъ Чернышева и его кавалерійскихъ наѣздовъ въ области мѣстнаго

законодательства. Но гораздо болѣе глубокое значеніе имѣло столкновеніе донского историческаго права, всѣхъ этихъ «обычаевъ, имѣющихъ силу закона», правъ и привиллегій, подтвержденныхъ императорскимъ словомъ ряда монарховъ, съ одной стороны, и имперскаго права, которое насаждалось на Дону, точно это была tabula rasa демократическаго цезаризма, самодержавнаго законодательствованія, съ другой стороны. Атаманъ настаивалъ на правѣ Дона, чтобы основной законъ о немъ былъ разсмотрѣнъ и одобренъ выборными отъ Войска. Слабымъ пунктомъ въ его выступленіи была ссылка на «войсковое общество», «войсковое сословіе»: подъ этимъ именемъ уже привыкли понимать не все казачество, а одно лишь дворянство донское. Но, принимая во вниманіе связь Иловайскаго съ кружкомъ Сухорукова, а не только съ однимъ дворянствомъ, можно сказать, что устами атамана весь Донъ протестовалъ противъ «потрясенія правъ и привиллегій донскихъ обитателей».

Заявленіе Иловайскаго, особенно послѣ расправы съ декабристами, только что учиненной, звучало особенно сильно. Николай I передалъ записку Чернышеву для отзыва. Послѣдній объяснилъ все дворянской интригой.

«Возбужденные отъ глубокаго унынія къ надеждѣ, — писалъ Чернышевъ, — они (простые казаки) тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ новаго закона, подъ сѣнью коего могутъ обрѣсти довольство и правосудіе, что, во первыхъ, ежегодное чтеніе высочайшихъ грамотъ и рескриптовъ возобновляетъ въ умахъ ихъ попеченіе о непремѣнной волѣ государей сохранить дарованныя войску привиллегіи неприкосновенными на вѣчныя времена, и во-вторыхъ, что войсковое начальство, при всѣхъ справедливыхъ жалобахъ казаковъ на терпимое ими стѣсненіе, отлагаетъ удовлетвореніе до «Новаго положенія». Сіе общее чувство казаковъ раздѣляютъ и чиновники безпомѣстные, живущіе въ станицахъ и, по оскуденію въ довольствіяхъ, едва снискивающіе тамъ средства къ своему содержанію.

«Справедливость и основательность таковой надежды терпящихъ доказывали сами помѣстные чиновники тѣмъ, что когда видѣли съ одной стороны себя обличенными въ противозаконныхъ захватахъ общаго достоянія, а съ другой — твердое намѣреніе правительства положить конецъ своевольству ихъ, то, во все время занятій Комитета на Дону, пребывали совершенно бездѣйственными и даже расположились и были готовы къ безмолвному исполненію тѣхъ мѣръ, какія правительство признаетъ нужными для общаго устройства Донскаго края.

«Но коль скоро примѣтили, что утвержденіе проекта замедлилось, а можетъ быть свѣдали и о возникшемъ въ пользу ихъ разногласіи по Комитету, то вдались въ суетные толки и исканія и, связями родства и иными выгодами старались

войсковую власть преклонить къ своимъ видамъ, дабы совокупно устремиться на удержаніе прежняго порядка вещей, въ чемъ однако-же не успѣвали, доколѣ власть сія остерегалась и, такъ сказать, не ознакомилась съ соблазнительными дѣйствіями господствовавшаго тамъ произвола.

«Изъ сего слѣдуетъ, что если бы общее преобразованіе по войску еще замедлилось, или было отложено, тогда самое малое число изъ его обитателей, увлеченное удачею своихъ происковъ, паки обратится, но съ сугубою уже дерзостью, на притѣсненіе слабѣйшихъ; многочисленный-же и полезнѣйшій классъ жителей долженъ погрузиться въ прежнее уныніе и, поелику тяжесть положенія его выйдетъ изъ всякой мѣры, то правительство, для удовлетворенія справедливыхъ жалобъ обиженныхъ, рано или поздно вынуждено будетъ прибѣгнуть къ тѣмъ-же средствамъ, кои предложилъ Комитетъ», но путемъ уже «сильнѣйшихъ мѣръ».

Весьма интересны и крайне поучительны разсужденія Чернышева, написанныя имъ въ отвѣтъ на письмо Иловайскаго къ Николаю I отъ 10 авг. 1826 года. Оно, по словамъ Чернышева, — «обращаетъ на себя особенное вниманіе по духу, или образу мыслей, его отличающему...»

«Атаманъ, охуждая составъ и порядокъ занятій Комитета, — бывшій, по словамъ его, главною причиною недостатковъ въ самомъ проектѣ положенія, и испрашивая дозволенія пересмотрѣть оный на Донъ, — явно присвояетъ небывалое въ Россіи право избранія довѣренныхъ членовъ общества или народныхъ представителей, которые-бы, составляя для себя законы, находились въ непосредственномъ отношеніи къ Государственному Совѣту; себѣ-же лично (присваиваетъ) наименованіе «правительствующаго».

Чернышевъ видѣлъ въ подобномъ конституціонализмѣ потрясеніе существующихъ основъ. «Въ государствѣ, — писалъ онъ, — гдѣ всякій законъ и всякое начальство проистекаютъ отъ единой, самодержавной власти Государя, подобныя присвоенія, и даже самыя мысли объ оныхъ, не должны быть терпимы, наипаче въ лицѣ начальника военной области, гдѣ безмолвное повиновеніе есть существенная основа всѣхъ дѣйствій...»

«Доселѣ, — доказывалъ Чернышевъ безъ особаго основанія, — въ Россіи ни одна область не имѣла права избирать представителей. Финляндія, Бѣлостокъ и Сибирь въ недавнее время получили новое устройство, основанное на соображеніяхъ комитетовъ или лицъ, кои были назначены отъ государя... Но нигдѣ и ни въ какое время не было допускаемо у насъ право избранія представителей, кои бы сами для себя составляли законы и находились въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Государственнымъ Совѣтомъ.

«Тѣмъ менѣе могло быть таковое дано Донскому Вой-

ску, зависѣвшему начально отъ иностранной, а потомъ отъ военной коллегіи, впослѣдствіи-же — отъ общаго порядка въ государствѣ, какъ по военному, такъ и по гражданскому его управленію, и никогда еще не имѣвшему у себя ни «правительствующаго», ни «правительства», а просто — атамана и Войсковую Канцелярію, составляющихъ мѣстное начальство въ Войскѣ, въ видѣ губернскаго...»

Мы знаемъ, что въ послѣднемъ отношеніи Чернышевъ былъ неправъ, и что донское историческое право разсматривало атамана, именно, какъ «правительствующаго», и что втеченіе ста лѣтъ Имперія усиленно старалась превратить атамана въ «мѣстное начальство» въ видѣ «губернскаго», а самый Донъ въ губернію.

«Между донскими чиновниками, — продолжалъ Чернышевъ, — особенно зажиточными и имѣвшими власть въ своихъ рукахъ, кои съ нѣкотораго времени подстрекаются сужденіями обучавшихся въ университетахъ, всегда замѣчались мечтательныя мысли на счетъ самостоятельности ихъ отчизны; но сіе, частное и чуждое для общества, заблужденіе должно было исчезнуть само собою, коль скоро ясные законы стали бы направлять каждаго къ точному исполненію его обязанностей.

«Если-же самъ начальникъ войска начинаетъ говорить въ семъ духѣ предъ В. Имп. Величествомъ, то мнѣнія его уже дѣлаются опасными и не могутъ быть допускаемы, потому что легко распространились бы въ обществѣ, отъ вліянія его зависящемъ и со временемъ превратились-бы въ сужденія вольнодумныя...»

Чернышевъ былъ правъ, говоря, что заявленія, вродѣ тѣхъ, что дѣлалъ Иловайскій, опасны для самодержавнаго правительства. Но Чернышевъ не ограничился лишь общими разсужденіями, что въ Россіи никогда не существовало народнаго представительства, ни въ коренной странѣ, ни въ присоединенныхъ краяхъ. Онъ попытался доказать, что выборы были-бы невозможны, собственно, и на Дону.

«Въ дѣлѣ общемъ, каковое есть устройство цѣлаго войска, — писалъ онъ, — чиновники и казаки должны бы имѣть равное участіе и, слѣдовательно выборъ довѣренныхъ членовъ, по справедливости, одинаково принадлежалъ-бы обоимъ сословіямъ...» Разсужденіе правильное, ибо въ XVI и XVII в.в. такъ оно на Дону и было. «Но, — продолжалъ свои разсужденія Чернышевъ, — если бы сіе было допущено, то, во первыхъ казачьи представители, защищая коренныя права свои, не избѣжали бы необходимости оскорбленія своихъ начальниковъ, оныя нарушившихъ, и тѣмъ ослабили бы военную дисциплину; оставаясь-же безмолвными противъ утѣснителей, они невозвратно теряли бы существенныя пользы своего сословія; и, во вторыхъ, представители чиновниковъ должны

были бы состязаться съ терпящими отъ нихъ подчиненными и содѣлаться судьями въ собственномъ дѣлѣ...» Аргументы эти Чернышевъ считалъ неопровержимыми и не развивалъ ихъ далѣе, хотя донцы отвѣтили бы на это, что нужно возобновить выборность должностей, уничтожить дворянское званіе на Дону, которое самъ-же Чернышевъ считалъ нелегальнымъ, и возстановить «съѣзжій Кругъ» изъ представителей станицъ.

Болѣе основательны были возраженія Чернышева по вопросу о раздачѣ войсковыхъ участковъ низшему офицерству въ пожизненное пользованіе. Иловайскій полагалъ, что участки и низшему офицерству должны нарѣзаться въ полную собственность. Чернышевъ, который провелъ въ «Комитетѣ 1819 г.» принципъ, что дальнѣйшая раздача войсковой земли въ частную собственность должна быть прекращена, стоялъ на принципіальной точкѣ зрѣнія.

«По всѣмъ грамотамъ, указамъ и постановленіямъ, — писалъ Чернышевъ, — удостовѣрено то, что дарованныя отъ... государей привиллегіи, преимущества и выгоды принадлежатъ всему Войску Донскому, но не лично сословіямъ его составляющимъ, и что коренной порядокъ довольствія землями на Дону — есть «общественный», по коему каждый войсковой обитатель пользуется, сколько ему нужно, безъ обиды другого, но не имѣетъ права ничего почитать исключительно своею принадлежностью.

«По свѣдѣніямъ-же, собраннымъ на мѣстѣ, извѣстно, что въ прежнія времена всѣ офицеры Донскаго Войска довольствовались землями въ станицахъ, гдѣ жили, на общественномъ правѣ съ казаками, а теперь, одни только главнѣйшіе числомъ, безпомѣстные, довольствуются на семъ основаніи и вмѣстѣ съ казаками терпятъ оскудѣніе въ необходимыхъ угодьяхъ; нѣкоторая-же часть донскихъ чиновниковъ, — помѣстные и мелкопомѣстные, — своевольно или по потворству мѣстной власти захватили изъ общественныхъ и даже станичныхъ земель отдѣльныя пространства и, заселивъ крестьянами, владѣютъ незаконно...»

«Но, ежели-бы онъ (Иловайскій) столь страшную мысль свою основалъ на томъ, что войсковое начальство, — впрочемъ никогда не имѣвшее права, ни разрѣшенія отъ высочайшей власти раздавать общественное достояніе въ частную принадлежность, — самовластно попустило чиновниковъ занимать войсковыя земли и селить крестьянъ съ притѣсненіемъ коренныхъ жителей, то сіе основаніе должно разрушиться само собою, коль сдѣлалось гласнымъ предъ высшимъ правительствомъ, ибо возникло внѣ закона и могло существовать единственно потому, что было скрываемо мѣстною властью, которая, за нарушеніе своихъ обязанностей, подлежитъ строгому отвѣту...»

Отсюда, казалось-бы, Чернышевъ долженъ былъ сдѣлать выводъ, что не только не нужно отводить въ вѣчное владѣніе участковъ «безпомѣстнымъ» чиновникамъ, но и отобрать немедленно все, что было похищено у Войска крупными, средними и мелкими «помѣщиками» Войска Донскаго. Но этого вывода не сдѣлалъ ни Чернышевъ, ни самодержавное правительство. Онъ былъ сдѣланъ Войсковымъ Кругомъ въ 1918 г., хотя, фактически, не осуществленъ и тогда (1918—1920 г. г.). Замѣчанія свои Чернышевъ заканчивалъ указаніемъ на «истинную цѣль ходатайства Иловайскаго, который, слѣдуя примѣру своихъ предшественниковъ, благовидно ищетъ преклонить Ваше Величество къ одобренію сокровеннаго замысла донскихъ помѣстныхъ чиновниковъ, устремляющихся къ тому единственно, чтобы, отстранивъ всякое постороннее участіе и получивъ въ свои руки проектъ положенія, составить на оный такія замѣчанія, кои бы, подъ предлогомъ пересмотра древнихъ постановленій и обычаевъ, уничтожили все, что начертано въ проектѣ для возстановленія угнетеннаго состоянія казаковъ и для водворенія въ войскѣ строгаго и прочнаго порядка, и, силою уже общаго постановленія, утвердить господствующіе въ семъ краю произволъ и безотчетность».

Николай I согласился съ предложеніемъ Чернышева, чтобы «изъясненія» Иловайскаго были переданы на разсмотрѣніе Донскаго Комитета, т. е. — по существу — того-же Чернышева. 30 ноября 1826 г. удалили отъ должности правителя дѣлъ Комитета донского полковника Шумкова, а на его мѣсто назначили не-войскового военнаго совѣтника. Затѣмъ Чернышевъ подготовилъ обвинительную записку противъ Иловайскаго, которую представилъ въ началѣ іюня 1827 г. Атаману ставили въ вину «произволъ, совершенную безотчетность и повсемѣстный непорядокъ». Иловайскій не «приспособлялъ дѣйствія свои къ предположеніямъ Комитета», т. е. Чернышева, и это было, конечно, главнѣйшее его преступленіе. Онъ не обратилъ вниманія на увеличеніе «способовъ для составленія капиталовъ, — военнаго и вспомогательнаго, — предназначенныхъ Комитетомъ для обезпеченія всѣхъ военныхъ надобностей и для пособія офицерамъ и казакамъ при выходахъ на службу». Судебныя мѣста по Войску обременены были множествомъ нерѣшенныхъ дѣлъ и арестантовъ.

«По занятію всѣхъ внутреннихъ должностей въ Войскѣ одними природными донскими чиновниками, вліяніе прокурора и стряпчихъ на успѣшное и правильное теченіе дѣлъ нигдѣ столько не нужно, какъ на Дону; но бывшіе тамъ прокуроры или оставались безгласными или искали случаевъ, чтобы удалиться оттуда. Причиною сему то, что къ званію прокурора нѣтъ никакого уваженія и, если онъ безпристрастно исполняетъ долгъ свой, тогда подвергается различнымъ оскорбленіямъ и дѣйствію гнусной клеветы предъ его начальникомъ».

Иловайскій обвинялся въ томъ, что за 5 лѣтъ не сдѣлалъ «обозрѣнія окружныхъ мѣстъ и станицъ». «Войсковое хозяйство управляется произволомъ»: въ 1824 г. было 500 тыс. руб. годового расхода, а въ 1825 г. уже 900 тыс. руб. Отчеты объ управленіи за 6 лѣтъ никуда никому не представлялись. Требованіе Комитета о прекращеніи, до «Новаго Положенія», раздачи и заимки войсковыхъ земель не соблюдалось. Иловайскій не доносилъ въ Комитетъ о ходѣ управленія и т. д.

7 іюня 1827 г. послѣдовалъ указъ объ увольненіи Иловайскаго и о замѣнѣ его «наказнымъ атаманомъ» Кутейниковымъ. Такимъ образомъ, Иловайскій былъ послѣднимъ войсковымъ атаманомъ Войска Донскаго. Для производства строгаго слѣдствія объ уволенномъ атаманѣ и его сотрудникахъ былъ командированъ на Донъ ген.-м. графъ Гурьевъ, и при немъ жандармскій полковникъ Шаминъ и нѣсколько чиновниковъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. Въ 1827 г. Чернышевъ былъ уже графомъ, товарищемъ начальника Главнаго Штаба Его Величества, сенаторомъ и управляющимъ военнымъ министерствомъ. Онъ хотѣлъ примѣрно наказать Донского атамана, который осмѣлился вскрыть неправильность его дѣйствій предъ императоромъ.

Не желая дожидаться, пока Положеніе, имъ сочиненное, пройдетъ всѣ инстанціи, онъ предложилъ Николаю «постепенно вводить нѣкоторые пункты Положенія до просмотра его въ Государственномъ Совѣтѣ». Большую часть мѣръ повелѣно было осуществить наказному атаману Кутейникову. Чернышевъ пояснялъ: «всѣ изложенныя мѣры, не измѣняя ни въ чемъ существующаго въ войскѣ управленія и формы дѣйствій, постепенно ознакомятъ его съ порядкомъ, хозяйственною бережливостью и строгою отчетностью; нечувствительно утвердятъ ихъ во всѣхъ отрасляхъ всего управленія и, пресѣкая укоренившіяся злоупотребленія и своевольства, дѣйствительно могутъ приуготовить всѣ части къ удобнѣйшему введенію «Новаго Положенія», коль скоро удостоятся онѣ высочайшаго утвержденія, ибо тогда проектъ сей не будетъ уже ни для кого новымъ, но всѣмъ извѣстенъ и понятенъ». Еще-бы!... Чернышевъ могъ-бы добавить, что его законодательное твореніе избѣгнетъ не только сравненія съ «древними обычаями Войска, имѣющими силу закона», не только критики мѣстныхъ людей, но даже и критики Государственнаго Совѣта, ибо все уже будетъ введено по частямъ въ жизнь.

По слѣдствію, произведенному гр. Гурьевымъ, были преданы суду: Иловайскій, его дежурный штабъ: офицеръ полк. Шумковъ, полк. Егоровъ и подп. Баладинъ. По рѣшенію суда Иловайскій, Шумковъ и Егоровъ — уволены отъ службы, а Баладинъ, командиръ «рабочаго донскаго полка» — лишенъ чиновъ. Изъ самаго наказанія видно, что это была расправа властнаго Чернышева съ непокорнымъ представителемъ Дона.

Будь Иловайскій хоть въ чемъ нибудь виновенъ, съ нимъ бы расправились серьезнѣе.*)

Теперь предстояло расправиться съ тѣми «обучавшимися въ университетахъ», которые подстрекали войсковое начальство «къ мечтательнымъ мыслямъ насчетъ самостоятельности ихъ отчизны». Правительство не дозналось о связи Сухорукова съ декабристами и о донскомъ кружкѣ. Но оно заподозрило, что источникъ «мечтательнаго» донского автономизма заключается въ сообщеніи Сухоруковымъ свѣдѣній о прошломъ Дона, извлеченныхъ изъ архивовъ. Въ января 1827 г. отъ Сухорукова потребовали представить опись всѣмъ находившимся у него актамъ, а также «чистосердечно и откровенно» объяснить, не было-ли когда нибудь съ актовъ, относящихся до привиллегій Войска, выдано кому либо копій «по службѣ или партикулярно». Въ февралѣ 1827 г., черезъ наказнаго атамана Андріянова, Сухорукову предписано было сдать всѣ бумаги, подъ страхомъ строжайшей отвѣтственности.

27 іюля Сухоруковъ сдалъ всѣ «акты, матеріалы, полубѣловыя и черновыя тетради составленной уже статистики и исторіи и всѣ безъ исключенія записки». Немедленно вслѣдъ затѣмъ онъ былъ отправленъ «на службу» въ отдѣльный Кавказскій корпусъ. Черезъ три года его послали въ Финляндію, на три года, послѣ чего онъ съ трудомъ выпущенъ былъ на льготу на три года, съ 1836 по 1839 г. снова на Кавказъ, и лишь въ 1839 г., по разстроенному здоровью, выпустили въ отставку. Умеръ онъ 13 авг. 1846 г.

Чернышевъ не ошибся, считая, что Сухоруковъ былъ авторомъ письма Иловайскаго на высочайшее имя, и онъ до смерти донского историка пристально слѣдилъ за нимъ, не давая ему побыть долго въ одномъ мѣстѣ и получить какую либо иную службу, кромѣ строевой. Если бы Чернышевъ узналъ о кружкѣ донскихъ декабристовъ, судьба Сухорукова была бы гораздо болѣе тяжкой.**)

Самый трудъ его, доведенный до 1709 г., былъ законченъ его бывшими сотрудниками лишь въ 1830—1833 г. г., подвергся жестокой цензурѣ и искаженіямъ, и въ 1834 г. поднесенъ гр. Чернышеву, Николаю I и наслѣднику Александру Николаевичу. Имъ пользовались въ рукописи всѣ писавшіе о Донѣ. Въ 1867 г. первая часть труда была напечатана въ газ. «Донской Вѣстникъ» и выпущена отдѣльнымъ изданіемъ (Новочерк., 1867); вторую часть въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ выпустилъ Областной Войска Донскаго Статистическій

---

*) Н. И. Красновъ «Атаманъ В. Д. Иловайскій 1821—1827», «Русс. Стар.», 1875, IV.

**) О Сухоруковѣ: «Древ. и Нов. Россія», 1877, IX, 90; «Дон. Вѣстн.», 1867, NN 27—29; «Р. Ст.» 1871. II, 236; «Р. Ст.», 1874, V, с. 7, прим.; Красновъ. «Р. Ст.», 1875, V, с. 42; предисл. къ «Ист. Описанію З. В. Д.», 1903, с. I—VII; «Сборн. Обл. В. Дон. Стат. Ком.», т. I, III и др.

Комитетъ въ 1872 г. Онъ-же объ части выпустилъ въ одномъ томѣ въ 1903 г. подъ названіемъ: «Историческое описаніе Земли Войска Донскаго», изд. 2-е Обл. В. Д. Стат. Комитета, Новочеркасскъ, 1903, с. VII 399 39. Но и на этомъ изданіи не было выставлено имени автора.

Глава XXX.

„Положеніе“ 1835 года. Введеніе его въ дѣйствіе. Высшее мѣстное управленіе.

На постъ атамана, вмѣсто Иловайскаго, былъ назначенъ реакціонный и подобострастный исполнитель велѣній Чернышева, донской генералъ-маіоръ Д. Е. Кутейниковъ (7 іюня 1827 г.), съ званіемъ наказнаго атамана. Какова была атмосфера, царившая на Дону при немъ, можно судить по сообщенію, которое сдѣлалъ въ Петербургѣ (въ августѣ 1827 г.) ген.-м. И. А. Андріяновъ, исправлявшій временно должность наказнаго атамана. Онъ писалъ, что «въ Новочеркасскъ прибылъ бывшій атаманъ Иловайскій; что въ Новочеркасскѣ дѣлаются тайныя и явныя неблагонамѣренныя сходбища, что въ нихъ участвуютъ полиціймейстеръ, пристава и квартальные (!); что чиновники сіи такъ сомнительны, что онъ находитъ нужнымъ перемѣнить ихъ». *)

Андріяновъ, конечно, хватилъ черезъ край, и это далъ ему почувствовать даже Кутейниковъ, высказавшій въ письмѣ изумленіе, что «при благоразумномъ правленіи» Андріянова «могли возникнуть тайныя и явныя сходбища, неблагонамѣренныя...» Кутейниковъ напоминалъ своему временному замѣстителю: «управляя войскомъ со всею властью мѣстнаго начальника, вы изволите имѣть въ рукахъ всѣ средства знать не только явныя, но и тайныя сходбища и, если цѣль ихъ неблагонамѣренная, уничтожать ихъ». По разсказамъ современниковъ эти «сходбища» были ничто иное, какъ выраженія симпатіи со стороны лицъ, сочувствовавшихъ выступленію Иловайскаго, или обязанныхъ лично бывшему атаману.

Атаманство Кутейникова было эпохой застоя и реакціи, гоненій на просвѣщеніе. Въ 1830 г., во время холеры, атаманъ поспѣшилъ уѣхать на кавказскія минеральныя воды, оставивъ замѣстителемъ энергичнаго ген.-м. М. Г. Власова. Въ 1833—1834 г. г. Донъ былъ постигнутъ неурожаемъ хлѣба и травъ, но распоряженія атамана были крайне слабы, а правительственныя пособія хлѣбомъ и деньгами лишь въ немногихъ мѣстахъ, да и то съ опозданіемъ дошли до населенія. Большая-же часть

*) Н. Красновъ «Д. Е. Кутейниковъ, атаманъ Войска Донскаго (1827—1836)» «Р. Ст.», 1875, V, с. 41 и сл.

ихъ была расхищена мелкими властями. Зато черезъ Черныше-ва Кутейниковъ получилъ рядъ наградъ за его послушаніе.

Впрочемъ, и онъ не угодилъ, въ концѣ концовъ, всемогущему военному министру, и долженъ былъ уйти въ отставку.

При Николаѣ I произошли слѣдующія измѣненія въ управленіи Войскомъ. 2-го окт. 1827 г. девятилѣтній наслѣдникъ престола, в. кн. Александръ Николаевичъ былъ назначенъ Атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ. Это званіе носило чисто почетный характеръ. Порядокъ подчиненности остался прежній, и августѣйшему атаману лишь изрѣдка посылались чисто формальные рапорты. Политическое значеніе имѣло это назначеніе только въ отношеніи тѣхъ казачьихъ войскъ, которыя до присоединенія къ Россіи, были независимыми государственными образованіями, какъ Войско Донское, Уральское, Терское. Другія-же «войска» казачьи, созданныя по указамъ царскимъ въ XVIII—XIX вѣкахъ, были лишь военно-служебными казачьими общинами, и назначеніе атаманомъ наслѣдника носило для нихъ характеръ почетнаго шефства. Что касается Дона и Урала, то имена этихъ присоединенныхъ въ 1721 г. къ Россіи краевъ не вошли въ титулъ императора; въ титулъ-же наслѣдника они вошли лишь въ общей формѣ, безъ упоминанія спеціально о нихъ, наравнѣ съ другими войсками, возникшими на иной правовой основѣ. Все-же можно безъ натяжки сказать, что званіе атамана всѣхъ казачьихъ войскъ ввело впервые въ державный россійскій титулъ прежнія автономныя казачьи области Россіи.

Кутейниковъ въ рабскихъ выраженіяхъ «преклонялъ съ умиленіемъ сердечное благодареніе Его Императорскому Величеству за толикія щедроты и милости къ Войску Донскому, — милости по истинѣ неизреченныя и всѣ, донынѣ бывшія, превосходящія . . .»

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Кутейниковъ вознамѣрился было отвезти въ Петербургъ юному Атаману знаки атаманскаго достоинства, но ему было разъяснено, что это излишне, такъ какъ наслѣдникъ есть Атаманъ всѣхъ казачьихъ войскъ, а не одного Донскаго; знаки-же достоинства онъ будетъ носить во время пребыванія своего на Дону, вручая ихъ, при отъѣздѣ съ Дона, войсковому наказному атаману, какъ своему замѣстителю.

Отнынѣ, втеченіе 90 лѣтъ, донскіе атаманы носили званіе «войсковыхъ наказныхъ атамановъ» (1827—1917).

Достигнувъ шестнадцатилѣтняго возраста в. кн. Александръ Николаевичъ принесъ присягу (22 апр. 1834 г.) «подъ сѣнію знаменъ полковъ лейбъ-гвардіи и знамени Донскаго казачьяго Атаманскаго полка», какъ это было отмѣчено въ рескриптѣ на имя донского атамана. Въ 1837 г. Николай I посѣтилъ Новочеркасскъ и, лично введя наслѣдника въ Войсковой Кругъ, вручилъ ему знаки атаманскаго достоинства. 31 окт.

1850 г. в. кн. Александръ Николаевичъ посѣтилъ Донъ и, въ рѣчи своей на Кругѣ, вспоминая моментъ появленія своего въ Кругу въ 1837 г., заявилъ, что онъ «гордится быть донскимъ Атаманомъ».

Еще въ 1828 г., до утвержденія Положенія о войскѣ Донскомъ, были введены въ жизнь особыя «правила объ управленіи Войскомъ Донскимъ», говорившія о правахъ и обязанностяхъ войскового наказнаго атамана.*) Въ 1829 г. войсковому наказному атаману, по военно-судебнымъ дѣламъ были предоставлены права командира отдѣльнаго корпуса, и въ Новочеркасскѣ была учреждена комиссія военнаго суда. Въ 1833 г. было утверждено положеніе о начальникѣ штаба при наказномъ атаманѣ Войска Донскаго. Начальнику штаба были предоставлены права, въ извѣстныхъ случаяхъ, замѣстителя наказнаго атамана и его помощника по воинской части. Учрежденіе этой должности имѣло характеръ не только технически-административный и военный, но и политическій. Отнынѣ исчезала необходимость въ «наказномъ атаманѣ», котораго оставлялъ на Дону, уѣзжая войсковой атаманъ.

Политическое значеніе новой должности обнаружилось въ 1835 г., когда Кутейниковъ поссорился съ начальникомъ войскового штаба, ген.-м. Николаевымъ, донскимъ уроженцемъ, и на мѣсто Николаева былъ назначенъ ген.-м. Бердяевъ (не изъ донцевъ). По положенію своему стоявшій въ центрѣ войсковой администраціи, новый начальникъ штаба долженъ былъ по мысли Чернышева сдѣлаться соглядатаемъ за атаманомъ и за мѣстнымъ обществомъ. Бердяевъ доносилъ, что и атаманъ, и общество «остались недовольны его назначеніемъ».**)

Въ противоположность эпохѣ Александра I, когда Войско Донское было поставлено въ прямую связь, въ административномъ отношеніи, съ министерствами, въ царствованіе Николая I, постепенно, всѣ дѣла Войска сосредоточиваются въ военномъ министерствѣ. Положеніе о преобразованіи Департамента Военныхъ Поселеній 1835 г. отнесло къ вѣдѣнію военнаго министерства (по этому департаменту) наблюденіе за состояніемъ казачьихъ («иррегулярныхъ») войскъ и принятіе общихъ мѣръ, необходимыхъ для внутренняго ихъ благоустройства (§ 399).***

Положеніе оставляло части: «полицейскую, судную и экономическую» за соотвѣтственными мѣстами и лицами, но понятно, что возложенное на военное министерство «общее наблюденіе» за казачьими войсками и принятіе имъ общихъ мѣръ, логически, должно было повлечь за собою сосредоточеніе большинства казачьихъ дѣлъ въ военномъ министерствѣ.

Уже въ 1837 послѣдовалъ высочайшій указъ о томъ, чтобы по всѣмъ предметамъ управленія Войска Донскаго, кои

*) 2-е П. С. З., т. III, N 1815.
**) «Р. Стар.», 1875, май, с. 44 и 46.
***) Столѣтіе Воен. Министерства, т. XI. ч. I, с. 269—270.

не относятся, собственно, до гражданской части, но имѣютъ какую либо связь съ частью военной, какъ равно по всей строительной части и новымъ по капиталамъ расходамъ, войсковое начальство входило съ представленіями непосредственно въ военное министерство, съ тѣмъ, что «отъ Министерства сего зависѣть уже будутъ сношенія съ другими Министерствами по дѣламъ, съ управленіями ихъ связь и отношеніе имѣющими, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оное нужно будетъ». *)

Этотъ законъ былъ проявленіемъ столь характерной для эпохи Николая I милитаризаціи всего управленія вообще.

Въ силу историческихъ условій, въ управленіи Войска Донскаго и въ жизни казачества части военная и гражданская были смѣшаны одна съ другою. Начальство-же, какъ мѣстное, такъ и центральное, умышленно и неумышленно, съ своей стороны, усиленно смѣшивало эти части. Естественно, поэтому, что высочайшимъ указомъ 20 іюля 1840 г. было **) повелѣно: «на будущее время, по всѣмъ предметамъ гражданскаго управленія войска Донскаго, относившимися до того къ вѣдомству Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, мѣстное начальство войска Донскаго, въ случаяхъ, власть его превышающихъ, входитъ съ представленіями въ Военное Министерство по Департаменту Военныхъ Поселеній». Отношенія же мѣстнаго войскового начальства, какъ къ Правительствующему Сенату, такъ равно и къ Министерствамъ: Юстиціи, Финансовъ, Народнаго Просвѣщенія, Главному Почтовому Управленію и Государственному Контролю, были оставлены («впредь до особаго повелѣнія») въ прежнемъ состояніи.

Такимъ образомъ, какъ и въ XVIII вѣкѣ, снова сношенія Войска съ центромъ были объединены въ военномъ вѣдомствѣ. Правда, въ XVIII вѣкѣ это объединеніе всѣхъ дѣлъ, восходившихъ вверхъ, въ Военной Коллегіи было болѣе полнымъ и всестороннимъ, и этотъ способъ сношеній былъ признакомъ автономіи Войска. Теперь-же, при Николаѣ I, эта передача всей административной гражданской части въ военное вѣдомство, стала признакомъ простой милитаризаціи управленія, проведенія военной дисциплины въ жизни казачества не только на войнѣ и на службѣ, но и дома.

28-го марта 1850 г. положеніемъ Военнаго Совѣта «отдѣленіе иррегулярныхъ войскъ» Департамента Военныхъ Поселеній было раздѣлено на два: инспекторское и хозяйственное.***) Въ томъ-же году была учреждена должность особаго вице-директора по дѣламъ казачьихъ и иррегулярныхъ войскъ.[1])

Казачьи дѣла были слишкомъ своеобразны, а сношенія съ казачьими войсками были еще затруднительны и медленны,

*) 2-е П. С, З., т. XII, N 10720.
**) 2-е П. С. З., т. XV, N 13683.
***) 2-е П. С. З, т. XXV, N 24020.
[1]) 2-е П. С. З. т. XXV, N 24626.

и это обстоятельство повело къ учрежденію при Департаментѣ института чиновниковъ — «представителей» казачьихъ войскъ. Высочайшимъ указомъ 6 апр. 1850 г. было предписано опредѣлить въ общее присутствіе Департамента Военныхъ Поселеній по дѣламъ хозяйственнымъ и законодательнымъ трехъ членовъ отъ казачьихъ войскъ (одинъ отъ Донскаго, одинъ отъ Черноморскаго и Кавказскаго линейнаго и одинъ отъ Оренбургскаго и Уральскаго войскъ). Эти представители должны были имѣть чинъ подполковника или полковника. Они становились представителями Войска «по избранію» главныхъ мѣстныхъ начальниковъ съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы чиновники эти были казачьяго сословія, свѣдущіе въ дѣлопроизводствѣ и хорошо знали бытъ и потребности казачьихъ войскъ, къ которымъ принадлежали.

Таковъ былъ суррогатъ, которымъ, даже въ николаевскую эпоху, вынуждено было петербургское чиновничество замѣнить выборныхъ мѣстныхъ представителей для сужденія о потребностяхъ края и казачества. 10 марта 1853 г. было повелѣно продолжить безъ срока указанную мѣру. При этомъ срокъ пребыванія въ составѣ общаго присутствія командированныхъ съ мѣстъ казачьихъ представителей не былъ опредѣленъ. Содержались эти «представители» за счетъ капиталовъ соотвѣтственнаго войска.

Новое «Положеніе объ управленіи Донскимъ Войскомъ» было высочайше утверждено 26 мая 1835 г. Для объявленія «Положенія» на Дону въ Новочеркасскъ были посланы сенаторы: ген.-лейт. Княжнинъ и т. с. Болгарскій, извѣстный уже Дону, какъ членъ «Комитета 1821 года». Болгарскій по пріѣздѣ на Донъ доносилъ Чернышеву: «Здѣсь есть люди (впрочемъ, ихъ мало, и мало вѣсу они имѣютъ), утверждающіе, что порядокъ управленія и прежде былъ хорошъ, а угодно было намъ назвать его дурнымъ; что правила, введенныя въ «Положеніе», и прежде существовали, а только не были собраны въ одно цѣлое, и что, если бы точно были такія неустройства, которыя бы вредили общей пользѣ, то казаки стали-бы жаловаться, да и сами атаманы, по долгу присяги и совѣсти, не молчали-бы о томъ...»

«По доходящимъ свѣдѣніямъ всѣ казаки» (Болгарскій говорилъ о казачьей массѣ) обрадованы новымъ положеніемъ и съ нетерпѣніемъ желаютъ видѣть и читать его...»

Послѣднее обстоятельство отмѣчалъ въ секретномъ донесеніи Чернышеву и начальникъ штаба, ген. Бердяевъ: «войско донское довольно «новымъ положеніемъ» и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ введенія онаго; не желать его могутъ только люди, которые чрезъ запятнанныя дѣйствія извлекли свои интересныя пользы». Далѣе Бердяевъ отмѣчалъ крайнее разслоеніе донского населенія: «всѣ классы людей межъ собою не въ согласіи: богатое дворянство — отдѣлено отъ бѣднаго; торговые ка-

заки — составляютъ особенное общество, а служилые казаки — въ пренебреженіи и, кажется, что чиновники не стараются быть исправными къ службѣ...»

Днемъ введенія новаго войскового положенія въ дѣйствіе было назначено 1 января 1836 г., и въ Новочеркасскъ съѣхались станичные атаманы и депутаты отъ станицъ. Въ назначенный день, въ числѣ знаменъ и грамотъ, въ Войсковой Кругъ было внесено новое Положеніе, атаманъ поцѣловалъ собственноручную «Высочайшую конфирмацію» на Положеніи. Сенаторы, въ рѣчи своей, отмѣтили, что императоръ, «во всемилостивѣйшемъ вниманіи къ знаменитымъ подвигамъ и отличнымъ заслугамъ вѣрнаго и храбраго войска Донскаго, не только соизволилъ торжественно подтвердить въ высочайшей грамотѣ *) ненарушимость и неприкосновенность всѣхъ правъ и преимуществъ, дарованныхъ ему всепресвѣтлѣйшими Его Величества предками... но нынѣ, въ довершеніе всѣхъ тѣхъ милостей, даровалъ ему и новый законъ» (положеніе 1835 г.). Какъ мы увидимъ дальше изъ анализа Положенія, эти завѣренія сенаторовъ были ложью. Положеніе, именно, нарушало права и привилегіи Войска, его автономію, и сенаторы знали это. Тѣмъ болѣе необходимо было указать казачьей массѣ на новый земельный порядокъ, установленный Положеніемъ и имѣвшій цѣлью нѣсколько защитить казачьи земли отъ произвола войсковыхъ «чиновниковъ». Это было сдѣлано въ приказѣ атамана по Войску отъ того-же 1 янв. 1836 г.

Наличные дворяне подписали заготовленный адресъ для «ознаменованія восторга своего и пламенной признательности къ благотворному Отцу отечества» и просили у Николая, черезъ «ихъ превосходительствъ г. г. сенаторовъ», о дозволеніи устроить въ Новочеркасскѣ военное училище. На этотъ предметъ дворяне «принесли единодушно» деньги донскихъ крестьянъ, своихъ крѣпостныхъ, «по рублю съ каждой, состоящей за ними ревизской души...»

Болгарскій донесъ Чернышеву, что дворяне («чиновники») «какъ во время открытія войскового правленія, такъ и послѣ произнесенной отъ сенаторовъ рѣчи, не нашлись или справедливѣе не хотѣли сказать ни одного слова и всѣ, кромѣ избранныхъ въ должности, на другой и третій день Новаго Года разъѣхались по своимъ поселкамъ и хуторамъ... Изъ находящихся въ войскѣ на лицо старыхъ генераловъ-помѣщиковъ, какъ-то генералы — Денисовъ, Иловайскіе, Сысоевъ, Пантелѣевъ и другіе, не были ни при выборахъ, ни въ Новый годъ...»

Николай I, «вслѣдствіе дошедшихъ до Е. И. Величества свѣдѣній, что многіе изъ помѣщиковъ Войска Донскаго, — въ числѣ коихъ, къ сожалѣнію, оказываются нѣкоторые изъ г. г.

*) Сенаторы говорили, очевидно, о жалованной грамотѣ 1832.

генераловъ и штабъ-офицеровъ войска, не присутствовали ни на бывшихъ выборахъ, ни даже при открытіи 1 янв. новыхъ правительственныхъ и судебныхъ мѣстъ въ г. Новочеркасскѣ, что само служитъ доказательствомъ, что они не восчувствовали тѣхъ милостей, кои дарованы имъ» Положеніемъ 1835 г., повелѣлъ доставить списокъ, кто и почему не былъ.

Кутейниковъ пытался объяснить отсутствіе донскихъ дворянъ «стеченіемъ обстоятельствъ, а не другими какими-либо причинами» и испросилъ разрѣшеніе прислать депутацію отъ Войска для принесенія благодарности. Однако, Чернышевъ, препровождая Кутейникову пожалованные тому алмазные знаки ордена Александра Невскаго, намекнулъ ему о необходимости уйти на покой. Кутейниковъ понялъ намекъ, просилъ объ отставкѣ и получилъ ее 10 февр. 1836 г. На его мѣсто былъ назначенъ наказнымъ атаманомъ боевой сослуживецъ Чернышева въ 1813 г., походный атаманъ казачьихъ полковъ дѣйствующей арміи, ген.-лейт. М. Г. Власовъ. Николай I зналъ его храбрость, но особенно цѣнилъ то обстоятельство, что Власовъ съ успѣхомъ подавилъ возстаніе туземцевъ на Кавказѣ (въ Ширванѣ) и энергично дѣйствовалъ при подавленіи польскаго мятежа.

Пока новый атаманъ прибылъ къ мѣсту службы изъ Варшавы, сенаторы дѣлали объѣздъ станицъ. Они были «восторжены повсемѣстнымъ радушнымъ пріемомъ станицъ. На 1.200 верстахъ, — писалъ Болгарскій Клейнмихелю съ истинно аракчеевской «чувствительностью», — смотря на казаковъ въ домашнемъ быту ихъ, мы видѣли сто тысячъ кроткихъ и послушныхъ агнцевъ, и если они до сихъ поръ не блаженствовали, то происходило сіе единственно отъ собственныхъ ихъ козлищъ, для корыстныхъ видовъ своихъ открыто и безъ зазрѣнія совѣсти душившихъ ихъ какъ только можно». Съ такой поэтической откровенностью отзывался о донскихъ дворянахъ старый бюрократъ, слуга петербургскаго самодержавія.

Въ письмѣ къ Чернышеву Болгарскій выражался въ томъ-же родѣ. «По собственнымъ словамъ стариковъ ихъ, не было примѣра, чтобы донскіе казаки когда нибудь столько были взысканы милостями государей, дабы въ мѣстахъ своихъ жилищъ видѣть ихъ довѣренныхъ лицъ, и потому вездѣ насъ (сенаторовъ) принимали, какъ ангеловъ (!), посланныхъ съ неба (!), и выслушивали съ полной увѣренностью въ справедливости всего, нами сказаннаго. Съ тѣми-же чувствами нашли мы и безпомѣстныхъ чиновниковъ, живущихъ въ станицахъ; но, къ сожалѣнію, не отвѣчаютъ имъ (впрочемъ, немногіе) изъ обладающихъ слободами и поселками, хотя несравненно болѣе облагодѣтельствованные, нежели первые...»*)

Въ чемъ-же заключалось Положеніе, которое вырабатыва-

*) «Р. Стар.», 1875, V, с. 57.

лось почти 17 лѣтъ и которое возвѣстили Дону «ангелы» въ сенаторскихъ мундирахъ. Основное значеніе этого акта заключалось въ томъ, что это было *первое* общее законоположеніе, обнимавшее всѣ стороны жизни донского казачества, изданное *имперской* властью.

Положенію 1835 г. нельзя отказать въ стройности и чисто внѣшнихъ законодательно-техническихъ достоинствахъ. Въ немъ чувствуется аракчеевская черта — желаніе все предусмотрѣть, все регламентировать, все опредѣлить параграфами, почти ничего не оставляя на усмотрѣніе исполнителей.

Въ территоріальномъ отношеніи Положеніе 1835 г. раздѣлило Землю Войска Донскаго на семь округовъ (далѣе указаны въ скобкахъ мѣста пребыванія окружного управленія): 1) Черкасскій (г. Новочеркасскъ); 2) Первый Донской (ст. Ведерниковская); 3) Второй Донской (ст. Нижне-Чирская); 4) Усть-Медвѣдицкій (ст. Усть-Медвѣдицкая); 5) Донецкій (ст. Каменская); 6) Хоперскій (ст. Алексѣевская); 7) Міусскій (слоб. Голодаевка).

Кромѣ того, существовало т. наз. «калмыцкое кочевье» въ задонской степи (изъ 988.012 дес. удобной земли). Кочевье дѣлилось на 3 улуса, улусы на сотни, а сотни на хотуны.*)

Сущность Положенія 1835 г. заключалась въ томъ, что всѣ черты исторической самобытности Дона были тщательно вытравлены по существу. Для успокоенія казачества главѣ Войска, позванному «войсковымъ наказнымъ атаманомъ», предписывалось имѣть «неусыпное наблюденіе, чтобы... не были нарушаемы или ослабляемы дарованныя Войску привиллегіи и преимущества» (Ч. I, § 7, п. 2).

Положеніе устанавливало, что «управленіе Войска Донскаго Военное и Гражданское», что «въ званіи Войсковаго Наказнаго Атамана» соединяются оба эти вида управленія. Войсковой Наказный Атаманъ есть Главный Начальникъ Военнаго управленія и Предсѣдатель Войскового Правленія, онъ управляетъ Войскомъ на правѣ Военнаго Губернатора, управляющаго и гражданской частью, и дѣйствуетъ (въ военномъ отношеніи) посредствомъ Войскового Дежурства и (въ гражданскомъ отношеніи) посредствомъ Войскового Правленія.

Войсковое Дежурство замѣнило собою воинскую экспедицію Войсковой Канцеляріи. Дежурству подчинялись т. наз. «окружные генералы», завѣдывавшіе военной частью въ 4 военныхъ округахъ, на которые дѣлилась вся Земля Войска Донскаго. Генералы эти замѣнили собою т. наз. «переборщиковъ», которые формировали походное войско. Въ XVI—XVIII в. в. переборщиковъ выбирало походное войско, въ концѣ XVIII — началѣ XIX вѣка ихъ назначалъ атаманъ. Положеніе 1835 г.

*) 2-е П. С, З., N 8163, Выс. утв. положеніе объ управленіи В. Дон. и Выс. утв. положеніе о размежеваніи земель В. Дон. 31 іюля — 4 сент. 1838 г.; 2-е П. С. З., XVI, N 8356.

возродило выборное начало въ этомъ небольшомъ уголкѣ военно-административнаго и военно-хозяйственнаго управленія. Окружные генералы избирались на 3 года «по общимъ выборамъ» донскихъ дворянъ («донскихъ чиновниковъ»).

Чисто декоративное значеніе было придано Войсковымъ Есауламъ. «Для сохраненія въ Войскѣ издревле существующаго званія Войсковыхъ Есауловъ, которые при Войсковыхъ кругахъ исполняютъ должность докладчиковъ или (!) Адъютантовъ», Положеніе 1835 г. устанавливало: «имѣть въ Войскѣ и на будущее время двухъ Войсковыхъ Есауловъ...» «Выборъ» ихъ предоставляется... «Войсковому Наказному Атаману, въ Войсковомъ кругу, на три года, изъ достойнѣйшихъ Есауловъ, несмотря на старшинство ихъ». Такимъ образомъ, бывшіе нѣкогда министры юстиціи и полиціи донской республики, избиравшіеся Кругомъ, превратились въ адъютантовъ при Атаманѣ, которыхъ онъ назначалъ самъ себѣ изъ числа капитановъ («есауловъ»). Уступкой старому порядку было «избраніе» ихъ атаманомъ «въ Войсковомъ кругу». Кстати замѣтитъ упоминаніе о Войсковомъ Кругѣ, сдѣланное мимоходомъ, въ связи съ есаулами, было единственнымъ во всемъ Положеніи. Закрѣплять въ законѣ это «древнее обыкновеніе», превращенное въ церковно-войсковой парадъ, было сочтено излишнимъ.

Но, избѣгая упоминаній о Кругѣ въ законѣ, Николай I не рѣшился воспретить это напоминаніе о былой вольности. И мы знаемъ, что онъ самъ пользовался Кругомъ, какъ пышной декораціей для церемоніи вручения перната наслѣднику.

Помимо общей по закону зависимости отъ атамана мѣстъ и чиновъ, принадлежащихъ къ составу управленія Войска, Положеніе подчеркивало воинскій характеръ казачьяго населенія, устанавливая, что «Войсковому Наказному Атаману непосредственно подчиняются также всѣ служащіе и отставные генералы, штабъ- и оберъ-офицеры и нижніе чины Донскаго войска». Такимъ образомъ, окончательно уже, и по закону, изъ выборного и отвѣтственнаго предъ Войскомъ главы исполнительной власти, донской атаманъ становился назначеннымъ сверху чиновникомъ, имѣвшимъ власть надъ казаками не только во время службы ихъ, но и въ гражданской жизни, въ станицахъ и въ отставкѣ.

«Положеніе» уравнивало атамана съ губернаторами, надѣляя его тѣми-же полномочіями, но изложенными болѣе коротко, именовало его «главнымъ мѣстнымъ начальникомъ и хозяиномъ». Особо оговорено было, что онъ «никого не судитъ, но охраняетъ законы и защищаетъ притѣсненныхъ». При осмотрахъ Земли Войска Донскаго атаманъ долженъ былъ «съ особенной заботливостью входить во всѣ подробности относительно исправнѣйшаго состоянія и готовности для службы чиновниковъ, казаковъ и малолѣтковъ». При атаманѣ состояли «дежур-

ные штабъ-офицеры», впослѣдствіи *) переименованные: а) по военной части — въ Правителя дѣлъ штаба Войска Донскаго; б) по гражданской части — въ Правителя дѣлъ Канцеляріи Наказнаго Атамана Войска Донскаго.

Помимо «войсковыхъ есауловъ» состояли при атаманѣ — «Атаманская Канцелярія» и адъютанты.

Начальникъ Штаба Войска Донскаго могъ вступить въ управленіе войскомъ: въ случаяхъ тяжкой болѣзни Наказнаго Атамана; во время отсутствія его изъ предѣловъ войска, при увольненіи его въ отставку или по смерти его. Такимъ образомъ, въ лицѣ Начальника Штаба созданъ былъ, въ сущности, помощникъ атамана по военнымъ дѣламъ и временный его, въ случаѣ надобности, замѣститель.

Въ III-ей части Положенія («Образованіе гражданскаго управленія В. Дн.») устанавливалось, что «Войсковое Гражданское Управленіе составляютъ: 1) Войсковое Правленіе; 2) Войсковые Суды: Уголовный и Гражданскій; 3) Войсковой Приказъ Общественнаго Призрѣнія; 4) Войсковая Врачебная Управа; 5) Войсковая Почтовая Контора; 6) Войсковой Депутатъ; 7) Войсковой Прокуроръ и Войск. Стряпчіе, наконецъ, Коммерческій судъ въ Новочеркасскѣ», учрежденный въ 1833 году. Можно сказать, что управленіе Войскомъ было приравнено къ губернскому, только вмѣсто «губернскій» всюду было поставлено «войсковой».

Войсковое Правленіе замѣнило собою Войсковую Канцелярію, просуществовавшую съ 1721 по 1836 г. (съ перерывомъ между 1775 и 1797 г.г., когда ее замѣняло Войсковое Гражданское Правительство). Но и теперь еще не были дифференцированы всѣ отрасли управленія, ибо Войсковое Правленіе было одновременно и Губернскимъ Правленіемъ, и Казенною Палатою. Предсѣдателемъ Правленія былъ атаманъ, замѣняемый начальникомъ штаба; участвовали: всегда Старшій Членъ и четыре Ассессора, а когда нужно — Войсковой Контролеръ и Войсковой Казначей.

Войсковое Правленіе дѣлилось на четыре экспедиціи: исполнительную, хозяйственную (съ Войсковымъ Казначействомъ), поземельную,**) — питейныхъ сборовъ, — и отдѣленіе счетное или контрольное. Къ войсковому Правленію причислены были: а) Войсковое рекрутское присутствіе (по призыву крестьянъ и иногородныхъ); б) Войсковой строительный комитетъ и в) Войсковая коммиссія продовольствія.

Въ царствованіе имп. Николая I произведены были слѣдующія измѣненія въ организаціи Войскового Правленія. Въ 1843 г., во связи съ введеніемъ въ Войскѣ откупной системы продажи питей, всѣ штатныя должности по питейной части

*) Ср. Свод. Зак.. т. II. ч 2. ст. 22, прим., (по прод. 1868 г.).
**) Открыта въ 1848 г., 2-е П. С. З.. т. XXIII, N 23746.

были уничтожены; при этомъ Хозяйственная Экспедиція была переименована въ Экспедицію Войскового Хозяйства, а Экспедиція питейныхъ сборовъ — въ Экспедицію казенныхъ доходовъ и войсковыхъ питейныхъ сборовъ.

Въ 1848 г. опекунскія дѣла были переданы изъ Войскового Правленія въ Войсковой Судъ. Въ томъ-же году Войсковая строительная коммиссія была упразднена; обязанности-же ея возложены на ближайшія окружныя учрежденія корпуса инженеровъ путей сообщенія.

Вмѣсто учрежденнаго въ 1815 г. Департамента Суда и Расправы были учреждены: Войсковой Судъ Уголовный, дѣйствовавшій по законамъ, изданнымъ для Палатъ Уголовнаго Суда, и — Гражданскій, равный Палатѣ Гражданскаго Суда. Каждый изъ этихъ судовъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ Старшаго члена изъ трехъ Ассессоровъ «изъ чиновниковъ», и изъ двухъ Засѣдателей изъ казаковъ. При каждомъ изъ судовъ полагались Дьякъ, Протоколистъ, 2 Повытчика и Писаря. Старинное имя Дьяка было сохранено для секретарей каждой Экспедиціи Войскового Правленія.

Вновь учрежденъ былъ въ Войскѣ Приказъ Общественнаго Призрѣнія, существовавшій въ россійскихъ губерніяхъ съ 1775 года и имѣвшій цѣлью: храненіе капиталовъ, производство нѣкоторыхъ банковскихъ операцій, содержаніе просвѣтительныхъ учрежденій и учебныхъ заведеній и призрѣніе. Врачебная управа и почтовая контора были организованы по образцу губернскихъ.

Положеніе 1835 г. подтвердило существованіе на Дону Войскового Прокурора и двухъ Войсковыхъ Стряпчихъ (одного — Уголовныхъ, другого — Гражданскихъ дѣлъ). Всѣ трое должны были опредѣляться «изъ чиновниковъ къ войску не принадлежащихъ».

Положеніе 1835 г. признало наполовину существованіе донской дворянской организаціи. «Войсковое Депутатское Собраніе» было создано изъ «Войскового и Окружныхъ Депутатовъ» и вѣдало: выборъ «Чиновниковъ» къ должностямъ по Гражданскому Управленію, рекрутскій наборъ (съ крестьянъ и иногороднихъ), раскладку почтовой и прочихъ лежащихъ на землѣ повинностей, дѣла о дворянствѣ и всѣ прочія обязанности губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства. Такова была организація высшаго мѣстнаго управленія по «Положенію» 1835 года.

Глава XXXI.

Мѣстное подчиненное управленіе. Дворянство. Новый земельный законъ. Казачество.

Въ отношеніи мѣстнаго подчиненнаго управленія на Дону Положеніе 1835 г. внесло окончательное раздѣленіе власти судебной отъ власти административной. Окружное Управленіе составлялось изъ: 1) Окружнаго Суднаго Начальства, равнаго Уѣздному Суду россійскихъ губерній; 2) Окружнаго Сыскного Начальства, равнаго Земскому Суду, т. е. уѣздному административному органу дореформенной россійской губерніи; 3) Окружной Опеки; 4) Окружнаго Казначейства; 5) Окружной Почтовой Конторы; 6) Окружнаго Депутата; 7) Окружнаго Стряпчаго.

Судное начальство состояло изъ Судьи, 2 засѣдателей отъ чиновниковъ (дворянъ) и 2 засѣдателя отъ казаковъ. Присутствіе Сыскного Начальства составляли: «Сыскный Начальникъ», во всемъ разный уѣздному исправнику, три Засѣдателя изъ чиновниковъ и два — изъ казаковъ.

При каждомъ Судномъ Начальствѣ была Окружная Опека, состоявшая подъ управленіемъ Окружнаго Депутата (уѣзднаго предводителя дворянства). Окружная Опека являлась соединеніемъ Дворянской Опеки и Сиротскаго Суда россійскихъ губерній. Поэтому дѣйствія Опеки не ограничивались призрѣніемъ сиротъ и имущества однихъ чиновниковъ (дворянъ), но простирались и на сиротъ послѣ урядниковъ и казаковъ.

Начальникъ Окружнаго Казначейства — Окружный Казначей — «назначался», при общихъ выборахъ къ должностямъ, изъ благонадежныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ на три года, за общимъ ручательствомъ чиновниковъ (дворянъ) всего округа.

Положеніе 1835 г. окончательно создало въ каждомъ округѣ должность Окружного Стряпчаго, состоявшаго въ непосредственной зависимости отъ Войскового Прокурора. Окружные Стряпчіе назначались «отъ правительства» (Министровъ Юстиціи) преимущественно изъ лицъ, принадлежащихъ къ войсковому сословію и получившихъ образованіе въ высшихъ или, по крайней мѣрѣ, въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Калмыцкое кочевье ввѣрено было «особенному управленію» подъ названіемъ Калмыцкаго Правленія. Послѣднее составляли Судья и два Засѣдателя, опредѣлявшіеся изъ войсковыхъ чиновниковъ, и два Депутата изъ природныхъ калмыковъ, одинъ изъ почетныхъ старѣйшинъ, другой изъ ихъ духовенства.

Низшею ступенью управленія на Дону были учрежденныя по Положенію 1835 г. Станичныя Правленія, которыя составляли: «Станичный Атаманъ и двое Судей или такъ называемыхъ Стариковъ». Они избирались обществомъ каждой станицы на три года. Законодатель неоднократно повторялъ,

что непосредственною обязанностью Станичныхъ Правленій является: 1) Охранять неприкосновенность станичнаго имущества и юртовыхъ границъ отъ поврежденія или отъ произвольнаго захвата... 3) Оберегать личное право каждаго жителя станицы на поземельныя довольствія, и пресѣкать обиду и стѣсненіе со стороны сильнаго. 4) Устранять всякое постороннее въ семъ случаѣ вліяніе. 5) Неукоснительно доводить до свѣдѣнія общества на Сборѣ всѣ замѣченные безпорядки и отягощеніе кого либо изъ жителей, а тѣмъ паче вредъ, причиненный станичному имуществу или довольствію...

Правительству хотѣлось указать, что главная цѣль Правленій это защита казачества, въ особенности-же, правъ его на землю. Станичному Правленію подчинялись всѣ урядники и казаки, равно всѣ посторонніе и проживающіе въ станицахъ, а въ отношеніи къ посылаемымъ отъ окружныхъ дежурствъ нарядамъ на службу и къ обязанностямъ полицейскимъ, и чиновники (т. е. донскіе дворяне). Станичныя правленія подчинялись по дѣламъ военнымъ Окружному Генералу, а по предметамъ гражданскимъ и хозяйственнымъ — Сыскнымъ Начальствамъ, «которымъ и обязаны строгою отчетностію за всѣ свои дѣйствія». Всѣ насылаемыя отъ начальственныхъ мѣстъ и лицъ предписанія, равно и требованія другихъ станицъ, Станичныя Правленія должны были исполнять со всею точностью, безъ отлагательства. Довольно категорично было предписаніе закона, чтобы «въ отношеніи станичнаго хозяйства и поземельныхъ довольствій» Станичныя Правленія «отнюдь не дѣлали никакихъ собственныхъ распоряженій, но во всѣхъ случаяхъ ограничивались однимъ только исполненіемъ по приговорамъ общественнымъ». Равнымъ образомъ, «Атаманъ и Судьи не должны были сами собою, безъ предварительнаго утвержденія общества на Сборѣ, опредѣлять кому либо наказаніе...»

Зато, «если случится, что общество, по предубѣжденію или по ошибочному понятію, изложитъ мнѣніе, противное Положенію 1835 г. или вредное для общественныхъ пользъ», тогда Атаманъ и Судьи обязаны были убѣждать Сборъ; если же общество будетъ настаивать на исполненіи, «въ такомъ случаѣ, не приводя онаго въ дѣйствіе», Атаманъ и Судьи должны были представить этотъ приговоръ на разсмотрѣніе и «разрѣшеніе» Сыскного Начальства. Такимъ образомъ, Станичное Правленіе получало право «вето» по отношенію къ приговору станичнаго сбора, не говоря уже объ окружномъ начальствѣ.

Вся дѣятельность Станичнаго Правленія была регламентирована и опредѣлена «особеннымъ наказомъ объ управленіи станицами». Равнымъ образомъ, это можно сказать и о Станичномъ Сборѣ. Станицы довольствовались всѣми землями и угодьями, опредѣленными въ собственность ихъ, подъ именемъ станичныхъ юртовъ, «на основаніи древняго права общественнаго владѣнія». Станичному обществу предоставлялись всѣ распо-

ряженія по земельнымъ довольствіямъ, по охраненію лѣсовъ и прочаго станичнаго имущества, по сбору и употребленію общественныхъ доходовъ, и вообще по хозяйству станицъ. Станичное общество судило и опредѣляло мѣру исправительнаго наказанія за маловажные поступки; могло по усмотрѣнію своему наказывать за бродяжество по міру такихъ неимущихъ своей станицы, которые получили отъ нея призрѣніе; оно могло налагать денежныя пени и другія исправительныя взысканія за своевольство и поврежденіе въ общественныхъ довольствіяхъ.

Станичному обществу предоставлялись выборы: Атамана, Судей, Засѣдателей отъ казаковъ въ Войсковые Суды, и Депутатовъ въ Окружныя Начальства; назначеніе смотрителей станичныхъ табуновъ, опекуновъ къ имѣнію сиротъ и къ имѣнію расточительныхъ, «огневщиковъ», станичныхъ писарей, смотрителей запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, хуторскихъ «приказныхъ», лѣсничихъ, табунщиковъ.

Весьма подробно и впервые были регламентированы Положеніемъ правила о Станичныхъ Сборахъ, которые дѣлились на: 1) полные и 2) частные. Полныхъ Станичныхъ Сборовъ должно было быть три: въ началѣ января, весною передъ покосомъ и осенью (въ сентябрѣ или октябрѣ). Частные Сборы должны были происходить ежемѣсячно, въ первое воскресенье, или экстренно, по повѣсткѣ. Положеніе ограничивало составъ участниковъ Сбора. Допускались на Сборъ: служащіе и отставные чиновники, довольствующіеся въ станичномъ юртѣ на общественномъ правѣ, урядники и казаки, хозяева домовъ, а въ небытность ихъ старшіе сыновья, по одному изъ семейства, но съ тѣмъ, чтобы вообще были они не моложе 21 года отъ рода.

Осенній полный Сборъ долженъ былъ избирать на одинъ годъ депутатовъ (отъ 12 до 25 чел., смотря по станицѣ). Эти депутаты и являлись членами т. наз. Частныхъ Сборовъ. Среди правъ Частныхъ Сборовъ нужно отмѣтить — судъ и расправу, опредѣленіе исправительныхъ мѣръ: наказаніемъ розгами до 20 ударовъ, выдержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ, денежною пенею и т. п. за ссору, драку, своевольство, буйство и непослушаніе въ нетрезвомъ видѣ.

Станичное Правленіе производило розыскъ и подготовляло свое мнѣніе объ исправнительныхъ средствахъ: за неповиновеніе дѣтей родителямъ и оскорбленіе ихъ; за сварливость въ семействѣ и съ сосѣдями; за кражу не свыше 15 руб. серебромъ; потраву чужого хлѣба или сѣна, поврежденіе сада и прочіе подобные поступки, не заключающіе въ себѣ важнаго преступленія. Станичное Правленіе могло само разбирать дѣла по искамъ не свыше 15 руб.

Таковъ былъ строй мѣстныхъ административныхъ и судебныхъ учрежденій, созданныхъ Положеніемъ 1835 года.

«Положеніе 1835 г.» оставило на Дону въ неприкосновенности выборное начало, въ той степени, въ какой оно существовало въ дворянскихъ губерніяхъ. Старшіе члены Войскового Правленія и Войскового Суда, Уголовнаго и Гражданскаго, и Ассессоры тѣхъ-же учрежденій избирались на три года «сословіемъ Войсковыхъ чиновъ» (проще говоря, донскими дворянами) и утверждались — Члены — Высочайшей властью, а Ассессоры — Сенатомъ. Войсковой и Окружные Депутаты (т. е. областной и окружные предводители дворянства); Непремѣнные Члены Войсковыхъ: Приказа Общественнаго Призрѣнія, Строительной Коммиссіи и Коммиссіи Продовольствія, Попечители Приказа Общественнаго Призрѣнія, Помощники Ассессоровъ Экспедицій Войскового Правленія, Войсковой и Окружные Казначеи, Члены Окружныхъ Судныхъ и Сыскныхъ Начальствъ и другіе менѣе важные чины управленія избирались «сословіемъ Чиновниковъ» (т. е. тѣми-же дворянами) на три года и утверждались Войсковымъ Наказнымъ Атаманомъ, за исключеніемъ Войскового Депутата, который утверждался въ должности черезъ Атамана и Военное Министерство Высочайшей властью.

Въ своихъ докладахъ по поводу Положенія Чернышевъ очень кичился тѣмъ, что онъ возстановилъ право казачества на участіе въ выборахъ, отнятое у него (въ періодъ 1797—1835 г. г.) донскимъ дворянствомъ. Это вовсе не значило, что представителей станицъ стали созывать въ Войсковой Кругъ для избранія войсковой администраціи, какъ это было когда-то. Напротивъ, какъ мы видимъ, всѣ выборныя должности остались въ рукахъ дворянства. Казаки-же получили по два засѣдателя въ каждый изъ войсковыхъ судовъ и засѣдателей (по 2 чел.) въ каждое окружное судное и сыскное начальства. Но то-же Положеніе тщательно оговорило 4 раза, что засѣдатели изъ казаковъ «судятъ только равныхъ себѣ», «участвуютъ только въ сужденіи и рѣшеніи дѣлъ, касающихся до казаковъ и станицъ», а «въ дѣла чиновниковъ не мѣшаются . . .»

Такимъ образомъ, Положеніе исправило лишь незначительную часть несправедливости, учиненной донскимъ дворянствомъ по отношенію къ казачеству, возстановило права послѣдняго въ той лишь мѣрѣ, въ какой они были у свободныхъ податныхъ сословій Россіи. Но, по существу, вся соціальная мощь, вся власть осталась въ рукахъ дворянства.

Болѣе того, Положеніе 1835 г., вопреки замѣчаніямъ Чернышева о нелегальномъ происхожденіи организаціи донского дворянства, признало созданную Платовымъ дворянскую организацію. Положеніе закрѣпило сепаратный законъ о томъ, что на Дону выборы въ должности Войсковыя и Окружныя происходятъ не въ декабрѣ и январѣ, а въ маѣ и «оканчиваются прежде 1 іюня, съ котораго избранные чиновники не-

премѣнно вступаютъ въ исправленіе своихъ должностей». *) «Положеніе» закрѣпило порядокъ, создавшійся на Дону, установивши, что въ Землѣ Войска Донскаго, «въ облегченіе чиновниковъ, особенно не достаточныхъ и живущихъ въ отдаленности, предоставляется имъ право, вмѣсто себя, присылать въ Новочеркасскъ, отъ каждаго изъ семи округовъ въ Войскѣ, по двѣнадцати депутатовъ, для присутствія при выборахъ». Эти депутаты, «по собраніи въ городъ, допускаются къ выборамъ въ видѣ цѣлыхъ сословій, коими уполномочены».**)

Правительство смотрѣло на дворянскихъ избранниковъ, какъ на своихъ даровыхъ чиновниковъ, и предписывало: «Въ Землѣ Войска Донскаго, въ случаѣ смерти, или экстренной отлучки, на мѣсто выбывшаго назначается къ должности кандидатъ его, или старшій по балламъ изъ общаго списка. Попеченіе Войскового Наказнаго Атамана и Войскового Правленія въ особенности должно быть обращено на то, чтобы должности, съ которыми сопряжена отвѣтственность за казенное и войсковое имущество, немедленно были замѣщаемы».***)

Наконецъ, «Положеніе 1835 г. создало Войсковое Депутатское (дворянское) Собраніе. Составъ его былъ болѣе малочисленнымъ, нежели дворянскія депутатскія собранія россійскихъ губерній (гдѣ депутаты участвовали по одному отъ уѣзда). На Дону-же оно состояло: изъ Войскового Депутата, изъ Черкасскаго Окружного Депутата и трехъ Депутатовъ отъ остальныхъ шести округовъ (отъ двухъ округовъ — по одному). [1]) Разрѣшеніе создать Депутатское Собраніе войсковыхъ чиновниковъ было признаніемъ правъ донского дворянства на созданіе сословной организаціи общаго типа. Однако, прошло еще четверть вѣка, пока Войсковой и Окружные Депутаты были переименованы въ Областного и Окружныхъ предводителей дворянства. [2])

Законъ устанавливалъ, что въ Землѣ Войска Донскаго къ выборамъ въ должности допускаются всѣ войсковые чиновники, [3]) владѣющіе населенными имѣніями. Только въ 1875 году къ участію въ донскихъ дворянскихъ собраніяхъ были допущены, наравнѣ съ дворянами казачьяго сословія, также и тѣ потомственные дворяне, которые по закону обладали правомъ участія въ подобныхъ собраніяхъ. [4])

Законодательство николаевской эпохи установило окончательно, что «въ казачьихъ войскахъ, сравненныхъ въ чинахъ

*) 2-е П. С. З., N 8162, ч. III, § 205.
**) Тамъ-же, ч. III, § 210.
***) Тамъ-же, ч. III, § 218, 219.
[1]) Тамъ-же, ч. II, § 74, 79.
[2]) 1870 г., Апр. 23, 2 е П. С. З., N 48276; 1870 г., Мая 21-го, N 48387; 1871 г., Мая 1-го. N 49545.
[3]) Позже ихъ называли «дворянами казачьяго сословія». Положеніе 1835 г., ч. III, § 204.
[4]) 1875, Іюн. 3, собр. узак. N 705.

съ арміею, причисляются къ потомственному дворянству: 1) по войску Донскому: а) лица, получившія на основаніи доклада, Выс. утв. 14 февр. 1775 г. (№ 14.250), штабъ-офицерскіе чины; б) Войсковые Старшины, которые съ утвержденія сего доклада (14 февр. 1775 г.) считались заурядъ младшими предъ армейскими Секундъ-Маіорами, но выше всякаго Капитана; в) войсковые чиновники, коихъ при прежнихъ войсковыхъ названіяхъ, указомъ 22 сент. 1798 г. (№ 18.673), повелѣно признавать армейскими чинами; г) лица, произведенныя въ войсковые офицерскіе чины, послѣ сравненія ихъ въ чинахъ съ регулярными войсками указомъ 22 сент. 1798 г., до состоянія указа 29 сент. 1802 г. (№ 20436); д) лица, произведенныя съ Выс. утвержденія въ войсковые офицерскіе чины, послѣ указа 29 сент. 1802 г., до состоянія манифеста 11 іюня 1845 г. (№ 19.086).*) Кромѣ того, уже при Александрѣ II, къ донскому (потомственному) дворянству были причислены лица: а) получившіе армейскіе офицерскіе чины, хотя-бы и до состоянія указовъ и положеній о сравненіи казачьихъ войскъ въ чинахъ съ войсками регулярными; б) всѣ дослужившіеся, послѣ состоянія манифеста 11 іюня 1845 г., но прежде изданія указа 9 дек. 1856 г., до чина Войскового Старшины. Введеніе разрозненныхъ положеній о «войсковыхъ чиновникахъ» Войска Донскаго въ томъ IX-й Свода Законовъ знаменовало окончательное признаніе россійскимъ правительствомъ правъ корпораціи за донскимъ дворянствомъ.**)

Существованіе на Дону новаго «сословія» было окончательно закрѣплено. Организація административная и судебная, созданная въ 1835 г., приблизила Донъ къ типу дворянскихъ губерній. Казачество осталось вольнымъ и сохранило станичное выборное устройство. Но станичное самоуправленіе было стѣснено рядомъ мелочныхъ предписаній и поставлено въ зависимость отъ окружнаго начальства. Преобладаніе донского дворянства надъ казачьей массой во всѣхъ отношеніяхъ было закрѣплено закономъ.

Я хочу оговориться, что, если служба по защитѣ государства могла быть основаніемъ для пріобрѣтенія правъ дворянства, то донское дворянство — одно изъ самыхъ славныхъ въ мірѣ по непрерывной, изъ поколѣнія въ поколѣніе, въ теченіе ряда столѣтій, боевой службѣ родинѣ и Россіи. Но дѣло въ томъ, что всѣ, безъ исключенія, донскіе казаки могли бы претендовать на дворянство по той-же причинѣ. Эту мысль выразилъ въ свое время депутатъ отъ Терскаго казачества, во время преній о дворянскихъ правахъ въ Законодательной Екатерининской Комиссіи 1767 г. Онъ заявилъ, что

*) Св. Зак., т. IX, Зак. о Сост., изд. 1867 г., ст. 26, п. 1, 8.

**) Св. Зак. Р. И., т. IX, ст. 26, п. 1, 8; 49; 52, и 4; 89; 97; 103, 170; 184, прим.; с. 203, 204; 225; 236, прим.; 238, прим.; 240, прим.; 260, 292, 295 (изд. 1876 г.).

всѣ казаки «тою же кровію вѣнчались» въ войнахъ, что и дворяне. Донское казачество всегда ставило въ укоръ донскому дворянству то, что оно овладѣло войсковыми общенародными землями, закрѣпостило крестьянъ, искавшихъ на Дону свободы, оторвалось само отъ казачьей массы и присвоило себѣ одному большинство войсковыхъ привилегій.

И все же, всѣ изслѣдователи Дона, всѣ путешественники, единодушно отмѣчаютъ, что Донъ и въ XIX вѣкѣ сумѣлъ сохранить въ самой жизни и нравахъ народа идею равенства всѣхъ казаковъ — дворянъ и не дворянъ. И донской дворянинъ, владѣлецъ крѣпостныхъ «душъ», въ казачьей средѣ, на станичномъ сборѣ, д о л ж е н ъ былъ быть инымъ, нежели россійскіе дворяне, чувствуя свою историческую и фактическую связь съ казачествомъ. Точно также, и на военной службѣ, взаимоотношенія донскихъ офицеровъ и казаковъ были иными, нежели взаимоотношенія офицеровъ и солдатъ арміи и гвардіи.

Положеніе 1835 г., въ значительной своей части, было закономъ аграрнымъ. Оно закрѣпило за каждой станицей совершенно опредѣленный участокъ земли («юртъ»), по 30 дес. на каждаго казака (м. п.) и нѣкоторый запасъ для дальнѣйшаго надѣленія рождающихся 30-десятинными паями. Оно закрѣпило станичные юрты въ общественномъ владѣніи всей станицы. Оно положило преграды дальнѣйшему произвольному расхищенію земель Войска «сильными людьми». Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Положеніе признало совершившійся фактъ расхищенія войсковыхъ земель дворянами и чиновниками, закрѣпивши за ними по числу поселенныхъ на нихъ крестьянъ (по 15 дес. на душу муж. пола). Положеніе предписало, въ общей формѣ, уничтоженіе черезполосицы «помѣщичьихъ» (крестьянскихъ и казачьихъ (войсковыхъ и, особенно, станичныхъ) земель, установивши принудительное переселеніе крестьянъ съ занятыхъ крестьянами казачьихъ земель въ особые районы войсковой земли (преимущественно, въ Міусскій округъ).

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, выступая въ роли самодержавнаго Гракха, Николай I отнюдь не покусился на противозаконно создавшееся на Дону дворянское землевладѣніе и еще менѣе на противозаконное закрѣпощеніе вольнаго крестьянства донскими дворянами. Онъ лишь обрѣзалъ слегка владѣнія тѣхъ, кто «не по чину» много захватилъ казачьей земли, оградилъ станичные юрты отъ новыхъ захватовъ и урегулировалъ дальнѣйшее расхищеніе общевойсковой земли въ формѣ надѣленія пожизненными участками (вмѣсто пенсіи) офицеровъ и чиновниковъ, изъ войскового земельнаго запаса.

Въ политическомъ отношеніи, создавшіяся на Дону въ 1835 г. положеніе и взаимоотношенія сословій были очень удобны для цѣлей охраны самодержавно-крѣпостническаго по-

рядка. Казачья масса, всегда видѣвшая въ русскомъ царѣ символъ національнаго единства, увидѣла на дѣлѣ, что царская власть вступилась за его матерьяльные интересы, попранные мѣстной аристократіей. Царь защитилъ казаковъ отъ донского дворянства, и — временно — аграрный (казачій) вопросъ на Дону былъ разрѣшенъ. Это сильно ослабило возможность объединенія донского дворянства и донского казачества съ цѣлью совмѣстной борьбы за донскую автономію и политическія права населенія донскаго края. Донское дворянство, по началу крайне встревоженное проявленіемъ петербургскаго цезаризма, успокоилось, увидѣвши, что захваченныя имъ войсковыя земли вовсе не будутъ отобраны въ войсковую собственность; если же и будутъ нѣкоторыя переселенія крестьянъ и дворянскихъ усадебъ, то лишь въ порядкѣ урегулированія чрезмѣрной черезполосицы помѣщичьихъ и казачьихъ земель. Сверхъ того, николаевскіе «демократы» въ генералъ-адъютантскихъ погонахъ и не подумали объ отобраніи у помѣщиковъ закрѣпощенныхъ ими на Дону «малороссіанъ». Правда, введеніе «Положенія» было встрѣчено донскими дворянами кисло-сладко, но, конечно, «демократическій» Чернышевъ вполнѣ заслужилъ ту золотую саблю, которую поднесла ему въ 1835 г. депутація отъ донскихъ дворянъ. Донское крестьянство, оставшееся за помѣщиками, могло, послѣ неудачи возстанія 1819—1820 г. г., лишь на царя возлагать свои надежды.

Слѣдовательно, всѣ сословія на Дону, всѣ свои надежды на лучшее будущее должны были возлагать на царя и на благодѣтельную, «справедливую» питерскую бюрократію, а не на единство мѣстныхъ общественныхъ силъ.

Отъ внимательныхъ иностранныхъ наблюдателей не ускользнулъ фактъ изданія Положенія 1835 г., и англійскій дипломатъ, издавшій анонимно, въ 1844 году, свою книгу о Россіи,*) писалъ, что Николай I «не безъ успѣха ограничилъ казачьи привиллегіи, и сдѣлалъ это весьма ловко и искусно, такъ что казачья масса, чрезвычайно привязанная къ нимъ, и не почувствовала этого...» Англійскій наблюдатель правильно оцѣниваетъ фактъ разслоенія казачества и роль дворянства на Дону. Онъ предполагалъ даже, что самодержавіе виновато не только въ дарованіи казачьей старшинѣ дворянскихъ правъ, но и въ искусственномъ насажденіи на Дону крѣпостнаго права.

«Черезъ 20 лѣтъ», — пророчествовалъ англичанинъ, скорбѣвшій о гибели донской «чисто демократической конституціи», — «донской казакъ въ родномъ своемъ краю будетъ тѣмъ-же, что сегодня (1844 г.) представляетъ изъ себя московитъ: стойкое и радостное довольство вольныхъ поколѣній исчезнетъ,

*) «Revelations sur la Russie ou l'emp. Nicolas et son Empire», Paris. 1844.

и мы увидимъ казака согбеннымъ подъ игомъ всѣхъ этихъ притѣснительныхъ учрежденій, которыя составляютъ удѣлъ русскаго раба...»

Нужно отдать справедливость англійскому наблюдателю. Онъ правильно оцѣнилъ значеніе чернышевскаго кодекса для донскаго казачества. Благодаря Положенію 1835 г. казакъ, формально — вольный, сталъ военно-крѣпостнымъ россійскаго государства, слугою самодержавной власти, охранителемъ стараго государственнаго и общественнаго строя на Руси. Вся жизнь казака, какъ на службѣ, такъ и дома, опутана была отнынѣ параграфами николаевскаго закона и предписаніями военно-административнаго начальства. Положеніе 1835 года сформило начавшееся съ 1721 г. закрѣпощеніе вольнаго казачества государству и, особенно, царю.

Самъ Николай I не боялся численнаго увеличенія казачества, разсматривая его, какъ отличный матеріалъ для заселенія и защиты окраинъ. Для него не было особой разницы между потомками вольныхъ казаковъ: донскихъ, яицкихъ, запорожскихъ, терскихъ, и — служилыми казаками, потомками и правонаслѣдниками служилыхъ, городовыхъ казаковъ. Казачество было для него особымъ видомъ военныхъ поселянъ, и недаромъ управленіе казаками сосредоточено было при немъ въ департаментѣ военныхъ поселеній.

Такіе крѣпостники, какъ чл. Гос. Сов. кн. Васильчиковъ, защитники дворянства и его исключительныхъ привилегій, предостерегали Николая I противъ казачества вообще. По поводу проекта надѣленія землею Оренбургскихъ казаковъ Васильчиковъ писалъ о казачествѣ: «Толпы вооруженныя не надежны къ оборонѣ государства; оставлять-же сіи толпы съ оружіемъ въ рукахъ во время мира крайне опасно: бунтъ Пугачева въ томъ свидѣтельствуетъ...»*) Ярый дворянскій защитникъ чуялъ въ казачествѣ традиціонно враждебную дворянству стихію. Мысль объ обезоруженіи казачества была приведена въ исполненіе частично лишь послѣ русско-турецкой войны 1877—1878 г. г.

Свободнаго обсужденія вопроса о казачествѣ и его историческихъ судьбахъ въ литературѣ и не могло быть въ царствованіе Николая I. Книга Броневскаго **) была написана въ самомъ «благонамѣренномъ» духѣ. Сухоруковскій трудъ лежалъ въ рукописи, погребенный въ канцеляріяхъ. Одинъ лишь Николай Полевой, разбирая «Исторію Малой Россіи» Д. Н. Бантыша-Каменскаго, коснулся вопроса о казачествѣ.***)

Замѣтимъ одно, — писалъ онъ, — всѣ казаки были русскіе, но какіе русскіе? Они говорили русскимъ языкомъ и на-

*) «Столѣтіе воен. Министерства», т. XI. ч. I, с. 241, примѣч.

**) В. Б. Броневскій. «Исторія Донского Войска, описаніе земли Донской и поѣздка на Кавказъ», ч. I, II, III, IV. ст. 1834. Дону посвящены первые 3 тома.

***) Москов. Телеграфъ», 1830, N 17 и 18.

зывались христіанами... Почитать казаковъ Донскихъ частью древней Руси — не должно. Только языкъ и вѣра сближали ихъ съ Россіею и, наконецъ, покорили ихъ Россіи...“

С. Руссовъ написалъ антикритику на Полевого, въ которой цитировалъ утвержденія Полевого, что «малороссіяне, бѣлорусцы, казаки и прочіе — не русскіе», что они — «какая то особая народность и мѣстность», что Разинъ и Пугачевъ «были страшными, но тщетными усиліями казацкой свободы». Мы видимъ, что Полевой имѣлъ довольно правильный взглядъ на историческія судьбы казачества, но не могъ, по цензурнымъ условіямъ, выразить свои мысли со всею ясностью. Болѣе того, даже возраженіе ему со стороны С. Руссова показалось опаснымъ московскому цензурному комитету, потому что авторъ цитировалъ столь предосудительныя мысли Н. Полевого.*)

За три года до С. Руссова донской генералъ Х. П. Кирсановъ съ негодованіемъ опровергалъ «Записки» Манштейна, писавшаго, что «община Донскихъ казаковъ покорилась Россіи». «— Но она никогда и не отторгалась отъ Россіи», — писалъ патріотическій генералъ.**)

Глава XXXII.

Судьба казачества при Николаѣ I. Военное у духовное управленіе на Дону. Атаманъ не-войскового происхожденія. Крестьянскія волненія. Политическое движеніе 1840 г.

Съ 1835 г. Донъ сталъ областью «по особымъ учрежденіямъ» или, точнѣе, выражаясь языкомъ Свода Законовъ, «на основаніи особыхъ правилъ» управляемой. Все разнообразіе историческаго права было замѣнено отнынѣ сепаратнымъ имперскимъ закономъ, предусматривавшимъ и дальнѣйшее приложеніе имперскаго права въ различныхъ областяхъ краевой жизни. Положеніе 1835 г., въ юридическомъ отношеніи, было актомъ, начавшимъ новую эпоху въ жизни края.

Донскія привилегіи были лишь мелькомъ помянуты въ «Положеніи», не были приведены въ систему. Возможно, что это произошло потому, что не хотѣли напоминать о нихъ лишній разъ казакамъ и, подводя имъ итоги, вскрыть насколько онѣ уже утратили свое значеніе. При составленіи Свода Законовъ казачьи привилегіи были упомянуты въ отдѣльныхъ Уставахъ: Питейномъ, Соляномъ, Торговомъ, Уставѣ Сельскаго Хозяйства. Положеніе 1835 г. предписывало Войско-

*) Р. Стар.», 1900, т. I, с. 423.

**) «Мысли о происхожденіи Донскихъ казаковъ», изъ записокъ ген.-м Кирсанова, «Отеч. Зап.», 1827, т. XXIX, N 83, с. 487.

вому Правленію руководствоваться этими уставами — «по продовольствію войсковыхъ обывателей виномъ, солью и рыбою».

Но эти разбросанныя по разнымъ уставамъ привилегіи не были соединены въ одно цѣлое съ привилегіями «особаго образа служенія», и Положеніе 1835 г. замѣнило собою «особое управленіе», въ основѣ коего лежала автономія края. Правда, безпристрастный историкъ долженъ сказать, что къ 1835 году былая автономія Донскаго края и казачества выродилась уже въ автономное самовластіе мѣстной аристократіи.

Достоинство Положенія 1835 г. заключалось въ довольно послѣдовательномъ раздѣленіи властей, какъ въ центрѣ, такъ и на мѣстахъ (въ округѣ и, отчасти, даже въ станицахъ). Законъ до извѣстной степени, уменьшилъ вліяніе крупнаго дворянства на внутренніе станичные распорядки. Но населеніе не получило никакихъ гарантій отъ атаманскаго произвола. И, вообще, вліяніе крупнаго дворянства на станичныя дѣла было замѣнено вліяніемъ администраціи, поставленной въ сильную зависимость отъ атамана. Впрочемъ, избирательныя права дворянства въ администраціи остались неприкосновенными. Не нужно упускать изъ виду, что служба по выборамъ при Николаѣ I, была не только правомъ, но и обязанностью, довольно тяжелой. Такъ что выборныя лица въ администраціи становились все болѣе и болѣе, для государства, даровыми полицеймейстерами по управленію казачествомъ, содержаніе коихъ оплачивалось Войскомъ, т. е. тѣмъ же казачествомъ .

Уже позже, въ 1852 г., были установлены правила о порядкѣ представленія высшему начальству дѣлъ, когда чины Войскового Правленія не согласны съ предложеніемъ наказнаго атамана. Правила эти остались безъ примѣненія. Зато, въ 1842 г., было воспрещено казакамъ подавать жалобы помимо своего начальства, а «главнымъ начальникамъ» предоставлено было право командировать казаковъ на службу внѣ очереди за «порочное поведеніе».*) Атаманъ могъ это сдѣлать по отношенію къ любому изъ донскихъ дворянъ и «торговыхъ казаковъ», не говоря уже о рядовомъ казачествѣ. Такимъ образомъ, и послѣ изданія Положенія 1835 г., самовластіе атамана осталось неограниченнымъ.

Въ области военнаго управленія атаманъ пользовался правами корпуснаго командира.. Войско продолжало сохранять многія изъ своихъ особенностей. Такъ, для управленія Донскими полками въ дѣйствующей арміи, въ Варшавѣ и на Кавказѣ, продолжали назначаться особые «походные атаманы», вѣдавшіе строевой и инспекторской частью.

Имп. Николай I, привыкшій къ единообразію и парадному виду войскъ, въ томъ числѣ и гвардейскихъ казачьихъ

*) 2-е П. С. З., т. XXVIII, N 15209,

частей, не могъ перенести вида 22 казачьихъ полковъ, представившихся ему на Дону въ 1837 году.

«— Я ожидалъ видѣть 22 полка казаковъ, — гнѣвно сказалъ онъ, — а вижу какихъ-то мужиковъ. Никто не имѣетъ понятія о фронтѣ. А лошади, это не казачьи лошади, — это мужичьи».*) Вслѣдствіе этого высочайшаго неодобренія были изданы въ 1838 г. правила для составленія и построенія казачьихъ полковъ. Ту-же цѣль введенія армейскихъ порядковъ въ казачью службу преслѣдовала и «полковая инструкція» 1835 года. Вообще, — съ 1835 года начинается регламентація внутренняго распорядка казачьей службы приказаніями изъ центра и особыми узаконеніями. Интересно отмѣтить, что правительство сочло нужнымъ регламентировать особыми правилами и казачій «дуванъ» (добычу).**) Нѣкоторыя мѣропріятія, конечно, диктовались военнымъ опытомъ, необходимостью примѣняться къ условіямъ войны, новаго вооруженія и т. п. Но, наряду съ этимъ, были и мѣры, сознательно направленныя къ истребленію особенностей казачьей службы, къ уничтоженію военной автономіи Войска.

Къ царствованію Николая I относится переводъ части казаковъ съ Дона на Кубань. Высочайшимъ повелѣніемъ 1847 г. для устройства Сунженской и Лабинской линій было повелѣно переселить съ Дону до 2.300 семей, причемъ, памятуя былыя исторіи, оговорили, что переселеніе дѣлается «по жеребію, съ допущеніемъ охотниковъ». Втеченіе 1847—1853 г. г. было всего переселено съ Дону 759 семей.

Привилегія службы въ предѣлахъ родного края превратилась, при Николаѣ I, въ одіозную привилегію: казачество, по «нарядамъ», служило въ полкахъ и на Кавказѣ, и въ Польшѣ, и въ центрахъ, но въ перерывахъ (т. е. «льгота») или по окончаніи службы д о л ж н о было возвращаться на Донъ и не имѣло права его покинуть, чтобы служить или работать внѣ Дона, въ Россіи. Между тѣмъ, лица другихъ сословій могли служить на Дону, и атаманъ Хомутовъ усиленно поощрялъ замѣщеніе видныхъ мѣстъ въ Войскѣ уроженцами россійскихъ губерній.

Даже донское дворянство, вопреки грамоты дворянству 1762 года, было связано и приковано къ Донскому краю (въ смыслѣ службы) и къ военной службѣ, какъ таковой. Въ 1841 г. были даны указанія, что войсковые чины за проступки не приговариваются къ отставкѣ отъ (военной) службы.***) Въ 1852 г. послѣдовало общее воспрещеніе перевода казачьихъ офицеровъ въ регулярныя войска.[1]) Наконецъ, было указано, что выборныя должности по войсковому управленію должны замѣ-

*) П. Н. Красновъ «Атаманская памятка».
**) 2-е П. С. З., т. X, N 9163, §§ 292—297.
***) 2-е П. С. З., т. XVI, N 14205.
[1]) 2-е П. С., т. XXVII, N 26241.

щаться, преимущественно, отставными. Всѣ эти мѣры имѣли цѣлью задержать на службѣ максимальное число дворянъ.

Срокъ службы (съ 1802 г.) продолжалъ оставаться для офицерскихъ чиновъ 25 лѣтъ, для нижнихъ чиновъ 30 лѣтъ (25 лѣтъ «полевой» и 5 лѣтъ «внутренней» службы).

Въ области сословныхъ правъ можно отмѣтить слѣдующія положенія николаевскаго времени. Сводъ Законовъ опредѣлилъ,*) что «потомственными дворянами признаются войсковые чины, начиная съ хорунжаго, въ тѣхъ казачьихъ войскахъ, которыя сравнены въ чинахъ съ войсками регулярными, и всѣхъ таковыхъ чиновъ дѣти, рожденныя въ оберъ-офицерскомъ званіи». Выс. утвержденное 23 февр. 1848 года мнѣніе Государственнаго Совѣта подтвердило право на дворянство въ казачьихъ войскахъ, сравненныхъ въ чинахъ съ армейскими.**)

Въ области духовнаго управленія Николая I быстро покончилъ вѣковой споръ войсковой администраціи съ воронежскими епископами изъ-за власти надъ донскимъ духовенствомъ. Достигнуто это было путемъ учрежденія донской епархіи. Причиной основанія епархіи въ Новочеркасскѣ послужила, какъ и въ началѣ XVIII вѣка, не забота о лучшемъ управленіи церковными дѣлами на Дону, а желаніе усилить борьбу съ расколомъ. Секретный комитетъ о расколѣ обратилъ вниманіе на быстрое и постоянное возрастаніе раскола въ Донскомъ Войскѣ. 14 марта 1829 г. было высочайше утверждено представленіе объ учрежденіи епископской каѳедры въ Новочеркасскѣ, съ именованіемъ епископа Донскимъ и Кавказскимъ. Синодъ представилъ Николаю, что епископы именуются по городамъ, а не по областямъ, и Николай I повелѣлъ наименовать архіепископа Новочеркасскимъ и Георгіевскимъ, распространивъ власть его на Землю Войска Донскаго, Кавказскую Область и Черноморье (указъ 3 апр. 1829 г.). Донское духовенство, послѣ 111-лѣтняго подчиненія епископамъ воронежскимъ, подчинено было мѣстному епископу, но было выведено изъ подчиненія войсковой администраціи.***) «Положеніе» 1835 г. опредѣлило, что дѣти духовенства казачьяго происхожденія состоятъ въ вѣдѣніи войсковаго начальства лишь до полученія штатныхъ мѣстъ при церквахъ, и тогда исключаются изъ войскового сословія. Такою мѣрою хотѣли создать замкнутое духовное сословіе на Дону, всецѣло подчиненное епископу. Въ 1851 г. переходъ простыхъ казаковъ въ духовное вѣдомство былъ совершенно воспрещенъ.[1]) Однако, правительство не хотѣло выпускать изъ казачества лишнихъ

*) Св. Зак., т. IX, Законы о сост., ст. 20.

**) 2-е П. С. З., т. XXIII, N 22016.

***) Матеріалы для исторіи правосл. церкви въ царствованіе Николая I, кн. I (Сб. И. Р. Ист. О., т. 113), с. 259, 396, 429.

[1]) 2-е П. С. З., т. XXVI, N 24809.

людей, которые могли бы пройти для этого черезъ духовное званіе, и потому, 8 апр. 1851 г., распорядилось, чтобы увольняемые изъ духовнаго званія опредѣлялись на службу въ тѣ казачьи войска, изъ которыхъ они происходили.

Въ области борьбы съ расколомъ состоялись слѣдующія мѣры. 6-го февраля 1826 г. было повелѣно казаковъ-духоборовъ ссылать на Кавказъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, циркуляромъ 5-го ноября 1830 г., предписывалъ (п. 7): «если откроются вновь духоборы изъ Донскихъ казаковъ, но возвратятся въ православіе, то таковыхъ возвращать въ войско и зачислять въ казачье званіе». 6-го декабря 1840 г. было повелѣно дѣла о раскольникахъ на Дону, подлежавшія до того времени вѣдѣнію Министра внутреннихъ дѣлъ, передать въ Военное Министерство по Департаменту военныхъ поселеній.*)

Въ отношеніи зачисленія въ Войско новыхъ лицъ правительство держалось политики созданія изъ казачества совершенно замкнутаго состоянія. Поэтому, зачисленіе постороннихъ лицъ въ Войско запрещалось. Обязаны были зачисляться въ казаки донскіе (мѣстные) крестьяне, выкупившіеся на свободу, и имѣли на это право мѣстные-же крестьяне, отпущенные на волю цѣлыми селеніями. До 1835 г. бывали случаи зачисленія въ Войско разныхъ, проживавшихъ на Дону инородцевъ, но съ этого года такія причисленія были воспрещены. Въ періодъ 1840—1842 г. г. правительство пыталось зачислять въ казаки горцевъ, добровольно перешедшихъ на русскую сторону, и семейства горцевъ, захваченныхъ въ плѣнъ. Но мѣра эта была отмѣнена (1842).

Выходъ изъ войскового сословія былъ воспрещенъ. Даже казачки не имѣли права выходить замужъ за постороннихъ, не только за крестьянъ. Наконецъ, правительство воспретило осѣдлое водвореніе на казачьихъ земляхъ лицъ не казачьяго сословія.

Вводить въ дѣйствіе Положеніе 1835 г. пришлось атаману М. Г. Власову (1836—1848), послѣднему атаману донского происхожденія (до 1917 г.). Начальникомъ штаба при немъ былъ ген. М. Г. Хомутовъ, не войскового происхожденія, бывшій командиръ гусарскаго полка. Послѣ смерти Власова онъ былъ назначенъ на его мѣсто, и открылъ собою серію донскихъ атамановъ невойскового происхожденія.**) Правилъ онъ до 1862 г. Такимъ образомъ, съ Хомутова и до гр. Граббе, до самого 1917 г., правительство упорно назначаетъ на Донъ атамановъ изъ генераловъ, часто не знающихъ ни Войска, ни казачества, ни его исторіи, ни его потребностей. Эти назначенія продиктованы боязнью петербургскаго правительства,

*) Сводъ прав, распор. о расколѣ Лонд., с. 24, 53, 62, 66, 264.

**) В. А. Панаевъ «М. Г. Хомутовъ», «Р. Ст.», 1880 г., т. XXVII: А. Карасевъ «Атаманская чета», «И. В», 1901, N 2; «Портрет. галлерея» изд. Мюнстера, т. I, СПБ. 1865.

что донскіе атаманы донского происхожденія будутъ благосклонно относиться къ донскому автономизму. Эта чисто политическая тенденція прикрывается разсужденіями, что атаманъ изъ посторонних̀ъ будетъ всегда болѣе безпристрастенъ, нежели мѣстный уроженецъ.

Лично человѣкъ не плохой, очень дѣятельный и энергичный, ген. Хомутовъ много сдѣлалъ для гор. Новочеркасска. Но общество было недовольно имъ, какъ лицомъ не-войскового происхожденія. Однако, это не помѣшало ему, при отсутствіи надзора правительства, быть, по выраженію Карасева, «маленькимъ царькомъ». Впрочемъ, оппозиція была крайне робкой и проявилась уже послѣ 1855 г. При Николаѣ-же значительная часть донского дворянства держалась довольно раболѣпно. Достаточно сказать, что атамана въ школахъ и на торжествахъ встрѣчали «хомутовскимъ гимномъ» слѣдующаго содержанія:

«Да спасибо царю сильному,
«Царю нашему державному,
«Что онъ далъ намъ отца-батюшку,
«Наказнаго атаманушку.
«Его голосъ серебромъ звучитъ,
«Сердце доброе казацкое...
«А и поступь залихватская...»

Въ 1854—1855 г. Хомутовъ съ донцами долженъ былъ защищать Приазовье, и безъ всякой нужды очистилъ Анапу (и Новороссійскъ). Что касается Войска, то оно должно было перенести тяжесть не меньшую, если не большую, чѣмъ въ 1812—1813 г. г. Снова была мобилизована почти поголовно мужская половина войскового населенія отъ 16 до 60 лѣтняго возраста.

Во внутренней жизни Дона эпоха 1835—1855 г. г. была временемъ затишья. Хотя Николай I и сказалъ въ 1837 г. ученикамъ Новочеркасской гимназіи, что онъ хотѣлъ бы видѣть министровъ, членовъ Государственнаго Совѣта и сенаторовъ изъ числа донцевъ, однако, въ области просвѣщенія, въ соотвѣтствіи съ духомъ николаевской эпохи, вообще, не дѣлалось ничего. Проповѣдовалась идея, что казакъ долженъ только сражаться, и ему некогда и незачѣмъ учиться. Судьба интеллигентной донской молодежи была безконечно тяжела. Вмѣсто работы по спеціальности, она должна была служить въ новочеркасскихъ канцеляріяхъ, или по далекимъ полкамъ, въ Грузіи, Финляндіи или Польшѣ.

Казачья масса получила 30-десятинный пай (надѣлъ) съ надеждою на надѣленіе прироста казачьяго населенія изъ станичнаго юрта и войскового запаса. Служебныя права пріобрѣли болѣе точное выраженіе въ законѣ. Но зато, сверху донизу была проведена и въ гражданской жизни система

военной подчиненности. Военно-служебное значеніе казачества было выдвинуто на первый планъ. Его гражданское развитіе было отодвинуто назадъ. Дисциплинарная власть военныхъ начальниковъ была усилена и, по возможности, проведена и въ области гражданской мирной жизни. Нѣкогда вольное казачество, свободно пополнявшееся притокомъ свободныхъ людей, стало окончательно замкнутымъ военно-служилымъ сословіемъ Имперіи, несущимъ военно-служебную тяготу исключительной тяжести. Метрополія закончила процессъ закрѣпощенія гражданъ вольной колоніи, оставивши имъ лишь видимость личной свободы. О политической свободѣ не могло быть и рѣчи въ николаевской Россіи.

Для донского крестьянства Положеніе 1835 г. было большимъ ударомъ. Оно не принесло ему никакого облегченія, никакой надежды на лучшее будущее. Съ 1820-хъ годовъ начались побѣги крестьянъ съ Дона. Въ 1827 г. бѣжали на Кулешовы хутора, Ростовскаго на Дону уѣзда, Екатеринославской губерніи.*) Въ 1832 году много крестьянъ изъ Земли Войска Донского (и изъ Саратовской губ.), убѣжало на кавказскую линію вслѣдствіе слуховъ, что тамъ принимаютъ бѣглыхъ въ казацкія общества. Въ 1833—1834 г. г. Донъ пережилъ тяжкій неурожай. Правительство ассигновало (1 іюля 1834 г.) 2,100.000 руб. на продовольствіе для казаковъ (впрочемъ, недошедшіе до станицъ и раскраденные администраціей). Что касается помощи крестьянамъ, то помѣщикамъ былъ открытъ кредитъ изъ войсковыхъ капиталовъ на 4 года, подъ угрозой обращенія крѣпостныхъ людей въ казаки за неуплату ссуды въ срокъ.**) Но донскіе помѣщики не пожелали брать ссуду на такихъ условіяхъ.

Въ 1837 г. крестьяне Грекова оказали сопротивленіе вслѣдствіе обремененія ихъ работою, «но, по введеніи воинской (казачьей) команды, обращены къ повиновенію и испросили прощенія помѣщика». Въ 1837 г. приписавшіеся въ окрестностяхъ Анапы бѣглые крестьяне пытались перевезти къ себѣ своихъ родныхъ изъ Воронежской губерніи и съ Дона. Правительству пришлось командировать въ Землю Войска Донскаго флигель-адъютанта гр. Орлова-Денисова и учредить на границахъ Войска стражу изъ казачьихъ командъ. Изъ бѣжавшихъ на Кубань, но не успѣвшихъ тамъ «водвориться», а также съ Черноморья, было возвращено большое число. Однихъ воронежскихъ крестьянъ было задержано въ Землѣ Войска Донскаго до 900 человѣкъ.

Несмотря на это, въ 1844 г. снова, изъ Славяносербскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, и изъ цѣлаго ряда округовъ Земли Войска Донскаго, «помѣщичьи крестьяне цѣлыми

---

*) 2-е П. С. З., NN 1521 и 6689.

**) Середонинъ «Ист. оч. дѣятельн. Комитета мин.», т. II, ч. 2, с. 296—7

толпами устремились вдругъ (!) на Кавказскую линію, оставя свои семейства и имущество». Въ числѣ «разглашателей», будто-бы бѣглецовъ свободно приписываютъ на Кавказской линіи и въ Анапѣ, главнымъ оказался отставной унтеръ-офицеръ, «который, выдавая себя за казака, объявлялъ крестьянамъ, что онъ присланъ, будто-бы, отъ правительства отпускать ихъ на волю». Онъ увѣрялъ, что «у него есть царскій указъ, по коему крестьяне, прибывъ на Кавказъ, немедленно получатъ по парѣ воловъ, по 2 коровы, по 100 руб. серебромъ и земли въ волю...» Движеніе подавлено было лишь съ трудомъ.*)

Мысль объ автономіи не умерла на Дону и при Николаѣ I. Созданіе въ 1849 г. перваго печатнаго органа на Дону способствовало проявленію мѣстнаго областничества, хотя этимъ органомъ были всего на всего «Донскія Войсковыя Вѣдомости».**) Въ нихъ стали появляться статьи о прошломъ Дона, но послѣднее было такимъ, что одинъ разсказъ о немъ вызывалъ, невольно, въ читателяхъ сравненіе съ настоящимъ.

Въ 1830-хъ г. г. извѣстная поэтесса Растопчина, проѣзжая на Кавказъ, написала стихотвореніе «Къ Дону», начинавшееся словами:

«Ты-ль это Донъ?! Какой ничтожный,
«Какъ мелокъ, какъ спокоенъ ты...»

В. Д. Сухоруковъ, бывшій уже въ служебной ссылкѣ, откликнулся на это стихотвореніе стихами «Отвѣтъ Дона», въ которыхъ напоминалъ о бурномъ и свободномъ прошломъ донского казачества. Стихи эти были встрѣчены съ восторгомъ донской молодежью, переписывались и заучивались во всѣхъ станицахъ.***)

Въ 1847 г. въ Новочеркасскѣ, прибывшему изъ Петербурга писателю Нестору Кукольнику группа мѣстныхъ автономистовъ устроила торжественный пріемъ. На вечерѣ въ его честь, Кукольникъ произнесъ экспромптомъ стихи, посвященныя Дону, его прошлому и его настоящему. Стихотвореніе это произвело потрясающее впечатлѣніе, потому что въ немъ говорилось о возможности превращенія донскихъ казаковъ въ государственныхъ крестьянъ. Вотъ отрывокъ изъ этого стихотворенія:

«Здорово, Донъ сѣдой! Здорово, Донъ унылый!
Какъ родина моя, ты мнѣ сталъ святъ и милъ.
Я полюбилъ тебя со всей казацкой силой,
Печали всѣ твои къ душѣ своей привилъ.
Казацкая была страшна когда-то сила:
Донскими лодками ты пѣнилъ Черный Понтъ,
И кланялись тебѣ Азовъ и Трапезонтъ...
Но ты разбогатѣлъ, и зависть страхъ смѣнила...»

*) «Мат. по исторіи крѣпостного права въ Россіи», Берлинъ, 1872, с. 3, 19, 38.
**) Съ 1849 по 1870 г. — «Дон. Войсков. Вѣдом.», съ 1870 по 1917 г. — «Дон. Областн. Вѣдомости»; въ 1917 г. — «Вольный Донъ».
***) Карасевъ «Сухоруковъ, донской писатель», Р. Стар.», 1871, II, с. 236.

Сказавши затѣмъ о тяжкомъ настоящемъ Дона, о начавшемся обѣдненіи и порабощеніи казачества, поэтъ заканчивалъ обращеніемъ къ Дону:

«Всплесни-же, старый Донъ, могучею волной,
Благословенье дай казачества обломкамъ.
Вѣдь ты предъ смертію — твой часъ послѣдній бьетъ,
И твой свершается предѣлъ, его никто же не прейдетъ:
Подъ орифламмою священныхъ преимуществъ
Въ грудь благородную графъ Киселевъ воткнетъ.
Мечъ Государственныхъ Имуществъ»...

Въ переводѣ съ поэтическаго языка это обозначало, что правительство, утвердившее и при Николаѣ I привилегіи Войска («священныя преимущества»), въ лицѣ министра государственныхъ имуществъ гр. Киселева готовится превратить казаковъ въ крестьянъ.

На эти стихи Кукольника отвѣтилъ длиннымъ стихотвореніемъ офицеръ Донской гвардейской артиллеріи, И. В. Турчаниновъ, замѣчательный донецъ, котораго біографія еще не написана. Онъ протестовалъ въ своихъ стихахъ противъ подавленія донской свободы императорской Россіей. И эти стихи заучивались и переписывались на Дону. Впослѣдствіи Турчаниновъ былъ полковникомъ гвардейскаго генеральнаго штаба, потомъ служилъ во французской арміи, переселился въ Соединенные Штаты и здѣсь, во время междоусобной войны, командовалъ отдѣльнымъ отрядомъ въ арміи ген. Гранта. Этотъ донской вольнодумецъ былъ рѣдкимъ исключеніемъ въ эпоху николаевской реакціи.

Что касается Кукольника, то ему пришлось спѣшно покинуть Донъ, такъ какъ атаманъ, ген. Власовъ, до свѣдѣнія котораго дошло о пирушкѣ и о стихахъ, хотя и замялъ дѣло, но домогался, чтобы Кукольникъ въ той-же компаніи заявилъ, что вдохновеніе его явилось результатомъ цымлянскаго, слухъ-же объ обращеніи донскихъ казаковъ въ крестьянъ ни на чемъ не основанъ.*)

Свободомысліе донцевъ, какъ ихъ «національную» черту, отмѣчали многіе иностранные путешественники. Такъ, въ 1840 году французъ Ксавье Оммэръ де Гелль (Hommaire de Hell) описывая городъ Ростовъ на Дону той эпохи, отмѣчалъ въ жителяхъ его свободу и независимость, результатъ «вліянія народа, бывшаго долгое время свободнымъ...» «Это тайное вліяніе, которое казаки оказываютъ на русскихъ, есть явленіе, достойное вниманія и, кажется, доказывающее, что угнетенность русскаго народа зависитъ болѣе отъ его политическаго устройства, а не отъ національнаго характера».**)

*) «Донъ и Донцы въ прежнее и нынѣшнее время» (сообщ. Ад. Чеботаревъ), «Р. Стар.», 1879, т. XXV, с. 189; Карасевъ «Н. В. Кукольникъ на Дону», «Р. Арх.», 1894, N 3, с. 590—591.

**) Сватиковъ «Иностр. путешественники XVIII-го и первой половины XIX вѣка», «Записки Ростов. Общ. Ист.», т. II; Hommaire de Hell «Les steppes de la Mer Caspienne», 1860.

Вслѣдъ за декабристами и революціонеры 40-хъ годовъ XIX вѣка обращаютъ свое вниманіе на Донъ, какъ на область, въ которой должны были сохраниться традиціи борьбы за личную и политическую свободу. Кирилло-Меѳодіевское братство въ Кіевѣ, составляя въ 1847 г. проектъ «федераціи славянскихъ народовъ», включало Донъ въ Юго-Восточный штатъ (одинъ изъ 14 штатовъ, на которые должна была разбиться Россія, не считая Польши).*)

По дѣлу Кирилло-Меѳодіевскаго общества арестованъ былъ студентъ Андрузскій, отправленный сперва въ Казань, а затѣмъ (на службу) въ Петрозаводскъ. Въ 1850 г., при обыскѣ, у него нашли въ бумагахъ «конституцію республики». Въ числѣ штатовъ предположенной имъ федераціи упоминался и Донской, наравнѣ съ Украйной, Черногоріей, Болгаріей, Сербіей, Польшей, Остзейскимъ краемъ, Бессарабіей и Галиціей. Андрузскій былъ отправленъ въ Соловецкій монастырь.**)

Членъ тайнаго общества, основаннаго Петрашевскимъ, офицеръ л.-гв. Московскаго полка Момбелли, отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ свѣдѣнія объ арестѣ Кирилло-Меѳодіевскаго общества. Онъ писалъ, что часть малороссіянъ, съ которыми онъ встрѣчался, признавала планъ возстанія Малороссіи «не такъ нелѣпымъ». «Стоитъ только расшевелить» ихъ земляковъ, «какъ ужъ трудно будетъ успокоить ихъ, пока не доберутся до своего, не исполнятъ, что затѣяли. Съ возстаніемъ-же Малороссіи зашевелился бы и Донъ, давно уже недовольный мѣрами правительства. Поляки тоже воспользовались-бы случаемъ. Слѣдовательно весь югъ и западъ Россіи взялся бы за оружіе...»***)

Осужденный по дѣлу Петрашевскаго Черносвитовъ проектировалъ, съ своей стороны, поднять возстаніе въ Сибири и на Уралѣ, «тогда съ 400.000 заводскихъ крестьянъ можно будетъ кинуться на низовыя губерніи и землю Войска Донскаго». Такимъ образомъ, и петрашевцы считали Донъ краемъ революціоннымъ.[1])

Въ 1848 г., въ разгарѣ французской революціи, выпущена была въ Парижѣ чрезвычайно интересная литографированная прокламація къ Донскимъ казакамъ на русскомъ и французскомъ языкахъ.[2])

---

*) «Русс. Бог.», 1911, N 5, с. 125 — В. Семевскій «Кирилло-Меѳодіевское общество».

**) «Твори Т. Шевченка», видання В. Яковенка, II, 123, и «Былое», 1907, IX, 132.

***) «Р. Б.», 1911, N 6, с. 5.

[1]) В. Семевскій «М. В. Буташевичъ Петрашевскій», «Гол. Минувш.», 1913, VIII, с. 77, и отд. изд. 1922.

[2]) «Храброй Народъ, Казаки Донскіе» и т. д., 12—24 апр. 1848 г., Парижъ. Въ 1912 г. эту прокламацію напечаталъ Бурцевъ въ N 14 заграничнаго «Былого» («Прокламація 1848 года», с. 66—69). Въ 1919 году ее перепечаталъ (только франц. текстъ) въ Парижѣ членъ Донской делегаціи при Мирной Конференціи, Г. И. Каревъ, считавшій (ошибочно) ее воззваніемъ французскаго (республиканскаго) правительства. Ср. «Adresse du Gouvernement Français aux. Cosaques du Don» etc. (оч, рѣдк. листокъ),

«Храброй Народъ, Козаки Донскіе», — писали анонимные авторы прокламаціи 1848 г.*) «Теперъ какъ вольная Франція поздравляетъ все Народы Міра въ имя свободы и братской Христянской Любви мы съ столицы Франціи обращаемъ къ Вамъ нашъ голосъ

«Долго Ваше Имя означивало орды которые тиранство и деспотизмъ метали на свободу и образованіе другихъ народовъ. Что-же Вы выиграли въ этихъ борбахъ? Ваши свободы и права, купленныя самою чистейшею Кровью вашею неустаяли противъ нападеній то лести, то насиля, и ежели еще что нибудь изъ нихъ осталось и неуничтожено, ето потому только, что деспотизмъ чтобъ прій, ти къ цели своей употребляетъ столько предосторожностей сколько и хитрости. Куда не можетъ броситься какъ тигръ тамъ скользитъ какъ змей, терпеливое чтобъ неизпугать преде времени своей добычи.

«Царъ Московской Немецъ, Голштейнъ Готорпъ, а не Славянинъ изъ родины Романовыхъ, какъ онъ самъ себя зоветъ, не даетъ-ли Вашихъ Храбрыхъ полковъ Немцамъ? Какомуто нибудь Граббе, Бенкердорфу, Зассу, Фрейтагу и прочимъ, какъ бы смычи собакъ къ охотѣ на Народы которые вамъ никакого зла несделали, и которые будуть Вамъ друзья, лучше нежели Москали. Тогда, когда Немцы получаютъ богатство, достоинства и честь, цѣною вашей Крови, Царъ гонитъ вашую вѣру Старообрадцевъ, сосылаетъ въ дальные Краи вашихъ братьевъ, и Ваши Платовы, Власовы, Сысоевы, Орловы, Денисовы, Грековы, Иловайски, Мартіновы, Дмытровы и прочіе, какъ подвладные какъ низшіе у подлыхъ Немцовъ и у самыхъ-же Москалей».

Какъ мы видимъ по языку, которымъ писано это воззваніе, русскіе революціонеры не имѣли къ нему никакого отношенія. Французскій текстъ возванія также очень плохъ, и французы, тѣмъ болѣе французское правительство 2-й республики, не имѣли никакого отношенія къ воззванію. Своеобразныя ошибки въ словахъ: «Царъ», «старообрадцы», именованіе русскихъ «москалями», наконецъ, политическій смыслъ прокламаціи указываютъ на польское происхожденіе воззванія. Авторы его слыхали о потерѣ донцами ихъ вольностей, знали имена наиболѣе славныхъ дворянскихъ фамилій на Дону, и пытались уязвить національную гордость донцевъ, указывая на подчиненіе казачества нѣмцамъ.

«Довольно Вамъ этой жизни низкой и сромотной, — восклицали авторы прокламаціи, — храброй Народъ проснись на зовъ народовъ отъ Запада. Козаки Донскіе подайте одну руку роднымъ братьямъ Вашимъ Полякамъ, а другую Черкесамъ Которые такъ храбро и постоянно сражаются за свою свободу.

---

*) По французски это было написано такъ: Peuples des Kosaks du Don («народы»).

Позовите къ Вамъ всехъ Козаковъ, и тогда сделаетесь Государствомъ сильнымъ, которое будетъ владетъ землями и морями, и благоденствовать во славѣ...»

Вотъ, стало быть, гдѣ и когда проявилась мысль о донскомъ «сепаратизмѣ» и объ основаніи казачьяго «Государства». «Ступайте, — продолжали авторы прокламаціи, — противъ Царя Тирана, и даруйте свободу самимъ же Москалямъ, освобождайте отъ гоненій вѣру старообрадцевъ, вѣру вашихъ Отцевъ. — Етакія дѣла, достойныя военной славы Вашей соединять Васъ съ народами Запада и свѣта, которые желаютъ всемъ вольности братской, Любви и щастя.

«Къ оружію, къ войнѣ, Войны Дона, Ураля, къ оружію Козаки, срожайтесь одно мгновеніе, какъ вольные Люди, а получите Миръ, свободу и щастіе на всехда.

«Да благославляетъ Васъ Богъ, такъ какъ онъ благославляетъ тѣхъ которые установливаютъ Царство Его на землѣ, а Царство Его, есть братская Хрістіанская любовь межъ людми, и вольность, свобода и щастіе для Всѣхъ...»

Врядъ-ли хоть одинъ экземпляръ этой прокламаціи дошелъ не только до Дона, но и до Россіи.

Можно думать, что мысль написать эту прокламацію вызвана была тѣмъ, что 19 марта 1848 г. Николай I сдѣлалъ первые шаги къ борьбѣ съ революціей въ Зап. Европѣ и приказалъ гвардіи выступить къ границѣ. Первыми двинуты были Гвардейскій и Атаманскій наслѣдника цесаревича казачьи полки. Позже, для подавленія венгерской свободы, Дону пришлось послать 2 гвардейскихъ и 16 казачьихъ полковъ.*)

Въ 1854 г., во время Крымской войны, эмигрантъ Энгельсонъ, жившій въ Лондонѣ, напечаталъ два воззванія на русскомъ языкѣ подъ заголовкомъ: «Емельянъ Пугачевъ честному казачеству и всему русскому люду шлетъ низкій поклонъ».**) Онъ писалъ: «теперь насталъ для васъ удобный часъ положить конецъ царскому самовластію и установить чтобъ впредь Русь управлялась по старинному, по русскому деревенскому обычаю: выборными людьми, которые не смѣли бы ни единаго рекрута, ни единаго рубля съ народа взять — не давая въ томъ отчета народу...» Ничего, спеціально относившагося къ казакамъ, не было въ этомъ воззваніи, кромѣ слѣдующаго мѣста: «нешто вамъ, простолюдинамъ, былъ прокъ доселѣ оттого, что Русь, угнетаемая царемъ, была страшилищемъ, пугаломъ для другихъ народовъ, была палачемъ для Польши, для Финляндіи, для Горцевъ...» Лестно-ли вамъ, что, «заговоритъ-ли народъ во Франціи, и тамъ приверженцы (не Наполеона, а) прежнихъ, теперь уже изгнанныхъ, королей народу тотчасъ говорятъ: «Цыцъ! вотъ мы казаковъ противъ васъ

*) Изъ записокъ бар. Корфа, «Р. Стар.», 1900, т. I, 569.
**) Вольная Русская Книгопечатня, Лондонъ, 1854.

позовемъ! Николай Павловичъ, сильнодержавный, намъ другъ и пріятель; онъ ихъ какъ разъ намъ приплетъ! Они васъ по своему, по казацкому, проучать!...»

«Не въ нравахъ никакого правительства, — писалъ (анонимно) Энгельсонъ, — лелѣять мятежниковъ. Оттого мало надежды, чтобъ иностранныя державы, которыя воюютъ противъ Николая, дали вамъ не только денегъ и оружіе, но даже совѣтъ подняться противъ Николая. — Еще можетъ статься, что онѣ сами поднимутъ Поляковъ, Финляндцевъ, Горцевъ; народы эти имъ ближе къ сердцу,... чѣмъ мы, русскіе...» Самое большое, чего ждалъ Энгельсонъ отъ союзныхъ державъ, воевавшихъ съ Россіей, это того, что онѣ «не захотятъ заступаться за власть Николая» надъ русскимъ народомъ.

Энгельсонъ давалъ совѣты совершенно не патріотическіе: принимать «чужеземныя войска, не какъ враговъ, но какъ низпосланныхъ Богомъ помощниковъ вамъ, для низверженія съ вашихъ плечъ гнета царя и чиновниковъ его». Затѣмъ онъ предлагалъ итти на судоходныя рѣки — остановить вездѣ хлѣбные запасы «а потомъ — на Москву, на Питеръ — всюду гдѣ царь будетъ» — и «отрѣшать» его...

Въ этомъ воззваніи заключался совѣтъ не только устроить революцію во время борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, но и привѣтствовать чужеземныя войска, какъ освободителей. Принимая во вниманіе, что союзники 1854—1855 г. г. шли на Россію вовсе не съ цѣлью освобождать русскій народъ, что прокламація была напечатана въ Англіи, тогда воевавшей съ Россіей, надо признать, что врядъ-ли донскіе казаки одобрили бы прокламацію Энгельсона, если бы она до нихъ дошла.*)

Глава XXXIII.

Александръ II и автономія Дона. Записка Дондукова-Корсакова. Д. А. Милютинъ и раскрѣпощеніе казачества. Главное управленіе казачьихъ войскъ.

Пятидесятилѣтіе, отдѣляющее Крымскую войну отъ первой революціи (1855—1905) не измѣнило къ лучшему ни положенія Донского края, ни положенія казачества. Единственнымъ прочнымъ результатомъ «эпохи великихъ реформъ» оказались: освобожденіе донского крестьянства и выборный мировой судъ. Черты автономіи были стерты еще болѣе. Войсковой Кругъ не возродился къ новой жизни, въ качествѣ краевого представительнаго учрежденія, а самоуправленіе, въ формѣ земства, просуществовало недолго (1876—1882). Эконо-

*) Герценъ счелъ неудобнымъ перепечатывать эти воззванія въ брошюрѣ «Десятилѣтіе вольной русской печати въ Лондонѣ». Лондонъ, 1863.

мическое положеніе казачества, истощеннаго крымской и турецкой войнами, рѣзко ухудшилось. Правовое-же положеніе казачества и неказачьяго населенія ухудшилось къ концу описываемаго полустолѣтія чрезвычайно.

Въ царствованіе Александра II, на Дону, не произошло измѣненій въ территоріальномъ отношеніи. Отмѣтимъ лишь переводъ управленія Хоперскаго округа изъ станицы Алексѣевской въ ст. Урюпинскую.*) Указомъ 22 апр. 1877 года ст. Богаевская была перечислена изъ I-го Донскаго въ Черкасскій округъ.**)

Преобладающей идеей правительства въ отношеніи казачества, въ первую половину царствованія Александра II, была мысль о постепенномъ раствореніи этой исторической сословно-бытовой группы въ общей массѣ населенія. 1-го января 1863 г. наказнымъ атаманамъ казачьихъ войскъ была секретно разослана записка подъ названіемъ: «Общая программа главныхъ основаній Войсковыхъ Положеній». Въ ней высказаны пожеланія: 1) замѣнить поголовную службу казачества наборомъ «охочихъ» людей, любящихъ военное дѣло и казачью службу; 2) установить свободный доступъ и выходъ изъ казачества; 3) постепенно вводить личную поземельную собственность, рядомъ съ общиннымъ владѣніемъ, какъ средствомъ обезпеченія всей массы служилаго казачества; 4) разграничить военную часть отъ гражданской и судебную отъ административной и ввести имперское право въ судопроизводство и судоустройство.

Эти-же мысли выражалъ и стремился провести въ жизнь военный министръ ген. Д. А. Милютинъ. «Главная мысль, которою руководствуется Военное Министерство въ предположеніяхъ своихъ о преобразованіяхъ въ казачьихъ войскахъ», — говорилъ онъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ по Военному Министерству за 1868 г., — «состоитъ именно въ томъ, чтобы объединить, сколь возможно, казачье сословіе съ другимъ, совмѣстно съ нимъ обитающимъ населеніемъ подъ однимъ общимъ гражданскимъ управленіемъ, сохранивъ отдѣльность только въ военномъ устройствѣ казаковъ, въ собственномъ хозяйствѣ войсковомъ и военной администраціи».***)

Такимъ образомъ, Д. А. Милютинъ, представитель въ правительствѣ группы демократическаго цезаризма, проповѣдывавшій принципъ: «все для народа, ничего посредствомъ народа», совершенно не считался съ прошлымъ донского казачества. Ему чужда была многовѣковая исторія донского казачества, тѣмъ болѣе, исторія вольной донской колоніи, добровольно соединившейся съ метрополіей. Онъ видѣлъ въ казакахъ не потомковъ вольныхъ гражданъ Дона, а закрѣпощенное государству служилое сословіе. Онъ не понималъ, по-

*) Указъ 28 авг. 1857 г., II-е П. С. З., N 32204.
**) II-е П. С. З., N 57206.
***) «Столѣтіе Воен. Мин.», т. XI, в. I, с. 428.

чему казаки продолжали держаться за свое старое историческое имя, за свои, хотя и ставшія призрачными, права. Поэтому, онъ считалъ нужнымъ «объединить казачье сословіе» съ крестьянскимъ подъ общимъ гражданскимъ управленіемъ, сохраняя за казаками полностью всю военную тяготу, на нихъ лежавшую, и втеченіе всего времени своего управленія военнымъ министерствомъ онъ слѣдовалъ политикѣ нивеллированія казачества, подведенія его подъ общія нормы.

Какъ мы увидимъ далѣе, казачество опасалось этого уравненія. Оно хорошо приняло судебную реформу, сочувственно отнеслось къ освобожденію крестьянъ на Дону, но приняло земство, по положенію 1864 г. (хотя и съ поправками), какъ мѣру реакціонную, по сравненію съ былымъ самоуправленіемъ станицъ и, особенно, Круга. Особенно тяжкимъ показалось казакамъ, вѣковымъ хозяевамъ края, что жители городовъ и внѣдрившихся въ войсковыя земли слободъ получили преобладающее число голосовъ въ земствѣ.

Въ центральномъ управленіи казачьими войсками въ царствованіе Александра II произошелъ рядъ измѣненій. 21 авг. 1857 г. Департаментъ Военныхъ Поселеній былъ преобразованъ въ Управленіе иррегулярныхъ войскъ. Въ его составѣ учреждено было общее присутствіе для разсмотрѣнія законодательныхъ и хозяйственныхъ дѣлъ иррегулярныхъ войскъ изъ 7 человѣкъ: одинъ отъ военнаго министерства, одинъ отъ государственнаго контроля и 5 чел. отъ казачьихъ войскъ (отъ Дона — одинъ). Сообразно съ этимъ Донское Войско платило 20 % на содержаніе Управленія иррегулярныхъ войскъ.

Всѣ атаманы, начиная съ 1846 г., были люди чуждые краю. Хомутова смѣнилъ въ 1862 г. П. Хр. Граббе, правившій до 1865 г. со званіемъ наказнаго, а въ 1865—1866 г. г. — войскового атамана. 10-го окт. 1865 г. наказнымъ атаманомъ былъ назначенъ А. Л. Потаповъ, получившій 28 окт. 1866 г. званіе войскового наказнаго атамана. Въ 1868 г. войсковымъ наказнымъ атаманомъ былъ назначенъ М. И. Чертковъ, правившій до 1874 г. Его смѣнилъ Н. А. Краснокутскій (1874—1881). Все царствованіе Александра III управлялъ Домомъ кн. Н. И. Святополкъ-Мирскій (1881—1898). Изъ нихъ только Граббе личною своею мягкостью и Краснокутскій, прислушивавшійся къ голосу земства, оставили добрую память на Дону. Главный недостатокъ всѣхъ ихъ заключался въ полной отчужденности отъ края, отъ его традицій и исторіи.

Правда, назначая Хомутова, Николай I оговорился, что, «какъ первую изъ важныхъ обязанностей» атамана, онъ возлагаетъ на него: «попеченіе о неприкосновенномъ охраненіи всѣхъ правъ и преимуществъ, дарованныхъ въ Бозѣ почивающими» его предками и имъ самимъ «любезно-вѣрному Войску Донскому, и неизмѣнное соблюденіе утвержденнаго для онаго положенія...» Положеніе 1835 г., внесенное въ Сводъ

Законовъ, дѣйствительно соблюдалось, но отъ правъ и преимуществъ Дона остались лишь слова торжественныхъ грамотъ, вычитывавшихся въ дни Войсковыхъ Круговъ (4 раза въ году). Для грамотъ былъ сдѣланъ громадный серебряный ларецъ (изъ серебра, отбитаго казаками у французовъ въ 1812 г.). Ларецъ этотъ, въ описываемую эпоху, подобенъ былъ роскошному гробу, въ которомъ покоились останки донской вольности. И «войсковая хлѣбъ-соль» послѣ Круга сдѣлалась, своего рода, трапезой казачества послѣ панихиды по дорогимъ покойникамъ.

Идея донской самобытности въ 60—80-хъ г. г. XIX вѣка стала достояніемъ немногихъ. На нихъ смотрѣли, какъ на чудаковъ, «казакомановъ», своеобразныхъ ретроградовъ. Дѣйствительно, многіе, подъ предлогомъ самобытности Дона, хотѣли удержать за собою привиллегированное положеніе, въ которомъ они находились; многіе были политическими реакціонерами, вѣрными слугами петербургскаго самодержавія. Однако, какъ это ни странно, казачество было всегда консервативно, несмотря на свой искренній и подлинный демократизмъ. Этотъ консерватизмъ исторически понятенъ. Золотой вѣкъ казачества, вѣкъ политической свободы, народоправства, привольной жизни, былъ для казачества въ прошломъ. Новая эпоха приносила казачеству ограниченіе правъ, ухудшеніе экономическаго и политическаго положенія. Либеральная интеллигенція 60-хъ г. г. видѣла улучшеніе жизни казачества въ уравненіи его съ остальными гражданами Россіи, въ уничтоженіи тяжелой воинской поголовной службы казачества со снаряженіемъ за свой счетъ, въ «расказачиваніи» Дона. Объективныя условія экономической жизни уже въ 60-хъ г. г. поставили вопросъ объ уничтоженіи казачества, какъ особаго сословія. Кто знаетъ, какъ обстоялъ-бы и какъ разрѣшился-бы вопросъ, если-бы Россія твердо шла по пути свободы гражданской и политической. Фактически-же, послѣ «эпохи великихъ реформъ», Донъ утратилъ остатки своей автономіи, а казачество осталось закрѣпощеннымъ государству, какъ было при Николаѣ I.

Въ настоящемъ очеркѣ вполнѣ умѣстно вспомнить выступленіе въ защиту правъ Войска, сдѣланное 3 дек. 1861 г. Начальникомъ Штаба Войска Донскаго ген.-лейт. кн. Дондуковымъ-Корсаковымъ, который подалъ военному министру свою замѣчательную «Записку о Войскѣ Донскомъ». Онъ указывалъ правительству на три «главныя начала казачества»: 1) поземельное начало, 2) замкнутость Войска и 3) на выборное начало и другія особенныя права самоуправленія. Дондуковъ отстаивалъ запрещеніе помѣщикамъ на Дону продавать свои земли иначе, какъ лицамъ войскового сословія.

Въ 1873 г. было повелѣно образовать новые станичные

юрты.*) Въ XIX вѣкѣ было принято называть новыя станицы именами войсковыхъ атамановъ. Такъ образовались станицы Платовская, Иловайская, Хомутовская и т. д.

Въ высшемъ управленіи Дона произошли измѣненія, которыя были связаны съ перемѣною лицъ на престолѣ, съ измѣненіемъ организаціи военнаго министерства и, наконецъ, съ измѣненіемъ общей политики въ отношеніи казачества, какъ сословія.

19-го февраля 1855 г. Атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ сталъ наслѣдникъ в. к. Николай Александровичъ. 8-го августа 1863 г. онъ принялъ на Дону въ Войсковомъ Кругѣ знаки атамана Войска Донскаго. Путешествіе его на Донъ имѣло политическій характеръ, ибо казачество было обезпокоено слухами о превращеніи казаковъ въ крестьянъ. Пріѣздъ наслѣдника, въ связи съ грамотой, подтверждающей права и привилегіи Войска, имѣлъ цѣлью успокоить казачество. Послѣ смерти в. к. Николая Александровича, 29-го мая 1865 г. званіе Атамана всѣхъ казачьихъ войскъ перешло къ слѣдующему брату его, в. к. Александру Александровичу, который, затѣмъ, былъ на Войсковомъ Кругѣ 31-го іюля 1869 года.

Явившись 21-го мая 1870 г. на Войсковой Кругъ по случаю 300 лѣтія Войска, в. к. Александръ Александровичъ произнесъ рѣчь, въ которой, помимо обычныхъ въ его положеніи оффиціальныхъ выраженій благодарности Войску за вѣрную службу, содержалось и политическое заявленіе: «Наше общее желаніе, это — чтобы наше славное русское казачество сохранилось и укрѣпилось на долгое время во вѣки вѣковъ». Впрочемъ, это говорилось по случаю 300-лѣтняго юбилея донского казачества. Въ дѣйствительности-же правительство руководилось по отношенію къ Дону и казачеству совершенно иными началами.

Чрезвычайно характерны въ этомъ отношеніи слова имп. Александра II, сказанныя имъ казачьимъ «депутатамъ», вызваннымъ въ Петербургъ для участія во Временномъ Комитетѣ для пересмотра казачьихъ законоположеній. 5-го ноября 1865 г. Александръ II обратился къ этимъ «депутатамъ» съ знаменательной рѣчью, въ которой объяснилъ, что они вызваны, чтобы съ ихъ помощью «разъяснить истинныя ихъ нужды». Далѣе онъ высказался о судьбѣ казачества: «Я желаю, чтобы казачьи войска, оказавшія столько незабвенныхъ заслугъ Отечеству, сохранили и на будущее время свое воинское назначеніе. Твердо надѣюсь, что казаки и впредь, когда понадобится, выкажутъ себя такими-же молодцами, какими были всегда. Но я, вмѣстѣ съ тѣмъ, желаю, чтобы въ устройствѣ казачьихъ войскъ военное ихъ назначеніе было сколько возможно согласовано съ выгодами гражданскаго быта и хозяй-

*) 2-е П. С. З., т. XLVIII, N 52338.

ственнаго благосостоянія. Казачье населеніе, отбывая попрежнему военную свою обязанность, можетъ и должно въ тоже время пользоваться общими для всѣхъ частей Имперіи благами гражданскаго благоустройства. Къ этой главной цѣли должны клониться всѣ ваши труды, и мнѣ пріятно будетъ видѣть, если вы достигнете ее...» Это были мысли, внушенныя Александру II-му военнымъ министромъ Д. А. Милютинымъ.

12-го августа 1872 г. Александръ II лично посѣтилъ Войсковой Кругъ и произнесъ рѣчь, въ которой напоминалъ Войску слова Николая I, сказанныя въ 1837 г., о томъ, что «лучшаго доказательства своего уваженія къ доблестямъ Войска Донскаго онъ не могъ дать, какъ назначивъ сына своего, Наслѣдника, ихъ Атаманомъ». Войско оправдало надежды Николая I и вѣрно служило его сыну. Того-же ждалъ Александръ II-й и по отношенію къ своему сыну. Закончилъ свою рѣчь Александръ II словами: «мнѣ остается желать, чтобы Войско Донское, сохраняя доблести своего вѣковаго казачества, развивалось и въ гражданскомъ быту, согласно даннымъ мною указаніямъ».

Въ выше помянутой запискѣ кн. Дондуковъ высказалъ пожеланіе, чтобы земли на Дону могли продаваться лишь лицамъ войскового происхожденія. «Въ смыслѣ казачества, — писалъ онъ, — постановленіе это имѣетъ глубокое значеніе. Автономія каждой страны, несомнѣнно, основана на поземельномъ началѣ. Продажа земель, иногороднимъ ввела-бы Войско новый, независимый отъ сего учрежденія элементъ...»

Дондуковъ упускалъ изъ виду, что заселеніе войсковыхъ земель крестьянами, совершенное донскою старшиною въ XVIII-мъ и дворянствомъ въ началѣ XIX-го вѣка, имѣло уже роковое значеніе для Войска. Уже въ 1861 г. на Дону треть населенія составляли крестьяне, получившіе право собственности на свою землю. Дондуковъ рекомендовалъ распространить и на крестьянъ ограниченіе, тяготѣвшее на помѣщикахъ. Въ своемъ родѣ совѣтъ этотъ былъ логиченъ.

Замкнутость Войска выражалась въ запрещеніи чинамъ его выписываться изъ войскового сословія, а лицамъ другихъ сословій записываться въ Войско. Причину замкнутости Дондуковъ правильно видѣлъ въ исторіи Дона: «нѣсколько вѣковъ казаки пользуются самостоятельностью; въ XVII в.... они составляли отдѣльное вольное общество, имѣвшее свои уставы, свои права, коими, на войсковыхъ сборахъ или кругахъ, всенародною подачею голосовъ рѣшались общественные вопросы и избирались войсковые атаманы... Имена Ермака и нѣкоторыхъ популярныхъ атамановъ еще очень свѣжи въ памяти народной... Какъ гражданинъ, каждый простой казакъ считаетъ себя, съ нѣкоторымъ основаніемъ, несравненно выше всѣхъ прочихъ податныхъ сословій Россіи. Выборное начало и другія либеральныя права, составляющія основу казачества на Дону, развили въ немъ чув-

ства личнаго достоинства и самостоятельности...» На Дону развиты «понятія, которыхъ далеко чужда общая масса населенія Россіи...» Поэтому, — заключалъ Дондуковъ, — «приписка новаго иногороднаго элемента всегда будетъ встрѣчена казаками съ крайнимъ неудовольствіемъ, можетъ даже быть, и съ гласнымъ ропотомъ, какъ нарушеніе одного изъ самыхъ близкихъ сердцу казака постановленій. При свойственномъ казакамъ недовѣріи и подозрительности, подобная мѣра непремѣнно заставитъ ихъ опасаться за прочность существованія самаго Войска и возбудитъ недоброжелательство къ Правительству въ населеніи, исключительно привязанномъ и преданномъ Имени Государя...»

«Выборное начало, — продолжалъ Дондуковъ, — составляетъ одно изъ существенныхъ правъ Войска Донскаго, которымъ масса сословія преимущественно дорожитъ. Простой казакъ гордится на станичныхъ выборахъ и сборахъ своимъ правомъ голоса наравнѣ съ прежнимъ своимъ командиромъ полка, офицерами, генералами, если они граждане одной съ нимъ станицы...» «Другая не меньшая привиллегія казаковъ состоитъ въ правѣ собирать станичные сборы для обсужденія нуждъ...» Одна изъ главныхъ привилегій Войска — «право имѣть отдѣльную отъ государственной — войсковую казну, составлять собственный бюджетъ...» Затѣмъ Дондуковъ перечислялъ права на рыбную ловлю, Манычскую соль и на нѣдра (грушевскій антрацитъ).

Дондуковъ, видимо, зналъ о проектахъ Петербурга уничтожить выборное начало на Дону, потому что особенно горячо отстаивалъ его: «неоспорима истина, — писалъ онъ, — что зло, могущее произойти отъ выборнаго начала, несравненно менѣе зла и легче переносится, чѣмъ то, которое проистекаетъ отъ личнаго произвола начальника или отъ самовластнаго управленія краемъ». Дондуковъ напоминалъ о чтеніи грамотъ на шести ежегодныхъ Войсковыхъ Кругахъ, о тревожныхъ опасеніяхъ казачества, протестовалъ противъ централизаціи въ Петербургѣ, поглощающей всѣ мѣстные интересы и вопросы казачьихъ войскъ, противъ мысли «подчинить одному единообразному положенію всѣ казачьи войска». Нарушенія основныхъ началъ Войска Дондуковъ считалъ «рановременными, чтобы не сказать опасными». Заканчивалъ свою записку Дондуковъ здравою мыслью, что «время, обстоятельства и улучшенія гражданскаго быта прочаго населенія Россіи могутъ вызвать интересъ казаковъ къ перемѣнѣ настоящаго ихъ положеніе и облегчатъ Правительству, если оно имѣетъ это въ виду, слiяніе казаковъ съ единообразными началами прочихъ губерній Имперіи». Такимъ образомъ, Дондуковъ хорошо понялъ и отлично объяснялъ причину, почему казачество такъ упорно держалось за свой бытъ и за свои права: свободные граждане нѣкогда свободной и независимой колоніи спаса-

Библиотека

лись попасть въ то тяжкое положеніе, спасаясь отъ котораго бѣжали въ Дикое Поле ихъ предки, — положеніе, въ которомъ пребывала почти неизмѣнно, втеченіе вѣковъ, крестьянская Россія. Уничтоженіе казачества справедливо казалось донцамъ распространеніемъ и на Донъ того политическаго и гражданскаго рабства, въ которомъ пребывала метрополія.

Кн. Александръ Михайловичъ Дондуковъ-Корсаковъ, назначенный на Донъ въ 1859 г., сгруппировалъ вокругъ себя мѣстную интеллигенцію, и съумѣлъ благодаря этому глубже познакомиться съ исторіей и современнымъ положеніемъ Дона, нежели Хомутовъ, пробывшій на Дону много лѣтъ.*) Къ сожалѣнію, голосъ Дондукова-Корсакова не былъ услышанъ въ Петербургѣ, и реформы 60-хъ г.г., касавшіяся казачества, были осуществлены безъ всякаго вниманія и справокъ съ донскимъ историческомъ правомъ.

«Эпоха великихъ реформъ» отразилась и на Дону общественнымъ подъемомъ, желаніемъ мѣстнаго общества принять участіе въ возможныхъ реформахъ. Однако, вся преобразовательная работа этого времени сосредоточилась въ рукахъ чиновниковъ, преимущественно, петербургскихъ, которые пытались многократно и безплодно разрѣшить своими силами и своимъ умомъ вопросъ о судьбѣ казачества. Съ этою цѣлью въ 50—70-хъ г. г. утвержденъ былъ рядъ бюрократическихъ коммиссій. Первою изъ такихъ коммиссій былъ комитетъ въ Новочеркасскѣ. Въ виду того, что съ 1835 г. послѣдовало много отдѣльныхъ законовъ и распоряженій, касавшихся Войска, атаманъ Хомутовъ еще съ 1856 г. ходатайствовалъ объ учрежденіи подъ его предсѣдательствомъ особаго Комитета для собранія и приведенія въ систему всѣхъ вышеназванныхъ дополненій и измѣненій. 10-го октября 1859 г. были учреждены временные комитеты во всѣхъ казачьихъ войскахъ. Въ томъ числѣ, въ Новочеркасскѣ былъ учрежденъ «временный комитетъ для составленія проектовъ положенія о Донскомъ Войскѣ». Предсѣдателемъ его былъ наказный атаманъ.

Образованіе этого комитета было вызвано рядомъ адресовъ съ Дона отъ имени войскового общества. Особенно извѣстенъ адресъ Кузнецова.**) Однако, представители общества не были привлечены въ Комитетъ, состоявшій, помимо атамана, всего изъ трехъ членовъ. Таинственность работъ комитета пробудила подозрительность и вызвала слухи, что комитетъ этотъ, прозванный «кодификаціоннымъ», собирается уничтожить права и преимущества Войска. Довольно единодушны были заявленія о томъ, что члены комитета должны быть выбраны. Н. И. Крас-

*) Кн. А. М. Дондуковъ-Корсаковъ (некрологъ), «Р. Вѣд.», 1893, N 106. Ср «Ист. Вѣст.», 1901, N 2, ст. Карасева. Дондуковъ-Корсаковъ пробылъ на Дону съ 1859 по 1869 годъ.

**) Письмо о Землѣ Войска Донскаго, «Своб. Слово», изд. подъ ред. Блюмлера, т. I. в. 3, 1862.

новъ, тогда офицеръ генеральнаго штаба, составлявшій географическое и статистическое описаніе Земли Войска Донского (вышло въ свѣтъ въ 1863 г.), отмѣтилъ въ офиціальномъ изданіи: «въ настоящее время вопросъ о правахъ и повинностяхъ казаковъ составляетъ главнѣйшій предметъ толковъ, и донцы желали-бы обсудить этотъ вопросъ сами, образовавъ изъ себя собраніе и заявивъ въ немъ свои мнѣнія и искреннія желанія, передать ихъ на разсмотрѣніе правительства. Всякое же постановленіе помимо ихъ заявленія возбуждаетъ въ донцахъ неудовольствіе и нелюбовь къ иногороднымъ, которыхъ они называютъ «русскими», считая себя какъ бы отдѣльнымъ народомъ...»

Боязнь Дона, что его превратятъ въ губернію (дореформенаго тогда типа), обратятъ казаковъ въ крестьянъ, вызвала обнародованіе грамоты 8 сент. 1863 г., въ которой Александръ II подтверждалъ права и преимущества Дона. По словамъ Погодина, свита цесаревича Николая Александровича, сопровождавшая его на Кругъ 8 авг. 1863 г. въ Новочеркасскѣ, отмѣчала «стремленіе донскихъ казаковъ къ автономіи и независимости».*)

Мѣстная печать, ограничивавшаяся одними лишь офиціальными «Донскими Войсковыми Вѣдомостями», отразила общественное движеніе. Рядъ статей А. А. Леонова, Пудавова, А. Полякова, Х. И. Попова и др. былъ посвященъ прошлому казачества, взаимоотношеніямъ Дона и Москвы, выборному началу и Войсковому Кругу. Въ своихъ «Очеркахъ Дона» Филоновъ говорилъ о Степанѣ Ефремовѣ и его «паденіи». Собирались издавать «Матеріалы для исторіи Дона», (вышедшіе въ 1864 г.), состоявшіе изъ актовъ и жалованныхъ грамотъ. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» видный донецъ, подъ псевдонимомъ «Есаулъ», писалъ «о преобразованіи въ казачьихъ войскахъ» (1862, № 8).

Особенно интересна для характеристики тогдашнихъ настроеній казачества статья А. Леонова «о Войсковомъ Кругѣ», напечатанная въ «Дон. Войск. Вѣдомостяхъ» (1862 г., іюль, № 26—28). «Казакъ, — слово магическое! казакъ — это прежде всего синонимъ свободы, братства, равенства, и уже потомъ, синонимъ удальства, молодечества» — писалъ Леоновъ. И далѣе, онъ сравнивалъ московское государство XVII вѣка, гдѣ царили «произволъ, приказы, воеводы, правежи, тюрьмы, пытки, Сибирь», — съ Дономъ, гдѣ правилъ Кругъ и выборныя власти. Леоновъ требовалъ, чтобы при реформахъ на Дону было принято во вниманіе его вольное прошлое.

«Церемонія Круга и теперь еще существуетъ, — писалъ съ горечью Леоновъ, — но это не болѣе, какъ тѣнь стариннаго Войскового Круга. Мы выносимъ, въ извѣстное время, войсковыя регаліи, т. е. грамоты и знамена, передъ церковь, стано-

*) Барсуковъ «Жизнь и труды Погодина».

вимъ послѣднія въ 2 шеренги (и тутъ даже нѣтъ точности, хотя бы физической), а грамоты выносятся на средину, гдѣ приготовленъ церковный аналой. Въ этотъ Кругъ входятъ духовенство и чиновники Войска. Одинъ дьякъ Войскового Правленія, а чаще кто-нибудь (именно, кто нибудь, а не такъ, какъ встарь, непремѣнно Войсковой дьякъ) читаетъ извѣстную грамоту въ подтвержденіе правъ Войска, потомъ происходитъ молебствіе, и Кругъ кончается...»

Но не только въ интеллигенціи, а и въ казачьей массѣ проявилось броженіе. Откликомъ на послѣднее были: сокращеніе срока службы съ 25 до 15 лѣтъ и вызовъ депутатовъ отъ станицъ въ Кодификаціонный Комитетъ. Въ связи съ этимъ были дважды возбуждены ходатайства объ отсрочкѣ закрытія Комитета (4 дек. 1862 г. срокъ былъ продолженъ по 1 іюля 1863 г., а затѣмъ по 1 янв. 1865 г.). Участіе станичниковъ имѣло большое значеніе для работъ Комитета.

Однако, петербургскими канцеляріями донской проектъ былъ признанъ «не соотвѣтствующимъ духу новѣйшаго законодательства»; особенно не понравились въ немъ элементы автономнаго характера. Въ Петербургѣ заявили, что реформы нужны не одному Дону, а и всѣмъ казачьимъ войскамъ. Поэтому, донской проектъ*) былъ положенъ подъ сукно, а въ Петербургѣ, 2 окт. 1865 г., при Управленіи иррегулярныхъ войскъ былъ учрежденъ Временный Комитетъ для пересмотра казачьихъ законоположеній. Для участія въ этомъ Комитетѣ были вызваны представители (по одному отъ каждаго казачьяго войска, по «избранію» наказнаго атамана каждаго войска).

5-го ноября 1865 г. Александръ II сказалъ этимъ депутатамъ извѣстную уже намъ рѣчь. Начальникъ-же Управленія иррегулярныхъ войскъ, ген. Карлгофъ, заявилъ тогда-же: «Казачьи войска нуждаются въ улучшеніи гражданскаго своего быта болѣе, чѣмъ — военнаго устройства». На первый планъ ставилъ онъ введеніе земскихъ учрежденій и судебной реформы въ казачьихъ областяхъ. Въ этомъ духѣ и велись работы Комитета. Въ общемъ, нужно признать, что казачьи «депутаты» въ комитетахъ по казачьимъ дѣламъ играли лишь роль экспертовъ. Составленіе проектовъ шло чисто чиновничьимъ путемъ. Понятное дѣло, что мысль о донской областной самобытности, о донской автономіи, была совершенно чужда чиновникамъ Управленія иррегулярныхъ войскъ. Проекты приспособленія «великихъ реформъ» къ Дону были сдѣланы Комитетомъ безъ всякаго соображенія съ историческими правами Дона. Работа Комитета, закончившаяся въ 1872 г., носила чисто бюрократическій характеръ. Къ тому-же на Дону появился энергичный законодатель, въ лицѣ атамана Потапова, выработавшій одинъ за другимъ проекты, касавшіеся Войска. Но

*) Къ сожалѣнію, проектъ этотъ не опубликованъ.

нельзя обойти молчаніемъ выступленіе четырехъ донскихъ депутатовъ въ Комитетѣ, въ 1867 г., по поводу проектовъ измѣненія образа служенія казачества. Они очень рѣшительно заявили, что «ненарушимость настоящаго образа служенія Войска Донскаго утверждена Высочайшими грамотами и Императорскимъ словомъ четырехъ монарховъ, въ послѣдній разъ столь недавно» (1863) ... «Всякая перемѣна его была бы принята донцами съ прискорбіемъ, какъ нарушеніе пожалованныхъ имъ привиллегій ...» И протестъ ихъ имѣлъ успѣхъ весьма серьезный. Однако, должно признать, что это выступленіе было исключеніемъ, и «реформы», вырабатываемыя въ Петербургѣ, слѣдовали одна за другою безъ всякой справки съ историческими правами Дона и желаніями казачества.

Дальнѣйшія преобразованія центральнаго управленія казачествомъ заключались въ слѣдующемъ. Согласно Высочайше утвержденнаго 1 янв. 1869 г. Положенія о Военномъ Министерствѣ Главное Управленіе Иррегулярныхъ Войскъ, завѣдывая всѣми дѣлами по военному и гражданскому устройству всѣхъ казачьихъ войскъ, сосредоточивало въ себѣ дѣлопроизводство по законодательной, строевой, хозяйственной, судебной, межевой и административной частямъ сихъ войскъ.

Изъ обязанностей Главнаго Управленія интересно отмѣтить: а) наблюденіе за точнымъ исполненіемъ издаваемыхъ для казаковъ законоположеній и б) соображенія о примѣненіи преобразованій, предпринимаемыхъ въ государствѣ къ казачьимъ войскамъ, сообразно условіямъ ихъ быта.

Согласно Положенія 1869 года Совѣщательный Комитетъ Главнаго Управленія Иррегулярныхъ Войскъ былъ переименованъ въ Комитетъ Иррегулярныхъ Войскъ и, по прежнему, долженъ былъ разсматривать всѣ законодательные и хозяйственные вопросы, касавшіеся военнаго и гражданскаго быта казачьихъ войскъ. Подъ предсѣдательствомъ Начальника Главнаго Управленія, Комитетъ состоялъ изъ его помощника и 5 членовъ отъ казачьихъ войскъ (изъ нихъ одинъ отъ Донскаго войска).

Въ 1872 г. была уничтожена канцелярія Временнаго Комитета для пересмотра казачьихъ законоположеній, а члены Временнаго Комитета вошли въ составъ Комитета Иррегулярныхъ Войскъ. Въ случаѣ убыли члены Временнаго Комитета не должны были замѣщаться новыми, за исключеніемъ представителей отъ Донскаго войска. Вскорѣ, однако, Комитетъ вновь сталъ пополняться членами отъ войскъ.

27 окт. 1879 г. Главное Управленіе Иррегулярныхъ Войскъ было переименовано въ Главное Управленіе Казачьихъ Войскъ, а Комитетъ при немъ въ Комитетъ Казачьихъ Войскъ.*) Такимъ образомъ, къ концу царствованія Александра II, созданъ былъ

*) 2-е П. С. З., т. LVI, 60046.

цѣлый казачій департаментъ въ составѣ Военнаго Министерства. Департаментъ этотъ (Главное Управленіе) сталъ почти единственнымъ законодателемъ по дѣламъ казачьихъ войскъ. Это нашло себѣ выраженіе даже въ сферѣ кодификаціи.

А именно, 5-го іюня 1869 г. былъ высочайше утвержденъ докладъ Главноуправляющаго II Отдѣленіемъ Собственной Его Имп. Вел. Канцеляріи о томъ, чтобы не вводить въ продолженіе Свода Законовъ узаконенія по гражданскому управленію казаковъ. Сдѣлано это было подъ предлогомъ «производящагося въ Военномъ Министерствѣ пересмотра узаконеній, относящихся до казачьихъ войскъ».

Благодаря этому, кодификація гражданскихъ законовъ, касающихся казачьихъ войскъ, перешла въ руки Главнаго Управленія иррегулярныхъ (позднѣе — «казачьихъ») войскъ. —Послѣднее стало съ 1 янв. 1865 г. издавать ежегодно «Сборникъ правительственныхъ распоряженій по казачьимъ войскамъ» (до смерти Александра II ихъ вышло 17 вып.). Эти «Сборники» и составляютъ основу своеобразнаго «казачьяго права», созданнаго трудами петербургскихъ канцелярій втеченіе почти 52 лѣтъ (1865—1917). Матеріалъ, заключающійся въ «Сборникахъ», мало кому извѣстенъ, почти недоступенъ и совершенно не разработанъ спеціалистами по административному праву.

Глава XXXIV.

Административныя реформы на Дону и судьба казачьихъ привилегій при Александрѣ II.

Политика объединенія Донского края съ Россіей и уравненія его съ другими мѣстностями Имперіи нашла себѣ выраженіе въ весьма значительномъ актѣ. Старинное наименованіе края «Землею Войска Донскаго» продолжало напоминать о томъ времени, когда вольная колонія имѣла свое государственное бытіе. Въ началѣ мая 1870 г. было официально отпраздновано 300-лѣтіе Войска Донскаго (вѣрнѣе говоря 300-лѣтіе грамоты царя Ивана Грознаго, отъ 1570 г., посланной на имя Войска). Этотъ же день былъ избранъ для того, чтобы уничтожить историческое имя края. «Для согласованія наименованій Земли Войска Донскаго и войскового правленія Войска Донскаго съ принятыми наименованіями въ Имперіи», Александръ II повелѣлъ: «Землю Войска Донскаго переименовать въ Область войска Донскаго, а правленіе изъ войскового въ областное».*) Актъ этотъ имѣлъ, несомнѣнно, опредѣленное политическое значеніе и вовсе не былъ обычнымъ и зауряднымъ административнымъ распоряженіемъ.

*) 2-е П. С. З., N 48387.

Въ административномъ отношеніи, къ царствованію Александра II относятся слѣдующія реформы.

Высочайшимъ указомъ 10 окт. 1865 г. наказному атаману Войска Донскаго ген.-ад. Граббе были присвоены права генералъ-губернатора и званіе «войскового атамана», причемъ, въ видахъ облегченія его, для дѣлъ обычнаго управленія была учреждена особая должность «наказнаго атамана». *)

28-го окт. 1866 г., при назначеніи атаманомъ ген.-ад. Потапова, онъ былъ именованъ «войсковымъ наказнымъ атаманомъ войска Донскаго», съ присвоеніемъ, собственно ему лично, правъ генералъ-губернатора и командующаго войсками военнаго округа, причемъ должности войскового атамана и наказнаго атамана, учрежденныя въ 1865 г., были упразднены. **) 23-го марта 1868 г. всѣ права, предоставленныя лично ген.-ад. Потапову, было опредѣлено присвоить званію войскового наказнаго атамана войска Донскаго.***) Такимъ образомъ, въ 1866 г. было снова уничтожено историческое имя войскового атамана, возстановленное - было въ 1865 г. Очевидно, вспомнили, что войсковымъ атаманомъ войска Донскаго, какъ и другихъ казачьихъ войскъ, числился наслѣдникъ престола, — и вернулись къ наименованію «войскового наказнаго атамана».

Въ 1871 г. были изданы новыя правила о порядкѣ управленія войскомъ Донскимъ во время отсутствія или болѣзни войскового наказнаго атамана. Затѣмъ войсковому наказному атаману было предоставлено поручать исполненіе нѣкоторыхъ изъ возложенныхъ на него обязанностей по текущимъ дѣламъ, относящимся до гражданской части, на помощника предсѣдателя областного правленія (впослѣдствіи на помощника войскового наказнаго атамана по гражданской части).

Получивши права командующаго войсками военнаго округа, войсковой наказный атаманъ получилъ и право «избирать», т. е. назначать командировъ Донскихъ полковъ.

Въ рукахъ войскового наказнаго атамана была сосредоточена вся власть надъ краемъ, въ гражданскомъ отношеніи — приравненная къ власти генералъ-губернатора, въ военномъ — къ власти командующаго военнымъ округомъ. 23-го апр. 1870 г. было высочайше утверждено временное положеніе о преобразованіи Войскового Правленія,[1]) а въ 1875 г. — новый штатъ Областного правленія Войска Донскаго.[2])

Реформы этой эпохи на Дону характерны отрицаніемъ выборного начала: не только былъ отвергнутъ (впрочемъ, не безъ основанія) проектъ Войскового Правленія, чтобы судебные слѣдователи на Дону избирались дворянствомъ (1861), но

*) 2-е П. С. З., т. XL, N 42542.
**) 2-е П. С. З., т. XLI, N 43787.
***) 2-е П. С. З., т. XLIII, N 45640.
[1]) 2-е П. С. З., т. L, N 54395 и 55234.
[2]) 2-е П. С. З., т. L, N 54756.

и была отмѣнена выборность должностей по войсковому управленію: въ 1866 г. — окружныхъ стряпчихъ, въ 1867 г. по судебному, а въ 1868 году по административному вѣдомствамъ. 23-го апр. 1870 г. Войсковое Правленіе было окончательно перестроено по образцу губернскихъ. Было учреждено общее присутствіе Правленія, подъ предсѣдательствомъ войскового наказнаго атамана, въ составѣ: а) помощника предсѣдателя Войскового Правленія, на правахъ и обязанностяхъ по сему Правленію вице-губернатора, и б) трехъ совѣтниковъ. Въ присутствіи, по дѣламъ ввѣренныхъ имъ частей, могли присутствовать начальники 4 отдѣленій, на которыя разбита была канцелярія Правленія. Помощникъ предсѣдателя сталъ «избираться» атаманомъ, а не дворянствомъ; совѣтники и казначей должны были избираться «земствомъ Войска Донскаго», тогда еще не существовавшимъ. Съ этого времени весь составъ Правленія сдѣлался фактически чисто бюрократическимъ, назначаемымъ сверху. Такимъ образомъ, послѣдніе остатки выборности администраціи были уничтожены.

Согласно новому Положенію и штатамъ Областное Правленіе составили: общее присутствіе и канцелярія. Къ Областному Правленію были причислены: чертежная, типографія и архивъ, чиновники особыхъ порученій.

Канцелярія Правленія была раздѣлена на канцелярію присутствія и отдѣленія: 1-е и 2-е распорядительныя, хозяйственное, счетное, врачебное, строительное, лѣсное и межевое. Во главѣ соотвѣтственныхъ четырехъ послѣднихъ отдѣленій стояли, съ правами совѣтниковъ правленія, областные: врачебный инспекторъ, инженеръ-архитекторъ, лѣсничій и землемѣръ.

Сообразно съ этимъ были преобразованы и мѣстныя административныя учрежденія на Дону. Высочайше утвержденныя 5-го дек. 1867 г. временныя правила объ устройствѣ полиціи въ округахъ Войска Донскаго, а затѣмъ законъ 1-го іюля 1868 г., реорганизовалъ мѣстное управленіе на Дону. Вмѣсто «сыскныхъ начальствъ» были учреждены въ каждомъ гражданскомъ округѣ (Области) Войска Донскаго «окружныя полицейскія управленія», состоявшія изъ окружныхъ начальниковъ, ихъ помощниковъ и общихъ присутствій. Въ составъ общихъ присутствій, кромѣ окружныхъ начальниковъ и ихъ помощниковъ, входили сословные представители. Округа были раздѣлены на участки, которыми завѣдывали подчиненные окружному управленію «участковые засѣдатели» (исполнительные полицейскіе чиновники на правахъ становыхъ приставовъ). Этимъ засѣдателямъ были подчинены не только волостныя правленія волостные старшины, но и станичные атаманы, чѣмъ было уничтожено это старинное званіе.

Городовое положеніе 1870 г. не было распространено на городскія поселенія Донскаго войска подъ тѣмъ предлогомъ, что Новочеркасскъ составлялъ часть юрта мѣстныхъ станицъ

и лица, имѣвшія въ немъ недвижимости, были лишь временными владѣльцами занятыхъ ими мѣстъ, не обложенными денежными сборами. До 1881 г. жители Новочеркасска не имѣли ничего общаго между собою въ дѣлахъ общественнаго управленія. Интересы общества торговыхъ казаковъ вѣдались спеціальными учрежденіями; станичные обыватели управлялись на основаніи положенія объ общественномъ управленіи въ казачьихъ войскахъ. Прочая масса населенія подчинялась административнымъ органамъ, не зависѣвшимъ одинъ отъ другого: областному правленію, комитету по устройству гор. Новочеркасска, городскому полицейскому управленію и квартирной коммиссіи. Расходы на благоустройство города производились изъ войсковыхъ суммъ и особаго капитала.

Въ 1870 г. было издано «положеніе объ общественномъ управленіи въ казачьихъ войскахъ»,*) проникнутое духомъ уравненія казачества съ крестьянствомъ въ области безправія. Согласно этому положенію станичное управленіе составляли: а) станичный сходъ; б) станичный атаманъ со станичнымъ правленіемъ и в) станичный судъ. Поселковое управленіе составляли: а) поселковый сходъ и б) поселковый атаманъ. Поселковое управленіе учреждалось во всѣхъ поселкахъ, имѣющихъ особые земельные надѣлы и не менѣе 30 дворовъ. Положеніе 1870 г. явилось воспроизведеніемъ «положенія 19 февр. 1861 г. объ устройствѣ сельскихъ обществъ и волостей», но были допущены и нѣкоторыя отступленія.

Отступленія эти заключались въ слѣдующемъ: 1) станичный сходъ составлялся изъ всѣхъ домохозяевъ, причемъ болѣе отдаленные поселки могли посылать лишь нѣкоторое число довѣренныхъ, если они затруднялись прислать всѣхъ домохозяевъ; б) станичный сходъ могъ поручить менѣе важныя дѣла станичному правленію съ обязательнымъ присутствіемъ въ немъ не менѣе 3 довѣренныхъ отъ схода; в) станичный судъ не могъ налагать тѣлесныхъ наказаній; г) станичный атаманъ, помимо лежащихъ на волостномъ старшинѣ обязанностей по дѣламъ полицейскимъ и общественнымъ, несъ нѣкоторыя обязанности по отбыванію войсковыми обывателями военной службы; д) наконецъ, станичный сходъ разсматривалъ дѣла чисто казачьи: ходатайства о предоставленіи служилымъ казакамъ льготъ отъ службы; распредѣленіе внутренно-служащихъ нижнихъ чиновъ на внутреннюю по войску службу и въ полицейскія учрежденія; повѣрку очередей служилыхъ чиновъ общества и т. п.

Такимъ образомъ, положеніе 1870 г. примѣнило къ станичному управленію общеимперскія (крестьянскія) нормы, усилило власть атамана и станичнаго правленія и лишило всѣхъ не-домохозяевъ права голоса на сходѣ. Послѣднее ограниченіе

*) Выс. утв. въ Эмсѣ 13—25 мая 1870 г. 2-е П. С. З., т. XLV, N 48354.

совершенно противорѣчило исконному праву казачества. Оправдываемая численнымъ разростеніемъ станичныхъ обществъ, эта мѣра введена была вмѣсто системы представительства и имѣла цѣлью поддержаніе патріархальнаго начала.

Такимъ образомъ, старый демократическій укладъ мѣстной казачьей жизни былъ потрясенъ закономъ 1870 г. Старинное право всѣхъ, безъ исключенія, казаковъ участвовать въ станичномъ сборѣ было отнято. Правда, на сборы являлись по прежнему и тѣ, которые не были домохозяевами (сыновья, братья), общественное мнѣніе составлялось на неофиціальныхъ собраніяхъ (по праздникамъ) у станичной избы; но право рѣшающаго голоса перешло исключительно къ домохозяевамъ. Введеніе баллотировки шарами обезпечило контроль за тѣмъ, что голосуютъ только имѣющіе право голоса.

Мѣра эта, имѣвшая реакціонно-политическое значеніе, не была оправдана въ жизни и съ дѣловой точки зрѣнія, на которую ссылались ея авторы. И въ 1870-хъ и въ 1880-хъ годахъ по прежнему, трудно было созвать («согнать») станичный сходъ, на которомъ-бы присутствовали-бы всѣ домохозяева. Отрицательныя-же черты вѣча, «круга», сохранились полностью.*) Отмѣтимъ, мимоходомъ, что въ эту эпоху шло сильное развитіе «хуторовъ», т. е. поселковъ, выселившихся изъ станицы. Прежніе «приказные», вѣдавшіе хуторами, стали теперь «хуторскими (поселковыми) атаманами».

Усиленіе административнаго контроля надъ дѣятельностью станичнаго управленія, по положенію 1870 г., выразилось въ томъ, что, за неимѣніемъ въ казачьихъ войскахъ должностныхъ лицъ и учрежденій, соотвѣтствующихъ губернскимъ и уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіямъ, ближайшее завѣдываніе и надзоръ за ходомъ станичнаго и поселковаго управленія были возложены на окружныхъ начальниковъ и войскового наказнаго атамана. Это обстоятельство усилило значеніе личнаго начала и усмотрѣнія, особенно, въ связи съ отмѣною выборности администраціи.

Окружной начальникъ могъ представлять мировому съѣзду объ отмѣнѣ приговоровъ станичнаго суда даже безъ просьбы о томъ лицъ, коихъ касался приговоръ. Онъ могъ временно устранять станичныхъ и поселковыхъ атамановъ отъ должности; дѣлать имъ выговоры, замѣчанія и подвергать ихъ аресту до 7 дней. Начальникъ области могъ окончательно удалять отъ должности станичнаго и поселковаго атамана и предавать ихъ суду. Онъ-же могъ пріостановить, по жалобѣ на рѣшеніе схода, исполненіе станичнаго приговора.

Такимъ образомъ, уничтоженіе остатковъ народовластія не сопровождалось переходомъ къ системѣ представительства; наоборотъ, насаждалось начало административнаго усмотрѣнія.

*) Ср. М. Харузинъ. «Свѣдѣнія о казацкихъ общинахъ на Дону», В, I., М. 1885.

Однако, и эта весьма тяжкая для казачества организація надзора за станичнымъ управленіемъ показалась недостаточной войсковому начальству, и, по его хадатайству, 12 мая 1878 г.*) областному правленію было предоставлено: 1) издавать инструкціи станичнымъ обществамъ и должностнымъ лицамъ станичнаго управленія, и 2) производить ревизіи черезъ окружныхъ начальниковъ и черезъ особо назначенныхъ чиновниковъ.

Такимъ образомъ, въ гражданскомъ управленіи области сверху до низу было проведено начало назначенія, вмѣсто выборности, за исключеніемъ станичнаго управленія. Но и послѣднее было подвергнуто придирчивому контролю, званіе станичнаго атамана унижено и приравнено къ званію волостного старшины, а право казачества на участіе въ мѣстныхъ дѣлахъ ограничено.

Въ области военнаго управленія, несмотря на мѣропріятія Николаевскаго царствованія, Войско Донское сохраняло нѣкоторыя особенности, имѣвшія связь какъ съ его бывшимъ государственнымъ укладомъ, такъ и съ особенностями казачьей военно-служебной организаціи. И въ этой области эпоха Александра II была эпохой объединенія Дона съ Имперіей.

24-го дек. 1866 г. были переименованы: Войсковое Дежурство въ Войсковой Штабъ, правитель дѣлъ штаба военнаго управленія войска Донскаго въ помощника начальника Войскового Штаба. Всему войсковому штабу придана была организація военно-окружнаго управленія. Въ связи съ этимъ, «военные округа» Войска Донскаго» были переименованы въ «отдѣлы», а завѣдывавшіе этими округами «окружные генералы» и «окружныя дежурства» — въ «атамановъ отдѣловъ» и «управленія отдѣловъ». Новый штатъ внутренняго военнаго управленія Войска былъ опредѣленъ изданнымъ въ 1874 г. новымъ положеніемъ о военной службѣ донскихъ казаковъ, а въ 1875 г. издано положеніе объ управленіи военными отдѣлами Войска.

Нѣкоторая обособленность въ строевомъ управленіи донцовъ была сильно сокращена въ царствованіе Александра II. Такъ, 18 янв. 1869 г. Донскіе казачьи полки были подчинены начальникамъ кавалерійскихъ дивизій во всѣхъ военныхъ округахъ, кромѣ Варшавскаго, гдѣ донскіе казаки, по прежнему, остались въ вѣдѣніи походнаго атамана.**) Включеніе казачьихъ полковъ въ составъ дивизій оправдывалось желаніемъ усилить надзоръ за строевой частью казачьихъ войскъ, ибо, съ окончаніемъ кавказской войны, казаки несли исключительно полицейскую и кордонную службу.

Въ 1870 г. къ казачьимъ войскамъ былъ впервые при-

*) 2-е П. С. З., т. LIII, N 58557.
**) 2-е П. С. З., т. LIV, N 59945.

мѣненъ дисциплинарный уставъ. *) Какъ мы знаемъ, взаимныя отношенія донского офицерства и казачества исторически складывались въ духѣ болѣе свободномъ, нежели въ россійской арміи, воспитывавшейся со временъ петровскихъ артикуловъ на безпощадной, чисто внѣшней дисциплинѣ. Такимъ образомъ, и это чисто военное мѣропріятіе имѣло свое политическое значеніе для донского казачества.

Въ 70-хъ г. г. произошло перевооруженіе Войска скорострѣльными ружьями, причемъ половина расходовъ по перевооруженію упала на войсковыя средства Войска, а половина на казну. Новое оружіе стало войсковой собственностью, подлежащей сдачѣ въ войсковые склады. Мѣра эта, на первый взглядъ чисто административнаго характера, получила характеръ и политическій. Прежде казачество выходило на службу и возвращалось съ нея со своимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Теперь, казачество оказалось наполовину разоруженнымъ во время пребыванія своего на Дону. Это остро почувствовалось казаками, вернувшимися съ турецкой войны 1878 г., и возвращеніе ружей въ склады было встрѣчено ими крайнимъ неудовольствіемъ. Инстинктъ не обманулъ казаковъ.

Въ области финансовой Войско утратило, въ царствованіе Александра II, и право опредѣленія своего бюджета, и всѣ свои привиллегіи, которыя остались лишь на бумагѣ. Одной изъ главнѣйшихъ привиллегій Войска, какъ единой организаціи, считалось въ императорской Россіи право на землю, т. е. на всю территорію Области. При Александрѣ II даже это право подверглось сомнѣнію, правда, лишь въ формѣ «мнѣнія» Комитета для пересмотра казачьихъ законоположеній, а не въ формѣ правительственнаго акта. Но самая возможность появленія подобнаго мнѣнія высоко характерна для опредѣленія того, какъ относились въ то время къ историческимъ правамъ Дона.

Комитету для пересмотра законоположеній пришлось разсматривать любопытный проектъ о разрушеніи казачьей общины. Предполагалось примѣнить къ казакамъ Положеніе 24-го ноября 1866 г. о поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ. Положеніе это предусматривало возможность раздѣла земли между членами общины (по большинству 2/3 голосовъ общества) и установленіе права частной собственности на подворные участки. Въ результатѣ произошла-бы довольно быстрая мобилизація земель, сосредоточеніе ряда участковъ въ однихъ рукахъ, пріобрѣтеніе земель лицами невойскового сословія. Естественнымъ результатомъ разрушенія общины должны были быть введеніе общеимперскаго устава о воинской повинности и разрушеніе казачества. На это правительство итти не рѣшилось, и Комитетъ призналъ, что «земли станичныхъ

*) 2-е П. С. З., т. XLV, N 48948.

обществъ, составляя неприкосновенную ихъ собственность, не могутъ выходить ни въ какой своей части изъ общественнаго владѣнія въ чью либо частную собственность».

Не менѣе интересенъ отвѣтъ Комитета на вопросъ, поставленный нѣсколькими казачьими войсками о томъ, «какими правами должно пользоваться собственно каждое войско, какъ особое учрежденіе, въ отношеніи состоящихъ въ его распоряженіи войсковыхъ Земель». Комитетъ, который разсматривалъ уже помянутый выше проектъ полнаго разгрома даже станичныхъ общинъ, уклонился отъ особаго обсужденія вопроса о правахъ отдѣльныхъ войскъ. Онъ глухо сослался на то, что въ отношеніи этихъ войскъ вопросъ этотъ разрѣшенъ высочайшими грамотами (напр. въ отношеніи Войска Донскаго). Во всякомъ случаѣ Комитетъ признавалъ «предрѣшеніе вопроса о правахъ казачьихъ войскъ на земли тѣмъ болѣе безполезнымъ, что Правительство, какъ верховный владѣтель, имѣетъ право (!) распорядиться этими землями сообразно со своими видами, обстоятельствами и потребностями мѣстнаго населенія, будетъ-ли объ этомъ сказано въ положеніи о поземельномъ устройствѣ казачьихъ войскъ или нѣтъ . . .»

Такимъ образомъ, войска стояли на исторической точкѣ зрѣнія и хотѣли лишняго подтвержденія въ законѣ земельныхъ правъ казачьей войсковой общины. А чиновники Главнаго Управленія давали отвѣтъ, на основаніи котораго выходило, что метрополія могла отмѣнить права, подтвержденныя колоніи даже высочайшими грамотами ряда монарховъ. Въ этомъ постановленіи своемъ чиновники петербургской канцеляріи предвосхищали тѣ положенія, которыя легли въ основу земельныхъ проектовъ с.-р. и родственныхъ имъ партій начала XX вѣка.

Подобно тому, какъ правительство не рѣшилось отмѣнить право Войска, какъ единой общины, на всю войсковую землю, точно также, въ 1867 г., оно должно было сдѣлать соотвѣтственное постановленіе о войсковыхъ капиталахъ. Въ этомъ году было постановлено, что «войсковые капиталы Донского и другихъ иррегулярныхъ войскъ составляютъ собственность цѣлаго войска, какъ особаго государственнаго установленія». При взысканіяхъ или сложеніи долговъ въ эти капиталы (кромѣ сложенія взысканій по всемилостивѣйшимъ манифестамъ), а равно и по всякимъ другимъ случаямъ къ нимъ примѣнялись правила, установленныя для производства дѣлъ по казеннымъ суммамъ; при обращеніи-же этихъ капиталовъ въ государственномъ банкѣ, проценты на нихъ должны были платиться наравнѣ съ частными вкладами.*)

Войсковые капиталы составлялись: 1) изъ пособія отъ казны взамѣнъ прежняго хлѣбнаго и денежнаго жалованья,

*) 2-е П. С. З., т. XLII. № 44370.

взамѣнъ питейныхъ сборовъ, изъ пособія на пенсіи и пособія и т. п.; 2) изъ дохода съ войсковыхъ оброчныхъ статей; 3) изъ сборовъ съ торговыхъ казаковъ и сборовъ съ торговли вообще.

Расходовались войсковые капиталы на содержаніе органовъ собственно войскового управленія, а также управленій казачьими войсками въ военномъ министерствѣ и при главныхъ мѣстныхъ начальникахъ (напр., походнаго атамана); на содержаніе строевыхъ частей и командъ, служившихъ внутри войска, содержаніе артиллерійскихъ лошадей; жалованье офицерамъ и внѣшней (внѣ Дона) военной службѣ, пособія при выходѣ на службу и пенсіи; содержаніе школъ, училищъ, почтъ, больницъ и, вообще, всѣ расходы по внутреннему благоустройству.

Такимъ образомъ, войсковые капиталы въ ихъ приходно-расходныхъ статьяхъ являлись ничѣмъ инымъ, какъ остаткомъ былого государственнаго бюджета республиканской колоніи, сперва независимой, потомъ автономной. Только имѣя это въ виду и можно понять, почему Войско продолжало изъ своихъ средствъ уплачивать тѣ расходы, которые въ остальныхъ губерніяхъ Россійской Имперіи относимы были всецѣло на общегосударственный счетъ.

Въ 1871 г. издано было особое «положеніе объ управленіи общимъ войсковымъ капиталомъ» Войска Донскаго.*) По этому закону дѣленіе войсковыхъ средствъ на различные войсковые капиталы было уничтожено, и всѣ они объединены были въ одинъ «общій войсковой капиталъ», находящійся въ исключительномъ вѣдѣніи военнаго министерства, исполняющаго въ отношеніи ихъ обязанности министерства финансовъ. Непосредственное-же управленіе войсковымъ капиталомъ поручено было областному правленію, которымъ составляется смѣта этого капитала, утверждаемая Военнымъ Совѣтомъ.

Всѣ денежныя суммы Войска, въ виду созданія единства государственной кассы, были сосредоточены въ кассахъ министерства финансовъ, которыя и стали производить платежъ непосредственно кредиторамъ Войска.

Наконецъ, было постановлено, что войсковое начальство не имѣетъ права собственною властью вводить какіе либо новые сборы въ Войскѣ. Если бы представился удобный случай къ учрежденію новаго въ пользу Войска дохода, то войсковое начальство обязано было представить объ этомъ на разрѣшеніе военнаго министерства, равно какъ и о всякомъ новомъ расходѣ, не предусмотрѣнномъ смѣтою.

Подобный законъ явился естественнымъ слѣдствіемъ постепеннаго объединенія Дона съ Россіей. Имъ окончательно уничтожалась финансовая автономія Войска. Войско лиша-

*) 2-е П. С. З., т. XLVI, N 49768.

лось права опредѣлять свои приходы и расходы самостоятельно. Послѣ уничтоженія въ 1870 г. послѣднихъ остатковъ выборнаго начала въ управленіи Дономъ, и финансовая автономія являлась уже аномаліей: она была бы лишь автономіей мѣстнаго генералъ-губернатора, назначеннаго сверху, и подчиненной ему, тоже назначенной сверху, администраціи. Было естественно провести по отношенію къ Дону и единство государственной кассы, и подчиненіе бюджета верховнымъ государственнымъ установленіямъ. Но, къ несчастью для Войска, бюджетъ его, какъ и все управленіе имъ, были поставлены въ полную зависимость отъ усмотрѣнія военнаго министерства, а войсковыя средства продолжали расходоваться на статьи, обычно покрываемыя изъ средствъ общегосударственныхъ. Лишившись финансовой автономіи, Войско не получило финансовыхъ облегченій.

Въ царствованіе-же Александра II созданы на Дону казенная и контрольная палаты и акцизное управленіе, т. е. органы финансоваго управленія общеимперскаго типа.

Какъ упомянуто выше (въ главѣ о финансовыхъ льготахъ казачества въ XVIII—XIX в. в.), казачество лишилось въ 1862 г. своей винной регаліи, а въ 1880 г. — соляной регаліи. Утрата винной регаліи особенно тяжко отразилась на мѣстныхъ казачьихъ финансахъ, въ особенности-же на доходахъ станичныхъ обществъ. Сперва войсковая администрація отобрала доходъ вина отъ станицъ въ свое безконтрольное распоряженіе, а потомъ государство отобрало этотъ доходъ отъ Войска въ общегосударственную казну. Процессъ этотъ совершился слѣдующимъ образомъ.

Съ 1843 г., когда въ Войскѣ введена была откупная система, право разничной торговли было отнято отъ станицъ. Весь доходъ отъ вина сталъ поступать въ Войско, которое уже отъ себя отчисляло по 50 коп. на каждую душу мужского пола. Изъ этихъ денегъ составлялись станичные капиталы, которые расходовались на постройку церквей, на пособіе станичникамъ въ случаѣ неурожая и т. п. Однако, въ 1850-хъ г.г. было предписано построить станичныя общественныя зданія, и небольшая часть запасныхъ капиталовъ была на это затрачена.

Въ 1863 г., при замѣнѣ откупной системы акцизною, питейный доходъ былъ отобранъ отъ Войска въ казну. Въ возмѣщеніе этого дохода Войску опредѣлили выдавать ежегодно сумму въ 1,239.000 руб., которая затѣмъ перестала увеличиваться. Такимъ образомъ, доходъ Войска, основанный на его регаліи, былъ сильно урѣзанъ. Еще хуже пришлось станицамъ. Войсковое начальство отпускало съ 1863 по 1870 годъ произвольныя суммы (отъ 213 до 350 тыс. въ годъ) станицамъ, но въ 1870 г. отпускъ этотъ прекратило, и стало оплачивать изъ этихъ денегъ лишь земскіе сборы, упадавшіе на казачьи

земли (всего ежегодно не болѣе 166.000 р.). Такъ постепенно сошелъ на нѣтъ питейный доходъ станичныхъ обществъ, нѣкогда весьма значительный.*)

Привилегированое положеніе казачества, какъ вольнаго, не-податнаго сословія уничтожилось въ 1880-хъ г. г., когда съ русскаго крестьянства (законами 18 мая 1882 г. и 28 мая 1885 г.) была снята тягота подушной подати. Свобода-же казачества отъ прямого (поземельнаго) обложенія утратила свое значеніе фактически, когда, въ связи съ ростомъ доходности земли, поземельный налогъ сталъ составлять все меньшую часть этой доходности. Наконецъ, на казачество были распространены новые виды прямого обложенія: гербовый сборъ, налогъ на наслѣдство, налогъ на процентныя бумаги и квартирный налогъ. Свобода отъ таможенныхъ пошлинъ утрачена была въ XVIII вѣкѣ, а свобода отъ торговаго обложенія, при полной возможности торговать на Дону всѣмъ русскимъ подданнымъ и иностранцамъ, тоже потеряла свое значеніе для казачьей массы.

Своеобразной чертой автономіи Дона являлась сосредоточенность мѣстныхъ дѣлъ на мѣстѣ, на Дону. Разрушеніе ея, начавшееся при Александрѣ I, но затѣмъ пріостановленное въ реакціонныхъ и милитаристическихъ цѣляхъ при Николаѣ I, возобновилось при Александрѣ II. Учебное дѣло передано было въ министерство народнаго просвѣщенія. Почтовое дѣло, а — съ 1867 г. — дѣла о воинской повинности лицъ не-войскового сословія были переданы въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Питейное дѣло перешло въ министерство финансовъ; контроль изъ Войскового въ государственный. Подчинены были Министерству Юстиціи судебныя учрежденія, преобразованныя въ 1873 г. по закону 1864 г. Въ 1870-хъ г. г. распространена была на Донъ дѣятельность Министерства путей сообщенія. Въ 1900 году управленіе Горной и Соляной частями передано было въ Министерство Земледѣлія. Въ 1901 г. управленіе городовъ области, кромѣ Новочеркасска, подчинено было Министерству внутреннихъ дѣлъ. Кромѣ того, въ Области были открыты отдѣленія Дворянскаго и Крестьянскаго банка и введены податная и фабричная инспекція. Таковы были административныя преобразованія во второй половинѣ XIX вѣка, направленныя къ объединенію Дона съ Имперіей.

Въ области духовнаго управленія объединеніе Дона съ Россіей достигнуто было, собственно, уже при Николаѣ I. Однако, казачество, по старой памяти, искало у войсковой администраціи защиты отъ религіозныхъ гоненій и иногда находило ее. Такъ, въ концѣ 1880 г. войсковой наказный атаманъ Краснокутскій не позволилъ опечатывать молитвенные дома раскольниковъ и защитилъ казаковъ-старообрядцевъ, пріемлю-

*) Медвѣдевъ. Служба Дон. Войска. М. 1899. с. 14—15.

щихъ священство отъ миссіонера единовѣрческой церкви. Съ 1842 г., когда учреждена была Кавказская епархія, донскіе архіепископы стали именоваться Донскими и Новочеркасскими. Въ 1871 г. учреждено было викаріатство Аксайское.

Глава XXXV.

Реформы: крестьянская, судебная и воинской повинности. Сословія при Александрѣ II. Земельные законы.

Такъ называемая «эпоха великихъ реформъ» принесла Дону, въ административномъ отношеніи, лишь ухудшеніе. Старыя историческія права Войска, какъ единой организаціи, и права казачества въ лицѣ его отдѣльныхъ гражданъ были сведены на нѣтъ. Изъ т. н. «великихъ реформъ 60-хъ годовъ» одновременно со всею Россіей осуществлена была лишь крестьянская (въ 1861 г.). Изъ остальныхъ — реформа судебная и земская были осуществлены на Дону съ нѣкоторымъ опозданіемъ противъ Европейской Россіи. Реформы — университетская, городская и воинской повинности не имѣли значенія для Дона. Первою реформой была — крестьянская.

Рескриптъ 20-го ноября 1857 г., положившій начало дѣлу освобожденія крестьянъ, вызвалъ различное къ себѣ отношеніе со стороны донскихъ помѣщиковъ и донскихъ крестьянъ.

Донское дворянство было непріятно поражено рескриптомъ. Оно всего 62 года пользовалось правомъ на владѣніе крѣпостными. Понятно, поэтому, что оно откликнулось на призывъ Александра II однимъ изъ послѣднихъ. Только 6-го іюня 1858 г. былъ данъ рескриптъ наказному атаману Войска Донскаго съ повелѣніемъ учредить на Дону Комитетъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. При этомъ, вмѣсто выраженія благодарности за стремленіе дворянства содѣйствовать исполненію намѣреній правительства, въ рескриптѣ атаману были употреблены выраженія: «Признавая необходимымъ, чтобы проектъ положенія по сему поводу былъ составленъ на тѣхъ-же главныхъ началахъ, кои указаны уже мною дворянству различныхъ губерній...» Эта замѣна благодарности указаніемъ на необходимость исполнить предуказанія правительства произошла вслѣдствіе того, что донскіе помѣщики, подобно московскимъ и харьковскимъ, въ постановленіи своемъ о необходимости открытія Комитета, выразили мысль о согласованіи общаго проекта съ мѣстными условіями. Правительство увидѣло въ этомъ заявленіи желаніе донскихъ помѣщиковъ похоронить вопросъ объ освобожденіи крестьянъ.

«Комитетъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ

въ Войскѣ Донскомъ» открылся 21 сент. 1858 г. и работалъ болѣе 6 мѣсяцевъ, причемъ въ мартѣ 1859 г. ему было дано еще 40 дней отсрочки. Число крѣпостныхъ людей мужского пола въ Землѣ Войска Донскаго опредѣлялось официально въ 127,154 чел.

Между тѣмъ, весною 1858 г. слухи о «волѣ» распространились среди донского крестьянства, и въ Донецкомъ округѣ произошли серьезные безпорядки, охватившіе цѣлый рядъ имѣній.*) Крестьяне полагали, что воля уже объявлена, а помѣщики скрываютъ ее. Для подавленія движенія были двинуты казаки, и — одновременно — были приняты мѣры къ разъясненію истиннаго положенія вещей.

Въ мартѣ 1861 г. былъ опубликованъ манифестъ 19-го февраля, вызвавшій бурную радость донского крестьянства. Усадьбы опустѣли, ибо дворовые, воспользовавшись льготнымъ циркуляромъ, немедленно-же покинули своихъ господъ. 16-го марта 1861 г. открылось Войсковое по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе и окружныя коммиссіи. Лѣтомъ 1861 г. Войско было разбито на мировые участки и были введены мировые посредники.

«Воля» прошла мирно. «Тревожное настроеніе умовъ и неповиновеніе помѣщичьихъ крестьянъ» наблюдалось лишь въ 1-мъ участкѣ Хоперскаго округа у помѣщиковъ Курнаковыхъ, а особенно въ слободѣ Махечѣ, куда посланы были 2 сотни казаковъ. Но попытка чиновника особыхъ порученій при Начальникѣ Штаба полк. Иловайскаго, по жалобѣ помѣщика Туровѣрова, съ экзекуціонной командой взыскать съ крестьянъ за прогульные дни, вызвала протестъ Войскового по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.**)

Въ Сидорѣ, Усть-Медвѣдицкаго округа, крестьяне Ал. Мих. Серебрякова, по увѣренію помѣщика, хотѣли сжечь его домъ и винокуренный заводъ. Поэтому туда была послана, по просьбѣ Серебрякова, карательная команда изъ казаковъ ближайшихъ 4 станицъ, поставленная, съ цѣлью экзекуціи, на постой на полторы недѣли. Часть крестьянъ была арестована и сослана въ Сибирь.***)

На крестьянъ, «водворенныхъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ» и на дворовыхъ людей, въ Землѣ Войска Донскаго, были распространены правила Общихъ Положеній 19 февр. 1861 г. о крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, Мѣстнаго Положенія о поземельномъ устройствѣ

---

*) И. Игнатовичъ, «Мин. Годы», 1908, N 5—6, с. 122.

*) Дон. Войск. Вѣд.», 1862.

**) Своб. Слово», 1862, т. I, в. 3, с. 221, «Крестьян. дѣло въ Усть Медв. окр. Земли Войска Дон. Матеріалъ объ освобожденіи крестьянъ на Дону см. у Карасева «Дон. крестьяне», Стат Сб. 1867 г. в. I; «Дон. Войск. Вѣдом.» 1857—1862 г. г.; «Мат. для ист. упраздненія крѣп. сост»., Берлинъ, 1860, в. I; Скребицкій «Крестьянское дѣло». Баннъ, 1868, т. IV, 667—712; т. I. 907.

въ губерніяхъ великороссійскихъ, а также Положенія о выкупѣ усадебной осѣдлости. Кромѣ того, были изданы дополнительныя правила спеціально о донскомъ крестьянствѣ.*)

Согласно этимъ правиламъ, въ Землѣ Войска Донскаго, и послѣ отмѣны крѣпостной зависимости, могло быть продолжаемо переселеніе крестьянъ, независимо отъ ихъ согласія, изъ однихъ округовъ въ другіе, при обмежеваніи помѣщичьихъ земель (на основаніи инструкціи, данной межевой канцеляріи въ 1836 году), если правительство признало бы это необходимымъ.

Въ Землѣ Войска Донскаго приложены были — по надѣленію крестьянъ землею — правила, установленныя въ Мѣстномъ для новороссійскихъ губерній Положеніи для «третьей» (степной) полосы.

Въ отношеніи надѣла крестьянъ землею и другими угодьями Земля Войска Донскаго была раздѣлена на 4 мѣстности. Къ первой причислены были: часть Черкасскаго округа, окруженная Ростовскимъ уѣздомъ, Екатеринославской губерніи и ближайшая къ ней и Азовскому морю часть Міусскаго округа. Для этой мѣстности былъ назначенъ такой же, какъ и въ Ростовскомъ на Дону уѣздѣ, (со включеніемъ усадебной земли) у к а з н ы й размѣръ крестьянскаго надѣла на душу, а, именно, по 3 десятины. Ко второй мѣстности (съ надѣломъ въ 3 дес. 1.200 кв. саж.), были отнесены остальныя части округовъ Міусскаго и Черкасскаго, и Донецкій округъ. Къ третьей, (съ надѣломъ въ 4 дес.), — Хоперскій и Усть-Медвѣдицкій округъ; къ четвертой (съ надѣломъ въ 4 дес. 1.200 кв. саж.), I-й и II-й Донскіе округи.

Неудобными землями на Дону должны были, при отводѣ крестьянамъ, признаваться тѣ, кои были признаваемы неудобными межевою коммиссіею при отводѣ земель донскимъ помѣщикамъ. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ еще не обмежеванныхъ (по инструкціи 1836 г.) крестьянамъ, впредь до окончанія этого обмежеванія, предоставлялось, въ постоянное пользованіе, то количество земли, которымъ они, до 19 февр. 1861 г., пользовались; но если количество это было менѣе указнаго размѣра, то имъ предоставлялся указный душевой надѣлъ.

Относительно пользованія крестьянъ землею и водою въ предѣлахъ крестьянскаго надѣла, на Донъ были распространены правила Мѣстнаго Положенія для великороссійскихъ и новороссійскихъ губерній; относительно рыбной ловли въ водахъ помѣщичьихъ имѣній въ Землѣ Войска Донскаго сохраняли силу прежнія установленія.

За полный указный душевой надѣлъ съ донскихъ крестьянъ установленъ былъ оброкъ въ восемь рублей (по всѣмъ

*) Дополн. правила о крестьянскахъ и двор. людяхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ Землѣ Войска Дон. (19 февр. 1861 г.).

четыремъ мѣстностямъ). Крестьяне, состоявшіе на издѣльной повинности, обязаны были отбывать въ пользу помѣщика — за полный указный надѣлъ — 36 пѣшихъ мужскихъ и 27 женскихъ дней въ году.

Интересно отмѣтить, что въ 1861 г. въ Землѣ Войска Донскаго числилось помѣщичьихъ крестьянъ: дворовыхъ — 13.538 душъ (муж. пола), издѣльныхъ (т. е. барщинныхъ) 85.993 ч. и оброчныхъ — всего 2.555 чел.*) Такимъ образомъ, подавляющее большинство донскихъ сидѣло на барщинѣ (оффиціально, три дня въ недѣлю) — всего 84,25 % всѣхъ крестьянъ и лишь 2,5% крестьянъ было на оброкѣ, который колебался отъ 10 до 80 руб., а въ среднемъ равенъ былъ 28 руб. 43 коп. въ годъ. Непомѣрно велико было на Дону число дворовыхъ людей.

Донскимъ дворовымъ людямъ, сверхъ общихъ льготъ, было дозволено, по прекращеніи установленнымъ порядкомъ обязательныхъ отношеній ихъ къ помѣщикамъ, зачисляться въ казачье сословіе (съ согласія соотвѣтственной станицы).

Интересно отмѣтить, пособія мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ въ Землѣ Войска Донскаго были опредѣлены не изъ казны, а изъ запасныхъ войсковыхъ капиталовъ. Такимъ образомъ, Войско должно было почему-то прійти на помощь мелкимъ рабовладѣльцамъ, лишившимся своихъ рабовъ.

Депутатами отъ Войска въ составѣ редакціонныхъ коммиссій въ Петербургѣ были члены Войскового Комитета: членъ отъ правительства Калиновскій, членъ отъ Хоперскаго округа — Мелеховъ, оба довольно дѣятельно работавшіе въ коммиссіяхъ. Земля Войска Донскаго была причислена редакціонными коммиссіями къ числу «губерній, состоящихъ въ особомъ управленіи». При видномъ участіи обоихъ донскихъ (а также и екатеринославскихъ) депутатовъ были выработаны «особыя правила для Земли Войска Донскаго».**)

Въ результатѣ реформы 1861 г. около 300.000 донскихъ крестьянъ стали свободными людьми. Оригинальность ихъ положенія заключалась въ томъ, что они стали полными собственниками надѣльной земли, впрочемъ, не подлежавшей мобилизаціи, согласно общаго закона. Помѣщики-же не получили этого права. Земельныя отношенія Войска, крестьянъ и помѣщиковъ остались крайне запутанными.

Судебная реформа примѣнена была къ Дону постепенно и не безъ опозданія. Въ 1867 г. были введены судебные слѣдователи. 16 мая 1870 г. были утверждены правила

*) Скребицкій «Крестьянское дѣло въ царствованіе имп. Александра II», Боннъ на Рейнѣ, т. III, с. 1227, 1264, 1272. «Вѣдомость о числѣ оброчныхъ и издѣльныхъ крестьянъ и о повинностяхъ ихъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ».

**) «Матеріалы Редакціоннаго Комитета для составленія положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости», т. IX, с. 1—95 и т. XVIII, Проекты положенія». Скребицкій, т. IV, с. 867—874.

о введеніи на Дону мировыхъ судебныхъ установленій, «впредь до введенія земскихъ учрежденій».*) Но, фактически, открылись они въ 1871 г. Для избранія мировыхъ судей, временно, до открытія земства на Дону, были учреждены «окружныя избирательныя собранія», подъ предсѣдательствомъ окружнаго предводителя дворянства, изъ гласныхъ: 1) отъ съѣзда землевладѣльцевъ, 2) отъ станичныхъ сходовъ, 3) отъ волостныхъ сходовъ. Первая и третья куріи были организованы по закону о земскихъ учрежденіяхъ 1864 г.; казачья-же курія составлялась изъ гласныхъ, выборныхъ отъ станичныхъ сходовъ (по 4 чел. отъ каждой станицы Донецкаго округа, по 2 чел. отъ станицъ другихъ округовъ). Въ виду кратковременнаго существованія земства на Дону эти окружныя избирательныя собранія гласныхъ избирали судей на Дону не только съ 1871 по 1876 г., но и съ 1882 г. по 1917 г.

Въ связи съ этой реформой были учреждены должности 7 товарищей Войскового Прокурора, а Войсковой Уголовный Судъ и Войсковой Гражданскій Судъ соединены въ одну «Войсковую Палату уголовнаго и гражданскаго суда». Въ 1873 г. введены были окружные суды, по уставамъ 1864 г., въ Новочеркасскѣ и ст. Усть-Медвѣдицкой.**)

Въ эпоху реакціи 1880-хъ годовъ, когда по всей Россіи введены были земскіе начальники и судьи по назначенію, Донъ отстоялъ свое право на выборныхъ мировыхъ судей. Равнымъ образомъ, до 1917 г. продолжали дѣйствовать на Дону крестьянскія присутствія, непремѣнные члены которыхъ (сосредоточивающіе въ своихъ рукахъ власть надъ крестьянами), съ 1876 по 1882 г. избирались окружными земскими собраніями, а съ 1882 по 1917 г. «приглашались» Военнымъ Министромъ на три года (срокъ выбора земскими собраніями). Въ 1903 г. была открыта въ Новочеркасскѣ судебная палата. Такимъ образомъ, казачество оцѣнило судъ по уставамъ 1864 г. и сумѣло отстоять мировой институтъ по выборамъ, уничтоженный въ 1889 г. (кромѣ Дона) повсюду въ Россіи, за исключеніемъ столицъ.

Подчиненіе казаковъ общеимперскимъ законамъ въ судебномъ отношеніи было подтверждено окончательно правилами 1870 г., которыя опредѣлили, что преступныя дѣянія казаковъ, подлежащія суду военному, судятся въ военно-судныхъ учрежденіяхъ, на основаніи общихъ для военно-сухопутнаго вѣдомства правилъ, а преступныя дѣянія, подлежащія вѣдѣнію гражданскихъ судебныхъ установленій, — на основаніи общихъ уголовныхъ законовъ.***)

Новые военно-судебные уставы были введены на Дону въ 1872 г.[1])

*) 2-е П. С. З., т. XLV, N 48370.
**) 2-е П. С. З., т. XLVIII, N 52034.
***) 2-е П. С. З., т. XLV, N 48207.
[1]) 2-е П. С. З., т. XLVII, N 51491.

Законъ 13 мая 1870 г. отнялъ у станичнаго сбора право суда. Остатки этого права уцѣлѣли въ формѣ самосуда (напр., надъ конокрадами, ворами), или же въ формѣ примирительнаго воздѣйствія схода на тяжущихся. Но, формально, законъ воспретилъ сбору заниматься судебными дѣлами, предоставивши ихъ «станичному суду». Мы знаемъ, что и раньше т. н. «подписные старики» при станичномъ атаманѣ, а съ 1835 г. т. наз. «судьи» (члены станичнаго правленія) исполняли извѣстныя судебныя функціи, разрѣшая дѣла, не требовавшія вниманія и разрѣшенія сбора. Съ 1870 г. «станичный судъ» былъ организованъ, по образцу волостного крестьянскаго суда, и отдѣленъ отъ станичнаго правленія. Составъ станичнаго суда (ст. 31) отъ 4 до 12 судей, избранныхъ на станичномъ сходѣ. Для присутствія обязательна наличность 3 судей. Въ отличіе отъ волостныхъ судовъ, кассаціонной инстанціей для станичныхъ судовъ былъ назначенъ съѣздъ мировыхъ судей (ст. 50). Тѣлесное наказаніе положеніемъ 1870 г. было изъято изъ числа наказаній по приговору станичнаго суда, тогда какъ волостные суды, учрежденные на Дону въ 1861 году, имѣли это право.

Помимо станичнаго суда сохранилось (неформальное) примирительное единоличное разбирательство станичнаго и поселковаго атамановъ. Сохранился мало примѣнявшійся судъ третейскій или «медіаторскій». (ст. 48 и 49).

Станичному суду подвѣдомственны были какъ войсковые обыватели, не пользующіеся особыми правами состоянія, такъ и всѣ вообще временно или постоянно проживающіе на земляхъ станичнаго общества лица податного сословія, отставные и безсрочно отпускные нижніе военные чины и ихъ семейства (ст. 33). Крайне неудовлетворительный по составу «станичный судъ» просуществовалъ до 1917 г., т. е. полвѣка. Компетенція станичнаго суда была ограничена «маловажными проступками» и исками до 100 рублей. На хуторахъ сохранили неформальный судъ хуторского атамана и «стариковъ» (по дѣламъ, подлежащимъ компетенціи станичнаго суда).

Въ 1870 г. были высочайше утверждены «правила о подсудности по преступленіямъ лицъ войскового сословія всѣхъ вообще казачьихъ войскъ». Цѣль ихъ была благая — освобожденіе, по возможности, казаковъ внѣ службы отъ военной юрисдикціи. Согласно этимъ правиламъ, дѣла о преступленіяхъ лицъ войскового сословія должны были «подлежать вообще вѣдѣнію судебныхъ установленій гражданскаго вѣдомства». Но въ правилахъ была оговорка, которая позволила войсковому начальству сохранить милитаризацію казачьей жизни, закрѣпленную при Николаѣ I.

Вполнѣ естественно, что военному суду подлежали «лица войскового сословія», состоящія на службѣ въ строевыхъ частяхъ. Правила добавляли сюда и лицъ, состоящихъ на службѣ

«по военнымъ войсковымъ учрежденіямъ», а также военную подсудность для нихъ по всѣмъ, вообще, преступленіямъ. Отсюда исключались лишь «гражданскіе чины», но и тѣ подлежали военному суду «за преступленія по должности или-же за нарушеніе правилъ военной дисциплины». Принимая во вниманіе «войсковое» (казачье) происхожденіе почти всѣхъ служащихъ по управленію Войскомъ, эти правила отдавали донскую администрацію подъ военную власть атамана и войскового начальства.

Военному суду подлежали также лица, состоящія на льготѣ или на внутренней службѣ, — только по преступленіямъ, составляющимъ прямое нарушеніе обязанностей военной службы, а также войсковые чины служилаго разряда, уволенные въ отставку, — также только за тѣ, изъ совершенныхъ во время строевой службы и льготы, преступныя дѣянія, которыя «соединены съ нарушеніемъ обязанностей военной службы. Такимъ образомъ, власть военнаго начальства, которая для прочихъ гражданъ прекращалась съ момента выхода въ запасъ, продолжала тяготѣть надъ казачествомъ, а равно и надъ казачьей администраціей, и на Дону, въ мирной жизни.

Николаевская эпоха оставила въ наслѣдіе 60-мъ годамъ Донской край съ населеніемъ, которое такъ или иначе было закрѣпощено. Крѣпостнымъ по отношенію къ донскимъ помѣщикамъ было донское крестьянство. Крѣпостнымъ по отношенію къ государству было все казачество, не исключая и донского дворянства. 1861-й годъ принесъ свободу донскому крестьянству. Эта свобода была такая-же, какъ и у крестьянства всей Россіи. Оно осталось прикованнымъ къ общинѣ, поставленнымъ подъ власть администраціи, лишеннымъ общегражданскихъ правъ. Положеніе донского крестьянства осложнялось еще тѣмъ, что оно не пріобрѣло правъ гражданъ Донского края, не получило возможности слиться съ казачествомъ. До появленія на Дону земства (1876 г.) и послѣ его уничтоженія (1882 г.) донское крестьянство остро чувствовало разницу въ правовомъ положеніи по сравненію съ казачествомъ. Оно осталось въ Области на положеніи гражданъ второго разряда, окруженное населеніемъ, которое гордилось своимъ званіемъ хозяевъ края, (хотя сами казаки изъ хозяевъ края давно превратились въ рабовъ великой метрополіи). Войсковая администрація почти исключительно казачья, не могла никогда отказаться отъ воззрѣнія на донскихъ крестьянъ, какъ на чужеродный элементъ, вросшій въ живое тѣло донского казачества. И казаки, и крестьяне, искусственно запертые въ рамки своихъ сословій, не могли слиться въ единую массу равноправныхъ гражданъ края.

Если прибавить сюда ужасающую земельную черезполосицу — результатъ хозяйничанья донского дворянства, заселявшаго крѣпостными захваченныя у Войска и у станицъ

земли, то можно себѣ представить, какъ постепенно создавалась на Дону рознь между крестьянствомъ и казачествомъ, имѣвшая столь роковое значеніе въ 1917—1919 г. г.

Раскрѣпощенію казачества не суждено было совершиться ни при Александрѣ II, ни позже. Болѣе посчастливилось донскому дворянству. Дѣло началось съ нѣкотораго сокращенія срока службы.

30-го авг. 1856 г. срокъ службы былъ сокращенъ для казачьихъ офицеровъ, (а также для нижнихъ чиновъ гвардейскихъ частей) — до 22 лѣтъ, а для прочихъ до 25 лѣтъ.*) А 8-го сентября 1863 г. срокъ службы для донцовъ опредѣленъ былъ въ 15 лѣтъ полевой и 7 лѣтъ внутренней службы.**) 18-го марта 1857 г. было разрѣшено дѣлить казаковъ, вмѣсто двухъ, на три и болѣе очереди.***) Въ 1858 г. былъ разрѣшенъ добровольный обмѣнъ очередями и наемъ другъ друга на полевую службу, (но не болѣе чѣмъ на 2 очереди). Вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшено было мѣняться роднымъ братьямъ и сыну съ отцомъ.[1])

21-го апр. 1869 г. былъ изданъ законъ,[2]) раскрѣпостившій часть войскового сословія отъ обязательной службы. А именно, генералы, офицеры и чиновники подчинены были, относительно опредѣленія на службу и увольненія въ отставку, общимъ правиламъ, установленнымъ для регулярныхъ войскъ. Этимъ лицамъ разрѣшено было: оставаясь въ войсковомъ сословіи, поступать на службу внѣ своихъ войскъ, перечисляться въ другія казачьи войска и вовсе исключаться изъ войскового сословія. Тѣ-же права были предоставлены также дворянамъ не служащимъ, а равно войсковымъ гражданамъ, отставнымъ урядникамъ и казакамъ, вообще мужескаго пола лицамъ войскового сословія, не состоящимъ въ служиломъ разрядѣ. Лицамъ женскаго пола, т. е. вдовамъ и незамужнимъ дочерямъ казаковъ была предоставлена безусловная свобода выхода изъ войскового сословія. Приэтомъ, вышедшія изъ войскового сословія лица, не имѣвшія правъ дворянства, обязаны были приписаться, въ установленный срокъ, къ какому либо обществу на общихъ основаніяхъ.

По выраженію оффиціальнаго историка казачества,[3]) «законъ 1869 г. имѣлъ для казачьихъ офицеровъ и чиновниковъ тоже значенія, что для дворянства — грамота дворянству». Авторъ имѣлъ въ виду, очевидно, указъ 1762 г. о вольности дворянства.

---

*) 2-е П. С. З., т. XXXI, N 30902.
**) 2-е П. С. З., т. XXXVIII, N 40036.
***) 2-е П. С. З., т. XXXII, N 31619.
[1]) 2-е П. С. З., т. XXXIII, N 32957.
[2]) 2-е П. С. З., т. XLIV, N 46998.
[3]) Столѣтіе воен. мин-ва, т. XI, ч. 1., с. 527.

Дѣйствительно, донское дворянство освободилось отъ обязательной службы, но казачество осталось единственнымъ закрѣпощеннымъ сословіемъ на Руси (какъ на Дону, такъ и въ другихъ казачьихъ войскахъ). Даже дѣти казачьихъ офицеровъ и чиновниковъ, состоящіе въ служиломъ разрядѣ, могли послѣдовать за своими родителями, уходившими изъ войскового сословія, лишь по производствѣ въ офицеры или по увольненіи въ отставку. Выходящіе изъ войскового сословія, поступающіе на службу внѣ своихъ войскъ и перечисляющіеся въ другія казачьи войска, могли брать съ собою своихъ женъ и не поступившихъ въ составъ служилаго разряда дѣтей, съ тѣмъ, однако, чтобы, въ случаѣ выхода изъ войскового сословія или поступленія его на службу внѣ казачьихъ войскъ, малолѣтніе сыновья, по достиженіи 19 лѣтъ, возвращались въ войско. Дѣти вдовъ, ушедшихъ изъ войска, также обязаны были, по достиженіи 19-лѣтняго возраста, являться въ войско.

Такимъ образомъ, законъ 1869 г. даже для донского дворянства не былъ «указомъ о вольности», т. е. все же продолжалъ ограничивать его право служить и не служить. Въ царствованіе Александра II закончился, все-же, тотъ процессъ уравненія донской старшины въ правахъ съ россійскимъ офицерствомъ, который начался въ 1775 г.

5 апр. 1858 г. жалованье донскихъ офицеровъ, равнявшееся 2/3 жалованья офицеровъ регулярной кавалеріи, было увеличено до размѣровъ окладовъ армейской кавалеріи.

4-го декабря 1876 г. закончилось сравненіе офицеровъ и чиновниковъ Войска съ офицерами и чиновниками военнаго вѣдомства предоставленіемъ имъ права на участіе въ эмеритальной кассѣ военно-сухопутнаго вѣдомства.*)

Наконецъ, въ 1870 г. сословная организація донского дворянства пріобрѣла, наконецъ, внѣшнія черты общероссійскаго типа. Прежніе «областной» и «окружные депутаты» замѣнены были областнымъ и окружными преводителями дворянства. Однако-же кое-какія (впрочемъ незначительныя) дворянскія учрежденія не были созданы на Дону до самаго уничтоженія дворянства въ эпоху революціи.**)

Реформа воинской повинности 1874 г. не имѣла прямого значенія для Дона. Въ 1867 г. донцы протестовали противъ мысли ввести на Дону жеребьевую систему отбыванія воинской повинности, заявляя, что донцы — противъ конскрипціи, системы ландвера и даже противъ системы уральскихъ казаковъ. «Жеребьевая система образовываетъ въ казачьемъ населеніи совершенно новый классъ войсковыхъ гражданъ, освобожденныхъ отъ военной службы за ничтожную денежную плату, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пользующихся казачьими правами...»

*) 1-е П. С. З., т. LI, N 56676.
**) Ср. Свод. Зак. Р. И., т. IX.

«Главнѣйшая причина, затруднявшая развитіе экономическаго быта донскихъ казаковъ, заключалась не въ системѣ службы, а въ продолжительномъ ея срокѣ, и постоянномъ, въ теченіе 20 лѣтъ, нахожденіи на внѣшней службѣ болѣе половины всего донского военнаго населенія. Указывая на «равноправность и справедливость» стараго порядка службы, «усвоеннаго всѣмъ донскимъ населеніемъ въ теченіе трехъ вѣковъ», депутаты ссылались на «высочайшія грамоты и Императорское Слово четырехъ Монарховъ».

Эта ссылка донскихъ депутатовъ въ петербургскомъ комитетѣ имѣла слѣдствіемъ то обстоятельство, что правила, введенныя во всѣхъ казачьихъ войскахъ, не были примѣнены къ Дону.

17 апр. 1875 г. былъ высочайше утвержденъ новый уставъ о воинской повинности войска Донскаго, распространенный впослѣдствіи на остальныя войска.*) Согласно этого устава, сохранившаго силу много лѣтъ, воинской повинности подлежитъ в с е войсковое населеніе, кромѣ священно-служителей христіанскаго исповѣданія и православныхъ псаломщиковъ (съ образованіемъ не ниже семинарскаго). Денежный выкупъ и замѣна охотниками не допускается.

Такимъ образомъ, для Дона уставъ 1874 г. не принесъ ничего новаго, ибо всеобщность воинской повинности была всегдашней чертой донской казачьей службы. Уставъ сохранилъ тяготу — служить съ собственнымъ снаряженіемъ и на своей лошади. Срокъ службы — 20 лѣтъ, изъ нихъ отъ 18 л. до 21 года въ приготовительномъ, а съ 21 года до 33 лѣтъ въ строевомъ разрядѣ, и отъ 33 до 38 лѣтъ въ запасѣ.. Изъ 12 лѣтъ нахожденія въ строевомъ разрядѣ казакъ долженъ былъ 4 года пробыть въ строевыхъ частяхъ на дѣйствительной службѣ, а 8 лѣтъ — на льготѣ, т. е. въ станицѣ, но при условіи --готовности къ выступленію.

Къ началу XX-го вѣка значилось на Дону въ служиломъ составѣ до 132.000 чел., т. е. около 13 % войскового населенія Донской области. Если прибавить къ этому, что казаки обязаны были постоянно имѣть собственное обмундированіе и снаряженіе и (болѣе половины) собственныхъ лошадей, то можно сказать, что воинская повинность для казачества была болѣе, чѣмъ въ 13 разъ тяжелѣе, нежели для остального населенія Имперіи. И вплоть до 1917 г. казачья масса осталась закрѣпощенной государству, прикованной къ своему сословію и къ своей тяжкой службѣ.

Законодательство 60—70-хъ г. г. коснулось также сословія т. н. «торговыхъ казаковъ». Число торговыхъ казаковъ при Николаѣ I равно было 500 чел. Въ 1859 г. число членовъ «торговаго общества» было повышено до 1.000 чел. Въ 1869 году

*) 2-е П. С. З., т. L, N 54588.

число торговыхъ казаковъ доведено было до 1.500 чел. Поступленіе въ торговое общество освобождало казака отъ военной и гражданской службы. 4-го января 1863 г. Государственный Совѣтъ поручилъ министру финансовъ устранить и ограничить по возможности дарованныя въ разное время изъятія и льготы по производству торговли и промысловъ. Комитетъ для пересмотра казачьихъ законоположеній напомнилъ, что безусловное, безъ всякихъ переходныхъ степеней, подчиненіе казачьихъ войскъ общеимперскому положенію 9 февр. 1865 г. о пошлинахъ за право торговли и промысловъ «могло бы возбудить среди казаковъ неудовольствіе». Поэтому, новыя правила о пошлинахъ за право торговли (отъ 1 янв. 1872 г.) не были введены ни въ Донскомъ, ни въ Уральскомъ войскѣ, т. е. именно въ тѣхъ войскахъ, которыя были въ свое время вольными колоніями.

Въ 1871 г. было разрѣшено не ограничивать донское общество торговыхъ казаковъ никакою нормою, съ тѣмъ, чтобы войсковое начальство наблюдало за обезпеченіемъ комплекта служилыхъ нижнихъ чиновъ.*) Эта мѣра имѣла цѣлью содѣйствіе развитію на Дону торговли.

Въ числѣ мѣръ, направленныхъ къ развитію на Дону горнаго промысла, надо упомянуть высочайше утвержденное 9-го марта 1864 г. «положеніе о горномъ промыслѣ въ Донскомъ войскѣ», допустившее къ развѣдкѣ, добычѣ и разработкѣ горныхъ породъ въ Донскомъ Войскѣ и лицъ невойскового сословія. Это обстоятельство имѣло результатомъ громадный ростъ добычи антрацита и каменнаго угля.**) Помимо этого, законъ 9 марта 1864 г. имѣлъ своимъ послѣдствіемъ появленіе на Дону горнорабочихъ (т. н. «шахтеровъ») въ районѣ угольныхъ копей Александровска-Грушевскаго и др.

Перемѣны въ положеніи иногороднихъ были слѣдующія. Въ царствованіе имп. Николая купцы — не-казаки не могли имѣть на Дону собственныхъ зданій, складовъ, фабрикъ, заводовъ; казаки-же не имѣли средствъ для постройки приспособленныхъ для торговли помѣщеній. Поэтому иногородніе давно уже домогались права владѣть недвижимостью, или хотя-бы зданіями, построенными на войсковой землѣ. Въ 1861 г. было разрѣшено строить дома и торговыя заведенія и пріобрѣтать существующія уже подобныя заведенія въ гор. Новочеркасскѣ (и, вообще, въ Войскѣ Донскомъ), но безъ правъ на землю, иногороднимъ лицамъ купеческаго, промышленнаго и ремесленнаго сословій, а также лицамъ духовнымъ и чиновнымъ, имѣющимъ постоянное пребываніе на Дону по обязанностямъ службы или родственнымъ связямъ съ казаками.***) Законъ 29 апр. 1868 года далъ лицамъ не-войскового сословія

*) 2-е П. С. З., т. XLVI, N 47056.
**) 2-е П. С. З., т. XXXIX, N 40666.
***) 2-е П. С. З., т. XXXVII, N 37990.

русскимъ подданнымъ право пріобрѣтать въ собственность существующіе на войсковыхъ, городскихъ и станичныхъ земляхъ дома и всякаго рода строенія на общемъ основаніи, не испрашивая согласія ни войскового начальства, ни городского или станичнаго общества. Но земля должна была остаться собственностью прежняго владѣльца (войска и т. д.) и находиться лишь въ постоянномъ пользованіи пріобрѣтателя за ежегодную посаженную плату. На возведеніе новыхъ построекъ лицами невойскового сословія требовалось разрѣшеніе отъ владѣльца земли (войска, городского или станичнаго схода). Въ имѣніяхъ частныхъ землевладѣльцевъ иногородніе могли пріобрѣтать въ собственность и возводить новыя строенія безъ особыхъ разрѣшеній, по согласію лишь съ землевладѣльцемъ.

Всѣ лица, имѣвшія или пріобрѣтшія осѣдлость въ казачьихъ войскахъ, получили (въ томъ-же 1868 г.) право пользоваться общимъ выгономъ для собственнаго ихъ домашняго скота.

По положенію объ общественномъ управленіи 1870 г. иногородніе получили право пользоваться станичными пастбищными мѣстами съ промышленной цѣлью, а также мѣстами сѣнокосными, лишь съ дозволенія станичныхъ обществъ, за особую въ станичный доходъ плату. Кромѣ того, на иногородннихъ возложена была обязанность нести въ станицахъ, гдѣ они проживаютъ, общія земскія повинности, съ постоянною осѣдлостью сопряженныя: постойную, подворную и — по исправному содержанію дорогъ, мостовъ и переправъ.

Если правовое положеніе крестьянства на Дону было мало нормально, то еще менѣе нормально оно было для «иногородннихъ», число которыхъ съ 60-хъ г. г. стало сильно возрастать.

Число иногородннихъ составляло къ началу XX-го вѣка группу въ 420.000. Они проживали въ станицахъ и хуторахъ, занимались ремеслами, торговлей и другими промыслами, но попутно занимались и сельскимъ хозяйствомъ. Для этого они снимали, часто за безцѣнокъ, земельные паи у бѣднаго казачества и пользовались его довольствіями, не неся его службы. Изъ повинностей иногородніе оплачивали лишь станичную (а не земскую) почту, и въ такомъ-же размѣрѣ, какъ казаки. Живя осѣдло и не отвлекаясь надолго отбываніемъ воинской повинности наравнѣ съ казаками, иногородніе давали большій ежегодный приростъ населенія, чѣмъ казаки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, невозможность имѣть свой клочекъ земли въ станицѣ, невозможность не только возводить новыя постройки, но и совершать починку тѣхъ зданій, которыми они владѣли, безъ разрѣшенія общества, отсутствіе права на участіе въ управленіи наравнѣ съ казачествомъ, — все это создавало тяжелыя условія жизни для иногородннихъ. Взаимныя отношенія ихъ съ казачествомъ, въ средѣ котораго они жили, никогда не были особенно хорошими. Прикованное къ военной службѣ казачество видѣло

въ иногородних представителей торговаго и ростовщическаго капитала, приписывало имъ и ихъ работѣ разрушеніе стараго земледѣльческаго уклада жизни и свое разореніе.

Иногородніе, лишенные правъ, вынужденные существовать какъ-бы изъ милости, въ то время, какъ при другихъ правовыхъ условіяхъ, они могли бы обезпечить себѣ общественное положеніе, соотвѣтствующее ихъ экономическому благосостоянію, тяготились своимъ положеніемъ. Въ значительной степени противорѣчія между интересами казачества и иногородних создавались окаменѣвшимъ бытомъ казачества. Естественно, что иногородніе, въ 1917—1919 г. г., явились сторонниками «расказаченія» Дона.

22-го мая 1880 г. было высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта о воспрещеніи евреямъ постояннаго жительства и владѣнія недвижимостью въ Области Войска Донскаго. Мѣра эта принята была подъ предлогомъ развитія и охраны экономической дѣятельности казачества. Изъятіе было сдѣлано лишь для евреевъ съ высшимъ образованіемъ.*) И то послѣднія лица могли лишь жить на Дону, но не владѣть недвижимостью.**)

Къ 1868—1870 г. г. относятся нѣсколько узаконеній, изданныхъ спеціально для Дона и имѣвшихъ аграрный характеръ. Первое изъ нихъ, изданное въ январѣ 1868 г., имѣло своею цѣлью освободить дворянское землевладѣніе на Дону отъ тѣхъ стѣсненій, которыя наложены были на него Положеніемъ 1835 г. (обязательство продавать земли лишь лицамъ «войскового происхожденія»). Эти стѣсненія препятствовали мобилизаціи помѣщичьей земельной собственности и, логически, должны были быть отмѣнены въ 1861 г., но просуществовали еще семь лѣтъ. Законъ 1868 г. нанесъ лишній ударъ Войску, какъ общинѣ, какъ исконному владѣльцу захваченныхъ у него донскимъ дворянствомъ земель. Закономъ 1868 года донскимъ помѣщикамъ предоставлено было право полной собственности на ихъ земли, съ дозволеніемъ отчуждать таковыя по ихъ произволу, т. е. лицамъ и не-войскового происхожденія.

Второе узаконеніе (1869 г.) имѣло цѣлью урегулировать право владѣнія землею со стороны станичныхъ обществъ и ихъ гражданъ, т. е. казаковъ.

Положеніе о поземельномъ устройствѣ въ казачьихъ войскахъ было высочайше утверждено 21 апр. 1869 г.***)По этому положенію земли, отведенныя станичнымъ обществамъ, были признаны состоящими не въ собственности, а лишь во владѣніи станичныхъ обществъ. Положеніе (довольно платони-

*) 2-е П. С. З., т. LV. N 60970.

**) Правила о временномъ пребываніи евреевъ въ областяхъ Куб., Тер. и В. Дон. были изложены въ Уставѣ о Пасп., ст. 13, пред. 1876 г.

***) 2-е П. С. З., т. XLIV, N 46996.

чески) признавало, что въ виду лежащей на казачьемъ населеніи обязанности снаряжаться на свой счетъ къ воинской службѣ, на каждую душу мужского пола должно быть отводимо не менѣе 30 десятинъ.

Фактически, этотъ законъ почти не получилъ своего осуществленія, и въ 1881 г. казаки, явившіеся въ «коммиссію 106-ти», горько на это жаловались въ своемъ заявленіи. Но на извѣстное время, подобная декларація права каждаго казака на 30-десятинный пай произвела нужное политическое воздѣйствіе на казачью массу. Болѣе реальнымъ оказалось значеніе закона 1869 года для «войсковыхъ чиновниковъ» и офицеровъ.

Положеніе 1869 г. предписало отводить паи изъ станичныхъ юртовъ и на «записанныхъ въ станицахъ чиновниковъ, дабы дать офицерамъ средства къ жизни въ станицахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ сближенію собственно съ казаками, не стѣсняя этихъ послѣднихъ въ станичныхъ угодьяхъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, Положеніе предписывало прирѣзать къ юртамъ по 300 дес. на церковный причтъ.

При этомъ, чиновники, отказавшіеся вовсе отъ особыхъ по чинамъ участковъ земли, получили право: генералы — на шесть паевъ, штабъ-офицеры на четыре, а оберъ-офицеры на два пая. Чиновники-же, надѣленные особыми поземельными по чинамъ участками, могли получить лишь одинъ пай.

Положеніе 1869 г. признало, что въ Войскѣ Донскомъ уже существуетъ недостатокъ свободныхъ земель для надѣла станицъ, и предписало уменьшать постепенно земли, отведенныя калмыкамъ, пока не останется удобной земли по 40 дес. на душу муж. пола для калмыковъ.

Законъ 1870 г. положилъ предѣлъ колебаніямъ правительства въ вопросѣ о надѣленіи «войсковыхъ чиновниковъ» участками изъ фонда войсковыхъ земель. Въ виду того, что пожизненные участки обычно превращались въ наслѣдственные, въ 1858 г. отводъ офицерамъ и чиновникамъ Войска Донскаго пожизненныхъ земельныхъ участковъ былъ замѣненъ отводомъ участковъ въ «срочное» пользованіе.*)

Этотъ законъ не спасъ, однако, войсковыхъ земель отъ расхищенія. Интересныя пререканія по вопросу о надѣленіи офицеровъ землею произошли въ 1865—1869 г. г. Комитетъ для пересмотра казачьихъ законоположеній выработалъ правила о надѣлѣ землями безпомѣстныхъ и мелкопомѣстныхъ чиновниковъ Войска Донскаго. Комитетъ предполагалъ отвести одинъ милліонъ десятинъ удобной земли, изъ числа войсковыхъ земель, включая сюда и земли, отданныя въ срочное пользованіе чиновниковъ. Земли эти комитетъ предлагалъ (со всѣми угодьями на поверхности и съ нѣдрами) обратить въ частную потом-

*) 2-е П. С. З., т. XXXIII, N 32975.

ственную собственность состоящихъ въ войскѣ офицеровъ и ихъ семействъ. Для обезпеченія тѣхъ, кто будетъ произведенъ въ офицеры позже, составить особый вспомогательный и пенсіонный капиталъ (изъ ежегодныхъ взносовъ по 1½ и по 3 коп. съ десятины земель всѣхъ помѣстныхъ землевладѣльцевъ Войска).

Военный Совѣтъ напомнилъ, что «Войску Донскому всемилостивѣйшими грамотами земли пожалованы въ о б щ е е достояніе всего войскового сословія». Поэтому Военный Совѣтъ не только не утвердилъ проектовъ Комитета, но и предложилъ войсковому начальству подготовить отобраніе срочныхъ участковъ, предоставляя, взамѣнъ участковъ, льготнымъ офицерамъ — денежне содержаніе, а отставнымъ — пенсіи.

Войсковой наказный атаманъ (въ мартѣ 1869 г.) заявилъ, что «отобраніе участковъ неминуемо отзовется въ будущемъ, образовывая изъ тысячъ семействъ войсковыхъ чиновъ опасный классъ пролетаріевъ», и стоялъ за отчужденіе части войсковыхъ земель въ собственность офицеровъ.

На помощь донскому офицерству пришло высочайшее повелѣніе 1 сент. 1869 г. о томъ, чтобы къ 300-лѣтнему юбилею Войска Донскаго (3 мая 1870 г.) срочные офицерскіе участки были переданы въ полную собственность офицеровъ.

Выработанный, сообразно съ высочайшимъ положеніемъ, проектъ Комитета по пересмотру казачьихъ законоположеній былъ принятъ Военнымъ Совѣтомъ на этотъ разъ благосклонно. Вопреки прежнему своему мнѣнію, Военный Совѣтъ призналъ, что осуществленіе этого проекта будетъ имѣть прямымъ слѣдствіемъ улучшеніе сельскаго хозяйства на земляхъ, отводимыхъ въ срочное пользованіе чиновниковъ Донского войска, а вмѣстѣ съ тѣмъ и развитіе экономическаго благосостоянія среди казачьяго населенія, въ связи съ общегосударственными выгодами, проистекающими отъ болѣе прочнаго и соотвѣтствующаго современнымъ потребностямъ обезпеченія средствъ къ жизни казачьихъ чиновниковъ.*)

«Положеніе объ обезпеченіи генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ и классныхъ чиновниковъ Донскаго Войска», выработанное Совѣтомъ, было высочайше утверждено 23 сент. 1870 г. и объявлено въ Новочеркасскѣ 6 мая 1870 г. въ день празднованія трехсотлѣтія Войска. Основною чертою положенія 1870 г. было предоставленіе въ потомственную собственность срочныхъ земельныхъ участковъ тѣмъ лицамъ (и семействамъ ихъ), которыя въ апрѣлѣ 1870 г. владѣли или имѣли право на владѣніе таковыми участками.

Приэтомъ, означенныя лица и ихъ семейства не лишались права на довольствіе, сверхъ того, землею изъ станичныхъ надѣловъ (по закону 1869 г.) Единственною положительною чер-

*) Столѣтіе Воен. Министерства, т. XI, ч. 1, с. 510—511.

тою положенія 1870 г. было правило, что въ дальнѣйшемъ офицеры и чиновники Войска должны были получать жалованье и пенсіи деньгами, а не земельными участками.

Въ результатѣ произошло колоссальное расхищеніе войсковой общеказачьей земельной собственности, совершенное единовременно и на «законномъ» основаніи. Большая часть этихъ т. н. «офицерскихъ» участковъ перешла вскорѣ-же въ руки иногороднихъ, т. е. частныхъ землевладѣльцевъ и крестьянъ, по большей части, переселенцевъ изъ другихъ губерній (преимущественно, изъ Таврической и Херсонской).

Что касается надѣленія «чиновниковъ» станичными паями, то эта мѣра, впослѣдствіи, облегчила положеніе небогатаго и малоимущаго офицерства и закрѣпила связи его со станицами, но зато отяготила станицы.

Такимъ образомъ, еще туже завязался тотъ узелъ аграрныхъ отношеній на Дону, который пытались разрубить, въ эпоху революціи, «земельнымъ закономъ Всевеликаго Войска Донскаго» 1-го іюня 1919 года.

Въ 3-ей Государственной Думѣ депутатъ В. А. Харламовъ, указывая (въ засѣданіи 13 дек. 1907 г.) на нарушеніе правъ и преимуществъ Войска, особенно отмѣчалъ «нарушеніе неприкосновенности земельныхъ угодій Войска».

«Войско должно бы было владѣть всѣми землями, данными въ безспорное и вѣчное владѣніе всему войску въ его совокупности. Но изъ этой казачьей земли было принудительно отчуждено во владѣніе частныхъ лицъ свыше 2 милл. дес. Въ казачьей Донской общинѣ создано было частно владѣльческое хозяйство. Около 800.000 десятинъ уже чисто казачьей земли до настоящаго момента (1907 г.) находится въ принудительной арендѣ у частныхъ коннозаводчиковъ съ платою по 3 коп. въ годъ за десятину. Остальной войсковой запасъ земель не находится въ непосредственномъ распоряженіи войска, а служитъ доходной оброчной статьей, средства съ которой поступаютъ въ войсковой бюджетъ, совершенно самостоятельный отъ общегосударственнаго бюджета, и идутъ, какъ на удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей, такъ и на удовлетвореніе общегосударственныхъ потребностей». Земельное обезпеченіе, которое должно было дать возможность казаку исправно отбывать воинскую повинность, въ 1907 г. далеко не достигало цыфры, указанной Положеніемъ 1869 года о земельномъ обезпеченіи казаковъ, въ 30 десят. размѣрѣ. Размѣръ этотъ, въ началѣ XX-го вѣка упалъ до 6, 7, 8 дес. «на казачій пай». Таковы оказались результаты земельныхъ законовъ 1868-9 и 1870 г. г. на Дону.*)

*) П. Кузминъ «Объ условіяхъ владѣнія землями въ Войскѣ Дон.», «Русс. Вѣстникъ», 1864. N 2: И. Красновъ «Безпомѣстные и мелкопомѣстные чиновники В. Дон., «Р. Вѣст.», 1865, N 7; А. «Къ вопросу о возникновеніи на Дону частной поземел. собственности», «Юридич. Вѣстникъ», 1887, N 4; С. Номикосовъ «Общинное владѣніе въ Дон. краѣ». «Сѣв. Вѣстникъ» 1889, N 7.

Къ царствованію имп. Александра II относится учрежденіе донского частнаго коннозаводства, первое положеніе о которомъ относится къ 1858 году.*) Для частнаго коннозаводства были отведены въ войсковой Задонской степи 782.658 дес. земли. Новое положеніе о коннозаводствѣ издано было въ 1877 году.**) Учрежденіе частнаго коннозаводства на войсковой землѣ сопровождалось фактическимъ изъятіемъ навсегда изъ войсковыхъ земель колоссальнаго участка въ 800.000 дес. степной земли.

Вплоть до 1917 г., втеченіе 60 лѣтъ, коннозаводчики уплачивали Войску за пользованіе его землею ничтожную арендную плату въ три к о п ѣ й к и въ годъ за десятину. Въ лицѣ коннозаводчиковъ на войсковой землѣ появился новый классъ собственниковъ, крупныхъ помѣщиковъ. На неоднократныя ходатайства казачества о возвращеніи ему войсковой земли правительство отвѣчало, что частное коннозаводство необходимо въ цѣляхъ снабженія арміи конскимъ запасомъ. Такимъ образомъ, конскій запасъ создавался за счетъ Войска и на его земляхъ.

Глава XXXVI.

Земство на Дону (1876—1882). Коммиссія ген. Маслаковца (1880). „Коммиссія 106-ти“ (1881) закрытіе земскихъ учрежденій (1882).

Въ числѣ другихъ «реформъ шестидесятыхъ годовъ» было введено на Дону и земство. Этой реформѣ особенно не посчастливилось. Казалось-бы, послѣ долгаго періода всевластія администраціи, возрождалось на Дону самоуправленіе, столь присущее казачеству. Казалось-бы, именно на Дону должна была сразу приняться и укрѣпиться земская реформа. И, однако, вышло иначе. Земское положеніе по закону 1864 г., съ измѣненіями, внесенными въ него закономъ 1875 г., было введено на Дону въ 1876 году. А въ 1882 г. правительство уже уничтожило земскія учрежденія на Дону, не только не вызвавши протеста со стороны казачества, а даже, какъ будто, во исполненіе его воли и вслѣдствіе его нежеланія принять земскую реформу.

Самое введеніе земства на Дону было уже сопряжено съ значительными трудностями. Введено оно было позже всѣхъ 34 губ. Европейской Россіи, въ которыхъ осуществлена была эта реформа.

Разработка вопроса о примѣненіи положенія о земскихъ

*) 2-е П. С. З., т. XXXIII, N 33189.
**) 2-е П. С. З., т. LII, N 57262.

учрежденіяхъ въ Области Войска Донскаго была возложена на комитетъ, высочайше учрежденный въ Новочеркасскѣ для составленія проекта новаго войскового положенія. По закрытіи этого комитета въ 1865 г. атаманъ гр. Граббе, для составленія проекта положенія о земскихъ учрежденіяхъ въ Области, испросилъ разрѣшеніе открыть особый временный комитетъ подъ предсѣдательствомъ войскового наказнаго атамана изъ лицъ всѣхъ сословій, долженствовавшихъ войти въ составъ будущихъ земскихъ учрежденій, и членовъ нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстъ. Комитетъ этотъ открылся 14 янв. 1867 г., очень энергично работалъ, и для участія въ немъ вызывались депутаты отъ станицъ. Очень быстро проекты были выработаны. Уже 29-го октября 1867 г. они были внесены на разсмотрѣніе Главнаго Управленія Иррегулярныхъ Войскъ.

Главное Управленіе признало проектъ не отвѣчающимъ изданнымъ въ концѣ 60-хъ г. г. законамъ о Войскѣ Донскомъ и учредило свою комиссію, предложивши послѣдней приблизить проектъ донского земства къ общероссійскому положенію. Коммиссіи предложено было принять во вниманіе исключительныя особенности края, а именно: 1) подчиненіе его военному министерству; 2) отправленіе всѣхъ земскихъ повинностей въ предѣлахъ области собственными ея средствами; 3) отдѣльное хозяйственное и финансовое управленіе; 4) особыя права и обязанности донскихъ казаковъ и калмыковъ и 5) отсутствіе городскихъ поселеній съ соотвѣтственными учрежденіями.

Проектъ примѣненія къ Области земскихъ учрежденій былъ разсмотрѣнъ въ Государственномъ Совѣтѣ и высочайше утвержденъ 1/13 іюня 1875 г.*) Коммиссія, выработавшая проектъ, а равно и Государственный Совѣтъ, стояли на точкѣ зрѣнія полнаго пренебреженія историческими правами края. Главная цѣль ихъ была приблизить положеніе о земствѣ къ общеимперскому образцу. Поэтому, главное мѣсто въ земствѣ обезпечено было дворянству и торговому сословію, которыя и безъ помощи крестьянъ могли подавить голоса представителей станицъ.

Главнымъ противникомъ земства на Дону явилась всевластная администрація, которая не пожелала совершенно разстаться со своими правами и преимуществами. Это обнаружилось уже въ 1876 г., при самомъ введеніи на Дону земства, когда необходимо было передать ему врачебныя заведенія Донского войска. Вмѣсто этого, въ томъ-же году, Новочеркасскій областной госпиталь и шесть окружныхъ лазаретовъ были переименованы въ областную и окружныя больницы, съ примѣненіемъ къ нимъ правилъ о постоянныхъ в о е н н ы х ъ госпиталяхъ: областная врачебная управа была упразднена; управ-

*) 2-е П. С. З., т. L, N 54758.

леніе гражданской медицинской частью сосредоточено въ областномъ правленіи по врачебному отдѣленію; военно-медицинская часть подчинена областному врачебному инспектору.*) Земство-же должно было заново и изъ ничего создавать всю свою медицинскую часть.

Взгляды войсковой администраціи на земство очень ярко выразилъ, въ 1880 г., ген. Маслаковецъ, предсѣдатель коммиссіи, занимавшейся вопросомъ объ измѣненіи земскаго положенія примѣнительно къ быту казачества. Съ явнымъ несочувствіемъ къ земству онъ изображалъ «стройно организированную», какъ ему казалось, военно-административную организацію Войска: Атаманъ, Штабъ, генералы — атаманы отдѣловъ съ ихъ штабами; Областное правленіе, Штабъ-Офицеры — окружные начальники и т. д. «Послѣ чего не остается уже мѣста для хозяйственнаго безцвѣтнаго учрежденія съ безчиновными своими агентами». Дѣйствительно, надъ казачествомъ было столько властной и чиновной опеки, что земству не оставалось мѣста на донской землѣ.

Противъ земства ополчились, по словамъ И. Н. Ефремова, лучшаго знатока исторіи земства на Дону, «отставные офицеры и чиновники, жившіе среди казаковъ и недовольные тѣмъ, что земство впервые обложило ихъ имѣнія денежнымъ сборомъ для удовлетворенія такихъ повинностей, которыя до сихъ поръ лежали на однихъ казакахъ и крестьянахъ, какъ подводная, почтовая и другія. Возставали противъ земства и служащіе чиновники, какъ окружные начальники, атаманы отдѣловъ и прочія лица мѣстной администраціи, видѣвшія въ земскомъ самоуправленіи стѣсненіе своей дѣятельности и умаленіе своей власти и значенія». Враги земства искусно воспользовались и настроеніями казачества. Послѣднее было истомлено рядомъ неурожаевъ, падежей скота, тяжелыми расходами по снаряженію казаковъ 2-й и 3-й очереди на войну съ Турціей 1877—1878 г. г. Уменьшеніе размѣра земельныхъ паевъ не компенсировалось прирѣзками къ станичнымъ юртамъ изъ войскового земельнаго запаса. До земства, земскія повинности выполнялись за счетъ войскового капитала. Законъ 1875 года возложилъ ихъ на станичныя общества. Переходъ отъ личныхъ повинностей къ денежному обложенію показался казакамъ особенно тяжелымъ, а поголовная раскладка повинностей, вмѣсто прежней разверстки на служилыхъ лишь казаковъ, заставила казачью массу думать, что ихъ хотятъ обратить въ податное состояніе. Этого казачья масса не могла вынести. Казаки стали отказываться отъ платежа земскихъ налоговъ, заявляя: «наша земля завоевана нашими предками, заслужена ихъ и нашею службою Государю и отечеству, и потому не

*) 2-е П. С З., т. LI, N 56507.

должна быть облагаема налогами...» Была даже сложена лѣсня съ припѣвомъ:

«Кто-й-то, братцы, наше Войско
Губитъ, грабитъ, разоряетъ?!...
Кто-й-то, братцы, нашу землю
Податями облагаетъ?!...»

Къ этому присоединилась исторія съ лѣсами. Въ половинѣ 70-хъ г. г. была произведена неудачная попытка ввести въ Области новый лѣсной законъ, неправильно принятый казаками за попытку отобрать у нихъ лѣсъ.*) Въ районѣ станицъ Луганской, Гундоровской, Еланской и Каменской произошли безпорядки и неповиновеніе начальству. Въ Еланской станицѣ генералу, говорившему, что онъ усмирялъ крестьянъ въ 1861 г., казаки отвѣтили: «Мы, тебѣ не мужики!...»

Тяжелое экономическое положеніе казачества, тяготы военной службы и снаряженія въ эпоху войны 1877/8 г. г., боязнь превращенія въ податное сословіе, все это заставило казачество отнестись къ земству съ недовѣріемъ. Реакціонные элементы вели усиленную пропаганду въ казачествѣ, земскія мѣропріятія встрѣчались порицаніемъ, имъ не только не оказывалось офиціальной поддержки, но казаковъ даже подстрекали къ неповиновенію земству. Отъ станицъ стали поступать протесты противъ земства и земскаго обложенія; бойкотъ земства безнаказанно расширялся.. Казачество, видѣвшее въ 60—70-хъ г. г. рядъ реформъ, уничтожавшихъ его самобытность, испугалось той самой реформы, которая должна была возродить самоуправленіе въ краѣ. Правда, это самоуправленіе было организовано съ преобладаніемъ въ немъ помѣщичьяго элемента; правда, въ немъ участвовало и крестьянство, дотолѣ совершенно безправное. Замкнутости казачества наносился несомнѣнный ударъ и земской реформой. На мѣсто к а з а ч ь е й Донской области начиналъ становиться Донской край, въ которомъ в с ѣ м ъ гражданамъ (хотя и по мало демократическому закону 1864 г.), а не однимъ только казакамъ давалось право участія въ мѣстномъ управленіи. Къ сожалѣнію, при положеніи 1864 г. (1875 г.), оказывалось, что казаки совершенно подавляются въ земскихъ собраніяхъ другими сословіями. Къ этому времени, казачество уже составляло около половины (нѣсколько больше половины) общаго населенія края. Такъ что и справедливое (демократическое) устройство выборовъ почти обрекало ихъ на положеніе меньшинства. А они не могли отрѣшиться отъ мысли, что, именно, они — хозяева края. Положеніе 1875 г. давало казакамъ лишь 127 мѣстъ въ Областномъ Земскомъ Собраніи, противъ нихъ же были 134 мѣста у землевладѣльцевъ и торговаго сословія, и 40 мѣстъ у сель-

*) Правила о надзорѣ и охранѣ станичныхъ лѣсовъ 22 февр. 1877 г. 2-е П. С. З.. т. LII, N 56990. Ср. Св. Зак., т. VIII, ч. 1. Св. Угр. Лѣс., К. 4.

скихъ обществъ. Это неравномѣрное распредѣленіе мѣстъ сыграло свою роль въ созданіи недоброжелательства казачьей массы къ земству.

Ухудшающееся положеніе земскаго дѣла, въ связи съ бойкотомъ земства и протестами противъ него со стороны администраціи и казачества, вызвали появленіе нѣсколькихъ коммиссій, посвященныхъ земству на Дону. Сперва учреждена была подъ предсѣдательствомъ ген.-м. Маслаковца «особая коммиссія по разсмотрѣнію вопросовъ практическаго примѣненія къ Области Войска Донскаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ». Истинная цѣль этой коммиссіи состояла въ уничтоженіи земства на Дону. Вмѣстѣ съ тѣмъ, приняты были мѣры, чтобы въ коммиссіи этой не былъ поставленъ вопросъ о тяжкомъ правовомъ и экономическомъ положеніи казачества. Она открылась 16 ноября 1879 г. въ Новочеркасскѣ. Въ своемъ предложеніи войсковому наказному атаману военный министръ гр. Милютинъ «во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній» предупреждалъ, что военное министерство «ни въ какомъ случаѣ не можетъ допустить ни сокращенія существующей для донскихъ казаковъ воинской повинности, ни измѣненія существующаго назначенія и порядка расходованія войсковыхъ капиталовъ».

Такимъ образомъ, сужденія коммиссіи значительно суживались. Мы уже знаемъ, какое противоположеніе земства и войсковой администраціи сдѣлалъ ген. Маслаковецъ въ предварительномъ докладѣ своемъ коммиссіи. Болѣе того, предваряя обсужденіе вопроса, ген. Маслаковецъ заявилъ, что единственный правильный путь — «въ болѣе тѣсномъ соединеніи земскихъ органовъ съ мѣстной администраціей и въ подчиненіи ихъ серьезному, независимому отъ нихъ правительственному контролю». Этимъ «окончательно устранялось-бы то вредное для дѣла стремленіе къ препирательствамъ съ администраціей, которымъ такъ сильно заражены земскіе органы не только въ Донской области, но и въ другихъ мѣстахъ имперіи».

Какъ мы видимъ, походъ на земство имѣлъ общій, а не мѣстный только характеръ. Оставляя за казачествомъ одіозную привиллегію поголовной многолѣтней службы, правительство хотѣло удержать въ рукахъ администраціи распоряженіе войсковыми, т. е. общеказачьими донскими капиталами.

Члены коммиссіи Маслаковца распадались на 2 группы: съ одной стороны — представители земства, съ другой стороны представители военнаго и гражданскаго управленія области, областного по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, донской казенной палаты, землевладѣльцевъ и частныхъ коннозаводчиковъ, во главѣ съ предсѣдателемъ ген. Маслаковцомъ.

Земство, которое имѣло лишь трехъ своихъ представителей, энергично выступило на свою защиту, объясняя, что «земскіе налоги не обременительны, жалуется-же казакъ, собствен-

но, не на земскія учрежденія, а... на недостатокъ земли и свои экономическія бѣдствія». Областное земское собраніе V очередной сессіи (15 дек. 1880 г.) постановило: просить о сложеніи съ земства ряда повинностей, которыя въ другихъ губерніяхъ составляли «предметъ государственныхъ потребностей», т. е. покрывались изъ средствъ казны; обратить вниманіе правительства «на безотрадное положеніе станичныхъ обществъ, хозяйственный бытъ которыхъ потрясенъ и ухудшается съ каждымъ годомъ». Земство хотѣло передачи станичнымъ обществамъ принадлежавшихъ имъ и отобранныхъ Войскомъ питейныхъ сборовъ и увеличенія станичныхъ юртовъ (до нормы пая въ 20 дес.), т. е. улучшенія земельнаго положенія казачества. «Въ заключеніе Областное Земское Собраніе въ сознаніи исторической важности переживаемаго Донскимъ краемъ момента, по чувству долга», не могло не высказать своего убѣжденія въ томъ, что «земскія учрежденія служатъ прочнымъ залогомъ лучшаго будущаго Донской земли». Перечисливши всѣ виды земской дѣятельности, Собраніе заявляло, что эта «сложная и трудная работа, безъ участія въ ней общественныхъ силъ, съ успѣхомъ выполнена быть не можетъ», что эта работа, «являясь дѣломъ выборныхъ представителей всѣхъ сословій края, составляющихъ въ земствѣ одно цѣлое, при постоянномъ и энергическомъ содѣйствіи администраціи, имѣетъ весьма важные шансы на успѣхъ».

Областное собраніе выражало увѣренность, что земскій вопросъ будетъ разрѣшенъ въ смыслѣ сохраненія на Дону земскихъ учрежденій «со всѣми правами и обязанностями, при коихъ они были введены Военными имъ закономъ 1-го іюня 1875 г., такъ какъ только эти права въ состояніи возвратить странѣ утерянное ею процвѣтаніе, и только они одни послужатъ самою крѣпкою связью между областью и общимъ нашимъ отечествомъ — Россіей.»

Нельзя отказать этому заявленію въ исторической правдѣ и историческомъ провидѣніи. Чрезвычайно интересно, что донскіе земцы именовали область — «Донскимъ краемъ», «Донскою землею», указывая, такимъ образомъ, правительству, что старая идея самобытнаго существованія вольной колоніи не умерла на Дону. Съ другой стороны, земцы правильно понимали и заявляли правительству, что только развитіе самоуправленія на Дону послужитъ самою крѣпкою связью между донской колоніей и метрополіей («общимъ нашимъ отечествомъ»).

Областное Земское Собраніе ходатайствовало, чтобы предсѣдатель его Н. Н. Ефремовъ и областные гласные Ѳ. И. Авиловъ и А. А. Донецкій были допущены въ высшія правительственныя учрежденія, которыя будутъ пересматривать вопросъ о земствѣ на Дону. Предсѣдатель Областного Земскаго Собранія послалъ обо всемъ этомъ письмо военному министру.

На послѣднемъ засѣданіи коммиссіи Маслаковца боль-

шинствомъ 4 противъ 3-хъ было рѣшено, что «земскія учрежденія не пользуются на Дону сочувствіемъ большинства населенія», что «нѣтъ основаній разсчитывать на измѣненіе къ лучшему земскаго дѣла въ будущемъ, при нынѣшнихъ его условіяхъ», и что «необходимъ пересмотръ правилъ о земскихъ учрежденіяхъ и измѣненіе ихъ сообразно мѣстнымъ условіямъ и бытовымъ особенностямъ казачьяго населенія».

17 мая 1880 г. коммиссія была закрыта.

Въ концѣ 1880 года ген. Маслаковецъ повезъ въ Петербургъ проектъ, за подписями 250 лицъ, предлагавшій окружныя земскія управы уничтожить и замѣнить ихъ чиновниками по назначенію, а областное земское собраніе поставить въ полную зависимость отъ Военнаго Совѣта и мѣстной администраціи.

Въ январѣ 1881 г. Милютинъ предложилъ атаману Н. А. Краснокутскому дать заключеніе о предположеніи военнаго министерства испросить высочайшее повелѣніе о временной пріостановкѣ дѣятельности земскихъ учрежденій на Дону, и о возстановленіи прежняго порядка отбыванія (натурою) земскихъ повинностей, а затѣмъ выслушать мнѣніе выборныхъ отъ всѣхъ сословій, но не раньше 1—1½ лѣтъ, «чтобы улеглись страсти, возбужденныя взаимными пререканіями между защитниками и противниками земства, и что-бы выяснились начала, на которыхъ можетъ быть устроено земское дѣло на Дону».

Атаманъ Краснокутскій заявилъ, что пріостановка дѣятельности земства неудобна, и что, наоборотъ, необходимо немедленно созвать комиссію въ составѣ не менѣе 100 представителей отъ всѣхъ сословій области.

Поэтому, въ 1881 г., въ ноябрѣ образована была въ Новочеркасскѣ «коммиссія для разрѣшенія основныхъ вопросовъ по предмету примѣненія положенія о земскихъ учрежденіяхъ въ Донской Области», или т. наз. «коммиссія 106-ти», по числу участниковъ ея. Созывъ этой коммиссіи произошелъ въ то время, когда правительство Александра III уже твердою стопою вступило на путь реакціи. Состоялся онъ въ силу своеобразной инерціи: дѣло было уже начато и не хотѣли его вдругъ остановить. Къ тому-же была надежда, что казачество выскажется *противъ* земства. Однако, принятъ былъ рядъ мѣръ. Для засѣданій коммиссіи отвели всего 9—10 дней. Были приняты всѣ мѣры къ тому, что-бы не состоялся сговоръ сословій и чтобы дѣло не получило огласки.

Засѣданія «коммиссіи 106-ти» происходили при закрытыхъ дверяхъ и, для того, чтобы оградить казачество отъ вліянія интеллигенціи, коммиссію разбили на три группы, засѣдавшія отдѣльно по три дня каждая. Первая группа — представителей отъ станицъ — высказала пожеланіе, «чтобы въ Новочеркасскѣ было учреждено Хозяйственное *Выборное Гражданское* Управленіе... При этомъ учрежденіи долженъ

быть ежегодный созывъ Войскового Круга, состоящій изъ представителей отъ каждой станицы по одному человѣку, которые и должны обсуждать и утверждать всѣ дѣла самаго управленія и предъявлять правительству наши нужды...»

Представители станицъ признали существующую военную и гражданскую администрацію «совершенно полезною», «но — прибавляли они, — желательно, чтобы на всѣ должности гражданскія избрать представителей отъ населенія края». Земскія учрежденія были «непріятны» казакамъ тѣмъ, что обложили ихъ налогами «за землю и недвижимыя имущества». Казаки заявляли, что, если земскія учрежденія и впредь будутъ «облагать ихъ деньгами», то «казаки сочтутъ это нарушеніемъ ихъ вѣковыхъ правъ и окажутъ сопротивленіе».

Въ концѣ своей записки представители станицъ заявляли: «во первыхъ, желали бы мы, чтобы выборы чиновниковъ на гражданскія должности были не по старому Положенію 1835 г., а съ участіемъ наравнѣ и нашихъ депутатовъ; во-вторыхъ, чтобы завѣдываніе войсковыми хозяйственными дѣлами было вручено Хозяйственному Выборному Гражданскому Управленію...» Распоряженіе войсковымъ капиталомъ также должно происходить «съ участіемъ въ смѣтахъ его нѣсколькихъ человѣкъ изъ нашихъ представителей, насколько это необходимо для того, чтобы видѣть и знать, куда онъ идетъ...»

Въ третьихъ, казачество желало подтвержденія своихъ историческихъ правъ, а именно, «чтобы въ означенномъ Войсковомъ Кругу выносились всѣ регаліи и вычитывались всѣ Высочайшія Грамоты, которыя все Войско Донское свято чтитъ и всѣмъ своимъ сердцемъ дорожитъ и будетъ отъ нынѣ и до вѣка изъ рода въ родъ хранить и благоговѣть предъ ними».*) Подавая свое мнѣніе, представители станицъ заявляли, что всѣ положенія, въ немъ высказанныя, не противорѣчатъ жалованной грамотѣ 8 сент. 1863 г.

Такимъ образомъ, «представители станицъ» сдѣлали заявленія совершенно неожиданныя для администраціи, которая ждала отъ нихъ лишь голаго осужденія земскихъ учрежденій. Вмѣсто этого, казаки опредѣленно заявили, что они помнятъ свои историческія права и желаютъ возстановленія Войскового Круга, въ качествѣ представительнаго учрежденія, а также выборности всѣхъ должностей, но не отъ дворянства, а отъ всего (повидимому, казачьяго) населенія Области.

Помимо того, казаки заявляли, что «состоявшійся законъ о надѣлѣ казаковъ землею до 30-ти десятинной пропорціи не приведенъ въ исполненіе съ 1869 года, несмотря на неоднократное настоятельство населенія...» По недоразумѣнію, вину за это они возлагали на «органы» (т. е. на земство). Казаки

*) «Мнѣніе казачьяго сословія первой группы Выс. утв. Комиссіи 106-ти.,. (Новочеркасскъ, 1881).

просили «ускорить прирѣзку земли», чтобы остановить увеличивающееся «саморазореніе», отъ котораго «и нашему войску казацкому положится конецъ...»

Представители станицъ ссылались на подавленіе ихъ голосовъ въ земствѣ крестьянскими и землевладѣльческими. «Крестьянъ потому считаемъ мы противъ себя, — поясняли казаки, — что съ ними у насъ интересы противуположные, и, сказать по правдѣ, согласія между нами никогда не было, а главное, они очень зависятъ отъ помѣщиковъ, ... военную службу несутъ далеко меньшую, а благъ отъ земства имѣютъ больше. Крестьяне арендуютъ войсковыя земли, которыя надо употребить на прирѣзку станицамъ земли. Изъ этого видно, что «крестьяне никакъ не могутъ въ земскихъ собраніяхъ быть на сторонѣ нашихъ интересовъ, когда таковые сталкиваются съ помѣщичьими интересами».

Что касается землевладѣльцевъ, то казаки противопоставляли ихъ интересы своимъ. «Они, землевладѣльцы и помѣщики, — офицеры... и при существующей дисциплинѣ и чинопочитаніи» спорить съ ними невозможно. Поэтому «самые умные, честные и даже первые старики не рѣшаются быть гласными, приходится замѣщать въ гласные г.г. офицеровъ...» «Изъ всего этого и прочаго выходитъ, что мы зависимъ отъ доброй воли г.г. землевладѣльцевъ, и она очень часто обращается въ произволъ...» Такимъ образомъ, отрицая земство и земскіе налоги, казачество выставляло, въ сущности, требованіе широкаго демократическаго самоуправленія, съ выборной администраціей, съ ограниченіемъ тѣхъ чрезмѣрныхъ правъ, которыя были предоставлены земскимъ положеніемъ 1875 г. землевладѣльцамъ, т. е. донскому дворянству.

Если вспомнить вѣковое безправіе донского крестьянства, для котораго въ земствѣ открылся нѣкоторый просвѣтъ, то окажется неудивительнымъ, что представители второй группы въ коммиссіи 106-ти — крестьянскихъ обществъ и торговаго сословія — высказались единогласно за сохраненіе въ полной неприкосновенности земскихъ учрежденій и ихъ правъ. Они одобрили Записку Хар. И. Попова, въ которой онъ рѣзко критиковалъ чиновничье управленіе областью.

Въ третьей группѣ участвовали представители отъ землевладѣльцевъ, шахтовладѣльцевъ, коннозаводчиковъ и войсковой администраціи. Энергическая защита началъ самоуправленія со стороны представителей земства А. А. Донецкаго и А. А. Карасева имѣла успѣхъ и въ этой средѣ. Подавляющее большинство группы присоединилось къ заявленію Карасева, что казаку нужно дать «представительство въ управленіи всѣмъ областнымъ и окружнымъ хозяйствомъ». Имя не важно, но оно должно быть «дѣйствительнымъ и широкимъ представительствомъ», такимъ, «чтобы и казакъ, и крестьянинъ, и землевладѣлецъ управляли общественнымъ дѣломъ черезъ своихъ

избранниковъ и чтобы особые выборные отъ всѣхъ сословій контролировали это дѣло и давали указанія; чтобы судьба этого представительства и дѣйствія представителей не зависѣли отъ усмотрѣнія единичныхъ административныхъ лицъ».

Собраніе единогласно присоединилось къ положеніямъ, высказаннымъ Донецкимъ. «Ближайшею задачею ожидаемыхъ на Дону реформъ мѣстнаго управленія должно быть расширеніе круга дѣятельности органовъ мѣстнаго самоуправленія», — сказалъ А. А. Донецкій. «Настала пора вручить всѣмъ слоямъ мѣстнаго населенія, въ лицѣ свободно избранныхъ имъ представителей не только попеченіе объ удовлетвореніи т. наз. земскихъ потребностей, но и завѣдываніе дѣлами общаго войскового хозяйства. При этомъ, будущій порядокъ мѣстнаго управленія долженъ быть организованъ такъ, 1) чтобы всѣ дѣла производились на мѣстахъ, гдѣ они должны приводиться въ исполненіе, и тѣми лицами, интересовъ коихъ они касаются; 2) чтобы создана была возможность установленія прочной и постоянной связи между избирателями и избираемыми и контроля первыхъ надъ послѣдними; чтобы будущія учрежденія пользовались полною самостоятельностью и тою долею власти, какая въ настоящее время принадлежитъ нѣкоторымъ учрежденіямъ правительственнымъ».

Такимъ образомъ, купцы и крестьянство высказались за земство, хотя ихъ голоса въ немъ и подавлялись голосами донского дворянства и казачества. Казаки-же, ратуя противъ слова «земство» и земскихъ налоговъ, потребовали возрожденія историческаго Войскового Круга. Этотъ Кругъ долженъ былъ стать представительнымъ учрежденіемъ (отъ казачества). Эта сословная узость была отрицательной чертой казачьяго проекта. Но казаки требовали также возрожденія полновластія Круга на Дону, и третья группа (земцы, землевладѣльцы и даже чины администраціи, увлеченные земцами) готова была всецѣло поддержать это требованіе.

Такимъ образомъ, искусственно раздѣленные на три группы, вынужденные дать отвѣтъ въ три дня, представители донского населенія высказались за широкое самоуправленіе на началахъ автономіи. Это было совсѣмъ не то, чего ждало правительство. И земскія учрежденія были закрыты (24 марта 1882 г.), подъ предлогомъ нежеланія казачества пользоваться земскимъ самоуправленіемъ.*)

*) Матеріалы по исторіи Земства: Н. Лагуновъ «Донское Земство», «Русс. Богатство», 1909, XI, XII; его-же «Анкета о земствѣ на Дону», «В. Е.». 1910, IV; Сборники Областного Земства за 1880 и 1881 г, г.; Сборники окруж. Земства за 1878—1881 г. г.; труды коммиссіи ген. Маслаковца, Новочеркасскъ, 1880 г.; «Мнѣніе предст. каз. сосл. въ коммиссіи 106; 1801; «Труды коммиссіи 106-ти», Новочеркасскъ 1881 г.

Проектъ Маслаковца «Дон. Голосъ», 1881 г. NN 1—3;

С. Еремѣевъ «Земство и Казачество», «Русс. Богат.», 1880, N 11;

Л. Борисовъ «Дон. Земство», «Юрид. Вѣстн.», 1881, янв.

Глава XXXVII.

Донъ въ революціонномъ движеніи 1860—1870 г. г. Казачье движеніе 1878 г.

Въ исторіи политическаго движенія на Дону вполнѣ умѣстно упомянуть о томъ, какую роль играли Донъ и казачество въ русскомъ революціонномъ движеніи. Съ одной стороны, представители донской интеллигенціи принимали участіе въ движеніи общероссійскомъ, почти всегда привнося въ него элементъ борьбы за донскую автономію. Такими были декабристъ Сухоруковъ въ 1820-хъ г. г., Турчаниновъ въ 1840-хъ. Съ другой стороны, памяты о былой донской вольности просыпалась въ душѣ участниковъ и общероссійскаго движенія. Русское народничество идеализировало народныя движенія былыхъ временъ. Донскіе казаки Степанъ Разинъ и Емельянъ Пугачевъ начинали казаться революціонному народничеству ихъ предшественниками въ борьбѣ за соціальное и политическое освобожденіе народа, а имена ихъ — лозунгами, способными увлечь массы. И самый Донъ, вольный край, куда бѣжали всѣ, кому тяжко жилось въ московскомъ царствѣ, становился однимъ изъ предметовъ идеализаціи и символомъ революціонныхъ надеждъ.

Другъ и соратникъ Герцена, Н. П. Огаревъ, посѣтившій Донъ по дорогѣ на Кавказъ, писалъ впослѣдствіи въ «Полярной Звѣздѣ»: *) Самое казацкое племя произвело на меня благотворное впечатлѣніе. Въ немъ было что-то болѣе свободное, — не было запуганныхъ лицъ... Тутъ чувствовался кряжъ народа посамостоятельнѣе... Степной человѣкъ любитъ волю, ему границы чужды и противны. Въ степи человѣкъ неуловимъ; его нельзя придушить, какъ человѣка прижатаго къ забору. Онъ отхлынетъ въ пространство, а если ужъ когда самъ да нахлынетъ, то вся степь дрогнетъ отъ Астрахани до верховья, и по сѣвернымъ лѣсамъ гулъ пойдетъ, качнется и московскій колоколъ... На меня отрадно подѣйствовалъ переходъ отъ нѣмецкаго управительства къ казачеству, гдѣ, сколько правительство ни старалось исказить отношенія, а все же настоящее чиновничество не привилось, и селянинъ перейдетъ къ коренному народному началу выборной администраціи безъ враждебнаго истребленія чужеяднаго чиновничества...» Правильно оцѣнивши свободный духъ казачества, Огаревъ и не подозрѣвалъ, что даже въ эту эпоху на Дону еще существовали обломки выборного начала.

Герценъ, мало знавшій Донъ и казачество, идеализировалъ общинное начало на Дону и былую республиканскую вольность

*) «Полярная Звѣзда», кн. 6, Лонд. 1861, с. 342—344, ст. «Кавказскія воды (отрывокъ изъ моей исповѣди)».

казачества и возлагалъ надежды на участіе Дона въ борьбѣ за свободу. Въ 1854 г. Герценъ писалъ редактору „The English Republic" Линтону:*) «Когда къ двѣнадцати милліонамъ рабовъ присоединятся казаки, глубоко обиженные потерей своихъ правъ и вольностей, раскольники..., да сверхъ того часть дворянства,... будетъ о чемъ подумать тогда жителямъ Зимняго Дворца...»

Во время студенческихъ безпорядковъ 1861 г., обращаясь къ студенчеству въ «Колоколѣ», онъ звалъ русскую молодежь, изгнанную изъ университетовъ, «въ народъ, къ народу». — «Прислушайтесь, — писалъ онъ, — благо тьма не мѣшаетъ вамъ слушать — со всѣхъ сторонъ огромной родины нашей: съ Дона и Урала, съ Волги и Днѣпра растетъ стонъ, поднимается ропотъ: это начальный ревъ морской волны, которая закипаетъ, чреватая бурями...»

Противопоставляя казачество «дряхлой», контръ-революціонной Европѣ послѣ 1849 г. Герценъ писалъ «Донской казакъ въ свое время придетъ разбудить этихъ Палеологовъ и Порфирогенетовъ, — если ихъ не разбудитъ трубный гласъ послѣдняго суда, суда народной Немезиды, который надъ ними будетъ держать соціализмъ мести — коммунизмъ, на который апелляціи не найдешь ни у Тьера, ни у Мараста...» Въ другомъ мѣстѣ, переоцѣнивая значеніе общиннаго начала въ средѣ казачества, Герценъ замѣчаетъ, съ ироніей, по адресу реакціонной Европы, что «казацкій коммунизмъ чуть-ли не опаснѣе Луи-Блановскаго...»

Подобно Герцену и Огареву, и Бакунинъ также видѣлъ въ казачествѣ элементъ протеста противъ московскаго, а затѣмъ, и всероссійскаго государства. Въ 1863 г., въ связи съ польскимъ возстаніемъ, у Бакунина возникли широкія надежды на то, что польское возстаніе дастъ непосредственный толчекъ самостоятельнымъ возстаніямъ въ западнорусскихъ областяхъ, а также въ Украинѣ, на Дону и на Волгѣ. Въ четвертой рѣчи своей на Конгрессѣ Лиги Мира и Свободы въ 1868 г. онъ говорилъ о «народномъ возстаніи, носившемъ на себѣ тройственный характеръ: религіозный, политическій и соціальный, — возстаніи Стеньки Разина, перваго и самаго страшнаго революціонера въ Россіи...»**)

Въ ноябрѣ 1862 г., рисуя Герцену планы пропаганды «черезъ Кавказъ на войско кавказское и далѣе на Донъ», Бакунинъ оговаривался, что агентъ Герцена въ Константинополѣ долженъ будетъ быть очень осторожнымъ по отношенію къ турецкому правительству и польскимъ аристократамъ, ибо «на Дону и турки, и поляки и даже сами турецкіе раскольники

*) «Старый міръ и Россія», письма Искандера, Лонд., 1858, с. 48, письмо третье.
**) «Письма Бакунина», 1896, с. 427.

преслѣдуютъ анти-народно-русскую политику».*) Это замѣчаніе показываетъ, между прочимъ, что желаніе вести пропаганду на Дону было не только у русскихъ революціонеровъ, но и у поляковъ, и у турокъ.

За Герценомъ и Бакунинымъ поминали казачество и другіе революціонеры 60-хъ г. г. Такъ, М. Л. Михайловъ, въ своей статьѣ «Отвѣтъ Великоруссу» («Колоколъ», № 107), писалъ о «предсмертныхъ злодѣйствахъ крѣпостного права, казацкихъ переселеніяхъ, распятіи казацкихъ бородъ...» Этими словами онъ намекалъ на упорную борьбу за автономію, которую вело яицкое (уральское) казачество съ 1775 г.

Авторы прокламаціи «Молодая Россія» (1862 г.) говорили о «народной партіи»: «Сегодня забитая, засѣченная, она завтра встанетъ вмѣстѣ съ Разинымъ за всеобщее равенство и республику русскую, съ Пугачевымъ — за уничтоженіе чиновничества, за надѣлъ крестьянъ землею...»

Петроградское тайное общество «Земля и Воля», осенью 1862 г., подсчитывало районы, гдѣ сохранилась память о вѣчевомъ строѣ, включая сюда волжскій, уральскій, «казачій...» Она-же пыталась послать своего человѣка къ уральскимъ казакамъ.

Въ №№ 8—13-мъ французскаго «Колокола» за 1868 г. Герценъ напечаталъ рядъ статей Л Мечникова подъ общимъ заглавіемъ: «Противники государства въ Россіи» (Les antagonistes (de l'Etat en Russie) Въ этихъ статьяхъ Мечниковъ противопоставлялъ народность — государству, расколъ — офиціальной церкви, народо-федеративное начало и народовластіе — московско-петербургскому централизму и самодержавію. Онъ довольно подробно излагалъ (по Костомарову) основныя черты казачьихъ республикъ и борьбу казачества съ московскимъ политическимъ и общественнымъ укладомъ. Къ сожалѣнію, статьи не были закончены изъ-за прекращенія «Колокола».

Корреспондентъ «Свободнаго Слова» (издававшагося Л. П. Блюммеромъ въ Берлинѣ, въ 1862-3 г. г.), писалъ въ 1862 г.**) изъ Урюпина: «Россія, какъ извѣстно, славится разнохарактерностью и разнолоскутностью принадлежащихъ ей земель... Не мало нужно было жестокости и насилій, чтобы хоть сколько нибудь уравнять разномѣрныя массы, входящія въ составъ Россіи... И чѣмъ какая нибудь страна или народность добровольнѣе присоединялась къ Россіи, — тѣмъ горше была ея участь. Ее, повидимому, щадили, наружно оставляли старое устройство, но за то въ сущности запутывали страшными сѣтями, прокажали болѣзнями, которыя называются: самодержавіемъ, бюрократіею и холопствомъ».

*) «Письма Бакунина», 1896, с. 41. Ср. воспом. Кельсіева, «Арх. Русс. Рев.», т. XI.

**) «Своб. Слово», Берлинъ, 1862, т. I, в. 3, «Письмо о Землѣ Войска Донскаго» с. 192, 207.

Изложивши затѣмъ исторію постепеннаго уничтоженія донской автономіи и превращенія донскихъ привилегій въ одіозныя, авторъ восклицалъ: «О Русь, Русь!... Когда всѣ твои дѣти будутъ равноправные граждане, а не «привиллегированные», въ родѣ донскихъ казаковъ, рабы?...»

Въ 1871 г. студентъ технологическаго института Н. Гончаровъ, разсылая по Россіи №№ 1 и 2-й напечатаннаго имъ листка «Висѣлица», послалъ два экземпляра и на Донъ. Но получившій ихъ колл. регистр. Жигмановскій представилъ ихъ атаману. Врядъ-ли этотъ листокъ могъ оказать вліяніе на казачество и, даже, на казачью интеллигенцію, ибо въ № 1 «Висѣлицы» — говорилось о парижской коммунѣ, а въ № 2 — о классическомъ образованіи и гр. Д. Толстомъ.*)

Нечаевъ, въ своей «Народной Расправѣ» (№ 1, 1869 г.), писалъ, что въ 1870 г., «въ юбилей Разина и Пугачева осмысленная ненависть», (накопившаяся въ мужицкой груди), «грянетъ Божьимъ громомъ надъ... знатью...» Народной революціей онъ называлъ «сліяніе бунта разбойничьяго и крестьянскаго...) «Таковы были движенія Стеньки Разина и Пугачева...» «Времена приближаются», — вѣщалъ Нечаевъ. «Совсѣхъ концовъ имперіи слышатся жалобы...» «Приближаются годовщины Стеньки Разина и Пугачева...»

Эпоха «хожденія въ народъ» и послѣдующее десятилѣтіе связаны съ идеализаціей Разина и Пугачева, какъ вождей народныхъ движеній. Даже серьезный «Впередъ», журналъ Лаврова (кн. I, 1873 г.), посвящаетъ цѣлую статью сопоставленію возстанія за независимость Америки съ Пугачевщиной. Авторъ статьи считаетъ, что 1773-й годъ въ Америкѣ былъ «точкой исхода блестящаго общечеловѣческаго прошедшаго», а 1773-й годъ въ Россіи (Пугачевщина) былъ «кровавымъ началомъ великаго будущаго», будущаго не только для Россіи, но и для всего человѣчества.

Къ началу 70-хъ г.г. относится изданія брошюры «Емелька Пугачевъ», идеализировавшей Пугачева. Тогда-же издана брошюра «Степанъ Разинъ — вольный атаманъ» (заграничная перепечатка драмы въ стихахъ, сочиненія Навроцкаго, позднѣе напечатанной авторомъ легально въ «Вѣстникѣ Европы»).

Начинали появляться въ печати свѣдѣнія о той группѣ населенія Донской Области, о которой ранѣе ничего не знали. Корреспондентъ газеты «Впередъ»**) отмѣчалъ, что «иногородніе» — народъ крайне недовольный своимъ положеніемъ. «Въ немъ живутъ постоянныя надежды, ходятъ слухи о передѣлѣ, о «ровенкѣ». Онъ жаждетъ земли...» Начинали появляться свѣдѣнія о настроеніяхъ у казаковъ. Въ 1875 г. пропагандисты, бродившіе по Сѣверному Кавказу, слыхали отъ терскихъ

*) Государ. преступленія въ Росссіи, т. I, СПБ. 1906, с. 227.
**) «Впередъ», 1876, 1 мая, № 32, с. 257—258.

казаковъ такіе отвѣты на свои призывы: — «Мы и кубанцы — готовы хоть сейчасъ. Но мы знаемъ, что одни ничего не можемъ подѣлать. Вотъ хорошо было бы, если бы поднялся Донъ и Уралъ. Въ особенности — Донъ, тогда-бы вся Русь за нами пошла... Главное, Домомъ займитесь...»*)

Анархическій (заграничный) органъ «Работникъ» (1875 г.) такъ популяризировалъ «Пѣсни о Степанѣ Разинѣ»: «...Таковъ-то былъ грозный атаманъ. Онъ хотѣлъ всѣхъ сдѣлать казаками, а быть казакомъ значитъ не платить царю подати, не работать на баръ, владѣть землей всѣмъ общинамъ вмѣстѣ и управлять народомъ черезъ выборныхъ людей отъ самого народа...» (№ 3).

Въ шестомъ номерѣ «Работника» снова восхваляли Степана Разина, поминали казачество, которое «московскимъ государствомъ хитростью да коварствомъ, подарками да милостью, было развращено и изъ вольнаго превращено въ служилое...»

Соціально-революціонное обозрѣніе «Община», въ статьѣ, посвященной войнѣ 1877-78 г. г.,**) вспоминало о борьбѣ противъ турокъ «вольныхъ военныхъ казацкихъ общинъ, выдвинутыхъ малорусскимъ и великорусскимъ народомъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ въ низовьяхъ Днѣпра и Дона». Исторія этой борьбы, «къ сожалѣнію, слишкомъ мало извѣстна нашему обществу. А между тѣмъ эта исторія борьбы казачества, тогда еще не обращеннаго въ военную касту, можетъ многое объяснить въ безтолковой и лживой политикѣ московскаго царства и петербургскаго императорства...»

Органъ народниковъ «Земля и Воля» полагалъ (1878 г., № 1), что «отнятіе земли у помѣщиковъ и бояръ, изгнаніе, а иногда поголовное истребленіе всего начальства, всѣхъ представителей государства и учрежденіе «казачьихъ круговъ», т. е. вольныхъ, автономныхъ общинъ, съ выборными, отвѣтственными и всегда смѣняемыми исполнителями народной воли, — такова была всегда неизмѣнная «программа» народныхъ революціонеровъ-соціалистовъ: Пугачева, Разина и ихъ сподвижниковъ...» «Такова-же, — добавлялъ авторъ статьи, — остается она теперь для громаднаго большинства русскаго народа. Поэтому ее принимаемъ и мы, революціонеры-народники...»***)

Такимъ образомъ, казачество, его примитивная община и непосредственное народоправство, стали идеаломъ народниковъ, а Пугачевъ и Разинъ превратились въ соціалистовъ.

Въ 1878 г., во время волненій въ западныхъ станицахъ Донской Области по поводу лѣсного закона и земскаго обложенія, «землевольцы» (народники) рѣшили воспользоваться ка-

*) «Впередъ», 1876, 15 мая, N 33, с. 291.

**) «Община», Женева, N 1, янв. 1878 г., с. 23. Авторъ статьи рекомендовалъ ознакомиться съ очерками этой борьбы у Драгоманова, въ его брошюрѣ «Внутреннее рабство и война за освобожденіе», с. 8.

***) «Революц. журналистика», 1905 г. с. 121.

зачьимъ движеніемъ для революціонныхъ цѣлей. Донское земство казалось имъ «огромнымъ шагомъ назадъ по сравненію съ почти первобытнымъ самоуправленіемъ донскихъ казаковъ». Изъ Петербурга пріѣхали на Донъ «землевольцы» молодой тогда Г. В. Плехановъ, а за нимъ Александръ Михайловъ. Они вошли въ сношенія съ мѣстнымъ довольно большимъ кружкомъ молодой казачьей интеллигенціи и составили даже «Воззваніе къ славному Войску Донскому» въ сотрудничествѣ съ донцами.*)

Въ тайномъ органѣ землевольцевъ «Земля и Воля» (1878 и 1879 г. г.) появились статьи Плеханова (корреспонденціи изъ ст. Каменской). Первую изъ нихъ Плехановъ началъ словами: «вся русская исторія не что иное, какъ непрерывная борьба государственности съ автономными стремленіями общины и личности». Эту мысль доказывалъ онъ примѣрами изъ исторіи Дона.

Волненія были въ станицахъ Луганской, Гундоровской, Еланской, Урюпинской, Усть-Медвѣдицкой, Казанской и Распопинской. Въ Донецкомъ округѣ волновался (предъ роспускомъ по домамъ) пришедшій съ войны 3-й Орлова полкъ.

«Причины неудовольствія, — писалъ Плехановъ, — одинаковы во всемъ войскѣ. Казаки хорошо сознаютъ это, и мнѣ, кажется, что ни въ какой другой части населенія Россіи нельзя встрѣтить болѣе осмысленнаго и болѣе сильнаго недовольства существующимъ порядкомъ вещей». Причину недовольства казаковъ Плехановъ формулировалъ такъ: недовольны они «своимъ новорожденнымъ земствомъ, которое отбираетъ лѣса, озера, рѣки, налагаетъ пошлины на мельницы, налагаетъ, вмѣстѣ съ правительствомъ, акцизъ на соль и т. д.» Вторая причина была «плохой надѣлъ земель», т. е. отсутствіе прирѣзокъ станицамъ изъ войскового земельнаго фонда. Отобраніе у казаковъ, пришедшихъ съ войны, ружей и пушекъ казаки объясняли тѣмъ, что «начальство, дескать, боится общаго бунта на Дону».

Самому Плеханову, подъ вліяніемъ разговоровъ съ казаками, казалось, что «замѣна прежняго казацкаго самоуправленія земскимъ — равносильна замѣнѣ дѣйствительнаго самоуправленія фиктивнымъ и, притомъ, не дешево стоющимъ».

Въ статьѣ «Народная молва» (№ 3) неизвѣстный авторъ сообщалъ чрезвычайно интересные слухи, ходившіе въ средѣ крестьянства о предстоящемъ передѣлѣ казачьихъ земель на Дону и на Уралѣ между крестьянами и казаками. Якобы, «Наслѣдникъ» пріѣзжалъ на Уралъ и говорилъ казакамъ, что «народу въ Россіи расплодилось такъ много, что ... мы порѣшили отобрать землю у баръ, купцевъ, а также у васъ, и у Донцевъ, и раздѣлить ее поровну между всѣми ... А коли это вамъ не по нраву, то можете выселяться на границу». Донскіе кре-

*) Плехановъ «Русс. рабочій въ револ. движеніи» и предисловіе къ Туну.

стьяне, согласно той-же статьѣ, думали, что «Царь казаками за послѣднюю войну очень недоволенъ, и потому именно, что донцы, вишь, измѣну оказали» (продали, будто-бы, порохъ туркамъ, а «мужики», т. е. солдаты, остались вѣрны). Поэтому, царь съ наслѣдникомъ будто-бы, «тогда-же порѣшили: какъ только окончится война, отобрать въ наказаніе у казаковъ землю и передать ее за вѣрность крестьянамъ». Слухи эти интересны, какъ предвѣстники проявившихся въ 1905 и 1918 г. г. крестьянскихъ желаній «передѣлить» казачьи земли.

Авторъ передовицы въ № 3 «Земли и Воли» доказывалъ, что «соціалисты»-землевольцы путемъ теоретическихъ разсужденій «пришли къ тѣмъ-же практическимъ задачамъ, которыя ставили себѣ титаны народно-революціонной обороны: Болотниковъ, Булавинъ, Разинъ, Пугачевъ и другіе...»

Д. Клеменцъ (въ томъ-же № 3 «Земли и Воли») въ статьѣ «Новый оппонентъ», возражая внутреннему обозрѣвателю «Вѣстника Европы» (за 1878 г.), нападалъ на него за насмѣшки надъ «казачьими кругами». «Очевидно, — писалъ онъ, — авторъ составилъ себѣ представленіе о казакахъ по французскимъ романамъ; ему дѣла нѣтъ до того, что казачій кругъ — народное собраніе, имѣющее власть безаппелляціонно рѣшать свои внутреннія дѣла, судить, выбирать и смѣнять своихъ должностныхъ лицъ, то-есть самая широкая форма мѣстнаго самоуправленія...» Клеменцъ заявлялъ, что не русскій народъ создалъ становыхъ приставовъ и современное государственное устройство. «Отъ современнаго россійскаго государства народъ нашъ бѣгалъ въ лѣса, за Уралъ и т. д.... Извѣстно, что противъ этого единаго русскаго государства, сперва Московскаго, потомъ Петербургскаго, онъ возставалъ съ Болотниковыми, Разиными, Булавиными, Некрасовыми и Пугачевыми. Если и укрѣпилось современное государственное устройство на Руси, то всѣ знаютъ, что оно укрѣпилось на крови народной, что оно досталось намъ цѣной погибели народной культуры и областной, земельной и общинной автономіи...»

Такимъ образомъ, хотя землевольцы и не знали особенно хорошо своеобразной исторіи Дона, но все же они первые изъ русскихъ революціонеровъ попытались узнать, что такое казачество, каково его прошлое и настоящее, каковы его стремленія. Сторонники областныхъ автономій, федералисты, они со вниманіемъ отнеслись къ автономнымъ чертамъ былой вольной колоніи и поставили своимъ идеаломъ сочетаніе своихъ соціалистическихъ взглядовъ съ народно-казачьимъ народоправствомъ.

Что касается революціонной работы землевольцевъ на Дону, то она почти ограничилась пріѣздомъ на Донъ Плеханова, если не считать постоянныхъ сношеній революціонныхъ интеллигентскихъ кружковъ въ Ростовѣ на Дону и Новочеркасскѣ между собою и поѣздки ростовскихъ агитаторовъ въ грушев-

скіе рудники. Плехановъ повезъ текстъ «Воззванія къ славному войску Донскому» въ Петербургъ, гдѣ была тайная типографія землевольцевъ, но тамъ произошелъ арестъ наиболѣе видныхъ дѣятелей (Адріана Михайлова, Ольги Натансонъ и другихъ). Послѣдствія этого «провала» были такъ тяжки для землевольцевъ, что пришлось «на время» отказаться отъ всякой мысли объ участіи ея членовъ въ агитаціи между казаками. Ал. Михайловъ вернулся изъ Ростова противникомъ широкой агитаціи въ народѣ и предлагалъ «наказывать правительство за его свирѣпыя преслѣдованія». Плехановъ сталъ искать охотниковъ поѣхать на Донъ среди революціонной молодежи, сочувствовавшей землевольцамъ. Эта молодежь, насквозь пропитанная народничествомъ, съ пріятнымъ удивленіемъ слушала разсказы Плеханова о казацкихъ волненіяхъ и вполнѣ соглашалась съ тѣмъ, что революціонеры непремѣнно должны воспользоваться этими волненіями. Но, несмотря на это, на Донъ все таки никто изъ петербургскихъ революціонеровъ не поѣхалъ. «Такъ и пришлось махнуть рукою на казаковъ». Правда, къ нимъ отправилось нѣсколько молодыхъ революціонеровъ изъ Харькова; но и они скоро убѣдились въ томъ, что ни на какую поддержку со стороны революціонной интеллигенціи имъ разсчитывать невозможно, и обезкураженные этимъ сами вернулись въ городъ, хотя революціонеры-казаки, — которыхъ насчитывалось тогда уже человѣкъ до пятидесяти, — настойчиво уговаривали ихъ оставаться.

Подводя итоги своей попыткѣ, Плехановъ говоритъ: «попытка агитаціи на Дону, — чрезвычайно важная съ точки зрѣнія нашей тогдашней программы, — окончилась ничѣмъ, и не потому, чтобы казацкая полиція помѣшала намъ завязать прочныя связи въ казацкихъ станицахъ и хуторахъ, — эта полиція, по своей неопытности въ такихъ дѣлахъ, ничему помѣшать не могла, и связи уже начали завязываться, — а просто потому, что мысль объ агитаціи въ массахъ перестала тогда увлекать нашу революціонную интеллигенцію».*)

Когда въ 1879 г. партія «Земли и Воли» распалась на «Черный Передѣлъ» и «Народную Волю», то въ органѣ послѣдней группы продолжало находить себѣ выраженіе прежнее отношеніе къ казачеству, какъ носителю революціонныхъ началъ. Авторъ статьи по поводу циркуляра Министра внутреннихъ дѣлъ отъ 16 іюля 1879 г. («Народная Воля», № 1) писалъ, что въ Россіи «большая часть территоріи завоевана вовсе не царями

*) Тунъ «Ист. рев. движ. въ Россіи», Жен. 1903, с. XXX—XXXII, Предисловіе Плеханова. Аптекманъ добавляетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что Ал. Михайловъ предполагалъ съорганизовать на Дону боевую дружину и придать казачьимъ волненіямъ противоправительственный характеръ. Аптекманъ «Земля и Воля» 70-хъ г. г., Ростовъ н/Д. 1907. с. 162. Повидимому, на Дону была все же издана домашнимъ способомъ прокламація: «Слово луганскихъ казаковъ ко всѣмъ своимъ братьямъ казакамъ».

и воеводами, вовсе не войсками, а самимъ народомъ, который ватагами, дружинами, подвигался на сѣверъ (новгородцы), востокъ (Ермакова вольница), и югъ (казаки) и занималъ землю безраздѣльно...»

Авторъ передовицы во второмъ номерѣ «Народн. Воли» (10 ноября 1879 г.) писалъ: «Мы знаемъ, какъ устраивался нашъ народъ всюду, гдѣ былъ свободенъ отъ давленія государства; мы знаемъ принципы, которые развивалъ въ своей жизни народъ на Дону, на Яикѣ, на Кубани, на Терекѣ, въ сибирскихъ раскольничьихъ поселеніяхъ, вездѣ, гдѣ устраивался свободно, сообразуясь только съ собственными наклонностями; мы знаемъ вѣчный лозунгъ народныхъ движеній. Право народа на землю, мѣстная автономія, федерація — вотъ постоянные принципы народнаго міросозерцанія...»

Авторъ передовицы въ № 5 «Народной Воли», вспоминалъ XVII и XVIII вѣка, когда «вольное казачество Донское и Уральское и бѣглое, бродячее населеніе глухихъ становъ... подняли на Руси смуту», и народъ присоединялся къ нимъ, ибо на ихъ знамени было написано: «борьба съ государствомъ и поворотъ къ народнымъ началамъ вѣчевого періода, борьба съ помѣщиками и переходъ земли въ руки крестьянства». Но, — писалъ онъ, — «въ наше время не отыскать на Руси уголка, гдѣ-бы нашли себѣ пріютъ эти буйные добрые молодцы, эти суровые выразители и поборники народныхъ стремленій...»

Группа «Чернаго Передѣла», продолжательница анархическаго федерализма «Земли и Воли», держалась тѣхъ-же взглядовъ на государство и казачество. «Подчиненіе русскаго народа государственнымъ порядкамъ», — увѣрялъ авторъ статьи «Черный Передѣлъ» (въ первомъ номерѣ органа, носившаго тоже имя), — «было настолько-же добровольно, какъ и подчиненіе малороссійскаго народа польскому или подчиненіе индійцевъ англичанамъ. Русское государство сдавило народъ желѣзнымъ кольцомъ,... наложило свою тяжелую руку на казачество...» Поэтому группа «Чернаго Передѣла» считала разрушеніе государственной организаціи первой задачей революціонеровъ.

Въ 1880 г. среди народовольцевъ стоялъ серьезно вопросъ о революціонной пропагандѣ среди казачества. Заграничные революціонеры (П. Л. Лавровъ, Н. А. Морозовъ, Л. Н. Гартманъ и др.) выпустили листовку: «Объ изданіи Русской Соціально-Революціонной Библіотеки». Изданія той эпохи для пропаганды соціализма казались имъ недостаточными, неполными и несистематичными не только для интеллигенціи, но и для народа. «Можно подумать», — писали справедливо они, — «что пріемы и способы соціалистической пропаганды остаются единообразными и неизмѣнными, какъ въ ватагѣ рыбаковъ на Волгѣ, такъ и между рабочими большихъ городовъ, въ станицѣ казацкаго войска и въ мастерской мелкаго ремесленника

уѣздной глуши... Соціалистическая литература не должна игнорировать мѣстныя, національныя, историческія или экономическія особенности, а — напротивъ — примирять существующій уже между различными народностями или группами антагонизмъ...»

«...Возьмемъ хоть Казацкое Донское Войско. Какъ крестьянину, такъ и казаку, прежде всего бросается въ глаза экономическая и правовая разница ихъ положенія. Отсюда — антагонизмъ, заставляющій крестьянина съ завистью посматривать на огромный, сравнительно, надѣлъ донца, и этого послѣдняго презирать «мужика»... «Спрашивается, полагаютъ-ли соціалисты совершенно оставить въ покоѣ казачество, и если нѣтъ, то какой успѣхъ будетъ имѣть въ казачествѣ революціонная брошюра, трактующая о нуждахъ мужика, написанная крестьянскимъ языкомъ?...

«Факты показываютъ, что даже эти брошюры встрѣчаютъ тамъ хорошій пріемъ и онѣ дѣлаютъ свое дѣло, если сопровождаются дѣльными комментаріями. Но, если почва для соціалистическаго воздѣйствія тамъ хороша, то это тѣмъ болѣе заставляетъ жалѣть о полномъ отсутствіи спеціально къ ней приспособленныхъ орудій ея воздѣлыванія.

«Дѣйствительно, мы не имѣемъ ни одной книжки, ни одной прокламаціи, которая пыталась бы разъяснить казачеству его истинное отношеніе къ государству, указать на выходъ изъ этого положенія, на необходимость солидарности съ презираемымъ на Дону мужикомъ. Тоже, разумѣется, нужно сказать и о войскѣ уральскомъ и черноморскомъ...»

Авторы этого сообщенія не подозрѣвали, что «черноморское» войско еще съ 1861 г. стало Кубанскимъ. Но они были совершенно правы, говоря, что казачество, за исключеніемъ очень немногихъ попытокъ, оставалось внѣ революціоннаго воздѣйствія, (которое они всюду называютъ «соціалистическимъ».*

Что касается революціоннаго движенія, собственно, то оно почти не существовало. Еще въ царствованіе Николая I, несмотря на то, что Дону приходилось въ эту эпоху особенно тяжело, на Дону создалось ядро либеральнаго движенія въ средѣ немногочисленной мѣстной интеллигенціи. Исторія донского либерализма и донского областничества 1850—1900-хъ г. г. еще никѣмъ не написана. Основною чертою донского либерализма была всегда умѣренность, соединенная съ твердостью убѣжденій, и демократизмъ. Имена земскихъ дѣятелей: А. А. Донецкаго, В. Ф. Федорова, Н. Н. Рудова и др.; писателей и мѣстныхъ дѣятелей: А. А. Карасева, Х. И. Попова, Тимощенкова, Савельева, не будутъ забыты историками Дона.

Въ эпоху великихъ реформъ Донъ появился на страни-

*) Авторомъ объявленія былъ Г. В. Плехановъ. См. «Собр. соч.», т. I. Женева, 1905.

цахъ «Искры». Подъ именемъ Новотатарска фигурировалъ Новочеркасскъ, а подъ именемъ Золотова — атаманъ Хомутовъ. А. А. Карасевъ издавалъ рукописный «Будильникъ», разсылавшійся по станицамъ, въ которомъ редакторъ и сотрудники бичевали войсковую администрацію, не щадя ни Хомутова, ни властной «атаманши».

Съ 1869 г. начали выходить «Дон. Епархіальныя Вѣдомости», печатавшія не мало историческихъ статей. Мѣстной прессѣ приходилось очень плохо. Основанная въ 1873 г. «Донская Газета» просуществовала лишь 6 лѣтъ, полтора года посылала статьи на цензуру въ Москву, чтобы избѣжать мѣстной, но въ 1879 г. вынуждена была прекратиться. «Донской Голосъ» былъ одной изъ лучшихъ провинціальныхъ газетъ (осн. 1880), но жизнь его была очень тяжкой. Постоянно возникали судебные процессы, хотя судъ неизмѣнно оправдывалъ редактора.

Параллельно съ либеральными, существовали на Дону и радикальныя теченія. Революціонная молодежь 70-хъ г. г. строила не мало плановъ воздѣйствія на казачью массу. Еще лѣтомъ 1872 г. С. С. Синегубъ, членъ кружка чайковцевъ, и его братъ Владиміръ собрались «пройтись по Землѣ Войска Донскаго, потолкаться среди казачества, поразузнать, какъ велико недовольство казачества своимъ положеніемъ, живы-ли въ немъ старыя преданія о казачьихъ вольностяхъ, — о казачьихъ «кругахъ», о Стенькѣ Разинѣ...»

Въ 1873—1876 г. г. въ Петербургѣ студентъ Медико-Хирургической Академіи, впослѣдствіи докторъ, Владыкинъ, очень извѣстный въ краѣ, былъ руководителемъ довольно сплоченнаго донского кружка.

Въ 1874 году по дѣлу Долгушина судился донской казакъ, дворянинъ Александръ Чиковъ, который послалъ въ 1873 году, черезъ своего товарища по Новочеркасской гимназіи, студента И. Попова, прокламаціи на ст. Чертково. Эти прокламаціи («Къ интеллигентнымъ людямъ» и «Какъ жить по закону природы и правды») предназначались для М. Ѳ. Грачевскаго, (впослѣдствіи извѣстнаго народовольца), служившаго машинистомъ на этой станціи. Самъ Чиковъ, въ іюнѣ 1873 г., ѣздилъ въ слоб. Гуляевку, гдѣ наблюдалось крестьянское движеніе. Повидимому, и Ив. Як. Поповъ, и Грачевскій вели революціонную работу на Дону. Привлеченъ былъ одинъ Чиковъ, приговоренный лишь за храненіе прокламацій на два мѣсяца ареста и два года надзора полиціи.*)

Въ 1874 г. въ Новочеркасскѣ въ средѣ интеллигенціи былъ радикальный кружокъ, связанный съ таганрогскими пропагандистами (Павловскими и др.). Кружокъ этотъ уцѣлѣлъ,

*) «Государ. преступл. въ Россіи», т. I, с. 154—318 (изд. Рѣчи), 1906.

въ то время, какъ члены таганрогскаго — судились по процессу 193-хъ.

На процессѣ 50-ти было оглашено письмо одного изъ видныхъ подсудимыхъ Чикоидзе, который спрашивалъ: «Поѣхалъли кто нибудь изъ нашихъ въ казачество, на Уралъ, въ Казань» и т. д. Причастнымъ къ этому процессу былъ донецъ (дворянинъ) Захаровъ.

По показанію предателя Ѳ. Курицына, Лизогубъ, повѣшенный въ 1879 г., яко-бы проектировалъ нѣчто подобное Чигиринскому дѣлу на Дону. Мы знаемъ уже о попыткѣ землевольцевъ Плеханова и А. Михайлова въ 1878 г. По дѣлу о волненіяхъ среди донскихъ казаковъ разыскивали революціонера Сентянина.

Донцомъ былъ студентъ технологическаго института И. И. Басовъ, видный участникъ движенія въ Кіевѣ и Одессѣ въ концѣ 70-хъ г. г. Революціонной пропагандой на Дону занимался въ 1875 г. донецъ, б. студентъ Харьковскаго Ветеринарнаго института А. А. Емельяновъ, подъ именемъ Боголюбова ставшій извѣстнымъ всей Россіи, благодаря своему столкновенію съ петербургскимъ градоначальникомъ Треповымъ. За него мстила Вѣра Засуличъ. Донцами были: П. И. Мозговой и агрономъ Вас. Зубриловъ, осужденные въ 1879 г. за пропаганду среди донскихъ и воронежскихъ крестьянъ. Въ 1876-77 г. многіе революціонеры, подъ видомъ рабочихъ, отправлялись на Донъ, на время «косовицы» и уборки хлѣба. Другіе шли, какъ бродячіе столяры, плотники, сапожники. Ростовскій кружокъ землевольцевъ посылалъ своихъ пропагандистовъ на Грушевскія копи (Быковцева).

Такъ называемое «донское» землевольческое поселеніе въ народѣ было, собственно говоря, ростовскимъ. Оно основано было М. Р. Поповымъ, впослѣдствіи шлиссельбуржцемъ, въ Ростовскомъ н. Д. уѣздѣ Екатеринославской губерніи, но на черезполосныхъ земляхъ Войска Донского было заведено убѣжище для скрывающихся революціонеровъ на одномъ изъ донскихъ хуторовъ (въ 1879 г. тамъ скрывался Мирскій).

Радикальной интеллигенціи 1870-хъ г. г. положеніе казачества казалось страдальческимъ. Извѣстный защитникъ по политическимъ дѣламъ, прис. пов. А. А. Ольхинъ, въ стихотвореніи «У гроба», посвященномъ «поразившему Мезенцева», писалъ:

«Стонутъ Польша, казаки, забитый еврей,
«Стонетъ пахарь нашъ многострадальный . . .»

Итакъ, подводя итоги упоминаніямъ о казачествѣ въ исторіи революціоннаго движенія, мы видимъ, что исторія Дона и казачества была извѣстна интеллигенціи лишь въ общихъ чертахъ, что мысль о серьезномъ изученіи этой группы русскаго народа высказана была лишь въ 1880 году; революціонная-же работа производилась весьма отрывочно, случайно, не

систематически, и имѣла успѣхъ лишь среди донской интеллигентной молодежи. Что касается казачьяго массоваго движенія, то оно проявилось вслѣдъ за войной 1878 г., какъ результатъ тяжелаго экономическаго положенія донского казачества, обострившагося вслѣдствіе тяжкихъ жертвъ казачества въ эту войну.

Глава XXXVIII.

Присоединеніе Приазовья (1888). Административныя реформы при Александрѣ III.

Въ царствованіе Александра III на Дону произошелъ рядъ измѣненій въ территоріально-административномъ отношеніи. Главнѣйшимъ изъ нихъ было присоединеніе Приазовья къ области. Хронологически произошли эти измѣненія въ слѣдующемъ порядкѣ.

4-го августа 1881 г. Грушевское горное поселеніе, центръ угольнаго района, было переименовано въ городъ Александровскъ-Грушевскій.*)

Образованный по указу 24 января 1884 г. Сальскій округъ составилъ 8-й гражданскій округъ области. Въ составъ его вошли: а) земли бывшаго кочевья Донскихъ калмыковъ, б) земли, опредѣленныя для Донского частнаго коннозаводства, в) Манычскіе войсковые соляные участки съ поселеніями при нихъ и г) часть свободныхъ войсковыхъ земель по правому берегу р. Сала съ казачьими и крестьянскими поселеніями. Всѣ эти, смежно расположенныя, части войсковой территоріи, имѣли, до 1884 г., каждая свое управленіе.

Административнымъ центромъ округа была назначена ст. Великокняжеская, въ которой учредили: окружное полицейское управленіе, окружной распорядительный комитетъ по земскимъ дѣламъ и другія окружныя учрежденія. Калмыцкое правленіе и управленіе Донскаго частнаго коннозаводства были упразднены, и на Сальское окружное полицейское управленіе перешли обязанности упраздненныхъ учрежденій по управленію калмыками и по наблюденію за Донскимъ частнымъ и калмыцкимъ коневодствами, равно какъ и полицейскій надзоръ въ Манычскихъ поселеніяхъ. Нѣкоторое несовершенство въ организаціи окружного управленія заключалось въ томъ, что дѣла опекунскія, по устройству быта крестьянъ и по отправленію воинской повинности лицами не-войскового сословія были подчинены вѣдѣнію соотвѣтствующихъ учрежденій Перваго Донскаго Округа. Въ судебномъ отношеніи Сальскій округъ былъ присоединенъ къ округу Новочеркасскаго окружнаго суда

*) Ш-е П. С. З., N 313.

и подчиненъ мировому съѣзду Перваго Донскаго округа, съ участіемъ въ послѣднемъ мировыхъ судей и Сальскаго округа.*)

Точное опредѣленіе границъ Сальскаго округа было дано въ законѣ 13 февр. 1886 г., который не вошелъ въ Полное собраніе законовъ.**)

Указъ 29 дек. 1886 г. предписалъ отдѣлить: 1) юго-западную часть II-го Донского округа къ I-му Донскому; 2) западную часть Усть-Медвѣдицкаго округа къ Донецкому.***)

Въ 1887 г. произошло важнѣйшее съ 1709 года измѣненіе границъ Войска. Приазовскій край, съ 1695 года подчиненный власти, сперва комендантовъ приазовскихъ крѣпостей, потомъ екатеринославскаго губернатора, окончательно вошелъ въ предѣлы Донскаго края. Указъ 19 мая 1887 г.[1]) предписалъ присоединить Таганрогское градоначальство и Ростовскій уѣздъ Екатеринославской губерніи къ области Войска Донскаго. При этомъ, 1) изъ Таганрогскаго градоначальства, Міусскаго округа, Ростовскаго уѣзда и части Черкасскаго округа образовать два гражданскихъ округа: Ростовскій и Таганрогскій; 2) Ростовскій округъ, съ главнымъ городомъ Ростовомъ на Дону, составить изъ гор. Ростова и Нахичевани, посада Азова, бывшаго укрѣпленія Ейскаго, 2, 3, 4 и 5-го становъ Ростовскаго уѣзда и 5 и 6-го засѣдательскихъ участковъ Черкасскаго округа; 3) Таганрогскій округъ — съ главнымъ городомъ Таганрогомъ — составить изъ Таганрогскаго градоначальства, Міускаго округа и 1-го стана Ростовскаго уѣзда; 4) Черкасскій округъ образовать изъ первыхъ 4-хъ становъ Черкасскаго округа; 5) права и обязанности Таганрогскаго градоначальника передать наказному атаману Войска Донскаго и областному правленію.

Указъ 8 сент. 1887 г. предписалъ отложить исполненіе по указу 19-го мая 1887 г. до 1-го января 1888 г.[2]) Съ перваго-же января 1888 г. вѣковая административная черезполосица устьевъ Дона и прилегающихъ земель была уничтожена. Создававшееся въ 1888 г. дѣленіе Донской Области на округа сохранилось до 1918 года.

Вопросъ объ административной черезполосицѣ Приазовья давно обращалъ на себя вниманіе правительства. Втеченіе XIX-го вѣка былъ предложенъ рядъ проектовъ. Въ 1838 г. министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Блудовъ предлагалъ основать Таганрогскую или Петровскую губернію. Въ 1857 г., по иниціативѣ Н. В. Кукольника, новороссійскій ген.-губернаторъ гр. Строгановъ, а въ 1865 и 1866 г.г. новороссійскій ген.-губернаторъ Коцебу возобновляли подобныя-же ходатайства. Всѣ

*) III-е П. С. З., N 1987.
**) Собр. Узаконеній и Распор. Паравит. 1886 г., N 47.
***) III-е П. С. З., N 4130.
[1]) III-е П. С. З. N 4766.
[2]) III П. С. З., N 4701.

эти проекты предполагали включить Міусскій округъ Земли Войска Донскаго въ новую губернію. Каждый разъ военное министерство категорически возражало, заявляя, что это отдѣленіе составило-бы нарушеніе неприкосновенности территоріи Войска, гарантированной высочайшими грамотами.

Въ видѣ компромисса военное министерство въ 1866 г. предлагало учредить Ростово-Таганрогское градоначальство, съ присоединеніемъ къ нему и Міусскаго округа, но съ тѣмъ, чтобы градоначальство это было подчинено вѣдѣнію наказнаго атамана войска Донскаго на правахъ генералъ-губернатора. На это предложеніе не согласились ни новороссійскій ген.-губернаторъ Коцебу, ни министерство внутреннихъ дѣлъ, сославшіеся на неудовольствіе жителей Приазовья, которое возникло бы на почвѣ боязни, что ихъ хотятъ превратить въ казаковъ и что ихъ интересы, во всякомъ случаѣ, будутъ подавлены казачьими. Коцебу сослался также на общегосударственное значеніе Ростовскаго и Таганрогскаго портовъ, связанныхъ съ Одессой.

Были отвергнуты проекты и Таганрогской губерніи (въ 1874 г.), и Приазовской губ. (въ 1884 г.). Послѣдній — потому, что, оставляя Міусскій округъ въ Области Войска Донского, онъ не устранялъ черезполосицы.

Иниціатива присоединенія Ростова и Таганрога къ Донской области принадлежала атаману Святополкъ-Мирскому, который въ 1886 г. поднялъ вопросъ объ устраненіи административной черезполосицы Приазовья.

26-го мая 1886 г. подъ личнымъ руководствомъ Александра III состоялось особое совѣщаніе министровъ: военнаго, финансовъ, государственныхъ имуществъ, внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и войскового наказнаго атамана кн. Святополкъ-Мирскаго. Александръ III призналъ полезнымъ и необходимымъ присоединеніе къ области Ростовскаго уѣзда и Таганрогскаго градоначальства.

Соотвѣтственный проектъ выработанъ былъ въ Новочеркасскѣ особой коммиссіей, подъ предсѣдательствомъ Курскаго губернатора Косоговскаго, и представленъ военнымъ министромъ Ванновскимъ въ Государственный Совѣтъ. Здѣсь, въ Соединенныхъ Департаментахъ Законовъ и Государственной Экономіи, произошло разногласіе между Ванновскимъ и остальными 18 членами Департаментовъ. Ванновскій стоялъ за полное территоріальное и органическое сліяніе Приазовья съ областью.

Побѣдоносцевъ, къ которому присоединились и прочіе члены Государственнаго Совѣта, формулировалъ такъ свои возраженія военному министру:

«1) Область войска Донскаго, по своему административному управленію, представляетъ въ нашемъ государственномъ строѣ явленіе ненормальное. 2) Какъ государству, признающему всю

важность, въ составѣ нашей воинской силы, казачьихъ войскъ, нѣтъ основанія подчинять ихъ устройство общему порядку такового въ Имперіи, тѣмъ болѣе было-бы неосновательно подчинять административное устройство мѣстностей, находящихся въ нормальныхъ условіяхъ, исключительнымъ порядкамъ казачьяго управленія».

Члены Государственнаго Совѣта, съ Побѣдоносцевымъ во главѣ, предлагали подчинить Ростовскій уѣздъ и Таганрогское градоначальство личной власти войскового наказнаго атамана на правахъ генералъ-губернатора и съ непремѣннымъ при этомъ отдѣленіемъ Ростовскаго уѣзда отъ Екатеринославской губерніи.

Возражая остальнымъ членамъ Государственнаго Совѣта, Ванновскій указалъ, что въ Области изъ 1,600.000 душъ населенія живетъ до 700.000 душъ не-казачьяго. Большинство послѣднихъ — крестьяне, пользующіеся въ предѣлахъ области тѣми-же общественными и крестьянскими учрежденіями, что и во внутреннихъ губерніяхъ Имперіи. Ванновскій признавалъ, что окружными начальниками назначаются въ области «исключительно военные штабъ-офицеры, а въ управленіяхъ ихъ нѣтъ сословныхъ представителей». Но сословное представительство въ полицейскихъ управленіяхъ «едва-ли не доживаетъ свой вѣкъ», а военные занимаютъ мѣста губернаторовъ. Донской атаманъ назначается не изъ донскихъ казаковъ, и областное правленіе соотвѣтствуетъ губернскому (съ добавленіемъ къ его сферѣ всего войскового хозяйства). Земство на Дону упразднено. Но «для области выработанъ и близокъ къ своему осуществленію новый типъ земскихъ учрежденій, получившій полное одобреніе министерства внутреннихъ дѣлъ, съ точки зрѣнія желательности его примѣненія не для одной Донской области...»

«Дворяне Донской области пользуются, за самыми маловажными отступленіями, всѣми правами и учрежденіями дворянскаго сословія всей остальной Имперіи», причемъ министерство готово сохранить за Ростовскими и Таганрогскими дворянами «большинство даже этихъ маловажныхъ отличій...»

«Города Ростовъ и Таганрогъ предполагается передать въ область въ совершенной неприкосновенности ихъ городского самоуправленія, хотя полнаго типа такого въ области и не имѣется».

Ванновскій признавалъ, что «въ высшемъ порядкѣ управленія, въ административно-полицейскомъ отношеніи», область подчиняется не министру внутреннихъ дѣлъ, а военному, но увѣрялъ, что военный министръ руководствуется, при этомъ, общими законами Имперіи, вопросы законодательнаго характера представляетъ на разрѣшеніе высшихъ правительственныхъ учрежденій, и распространяетъ всѣ новыя государствен-

ныя мѣры и на Донъ, находящійся въ спеціальномъ военномъ управленіи»

Ванновскій былъ, конечно, неправъ. Былая автономія Дона была къ этому времени истреблена. Донъ былъ подчиненъ сверху до низу произволу военной администраціи. Опасенія населенія Приазовья, что въ управленіи атамана не найдутся лица, которыя-бы отстаивали его интересы противъ казачьихъ, были совершенно основательны. Одно закрытіе земства и подчиненіе военной администраціи было уже тяжкимъ ударомъ для жителей Приазовья.

Но имп. Александръ III, разсмотрѣвъ 12-го апр. 1887 г. мнѣніе Ванновскаго и 18-ти остальныхъ членовъ Государственнаго Совѣта, согласился съ мнѣніемъ военнаго министра. Ростовъ и Таганрогъ были присоединены.

2-го марта 1881 г. Атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ былъ назначенъ Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ. Въ 1887 г. имп. Александръ III посѣтилъ Донъ, и 6-го мая въ войсковомъ кругу вручилъ наслѣднику знаки атаманскаго достоинства. Того-же 6-го мая обнародована была высочайшая грамота, въ которой Александръ III, «желая ознаменовать» тогдашнее свое посѣщеніе «славнаго Войска Донскаго знакомъ особаго къ нему благоволенія», подтвердилъ права и преимущества Войска.

Такимъ образомъ, и въ это царствованіе, хотя и не безъ повторныхъ (неофиціальныхъ) ходатайствъ Войска, верховная власть снова «удостовѣрила» и «подтвердила Императорскимъ словомъ» историческія права Войска. Однако, должно признаться, что жизнь почти совершенно уничтожила сущность подтверждаемыхъ правъ.

Въ 1881 г. донская депутація, представлявшаяся Александру III, выразила императору опасенія за будущность земскаго самоуправленія. Александръ III сказалъ, что введеніе земскихъ учрежденій онъ считаетъ правомъ, дарованнымъ краю его покойнымъ августѣйшимъ родителемъ, и отнятіе этого права было бы большой несправедливостью.

Тѣмъ не менѣе, не прошло и года, и «большая несправедливость» была совершена. Земское самоуправленіе на Дону было уничтожено. Съ правами Дона въ области возрождавшагося самоуправленія не особенно считались.

Однако и при Александрѣ III правительство признавало права Донскаго войска на занимаемыя имъ земли. Естественнымъ выводомъ изъ этого положенія было разъясненіе Сената (по гражданскому кассаціонному департаменту), состоявшееся въ 1894 г., о томъ что войсковыя и станичныя земли въ Донскомъ Войскѣ не могутъ быть пріобрѣтаемы въ собственность посторонними лицами по давности владѣнія.

Къ началу XX вѣка только право Войска на земли его,

а также «особый образъ служенія», превратившагося въ тягчайшую повинность, и были остатками былой автономіи. Но память о ней не умирала въ казачествѣ, и это озабочивало болѣе дальновидныхъ государственныхъ людей. Въ 1884 г., оглядываясь назадъ, на свою жизнь, Лорисъ-Меликовъ говорилъ объ опасности разложенія Россіи на составныя части. «Связь частей въ Россіи, — говорилъ онъ, — еще очень слаба. И Поволжье, и Войско Донское очень мало тянутъ къ Москвѣ...»*)

Въ очеркѣ, исключительно посвященномъ Дону, нѣтъ возможности отмѣчать всѣ измѣненія въ организаціи Главнаго управленія казачьихъ войскъ, отъ котораго зависѣло, главнымъ образомъ, управленіе на Дону. Однако, нужно сказать, что 15 окт. 1888 г., въ связи съ чрезвычайной милитаризаціей и централизаціей казачьяго управленія, былъ утвержденъ новый штатъ Главнаго Управленія казачьихъ войскъ.**) Утверждая его, Александръ III написалъ: «Вообще, весьма нежелательно усиленіе центральныхъ управленій; но если это дѣйствительно необходимо, то нечего дѣлать. Но, вообще, у насъ администрація слишкомъ расширяется». Такимъ образомъ, даже Александръ III видѣлъ ненормальность разбуханія центральныхъ управленій за счетъ мѣстныхъ. И, однако, онъ же уничтожилъ земство на Дону.

Мы видѣли выше, что, съ нѣкотораго времени, въ качествѣ законодательнаго органа для Дона усиленно конкуррировалъ съ Государственнымъ Совѣтомъ — Военный Совѣтъ. Однако, накопленіе дѣлъ по казачьимъ войскамъ въ Военномъ Совѣтѣ достигло такой степени, что въ 1882 г., «въ видахъ облегченія этого высшаго учрежденія», Комитету казачьихъ войскъ было предоставлено право окончательнаго рѣшенія ряда административныхъ дѣлъ, безъ представленія ихъ въ Военный Совѣтъ, но при условіи согласія Комитета съ представленіями мѣстныхъ начальствъ.***) Важнѣйшіе изъ этихъ дѣлъ были: утвержденіе правильно произведенныхъ торговъ на всякую сумму; утвержденіе дополнительныхъ кредитовъ не свыше 1.000 руб. на одинъ предметъ, и передвиженія кредитовъ, въ предѣлахъ смѣты, на сумму не свыше 5.000 р.; разрѣшеніе обмѣна земли между войскомъ, станицами и частными лицами, и др. дѣла, которыя, при наличности не только мѣстнаго самоуправленія, но и административной децентрализаціи, могли бы свободно рѣшаться на мѣстѣ.

Въ организаціи мѣстнаго управленія на Дону произошли при Александрѣ III перемѣны, соотвѣтствовавшія духу эпохи.

*) А. Ѳ. Кони. На жизненномъ пути. Т. III, ч. I. Ревель—Берлинъ, 1922, с. 23.

**) 3-е П. С. З., т. VIII, N 54 98. По этому штату при начальникѣ Главнаго управленія были учреждены двѣ должности его помощниковъ (по военной и по гражданской части).

***) 3-е П. С. З., т. II, N 1104.

Въ областномъ правленіи уничтожена была послѣдняя выборная должность, напоминавшая объ эпохѣ выборности всѣхъ властей на Дону.

Закономъ 28 апр. 1887 г. положенныя по штату областного правленія двѣ особыя должности совѣтниковъ (одинъ — по назначенію отъ правительства, одинъ — по избранію отъ земства) были упразднены. Званіе и обязанности совѣтниковъ присвоены начальникамъ 1-го и 2-го распорядительныхъ, хозяйственнаго и счетнаго отдѣленій областного правленія. Такимъ образомъ, составъ общаго присутствія областного правленія опредѣлился такъ: предсѣдатель — войсковой наказный атаманъ; члены: помощникъ атамана по гражданской части, четыре совѣтника, завѣдывавшіе вышеназначенными отдѣлами, начальники отдѣленій: лѣсного, строительнаго и межевого, — и областной врачебный инспекторъ.

Въ связи съ уничтоженіемъ земства, уничтоженіе должности совѣтника правленія по выбору имѣло политическое значеніе. Чисто административный характеръ имѣла слѣдующая перемѣна. Въ 1890 г. было закончено не только генеральное, но и спеціальное обмежеваніе области, и поэтому временное межевое отдѣленіе при областномъ правленіи было уничтожено, взамѣнъ чего была расширена областная чертежная.*)

Расширивши права областной администраціи по отношенію къ станичному управленію въ 1891 г., правительство, 6 января 1892 г., учредило въ составѣ областного правленія Донской области особое отдѣленіе (по станичному управленію).**)

Какъ сказано выше, земскія учрежденія на Дону были закрыты въ 1882 г. Они были замѣнены областнымъ и окружнымъ распорядительными по земскимъ дѣламъ комитетами (исключительно чиновничьяго состава).

Однако, окружныя избирательныя собранія сохранились для выбора мировыхъ судей. Составъ ихъ былъ тотъ-же, что и для земства. Присоединяя Ростовскій уѣздъ, жителей его «уравняли» съ донцами: земскія учрежденія, дѣйствовавшія въ Приазовьѣ съ 1866 г. (22 года), были уничтожены. За то, въ виду того, что въ Приазовьѣ дѣйствовали органы шефа жандармовъ, а на Дону ихъ не было, то въ 1887-же году было опредѣлено образовать въ Донской области областное жандармское управленіе, причемъ дѣйствіе этого учрежденія было распространено не только на присоединенныя мѣстности, но и на всю область.

Донское областное жандармское управленіе, организованное въ 1888 г., помимо центра въ Новочеркасскѣ, имѣло своихъ агентовъ въ лицѣ «помощниковъ начальника областного жан-

*) 3-е П. С. З., т. X, N 7188.
**) Выс. утв. положеніе Воен. Сов., 3-е П. С. З., т. XII, N 8235.

дармскаго управленія» въ округахъ: ростовскомъ (Ростовъ на Дону), таганрогскомъ (Таганрогъ) и въ черкасскомъ и донецкомъ одновременно (Новочеркасскъ). Такимъ образомъ, главнымъ образомъ гражданскіе округа были подвергнуты наблюденію «органовъ шефа жандармовъ», а изъ чисто казачьихъ — прилегающіе къ Новочеркасску, интеллигентскому донскому центру.

И по присоединеніи къ области была сохранена усиленная охрана въ гор. Ростовѣ на Дону и Таганрогѣ, введенная тамъ 4 окт. 1881 г. Такимъ образомъ, «положеніе о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія», вызванное «печальной необходимостью допустить на время чрезвычайныя мѣры преходящаго свойства», съ 1881 г. стало нормальнымъ закономъ для Приазовья. Оно просуществовало здѣсь до 1917 года, т. е. въ теченіе 36 лѣтъ непрерывно, смѣнившись на нѣкоторое время, послѣ 1905 г., чрезвычайной охраной и даже военнымъ положеніемъ. Такъ какъ село Касперовка входило до 1888 г. въ составъ таганрогскаго градоначальства, то оно было съ 1888 г. особо объявлено на положеніи усиленной охраны.

На присоединенныя мѣстности было распространено также дѣйствіе закона 22 мая 1880 г. о воспрещеніи жительства и пребыванія въ Донской области евреевъ, за исключеніемъ евреевъ, поселившихся въ присоединенныхъ мѣстностяхъ до изданія положенія 1887 г. Надо замѣтить, что евреи, сохранившіе право жительства въ Ростовѣ и Таганрогѣ, не пріобрѣли права жительства въ областномъ городѣ и во всей Донской области (кромѣ присоединенныхъ мѣстностей).

Прежняя обособленность Дона въ административномъ отношеніи продолжала исчезать. Въ 1886 г. изданы правила о соляномъ промыслѣ, въ связи съ отмѣною акциза (въ примѣненіи къ Дону).*) Въ 1885 г. изданы правила для отношеній къ горнымъ заводамъ учрежденій и лицъ мѣстной администраціи и о срокахъ взноса горной подати въ Донской Области. Въ 1893 г. примѣнена къ Донской Области общая инструкція о надзорѣ за горнопромышленностью.**)

Остаткомъ былой автономіи было подчиненіе тюремъ Области войсковой администраціи. Въ 1889 г. общія мѣста заключенія Донской области были переданы въ вѣдѣніе Министерства внутреннихъ дѣлъ (по главному тюремному управленію), съ распредѣленіемъ расходовъ по ихъ содержанію между казною и войсковымъ капиталомъ пропорціонально числу арестантовъ не-войскового и войскового сословія. Почему-то считалось, что за содержаніе казаковъ въ тюрьмѣ должно пла-

*) Ш-е П. С. З., т. VI, N 3597.

**) Положеніе о горномъ промыслѣ въ Обл. В. Дон., Сводъ установъ и учр. горныхъ, Св. Зак., т. VII, изд. 1893 г.

тить Войско, а не общеимперская казна. Это было, какъ мы знаемъ, слѣдствіемъ того, что войсковой капиталъ былъ остаткомъ донского государственнаго бюджета.

Въ отношеніи строевого управленія казачьихъ войскъ, надо особенно отмѣтить подчиненіе казачьихъ частей начальникамъ мѣстныхъ бригадъ и упраздненіе должностей походныхъ атамановъ, состоявшіяся при изданіи 1890 г. новаго положенія о полевомъ управленіи войскъ въ военное время. Историческое именованіе походнаго атамана напоминало о той эпохѣ, когда Войско Донское являлось самостоятельнымъ и посылало свои вспомогательные отряды на помощь метрополіи. Естественно, что и оно было уничтожено въ эпоху истребленія всѣхъ даже символическихъ остатковъ донской государственной самобытности.

Возродилось это званіе лишь въ эпоху великой войны, въ формѣ декоративнаго званія «походнаго атамана всѣхъ казачьихъ войскъ», придуманнаго спеціально для одного изъ членовъ императорской фамиліи. Интересно отмѣтить, что установленіе должности походнаго атамана казачьихъ войскъ проектировалось въ 1917—1919 г. г. сторонниками автономіи казачьихъ войскъ, желавшими провести ее не только въ сферѣ государственнаго управленія, но и въ области строевого управленія.*)

Цѣлый рядъ чисто военныхъ мѣропріятій былъ, кромѣ того, предпринятъ въ царствованіе Александра III для того, чтобы приблизить во всѣхъ отношеніяхъ казачьи части къ кавалерійскимъ, уничтожить старыя бытовыя черты. Такъ въ 1888 и 1889 г. г. уничтоженъ былъ старинный артельный порядокъ довольствія фуражомъ донскихъ полковъ и батарей, и въ нихъ введено было общее положеніе объ управленіи воинской частью и ея хозяйствомъ. Мы не будемъ перечислять всѣхъ спеціальныхъ мѣръ этого времени, которыя ставили казачьи части, почти во всѣхъ отношеніяхъ, въ положеніе регулярныхъ кавалерійскихъ частей.**) Для насъ важно отмѣтить лишь общее направленіе дѣятельности правительства и въ этой спеціальной области.

Въ 1888 г. завѣдываніе военно-судебной частью Донской области, съ упраздненіемъ Харьковскаго военнаго округа, было передано въ военно-окружныя учрежденія Одесскаго военнаго округа.

Въ области гражданско-судебной, при Александрѣ III, не произошло никакихъ измѣненій на Дону. Мировой судъ, какъ мы знаемъ, уцѣлѣлъ.

Въ области духовнаго управленія въ царствова-

*) Ср. Протоколы Конференціи по созданію союза государственныхъ образованій Юга Россіи. Ростовъ н/Д. 1919. Рѣчи ген. В. И. Баскакова и др.

**) См. объ этомъ подробно «Столѣтіе Воен. Министерства», т. XI, ч. I, 609 и слѣд.

ніе Александра III не произошло большихъ измѣненій по сравненію съ предшествовавшей эпохой. По прежнему, правительство боролось съ сектами и расколомъ. Въ 1882 г. при Донской Духовной Семинаріи была учреждена особая каѳедра, посвященная «ученію о русскомъ расколѣ и ересяхъ», а въ 1885 г. учреждена была въ Донской епархіи противораскольничья и противоеретическая миссія.*) Продолжалось запечатаніе старообрядческихъ молитвенныхъ домовъ, разрѣшенныхъ при Александрѣ II. Такъ, закрыли такой домъ въ ст. Цымлянской, въ 1883 г.**) Въ 1894 г. харьковская судебная палата обвинила казака Мануйлова, который «носилъ священническій кафтанъ и называлъ себя старообрядческимъ священниковъ».***)

Однако, въ тоже царствованіе пришлось издать указъ Прав. Сенату отъ 3-го мая 1883 г. о расширеніи гражданскихъ правъ раскольниковъ, сочувственно встрѣченный донскимъ казачествомъ, среди котораго 40% были по прежнему старообрядцами.[1])

Эпоха Александра III, въ области просвѣщенія, ознаменована на Дону милитаризаціей школы и борьбой съ просвѣщеніемъ вообще. Въ 1887 г., подъ вліяніемъ дѣла 1-го марта 1887 г., было найдено, что «стремленіе войсковыхъ начальствъ къ учрежденію стипендій превышаетъ дѣйствительную потребность войскъ въ лицахъ съ высшимъ образованіемъ. Равнымъ образомъ, войскамъ нужны не общеобразовательныя учебныя заведенія (вродѣ классическихъ гимназій), а профессіональныя, которыя готовили-бы къ поступленію въ военную службу, или къ практическимъ занятіямъ по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства». По этому поводу нужно замѣтить, что, именно, само правительство способствовало насажденію классической системы, не позволяя создавать болѣе соотвѣтствующихъ жизни общеобразовательныхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Теперь было рѣшено поставить учебное дѣло въ казачьихъ войскахъ «на болѣе практическую почву», съ тѣмъ, чтобы оно «соотвѣтствовало прямымъ потребностямъ казачества». Съ этою цѣлью, число войсковыхъ стипендій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ было сокращено, съ 1887 г., на половину, а на освободившіяся средства учреждены стипендіи въ столичныхъ и другихъ кадетскихъ корпусахъ для дѣтей офицеровъ, чиновниковъ и неслужащихъ дворянъ казачьяго сословія. Затѣмъ, учрежденныя по образцу гимназій министерства народнаго просвѣщенія среднія учебныя заведенія стали закрываться. Такъ въ 1888 году были закрыты: Усть-Медвѣдиц-

*) «Дон. Епарх. Вѣд.», 1862, N 14; «Казач. Вѣстн.», 1885 N 19.
**) «Рус. Вѣд.», 1883, N 53.
***) «Рус. Вѣд.», 1894, N 96.
[1]) «Рус. Вѣд.». 1883, N 163; «В. Евр.», 1883, N 7.

кая гимназія, Каменская и Нижне-Чирская прогимназіи, замѣненныя тремя окружными училищами. Закрыты были и женскія учебныя заведенія.

Взамѣнъ, въ 1888 г., была учреждена Донская плодовая школа. Сверхъ учрежденной въ концѣ 1886 г. Новочеркасской военно-ремесленной школы, были учреждены таковыя-же въ окружныхъ станицахъ. Позже, и не безъ труда, допущено было учрежденіе реальнаго училища въ ст. Усть-Медвѣдицкой.

Независимо отъ этого, еще въ 1883 г. былъ открытъ въ Новочеркасскѣ Донской кадетскій корпусъ, а въ 1886 г. атаманское техническое училище (для подготовки мастеровъ и машинистовъ).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ общей школѣ стали насаждать военную дисциплину и всякаго рода воинскія упражненія. Въ связи съ закрытіемъ гражданскихъ учебныхъ заведеній и открытіемъ военныхъ, въ 1880-хъ г. г., было введено въ школахъ преподаваніе военной гимнастики, а съ 1887 г. обученіе фронту и отданіе чести всѣмъ начальствующимъ лицамъ по правиламъ воинскаго устава гарнизонной службы были введены въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ гражданскаго вѣдомства на Дону.

Хозяйничаніе войсковой администраціи, избавленной отъ какого бы то ни было общественнаго контроля, повело къ тому, что къ началу царствованія Александра III финансовое положеніе Дона ухудшилось, ежегодные дефициты по войсковымъ смѣтамъ стали обычнымъ явленіемъ. Къ этому присоединились повторные неурожаи, зависѣвшіе, между прочимъ, отъ истребленія лѣсовъ, высыханія рѣкъ и водъ, и скотскіе падежи, принявшіе, при отсутствіи земской ветеринаріи, характеръ ежегодныхъ эпизоотій.

Въ виду этого, военное министерство приняло, наконецъ, на счетъ казны часть расходовъ, имѣвшихъ характеръ общегосударственный (содержаніе офицеровъ казачьихъ строевыхъ частей, часть расходовъ по содержанію полиціи). Были приняты также нѣкоторыя мѣры по ограниченію злоупотребленій сдачи въ аренду войсковыхъ оброчныхъ статей. Одного лишь не было сдѣлано: усиленія общественной самодѣятельности.

Между тѣмъ, даже представители станицъ въ коммиссіи 106-ти, засѣдавшей осенью 1881 г. въ Новочеркасскѣ, выражая неудовольствіе организаціей земскаго самоуправленія, выставили цѣлую программу организаціи мѣстнаго самоуправленія. Правительство, яко-бы исполняя желаніе казачьей массы, закрыло поспѣшно земство. Вся-же положительная часть программы казачества была не принята во вниманіе. Казаки желали раскладки земскихъ повинностей на в с ѣ сословія, требовали прирѣзки земли станицамъ, вмѣсто сдачи войсковыхъ земель въ аренду землевладѣльцамъ и коннозаводчикамъ. Казаки требовали учрежденія Выборного Гражданскаго Управле-

нія въ Новочеркасскѣ, выборности на всѣ должности гражданскія въ окружныхъ собраніяхъ, ежегоднаго созыва Войскового Круга для того, чтобы «обсуждать и утверждать всѣ дѣла самоуправленія и предъявлять правительству нужды» казачества. Казаки желали подтвержденія ихъ правъ и ежегоднаго чтенія грамотъ въ Кругу.

Правительство Александра III отвѣтило на эти требованія шаблонной грамотой 1887 г., а въ 1890 г. состоялся актъ, касавшійся Войскового Круга. А, именно, приказомъ по казачьимъ и иррегулярнымъ войскамъ отъ 24 дек. 1890 г. (№ 32) «войсковой праздникъ Войска Донскаго» былъ установленъ на 17-е октября. День «войскового праздника» и былъ тѣмъ днемъ, когда долженъ былъ происходить «парадъ», именовавшійся «Войсковымъ Кругомъ». *) Кромѣ того, Кругъ бывалъ 6-го декабря.

Въ 1882 году, немедленно вслѣдъ за закрытіемъ земскихъ учрежденій, открыла свои дѣйствія коммиссія, образованная въ Новочеркасскѣ подъ предсѣдательствомъ ген. Кульгачева. По выработанному ею проекту представителямъ отъ населенія предложено было присвоить лишь совѣщательный голосъ въ дѣлахъ земскаго управленія, тогда какъ вся распорядительная власть въ этомъ отношеніи принадлежала-бы войсковому наказному атаману, который дѣйствовалъ-бы черезъ областное и окружныя земскія правленія, составленныя изъ лицъ по опредѣленію отъ правительства. Проектъ очень понравился министру внутреннихъ дѣлъ гр. Д. Толстому, который былъ не прочь ввести его и въ другихъ губерніяхъ. Послѣднія получили, однако, законъ 1890 года; донской-же проектъ продолжалъ ждать отзыва о немъ всѣхъ министровъ. По поводу этого проекта министръ финансовъ высказалъ, что если положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1864 г. не соотвѣтствовало мѣстнымъ условіямъ Области Войска Донскаго, то положеніе о нихъ 1890 г., въ которомъ проведенъ сословный принципъ и контроль администраціи надъ земскими учрежденіями, могло бы быть примѣнено и къ Области Войска Донскаго, хотя бы съ нѣкоторыми въ немъ измѣненіями .

Въ 1893 г. и военное министерство сообщило войсковому наказному атаману, что оно считаетъ возможнымъ обойтись для Донской Области безъ особаго положенія о земско-хозяйственномъ управленіи, путемъ примѣненія общаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1890 г. съ нѣкоторыми измѣненіями. Однако, въ царствованіе Александра III вопросъ о донскомъ земствѣ не получилъ дальнѣйшаго движенія. Поднятъ онъ былъ уже членами Государственной Думы отъ Дона.

---

*) Въ 1909 г. была даже уничтожена цензурою посвященная разъясненію того, что такое — «Войсковой Кругъ», брошюра Ѳ. Я. Лосева «Церковный парадъ 6-го дек». Новочеркасскъ, 1909.

Глава XXXIX.

Преобразованіе окружнаго управленія (1886). Положеніе объ общественномъ управленіи станицъ (1891). Усиленіе дисциплинарныхъ взысканій.

Въ области мѣстнаго подчиненнаго управленія на Дону, равно какъ и въ области личныхъ правъ казачества, въ царствованіе Александра III проведены были мѣры, направленныя къ усиленію авторитета военнаго начальства, милитаризаціи гражданскаго управленія въ округѣ и въ станицѣ, къ ограниченію послѣднихъ остатковъ казачьяго общиннаго самоуправленія, къ усиленію дисциплинарной власти начальства. Военно-государственное закрѣпощеніе служилаго (нѣкогда вольнаго) казачества достигло своего апогея.

Въ 1885 г. войсковой наказный атаманъ, кн. Святополкъ-Мирскій возбудилъ вопросъ о неудобствѣ одновременнаго подчиненія казачьяго населенія военному (атаманы военныхъ отдѣловъ) и гражданскому (окружные начальники) начальствамъ. Атаманъ полагалъ, что гражданскіе окружные начальники не относились съ должнымъ вниманіемъ къ требованіямъ военнаго начальства, а это умаляло «и военный казачій духъ, и исправность казаковъ въ отношеніи требованій военнаго начальства». Проще говоря, при общей милитаризаціи гражданскаго управленія Дона, надо было милитаризовать и должность начальника округа. Атаманъ ходатайствовалъ о сліяніи должностей атамана отдѣла и окружного полицейскаго начальника въ тѣхъ округахъ области, гдѣ казачье населеніе было преобладающимъ.

Въ отвѣтъ на это ходатайство состоялись законы: высоч. утв. 9 іюня 1888 г. положеніе Военнаго Совѣта и — 29 дек. 1886 г. — мнѣніе Государственнаго Совѣта.*) Этими законами были упразднены должности атамановъ военныхъ отдѣловъ и управленія ихъ, а также окружныя полицейскія управленія 6 округовъ (Черкасскаго, I и II Донского, Донецкаго, Усть-Медвѣдицкаго и Хоперскаго). Гражданское и военное управленіе этими округами было сосредоточено въ лицѣ «окружныхъ атамановъ», съ предоставленіемъ имъ всѣхъ правъ и обязанностей, лежавшихъ на окружныхъ полицейскихъ начальникахъ и атаманахъ военныхъ отдѣловъ. При окружномъ атаманѣ положены были помощники изъ штабъ-офицеровъ и двѣ канцеляріи: одна — по гражданской, другая — по военной части.

Окружные атаманы были подчинены непосредственно войсковому наказному атаману; по предметамъ, относившимся къ правамъ и обязанностямъ упраздненныхъ окружныхъ полицей-

*) 3-е П. С. З., т. V, N 3038 и т. VI, N 4130.

скихъ начальниковъ, — и областному правленію; канцеляріи по военной части были подчинены войсковому штабу.

Гражданское управленіе двухъ остальныхъ округовъ области: Міусскаго и Сальскаго, гдѣ войсковое населеніе было малочисленно, было оставлено безъ измѣненія. Въ военномъ отношеніи станицы этихъ округовъ были подчинены: Міусскаго округа — окружному атаману Черкасскаго округа, а станицы Сальскаго округа — окружнымъ атаманамъ I и II-го Донскихъ округовъ.

Возникшій въ 1880 г. вопросъ о введеніи въ Новочеркасскѣ городового положенія былъ разрѣшенъ отрицательно. Вмѣсто этого, въ 1881 г., управленіе городомъ поручено было временному комитету по устройству г. Новочеркасска, съ допущеніемъ въ его составъ сословныхъ представителей и выборныхъ изъ мѣстныхъ жителей. Войсковое начальство хлопотало объ исключеніи изъ Комитета выборного элемента, но Государственный Совѣтъ согласился лишь на уменьшеніе числа выборныхъ членовъ, и безъ того немногочисленныхъ. Новое положеніе объ управленіи г. Новочеркасскомъ и новый штатъ Комитета по управленію этимъ городомъ были высочайше утверждены 1 дек. 1887 г.*)

Что касается гор. Александровска-Грушевска, то и тамъ было введено въ 1883 г. лишь упрощенное общественное управленіе, въ составъ котораго входили: городовой староста, по выбору всего городского общества, и три помощника старосты, избираемыхъ сословіями: купеческимъ, мѣщанскимъ и войсковымъ, по одному отъ каждаго.**)

Присоединенные къ области города Ростовъ, Таганрогъ, Нахичевань и Азовъ сохранили свое самоуправленіе. Въ 1893 году въ нихъ введено было новое городовое положеніе 1892 г.

Но въ бывшемъ Ростовскомъ уѣздѣ (нынѣ округѣ) земское самоуправленіе не было возстановлено даже по урѣзанному закону 1890 года.

Экономическое положеніе казачества при Александрѣ III продолжало рѣзко ухудшаться. Послѣ уничтоженія земства Войско вернулось къ порядкамъ николаевскаго времени. Естественное гражданское развитіе края было искусственно задерживаемо тяжкой военной службой, которая истощала казачество, не давая ему также возможности развить промыслы и торговлю. Начало нарождаться пролетаризованное казачество, нуждавшееся въ пособіяхъ при снаряженіи на службу. Послѣднее обстоятельство больше всего обезпокоило правительство, которое смотрѣло на казачество, какъ на дешевую служилую массу, необходимую для борьбы не только съ внѣшнимъ, но и съ внутреннимъ врагомъ.

---

*) 3-е П. С. З., т. VII, N 4853.
**) П. С. З., т. III, N 1319.

Въ связи съ разрушеніемъ патріархальнаго уклада жизни сталъ разрушаться и прежній моральный укладъ. «Въ средѣ населенія вообще, а въ средѣ молодежи въ особенности, — по словамъ всеподданнѣйшаго доклада атамана въ 1880 г., — начали быстро развиваться и крѣпнуть такія наклонности, понятія и воззрѣнія, которыя въ недавнемъ прошломъ или совсѣмъ были неизвѣстны, или составляли рѣдкое исключеніе».

Войсковое начальство, вопреки голосамъ земства и общественныхъ дѣятелей, увидѣло причину зла не въ тяжкомъ экономическомъ положеніи казачества, а въ чрезмѣрномъ «демократизмѣ» станичнаго управленія по положенію 1870 г. Въ доказательство своей мысли оно ссылалось на уменьшеніе и исчезновеніе станичныхъ капиталовъ и хлѣбныхъ запасовъ, на задолженность станичныхъ обществъ, влекшую за собою отдачу частнымъ лицамъ въ аренду доходныхъ статей общества за ничтожную, разорительную для него, плату.

Поэтому, уже въ 1880 г. войсковой атаманъ ходатайствовалъ объ измѣненіи состава станичныхъ сходовъ, дабы устранить отъ участія въ послѣднихъ — кулаковъ и молодежь. Нужно замѣтить, что съ 1870 г. въ сходѣ участвовали лишь домохозяева. Высочайше утвержденнымъ въ 1884 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта было разрѣшено «станичные сходы въ Войскѣ составлять изъ выборныхъ отъ домохозяевъ, по одному выборному отъ каждыхъ десяти дворовъ».*) Такимъ образомъ создался институтъ т. наз. «десятидворныхъ», а широкая масса казачества окончательно лишена права участія въ станичномъ управленіи.

Но такъ какъ «вредное направленіе дѣятельности станичнаго управленія» продолжало, по мнѣнію войскового начальства, существовать и развиваться, то въ Новочеркасскѣ учреждена была для пересмотра всего положенія о станичномъ управленіи особая коммиссія изъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, подъ предсѣдательствомъ помощника войскового наказнаго атамана по гражданской части, и съ участіемъ двухъ станичныхъ атамановъ. Послѣдніе должны были изображать изъ себя «представителей станичнаго управленія».

Проектъ коммиссіи, представленный уже въ концѣ 1884 г., былъ разосланъ въ казачьи войска, съ указаніемъ, что и тамъ не плохо было-бы примѣнить эти начала. Въ 1886 г. проекты еще шести войсковыхъ начальствъ поступили въ Петербургъ и были, вмѣстѣ съ донскимъ проектомъ, разсмотрѣны особой коммиссіей подъ предсѣдательствомъ начальника Главнаго Управленія казачьихъ войскъ. Членами коммиссіи были члены Комитета казачьихъ войскъ — депутаты отъ Войскъ Донскаго, Кубанскаго и Терскаго, Астраханскаго, Оренбургскаго, Сибирскаго и Семирѣченскаго.

---

*) 3-е П. С. З., т. IV, N 2050.

Проектъ, выработанный коммиссіей, прошелъ черезъ Военный и Государственный Совѣты. 3 іюня 1891 г. было высочайше утверждено новое «положеніе объ общественномъ управленіи станицъ казачьихъ войскъ». Введено на Дону было это положеніе съ 1 янв. 1892 г.

Согласно положенію 1891 г., станичное управленіе, въ порядкѣ надзора, было подчинено (на Дону) непосредственно окружнымъ атаманамъ, а въ порядкѣ высшаго мѣстнаго надзора — областному правленію и войсковому наказному атаману.

Въ составѣ станичныхъ сходовъ произведенъ былъ рядъ измѣненій: окончательно введенъ институтъ десятидворныхъ, съ устраненіемъ отъ участія въ сходѣ, вообще, лицъ не достигшихъ26-лѣтняго возраста. Отъ участія въ сборѣ отстранены должностныя лица общественнаго управленія, кромѣ атамановъ — станичнаго (съ помощниками) и хуторскихъ —, станичнаго казначея и станичныхъ судей. Областному правленію предоставлено право уменьшать и увеличивать число выборныхъ, отступая отъ нормы: одинъ выборный на 10 дворовъ. Однако, въ станицахъ, имѣющихъ болѣе 1.000 казачьихъ дворовъ, число выборныхъ на сходѣ должно быть не менѣе 100, а въ станицахъ съ числомъ дворовъ менѣе 1.000 — не менѣе 30 и не болѣе 100. Введенъ штрафъ за неявку для лицъ обязанныхъ присутствовать на сборахъ, по приговору станичнаго сбора. Лицамъ не-войскового сословія, живущимъ въ предѣлахъ станичнаго юрта и имѣющимъ тамъ дома или иную недвижимость, разрѣшено было посылать на станичный сборъ своихъ выборныхъ по одному отъ 10 дворовъ. Но число этихъ выборныхъ не должно было превышать числа выборныхъ отъ казаковъ, и участвовать въ сборѣ они могли лишь по нѣкоторымъ дѣламъ: пользованіе иногородними общимъ выгономъ, раскладка на иногороднихъ общихъ земскихъ повинностей (постойной, подводной, по содержанію дорогъ, мостовъ и переправъ) и по дѣламъ опекунскимъ (объ иногородныхъ-же). Тѣ-же права имѣли и граждане другихъ станицъ, проживающіе осѣдло въ станицѣ.

Такимъ образомъ, положеніе 1891 г. еще болѣе ограничило права гражданъ 2-го разряда (иногороднихъ) и отстранило молодежь, хотя-бы и состоящую въ домохозяевахъ отъ участія въ сборѣ.

Для упорядоченія дѣятельности станичныхъ сборовъ законъ указалъ имъ на «необходимость особенной заботливости станичнаго общества объ исправномъ выходѣ казаковъ на службу». Этой основной цѣли должны были подчиниться всѣ остальные интересы станичнаго общества. Для этого, упомянувши (изъ приличія) объ учрежденіи начальныхъ училищъ, а также о хлѣбныхъ магазинахъ, законъ требовалъ отъ станицъ особаго попеченія о слѣдующихъ дѣлахъ: объ устрой-

ствѣ сберегательныхъ кассъ, установленіи общественныхъ запашекъ, улучшеніи коневодства, выдѣленіи общихъ хозяйственныхъ статей станицы (лѣсной, арендной, для станичныхъ табуновъ) и т. п.

«Не лишая станичныя общества права распоряжаться по своему усмотрѣнію общественными суммами и земельнымъ довольствіемъ», законъ устанавливалъ контроль войскового начальства по предмету денежнаго и земельнаго хозяйства. А именно, станичные расходы могли производиться не иначе, какъ по смѣтамъ, ежегодно составляемымъ сборами и утверждаемымъ окружными атаманами. Инструкціи по составленію смѣтъ устанавливались областнымъ правленіемъ. Оно-же утверждало приговоры сборовъ относительно распредѣленія земли между поселеніями, входящими въ составъ станичнаго общества. Для увеличенія доходности станичныхъ земель войсковой наказный атаманъ и окружные атаманы получили право обращать вниманіе обществъ на необходимость заводить общія нехозяйственныя статьи для удовлетворенія общественныхъ потребностей.

Срокъ подачи жалобъ на рѣшенія сбора былъ продолженъ до 6 мѣс., и онѣ допущены были по всѣмъ вообще дѣламъ. Исключеніе указывалось въ законѣ довольно глухо: «кромѣ дѣлъ, по коимъ рѣшенія сборовъ касаются непосредственно всего общества» и затрогиваютъ интересы отдѣльнаго лица въ равной мѣрѣ съ прочими отдѣльными лицами; а также кромѣ «тѣхъ дѣлъ, по коимъ вмѣшательство войскового начальства не согласовалось-бы съ понятіями объ общинномъ пользованіи землею и круговою порукою общества въ исправномъ отбываніи земскихъ и станичныхъ повинностей».

Станичные атаманы получили право назначать экстренные сборы по своему усмотрѣнію и даже дѣлать отъ себя распоряженія, представляя о нихъ на рѣшеніе перваго затѣмъ сбора и донося окружному атаману. На станичнаго-же атамана было возложено «наблюденіе за исправнымъ снаряженіемъ казаковъ служилаго разряда», и при выходѣ казаковъ на службу, при оказавшейся неисправности казаковъ, принимать необходимыя мѣры самостоятельно. Это означало, что станичный атаманъ могъ тратить станичныя средства на снаряженіе неисправныхъ казаковъ безъ разрѣшенія сбора, сообщая сбору лишь о произведенномъ расходѣ.

«Не лишая общества права распредѣлять земельное свое довольствіе между членами общества по своему усмотрѣнію», законъ позволилъ казакамъ передавать свои паи другимъ лицамъ, хотя-бы и не принадлежащимъ къ войсковому сословію, на срокъ не свыше одного года.

Весьма характерно для этого закона, что ограничивая весьма значительно права станичнаго общества въ какомъ либо отношеніи, законъ дѣлаетъ оговорку, что онъ «не лишаетъ» этого права вполнѣ.

Законъ установилъ обязательное составленіе повѣстки станичнаго сбора, сообщеніе ея заблаговременно на хутора, а также окружному атаману. Станичному атаману предоставлено право разрѣшать или не разрѣшать обсужденіе дѣлъ, не указанныхъ на повѣсткѣ. Установлено веденіе письменнаго журнала рѣшеній сбора.

Чрезвычайно важнымъ постановленіемъ закона было введеніе круговой поруки станичнаго общества «за исправный выходъ на службу каждаго изъ своихъ членовъ, за исправное отбываніе земскихъ и станичныхъ повинностей и пополненіе недоимокъ, числящихся на обществѣ». Устанавливая это тяжкое ограниченіе правъ общества законъ, естественно, предоставлялъ обществу, въ лицѣ станичнаго сбора, право принимать рядъ принудительныхъ мѣръ по отношенію къ отдѣльнымъ членамъ общества, замѣченнымъ въ расточительности и неисправнымъ въ отбываніи повинностей и уплатѣ долговъ въ войсковыя и общественныя суммы. Мѣры эти были слѣдующія: распоряженіе доходомъ съ принадлежащаго казаку имущества; отдача казаковъ въ посторонніе заработки и распоряженіе выработанными ими суммами; назначеніе къ неисправнымъ казакамъ опекуновъ; въ случаѣ нужды, продажа движимаго и недвижимаго имущества неисправныхъ казаковъ и ограниченіе для нихъ (на извѣстный срокъ) права распоряженія ихъ паями съ передачею этого распоряженія въ руки станицы. Наконецъ, подчиненіе семейныхъ раздѣловъ контролю станичныхъ сборовъ.

Такимъ образомъ, введеніе по закону круговой поруки, которую исподволь пытались примѣнять къ казачеству и раньше, знаменовало собою закрѣпощеніе казачества государству и общинѣ въ самой худшей формѣ его. Такова была благодарность метрополіи за вѣрную многовѣковую боевую службу казачества. Мѣры дисциплинарнаго воздѣйствія на казачество по закону 1891 г. были проникнуты тѣмъ же духомъ.

Для того, чтобы «воспрепятствовать дальнѣйшему развитію въ средѣ населенія несвойственнаго казачьему сословію направленія», законъ 1891 г. возложилъ на станичнаго атамана обязанность «неослабно наблюдать, дабы станичные жители, какъ люди военные, сохраняли непремѣнное между собою чинопочитаніе и оказывали должное уваженіе къ людямъ заслуженнымъ и старикамъ». Съ этою цѣлью были увеличены мѣры взысканія за маловажные проступки, и станичному атаману было предоставлено право подвергать виновныхъ: аресту не свыше 4 дней (ранѣе 2), или денежному штрафу не свыше 3 рублей (ранѣе 1 руб.), или-же назначенію на общественныя работы не свыше 6 дней (ранѣе 2 дня). Для лицъ, внесенныхъ въ книгу штрафованныхъ, наказаніе могло быть повышено — до 8 дней ареста и 5 руб. штрафа.

Уже эти мѣры приближали Войско къ положенію недо-

брой памяти военныхъ поселеній. Законъ надѣлилъ дисциплинарными правами, кромѣ станичнаго атамана, также и станичный сборъ, и станичный судъ. Сбору предоставлено было право «въ отношеніи тѣхъ лицъ буйнаго и порочнаго поведенія, для коихъ обыкновенныя мѣры взысканія оказываются недостаточными», принимать, кромѣ примѣнявшихся съ 1870 г. удаленія изъ общества и лишенія права участія въ сборахъ, еще нижеслѣдующія мѣры: ходатайствовать о временномъ командированіи, въ видѣ исправительной мѣры, на дѣйствительную службу безъ очереди казаковъ служилаго состава, а также о временной высылкѣ казаковъ неслужилаго состава въ отдаленныя станицы своего войска. Станичному сбору предоставлялось также — вносить, по представленію станичнаго атамана или станичнаго суда, въ книгу штрафованныхъ всѣхъ казаковъ, за исключеніемъ изъятыхъ по закону отъ тѣлеснаго наказанія, а также бывшихъ на дѣйствительной службѣ и уволенныхъ на льготу, въ запасъ или отставку безъ перевода въ разрядъ штрафованныхъ. Эти «штрафованные», какъ мы видѣли, могли облагаться высшими противъ другихъ наказаніями въ административномъ порядкѣ, по единоличному усмотрѣнію атамана.

Наконецъ, станичный судъ получилъ право налагать дисциплинарныя взысканія за «маловажные проступки» въ слѣдующихъ размѣровъ: а) на казаковъ — 8 дней ареста (ранѣе 7 дней), штрафъ не свыше 6 руб. (ранѣе 3 руб.) или общественныя работы до 12 дней (ранѣе 6 дней); б) на штрафованныхъ — арестъ или общественныя работы до 12 дней, штрафъ до 10 рублей.

Коммиссія предполагала дать станичному суду право наказанія штрафованныхъ розгами до 20 ударовъ, но Военный Совѣтъ исключилъ это право изъ проекта.

Законъ 1891 г. не рѣшился совершенно отмѣнить выборность станичныхъ атамановъ, но потребовалъ производства выборовъ атамана путемъ закрытой баллотировки, въ присутствіи окружнаго атамана или лица, имъ командированнаго. Вмѣсто атамана — избирать 3 кандидатовъ, изъ коихъ одинъ утверждается въ должности по усмотрѣнію войскового наказнаго атамана. Станичный сборъ получилъ право избирать на общественныя должности казаковъ — гражданъ другихъ станицъ. Возрастный цензъ для станичнаго атамана и судей былъ повышенъ до 33 лѣтъ. Не имѣющимъ офицерскихъ чиновъ станичнымъ атаманамъ и судьямъ предоставлено было, если они избирались на должность 2 года сразу, право пользоваться личными правами хорунжаго во все время, пока остаются въ должностяхъ. Казакамъ, занимающимъ должности по общественному управленію, по закону 1891 г., стали выдавать денежныя награды, похвальные листы, почетные чекмени, именныя насѣки, медали за усердіе и знаки отличія св. Анны; а станичнымъ и хуторскимъ атаманамъ «изъ высшихъ казачьихъ

сословій» — денежныя награды, почетныя насѣки, ордена и жаловать чины. Всѣ эти мѣры имѣли цѣлью сдѣлать атамана, по возможности, независимымъ отъ станичнаго общества, возвысить его путемъ внѣшнихъ отличій и сдѣлать изъ него, вмѣсто выборного исполнителя воли общества, авторитетнаго начальника, обладающаго дисциплинарной властью.

«Въ видахъ прекращенія безпорядочнаго хода общественнаго управленія», законъ 1891 г. обязалъ окружныхъ атамановъ ревизовать всѣ части станичнаго управленія не менѣе одного раза въ годъ лично, или черезъ подвѣдомственныхъ ему чиновъ. Окружной атаманъ получилъ право удалять отъ должности всѣхъ лицъ общественнаго управленія, не исключая, въ особо уважительныхъ случаяхъ, и станичнаго атамана.

Наконецъ, войсковой наказный атаманъ получилъ право назначать станичнаго или хуторскаго атамана въ станицы (или хутора), гдѣ «особенно безпорядочно ведутся дѣла общественнаго управленія», а также временно пріостанавливать дѣйствія станичныхъ или хуторскихъ сборовъ, «съ тѣмъ, что всѣ права и обязанности таковыхъ сборовъ переходятъ на станичнаго или хуторского» (назначеннаго) атамана.

«Обуздавши» казаковъ и станичное самоуправленіе, законъ 1891 г. «упорядочилъ дѣйствія станичнаго суда» слѣдующимъ образомъ: былъ допущенъ пересмотръ рѣшеній станичнаго суда по существу, по желанію недовольной стороны, въ томъ-же станичномъ судѣ, но при другомъ составѣ судей, или-же въ судѣ сосѣдней станицы: по дѣламъ гражданскимъ съ цѣною иска свыше 30 руб., а по дѣламъ о проступкахъ, когда обвиняемый присужденъ къ наказанію, превышающему половину размѣра взысканій, налагаемыхъ судомъ.

Разсмотрѣніе и отмѣна рѣшеній станичнаго суда въ кассаціонномъ порядкѣ возложены были на окружного атамана. Законъ 1891 г. запретилъ допускать, въ качествѣ повѣренныхъ въ станичномъ судѣ, «лицъ, обратившихъ ходатайство по чужимъ дѣламъ въ промыселъ». Такъ наименовалъ законъ присяжныхъ повѣренныхъ, ихъ помощниковъ, частныхъ повѣренныхъ («и проч.» — добавлялъ законъ, смѣшивая въ одну кучу присяжную адвокатуру съ подпольными «ходатаями»).

Нужно отдать справедливость авторамъ закона 1891 года. Они попытались связать нѣкогда вольное казачество по рукамъ и ногамъ. Мало было для казачества тяжкой военной службы. Показалось необходимымъ уничтожить остатки станичнаго самоуправленія, ввести худшую форму круговой поруки, подчинить казака и въ станичномъ быту дѣйствію военной дисциплины. Служилое казачество стало военно-крѣпостнымъ.

Къ той-же цѣли «обузданія» казачества направлены были мѣры, принятыя въ 1882, 1887 и 1894 г. г. Среди послѣднихъ важное значеніе имѣло расширеніе дисциплинарныхъ правъ вой-

скового наказнаго атамана въ отношеніи «порочныхъ» льготныхъ и отставныхъ казаковъ.

Высочайшимъ повелѣніемъ 30 ноября 1882 г. войсковому наказному атаману Войска Донскаго было предоставлено: а) казаковъ строеваго разряда, по жалобамъ ихъ родителей или станичныхъ обществъ, а равно и по ходатайствамъ мѣстнаго военнаго или гражданскаго начальства, подкрѣпленнымъ несомнѣнными доказательствами, требующими принятія противъ нихъ исправительныхъ мѣръ, командировать безъ очереди въ полки, находящіеся на полевой службѣ, на срокъ не свыше 4 лѣтъ, и б) отставныхъ казаковъ, вредныхъ въ общежитіи и злоупотребляющихъ общественнымъ достояніемъ, при наличности несомнѣнныхъ доказательствъ, высылать также на срокъ не свыше 4 лѣтъ въ отдаленныя отъ мѣста ихъ жительства станицы.

Такимъ образомъ, административная расправа, вмѣсто наказанія по суду, вводилась и для молодежи, и для стариковъ. Только для молодежи было предназначено превращеніе военной службы въ наказаніе, а для стариковъ создана была административная ссылка въ далекія станицы.

Въ 1887 г. было разъяснено, что командировать, внѣ очереди, на военную (полевую) службу можно лишь строевыхъ казаковъ и лишь за проступки не позорящіе чести воинскаго званія. Казаки-же строевого разряда, за проступки, позорящіе честь воинскаго званія, должны быть высылаемы, для исправленія, наравнѣ съ отставными, въ отдаленныя отъ мѣста ихъ жительства станицы.

Въ 1887 г. на Сальскій округъ были распространены установленныя въ 1886 г. для Астраханской губерніи правила объ административной высылкѣ конокрадовъ въ Восточ. Сибирь.

Въ 1894 г. были изданы новыя постоянныя правила по наложенію войсковымъ наказнымъ атаманомъ дисциплинарныхъ взысканій на лицъ казачьяго сословія.

Таковы были мѣропріятія эпохи Александра III въ отношеніи рядового казачества и станичнаго самоуправленія.

Глава XL.

Сословія на Дону при Александрѣ III. Донъ въ революціонномъ движеніи 80-хъ г. г. Казачьи „бунты“.

Въ сословномъ отношеніи Донъ сохранялъ до революціи 1917 г. то раздѣленіе, которое установилось съ начала XIX-го вѣка. Донское дворянство, въ виду нѣкоторой внѣ-законности его происхожденія, сохранило, сравнительно съ дворянствомъ Имперіи, нѣкоторыя, впрочемъ незначительныя, различія въ своей сословной организаціи. Вплоть до революціи 1917 г. дон-

ское дворянство сохранило свой военно-служилый характеръ. Правительство прилагало всѣ усилія, чтобы закрѣпить за нимъ этотъ характеръ.

Въ 1884 г. еще разъ казачьи чины были «совершенно приравнены» къ чинамъ арміи и спеціальныхъ родовъ оружія. При этомъ чинъ подполковника уничтоженъ, а чину войскового старшины даны всѣ права подполковника. Учрежденъ новый чинъ подъесаула (равный штабсъ-ротмистру), а чину хорунжаго предоставлены всѣ права чина подпоручика.*) Такимъ образомъ, въ казачьихъ частяхъ установилась слѣдующая табель чиновъ: генералъ, полковникъ, войсковой старшина (подполковникъ), есаулъ (ротмистръ), подъесаулъ (штабсъ-ротмистръ), сотникъ (поручикъ) и хорунжій (подпоручикъ). Чинъ подхорунжаго (прапорщика) былъ возстановленъ лишь во время великой войны.

Чрезмѣрное заполненіе офицерскихъ мѣстъ въ Войскѣ офицерами не-войскового происхожденія вело къ тому, что заслуженные казачьи штабъ-офицеры и генералы оставались безъ движенія по службѣ, а отдѣльныя казачьи дивизіи и бригады попадали подъ команду лицъ, мало знакомыхъ съ бытомъ и особенностями казачьей службы. Поэтому, въ 1883 г. было повелѣно заносить первыми кандидатами на соотвѣтственныя мѣста казачьихъ генераловъ и полковниковъ.

Въ 1885 г. утверждены были новыя правила о казакахъ торговаго общества въ Донскомъ войскѣ. Состоять въ торговомъ обществѣ получили право всѣ казаки и урядники, дѣйствительно лично занимавшіеся торговлею. Комплектъ опредѣленъ былъ въ 2.000 чел. За время состоянія въ обществѣ казаки обязаны были платить въ войсковой капиталъ: не бывшіе на службѣ — ежегодно по 300 руб., а бывшіе на службѣ и перешедшіе 38 лѣтн. возраста — по 150 р. ежегодно.**) Въ 1893 г. отставнымъ казакамъ было разрѣшено оставаться въ торговомъ обществѣ, безъ ограниченія ихъ числа, съ платою по 50 руб. въ годъ.

Нужно сказать, однако, что суррогатъ купеческаго сословія на Дону, втеченіе всѣхъ 100 лѣтъ своего существованія, не имѣлъ ни подлинной организаціи, ни правъ настоящаго сословія. Войсковой наказный атаманъ всегда, въ сущности, могъ въ видѣ наказанія «посадить на коня», т. е. отправить на военную службу любого «торгового казака». Такое неопредѣленное положеніе въ правовомъ отношеніи отнюдь не могло содѣйствовать развитію торговли и промышленности среди казачества. Въ экономическомъ-же отношеніи сильнѣйшимъ конкурентомъ «торговаго казачества» было пришлое иногороднее купечество.

*) 3-е П. С. З., т. IV, N 2399.
**) 3-е П. С. З., т. V, N 3268.

Въ отношеніи рядового казачества были изданы слѣдующія узаконенія. Въ 1885 г. было разрѣшено освобождать отъ призыва въ военное время, на службу въ запасныя или строевыя части, тѣхъ изъ казаковъ, за выходомъ которыхъ на службу не осталось-бы въ семьѣ ни одного способнаго къ труду лица мужского пола. Но при призывѣ въ войсковое ополченіе и эти казаки не пользовались льготой. *) Въ 1884 г. Военный Совѣтъ установилъ списокъ должностей по государственной, войсковой и административной службѣ, освобождающихъ отъ призыва на службу въ военное время въ строевыя части. А въ 1888 г. войсковому наказному атаману предоставлено было освобождать и отъ призыва въ учебные сборы цѣлыя категоріи лицъ, служащихъ въ правительственныхъ, войсковыхъ и невойсковыхъ учрежденіяхъ и по общественному, земскому, дворянскому, станичному, поселковому, сельскому и сотенному управленіямъ.**)

Въ 1888 г. были установлены правила разверстки наряда на службу по станицамъ, согласно которымъ, въ случаѣ недостатка, можно было недостающее число пополнять казаками, имѣющими право на льготу по семейному и имущественному положенію.***)

Въ 1885 г. опредѣленъ былъ списокъ вещей, которыя долженъ былъ имѣть казакъ при явкѣ на службу, а въ 1884 г. было опредѣлено, что за промотаніе, порчу или покинутіе предметовъ обмундированія или снаряженія, пріобрѣтенныхъ за свой счетъ, казаки должны подвергаться дисциплинарнымъ взысканіямъ, ибо общій законъ не предусматривалъ такого случая. Поскольку послѣднее узаконеніе вводило измѣненія въ старинный распорядокъ, согласно которому казакъ оставался хозяиномъ принесеннаго имъ на службу имущества, постольку-же правила о разверсткѣ закрѣпляли еще болѣе казака въ военно-служебномъ отношеніи.

Правительство Александра III стремилось также предохранить казачество отъ измѣненій въ его внутреннемъ составѣ. 19 янв. 1883 г. было издано особое положеніе о порядкѣ зачисленія въ войсковое сословіе и выхода изъ него. Цѣль его была — затруднить доступъ въ казачество. По правиламъ этого положенія можно было зачислять въ казаки лишь лицъ, «кои намѣрены водвориться въ станицахъ и могутъ приносить пользу обществамъ». Была введена обязательная подача прошеній войсковому наказному атаману, съ приложеніемъ пріемнаго приговора станицы и ряда другихъ документовъ.

Въ 1884 г. военный министръ разослалъ циркуляръ по казачьимъ войскамъ объ «ограниченіи широко практикуемаго

*) 3-е П. С. З., т. V, N 2867.
**) 3-е П. С. З., т. VIII, N 5376.
***) 3-е П. С. З., т. VIII, N 5051.

зачисленія (въ войско) постороннихъ лицъ». Онъ призывалъ «обратить вниманіе на элементы, вливающіеся въ казачьи войска со стороны, которые могутъ расшатывать въ корнѣ историческія основы и вѣками сложившіеся принципы быта и службы казачьихъ войскъ». Мѣры, рекомендуемыя министромъ, были направлены какъ противъ пріема въ казаки крестьянъ и мѣщанъ, такъ и офицеровъ со стороны.

Уже въ царствованіе Александра II-го проявлялись признаки грознаго ухудшенія экономическаго положенія казачества. Уменьшеніе размѣра земельныхъ паевъ; увеличеніе расходовъ по снаряженію на службу; уничтоженіе земства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, остатковъ станичнаго самоуправленія; ухудшеніе финансоваго положенія Войска, какъ хозяйственной единицы, и отдѣльныхъ станицъ; закрѣпощеніе казачества государству; милитаризація управленія Войскомъ; введеніе круговой поруки и дисциплинарныхъ взысканій; гоненія на просвѣщеніе — все это способствовало разоренію казачества, его культурному одичанію, правовому обезличенію. Симптомами кризиса явились волненія казачества и острыя хозяйственныя бѣдствія.

Неурожай 1891 г. поразилъ и сѣверные округа Донской области. Но Войско не прибѣгло къ помощи государственнаго казначейства. Однако, въ 1892 г. возобновилась чума на рогатомъ скотѣ, вспыхнула холера, неурожай охватилъ всю область (сѣверные округа вторично). Войско затратило на борьбу съ этими бѣдствіями 1.612 тыс. рублей, изъ нихъ 500 тыс. было испрошено у казны въ ссуду.

Въ томъ же 1893 г. было разрѣшено выдать войску въ безвозвратное пособіе 100 тыс. руб., для распредѣленія котораго между нуждающимися былъ командированъ на Донъ начальникъ Главнаго Управленія казачьихъ войскъ. Выдачей временнаго пособія хотѣли успокоить казачество.

Въ 1880-хъ г. г. можно отмѣтить на Дону массовые протесты казачества противъ отдѣльныхъ распоряженій правительства, хотя и не имѣющіе характера сознательныхъ выступленій противъ существующаго порядка. По большей части, это результатъ нежеланія казаковъ подчиняться лѣсному закону, нарушавшему ихъ представленія о правѣ казаковъ безвозбранно пользоваться всѣми угодьями, или-же протесты противъ стѣсненій и неправильнаго примѣненія закона о борьбѣ съ чумою на скотъ.

Наиболѣе серьезными были безпорядки въ ст. Кривянской. Въ 1892 г. чума на скотъ снова появилась на Дону. Было примѣнено обязательное убиваніе подозрительныхъ животныхъ съ выдачею вознагражденія. Станичники ст. Кривянской (подъ Новочеркасскомъ) не допустили ветеринаровъ до осмотра дворовъ и убиванія подозрительнаго скота, и арестовали станичныя власти и тѣхъ, кто на сходѣ уговаривалъ подчиниться.

Станица не подчинилась увѣщаніямъ и. д. войскового наказнаго атамана, начальника штаба Войска, ген. А. Д. Мартынова.

Тогда и. д. войскового атамана, не надѣясь на донскія части, которыя не высказали никакого желанія «усмирять» кривянцевъ, вызвалъ изъ Харькова регулярныя войска. По прибытіи послѣднихъ, осмотръ дворовъ и убой скота были исполнены, но казаки станицы уклонились отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ, хотя и не оказали дальнѣйшаго сопротивленія.

Настроеніе казачества по станицамъ было таково, что для успокоенія его и разъясненія значенія противочумныхъ мѣръ былъ командированъ на Донъ начальникъ Главнаго Управленія казачьихъ войскъ, ген. Бунаковъ. 1-го января 1894 г. участники кривянскихъ безпорядковъ были высочайше помилованы.*)

Кривянскимъ безпорядкамъ предшествовали: «возстаніе толпою противъ правительства» въ Новочеркасскѣ, въ 1887 г.; сопротивленіе «жителей Казанской станицы распоряженіямъ властей объ обмежеваніи лѣсовъ (въ 1888 г.); чумный «бунтъ» въ ст. Покровской, въ 1889 г.; чумные безпорядки въ ст. Багаевской, дѣло о которыхъ было заслушано Харьковской судебной палатой въ Новочеркасскѣ, въ 1894 г. Наконецъ, изъ-за лѣса оказали сопротивленіе начальству казаки станицъ Слащевской и Букановской (Хоперскаго округа).

Въ средѣ рабочихъ на шахтахъ наслѣдниковъ И. Г. Иловайскаго (въ Дон. Обл.) также произошли безпорядки (въ 1892 г.). Проявились они въ 1892 г. и среди крестьянъ Донецкаго и Черкасскаго округовъ (по поводу чумныхъ мѣропріятій). Въ 1883 г. были волненія въ Донецкомъ, а въ 1885 г. въ Міусскомъ округѣ, также среди крестьянъ.

Уничтоженіе донского земства было большимъ ударомъ для мѣстнаго либерализма, который лишился главнѣйшаго изъ легальныхъ способовъ своею проявленія. Одною изъ главнѣйшихъ задачъ донского либерализма сдѣлалось отнынѣ возрожденіе донского земскаго самоуправленія. Городское самоуправленіе существовало лишь въ присоединенныхъ округахъ. Оставалась борьба за свои идеи въ печати. Но эпоха жестокой реакціи и свирѣпая мѣстная цензура препятствовали развитію печати на Дону.

Печати на Дону приходилось очень плохо. «Донской Голосъ» былъ вынужденъ прекратиться въ 1883 году. Съ 1881 по 1884 г. выходилъ «Донской Справочный Листокъ», при которомъ съ 7 іюля 1882 г. сталъ издаваться «Казачій Вѣстникъ» (два раза въ недѣлю, съ 1884 г. по три раза въ недѣлю). Въ 1886 г. изданіе его вынуждены были перенести въ Москву. Въ 1887 г. газета была возобновлена, но вскорѣ-же должна

*) Дѣло въ Харьк. Судеб. палатѣ о безпорядкахъ въ ст. Кривянской и на хуторѣ ст. Новочеркасской—Хутункѣ. «Рус. Вѣд.» 1893, NN 90, 115, 117, 182, 187—192, 220; «Моск. Вѣд.» 1893, отъ 2 апр., 9 и 11 іюля.

была прекратиться. «Донская Рѣчь» выходила въ Новочеркасскѣ съ 1887 по 1896 годъ, когда изданіе ея было перенесено въ Ростовъ. Здѣсь она просуществовала до 1905 г. включительно. Въ 1898 г. ее пріостановили на два мѣсяца, а затѣмъ снова на 8 мѣсяцевъ.

Что касается Ростова на Дону, то здѣсь съ 1876 года выходила «Донская Пчела», переименованная въ 1893 г. въ «Югъ». Съ 1889 по 1891 г. выходило «Донское Поле». Въ 1896 г. началъ выходить «Южный Телеграфъ» (до 1917 г.). Съ 1891 г. по 26 декабря 1919 года выходилъ непрерывно «Приазовскій Край». Въ 1900 г. ему была воспрещена розничная продажа.

Къ началу 1890-хъ г. г. относится оживленіе дѣятельности по изданію актовъ, относящихся до исторіи края. При «Дон. Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» издается цѣнное «Краткое описаніе станицъ Обл. В. Дон.» (съ 1890 г.). Съ того-же года начинается изданіе «Статистическихъ Обл. В. Дон. сборниковъ» (1890—1914 вышло 14 томовъ), содержанія историческаго. Въ 1891 г. издается составленное Сухоруковымъ «Статистическое описаніе Обл. В. Дон.». Въ 1890—1896 г. г. печатаются «Акты, относящіеся до исторіи Войска Дон.», собранные ген.-м. Лишинымъ. Въ 1903 г. переиздаются въ одномъ томѣ оба выпуска «Историческаго описанія Земли В. Дон.», составленнаго Сухоруковымъ.

Небезслѣдно, въ развитіи мѣстнаго автономизма, проходятъ издаваемые Археографической Коммиссіей «Донскія Дѣла», труды Дружинина по исторіи раскола на Дону, Харузина по исторіи донской общины, Карасева, Х. И. Попова и Н. И. Краснова по исторіи Дона. Но тяжкая цензура препятствуетъ донскому областничеству находить себѣ свободное выраженіе въ мѣстной печати.

Казачьи области, вообще, и въ частности Донъ нашли себѣ мѣсто и въ конституціонныхъ проектахъ временъ Александра III. Въ «политической программѣ общества «Земскій Союзъ» 1882 года, Россійское Государство разсматривалось и «какъ вполнѣ самостоятельный политическій организмъ и въ то-же время, какъ союзъ народовъ и племенъ». Сообразно съ этимъ, предполагалось Россію раздѣлить на области. Принципомъ дѣленія должна была быть не только «общность матеріяльныхъ интересовъ, но также и условія нравственнаго быта, исторически сложившіяся національныя особенности». Вообще, «самоуправляющаяся область должна значительно превосходить размѣры губерніи, за единственнымъ, быть можетъ, исключеніемъ земель казачьихъ войскъ, покуда общій ходъ прогресса не изгладитъ окончательно эту отживающую форму самоуправленія».

Проектъ носилъ федеративный характеръ, но былъ мало разработанъ. Гораздо точнѣе и яснѣе были идеи М. П. Драгоманова, который въ 1884 г. выпустилъ въ свѣтъ программу

«Вольнаго Союза».*) Драгомановъ дѣлилъ Россію на 18 областей, кромѣ областей казачьихъ и среднеазіатскихъ. «Земли Казачьи (Донская, Кубанская, Терская и Уральская), — писалъ онъ, — должны оставаться, какъ особыя области впредь до преобразованія казачьей военной службы и всего строя этихъ земель на началахъ всесословности, послѣ чего Земля Уральскихъ казаковъ примкнетъ, вѣроятно, къ области Саратовской, а первыя три составятъ съ губерніей Ставропольской одну область, съ сохраненіемъ мѣстныхъ отличій».

Такимъ образомъ, впервые въ проектѣ Драгоманова, мы находимъ идею объединенія Дона, Кубани и Терека и Сѣвернаго Кавказа, которую пытался въ 1917—1919 г. г. осуществить т. н. Юго-Восточный Союзъ.

И «Вольный Союзъ» и «Земскій Союзъ» хотѣли учрежденія въ Россіи, наряду съ государственной Думой — Думы Союзной. По обоимъ проектамъ, каждая область управлялась Областнымъ Собраніемъ. Такимъ образомъ, оба проекта федеративнаго переустройства Россіи принимали во вниманіе историческія особенности казачьихъ областей.

И при Александрѣ III революціонеры пытались воздѣйствовать на казачество (въ частности донское). Наиболѣе подробно и исчерпывающе выразили народовольцы свои взгляды на казачество въ «Объявленіи» отъ Исполнительнаго Комитета Народной Воли отъ 3-го сент. 1881 г. Написанное въ стилѣ грамотъ, оно гласило:

«Атаманы молодцы, доблестные защитники Народа Русскаго! Сотни лѣтъ уже прошли, какъ своими великими подвигами заслужили вы себѣ безсмертную славу, сотни лѣтъ уже гремитъ она по всему міру, и съ почетомъ вспоминаетъ казака весь Русскій Народъ.

«Велика и вправду заслуга казацкая. Съ незапамятныхъ временъ вы защищали вольность народную отъ всѣхъ враговъ. Вы полили своей кровью каждый аршинъ войсковыхъ земель, обороняя отечество отъ безчисленныхъ ордъ турецкихъ, татарскихъ, черкесскихъ и иныхъ. Ваши сабли и пики побывали и въ Стамбулѣ, и въ Хивѣ. Сотни тысячъ вашихъ храбрыхъ товарищей сложили головы на святомъ дѣлѣ защиты отечества. Но заслуга казацкая не въ одномъ бою съ басурманами. Еще выше та защита, которую ваши дѣды и прадѣды подавали народу противъ всѣхъ его внутреннихъ притѣснителей. Вольное казачество было колыбелью русской свободы. На казачьихъ земляхъ испоконъ вѣковъ всѣ были равны, всѣ были свободны, всѣ по братски пользовались и пашней, и степью, и рыбной ловлей. Вы подавали всему народу примѣръ, какъ слѣдуетъ жить вольному человѣку. И далеко расходилась молва о слав-

*) Драгомановъ «Вольный Союзъ. Опытъ украинской полит. соц. программы». Женева, 1884.

номъ житьѣ казацкомъ. Слышали о немъ обездоленные, угнѣтенные крестьяне и бѣжали къ вамъ отъ непосильныхъ податей, отъ притѣсненій начальства и помѣщиковъ. Ваши дѣды и прадѣды — всѣхъ принимали, никого не выдавали, они освобождали раба, дѣлали мужика вольнымъ казакомъ и славнымъ воителемъ. И опять расходилась повсюду молва о казачествѣ; радовался православный народъ, что есть у него защитники, и думалъ онъ о томъ, какъ-бы всѣмъ сдѣлаться вольными казаками, какъ бы хорошо тогда было жить на Руси. Но и здѣсь ваша заслуга не кончается. Ваши дѣды и прадѣды, слыша о всѣхъ притѣсненіяхъ, которыя дѣлаются русскому народу, отъ начальства и помѣщиковъ, не хотѣли оставить его безъ помощи. Много разъ славное войско казацкое подымалось на Москву, чтобы освободить народъ русскій и сдѣлать всѣхъ вольными казаками. Ваши прадѣды ходили воевать противъ царя Бориса за то, что онъ закрѣпостилъ крестьянство. Знаменитый атаманъ Степанъ Разинъ, со своими храбрыми донцами, также ходилъ на Москву, разбивая царскихъ воеводъ и обращая всѣхъ крестьянъ въ казачество. Донской-же казакъ, Емельянъ Пугачевъ, съ удалыми уральцами, еще разъ подымался выручать русскій народъ, и такъ тряхнулъ Москвою, что она потомъ сто лѣтъ помнила. И когда царское притѣсненіе забиралось къ самимъ казакамъ, то всегда находились у васъ отважные воители, Булавины и Некрасовы, которые умѣли доказать, что съ казаками шутить нельзя.

Въ этомъ самая великая заслуга казачества, что оно давало примѣръ вольности всей Россіи, и всегда за права свои и народныя стояло дружно, не щадя жизни. За то и прославилось войско, стали казаки героями для всего народа. Знаетъ русскій народъ, что пока живо казачество, — не пропадетъ и онъ.

«Атаманы! Нынѣ и мы къ вамъ обращаемся, призываемъ васъ на великое дѣло. Покажите, что еще живъ старый казацкій духъ, что умѣетъ еще подняться казачья сабля за правду, за народныя вольности. Вамъ извѣстно, какія нынче наступили времена. Сами знаете, что въ Россіи становится жизнь съ каждымъ годомъ все хуже. Крестьянство обнищало, вся земля расхищена помѣщиками и чиновниками, подати что ни годъ — увеличиваются, въ государствѣ повсюду безпорядокъ, полиція грабитъ народъ, а правительство ни о чемъ не заботится. Видя всеобщее бѣдствіе, мы, соціалисты, рѣшились вступиться за народъ и назначили для этого особый Исполнительный Комитетъ, который и обратился еще къ прежнему царю, Александру II, объясняя ему, что на Руси теперь стало хуже, чѣмъ при крѣпостномъ правѣ, и требуя, чтобы царь позаботился о народѣ. Исполнительный Комитетъ требовалъ: 1) чтобы вся земля была отдана крестьянамъ, 2) чтобы фабрики и заводы также отдать рабочимъ артелямъ, 3) чтобы царь созвалъ выборныхъ депутатовъ отъ всего народа, отъ крестьянъ,

рабочихъ, казаковъ и проч., — и безъ совѣта тѣхъ депутатовъ не назначалъ податей, не издавалъ законовъ, не велъ войны. Однако-же царь Александръ II не только не уважилъ нашихъ требованій, но объявилъ насъ за это по всему свѣту злодѣями, и сталъ вѣшать цѣлыми десятками. Народъ же стѣснилъ хуже прежняго, велѣлъ по всѣмъ церквямъ читать, что земли мужикамъ не будетъ, назначилъ еще больше всякихъ урядниковъ и полиціи, отъ которыхъ ужъ вовсе никому житья не стало. Тогда Исполнительный Комитетъ, убѣдившись, что царь думаетъ только о своей, а не о народной пользѣ, за всѣ его жестокости самого присудилъ къ смерти и казнилъ 1-го марта. Послѣ того, какъ вступилъ на престолъ Александръ III, Исполнительный Комитетъ обратился и къ нему съ письмомъ, прося вспомнить, что царь долженъ жить не для своего удовольствія, а для общественной пользы. Но Александръ III также не обратилъ на это вниманія, а напротивъ, разсердился и объявилъ, что будетъ царствовать по старому, земли мужикамъ не дастъ и съ выборными совѣтоваться не желаетъ.

«Да падетъ-же на его голову вся кровь, которая изъ-за этого должна пролиться въ Русской Землѣ. Исполнительный Комитетъ рѣшилъ, что послѣ этого разсуждать нечего, а нужно собрать всѣ силы, поднять возстаніе и низвергнуть правительство. На мѣсто его мы созовемъ Земскій Соборъ изъ выборныхъ отъ всего народа, и пусть самъ Земскій Соборъ установитъ новое правительство и новые порядки.

«Атаманы молодцы! На какую же сторону вы станете? Пойдете-ли за царя, или за Народную Волю? Испоконъ вѣковъ вы были народными защитниками. Неужели теперь изъ-за царскихъ милостей пойдете противъ народа?

«А кажется, царскія милости вамъ довольно хорошо извѣстны. Сами знаете, что права и вольности казацкія давно помаленьку сокращаются. Правда, теперь еще опасаются сразу перевести васъ на крестьянское положеніе, но дѣлаютъ это потихоньку, да помаленьку. Сегодня въ одномъ сократятъ, а завтра въ другомъ. Ужъ и теперь нѣтъ у васъ прежняго выборного начальства, ужъ и теперь природному казаку трудно выбиться даже въ полковники, а въ Войсковое Правленіе и подавно. На всѣ мѣста царь назначаетъ армейскихъ офицеровъ да чиновниковъ. Ваши войсковыя земли ужъ и теперь разобраны да порозданы, для того, чтобы не было въ казакахъ единодушія, чтобы поселить между вами зависть и раздоры. Ваша служба годъ отъ году становится тяжелѣй, для того, чтобы вамъ самимъ не мила стала казачья жизнь и чтобы вы безъ большого сопротивленія согласились сдѣлаться крестьянами. Вотъ куда клонитъ правительство! Ужъ и теперь помаленьку вводятся повинности, сперва земскія, а тамъ пойдутъ и казенныя. А ваши арсеналы да орудія отъ васъ отбираютъ, чтобы вы не имѣли возможности защищать свои права. Ой, атаманы,

берегитесь: скрутятъ васъ такъ, что и не замѣтите. Или не видите, какъ правительство старается искоренить казачество. Давно-ли съ Урала 3.000 лучшихъ казаковъ заслали за тридевять земель, на Аму-Дарью. Давно-ли черноморцевъ выселили за Кубань? А теперь собираются уже и славное войско Донское искоренить, да такъ, чтобы и духу не осталось. Знаете-ли вы, что царь уже велѣлъ донцевъ выселить подъ Карсъ, а кто останется — тѣ пойдутъ въ крестьянство. Неужели вы и это стерпите? Не поблагодарятъ же васъ ваши дѣти, если вы погубите свои извѣчныя вольности, не добромъ помянутъ отцовъ, какъ придется жить на крестьянскомъ положеніи, цѣлый вѣкъ отрабатывать повинности на казну да на господъ.

«Храбрые воины! Будетъ вамъ терпѣть-то! Не терпѣніемъ, не покорностью ваши дѣды добывали свою землю, свои вольности. Они добыли ихъ кровью своей, безъ крови ихъ не отдавали. Такъ и вамъ слѣдуетъ дѣлать. Встрепенитесь-же, орлы могучіе, вспомните, что при васъ еще ваши сабли да пики. Вспомните, что и правда за васъ, что не однихъ себя вы будете отстаивать, а весь народъ русскій.

«Благородное казачество! Ваша сила, ваши вольности — не въ царяхъ, а въ народѣ. Вольность противна царю. Цари васъ только потому не трогали, что боялись. Они знали, что стоитъ казачеству подняться, такъ за нимъ двинется весь народъ. А теперь думаютъ, что вы потеряли уже свою славу въ народѣ, что забылъ крестьянинъ свое братство съ казаками. Вотъ теперь и васъ начинаютъ подтягивать. И подтянутъ, и вовсе искоренятъ, если только не освободится весь русскій народъ. Если цари останутся такими-же тиранами, какъ и теперь, если весь русскій народъ будетъ въ рабствѣ, какъ теперь, то не устоять и вамъ передъ царскими войсками. Если-же народъ русскій освободится, будетъ жить на всей своей волѣ, то и вы останетесь вольными. Тогда по всей Россіи земля будетъ принадлежать народу; по всей Россіи народъ будетъ управляться своими выборными, безъ всякихъ чиновниковъ, безъ всякой полиціи; высшее правительство также будетъ состоять изъ депутатовъ отъ всей земли, а потому будетъ справедливо. Тогда, вы, казаки, останетесь при своей землѣ, людьми вольными, ваши депутаты тоже будутъ въ правительствѣ, и никто не осмѣлится посягать на ваши права. Передъ вами только два пути: либо вы вмѣстѣ со всѣмъ народомъ освободитесь отъ царскаго ига, либо вмѣстѣ со всѣмъ народомъ попадете въ вѣчное рабство.

«Вспомните-жь, атаманы, свою старую славу. Вы не царскіе слуги, а народные витязи. Идите-же вмѣстѣ съ нами выручать Русскую Землю изъ неволи, какъ выручали ваши предки. Покажите, что не выродки вы изъ своего славнаго племени, а такіе же доблестные воины, съ тѣмъ же духомъ,

съ тою-же силой, и тогда будетъ вамъ наградою земля и воля, и вѣчная слава въ потомствѣ».

Это «Объявленіе» Исполнительнаго Комитета Народной Воли было адресовано «славному казачеству войска донского, уральскаго, оренбургскаго, кубанскаго, терскаго, астраханскаго и сибирскаго». У насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, что бы это «объявленіе» получило какое либо распространеніе на Дону или, вообще, въ казачьихъ войскахъ. Видное участіе въ составленіи этого воззванія принялъ, несомнѣнно, Левъ Тихомировъ, въ то время виднѣйшій членъ Исполнительнаго Комитета. Онъ былъ родомъ съ сѣвера Кубанской области и довольно хорошо зналъ донскія дѣла.

Что касается внутренняго содержанія воззванія, то нельзя не отмѣтить, что и въ немъ земство изображалось казакамъ, какъ попытка къ превращенію казака въ крестьянина. Народовольцы сходились въ этомъ отношеніи съ войсковымъ начальствомъ. Авторы воззванія, усиленно настаивая, что «вся земля» должна принадлежать крестьянамъ, вынуждены были однако оговориться, что казаки останутся «при с в о е й землѣ». Въ воззваніи находимъ мы обычную народническую идеализацію Разина, Пугачева, Булавина и Некрасова. Трудно сказать, какіе результаты получились бы, если бы народовольцамъ удалось распространить на Дону свое воззваніе.

Впрочемъ, въ томъ-же 1881 г. проявилось уже среди народовольцевъ разочарованіе въ революціонности казачества. Авторъ статьи «Политическая революція и экономическій вопросъ», подписавшійся А. Дорошенко (№ 5, «Нар. Воли»), ссылался на то, что «во время пугачевщины роль толчка, вызвавшаго скрытую силу возстанія, играли съ одной стороны раскольничьи общины, подготовлявшія и организовавшія движеніе, а съ другой — часть казачества, подавшая примѣръ вооруженнаго возстанія. Но въ настоящее время (февр. 1881 г.) ни раскольники, утратившіе большую часть прежней боевой энергіи, ни казачество, представляющее привилегированное сословіе сравнительно съ крестьянствомъ, неспособны, повидимому, дать лозунгъ народному возстанію». Надежды автора переходили даже отъ крестьянства къ городскимъ рабочимъ. Но онъ все-же признавалъ, что «для успѣха необходимо, чтобы въ моментъ возстанія хоть нѣкоторая часть войска и казачества перешла на сторону народа...» Какъ показали это впослѣдствіи событія въ Петербургѣ (февр. 1917 г.), это соображеніе имѣло свои основанія.

Нѣсколько позже, уже въ 1884 г. Л. Тихомировъ, въ руководящемъ заграничномъ органѣ партіи «Народной Воли», сдѣлалъ обзоръ вопроса о донскомъ земствѣ и его организаціи и, не безъ сочувствія, отмѣтилъ, что казачество желало самоуправленія болѣе широкаго, нежели земство по положенію 1864 г. Безъ сочувствія отнесся Тихомировъ къ смѣшенію въ

одномъ учрежденіи казачества, искони привыкшаго къ самоуправленію, съ крестьянствомъ, только что освобожденнымъ отъ рабства.

Л. Тихомировъ отозвался на казачье движеніе по поводу земства цѣлой статьей въ «Вѣстникѣ Народной Воли».*) Онъ отмѣчалъ, что одни органы легальной прессы обвиняли казаковъ въ желаніи «уничтожить либеральное учрежденіе — земство», другіе, «становясь на точку зрѣнія интересовъ крестьянства, дѣйствительно обездоленнаго на Дону», обвиняли казачество «въ своекорыстіи и эксплуататорскихъ стремленіяхъ». Тихомировъ съ сочувствіемъ цитировалъ слова донского офицера, «человѣка вполнѣ зауряднаго, ничѣмъ не выдающагося изъ массы своихъ земляковъ». «— Я думаю, — сказалъ офицеръ, — что не Россіи учить насъ самоуправленію. Мы 200 лѣтъ управляемъ своей областью. Не изъ Россіи къ намъ слѣдуетъ переносить земство, а наоборотъ, самое земство перестроить по типу нашего самоуправленія». Тихомировъ полагалъ, что «казачье самоуправленіе дѣйствительно и до сихъ поръ» (1884 г.) оставалось «гораздо болѣе широкимъ и демократическимъ», чѣмъ земство, «эта народія на самоуправленіе». На Дону земство есть «попытка подвести казачество подъ общій уровень безправія, разрыхлить твердую историческую организацію, подмѣшавши къ ней огромное количество элементовъ, не привыкшихъ даже къ мысли о какихъ бы то ни было правахъ . . .»

Тихомировъ находилъ естественнымъ, что «казачество всячески старается сохранить свою обособленность, въ которой видитъ для себя, при современныхъ русскихъ порядкахъ, единственную гарантію свободы . . .» Цитируя полностью «мнѣніе» казачьихъ представителей въ коммиссіи 106-ти, Тихомировъ отмѣчалъ въ немъ уже ясно обозначившійся антагонизмъ между донскимъ дворянствомъ и рядовымъ казачествомъ. Онъ полагалъ, что, въ борьбѣ за самоуправленіе, казачество быстро дойдетъ до дилеммы: «либо оказаться безсильными и безпрекословно покориться судьбѣ, либо соединиться со всѣми протестующими элементами Россіи и, совмѣстно съ ними, начать дѣло общерусской реформы». Самымъ существеннымъ препятствіемъ для этого казалась Тихомирову «эгоистическая оторванность казачества отъ крестьянства». Но онъ отмѣчалъ, что «казакъ борется, протестуетъ . . . и въ этомъ протестѣ онъ волей неволей долженъ будетъ подать руку крестьянину».

Въ эпоху упадка народовольчества появилось въ средѣ народовольцевъ разочарованіе въ казачествѣ. Авторъ брошюры «Борьба общественныхъ силъ въ Россіи»,**) вышедшей въ 1886 г., въ Россіи, отрицалъ значеніе казачества и въ про-

*) «В. Н. В.», 1884, N 3, г. 2, «Внутр. обозрѣніе», 106—119.

**) Н. С. «Борьба общ. силъ въ Россіи», 1886 (Тульская) Типографія «Нар. Воли». Авторомъ ея былъ писатель Танъ (Богоразъ).

шломъ, и въ настоящемъ. «Народная масса, — писалъ онъ, — выдѣляла изъ себя буйное и удалое казачество, которое вело борьбу со всѣми основами существующаго строя; но казачество не въ силахъ было «тряхнуть Москвою», какъ хотѣлось Стенькѣ Разину, оно могло только основать нѣсколько вольныхъ поселеній, до поры — до времени свободныхъ отъ ига центральныхъ властей . . .» «Возстаніе Стеньки Разина было направлено противъ гнетущаго строя, противъ мучительскихъ правящихъ классовъ, но никакъ не противъ царя. Если самъ Разинъ и, пожалуй, буйные молодцы изъ казацкой голытьбы, выражали желаніе тряхнуть всею Москвою, не исключая и самого «сидящаго на Верху», какъ говаривалъ Стенька, то у народа не было такихъ святотатственныхъ стремленій, и для этого народа Стенька долженъ былъ создавать самозваннаго патріарха Никона и царевича Алексѣя . . .»

До Алексѣя Михайловича «недовольные могли только бѣжать на окраину, становиться воровскими казаками и вести борьбу съ существующимъ строемъ, подобно тому, какъ велъ ее Разинъ; но для этого нужно было сткинуть всякія идеи въ сторону, порвать со всѣми принципами благонравной жизни, отдать свою душу дьяволу, на что могли рѣшиться только люди буйные или насильственно вытолкнутые изъ колеи. Въ казаки уходилъ отбросъ народа, а не народъ! . . .» По мнѣнію Тана, только «расколъ далъ народному неудовольствію точку опоры . . .»*)

Таковы были пессимистическіе выводы народовольца эпохи упадка относительно казачества и его исторической роли, — выводы, далеко уводившіе его отъ тѣхъ надеждъ, которыя возлагали на вольное казачество народовольцы въ 1881 г.**)

Сами народовольцы имѣли сравнительно небольшой успѣхъ на Дону. Вообще, процентъ участія казаковъ въ революціонномъ движеніи былъ весьма невеликъ. По подсчету за 1875—1880 г. г., изъ 2238 чел., привлеченныхъ по политическимъ дѣламъ, всего 18 чел. или 0,80% были казаки. Изъ числа лицъ, арестованныхъ въ 80-хъ годахъ XIX вѣка на Дону или донскихъ уроженцевъ, можно упомянуть слѣдующихъ: въ 1882 году въ ст. Урюпинской былъ арестованъ второй гильдіи купецъ, владѣлецъ мельницы Александръ Филипповичъ Найбертъ. Донскимъ уроженцемъ былъ довольно видный провинціальный народоволецъ Яковлевъ («Стратонычъ»), членъ харьковской организаціи 1883 года. Впослѣдствіи онъ выставленъ былъ кандидатомъ отъ к.-д. въ первую Государственную Думу и, во время предвыборной агитаціи, убитъ крайними правыми.

Къ офицерскимъ кружкамъ партіи «Народной Воли» при-

*) Цит. брошюра, с. 35, 40, 42.

**) Эти выводы скорѣе родняли Богораза съ реакціонными заключеніями Кулиша (П. А.) Ср. его ст. «Казаки по отношенію къ государству и обществу». «Р. Арх.», 1877, мартъ, іюнь.

надлежали: къ артиллерійскому академическому кружку — есаулъ Андр. М. Николаевъ, а къ кружку подполковника Ашенбреннера — хорунжій 7-го Донского полка Матвѣй Ѳоминъ.

Въ тѣсной связи съ ростовско-луганской группой народовольцевъ находились и были осуждены на многолѣтнія каторжныя работы донцы: Ефремъ Петровскій, А. И. Александринъ и сотникъ Виталій Черновъ. Осуждены они были въ 1886 г. по дѣлу объ изготовленіи бомбъ.

Донское и кубанское землячества въ Петроградѣ были весьма прикосновенны къ дѣлу о подготовленіи покушенія на жизнь Александра III-го, которое должно было состояться 1 марта 1887 года. Студентъ юридическаго факультета Петербургскаго университета, казакъ станицы Потемкинской, Василій Денисовичъ Генераловъ, 20 лѣтъ, былъ арестованъ на Невскомъ съ бомбой въ рукахъ, равно какъ и студентъ кубанецъ Пахомій Андрюшкинъ. Оба они были казнены въ Шлиссельбургской крѣпости. По тому же дѣлу долженъ былъ быть арестованъ, но успѣлъ бѣжать заграницу, студ. ест. фак. казакъ Орестъ Говорухинъ (станицы Усть-Хоперской).

Въ маѣ 1890 г. въ ст. Гниловской арестованъ былъ учитель Гр. Н. Шапошниковъ, впослѣдствіи членъ Гос. Думы (отъ Курск. губ.). Въ 1892 г. въ ст. Новониколаевской арестованы были Ал. Гавр. Нордековъ и Вит. П. Земляницынъ, по дѣлу о распространеніи изданій группы народовольцевъ.

Несмотря на надежды однихъ и опасенія другихъ, казачья масса, несмотря на «чумные» бунты и ухудшеніе экономическаго положенія, не приняла участія въ революціонномъ движеніи. Весьма символическимъ было то обстоятельство, что именно донской конвой сопровождалъ Александра III въ роковой день 1 марта 1881 г., когда онъ покинулъ Зимній Дворецъ и, уже въ качествѣ императора, ѣхалъ въ Аничковъ Дворецъ. Но преданность казачества царю, какъ символу національнаго единства, была использована для охраны устарѣлаго государственнаго порядка и династіи, и казачество явилось безсознательной опорой реакціи 1880—1890-хъ годовъ.

Присоединеніе къ Донской области Ростовскаго н. Д. уѣзда и Таганрогскаго градоначальства оправдывалось необходимостью уничтожить территоріальную и административную черезполосицу. Но, какъ и большинство мѣропріятій царствованія Александра III-го, оно имѣло цѣлью охрану государственнаго строя. Отданные въ управленіе Донскому атаману, лишенные земскаго самоуправленія, новые округа Донской Области (Ростовскій и Таганрогскій) должны были излечиться отъ революціонныхъ настроеній. Въ частности г. Ростовъ на Дону, населеніе котораго съ 1862-го года возросло къ 1897-му году съ 30.000 чел. до 120.000 чел. жителей, уже въ 1870-хъ г. г. былъ крупнымъ революціоннымъ центромъ.

Въ 1876—1879 г.г. здѣсь была большая организація «Земли

и Воли», въ 1879—1887 г. г. здѣсь работали не безъ успѣха народовольцы. Уже въ 1884 г. появились здѣсь первыя организаціи соціалъ-демократическаго характера. 2-го апрѣля 1879 года произошелъ большой бунтъ, съ избіеніемъ полиціи. Въ 1881 и 1883 г. г. здѣсь были еврейскіе погромы. 8-го августа 1888 года разразился въ Ростовѣ турецкій погромъ, вызванный конкурренціей дешеваго турецкаго труда съ русскимъ.

Такимъ образомъ, присоединеніе къ области не обезпечило Ростовъ отъ стихійнаго взрыва толпы. Рабочее движеніе продолжалось, и въ 1893 году выразилось крупными безпорядками среди рабочихъ мастерскихъ Владикавказской желѣзной дороги. Описаніе общественнаго движенія въ Ростовѣ заслуживаетъ отдѣльнаго очерка.

Любопытно отмѣтить, что въ концѣ XIX вѣка Ростовъ и Войско Донское помѣнялись ролями. Въ XVIII вѣкѣ коменданты Ростовской крѣпости обязаны были слѣдить за политическимъ направленіемъ донского казачества, чтобы во время нанести сильный ударъ, если бы донцы проявили вольнодумные замыслы. Теперь изъ Новочеркасска высылались въ Ростовъ отряды казаковъ для подавленія безпорядковъ. Такъ двинуты были туда казаки изъ Новочеркасска въ 1879 г. для подавленія «полицейскаго» погрома, и въ 1887 г. для подавленія «турецкаго».

9-го мая 1881 г. одесскій генералъ-губернаторъ Дондуковъ-Корсаковъ доносилъ, что «въ Ростовъ, въ ожиданіи безпорядковъ, высланы изъ Новочеркасска, по сношенію съ атаманомъ, 2 сотни казаковъ».

10-го мая 1883 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Д. А. Толстой доложилъ Александру III о погромѣ въ Ростовѣ, причемъ было разбито много домовъ и лавокъ. «Началось съ того, что евреи въ кабакѣ убили русскаго». Александръ III помѣтилъ: «Весьма печально, но этому конца я не предвижу, слишкомъ эти жиды опротивѣли русскимъ и пока они будутъ эксплоатировать христіанъ, эта ненависть не уменьшится». Находившіяся въ Ростовѣ шесть ротъ не могли справиться и изъ Новочеркасска были затребованы три сотни казаковъ. «Буйствовавшіе дозволили себѣ вооруженное нападеніе на войска». Девять нижнихъ чиновъ оказались легко ранены, участниковъ безпорядка арестовано было 90 человѣкъ.

Александръ III сперва полагалъ, что «гораздо было бы полезнѣе и проще главныхъ зачинщиковъ хорошенько посѣчь, а не предавать суду», но потомъ согласился, чтобы высѣкли лишь тѣхъ, которые не виновны въ нападеніи на войска и другихъ тяжкихъ уголовныхъ преступленіяхъ, остальныхъ-же судить». «Это печально, — добавилъ Александръ III, — что толпа бросалась на войско...»*)

*) «Евр. Лѣтопись», сб. I, Пгр., 1923, с. 157.

Глава XLI.

Жалованная грамота Николая II. Комиссіи по вопросу о земствѣ на Дону. Курропаткинъ и казачество. Совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Исключительное положеніе на Дону (1894—1907). Ростовское градоначальство.

Въ исторіи Донского края царствованіе имп. Николая II (1894—1917) было той эпохой, когда отчетливо были намѣчены жизнью и обществомъ тѣ задачи, которыя надлежало разрѣшить всероссійской государственной власти въ интересахъ края и его населенія. Задачи эти были двоякаго рода: политико-административныя и соціально-экономическія.

Правовыя задачи заключались въ созданіи общенароднаго всероссійскаго представительства, въ которомъ законное мѣсто заняли-бы мѣстные, краевые представители. Эта потребность, наравнѣ съ установленіемъ гражданскихъ свободъ, была общею у населенія Донскаго края со всею Россіей. Принимая во вниманіе исторію края, его государственное прошлое, его автономное, втеченіе долгаго времени, существованіе въ предѣлахъ Имперіи, понятно, что наиболѣе удовлетворительной формой государственнаго переустройства Россіи была бы для Дона та, при которой областныя, историческія начала были-бы приняты во вниманіе .

Донъ былъ такой областью Государства Россійскаго, которая имѣла свои бытовыя и историческія особенности, съ которыми необходимо было считаться всякому политическому реформатору. Дону срочно необходимо было возрожденіе мѣстнаго самоуправленія. Вслѣдъ затѣмъ намѣчалась задача созданія краевой автономіи, которая можетъ быть крѣпкой лишь наряду съ автономіями другихъ областей Россіи. Въ числѣ правовыхъ задачъ намѣтилось также объединеніе Дона, Кубани, Терека и Сѣвернаго Кавказа въ единое политическое тѣло, «Юго-Восточный Штатъ», входящій въ составъ общероссійской федераціи. Созданіе подобнаго штата, или хотябы областного автономнаго объединенія, оправдывалось и историческими, и бытовыми, и политическими соображеніями.

Правовая задача, касавшаяся населенія края, заключалась въ раскрѣпощеніи казачества отъ устарѣлой формы службы государству, въ обеспеченіи ему права наравнѣ съ прочимъ населеніемъ Имперіи свободно передвигаться и развивать промышленную дѣятельность. Не менѣе важной задачей было созданіе наиболѣе справедливой формы совмѣстнаго сожительства и сотрудничества главнѣйшихъ группъ населенія (донского казачества, донского крестьянства, донскихъ рабочихъ и т. наз. «иногороднихъ», не говоря уже о населеніи присоединенныхъ къ области гражданскихъ округовъ Приазовья).

Въ связи съ кореннымъ переустройствомъ Юго-Востока Европейской Россіи могъ стать на очередь вопросъ объ исправленіи границъ края (напр., въ сторону Волги — Астрахани и Царицына) и т. п.

Экономическія задачи заключались въ разрѣшеніи аграрнаго вопроса на Дону въ отношеніи: 1) Войска Донскаго, какъ историческаго владѣльца всей Земли Войска Донского, и какъ земельной общины; 2) донского казачества; 3) донского коренного крестьянства; 4) иногородныхъ. Помимо того, предъ Юго-Востокомъ стояли проблемы промышленнаго развитія (уголь на Дону, нефть на Терекѣ), интенсификаціи сельскаго хозяйства, желѣзнодорожнаго строительства, рѣчного и морского транспорта, каналовъ: Волго-Донскаго, Азовско-Каспійскаго, глубокихъ портовъ и т. д.*)

Всѣ почти проблемы государственно-правового, административнаго и соціально-экономическаго характера были тѣсно и неразрывно связаны съ политическимъ и экономическимъ раскрѣпощеніемъ всей Россіи. Вмѣстѣ со всей Россіей Донъ пережилъ потрясенія 1905 года, неудачу политическаго раскрѣпощенія страны, и остался (къ 1917 году) въ прежнемъ тяжеломъ положеніи, съ прежними неразрѣшенными задачами.

Границы Области Войска Донскаго остались неизмѣнными втеченіе царствованія имп. Николая II. Что касается подтвержденія историческихъ правъ Войска, то оно состоялось и при Николаѣ II, который, подобно предшественникамъ, далъ торжественное удостовѣреніе правъ Войска въ формѣ высочайшей грамоты. Но сдѣлалъ онъ это не послѣ вступленія на престолъ, а лишь на двѣнадцатомъ году царствованія, и, именно, 24 янв. 1906 г. Такъ какъ это была послѣдняя высочайшая грамота до революціи, то мы приведемъ ее почти полностью. Адресована она была коротко: «Нашему вѣрнолюбезному и доблестному Войску Донскому». Николай II не пожелалъ сохранить старинный заголовокъ, напоминавшій о былой республиканской организаціи колоніи, и трактовалъ Войско Донское, какъ служилое казачье войско.

«Съ первыхъ-же временъ своего существованія, — гласила грамота, — свыше 300 лѣтъ назадъ, славное войско донское начало вѣрное свое служеніе Царямъ и Отечеству. Неустанно преслѣдуя свѣтлую цѣль развитія зарождавшагося тогда грознаго могущества Государства Россійскаго, оно съ тѣхъ поръ неизмѣнно беззавѣтною самоотверженностью своей и безпредѣльною преданностью всѣхъ своихъ сыновъ Престолу и Россіи, ставъ оплотомъ на рубежахъ государства, богатырской грудью охраняло и содѣйствовало расширенію его предѣловъ».

«Въ годины тяжелыхъ испытаній, неисповѣдимыми судь-

*) Ср. С. Н. Сиринъ «Юго-Востокъ Россіи. Къ проблемѣ его экономическаго возстановленія» Берлинъ, 1922.

бами Промысла Всевышняго, Царству Русскому ниспосланныхъ, всѣ донскіе казаки всегда съ одинаковой любовью и храбростью, становясь въ ряды защитниковъ чести и достоинства Россійской Державы, стяжали себѣ, постоянно присущимъ имъ духомъ воинской доблести и многочисленными подвигами, безсмертную славу и благодарность Отечества.

«И въ нынѣ минувшую войну съ Японіей, а особливо въ наступившіе тяжкіе дни смуты, донскіе казаки, свято исполняя завѣты своихъ предковъ — вѣрою и правдою служить Царю и Россіи, — явили примѣръ всѣмъ вѣрнымъ сынамъ отечества.

«За столь самоотверженную, неутомимую и вѣрную службу объявляемъ близкому сердцу Нашему, доблестному войску донскому особое монаршее Наше благоволеніе и подтверждаемъ всѣ права и преимущества, дарованныя ему въ Бозѣ почивающими высокими предками Нашими, утверждая императорскимъ словомъ Нашимъ какъ ненарушимость настоящаго образа его служенія, стяжавшаго войску донскому историческую славу, такъ и неприкосновенность всѣхъ его угодій и владѣній, пріобрѣтенныхъ трудами, заслугами и кровью предковъ и утвержденныхъ за войскомъ высочайшими грамотами.

«Мы твердо увѣрены, — заключалъ Николай II, — что любезные и вѣрные Намъ сыны Дона, слѣдуя и впредь славному преданію отцовъ, всегда сохранятъ за собою высокое званіе преданныхъ слугъ и охранителей Престола и Отечества...»*)

Высоко характерна въ этой грамотѣ философія исторіи: на первый планъ выдвинута служебная роль казачества въ дѣлѣ развитія «грознаго могущества» метрополіи. Не менѣе характерны похвалы Николая II за вѣрную службу Дона, «особливо, въ тяжкіе дни смуты» (т. е. революціи), и дарованное казакамъ «званіе преданныхъ слугъ и охранителей Престола и Отечества», вмѣсто обычнаго званія защитниковъ родины.

Высочайшая грамота дана была послѣ долгихъ настояній и неоффиціальныхъ ходатайствъ. Имп. Николай II далъ ее какъ бы въ награду казачеству, за участіе его въ подавленіи революціоннаго движенія 1905—1906 г.г. Подъ рукою, негласно, онъ обѣщалъ Дону даже созывъ Войскового Круга. Нужно-ли говорить, что торжественныя обѣщанія Николая II не были имъ исполнены, какъ не исполнилъ онъ своихъ обѣщаній сохранять конституцію Финляндіи, какъ не исполняли своихъ завѣреній по отношенію къ Дону и его предшественники.

Общая политика Николая II по отношенію къ Дону заключалась въ охраненіи того безправнаго положенія, въ которое поставлена была вся колонія вѣковою политикой метрополіи, и въ которомъ находилось казачество послѣ «реформъ» Александра III. Казачество усиленно охранялось отъ всего, что

*) «Право». 1906 г., с. 596—597.

могло измѣнить къ лучшему его экономическое и, тѣмъ болѣе, правовое положеніе. Отъ автономіи края не осталось ни малѣйшаго слѣда, и даже чисто внѣшняя судьба войсковыхъ грамотъ и «клейнодовъ» высоко характерна для уразумѣнія, каково было ихъ внутреннее значеніе въ царствованіе Николая II-го. Во время путешествія своего по Дону военный министръ Куропаткинъ нашелъ, что храненіе войсковыхъ регалій «небезопасно въ пожарномъ отношеніи». Поэтому, 6-го сент. 1901 г. регаліи и клейноды были перенесены на постоянное храненіе въ Донской Музей. Отъ современниковъ совершенно ускользнуло символическое значеніе этого перенесенія регалій въ музей. Историкъ донского права долженъ отмѣтить, что этотъ актъ имѣлъ свое внутреннее значеніе: грамоты утратили свой смыслъ, а клейноды стали, въ дѣйствительности, музейной древностью.

Въ области центральнаго управленія казачьими войсками произошло въ 1897 г. слѣдующее важное измѣненіе. Къ этому времени Главное Управленіе казачьихъ войскъ, вѣдая втеченіе 40 лѣтъ своего существованія казачьи дѣла, притомъ по всѣмъ отраслямъ управленія, рѣшило, что участіе депутатовъ отъ войскъ въ разсмотрѣніи законодательныхъ и хозяйственныхъ вопросовъ, въ Главномъ Управленіи, — излишне. Причиной этого было выставлено то, что содержаніе этихъ депутатовъ вызывало значительный расходъ, тогда какъ отдѣльный депутатъ не могъ хорошо знать свое войско во всѣхъ отношеніяхъ, и иногда съ мѣстъ вызывались свѣдущія лица по отдѣльнымъ вопросамъ. Присутствіе свѣдущихъ людей, вообще, и представителей войсковыхъ интересовъ при центральномъ управленіи казалось уже Главному Управленію, въ 1897 г., анахронизмомъ, ибо даже Уссурійское войско могло дать нужное заключеніе, по запросу, черезъ 14 дней.

Поэтому, Главное Управленіе провело закрытіе т. наз. Казачьяго Комитета, что и состоялось 20 дек. 1897 г.*) Права окончательно рѣшать нѣкоторыя дѣла, принадлежавшія упраздненному Комитету, были распредѣлены между областными правленіями, начальникомъ Главнаго Управленія казачьихъ войскъ и Военнымъ Совѣтомъ.

Съ точки зрѣнія темы всей нашей работы, нельзя не отмѣтить, что «депутаты» отъ войскъ, входившіе въ составъ Комитета, хотя они и назначались туда атаманами, а не избирались войскомъ, имѣли извѣстное значеніе, какъ представители Войска при Главномъ Управленіи и постоянные защитники его интересовъ. Принимая во вниманіе, что Донъ и Уралъ до своего присоединенія къ Россіи были республиками, сохранившими и послѣ присоединенія черты государственной, а затѣмъ

*) 3-е П. С. З., т. XVII, N 14796.

областной автономіи, можно признать, что для этихъ войскъ «депутаты» въ Казачьемъ Комитетѣ имѣли большее значеніе — принципіально — нежели для другихъ войскъ. При отсутствіи народнаго представительства, не считая, конечно, Главнаго Управленія казачьихъ войскъ суррогатомъ статсъ-секретаріата по казачьимъ дѣламъ, все-же можно сказать, что и члены Комитета, «депутаты» отъ войскъ, могли быть и бывали защитниками привилегій и интересовъ казачества. Съ уничтоженіемъ Комитета военная бюрократія стала полной вершительницей судебъ казачества, даже и безъ того суррогата представительства, который существовалъ втеченіе 32 лѣтъ (1865—1897).

Нечего и говорить, что штатъ Главнаго Управленія былъ пополненъ новыми чиновниками, подъ предлогомъ усложненія и увеличенія работы Управленія, и притомъ тѣмъ-же закономъ 20 дек. 1897 г., которымъ упразднены были казачьи «депутаты».

Несмотря на распухшій штатъ Главнаго Управленія, дѣлопроизводство его достигло такихъ размѣровъ, что, уже 2 іюня 1898 г., пришлось испросить высочайшее повелѣніе на принятіе мѣръ къ децентрализаціи дѣлъ въ Главномъ Управленіи. Послѣ разныхъ проволочекъ произошла эта «децентрализація», выразившаяся въ передачѣ на окончательное разрѣшеніе мѣстнаго казачьяго начальства ряда менѣе важныхъ (незначительныхъ, въ общемъ) дѣлъ.*) А, именно, были переданы дѣла — по образованію новыхъ поселковъ и переселенію казаковъ въ предѣлахъ войсковой территоріи; по освобожденію казаковъ отъ учебныхъ сборовъ по случаю общественныхъ бѣдствій; по продажѣ ветхихъ зданій (по оцѣнкѣ до 1.000 руб.) и т. п. Нужно-ли говорить о ничтожномъ значеніи этой «децентрализаціи». Даже, задыхаясь отъ излишней централизаціи, петербургское чиновничество передало мѣстному чиновничеству уже лишь самыя незначительныя дѣла.

Въ 1893 г. само Главное Управленіе казачьихъ войскъ, по иниціативѣ котораго была задержана «временно» кодификація законовъ и постановленій о казакахъ, сообразило, что такое положеніе — нетерпимо. Законы и постановленія были разбросаны во многихъ томахъ Свода Законовъ и Свода военныхъ постановленій, и въ 4 книгахъ Сборника правительственныхъ распоряженій по казачьимъ войскамъ. Наиболѣе правильной мѣрой было-бы изданіе III части Св. Воен. Пост. 1869 г. (войска казачьи и иррегулярныя). Вмѣсто этого, удосужились лишь издать указатели къ Сборникамъ правительственныхъ распоряженій по каз. войск. (по 1895 г. включ.).

Новое царствованіе не сразу принесло Дону смѣну атамана. Только въ 1898 г. кн. Н. И. Святополкъ-Мирскій былъ назна-

*) Выс. утв. 28 мая 1901 г. положеніе Военн. Совѣта. Собр. узакон. и распор. правит., 1901 г., N 97, ст. 2053.

ченъ членомъ Государственнаго Совѣта и замѣненъ, на посту атамана, ген. К. К. Максимовичемъ, пробывшимъ на Дону около 8 лѣтъ .

Въ началѣ царствованія выяснилось, что войсковой наказный атаманъ, хотя и пользовался правами генералъ-губернатора, однако не представлялъ всеподданнѣйшихъ ежегодныхъ отчетовъ по управленію краемъ. Поэтому, съ 16 марта 1896 г. на войскового наказнаго атамана возложена была обязанность представлять всеподданнѣйшіе личные отчеты о томъ, что онъ самъ видѣлъ и въ чемъ лично убѣдился (примѣнительно къ отчетамъ командующихъ войсками округовъ).

Вопросъ о возстановленіи на Дону земскаго самоуправленія тянулся, при Николаѣ II, безнадежно вплоть до 3-ей Думы. Работавшая въ Новочеркасскѣ съ 1882 по 1893 годъ коммиссія ген. Кульгачева была закрыта. Вмѣсто особаго положенія о донскомъ земствѣ возникло предположеніе о примѣненіи къ Дону земскаго положенія 1890 г., о чемъ былъ поставленъ въ извѣстность войсковой наказный атаманъ.

Въ связи съ этимъ, въ 1896 г., для разработки проекта примѣненія положенія о земскихъ учрежденіяхъ къ Донской Области, была учреждена въ Новочеркасскѣ особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ помощника войскового наказнаго атамана по гражданской части, ген. Кутейникова. Членами коммиссіи были представители: а) отъ войска и отъ учрежденій, завѣдывающихъ земскимъ дѣломъ въ области, б) отъ областного приказа общественнаго призрѣнія, в) отъ сословій дворянскаго, казачьяго и крестьянскаго и г) отъ плательщиковъ земскихъ налоговъ.

Проектъ, выработанный коммиссіей Кутейникова, былъ копіей положенія 12 іюня 1890 г. Разница была въ томъ, что, вмѣсто несуществовавшихъ въ Новочеркасскѣ городского головы и члена отъ городской думы, въ составѣ областного по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія предполагалось ввести непремѣннаго члена комитета по управленію г. Новочеркасскомъ. Затѣмъ, наравнѣ съ собственниками, предполагалось предоставить право на участіе въ избирательныхъ собраніяхъ — лицамъ, владѣющимъ коннозаводскими и другими войсковыми дачами на арендномъ правѣ, соотвѣтствующемъ поссессіонному, а также владѣльцамъ войсковыхъ участковъ Донского частнаго коннозаводства.

Такимъ образомъ, новымъ донскимъ помѣщикамъ — коннозаводчикамъ — стремились предоставить мѣсто въ земствѣ, а выборныхъ представителей городского самоуправленія хотѣли замѣнить чиновникомъ по назначенію.

Между тѣмъ, надежды, вызванныя на Дону воцареніемъ Николая II, быстро угасали. Еще въ 1896 г. въ столичные журналы сообщали, что «Донская область съ нетерпѣніемъ

ждетъ выборного земства.»*) Но уже къ 1898 г. ожиданія кончились, и дворянское собраніе въ Новочеркасскѣ, въ 1898 г., постановило, съ большимъ волненіемъ, ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ о назначеніи коммиссіи «для изслѣдованія причинъ, подрывающихъ хозяйственный бытъ Донского Казачьяго Войска и о способахъ къ поднятію его благосостоянія». Дворянство заявляло, что «современное экономическое положеніе казаковъ представляетъ тяжкую картину прогрессивно растущей среди нихъ нужды, могущей въ недалекомъ будущемъ привести къ нежелательнымъ послѣдствіямъ...»

«Для выясненія дѣйствительности упадка казачьяго благосостоянія на Дону и тѣхъ причинъ, коими обусловливался этотъ упадокъ», была образована по высочайшему повелѣнію особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ ген. Маслаковца (къ этому времени состоявшаго въ распоряженіи военнаго министра). Коммиссія должна была также выработать рядъ мѣръ для измѣненія положенія на Дону. Хотя заданіе, данное коммиссіи было изложено такъ, что петербургское начальство какъ-бы сомнѣвалось въ «дѣйствительности» казачьей нужды, однако коммиссія Маслаковца признала, что экономическое благосостояніе донскихъ казаковъ «пошатнулось нѣсколько» и что требуются серьезныя мѣры для его улучшенія.

Такимъ образомъ, даже тотъ, кто былъ однимъ изъ главныхъ разрушителей донского земства (ген. Маслаковецъ), могъ убѣдиться, къ какимъ результатамъ привела дѣятельность освободившейся отъ земства администраціи въ царствованіе Александра III. Коммиссія Маслаковца, равно какъ и учрежденная въ Петербургѣ коммиссія ген.-лейт. Грекова (1899 г.), высказалась за введеніе на Дону земства (по закону 1890 г.).

Для разсмотрѣнія вопросовъ, на какихъ основаніяхъ должно быть установлено взиманіе земскихъ сборовъ за земли, принадлежащія станичнымъ обществамъ; должны-ли казаки участвовать въ содержаніи всѣхъ земскихъ учрежденій, или-же лишь — въ содержаніи учрежденій, имѣющихъ общій характеръ и т. п., было учреждено особое совѣщаніе при главномъ управленіи казачьихъ войскъ. Предсѣдателемъ особаго совѣщанія былъ назначенъ т. с. Леманъ, помощникъ начальника Главнаго Управленія по гражданской части, а членами представители: министерствъ, государственнаго контроля и Войска Донскаго.

Работы обѣихъ коммиссій не имѣли никакого результата, ибо въ дѣло вмѣшался лично военный министръ, пожелавшій самъ ознакомиться съ положеніемъ Дона. Куропаткинъ совершилъ въ 1900 году поѣздку по Дону, послѣ которой имъ былъ представленъ докладъ имп. Николаю II. Въ немъ онъ писалъ:

*) С. Харитоновъ «Изъ Дон. Обл. (Экономич. положеніе дон. казачества)», «Нов Слов.» 1896, кн. I (окт.), Иксъ «Жизнь соврем. казачества», «Нов. Слов.», 1897, кн. 6 (мартъ); Крюковъ «На тихомъ Дону», «Р. Бог.», 1898, VIII, IX, X.

«если не будутъ приняты мѣры, то казачество Донское скоро окажется не въ силахъ выполнять лежащія на немъ военныя обязанности... Надо беречь Донскую область и не нарушать славнаго Донскаго Казачества». Причина его заявленія была чисто утилитарная: Войско Донское «въ случаѣ войны дастъ намъ конную армію въ 75.000 чел.».

Куропаткинъ призналъ, что экономическое благосостояніе казаковъ дѣйствительно стало ослабѣвать, и если не будутъ приняты мѣры, то Донское казачество «можетъ быть затруднено съ успѣхомъ выполнять лежащія на немъ военныя обязанности» Помощь, которую необходимо было оказать казачеству, по мнѣнію Куропаткина, должна была выразиться въ 100 руб. пособія каждому казаку, выходящему на службу съ конемъ. Главное вниманіе обратилъ министръ на улучшеніе к о н с к а г о состава. Онъ призналъ, что земли приходится на пай слишкомъ мало, но лишь «сравнительно со всею площадью земель, находящихся въ станичномъ пользованіи». Казачество лишь «недостаточно энергично и умѣло пользуется выпавшимъ на его долю земельнымъ добромъ». Производительность земли ослабѣла, но «земля еще кормитъ казака». Зато «лошадь казака во многихъ случаяхъ уже не можетъ нести службу».

Въ результатѣ этого доклада оставили мысль о введеніи земства и объ облегченіи тяготы казачьей службы, и занялись насажденіемъ станичнаго коневодства.

Образованная въ 1901 году при Главномъ Управленіи казачьихъ войскъ особая временная коммиссія ген. Газенкампфа должна была разсмотрѣть вопросы объ уменьшеніи тягости воинской повинности въ дѣйствующихъ и льготныхъ частяхъ казачьихъ войскъ и о поднятіи благосостоянія казаковъ Войска Донскаго. Членами коммиссіи были представители казачьихъ войскъ. Въ результатѣ ея работъ были нѣсколько сокращены лагерные сборы для казаковъ 2-й очереди и отмѣнены — для казаковъ 3-й очереди. Основной-же вопросъ объ измѣненіи въ корнѣ тяжкой казачьей службы и о земствѣ не былъ рѣшенъ.

Между тѣмъ, вскорѣ представилась возможность населенію области высказаться по поводу земства и улучшенія положенія крестьянства (въ частности, донскаго).

Когда въ 1902 году была учреждено Особое Совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, то и въ Области Войска Донскаго учреждены были областной и окружные комитеты. При этомъ, во II-мъ Донскомъ, Хоперскомъ и Черкасскомъ комитетахъ участвовали выборные представители отъ станичныхъ и крестьянскихъ обществъ; въ Хоперскомъ округѣ былъ произведенъ также опросъ сходовъ, волостныхъ и сельскихъ, о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.

По отдѣльнымъ вопросамъ, за введеніе всеобщаго обученія высказались: комитеты: 1-й Донской, Ростовскій, Таганрог-

скій, Хоперскій, Черкасскій. За широкое развитіе внѣшкольнаго образованія — І-й Донской, Ростовскій, Черкасскій и областной (въ Новочеркасскѣ). За уравненіе правъ крестьянъ съ другими сословіями высказались комитеты: Ростовскій и Хоперскій. За отмѣну тѣлеснаго наказанія — Ростовскій и Таганрогскій. За отдѣленіе административной власти отъ судебной — Таганрогскій и Черкасскій. За развитіе крестьянскаго самоуправленія — Ростовскій, Таганрогскій, Хоперскій, Черкасскій. За введеніе земства высказались областной и всѣ окружные комитеты. Въ Сальскомъ округѣ, повидимому, комитетъ не былъ образованъ. За введеніе мелкой земской единицы стояли комитеты: Ростовскій, Таганрогскій и Хоперскій. За устройство областныхъ (для нѣкоторыхъ губерній) земскихъ организацій, а также за организацію съѣздовъ земскихъ дѣятелей и за изданіе общеземскаго органа — высказались областной и всѣ окружные комитеты. За введеніе подоходнаго налога стояли Ростовскій и Хоперскій Комитеты; они-же и за отмѣну выкупныхъ платежей, равно какъ и за сокращеніе расходовъ правительства.

За правильную и широкую постановку переселенческаго дѣла въ цѣляхъ борьбы съ крестьянскимъ малоземельемъ высказался комитетъ Хоперскій. За надѣленіе крестьянъ государственными землями — І-й и ІІ-й Донскіе комитеты. За развитіе дѣятельности Крестьянскаго Банка въ направленіи борьбы съ крестьянскимъ малоземельемъ высказались комитеты: областной и всѣ окружные, кромѣ І-го и ІІ-го Донскихъ. За отчужденіе въ пользу крестьянъ частновладѣльческой земли принудительнымъ порядкомъ: областной и всѣ окружные. За защиту интересовъ сельскихъ рабочихъ высказался областной и Ростовскій комитеты. Наоборотъ, противъ реформы въ пользу рабочихъ, за усиленіе репрессій «за самовольные уходы» высказались областной и І-й Донской комитеты.*)

Изъ перечисленныхъ выше пожеланій видно, что всѣ округа Области и областной комитетъ высказались единодушно по больному вопросу о земствѣ на Дону, по вопросу объ объединеніи дѣятельности земствъ и о земскомъ органѣ. Всѣ округа были согласны по вопросу о необходимости принудительнаго отчужденія въ пользу крестьянъ частновладѣльческихъ земель. Наибольшее количество благихъ пожеланій для крестьянства высказали гражданскіе округа Области: Ростовскій и Таганрогскій, а изъ казачьихъ — Хоперскій. Собственно казачьи интересы и пожеланія (кромѣ требованія ввести, наконецъ, земство), не нашли себѣ выраженія въ комитетахъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.

Въ 1903 г. при Главномъ Управленіи казачьихъ войскъ

*) Прокоповичъ «Мѣстные люди о нуждахъ Россіи», РПБ, 1904 с. 18, 67, 76, 93, 94, 98. 107, 129, 135, 138, 162. 165, 171, 196, 197, 208, 246, 255.

учреждена была послѣдняя коммиссія по вопросу о донскомъ земствѣ, подъ предсѣдательствомъ т. с. Лемана. Но она вскорѣ же закрылась, и вопросъ о земствѣ былъ похороненъ.

Въ царствованіе Николая II исключительное положеніе было распространено почти на всю Область Войска Донскаго. Въ 1897 г. объявляются на положеніи усиленной охраны прилегающіяся къ г. Ростову н. Д. мѣстности, въ которыхъ усилился рабочій элементъ въ средѣ населенія: станица Гниловская и село Батайскъ. Въ 1902 г. усиленная охрана распространяется на желѣзодѣлательные заводы Пастухова (въ Сулинѣ).*)

Грандіозное рабочее движеніе въ Ростовѣ, въ ноябрѣ 1902 года, вызвало образованіе, въ срочномъ порядкѣ, въ этомъ городѣ «Розыскного Отдѣленія», имѣвшаго цѣлью «политическій розыскъ, т. е. наружное наблюденіе и секретную агентуру».**) 13-го февраля 1903 г., вмѣстѣ съ остальными розыскными отдѣленіями, и ростовское — переименовано было въ «Охранное Отдѣленіе».

Всеобщая политическая забастовка, объявленная въ Ростовѣ и Таганрогѣ въ ночь съ 7-го на 8-е декабря 1905 г., повлекла за собою объявленіе въ этихъ городахъ чрезвычайной охраны (въ Ростовѣ 11-го дек., въ Таганрогѣ — 14 дек.). И. д. ростовскаго градоначальника, начальникъ порта, фонъ-деръ-Вейде передалъ должность градоначальника полицеймейстеру Прокоповичу, а 12-го дек., по приказанію наказнаго атамана, обязанности градоначальника принялъ на себя ростовскій н. Д. воинскій начальникъ, полк. Макѣевъ. 18-го декабря, за отсутствіемъ необходимаго по закону 29-го ноября 1905 г. бригаднаго генерала, временнымъ генералъ-губернаторомъ объявленъ былъ тотъ-же полк. Макѣевъ, а въ Ростовскомъ градоначальствѣ введено военное положеніе. Оно оставалось въ силѣ много мѣсяцевъ послѣ подавленія т. н. ростовскаго возстанія, и было замѣнено чрезвычайной охраной .

Сильное развитіе крестьянскаго движенія, заставившее помѣщиковъ бѣжать въ города, послужило для наказнаго атамана основаніемъ для донесенія въ Петроградъ о томъ, что революціонная агитація и крестьянское броженіе могутъ сказаться на мобилизаціи казачества. 4-го янв. 1906 г. округа: ростовскій, донецкій, хоперскій, усть-медвѣдицкій, II-ой донской, а также г. Александровскъ-Грушевскій съ рудничными при немъ поселками, объявлены были на положеніи усиленной охраны. Такимъ образомъ, къ созыву I-ой Государственной Думы не состояли на исключительномъ положеніи лишь три округа области: Сальскій, Черкасскій и I-й Донской. Таган-

*) Ист. Сборн. «Наша Старина», 1907, т. I, Фалѣевъ «Россія подъ охраной», с. 269.

**) Цирк. Департ. Полиціи, 2-го янв. 1903 г., N 3.

рогскій округъ былъ объявленъ на положеніи усиленной охраны еще въ декабрѣ 1905 г.

Уже во время работъ Государственной Думы, 14 іюня 1906 года чрезвычайная охрана была продолжена въ Таганрогѣ, а послѣ роспуска I-й Думы весь Таганрогскій округъ былъ объявленъ на военномъ положеніи. 27 іюля 1906 г. была создана должность временнаго генералъ-губернатора Южнаго горно-заводскаго района, въ который включенъ былъ и Таганрогскій округъ. Центръ этого района (прообраза Донецкой губерніи, 1918 г.) находился въ Юзовкѣ. Такимъ образомъ, ради охранныхъ цѣлей, хотя и временно создана была административная черезполосица. Въ іюнѣ 1906 г. на военномъ положеніи объявлена была Макѣевка.*)

23 февраля 1904 г. управленіе г. г. Ростовомъ на Дону и Нахичеванью было выдѣлено изъ Донской области путемъ созданія Ростовскаго на Дону градоначальства. По отношенію къ Ростову донской атаманъ сохранилъ права генералъ-губернатора. Въ связи съ этимъ градоначальство поставлено было въ зависимость отъ областныхъ учрежденій. Врачебное и строительное дѣло, а также надзоръ за фабричною дѣятельностью сосредоточенъ былъ во врачебномъ и строительномъ отдѣленіи и въ областномъ по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствіи.

Созданіе градоначальства не было продиктовано заботами о нуждахъ крупнаго торгово-промышленнаго центра, какимъ былъ Ростовъ.**) Цѣль учрежденія градоначальства была исключительно полицейская — борьба съ революціоннымъ настроеніемъ городского населенія. Такимъ образомъ, присоединеніе къ Донской области этого города не дало за истекшіе съ 1888 г. семнадцать лѣтъ желаннаго результата — подавленія общественнаго движенія. Приходилось создавать власть «близкую къ народу» въ лицѣ градоначальника.

Глава XLII.

Судебно-административныя измѣненія. Земельный вопросъ на Дону къ 1905 году.

Въ области судебной можно отмѣтить созданіе судебной палаты въ Новочеркасскѣ (1903). Ему предшествовала долгая борьба за учрежденіе новаго судебнаго центра на Юго-Востокѣ Россіи, причемъ за обладаніе палатой боролись Таганрогъ (гдѣ былъ окружный судъ), Екатеринодаръ и Новочер-

*) «Право», 1906 г., с. 2422, 2487, 2541.

**) Населеніе Ростова въ 1810 г. равнялось 2.800 чел.; въ 1860 г. — 17.500 ч.; въ 1890 г. — 90.500 ч., въ 1897 г. — 119.500 ч. въ 1900 г. — 123.000.

кассъ, а также Ростовъ на Дону. Послѣдній былъ лишенъ окружнаго суда, хотя населеніе его давно превысило населеніе и Новочеркасска и Таганрога, вмѣстѣ взятыхъ (въ каждомъ изъ этихъ городовъ было по 51.000жителей противъ 120.000 жителей въ Ростовѣ). Сѣверный Кавказъ, убѣдившись, что палата не будетъ дана ему, высказался за Ростовъ, какъ естественный географическій и экономическій центръ Юго-Востока. Дѣйствительно, наиболѣе крупное экономическое значеніе Ростова, а также центральное положеніе его въ смыслѣ водныхъ и желѣзно-дорожныхъ путей, дѣлали кандидатуру этого города несомнѣнной. Однако, правительство рѣшило въ пользу Новочеркасска, придавши своему рѣшенію характеръ «награды» казачеству за охрану имъ стараго порядка. По существу-же главную роль сыграли соображенія чисто полицейскаго характера: Новочеркассъ былъ городомъ чиновниковъ, учебныхъ заведеній и правительственныхъ учрежденій, невпримѣръ шумному и революціонно настроенному Ростову. Окружный судъ въ Ростовѣ былъ учрежденъ, по настоянію донскихъ депутатовъ, только въ эпоху 3-ей Думы. До тѣхъ-же поръ, ростовцы вынуждены были ѣздить въ Таганрогскій окружный судъ.

Округъ Новочеркасской Судебной Палаты составился изъ Донской Области, выдѣленной изъ округа Харьковской Судебной Палаты, изъ Кубанской и Ставропольской губерніи, выдѣленныхъ изъ округа Тифлисской Палаты.

Въ области мѣстнаго подчиненнаго управленія, при Николаѣ II, произошли лишь немногія и незначительныя перемѣны. Въ 1897 г. положеніе объ общественномъ управленіи станицъ 1891 г. было распространено и на калмыцкое населеніе Области Войска Донскаго. Въ связи съ этимъ, 15 дек. 1897 г. Сальскій округъ получилъ управленіе такое-же, какое въ 1886 г. было организовано въ казачьихъ округахъ области: окружный начальникъ былъ замѣненъ окружнымъ атаманомъ.

Что касается городовъ, то въ г. Александровскѣ-Грушевскомъ было введено новое городовое положеніе 11 іюня 1892 г. Военное министерство было обременено функціями по надзору за городами въ Донской Области. Поэтому, выс. утв. 16 апр. 1901 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта города области: Ростовъ на Дону, Таганрогъ, Нахичевань, Александровскъ-Грушевскій и посадъ Азовъ, въ отношеніи дѣлъ городского хозяйства, вытекающихъ изъ городового положенія 11 іюня 1892 г., были изъяты изъ вѣдѣнія военнаго министерства и переданы въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ. Но городъ Новочеркассъ, «какъ населенный казаками и содержимый на казачьи средства», былъ оставленъ въ вѣдѣніи военнаго министерства. Нужно отмѣтить, что вышеописанная передача городовъ въ другое министерство состоялась не изъ соображеній объ ихъ пользѣ и интересахъ, но исключительно съ цѣлью разгрузки

Главнаго Управленія по казачьимъ дѣламъ отъ непосильной работы.

Правительство и военное министерство считали законъ 1891 года объ управленіи станицъ чѣмъ-то священнымъ и неприкосновеннымъ, и всѣ попытки и просьбы объ измѣненіи его оставались тщетными. Между тѣмъ, законъ этотъ, превратившій казаковъ въ «военныхъ поселянъ» аракчеевской эпохи, мѣшалъ развитію гражданской жизни казачества. При немъ, какъ заявилъ въ 1905 г., «Вѣстникъ казачьихъ войскъ», стала «немыслима никакая легальная, самостоятельная не-казенная работа».

Въ началѣ царствованія Николая II возродилось явленіе былыхъ временъ: переселеніе донцевъ на окраины, въ частности на Дальный Востокъ, для пополненія новообразованныхъ казачьихъ войскъ. Но это дѣлалось для изъявившихъ согласіе, и въ незначительномъ размѣрѣ. Всего съ 1895 по 1901 г. переселилось съ Дону въ Приамурскій край 338 семей.

Вплоть до революціи 1917 г. казачество продолжало быть полу-крѣпостнымъ служилымъ сословіемъ. Это видно изъ тѣхъ условій, которыми было обставлено передвиженіе казака съ съ мѣста на мѣсто, даже во время состоянія его на льготѣ (что соотвѣтствовало пребыванію въ запасѣ арміи).

Въ 1897 г. были изданы правила о порядкѣ увольненія въ мирное время казаковъ служилаго состава въ отлучку изъ мѣстъ жительства. По этимъ правиламъ увольненіе казаковъ въ отлучки предоставлено на срокъ до 3 мѣс. — станичнымъ атаманамъ; на срокъ до одного года: безъ освобожденія отъ зимнихъ занятій въ станицахъ или отъ участія въ лагерныхъ сборахъ — атаманамъ отдѣловъ по приговорамъ станичныхъ обществъ, и съ увольненіемъ отъ этихъ обязанностей — наказнымъ атаманамъ. Даже и при этихъ «льготахъ», казакъ былъ связанъ, въ своей мирной промышленной дѣятельности, по рукамъ и ногамъ, не говоря о дисциплинарной власти войскового начальства.

29 мая 1900 г. войсковому наказному атаману было предоставлено производить находящихся въ отставкѣ казаковъ въ приказные и урядники, и, въ случаѣ надобности, лишать находящихся въ отставкѣ урядниковъ и приказныхъ этихъ званій. Цѣль этой мѣры заключалась въ желаніи «поставить урядничье званіе въ такія служилыя условія, которыя обезпечивали-бы требованія чинопочитанія и дисциплины». По существу-же, войсковое начальство получило возможность и въ отношеніи отставныхъ казаковъ проявлять свою милость и немилость.

Къ началу XX-го вѣка воинская повинность казачества была въ $3\frac{1}{2}$ раза тяжелѣе воинской повинности населенія Имперіи и не-казачьяго населенія Области: вмѣсто 21,1% лицъ призывного возраста, изъ казаковъ привлекалось на службу

74,5%. Если-же сосчитать и матеріальныя жертвы казачества, то повинность его была тяжелѣе въ 153 разъ.*)

Жизнь продолжала напоминать о необходимости разрѣшенія аграрнаго вопроса въ войскѣ. Вслѣдствіе малоземелья въ Донскомъ войскѣ, въ правительственныхъ сферахъ возникъ вопросъ о скупкѣ не-казачьихъ земель за счетъ общихъ войсковыхъ капиталовъ.

10-го іюня 1900 года Государственный Совѣтъ опредѣлилъ отпустить войску 358.000 руб. за пользованіе Задонской степью для цѣлей частнаго коннозаводства. 7-го февраля 1901 г. было высочайше повелѣно отпустить войску 230.000 руб. въ возмѣщеніе потерь въ доходахъ станичныхъ обществъ съ введеніемъ въ области винной монополіи. Однако, эти деньги не дошли до казачества и не были обращены на нужды казачества и станицъ. Именно, изъ этого капитала въ 768.000 руб. должны были ежегодно выдаваться тѣ сторублевыя пособія казакамъ при выходѣ ихъ на службу, которыя, по предложенію военнаго министра, должно было уплачивать имперское казначейство.

Такимъ образомъ, казачество снова должно было помогать себѣ за свой собственный, а вовсе не за общегосударственный счетъ. Интересно отмѣтить, что и 230.000 руб. были ассигнованы въ пособіе в о й с к у, тогда какъ это были деньги, принадлежавшія, собственно, станицамъ, а не войску. Напомнимъ, кстати, происхожденіе этой суммы.

Станичные капиталы пополнялись доходами: отъ сдачи въ аренду общественныхъ земель, отъ сбора со скотопромышленниковъ за прогонъ скота по станичнымъ землямъ, съ мостовъ и переправъ, отъ мельницъ и рыбныхъ ловель, отъ посаженной платы за усадебныя мѣста съ лицъ не-войскового сословія, за разрѣшеніе на открытіе въ казачьихъ поселеніяхъ питейныхъ, пивныхъ и трактирныхъ заведеній, за разработку нѣдръ земли для добычи минераловъ и каменнаго угля и др.

Въ 1898 г. со введеніемъ на Дону казенной продажи питей немалый доходъ, который получали станицы за разрѣшеніе питейной торговли, прекратился. Ассигнованная въ 1901 г. сумма въ 230.000 руб. предназначалась номинально станицамъ. По существу-же, выходило, что войско пожирало мѣстныя станичныя средства, а войсковыя средства шли на общегосударственныя надобности.

Это обстоятельство ухудшало и безъ того тяжкое положеніе казачества. Въ результатѣ правительственной политики въ области просвѣщенія, въ 1901 г., на Дону было только 36,8 % грамотныхъ среди казачьяго населенія. Казачество продолжало переживать различныя бѣдствія: неурожаи хлѣба и

*) Кап. Медвѣдевъ «Служба Дон. войска въ связи съ его экономич. положеніемъ», М. 1899.

травъ, засухи, пожары, эпидеміи, появленіе саранчи, скотскіе падежи и т. п.

Въ попеченіи о казачьей лошади военное министерство стало насаждать станичное коневодство и обязало станицы имѣть станичныхъ плодовыхъ жеребцовъ. Надзоръ и руководство станичнымъ коневодствомъ были возложены на станичныхъ атамановъ, атамановъ отдѣловъ, а въ 1900 г. была учреждена должность областного завѣдывающаго коневодствомъ. Это станичное коневодство легло на казачество новымъ тяжкимъ бременемъ.

Въ противоположность ясному смыслу закона и безчисленному ряду своихъ-же собственныхъ рѣшеній, Сенатъ, 15 мая 1906 г. нанесъ тяжкій ударъ казачьей земельной общинѣ и ея неприкосновенности, вынеся новое рѣшеніе по дѣлу о казачьей землѣ. Сенатъ неожиданно нашелъ, что казачьи земли не принадлежатъ ни къ разряду имуществъ, поставленныхъ прямымъ указаніемъ закона внѣ дѣйствія давности, ни къ числу имуществъ публичныхъ, доступныхъ всеобщему пользованію, а поэтому призналъ, что земли эти подлежатъ дѣйствію давности на общемъ основаніи.

Земельный вопросъ на Дону, обострившійся еще въ царствованіе имп. Александра II, къ началу XX-го вѣка достигъ крайней степени запутанности и сложности. Общая площадь земель Области Войска Донскаго опредѣлялась въ 15.020.442 десятины. Всѣ эти земли, нѣкогда составлявшія владѣніе Войска Донского, принадлежали теперь разнымъ владѣльцамъ. Въ войсковомъ владѣніи находились слѣдующія земли: а) въ станичныхъ надѣлахъ числилось 9,316.149 дес.; б) въ войсковомъ владѣніи подъ различными учрежденіями и лѣсами — 1,143.454 дес.; в) войсковыхъ запасныхъ земель — 1,110.805 дес.

Во владѣніи городовъ, монастырей и т. д. было 53.586 дес. Въ надѣлахъ офицеровъ и чиновниковъ числилось 3,310.347 дес. (изъ нихъ 2,051.196 дес. владѣльческихъ дачъ на бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ и 1,259.151 дес. собственно чиновничьихъ (т. наз. «офицерскихъ», не помѣщичьихъ, участковъ).

Принимая во вниманіе тяжкую воинскую повинность казачества, оно должно было (по законамъ 1835 и 1869 г. г.) быть обезпечено надѣлами по 30 дес. на душу мужского пола. Къ 1905 г. въ 115 станицахъ, не считая калмыцкихъ, жило 605.230 душъ мужск. пола. Изъ 115 станицъ пять, самыя малоземельныя, имѣли по 8½—9 дес. удобной земли на душу муж. пола; 11 станицъ имѣли отъ 9 до 10 дес., 24 станицы отъ 10 до 12 дес. и 29 станицъ 12—13½ дес.; всего 69 станицъ. Остальныя 46 станицъ имѣли душевые надѣлы отъ 13½ до 25 дес. Въ среднемъ, по всѣмъ округамъ всей земли приходилось по 14,9 д., одной удобной по 12,5 дес. на мужскую душу, т. е. вдвое менѣе нормальнаго земельнаго надѣла въ 30 дес. Размѣръ паевъ фактически былъ меньше, такъ какъ большое количество де-

сятинъ земли въ каждой станицѣ было выдѣлено подъ станичное коневодство, арендныя статьи и т. п.

Войсковое начальство обязано было дѣлать прирѣзки изъ войскового запаса. Но съ 1874 по 1886 годъ оно образовало всего 6 юртовъ для переселенія на нихъ казаковъ изъ малоземельныхъ станицъ. Запасныя-же земли отдавались въ аренду пришлымъ элементамъ для умноженія войскового капитала. Въ 1905 г. состояло въ арендѣ изъ земель «войскового владѣнія» — 1,133.023 дес. за 2,289.245 руб. арендной платы (въ среднемъ по 2 руб. 48 коп. съ десятины).

Въ 1898 г. Военный Совѣтъ установилъ правила («положеніе») о порядкѣ отвода земельныхъ надѣловъ для новыхъ станичныхъ юртовъ. Вмѣстѣ съ этимъ, постановлено было произвести разработку статистическихъ данныхъ для выясненія экономическаго положенія существующихъ уже станицъ, съ цѣлью опредѣленія, какія изъ станицъ слѣдуетъ признать малоземельными, по соображенію съ средней надѣльной нормой, и въ какихъ, поэтому, возможно допустить выселеніе въ новые юрты. Въ 1899 г. Военный Совѣтъ утвердилъ правила для раздѣловъ юртовыхъ земельныхъ надѣловъ Донскаго войска на станичныя и хуторскія довольствія. Проекты и предположенія остались неосуществленными.

Въ 1901 г. снова сталъ на очередь чрезвычайно важный вопросъ о судьбѣ Задонской степи. Срокъ аренды войсковой земли Донскими частными коннозаводчиками, по правиламъ 1877 г., оканчивался 1 янв. 1901 г. Появилась надежда, что войско, крайне нуждавшееся въ землѣ, получитъ, наконецъ, обратно 800.000 дес. войсковой Задонской степи, которая съ 1858 года, подъ видомъ аренды, отдана была фактически во владѣніе группѣ коннозаводчиковъ (за ничтожную плату менѣе 25.000 р. въ годъ). Донское частное коннозаводство учреждено было съ цѣлью снабженія лошадьми донского казачества. Однако, въ 1900 г. военное министерство заявило, что ему невозможно обойтись безъ Задонскаго коневодства для ремонтированія регулярной кавалеріи. Было сочтено излишнимъ возвратить войску его земли и предоставить ему самому распорядиться организаціей войскового коневодства. Коннозаводчики снова получили возможность устраивать свое благосостояніе за счетъ донского казачества. Аренда войсковой Задонской степи была сохранена за коннозаводчиками: западной части степи на 12 лѣтъ, а восточной — на 24 года. Сохранять старую арендную плату было совсѣмъ неприлично, и «за войскомъ Донскимъ, какъ собственникомъ земель, отведенныхъ подъ коннозаводство, было признано право на денежное вознагражденіе изъ средствъ казны, размѣръ коего былъ опредѣленъ въ суммѣ недобора арендной платы, а именно въ 538.000 руб. ежегодно». Мнѣніе объ этомъ Государственнаго Совѣта было утверждено 10-го іюля, а правила о Донскомъ частномъ коннозаводствѣ — 28-го сент.

1900 г. Такимъ образомъ, казна стала приплачивать за конно-заводчиковъ войску по 67 коп. за десятину въ годъ. Но и 70 копѣчная плата за десятину была въ 1900 г. во много разъ ниже нормальной арендной платы въ предѣлахъ Донской области. Снова казачья земля была отдана частнымъ лицамъ въ то время, когда войско и казачество испытывали самую острую нужду въ землѣ. Во «временномъ» (временно вѣчномъ) пользованіи подъ коннозаводствомъ находилось 951.806 дес. земли.

Въ то время, какъ коннозаводчики платили войску (до 1917 г.) по три коп. за десятину, по ту сторону р. Егорлыка, въ Ставропольской губ., десятина земли сдавалась въ аренду — подъ распашку по 6 руб., а подъ выпасъ по 3 руб. въ годъ.*)

Между тѣмъ, казачество испытывало острую нужду въ землѣ. Въ теченіе лишь 3 лѣтъ (съ 1904 по 1907 г.) 42 станичныхъ общества и 6 крупныхъ хуторовъ, поселенныхъ на запасной войсковой землѣ, возбудили предъ областнымъ правленіемъ ходатайства о дополнительномъ надѣленіи ихъ землею изъ войскового запаса.

Къ дополнительному надѣленію станицъ было приступлено осенью 1906 г. Двумъ наиболѣе малоземельнымъ станицамъ было отведено 35 тыс. дес. земли изъ войскового запаса.**)

Результатомъ броженія въ средѣ казачества было высочайшее повелѣніе 2-го марта 1907 г. о раздачѣ запасныхъ войсковыхъ земель въ дополнительный надѣлъ казакамъ. До конца 1909 г., втеченіе $2^1/_2$ лѣтъ, оно оставалось безъ исполненія. Начальникъ Главнаго Управленія казачьихъ войскъ объяснялъ донскимъ депутатамъ, что прирѣзки излишни, такъ какъ у казаковъ земли достаточно, что ихъ нужно научить обрабатывать землю, завести школы и т. п. Областное правленіе, вопреки высочайшему повелѣнію 2 марта 1907 г. сдало въ аренду 4.800 дес., а въ январѣ 1908 г. еще 36.292 дес. Поэтому казачья группа въ декабрѣ 1909 г. внесла въ 3-ю Думу запросъ военному министру по поводу незакономѣрныхъ распоряженій мѣстныхъ донскихъ властей по сдачѣ въ аренду казачьихъ земель въ нарушеніе правъ казаковъ на землю. Интерпеллянты ссылались на законъ 1869 г.,***) установившій душевую норму въ 20 (?) дес. и обязавшій мѣстныя власти ходатайствовать о доведеніи до этой нормы надѣловъ тѣхъ станицъ, гдѣ она понизилась. Между тѣмъ, втеченіе 40 лѣтъ мѣстныя власти не исполняли послѣдней обязанности, или же получали отказъ министерства.

Запросъ поддерживали (9 дек. 1909 г.) докладчикъ комиссіи по запросамъ Люцъ, а изъ казачьихъ депутатовъ —

---

*) «Военн. Сборникъ», 1895, N 5, с. 101.

**) «Свободнаго» войскового запаса числилось 907.243 дес.

***) Выс. утв. мнѣніе Гос. Сов. 21 апр. 1869 г., ст. 4, отд. I.

Кирьяновъ и Петровъ. Дума единогласно приняла запросъ.*) Послѣ этого, наконецъ, правительство сдѣлало кое-что по вопросу о распредѣленіи свободнаго войскового запаса.**)

Но не одно казачество на Дону нуждалось въ землѣ. Донское крестьянство, коего было болѣе 800.000 чел., владѣло лишь 94.087 дес. надѣльной земли. Поэтому, оно должно было пріобрѣсти или арендовать значительную часть бывшихъ помѣщичьихъ и офицерскихъ земель. Кромѣ коренныхъ донскихъ крестьянъ на арендованныхъ войсковыхъ земляхъ осѣли цѣлыя поселенія пришлыхъ крестьянъ, которые надѣялись получить — рано или поздно — обрабатываемыя ими земли въ свою собственность. Часть помѣщичьихъ и офицерскихъ земель отошла во владѣніе пришлыхъ людей («тавричанъ» и «херсонцевъ», нѣмецкихъ колонистовъ, воронежскихъ мѣщанъ и т. д.).***)

Между тѣмъ, казачество утратило численное преобладаніе надъ другими группами населенія Донского края.

Къ 1895 г. числилось въ Донской области 2,222.755 чел. обоего пола. Изъ нихъ — 1,022.086 чел. войскового сословія и 1,200.669 чел. не-казаковъ. Такимъ образомъ, казаки въ 1895 г. составляли уже 49,61% населенія края. Обстоятельство это, помимо значительной насыщенности войсковой территоріи иногородними и значительнаго числа донского крестьянства, надо приписать тому, что къ Области были присоединены Ростовскій уѣздъ и Таганрогское градоначальство. Къ тому-же, населеніе городовъ сильно возрастало, несмотря на то неблагопріятное дѣйствіе, которое оказывала на развитіе торговли и промышленности милитаризація управленія въ Области.

Съ освобожденіемъ крестьянъ, на Дону появился новый классъ полноправныхъ гражданъ, ничего общаго съ казаками не имѣющихъ. По мѣрѣ мобилизаціи землевладѣнія сталъ быстро возрастать классъ пришлаго землевладѣльческаго и земледѣльческаго населенія.

Переходъ всего Юго-Востока Россіи отъ экстенсивнаго скотоводческаго хозяйства къ болѣе интенсивному зерновому не могъ не отразиться и на Области. И здѣсь громадное увеличеніе запашекъ подняло земельную ренту и привлекло массу новыхъ земледѣльцевъ.

Въ 1897 г. плотность населенія (на1 квадр. версту) въ Донской области равнялась 17,7 чел., а въ 1907 г. уже 21,3 чел. Къ 1 янв. 1915 г. населеніе области возросло до 4,013.400 чел. обоего пола, причемъ число жителей войскового сословія упало до 44 %.

---

*) Стен. отч., 3-й созывъ, сессія III, ч. 1, с. 3275—3279.

**) См. главу, посвященную дѣятельности 3-ей Думы.

***) Ф. В. Петровъ «Законы о поземельномъ устройствѣ казачьихъ станицъ», в. I, Общія постановленія. СПБ. 1906; Бородинъ «Земельный вопросъ на Дону», «Р. Мысль», 1907, VII, с. 108 и сл.

Если для удовлетворенія земельной нужды казачества правительство дѣлало нѣкоторые шаги (чтобы дать въ пользованіе казакамъ часть ихъ-же войсковыхъ земель), то для донского крестьянства не было сдѣлано ничего. Впрочемъ, по указу Правительствующему Сенату отъ 4-го марта 1906 г.,*) и на Дону были созданы землеустроительныя установленія. Согласно закона 29 мая 1911 г. о землеустройствѣ,**) къ концу октября того-же года, на Дону была открыта областная землеустроительная коммиссія въ слѣдующемъ составѣ: предсѣдатель — наказный атаманъ или его замѣститель; члены — областной предводитель дворянства, предсѣдатель окружнаго суда или его товарищъ; членъ окружнаго суда г. Новочеркасска, по назначенію суда; непремѣнный членъ коммиссіи или замѣняющее его лицо; непремѣнный членъ областного по крестьянскимъ дѣламъ присутствія; помощникъ областного землемѣра, завѣдующій землемѣрной частью коммиссій, и два члена изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, по приглашенію предсѣдателя коммиссіи, въ томъ числѣ одинъ изъ лицъ, владѣющихъ надѣльною землею.***)

Одновременно открыты были и окружныя землеустроительныя коммиссіи, въ составѣ: предсѣдатель — окружный предводитель дворянства; члены — предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей, замѣняющій предсѣдателя въ его отсутствіе; непремѣнный членъ коммиссіи или замѣняющее его лицо; непремѣнный членъ окружнаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія; три члена изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, приглашаемыхъ наказнымъ атаманомъ по представленію коммиссіи; три члена по избранію и, сверхъ того, въ качествѣ временнаго члена, выборщикъ отъ той волости, по которой разсматривается дѣло, а если онъ участвуетъ, какъ постоянный членъ, то кандидатъ къ нему.[1])

Кромѣ того, при разсмотрѣніи коммиссіями дѣлъ по ликвидаціи земель Крестьянскаго Банка, въ составъ областной и окружной коммиссій входили съ правомъ рѣшающаго голоса представители казачьяго населенія, назначаемые по одному въ каждую коммиссію наказнымъ атаманомъ.[2])

---

*) П. С. З., N 27478.

**) Собр. узак. и расп., 1911 г., ст. 1087.

***) Въ земскихъ губерніяхъ «землевладѣльцевъ» этихъ избирало губернское земское собраніе.

[1]) Въ земскихъ губерніяхъ замѣщалъ предсѣдателя коммиссіи не предсѣдатель мирового съѣзда, а предсѣдатель уѣздной земской управы; три-же «землевладѣльца» избрались земскимъ собраніемъ.

[2]) Роспись состава землеустроительныхъ коммиссій и т. д. «Законъ о землеустройствѣ 29 мая 1911, с. 62—63; «Дон. Обл. Землеустр. Коммиссія», Отчетъ агрономовъ подъ редакціей Кушнырeнко-Кушнырева. Новочеркасскъ, 1913, 243 с.

Глава XLIII.

Донъ въ проектахъ государственнаго преобразованія и въ программахъ политическихъ партій.

Широкое политическое движеніе, охватившее Россію въ царствованіе имп. Николая II, коснулось и Дона. Съ одной стороны, Дону, какъ краю съ особыми историческими судьбами и традиціями, было отведено опредѣленное мѣсто въ проектахъ политическаго переустройства Россійской Имперіи. Съ другой стороны, на очередь поставленъ былъ вопросъ о самомъ существованіи казачества, въ связи, во-первыхъ, съ объективными условіями и эволюціей русской жизни, во вторыхъ, въ связи съ ролью, сыгранной казачествомъ въ первую революцію (1904—1906 г.г.). Общероссійскія политическія партіи подвергли Донъ своему воздѣйствію, въ зависимости отъ той оцѣнки, которая была произведена ими Дону и казачеству. Всѣ они создали на Дону свои организаціи и развили довольно живую дѣятельность. Населеніе Дона, съ своей стороны, проявило себя въ цѣломъ рядѣ выступленій, участвуя въ демонстраціяхъ, общественныхъ заявленіяхъ, аграрномъ движеніи, выборахъ въ Государственную Думу, а — до того — въ борьбѣ за общенародное и мѣстное представительство. Различныя группы населенія различно отозвались на происходившія событія. Среди вопросовъ, привлекавшихъ къ себѣ вниманіе русскихъ политическихъ мыслителей, думавшихъ о перестройкѣ старой императорской Россіи, существовалъ вопросъ о положеніи Дона и Юго-Востока Россіи въ ряду другихъ провинцій Имперіи. Вопросъ этотъ разсматривался и съ точки зрѣнія чисто политической, и съ точки зрѣнія бытовой и экономической.

Партія Народнаго Права, пытавшаяся, на переломѣ отъ царствованія Александра III къ царствованію Николая II, объединить либераловъ и революціонеровъ въ борьбѣ за политическую свободу, издало въ 1894 г. программную брошюру «Насущный вопросъ».*) Авторъ ея утверждалъ, что Россія «не однородное политическое цѣлое, а... очень сложный, конгломератъ разнообразныхъ общественно-экономическихъ и національныхъ, въ свою очередь сложныхъ образованій, которыя объединяются теперь самодержавіемъ...» Выходъ изъ создавшагося положенія партія «Народнаго Права» видѣла въ федеративномъ устройствѣ Россіи. Наравнѣ съ западными окраинами ставилъ авторъ огромную «внутреннюю Россію съ восточными областями, представляющую крайнее разнообразіе экономическихъ и бытовыхъ условій». По мнѣнію автора, намѣчавшаго, какъ особыя области, между прочимъ, Поволжье, Сѣ-

*) Переиздана въ 1905 г. Фондомъ Вольной Русс. Прессы въ Лондонѣ (вып. 17-й).

веръ, Уралъ, «правильное развитіе жизни каждаго изъ этихъ районовъ требовало своихъ мѣстныхъ формъ управленія». Трудно сомнѣваться въ томъ, что Донъ входилъ въ проекты народоправцевъ въ качествѣ особаго штата грядущей Россійской федераціи, хотя и не былъ поименованъ, какъ особый бытовой и экономическій районъ, въ напечатанномъ проектѣ.

Въ 1895 г. Фондъ Вольной Русской Прессы въ Лондонѣ опубликовалъ «проектъ русской конституціи» (составленный въ Россіи). Авторъ проекта, оставшійся неизвѣстнымъ, предлагалъ раздѣлить Россію на области, въ которыхъ должны были быть учреждены областные сеймы. Хотя авторъ и не указывалъ, на какія, именно, области должна быть раздѣлена имперія, однако можно съ увѣренностью думать, что Донской край долженъ былъ стать одной изъ этихъ областей.

Гораздо точнѣе опредѣлялъ мѣсто Дона С. Шараповъ въ своемъ проектѣ государственнаго переустройства, изданномъ заграницею въ 1899 г.*) Этотъ проектъ Шараповъ называлъ «славянофильской программой государственнаго устройства», созданной имъ совмѣстно съ И. С. Аксаковымъ. Возставая противъ «расхищенія самодержавія» бюрократіей, вплоть до урядника, Шараповъ предлагалъ создать земско-областную, самоуправляющуюся Россію подъ самодержавнымъ царемъ.

По его проекту, Россія дѣлилась на 18 областей: 12 «коренныхъ русскихъ» и 6 «инородческихъ» областей. Среди русскихъ областей — «Казачья Область (съ главнымъ городомъ Ростовомъ на Дону) изъ части губерніи Екатеринославской, части Области Войска Донскаго, части губерніи Астраханской (до Волги), губерній Ставропольской и Черноморской и областей Кубанской и Терской». Сѣверную часть Области Войска Донскаго Шараповъ присоединялъ къ Средне-Черноземной Области (съ главнымъ городомъ Воронежемъ). Во главѣ области долженъ былъ стоять генералъ-губернаторъ, назначенный государемъ и назначающій членовъ областной думы изъ числа членовъ земскаго областного собранія. Дума отвѣтственна въ равной степени и предъ генералъ-губернаторомъ, и предъ собраніемъ. Послѣднее составляется изъ гласныхъ отъ уѣздовъ и городовъ.

Законодательная власть въ Имперіи должна была осуществляться Государственнымъ Совѣтомъ, дополненнымъ представителями областей. Казачья Область могла-бы послать въ Государственный Совѣтъ (какъ и 8 другихъ), одного представителя. Пять областей послали-бы по 2, двѣ — по 4 представителя. Москва, Петербургъ и Кіевъ — по одному. И Польша и Финляндія по одному статсъ-секретарю. Итого — 32 чел.

---

*) С. Шараповъ «Самодержавіе и самоуправленіе». Изд. С. Ш. Берлинъ. 1899.

Такимъ образомъ, и въ проектѣ Шарапова снова появляется идея объединенія Юго-Востока въ одну область.

Среди проектовъ переустройства Россіи можно отмѣтить еще проектъ соціалистовъ-революціонеровъ, изданный въ 1906 году.*) Проектъ посвященъ былъ соціализаціи земли, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, предусматривалъ уничтоженіе «механическаго дѣленія Россіи на губерніи...» «Россія раздѣляется на области, сообразно съ особенностями ея природы, національными, историческими и культурными особенностями населенія, а также хозяйственно-бытовыми отличіями». Кромѣ Финляндіи, Россія дѣлилась на 18 областей. На югѣ Россіи намѣчались области: Южная (Бессарабія, Крымъ, Херсонская и Екатеринославская губ.); Юго-Восточная, Кавказская. При этомъ, Донская область входила въ составъ Области Юговосточной (съ Новочеркасскомъ во главѣ). Туда же входили Кубанская область, Астраханская и Ставропольская губерніи цѣликомъ, южная часть Саратовской губ. и западная — Уральской области, и сѣверная часть Терской области (безъ р. Терека, отрѣзанной къ Кавказской области). Отъ Донской области отрѣзывалась сѣверная часть Хоперскаго округа (со станицами: Правоторовской, Ярышенской, сл. Мачехой, Краснопольской и Тростянкой), отходившая къ Приволжской Области. Къ Юго-Восточной области прирѣзывались части Богучарскаго уѣзда Харьковской губ. Зато устья Дона и все побережье Азовскаго моря съ Таганрогскимъ и Ростовскимъ округами должны были отойти къ Южной Области.

Такимъ образомъ, и въ проектѣ с.-р. намѣчалось образованіе большого Юго-Восточнаго Штата. Во главѣ области должно было стоять представительное собраніе или «областное земство», избранное на основаніи всеобщаго и т. д. голосованія. Съ областями должны были совпадать округа: учебные, судебные и военные. Кругъ власти различныхъ областныхъ самоуправленій предполагался различнымъ, «въ зависимости отъ культурно-исторической обособленности областей», такъ что, напр., Польша должна была «получить самое широкое право политическаго самоопредѣленія и т. п....» Всѣ эти опредѣленія были весьма расплывчаты и неопредѣленны, и весь проектъ не особенно считался, именно, съ историческими особенностями прежнихъ областей .

Позже (1910) этотъ проектъ подвергся критикѣ со стороны членовъ той-же партіи с.-р., которые выдвигали, вмѣсто идеи областныхъ автономій, идею національно персональной автономіи. М. Борисовъ указывалъ, между прочимъ, что въ Донской области 29,5 % общаго населенія составляютъ малороссы.**)

*) Проектъ основного закона о землѣ подъ ред. Ф. Дѣдова, Н. Максимова, С. Нечетнаго и А. Рудина. Изд. Новожилова («Дон. Рѣчь») 1906. Авторомъ его былъ К. Качоровскій.

**) Борисовъ «Соціализмъ и проблема національной автономіи», «Соц. Революціонеръ», трехмѣс. обозр., 1910, N 2. с. 226, особенно же с. 255.

Къ с.-р.-му типу областническихъ проектовъ принадлежалъ и проектъ проф. Кон. Ал. Фортунатова.*) Авторъ предисловія, А. Веселовъ, полагалъ, что «всеобщее голосованіе, которое выберетъ будущую полноправную Народную Думу, дастъ значительное большинство сторонниковъ самаго широкаго областного самоуправленія». Фортунатовъ намѣчалъ 16 «штатовъ». Изъ нихъ — одинъ «казачій (обл. Донская, Кубанская, 2 округа Терской, губ. Астраханская, Ставропольская, Черноморская) съ населеніемъ 6.700 тыс. чел.».

Изъ либеральныхъ проектовъ эпохи 1904-5 г. г. ни одинъ не говорилъ спеціально о Донѣ. Выработанный группою членовъ «Союза Освобожденія» въ октябрѣ 1904 г. проектъ **) предполагалъ созданіе Государственной Думы изъ двухъ палатъ: Земской Палаты и Палаты Народныхъ Представителей. Земская Палата должна была избираться губернскими земскими собраніями и городскими думами (городовъ съ населеніемъ свыше 125.000 жит.). Составители проекта дѣлили Россію на губерніи, «устраняя области и «земли» (Земля Войска Донского)», (§§ 37 и 66). Такимъ образомъ, по этому проекту Донской край, превращенный въ губернію, долженъ былъ воспользоваться благами децентрализаціи. Авторы проекта допускали для губернскихъ земствъ право «образовывать высшія самоуправляющіяся единицы — областныя земства», но считали это дѣломъ будущаго.

Проектъ основного государственнаго закона Россійской Имперіи, составленный «однимъ финляндскимъ политическимъ дѣятелемъ»,***) предвидѣлъ раздѣленіе Россіи на болѣе обширныя «области или провинціи», нежели губерніи, но не давалъ болѣе точнаго перечня ихъ.

Наконецъ, проектъ основного закона Россійской Имперіи, выработанный коммиссіей бюро общеземскихъ съѣздовъ, былъ принятъ московскимъ общеземскимъ съѣздомъ въ іюлѣ 1905 года и опубликованъ въ «Русс. Вѣдомостяхъ» (1905 г., № 180). Согласно этому проекту также вводилась двухпалатная система, и Государственная Дума дѣлилась на Земскую Палату и Палату Народныхъ Представителей. При этомъ, старыя губерніи сохранялись, но надъ ними становились «области» изъ нѣсколькихъ губерній. Проектъ этотъ имѣлъ нѣкоторое сходство съ проектомъ группы членовъ «Союза Освобожденія». И онъ также не говорилъ конкретно о Донѣ и Юго-Востокѣ Россіи.[1])

Итакъ, какъ мы видимъ, втеченіе послѣднихъ 35 лѣтъ все

*) К. Фортунатовъ «Національныя области Россіи», (съ пред. А. Веселова), опытъ статист. изслѣдованія по даннымъ всеобщ. переписи 1897 г., РПБ. 1906.

**) Основной государств. законъ Росс. Имперіи. Проектъ русс. конституціи. Парижъ, 1905, с. 17, 26, 51, 53.

***) Матеріалы по выработкѣ русс. конституціи, в. II, Парижъ, 1906.

[1]) Матеріалы по выработкѣ русс. констит., в. III, Парижъ, 1905.

болѣе распространяется идея о необходимости произвести перераспредѣленіе старыхъ административныхъ единицъ, на которыя дѣлилась Россійская Имперія, причемъ Донской край мыслится или какъ отдѣльный штатъ грядущей федераціи, или же онъ входитъ въ составъ новаго Юго-Восточнаго или Казачьяго Штата. Среди мѣстныхъ автономистовъ не умираетъ идея о необходимости возстановить историческія границы Земли Войска Донскаго, т. е. присоединить къ Донскому краю части его, отрѣзанныя при Петрѣ I. Другіе, наконецъ, намѣчаютъ присоединеніе къ Области Царицына съ прилегающими частями Саратовской и Астраханской губерній.

Лица, далекія отъ увлеченія исторической ролью и значеніемъ донской вольной колоніи, думаютъ о томъ-же, исходя изъ соображеній чисто экономическихъ. Торгово-промышленнымъ центромъ Дона, Приазовья и Сѣвернаго Кавказа, несмотря на множество препятствій, становится Ростовъ на Дону. И лица, исходящія исключительно изъ интересовъ экономическаго развитія Юго-Востока, строятъ широкіе проекты Волго-Донскаго канала, соединенія Азовскаго и Каспійскаго морей (черезъ Манычъ), морского подходнаго канала къ Ростову на Дону, а также проекты мощнаго развитія краевой желѣзнодорожной сѣти, въ связи съ новыми линіями на Сѣверъ (на Елецъ), на Саратовъ, на Сибирь (черезъ Царицынъ, съ мостомъ черезъ Волгу) и т. п. Экономическое развитіе края требуетъ повелительно созданія новыхъ общественныхъ отношеній, раскрѣпощенія казачества, свободы личной иниціативы и предпріимчивости, административной перестройки. Созданіе Юго-Восточнаго Штата свободной Россіи намѣчается, какъ необходимость, и для людей, далекихъ отъ политики, но умѣющихъ создавать широкіе и грандіозные финансово-экономическіе проекты. Развитіе политической мысли, какъ мы видѣли, не поспѣваетъ за развитіемъ экономическихъ отношеній.

Обращаясь къ разсмотрѣнію вопроса о Донѣ и казачествѣ въ политическихъ программахъ эпохи, мы видимъ, что общероссійскія партіи мало детализировали свои программы и почти не говорили объ интересующемъ насъ краѣ, ни о казакахъ. Одна лишь, далекая отъ Дона, «радикальная партія», образовавшаяся въ 1905 г., заявляла въ своей программѣ, что ставитъ своей цѣлью (§ 80) «преобразованіе арміи на милиціонномъ началѣ», и въ качествѣ переходной мѣры рекомендовала (§ 86, п. 2) «реорганизацію казачьихъ войскъ на общемъ основаніи». Вмѣстѣ съ тѣмъ, радикальная партія стояла за федеративный строй, за Россійскіе Соединенные Штаты. *) Такимъ образомъ, небольшая группа «радикаловъ» стояла, въ

*) «Росс. партіи, союзы и лиги». Сб. программъ. сост. В. Ивановичъ. СПБ., 1906, с 14. Также: «Подр. программа радикальной партіи», СПБ., 1905 (на отд. листѣ).

сущности, за превращеніе Донского края въ штатъ федеративной республики и за уничтоженіе казачества, какъ исторически сложившагося сословія.

Конституціонно-демократическая партія, подобно другимъ лѣвымъ партіямъ, въ своей программѣ говорила лишь о «распространеніи мѣстнаго самоуправленія на все Россійское Государство» и объ «открытіи правомѣрнаго пути въ порядкѣ общегосударственнаго законодательства для установленія мѣстной автономіи и областныхъ представительныхъ собраній». Очень общее требованіе это не говорило точнѣе ни объ одной области Россійской Имперіи, обладавшей историческими правами, кромѣ Финляндіи и Польши.

Кромѣ к.-д., только партія свободомыслящихъ стояла за національныя автономіи, но высказывалась противъ федераціи. За широкое мѣстное самоуправленіе высказались партія демократическихъ реформъ и демократическій союзъ конституціоналистовъ. Остальныя партіи правѣе к.-д. были или отрицательно, или даже враждебно настроены по отношенію къ автономіи. Отрицательно относились партіи: правового порядка, прогрессивно-экономическая, торгово-промышленная, и союзы: 17-го октября, всероссійскій торгово-промышленный и конституціонно-монархическій правовый союзъ. Русская народная партія, возглавляемая Шараповымъ, была противъ федераціи, но выдвигала старый шараповскій проектъ дѣленія Россіи на 18 областей. Враждебны автономіи были партіи: монархическая, всероссійская отечественная и союзы: отечественный, русскій національный всесословный и союзъ русскаго народа.

Такимъ образомъ, большинство партій всероссійскаго характера было противъ автономій національнаго типа, а вмѣстѣ и противъ областничества коренныхъ русскихъ областей (Сибири, Поволжья, Дона, Украины).

Что касается отношенія партіи к.-д. къ казачеству, то этимъ вопросомъ интересовались лишь тѣ члены партіи, которые жили на Дону. Правительство боролось съ этимъ, и въ концѣ іюня 1906 г. на собраніи партіи к.-д. въ Новочеркасскѣ полиція запретила докладъ о нуждахъ казачества. Тѣмъ не менѣе донскіе к.-д., и въ періодъ выборной кампаніи въ первую Думу, и въ качествѣ членовъ Думы довольно много вниманія посвятили нуждамъ казачества.

Вообще, и «Союзъ Освобожденія», и смѣнившая его (съ октября 1905 г.) партія «Народной Свободы» (к.-д.) имѣли очень большой успѣхъ на Дону. Виднымъ к.-д. центромъ сдѣлался г. Ростовъ на Дону, но не менѣе видную роль въ к.-д. движеніи игралъ и центръ казачьей интеллигенціи — Новочеркасскъ. Вліяніе к.-д. сказалось, въ особенности, на выборахъ въ Государственную Думу, въ послѣдней ихъ стадіи, т. е. на областномъ собраніи выборщиковъ.

Войсковое Начальство было непріятно изумлено резуль-

татами выборовъ въ I-ую Государственную Думу. Войсковой наказный атаманъ вызвалъ къ себѣ стариковъ-выборщиковъ, участниковъ областного избирательнаго собранія и обрушился на нихъ съ упрекомъ за избраніе депутатовъ-«кадетовъ». — «Да мы, Ваше Прев-во, всѣ — кадеты», — отвѣтили «старики». Это не значило, конечно, что донское казачество разбиралось въ тонкостяхъ к.-д. программы, но оно высоко оцѣнило политическую часть этой программы. Основнымъ вопросомъ для казачьихъ станицъ являлся вопросъ не аграрный, а правовой, вопросъ о самоуправленіи на Дону и о всероссійскомъ народномъ представительствѣ. И политическая программа к.-д. оказывалась для Дона необходимой и достаточной. Интересно отмѣтить, что учредительный съѣздъ всероссійскаго офицерскаго союза не коснулся въ своей программѣ вопроса о казачествѣ.*)

Программа россійской соціалъ-демократической рабочей партіи выставляла требованіе (п. 3) «широкаго мѣстнаго самоуправленія; областного самоуправленія для тѣхъ мѣстностей, которыя отличаются особыми бытовыми условіями и составомъ населенія». Соціалъ-демократическая партія была централистской и, по существу, допускала лишь мѣстную областную автономію. Донской край могъ бы, впрочемъ, претендовать и при этой программѣ на автономію.

Что касается казачества, то къ нему, пожалуй, можно отнести то мѣсто декларацiи, которую сдѣлала соц.-дем. фракція I-й Государственной Думы (въ засѣданіи 16 іюня 1906 г.), гдѣ говорилось: соц.-дем. фракція будетъ поддерживать требованія «низшихъ чиновъ арміи, флота и казачьихъ войскъ объ улучшеніи ихъ экономическаго и правового положенія».**) Это было заявленіе очень туманное. Сосредоточившись на защитѣ интересовъ рабочаго класса, соціалъ-демократія не задумывалась надъ судьбою казачества. Въ центральномъ органѣ партіи («Искрѣ») за 1901—1905 г. г. было больше посвящено вниманія рабочимъ 2—3 новочеркасскихъ мастерскихъ, чѣмъ всему казачеству. Или имъ пренебрегали, или видѣли въ немъ силу, враждебную освободительному движенію, въ частности, борьбѣ за освобожденіе рабочаго класса.

Л. Надеждинъ, руководитель небольшой «революціонно-соціалистической» группы «Свобода», выпустилъ въ 1902 г., въ Женевѣ, брошюру «Изъ современной жизни», въ которой, по поводу событій на ст. Тихорѣцкой въ связи съ трагической смертью Золотовой, касался вопроса о казачествѣ.

«Во всей Европѣ, — писалъ онъ, — слово «казакъ» употребляется, какъ пугало, для выраженія чего-то въ высшей

*) Прил. къ N 2 «Военн. Союза», Органа Сѣв. Организ. Комитета Офиц. Союза, 1906, дек.

**) Стеногр. отч. Гос. Думы I-го созыва. I-сессія, зас. 16 іюня.

степени ужаснаго и чудовищнаго... Давно уже миновали времена, когда со словомъ «казакъ» соединялось представленіе о буйныхъ головахъ, не покорявшихся царямъ, боярамъ и прочимъ рабовладѣльцамъ Россіи, жившихъ собственной вольной волей... Царская власть не только покорила запорожскихъ, донскихъ, уральскихъ и иныхъ казаковъ, сломивъ ихъ вольную жизнь, но еще и успѣла выработать изъ нихъ то, что потребовалось ей самой: тупыхъ и озвѣрѣлыхъ нагаечниковъ».

Причину «озвѣрѣнія» казачества Надеждинъ видѣлъ въ томъ воспитаніи, которое давало ему правительство на службѣ, посылая казаковъ на внутренняго врага; а послѣднимъ сказывалось все населеніе. Въ конечномъ результатѣ, по его мнѣнію, казачество должно было понять, что, если весь народъ превращается во внутренняго врага, то истиннымъ внутреннимъ врагомъ является само правительство, идущее противъ народа.

«Искра» лишь однажды, по поводу мобилизаціи 1904 г., помѣстила корреспонденцію своего новочеркасскаго корреспондента (В. П. Литова) «о настроеніяхъ казачества» (№ 61). Между тѣмъ, во главѣ с.-д. стоялъ человѣкъ, который, еще въ эпоху своихъ народническихъ увлеченій, въ 1878 г., пытался съорганизовать и направить въ революціонное русло протесты донского казачества, — Г. В. Плехановъ. Къ тому-же с.-д. организація на Дону сыграла видную роль въ 1901—1905 г. г. Правда, дѣятельность с.-д. партіи, въ описываемую эпоху, распространялась исключительно на гражданскіе округа Области и на пункты скопленія рабочихъ (Ростовъ на Дону, Таганрогъ, Александровскъ-Грушевскій съ шахтами и Сулинскій заводъ Пастухова).

Донской Комитетъ Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи основанъ былъ въ Ростовѣ на Дону, въ 1898 г. Но онъ и не думалъ о революціонной работѣ среди казачества. Къ 1905—1907 г. г. относятся лишь нѣсколько листковъ, напечатанныхъ въ Ростовѣ и Новочеркасскѣ и обращенныхъ къ казачеству. Но они говорятъ не объ его нуждахъ и стремленіяхъ, а лишь о событіяхъ общероссійскихъ и о реакціонной роли казачества въ революціи.

Дѣятельность с.-д. среди рабочихъ выражалась въ пропагандѣ, агитаціи и изданіи листковъ. Рабочее движеніе въ Области пріобрѣтаетъ постепенно организованный политическій и экономическій характеръ. Но, осенью 1902 г., оно становится стихійнымъ, и забастовка, начавшаяся въ мастерскихъ Владикавказской жел.-дороги, охватываетъ всѣ предпріятія гор. Ростова на Дону. Ноябрьскіе митинги 1902 г., собирающіе до 25 тыс. человѣкъ участниковъ, привлекаютъ на мгновеніе вниманіе всего міра къ рабочему движенію въ Ростовѣ. «Первый снѣгъ, и вмѣстѣ первый ударъ надвигающейся революціи», — пишетъ объ этихъ событіяхъ Донской комитетъ с.-д.

Въ 1903 г. происходитъ демонстрація въ Ростовѣ, сопро-

вождающаяся убійствомъ пристава. Въ Ростовѣ основывается охранное отдѣленіе, а вслѣдъ за нимъ градоначальство. Но эти мѣропріятія полицейскаго характера, а равно и то, что Ростовъ съ сент. 1881 г. неизмѣнно пребываетъ (по 1917 г.) на положеніи усиленной охраны, не помѣшали бурному революціонному взрыву въ 1905 г.

Съ 12 по 18 окт. 1905 г., въ Ростовѣ, происходитъ всеобщая забастовка, охватывающая затѣмъ не только города, но и административные центры Области. Съ 18 по 20 окт. происходитъ въ Ростовѣ контръ-революціонный погромъ, направленный противъ радикальной интеллигенціи и противъ евреевъ, организованный градоначальникомъ Коцебу-Пиларъ-фонъ-Пильхау и полицеймейстеромъ Прокоповичемъ. Жертвами его падаетъ до 500 чел.*)

Въ т. наз. «дни свободы» въ Ростовѣ дѣйствуетъ полулегально «Совѣтъ рабочихъ депутатовъ». Въ декабрѣ 1905 г. начинается забастовка Владикавказской жел. дороги и возстаніе рабочихъ. Послѣдніе завладѣваютъ вокзаломъ и Затемерницкимъ поселеніемъ, и нѣсколько дней ведутъ небезуспѣшную борьбу съ войсками, обстрѣливающими вокзалъ.

Такимъ образомъ, можно сказать, что присоединеніе Ростова и Таганрога къ Области не только не принесло желаемыхъ результатовъ, не остановило революціоннаго движенія въ Приазовьѣ, но — наоборотъ — ускорило процессъ разложенія стараго патріархальнаго уклада казачьей жизни. Увеличеніе числа т. наз. «иногороднихъ», обостреніе экономическихъ противорѣчій въ средѣ самого казачества, вліяніе крупныхъ промышленныхъ и торговыхъ центровъ на казачество — все это способствовало вовлеченію и казачества въ общее движеніе.

Очень общій характеръ носила программа партіи соціалистовъ-революціонеровъ, требовавшая «установленія демократической республики, съ широкой автономіей областей и общинъ». Главное вниманіе обращала партія на «угнетеніе самодержавіемъ покоренныхъ императорской Россіей національностей» и на необходимость «возможно болѣе широкаго примѣненіе федеративнаго начала къ отношеніямъ между отдѣльными національностями». Такимъ образомъ, сибирское, донское, уральское и волжское областничество не находило, собственно, себѣ отклика въ программѣ с.-р.

Проекты Качоровскаго и Фортунатова появились лишь въ 1906 году. Въ практической-же дѣятельности на Дону партія с.-р. не сыграла видной роли. Опираясь исключительно на крестьянство, партія с.-р. почти игнорировала казачество, или разсматривала его, какъ группу, враждебную революціи и крестьянству. Органъ партіи («Революціонная Россія») помѣщалъ

*) «Погромы въ Россіи» (по офиц. докум.), Берлинъ, (1907), с. 397. «Дѣло объ отвѣтственности ростов. градонач.»

корреспонденціи о рабочемъ движеніи изъ Ростова, Таганрога, Донецкаго района. Въ 1903 г. онъ отмѣчалъ крестьянское движеніе въ ростовскомъ округѣ (районъ Азова). Въ эту-же эпоху (1903—1905 г.) существуютъ на Дону слабыя организаціи с.-р. (въ Азовѣ и Ростовѣ н. Д., затѣмъ въ Таганрогѣ). Въ августѣ 1905 г. происходитъ конференція представителей группъ Ростовской, Черноморской, Екатеринодарской и Минераловодской, съ цѣлью объединенія въ Юго-Восточный Союзъ партіи с.-р. Конференція рѣшила, чтобы группы оказывали одна другой взаимную помощь и содѣйствіе. Организаціонное объединеніе с.-р. группъ послѣ 1905 г. именуется на Дону то Донскою, то Азовско-Донскою «областью партіи с.-р.».

Въ 1907 г. издаютъ прокламаціи къ казакамъ и Воронежскій, и Елисаветградскій комитеты партіи с.-р.*) Но донскіе с.-р. работаютъ лишь среди рабочихъ, основываютъ «рабочій союзъ» при Ростовскомъ с.-р. комитетѣ, Таганрогскій «окружной» комитетъ с.-р., пытающійся распространить свою дѣятельность на Юзовку и Луганскъ. Въ іюнѣ 1907 года Ростовскій комитетъ партіи с.-р. выпускаетъ прокламацію по поводу покушенія на жизнь ростовскаго полицеймейстера Колпикова. Но, за все это время, донскія организаціи с.-р. не думаютъ о воздѣйствіи на казачество. И «Революціонное Дѣло», органъ «Донской области П. С. Р.», вышедшій въ мартѣ 1908 г., говоритъ лишь мимоходомъ о казакахъ-урупцахъ, наряду съ матросами-«потемкинцами», о «казачьей нагайкѣ» рядомъ съ солдатскими штыками, много отводитъ мѣста вреду фабричнаго террора, но не находитъ ни слова для казачества.

Въ эпоху, когда с.-р. органы могли выходить въ Россіи легально (въ 1906 г.), они дружно высказались за уничтоженіе казачества.

Такъ, въ сборникѣ «Народный Вѣстникъ», выходившемъ въ 1906 г., въ статьѣ «О казакахъ» Л. Чермакъ писалъ, что «слово «казакъ» стало синонимомъ грубости, наглости, жестокости, звѣрства». Онъ не сомнѣвался, что «когда наши народные представители получатъ власть, то казачій вопросъ будетъ однимъ изъ первыхъ, которымъ они займутся и разрѣшатъ его въ смыслѣ уничтоженія этой военной касты, являющейся покорнымъ орудіемъ . . . въ рукахъ правящаго класса...» **) Черезъ нѣкоторое время, авторъ вернулся къ той-же темѣ и, излагая исторію земельнаго вопроса у сибирскихъ казаковъ, высказалъ мысли о казачествѣ вообще.***) Онъ возражалъ на заявленія казачества, что, рѣшая казачій вопросъ, нельзя трогать казачью землю. «Почему это, — спрашивалъ г. Л. Ч., — рус-

*) «Казаки-Люди» («Борьба и жизнь», Ворон, к. п. с.-р., N 1, май 1907; «Къ солд. и казакамъ!», прокл. Елис. к. п. с.-р., мартъ 1907 г.

**) «Народ. Вѣстникъ», СПБ.), 1906, 13 мая, N 9.

***) «Голосъ», 4 (17) іюня 1906 г. Л. Ч. «О казакахъ».

скій народъ въ моментъ коренной ломки поземельныхъ отношеній, проводя въ жизнь принципъ «земля — трудящимся», долженъ блюсти какія-то казацкія привилегіи?...» Авторъ считалъ вздорными страхи, будто-бы казаки съ оружіемъ въ рукахъ будутъ защищать свою землю. Бывали уже случаи уничтоженія казачьихъ войскъ, и «никакихъ бѣдъ не воспослѣдовало». Не вызоветъ взрыва негодованія у станичниковъ и отобраніе земель у казачьяго офицерства, «ибо трудно предположить между этими двумя группами казачества такое единеніе, чтобы масса малосостоятельнаго населенія . . . вступилась-бы за богатое меньшинство. Не можетъ возбудить недовольства казаковъ и обращеніе земель войскового запаса въ разрядъ казенныхъ земель, ибо и теперь доходы съ нихъ идутъ не непосредственно казакамъ, а поступаютъ въ войсковые и станичные капиталы . . .»

По мнѣнію г. Л. Ч. было «прямо таки преступно поддерживать то мнѣніе, что казачество является чѣмъ-то особеннымъ, чего нельзя касаться. Казачество это — прежде всего часть великаго народа, и должно будетъ подчиняться и подчинится тому рѣшенію, которое будетъ продиктовано народомъ». Легальные с.-р. органы печатали это мнѣніе г. Чермака безъ всякихъ редакціонныхъ оговорокъ.

По поводу опубликованной 3 іюня 1906 г. грамоты сибирскому казачьему войску (помѣченной 23-мъ апрѣля 1906 г.) с.-р. «Голосъ»*) замѣтилъ, что «укрѣпленіе» въ грамотѣ «за сибирскимъ казачьимъ войскомъ предоставленныхъ ему земель» незаконно и по формальнымъ основаніямъ, и по существу. Нельзя издавать новыхъ законовъ помимо Думы, разъ есть Дума. «Вопросы-же, связанные съ землевладѣніемъ казаковъ, входятъ въ область аграрнаго вопроса въ Россіи, надъ разрѣшеніемъ котораго работаетъ Дума». Такимъ образомъ, с.-р. были за уничтоженіе казачества и «передѣлъ» его земель.

Большій интересъ проявили с.-р. къ казачеству уже послѣ революціи 1905 г. Одинъ изъ с.-р. дѣятелей, стоявшій за работу въ казачествѣ, выступилъ, подъ псевдонимомъ «Викторъ Военный», со статьею: «Казачество и революція».**) Авторъ доказывалъ, что революціонная работа среди казачества необходима, но она должна быть приспособлена къ быту, исторіи и психикѣ казачества. Особенностями казачества являлись два обстоятельства: во первыхъ — это в о й с к о, не оторванное отъ земли, семьи и быта, иррегулярное; во вторыхъ — это «въ громадномъ большинствѣ своемъ — компактная масса трудового земледѣльческаго населенія, выработавшаго . . . трудовыя возрѣнія, демократическое самоуправленіе, и развившаго въ своемъ быту цѣлую сѣть взаимоотношеній, въ основѣ которыхъ зало-

*) Любовинъ «Новая милость казакамъ», «Голосъ», 1906, 8 (21) іюня.
**) «Знамя труда», Центр. Орг. П. С. Р., N 28—29, май—іюнь 1910 г.

жена самая глубокая общественность, хотя иногда и первобытная».

Опровергая укоренившійся взглядъ на реакціонность казачества, авторъ указывалъ на тяжкое экономическое и правовое положеніе нѣкогда вольнаго казачества, и объяснялъ, что въ усмиреніяхъ дѣйствовали лишь казаки первой очереди, да и то въ силу жестокой военной дисциплины. Полки 2 и 3-й очереди (напр. Донской запасный полкъ въ Москвѣ въ 1905 г., урупцы и др.) были менѣе надежны. Станичники-же выбирали «лѣвыхъ» депутатовъ, посылали имъ революціонные наказы, приговоры и т. д.

Это движеніе заставило правительство согласится на созывъ Областной Казачьей Рады на Кубани (для «уравнительнаго надѣленія землями войскового запаса наибѣднѣйшихъ станицъ»), обѣщать созывъ подобнаго же Круга на Дону (авторъ наивно называлъ Кругъ — «Донской Казачьей Радой»). Помимо дисциплины, сковывающей казаковъ, авторъ видѣлъ причину реакціонности казачества въ его искусственной сословной обособленности. Эта обособленность развивается правительствомъ разными пріемами: это и военный шовинизмъ, и прошлое казачества, но главное — это земельныя отношенія между казаками и арендующими у нихъ земли мало- и безземельными крестьянами, «иногородними».

Казачество страдаетъ отъ малоземелья, возмутительной системы коневодства, разорительной «справы» на службу. Въ правовомъ отношеніи казаки страдаютъ отъ прикрѣпленія къ землѣ, сословію и воинской службѣ, отъ дисциплины, вторгающейся даже въ мирную домашнюю жизнь, отъ милитаризаціи всего управленія, а также отъ репрессій (послѣ 1905 г.).

Авторъ обращалъ вниманіе с.-р. на идеальную подготовленность казачества для цѣлей «всенароднаго вооруженнаго возстанія»; ихъ не надо организовывать, вооружать, обучать: это вооруженный народъ. Авторъ рекомендовалъ устройство безпартійныхъ организацій (легальныхъ) и партійныхъ братствъ (тайныхъ).

Наконецъ, въ 1919 г., партія с.-р. выпустила брошюру «Донское Казачье Войско».*) Авторъ разсказывалъ (не безъ ошибокъ), «откуда повелось на Руси казачество», «что беретъ правительство отъ казаковъ и что оно имъ даетъ», каково «земельное достояніе Донского войска». Онъ доказывалъ, что правительство обмануло донцевъ, не собравши «Донскую Казачью Раду», и что «надо по всей Россіи Народную Волю установить, чтобы на Дону поставить волю казачью выше всего...» Такъ какъ «и казаки малоземельемъ страдаютъ, стало быть и имъ земли нужно». «Но земли безъ воли не только не получишь, но и не удержишь...» Поэтому, авторъ заявлялъ:

*) Изд. Цент. Комит. п. с. р., N 7, 40 с.

«чтобы установить новый справедливый порядокъ, не милостивыхъ указовъ царскихъ ждать надо, а добиваться силою созыва народнаго Учредительнаго Собранія, которое по всей правдѣ разрѣшитъ всѣ народныя нужды и установитъ навсегда на Руси Народную Волю. Казаки должны бороться не противъ народа, а за народъ. . .»

Такимъ образомъ, авторъ брошюры умалчивалъ совершенно о донскихъ коренныхъ и пришлыхъ крестьянахъ («иногородныхъ») и не говорилъ, какъ-же должны размежеваться съ ними казаки и въ вопросѣ правовомъ, и въ вопросѣ земельномъ. Во всякомъ случаѣ должно еще разъ повторить, что с.-р. не сыграли видной роли на Дону въ эпоху 1894—1917 г. г. Это вполнѣ естественно, по отношенію къ казачеству, но не совсѣмъ понятно по отношенію къ донскому крестьянству. Впрочемъ, въ средѣ послѣдняго довольно видную роль сыгралъ Всероссійскій Крестьянскій Союзъ, носившій с.-р. характеръ.

Правая народническая группа, издававшая «Русское Богатство» и впослѣдствіи создавшая «народно-соціалистичекую партію», проявила, пожалуй, наиболѣе серьезный интересъ къ казачеству, печатая рядъ статьей Θ. Д. Крюкова, С. Я. Арефина и другихъ о Донѣ.*)

Этотъ серьезный интересъ къ казачеству со стороны «Русскаго Богатства» не мѣшалъ его участникамъ отрицательно относиться къ участію казачества въ усмиреніяхъ. Такъ, въ октябрѣ 1905 года, вслѣдъ за 17-мъ окт., Н. Θ. Анненскій, бесѣдуя въ числѣ представителей петербургской печати съ гр. Витте, заявилъ: «Насъ бьютъ казаки; удалите эту дикую орду. . .» Въ отвѣтъ на это группа лицъ, за подписью «Представители казачества, живущіе въ Петербургѣ» помѣстила въ «Новомъ Времени» письмо. Въ немъ она защищала «обширное и древнее сословіе истинно-русскихъ православныхъ людей», казаковъ, охраняющихъ родину «отъ анархіи», отъ нападковъ со стороны радикальной интеллигенціи.

Въ данномъ случаѣ, на защиту казачества выступили представители правыхъ партій, всячески старавшіеся сохранить за собою право говорить отъ имени казачества, «истиннаго» казачества. Подъ этимъ именемъ они понимали не гражданъ вольной, нѣкогда республиканской, колоніи, не **вольное** казачество, а служилое казачье войско, «реформами» Александра III-го низведенное до положенія аракчеевскихъ военныхъ селеній.

Правыя партіи были представлены на Дону союзомъ русскаго народа, а также «союзомъ 17-го октября». Онѣ имѣли нѣкоторый успѣхъ въ городахъ, среди крупной буржуазіи, среди части донского генералитета. На выборахъ въ Государ-

*) «Русс. Бог.», 1904, X; 1907, IV и др.

ственную Думу союзъ 17-го октября заключилъ съ союзомъ русскаго народа откровенный союзъ, составивши такъ называемый «блокъ правыхъ партій». Потерпѣвши неудачу, союзъ русскаго народа, не безъ сочувствія октябристовъ, обрушился на «жидовскую Думу», на евреевъ.*) Войсковая администрація оказывала содѣйствіе распространенію газетъ «Русское Знамя», «Вѣче», «Зорька» и т. п. изданій. Въ 1906 г. былъ изданъ листокъ: «Славному Казачеству — союзъ русскаго народа».**) Въ немъ говорилось, что «во всѣхъ жидами закупленныхъ газетахъ подаются голоса о прививкѣ къ казачеству чумной болѣзни, чтобы этимъ свести съ лица земли, покоренной предками казаковъ, истинныхъ слугъ Государевыхъ, истинную опору Вѣры Христовой и Отечества». Въ заключеніе союзъ призывалъ казаковъ: «Не теряйте-же времени, пишите на станичныхъ сборахъ о вступленіи вашемъ въ союзъ русскаго народа, высылайте скорѣй приговоры къ намъ, а дальше самъ Господь и сердце, преданное Государю, подскажутъ Вамъ, что надо дѣлать...»

Хорошо выразилъ вожделѣнія правыхъ поэтъ Киселевъ 2-й въ одѣ, посвященной «полтавскимъ донцамъ», т. е. казакамъ, стоявшимъ для охраны порядка (въ 1906 г.) въ гор. Полтавѣ. Онъ писалъ:

«Намъ не надо конституцій,
«Мы республикъ не хотимъ,
«Не дадимъ продать Россію,
«Царскій тронъ мы защитимъ...»

Вооруженная защита стараго государственнаго и общественнаго порядка — такова была задача, которую возлагали на казачество правыя партіи. Несмотря на официальную поддержку, партіи эти не имѣли на Дону успѣха.

Глава XLIV.

Донъ въ программахъ казачьихъ политическихъ группъ 1904—1908. Участіе въ движеніи гражданскаго населенія и донского дворянства. Казачество и подавленіе революціи.

Помимо мѣстныхъ группъ общероссійскихъ политическихъ партій, на Дону, естественно, должны были сложиться и организаціи, исходившія изъ областныхъ и чисто-казачьихъ интересовъ. Еще съ 70-хъ г. г., въ крупныхъ университетскихъ

*) Несмотря на свое сочувствіе Союзу русскаго народа, войсковая администрація конфисковала нѣсколько откровенно погромныхъ изданій.

**) СПБ., типографія И. Генералова, Гороховая, 31.

центрахъ (Харьковѣ, Москвѣ, Петербургѣ), существовали донскія землячества, довольно многочисленныя. Они принимали видное участіе въ Союзахъ землячествъ и общестуденческихъ объединеніяхъ. По дѣлу 1-го марта 1887 г. (подготовленіе къ покушенію на жизнь Александра III) былъ повѣшенъ студентъ Петербургскаго университета В. Д. Генераловъ, казакъ Потемкинской станицы. Въ связи съ тѣмъ же дѣломъ донское землячество въ Петербургѣ претерпѣло не малыя гоненія.

Но, помимо общестуденческихъ традицій, донскія землячества хранили и мѣстныя — областныя и казачьи. И это, страннымъ для посторонняго глаза образомъ, сближало радикальное студенчество съ донскимъ офицерствомъ казачьихъ полковъ, стоявшихъ въ столицахъ, и съ донскими генералами-областниками весьма консервативнаго склада. Изъ бывшихъ членовъ землячествъ, возвратившихся на Донъ по окончаніи высшихъ учебныхъ заведеній, вышли члены мѣстныхъ «казачьихъ» политическихъ группъ.

Осенью 1902 г. проявилось движеніе къ объединенію на Дону старыхъ земскихъ дѣятелей. Но они примкнули, по большей части, къ общероссійскимъ политическимъ группировкамъ. Среди молодежи среднихъ школъ въ 1902—1905 г. г. было сильное движеніе, выразившееся въ организаціи въ Ростовѣ, Таганрогѣ и Новочеркасскѣ кружковъ т. наз. «Южно-Русской Группы Учащейся Молодежи» (Ю. Р. Г. У. М.). Возникали эфемерныя группы, вродѣ «Группы Свободнаго Слова» (въ Новочеркасскѣ, 1902—1903), распространявшей листки съ политической информаціей .

Въ началѣ 1903 г. появились первыя прокламаціи организаціи «Казацкая Воля». Создана она была казачьей интеллигенціей въ Новочеркасскѣ. Прокламаціи ея печатались въ собственной тайной типографіи, на отличной бумагѣ. Въ первой изъ нихъ, сдѣлавъ обзоръ исторической роли казачества, авторы указывали, что самодержавіе похитило всѣ вольности казаковъ, пользуется ими для подавленія освободительнаго движенія, и всячески задерживаетъ ростъ духовнаго развитія и самосознанія казачества. Прокламація призывала казаковъ вспомнить старый донской кличъ: «Тряхнемъ Москвой —» и примкнуть къ общему движенію. Листокъ этотъ былъ распространенъ по окружнымъ станицамъ Области и, кое-гдѣ, дошелъ даже до казачества.*) Въ 1904 году «Казацкая Воля» прекратила свое существованіе.

Въ сентябрѣ 1905 г. среди новочеркасской интеллигенціи вновь возникла мысль объединиться и съорганизовать «областной казачій союзъ». Цѣлью союза учредители его намѣчали

*) «Освобожденіе», Штутгартъ, 1903 г. 19 окт. (1 нояб.) N 9 (33). с. 161—162, «Смута». Новочеркасскъ.

«раскрѣпощеніе казака». Путь къ этому лежалъ черезъ завоеваніе полноправнаго народнаго представительства.

Пользуясь указомъ Сенату отъ 18-го февраля 1905 г., члены Союза сдѣлали попытку итти по стопамъ Всероссійскаго Крестьянскаго Союза. Они собирали по станицамъ сходы, предлагая имъ примѣрный приговоръ, являвшійся сколкомъ съ приговора Крестьянскаго Союза. Приговоры состоялись въ станицахъ: Старочеркасской, Хомутовской, Кагальницкой и нѣкоторыхъ другихъ. Казаки охотно принимали пункты о народномъ представительствѣ, о всеобщемъ образованіи, но усомнились въ вопросахъ объ образованіи милиціи и о землѣ, видя въ нихъ посягательство на казачьи вольности и казачью землю.*) Въ милиціи они заподозрѣвали обращеніе ихъ въ «регулярство» (въ солдаты), а передѣлъ земли заставлялъ ихъ опасаться раздѣла не только войсковыхъ, но и станичныхъ земель между пришлымъ крестьянствомъ.

Въ 1905—1906 г. г. «Казачій Союзъ» продолжалъ свою дѣятельность. Въ концѣ 1906 г. была издана объяснительная записка къ проекту устава «Казачьяго Союза». ««Казачество, — говорилось въ этомъ проектѣ, — не мирилось съ неволей, съ принужденіемъ, съ неправдой и безправіемъ. Люди, наиболѣе сильные духомъ протеста, убѣгали отъ (московскаго) государственнаго порядка въ вольныя степи, на добровольную нужду, на долгую борьбу съ врагомъ. Воля, независимость свободной, полноправной личности была для нихъ дороже всего . . . Враговъ было много. Всѣ, кто несъ стѣсненіе свободы личной, свободы вѣры, свободы общественныхъ порядковъ, основанныхъ на равенствѣ и братствѣ, были врагами казачества: и кочевыя орды съ ихъ ханами, и польскіе короли съ ихъ панами, и русскіе цари съ своими патріархами, воеводами, дьяками и подъячими. Каждая пядь земли, каждый день пропитанія — все пріобрѣталось борьбой. И въ этой борьбѣ, закаленные духомъ и тѣломъ, они создали оплотъ русской народности на окраинахъ.

«Итакъ, главнымъ свойствомъ казачества была любовь къ свободѣ, къ полной самостоятельности и независимости. И, говоря о завѣтахъ предковъ, не слѣдуетъ забывать прежде всего этого. Изъ исторической борьбы казачества за свободу и независимость вытекли и главнѣйшія права казачества: право на самое широкое самоуправленіе и право на всю землю, которую казачество кровью своей пріобрѣло . . .»

Историки «Казачьяго Союза» нѣсколько преувеличивали борьбу казачества, сваливая въ кучу и «хановъ», и польскихъ пановъ, съ которыми Донъ не имѣлъ соприкосновенія, и «патріарховъ», съ которыми казачество никогда не вело борьбы. Но записка правильно напоминала, что «завѣтами предковъ» для казачества была борьба за свободу. Говоря о «независи-

*) Арефинъ, С. Я. «Донскіе казаки», «Русс. Бог.», 1906, XII, с. 147—151.

мости», Союзъ, однако, не выставлялъ лозунга борьбы за отдѣленіе Дона отъ Россіи или за автономію государственнаго типа. Онъ желалъ лишь «самаго широкаго самоуправленія».

Записка Союза заканчивалась словами: «Говорятъ, казачество отжило свое время. Роль его кончилась вмѣстѣ съ ролью окраинаго борца противъ внѣшнихъ враговъ. Нѣтъ! Не говоря уже о томъ, что прежняя его роль — борца противъ внѣшняго врага на окраинахъ, — пока существуетъ внѣшній врагъ, не кончилась, нынѣ для него выясняется новая роль еще болѣе высокаго значенія. Наиболѣе славная и почетная его роль именно въ борьбѣ за лучшія формы государственности, противъ самовластія и произвола, въ борьбѣ за свободу и права не только свои, но и всѣхъ угнетенныхъ. Тутъ именно славные завѣты старины гармонически сочетаются съ завоеваніями человѣческой мысли въ новыя времена. Эта борьба будетъ упорной. И чѣмъ скорѣе казачество пойметъ свои интересы и свое значеніе, тѣмъ скорѣе оно повернетъ шансы на побѣду въ пользу народа, тѣмъ скорѣе проложится путь къ грядущему народному счастью. И когда русскій народъ завоюетъ себѣ право на свободный трудъ, на всестороннее развитіе, на осуществленіе народовластія, когда путь къ общему счастью, равенству и братству будетъ очищенъ отъ терній и шиповъ, — человѣчество убѣдится, что формы широкаго народоправства и свободнаго общежитія созданы были людьми борьбы за право личности еще раньше. И въ числѣ этихъ борцовъ за право не послѣднее мѣсто занимаетъ казачество...»

«Казачій Союзъ» исходилъ изъ правильныхъ историческихъ предпосылокъ, доказывая, что казачество было демократичнымъ и свободолюбивымъ въ прошломъ. Онъ хотѣлъ, чтобы именно эти «завѣты предковъ», а не защита устарѣлаго государственнаго строя и интересовъ крупнаго землевладѣнія были основными идеалами казачества. И Союзъ не ошибался въ томъ, что широкая масса служилаго, нѣкогда вольнаго, донского казачества продолжала быть демократичной и искренно желала возстановленія на Дону и воцаренія политической свободы въ Россіи. Но, въ своихъ стремленіяхъ связать казачество съ общерусской борьбой за свободу, Союзъ переоцѣнивалъ ростъ сознанія въ казачьихъ массахъ, идеализировалъ архаическую казачью общину и готовность казачества бороться за новый порядокъ вещей. Программа «Казачьяго Союза» вдохновлялась своеобразными народническими симпатіями и не всегда исходила изъ историческихъ условій казачьей жизни.

Такой-же характеръ носилъ и проектъ программы «Донской Казачьей Организаціи», озаглавленный «Казачьи нужды» и разсылавшійся по станицамъ въ 1906—1907 г. г. Въ политическомъ отношеніи, помимо общаго россійскаго требованія политической свободы, «Донская Казачья Организація» требовала широкаго самоуправленія, возстановленія казачьяго Круга, чле-

ны, котораго избираются всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ. Войсковой атаманъ и другія выборныя власти должны избираться на одинъ годъ всѣмъ казачьимъ населеніемъ съ 20-лѣтняго возраста. Распоряженіе войсковымъ капиталомъ должно быть передано Войсковому Кругу. Въ отношеніи казачьей службы проектъ требовалъ замѣны «постоянныхъ армій» милиціей, т. е. вооруженія всѣхъ гражданъ, обучаемыхъ для этого военному искусству въ срокъ, потребный для этого и, при томъ, на мѣстахъ ихъ жительства. Этотъ пунктъ былъ автоматически списанъ съ современныхъ соціалистическихъ программъ.

Въ аграрномъ отношеніи проектъ требовалъ, чтобы всѣ свободныя казачьи земли, отведенныя подъ частное коннозаводство, подъ казенный Провальскій (конный) заводъ, подъ лагери войскъ и военныхъ училищъ, поступили «въ распоряженіе Войскового Круга» для удобнаго использованія ихъ населеніемъ». Земли, находящіяся во владѣніи монастырей и церквей, безъ выкупа отбираются и поступаютъ въ распоряженіе Войскового Круга. Покупка областнымъ правленіемъ земель у крупныхъ землевладѣльцевъ насчетъ войсковыхъ суммъ и т. под. операціи, совершаемыя безконтрольными чиновниками съ землями, «случайно попавшими въ руки помѣщиковъ», должны быть немедленно прекращены. Частновладѣльческія земли отбираются въ распоряженіе крестьянъ, заселившихъ издавна эти земли, обрабатывавшихъ ихъ, какъ при существованіи крѣпостного права, такъ и послѣ такового .

Такимъ образомъ, «Донская Казачья Организація» выдвигала весьма радикальный проектъ аграрной программы. Она не требовала возвращенія Войску всѣхъ захваченныхъ бывшей казачьей старшиной и нарѣзанныхъ дворянамъ и офицерамъ за службу войсковыхъ земель. Она не находила нужнымъ, чтобы эта часть войсковой земли пошла казачеству. «Донская Казачья Организація» даже весь фондъ войсковыхъ земель, отведенныхъ и неотведенныхъ подъ донское коннозаводство, отводила для нуждъ «населенія», вообще, не оговаривая доли казачества. Исключая программу с.-р., это была аграрная программа, наиболѣе далеко шедшая навстрѣчу интересамъ крестьянства, какъ коренного, такъ и пришлаго, «иногороднаго». Казачество, его историческія права, были здѣсь забыты или принесены въ жертву земельной нуждѣ крестьянства. И, быть можетъ, поэтому-то аграрная часть программы «Донской Казачьей Организаціи» не встрѣтила сочувствія широкой казачьей массы.

Интересной особенностью программы было желаніе утвердить на Дону начало индивидуальной собственности, вывести казака изъ станичной общины. Каждому казаку станицы проектъ предоставилъ право свободнаго выхода изъ общины съ выдѣленіемъ ему, въ случаѣ желанія, земельнаго участка, эко-

номически равнаго его паевому надѣлу. Отводъ участка въ натурѣ предоставлялся общинѣ, а всѣ споры по этому поводу должны были разрѣшаться судомъ. Такимъ образомъ, «Донская Казачья Организація» не только не стремилась сохранить историческую общину всего Войска Донскаго, но и хотѣла дать просторъ несомнѣнно обозначившемуся индивидуализму казачьей буржуазной демократіи.

Одновременно съ выступленіями казачьей интеллигенціи на станичныхъ сходахъ въ районѣ Черкасскаго округа, были такія-же выступленія въ округахъ Донецкомъ, Хоперскомъ, Усть-Медвѣдицкомъ. Въ 1905 г. (на сходѣ 7 апр.) ст. Каменская, пользуясь указомъ 18 февр. того-же года, вынесла требованіе полноправнаго народнаго представительства.*)

Въ 1906 г., уже во время дѣятельности первой Думы, наиболѣе характерный приговоръ принятъ былъ сходомъ станицы Усть-Медвѣдицкой.

Требованія этого приговора были слѣдующія:

«1) Въ войскѣ Донскомъ должно быть возстановлено прежнее самоуправленіе казачества, долженъ по прежнему созываться войсковой Кругъ изъ всѣхъ казаковъ-гражданъ для рѣшенія всѣхъ вопросовъ внутренней жизни казачества, какъ это было встарь.

2) Выборъ всѣхъ начальствующихъ въ войскѣ лицъ долженъ быть изъ среды своихъ-же казаковъ, начиная съ войскового атамана.»

Такимъ образомъ, по прямому смыслу приговора, можно было-бы подумать, что граждане Усть-Медвѣдицкой станицы требовали возстановленія прежней непосредственной демократіи въ ея примитивной формѣ. На дѣлѣ-же, конечно, они говорили объ областномъ мѣстномъ представительствѣ, но исключительно о казачьемъ, а не обще-краевомъ. Возобновленіе выборнаго начала и требованіе мѣстнаго происхожденія «начальствующихъ» были историческими требованіями казачества.

По аграрной части приговоръ излагалъ нижеслѣдующія соображенія: «(3) Вся земля, заключающаяся въ границахъ Области Войска Донскаго, какъ завоеванная самими казаками у кочевыхъ ордъ и добытая кровью нашихъ предковъ, должна всецѣло принадлежать казакамъ на общинномъ пользованіи, что было подтверждено грамотою Имп. Екатерины II въ 1786 г. Но такъ какъ еще съ конца XVIII столѣтія на Дону, благодаря поощренію правительства, образовалась частная собственность на землю, съ одной стороны, путемъ захвата казацкими старшинами общинной войсковой земли и заселенія ея крѣпостными крестьянами (1,607.749 дес.), а съ другой — черезъ раздачу самимъ правительствомъ не принадлежащихъ ему участковъ офицерамъ и чиновникамъ (1,187.749 дес.), что составляетъ

*) Б. Воробьевъ «О казакахъ», «Отклики Современности», N 1, 15 мар. 1906.

полное нарушеніе казачьихъ правъ на землю, то мы, съ своей стороны, находимъ справедливымъ поступить съ этой насильственно отнятой у насъ землей такъ: всю розданную офицерамъ и чиновникамъ землю выкупить на войсковой счетъ и возвратить казакамъ; что-же касается помѣщичьей земли, захваченной казацкими старшинами, то, принимая во вниманіе, что она заселена съ давнихъ поръ крестьянами, прежде крѣпостными, — эта земля должна быть выкуплена на государственный счетъ и роздана означеннымъ выше крестьянамъ». Такъ называемыя войсковыя запасныя земли, которыми всецѣло распоряжаются назначенные правительствомъ чиновники, сдающіе ихъ чуть не даромъ (по 3 коп. за десятину) частнымъ коннозаводчикамъ, «повернуть въ распоряженіе и пользованіе казаковъ».

Усть-Медвѣдицкая программа, вызвавшая чрезвычайное волненіе въ правительственныхъ кругахъ, была, какъ мы видимъ, довольно умѣренной: она требовала возвращенія въ распоряженіе Войска розданныхъ коннозаводчикамъ земель; исправленіе-же исторической несправедливости захвата войсковыхъ земель мыслилось въ программѣ не въ революціонной формѣ, а путемъ выкупа.

Усть-Медвѣдицкій приговоръ касался еще вопросовъ, затронутыхъ въ I-й Думѣ, а именно, запроса о второочередныхъ частяхъ, и постановленій объ отмѣнѣ смертной казни и о дарованіи амнистіи. Во всѣхъ случаяхъ приговоръ поддерживалъ Думу противъ правительства.

Чисто донскимъ казачьимъ пунктомъ программы «Донской Казачьей Организаціи» и Усть-Медвѣдицкаго приговора было требованіе упразднить «современное станичное коневодство, заключающееся въ обязательномъ содержаніи каждой станицей нѣсколькихъ жеребцовъ, какъ причиняющее прямой хозяйственный вредъ казачьему благосостоянію...»

Усть-Медвѣдицкій приговоръ вызвалъ наибольшее сочувствіе среди казачества. Въ томъ же году составленъ былъ рядъ приговоровъ станичныхъ обществъ. Наиболѣе радикальнымъ оказался «наказъ» членамъ Думы отъ казаковъ Малодѣльской, Сергіевской и Березовской станицъ. Не говоря слова «республика», онъ былъ республиканскимъ, а въ отношеніи земельнаго вопроса выставлялъ слѣдующія требованія: «Всѣ безземельные и малоземельные крестьяне должны быть надѣлены землею, для чего необходимо отобрать безъ выкупа всю землю у помѣщиковъ и крупныхъ землевладѣльцевъ и передать ее крестьянамъ». Изъ казачьихъ требованій наказъ подробно говорилъ о коневодствѣ. Наказъ не останавливался, въ случаѣ несогласія правительства на казачьи требованія, передъ необходимостью «съ оружіемъ въ рукахъ защищать свободу, бороться за землю».

Различныя группы населенія Донскаго края, въ бурные годы царствованія Николая II, проявили различную степень

политической активности. За 22 года политическая мысль на Дону пережила рядъ измѣненій. Наиболѣе ясно и опредѣленно происходили эти измѣненія въ гражданскихъ округахъ Области, въ особенности-же, въ городахъ. Для этихъ округовъ не безслѣдно прошли годы земской жизни (1866—1888). Городское самоуправленіе не было уничтожено и послѣ присоединенія къ области Ростовъ на Дону имѣлъ бурное прошлое. Низы мѣстнаго населенія и пришлые неквалифицированные рабочіе не разъ принимали участіе въ бурныхъ вспышкахъ недовольства, выражавшихся въ т. наз. «погромахъ». Въ 1879 г. былъ «полицейскій бунтъ», разгромъ участковъ, въ 1881 и 1883 г. г. еврейскіе погромы, въ 1888 г. «турецкій погромъ» (избіеніе пришлыхъ конкуррентовъ — турецкихъ трактирщиковъ, лавочниковъ, рабочихъ). Рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и заводовъ съ средины 1870-хъ г. г. подвергались воздѣйствію революціонной пропаганды «землевольцевъ», «чернопередѣльцевъ». Изъ среды ростовскихъ рабочихъ выдвинулись народовольцы: Андрей Карпенко, шлиссельбуржцы Антоновъ, Панкратовъ, Мартыновъ. Въ 1893 г. произошли крупные безпорядки среди рабочихъ мѣстныхъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Съ 1898 г. началась крупная работа по организаціи политической, а затѣмъ и профессіональной. Первые въ Россіи колоссальные политическіе митинги произошли въ Ростовѣ (ноябрѣ 1902 г.). Ростовъ и Таганрогъ поддержали всеобщую политическую забастовку и въ октябрѣ (12—19) и въ декабрѣ (7—25) 1905 г. Ростовскіе рабочіе пытались овладѣть всей линіей Владикавказской желѣзной дороги и нѣсколько дней держали въ своихъ рукахъ ростовскій желѣзнодорожный узелъ («темерницкая республика»). Словомъ, немногочисленный (въ сравненіи съ донскимъ казачествомъ и крестьянствомъ) рабочій классъ на Дону обнаружилъ наивысшую степень политической активности.

Городская интеллигенція объединена была вплоть до конца 1904 г. общимъ настроеніемъ недовольства существующимъ политическимъ строемъ. На этой почвѣ сходились элементы довольно разнообразные. Достаточно сказать, что въ 1904 г. т. наз. банкетъ въ память 40-лѣтія судебныхъ уставовъ въ Ростовѣ (4 дек.) объединилъ лицъ, которые черезъ годъ были уже въ различныхъ лагеряхъ (с.-д., радикаловъ, к.-д., октябристовъ), и даже областной предводитель дворянства В. И. Денисовъ прислалъ сочувственную телеграмму этому публичному собранію, на которомъ было заявлено требованіе конституціи. 1905 годъ былъ годомъ политическаго самоопредѣленія и разграниченія интеллигенціи.

Въ Новочеркасскѣ произошелъ тотъ-же процессъ, распространившійся и на интеллигенцію окружныхъ станицъ. Часть дворянства, крупные земельные владѣльцы, отшатнулись вправо, испуганные требованіемъ казачества и радикальной интел-

лигенціи отобрать безъ выкупа земли, захваченныя нѣкогда у Войска казачьей старшиной. Эта часть Донского дворянства сыграла нѣкоторую роль въ судьбѣ аграрнаго проекта Кутлера. Послѣдній, какъ извѣстно, составилъ проектъ, въ которомъ былъ поставленъ вопросъ о принудительномъ отчужденіи частновладѣльческихъ земель. Когда этотъ проектъ обсуждался въ высшихъ сферахъ, съ Дона пріѣхала депутація, заявившая гр. Витте, что отчужденіе частновладѣльческихъ земель несправедливо и не нужно, такъ какъ на востокѣ, за Ураломъ и въ Сибири много свободныхъ земель для переселенія (напр. киргизская степь). Въ результатѣ воздѣйствія этой депутаціи Кутлеръ вынужденъ былъ подать въ отставку, а проектъ его былъ похороненъ.*) Другая часть дворянства, изъ старыхъ донскихъ земцевъ, пошла въ промежуточныя партіи мирнаго обновленія, демократическихъ реформъ, создала организацію «мирнаго разрѣшенія на Дону аграрнаго вопроса». Большинство казачьей интеллигенціи пошло къ к.-д. Среди молодежи была даже попытка создать какую-то «казачью соціалъ-демократическую организацію», — предпріятіе явно нелѣпое.

Въ эпоху первоначальной организаціи по профессіямъ были созданы союзы инженеровъ, учителей и др., очень дѣятельные и энергичные, объединившіеся въ Союзъ союзовъ, и не сразу прекратившіе свою дѣятельность въ 1905—1906 г. г.

Донское казачество и крестьянство въ различной формѣ и степени приняли участіе въ движеніи. Особенно сложнымъ оказалось положеніе казачества. На немъ крайне тяжко отразились послѣднія 40 лѣтъ его жизни, ознаменовавшіяся крайнимъ ухудшеніемъ его экономическаго и правового положенія. Подобно эпохѣ Александра III, и въ царствованіе Николая II изрѣдка происходили вспышки: въ 1896 г. безпорядки въ ст. Слащевской и Букановской, Хоперскаго округа; въ 1897 г. «возстаніе толпой противъ властей» въ Новочеркасскѣ.**) Но это были лишь вспышки глухого недовольства.

Нараставшее революціонное движеніе отозвалось и на казачьихъ округахъ, и на казачьей интеллигенціи. Въ декабрѣ 1902 г. прокламаціи появились въ довольно глухихъ казачьихъ мѣстахъ. Мѣстный корреспондентъ «Освобожденія» писалъ заграницу объ этомъ фактѣ, считая его отголоскомъ ростовской стачки.***) Центрами распространенія прокламацій были Ростовъ, Таганрогъ, Новочеркасскъ и ст. Каменская.

Между тѣмъ, волею судебъ донское казачество было вовлечено въ политическую борьбу помимо своей воли. Оно должно было выступить противъ революціи.

Царствованіе Александра III принесло донскому казачеству

*) Стеногр. отч. Г. Думы, т. I, с. 203, зас. 4 мая.
**) «Русс. Вѣдом.», 1896, N 186; 1897, N 100.
***) «Освобожденіе», 1903, N 15.

возобновленіе внутренней полицейской службы (для отдѣльныхъ частей). Служба эта началась, какъ извѣстно, съ половины XVIII вѣка, когда донскія части были вызываемы для борьбы съ возстаніями инородцевъ Оренбургскаго края и съ крестьянскими волненіями на Уралѣ. На казачьи части, расквартированныя въ Москвѣ и Петербургѣ, возложены были, въ первой половинѣ XIX вѣка, въ мирное время обязанности конной полиціи. Александръ II отмѣнилъ это, хотя, фактически, и при немъ казачьи части вызывались во время безпорядковъ для усмиреній (въ Варшавѣ, въ началѣ 60-хъ г. г.; въ Одессѣ, во время погрома 1870 г. и т. п.).

При Александрѣ III были сформированы три т. наз. «казачьи отдѣльныя сотни» для полицейскихъ цѣлей («для охраненія порядка среди рабочихъ въ городахъ, заводахъ и угольныхъ копяхъ Области Войска Донскаго и Екатеринославской губерніи»).

Въ періодъ 1895—1898 г. г. были сформированы еще три первоочередныя, казачьи отдѣльныя сотни. Кромѣ того, правительство имп. Николая II снова вернулось къ использованію регулярныхъ казачьихъ частей для борьбы съ революціоннымъ движеніемъ въ городахъ, а съ 1902 г. и въ деревняхъ. Революціонное движеніе 1904—1906 г. г. повлекло за собою не только отправленіе всѣхъ наличныхъ первоочередныхъ казачьихъ частей на внутренній фронтъ, но и мобилизацію запасныхъ частей, т. н. частей 2-й и 3-й очереди.

Къ началу 1906 г. была мобилизована на Дону не только вся почти (за исключеніемъ батарей) вторая очередь, но въ теченіе 1906 г. мобилизованы даже нѣкоторыя третьеочередныя части (35, 36, 41-й полки). Казаки были раздѣлены на мелкіе отряды и распредѣлены не только по городамъ, но и по деревнямъ, и по отдѣльнымъ имѣніямъ, и употреблялись съ цѣлью охраны стараго государственнаго и общественнаго строя. При этомъ, казакамъ приходилось, фактически, охранять не только классовые интересы предпринимателей и помѣщиковъ въ борьбѣ ихъ съ рабочими и крестьянами, но и участвовать въ безсудныхъ расправахъ съ мирнымъ населеніемъ. Эта служба казачества вызвала противоположныя оцѣнки со стороны правительства и общества.

31 дек. 1905 г., Николай II, во время смотра, благодарилъ лейбъ-гвардіи казачій полкъ за службу «Царямъ, Шефамъ и Отечеству, какъ въ военное время въ походахъ, такъ и въ мирное время...» «И теперь, — продолжалъ онъ, — въ тѣ смутные дни, которые Господь ниспослалъ Россіи, вы и все войско донское служите честно, вѣрно и беззавѣтно Мнѣ и Россіи...»

3-го февраля 1906 г., во время смотра 27 и 28-му донскимъ казачьимъ полкамъ, Николай II сказалъ: «Казаки, скоро будетъ годъ, что я васъ призвалъ на службу для охраны спокойствія и порядка въ моей столицѣ и ея окрестностяхъ. Десять

мѣсяцевъ, какъ вы несете вашу тяжелую службу вѣрно и честно Россіи и Мнѣ. Я знаю, что вы оставили свои семьи дома, но Я прикажу о нихъ позаботиться, такъ что имъ никакого ущерба не будетъ... Донское казачество честно и преданно несетъ службу Отечеству и Мнѣ...»*)

Мы знаемъ уже, что грамота 1906 года, подтверждавшая права Войска Донскаго была издана Николаемъ II не во исполненіе долга его передъ Войскомъ, а какъ знакъ благодарности за участіе казаковъ въ борьбѣ съ освободительнымъ движеніемъ.

То положеніе, которое создалось въ 1905—1906 г. г. для казачества, предвидѣлъ еще раньше министръ внутреннихъ дѣлъ Плеве. Въ 1903 г. онъ пригласилъ къ себѣ донского атамана и спрашивалъ его, «кто изъ видныхъ и популярныхъ донскихъ людей станетъ всецѣло на сторону правительства въ случаѣ не то что революціи, но сильныхъ, повсемѣстныхъ замѣшательствъ». Плеве рекомендовалъ атаману способствовать всѣми силами сплоченію всѣхъ вѣрныхъ престолу въ одно крѣпкое цѣлое.**) Самая идея призвать казачество для борьбы съ «крамолой »подана была Николаю II Ѳ. Ѳ. Треповымъ.

Казачество исполнило то, что считало своимъ долгомъ предъ царемъ и Россіей. Оно самоотверженно боролось съ революціоннымъ движеніемъ.***) Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, воинскія казачьи части были раздерганы на небольшіе отряды, отданы подъ начальство мелкихъ полицейскихъ чиновъ, разбросаны по имѣніямъ крупныхъ владѣльцевъ и по заводамъ. Казаковъ заставляли не только разсѣивать оружіемъ толпу, но и примѣнять нагайки, подвергать сѣченію арестованныхъ. Насилія и грабежъ поощрялись.

Это участіе казачества въ войнѣ съ русскимъ народомъ вызвало рядъ рѣзкихъ заявленій по адресу казачества.

Одни пытались напомнить властямъ и самому казачеству о законахъ и правилахъ, изданныхъ самимъ самодержавіемъ. Короленко порекомендовалъ «вниманію г. г. казачьихъ офицеровъ» историческую справку, — приказъ командующаго войсками кіевскаго военнаго округа ген. Драгомирова, изданный въ 1894 г. По поводу участія казаковъ, посланныхъ на усмиреніе, въ поркѣ «зачинщиковъ», Драгомировъ писалъ: если бы есаулъ, командовавшій двумя сотнями донского казачьяго полка, «болѣе заботился о соблюденіи собственнаго достоинства, а также о достоинствѣ и чести казачества, то, конечно, не обратилъ бы казаковъ въ команду для порки». Есаулъ подвергся семидневному аресту на гауптвахтѣ.[1]) Увѣщанія эти не оказывали

*) Собраніе рѣчей имп. Николая II. СПБ. 1906.

**) «Освобожденіе», 1903, N 20—21, с. 375.

***) Парчевскій «Роль казачества въ борьбѣ съ революціей». «Ист. Вѣстн.», 1913, XI.

[1]) «Современность», 1906, N 2, апр., с. 151—152.

въ 1905 г. никакого воздѣйствія на властей. Наоборотъ, всякая попытка обратиться къ казачеству или высказаться по поводу навязанной ему роли энергично подавлялась правительствомъ.

Въ январѣ 1906 г. былъ привлеченъ редакторъ газеты «Радикалъ» за статью «Казаки хотятъ домой» (№ 5). Тогда же подверглась преслѣдованію (по суду) газета «Народное Хозяйство», помѣстившая въ № 3 статью «Странички жизни». Она была признана явно оскорбительной «для дѣйствующихъ при усмиреніи мятежей», казачьихъ войскъ. Редакторъ (В. С. Голубевъ) былъ приговоренъ къ 2 мѣс. тюрьмы.*) Особое вниманіе суда привлекла фраза, что «изъ вольнаго казачества сдѣлали холоповъ и опричниковъ».

17-го авг. 1906 г. редакторъ газеты «Наша Жизнь» В. В. Водовозовъ былъ приговоренъ къ годичному заключенію въ крѣпости за статью Жилкина о казачествѣ.**) Авторъ статьи цитировалъ письма казачекъ, протестовавшихъ противъ участія ихъ близкихъ въ усмиреніяхъ. «Кто наиболѣе тормазитъ приближеніе желаннаго порядка жизни?» — писалъ авторъ. «Объ этомъ должно подумать и казачество, поглубже вглядѣвшись въ народныя слезы . . .»

Примѣры подобныхъ приговоровъ можно было бы увеличить до безконечности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, систематически конфисковывались всѣ брошюры, посвященныя казачеству. Эти конфискаціи продолжались и послѣ 1906 года. Были, между прочимъ, конфискованы: А—финъ, С. Я. «Донское казачество прежде и теперь. (Краткая исторія донскихъ казаковъ.)» М. 1907, 64 с.; С. Арефинъ, «Казачьи нужды», Донское книгоизд. товарищество «Сознательность», СПБ. 1910, 28 стр.; брошюра Б. Воробьева и др.

Сатирическіе журналы изображали казака врагомъ свободы и народа.

Правительство и войсковая администрація усиленно старались противопоставить казачество — и крестьянству, и освободительному движенію. Депутаціи екатеринодарскихъ мѣщанъ, представлявшейся графу Витте, на заявленіе ея о необходимости разрѣшенія земельнаго вопроса и въ казачьихъ областяхъ, гр. Витте сказалъ: «Да, если вы отнимете землю у казака, онъ, вѣдь васъ зарѣжетъ! . . .»***) Витте былъ, конечно, правъ, говоря о томъ, что попытка пустить въ передѣлъ казачьи земли вызоветъ съ ихъ стороны борьбу не на жизнь, а на смерть. Но, дѣло было въ томъ, что подобные проекты существовали лишь у части соціалистовъ-революціонеровъ и незначительной части иногородняго крестьянства.

*) «Право», 1906, с. 1217 (мартъ).

**) «Право», 1906, с. 2712 и слл.; «Наша жизнь», 1906, N 402, 21 мартъ, «Странички жизни».

***) «Право», 1906 г., с. 320.

Нѣкоторые войсковые чины, отправляя казаковъ на усмиренія, держали такія рѣчи: «вы знаете, зачѣмъ вы идете? Укрощать буяновъ и грабителей! Что они дѣлаютъ? Жгутъ помѣщичьи усадьбы, отбираютъ землю у владѣльцевъ, дѣлятъ между собою... И аппетитъ у нихъ разгорается все больше и больше. Сегодня отобрали помѣщичьи земли, а завтра примутся за ваши, за казацкія. Развѣ не знаете, что мужики давно зарятся на ваши земли, считая, что ихъ у васъ черезчуръ много: у васъ на душу десятокъ десятинъ приходится, а у нихъ, зачастую, и двухъ нѣтъ. Они на васъ смотрятъ, какъ на помѣщиковъ. Помѣщиками пообѣдаютъ, вами поужинаютъ...» Народническіе органы, отрицая справедливость подобныхъ утвержденій начальства, называли подобныя рѣчи «военной зубатовщиной» и предрекали «демагогамъ въ эполетахъ», что у казаковъ прояснится сознаніе противоположности интересовъ крупнаго и мелкаго владѣнія и среди нихъ раздастся не совсѣмъ забытый ими историческій крикъ: «земли и воли!»*)

Рознь между казачествомъ и «русскими», въ особенности же, революціонерами, поддерживалась администраціей искусственно. Въ мартѣ 1906 года были разосланы по станицамъ секретныя распоряженія окружныхъ атамановъ объ усиленіи надзора за всякаго рода «подозрительными лицами» въ виду того, что, «по частнымъ свѣдѣніямъ, на Донскую область, съ цѣлью поджоговъ, направилась партія «анархистовъ-революціонеровъ» въ 4.000 чел.!» Вмѣстѣ съ тѣмъ, выяснялась наличность оружія, имѣющагося на рукахъ у казаковъ, подъ предлогомъ, что это нужно, чтобы судить о достаточности средствъ защиты, въ случаѣ ожидающихся нападеній на Донскую область.**)

Затѣмъ пущенъ былъ слухъ о намѣреніи «анархистовъ» добраться до казачьихъ земель. Стали вооружать «стариковъ» винтовками и т. п.***)

Глава XLV.

Революціонное движеніе въ казачествѣ. Аграрное движеніе на Дону. Крестьянскій Союзъ.

Роль, сыгранную казачествомъ, въ особенности донскимъ, въ подавленіи революціоннаго движенія 1905—1906 г. г. нельзя не признать весьма значительной. Однако, въ тѣ-же самые годы обнаружились явленія и противоположнаго характера. Воинскія части, мобилизованныя для войны съ Японіей, но двинутыя, вмѣстѣ того, почти цѣликомъ на борьбу съ врагомъ

*) Н. Е. Кудринъ «Новые демагоги», «Народн. вѣстн», 1906.
**) Обнинскій «Внѣ закона», М. 1907, с. 13.
***) Тамъ-же, с. 76, 78.

«внутреннимъ», подверглись значительному разложенію. Этому способствовала не только пропаганда со стороны революціонеровъ, но и воздѣйствіе фактовъ самой жизни. Сражаться съ японцами на поляхъ Манчжуріи, или же съ безоружнымъ русскимъ населеніемъ было не одно и тоже. Охрана заводовъ, помѣщичьихъ усадебъ, постоянная партизанская война со стороны крестьянъ, все это не соотвѣтствовало понятію казачества о войнѣ за родину. Между тѣмъ, съ Дону приходили письма о тяжкомъ положеніи семей мобилизованныхъ, о продолжающемся экономическомъ разореніи. Казачество начало задумываться надъ своимъ положеніемъ. Броженіе казачества выразилось въ войсковыхъ частяхъ сильнымъ паденіемъ военной дисциплины, иногда митингами, составленіемъ просьбъ къ начальству, а затѣмъ и къ депутатамъ Государственной Думы объ отпускѣ мобилизованныхъ частей домой. Рѣже были активныя революціонныя дѣйствія.

Возродилось явленіе, которое существовало во времена вольнаго, не служилаго еще казачества: уходъ домой, на Донъ. Такъ, въ 1905 г., въ октябрѣ, ушли изъ Воронежской губерніи, самовольно, сотни 3-го Своднаго донского полка. Еще болѣе проявилось это движеніе среди кубанцевъ (уходъ 2-го Лабинскаго полка изъ Гуріи, уходъ Урупскаго полка, волненія пластуновъ въ Новороссійскѣ и др.).

4-го дек. 1905 года, на митингѣ въ Ростовѣ на Дону, появилась депутація отъ мѣстныхъ казаковъ въ числѣ 6 человѣкъ. Казаки появились въ полной формѣ, и сначала произвели даже нѣкоторое смятеніе въ публикѣ, но затѣмъ, когда, подойдя къ трибунѣ, они заявили, что пришли для того, чтобы присоединиться къ народу, восторгу не было конца... По требованію рабочихъ въ честь казаковъ былъ исполненъ рабочій гимнъ. Появленіе казаковъ на митингѣ произвело огромное впечатлѣніе на все населеніе города. 5-дек. депутаты-казаки были арестованы, а 6-го весь гарнизонъ отказался выйти на парадъ. Однако, въ городъ двинуты были новыя части, и лишенная руководителей мѣстная команда приняла участіе въ усмиреніи.*)

Настроеніе 1-й и 3-й сотни I-го Донскаго полка въ Москвѣ внушало, въ декабрѣ 1905 г., революціонерамъ надежду, что онѣ примутъ участіе въ надвигавшемся возстаніи. Надежда эта была вызвана тѣми митингами, которые происходили у донцевъ. Въ маѣ 1906 г. эти митинги снова повторились среди донскихъ казаковъ, стоявшихъ въ Москвѣ, въ казармахъ I-го Донского полка. На этихъ митингахъ выражено было сочувствіе члену Гос. Думы отъ оренбургскихъ казаковъ Сѣдельни-

*) В. С. «Декабрьскіе дни въ Ростовѣ на Дону», «Отклики Современности», 1906, N 3, 5 мая.

кову. Вслѣдъ за этимъ начались обыски въ казармахъ.*) Волновался V-й Донской полкъ. Сотня III-го Ермака Тимоѳеевича полка была арестована и отдана подъ судъ за возстаніе въ Вильнѣ, въ 1906 г.

Казаки донского полка въ Одессѣ отказались стрѣлять въ народъ. Въ іюлѣ 1906 г., въ Орловской губерніи, въ имѣніи Пузино, казаки отказались арестовывать крестьянъ. Изъ Азова въ Ростовъ были высланы за отказъ разгонять митингъ 30 казаковъ. На пристани была имъ устроена овація. Въ свою очередь, изъ Ростова пришлось отослать въ ст. Великокняжескую «за неповиновеніе» мѣстную отдѣльную сотню. Семь казаковъ 33-го Дон. полка за оскорбленіе офицеровъ были осуждены въ Елисаветградѣ.**)

Казаки 3-й отдѣльной донской сотни, расположенной въ Бахмутѣ, во время забастовки рабочихъ, лѣтомъ 1906 г., открыто, вмѣстѣ со своимъ офицеромъ соединились съ рабочими и отказались стрѣлять. За это пошли подъ судъ казаки и хорунжій Дементьевъ. Казаки 23-го Донского полка, расположенные въ Екатеринославской губерніи, волновались и выставили требованіе о возвращеніи домой. Переведенные для успокоенія въ Верхнеднѣпровскъ, казаки сожгли тамъ отведенныя для нихъ казармы, чтобы настоять на своемъ требованіи.

Въ Юзовкѣ 10 казаковъ отказались итти на учебную стрѣльбу, а вся мѣстная сотня отказалась стрѣлять по манифестантамъ. Юзовскіе рабочіе, послѣ митинга, двинулись освобождать арестованныхъ и вступили въ бой съ ротой пѣхотинцевъ. Рабочіе съ рудника «Вѣтка» въ числѣ около 3.000 чел. ходили освобождать казаковъ въ Юзовку.***)

Весною 1906 г. въ Старицкомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, полусотня донскихъ казаковъ (изъ состава одного изъ полковъ 4-й Донской дивизіи, прямо изъ Манчжуріи отправленныхъ на усмиреніе революціи), была вызвана съ сотникомъ Иловайскимъ, въ помощь полиціи для подавленія крестьянскаго движенія въ одномъ большомъ селѣ этого уѣзда. Но казаки стрѣляли не по крестьянамъ, а по полиціи. На митингѣ въ Красномъ Селѣ казаки говорили о необходимости сняться и походнымъ порядкомъ идти домой на Донъ.[1]) При попыткѣ разогнать митингъ 24 іюня 1906 г. близъ Бахмута казаки стали сражаться съ разгонявшими ихъ драгунами.

Послѣ созыва Думы начался рядъ заявленій отъ казачьихъ частей на имя донскихъ депутатовъ. Казаки 31-го Донского полка писали членамъ Думы — донцамъ, что они съ

---

*) Общинскій «Новый строй» т. I, 1906, с. 141; «Вѣстникъ казармы», изд. воен. организ. р. с. д. р. п. въ Финл.; «Право». 1906, с. 2386.

**) «Право», 1906, с. 2087, 2258, 2379, 2260.

***) «Крестьянскій Депутатъ», 1906. N 3.

[1]) «Крестьянскій Депутатъ», 1906, N 8, «О казацк. движеніяхъ».

радостью пошли на войну, въ мобилизацію 1905 г., но ихъ задержали «во внутри Россіи» и отправили на полицейскую службу. Казаки заявляли, что имъ «очень позорно быть полицейскими. Возьмите старые порядки. Были-ли казаки когда полицейскими въ Россіи. Это позоръ и срамъ вообще казачьимъ войскамъ...» Наряду съ этимъ, казаки удивлялись, почему имъ не платятъ за службу, какъ «конно-полицейскимъ», почему продолжается чисто военная муштровка, но главная просьба ихъ была «освободить отъ этой позорной полицейской службы».*) Въ томъ-же духѣ писали казаки 1-го своднаго полка (3-й очереди): «Молимъ уволить насъ отъ полицейской службы, которая противна нашей совѣсти и которая оскорбляетъ достоинство нашего славнаго Донскаго войска».**) 10-я мобилизованная сотня, на имя члена Думы Хартахая, посылала просьбу о демобилизаціи и заявляла, что крестьянамъ необходимо дать землю.***)

Одновременно съ этимъ шло броженіе и въ станицахъ. Сперва это были приговоры станичныхъ сходовъ о необходимости измѣненія государственнаго строя (въ промежуткѣ между 18 февраля и 6 августа 1905 года). Затѣмъ сталъ на очередь земельный вопросъ.

Станицы заявляли о необходимости прирѣзки земли къ станичнымъ юртамъ изъ войскового фонда. Нѣкоторыя-же, какъ ст. Аржановская (въ приговорѣ отъ 19 февр. 1906 г.), «по скудости своихъ средствъ и полному отсутствію доходныхъ статей», желали «получить землю вблизи своего юрта... изъ числа владѣльческихъ, выкупивъ ихъ за счетъ войска или казны». Это заявленіе было не единичнымъ. Кн. Голицынъ, доставившій на Донъ жалованную грамоту 1906 г., услыхалъ въ отвѣтъ, что воинскія обязанности казаковъ сопряжены съ тяжелыми расходами изъ средствъ казаковъ, что единственный источникъ казачьихъ доходовъ — земля — находится въ распоряженіи помѣщиковъ и переходитъ въ руки не-казаковъ, и что все донское казачество проситъ о выкупѣ этихъ земель на казенный счетъ. Заявленіе это, какъ мы увидимъ далѣе, произвело потрясающее впечатлѣніе.

Къ іюню 1906 г. движеніе въ станицахъ достигло значительной степени напряженія. Самымъ значительнымъ оказался усть-медвѣдицкій приговоръ. 17-го іюня на имя предсѣдателя Государственной Думы Муромцева поступилъ приговоръ, доставленный изъ Усть-Медвѣдицкой станицы подъесауломъ Мироновымъ и казакомъ Коноваловымъ. Въ приговорѣ сообщалось, что общественный сходъ станицы 10-го іюня, отстранивъ отъ предсѣдательствованія станичнаго атамана и удаливъ полицію, постановилъ: «не давать болѣе казаковъ для испол-

*) «Мысль», 1906, 28 іюня (11 іюля.)
**) Заявленіе на имя чл. Думы К. Аѳанасьева, «Мысль», 1906, N 11 11—14 іюля.
***) «Мысль». 1906, N 1906, N 15 (6—15 іюля).

ненія навязываемыхъ имъ опричническихъ обязанностей и требовать обратно домой казаковъ 2-й и 3-й очереди. Станица выражала «благодарность за горячую защиту казачества и правдивое описаніе ихъ быта донскимъ депутатамъ: Афанасьеву, Араканцеву и Крюкову, а «г.г.Васильеву, Савостьянову и Куркину, старающимся заслужить благоволеніе начальства», высказывала «порицаніе за ихъ сомнительный патріотизмъ».*)

Кромѣ станицы Усть-Медвѣдицкой и воинскихъ частей поддержали лѣвую часть донскихъ депутатовъ Гос. Думы — хуторъ Фроловъ, станицы: Малодѣльская, Сергіевская, Березовская и др. Въ ихъ заявленіяхъ была выставлена широкая программа мѣстныхъ реформъ, въ частности, требованіе возрожденія Войскового Круга, выкупа или конфискаціи частновладѣльческихъ земель и т. д. Менѣе рѣшительными въ смыслѣ требованій, но вполнѣ опредѣленными по своему характеру, были приговоры до полусотни станицъ и хуторовъ, направленные членамъ Думы.

Приговоръ ст. Етеревской гласилъ: «Искони природные къ войнѣ и защитѣ отечества, мы не останавливались ни передъ какимъ призывомъ и съ радостью шли на службу царскую, гдѣ пріобрѣтали себѣ честь и славу. Дѣдовъ и отцовъ восхваляли, про нихъ пѣлись въ народѣ военныя пѣсни. Мы думали, что и дѣти наши, по первому зову являвшіеся на службу, заслужатъ себѣ любовь народа. Что-же видимъ на самомъ дѣлѣ? Дѣти наши заслужили себѣ не славу народа, а кличку «дикая орда», народъ ихъ называетъ волками, убійцами, разбойниками, грабителями, продавцами себя, наемными душами. И мы съ горькимъ сердцемъ сознаемъ, что это заслужено, хотя не всѣми, но многими изъ нихъ...»

Глазуновская станица, изложивши тяжкое положеніе семей мобилизованныхъ казаковъ, писала: «Мы даже и не желаемъ, что наши сыны оберегаютъ только чужія имѣнія, а не отечество, — то пусть богачи сами охраняютъ себя, а въ защиту Батюшки-Царя и святой Руси мы навсегда будемъ готовы выставить своихъ дѣтей на границы, а помѣщиковъ мы охранять не согласны...»

Въ отвѣтъ на это движеніе правительство постаралось вызвать противоположное. Однако, войсковой администраціи удалось получить нужные ей приговоры лишь отъ 7 станицъ (общее число станицъ на Дону равно было 117-ми, не считая 5 калмыцкихъ). Это были станицы: Павловская, Трехъ-Островянская, Бесергеневская, Егорлыцкая, Букановская, Аржановская.

Павловская станица критиковала «недостойныхъ членовъ» Думы за «словопренія», оскорбленія «вѣрныхъ слугъ Царя и родины — министровъ» и считала запросъ о 2-й и 3-й очередяхъ — «придиркой». Мы — заявляли павловцы — «клятвопреступни-

*) «Мысль». 1906 г. 28 іюня (11 іюля), «Дум. Хроника».

ками быть не можемъ, несмотря ни на какія прокламаціи, брошюры и уговоры смутьяновъ-крамольниковъ, шумящихъ объ отмѣнѣ смертной казни, а сами изъ-подъ угла воровски убивающихъ лучшихъ людей въ государствѣ...» Трехъ-Островянцы заявляли: «какъ бы ни называли насъ враги государства Россійскаго, для насъ нисколько не обидно...» Егорлычане увѣряли, что мобилизація даже поправила дѣла семей, ибо «казаки, состоя на службѣ, получаютъ усиленное содержаніе» и отъ «избытковъ» его посылаютъ на Донъ. Аржановская станица, требовавшая въ февралѣ выкупа владѣльческихъ земель, желала усилить мобилизованныя части «для защиты намъ дорогихъ... Россіи и царствующаго дома...»

Правительство не только не пошло навстрѣчу казачьимъ пожеланіямъ, въ смыслѣ улучшенія экономическаго и правового положенія казачества, но — наоборотъ — приняло всѣ мѣры, чтобы, съ одной стороны, подавить казачье движеніе, съ другой стороны, подкупить казачество подачками. Среди лицъ, тяжко поплатившихся за участіе въ движеніи, надо назвать донского сотника Анисимова, участника ростовскаго возстанія въ декабрѣ 1905 г.; шестерыхъ членовъ делегаціи на ростовскій митингъ отъ отдѣльной сотни; есаула Рубцова, 5-го Донского полка, который отказался стрѣлять по толпѣ въ Лодзи и участвовать въ приведеніи смертныхъ приговоровъ въ исполненіе.

Въ Новочеркасскѣ арестованъ былъ офицеръ Дмитревскій, прибывшій съ войны. У него было отобрано много литературы, предназначавшейся для распространенія среди казаковъ.*)

Подъесаулъ Мироновъ и урядникъ Коноваловъ, доставившіе въ I-ую Думу усть-медвѣдицкій приговоръ, были арестованы на обратномъ пути на Донъ и заключены въ Новочеркасскую тюрьму. Однако, вскорѣ-же, по телеграфному ходатайству усть-медвѣдицкаго окружнаго атамана, въ виду категорическаго представленія усть-медвѣдицкаго схода, не ручавшагося за спокойствіе всего округа, довѣренные усть-медвѣдицкой станицы были выпущены изъ тюрьмы и возвращены обратно въ станицу. Съ ними расправились позже, послѣ роспуска Государственной Думы. Мироновъ, какъ извѣстно, въ 1918—1919 г. г. сыгралъ видную роль въ большевистскомъ движеніи на Дону.

Въ эпоху нарастанія революціоннаго настроенія на Дону казаки энергично отстаивали тѣхъ, кто выступалъ на ихъ защиту. Такъ, въ Иловлинской станицѣ участковый засѣдатель былъ арестованъ казаками и находился подъ арестомъ до тѣхъ поръ, пока не былъ возвращенъ въ Иловлинскую изъ Царицынской тюрьмы арестованный засѣдателемъ «ораторъ», семинаристъ Ильинъ.

---

*) «Право», 1906, с. 1803 (мартъ).

Въ бѣгломъ очеркѣ не поддаются учету рядовые казаки, пострадавшіе за участіе въ освободительномъ движеніи. На ряду съ репрессіями, правительство прибѣгало къ паллиативнымъ мѣрамъ, носившимъ характеръ подкупа казачества, а не дѣйствительной ему помощи.

17-го февраля 1906 г. Государственный Совѣтъ, по докладу военнаго министра, разрѣшилъ отпустить изъ казны 5,200.000 рублей для поддержанія хозяйства казаковъ, мобилизованныхъ для несенія службы внутри государства. Докладъ указывалъ на «замѣчаемое броженіе среди казаковъ, жаждущихъ роспуска по домамъ или, по крайней мѣрѣ, обезпеченія ихъ семействъ». Докладъ этотъ заслушанъ былъ на п я т ы й день послѣ того, какъ кн. Голицынъ услыхалъ на Дону настоятельное заявленіе о «выкупѣ» помѣщичьихъ земель.

Вторая мѣра заключалась въ выдачѣ мобилизованнымъ казакамъ 3-й очереди (въ 1906 г.) по 200 рублей пособія изъ казны и по 75 рублей изъ войсковыхъ суммъ. Не разрѣшая ни одного серьезнаго вопроса, правительство хотѣло этой подачкой успокоить недовольство мобилизованныхъ казаковъ. Своеобразной мѣрой было помилованіе, по ходатайству Союза русскаго народа, семи казаковъ, осужденныхъ за оскорбленіе офицера.

Наконецъ, войсковое начальство исходатайствовало у Военнаго Совѣта разрѣшеніе на осуществленіе требованія закона о донадѣленіи малоземельныхъ станицъ землею изъ т. наз. «свободной войсковой земли». Этой земли было всего 907.243 д., и при 12-десятиномъ максимальномъ надѣлѣ на мужскую душу, ея едва хватило-бы на донадѣленіе 69 малоземельныхъ станицъ до 12 дес. на душу.

Къ дополнительному надѣленію приступлено было съ большимъ шумомъ, осенью 1906 г. Двумъ наиболѣе малоземельнымъ станицамъ было отведено изъ запаса 35 тыс. десятинъ. Мѣра эта, въ связи съ даннымъ, подъ рукою, обѣщаніемъ созвать Кругъ, съ одной стороны, и съ общей убылью революціоннаго движенія послѣ іюля 1906 г., съ другой стороны, способствовала успокоенію казачества. Казачество было не очень далеко отъ вооруженной борьбы за конституцію и за отнятіе у донскихъ помѣщиковъ войсковыхъ земель. Но оно не переступило за эту грань, и къ концу 1906 г. казачье движеніе пошло на убыль.

Коренное донское крестьянство приняло участіе и въ неорганизованномъ «крестьянскомъ» движеніи. Главнымъ вопросомъ для крестьянства явился вопросъ земельный. Еще послѣ войны 1878 г. бродили слухи объ уничтоженіи казачества, о земельномъ поравненіи. Передъ взрывомъ 1905 г., въ 1904 г., среди «иногороднихъ» на Дону сильна была увѣренность въ томъ, что будетъ произведена «нарѣзка» земли, отобранной у помѣщиковъ, что казаковъ «повернутъ въ мужики», и произой-

детъ земельное «поравненіе», т. е. раздѣлъ всѣхъ земель, и казачьихъ въ томъ числѣ.*)

Несмотря на большой земельный голодъ, аграрное движеніе сравнительно слабо коснулось Дона. В. Г. Романъ,, подводя итоги аграрному движенію на Дону (въ «Трудахъ И. Вольно-Эконом. Общ.» 1908, № 4—5), отмѣчаетъ аграрныя выступленія крестьянъ лишь въ округахъ: Донецкомъ, Усть-Медвѣдицкомъ, Хоперскомъ и на сѣверѣ Черкасскаго округа. Выступленія были не особенно энергичны и имѣли цѣлью уничтоженіе частновладѣльческаго хозяйства и переходъ помѣщичьихъ земель въ руки крестьянъ. По даннымъ Обнинскаго,**) движеніе среди крестьянъ распространилось также на округа: Таганрогскій и Ростовскій. Уже въ октябрѣ 1905 г. экономія матушскаго сельскаго общества (Екатеринославской губ.), находившаяся на территоріи Таганрогскаго уѣзда, была разграблена сосѣдними (донскими) крестьянами; осенью 1905 и весной 1906 крестьяне Сулинской волости запахали землю общества казаковъ Новочеркасской станицы, бывшую въ арендѣ у частнаго лица. Такимъ образомъ, были проявленія борьбы изъ-за земли не только съ помѣщиками, но и съ казачествомъ, и съ пришлымъ крестьянствомъ, но въ слабой степени. Помимо покосовъ, порубокъ, запашекъ были случаи захвата и разгрома усадебъ: такъ: въ слободѣ Борисовкѣ, Черкас. окр., была разгромлена усадьба Тарасова, а самъ Тарасовъ убитъ. Въ ноябрѣ 1905 г. наблюдалось бѣгство помѣщиковъ съ семьями въ Ростовъ и Новочеркасскъ.

По даннымъ Прокоповича, ***) въ ростовскомъ округѣ крестьяне разобрали нѣсколько хлѣбныхъ амбаровъ, принадлежавшихъ ссыпщикамъ хлѣба. Въ Черкасскомъ округѣ наблюдались случаи отказа крестьянъ отъ платежа податей. Къ осени 1906 г. аграрное движеніе пошло на убыль, и въ августѣ 1906 г. въ Таганрогскомъ, Ростовскомъ и Хоперскомъ округахъ шла лишь борьба за облегченіе условій земельной аренды.

Организованное крестьянское движеніе проявилось въ Области Войска Донскаго гораздо сильнѣе. Иниціаторами его явились братья Сем. Петр., Вас. П. и Г. П. Мазуренко, сыгравшіе видную роль и въ созданіи т. н. Всероссійскаго Крестьянскаго Союза. Воспользовавшись указомъ 18 февр. 1905 г., которымъ предоставлялось собираться для обсужденія вопросовъ государственнаго благоустройства, они собрали 18 іюня 1905 г. въ пос. Екатерининскомъ первое крестьянское собраніе. Засимъ и другія общества Криворожской волости Донецкаго округа приняли постановленія о необходимости полновластнаго народнаго представительства и объ уничтоженіи частной собствен-

*) С. Арефинъ «Мечтанія», «Р. Бог.», 1904, X, с. 165—174.

**) «Полгода русс. революціи», в. 1, М. 1906, с. 54—69.

***) Прокоповичъ «Формы и результаты аграрнаго движенія въ 1906 г.», «Был.», 1907, N 1, с. 157, 171.

ности на землю. За 1½ мѣс. было, хотя и чисто внѣшне, «съорганизовано» 25 поселеній въ 8 волостяхъ.

31-го іюля и 1-го авг. происходилъ въ Москвѣ учредительный съѣздъ Всероссійскаго Крестьянскаго Союза, на которомъ присутствовали крестьяне изъ 22 губерній, между прочимъ и изъ Донской области. С. П. Мазуренко былъ однимъ изъ видныхъ представителей донского крестьянства и однимъ изъ главныхъ организаторовъ съѣзда. Онъ доложилъ съѣзду своей редакціи крестьянскіе приговоры, въ коихъ нужно отмѣтить жалобы донского крестьянства на «малоземелье и высокую аренду, «взимаемую земледѣльцами». Рѣшеніе задачи видѣлъ Мазуренко, а вслѣдъ за нимъ и уполномочившіе его крестьяне, — въ соціализаціи земли. Мазуренко призывалъ съѣздъ, если законъ о народномъ представительствѣ «опять будетъ составленъ такъ, что выгоду получатъ паны, дружно дать ему отпоръ и добиваться завоеванія правъ для угнетеннаго крестьянскаго населенія».

Одинъ изъ представителей Донской области заявилъ, что помимо всероссійскихъ и губернскихъ съѣздовъ крестьянскаго союза, нужны и областные съѣзды, ибо есть вопросы, «которые могутъ представлять большое значеніе для областныхъ съѣздовъ, напр. о печатаніи книгъ на малороссійскомъ языкѣ». Впрочемъ, оговорился тотъ-же представитель, «это не значитъ, что нужно поддерживать какую либо обособленность отдѣльныхъ областей и народностей...» Тотъ-же представитель требовалъ избирательныхъ правъ для арміи и широкой политической агитаціи среди солдатской массы. Съѣздъ высказался за областные съѣзды, но противъ избирательнаго права для войскъ.*)

Лѣтомъ и осенью 1905 г. движеніе въ крестьянской средѣ продолжалось; и, по подсчету С. П. Мазуренко, явно преувеличенному, номинально примкнуло къ союзу до 200.000 донскихъ крестьянъ. Помимо отдѣльныхъ обществъ Донецкаго округа, примкнула къ Крестьянскому Союзу часть обществъ Черкасскаго округа. Войсковая администрація отправила въ нѣкоторыя слободы казачьи части изъ Сальскаго округа (калмыковъ).

Движеніе затронуло и казачьи общества, но тамъ оно, какъ мы знаемъ, развивалось совершенно своеобразно и независимо отъ крестьянскаго.

Войсковая администрація вынуждена была заняться аграрнымъ вопросомъ на Дону. Войсковой атаманъ предложилъ предводителямъ дворянства созвать окружные съѣзды изъ землевладѣльцевъ и крестьянъ для обсужденія земельнаго вопроса. Требованія крестьянства и на этихъ съѣздахъ сводились къ

*) Учредительный Съѣздъ Всер. Крест. Союза. (Протоколъ)». Изд. Главн Комит. В. К. С., (Москва. 1905), стр. 6—9, 18, 24.

«отдачѣ въ общую собственность крестьянъ земли и представительному государственному правленію». Въ одномъ мѣстѣ былъ сдѣланъ приговоръ: «отвести казацкіе полки на Донъ и замѣнить ихъ милиціей».

На совѣщаніи землевладѣльцевъ и крестьянъ Таганрогскаго округа было постановлено требовать немедленнаго созыва народныхъ представителей, расширенія дѣятельности Крестьянскаго Банка, безотлагательнаго введенія земства на Дону и подчиненія администраціи министру внутреннихъ дѣлъ, а не военному.*)

Митинговое движеніе донского крестьянства длилось съ февраля 1905 г., усилилось въ октябрѣ-ноябрѣ и пошло на убыль къ началу 1906 г. Оно имѣло успѣхъ въ эпоху, когда организаторская и агитаціонная дѣятельность ор. Мазуренко носила полулегальный характеръ. Дѣятельность эта вызвала сильнѣйшее къ нимъ нерасположеніе со стороны властей и, отчасти, духовенства. Такъ, одинъ изъ священниковъ провозгласилъ съ каѳедры: «Кто слушается братьевъ Мазуренко, тотъ изыди изъ храма... Мазуренки — это враги наши, они хотятъ самовластно составлять законы...**)

Несмотря на внѣшніе успѣхи и широкое распространеніе организаціи Крестьянскаго Союза на Дону, Союзъ не создалъ для себя прочнаго фундамента и оказался, подобно многимъ другимъ союзамъ 1905 г., недолговѣчнымъ. На Делегатскомъ Совѣщаніи Всероссійскаго Крестьянскаго Союза 6—10 ноября 1905 года, въ Москвѣ, одинъ изъ делегатовъ отъ Донской области заявилъ, что они «расписали» въ союзъ всю Область.***) Однако, пытаясь охватить Область своими организаціями, иниціаторы Союза на Дону работали въ ущербъ сознательности, и С. П. Мазуренко вынужденъ былъ признать на ноябрьскомъ Делегатскомъ Совѣщаніи, что и на Дону, послѣ 17 октября, «слобожане оказались сбитыми съ толку...» «Они, охваченные жаждою дѣятельности, готовы были приступить къ погромамъ, и потребовалось не мало усилій со стороны С. П. Мазуренко, чтобы ихъ удержать...»

Выступая на ноябрьскомъ совѣщаніи, С. П. Мазуренко заявилъ: «Нельзя призывать къ активной дѣятельности, не зная, чѣмъ это кончится. Путь одинъ — организоваться,... выбрать (на мѣстахъ) теперь-же членовъ учредительнаго собранія, потребовать его созыва и, въ случаѣ отказа, отвѣтить неплатежомъ податей и всеобщей забастовкой...» Выясняя способы «забастовки» Мазуренко указалъ, что на югъ, съ ранней весны, идутъ толпы «товарищей — пришлыхъ рабочихъ», которые мѣ-

*) «Вѣстн. Сел. Хоз.», 1905, N 25.

**) А. Корниловъ, «Право», 1905, N 33.

***) Протоколы Делегат. Совѣщанія Всер. Крест. Союза 6—10 нояб. 1905 г. въ Москвѣ. Сост. подъ ред. Ц. Бюро содѣйствія Всер. Крест. Союзу. М. 1906.

сяцами живутъ въ крайне тяжелыхъ условіяхъ. По его мысли, донскіе крестьяне должны были «собирать средства для поддержанія батраковъ», по данному сигналу снять батраковъ съ работы и въ такое время, чтобы «зарѣзать помѣщиковъ безъ рабочихъ рукъ».

Для характеристики взаимоотношеній донскихъ крестьянъ и казачества полезно привести здѣсь нѣкоторыя изъ постановленій «приговора 70 сельскихъ обществъ Донецкаго и Черкасскаго округовъ» Донской области*) Приговоръ этотъ былъ проведенъ бр. Мазуренками на рядѣ общественныхъ сходовъ Донецкаго округа и утвержденъ окружнымъ съѣздомъ крестьянъ, уполномоченныхъ волостными сходами.

Требуя, чтобы государствомъ управляли не чиновники, а Государственная Дума, авторы приговора писали: (§ 2) «Выборные должны избираться не такъ, какъ намъ объявили въ новомъ законѣ объ этой Думѣ,**) что всѣ крестьяне нашего (Донецкаго) округа посылаютъ одного выборщика, а казаки и паны, которыхъ меньше, посылаютъ 34 выборщика. Нужно всѣхъ уравнять, чтобы въ выборахъ участвовали на равныхъ правахъ совершеннолѣтніе обоего пола».

Далѣе, крестьяне требовали, чтобы (§ 8) «всѣ сословія и отдѣльное крестьянское управленіе» были отмѣнены, а «окружное и областное управленія» находились въ рукахъ «земства, избраннаго такимъ же путемъ, какъ народные представители въ Государственную Думу». Въ § 7 заключалось требованіе націонализаціи всѣхъ земель. Наконецъ, въ § 4 крестьяне требовали въ числѣ прочихъ «свободъ», — свободы «говорить, писать и читать на родномъ языкѣ, — для насъ на малорусскомъ».***)

Въ связи съ послѣднимъ пунктомъ, интересно отмѣтить, что сословно-классовому крестьянскому движенію на Дону руководители его, въ частности бр. Мазуренко, пытались придать малороссійскій національный характеръ. 11-го ноября 1905 г. делегаты Всероссійскаго Крестьянскаго Союза съ Украины собрались послѣ закрытія общаго съѣзда и избрали особый комитетъ, которому поручили передъ вторымъ крестьянскимъ съѣздомъ (со всей Россіи, собрать въ Кіевѣ съѣздъ отъ крестьянъ и крестьянокъ, живущихъ на Украинѣ, независимо отъ ихъ національности и вѣроисповѣданія. «Въ районъ, который можетъ прислать своихъ выборныхъ на съѣздъ въ Кіевъ входятъ губерніи: Кіевская, Подольская, Волынская, Херсонская, Екатеринославская, Полтавская, Черниговская, Харьковская, Черноморская, и область Кубанская, а изъ Донской области, Тав-

*) Въ «Протоколахъ», М. 1906, с. 134, напечатано: «Донского и Новочеркасскаго».

**) Законъ 6 авг. 1905 г. о т. н. «булыгинской» Думѣ.

***) Протоколы... совѣщанія... 6—10 нояб. 1905 г.», М. 1906, с. 134—135; также стр. 6—8; 65; 60—73; 105 и 112.

рической, Курской, Воронежской, Холмской и Бессарабской губерній на съѣздъ посылаютъ своихъ делегатовъ тѣ волости, которыя захотятъ «пристати до Украіни. . . .»*)

Такимъ образомъ, уже въ 1905 г. намѣтилось теченіе, ставившее цѣлью отдѣлить отъ «Донщины» тѣ волости, населенныя донскими крестьянами, которыя пожелаютъ «пристати до Украіни».

По окончаніи московскаго Делегатскаго Совѣщанія, въ ноябрѣ, происходилъ въ Донской области рядъ митинговъ, на которыхъ выступилъ Георгій Мазуренко. Онъ призывалъ крестьянъ выступить на борьбу съ правительствомъ, не платить податей, не давать новобранцевъ, прекратить сношенія съ должностными лицами, не представлять на утвержденіе приговоровъ, отчислять 20 процентовъ волостныхъ сборовъ въ пользу Крестьянскаго Союза. Если-же, несмотря на это, правительство будетъ упорствовать въ созывѣ Учредительнаго Собранія, то крестьяне должны разверстать между собою землю помѣщиковъ и весной приступить къ распахиванію ея, платя помѣщикамъ аренду по своему усмотрѣнію.**)

Крестьянское движеніе на Дону носило мирный характеръ. Единственное столкновеніе съ вооруженной силой было въ слоб. Селивановкѣ, въ сент. 1905 г., причемъ одинъ человѣкъ былъ убитъ и три ранено. Правительство, арестовавшее въ ноябрѣ членовъ бюро Крестьянскаго Союза въ Москвѣ, нанесло рядъ ударовъ Союзу и въ провинціи. Въ частности, на Дону были арестованы бр. Мазуренко, кромѣ Семена, который принялъ участіе въ декабрскомъ съѣздѣ Союза въ Саратовѣ, подписалъ революціонный манифестъ 18 дек. 1905 г. отъ имени Главнаго Комитета Крестьянскаго Союза и успѣлъ бѣжать заграницу.***)

Послѣ ареста бр. Мазуренко рядъ сельскихъ обществъ Донецкаго округа составилъ приговоры съ выраженіемъ имъ сочувствія и съ требованіемъ освободить ихъ. Приговоръ слободы Криворожья гласилъ: «Во всѣ скорбные для насъ дни тюремнаго заключенія бр. Мазуренко, постановляемъ совершенно не пить водки и не допускать торговли водкой. Чтобы выяснить, кто изъ нашихъ землевладѣльцевъ и помѣщиковъ потребовалъ ареста братьевъ М., теперь-же предложить имъ созвать окружный съѣздъ и сдѣлать постановленіе о немедленномъ освобожденіи изъ тюрьмы нашихъ уполномоченныхъ. Землевладѣльцевъ, не подписавшихся подъ этимъ заявленіемъ, мы объявимъ подъ бойкотомъ, приговорами постановимъ навсегда порвать съ ними всякія сношенія. Съ 1-го ян-

*) См. брош. «Всероссійські селянські з'їзди і всероссійська селянська спілка», (1906), с. 44—45.

**) Б. Веселовскій «Крестьян. вопросъ и крест. движеніе въ Россіи» (1902—1906), СПБ., 1907, с. 96.

***) «Былое». сб. по ист. р. осв. движ., Парижъ. 1908, N 8, с. 55, 149.

варя 1906 г. до принятія дворянами и землевладѣльцами требуемаго ими постановленія отбираемъ отъ нихъ всѣхъ нашихъ рабочихъ и всю домашнюю прислугу».*)

Однако, съ арестомъ руководителей движеніе пошло на убыль. Крестьянскій союзъ быстро сталъ разрушаться. Причина этого, помимо репрессій, заключалась въ томъ, что Союзъ объявилъ бойкотъ Государственной Думѣ, крестьянская-же масса не приняла бойкота и послала выборщиковъ въ избирательныя собранія. Кромѣ того, въ крестьянствѣ сказалось различіе интересовъ на почвѣ разслоенія сословія въ матеріальномъ отношеніи, и на немъ отозвался общій упадокъ революціонной энергіи.

Уже 15 марта 1906 г. за пропаганду націонализаціи земли и бойкота помѣщиковъ былъ приговоренъ къ 1-му году крѣпости одинъ изъ организаторовъ всероссійскаго крестьянскаго союза Георгій Мазуренко. Судебная палата признала, что онъ предотвратилъ насилія противъ помѣщиковъ и погромы усадебъ, но все-же приговорила его по 129-й ст. Угол. Улож.

Въ связи съ крестьянскимъ союзомъ, 8 марта 1906 г. были высланы изъ слободы Нижне Ольховской Донецкаго округа 12 чел. крестьянъ (Устинъ и Кононъ Ильченко, Кононъ Куличенковъ и др.), отправленные затѣмъ въ Олонецкую губернію. Значительно позже происходила судебная ликвидація остатковъ «Донского Крестьянскаго Союза».

Глава XLVI.

Участіе Дона въ народномъ представительствѣ 1905—1907. Донскіе депутаты I-й Думы. Запросъ о призывѣ на службу 2 и 3 очередей.

1905-й годъ принесъ Дону участіе въ общенародномъ представительствѣ — въ Государственной Думѣ. Созданіе Думы явилось результатомъ, хотя и не полной, побѣды освободительнаго движенія. Организація народнаго представительства могла интересовать край съ двухъ точекъ зрѣнія: во первыхъ, съ точки зрѣнія положенія края, нѣкогда независимой, республиканской колоніи въ составѣ Государства Россійскаго; во-вторыхъ, съ точки зрѣнія степени участія, которая была отведена населенію края и отдѣльнымъ его слоямъ въ народномъ представительствѣ.

На первый вопросъ творцы россійской конституціи дали отвѣтъ отрицательный. Не только не было произведено перестройки въ отношеніи провинцій къ центру въ смыслѣ созданія, хотя-бы, верхней палаты по принципу представительства провинцій, не только была отвергнута система французскаго

*) «Русс. Вѣдом.», 1906. N 15.

сената, не говоря уже о сѣверо-американскомъ, но и принципъ краевыхъ автономій былъ рѣшительно отвергнутъ. Такимъ образомъ, только великое княжество финляндское сохранило свою автономію, коей наносились при Николаѣ II столь тяжкіе удары. Автономіи не было дано и Царству Польскому. Тѣмъ менѣе могло думать правительство въ 1905 г. о поощреніи не только національно-краевыхъ автономій Арменіи, Грузіи и т. п., но и чисто русскаго областничества русскихъ колоній (Поволжья, Сибири, Дона и т. п.).

Народное представительство было организовано по куріальной системѣ. Для нижней палаты созданы были куріи землевладѣльцевъ, городскихъ избирателей и уполномоченныхъ отъ волостей. Для казачьихъ областей добавили курію уполномоченныхъ отъ станицъ. Правительство надѣялось, что казачьи депутаты явятся оплотомъ реакціи въ Думѣ, и эти его надежды, а потомъ и разочарованія отразились въ законахъ о выборахъ въ Государственную Думу.

Положеніе о выборахъ въ Государственную Думу (отъ 6 авг. 1905 г.) раздѣлило, въ отношеніи выборовъ, Донскую область на двѣ неравныя части: Ростовское н. Д. градоначальство избирало одного депутата; остальные округа и города области выбирали 11 депутатовъ. Кромѣ обычныхъ трехъ курій (съѣздъ уполномоченныхъ отъ волостей, съѣздъ — отъ землевладѣльцевъ и съѣздъ городскихъ избирателей), была создана четвертая — съѣздъ уполномоченныхъ отъ станицъ, на одинаковыхъ основаніяхъ со съѣздомъ уполномоченныхъ отъ волостей. Уполномоченные отъ станицъ Донского казачьяго войска избирались станичными сборами изъ числа членовъ станичныхъ обществъ войскового сословія, въ числѣ двухъ отъ каждой станицы.

Разсматривая росписаніе числа областныхъ выборщиковъ отъ Области Войска Донского, можно замѣтить, что изъ 177 выборщиковъ наибольшее число выборщиковъ избирали (по округамъ) уполномоченные отъ станицъ, а именно, 79 чел. Слѣдующая вліятельная группа — были выборщики отъ окружныхъ съѣздовъ землевладѣльцевъ — 47 чел. Отъ съѣздовъ городскихъ избирателей было 37 выборщиковъ. Отъ крестьянъ, составлявшихъ слишкомъ 50% жителей области, было всего 14 выборщиковъ.

Приводимъ ниже таблицу распредѣленія выборщиковъ по округамъ (по положенію 6-го августа 1905 г.):

Съѣздъ уполномоченныхъ отъ станицъ собирался въ каждомъ округѣ для выбора соотвѣтствующаго числа выборщиковъ. Особенно ярко сказывалась несправедливость распредѣленія выборщиковъ въ крестьянскихъ, по преимуществу, округахъ области. Такъ, въ Донецкомъ округѣ съѣздъ отъ станицъ посылалъ въ Новочеркасскъ 16 выборщиковъ, съѣздъ землевладѣльцевъ 10, даже съѣздъ «городскихъ» избирателей — 8 чел., а съѣздъ отъ волостей всего лишь одного.

Наименованіе округовъ	Число выборщиковъ	Въ томъ числѣ			
		Отъ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей	Отъ съѣзда уполномоченныхъ отъ станицъ	Отъ съѣзда землевладѣльцевъ	Отъ съѣзда городскихъ избирателей
1. Черкасскій округъ	17	1	6	1	9
2. Донецкій	35	1	16	10	8
3. Первый Донской.	20	1	11	6	2
4. Второй Донской .	18	1	14	1	2
5. Ростовскій.	14	4	2	6	2
6. Сальскій	7	1	4	1	1
7. Таганрогскій . . .	30	3	1	17	9
8. Усть-Медвѣдицк.	18	1	13	2	2
9. Хоперскій	18	1	12	3	2
Итого . . .	177	14	79	47	37

Въ Таганрогскомъ округѣ крестьяне имѣли 3 выборщиковъ, а землевладѣльцы 17. Отмѣтимъ мимоходомъ, что право на участіе въ съѣздѣ окружныхъ землевладѣльцевъ давалось тѣмъ, кто владѣлъ 200 дес. земли. Это былъ цензъ для всей Области.

Указъ 13-го дек. 1905 г. предоставилъ участіе въ избраніи выборщиковъ въ областное и Ростовское (городское) избирательныя собранія рабочимъ въ предпріятіяхъ фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности. На Донскую область (вмѣстѣ съ Ростовомъ) было положено всего 6 выборщиковъ отъ рабочихъ, причемъ распредѣленіе этихъ выборщиковъ между областью и ростовскимъ градоначальствомъ было предоставлено областной по дѣламъ о выборахъ коммиссіи. Такимъ образомъ, рабочіе получили, хотя и весьма слабую, степень участія въ избраніи депутатовъ отъ края.

Указъ 19-го февраля 1906 года назначилъ выборы въ Государственную Думу отъ Донской области — на 14 апрѣля. Указомъ 10-го марта первые выборы по Ростовскому градоначальству были назначены на 17-е апрѣля.

Верхняя палата была организована по смѣшанному принципу: половина ея членовъ осталась по назначенію, вторая — по выборамъ отъ курій, въ которыхъ совершенно неравномѣрно представлены были: дворянство, земства, торговля и промышленность и наука. И въ верхней палатѣ край оказался представленнымъ и незначительно и однобоко.

Указъ 21-го февраля 1906 г. о переустройствѣ Государственнаго Совѣта предоставилъ слѣдующія права Дону. Донское дворянство получило право избирать двухъ выборщиковъ на съѣздъ дворянскихъ избирателей въ Петербургѣ для участія въ избраніи 18 членовъ Государственнаго Совѣта по выборамъ отъ дворянства. «Временно, впредь до открытія земскихъ учрежденій» въ Области, землевладѣльцамъ Области было предоставлено право выбора одного члена Государственнаго Совѣта на слѣдующихъ основаніяхъ: въ Новочеркасскѣ, подъ предсѣдательствомъ областного предводителя дворянства образовывался съѣздъ лицъ, имѣющихъ въ области, по количеству состоящей во владѣніи ихъ земли, право непосредственнаго участія въ съѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ, если притомъ они владѣютъ тою землею не менѣе 3 лѣтъ и не лишены правъ участія въ выборахъ въ Государственную Думу. Пассивное избирательное право въ члены Государственнаго Совѣта (отъ донскихъ землевладѣльцевъ) принадлежало лишь лицамъ съ тройнымъ, противъ избирателей, количествомъ земли.

Такимъ образомъ, донское дворянство, участвуя въ дворянскомъ съѣздѣ для выбора членовъ Государственнаго Совѣта, черезъ выборщиковъ, посылало также своего члена прямо въ Совѣтъ въ качествѣ «землевладѣльцевъ».

Кромѣ того, ростовскій биржевой комитетъ получилъ, по тому-же закону, право избирать двухъ выборщиковъ (по одному отъ промышленности и по одному отъ торговли) на съѣздъ выборщиковъ отъ промышленности и торговли въ Петербургѣ для участія въ избраніи 12 членовъ Государственнаго Совѣта. Таковы были права Дона на участіе въ общенародномъ представительствѣ въ 1905—1907 г.г.

Членами Государственной Думы отъ Донской области были избраны слѣдующія лица: отъ городовъ Ростова на Дону и Нахичевани — врачъ А. П. Хартахай, к.-д.; отъ области: товарищъ прокурора таганрогскаго окружного суда М. П. Араканцевъ, к.-д.; преподаватель гимназіи, кандидатъ Моск. унив. и Моск. Духов. Академіи, В. А. Харламовъ, к.-д.; священникъ, о. Клавдій Афанасьевъ, к.-д.; почетный мировой судья крупный землевладѣлецъ И. Н. Ефремовъ, избранный, какъ безпартійный, и занявшій въ Думѣ мѣсто въ партіи демократическихъ реформъ; преподаватель Ѳ. Д. Крюковъ, извѣстный болѣе какъ писатель, участникъ «Русскаго Богатства», трудовикъ; представитель отъ крестьянъ С. В. Кулаковъ, крестьянинъ голосовавшій въ Думѣ съ трудовиками; избранные, какъ безпартійные, но въ Думѣ выступавшіе, какъ правые: членъ окружного по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, есаулъ А. М. Скасырскій, землевладѣлецъ; станичные атаманы, урядники: М. И. Куликовъ, М. С. Савостьяновъ, И. М. Васильевъ и Е. Я. Куркинъ.

Кромѣ Хартахая и Кулакова, всѣ остальные депутаты

были казаки. Изъ нихъ — Ефремовъ принадлежалъ къ старинному роду атамановъ XVIII вѣка и былъ извѣстнымъ либеральнымъ общественнымъ дѣятелемъ. Харламовъ извѣстенъ былъ, какъ изслѣдователь исторіи Дона и какъ энергичный общественный дѣятель. Хартахай былъ больше дѣятелемъ маріупольскаго земства, нежели донскимъ; редактировавшаяся имъ газета «Ростов. Извѣстія» была закрыта властями.

Интересно отмѣтить, что правый списокъ не прошелъ на выборахъ въ Новочеркасскѣ, несмотря на всѣ усилія начальства. Всѣ пятеро депутатовъ, которые перешли потомъ, въ Думѣ, направо, прошли, какъ безпартійные. Избранные казачьими выборщиками станичные атаманы, ставшіе въ Думѣ покорными исполнителями велѣній Главнаго Управленія казачьихъ войскъ, не уклонились послѣ выборовъ, въ Новочеркасскѣ, отъ участія въ устроенномъ депутатамъ отъ имени выборщиковъ чествованіи. Выборщики заклинали депутатовъ бороться за самоуправленіе, за права края и казачества. И станичные атаманы, вмѣстѣ съ остальными, обѣщали постоять за Донъ, за казачьи вольности.*)

Донскіе депутаты въ Думѣ распредѣлились почти поровну между правой и лѣвой стороной. Лѣвыми оказались: Харламовъ, Араканцевъ, Крюковъ, Афанасьевъ, Кулаковъ и (ростовецъ) Хартахай; правыми: Скасырскій, Васильевъ, Савостьяновъ, Куркинъ и Куликовъ. Среднюю позицію занялъ Ефремовъ, умѣренный либерализмъ коего казался весьма консервативнымъ въ I-й Думѣ.

Въ лѣвой группѣ наиболѣе видная роль выпала на долю Харламова и Араканцева. Харламовъ и Ефремовъ избраны были въ аграрную коммиссію. Скасырскій — попалъ въ коммиссію по исполненію государственной росписи. Харламовъ подписалъ почти всѣ важнѣйшіе законопроекты и запросы, внесенные партіей к.-д. Главная заслуга его — выступленія по поводу запроса о неправильной мобилизаціи 2 и 3 очередей для борьбы съ освободительнымъ движеніемъ.

Араканцевъ былъ избранъ въ коммиссію по поводу бѣлостокскаго погрома и былъ ея докладчикомъ въ Думѣ. Въ рѣчи по поводу отвѣтнаго адреса, онъ требовалъ отмѣны административныхъ стѣсненій относительно національностей.**) Въ засѣданіи 12 мая онъ требовалъ изданія закона о защитѣ судейской независимости. 1-го іюня онъ говорилъ противъ временнаго устраненія изъ Думы депутата Ульянова, привлеченнаго къ суду за редактированіе газеты «Дѣло Народа».***)

Наиболѣе важное значеніе имѣла поѣздка Араканцева въ

*) Ѳ. Крюковъ «Выборы на Дону» въ сб. «Къ 10-лѣтію I-й Гос. Думы», СПБ. 1916.

**) Стен. отч., т. I, с. 119, (3 мая).

***) Тамъ-же, т. I, с. 302; т. II, с. 393.

Бѣлостокъ, отъ имени Думы, для разслѣдованія дѣла о погромѣ. Въ докладѣ своемъ онъ обвинялъ гражданскія и, особенно, военныя власти въ организаціи погрома и протестовалъ противъ вовлеченія арміи въ политику. «Когда она проснется и увидитъ весь тотъ ужасъ, который ее заставляли дѣлать . . ., — закончилъ Араканцевъ свою рѣчь, — тогда горе будетъ этимъ насильникамъ и этимъ развратителямъ русскаго народа . . .»*) Еще 3-го іюля 1906 г., по поводу отвѣта тов. министра внутреннихъ дѣлъ на запросы, Араканцевъ сказалъ весьма содержательную и горячую рѣчь о необходимости отмѣны административной ссылки.**)

Крюковъ подписалъ заявленіе объ образованіи мѣстныхъ аграрныхъ комитетовъ (24 мая). Затѣмъ, наибольшее вниманіе Думы и общества привлекли выступленія его по поводу мобилизаціи казаковъ 2 и 3 очередей. Въ нихъ онъ не только точно, но и художественно нарисовалъ картину разоренія казачества. Хартахай, поддерживая донцевъ, выступалъ по аграрному вопросу, по поводу Бѣлостокскаго погрома и т. п., больше касаясь Екатеринославской губерніи, нежели Донской области.

Противникомъ аграрнаго проекта к.-д. выступилъ въ Думѣ Ефремовъ. По поводу отвѣтнаго адреса Ефремовъ внесъ поправку о «принудительномъ отчужденіи необходимой части земель частновладѣльческихъ, широкомъ содѣйствіи государства заселенію свободныхъ земель и поднятіи производительности сельскаго хозяйства».***) Но зато въ вопросѣ о земствѣ на Дону Ефремовъ выступилъ съ достаточной рѣзкостью и опредѣленностью, напомнивши Думѣ исторію земскаго вопроса на Дону. Нужно отмѣтить, что онъ это сдѣлалъ по поводу ассигнованія 50 милліоновъ рублей на помощь населенію, пострадавшему отъ голода, въ частности въ Донской области. Указывая на то, что въ 1902—1903 г. г. сельскія общества на Дону, голодавшія и нуждавшіяся, не могли воспользоваться собственными продовольственными запасами въ теченіе 2—3—4 мѣс., пока шла переписка между земскими распорядительными комитетами и полиціей, Ефремовъ требовалъ возстановленія земства на Дону. Но Дума отнеслась крайне невнимательно къ заявленіямъ Ефремова.[1])

Ефремовъ поддержалъ поправку къ отвѣтному адресу Думы, внесенную Стаховичемъ. Въ ней высказывалось осужденіе политическимъ убійствамъ слѣва. Вмѣстѣ съ нимъ, под-

*) Стеногр. отч., т. II, с. 1605.
**) Тамъ-же, с. 1926—1930.
***) Стеногр. отч., т. I, с. 198.
[1]) Стен. отч., т. II, с. 1669—1670.

писались также: Скасырскій, Куркинъ, Куликовъ, Савостьяновъ.*)

Интересно отмѣтить, что лѣвые донскіе депутаты вошли въ т. наз. «группу автономистовъ», членовъ Государственной Думы, состоявшую изъ представителей различныхъ національностей Имперіи. Цѣли «группы автономистовъ», согласно ихъ программѣ, были слѣдующія: «Децентрализація государственнаго управленія должна быть проведена на демократическихъ началахъ и на принципѣ широкой автономіи отдѣльныхъ областей, устанавливаемой основными законами Россійской Имперіи (§ 1)». Въ параграфѣ второмъ, автономисты требовали, чтобы «предѣлы и границы автономіи каждой отдѣльной области или территоріально-національной единицы устанавливались согласно волѣ его населенія».**)

Члены «союза автономистовъ» подчеркивали, что «организуясь на основахъ представительства областей, а не національностей», союзъ стремится не къ «національной обособленности, а къ децентрализаціи государственнаго управленія». Союзъ автономистовъ предоставлялъ каждому изъ своихъ членовъ свободу входить въ любую партію, признающую принципъ автономіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, союзъ заявлялъ, что «стоитъ на началѣ нераздѣльности и неприкосновенности границъ россійскаго государства, какъ единаго цѣлаго». Изъ представителей великорусскихъ областей, вошедшихъ въ союзъ, наиболѣе виднымъ былъ В. П. Обнинскій.***)

Въ союзъ, кромѣ донцевъ, вошли также астраханцы и оренбуржцы. Дѣятельность союза не развернулась достаточно широко, но весьма характерно, что донцы поспѣшили войти въ это объединеніе.

Думскую дѣятельность донскихъ депутатовъ нельзя назвать очень значительной. Центральнымъ пунктомъ ея было выступленіе по поводу мобилизаціи казаковъ для борьбы съ освободительнымъ движеніемъ. Кромѣ того, донцами былъ внесенъ рядъ запросовъ. 23 мая 1906 г. они внесли запросъ о преслѣдованіи въ округѣ Новочеркасской судебной палаты желѣзно-дорожныхъ и почтово-телеграфныхъ чиновъ за участіе въ октябрьскомъ забастовкѣ 1905 г. [1])

Кромѣ того, были внесены слѣдующіе запросы, касавшіеся Дона: а) объ арестѣ 15 крестьянъ Усть-Бѣлокалитвенской слободы, Донецкаго округа; б) о голодовкѣ политическихъ заключенныхъ въ Таганрогской тюрьмѣ (23 мая); в) о содержаніи въ Ростовской тюрьмѣ 15 донскихъ крестьянъ (Бѣлоусова, Михалева и др.); г) о высылкѣ въ административномъ порядкѣ

*) Стен. отч., т. I, с. 228 и 237.

**) «Дѣло Народа», 1906, 11 (24) мая.

***) «Дѣло Народа», 1906, 10 (23) мая; «Къ 10-лѣтію I гос. Думы», сб. ст., Пгр., 1906, с. 210—217.

[1]) Стеногр. отч., т. I, с. 531—532.

12 крестьянъ слободы Нижне-Ольховской, Донецкаго окр., Области Войска Донскаго; д) о содержаніи въ Ростовской тюрьмѣ Вал. Пав. Михайлова (нач. станц.), Рейзмана (арест. въ Пятигорскѣ), учит. Тарасова, вет. врача Зайцева и др.;. е) и, наконецъ, объ арестѣ подъесаула Миронова, привозившаго въ Думу приговоръ Усть-Медвѣдицкой станицы.

Но самымъ важнымъ запросомъ былъ оглашенный въ засѣданіи 2-го іюня 1906 г. запросъ (№ 103) за подписью 48 депутатовъ (В. А. Харламова, Араканцева, Крюкова, Афанасьева, Хартахая и другихъ) о призывѣ къ военной службѣ внутри Имперіи казачьихъ полковъ 2-й и 3-й очередей. Помимо разоренія казачества, иниціаторы запроса мотивировали его и тѣмъ, что «полицейская служба и въ сознаніи казачьяго населенія не совмѣстима съ званіемъ казака-воина, защитника родины, и оно громко заявляетъ объ этомъ въ своихъ многочисленныхъ обращеніяхъ къ членамъ государственной Думы отъ казачьихъ областей». Авторы запроса ссылались и на то, что Высочайшее повелѣніе о мобилизаціи казачьихъ полковъ 2-й и 3-й очередей, вопреки закона, не было распубликовано черезъ Сенатъ.

Депутатъ Харламовъ, мотивируя запросъ, заявилъ, что «среди мѣстнаго казачьяго населенія пробуждается тотъ старый духъ свободы, который создалъ казачество, который жилъ въ немъ, и который съ теченіемъ вѣковъ нашимъ... самодержавнымъ бюрократическимъ правительствомъ истребленъ въ казакахъ... Заявленія, которыя мы получаемъ сейчасъ, ясно показываютъ, что среди казачества еще не остылъ тотъ духъ свободы, которымъ оно жило, что казачество это еще помнитъ тѣ времена, когда оно становилось во главѣ политическихъ и соціальныхъ теченій жизни русскаго народа...»*)

Для иллюстраціи своихъ словъ о «пробужденіи стараго духа свободнаго казачества» Харламовъ процитировалъ приговоръ станицы М. (за 73 подписями). Авторы приговора заявляли, что внутреннюю охранную службу они считаютъ противорѣчащей чести и доброму имени казачества. «Крестьяне и рабочіе, требующіе отъ правительства земли и воли, есть наши друзья и братья... Правительство служитъ только интересамъ богатыхъ и имущихъ классовъ».

Продолжая свою рѣчь, Харламовъ напомнилъ о той «тонкой политикѣ, которой правительство придерживалось: оно искусно поддерживало обособленность казачества, раздувало въ немъ непріязнь къ остальной части населенія, «иногороднимъ», къ русскому обществу. До послѣдняго времени, до эпохи этого великаго освободительнаго движенія, для казака его область — это былъ особый міръ. «Это — моя страна: я здѣсь дома»,— говорилъ казакъ, — «а тамъ — это Россія», тамъ все чужое, и

*) Стеногр. отч. I Гос. Думы, т. II, с. 961—962.

онъ не считалъ себя связаннымъ съ нею. Потакая такимъ инстинктамъ, наше правительство въ своей политикѣ по отношенію къ казакамъ сохраняло всѣ наружные признаки этой обособленности...»

Государственная Дума отвергла срочность этого запроса и вернулась къ нему лишь въ засѣданіи 13-го іюня. Депутатъ Шольцъ, докладчикъ коммиссіи по изслѣдованію незакономѣрныхъ дѣйствій должностныхъ лицъ, отмѣтилъ, что «въ то время, какъ въ дѣйствующую армію было отправлено всего только 4 полка, для борьбы съ освободительнымъ движеніемъ было отправлено 20 полковъ, кромѣ нѣсколькихъ десятковъ отдѣльныхъ казачьихъ сотенъ». *)

Незаконнымъ было нераспубликованіе повелѣнія о призывѣ полковъ 2-й и 3-й очередей, а равно и обращеніе этихъ полковъ на полицейскую службу, превращеніе ихъ въ чисто-полицейскія части, вызываемыя по усмотрѣнію становыхъ приставовъ и урядниковъ. Тѣмъ болѣе незаконнымъ были, по мнѣнію докладчика: порученіе казакамъ производить обыски, аресты, сѣченіе, экзекуціи; раздробленіе командъ и подчиненіе ихъ полицейскимъ чиновникамъ; употребленіе нагаекъ. Результатомъ всего этого являются — разореніе казачьихъ семей, ропотъ и раздраженіе противъ казачества и ростъ недовольства въ средѣ самого казачества. Таковы были выводы докладчика.

Первымъ ораторомъ выступилъ Араканцевъ, отмѣтившій, что россійское правительство отмѣнило «выборное войсковое правленіе на Дону», «выборныхъ казачьихъ атамановъ», и «древній сборъ» казачьей общины, ввело военное управленіе, «произволъ, царство беззаконія...» «Отъ военнаго министра и до станичнаго атамана — это была власть карающая и милующая, имѣвшая одну тенденцію убить въ казакахъ все, что только способно было не мириться съ этими оковами». Казаковъ лишили просвѣщенія руками «злодѣя Святополкъ-Мирскаго», имъ прививали презрѣніе къ «кацапамъ» (великороссамъ) и «хохламъ». Затѣмъ ихъ послали противъ «дорогой и для казаковъ общей нашей родины...» «Обнищалый теперь, оторванный отъ общей родины и запертый въ клѣтку военнаго управленія, задавленный совершеннымъ безправіемъ, казакъ сдѣлался слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ правительства...» «Мы не хотимъ этого, — восклицалъ Араканцевъ, — мы протестуемъ противъ этого... Мы хотимъ возвратиться подъ свои боевыя знамена, чтобы всегда быть готовыми для нуждъ родины, но не для прихоти помѣщиковъ, заводчиковъ и фабрикантовъ...» Араканцевъ призывалъ не бросать упрека казакамъ: «эти люди такія-же жертвы нашего страшнаго правитель-

*) Стеногр. отч. I Г. Д., т. II, с. 1304.

ства, какъ солдаты подъ начальствомъ Мина, Сиверса, Соллогуба...» Аракчеевъ призывалъ «къ единенію для общей борьбы противъ общаго врага...»

Затѣмъ Крюковъ художественно изобразилъ процессъ превращенія «людей простыхъ, открытыхъ, людей труда въ живыя машины, часто безсмысленно жестокія». Солдатъ переживаетъ этотъ процессъ въ казармѣ, казакъ — всю жизнь. «Даже въ домашней жизни, въ мирной обстановкѣ, казакъ не долженъ забывать, что онъ прежде всего нижній чинъ, ... и всякій начальникъ можетъ распечь его за цивильный костюмъ, за обувь, за шаровары безъ лампасъ...» «Что такое земскій начальникъ въ сравненіи съ нашимъ военнымъ администраторомъ, для котораго законъ не писанъ ни въ буквальномъ, ни въ переносномъ смыслѣ слова...» «Никакая казарма, никакая солдатская муштровка не можетъ итти въ сравненіе съ этимъ своеобразнымъ воспитательнымъ режимомъ, сковавшимъ все существованіе казака...»

«Всякое пребываніе внѣ станицы, внѣ атмосферы начальственной опеки, всякая частная служба, посторонніе заработки для него закрыты, потому что онъ имѣетъ право лишь кратковременной отлучки изъ станицы... Ему закрытъ даже доступъ къ образованію, ибо невѣжество было признано лучшимъ средствомъ сохранить воинскій казачій духъ... Современный военный режимъ интересы офицера рѣзко отдѣлилъ отъ интересовъ казака, даже противопоставилъ ихъ, и недовѣріе къ офицеру теперь рѣзко сквозитъ во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ казака...»

«Казакъ дорожитъ своимъ званіемъ», ибо въ прошломъ у него «была полная, свободная жизнь широкой удали, та совокупность правъ личности, которыхъ теперь добивается русскій народъ». Крюковъ напоминалъ также о казачьихъ протестахъ въ станицахъ, въ (кубанскомъ) Урупскомъ полку, въ третьемъ сводномъ Донскомъ полку, объ арестахъ среди казачьихъ офицеровъ. Онъ нарисовалъ картину оскудѣнія Донского края и «благодѣянія правительства», которое семьямъ мобилизованныхъ казаковъ отпустило «значительное мѣсячное пособіе — одинъ рубль въ мѣсяцъ, чтобы казаки старались на усмиреніяхъ народа...»

Депутатъ Васильевъ, несомнѣнно инспирированный начальствомъ, возражалъ противъ запроса, ссылаясь на § 14 Основныхъ Законовъ и увѣряя, что онъ не подлежитъ обсужденію Думы. «Нужда и горе казака — велики, но казакъ на это не ропщетъ...» Онъ ропщетъ «на крамольщиковъ, которые... вынуждаютъ правительство мобилизовать войска...» Его избиратели просили передать «революціонерамъ, чтобы они оставили свою опасную игру, которая ведетъ Россію на гибель. Поиздѣвались и достаточно...»

Васильева поддержалъ Куркинъ, заявившій, что «казаки знаютъ, что должны нести службу до тѣхъ поръ, когда Царю, призвавшему ихъ, угодно будетъ распустить ихъ по домамъ».

Савостьяновъ находилъ, что полицейская служба «не присуща казаку-воину» и «сочувствовалъ роспуску 2-й и 3-й очередей», но считалъ лишнимъ «ходатайствовать, чтобы казаки были уволены безъ воли Государя домой». Онъ увѣрялъ Думу, что Харламовъ хочетъ возродить старые уходы казаковъ со службы на Донъ самовольно и «навязываетъ казакамъ свободу...» «Ужь не такую-ли свободу, которою казаки 300 лѣтъ тому назадъ пользовались. Правда, тогда они никому не подчинялись и жили только въ зависимости отъ самихъ себя, да и межь собой-то ладу не было: кому хотѣли, тому служили, на чью сторону захотѣли переити, на ту и переходили. Но теперь время не то...» И Савостьяновъ отстаивалъ необходимость безусловнаго и слѣпого повиновенія начальству.

Запросъ поддержали представители казачества — уральскаго Бородинъ и — оренбургскаго Сѣдельниковъ. Бородинъ говорилъ, что уральское казачество отлично поняло сущность конституціоннаго устройства, и прочиталъ присланный изъ Пензы протестъ казаковъ 7-го Уральскаго казачьяго полка противъ полицейской службы казачества. Сѣдельниковъ указалъ, что станичные атаманы, противопоставляющіе съ Думской каѳедры службу казаковъ Царю — службѣ ихъ отечеству, оказываютъ плохую услугу царю. Онъ привелъ письмо казаковъ Хоперскаго округа Донской области съ протестомъ противъ депутата Васильева и полицейской службы, «положившей на все казачье войско несмываемое пятно...» «Наши дѣды и прадѣды, — писали хоперцы, — были всѣ равные между собою, и мы не знаемъ, откуда въ нашемъ обществѣ взялись дармоѣды-помѣщики, которыхъ охраняютъ наши казаки». Аналогичныя письма сообщилъ Сѣдельниковъ и отъ имени казаковъ 17-го Оренбургскаго полка изъ Перми и 14-го полка изъ Оренбурга.

Представитель оренбургскаго казачества Выдринъ, поддерживая запросъ, сказалъ: «Казаки покорно пойдутъ противъ внѣшняго врага, но бороться съ гражданами своего отечества они не желаютъ. Правительство должно понимать, что нельзя безъ конца эксплоатировать казачество, что терпѣніе его можетъ быть исчерпано...» Представитель оренбургскихъ казаковъ Свѣшниковъ заявилъ, что «если казаки не будутъ уволены, то они самовольно разъѣдутся».

Кубанскіе казаки Кочевскій и Бардижъ поддержали запросъ. Астраханскій казакъ говорилъ о тяжести казачьей службы, но полагалъ, что члены Думы, вносящіе запросъ, въ сущности, говорятъ казаку, чтобы онъ не исполнялъ своей присяги. Васильевъ, возражая Араканцеву, заявилъ, что казаки-избиратели не просили его «вывести изъ тины» казачьей

жизни, что интересы казачьяго населенія чужды Араканцеву, ибо онъ избранникъ Таганрога или Ростова. Письма-же и наказы изъ станицъ лѣвымъ донскимъ депутатамъ написаны имъ по ихъ собственной просьбѣ. «Казаки не просятъ освобожденія, а просятъ улучшенія ихъ быта...» Однако, Савостьяновъ вынужденъ былъ съ каѳедры признать, что при выборахъ казаки обращались къ депутатамъ съ просьбой, «чтобы внутренній режимъ былъ построенъ на выборномъ началѣ, какъ это у насъ нѣкогда было», и о «распредѣленіи войсковыхъ запасныхъ земель по станичнымъ юртамъ». Этому сочувствовалъ и онъ, «но о роспускѣ казаковъ — этого не было».

Харламовъ, возражая Васильеву заявилъ: «Вопросъ о томъ, чтобы казачьи полки 2-й и 3-й очередей въ будущемъ соціальномъ и юридическомъ переустройствѣ войска Донскаго были уничтожены, въ мѣстномъ обществѣ на устахъ у всѣхъ казаковъ отъ мала до велика... Это общее желаніе...» Изъ получаемыхъ писемъ Харламовъ процитировалъ заявленіе 41-го Донского полка, который «проситъ предложить Думѣ, государственнымъ представителямъ, ходатайствовать о роспускѣ его не позже 20-го іюня, «а если не распустятъ — ѣдемъ домой...» Харламовъ напоминалъ о 300-лѣтней боевой службѣ казачества, когда «рожденное свободнымъ народомъ, оно было для государства оплотомъ». Онъ протестовалъ противъ отдачи казаковъ въ руки полицеймейстеровъ, «которые съ болѣзненно-разстроеннымъ воображеніемъ, со слѣпу пускаютъ эту военную силу туда, куда подскажетъ имъ одинъ ихъ паническій страхъ предъ крамолой». Равнымъ образомъ, протестовалъ онъ и противъ отдачи казаковъ «во власть и распоряженіе помѣщиковъ, становыхъ приставовъ и полицейскихъ урядниковъ».

Харламовъ протестовалъ также противъ донскихъ депутатовъ, которые «не отдѣляли высокаго имени монарха отъ тѣхъ людей, которые играютъ этимъ именемъ, отъ тѣхъ... истинныхъ двигателей власти, которымъ мы здѣсь постоянно выражаемъ и каждую минуту будемъ выражать недовѣріе...»

По окончаніи преній запросъ о казачьей мобилизаціи былъ принятъ единогласно.*) Политическое значеніе этого запроса было весьма велико. Впервые со всенародной трибуны раздался голосъ представителей казачества, указавшихъ на тяжкое положеніе казака и проведшихъ черту между казакомъ и реакціей, которой онъ въ то время по принужденію служилъ.

Практическій результатъ былъ лишь тотъ, что правительство прекратило дальнѣйшую мобилизацію казачьихъ полковъ

---

*) Стен. отч., т. II, с. 1307—1334. Членъ Думы, с.-д. Ной Жорданія издалъ стеногр. отчетъ о засѣданіи 13 іюня подъ заглавіемъ: «Гос. Дума о положеніи казаковъ» (СПБ., 1906). Брошюра была немедленно-же конфискована.

на борьбу съ освободительнымъ движеніемъ. Демобилизація-же началась не такъ скоро.

Глава XLVII.

Вопросъ о казачествѣ и казачьей землѣ въ I. Думѣ. Судьба донскихъ депутатовъ I. Думы послѣ роспуска ея.

Вопросъ о казачествѣ, вопросъ о самомъ его существованіи былъ поставленъ на очередь гораздо ранѣе преній 13 іюня. Онъ былъ поставленъ всею совокупностью обстоятельствъ, въ которыхъ находились и казаки, принимавшіе участіе въ усмиреніяхъ, и вся Россія, сочувствовавшая освободительному движенію. Первымъ, кто выступилъ въ Думѣ съ заявленіями по казачьему вопросу, былъ оренбургскій депутатъ Сѣдельниковъ. Но выступленію его предшествовали многочисленныя выступленія лѣвой прессы и сатирическихъ журналовъ.*)

Депутатъ Сѣдельниковъ (Оренбург. губ.), говоря въ засѣданіи Гос. Думы 29-го апр. объ амнистіи, сказалъ, что старый строй «вооружалъ одни слои населенія противъ другихъ, и наше казачество оказалось однимъ изъ такихъ слоевъ, который, являясь вѣрноподданнымъ своему Монарху, оказался врагомъ своему народу. Этого не должно быть — Государственная Дума должна сдѣлать такъ, чтобы не было братоубійственнаго сословія казачьяго, какъ сословія военнаго, отдѣленнаго китайской стѣной отъ остальныхъ. Казаки должны быть такими-же гражданами, и первымъ шагомъ къ этому должно быть возвращеніе всѣхъ казаковъ, несущихъ внутреннюю службу, домой. Это первый шагъ, послѣ котораго необходимо приступить Думѣ къ обсужденію казачьяго вопроса».**)

Въ рѣчи своей 3 мая Сѣдельниковъ вернулся къ вопросу о казачествѣ. Онъ выразилъ сожалѣніе, что ни одинъ изъ 16 казаковъ, бывшихъ (въ то время) въ Думѣ не попали въ коммиссію по составленію отвѣтнаго адреса, «а между тѣмъ крестьянскій и казачій вопросы такъ тѣсно связаны между собою». Изъ того, что казаки въ Саратовской и другихъ губерніяхъ «производятъ укрощенія аграрныхъ безпорядковъ, нельзя дѣлать вывода, что это особая порода живыхъ людей, у которой нѣтъ хозяйства, ни общественныхъ, ни экономическихъ интересовъ». Надо, чтобы изъ адреса «и казаки поняли, что они не забыты, чтобы они могли, наконецъ, вздохнуть свободною грудью, чтобы могли, наконецъ, убѣдиться, что

*) Частично мы отмѣтили ихъ въ предыдущихъ главахъ.
**) Стеногр. отч. I Г. Думы, т. I, с. 29.

будетъ положенъ предѣлъ тому дикому положенію вещей, когда они, сознавая себя братьями русскаго народа, должны были по приказу властей быть его внутренними врагами...»

Сѣдельниковъ подчеркивалъ, что въ обособленности казачества «главная причина того озлобленія, съ которымъ казаки относятся къ другимъ сословіямъ въ Россіи...» «Не надо забывать, что казаки во всѣхъ отношеніяхъ подчинены военному министерству. Съ колыбели до могилы казаки поставлены въ рамки военной дисциплины». Сѣдельниковъ призывалъ Думу «освободить казаковъ отъ этой невозможной военной дисциплины, отъ этого ужасающаго безчеловѣчнаго строя...»*)

Такимъ образомъ, Сѣдельниковъ поставилъ вопросъ о существованіи казачества, какъ сословія, и требовалъ превращенія казаковъ въ равноправныхъ со всѣми гражданъ Имперіи. Выступленіе это вызвало рядъ откликовъ. Въ «Новомъ Времени» появилось письмо членовъ Думы Васильева, Куркина, Савостьянова и Куликова. Въ этомъ письмѣ правые донскіе депутаты возмущались заявленіями Сѣдельникова и утверждали: «Казачье населеніе Войска Донскаго всегда было и состоитъ вѣрнымъ своимъ исконнымъ традиціямъ служитъ своему возлюбленному царю-батюшкѣ и дорогой родинѣ, какъ подобаетъ вѣрнымъ сынамъ своего отечества: поступать, какъ указано будетъ Государемъ и государственными потребностями...»

Во время обсужденія отвѣтнаго адреса въ Государственномъ Совѣтѣ представитель донскаго дворянства въ Совѣтѣ В. И. Денисовъ счелъ нужнымъ выступить съ рѣчью противъ Сѣдельникова, защищая репутацію казачества. Онъ увѣрялъ, что «казаки боролись въ послѣдніе годы противъ насилія за свободу, основанную на правѣ» и вовсе не были «насильниками русской свободы».**)

Кромѣ того, Сѣдельникову былъ присланъ рядъ писемъ отъ «истинныхъ казаковъ», съ угрозами «переломать ребра Іудѣ-предателю». Сѣдельниковъ отвѣтилъ, «открытымъ письмомъ защитникамъ традиціоннаго казачества».***) «Бейте меня, — писалъ онъ, — но перестаньте избивать крестьянъ и рабочихъ...» «Зовите меня «измѣнникомъ», но не измѣняйте сами тѣмъ дорогимъ казачьимъ традиціямъ, когда казаки были сознательными борцами за свободу всего русскаго народа, а не холопски-угодливыми слугами бюрократіи...» «Говоря объ уничтоженіи казачества, какъ военнаго сословія, — поясняетъ Сѣдельниковъ, — я имѣю въ виду добиться такого положенія вещей, когда казаки, освободившись отъ военно-бюрократической опеки, станутъ вмѣстѣ съ остальными гражданами Рос-

*) Стеногр. отч., т. I, с. 112—113.
**) Цитронъ «72 дня новаго русс. парламента», СПБ., 1906, с. 38—39.
***) «Дѣло Народа», 1906 г., 10 (23) мая.

сіи полными хозяевами и распорядителями своей жизни, отбывая воинскую повинность на казенный счетъ и ничуть не больше другихъ и имѣя полную свободу, какъ до призыва на службу, такъ и послѣ нея... Неужели для казаковъ, безправныхъ больше, чѣмъ кто-бы то ни было, мало или даже позорно быть полноправными русскими гражданами?...»

Агитація членовъ партіи правового порядка на Дону, имѣвшая цѣлью вызвать со стороны казачества протестъ по поводу рѣчей Сѣдельникова, не имѣла успѣха.*)

Въ статьѣ своей «Казаки и Государственная Дума»**) Сѣдельниковъ писалъ о грамотахъ, которыми подтверждается «ненарушимость настоящаго образа служенія казачества» и доказывалъ, что «образъ служенія» въ это время былъ сплошнымъ «военнымъ положеніемъ» для казачества, даже не усиленной и не чрезвычайной охраной. Благодаря этому «образу служенія», военно-бюрократическому рабству въ мирное время, не говоря о служебномъ, «казаки оказались внутренними врагами своего народа, своего отечества».

«Въ интересахъ освобожденія русскаго народа, въ интересахъ самихъ казаковъ, какъ людей и гражданъ, — спрашивалъ Сѣдельниковъ, — имѣетъ-ли право первая Государственная Дума оставлять казачій вопросъ въ его современномъ положеніи? Можетъ-ли она пройти мимо этого мучительно-болѣзненнаго нароста русскаго государственнаго организма, не сдѣлавъ немедленной и радикальной операціи?...»

Отвѣтивъ отрицательно, Сѣдельниковъ заключалъ: «необходимо только произвести эту операцію такъ, чтобы и сами казаки, вмѣсто протеста и возмущенія, протянули законодателямъ руку и, вздохнувши въ первый разъ полной и свободной грудью воздухъ основныхъ гражданскихъ правъ, дружно грянули со всѣмъ трудящимся людомъ Россіи: «Да здравствуетъ свобода!...»

13 іюня депутатъ Васильевъ огласилъ въ Думѣ заявленіе «гражданъ прихода Покровской церкви, хуторовъ Журавскихъ, Нижне-Кундрюческой станицы» на имя членовъ Думы Васильева, Куликова, Куркина и Савостьянова. Они благодарили ихъ за то, что они «имѣли мужество печатно заявить протестъ тѣмъ лицамъ, кои имѣли дерзость самовольно отъ лица всѣхъ казачьихъ войскъ говорить объ уничтоженіи казачества, какъ войскового сословія: будто-бы казачество отжило свой вѣкъ». Ссылаясь на недавнее подтвержденіе казачьихъ правъ и привилегій, журавцы заявляли, что «никогда не откажутся отъ своихъ казачьихъ правъ и всегда будутъ вѣрны своему Государю, который и есть верховный атаманъ всѣхъ казачьихъ

*) «Голосъ», 1906, 4 (17) іюня.
**) «Дѣло Народа», 1906 N 4, 6 (19) мая.

войскъ». Журавцы спрашивали, почему въ протестѣ правыхъ донскихъ депутатовъ не было подписи «знакомаго намъ члена Думы казака Быстрянской станицы В. А. Харламова...»

Съ своей стороны, возражая въ Думѣ Васильеву, Сѣдельниковъ сослался на письмо изъ одной станицы Хоперскаго округа.. Его благодарили, «какъ казака, стоявшаго на томъ, чтобы вся земля была распредѣлена между трудящимся классомъ». Хоперцы протестовали противъ «г. депутата Васильева и ему подобныхъ», сдѣлавшихъ Сѣдельникову возраженія, якобы «казаки не желаютъ сдѣлаться равноправными гражданами...»

Изъ представителей к.-д. высказался Родичевъ, который весьма лойяльно протестовалъ противъ предложенія «признать, что вся эта кровь, которая пролита въ Россіи, вся та кровь, которая запачкала казацкія знамена, что она пролита по высочайшему повелѣнію...» Казачьимъ депутатамъ внушалъ онъ обязанность — «слѣпымъ рядовымъ вашего казацкаго войска раскрыть глаза и показать имъ, что тѣ, кто ведетъ ихъ противъ русскаго народа, — измѣнники присяги». Изъ письма журавцевъ, желавшихъ сохраненія казачьихъ привилегій, Родичевъ усматривалъ, «что имъ внушалось: «смотрите, когда говорятъ о свободѣ, значитъ, хотятъ васъ лишить вашихъ правъ...» Родичевъ называлъ это «крамольной клеветой».

Галецкій (Арханг. губ.), примыкавшій къ к.-д., приглашалъ правыхъ донскихъ депутатовъ вернуться къ своимъ избирателямъ и сказать имъ, что «они знаютъ теперь тѣхъ, кого въ ихъ глазахъ дѣлаютъ революціонерами. Это голодные крестьяне и вся Россія, отъ имени которой говоритъ большинство Думы...» «И для того, чтобы исполнить долгъ передъ общей родиной, не подниматься намъ нужно на эту Россію, а идти вмѣсто съ ней за общую свободу...»

Изъ лѣвыхъ депутатовъ выступилъ Аладьинъ, привѣтствовавшій и воинскіе подвиги казачества, и образъ вольнаго казачества былыхъ временъ. Но, — заявилъ онъ, — если еще нѣсколько лѣтъ продлится полицейская служба казачества, «то, конечно, отъ славнаго образа казака останется другой образъ», подъ которымъ «будетъ написано крупными буквами: «разбойникъ...» «Если казачество дорожитъ своимъ прошлымъ, если казачество хочетъ жить въ мирѣ съ русскимъ народомъ въ настоящемъ, у него есть только одинъ путь — ...признать, что здѣсь есть только русскій народъ, который борется за свое существованіе, что одна дорога честному человѣку, будь онъ казакъ, или нѣтъ, — это быть съ русскимъ народомъ...»*)

Таковы были взгляды различныхъ партій въ Думѣ на казачество. Поскольку вопросъ о краевой автономіи Дона возбуж-

*) Стен. отч., т. II, 1328—1333.

далъ сочувствіе въ группѣ окраинцевъ-автономистовъ на почвѣ національной, постольку-же огромное большинство Думы, занятое вопросомъ объ утвержденіи вліянія и власти общенароднаго представительства, осталось равнодушно къ вопросу объ автономіяхъ вообще. Что касается казачества, какъ особой сословно-бытовой группы, то никто почти не думалъ о томъ, что донское казачество являлось потомкомъ вольныхъ гражданъ вольной и независимой колоніи, воспитанныхъ на началахъ демократіи и свободы. Подавляющее большинство депутатовъ считало донцевъ такими-же служилыми казаками, какъ и представителей искони служилыхъ войскъ. Главное вниманіе большинства — и Думы, и печати, было сосредоточено на той реакціонной роли, которая навязана была казакамъ правительствомъ. Къ тому-же, объективно ясно было, что казачество изнемогаетъ подъ тяжестью поголовной и пожизненной службы за свой счетъ, задыхается отъ военно-бюрократическаго управленія. И, поэтому, правые круги и правительство стояли за неприкосновенность казачьяго быта, созданнаго Николаемъ I и Александромъ III. Лѣвые желали раскрѣпощенія казачества. Крайніе же лѣвые (с.-д. и с.-р.) хотѣли уничтоженія казачества, уравненія казаковъ съ остальными гражданами Россіи во всѣхъ отношеніяхъ.

Такимъ образомъ, въ 1906 г. шла рѣчь объ исчезновеніи казачества, какъ особой категоріи гражданъ. Между тѣмъ, для широкой массы казачества самое имя казака, сознательно или безсознательно, связано было съ памятью о былой политической, религіозной и гражданской свободѣ, о славной многовѣковой исторіи; и, искренно желая облегченія своего матеріальнаго положенія и тяжестей воинской повинности, казачество вовсе не хотѣло умирать, какъ историческая — соціальная и бытовая — группа.

Одновременно съ вопросомъ о бытіи казачества, въ 1906 г. поставленъ вопросъ и о казачьей землѣ. Разрѣшался онъ различно, въ зависимости отъ политической группировки.

Крайніе правые, въ эпоху I-й Думы, выдвинули также проектъ отобранія казачьихъ земель, какъ у донскихъ казаковъ, такъ и въ другихъ казачьихъ войскахъ. Изъ этихъ земель долженъ былъ составиться земельный фондъ для надѣленія малоземельныхъ крестьянъ внутреннихъ губерній. Такой проектъ былъ опубликованъ Волгинымъ въ «Сельскомъ Хозяинѣ» за 1906 годъ. Цѣль того проекта заключалась въ желаніи защитниковъ крупнаго частнаго землевладѣнія перенести ударъ принудительнаго отчужденія съ помѣщичьихъ земель на казачьи.

Въ лагерѣ діаметрально-противоположномъ, въ лагерѣ крайнихъ лѣвыхъ (у с.-р.) вопросъ разрѣшался въ томъ-же смыслѣ: казачьи войсковыя и, даже, надѣльныя земли должны были пойти въ передѣлъ. Таковъ былъ проектъ основного земель-

наго закона, внесенный въ Государственную Думу 33 членами ея 6-го іюня. Передача его въ аграрную коммиссію была отклонена 8-го іюня. Но и болѣе умѣренный проектъ 104-хъ членовъ Думы, внесенный 23 мая 1906 г. трудовиками, выражался довольно опредѣленно. Параграфъ 4-й «Проекта основныхъ положеній земельнаго закона» гласилъ: «Надѣльныя земли... остаются за теперешними ихъ владѣльцами, но должны быть приняты... мѣры, чтобы предотвратить скопленіе земель выше трудовой нормы въ однѣхъ рукахъ...»*)

Въ аграрной коммиссіи I-й Думы вопросъ о казачьихъ и инородческихъ земляхъ былъ выдѣленъ въ особую категорію, для которой предполагалось намѣтить и особое положеніе. Но при обмѣнѣ мнѣніями въ подкоммиссіи подъ предсѣдательствомъ проф. М. Я. Герценштейна, а также и въ самой коммиссіи, — по свидѣтельству Н. Бородина,**) — никто не возражалъ противъ того положенія, что въ интересахъ успѣха аграрной реформы не желательно вооружить противъ нее многочисленныхъ земледѣльцевъ-казаковъ, а потому слѣдуетъ надѣльныя ихъ земли оставить, какъ надѣльные крестьянскіе и мелкіе участки частновладѣльческіе, неприкосновенными и подъ принудительное отчужденіе ихъ не подводить.

Мы знаемъ уже, что и это компромиссное рѣшеніе, — готовность аграрной коммиссіи I-й Думы признать неприкосновенными «надѣльныя» земли казачества, — не удовлетворила-бы казачью массу. Послѣдняя желала возстановленія права казачьей общины на земли, расхищенныя дворянствомъ и отведенныя офицерству и чиновникамъ. Она вѣрила въ возможность отобрать у дворянъ и чиновниковъ земли безъ выкупа, а крестьянскія поселенія, основавшіяся на войсковой землѣ вывести изъ предѣла казачьихъ поселеній. Задача эта была, въ свое время, намѣчена «комитетомъ 1819 года», и нѣкоторое количество помѣщичьихъ крестьянъ было, при Николаѣ I, переведено въ Міусскій округъ, внѣ предѣловъ казачьихъ станицъ. Но, съ 1861 г., крестьянскіе надѣлы, даже черезполосные съ казачьими землями, были закрѣплены за ними. Помѣщичьи земли иногда перемѣшались рядъ владѣльцевъ, раздробились, попали въ руки мѣстныхъ, а чаще пришлыхъ (изъ Херсонской и Таврической губерній) крестьянъ, нѣмецкихъ колонистовъ и т. п.

Такимъ образомъ, проектъ нераздѣльнаго возстановленія собственности на землю въ пользу казаковъ, законныхъ наслѣдниковъ Донской республики, былъ утопиченъ. Кромѣ того, и мѣстное крестьянство имѣло полное право желать улучшенія своей участи. Казачья масса готова была пойти навстрѣчу донскому коренному крестьянству. Но «иногороднихъ», при-

*) Стеногр. отч. I Г. Д., т. I, 560—561; т. II, 1080 и сл.
**) Н. Бородинъ «Земельный вопросъ на Дону», «Русс. Мысль», 1907, VII, с. 116.

шлое крестьянство, а также кулаковъ и маклаковъ, арендаторовъ казачьихъ паевъ, казачество не желало терпѣть на своей казачьей землѣ.

Равнымъ образомъ, казачество считало преступнымъ какое-бы то ни было покушеніе на войсковое владѣніе т. н. угодьями (лѣсами, каменно-угольными копями, соляными озерами, свободными войсковыми землями). Это войсковое владѣніе оно готово было защищать съ оружіемъ въ рукахъ. Если мы вспомнимъ, что казаки были нѣкогда гражданами вольной колоніи, что присоединяясь къ метрополіи они получили и получали постоянно подтвержденіе своего права на войсковыя земли и угодья, то мы поймемъ и ихъ желаніе отстоять эти земли отъ пришельцевъ изъ метрополіи, и осторожность правительства въ этомъ вопросѣ.

Казачество готово было поступиться въ пользу коренного донского крестьянства землями, которыя были бы отобраны у помѣщиковъ. Но отобраніе войсковыхъ земель и угодій, по проекты уравнительной разверстки донскихъ земель между всѣми жителями края, старыми и новыми пришельцами, да еще тѣми, кого метрополія могла-бы двинуть на Донъ, это вызывало въ казачествѣ самое рѣзкое неодобреніе и глубокое возмущеніе.

Историческій узелъ, завязавшійся на Дону и въ правовомъ, и въ земельномъ вопросѣ не былъ разрѣшенъ первой революціей. Первая Дума была распущена тогда, когда хотѣла приступить къ первымъ шагамъ по распутыванію аграрнаго вопроса во всей Россіи.

Лѣвые донскіе депутаты понесли послѣдствія своей дѣятельности въ I-й Думѣ.

Присутствовали въ Выборгѣ и подписали тамъ воззваніе слѣдующіе донскіе депутаты: Крюковъ, Хартахай и Афанасьевъ.

Отсутствовавшій случайно изъ Петербурга Харламовъ прислалъ свою подпись по телеграфу.

Привлечены къ суду оказались лишь тѣ трое, которые присутствовали въ Выборгѣ.*) Кромѣ того, саратовскому депутату Дитцъ предъявлено было обвиненіе въ томъ, что онъ распространялъ выборгское воззваніе среди крестьянъ Усть-Медвѣдицкаго округа Донской области.

Всѣ три донскихъ депутата, не отрицая факта подписанія воззванія, не пожелали дать никакихъ объясненій. Всѣ трое они были приговорены къ трехмѣсячному заключенію, которое и отбыли. Главная сущность привлеченія по выборгскому процессу заключалась, конечно, въ лишеніи политическихъ правъ.

---

*) Ѳ. Крюковъ «9—11 іюля 1906 г.» (Воспоминанія) въ сб. «Выборгскій процессъ», СПБ. 1908.

Независимо отъ привлеченія по выборгскому процессу правительство примѣнило къ бывшимъ членамъ I-й Гос. Думы рядъ репрессій въ порядкѣ административномъ, въ частности къ депутатамъ-донцамъ. Новочеркасская духовная консисторія постановила лишить сана свящ. К. Афанасьева и заключить его въ монастырь. Афанасьевъ отвѣтилъ протестующимъ письмомъ на имя Синода. За отказъ отправиться въ Кременской монастырь Афанасьевъ былъ арестованъ.

Прихожане хутора, гдѣ былъ священникомъ Афанасьевъ дважды посылали въ Синодъ просьбу о возстановленіи его въ правахъ и о возвращеніи его на мѣсто прежняго служенія. В. А. Харламовъ вынужденъ былъ прервать педагогическую дѣятельность и покинуть Новочеркасскъ. То-же произошло съ Крюковымъ, который покинулъ мѣсто преподавателя. Араканцеву былъ закрытъ доступъ въ прокуратуру, и ему пришлось записаться въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ.*)

Глава XLVIII.

Донскіе депутаты и казачьи дѣла во II. Думѣ (1907).

Выборы во вторую Думу проходили на Дону при усиленномъ давленіи со стороны администраціи, особенно, въ городахъ. Въ Ростовѣ на Дону за 4 дня съ 7 по 11 янв. 1907 г. было арестовано свыше 300 чел. Тамъ-же не доставлялись полиціей повѣстки: по одному 2-му участку приставъ вернулъ «неврученными» 567 повѣстокъ, а 273 повѣстки, по просту, исчезли. 18-го янв. ген.-губернаторъ закрылъ газету «Народная Мысль», поддерживавшую прогрессивныхъ избирателей. Блокъ правыхъ, подъ угрозою бойкота, требовалъ у «Приазовскаго Края» напечатанія его списка и воззванія. Два выборщика въ Области — одинъ бывшій артиллерійскій офицеръ, другой — священникъ за рѣчи на собраніи выборщиковъ были арестованы и т. п.**)

24-го февраля 1907 г., когда казаки давали депутатамъ наказы, наказный атаманъ запретилъ это. Станичный сборъ новочеркасской станицы составилъ въ отвѣтъ на это приговоръ на имя депутатовъ II-й Думы и постановилъ, что приказъ атамана нарушаетъ казачьи интересы. «Нужды нашей станицы, — писали новочеркассцы, — болѣе всего извѣстны намъ, выборнымъ, и мы всегда должны заявлять о нихъ и не можемъ умолчать о

*) Куприанова «Депутаты перваго прызыва послѣ роспуска Гос. Думы», «Был.», 1907, II; Брусянинъ «Судьба первыхъ депутатовъ».

**) Смирновъ «Какъ прошли выборы во 2-ю Гос. Думу». СПБ. 1907, с. 25, 107, 128, 129.

томъ, что насъ давитъ и мѣшаетъ жить по правдѣ. Выбранные въ Думу отъ Донской области депутаты только тогда внесутъ въ нашу жизнь измѣненіе къ справедливому и лучшему, когда будутъ освѣдомлены о нашихъ нуждахъ... Въ видахъ всего указаннаго, мы считаемъ за станичнымъ обществомъ законное право въ нужныхъ случаяхъ касаться нашихъ общественныхъ недуговъ и доводить о нихъ до свѣдѣнія членовъ Государственной Думы...»

Станичный атаманъ Сѣдовъ былъ, за этотъ приговоръ, сперва удаленъ со службы, а потомъ преданъ суду, приговорившему его къ отрѣшенію отъ должности. Новочеркассцы упорно боролись и добились возстановленія Сѣдова въ должности, а судъ, при вторичномъ разсмотрѣніи дѣла, приговорилъ его лишь къ выговору.*)

Избранными въ Думу 2-го созыва оказались: по г. г. Ростову на Дону и Нахичевани — пом. прис. пов. (и врачъ) М. С. Аджемовъ, к.-д.; по области: б. членъ I-й Гос. Думы В. А. Харламовъ, к.-д.; б. членъ I-й Гос. Думы прис. пов. М. П. Араканцевъ, к.-д.; прис. пов. А. И. Петровскій, к.-д.; б. учитель, секретарь окружного хоперскаго управленія, А. С. Петровъ, к.-д.; ветер. фельдшеръ, А. Ѳ. Панфиловъ, к.-д.; народный учитель, М. С. Воронковъ, к.-д.; народный учитель И. И. Ушаковъ, к.-д.; крупный землевладѣлецъ и мировой судья Таганрогскаго округа, К. П. Каклюгинъ, к.-д.; представитель отъ крестьянъ, волостной старшина, А. Г. Афанасьевъ, к.-д.; ученый агрономъ Н. В. Ѳоминъ, трудовикъ; и представитель отъ рабочихъ, А. Я. Нестеровъ, с.-д.

Кромѣ Аджемова, Афанасьева и Нестерова, всѣ остальные депутаты были казаки. Избранные по общероссійскимъ партійнымъ признакамъ, донскіе депутаты, кромѣ Аджемова (к.-д.) и Нестерова (с.-д.), вступили въ т. н. «казачью группу». Въ послѣдней, кромѣ 10 донцевъ, было еще 7 членовъ: кубанцы — К. Л. Бардижъ (к.-д.), Ѳ. А. Щербина (народный соціалистъ), П. Г. Кудрявцевъ, отъ казачьей куріи (к.-д.); оренбургскій казакъ П. П. Вопиловъ (к.-д.); уральскій казакъ Ѳ. А. Ереминъ; терскій казакъ М. А. Карауловъ (монархистъ-демократъ) и представитель войскового населенія Акмолинской и Семипалатинской областей и Томской губерніи И. П. Лаптевъ (партіи демокр. реформъ). Представители дальневосточнаго казачества не были еще выбраны къ моменту роспуска II-й Думы, а астраханскій казакъ Поляковъ, связавшійся съ правыми, отказался вступить въ казачью группу.**)

В. А. Харламовъ (360 голосами противъ 98) избранъ былъ товарищемъ секретаря Государственной Думы.

---

*) «За народъ», изд. Ц. К. п. с, р., N 18, іюнь 1909 г., «Казаки».

**) Ср. Указатель къ стен. отч. Второй созывъ 1997 стр. 7—8, §2; Біовичъ «Наши депутаты», 2-й созывъ, СПБ. 1907.

Донскіе депутаты развили довольно значительную дѣятельность въ предѣлахъ казачьей группы. Съ 20 февр. по 2 іюня донцами внесенъ былъ лишь одинъ запросъ, а именно, 9-го апр. 1907 г. (№ 14) объ истязаніяхъ и убійствѣ политическихъ заключенныхъ въ Ростовской на Дону тюрьмѣ 2-го апрѣля 1907 года.

Военное министерство внесло въ Думу изданный имъ, на основаніи ст. 87 Осн. Зак. (во время междудумья), законъ объ обезпеченіи при мобилизаціи строевыми лошадьми тѣхъ казаковъ, которые по закону не обязаны содержать ихъ въ мирное время и объ освобожденіи отъ воинской повинности калмыцкаго духовенства бакшинскаго хурула Донской области. Первый изъ этихъ законовъ былъ изданъ Столыпинымъ, чтобы показать казакамъ, что не отъ Думы, а отъ правительства должны они ожидать улучшенія своей участи. Казачья группа (за 30 подписями) предложила избрать коммиссію изъ 15 депутатовъ для разсмотрѣнія этого законопроекта, «причемъ въ нее должны войти представители отъ всѣхъ казачьихъ войскъ».*)

Казачья группа выработала и внесла въ Думу два весьма важныхъ законопроекта (за 30 подписями): объ измѣненіи порядка наряда казаковъ на дѣйствительную службу. Проектъ этотъ соотвѣтствовалъ общему требованію казачества объ облегченіи его военной тяготы, равно какъ и второй законопроектъ казачьей группы — объ уменьшеніи срока дѣйствительной службы въ казачьихъ войскахъ. Оба эти проекта рѣшено было передать въ военную коммиссію, которую должна была образовать Дума. Они остались безъ разсмотрѣнія, равно какъ и третій проектъ казачьей группы — о «временныхъ правилахъ объ избраніи мировыхъ судей въ казачьихъ областяхъ».**) Переданный въ коммиссію о мѣстномъ судѣ проектъ этотъ также остался безъ разсмотрѣнія. Въ немъ донскіе депутаты (Петровскій, Харламовъ, Араканцевъ, Каклюгинъ) пытались демократизировать составъ избирателей, продолжавшій на Дону существовать по земскому закону 1864 г.

Самымъ важнымъ законопроектомъ казачьей группы во II-й Думѣ, который не былъ внесенъ въ Думу, но былъ уже довольно подробно изложенъ въ «проектѣ программы казачьей группы», былъ проектъ переустройства войскового управленія.***) Помимо общеполитической части, объединившей казачьихъ депутатовъ, въ программѣ были поставлены на очередь и «чисто казачьи задачи, вытекающія изъ особенностей казачьяго быта». «Войсковое управленіе, — писали авторы программы, — должно обнимать: а) органы правительственной власти

*) Стен. отч. Сессія вторая. Т. I, 1907, с. 1474, 2006.

**) Стен. отч., 2-я сессія, т. II, 1907, с. 1166, 1167, 1359.

***) Опубликованъ въ брошюрѣ А. И. Петровскаго «Донскіе депутаты 2-й Думы», СПБ. 1907.

и б) мѣстное самоуправленіе. Органы правительственной власти опредѣляются потребностями общегосударственнаго управленія и устанавливаются общероссійскимъ законодательствомъ. Во главѣ каждаго казачьяго Войска стоитъ войсковой атаманъ, избираемый казачьимъ населеніемъ изъ казаковъ и утверждаемый Государемъ. Атаманъ является представителемъ высшей административной власти и наблюдаетъ за законностью постановленій органовъ самоуправленія.

«Главный органъ самоуправленія представляетъ Войсковой Кругъ (рада, сборъ, съѣздъ), избираемый отъ всего Войска на три года, на основаніи всеобщаго избирательнаго права. По предметамъ своего вѣдѣнія онъ дѣлаетъ окончательныя постановленія и обладаетъ правомъ самообложенія, участвуетъ въ распредѣленіи по Войску государственныхъ налоговъ и издаетъ обязательныя постановленія. Вѣдѣнію Круга подлежатъ всѣ мѣстныя казачьи нужды». Въ числѣ ихъ, помимо общеземскихъ задачъ, мы находимъ «общіе порядки по казачьему землевладѣнію и землепользованію, а также всѣ хозяйственныя дѣла, связанныя съ отбываніемъ казачьей воинской повинности». Исполнительный органъ Круга — избираемое имъ «Войсковое правительство».

Относительно Дона была сдѣлана оговорка о введеніи, кромѣ того, въ Области земскихъ учрежденій на общихъ началахъ съ измѣненіями, обусловливаемыми особенностями быта и землепользованія. Учрежденія эти должны были распространяться въ одинаковой мѣрѣ и на крестьянство.

Затѣмъ программа настаивала на созданіи войскового земельнаго фонда и возвращеніи Войску земель Донской общины путемъ принудительнаго отчужденія. Мировые судьи должны быть избираемы всеобщей подачей голосовъ; все казачье духовенство должно избираться прихожанами; гражданское управленіе Войскомъ должно быть изъято изъ вѣдѣнія военнаго министерства. Помимо нѣкоторыхъ мѣръ, которыя должны были облегчить тяготу военной службы казачества, программа требовала, чтобы «количество первоочередныхъ частей опредѣлялось высшимъ военнымъ начальствомъ совмѣстно съ Войсковымъ Кругомъ». Вопросъ объ иногороднемъ населеніи Области предполагалось разрѣшить съ не-казачьими депутатами края.

Такимъ образомъ, въ проектѣ донскихъ депутатовъ II-й Думы возродилась идея Войскового Круга, какъ чисто казачьяго представительнаго органа для разрѣшенія казачьихъ дѣлъ. Но идея представительства отъ всего края, отъ всего населенія, продолжала пребывать отграниченной отъ идеи спеціально казачьяго представительства. Однако, Кругъ, по исторической традиціи, долженъ былъ имѣть первенство предъ областнымъ земскимъ собраніемъ, въ которомъ объединялись представители всего населенія области, безъ различія сословій.

Согласно съ исторической-же традиціей, казачьи депутаты хотѣли возродить выборность духовенства на Дону, но почему-то лишь «казачьяго», тогда какъ процентъ иногородныхъ прихожанъ даже въ станицахъ былъ уже довольно великъ. Очень характерно было требованіе возстановить выборность атамановъ, уничтоженную Петромъ.

Очень важными пунктами программы были требованія, во первыхъ, возстановить земельныя права донской общины и, во вторыхъ, изъять земельныя дѣла изъ рукъ центральной власти. Въ общемъ, это были требованія, присущія донскому казачеству, втеченіе всего времени пребыванія его въ императорской Россіи.

Что касается отдѣльныхъ депутатовъ, то Харламовъ былъ поглощенъ дѣятельностью по должности товарища секретаря Думы, и въ коммиссіяхъ: аграрной и по церковнымъ дѣламъ (въ послѣдней онъ былъ секретаремъ), а также въ казачьей группѣ. Араканцевъ былъ членомъ коммиссій: распорядительной, по запросамъ, бюджетной и секретаремъ редакціонной. Съ политической рѣчью онъ выступилъ лишь однажды, а именно, по вопросу о мѣстномъ судѣ (29 мая 1987 г.). Онъ потребовалъ, чтобы реформа мѣстнаго суда была распространена не только на Донскую область, но и на всѣ казачьи области. Араканцевъ не надѣялся на скорое введеніе земства въ казачьихъ областяхъ, противъ чего упорно боролось военное миннистерство. Поэтому онъ стоялъ за распространеніе на казачьи области хотя-бы выборнаго мирового суда, существовавшаго на Дону. Путая даты, онъ напомнилъ Думѣ исторію донскаго земства и ужасное значеніе закона 1891 г. объ общественномъ управленіи станицъ. «Безграничный произволъ и усмотрѣніе военнаго министра являются тѣмъ закономъ, который сжимаетъ и кромсаетъ жизнь въ казачьихъ областяхъ». Выборный мировой судъ могъ-бы быть нѣкоторымъ облегченіемъ для казачества. Рѣзко порицая нарушенія министерствомъ юстиціи судейской независимости, Араканцевъ считалъ покушеніемъ на независимость мирового съѣзда проектъ Щегловитова о томъ, чтобы предсѣдателемъ и непремѣннымъ членомъ мирового съѣзда былъ членъ окружнаго суда, т. е. лицо, назначенное правительствомъ. Поддерживая проектъ казачьей группы, Араканцевъ предлагалъ, чтобы судебное преобразованіе, предложенное II-й Думѣ, было введено «въ казачьихъ областяхъ на основаніи временныхъ правилъ 11 мая 1883 г. объ окружныхъ избирательныхъ собраніяхъ, дѣйствующихъ въ Области Войска Донскаго».

Ушаковъ выступилъ лишь разъ (по поводу истязаній въ рижской тюрьмѣ) и выразилъ скорбь, что «правительство говорило въ Думѣ языкомъ, который понятенъ только для двухъ-трехъ сидящихъ направо, но совершенно неубѣдителенъ

для всего народнаго представительства».*) Онъ былъ секретаремъ коммиссіи о народномъ образованіи и членомъ коммиссіи о неприкосновенности личности.

Воронковъ выступилъ также лишь разъ, а именно, въ засѣданіи 11 мая, высказался противъ ассигнованія министерству внутреннихъ дѣлъ суммъ на продовольственную помощь, мотивируя это небрежной и безобразной постановкой этого дѣла въ министерствѣ.**) Онъ былъ членомъ коммиссій: продовольственной, по народному образованію и о нормальномъ отдыхѣ въ торгово-ремесленныхъ заведеніяхъ.

Каклюгинъ, членъ коммиссій — распорядительной и по исполненію росписи, выступалъ по вопросу о пыткахъ и истязаніяхъ въ Прибалтійскомъ краѣ (13 апр.) и дважды по вопросу о помощи голодающимъ. Привѣтствуя (7 марта) образованіе продовольственной коммиссіи, Каклюгинъ сообщилъ, что на Дону весною 1907 г. свирѣпствовалъ небывалый, страшный голодъ. Поражено голодомъ было 550 тыс. чел., изъ нихъ казаковъ — 348 тыс. чел. Онъ сообщилъ о появленіи «казака голодающаго и протягивающаго руку за подаяніемъ». Каклюгинъ требовалъ изъятія дѣла помощи изъ рукъ земскихъ распорядительныхъ комитетовъ и передачи его въ руки общества. 11 мая 1907 г. Каклюгинъ высказался за немедленное ассигнованіе министерству внутреннихъ дѣлъ 17½ милліоновъ на завершеніе продовольственной кампаніи, хотя онъ самъ сообщилъ, что бѣдственное положеніе населенія (въ частности въ Донской Области) замалчивается правительствомъ, а печать не въ силахъ раскрыть ужасы. Каклюгинъ огласилъ свѣдѣнія о голоданіи въ слободѣ Дьяковой, Ровенецкой волости, и 11 другихъ пунктахъ Таганрогскаго округа. Онъ отмѣтилъ преступныя заявленія (чиновничьяго) продовольственнаго комитета въ Таганрогѣ и наказнаго атамана, что голода на Дону нѣтъ. Каклюгинъ находилъ, что голодающіе не могутъ ждать, пока дѣло помощи перейдетъ изъ рукъ чиновниковъ въ руки общественныхъ органовъ.***)

Выступленія Петровскаго, которыя были-бы обычными въ первой Думѣ, вызвали рѣзкіе протесты правыхъ во второй. Онъ былъ членомъ коммиссій о Наказѣ, о военно-полевыхъ судахъ, о неприкосновенности личности. Онъ поддержалъ мнѣніе о созданіи продовольственной коммиссіи (7 марта), а равно и запросъ объ истязаніяхъ въ Алгачинской каторжной тюрьмѣ (6 апр.). 13-го марта Петровскій вызвалъ бурный инцидентъ. Требуя отмѣны внѣ-думскаго закона о военно-полевыхъ судахъ, Петровскій сказалъ, что правительство, обманывая служилое казачество «видимостью правъ, развращая его фальсификаціей

*) Стеногр. отч., т. II, 1907, с. 723—724.
**) Стеногр. отч., II, с, 488.
***) Стен. отч., т. 2039 и 203, т. II, с. 485.

привилегій, пользуясь желѣзными тисками воинской дисциплины, пустило казачество противъ освободительнаго движенія...» «Но это могло быть только до времени. Я говорю вамъ: скоро настанетъ то время, и оно близится, когда ни одинъ казакъ не подыметъ нагайку и не обнажитъ...»

Ораторъ не могъ кончить, ибо правая сторона рѣзко протестовала. Пуришкевичъ и гр. В. Бобринскій кричали объ оскорбленіи арміи, Поляковъ, какъ астраханецъ, и Карауловъ, какъ терецъ, заявили о несогласіи съ Петровскимъ. Послѣ долгихъ попытокъ возстановить порядокъ, предсѣдатель далъ слово Петровскому, и тотъ могъ заявить: «отъ имени Донского края, отъ имени пославшаго меня казачества я говорю — мы съ негодованіемъ безповоротно осуждаемъ фактъ военно-полевыхъ судовъ».*) Этотъ случай вскрылъ внутреннія разногласія въ казачьей группѣ, въ которой, впрочемъ, Карауловъ былъ въ меньшинствѣ.

Остальные три казачьи депутата не выступили ни разу. Изъ не-казачьихъ депутатовъ очень выдвинулся Аджемовъ, но исключительно какъ к.-д. партійный дѣятель и ораторъ по общимъ вопросамъ. 30 марта онъ задалъ министру юстиціи вопросъ: «Развѣ у насъ есть самодержавный строй?» — а также, привлечены-ли по 126 статьѣ лица, говорящія, что у насъ существуетъ самодержавіе, и этимъ ниспровергающія конституціонный строй. 13-го апр. и 17 мая онъ поддержалъ запросъ объ истязаніяхъ въ Прибалтійскомъ краѣ. По формальнымъ соображеніямъ онъ высказался 12 апр. противъ срочности с.-д. запроса объ избіеніи рабочихъ на фабрикѣ Чешера. На ту-же формальную почву онъ сталъ и въ тотъ роковой день (2 іюня 1907 г.), когда вся лѣвая часть хотѣла говорить о подготовлявшемся на-завтра государственномъ переворотѣ. «Только на почвѣ права мы имѣемъ возможность вести борьбу за настоящее народное право», — сказалъ Аджемовъ. «Мы будемъ продолжать работу созиданія права на основаніи конституціонныхъ началъ», и тогда «вина за этотъ переворотъ ляжетъ на головы министровъ». И послѣ того, какъ большинство Думы рѣшило не прекращать преній о мѣстномъ судѣ, Аджемовъ продолжалъ рѣчь о мѣстномъ судѣ. И только въ концѣ ея онъ заявилъ, что «всѣ темныя силы встрепенулись» именно потому, что Дума «подошла вплотную къ реформѣ въ области народной жизни», потому что почувствовалось, что работа Думы «явится народнымъ дѣломъ, и авторитетъ Думы укрѣпится, какъ начало, реформирующее все сверху до низу». Мѣстныхъ дѣлъ, донскихъ или ростовскихъ, Аджемовъ въ своихъ рѣчахъ не касался.**)

---

*) Стен. отч., т. I, 1907, с. 207, 1685 и 447—451.
**) Стен. отч., 1907, т. I, 1450, 1887, 2060; т. II. 729, 1600.

Въ противоположность Аджемову, защитникомъ мѣстныхъ интересовъ высказалъ себя членъ Думы отъ крестьянской куріи А. Г. Афанасьевъ. Первая рѣчь его (7 марта) была посвящена необходимости создать продовольственную коммиссію и мѣстные, общественные, а не чиновничьи продовольственные органы. Продовольственное дѣло, — сказалъ онъ, — надо поручить «не тѣмъ людямъ, которые ходятъ въ эполетахъ съ широкими лампасами», а тѣмъ, «которые стоятъ ближе и сами голодали». 12 апр. онъ выступилъ по аграрному вопросу. Онъ подчеркнулъ, что онъ, — представитель отъ крестьянства Донской области, котораго тамъ болѣе милліона, и отъ котораго онъ попалъ въ Думу только одинъ. «Это уже даетъ знать, что мы тамъ почти пришельцы...» Онъ возмущался представителями правой, оскорблявшими крестьянство. «Не Петербургъ — деревню, а деревня кормитъ», сказалъ онъ многозначительно. Онъ рѣзко обрушился на Пуришкевича за слова его, «что крестьяне не потому голодны, что у нихъ мало земли, а потому что они ею не могутъ управлять...»*) «Крестьяне, — сказалъ Афанасьевъ, — голодаютъ не потому, что у нихъ мало земли, а просто потому, что у нихъ ея вовсе нѣтъ». И казакъ голодаетъ, «Да неужели же, господа, вы не помните, что его, казака-то, нѣтъ въ настоящее время (въ станицахъ), а есть только казачки и казачата?!...» «Господа, вы кидаете этимъ казакамъ цѣлыми комками грязь въ глаза... Рубите тому орлу крылья, подъ которымъ хранится ваше состояніе...» Пуришкевичъ не сказалъ, гдѣ казачья земля. «Есть земля, есть и въ Россіи земля, да кто ею владѣетъ?...» И Афанасьевъ подсчиталъ, что на Дону подъ частнымъ коннозаводствомъ числится около 800.000 дес., подъ калмыцкимъ — 165.708 дес., да во временномъ арендованіи содержится богатыми людьми 1,055.919 дес., а всего почти 2,000.000 дес. находятся въ рукахъ «у кулаковъ богачей, которые давятъ насъ, получаютъ скотину — половину съ насъ дерутъ, да одинъ рубль за десятину, да цѣлковый за то животное, на которомъ мы пашемъ, а между тѣмъ намъ надо своихъ дѣтей кормить, да казачекъ и казачатъ».

Афанасьевъ привелъ примѣръ коннозаводчика, который пользовался 2.700 дес. земли, а за это обязанъ былъ «поставлять подъ кавалерію» 8 лошадей, да еще за деньги, отъ 140—260 руб.» Афанасьевъ предлагалъ отдать тѣ-же земли крестьянамъ, которыя съ 2.700 дес. даромъ давали-бы лошадей государству, да еще съ верховымъ солдатомъ на придачу». Переселенія въ Сибирь онъ считалъ насмѣшкой: лучше-бы

*) На самомъ дѣлѣ эту мысль о казакахъ высказалъ не Пуришкевичъ, а Крушеванъ, который удивлялся, что голодаютъ казаки, у которыхъ «по 20 дес, надѣла, т. е. больше чѣмъ у насъ предполагаютъ дать крестьянамъ при рѣшеніи аграрнаго вопроса», (Зас. 7 мар. 1907). Стен. отч.

вывести туда крупныхъ землевладѣльцевъ, и дешевле, и земли бы много сразу очистилось. Агрономы не принесутъ пользы, когда нѣтъ земли у крестьянъ. Мобилизованные солдаты въ 1904 г. заявляли ему, что со слободы, у которой 1.500 дес. земли, у нихъ брали по 10 чел. въ годъ въ солдаты (съ 800 душъ муж. пола). Если съ каждыхъ 150 дес. брали по человѣку, то сколько-же солдатъ должны были-бы выставить Голицыны и Шереметевы. Этой соціальной несправедливостью, осознанной солдатами, и объяснялъ Афанасьевъ пораженіе 1904-5 г. г. «У нашего солдата чего-то выпало изъ сердца». Закончилъ онъ совсѣмъ не кадетскимъ заявленіемъ, что землею могутъ пользоваться лишь тѣ, кто на ней живетъ и трудится.*)

Наконецъ, представитель донскихъ рабочихъ Нестеровъ выступилъ только одинъ разъ (13 апр.), по поводу истязаній въ тюрьмахъ Прибалтійскаго края, съ рѣчью, въ которой онъ доказывалъ, что эти истязанія «не есть явленіе скоропреходящее, а наоборотъ — строго продуманное, систематизированное, неуклонно проводящееся въ жизнь не только въ Прибалтійскомъ краѣ, но и во всей Россіи, и во всѣхъ тюрьмахъ . . .» Въ доказательство онъ прочиталъ сообщеніе объ избіеніи войсками арестантовъ въ Ростовской тюрьмѣ 2-го апр. 1907 г.**) Нестеровъ былъ изъ тѣхъ членовъ с.-д. фракціи II-й Думы, которымъ при «ликвидаціи» фракціи удалось уѣхать изъ Петербурга. Еще годъ, хотя и подъ чужимъ именемъ, онъ жилъ на Дону, работая на заводѣ, верстахъ въ 300 отъ мѣста избранія.***)

Группа донскихъ депутатовъ второй Думы выработала свой проектъ разрѣшенія аграрнаго вопроса. Основныя положенія этого проекта заключались въ слѣдующемъ.

«Земельный вопросъ въ Области Войска Донскаго, въ виду неоднороднаго состава коренного населенія области и многоразличія разрядовъ земель, составляющихъ ея территорію (земли войсковыя, общинныя казачьи и крестьянскія, частновладѣльческія помѣщичьи и чиновничьи), можетъ быть разрѣшенъ на началахъ, во первыхъ, предоставленія казачьему населенію войсковыхъ земель всѣхъ категорій, во вторыхъ, принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель для трудящагося земледѣльческаго населенія» (крестьянъ и казаковъ). «Основанія распредѣленія среди трудящихся отчужденныхъ частновладѣльческихъ земель должны быть выработаны на мѣстѣ коммиссіями отъ всего коренного населенія области на основаніи всеобщаго избирательнаго права».

---

*) Стеногр. отчетъ, т. I, 1907, с. 239, 1968, 2183.

**) Стен. отч., т. I, 1907, с. 2025.

***) Д. Нестеровъ «Конецъ II-й Думы и послѣ Думы. (Изъ восп. и наблюд.)» въ сб. «Терніи безъ розъ», въ пользу осужденн. с.-д. депутатовъ 2-й Гос. Думы. Женева, изд. «Гол. Соц.-Дем.», 1908.

Вторая Дума была распущена подъ лживымъ предлогомъ, яко-бы члены с.-д. фракціи приняли участіе въ военномъ заговорѣ противъ жизни императора. По дѣлу с.-д. фракціи подлежалъ аресту Нестеровъ. Кромѣ того, по тому-же дѣлу были привлечены три казака л.-гв. Атаманскаго полка: Георгій Кременсковъ, Матвѣй Поповъ и Викторъ Ковалевъ, а также кубанецъ, казакъ 1-го Хоперскаго полка, Тимоѳей Домовъ.*)

Глава XLIX.

Донъ по избирательному закону 3-го Іюня 1907 г. Донскіе депутаты III-ей Думы. Казачьи и донскія дѣла въ III-ей Думѣ (1907—1912).

Государственный переворотъ 3-го іюня 1907 г., выразившійся въ изданіи новаго избирательнаго закона для выборовъ въ Государственную Думу, создалъ ограниченія избирательныхъ правъ казачества. Это было наказаніемъ Дону (и другимъ казачьимъ войскамъ) за «либерализмъ», который проявили казаки при выборахъ въ I-ую и II-ую Думу.

Прежде всего Ростовское градоначальство было вовсе лишено особаго депутата, и города Ростовъ на Дону и Нахичевань стали участвовать, наравнѣ съ другими городами области, въ выборѣ выборщиковъ на 1-ый и 2-ой окружные съѣзды городскихъ избирателей. При этомъ городская курія раздѣлена была на 2 части. Болѣе богатые горожане, члены 1-го съѣзда городскихъ избирателей, получили право посылать (по всей области) 18 выборщиковъ въ областной съѣздъ, а члены 2-го съѣзда городскихъ избирателей (также по всей области) лишь 11 выборщиковъ. Число выборщиковъ отъ рабочихъ было уменьшено ровно вдвое: вмѣсто шести осталось лишь три.**)

У крестьянъ было отнято три выборщика (вмѣсто 14-ти осталось лишь одинадцать выборщиковъ отъ съѣздовъ уполномоченныхъ отъ волостей). Но главный ударъ былъ нанесенъ новымъ закономъ, именно, казакамъ. Отъ съѣздовъ уполномоченныхъ отъ станицъ было 79 выборщиковъ, теперь ихъ осталось лишь 20 на всю область! Урѣзано было 59 голосовъ, т. е. почти 75% казачьихъ голосовъ. Изъ этихъ 59 голосовъ 27 пропали, а 32 голоса было передано землевладѣльцамъ. Послѣдніе имѣли 47 голосовъ, теперь же получили всего 79.

Кромѣ того, вмѣсто одного обязательнаго депутата отъ крестьянъ, котораго крестьянскіе выборщики выбирали сами

*) «Былое», 1912. N 14, «Обвинит. акт.».

*) Ср. Ѳ. Данъ «Новый избирательный законъ 3-го іюня 1907 г.», СПБ., 1907, с. 27.

себѣ изъ своей среды, въ Донской области было установлено три обязательныхъ депутата отъ отдѣльныхъ курій: одинъ отъ крестьянъ, одинъ отъ землевладѣльцевъ и одинъ отъ казаковъ; но всѣхъ этихъ депутатовъ избирали не каждая курія въ отдѣльности, а весь составъ областного избирательнаго собранія. Соотношеніе голосовъ въ областномъ избирательномъ собраніи видно изъ слѣдующей таблицы:

Отъ какой куріи	Число выборщиковъ по закону 30-го іюня					
	Землевладѣльцевъ	Городскихъ избирателей		Крестьянъ	Казаковъ	Рабочихъ
		I-го съѣзда	II-го съѣзда			
Сколько	79	18	11	11	20	3

Это обозначало, что подавляющее большинство голосовъ было обезпечено на Дону землевладѣльцамъ (79 противъ 63-хъ остальныхъ, вмѣстѣ взятыхъ). По этому закону происходили выборы въ III и IV Думы.*)

Правительству, лишившему казачество 75% выборщиковъ, хотѣлось, однако, прикрыть этотъ фактъ благодарностью со стороны казачества за переворотъ 3-го іюня. Членами Союза Русскаго Народа начата была спеціальная кампанія.

Однако, правые провели черезъ станичные сходы всего двухъ станицъ адресъ однороднаго содержанія съ благодарностью за роспускъ II-й Думы и съ просьбою «въ выборномъ законѣ включить воспрещеніе евреямъ права участвовать въ выборахъ, что бы Государственная Дума выражала исключительно русскій духъ, русскую націю».**)

Оцѣнку закона 3-го іюня дали казачьи депутаты лишь въ IV Думѣ (въ засѣданіи 27-мъ, 8 марта 1913 года).

Выступившій по поводу законопроекта к.-д. объ измѣненіи избирательнаго закона Карауловъ говорилъ отъ имени казачьей группы и жестоко критиковалъ законъ 3-го іюня. Ссылаясь на то, что Семирѣченское и Сибирское войска лишены были своего представительства въ Думѣ, а представительство уссурійскаго войска было пристегнуто къ Амурскому войску, Карауловъ указывалъ также, что Кубанское войско, вмѣсто 3-хъ имѣетъ лишь одного представителя. На Дону казаковъ

*) «Законодат. акты переходнаго времени», СПБ., 1908, изд. 3-е («Право»),
**) Обнискій «Нов. Строй». т. II, с. 338.

выборщиковъ, вмѣсто 79 чел., лишь 20 чел., зато помѣщиковъ, вмѣсто 47-ми, теперь 79 чел.

«Эти цыфры ясно говорятъ, въ какомъ направленіи былъ 3-го іюня измѣненъ избирательный законъ по отношенію къ Донскому казачеству, и это не Богъ-вѣсть къ какимъ нибудь анархистамъ или революціонерамъ, а къ тѣмъ, которые избрали въ свое время нынѣ царствующій Домъ Романовыхъ на престолъ, къ тѣмъ, которые спасли Россію въ минувшіе годы смутъ...»

Голосъ справа замѣтилъ ему: «казакамъ не слѣдуетъ заниматься политикой...» — «И духовенству, батюшка, не слѣдуетъ», — отпарировалъ Карауловъ. Онъ напомнилъ, что въ 1767 г. изъ 518 депутатовъ Законодательной Коммиссіи было 57 казачьихъ представителей, а въ IV Думѣ лишь 15 чел., да и то съ грѣхомъ пополамъ, по разнымъ цензамъ.

Разнообразіе способовъ выборовъ въ однихъ только казачьихъ войскахъ, уменьшеніе числа казачьихъ выборщиковъ, наконецъ, подтасовка выборовъ III и IV Думы, — все это привело «казачью группу къ убѣжденію сказать Государственной Думѣ прямо и открыто, что у насъ нѣтъ избирательнаго закона, а есть только канва, по которой можно вольно вышивать узоры административнаго произвола...»

Говорившій послѣ Караулова Афанасьевъ назвалъ законъ 3-го іюня «не выборомъ въ Думу, а убійствомъ крестьянскихъ правъ...»*)

При выборахъ въ III-ю Думу уже не было особаго депутата отъ г.г. Ростова на Дону и Нахичевани. Отъ области оказались избранными слѣдующія лица: отъ 2-го съѣзда городскихъ избирателей — В. А. Харламовъ, б. членъ I-й и II-й Гос. Думы, к.-д.; отъ 1-го съѣзда городскихъ избирателей — М. И. Кирьяновъ, казакъ, членъ ростовской городской управы, правый; отъ съѣзда уполномоченныхъ отъ казачьихъ станицъ — И. Ѳ. Кадацковъ, урядникъ, умѣренно-правый; отъ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей — П. А. Плотниковъ, крестьянинъ, прогрессистъ; отъ общаго состава выборщиковъ: М. С. Аджемовъ, членъ II-й Думы, к.-д.; М. С. Воронковъ, членъ II-й Думы, к.-д.; Н. А. Захарьевъ, пот. поч. гражд., малороссъ, мировой судья, к.-д.; П. Р. Пырковъ, окружной предводитель дворянства (2-го Дон. окр.), к.-д.; А. К. Петровъ (1-й), хуторской атаманъ, урядникъ, умѣр.-прав.; П. Ѳ. Кравцовъ, станичный судья, урядникъ, умѣр.-прав.; И. Н. Ефремовъ (2-й), б. членъ I-й Думы, прогрессистъ (мирнообновленецъ); отъ съѣзда землевладѣльцевъ — В. И. Черницкій, присяжный повѣренный, октябристъ.

Итого 12 человѣкъ. Изъ нихъ 5 к.-д., 2 прогрессиста, 1 октябристъ, 3 умѣренно-правыхъ, и 1 правый. Итакъ, не-

*) Стеногр. Отч, Гос. Думы, IV-я легислатура, зас. 27, сессія I, 8 мар. 1915 г.

смотря на ухищренія новаго закона, большинство депутатовъ отъ Дона (7 чел.) было лѣвѣе октябристовъ.

Кромѣ донцевъ, въ III-ей Думѣ были слѣдующіе представители казачьихъ войскъ: астраханскаго — М. Г. Лебедевъ 2-й, октябристъ; амурскаго и уссурійскаго — Н. А. Маньковъ, окт.; забайкальскаго — А. А. Войлошниковъ, с.-д.; отъ оренбургскаго — С. И. Шеметовъ, прогр.; кубанскаго — К. Л. Бардижъ, к.-д.; терскаго — Е. И. Тихоновъ, окт. (†); уральскаго — Ф. А. Еременъ, к.-д.; Отказавшагося Тихонова замѣнилъ Н. В. Лисичкинъ.

Представители казачества въ третьей Думѣ, независимо отъ политическаго направленія, образовали «казачью группу». Группа эта выдвинула рядъ законопроектовъ въ порядкѣ думской иниціативы, поддержанныхъ партіей к.-д., а иногда и другими.

Интересно отмѣтить исторію съ избраніемъ коммиссіи по государственной оборонѣ. Несмотря на соглашеніе о пропорціональномъ представительствѣ партій, правые и октябристы забаллотировали всѣхъ лѣвыхъ. Изъ казаковъ попалъ туда лишь представитель астраханскаго казачества Лебедевъ 2-й, да и то, какъ октябристъ. Союзъ 17-го октября понялъ неудобство отсутствія въ коммиссіи представителей казачества, и въ засѣданіи 27 ноября 1907 г. внесъ предложеніе объ избраніи въ коммиссію еще 4 казачьихъ представителей. Съ своей стороны, казачья группа (4 дек. 1907 г.) предложила пополнить коммиссію пятью депутатами отъ казаковъ по указанію казачьей группы.

Харламовъ, мотивируя послѣднее предложеніе тѣмъ, что «внѣпартійная казачья группа одна только можетъ указать тѣхъ лицъ, которыя наиболѣе пригодны къ выясненію и разработкѣ вопросовъ казачьяго быта и казачьяго законодательства, что эти вопросы будутъ разрабатываться самой казачьей группой, и ея мнѣнія и предположенія должны будутъ защищаться въ коммиссіи тѣми, кого она уполномочитъ для этого». Харламовъ просилъ два мѣста для донцевъ, одно для терцевъ и кубанцевъ, одно для оренбуржцевъ и уральцевъ, и одно для сибирскихъ казаковъ всѣхъ войскъ.

Харламовъ былъ поддержанъ ка-детами и трудовиками. Гучковъ отстаивалъ предложеніе октябристовъ и полагалъ, при этомъ, что «Дума должна быть совершенно свободна въ выборѣ казачьихъ представителей», ибо послѣдніе «должны разсматривать казачьи интересы съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ, а не спеціально казачьихъ . . .» Отъ имени умѣренно-правыхъ, Гучкова поддержалъ гр. Бобринскій 2-й, признавшій право на участіе въ коммиссіи лишь за казаками изъ правыхъ партій, а не отъ казачьей группы. Лишая права рекомендаціи казачью группу, Бобринскій счелъ долгомъ распаркаться предъ казачьими войсками, которыя «служатъ самымъ сильнымъ оплотомъ нашему Государю отъ врага внѣшняго и еще

болѣе лютаго — врага внутренняго». Пуришкевичъ, отъ имени правыхъ, поддержалъ Гучкова, полагая, что всѣ члены Думы «въ достаточной степени освѣдомлены о нуждахъ казачьихъ».

Напрасны были возраженія Харламова и Бардижа. Послѣдній доказывалъ, что правые должны голосовать за казачьихъ кандидатовъ, если они искренно, устами Бобринскаго, преклоняются предъ казачествомъ. Дума приняла предложеніе октябристовъ и избрала (11 дек. 1907) двухъ донцевъ: Кадацкова и Кирьянова, терца Тихонова и оренбуржца Шеметова. Послѣдній былъ прогрессистомъ, Тихоновъ — октябристомъ, а оба донца — правыми. Смыслъ голосованія заключался въ томъ, что право-октябристская Дума не пустила въ коммиссію по государственной оборонѣ лѣвыхъ донцевъ. Такова была благодарность правительства и правыхъ за жертвы, понесенныя казачествомъ въ эпоху революціи 1904—1906 г. г. Революція была подавлена руками казачества, и съ нимъ можно было не церемониться.

Общій вопросъ о судьбѣ казачества неоднократно возникалъ предъ III-й Думой, иногда по случайнымъ поводамъ, въ связи съ какимъ нибудь законопроектомъ, иногда-же пытались его поставить казачьи депутаты, главнымъ ораторомъ коихъ былъ неизмѣнно донской депутатъ Харламовъ.

При обсужденіи вопроса объ обезпеченіи лошадьми при мобилизаціи казаковъ 3-й очереди, во время преній, гр. Бобринскій (Тул. губ.) высказалъ мысль, что надо принять и эту частную мѣру, такъ какъ неизвѣстно, сможетъ-ли въ скоромъ времени Государственная Дума пересмотрѣть все положеніе о казакахъ. Онъ заявилъ, что фракція умѣренно-правыхъ, «конечно, не стремится къ тому, чтобы «приравнять казачьи войска ко всему населенію Россійской Имперіи». Онъ отмѣтилъ также, что одно Донское войско израсходовало за 1904—1907 г. г. на мобилизацію 9,000.000 руб. войскового капитала.

С.-д. Полетаевъ высказался отъ имени фракціи «въ интересахъ самого-же казачества», за «уничтоженіе казачества, какъ военной касты» и за «подведеніе казаковъ по отбыванію воинской повинности подъ общій законъ». Поэтому с.-д. фракція голосовала противъ «предложеннаго здѣсь частичнаго улучшенія положенія казаковъ за счетъ населенія, проживающаго на казачьихъ земляхъ».

Представитель Дона Харламовъ въ большой рѣчи указалъ на хозяйственное разстройство казачьяго населенія, явившееся результатомъ нарушенія правъ и преимуществъ казачества, особенно-же въ области земельной, результатомъ усиленія военной тяготы, падающей на казачество, уничтоженіе самоуправленія и самодѣятельности Дона.

Марковъ 2-й заявилъ, что «казаки существуютъ не только для того, чтобы имъ хорошо жилось, но и для того, что они должны защищать страну», и что казакъ, который сидитъ на казенной лошади съ казеннымъ вооруженіемъ, будетъ не казакъ, а драгунъ, гусаръ, «все что угодно, но это не будетъ казакъ».

Донской депутатъ И. Н. Ефремовъ и кубанскій — Бардижъ поддержали Харламова. Послѣдній, отвѣчая Маркову 2-му, заявилъ:« «казакъ создался на волѣ, свободѣ, онъ создался на окраинахъ россійскаго государства, онъ грудью отстаивалъ границы государства. Казакъ вольно служилъ и бился съ непріятелемъ. Это теперешнее государство сдѣлало казака драгуномъ, гусаромъ... Если служба казачьяго войска нужна государству, то государство не можетъ доводить часть населенія до такой степени, чтобы она окончательно разорилась...»

Сущность обсуждавшагося законопроекта, внесеннаго военнымъ министерствомъ еще во II Думу, заключалась въ мобилизаціи части лошадей, принадлежавшихъ не-войсковому населенію Области, когда происходила мобилизація казаковъ, которые, по закону, не обязаны были содержать ихъ въ мирное время.*) »

При первомъ-же обсужденіи бюджета третьей Государственной Думой было принято, безъ преній, предложенное бюджетной коммиссіей пожеланіе, касавшееся казачества. Оно было формулировано слѣдующимъ образомъ: (п. 8). «Немедленное введеніе въ казачьихъ областяхъ широкаго мѣстнаго самоуправленія на выборныхъ началахъ; выдѣленіе изъ вѣдѣнія военнаго управленія гражданскихъ, культурныхъ и экономическихъ вопросовъ казачьей жизни съ передачей ихъ органамъ мѣстнаго самоуправленія и изъятіе органовъ гражданскаго управленія изъ вѣдѣнія военнаго министерства».**) Это пожеланіе, принятое по требованію казачьихъ депутатовъ, стало программою Думы въ казачьемъ вопросѣ.

Вопросъ о казачествѣ былъ поставленъ предъ III-ей Думой въ полномъ объемѣ, впервые, при обсужденіи смѣты Главнаго Управленія казачьихъ войскъ въ 1910 году. По этому вопросу успѣли высказаться лишь докладчикъ бюджетной коммиссіи Звегинцевъ, изъ донцевъ — Харламовъ и Петровъ — и оренбурженъ Шеметовъ. Однако, Дума торопилась съ разсмотрѣніемъ бюджета и ограничила рѣчи 10 минутнымъ срокомъ. Поэтому депутаты Войлошниковъ, Лисичкинъ, Кирьяновъ и Маньковъ протестовали противъ этого постановленія и отказались говорить. «Голосъ Забайкальскаго казачьяго войска бу-

*) Законъ этотъ былъ изданъ Столыпинымъ еще въ промежуткѣ между I и II Думою. Ср. предыд. главу, посвященную II Думѣ, Стенограф. отчеты Г. Думы. III Созыва, 1-я сессія, т. I. с. 299, 791, 951—1000, 1112—1113, 1146.

**) Стен. отч. (1907—1908), т. III, с. 1663—1664, зас. 27 мая 1908.

детъ услышанъ вами черезъ ваши головы въ другое время», — сказалъ Войлошниковъ.

Звегинцевъ сообщилъ о скоромъ расформированіи Главнаго Управленія казачьихъ войскъ и призналъ, что «жизнь казачества далеко не стоитъ въ томъ положеніи, въ каковомъ она могла-бы стоять». Напомнивши о пожеланіяхъ Думы о введеніи самоуправленія въ казачьихъ областяхъ, Звегинцевъ добавилъ: «понятно, это мѣстное самоуправленіе должно быть казачьимъ, потому что въ казачьихъ областяхъ хозяевами могутъ быть и должны быть только казаки... На иногородныхъ можно смотрѣть лишь какъ на пришельцевъ изъ сосѣднихъ областей, живущихъ тамъ въ виду нѣкоторыхъ своихъ выгодъ, но очевидно не какъ на хозяевъ войска». Отсутствію самоуправленія приписывалъ Звегинцевъ печальное состояніе войсковыхъ капиталовъ, смѣшеніе управленія земскими капиталами съ общимъ управленіемъ войска. По мнѣнію Звегинцева для выясненія дѣла о войсковыхъ капиталахъ нужна была сенаторская ревизія мѣстныхъ хозяйствъ въ войскахъ.

Необходимо было законодательное отдѣленіе мѣстныхъ расходовъ отъ общегосударственныхъ. Постепенное развитіе тѣхъ органовъ самоуправленія, которые должны создаться, должно снять съ военнаго министерства заботу управленія гражданскимъ отдѣломъ жизни въ казачьихъ областяхъ. Органы эти должны быть подчинены министерству внутреннихъ дѣлъ.

Харламовъ съ радостью привѣтствовалъ уничтоженіе Главнаго Управленія казачьихъ войскъ. Цитируя юбилейное изданіе министерства, онъ доказывалъ, что «главной заботой этого управленія» было «возможно прочное подчиненіе казачьяго населенія центральной власти», и съ этою цѣлью: «упраздненіе внутренняго самоуправленія казачества», возвышеніе казачьяго чиновничества и превращеніе его «въ исполнителей велѣній государственной власти, какъ прежде они были исполнителями рѣшеній войскового круга».*)

Харламовъ напоминалъ, что въ бюджетной коммиссіи представители военнаго министерства увѣряли, что самоуправленіе и такъ существуетъ въ казачьихъ войскахъ, и пожеланіе Думы основано на недоразумѣніи. Харламовъ указывалъ на то, что станичные атаманы не избираются, а назначаются областной администраціей (одинъ изъ трехъ представленныхъ кандидатовъ). Часто бывало, что рядъ кандидатовъ не утверждался, и въ станицу посылали атамана по назначенію. Въ хозяйственныхъ вопросахъ самоуправленіе не существуетъ, ибо всѣ приговоры станичныхъ сходовъ идутъ на утвержденіе окружнаго атамана.

---

*) Столѣтіе Воен. Мин., т. XI, ч. I, с. 769—770.

Харламовъ цитировалъ официальное мнѣніе помощника войскового наказнаго атамана (отъ 1899 г.) о томъ, что «управленіе гражданской частью въ округѣ фактически перешло къ помощнику окружнаго атамана», но и тотъ ведетъ дѣло формально, ибо число дѣлъ и исходящихъ въ окружныхъ управленіяхъ за годъ доходитъ до 50.000. Еще ближе, чѣмъ окружный атаманъ, стоятъ къ станичному самоуправленію т. наз. «засѣдатели», бывшіе строевые офицеры, незнакомые съ законами.

Изложивши исторію вопроса о возстановленіи земства на Дону съ 1882 по 1909 годъ, Харламовъ напоминалъ, что представители Главнаго Управленія казачьихъ войскъ безмолвно присутствуютъ въ подкоммиссіи Думы, разсматривающей законопроектъ о донскомъ земствѣ, внесенный депутатами. Главное Управленіе, каждый разъ, по назначеніи новаго атамана на Донъ, запрашиваетъ его мнѣнія о земствѣ, а атаманы мѣняются почти ежегодно, — и Управленіе отговаривается, что не имѣетъ еще отзыва атамана.

Харламовъ протестовалъ противъ утвержденія военнаго министерства, будто-бы «подчиненіе казачьей общественной жизни гражданскому начальству явнымъ образомъ отражается на пониженіи боевыхъ качествъ казаковъ и упадкѣ исконныхъ казачьихъ традицій». Но это раздѣленіе власти гражданской и военной существовало на Дону 50 лѣтъ, по положенію 1835 г., и за это время въ рядѣ войнъ, и на Кавказѣ, казачество доказывало неизмѣнно свою боеспособность.

Харламовъ напоминалъ, что 70 лѣтъ уже атаманы назначаются не изъ казаковъ, что въ рукахъ атамана объединена власть гражданская и военная. «Военное вѣдомство думаетъ, что только посадивъ генераловъ, сосредоточивъ власть въ рукахъ генераловъ, оно можетъ сохранить боевую способность казаковъ...» Харламовъ доказывалъ, что это — заблужденіе. «Казачье населеніе Донской области обнищало до такой степени, что на немъ къ 1-му іюня 1909 г. числится продовольственныхъ долговъ войсковому капиталу 3,231.849 руб., а другихъ долговъ, лежащихъ на станичныхъ обществахъ, тому-же войсковому капиталу 1,225.108 руб....» «О какой-же доблести вы будете говорить среди нищаго, полуголоднаго населенія, которое нуждается въ продовольствіи». Харламовъ приводилъ примѣры станицъ, въ которыхъ было до 50% и болѣе хозяйствъ, у которыхъ не имѣется достаточно скота и лошадей для веденія хозяйства. Въ Хоперскомъ округѣ: станица Ѳедосѣевская 55% хозяйствъ; Тишанская — 46%; Усть-Медвѣдицкій округъ: Березовская станица — 62%; Островская — 35%; 2-й Донской, исключительно казачій округъ: Нагавская станица — 91%; Верхне-Курмоярская — 65%, Потемкинская — 75%; 1-й Донской округъ: Терновская станица — 38%. Въ станицахъ, въ которыхъ было 92—94% земледѣльческаго казачьяго населенія

отъ 15 до 22% хозяевъ не имѣли совершенно живого инвентаря. «Мѣстное самоуправленіе, — заключалъ Харламовъ, — единственно можетъ притти на помощь казакамъ въ этомъ положеніи».

Харламовъ требовалъ уничтоженія прежней сосредоточенности казачьихъ дѣлъ въ военномъ министерствѣ. III-я Дума «совершенно правильно поступила, принявъ пожеланіе, чтобы дѣятельность Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія была распространена на казачьи войска». Рядъ мѣстныхъ учрежденій подчиненъ соотвѣтственнымъ министерствамъ. «Военное министерство на это не заявляетъ претензій и вполнѣ правильно, потому что справиться со всѣмъ этимъ оно не въ состояніи. Нужно въ государствѣ имѣть какой-то правительственный аппаратъ, который въ миніатюрѣ совмѣщалъ-бы въ себѣ всѣ силы, всѣ стороны всѣхъ министерствъ, имѣющихся въ Россійскомъ Государствѣ, но это — нелѣпость! . . .»

Такимъ образомъ, идея сосредоточенія всѣхъ донскихъ дѣлъ въ единомъ центральномъ вѣдомствѣ къ 1909 г. утратила свой смыслъ. Когда-то это сосредоточеніе дѣлало соотвѣтственный органъ военнаго министерства чѣмъ то вродѣ статсъ-секретаріата по дѣламъ нѣкогда независимой донской республики, позже — автономнаго Донского края. Теперь идея эта была забыта и центральнымъ вѣдомствомъ, которое держалось за старый порядокъ лишь во имя максимальнаго вліянія центральной военной власти и чиновничества на донскія дѣла. Но она была позабыта и представителями казачества, которые требовали разсосредоточенія донскихъ дѣлъ, распредѣленія ихъ между вѣдомствами, во имя правильно понятыхъ, добавимъ мы, интересовъ населенія.

Харламовъ казался еще одного, касавшагося Дона, государственно-правового пережитка. «Казачьи области, — говорилъ онъ, — представляютъ собою въ денежномъ отношеніи государство во государствѣ». Онъ не представлялъ себѣ того, что войсковые капиталы войска Донскаго были, въ сущности, остаткомъ государственной казны Донской республики. Но онъ правильно устанавливалъ, что «войсковой капиталъ есть принадлежность всего войска, всего войскового населенія данной области». И съ основаніемъ протестовалъ онъ противъ того, что казаки ничего не получаютъ изъ этого капитала на свои нужды по снаряженію на службу. «На эти капиталы, — говорилъ Харламовъ, — казаки содержатъ себя, суды и тюрьмы, куда ихъ сажаютъ; всѣ учрежденія гражданскаго управленія; уплачиваютъ жалованье льготнымъ офицерамъ; уплачиваютъ на содержаніе военно-учебныхъ заведеній, которыя для нихъ поставляютъ офицеровъ; уплачиваютъ и пенсіи офицерамъ и чиновникамъ изъ этого капитала; донскіе казаки уплачиваютъ и дополнительное жалованье въ 18.000 руб. своему атаману и т. д. . . .»

«Я спрошу, — восклицалъ Харламовъ, — гдѣ, въ какой странѣ есть такое положеніе, чтобы маленькая часть населенія, одна губернія, содержала себя цѣликомъ? Между тѣмъ, кромѣ тѣхъ небольшихъ субсидій, которыя государство даетъ Донскому войску, мы ничего не получаемъ. Государство ежегодно беретъ себѣ почти 12,000.000 руб. питейнаго дохода и отдаетъ донскимъ казакамъ только одну десятую часть согласно вѣковой привилегіи войска; государство беретъ себѣ всѣ косвенные налоги и часть прямыхъ — квартирный, промысловый и др., а казачье населеніе все управленіе области должно оплачивать своими собственными средствами». Правда, часть расходовъ на общегосударственныя нужды была снята съ казаковъ: на войскѣ былъ оставленъ процентъ расходовъ, соотвѣтствующій проценту казачьяго населенія. Вышло, что «казаки содержали все для себя на свой счетъ, а часть, падающая на иногородныхъ, принята на общегосударственный счетъ». Харламовъ полагалъ, что надо идти до конца въ этомъ направленіи.

Харламовъ отмѣчалъ, что военное министерство, въ связи съ вопросомъ о земельной нуждѣ казачества, предположило подробное хозяйственно-экономическое изслѣдованіе станицъ казачьяго войска, но не нашло у себя ни учрежденій, ни лицъ, которыя могли-бы выполнить это изслѣдованіе...»

«Военному министерству пора уже отрѣшиться отъ взгляда на казачьи войска, какъ на военныя аракчеевскія поселенія», — заключалъ Харламовъ. Настойчивымъ заявленіемъ военному министерству о требованіяхъ казачества Дума «обязала побудить его къ скорѣйшему и немедленному введенію самоуправленія у казаковъ...»*)

Скомкавши пренія о казачествѣ, Дума приняла, однако, пожеланія: 1) о немедленномъ введеніи въ казачьихъ областяхъ мѣстнаго самоуправленія, 2) о выдѣленіи изъ вѣдѣнія военнаго управленія гражданскихъ, культурныхъ и экономическихъ вопросовъ казачьей жизни, съ передачею ихъ органамъ мѣстнаго самоуправленія; 3) объ изъятіи органовъ гражданскаго управленія изъ вѣдѣнія военнаго министерства.

Вопросъ о войсковомъ капиталѣ и о правѣ государства расходовать изъ него на предметы, которые оплачивались въ россійскихъ губерніяхъ за счетъ казны, возникалъ въ III Думѣ неоднократно. Между прочимъ, онъ возникъ и тогда, когда обсуждался внесенный военнымъ министерствомъ законопроектъ объ учрежденіи полицейской стражи въ крестьянскихъ волостяхъ и мѣстечкѣ Ейскомъ Укрѣпленіи О. В. Д. При этомъ, бюджетная коммиссія III-й Думы предложила 25% ассигнуемой суммы возложить на войсковой капиталъ, а 75% на казну. Коммиссія-же законодательныхъ предположеній предлагала возложить расходъ цѣликомъ на казну. Харламовъ энергично

*) Стен. отч., 3-й созыва, сессія III, ч. III, с. 1316—1323.

протестовалъ противъ «злочастной точки зрѣнія военнаго министерства» на Донскую область и войсковой капиталъ, на который возлагается оплата общегосударственныхъ расходовъ. Харламова поддержалъ Черницкій. Докладчикъ бюджетной комиссіи заявилъ, что обычно на войсковой капиталъ накладывается 45% расходовъ по области, въ данномъ же случаѣ лишь 25%. Однако, Дума присоединилась къ казачьимъ депутатамъ и приняла расходъ цѣликомъ на счетъ казны.*)

Интересно отмѣтить, что отъ обѣихъ спорящихъ сторонъ, отъ министерства и отъ казачьихъ депутатовъ, ускользалъ истинный смыслъ войскового капитала. Харламовъ считалъ войсковой капиталъ достояніемъ казачьяго войска, приравнивая его къ земскимъ капиталамъ. Военное министерство, привыкшее самовластно распоряжаться мѣстными капиталами казачьихъ войскъ, пыталось присвоить государству войсковой капиталъ, подобно тому, какъ войско присвоило себѣ значительную часть станичныхъ капиталовъ. Съ точки зрѣнія интересовъ войска былъ правъ Харламовъ. Исторически, было право, хотя и не подозрѣвая этого, военное министерство, ибо войсковой капиталъ былъ остаткомъ государственнаго бюджета, государственныхъ средствъ Донской республики. Частично, войсковой капиталъ предназначался на нужды, указанныя въ законахъ 1835 и 1869 г. г., но, въ цѣломъ, это былъ историческій пережитокъ, остатокъ финансовой автономіи Войска, какъ края, вошедшаго въ составъ Имперіи со своимъ бюджетомъ, со своимъ государственнымъ достояніемъ.

Въ эпоху III-ей Думы донскимъ депутатамъ удавалось проводить мысль, что войсковой капиталъ есть мѣстный, земскій капиталъ. Поэтому, напр., 28 февр. 1909 г. было высочайше утверждено положеніе объ отнесеніи расходовъ по тюрьмамъ въ Донской области цѣликомъ на счетъ казны.**)

Независимо отъ донскихъ дѣлъ III-ей Думой принятъ былъ проектъ закона объ улучшеніи земскихъ и городскихъ финансовъ, согласно которому были приняты на счетъ государственнаго казначейства расходы, относившіеся до тѣхъ поръ на денежныя земскія повинности. Среди нихъ, въ Донской области отошли къ казнѣ расходы: по содержанію мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, по содержанію статистическихъ комитетовъ, по содержанію мировыхъ судебныхъ установленій; по отопленію и освѣщенію атаманскаго дворца и тюремъ въ станицахъ и п. Новочеркасскѣ, по разъѣздамъ разнаго рода офиціальныхъ лицъ, перевозкѣ арестантовъ и т. п.***)

---

*) Ст. отч., 3-й соз., V сесс., ч. IV, с. 2494 и сл., зас. 24 мая 1912 г.
**) Раньше 45% платили казаки изъ войскового капитала.
***) Ст. отч., 3-й соз., сесс. V, зас. 146, 4 іюня 1912.

Иногда, казачеству наносились удары и слѣва, причемъ наносившіе ихъ исходили изъ демократическхъ соображеній и протестовали противъ казачьихъ привилегій, даже и тогда, когда вопросъ, собственно, шелъ о ликвидаціи ихъ. Въ засѣданіи 18 марта 1909 г. деп. Кузнецовъ (с.-д.) высказался противъ возмѣщенія забайкальскому войску убытковъ отъ введенія винной монополіи, спрашивая, почему за пропинаціонное право платятъ баронамъ и казакамъ, а крестьянамъ не платятъ. Его поддержалъ рядъ депутатовъ и вопросъ былъ отложенъ Думою впредь до внесенія законопроекта о вознагражденіи сельскихъ обществъ за потерю правъ винной торговли.*)

Въ области управленія на Дону были проведены нѣкоторыя реформы въ эпоху III-ей Думы. Не всѣ онѣ имѣли одинаковое значеніе, но ни одна изъ нихъ не измѣнила положенія края или казачества сколько нибудь серьезно. Перемѣны коснулись и центральнаго управленія казачьими дѣлами, и созданія новыхъ судебныхъ и административныхъ учрежденій, и отчасти личныхъ правъ казачества. Наконецъ, Дума III-го созыва приняла законъ о донскомъ земствѣ и законы о казачьемъ самоуправленіи въ другихъ войскахъ, оставшіеся, впрочемъ, безъ исполненія.

Въ эпоху III-ей Думы, подъ вліяніемъ критики, направленной противъ Главнаго Управленія казачьихъ войскъ, помощникъ военнаго министра заявилъ въ бюджетной коммиссіи Думы, что Главное Управленіе будетъ расформировано, а дѣла, въ немъ сосредоточенныя, будутъ распредѣлены между остальными главными управленіями министерства.

Дѣйствительно, реформа эта была осуществлена въ 1910 г., Главное Управленіе казачьихъ войскъ было расформировано, а взамѣнъ него въ составѣ Главнаго Штаба учрежденъ былъ Отдѣлъ управленія казачьими войсками, завѣдывавшій преимущественно гражданскимъ управленіемъ въ этихъ войскахъ. По существу-же, однако, ничто не измѣнилось отъ перераспредѣленія дѣлъ между различными учрежденіями министерства. Какъ мы увидимъ далѣе, политика военнаго министерства въ отношеніи казачьихъ войскъ и областей осталась та же, что и раньше. Это особенно хорошо показала исторія съ законопроектомъ о донскомъ земствѣ.

Между Думой и военнымъ министерствомъ все время шла борьба по вопросу о казачествѣ.

Военный министръ внесъ въ III-ю Думу проектъ объ учрежденіи должности помощниковъ войскового наказнаго атамана войска Донского. Мотивировалось это затруднительностью атамана во всѣхъ административныхъ вопросахъ. Коммиссія по направленію законодательныхъ предположеній, а за нею и Дума, нашли, что съ учрежденіемъ земства на Дону положеніе атамана значительно облегчится по части гражданской. Что-же касает-

*) Стен. отч. Г. Д., III. созыва, засѣд. 18 мар. 1909.

ся помощника по военной части, то лишь такіе большіе округа, какъ Кіевскій и Варшавскій возлагаютъ многочисленныя обязанности на командующаго войсками и его помощника, область-же войска Донскаго несравнима съ этими округами по количеству войскъ.*) Учрежденіе должности помощника атамана по военной части признано было излишнимъ.

Изъ административныхъ учрежденій были созданы на Дону сыскныя отдѣленія: 23 іюня 1908 г. отдѣленіе 2-го разряда въ Таганрогѣ и 3-го разряда въ Новочеркасскѣ; а 24 мая 1912 г. — 2-го разряда — въ составѣ Ростово-Нахичеванскаго городского полицейскаго управленія.

13-го апрѣля 1909 г. въ Думѣ обсуждался докладъ коммиссіи по судебнымъ реформамъ по внесенному министромъ юстиціи законопроекту объ учрежденіи окружнаго суда въ Ростовѣ на Дону. Докладчикомъ былъ Аджемовъ, указавшій, что за послѣднія 25—30 лѣтъ, «въ юговосточной Россіи, по всему побережью Чернаго моря, на сѣверномъ Кавказѣ, Донской и Кубанской области доминирующее значеніе въ торгово-промышленномъ отношеніи занялъ Ростовъ, въ которомъ насчитывается болѣе 150.000 чел. населенія». Отъ имени бюджетной коммиссіи просилъ признать предложеніе спѣшнымъ чл. Д. Кирьяновъ.**)

15-го марта 1912 г. Дума приняла законопроектъ о распространеніи дѣйствія Городского Положенія 1892 г. на гор. Новочеркасскъ. Въ отношеніи дѣлъ городского общественнаго управленія городъ изымался изъ вѣдѣнія военнаго министерства и переходилъ въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ. До образованія Думы и до установленія ею оцѣночнаго сбора, временно, цензъ для избирателей устанавливался въ 1.000 р. (по земскому сбору). Сохранялись въ пользу Новочеркасска слѣдующіе сборы: 1) поземельная пошлина, взимаемая съ лицъ не-войскового сословія за дворовыя мѣста въ г. Новочеркасскѣ; 2) Сборъ съ крѣпостныхъ актовъ, устанавливающихъ переходъ недвижимыхъ имѣній отъ одного лица къ другому, когда тѣ лица не войскового сословія.***)

Въ отмѣну былыхъ привилегій неплатежа казаками податей и налоговъ, ст. XI-я законопроекта гласила: «установить въ г. Новочеркасскѣ съ лицъ войскового сословія, не исключая и казаковъ, принадлежащихъ къ торговому обществу, взиманіе сборовъ на удовлетвореніе городскихъ потребностей на общихъ для остальныхъ городскихъ обывателей основаніяхъ».

Ст. XII разрѣшала всѣмъ лицамъ, имѣющимъ по закону право селиться въ предѣлахъ области Войска Донскаго, при-

*) Стен. отч., 3-й соз., сесс. V, зас. 44, с. 3698—3699 (10 дек. 1911 г.).
**) Стен. отч., 3 созывъ, II сессія, зас. 13, IV. 1909, с, 1977—1978.
***) Этотъ сборъ былъ установленъ 3 апрѣля 1852 г. (П. С. З., N 26134).

писываться къ состоянію городскихъ обывателей Новочеркасска на отнованіи дѣйствующихъ узаконеній. Завѣдываніе сословными управленіями купеческаго и мѣщанскаго обществъ было временно возложено на городскую управу.*)

Уже 24 мая 1912 г. пришлось избрать согласительную коммиссію по законопроекту о городскомъ управленіи гор. Новочеркасска. Въ нее избраны были: Захарьевъ, Черницкій и Харламовъ. 4-го іюня Думѣ было доложено, что согласительной коммиссіей было достигнуто единогласное заключеніе.

Законъ о примѣненіи къ гор. Новочеркасску городового положенія 1892 г. былъ высочайше утвержденъ 16-го іюня 1892 г. Несмотря на поправки, внесенныя въ положеніе 1892 г. Государственнымъ Совѣтомъ по настоянію правыхъ круговъ донского дворянства, послѣдніе рѣшительно протестовали противъ новаго закона. Вдохновляемая правыми мѣстная администрація затѣяла организованные протесты, плебисциты и ходатайства о непримѣненіи закона, прошедшаго черезъ обѣ палаты и уже получившаго санкцію верховной власти. Но то, что удалось 30 лѣтъ назадъ съ земствомъ, оборвалось въ 1912 г. Законъ о городскомъ управленіи Новочеркасска былъ введенъ въ дѣйствіе.

Въ области заботъ объ экономическомъ благосостояніи казачества, помимо выступленій донскихъ депутатовъ съ заявленіями о тяжкомъ положеніи казачества, можно отмѣтить слѣдующіе факты. Третья Дума, при разсмотрѣніи смѣты Главнаго Штаба на 1912 г. высказала пожеланіе, чтобы военное вѣдомство безотлагательно озаботилось выясненіемъ причинъ упадка благосостоянія казачьихъ войскъ и приняло мѣры къ его поднятію.

Въ декабрѣ 1911 г. было разрѣшено отпустить до 500.000 рублей на оказаніе продовольственной помощи пострадавшему отъ неурожая казачьему населенію 1-го и 2-го Донского и Усть-Медвѣдицкаго округовъ Области Войска Донскаго.**)

По иниціативѣ Государственнаго Совѣта возникъ законопроектъ объ улучшеніи матеріальнаго улучшенія казаковъ Области Войска Донскаго, но былъ снятъ съ очереди, такъ какъ иниціаторамъ его было свыше указано на нежелательность возникновенія этого вопроса.

Въ области народнаго образованія на Дону надо отмѣтить основаніе на Дону перваго высшаго учебнаго заведенія, Политехническаго Института въ Новочеркасскѣ.***) Основанію его предшествовала долгая и упорная общественная агитація всего Юго-Востока (Дона, Кубани, Черноморья и Приазовья). Какъ и въ вопросѣ съ судебной палатой выдвигалась канди-

*) Стен. отч., III-й созывъ, сесс. V, ч. III, с. 1349 и сл. (15 мар. 1912).
**) Стен. отч., 3-й соз., сесс. V, 41 зас., 10 дек. 1911, с. 3744.
***) Законъ 17 іюня 1909 года.

датура гор. Ростова на Дону, обладавшаго рядомъ заводовъ, фабрикъ и желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Въ Новочеркасскѣ имѣлось лишь 2 маленькихъ механическихъ мастерскихъ. Но правительство, не колеблясь, рѣшило вопросъ въ пользу Новочеркасска, придавая основанію политехникума характеръ «награды» казачеству за службу въ 1905-6 г. г. На самомъ-же дѣлѣ, оно руководилось чисто полицейскими соображеніями о сравнительной благонадежности городовъ съ точки зрѣнія политической.

Только III-я Дума, въ 1909 г., разрѣшила примѣнять къ донскимъ дворянамъ общія правила о выдачѣ паспортовъ, т. е. установила право областного дворянскаго депутатскаго собранія выдавать безсрочныя паспортныя книжки неслужащимъ дворянамъ и дворянкамъ при выѣздѣ ихъ за предѣлы области. До сихъ-же поръ дѣйствовалъ уставъ, согласно которому лица войскового сословія получали паспортныя книжки изъ станичныхъ правленій и срокомъ только на 1 годъ. Это напоминало донскимъ дворянамъ объ ихъ служебной ролѣ и о принадлежности ихъ къ служилому закрѣпощенному казачеству. Дума согласилась съ ходатайствомъ дворянскаго депутатскаго собранія и нашла, что этотъ порядокъ въ отношеніи неслужащихъ дворянъ и, въ особенности, дворянокъ былъ ни на чемъ не основанъ.*)

Однако, Государственный Совѣтъ не согласился съ думскимъ проектомъ, и онъ былъ переданъ въ согласительную коммиссію. Въ послѣднюю отъ Думы избраны были 6 депутатовъ, среди нихъ Кирьяновъ, Захарьевъ, Пырковъ и Черницкій.**) Въ конечномъ счетѣ Гос. Совѣтъ отвергъ законопроектъ о дворянскихъ паспортахъ.

Не отказавши въ раскрѣпощеніи неслужилому донскому дворянству, третья Дума приняла законопроектъ, внесенный военнымъ министромъ, объ измѣненіи ст. 106 Уст. о Паспортахъ. Этимъ законопроектомъ предоставлялось право казакамъ, непринадлежащимъ къ служилому составу, пользоваться отпускомъ изъ станицъ до 5 лѣтъ. До тѣхъ поръ они пользовались этимъ правомъ лишь въ теченіе 1 года. Коммиссія по государственной оборонѣ, а за нею и Дума, признали возможнымъ предоставить болѣе продолжительный срокъ отлучекъ и казакамъ запаснаго разряда, а также неспособнымъ къ службѣ и способнымъ къ труду.***)

Въ отношеніи казачьей службы Дума разрѣшила вопросъ о т. наз. «наемкѣ». Военный министръ внесъ въ III-ю Думу законопроектъ объ отмѣнѣ ст. 491 Уст. Воин. Пов., на осно-

*) Стен. отч., 3-й созывъ, сессія III, ч. 1, с. 2415—2416, зас. 25 ноября 1904 г. а также 2897.

**) Стен. отч., 3-й созывъ, сессія III, ч. 2, с. 858.

***) Стен. отч. 3-й сосывъ, сесс. V, зас. 139, 24 мая 1912, с. 2493.

ваніи которой въ казачьихъ войскахъ можно было производить обмѣнъ между казаками обязанными и не обязанными, согласно разверсткѣ, итти на службу. Общій-же законъ разрѣшалъ замѣну одного лица другимъ лишь въ предѣлахъ семьи. Дума, считая, что богатые казаки нанимаютъ вмѣсто себя бѣдныхъ, часто менѣе образованныхъ, часто больныхъ, отмѣнила ст. 491 (право наемки).*)

Военный министръ внесъ въ III-ю Думу законопроектъ о перенесеніи времени зачисленія казаковъ въ служилый составъ съ января на октябрь. Въ засѣданіи 23 мая 1912 г., Дума, по просьбѣ Харламова и 30-ти членовъ Думы, передала вопросъ снова въ коммиссію по государственной оборонѣ, какъ связанный съ рядомъ другихъ вопросовъ казачьей жизни.**)

Законъ 26 февр. 1910 г. установилъ переселеніе избытка населенія другихъ округовъ Области въ Сальскій на войсковыя запасныя земли.

Глава L.

Вопросъ о самоуправленіи въ казачьихъ областяхъ. Законопроектъ о донскомъ земствѣ. Анкета о земствѣ на Дону. Принятіе Думою законопроекта (1912).

Самымъ важнымъ для казачества вопросомъ въ эпоху III-й Думы былъ вопросъ о земствѣ, о самоуправленіи въ казачьихъ войскахъ. Наиболѣе драматически проходилъ вопросъ о земствѣ на Дону. Вокругъ этого вопроса шла долгая и упорная борьба, кончившаяся побѣдою реакціонныхъ элементовъ Государственнаго Совѣта. Не лучше была участь вопроса о самоуправленіи и въ другихъ войскахъ, хотя Дума и поддержала казачьихъ депутатовъ.

Казачья группа внесла въ III-ю Думу 17-го дек. 1908 г. законодательное предположеніе объ устройствѣ мѣстнаго самоуправленія въ казачьихъ войскахъ. 26 мая 1909 г. Дума передала его въ коммиссію по мѣстному самоуправленію. Согласно предложенію коммиссіи Дума (5 іюня 1910 г.) признала это предположеніе желательнымъ.

При разсмотрѣніи въ 1909 г. смѣты Главнаго Управленія казачьихъ войскъ, докладчикъ бюджетной коммиссіи Звегинцевъ указалъ на смѣшеніе въ войсковыхъ расходахъ — расходовъ войскового, земскаго и административнаго характера. Поэтому, бюджетная коммиссія «полагала желательнымъ немедленное введеніе въ казачьихъ областяхъ мѣстнаго само-

*) 23 мая 1912 г. Стен. отч., 3-й соз., сесс. V, зас. 137, с. 2292—2293.
**) Стен. отч., 3-й соз., сесс. V. ч. IV, с. 2293.

управленія, что, само собой, должно выдѣлить группу расходовъ земско-хозяйственнаго характера и открыть источникъ, изъ котораго они должны быть покрыты, выдѣленіе изъ вѣдѣнія военнаго управленія гражданскихъ, культурныхъ и экономическихъ вопросовъ казачьей жизни съ передачею ихъ органамъ мѣстнаго самоуправленія, и изъятіе органовъ гражданскаго управленія изъ вѣдѣнія Военнаго Министерства . . .» Очевидно, добавилъ Звегинцевъ, что это дѣло для многихъ войскъ очень близкаго будущаго . . .*)

При обсужденіи проекта астраханскаго земства (16 янв. 1912 г.)Шингаревъ указывалъ на то, что нелѣпо оставлять безъ земства казачьи земли, вкрапленныя въ губерніи Астраханскую и Оренбургскую, лишая этимъ благъ самоуправленія 28.000 чел. казачьяго населенія въ Астраханской и 485.000 ч. въ Оренбургской губерніи. Шингаревъ ссылался на примѣръ сосѣдства земскихъ губерній съ Донской областью, откуда въ нихъ заносятся эпидеміи, сибирская язва, чума и т. п.

Шингаревъ справедливо указывалъ, что совершенно ложна ссылка правительства на то, будто-бы «Положеніе 12-го іюня 1890 г., какъ показалъ опытъ примѣненія его въ Области Войска Донскаго, совершенно не соотвѣтствуетъ своеобразному укладу жизни, нуждамъ и особенностямъ административнаго устройства казачьихъ войскъ». Шингаревъ былъ правъ, ибо донское земство просуществовало на Дону съ 1876 по 1882 г. по сепаратному закону 1875 года, а вовсе не 1890 г.**)

При обсужденіи проекта Оренбургскаго земства, членъ Думы Гродзицкій указалъ, что введеніе земства въ этой губерніи тормазилось съ 1863 г. существованіемъ на территоріи губерніи Оренбургскаго казачьяго войска. Устроенныя въ эпоху III-ей Думы мѣстныя совѣщанія высказались противъ земства, и сами казаки не пожелали введенія общаго земства на территоріи всей губерніи, а центральное военное управленіе высказалось противъ введенія земства на территоріи казачьей. Поэтому, при составленіи законопроекта пришлось выдѣлить казачью землю изъ территоріи губерніи.***) Введенныя по думской иниціативѣ въ губерніяхъ астраханской и оренбургской земскія учрежденія не были распространены на казачьи территоріи (войска Астраханскаго и Оренбургскаго).

Теоретически, лучше обстоялъ вопросъ о земствѣ для сибирскаго казачества. Въ принятомъ 15 марта 1912 г. законопроектѣ о распространеніи земскаго положенія на губерніи Тобольскую, Томскую, Иркутскую и Енисейскую и Забайкальскую области были приняты во вниманіе начала, принятыя

*) Ст. отч. 3-ей Думы, сесс. II, с. 1308,Оптимизмъ этотъ, какъ мы увидимъ далѣе, не оправдался.

**) Стеногр. отч., 3-й созывъ, сессія V, зас. 47, с. 411—412.

***) Стен. отч., сессія V, зас. 52, с. 827—828.

въ проектѣ о донскомъ земствѣ. Отъ казачьихъ станицъ, какъ и отъ волостей, избиралось по одному гласному.*) Но уже 5 мая 1912 года Государственный Совѣтъ отклонилъ законопроектъ о земствѣ въ Сибири. Сибирское казачество осталось безъ самоуправленія.**)

3-го апрѣля 1908 г. въ Думу было внесено законодательное предположеніе за подписью 77 членовъ Думы о распространеніи на область Войска Донскаго земскаго положенія 1890 года.***)

Представитель военнаго министерства въ засѣданіи 19 ноября 1908 г. заявилъ, что вѣдомство не встрѣчаетъ принципіальныхъ возраженій противъ введенія земства на Дону, но считаетъ неприемлемыми къ нему основныя начала положенія 1890 г., и потому беретъ на себя разработку особаго законопроекта, въ основаніе котораго будутъ положены, во первыхъ, всесословность земства, во вторыхъ, преимущество въ земскихъ учрежденіяхъ казачьяго населенія и согласованіе земскаго положенія съ бытомъ и особенными повинностями казаковъ.

Военное вѣдомство собиралось похоронить проектъ донского земства по 1-му разряду. Поэтому, въ полной увѣренности, что казачество выскажется противъ земства, оно предписало устроить на Дону анкету о земствѣ. Къ предложенію этому съ крайнимъ сочувствіемъ отнесся войсковой наказный атаманъ ген.-лейт. А. В. Самсоновъ, но зато съ крайнимъ несочувствіемъ — войсковая администрація. Не были разрѣшены устныя собесѣдованія интеллигенціи съ населеніемъ. Запрещалось перепечатывать брошюры о земствѣ И. П. Бѣлоконскаго, В. Голубева и другихъ. Распространеніе газетъ, писавшихъ о донскомъ земствѣ («Донская Жизнь»), въ станицахъ преслѣдовалось.

Техника опроса выработана была областнымъ правленіемъ. Окружные атаманы и начальники должны были вызвать въ окружныя управленія по 2 чел. отъ станицъ и устроить съ ними собесѣдованіе о земствѣ. Эти представители въ свою очередъ должны были «поговорить со своими одностаничниками» и, на основаніи полученныхъ свѣдѣній, разъяснить имъ значеніе земскихъ учрежденій. Затѣмъ, областнымъ правленіемъ была составлена и отпечатана въ 10 тысячахъ экземпляровъ «записка» — «О земствѣ на Дону», которую атаманы должны были раздать «грамотнымъ, толковымъ и домовитымъ выборнымъ домохозяевамъ». Послѣдніе должны были «подѣлиться своими сужденіями не только среди выборныхъ, но и съ дру-

*) Стен. отч., 3-й созывъ, сесс. V, ч. III, с. 1330 и сл., ст. 5, 6, 21--35. Тоже и въ проектѣ земства для Амур. и Примор. областей, тамъ же, с. 1339 и сл.

**) Стен. отч., 3-ой соз., V сессія, ч. IV, зсле. 1 1.

***) Стен. отч., 3-ой зоз., т. II, с. 1740 (Законодат. предпол, № 268).

гими гражданами станицы». Послѣ такой подготовки окружные атаманы должны были созвать станичные сборы «съ возможнымъ участіемъ въ нихъ самихъ окружныхъ атамановъ», и на этихъ сборахъ уже долженъ былъ рѣшаться вопросъ, быть или не быть земству.

«Ознакомленіе» съ земствомъ сдѣлано было окружными атаманами въ духѣ, противномъ и враждебномъ земству. Довольно враждебна земству была брошюра, утверждавшая, что причиною упраздненія земства въ 1882 г. были «вскорѣ (по введеніи) обнаружившіеся недостатки земскаго самоуправленія»; что будто-бы «отъ земскаго самоуправленія казаки отказались сами», такъ какъ «не захотѣли управлять земскимъ дѣломъ черезъ своихъ выборныхъ», «и правительство исполнило ихъ желаніе...» Авторы записки отмѣчали «увлеченія со стороны гласныхъ прежнихъ земскихъ собраній, слишкомъ широко и неразсчетливо, быть можетъ, поведшихъ земское хозяйство», и эти увлеченія не могли быть остановлены во-время, потому что дѣятельность бывшихъ земскихъ учрежденій, «не подчинялась надзору войскового наказнаго атамана»; теперь-же, — успокаивали авторы, — во вновь выработанномъ проектѣ земскаго положенія «эти недостатки устранены, а интересы населенія ограждены въ достаточной степени подчиненіемъ проектируемыхъ земскихъ учрежденій надзору войскового наказнаго атамана».*)

Въ «Областныхъ Вѣдомостяхъ» и издававшемся при «Вѣдомостяхъ» журналѣ «Хозяйство на Дону» печатались откровенныя статьи противъ земства. Здѣсь утверждали, что «покойное земство не развилось и погибло вслѣдствіе неумѣлости его первыхъ руководителей, не умѣвшихъ обратить своего вниманія на коренной консервативный духъ казачества...» «Въ гласные посылались тогда въ большинствѣ худшіе элементы... люди завѣдомо нетрезвые, бездомники...» «Раскладка денежныхъ повинностей по округамъ — самое больное мѣсто въ дѣятельности покойнаго земства на Дону, подорвавшее къ себѣ довѣріе мѣстнаго населенія, и надо стараться не повторить этой ошибки...» «Допускалась въ 1880-хъ годахъ произвольная и безцеремонная земская самообманчивость (?), чтобы насолить начальству!...»

Авторы статей увѣряли, что при земствѣ «иногородній» окончательно «сядетъ казачеству на шею», стращали расходами на содержаніе одной областной и девяти окружныхъ земскихъ управъ. Областной агрономъ Шумковъ печаталъ (въ октябрѣ и ноябрѣ 1908 г.) въ «Хозяйствѣ на Дону», свой собственный земскій проектъ, утверждая, что земству (по проекту комиссіи ген. Грекова) «нѣтъ дѣла до самыхъ насущныхъ нуждъ казачества, ему нѣтъ дѣла до содержанія общественныхъ же-

*) Записка «О земствѣ на Дону», «Дон. Обл. Вѣдом.», 1408, с. 197-8.

ребцовъ, конноплодовыхъ табуновъ и отвода для нихъ земли; между тѣмъ, при предлагаемомъ мною земствѣ именно перечисленнымъ насущнымъ потребностямъ будетъ удѣлено главное, если не исключительное вниманіе...» Если вспомнить, какъ ненавидѣло казачество навязанное имъ станичное коневодство и общественныхъ жеребцовъ, ложившихся тяжкимъ бременемъ на казачій бюджетъ, то можно понять, какъ пріятно было бы казакамъ «земство», работающее исключительно на жеребцовъ, о которыхъ Θ. Д. Крюковъ остроумно замѣтилъ, что «войсковая администрація начинается войсковымъ атаманомъ и кончается станичнымъ жеребцомъ».

По мнѣнію Шумкова, не надо было тратить много денегъ на содержаніе земскихъ управъ, такъ какъ «можно только нѣсколько усилить составъ нынѣшнихъ окружныхъ управленій» (административно-полицейскихъ органовъ), да устраивать при нихъ и при областномъ правленіи «ежегодныя собранія гласныхъ отъ станичныхъ обществъ, которые, совмѣстно съ окружными атаманами и областнымъ правленіемъ, и будутъ обсуждать всѣ казачьи надобности... Для насъ, казаковъ, войсковое хозяйство и свои казачьи дѣла и надобности куда поважнѣе общеземскихъ», т. е. жеребцы важнѣе медицины, школъ, дорогъ и т. д.

Казачество встрѣтило вопросъ о земствѣ съ глубокимъ недовѣріемъ. Кривянская станица категорически отказалась отъ сношеній съ черкасской окружной администраціей и отъ участія въ предварительныхъ «совѣщаніяхъ», опасаясь, что уполномоченнаго подкупятъ или свяжутъ и, такъ или иначе, заставятъ подписать то, чего станица не знаетъ. Подъ вліяніемъ агитаціи начальства рядъ станицъ Хоперскаго округа*) безъ баллотировокъ, «единогласно», постановилъ приговоры противъ земства. Въ другихъ станицахъ, наоборотъ, несочувствіе начальства введенію земства заставило дружно голосовать за земство. — «Эхъ, ваше благородіе, — замѣтилъ одинъ выборный станичному атаману, — не даромъ что то ты хвостомъ отъ земства отмахиваешься...»

Несмотря на пропаганду начальства противъ земства, большинство станицъ высказалось въ пользу земства. По официальнымъ даннымъ, 65% станичныхъ сборовъ категорически заявилъ о необходимости скорѣйшаго введенія земскаго учрежденій, 10% дали уклончивый отвѣтъ, и лишь 25% нашли введеніе земства нежелательнымъ. Такимъ образомъ, за необходимость земства высказались послѣдовательно три войсковыхъ наказныхъ атамана: К. К. Максимовичъ, кн. Одоевскій-Масловъ и ген. Самсоновъ; въ 1895 г. — высказалось обла-

*) Михайловская, Павловская, Дурновская, Ярыженская, Филоновская, Преображенская и др. Въ ст. Луковской 17 голосовъ было за земство и 91 противъ него.

стное правленіе совмѣстно съ областнымъ распорядительнымъ по земскимъ дѣламъ комитетомъ; (1899) помощникъ наказнаго атамана ген.-л. Грековъ; областной и всѣ окружные сельскохозяйственные комитеты; (1904) избирательныя собранія для выбора мировыхъ судей; цѣлый рядъ станицъ; много разъ — областное дворянство; наконецъ, Государственная Дума III-го созыва (1908). Теперь анкета дала подавляющее большинство станичныхъ приговоровъ за земство. Оставалось ввести земство.

Вмѣсто этого, какъ только выяснились результаты опроса, сочувствовавшій земству войсковой наказный атаманъ Самсоновъ былъ отозванъ съ Дона и посланъ въ Туркестанъ. На его мѣсто былъ назначенъ командиръ Корпуса жандармовъ бар. Ф. Ф. фонъ-Таубе, принципіальный противникъ самоуправленія. Пріѣхавшій на Донъ жандармскій атаманъ заявилъ, что причина экономическаго оскудѣнія казачества — казачья лѣность.

Въ коммиссіи Государственной Думы представителю Главнаго Управленія казачьихъ войскъ ген. Котляревскому былъ заданъ вопросъ объ отношеніи вѣдомства къ земской реформѣ, напоминая, что сводка станичныхъ приговоровъ уже доставлена въ Главное Управленіе. Котляревскій отвѣтилъ, что «населеніе области это только одна сторона, заинтересованная въ вопросѣ, а имѣется еще и другая, не менѣе заинтересованная сторона: войсковое начальство, которое еще не высказалось». Кромѣ того, помощникъ начальника Главнаго Управленія казачьихъ войскъ заявилъ, что разрабатываемый коммиссіей Думы проектъ коммиссіи ген. Грекова (на основаніи Земскаго Положенія 1890 г. съ соотвѣтствующими измѣненіями) «совершенно непримѣнимъ къ Донскому краю», и что Главное Управленіе предложило войсковому начальству «выработать *новое* земское положеніе». Поэтому представитель вѣдомства предложилъ подкоммиссіи о Донскомъ земствѣ пріостановить разсмотрѣніе вопроса о введеніи земства на Дону до выработки военнымъ министерствомъ новаго проекта. Думская коммиссія съ негодованіемъ отвергла этотъ проектъ.

Этимъ временемъ министерство затребовало у фонъ-Таубе «общее заключеніе по вопросу о введеніи земства». 18 окт. 1909 г. донской группѣ членовъ Совѣта и Думы начальникъ Главнаго Управленія казачьихъ войскъ ген. Гарфъ сообщилъ, что «данныя, добытыя анкетой, необходимо согласовать съ мнѣніями послѣдняго времени, каковая задача и лежитъ на областной администраціи». Барону фонъ-Таубе было написано, что «военное министерство проситъ войсковое начальство ускорить представленіе проекта земскаго управленія въ области. Если-же введеніе земскихъ учрежденій (на какихъ бы то ни было началахъ), является въ настоящее время невозможнымъ, то необходимо въ доказательство этого представить вѣскія, по воз-

можности основанныя на точныхъ данныхъ, соображенія».*) Жандармскій генералъ привыкъ, конечно, понимать и гораздо болѣе тонкіе намеки, чѣмъ тотъ, который дѣлало ему министерство. Въ дальнѣйшемъ, какъ мы увидимъ изъ преній, происходившихъ въ IV Думѣ, министерство попыталось конкуррировать съ Думою въ созданіи своего проекта о земскомъ «самоуправленіи» на Дону. Пока что было сдѣлано все, чтобы затянуть дѣло съ донскимъ земствомъ года на четыре, до конца полномочій Думы III-го созыва.**)

Съ 1909-мъ связано мимолетное существованіе «Войскового Совѣщательнаго Собранія», пародіи на Войсковой Кругъ. Тоже самое, нѣсколько ранѣе, произошло на Кубани. Въ 1906 году, по настоянію кубанцевъ, состоялось высочайшее повелѣніе — «предоставить казакамъ самимъ рѣшить свой казачій —земельный вопросъ». Повелѣніе это состоялось въ промежуткѣ между I и II Думой, и имѣло опредѣленную политическую цѣль. Во исполненіе его было созвано и засѣдало съ 1 по 17 дек. 1906 г. въ Екатеринодарѣ Совѣщательное Собраніе, коему дали на мѣстѣ названіе «Войсковой Рады Кубанскаго Казачьяго Войска». Въ составъ «Рады» вошли 506 депутатовъ, избранныхъ, по два отъ каждой станицы, всѣмъ населеніемъ мужского пола съ 21 лѣтняго возраста. Отъ имени Рады благодарилъ наказнаго атамана Н. И. Михайлова историкъ кубанскаго казачества Ѳ. А. Щербина за воскрешеніе стараго казачьяго обычая — вершить свои мѣстныя казачьи дѣла всѣмъ войскомъ, въ данномъ случаѣ, въ лицѣ его выборныхъ представителей. Работа Рады посвящена была земельному вопросу. Предсѣдатель Рады, Щербина, заявилъ въ прощальной рѣчи: «Казаки готовы проявить творческую силу и создать самоуправленіе на широкихъ основахъ братства и трудового начала...» Онъ просилъ «Батьку Отамана» не упустить случая «превратить первую казачью Раду въ постоянную».

Но желанію казачества не суждено было осуществиться. Кубанская Рада, даже съ совѣщательнымъ голосомъ, не созывалась болѣе. Что касается Дона, то Военный Совѣтъ 19 февраля 1907 года положилъ: предоставить войсковому наказному атаману право, по окончаніи подготовительныхъ работъ въ Областномъ правленіи, созвать въ г. Новочеркасскѣ представителей всѣхъ казачьихъ станицъ и, составивъ изъ нихъ войсковое совѣщательное собраніе, приступить, совмѣстно съ ними, къ рѣшенію вопроса о распредѣленіи между станицами

---

*) «Дон. Жизнь», 1909, NN 243, 247.

**) Исторію борьбы за земство въ 1908—1909 г. г. см. въ мѣстной прессѣ за эти годы («Приазов. Край», «Дон. Жизнь», «Дон. Обл. Вѣдом.», «Хозяйство на Дону»). Ср. ст. Лагунова «Анкета о земствѣ на Дону», «В. Евр.», 1910. IV.

войсковыхъ запасныхъ земель. Такимъ образомъ, не разрѣшеніе аграрнаго вопроса на Дону, а лишь помянутая выше узкая задача была поставлена предъ выборными донского казачества.

Дѣло затянулось, и «положеніе» Военнаго Совѣта осуществлено было лишь въ атаманство Таубе, не безъ задней мысли услышать на Совѣщаніи голоса казаковъ противъ земства. 8-го дек. 1909 г. работы Совѣщательнаго Собранія были открыты и продолжались до 20 дек. 1909 г. Таубе подчеркнулъ въ своей рѣчи, что обсуждаться можетъ лишь вопросъ о раздѣлѣ войсковой земли. Въ Совѣщаніи участвовали 187 представителей отъ станицъ и создали проектъ распредѣленія части войскового земельнаго запаса. Представитель станицы Константиновской А. А. Назаровъ выразилъ, при закрытіи Круга, надежду «на возстановленіе стариннаго казачьяго Войскового Круга».

На войсковой «хлѣбъ-соли» произошли выступленія представителя Новочеркасской станицы В. М. Маркова и областного предводителя дворянства А. П. Леонова, показавшія расхожденіе ихъ во взглядахъ на донскія дѣла. Марковъ говорилъ о взаимно-довѣрчивомъ обмѣнѣ мыслей между атаманомъ, представителемъ Царскаго правительства и выборными людьми отъ казачества и желалъ, чтобы Совѣщанія, если они будутъ дозволены, могли касаться и другихъ неотложныхъ краевыхъ нуждъ. Намекая на донскихъ депутатовъ III-й Думы и называя ихъ «непрошенными радѣтелями», не понимающими духа казачьяго, онъ называлъ вредными ихъ проекты объ устройствѣ казачьяго быта (т. е. о земствѣ на Дону). Марковъ ходатайствовалъ о прекращеніи дѣятельности въ Области Крестьянскаго банка; о невзиманіи съ казаковъ налоговъ — подоходнаго, квартирнаго и другихъ прямыхъ налоговъ; о нежеланіи перехода Области изъ Военнаго въ Министерство внутреннихъ дѣлъ.

А. П. Леоновъ предлагалъ ходатайствовать о томъ, чтобы Совѣщанія были періодически-постоянными и присвоить имъ имя Войскового Круга въ память историческаго Войскового Круга. Вмѣстѣ съ тѣмъ, А. П. Леоновъ указалъ на необходимость улучшить экономическое благосостояніе казачества и не придавать значенія вопросу о томъ, какое вѣдомство будетъ вѣдать гражданскую жизнь казачества.*) Какъ мы видимъ, въ рѣчахъ этихъ выразились два теченія, боровшіяся во средѣ донского дворянства. Одно — стоявшее за обособленность казачества, но не на исторической основѣ вольнаго Дона, а на основѣ закона 1835 г.; — и другое, желавшее раскрѣпощенія казачества и гражданскихъ правъ для него.

---

*) См. брошюру: «Войсковое Совѣщательное Собраніе въ Новочеркасскѣ 8—20 дек. 1909 г.», Новоч., 1910.

Выработанный коммиссіей по мѣстному самоуправленію проектъ донского земства былъ доложенъ Думѣ 30 янв. 1912 г. И. Н. Ефремовымъ, котораго выдвинула Донская группа, какъ энергичнаго многолѣтняго поборника Донского земства.*)

Начальникъ Главнаго Штаба Михневичъ напомнилъ Думѣ объ особомъ законопроектѣ, который съ ноября 1908 г. вырабатывало военное министерство и, которое въ янв. 1912 г. находилось въ Военномъ Совѣтѣ, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ быть представленнымъ въ Совѣтъ министровъ. Поэтому Михневичъ высказался противъ думскаго законопроекта, ибо онъ не былъ «согласованъ съ видами военнаго вѣдомства на этотъ вопросъ».

Ефремовъ напомнилъ исторію 4-хъ лѣтней разработки проекта о донскомъ земствѣ, указалъ на явное нежеланіе правительства поддержать основныя начала, одобренныя Думою и, поэтому, просилъ разсмотрѣть проектъ думской коммиссіи.

Въ третьемъ чтеніи проектъ поступилъ въ Думу и былъ принятъ безъ преній 15 февраля 1912 г., съ незначительными поправками Захарьина. Дума утвердила какъ законопроектъ о распространеніи земскаго положенія на область Войска Донскаго, такъ и Правила о примѣненіи къ Области Положенія о земскихъ учрежденіяхъ и Устава о земскихъ повинностяхъ.

«Проектъ закона о распространеніи дѣйствія Положенія о земскихъ учрежденіяхъ на Область Войска Донскаго», въ окончательной редакціи, былъ принятъ Думою 9-го марта 1912 г. Согласно этому законопроекту, на Область распространялось дѣйствіе Положенія о Губернскихъ и Уѣздныхъ Земскихъ Учрежденіяхъ (Св. Зак., т. II) и Устава о Земскихъ Повинностяхъ (Св. Зак., т. IV, 1899 г.). Для введенія земскихъ учрежденій учреждались временный областной комитетъ и временныя окружныя коммиссіи. Комитетъ долженъ былъ быть въ составѣ: предсѣдатель — войсковой наказный атаманъ; члены — члены Донского областного распорядительнаго комитета совѣтникъ областного правленія, по назначенію атамана; непремѣнный членъ областного по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и предсѣдатель Черкасскаго съѣзда мировыхъ судей. Въ каждомъ округѣ окружная коммиссія по введенію въ области земскихъ учрежденій должна была, подъ предсѣдательствомъ окружнаго предводителя дворянства, состоять изъ окружнаго атамана или окружнаго начальника; члена окружнаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, по назначенію этого присутствія; члена окружнаго распорядительнаго комитета, по назначенію войскового наказнаго атамана, и мирового судьи, по назначенію съѣзда мировыхъ судей; а въ тѣхъ округахъ, въ окружныхъ городахъ которыхъ введено Городовое Положеніе, также городского го-

*) См. его многочисленныя статьи и книгу «Донское Земство», СПБ., 1912, 136 с.

ловы. Во временной коммиссіи Сальскаго округа долженъ былъ предсѣдательствовать предводитель дворянства 1-го Донскаго округа.

Временныя окружныя коммиссіи должны были составить списки лицъ, имѣющихъ право участія въ избирательныхъ собраніяхъ и съѣздахъ, а также вѣдомости станичнымъ казачьимъ и сельскимъ крестьянскимъ обществамъ. Открытіе станичныхъ сборовъ и волостныхъ сходовъ для избранія гласныхъ возлагалось на обязанность участковыхъ мировыхъ судей. Они же должны были разъяснять членамъ сбора или схода земское положеніе и ихъ обязанность по избранію гласныхъ, а также всѣ возникающія при выборѣ гласныхъ недоразумѣнія. Приговоры станичныхъ сборовъ объ избраніи въ первый разъ земскихъ гласныхъ отъ станицъ, а также заявленія частныхъ лицъ о неправильностяхъ, допущенныхъ на этихъ сборахъ, должны были представляться войсковому наказному атаману, который, усмотрѣвъ изъ представленнаго ему выборнаго производства существенныя нарушенія законнаго порядка при выборахъ или получивъ о томъ заявленіе, передавалъ-бы дѣло на разрѣшеніе временнаго областного комитета.

Впредь до поступленія суммъ, назначенныхъ на содержаніе земскихъ управъ, на этотъ предметъ должны были расходоваться средства, назначенныя на содержаніе областного и окружныхъ распорядительныхъ комитетовъ. При недостаткѣ этихъ средствъ областная земская управа могла отпустить заимообразно потребную сумму изъ общей наличности земскихъ сборовъ, а при недостаткѣ и этихъ средствъ, сдѣлать, по уполномочію областного земскаго собранія, временное позаимствованіе изъ состоящихъ въ вѣдѣніи земства особыхъ капиталовъ съ возвращеніемъ изъ первыхъ поступленій сбора, назначеннаго на содержаніе управъ.

Передавались въ вѣдѣніе земскихъ учрежденій О. В. Д., состоявшія въ вѣдѣніи областного правленія: областная и окружныя больницы, областная аптека и бактеріологическая станція въ Новочеркасскѣ, съ уплатою войску со стороны земства 62.585 руб. за больничныя зданія. Передавались также земству дѣла, находившіяся въ вѣдѣніи числившихся по областному правленію — войскового гидротехника, техника по рыболовству, областного агронома, спеціалистовъ по сельскому хозяйству, а также участковыхъ ветеринарныхъ врачей и фельдшеровъ. Такимъ образомъ, въ 1913 году должны были перейти къ земству, помимо того, что перешло въ 1882 г. отъ закрытаго земства въ наслѣдіе распорядительнымъ по земскимъ дѣламъ комитетамъ, также врачебныя заведенія, которыя въ 1876 г., при введеніи перваго земства на Дону, ухитрилась удержать за собою мѣстная администрація.

Зато, на земскія средства было отнесено содержаніе, въ мѣрѣ дѣйствительной потребности, состоявшихъ въ вѣдѣніи

областного правленія и приказа общественнаго призрѣнія богоугодныхъ и врачебныхъ заведеній и бактеріологической станціи въ Новочеркасскѣ, а также содержаніе народныхъ начальныхъ училищъ въ казачьихъ поселеніяхъ въ числѣ существующемъ нынѣ, съ тѣмъ, чтобы размѣръ ежегоднаго отпуска на содержаніе означенныхъ училищъ изъ земскихъ средствъ былъ не менѣе пособія, назначеннаго станицамъ на сей предметъ изъ войскового капитала по смѣтѣ сего капитала на 1912 г.

При введеніи земства въ 1876 г. неудовольствіе казаковъ было вызвано обложеніемъ ихъ земскими сборами. Поэтому, законопроектъ 1912 г. постановлялъ: (п. XI) «Въ пособіе станицамъ по уплатѣ денежныхъ земскихъ сборовъ съ земель станичныхъ обществъ обращать ежегодно: 1) суммы войскового капитала въ размѣрѣ внесенныхъ въ смѣту этого капитала на 1912 г. расходовъ на содержаніе учрежденій» (богоугодныхъ и врачебныхъ) «и училищъ, указанныхъ выше; 2) ежегодно отпускаемые изъ средствъ государственнаго казначейства въ распоряженіе Донскаго войска 230.000 руб. въ вознагражденіе за потерю станичными обществами названнаго войска доходовъ отъ разрѣшенія торговли крѣпкими напитками на станичныхъ земляхъ, и 3) сумму, составляющую долю станичныхъ обществъ въ томъ вознагражденіи, какое въ количествѣ 1,239.000 руб. ежегодно получаетъ Донское войско за отошедшіе отъ него въ доходъ казны питейные сборы, опредѣляемую черезъ отчисленіе изъ этого вознагражденія по $56^{3}/_{10}$ копѣйки на каждую наличную душу мужского пола казачьяго населенія въ 1912 году.

Суммы, означенныя выше, должно было распредѣлять ежегодно между станичными обществами пропорціонально числу душъ мужского пола казачьяго населенія, входящаго въ составъ сихъ обществъ, и, въ частяхъ, не превышающихъ размѣра всѣхъ (областныхъ и окружныхъ) денежныхъ земскихъ сборовъ, причитающихся съ юртовыхъ (станичныхъ) земель каждаго изъ станичныхъ обществъ въ отдѣльности, перечислять въ кассы земскихъ учрежденій, въ уплату причитающихся съ тѣхъ обществъ земскихъ сборовъ съ означенныхъ земель.

«Въ тѣхъ-же случаяхъ, когда причитающаяся станичному обществу сумма менѣе общаго итога земскихъ платежей, которые падаютъ на принадлежащія станичнымъ обществамъ юртовыя земли, сумму эту обращать въ оплату областныхъ и окружныхъ сборовъ, пропорціонально размѣру обложенія тѣми и другими сборами» (п. XII).

Такимъ образомъ, законопроектомъ 1912 г. войсковые капиталы не обращались въ мѣстныя, краевыя средства, а оставались достояніемъ казачьяго Донского войска, фактически-же, въ распоряженіи центральной и мѣстной администраціи. Никакого казачьяго представительнаго органа для распоряженія этими капиталами не создавалось.

Въ области не должны были примѣняться: 1) правила объ обязательномъ пріемѣ больныхъ въ больницы общественнаго призрѣнія (ст. 281 Уст. Врач., Св. Зак., т. XIII); и 2) правила о дорожныхъ капиталахъ въ земскихъ губерніяхъ (п. VIII и XV).

Станичнымъ сборамъ предоставлялось право назначать избраннымъ отъ нихъ гласнымъ земскихъ собраній содержаніе изъ станичныхъ суммъ.

Весьма важнымъ пунктомъ проекта являлось подчиненіе земскихъ учрежденій въ Области вѣдѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ. Министру-же внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ военнымъ, предоставлено было организовать все выборное производство и передачу имущества новому земству (п. п. XVII и XIII).

Правила о примѣненіи къ Области земскаго Положенія и Устава о земскихъ повинностяхъ возлагали на войскового наказнаго атамана въ отношеніи земскихъ учрежденій обязанности, возложенныя въ земскихъ губерніяхъ на губернаторовъ. И по всѣмъ дѣламъ этого рода атаманъ подчинялся министру внутреннихъ дѣлъ (§ 1). Донское областное по городскимъ дѣламъ присутствіе переименовывалось въ областное по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіе. Оно должно было состоять подъ предсѣдательствомъ войскового наказнаго атамана, изъ старшаго помощника войскового наказнаго атамана по гражданской части, областного предводителя дворянства, управляющаго казенной палатой, прокурора Новочеркасскаго окружнаго суда, предсѣдателя областной земской управы, или замѣняющихъ ихъ по закону лицъ, непремѣннаго члена комитета по управленію г. Новочеркасскомъ и одного члена отъ областного земскаго собранія, избираемаго симъ послѣднимъ изъ членовъ областной управы или гласныхъ собранія и утверждаемаго въ должности министромъ внутреннихъ дѣлъ. Кромѣ того въ составъ присутствія входилъ городской голова того города, до котораго относилось назначенное къ обсужденію дѣло (§ 2).

Областныя земскія учрежденія приравнивались къ губернскимъ, а окружныя къ уѣзднымъ земскимъ учрежденіямъ, причемъ въ составъ окружныхъ земскихъ собраній обычнаго состава входили и гласные, избираемые станичными сборами.

Относительно Сальскаго округа введены были положенія, что въ немъ полагается лишь одно избирательное собраніе и одинъ избирательный съѣздъ. Въ Сальскомъ окружномъ земскомъ собраніи долженъ былъ предсѣдательствовать преводитель дворянства I-го Донского округа.

Количество земли, дающее право на непосредственное участіе въ избирательныхъ собраніяхъ опредѣлено было въ 200 дес.

Окружные гласные отъ станицъ должны были избираться на станичныхъ сборахъ изъ числа всѣхъ членовъ даннаго станичнаго общества, по одному отъ станицы. Крупнѣйшія станицы избирали по второму гласному. Какія именно — долженъ былъ опредѣлить областной комитетъ по введенію земства, позже это право переходило къ областному земскому собранію (§ 7).

Устанавливался нѣкоторый контроль атамана за казачьими выборами. А, именно, «приговоры станичныхъ сборовъ объ избраніи земскихъ гласныхъ отъ станицъ, а также заявленія частныхъ лицъ о неправильностяхъ, допущенныхъ на этихъ сборахъ, должны были представляться войсковому наказному атаману, который, усмотрѣвъ изъ представленнаго ему выборнаго производства существенныя нарушенія законнаго порядка при выборахъ или получивъ о томъ заявленіе, передаетъ дѣло на разрѣшеніе областного по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія.

Согласно § 10, кромѣ лицъ, указанныхъ въ Земскомъ Положеніи, не могли на Дону участвовать въ выборахъ гласныхъ — совѣтники областного правленія, начальникъ штаба войска Донскаго и его помощникъ, окружные атаманы и окружные начальники, а также ихъ помощники. Но законъ не отстранялъ отъ выборовъ т. наз. засѣдателей, соотвѣтствовавшихъ становымъ приставамъ россійскихъ губерній.

Интересы войсковой администраціи обезпечивались введеніемъ представителей войска, по назначенію войскового начальства, въ рядъ учрежденій, по одному на учрежденіе, а именно: въ окружныя земскія собранія, въ областное собраніе; въ областную и окружныя оцѣночныя коммиссіи (§§ 11, 13, 23, 24). Кромѣ того, въ Черкасскомъ окружномъ земскомъ собраніи долженъ былъ участвовать и непремѣнный членъ комитета по управленію г. Новочеркасскомъ.

На исполнительныя должности по земству, кромѣ лицъ, означенныхъ въ 79 и 115 Полож. о губ. и уѣзд. зем. учр., допускалось избраніе, большинствомъ не менѣе двухъ третей присутствующихъ въ собраніи, также лицъ, не имѣющихъ имущественнаго ценза, но получившихъ высшее или среднее образованіе, если лица эти проживаютъ не менѣе одного года въ предѣлахъ области или округа, по принадлежности, и удовлетворяютъ прочимъ, установленнымъ для занятія этихъ должностей, условіямъ (§ 14).

Помимо потребностей обычно удовлетворяемыхъ за счетъ денежныхъ земскихъ повинностей, на Дону были отнесены къ нимъ еще и слѣдующія: 1) содержаніе мировыхъ судебныхъ установленій; 2) содержаніе окружныхъ опекъ; 3) отопленіе и освѣщеніе карауленъ при пороховыхъ паркахъ въ окружныхъ станицахъ; 4) отпускъ дровъ и соломы для артиллерійскихъ

батарей и прочихъ казачьихъ частей во время сбора для практическаго ученія; 5) участіе въ призрѣніи семействъ казаковъ, призываемыхъ въ военное время на дѣйствительную службу, и семействъ казаковъ, поступившихъ на службу въ военное ополченіе (Св. Зак., т. IV, Уст. Воин. Пов., ст. 38); 6) пособіе государственному казначейству на содержаніе трехъ низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ и школы по виноградарству и винодѣлію, всего въ суммѣ 12.000 руб. въ годъ, и 7) пособіе государственному казначейству на содержаніе Донского сельско-хозяйственнаго училища въ суммѣ 12.500 руб. годъ (§ 15).

Войсковыя и станичныя земли облагались земскимъ поземельнымъ сборомъ на общемъ основаніи. Однако, не подлежали обложенію сборомъ на земскія повинности, сверхъ указанныхъ въ ст. 47—55 Устава о Зем. Повин. (1909 г.) слѣдующія недвижимыя имущества: 1) войсковыя земли, отведенныя для довольствія лошадей Донской артиллеріи, а также для сбора казачьихъ полковъ и командъ, выходящихъ на службу и на практическое ученіе; 2) войсковыя земли, отведенныя войсковому Провальскому заводу; 3) юртовыя (станичныя) земли, отведенныя для станичныхъ конноплодовыхъ и строевыхъ табуновъ; 4) войсковыя зданія и части ихъ, занятыя безплатно правительственными учрежденіями и казармами или ихъ управленіями, и 5) водопроводныя сооруженія, принадлежащія окружнымъ станицамъ и содержимыя на средства сихъ станицъ (§§ 16 и 17).

Согласно § 18-му, денежные земскіе сборы съ земель станичныхъ обществъ должны были уплачиваться этими обществами изъ собственныхъ ихъ средствъ. Такимъ образомъ, внѣшне, законопроектъ 1912 г. устанавливалъ то-же положеніе, что и сепаратный законъ о донскомъ земствѣ 1875 г., столь непонравившійся казакамъ, именно, изъ за этой статьи. Однако, какъ мы видѣли выше, войско должно было субсидировать станицы, именно, для оплаты сборовъ съ земель. Законопроектъ устанавливалъ обязательность земскихъ сборовъ въ порядкѣ обезпеченія, установленнаго статьями 695 и 696 Положенія объ общ. упр. станицъ 1891 г. (Св. Зак., т. II, 1903). Казачьи станичныя общества должны были нести натуральныя земскія повинности на одинаковыхъ основаніяхъ съ сельскими обществами (§§ 19, 20).

На окружныя земскія собранія возлагалось производство выборовъ мировыхъ судей и засѣдателей окружныхъ опекъ, а также непремѣнныхъ членовъ окружныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Выборы непремѣннаго члена областного по крестьянскимъ дѣламъ присутствія возлагались на областное земское собраніе (§ 22).

Принадлежащія войску Донскому имущества, подлежащія оцѣнкѣ, должны были оцѣниваться на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и недвижимыя имущества частныхъ владѣльцевъ.

Соотвѣтственно положенію 1890 г., вмѣсто съѣздовъ окружныхъ землевладѣльцевъ и городскихъ избирателей (торговаго сословія) вводились законопроектомъ 1912 г. два избирательныхъ собранія, причемъ въ первомъ должны были участвовать дворяне потомственные и личные, а во второмъ всѣ прочіе избиратели, кромѣ лицъ крестьянскаго сословія и представителей отъ станицъ, а также представители юридическихъ лицъ.

Съѣзды для выбора гласныхъ отъ сельскихъ обществъ были отмѣнены. Избраніе гласныхъ отъ сельскихъ обществъ предоставлено волостнымъ сходамъ, причемъ положенный росписаніемъ комплектъ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ изъ числа избранныхъ долженъ былъ утверждаться наказнымъ атаманомъ, который долженъ былъ опредѣлять и очередь вступленія и остальныхъ избранныхъ лицъ въ случаѣ выбытія утвержденныхъ до окончанія трехлѣтія.

Чтобы яснѣе представить земскую «избирательную географію», ниже мы даемъ расписаніе числа гласныхъ областного и окружныхъ земскихъ собраній по проекту 1912 г.

Названіе округовъ	Число гласныхъ въ окружныхъ земскихъ собраніяхъ					Число гласныхъ въ областномъ земскомъ собраніи
	Отъ перваго собранія	Отъ второго собранія	Отъ станичныхъ обществъ	Отъ сельскихъ обществъ	Итого	
Черкасскій	9	5	18	3	35	6
I-й Донской	5	3	25	3	36	6
II-й Донской	4	3	26	3	36	6
Донецкій	11	4	20	5	40	10
Усть-Медвѣд.	5	3	25	3	36	6
Хоперскій	6	3	25	2	36	6
Ростовскій	15	14	2	6	37	7
Таганрогск.	18	10	2	10	40	10
Сальскій	—	1	15	3	19	3
	73	46	158	38	315	60

Не менѣе интересной является сравнительная таблица числа земскихъ гласныхъ по положенію 1875 г. и по донскому законопроекту 1912 года, показывающая измѣненія, внесенныя донскими депутатами, сообразно съ требованіями казаковъ, «хозяевъ края».

Сравнительная таблица общаго числа окружныхъ гласныхъ отъ разныхъ группъ населенія Области Войска Донскаго

По положенію о донскомъ земствѣ 1875 года			По думскому законопроекту 1912 года		
Отъ какой части населенія	Число окружн. земскихъ гласныхъ	% отнош. къ общему числу гласныхъ	Отъ какой части населенія	Число окружныхъ гласныхъ	% отнош. къ общему числу гласныхъ
Землевладѣльцевъ и торговаго сословія	134	44,53	Отъ I-го избир. собранія	73	37,75
			— II-го избир. собранія	46	
				119	
— Станичнаго казач. населенія	127	42,19	— станичныхъ обществъ	158	50,15
Сельскихъ обществъ	40	13,28	— сельскихъ обществъ	38	12,10
Всего по области	301	100,00	Всего по области	315	100,00

Изъ этой таблицы мы видимъ, что общее число гласныхъ было увеличено на 14 чел. (вмѣсто 301—315 гласныхъ). Число гласныхъ отъ сельскихъ обществъ было урѣзано на 2 человѣка (38 ч. вмѣсто 40), или — что то-же — упало съ 13,28% общаго числа до 12,10% окружныхъ гласныхъ. Представители станичнаго казачьяго населенія, составлявшіе въ 1876—1882 г. г. значительное меньшинство (42,19%), превратились теперь въ большинство, не очень значительное (50,15%). Землевладѣльцы и торговцы потеряли около 7% (ранѣе 44,53% общаго числа, въ 1912 г. — лишь 37,75%). Донскіе дворяне и донскіе казаки получили значительное большинство надъ остальными сословіями края (73 158 231 голосъ изъ 315-ти). Такимъ образомъ, потомкамъ завоевателей края и основателей Войска было обезпечено 73,33% всѣхъ голосовъ. Между тѣмъ, войсковое сословіе не превышало уже 45% населенія Донскаго края .

Согласно думскому законопроекту донское земство должно было воскреснуть 1 янв. 1913 г. Однако, III Дума дожила до конца своихъ полномочій, а Государственный Совѣтъ не удосужился разсмотрѣть переданный ему думскій законопроектъ. Донъ продолжалъ оставаться безъ всякаго мѣстнаго предста-

вительства, съ разъединенными и враждующими классами и сословіями, подъ управленіемъ военной администраціи.

Глава LI.

Результаты дѣятельности III-ей Думы въ отношеніи Дона и казачества. Выборы и составъ донскихъ депутатовъ въ IV-ой Думѣ. Законопроекты донскихъ депутатовъ.

Въ послѣдній разъ за время своего существованія Государственная Дума III-го созыва вернулась къ вопросу о Донѣ и казачествѣ въ связи съ обсужденіемъ бюджета на 1912 годъ. Смѣта Главнаго Штаба обсуждалась въ засѣданіи 8-го мая 1912 г. Докладчикъ бюджетной коммиссіи Воейковъ внесъ отъ имени коммиссіи снова пожеланія о скорѣйшемъ введеніи самоуправленія въ казачьихъ областяхъ, а также о прекращеніи пользованія Задонской степью для частнаго коннозаводства .

Харламовъ отмѣтилъ, прежде всего, молчаніе представителя министерства по вопросу о казачествѣ и о Донѣ. Затѣмъ онъ указалъ, что «въ отношеніи казачьихъ областей Военное Министерство взяло на себя какъ бы монополію законодательствованія и улучшенія ихъ жизни, и переступило границы, поставленныя ему Основными Законами и правилами 24 авг. 1909 г., кои были изданы въ развитіе и разъясненіе ст. 96 Зак. Осн.» Харламовъ подтверждалъ это не только текстомъ закона, но и многочисленными примѣрами. Ст. 5 правилъ 24 авг. 1909 г. предписывала направлять въ общемъ законодательномъ порядкѣ законодательныя дѣла, касающіяся гражданскаго управленія казачьихъ войскъ и подвѣдомственныхъ военному министру областей, если сіи дѣла не относятся къ устройству вооруженныхъ силъ Имперіи и къ управленію ими. Харламовъ указывалъ, что Военный Совѣтъ продолжалъ законодательствовать по чисто гражданскимъ дѣламъ казачьихъ областей, несмотря на ясный текстъ закона и существованіе законодательныхъ учрежденій (Думы и Совѣта). Такъ, журналомъ 20 авг. 1909 г. было измѣнено приложеніе къ ст. 687 Учр. Гражд. Упр. Казак., расписаніе низшаго размѣра годового жалованья станичныхъ атамановъ. Военный Совѣтъ учреждалъ, помимо Думы, должности помощника наказнаго атамана, совѣтника войскового правленія, дѣлопроизводителей и, даже, фельдшерицъ-акушерокъ. Такимъ образомъ, даже фельдшерицы-акушерки входили въ область военнаго законодательства.

«Въ отношеніи казачьихъ войскъ это широкое и распространительное толкованіе ст. 96-й, — заявлялъ Харламовъ, — дѣлаетъ рѣшеніе гражданскихъ и экономическихъ вопросовъ жизни казаковъ какъ бы висящимъ въ воздухѣ». Помимо параллельнаго законодательствованія Военнаго Совѣта, Харламовъ отмѣчалъ, и то, что военное министерство осталось глухо къ пожеланіямъ Государственной Думы, которыя дѣлались 5 лѣтъ. Не только военное министерство не внесло ни одного законопроекта само, но и думскіе законопроекты встрѣчались со стороны его «систематической обструкціонной политикой».

Единственные законопроекты военнаго министерства по казачьимъ дѣламъ касались субсидій войсковымъ капиталамъ. Но, вопреки думскимъ пожеланіямъ, министерство ничего не дѣлало для дѣйствительнаго улучшенія благосостоянія казачества. «Наконецъ, это заставило не только коммиссію Думы, но и коммиссію Совѣта поставить на очередь вопросъ — нельзя же все время разрѣшать казачій вопросъ субсидіями и пособіями войсковому капиталу... нужно представить казачій вопросъ законодательнымъ учрежденіямъ во всей широтѣ и полнотѣ.» Но въ этомъ отношеніи, «военное министерство, кромѣ благихъ пожеланій и полной готовности на словахъ ровно ничего не сдѣлало».

Обращаясь къ войсковому капиталу, на который военное министерство слагало всѣ заботы и всѣ расходы, Харламовъ съ негодованіемъ указывалъ, что за послѣднія десятилѣтія министерство упорно старалось превратить войсковой казачій капиталъ въ войсковой государственный, иначе казенный капиталъ. «Въ своихъ замѣчаніяхъ военное министерство пишетъ, что высшее распоряженіе этимъ достояніемъ, обезпечивающимъ несеніе казаками лежащихъ на нихъ обязанностей, должно по прежнему принадлежать Военному Совѣту и подчиненнымъ военному министерству мѣстнымъ войсковымъ органамъ».

Напомнивши, что по Положенію 1835 г. войсковой капиталъ былъ казачьимъ, Харламовъ разсказалъ, какъ постепенно штатные расходы станичныхъ обществъ были сняты съ войскового капитала, и доля казаковъ въ питейныхъ доходахъ была уничтожена. Сдѣлано было «подъ вліяніемъ войсковыхъ атамановъ, заявлявшихъ, что казаки живутъ очень богато, владѣютъ въ непомѣрномъ количествѣ землями, рыбными ловлями и другими угодьями, и что они сами отлично могутъ выносить на своихъ плечахъ тѣ обязанности, въ выполненіи которыхъ войсковой капиталъ обязанъ имъ по закону приходить на помощь». При атаманѣ Чертковѣ войсковой капиталъ смѣшанъ былъ съ вспомогательнымъ, назначеніе котораго заключается въ выдачѣ жалованья льготнымъ офицерамъ и пенсій офицерамъ и чиновникамъ Войска.

Харламовъ указывалъ, что войсковой капиталъ несетъ такія траты, которыя никоимъ образомъ войсковыми, каза-

чьими, мѣстными, не могутъ быть названы, которыя во всей остальной Имперіи всецѣло и цѣликомъ ложатся на средства общегосударственныя. Войсковой капиталъ содержитъ и Войсковой Штабъ, и артиллерію съ жалованіемъ и довольствіемъ, казаковъ съ покупкою и содержаніемъ лошадей и т. п.; онъ содержитъ арсеналы, склады оружія, оружейныя мастерскія, мѣстныя войска, мѣстныя команды (340.000 руб.); льготныя строевыя части и учебные сборы (647.000 руб.); военно-учебныя заведенія, юнкерскія училища, фельдшерскую и военно-ремесленныя школы и т. п. Далѣе, войсковой капиталъ несетъ на себѣ и все управленіе областью — гражданское и полицейское. И, если ранѣе расходъ по управленію возлагался на войсковой капиталъ въ законодательномъ порядкѣ Государственнымъ Совѣтомъ, то, при Думѣ, это стало дѣлаться простымъ постановленіемъ Военнаго Совѣта, высочайше утверждаемымъ.

«Или казачьи войска и казачьи области нужны государству, — восклицалъ Харламовъ, — и тогда государство и государственныя учрежденія должны принять всѣ мѣры къ тому, чтобы эти казачьи войска экономически не обнищали, не одичали и не вырождались, потому что этого грознаго явленія замалчивать нельзя... или, если вамъ казачьи войска не нужны, вы такъ и скажите прямо, а не заставляйте казачье войско биться въ судорогахъ послѣдняго издыханія». Способъ разрѣшенія казачьяго вопроса, по мнѣнію Харламова, заключался въ томъ, что-бы «затраты общегосударственнаго характера были сняты съ войскового капитала и переложены на средства общегосударственныя, а средствами войскового капитала должны быть удовлетворяемы неотложныя нужды культурнаго и экономическаго характера казачьихъ войскъ...» «Сейчасъ, изъ вольной казачьей общины, отстаивавшей и расширявшей границы государства, что сдѣлало военное вѣдомство? Аракчеевскія военныя поселенія. Оно такъ и говоритъ въ своихъ объясненіяхъ неоднократно, что это военное поселенное войско, — оно изъ казачьяго войска дѣлаетъ огромную казарму...»

«Всякое мѣропріятіе, направленное къ поднятію культурнаго и экономическаго положенія казаковъ» встрѣчается съ заявленіемъ, что «эта мѣра расказачитъ, обмѣщанитъ казаковъ». Но «исконнымъ вѣковымъ правомъ казачества было полное самоуправленіе. Теперь этого самоуправленія казачьи войска лишены совершенно... Военная дисциплина, которая ставится военною властью превыше всякихъ соображеній и всякихъ интересовъ жизни, главенствуетъ и направляетъ всю жизнь казачества съ дѣтства и до могилы...» Сажаютъ подъ арестъ 50-лѣтнихъ стариковъ, не отдавшихъ чести проходившему (окружному) атаману. «Такими мѣрами военныя власти воспитываютъ казачество, стараются въ немъ сохранить духъ.

Нѣтъ, я скажу, казачество сильно свободой внутренней самостоятельности и ею оно воспиталось...» Въ лучшемъ случаѣ правительство сохраняетъ только матеріалъ для формированія казачьихъ войскъ. Но мельчаетъ народъ, не хватаетъ лошадей. Сто лѣтъ назадъ казачество оказало подвиги въ Отечественную войну. «Боюсь, что, когда 50% слишкомъ казаковъ не имѣютъ способности снарядиться на свой счетъ, вы на такую помощь разсчитывать не можете, вы такую помощь едва ли получите въ будущемъ...»

Немедленно-же было внесено обычное предложеніе о прекращеніи записи ораторовъ, противъ чего рѣзко протестовалъ забайкалецъ Войлошниковъ, заявляя, что это намѣренное, въ теченіе 5 лѣтъ, замалчиваніе казачьяго вопроса III Думой учтется всѣми казачьими войсками и страной. Затѣмъ успѣлъ высказаться Пырковъ, доказывавшій незакономѣрность и нецѣлесообразность дѣйствій Военнаго Совѣта, который — помимо Думы и Совѣта — положеніемъ 1908 года, вопреки закону, упразднилъ границу между владѣніями уральскихъ и илецкихъ казаковъ. Подробно излагалъ Пырковъ, какую обструкцію устраивало— военное министерство въ вопросѣ о земствѣ. «Нѣтъ, — восклицалъ онъ, — казаки уже не дѣти и давно перестали играть въ свои историческія бирюльки... Пора давно измѣнить тотъ взглядъ, что казакъ-неучъ, казакъ-дикарь есть лучшій воинъ, чѣмъ воинъ культурный...» Политика Военнаго Министерства оцѣнена казачествомъ, и «называется она не оказачиваніемъ, а околпачиваніемъ...» Большую рѣчь о земельномъ вопросѣ въ Терской области сказалъ Лисичкинъ, указавшій, между прочимъ, «громадный наплывъ въ казачьи станицы иногородныхъ...» «Ихъ свыше 50%... и земли на территоріи казаковъ уплываютъ въ руки иногородныхъ, такъ какъ на нихъ распространено дѣйствіе (Крестьянскаго) Земельнаго Банка, а на казаковъ не распространяется». Интересное замѣчаніе сдѣлалъ ораторъ о необходимости земства «состоящаго изъ отдѣльныхъ народностей, заселяющихъ Терскую область, которыя составляли-бы особыя земскія единицы, въ видѣ уѣздныхъ земствъ. Такимъ образомъ, получатся особыя куріальныя земства: казачье, чеченское, кумыкское, осетинское, карабдинское, караногайское и ингушское. Для общихъ вопросовъ учредить особое Областное земское присутствіе, въ которое должны входить представители отъ всѣхъ этихъ народностей: отъ русскаго населенія, отъ нѣмецкихъ колоній, отъ землевладѣльцевъ, представители туземцевъ и казенныхъ учрежденій. Кругъ вѣдѣнія Областного присутствія долженъ быть строго опредѣленъ и урегулировано примѣненіе вотума большинства, чтобы не придавить этимъ какую либо изолированную народность...»

Этотъ проектъ очень интересенъ, какъ попытка терскаго казачества еще до революціи мирно разрѣшить національный

вопросъ путемъ созданія самоуправленій на національно-территоріальной основѣ.

Дума сократила рѣчи ораторовъ до 10 минутъ, причемъ Войлошниковъ назвалъ это предложеніе безстыднымъ. Бардижъ (куб.) отмѣтилъ отношеніе Думы къ казакамъ. «Когда выходитъ казакъ на трибуну, то вездѣ и всюду слышится: идетъ плакать, идетъ просить...» При голосованіи о сокращеніи преній съ правой стороны сказали: «вѣдь, достаточно Харламовъ вышлакался и все мы знаемъ...»- Бардижъ доказывалъ, что Дума не знаетъ, «какую громадную повинность несетъ казачество и натурой, и деньгами; какую-бы колоссальную сумму пришлось государственному казначейству принять на себя, если бы было уничтожено казачество...» У казаковъ отняли льготы: торговлю, винокуреніе, распоряженіе землей, и все продолжали утверждать, что благодѣтельствуютъ казачество. Зачисляютъ войсковой капиталъ въ казенный, и уже говорятъ: «казачество не сословіе... это есть государственное установленіе и, какъ установленію, конечно, земля не принадлежитъ ему, какъ собственнику...» «Ясно, что при первомъ заявленіи казаковъ о невозможности нести службу, намъ скажутъ: ну что-же, нѣтъ вамъ и земли, она — вѣдь казенная...» Бардижъ отмѣчалъ, что, встрѣчая «дисциплину» въ области гражданской и экономической жизни, казакъ начинаетъ ее ненавидѣть и въ военной. И въ этомъ громадная опасность, подлинное расказачиваніе. По поводу отпусковъ Бардижъ замѣтилъ, что «коммиссія дала право пользоваться отпусками только тѣмъ казакамъ, которые никогда не служили, никакихъ отношеній къ государственной службѣ не имѣли. Остальные казаки, уже отслужившіе, переведенные уже въ запасъ, отпусками пользоваться не будутъ. Это значитъ, что казака связываютъ по рукамъ и ногамъ въ его экономической борьбѣ...» «Очень жаль, — закончилъ Бардижъ, — что намъ не даютъ выяснить, хотя-бы въ короткихъ словахъ, наше положеніе».

Шеметовъ (оренбург.) просто отказался изложить въ 10 минутъ то, что надо было сказать объ итогахъ 5-лѣтней работы казачьихъ представителей. Главный выводъ рѣчи Войлошникова, прерывавшейся правыми, былъ тотъ, что «чѣмъ скорѣе мы (казаки) перейдемъ въ гражданское сословіе, тѣмъ менѣе мы принесемъ съ собой въ страну нищихъ людей...»

Докладчикъ бюджетной коммиссіи Воейковъ 2-й, въ лицемѣрной рѣчи обвинялъ казачьихъ депутатовъ въ томъ, что они сами виноваты, ибо не вносили нужныхъ законопроектовъ, утверждалъ, жалобы «на обнищаніе казачьяго войска и на то, что къ этому приводитъ опека военнаго вѣдомства, которая, яко-бы, поддерживается Гос. Думой, должны отпасть», такъ какъ государственное казначейство, въ 1912 г., даетъ пособія —

Донскому войску — 312.000 руб., Уральскому — 196.000 руб., Оренбургскому — 115.000 руб. и т. д.

Вишневскій (Курск. губ.) почувствовалъ неловкость отъ утвержденій Воейкова и внесъ пожеланіе, которое затѣмъ и принята было Думою, о томъ, «чтобы военное вѣдомство безотлагательно озаботилось выясненіемъ причинъ упадка благосостоянія казачьихъ войскъ и приняло всѣ мѣры къ поднятію его».

Бардижъ, возражая докладчику, указалъ, что ни одно изъ пожеланій, внесенныхъ въ Думу 5 лѣтъ назадъ, не было осуществлено министерствомъ. И не министерство, а «одни донскіе депутаты провели, да и то только потому, что оно было уже совершенно готово, положеніе о земствѣ, и провели его въ качествѣ вермишели; боялись даже слово сказать, чтобы не провалилось...» «Не на путь пособій становиться надо, а на путь... коренного пересмотра всего положенія о казакахъ...» Внесенное казаками законодательное предложеніе относительно измѣненія порядка наряда казаковъ на службу было положено подъ сукно, а вопросъ объ избавленіи казаковъ отъ обязанности во 2-й очереди держать лошадей встрѣтилъ самое непріязненное отношеніе, и казачьи депутаты вынуждены были его не возбуждать. «Мы, — заключалъ Бардижъ, — не могли ничего сдѣлать, такъ какъ видѣли противодѣйствіе и большинства Думы и Военнаго Министерства...»

Правый депутатъ Володимеровъ (Орл. губ.) выступилъ внезапно на защиту Донского войска. «Донское казачье войско, — заявилъ онъ, — есть военное сословіе, въ теченіе столѣтій выработавшее свой особый укладъ жизни...» «Вводить бюрократизмъ военный... нужно бы съ крайней осторожностью... За послѣдніе десятки лѣтъ видно неуклонное расказачиваніе Донскаго войска мѣрами, исходящими изъ Петербурга, мѣрами военнаго канцеляризма...», расказачиваніе «чисто нравственное...» «Скажите, когда на вашей памяти, г. г., войсковымъ наказнымъ атаманомъ войска Донскаго былъ казакъ? Кто угодно былъ атаманомъ, только не казакъ!... Знаютъ-ли казаковъ тѣ нѣмцы и шведы, которые изображаютъ собой атамановъ?!...» Володимеровъ желалъ назначенія на Донъ атаманомъ природнаго казака, объ избраніи-же атамана самими казаками, о возрожденіи Войскового Круга, онъ и не заикался.

Чиновники министерства, — продолжалъ Володимеровъ, — «берутся за дѣло, котораго не знаютъ и, какъ кажется, не хотятъ знать. Результаты самые плачевные. Мы переходимъ уже съ бюрократизаціи казачьяго управленія къ обращенію рыцарскаго сословія воиновъ-государственниковъ въ интеллигентную слякоть, мы хотимъ замѣнить духъ рыцарскій, духъ воинственности среди казаковъ интеллигентными идеалами тѣхъ

господъ, якобы казаковъ, которые здѣсь говорили. Г. г., вѣдь это гибель казачества!...»

Помимо назначенія атамана изъ казаковъ, Володимеровъ хотѣлъ, чтобы министерство «меньше вмѣшивалось въ жизнь и бытъ казаковъ», отдало казакамъ ихъ земли, устроило «правильное заселеніе излишнимъ приростомъ населенія другихъ окраинъ, дало на новыхъ мѣстахъ Донскому казачеству сослужить свою историческую службу, которую оно начало нести на Дону еще тогда, когда Донская область была окраиной».

Такимъ образомъ, правые стояли за сохраненіе сословной замкнутости казачества, какъ служилаго сословія, за выселеніе излишковъ казачьяго населенія, если не всего Донского казачьяго войска на новыя окраины и т. под. Казачьихъ-же депутатовъ, выдвигавшихъ проекты земства, мирнаго размежеванія, сожительства и сотрудничества казаковъ и другихъ сословій и національностей, правые называли «интеллигентной слякотью». Казаки, созданные реформами Николая I (1835) и Александра III, казаки, защищающіе самодержавіе и ломѣщиковъ (1905) были наиболѣе пріятны правымъ. Почти ни одна изъ реформъ, предложенныхъ казачьими депутатами, не была принята III Думой; то-же, что прошло черезъ Думу, застряло безнадежно въ Государственномъ Совѣтѣ.

III-я Дума неоднократно выражала пожеланіе о скорѣйшей передачѣ учрежденій гражданскаго характера въ казачьихъ войскахъ въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ. Но на Дону уже стали отчаяваться въ успѣхѣ этихъ пожеланій Государственной Думы. Очередное собраніе донского дворянства 1913 года постановило ходатайствовать о передачѣ гражданскихъ учрежденій края въ министерство внутреннихъ дѣлъ, причемъ сдѣлать это непосредственно предъ Государемъ, минуя военнаго министра. Но и это заявленіе не имѣло никакого практическаго результата.

Выборы въ IV-ую Государственную Думу ознаменовались на Дону еще большимъ, чѣмъ въ предыдущія избирательныя кампаніи, давленіемъ администраціи на выборы. Мобилизовано было духовенство, которому удалось, впрочемъ, провести всего 14% общаго числа выборщиковъ (13 ч. изъ 96 выб.), тогда какъ по другимъ губерніямъ процентъ этотъ достигалъ 76%. Были отмѣнены безъ дальнѣйшаго новаго производства выборы: по 1-му съѣзду городскихъ избирателей г. Новочеркасска и Черкасскаго округа въ составѣ 4-хъ выборщиковъ (3 кадетовъ, въ томъ числѣ быв. члена 3-й Думы Захарьева, и 1 прогрессиста) и по съѣзду землевладѣльцевъ Усть-Медвѣдицкаго округа въ составѣ 7 выборщиковъ (въ томъ числѣ 5 прогрессистовъ). Кромѣ того исключено 2 выборщика отъ съѣздовъ уполномоченныхъ отъ казачьихъ станицъ (въ ихъ числѣ быв. членъ 2-й Думы И. И. Ушаковъ). Опротестованы наказнымъ атаманомъ въ «порядкѣ надзора», выборы по двумъ от-

дѣленіямъ 2-го съѣзда городскихъ избирателей Сальскаго округа, т. е. отстранено еще 3 прогрессивныхъ выборщика. При этомъ протесты администраціи приносились не вслѣдъ за выборами, а спустя значительный промежутокъ времени. Одному лишь Воронкову удалось возстановить свои права за одинъ часъ до выборовъ въ Думу.

Несмотря на всѣ усилія администраціи результаты выборовъ превзошли всѣ ожиданія. Впервые Донъ не послалъ въ Думу никого, правѣе прогрессистовъ. Изъ послѣднихъ было три человѣка, отъ рабочихъ прошелъ одинъ с.-д., остальные 8 депутатовъ были к.-д.

Въ члены IV-й Государственной Думы попали по большей части лица, представлявшія Донъ и въ Думѣ предшествовавшихъ созывовъ. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ надо назвать В. А. Харламова, члена всѣхъ трехъ Думъ. Въ партійномъ отношеніи донскіе депутаты распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: М. С. Аджемовъ (чл. 2-й и 3-й Думы); А. Г. Афанасьевъ (представитель отъ крестьянъ, чл. 2-й Думы); М. С. Воронковъ (чл. 2-й и 3-й Думы); В. А. Харламовъ; впервые избранные: мировые судьи А. П. Савватѣевъ и Ф. В. Черячукинъ; преподаватель Новочеркасскаго Политехникума, инж. Ю. М. Лебедевъ и учитель, частный повѣренный, А. А. Назаровъ, — всѣ восемь человѣкъ принадлежали къ партіи к.-д. И. Н. Ефремовъ (чл. 1-й и 3-й Думы) и впервые избранные: представитель отъ казачьей куріи, станичный атаманъ Е. Д. Логвиновъ, и представитель нѣмецкихъ колонистовъ, І. И. Циммеръ, землевладѣлецъ, собственникъ, — принадлежали къ партіи прогрессистовъ. И, наконецъ, представитель отъ рабочей куріи И. Л. Туляковъ, рабочій Сулинскаго завода, былъ членомъ россійской соц.-демок. рабочей партіи.

Не безполезно отмѣтить, что выборщики отъ нѣмцевъ-колонистовъ явились группою, склонившей побѣду на областномъ избирательномъ собраніи въ пользу лѣвыхъ.

Наказный атаманъ дополнительно сообщилъ Думѣ, что часть членовъ Думы отъ Дона была исключена изъ списка выборщиковъ и привлечена къ уголовной отвѣтственности по окончаніи производства выборовъ. Дума не согласилась съ атаманомъ.*) Дѣло шло о депутатѣ Воронковѣ, котораго администрація исключала изъ списковъ выборщиковъ п о с л ѣ избранія его въ Думу, и о станичномъ атаманѣ станицы Константиновской Логвиновѣ, котораго администрація, также послѣ выборовъ въ Думу, привлекла по 362 ст. Уложенія о наказ.

Кромѣ донцевъ, представителями казачества въ IV Думѣ были депутаты: войска Кубанскаго — К. Л. Бардижъ, к.-д.; Терскаго — М. А. Карауловъ, примык. къ прогрессистамъ;

*) «Обзоръ дѣят. комм.», 4-й соз., 1-я сессія, с. 479—480.

Уральскаго — Ф. А. Ефремовъ, к.-д.; Забайкальскаго — С. А. Таскинъ, к.-д.; Оренбургскаго — М. И. Канашевъ, прогресс.; Астраханскаго — И. К. Ерымовскій, примыкающій къ прогрессистамъ; Амурскаго и Уссурійскаго — И. М. Гамовъ, к.-д.

Въ IV Думѣ казачьи депутаты образовали казачью группу, независимо отъ партійной принадлежности, и выступали довольно дружно съ рядомъ законопроектовъ. Законопроекты эти касались важнѣйшихъ для казачества вопросовъ: земли, самоуправленія и «образа служенія». Выработаны они были примѣнительно къ казачьимъ войскамъ, вообще, независимо отъ того, было-ли данное войско искони служилымъ, или-же превратилось въ таковое изъ населенія былой независимой республики (Донъ, Уралъ).

Однимъ изъ первыхъ законопроектовъ, внесенныхъ казачьей группой, былъ проектъ закона о защитѣ земель казачьей общины отъ захватовъ. 22 марта 1913 г. 32 депутата (почти всѣ донцы, и другіе казачьи депутаты) внесли законодательное предложеніе о нераспространеніи на казачьи земли дѣйствія земской давности. Представители искони служилыхъ казачьихъ войскъ съ основаніемъ ссылались на Уложеніе царя Алексѣя Михайловича: «Да и казакамъ своихъ казачьихъ вотчинныхъ земель никому не продавать и не сдавать».*) Донцы ссылались на высочайшія грамоты. Неприкосновенность земель казачьей общины подтверждалась и Положеніемъ 30 іюля 1835 г. «о благоустройствѣ казачьихъ селеній» (Св. Зак., т. XII, ч. II) и высоч. утвержденнымъ 29 апр. 1868 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта.

Ссылаясь на рядъ указовъ Правительствующаго Сената**), члены казачьей группы IV-й Думы оспаривали рѣшеніе Сената отъ 15 мая 1906 г. (*** Рѣшеніе это, примѣнявшееся уже втеченіе 7 лѣтъ, вопреки закону и многолѣтней предыдущей практикѣ Сената, отрицало за казачьими землями право давности.

Это новое толкованіе закона было усугублено разъясненіемъ Военнаго Совѣта,[1]) о томъ, что продажа въ казачьихъ войскахъ недвижимости можетъ быть производима общимъ порядкомъ законовъ гражданскихъ, — посредствомъ купчихъ крѣпостей, утверждаемыхъ старшими нотаріусами. И рѣшеніе 1906 г., и постановленіе Военнаго Совѣта 1910 г., наносили тяжкій ударъ земельнымъ правамъ казачества.

---

*) Ст. 50, гл. XVI, Уложенія 29 янв. 1649 г., П. С. З., т. I.

**) Указъ 15 іюня 1893 г., N 6477; 26 окт. 1894 г., N 11785; 16 мар. 1898 г., N 302; 1 іюня 1904 г., N 5366 и того же числа N 63676 рѣшеніе Сен. 1894 г., N 54; рѣшеніе Общ. Собр. Пр. Сен. 1896 г., N 14,

***) Напечат. въ Сборникѣ рѣшеній Общ. Собр. I и кассац. департ. Пр. Сен., 1908, N 43.

[1]) Выс. утв. положеніе Воен. Совѣта 2 мая 1010 г.

Депутаты предлагали дополнить томъ X Свода Законовъ новеллою 562: «Земли казачьихъ войскъ, какъ войсковыя, такъ и станичныя юртовыя, составляютъ неприкосновенную войсковую собственность и дѣйствію земской давности не подлежатъ ни въ цѣломъ, ни въ частяхъ».

Непосредственное отношеніе къ донской казачьей землѣ имѣлъ вопросъ о частномъ коннозаводствѣ, возникшій въ IV-й Думѣ въ связи съ внесенными въ нее правилами о ликвидаціи Донского частного коннозаводства въ западной части Задонской степи. Вопросъ этотъ былъ возбужденъ министерствомъ вовсе не въ интересахъ войска и казачества, а въ интересахъ коннозаводчиковъ.

На основаніи высочайше утвержденнаго 10 іюня 1901 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта западная часть Задонской степи была сдана въ аренду частнымъ коннозаводчикамъ на 12 лѣтъ, т. е. по 1 янв. 1913 г. Согласно условіямъ договора, коннозаводчики имѣли право еще втеченіе 3—5 лѣтъ ликвидировать свои заведенія на войсковой землѣ.

Между тѣмъ убыточность и несправедливость оставленія войсковой земли въ арендѣ у коннозаводчиковъ становилась положительно кричащей, яркой.

Въ 1913 г. казна уплачивала войску, въ возмѣщеніе потерь отъ частнаго коннозаводства, по 1,791.300 руб. такъ какъ коннозаводчики уплачивали Войску всего по 3 коп. за десятину. Между тѣмъ по арендным цѣнамъ 1909 г. войско теряло уже по 3,100.000 руб. въ годъ. Такимъ образомъ выходило, что каждая лошадь, поставляемая частными коннозаводчиками Задонской степи обходилась казнѣ въ 647 р. (при нормальной цѣнѣ ремонтной лошади въ 400 р.), а Войску, сверхъ того, въ 345 рублей каждая.

Бюджетная коммиссія III-ей Думы при разсмотрѣніи смѣты Главнаго Штаба на 1912 г., по требованію М. С. Аджемова, высказала пожеланіе о томъ, чтобы военнымъ вѣдомствомъ представленъ былъ законопроектъ о ликвидаціи Донского частнаго коннозаводства.

Вмѣсто этого военное министерство поступило какъ разъ наоборотъ: 17 янв. 1913 г. состоялось постановленіе Военнаго Совѣта о продленіи аренды Западной части Задонской степи до 1 янв. 1928 г., съ повышеніемъ лишь арендной платы съ 3 до 60 коп. за десятину. Но нѣкоторые коннозаводчики могли пожелать ликвидировать свои арендныя отношенія и свои заведенія. Въ ихъ-же интересахъ, министерство и внесло проектъ ликвидаціонныхъ правилъ въ Думу.

И въ IV-й Думѣ ея бюджетная коммиссія выразила пожеланіе о полной ликвидаціи Донского частнаго коннозаводства. Коммиссія по военнымъ и морскимъ дѣламъ, раздѣляя это пожеланіе, нашла, что аренда войсковой земли Донскаго войска на существовавшихъ тогда условіяхъ, помимо убыточ-

ности для государственнаго казначейства, была несправедлива въ отношеніи Донскаго войска, многія станицы коего давно уже нуждаются въ дополнительной прирѣзкѣ земли изъ войскового запаса. Коммиссія считала безусловно необходимымъ ликвидировать окончательно въ теченіе 1913—1915 г. г. частное коннозаводство въ западной части Задонской степи.*) Нужно-ли добавлять, что разразившаяся въ 1914 г. война остановила разрѣшеніе вопроса о частномъ коннозаводствѣ въ Задонской степи вплоть до революціи.

Слѣдующимъ большимъ вопросомъ, возбужденнымъ казачьими депутатами IV-й Думы, былъ вопросъ о самоуправленіи. Законодательное предложеніе объ устройствѣ мѣстнаго самоуправленія въ казачьихъ войскахъ, было внесено въ IV Думу 27 февраля 1913 г. Съ присоединившимися къ казачьимъ депутатамъ членами Думы подписалось подъ предположеніемъ 63 человѣка.

Законодательное предположеніе воспроизводило, до извѣстной степени, проектъ казачьей группы II-й Думы. Авторы проекта считали необходимымъ созданіе самоуправляющихся органовъ двухъ разрядовъ: 1) для управленія хозяйствомъ войсковымъ съ чисто-войсковымъ элементомъ, 2) общеземскаго, куда естественно могутъ входить, по общности интересовъ и пропорціонально заинтересованности въ ходѣ мѣстной жизни, и элементы инородческій и иногородній.

Кромѣ того, — писали авторы проекта, — «безсословность выборовъ въ органы мѣстнаго самоуправленія и отсутствіе ценза диктуются въ большинствѣ казачьихъ войскъ отсутствіемъ вообще сословій, а если имѣется привилегированный классъ офицеровъ и чиновниковъ, — процентъ его незначителенъ, и по вкоренившемуся въ самосознаніи казака и офицера понятію, въ вопросахъ, не относящихся къ военной службѣ, всѣ являются равноправными казаками...» О в с е с о с л о в н о с т и выборовъ и отсутствіи ценза для выборовъ въ земство казачьи депутаты ничего не говорили.

«Основныя положенія» проекта были слѣдующія:

1) Въ казачьихъ войскахъ всѣ дѣла хозяйственныя, культурныя и экономическія, въ каждомъ войскѣ въ отдѣльности, подлежатъ вѣдѣнію войскового круга (рады, съѣзда) и войскового хозяйственнаго правленія, за закономѣрностью постановленій которыхъ наблюдаетъ войсковой наказный атаманъ.

2) Войсковому кругу (радѣ, съѣзду) принадлежатъ функціи распорядительныя. Войсковому хозяйственному правленію принадлежатъ функціи исполнительныя.

---

*) «Обзоръ дѣят. комиссіи и отд.», 4-й соз., сессія I, 1912—1913, с. 130—131. Ср. также «Прилож. къ стен. отч.», N 336 (СПБ. 1913, вып. III).

3) Войсковой Кругъ (рада, съѣздъ) состоитъ изъ лицъ, избираемыхъ на станичныхъ сходахъ всѣмъ войсковымъ населеніемъ мужского пола, достигшимъ 25 лѣтняго возраста.

4) Предсѣдатель и члены войскового хозяйственнаго правленія избираются войсковымъ кругомъ (радой, съѣздомъ).

5) Въ зависимости отъ величины войскъ и мѣстныхъ условій учреждаются окружные съѣзды съ окружными хозяйственными правленіями.

6) Мелкой самоуправляющейся единицей являются станицы со станичными и поселковыми сборами, станичными и поселковыми правленіями. Станичныя и поселковыя правленія являются, въ то-же время, исполнительными органами общаго управленія по вопросамъ строевымъ и административно-полицейскимъ.

7) Наблюденіе за дѣятельностью низшихъ органовъ мѣстнаго самоуправленія въ кругѣ своего вѣдѣнія принадлежитъ войсковому кругу и войсковому хозяйственному правленію.

8) Въ тѣхъ казачьихъ областяхъ, гдѣ не представится возможности создать, наряду съ казачьими, также и органы мѣстнаго самоуправленія для инородческаго и иногородняго населенія, составъ органовъ самоуправленія можетъ быть смѣшаннымъ, но вопросы военно-хозяйственные и относящіеся къ области спеціально войсковыхъ капиталовъ и имуществъ должны подлежать рѣшенію выборныхъ только казачьяго населенія.*)

Такимъ образомъ, авторы проекта отрицали за администраціей право надзора за цѣлесообразностью постановленій Круга и право надзора за мѣстными органами самоуправленія по земскимъ дѣламъ. Проектъ, возстановлявшій право каждаго казака участвовать въ выборахъ, порывалъ, такимъ образомъ, съ ограниченіями, которыя были наложены на участіе въ общественномъ управленіи станицъ въ 1870 и 1891 г.г. (домохозяева, а затѣмъ лишь десятидворные). Имущественный цензъ и сословное раздѣленіе не существовали для лицъ «войскового сословія», и в н у т р и сословія.

Слѣдующіе два законопроекта касались военной службы казачества.

Законодательное предложеніе объ измѣненіи порядка наряда казаковъ на дѣйствительную службу было внесено въ IV-ую Думу 59 членами Думы 27 февр. 1913 г. Авторы предложенія справедливо указывали, что контингентъ новобранцевъ для всей Россіи устанавливается съ согласія Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. Къ казачьимъ-

*) «Приложеніе къ стен. отч. Г. Думы», 4-й созывъ, сессія 1, 1912—1913, в. II, N 168.

же войскамъ продолжаютъ примѣнять статью 483 Уст. Воин. Повинн., согласно которой размѣръ ежегоднаго по всему войску наряда казаковъ на дѣйствительную службу опредѣлялся, соображаясь съ дѣйствительной потребностью Военнымъ Министромъ.

Въ мотивахъ законопроекта о примѣненіи законодательнаго порядка къ нарядамъ казаковъ на службу, депутаты выразили недовольство наплывомъ крестьянъ въ казачьи области. «Въ то время, — писали они, — когда казакъ воевалъ, подъ его защитой земледѣлецъ-крестьянинъ, приходившій изъ отдаленныхъ губерній Россіи, распахивалъ свободныя казачьи поля. Съ наступленіемъ мирной жизни наплывъ земледѣльца-пахаря извнѣ и увеличеніе распашки съ одной стороны, съ другой — увеличеніе самого казачьяго населенія, показали казаку, что скотоводству уже нѣтъ мѣста, что оно не покрываетъ уже всѣхъ его потребностей, и казакъ вынужденъ былъ взяться за земледѣліе...»

Но центральная власть не помогла казаку перейти къ новой жизни, «не считается съ экономическимъ положеніемъ казака, а держится... за мысль: казакъ — хорошая готовая сила, и онъ долженъ служить на собственный счетъ. Борьбу-же, съ экономическою нуждой, во многихъ мѣстахъ уже наступившей, а въ общемъ неизбѣжно наступающей, предоставила исключительно слабымъ силамъ казака».

Казаки были увѣрены, что только представительныя учрежденія, при разсмотрѣніи вопроса о воинской повинности казаковъ, вполнѣ могутъ правильно оцѣнить степень дѣйствительной необходимости и степень возможности того или иного наряда, въ зависимости отъ экономическаго положенія казаковъ, только представительныя учрежденія могутъ точно опредѣлить границу напряженія населенія, за которой начинается разореніе пагубное для населенія и вредное для всего государства; только тогда казаки будутъ имѣть гарантіи, что военный министръ, видя излишекъ соотвѣтствующаго требованіямъ строевой службы населенія, не считаясь съ экономическимъ благосостояніемъ, не увеличитъ штата казачьихъ частей...»

Авторы законопроекта предлагали опредѣлять нарядъ законодательнымъ порядкомъ, по представленію Военнаго Министра, и объявлять высочайшимъ указомъ Сенату.

29 апр. 1923 г., за подписью 52 депутатовъ, внесено было въ Думу законодательное предложеніе объ измѣненіи порядка снабженія строевыхъ казачьихъ частей конскимъ составомъ. Авторы проекта предлагали, чтобы (§ 2) «казакъ при выходѣ на дѣйствительную военную службу имѣлъ собственное холодное оружіе, кромѣ пики, и мундирную одежду, по прибытіи же въ часть, получалъ на время службы коня съ сѣдломъ и прочимъ снаряженіемъ за счетъ войска, а пику, огнестрѣльное

оружіе, посильное и постельное бѣлье, провіантъ, фуражъ и всѣ прочіе виды натуральнаго довольствія за счетъ казны, по штатамъ, табелямъ и раскладкамъ, установленнымъ для регулярныхъ частей арміи».

Въ былыя времена, казакъ могъ отправляться въ походъ «на лыковыхъ стременахъ, на мочальныхъ подпругахъ», и возвращаться съ богатой добычей. Но въ XIX вѣкѣ введена была строгая регламентація статей и роста строеваго казачьяго коня», и безконечныя браковки конскаго состава стали приносить казачеству неисчисленные убытки. Авторы проекта подчеркивали, что «все казачье войско, какъ одна цѣлая община, является коллективнымъ собственникомъ всего войскового имущества и дѣйствительнымъ субъектомъ тѣхъ правъ и привилегій, о которыхъ говорятъ высочайшія грамоты».

Потому авторы проекта предлагали круговую поруку станичнаго общества за исправный выходъ казака на службу замѣнить круговой отвѣтственностью цѣлаго войска.

Глава LII.

Казачьи и донскія краевыя дѣла въ IV Думѣ. Донъ предъ революціей.

Характерной чертой русскаго лже-конституціонализма 1906—1917 г. г. была постоянная конкурренція законодательнымъ учрежденіямъ со стороны самыхъ разнообразныхъ административныхъ учрежденій. Въ отношеніи казачьихъ войскъ, съ Государственною Думою и Государственнымъ Совѣтомъ конкуррировалъ Военный Совѣтъ, продолжавшій параллельное законодательство по вопросамъ гражданской жизни казачества. Это было незаконно не только по существу, но и по формѣ.

Между III-й и IV Думой, съ одной стороны, и Главнымъ Управленіемъ казачьихъ войскъ, съ другой стороны, все время шла борьба, ибо военное министерство, ссылаясь на положеніе 24 авг. 1909 г. вносило законопроекты, касавшіеся казачьихъ войскъ по ст. 96, а Дума отсылала ихъ обратно для внесенія въ порядкѣ ст. 86 Осн. Законовъ, ибо всѣ эти законопроекты касались «интересовъ всего казачьяго населенія войска, а не того лишь его состава, который входитъ въ дѣйствующую армію».*) Сущность спора заключалась въ слѣдующемъ.

Желая обезпечить старый порядокъ въ управленіи казачьими войсками Совѣтъ министровъ, 24 авг. 1909 г., пред-

*) Ср. разсужденія комиссіи законод. предположеній IV-й Думы. «Обзоръ дѣят. ком.», 4-й созывъ, 1-я сессія, 1912—1913, с. 332.

ставилъ на высочайшее утвержденіе положеніе о порядкѣ примѣненія ст. 96 Зак. Осн.

Пунктъ 5 этого положенія гласилъ: «въ общемъ законодательномъ порядкѣ, по ст. 86 Осн. Зак. направляются: а) законодательныя дѣла касающіяся гражданскаго управленія казачьихъ войскъ и подвѣдомственныхъ военному министру областей, если дѣла сіи не относятся къ устройству вооруженныхъ силъ Имперіи и къ управленію ими».

Въ 1906 г. правительству хотѣлось обезпечить чисто военное законодательство отъ вмѣшательства народныхъ представителей, и п. 5 Положенія забронировалъ (въ 1909 г.) «устройство (казачьихъ) вооруженныхъ силъ». За время III-й Думы Военный Совѣтъ вошелъ во вкусъ законодательствованія параллельно съ Думой и учреждалъ должности акушерокъ, которыхъ никакъ нельзя было назвать «вооруженными силами». Конкуррировалъ съ Думою и Совѣтъ Министровъ.

Въ 1911 г. Усть-Медвѣдицкій, 1-й и 2-й Донскіе округа были постигнуты неурожаемъ, а затѣмъ оказалось, что въ продовольственной помощи нуждаются также округа Хоперскій и Сальскій. Военное министерство, не желая обращаться за кредитами къ законодательнымъ учрежденіямъ, позаимствовало изъ страховыхъ суммъ Областного Распорядительнаго Комитета 500.000 руб., и лишь черезъ 9 мѣсяцевъ Совѣтъ Министровъ, опять таки обходя Думу (по ст. 17 смѣтныхъ правилъ), отпустилъ для выдачи ссудъ Войску Донскому 1,155.000 руб.

Это повело къ тому, что продовольственная коммиссія, а затѣмъ и коммиссія по исполненію государственной росписи III-й Думы признала объясненія военнаго министерства недостаточными и предлагали представленіе военнаго министра объ отпускѣ Войску Донскому дополнительной продовольственной ссуды изъ средствъ казны — отвергнуть.

Таже исторія повторилась и въ связи съ продовольственной помощью въ слѣдующемъ году. Въ 1912 г. пострадали отъ неурожая 5 округовъ Области: Усть-Медвѣдицкій, Хоперскій, Сальскій, 1-й и 2-й Донскіе. Военное министерство, снова, не внося въ Думу, внесло вопросъ, за 7 дней до открытія IV-й Думы, въ Совѣтъ Министровъ, который, 8 ноября 1912 г., отпустилъ 1,322.157 руб. для оказанія пострадавшему отъ недорода казачьему населенію продовольственной помощи. Коммиссія по исполненію росписи отвергла и этотъ расходъ.*)

Донскіе депутаты пытались частичными мѣрами перевести хотя-бы часть гражданскихъ учрежденій Области изъ военнаго въ гражданское вѣдомство. 12 мая 1913 г. поступило въ Думу, за подписью 51 депутата, законодательное предположеніе о передачѣ дворянскихъ и крестьянскихъ учрежденій и

*) Май 1913 г. «Обзоръ дѣят. коммиссій и отдѣловъ, 4-й созывъ, ссесія I, 1912—1913, с. 97 и 338.

статистическаго комитета въ Области Войска Донскаго въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ.

По закону 1912 г. содержаніе дворянскихъ и крестьянскихъ учрежденій и статистическаго комитета на Дону было отнесено на счетъ государственный. Ничего не имѣя общаго съ военной жизнью и службою казаковъ, они все-же оставались въ вѣдѣніи военнаго министерства.

Между тѣмъ, послѣднее, не зная гражданскихъ дѣлъ, или запрашивало обо всемъ министерство внутреннихъ дѣлъ, и тормазило дѣла; или-же военный министръ отклонялъ, задерживалъ и даже не докладывалъ по принадлежности ходатайства донского дворянства по разнообразнѣйшимъ вопросамъ гражданской жизни края. Таковы были ходатайства о возстановленіи земскаго самоуправленія на Дону, объ открытіи среднеучебныхъ заведеній, о самоуправленіи въ гор. Новочеркасскѣ, о проведеніи желѣзныхъ дорогъ въ Области и т. п. Но помимо соображеній политическихъ въ пользу передачи говорили и соображенія дѣловыя. Съ распространеніемъ на Область землеустроительныхъ работъ по устройству земельнаго быта крестьянъ обязанности донскихъ крестьянскихъ учрежденій сильно осложнились. Справиться съ запросами по этому дѣлу военному министерству было не подъ силу.

21 іюня 1913 г. Аджемовъ выступилъ въ Думѣ въ защиту законодательнаго предположенія объ увеличеніи числа должностныхъ лицъ въ присутствіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ. Въ окружныхъ присутствіяхъ одинъ непремѣнный членъ приходился: въ Усть-Медвѣдицкомъ на 8 волостей, въ Хоперскомъ — на 9 волостей; два непремѣнныхъ члена — въ Донецкомъ округѣ — на 39 волостей, и въ Таганрогскомъ — два на 56 волостей. Въ областномъ присутствіи по крестьянскимъ дѣламъ одинъ непремѣнный членъ приходился на 155 волостей. Изъ этого видно, какъ неравномѣрно и недостаточно обслуживалось дѣло крестьянскаго управленія на Дону. Не лучше было и казакамъ.

Не вводя земства, военное министерство прибѣгало къ такимъ способамъ ознакомленія съ нуждами населенія: въ 1912 г., съ разрѣшенія военнаго министра, мѣстное начальство командировало въ неурожайныя мѣстности на Дону льготныхъ офицеровъ строевого комплекта, которымъ было поручено выяснить послѣдствія неурожая еще до уборки хлѣбовъ, и при опредѣленіи размѣра необходимой населенію продовольственной помощи, принять во вниманіе то количество хлѣба, которое населеніе окажется въ состояніи восполнить продажею части домашняго скота, заработками, заимствованіями изъ общественныхъ запасовъ и капиталовъ, доходами отъ различныхъ спеціальныхъ культуръ и огородовъ и т. п.

Организовавши такимъ кустарнымъ способомъ, изобрѣтеннымъ на данный случай, «статистическое обслѣдованіе голодающихъ округовъ, администрація опредѣлила размѣръ помощи въ 1,730.146 руб. 80 коп.

Никакихъ особыхъ перемѣнъ въ области управленія на Дону, въ эпоху IV-й Думы, правительство не предложило. 9-го янв. 1913 г. министерство внутреннихъ дѣлъ представило въ Думу законопроектъ объ измѣненіи устройства и штата управленія Ростовскаго на Дону градоначальства.

Согласно новому закону при градоначальствѣ основывалось врачебное управленіе, техническая часть и особое по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствіе.

17 мая 1913 г. 31 членъ Думы внесъ предположеніе объ учрежденіи въ Сальскомъ округѣ судебно-мирового округа.

Настроенія, нараставшія въ донскомъ крестьянствѣ, нашли себѣ выраженіе въ одной изъ рѣчей представителя донского крестьянства въ Государственной Думѣ. 15 февр. 1913 г., Афанасьевъ, по поводу празднованія 300-лѣтняго юбилея дома Романовыхъ, предложилъ не покупать казенныя земли для награжденія ими крестьянъ за выкупъ, а «предложить эти самыя земли безъ всякаго выкупа всѣмъ крестьянамъ». А чтобы 300-лѣтіе «еще дюжѣе осталось въ нашей памяти, то можно коснуться и кабинетскихъ, и удѣльныхъ, и частновладѣльческихъ и т. д., но, конечно, за вознагражденіе...» Всѣ «эти земли нашими предками выкуплены дорогой цѣной, — жизнью и кровью нашихъ предковъ».*)

Главнѣйшіе вопросы, касавшіеся казачества, были возбуждены казачьими депутатами IV-й Думы не только въ формѣ законопроектовъ, но и поставлены ими въ преніяхъ по поводу смѣты военнаго министерства въ бюджетной коммиссіи въ первой-же сессіи Думы.

Представляя объяснительную записку къ смѣтамъ на 1913 годъ, военное министерство объяснило бюджетной коммиссіи IV-й Думы, что имъ выработанъ законопроектъ о введеніи земскихъ учрежденій въ Донской области, который уже разсмотрѣнъ и одобренъ въ основныхъ чертахъ Совѣтомъ Министровъ. Дальнѣйшее направленіе этого законопроекта находилось въ зависимости отъ того, какое направленіе будетъ дано Государственнымъ Совѣтомъ законопроекту по тому-же предмету, выработанному по почину III-й Государственной Думы. Вопросъ о введеніи земскаго самоуправленія разработывался военнымъ министерствомъ, и по мѣрѣ выработки проектовъ для отдѣльныхъ казачьихъ войскъ, таковые должны были вноситься въ Думу. Введеніе же земства («земско-хозяйственнаго управленія») въ азіатскихъ казачьихъ войскахъ до введенія

*) Стен. отч., 4-й созывъ, сесс. I, зас. 23, 15 февр. 1913, с. 1678—1679.

земства въ Сибири представлялось министерству преждевременнымъ.*)

Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы поддержать думскій законопроектъ о донскомъ земствѣ, военное министерство выступало съ своимъ проектомъ. Что-же касается самоуправленія въ другихъ казачьихъ войскахъ, то оно, по неизмѣнной своей тактикѣ, держалось системы затяжекъ и проволочекъ.

Въ связи съ этимъ вопросомъ объяснительная записка военнаго министерства затрагивала и другой, не менѣе важный. Дума 3-го созыва выразила пожеланіе о необходимости поднять благосостояніе казачьихъ войскъ. Министерство откликнулось историческимъ очеркомъ о правахъ и привилегіяхъ Войска Донскаго и другихъ казачьихъ войскъ. Оно признавало, что, хотя для обезпеченія военной службы казачества послѣднему дарована была земля (30 дес. на душу) и освобожденіе отъ подушнаго обложенія и государственныхъ налоговъ, и кромѣ того войскамъ даны были привилегіи, но душевые надѣлы упали; въ Донскомъ войскѣ, по мнѣнію министерства, они спустились до 11 дес. Что касается привилегій, то съ отмѣной подушнаго обложенія казачье населеніе надъ крестьянскимъ не имѣетъ уже никакого преимущества въ этомъ отношеніи. Право винокуренія и взиманія сборовъ за открытіе питейныхъ заведеній отошли къ казнѣ, и денежное за то пособіе отъ казны производится «въ размѣрахъ, далеко не соотвѣтствующихъ тѣмъ выгодамъ, которыя казна извлекаетъ въ настоящее время отъ эксплоатаціи указанныхъ привилегій.

«Присоединяя сюда косвенное обложеніе, которое падаетъ на казачество наряду со всѣмъ прочимъ населеніемъ, должно признать, что «отъ казачьихъ привилегій, данныхъ взамѣнъ отбыванія тяжелой воинской повинности, осталось весьма мало».

Министерство признавало также, что служба казака стала чрезвычайно тяжелой, почему ему приходятъ на помощь, не только его семья, но и станичное общество, и войсковые капиталы. Отсюда истощеніе войсковыхъ капиталовъ.

Военное министерство указывало на мѣры, имъ принимаемыя для поднятія благосостоянія казачества. Для увеличенія душевыхъ земельныхъ надѣловъ станицамъ, «гдѣ это возможно», отводились дополнительные земельные надѣлы. Затѣмъ принимались мѣры, чтобы каждое казачье поселеніе могло имѣть самостоятельный земельный надѣлъ, и чтобы таковой могли имѣть переселенцы (казаки) въ новые поселки и хутора.

Но, при этомъ, министерство во имя исправнаго снаряженія казака, считало священнымъ и неприкосновеннымъ принципъ круговой поруки станичнаго общества за неисправнаго казака, а поэтому стояло за непремѣнное «сохраненіе въ казачьихъ областяхъ общиннаго пользованія землею».

---

*) Доклады бюдж. ком. 4-ой Думы, сессія I, 1912—1913, в. III, N 38, § 11—16.

Затѣмъ министерство указало на нѣкоторыя мѣры техническаго характера (агрономическія, по укрѣпленію песковъ и т. п.), войсковыя стипендіи, проекты лѣсоохраненія и т. п. Министерство готово было расходы общегосударственнаго характера принять на счетъ казны и освободить отъ нихъ войсковые капиталы, но лишь постепенно, понемногу и т. п.

Въ бюджетной коммиссіи возникли по этому поводу интересныя пренія.

Докладчикъ по смѣтѣ Главнаго Штаба Марковъ 2-й отмѣтилъ, что, по вопросу объ арендной платѣ за Задонскую степь, «у Министерства финансовъ возникло предположеніе объ уплатѣ этого арендnаго вознагражденія не въ качествѣ платы за сдачу въ аренду, а въ качествѣ помощи государства оскудѣвшему казачеству».

Съ другой стороны, министерство хотѣло «произвести обширную анкету казачьяго быта». Марковъ 2-й справедливо замѣтилъ, что, «когда приходится имѣть дѣло съ фактомъ сдачи въ аренду казачьихъ земель, то тутъ, вмѣсто справедливой оцѣнки, существующей на мѣстахъ, мы видимъ какое то желаніе усложнять это вопросомъ о помощи оскудѣвшему казачеству, вмѣсто того, чтобы просто уплатить арендную плату».

Начальникъ Казачьяго Отдѣла Главнаго Штаба, ген.-л. Агаповъ, отвѣчая Маркову, смѣшалъ войсковые капиталы съ общегосударственными. Онъ сказалъ: «особые войсковые капиталы отличаются отъ средствъ казачьяго населенія и представляютъ изъ себя особаго рода государственные капиталы». Марковъ 2-й не безъ основанія спросилъ, въ чемъ-же тогда облегченіе для казачества, если часть расходовъ будетъ снята съ войсковыхъ капиталовъ и перенесена на казну.

По этому поводу нельзя не замѣтить, что въ началѣ XX вѣка въ центральныхъ учрежденіяхъ, привыкшихъ безцеремонно распоряжаться войсковыми капиталами, начало совершенно утрачиваться представленіе объ истинномъ характерѣ этихъ капиталовъ. Почему, напр., министерство финансовъ полагало возможнымъ арендную плату за войсковую землю давать войску, какъ подачку, «воспособленіе». Между тѣмъ, эти капиталы были государственными донской республики, а послѣ присоединенія къ Россіи достояніемъ Войска Донскаго, какъ единой общины, и лишь съ 1872 г. числились въ депозитахъ государственнаго казначейства, были же мѣстными средствами особаго назначенія. Чиновники 1913 г. беззаботно причисляли войсковую казну къ общегосударственной.

Членъ Думы Гродзицкій внесъ въ бюджетную коммиссію пожеланіе — о скорѣйшемъ введеніи земства въ казачьихъ войскахъ, которое, естественно, возьметъ въ свои руки заботу о поднятіи благосостоянія и, такимъ образомъ, придетъ на по-

мощь настоятельной казачьей нуждѣ. Предложеніе это вызвало рѣчи Маркова 2-го и Харламова.

Марковъ 2-й высказался противъ земства въ казачьихъ областяхъ, ссылаясь на казаковъ, которые «въ массѣ своей этому не сочувствуютъ». Причина — это преобладаніе иногородныхъ надъ казаками, а «при условіи, что казаки, сплошь и рядомъ, отзываются для исполненія казачьей дѣятельности на сторону, а въ случаѣ войны, и даже лишь опасности войны, отзываются очень далеко отъ своей родины, получится то, что на земскихъ выборахъ иногородніе, болѣе свободные, не отвлекаемые отъ своей родины обязанностями, будутъ побѣдителями на выборахъ и возьмутъ въ свои руки земское самоуправленіе».

Называя себя «горячимъ сторонникомъ земскаго самоуправленія», Марковъ 2-й думалъ, «что въ интересахъ казаковъ нельзя допускать, чтобы до извѣстной степени враждебный казакамъ элементъ, ибо между казаками и иногороднимъ населеніемъ часто ведется экономическая вражда, захватилъ въ свои руки самоуправленіе...»; «вмѣсто пользы для казаковъ произошелъ-бы изъ этого только вредъ, ибо хозяйствомъ ихъ и обложеніемъ завѣдывали-бы не казаки». Отсюда произойдетъ «общее недовольство казаковъ».

Для казаковъ это будетъ «не самоуправленіе, а управленіе, да еще управленіе не начальствомъ, царевыми слугами, а людьми, которые съ ними на экономической почвѣ постоянно воюютъ, борятся, интересы которыхъ враждебны казачьимъ интересамъ...» Марковъ 2-й выражалъ «скромную надежду, что Государственный Совѣтъ обезвредитъ» попытку третьей Думы ввести земство на Дону, и «Богъ дастъ, ни одно казачье войско при жизни нашей не увидитъ своего самоуправленія».

Харламовъ, отвѣчая Маркову, напомнилъ, что земство для Дона прошло въ III-ей Думѣ почти единогласно, а пожеланіе о введеніи самоуправленія въ казачьихъ областяхъ принималось 4 раза, въ теченіе 4-хъ сессій; что анкета атамана Самсонова въ 1907—1908 г. г. о земствѣ дала подавляющее большинство станичныхъ приговоровъ за земство, кромѣ станицъ одного лишь Хоперскаго округа, которыя не несутъ денежныхъ земскихъ сборовъ. Всѣ другія станицы, съ 1876 г., платятъ земскіе сборы. Иногородніе не возьмутъ въ свои руки земскаго дѣла, ибо во всѣхъ округахъ (кромѣ Ростовскаго и Таганрогскаго) казачье населеніе преобладаетъ значительно надъ иногороднимъ. И по расписанію гласныхъ, представителямъ отъ казачьяго населенія въ земствѣ были предоставлены преимущественныя права въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ, такъ какъ на ихъ долю приходится болѣе половины гласныхъ.

Харламова пугали не соображенія Маркова 2-го, а заявленія представителя министерства о его собственномъ проектѣ,

выработанномъ помимо думскаго. Харламовъ напоминалъ о законопроектѣ, выработанномъ наказнымъ атаманомъ послѣ анкеты 1907—1908 г. г. и не получившемъ движенія. Эта коммиссія (при Самсоновѣ) была уже шестая, считая съ 1882 г., которая работала по вопросу о донскомъ земствѣ. Седьмая коммиссія была составлена бар. Таубе. Проектъ этой коммиссіи былъ разсмотрѣнъ военнымъ министерствомъ и отвергнутъ.

Тогда министерство вынуждено было заняться проектомъ III-ей Думы, предложило свои измѣненія, которыя были приняты Думой. Однако, стоило наказному атаману ген. Покотило заявить желаніе, и министерство разрѣшило ему создать новую, восьмую, коммиссію о земствѣ на Дону.

По поводу войсковыхъ расходовъ на общегосударственныя нужды Харламовъ замѣтилъ, что на Дону изъ войскового капитала расходуется на этотъ предметъ не менѣе 2.772 тыс. руб., «которыхъ ни въ одной губерніи нѣтъ, которые ни въ одной части Россійской Имперіи на счетъ мѣстныхъ сборовъ, мѣстныхъ капиталовъ не удовлетворяются и удовлетворяться не могутъ. Харламовъ твердо ставилъ вопросъ: «кто-же является хозяиномъ войсковыхъ капиталовъ въ цѣломъ, казачьи войска или военное вѣдомство?»

По поводу военной службы казачества Харламовъ заявилъ, что «въ дальнѣйшемъ отправлять военную службу казакъ не въ состояніи за свой счетъ. Я рѣшительно это заявляю, и пора это твердо сказать и пора снять съ казака несеніе службы на свой счетъ...»

Харламовъ упрекалъ министерство въ умолчаніи о станичныхъ конно-плодовыхъ табунахъ, ради которыхъ изъемлются изъ непосредственнаго казачьяго употребленія около 400 тыс. десятинъ въ Донскомъ войскѣ, и на казакахъ лежитъ содержаніе конюшенъ, стражи и т. д.

«Главное, о чемъ нужно было-бы говорить, и что предано забвенію, — это экономическія и культурныя потребности казачьяго войска». Марковъ 2-й выразилъ пожеланіе, чтобы принятый Думой проектъ донского земства не прошелъ. «Такъ дайте другой, а не создавайте въ 101-й разъ новыя коммиссіи», — восклицалъ Харламовъ, — и пусть не заставляютъ казаковъ жить въ томъ-же безпросвѣтномъ положеніи. Что нибудь одно, либо казаки нужны государству, либо не нужны...» Если нужны, «то обезпечьте ихъ матеріальный бытъ, достатокъ...» Ссылаясь на нищихъ казаковъ, съ сумой выпрашивающихъ кусокъ хлѣба, «въ казацкой фуражкѣ и штанахъ съ лампасами», Харламовъ спрашивалъ: «Неужели государство думаетъ, плодя и развивая такое нищенство, что оно содѣй-

ствуетъ укрѣпленію самобытной обособленности казачьяго войска?...»

Харламовъ отмѣчалъ, что на Дону есть цѣлые хутора, пораженные луэсомъ, 700 тыс. дес. казацкой земли уже засыпано сыпучими песками, но нѣтъ борьбы съ этимъ, хотя въ Новочеркасскѣ и есть лѣсной отдѣлъ, агрономическая организація и т. п. «Не умѣло и не умѣетъ пойти на помощь положенію казака военное министерство, такъ пусть другія учрежденія спасутъ, что можно спасти...» И Харламовъ просилъ бюджетную коммиссію поддержать предложеніе Гродзицкаго о самоуправленіи въ казачьихъ областяхъ.

Ген.-л. Агаповъ, отвѣчая Харламову, сообщилъ, что земскій проектъ, составленный министерствомъ параллельно съ думскимъ, дошелъ до Совѣта министровъ, но тотъ не счелъ возможнымъ разсматривать его постатейно, и далъ лишь тѣ общія указанія военному вѣдомству, которыхъ оно должно было держаться при разсмотрѣніи думскаго законопроекта въ Государственномъ Совѣтѣ. Затѣмъ законопроектъ военнаго вѣдомства былъ представленъ въ Государственный Совѣтъ, какъ «справочный матеріалъ» къ тому думскому законопроекту, который тамъ находился. Проще говоря, министерство хотѣло переработки думскаго законопроекта въ Совѣтѣ по своимъ желаніямъ.

Ген.-л. Агаповъ признавался, что «военное министерство строго держится того мнѣнія, чтобы земское самоуправленіе отнюдь не разрушало того уклада жизни и управленія казачьими войсками, который отличаетъ казака отъ не-казака». А это чрезвычайно трудно, жаловался Агаповъ, и поэтому законопроекты по этому вопросу военнаго министерства такъ медленно двигаются. Задача министерскаго проекта совпадаетъ съ мыслями Маркова 2-го, «именно, чтобы въ земскомъ самоуправленіи доминирующее значеніе имѣло казачье населеніе, и чтобы иногороднее населеніе отнюдь не пріобрѣло засилія надъ казачьимъ». Агаповъ заканчивалъ словами: «Убѣжденіе всѣхъ старыхъ казаковъ таково, что казачьи войска только и существуютъ, пока управленіе ими сосредоточено въ военномъ вѣдомствѣ. Разъ оно будетъ распылено по другимъ вѣдомствамъ, то казакамъ придетъ конецъ!...»

Марковъ 2-й возразилъ Харламову, что казачество хочетъ не земскаго, а казачьяго самоуправленія, т. е. возрожденія старыхъ казачьихъ круговъ, выборного атамана. Но это не земское самоуправленіе. Марковъ 2-й не хотѣлъ говорить, хорошо-ли казаки мечтаютъ, но настаивалъ, что «казаки, разобравшись въ этомъ дѣлѣ и узнавъ, что «иногородцы», съ которыми они спорятъ и соперничаютъ, будутъ играть пре-

обладающую роль, что они будутъ облагать ихъ земли повинностями, не захотятъ этого самоуправленія...» «Совмѣстить несовмѣстимое невозможно. Военное дѣло нельзя совмѣстить съ цѣлями культуры... Когда вы введете земство, казаковъ не будетъ...»

Гродзицкій снова высказался за земство для казаковъ, указывая на то, что, при введеніи земства на гражданскихъ территоріяхъ Оренбургской, Астраханской и Ставропольской, казачьи территоріи Астраханскаго и Оренбургскаго войскъ остались безъ самоуправленія.

Въ результатѣ этихъ преній, бюджетная коммиссія признала необходимымъ обратиться къ правительству съ пожеланіемъ о томъ, чтобы при внесеніи, въ возможно скорѣйшемъ времени (въ Думу), законопроекта о продолженіи аренды Западной части Задонской степи для нуждъ военнаго вѣдомства, былъ сдѣланъ разсчетъ вознагражденія войска Донского по дѣйствительно существующимъ въ настоящее время арендным цѣнамъ.

Казачій вопросъ поставленъ былъ предъ общимъ собраніемъ IV Государственной Думы на засѣданіи 12 іюня 1913 г.*) Характеръ засѣданія напоминалъ во всѣхъ отношеніяхъ III-ю Думу. Едва заслушавши рѣчи Харламова и Таскина, Дума, по предложенію правыхъ, постановила прекратить пренія, послѣ чего по отдѣльнымъ статьямъ могли высказаться лишь Гамовъ (амур. и уссур.) и донцы Черячукинъ и Назаровъ.

Докладчикъ бюджетной коммиссіи Савичъ отмѣтилъ, что «финансовое положеніе казачьихъ войскъ пришло въ совершенный упадокъ, и дальше такъ продолжаться не можетъ», «казаки медленно, но вѣрно обезземеливаются, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, нести ту тяжелую повинность, которую имъ приходится, дѣлается имъ все труднѣе и труднѣе».

Харламовъ, въ большой рѣчи, напоминалъ исторію казачьяго вопроса въ III-ей Думѣ, отношеніе военнаго министерства, которое вносило законопроекты по мелкимъ вопросамъ, такъ называемую «вермишель». Это были кредиты на пособія войсковому капиталу, на продовольственныя нужды голодавшаго казачества, на усиленіе полиціи; законъ о введеніи полицейской стражи по общему укладу въ неказачьей части населенія Донской области и т. п. Войсковой капиталъ Войска Донскаго попрежнему обремененъ расходами общегосударственнаго характера. По смѣтѣ войскового капитала на 1911 г., изъ 6,040.000 руб. расходовъ общегосударственнаго характера было

*) Стен. отч., 4-й созывъ, сесс. 1, ч. III, засѣд. 74, с. 1910—1949.

на 2,788.000 руб. Мелкія правительственныя субсидіи — это лишь заплаты на смѣтѣ войскового капитала.

Второй вопросъ о самоуправленіи. Казаки вовсе не вольный народъ, отличный отъ крестьянъ въ этомъ отношеніи. Теперь, «казакъ, въ настоящемъ его положеніи въ отношеніи управленія и самоуправленія, закрѣпощенный государствомъ, подневольный человѣкъ... Снизу и доверху — административная опека не только надъ общественной жизнью казака, но и надъ его личной имущественной и семейной жизнью». По положенію 1891 г. самоуправленіе въ станицахъ уничтожено. «По отношенію войскового управленія, общественнаго, точно такъ-же все сдѣлано для того, чтобы послѣдніе ростки самоуправленія уничтожить».

Харламовъ разоблачалъ двойственную политику министерства въ вопросѣ о введеніи земства на Дону. Между тѣмъ, на Дону, на одинъ медицинскій участокъ приходилось 76.000 населенія и средній размѣръ его былъ равенъ 4.250 кв. верстъ, тогда какъ въ сосѣдней Харьковской губерніи размѣръ этого участка равнялся 410 кв. верстъ, а населенія на участокъ лишь 22.000 чел. Харьковская губернія тратила на народное образованіе (въ 1907 г.) на душу 43,5 коп., а Донская область всего 18 коп. на душу всего населенія Донской Области. Агрономическая помощь на Дону, очень скудная, уничтожена новымъ атаманомъ ген. Покотило. «Казаки разоряются, ведутъ хозяйство, какъ его вели ихъ дѣды и прадѣды, ковыряютъ землю, теперь не на волахъ, а на лошаденкахъ, ростомъ не больше хорошаго теленка, коровъ припрягаютъ къ этимъ лошаденкамъ, ковыряютъ эту землю, стараясь какъ можно больше напахать и насѣять, авось Богъ пошлетъ дождикъ, и тогда хлѣбъ хорошъ будетъ; а, если хлѣбъ не уродится, Гос. Дума милліоны ассигнуетъ на пособіе голодающему населенію. Господа, теперь, въ XX вѣкѣ, говорить, что казачье населеніе голодаетъ — это дикимъ кажется, но это горькая дѣйствительность...»

«Въ чемъ-же вопросъ? А, видите-ли, стараются все выдумать какое то казачье земство...» Военному министерству «нуженъ казакъ, какъ солдатъ, какъ воинъ..., но казакъ какъ земледѣлецъ, казакъ какъ гражданинъ, казакъ какъ сельскій хозяинъ, которому нужно содержать семью..., эта сторона казачьей жизни министерствомъ забывалась и забывается до сихъ поръ... «Харламовъ указывалъ далѣе на узурпированіе Военнымъ Совѣтомъ законодательныхъ правъ Думы. «Не заставляйте казачье населеніе — заканчивалъ свою рѣчь Харламовъ, — еще десятки лѣтъ ждать улучшенія своего положенія, боюсь, что это будетъ уже поздно...»

Черячукинъ указалъ на то, что опека военнаго вѣдомства распространяется и на личную жизнь казака, и внесъ пожела-

ніе слѣдующаго содержанія: «Принимая во вниманіе, что подсудность и отвѣтственность не состоящихъ на дѣйствительной службѣ казаковъ служилаго разряда и отставныхъ за совершенные ими проступки и преступленія должна опредѣляться существующими уголовными законами военнаго или гражданскаго вѣдомства по принадлежности, Гос. Дума высказываетъ пожеланіе о скорѣйшемъ пересмотрѣ законовъ 8 февр. 1904 г. и 9 іюля 1896 г.»

Назаровъ, въ своей рѣчи, отмѣтилъ, что по подсчетамъ, сдѣланнымъ въ апрѣлѣ 1912 г., донской казакъ въ теченіе своей службы терялъ изъ собственныхъ средствъ 1.303 р. 50 к. Тѣмъ не менѣе, эту тяжелую повинность казачество могло бы выдерживать, если бы ему дали земство и возвратили войсковой капиталъ и, наконецъ, земли. Военное министерство удосужилось въ 1912 г. дать продовольственную помощь лишь 29 марта, почему пять округовъ остались безъ посѣва озимаго хлѣба. Распоряженіе-же капиталами крайне безцеремонно. Такъ, изъ земскаго капитала было взято 500.000 руб., причемъ при реализаціи денежныхъ бумагъ въ деньги было потеряно 29.500 р. По распоряженію атамана Покотило изъ неприкосновенныхъ земельныхъ капиталовъ было взято 500.000 руб. на лагерныя майскія ученія. «Такое отношеніе военнаго министерства къ намъ, казакамъ, — заявилъ Назаровъ, — совершенно подрываетъ довѣріе въ самомъ коренномъ казачествѣ въ заботу правительства объ ихъ интересахъ... Какой бы котелъ ни накаливать, — предостерегалъ донской депутатъ, — онъ долженъ накаляться до извѣстныхъ градусовъ, иначе можетъ не выдержать...»

Пожеланіе Черячукина было принято, вмѣстѣ съ пожеланіями бюджетной коммиссіи относительно самоуправленія въ казачьихъ областяхъ и возвращенія Войску земель изъ подъ частнаго коннозаводства.

Такимъ образомъ, и IV-я Дума шла по стопамъ III-ей — въ своемъ полуравнодушномъ отношеніи къ казачеству. Она принимала пожеланія, пять разъ принятыя III-й Думой; она приняла запросъ по поводу противозаконной отмѣны Военнымъ Совѣтомъ должностей совѣтниковъ Забайкальскаго областного правленія по выбору. Но сама по себѣ, она не проявила никакой иниціативы въ помощи казачеству, никакой энергіи въ поддержкѣ казачьихъ депутатовъ.

Что касается Государственнаго Совѣта, то онъ тормазилъ всѣ законопроекты, направленные къ раскрѣпощенію казачества, даже казачьяго дворянства. Законопроектъ-же о донскомъ земствѣ былъ отвергнутъ Государственнымъ Совѣтомъ по настоянію Стишинскаго.

Думская работа объединила казачьихъ депутатовъ въ довольно плотную группу, которая, расходясь по разнымъ во-

просамъ политики, была единой въ защитѣ казачьихъ интересовъ. Объективно говоря, нельзя сказать, чтобы интересы донского крестьянства пользовались достаточнымъ вниманіемъ въ Думѣ всѣхъ 4-хъ созывовъ у депутатовъ отъ Области. Наканунѣ войны ни одинъ коренной вопросъ донской краевой жизни не былъ разрѣшенъ правительствомъ. Иго закрѣпощенія и безправія тяготѣло надъ служилымъ, когда-то вольнымъ казачествомъ. Экономическое разореніе его шло быстрыми шагами. Казаку не желали возвратить самоуправленія. Ему разрѣшалось лишь быть покорнымъ орудіемъ власти для подавленія освободительнаго движенія и нести тягчайшую воинскую повинность.

Тяжкимъ было и положеніе донского коренного крестьянства, страдавшаго отъ малоземелья, и безправнаго вдвойнѣ. Ибо оно было безправно наравнѣ съ русскимъ крестьянствомъ и несло послѣдствія историческаго безправнаго положенія въ краѣ, который за 100—150 лѣтъ сталъ его роднымъ краемъ. Охранительныя тенденціи, прервавшія дѣятельность донского земства въ 1882 г., положили конецъ объединительному процессу въ средѣ донского населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они не усилили притяженія края къ россійскому центру, «къ общему нашему отечеству», какъ говорили земцы въ 1880 г.

Разразившаяся въ 1914 г. великая война принесла Дону объявленіе военнаго положенія, которое продолжало дѣйствовать до февральской революціи (формально и позже). Жертвы донского казачества были колоссальны. Съ войною было связано возникновеніе общественныхъ организацій Земскаго и Городского Союзовъ, а также Военно-Промышленнаго Областного Комитета. Двѣ первыя организаціи были для Дона суррогатомъ земства въ дѣлѣ помощи населенію въ связи съ войною. Исторія дѣятельности общественныхъ организацій на Дону въ эпоху войны заслуживаетъ особаго очерка.

Донское казачество проявило въ войну 1914—1917 г.г. обычныя свои качества. Но эпоха 1905—1917 г.г. не прошла для него безслѣдно. Безучастное отношеніе правительства къ казачьимъ нуждамъ въ эпоху I—IV-й Думъ вызвало реакцію въ казачьей душѣ не только по отношенію къ правительству и россійскимъ государственнымъ порядкамъ, но и къ династіи.*)

Всякая работа преобразовательнаго характера для Дона, какъ и для всей Россіи, задержанная реакціей 1906—1914 г.г., была окончательно прервана войною. Вольная колонія русскаго народа, за два вѣка предъ тѣмъ вошедшая въ составъ

*) Въ 1915 году товарищъ мин. вн. дѣлъ Бѣлецкій отмѣчалъ это въ отношеніи войскового населенія Донской Области. Бѣлецкій «Гр. Распутинъ», СПБ., 1923, с. 9.

Россійскаго Государства, превращена была въ заурядную провинцію Имперіи, лишенную самоуправленія, управляемую военной администраціей. Вольное казачество стало крѣпостнымъ государству, служилымъ сословіемъ, лишеннымъ былыхъ правъ, преимуществъ и значительной части достоянія. Таковы были итоги инкорпораціи Донского края великой метрополіей. Но казачество видѣло свое спасеніе не въ мечтахъ объ отдѣленіи отъ Россіи, а въ стремленіи, освобождая метрополію, освободить и родной край, создавая новыя условія государственнаго бытія всей Россіи, создать такое положеніе Дону, которое соотвѣтствовало-бы его истиннымъ историческимъ традиціямъ и его великимъ жертвамъ на алтарѣ «общаго отечества» — Россіи.

Глава LIII.

Подводя итоги всему вышесказанному можно придти къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Въ XVI вѣкѣ, внѣ предѣловъ Московскаго государства, по теченію рѣкъ Дона, Яика, Волги и Терека, возникли — безъ воли на то правительства — вольныя колоніи русскаго народа. Основателями ихъ были вольные казаки, преимущественно выходцы изъ Московской Руси, ушедшіе съ государевыхъ украинъ промышлять на волѣ въ Дикое Поле и на запольныя рѣки.

2) Казачьи демократіи Юго-Востока имѣли различное значеніе и разнообразную судьбу. Наиболѣе крупной изъ вольныхъ колоній была Донская, присвоившая себѣ наименованіе «Войска Донского». Войско обладало своей территоріей, своимъ народомъ и своей непроизводной государственной властью. Это была простая (не федеративная), непосредственная демократическая республика. Всѣ власти республики были выборныя. Политическія права принадлежали въ равной степени донскимъ казакамъ. Число неполноправныхъ (рабовъ, пріѣзжихъ торговцевъ, ремесленниковъ и инородцевъ) было крайне ограничено.

3) Войско было отдѣльнымъ отъ Россіи государствомъ. Международная правоспособность его была ограничена лишь въ 1671 г., а окончательно исчезла въ началѣ XVIII вѣка. Сношеніе метрополіи съ колоніей съ 1614 по 1721 г. шли черезъ вѣдомство иностранныхъ дѣлъ. Послы и граждане Дона на Москвѣ пользовались неприкосновенностью.

4) Отрицая для себя наименованіе «русскихъ», казаки всегда выказывали высокую степень общерусскаго національнаго самосознанія, религіознаго чувства, видѣли въ царѣ общенаціональнаго вождя и признавали національную гегемонію метрополіи.

5) Форму зависимости колоніи отъ метрополіи, установившуюся къ 1614 году и существовавшую до 1671 г., можно

опредѣлить, какъ вассалитетъ, употребляя этотъ терминъ въ смыслѣ международнаго права XIX—XX в. в.

6) Колонія оказывала метрополіи военную помощь, сперва спорадически, а затѣмъ регулярно, получая за то, соотвѣтственно, отъ метрополіи субсидію («царское жалованье»), а также нѣкоторыя льготы для казаковъ, пріѣзжающихъ на территорію метрополіи.

7) Метрополія признавала за колоніей право убѣжища (политическаго, религіознаго и соціальнаго) для бѣглецовъ изъ метрополіи.

8) Нѣсколько разъ расхожденіе между колоніей и метрополіей вызывало со стороны метрополіи репрессіи (перерывъ сношеній и блокаду, арестъ казачьихъ посольствъ, заключеніе, ссылку и, даже, казни казаковъ на Москвѣ).

9) Принесеніе казаками въ 1671 г. присяги (особаго содержанія) Московскому царю поставило Войско въ болѣе тѣсную связь съ метрополіей. Періодъ 1671—1721 г. г. можетъ быть названъ эпохой государственной автономіи. Эта эпоха характеризуется утратою права убѣжища, возрастаніемъ значенія аристократическаго совѣта (Сбора старшинъ) за счетъ народнаго собранія (Войсковаго Круга) и усиленіемъ власти Атамана, хотя и выборного, но уже (съ 1709 г.) утверждаемаго царскою властью.

10) Переходъ сношеній съ Войскомъ изъ Иностранной Коллегіи въ Военную (1721) и назначеніе Атамана царской властью знаменуютъ конецъ государственнаго бытія Дона и превращеніе его въ провинцію Имперіи.

11) Областная автономія существуетъ въ чистомъ видѣ съ 1721 по 1775 г., а въ обломкахъ съ 1775 по 1835-й годъ. Въ эпоху 1721—1775 г. права вольныхъ гражданъ колоніи, разновременно и частично признанныя россійскими монархами, образуютъ цѣлую систему «жалованныхъ правъ и привилегій», въ силу которыхъ донское казачество становится привилегированнымъ во всѣхъ отношеніяхъ сословіемъ Имперіи.

12) Созданіе Войсковаго Гражданскаго Правительства (1775) является первымъ шагомъ къ примѣненію въ краѣ имперскаго права. Періодъ борьбы имперскаго права съ историческимъ длится съ 1775 по 1835-й годъ, когда впервые былъ изданъ имперскій законъ о военномъ и гражданскомъ управленіи Войска. Съ этого момента Донъ становится областью, «на основаніи особыхъ правилъ управляемой». Этими «правилами» является сепаратное имперское законодательство о Землѣ (Области) Войска Донского и о донскомъ казачествѣ.

13) Съ средины XVII-го и до начала XIX вѣка длится внутренній процессъ разслоенія единой прежде массы равноправныхъ гражданъ колоніи на аристократію (старшины) и рядовое казачество. Параллельно идетъ расхищеніе старшинами земель

и угодій единой земельной общины, присвоеніе аристократіей себѣ политическихъ правъ.

14) Фискальные и военные интересы метрополіи, въ связи съ интересами россійскаго помѣстнаго класса, заставили казачество отказаться отъ пріема въ свою среду бѣглыхъ изъ метрополіи. Съ другой стороны, интересы старшинъ, нуждавшихся въ обработкѣ захваченныхъ ими земель подневольнымъ трудомъ, потребовали заселенія войсковыхъ земель бѣглыми, закрѣпощенія искавшихъ на Дону свободу «малороссіанъ» и завоеванія для войсковой старшины дворянскихъ правъ.

15) Въ 1796 г. были окончательно закрѣпощены донскіе крестьяне, а въ 1797 г. донскіе старшины («чиновники») получили права благороднаго сословія — дворянства. Въ первые годы XIX вѣка (1804) созданъ суррогатъ дворянской организаціи и, одновременно, суррогатъ торговаго сословія. Реформы Войсковой Канцеляріи (1800—1804 г. г.) приблизили гражданское управленіе на Дону къ общероссійскому губернскому типу.

16) Тяжкое положеніе угнетаннаго старшиною рядового казачества, въ связи съ желаніемъ кодифицировать донское право, было причиной созданія Комитета 1819 года. Во время выработки Положенія объ управленіи Войскомъ рѣзко проявился автономизмъ консервативный (дворянскій) и радикальный (донскихъ декабристовъ).

17) Съ 1721 г. вольное донское казачество превратилось въ служилое, но попытки обратить его въ «регулярство» (1769) и разрѣдить казачью массу путемъ переселеній на новыя окраины вызвали возстанія 1772 и 1792—1793 г.г. и завершились неудачей. Положеніе 1835 г. превратило окончательно казаковъ въ служилое, закрѣпощенное государству сословіе военныхъ поселянъ.

18) Эпохи Александра I и Александра II ознаменовались установленіемъ связи между министерствами и гражданскимъ управленіемъ Войска, и мѣрами, направленными къ уничтоженію замкнутости казачьяго сословія. Наоборотъ, эпохи Николая I и Александра III характеризуются подчиненіемъ гражданской жизни Дона военному вѣдомству, усиленіемъ военно-административнаго начала и дисциплинарной власти начальниковъ даже въ мирной жизни казака на Дону.

19) Въ 1870 г. историческое наименованіе Земли Войска Донскаго замѣняется наименованіемъ Области Войска Донского. Выборное начало въ администраціи окончательно отмѣняется. Земское самоуправленіе вводится съ опозданіемъ на 10 лѣтъ, въ неудачной формѣ и поспѣшно уничтожается въ интересахъ войсковой администраціи. Къ 1880-мъ годамъ привилегіи казачества сведены на нѣтъ.

20) Малоземельное донское крестьянство, освобожденное въ 1861 г., но безправное въ краѣ, и иногороднее безземельное населеніе составляютъ около половины населенія края. Послѣ

присоединенія къ области Приазовья невойсковое населеніе края начинаетъ численно преобладать надъ казаками, потомками вольныхъ гражданъ колоніи.

21) Экономическое положеніе казачества, подавленнаго тяжестью поголовной многолѣтней службы на своемъ конѣ, со своимъ снаряженіемъ, быстро ухудшается. Этому способствуетъ отсутствіе самоуправленія, быстрое уменьшеніе размѣра паевъ (казачьихъ надѣловъ), сдача въ аренду войсковыхъ земель (подъ коннозаводство и др.), отсутствіе надѣленія малоземельныхъ станицъ дополнительными надѣлами войсковой земли.

22) Такимъ образомъ, вольная колонія, всегда поддерживавшая связь съ метрополіей, постепенно теряетъ свою независимость, государственность и областную автономію и все болѣе приближается, по своему устройству и управленію, къ общему типу провинцій Имперіи. Но исторически создавшееся и искусственно поддерживаемое различіе правового положенія гражданъ колоній — донскихъ казаковъ, коренныхъ донскихъ крестьянъ и, наконецъ, т. наз. «иногородныхъ» препятствуетъ окончательному освоенію колоніи метрополіей.

23) Равнымъ образомъ, препятствуютъ этому и противорѣчія экономическихъ и соціальныхъ интересовъ различныхъ группъ населенія, и отсутствіе краевого представительнаго органа сближающаго классы и сословія, дающаго возможность взаимнаго соглашенія и примиренія.

24) Въ результатѣ своей сложной исторіи, въ которой скрестились и централистическія, самодержавно-крѣпостническія тенденціи метрополіи, и автономныя эгалитарно-демократическія стремленія колоніи, Донской край, къ моменту возникновенія великой войны и вызванной ею грандіозной революціи, являетъ собою рядъ крупнѣйшихъ правовыхъ и соціально-экономическихъ противорѣчій.

25) Колонія не освоена еще въ окончательной формѣ метрополіей. Сепаратное право преобладаетъ надъ общеимперскимъ. Автономизмъ существуетъ и, въ извращенной формѣ сословно-казачьей исключительности, даже поощряется. Населеніе края раздѣлено на три рѣзко отдѣленныя одна отъ другой группы. Изъ нихъ казаки — потомки хозяевъ края — превратившіеся въ закрѣпощенныхъ государству военныхъ поселянъ, сохраняютъ видимость былыхъ правъ и исключительнаго господства въ краѣ. Донскіе коренные крестьяне безправны вдвойнѣ, и какъ крестьяне, запертые въ рамки своего сословія, и какъ граждане второго разряда даннаго края. Иногородніе, — пришлый изъ Имперіи элементъ гражданскаго населенія, прослоившій собою войсковое населеніе, — безправны втройнѣ. Равнымъ образомъ, населеніе Приазовскаго края, присоединеннаго къ Области, тяжко страждетъ отъ подчиненія сословной казачьей администраціи и уничтоженія земства. Созданіе Ростовскаго,

а затѣмъ и Таганрогскаго градоначальствъ преслѣдуетъ цѣли исключительно полицейскія.

26) Въ соотвѣтствіи съ этимъ, намѣчаются проблемы разрѣшенія правового вопроса. Или колонія объединяетъ населеніе края, «оказачивая» его и отстаиваетъ автономію на основѣ историческаго права. Или-же «расказачивается» войсковое сословіе и имперское право вводится во всѣ безъ исключенія области жизни края и его населенія.

27) Разрѣшеніе правовыхъ противорѣчій осложняется необходимостью одновременнаго разрѣшенія слѣдующихъ соціально-экономическихъ вопросовъ: а) аграрнаго вопроса въ краѣ въ зависимости отъ разрѣшенія аграрнаго вопроса въ Имперіи; б) аграрнаго краевого вопроса. Послѣдній слагается изъ слѣдующихъ элементовъ: 1) вопросъ о возвращеніи Войску всѣхъ разновременно отошедшихъ отъ него земель; 2) вопросъ о дополнительномъ надѣленіи малоземельныхъ станицъ; 3) вопросъ о надѣленіи донскихъ коренныхъ крестьянъ землею, возвращенною отъ донскихъ помѣщиковъ; 4) вопросъ о надѣленіи землею иногородныхъ; 5) вопросъ о сохраненіи Войсковой земельной общины; 6) вопросъ о сохраненіи общиннаго землепользованія въ станицахъ.

28) Наконецъ, въ отношеніи донского казачества стоитъ вопросъ объ измѣненіи образа его служенія (объ отмѣнѣ одіозной привилегіи служить поголовно на своей лошади, со своимъ снаряженіемъ и связанной съ этимъ круговой поруки).

Различныя общероссійскія и мѣстныя краевыя группы предлагаютъ различные способы разрѣшенія поставленныхъ жизнью задачъ. Во всякомъ случаѣ, мы можемъ сказать, что въ вольной донской колоніи русскій народъ попытался построить свою жизнь на началахъ иныхъ, нежели она складывалась въ метрополіи. Великая идея общенаціональнаго единства, общность интересовъ высшаго порядка, наконецъ, соціальные процессы, происходившіе внутри колоніи, все это связало колонію съ метрополіей. Эта связь была цементирована потоками крови, пролитой казачествомъ за единое отечество — Россію втеченіе четырехъ вѣковъ. И не донское казачество виновато, не его вина въ томъ, что великія начала равенства и свободы, вдохновлявшія его втеченіе вѣковъ, были искажены и нарушены въ его родномъ краю втеченіе послѣдняго вѣка его существованія. Донское казачество, славное въ военной исторіи русскаго народа, можетъ съ гордостью вспомнить свое прошлое и въ области гражданской и политической жизни. Исторія донского казачьяго права — это цѣнная по внутреннему содержанію глава въ великой исторіи русскаго права.

Указатель именной.

А

Абаза, паша тур., 71.
Аверкіевъ, Ив., атаманъ зим., станицы, 104, 105.
Аджемовъ, М. С., чл. II—IV Думы, дон. 510. 515, 520, 530, 556, 558, 564.
Акимовъ, Куз., д. каз., булавинецъ, 140.
Аксаковъ, И. С., писат., 454.
Алейниковъ, А., деп. Хопер. полка, 199—201, 248.
Александринъ, А. И., д. каз., революц., 432.
Александръ I., имп., 225, 253—4, 262, 271, 274—278, 280—282, 284—287, 291, 360.
Александръ II., имп., 66, 306, 308, 309, 339—341, 343, 344, 347—350, 355—356, 359—361, 368, 369. 377, 408, 427. 448, 475.
Александръ III., 3, 263, 343, 399, 401, 403, 404, 407—412, 419, 424, 425, 427, 432, 433, 436, 453, 465, 474, 506, 555.
Алексѣй Алексѣевичъ, «царевичъ», 52, 103, 431.
Алексѣй Михайловичъ, царь, 2, 25, 44, 66, 85, 86, 90, 96, 106, 107, 109, 124, 180, 210, 227, 431, 557.
Алексѣй Петровичъ, царевичъ и самозв., 156.
Андреюшкинъ, Пах., куб. каз., рев., 432.
Андріяновъ, И. А., наказ. атам., 278, 306, 307.
Анисимовъ, сотн., д. каз., револ., 433.
Анна Іоанн., имп., 148, 150, 158, 166, 181, 193. 196.
Анцыферовъ, Ѳ., сибир. каз. деп. 200, 201.
Апостолъ, Дан., гетм., 193.
Араканцевъ, М. П., чл. Г. Дум., дон., 493—495, 497—501, 509—511, 513.
Аракчеевъ, А. А., гр. воен мин., 254—255, 283, 284.
Арефьевъ, И., помѣстн. атам., 80.
Афанасьевъ, А. Г., дон, крест., чл, Г. Дум., дон., 510, 516, 517, 520, 556, 565.
Аѳонасьевъ, Клавд., свящ., чл. Г. Думы, деп., 481, 482, 493, 494, 497, 508, 509,
Аѳонасьевъ, войск. старшина, револ.. 252.
Аѳонасьевъ, И., д. каз., монахъ, бунт., 117.

Б

Балабинъ, подполк., ком. Дон. рабоч. бат., 305.
Балашъ, Ив., дон. атам., 45.
Бантышъ Каменскій, Д. Н., истор., 326.
Барановъ, канц. Войск. Канц., револ., 253, 263.
Бардижъ, К. Л., куб. каз.. деп. Г. Дум., 500, 510, 521—523, 553, 554, 556.
Басовъ, И. И., д. каз., студ., рев , 398.
Бедрищевъ, Игп., д. атам., 25, 62, 64.
Бердяевъ, геп., нач. Войск, Шт., 309, 311.
Бестужевъ. А. А., декабр., 292.
Богаевскій, Афр. П., Дон. Атам. 5, 25.
Богаевскій, М. П., тов. Дон. Атам., 90.
Болгарскій. д. с. с., сенат.. 276, 279, 284, 285, 287, 299, 311, 313.
Болотниковъ, И. Ис., участн. Смут. Врем., 54, 55. 393.
Бородинъ, Н. А., урал. деп. Г. Дум., 500, 507,
Броневскій, В. Б., дон. истор., 24. 279, 326.
Брюховецкій, И., М., гетм., 70, 73, 123, 124.
Булавинцы, 147,
Булавинъ, К. Аѳ., войск., атам., 2, 20, 89, 97, 119, 121, 130, 137, 139, 140, 141, 143, 144, 146, 147, 159, 163, 180, 181, 184, 210, 223, 251, 393, 426.
Бурцевъ, деп. Уфим, в., 199.
Бѣлогороховъ, Ник., д. каз. револ., 235.
Бѣлоусовъ, д. крест., чл. Крест. Союза, 496.
Бѣляевъ, С., деп. Азов. полка, 198, 199.

В

Ванновскій, П, С,, воен. мин., 402, 403.
Василій, попъ черкасск., 127.
Василій, «царевичъ», 55.

Василій Шуйскій, царь, 53—55.
Васильевъ, И. М., уряд., чл. Г. Дум., дон., 482, 493, 494, 499—501, 503—505.
Васильевъ. Наумъ, д. атам., 75, 84, 87.
Всйге, фонъ—деръ, нач. Рост. парта, 443.
Вишата Васильевъ, д. верх. атам. 48, 49.
Вишневецкій, Д. И. кн., 10.
Владимирскій-Будановъ, М. Ф.. ист,. 14, 15, 51, 65.
Владиславъ, королевичъ. 55.
Владыкинъ, докт. дон., 397,
Власовъ, М, Г., войск., нач. ат., 307, 313. 331, 335.
Воейковъ, С., д. атам.. 25, 48.
Войлошниновъ, А. А., чл. Г. Дум., забайк., 521—524, 552, 553.
Волошенниновъ, д. каз., 23, 109.
Вошиловъ. П. П., чл. Г. Д., Оренб., 510.
Воробьевъ. Б., дон. писат., 477.
Воронковъ, М. С., чл. Г. Дум., дон. 510, 514. 520, 556.
Выдринъ, чл. Г. Дум., Оренб., 500.

Г

Гомовъ, И. М.' чл. Г. Дум., амур,, 557.
Генераловъ, В. Д., д. каз., револ., 432, 467.
Гермогенъ, патр., 57.
Герценъ, А. И., пис., 387—389.
Гмелинъ, академ. путеш., 154, 192—195.
Говорухинъ, Ор., д. каз. рев., 432.
Гога, Ив., яицк. каз.. 133,
Годуновъ, Борисъ, царь, 19, 44, 46—54, 96, 134, 426.
Голодный, Ѳома, д. каз., 25. 127.
Голубятниковъ, М., д. каз., булавин., 144.
Голштейнъ-Готорнъ, династія, (см. также Романова), 337.
Гольтъ, Н., д. каз,, булав., 25, 146.
Горбиковъ, И., есаулъ легк., станицы, 211.
Горскій. деп., Астр., в., 220.
Горчаковъ, дьякъ, Адм. приказа, 137, 138.
Граббе, гр. А. Н., в. наказ. атам., 331.
Граббе, гр. П. Х., в. (наказ.) атам., 337, 341, 351, 378.
Грековъ, ген.-л., пом. наказ. ат., 440. 536, 538,
Грековъ, См., ген.-л., 282.
Грекъ, Янъ, д. каз., 126.
Грибоѣдовъ, Ас. пис. 297.
Грузиновъ, Евгр. О., гв. полк. рев. 23, 224, 250—254, 263.
Грузиновъ, П, О., гв. поруч., 251, 252.
Гучковъ, А. И.. чл., Г. Дум., 521.

Д

Дементѣевъ. Зах., войск. есаулъ, 82.
Дементѣевъ, хорунжій, револ., 480.
Деникинъ, А. И., ген., 5, 6, 123.
Денисовъ. А. К., войск. атам., 24, 259, 265, 274—286, 312.
Денисовъ, В. И.. предв. двор., чл. Г. Сов., 473, 503.
Денисовъ, Ѳ. П., графъ., д. каз., 240, 265.
Денисовъ, в. старш., 175.
Де-Романо, А.-Л., франц. инжен., 259, 261, 264. 265, 267, 270, 271.
Дигловъ, Епиф., атам. зим. стан., 115, 116.
Долгая Пола, д. каз., 25.
Домовъ, Т., каз. Хопер. п., куб., 518.
Дондуковъ-Корсаковъ, кн. А. М., нач. В. Штаба, 339, 342, 344—346, 433.
Донецкій. А. А., гласн. обл. зем., 382, 385, 386, 396.
Донсковъ, Вен., дьяконъ, бунт., 233, 238.
Досиѳей, чернецъ, раск., 129.
Драгомановъ, М. П., проф., 188, 227, 391, 424, 425.
Драный, С.. д. атам., булавин., 25. 143, 144, 146.
Дружининъ , ист., 64.
Дулимовъ, П., в. старш., деп. Законод. Комм., 198.
Дура, д. каз., 25.

Е

Ебалда, д. каз., 25.
Екатерина I., имп., 182.
Екатерина II., имп., 3, 51, 66, 113, 121, 163, 168, 169, 172, 179, 188, 193, 203, 205, 210, 211, 214, 219, 220, 224, 225, 227—231, 234—236, 239, 240, 246, 248, 251, 257, 259, 278, 471.
Елизавета, имп., 27, 164, 132. 133, 156.
Емельяновъ, А. А., д. студ., рев., 398.
Емельяновъ, Ив., знаменщикъ, 140.
Емельяновъ, Ром., наказ. атам., 153, 172, 173.
Ереминъ, Ѳ. А., чл, Г. Дум., урал., 510, 521.
Еремѣевъ, Г., кормов. атаман., 12.
Ермакъ, 44, 344, 395.
Ермоловъ, А. П., ген., 269.
Ерофѣевъ, д. атам., 61.
Ерофѣевъ, В., старикъ, деп. Закон. Комм, 198.
Ершовъ, С., войск. атам., 25, 29.
Ерымовскій. И. К., чл. Г. Д.. астр., 557.
Ефремова, Дан., в. ат., 3, 148, 150—153, 173—177, 187, 193.
Ефремовъ, И. Н.. чл. Г. Дум., дон., 379, 493—495, 520, 541, 556.
Ефремовъ, Н. Н., пред. Обл. Зем. Собр., 382.

Ефремовъ, Ст. Д., в. атам.. 150—156, 167, 169. 170, 176, 177, 187, 197, 204, 210—215, 223, 229, 231, 251, 232, 347,
Ефремовъ, Ф. А., чл. Г. Д., урал., 557,

Ж

Жолкевскій, геть., 55.
Жопинъ, д. каз., 25, 101.

З

Завалишинъ, Ир. Д., декабристъ. 292.
Заецъ, И., станиц. атам., раскол., 129.
Зайка, д. каз., 87.
Заруцкій, И. М., д, атам., 30, 52, 55, 57, 59, 69.
Захарьевъ, Н. А., чл. Г. Дум,, дон., 520. 531, 533. 541, 555.
Зевака, В., д. каз.. 84.
Земляницынъ, В., д. рев., 432.
Зерщиковъ, Илья Гр., в. атам., 129. 135, 144—147, 149.
Зиновьевъ, Ел., д. каз., астрах. бунтов. атам., 131.

И

Ивановъ, Вас., д. каз.. монахъ, 117·
Ивановъ, Сем., войск. атам., 113, 118.
Иванъ III., в. кн. моск., 8, 9.
Измаилъ (Смаулъ) Мурза. 13.
Иловайскій, Ал. В., в. атам., 282, 284—287, 297—307.
Иловайскій, Ал. И., в. атам., 165, 224, 229, 230, 232—236, 240.
Иловайскій Вас., в. старшина, 213.
Иловайскій 5-й, д. ген.-м., 286, 287.

І

Іоаннъ Алексѣевичъ, царь, 112, 125, 131.
Іоаннъ IV. Вас., царь, 7, 11, 13, 21, 42, 44, 48, 50, 54, 60 66, 178, 350.

К

Кабановъ, В., д. атам., 61.
Кадацковъ, И. Ѳ,. чл. Г. Дум., дон., 520, 522.
Каклюгинъ, К. П., чл. Г. Дум., дон., 510. 511, 514.
Калгановъ, К., д. каз., булавин., 144.
Калединъ, Ал. М., ген., Дон. атам., 4.
Калиновскій, д. деп. редакц. комм., 364.
Калмаковъ, волж. атам., 69.
Канашевъ, И. И., чл. Г. Д., оренб., 557.
Канинской, Б., д. атам., 64.
Кантакузенъ, Ѳомка. тур. посолъ, 76, 87.
Карамышевъ, И., цар. посолъ. 64. 74—76, 83, 87, 88, 128.
Карасевъ, А. А.. зем. гласн., д. ист., 332, 385, 396, 397, 424.
Карауловъ, М. А., чл. Г. Дум., терск., 510, 515, 519, 520, 556.
Каревъ, Г. И., чл. В. Круга, чл. Дон. делегаціи, 334.
Картавый, Нехорошко, д. Каз., 25, 50.
Касмынинъ, д. каз., бунт., 252.
Кательниковъ, Евл. Н., дон. писат., сектантъ, 263.
Каторжный, Ив. Д., в. атам., 25, 40, 68. 92.
Келмагмедъ, мурза нога, 13.
Кирилловъ, Ден. д. каз., тюрем. сидѣлецъ, 92.
Кирсановъ, Сид. наказ. атам., 211.
Кирсановъ, Х. П., ген., д. ист., 327.
Кирьяновъ, М. И., дон. чл. Г. Д.. 451, 520, 522, 523, 533.
Княжнинъ. ген.-м. сенаторъ, 311—313.
Ковалевъ, В., каз. атам. п., 518.
Колесниковъ, д. каз. бунт., 252.
Колуженинъ, Род., д. атам., 105, 119.
Константинъ Павл., цесаревичъ. 263.
Колесниковъ, д. офиц. чл. Сухорук. кружка, 291.
Корела А., д. атам., 23, 53.
Корниловичъ, А. О., декабр., ист., 292.
Косой, Куз., д. каз., раск., 25, 40, 93, 127.
Костомаровъ, Н. И., ист. 41, 64, 389.
Котлюбанцевъ, в. старш., 152.
Коцебу-Пиларъ-фонъ-Пильхау, рост. градон., 461.
Кочевскій, чл. Г. Д., кубан., 500.
Кочетовъ, С., ат. легкой станицы, 131, 132.
Кравцовъ, П. Ѳ., гл. Г. Д., 520.
Крашивинъ, хорунжій, 222.
Красновъ, Н. И., д., ист., 347, 424.
Красновъ, П. Н., Дон. атам., 5, 61, 163.
Краснокутскій, Н. А., в. нак. атам., 341, 383.
Краснощековъ, И. М., в. атам., 150, 173.
Кременсковъ, Г., д. каз., рев., 518.
Крюковъ, Ѳ. Д., пис., чл. Г. Д. дон., 465, 482, 493—495, 497, 499, 508, 509, 537.
Кудрявцевъ, П. Г., чл. Г. Д., куб., 510.
Кузнецова, Уст., яицк. каз., 218.
Кукля, Ив., тер. атам., 31.
Кулаковъ, С. В., д. крест., чл. Г. Д. дон., 493, 494.
Куличенковъ, д. крест., чл. Крест. Союза, 490.
Кульгачевъ, ген.. предс.. Комм., 410, 439.
Кукольникъ, Н. В., пис., 334, 335, 400.
Кумшацкій, Макс., в. атам., 25, 149.
Куркинъ, Е. А., уряд., чл. Г. Д. дон., 482, 493, 494, 496, 500—503.
Куропаткинъ, А. Н., воен. мин.. 434, 437. 440, 441.

Кустова (Кательникова), М. Е., сектантка, 263.
Кутейниковъ, д. полк., 222.
Кутейниковъ, ген. пом. в. нак. ат., 439.
Кутейниковъ, Дм. Е., наказ. атам., 282, 305—309, 312, 313.
Кучеровъ, д. офиц., чл. Сухорук. кружка, 291.
Кушнаревъ, д. офиц., чл. Сухорук. кр., 291.

Л

Лаврентьевъ, Сам,, в. атам., 27, 36, 40, 93, 127, 129.
Лаптевъ, И. П., чл. Г. Д., семирѣч., 510.
Ларіоновъ, Сам., попъ, раск., 126—128.
Лебедевъ, М. Г., чл. Г. Д., астр., 521.
Лебедевъ, Ю. М.. чл. Г. Д., дон., 556.
Лебяжья Шея, Тим. Як., д. ат., 25, 64.
Леоновъ, А. А., д. ист., 15, 347.
Леоновъ, А. П. обл. предв. двор., 540.
Лисичкинъ, Н. В., чл. Г. Д., тер., 521, 523, 532.
Литовъ, Вл. П., новоч. гор. гол., 460.
Лишинъ, ген.-м., археографъ, 157, 424.
Логвиновъ, Е. Д., чл. Г. Д., дон., 556.
Лопатинъ, Андр. И., нак. атам., 150, 153, 189.
Лосевъ, Ѳ. Я., дон. писат., 410,
Луковкинъ, Амвр., полк., 224.
Лукьяновъ, П., д. каз., бунт. 89, 130.

М

Мазуренко, В. П., чл. Крест. Союза, 485.
Мазуренко, Г. П., чл. Крест. С. 485, 489, 490.
Мазуренко, Сем. П., чл. Крест. С. 485—487, 489.
Максимовичъ, К. К., в. нак. атам., 439, 537.
Максимовъ, Лук., в. атам., 118, 119. 138, 139, 141, 142.
Маминъ, Никита, служил., атам., 21.
Маноцковы, торг. каз., 267.
Маноцковъ, Макс.. д. каз., булав., 25, 46.
Маньковъ, Н. А., чл. Г. Д., амур., 521, 523.
Марковъ, В. М., д. дѣят., 540.
Мартемьяновъ, Ис., д. атам., 39.
Мартыновъ. А. Д., ген., нач. В. Штаба, 423.
Маргыновъ, Дм., нак. атам., дешут., Законод. Ком., 198, 234, 238.
Маслаковецъ, ген., 379, 381—383, 440.
Матьяшъ, атам. запорож. каз., 37.
Машлыкинъ, Вас. нак. атам., 229.
Машлыкинъ, Якимъ, в. ст., 282.
Мелеховъ, д. деп. редакц. комм., 364.
Мельниковъ, Н. М., предс. Дон. правит., 6.
Менгли-Гирей, ханъ крым., 10.
Мещерякъ, д, каз., 25.
Меѳодій, еписк. Воронеж. и Черк., 233.
Милютинъ, гр. Д. А., воен. мин. 339, 340, 344, 381, 383.
Минаевъ, Фролъ, М., в. атам., 69, 71, 80, 99, 105, 116, 118, 127, 128.
Мироновъ, Никита, деп. Зак. Комм., тер., 199, 323.
Михаилъ Ѳедоровичъ, царь, 14, 30, 44, 50, 58—63, 65, 69, 73, 76, 86, 95, 96, 98, 115.
Михайловъ, Н. И., куб. наказ. ат. 539.
Михалевъ, д. крест., чл. Крест. Союза, 496.
Міюсскій, М. Д., каз. разинецъ, 25, 124.
Многогрѣшный, Дем. И., гетм., 82.
Морозъ, Ѳедотъ, д. каз., раск., 128.
Муравьевъ, Ник. М., Декабр., 292—294.
Муратъ, IV, султ. тур., 72.
Муратъ-Гурей, хан. Крым,, 68.
Мурзенокъ, П., стан. атам., раск. 23. 31, 126.
Муртуза-паша, 71.
Мустафа, «князь» (паша) Азов., 68.

Н

Назаровъ, А. А., чл, Г. Д., дон.. 540, 556, 571, 573.
Наполеонъ, 363.
Небоковъ, Т., старикъ, деп. Законод. Комм., 198.
Некрасовъ, Иг., булав., 122, 146, 393, 426.
Нестеровъ, А. Я., чл. Г. Д,, дон., 510, 517, 518.
Никитинъ, толмачъ Посел. Приказа, 128.
Никитинъ, Ив., свящ., раск., 233.
Николаевъ, ген.-м. нач. В. Шт., 309.
Николаевъ, А. М. есаулъ, народовъ., 432.
Николаевъ, А. М., есаулъ. народов., 432.
Николай I., имп., 268, 297—302, 304—306, 308, 310, 312, 313, 315, 316, 324—332, 334, 338—342, 344, 355, 360, 366, 367, 371, 396, 506, 507, 555.
Николай II., имп., 4, 403, 434—441, 443, 445, 446, 453, 472—476, 491.
Николай Александровичъ, насл. цесар. 243, 347.
Никонъ, патріархъ, 103, 431.
Новокрещенный, Р., премьеръ-маіоръ, яицк. назнач. атам., 215.
Носъ, д. каз., 25. 61.
Нѣжакожъ (Межаковъ) М., д. атам., 53.

О

Овчинниковъ, яицк. к., пугачевецъ, 218.
Огарышъ, И., д. каз., 88.
Одоевскій-Масловъ, кн. , в. наказ. атам. 537.

Орловъ, Вас., ген. в. атам., 240—244, 250.
Орловъ-Денисовъ, гр., флиг.-ад., 333.

П

Павелъ I, имп., 3, 225, 239—241, 243, 244, 248, 250, 252, 271,
Павлюкъ, кошевой запор., 19.
Палѣй, С., полк., 110.
Панфиловъ, А. Ѳ., чл. Г. Д., дон., 510, 515.
Пареново, полѣстн. атам., 80.
Пафнутій, чернецъ, раск., 129.
Пахомій, митрон. воронеж., 122.
Перфиловъ, подэсаулъ, 213.
Перфильевъ, яицк. каз., пугачев., 218.
Петровскій, А. И., чл. Г. Д., дон., 510, 511, 514, 515.
Петровъ, А. К., чл. Г. Д. дон., 451, 520, 523,
Петровъ, А. С., чл. Г. Д., дон., 510. 515.
Петровъ, Ефремъ, в. старш., 141, 150.
Петровъ, Ос,. в. атам., 38.
Петровъ, Мих., в. дьяк., 38.
Петровъ, Ѳед., свящ., полит. ссыльн. 253, 263.
Петръ I., имп., 20, 21, 42, 51, 66, 89, 110—115, 119, 121, 122, 130—132, 134—136, 138, 141, 144—147, 150, 155, 156, 166, 168, 178, 182, 189, 196, 210, 232, 457, 513.
Петръ II., имп., 182.
Петръ III., имп., 165, 210, 222.
Пестель, П, И., декабр., 294—297.
Пирогъ, С., д. атам., 46.
Платовъ, М. И., гр. войск. атам., 3, 224, 237, 252—254, 259, 261, 263—269, 272, 274, 275, 289, 321,
Плотниковъ, П. А., дон. крест., чл. Г. Д., дон., 520.
Подливалинъ. д. каз., бунт., 235.
Пожаръ, Ив., д. каз., булавин., 140.
Поздѣевъ, Вас., атам., зимов. ст., 89.
Поздѣевъ, М., в. старш., 211.
Покотило, В. И., в. наказ. ат., 569.
Поляковъ, чл. Г. Д.. астр., 510, 515.
Поляковъ, А., д. ист., 23, 347.
Поповъ, А., дон. ист., 291.
Поповъ, И. А.. студ., д. рев., 397.
Поповъ, Матв., каз. атам. п., 518.
Поповъ, Хар. Ив., дон. ист., 7, 17, 25. 64. 347, 385. 396, 424.
Посновъ, д. офиц., чл. Сухорук. кружка, 291.
Потаповъ, И. А.. ростов. оберъ-команд., 162, 169, 214—216, 223.
Потаповъ, А. А.. в. нак. атам., 341, 348, 351.
Потемкинъ. кн. Г. А., 165, 223, 225, 226, 229—234, 241, 243.
Предславъ, Ланцкоронскій, гетм., 19.
Пугачевъ, Е. И., 3, 52, 140, 210, 216—224, 251, 326, 338, 387, 389, 390, 391, 393. 426.
Пудавовъ, д. ист., 15, 34, 71.
Пчелинецъ, И., д. каз., бунт., 131.
Пырковъ, П. Р., чл. Г. Д., дон., 520, 533, 552.
Пьяновъ, яиц. каз., пугачев., 216.

Р

Рабицынъ, И., есаулъ зим. стан., 128.
Радиловъ, Епиф., в. атам., 39, 61.
Разинъ, Ст. Т., 2, 34, 45, 52, 80, 92, 96, 97, 100—103, 105, 106, 108, 124, 125, 130, 140, 218, 251, 387—391, 393, 426, 431.
Разинъ, Фролъ Т., 106.
Размочѣевъ, ат. легк. ст., 89.
Рамазановъ, Петръ, Ем., в. атам., 149.
Резепъ-паша Азов., 68.
Романовы, династія, 337, 520, 565. 574.
Ротъ, д. каз., 25, 101.
Рубцовъ, Ив., полк., есаулъ, бунт., 237.
Рубцовъ, есаулъ, револ., 483.
Рудовъ, Н. Н., зем. дѣят., 396.
Руничъ, П. С., сенат., 273.

С

Савватѣевъ, Аф. П., чл. Г. Д., дон., 556.
Савельевъ, А.. дон. ист., 396.
Савостьяновъ, М. С., ур., чл. Г. Д., дон., 482, 493, 494, 496, 500—504.
Сагайдачный, кошевой запор., 109,
Садчиковъ, д. каз. бунт., 235.
Самаренинъ, М., д. атам,, 25, 104.
Самсоновъ, А. В., ген., в. нак. ат.. 535, 537, 538, 568, 569.
Саратовецъ, д. каз., 129.
Сартланъ-Мурза, кубан., 140.
Сары-Азманъ (Желтый Османъ), д. атам., 13, 22.
Сватиковъ, С. Т., ист., 294, 335.
Свѣшниковъ, чл. Г. Д., оренб., 500.
Святополкъ-Мирскій, кн., Н. И., 341, 401, 411, 438.
Селивановъ, д. офиц., чл. Сухорук., кр. 291.
Семеновъ, Баженъ, кормов. атам., 12.
Серебряковъ, в. старш., 152, 153.
Сигизмундъ, король пол., 53, 55, 58, 60.
Скапа, деп. Законод. Ком., запорож., 198, 202.
Скасырскій, А. М., чл. Г. Д., 493, 494, 496.
Сметанинъ, Левъ, д. каз., бунт., 131.
Смиренный, П., д. каз., раск., 128.
Соколовъ, войск. есаулъ. 145.
Старово, Ал., атам., зим. стан., 74.
Стародубцевъ. Лар., д. каз., самозв., 156. 157.
Степановъ, И., д. каз. монахъ, 117.

Стерлядь, д. каз., 25,
Стефанъ Баторій, король, 19, 113.
Суворовъ, А. В., 95. 259.
Сула, д. каз., 25.
Сулинъ, Дм., в. есаулъ, 168.
Сулинъ. Никоф, депут. Зак. Комм., 198, 200.
Сулинъ, Сем., нак. атам., 168, 211, 229.
Сухачевъ, Вас., декабр., 297.
Сухоруковъ, В, Д., д. ист., 25, 107, 291, 292, 300, 306, 307, 326, 334, 387, 424.
Сухоруковъ, Фока, д, каз., бунт., 235,
Сысоевъ, Вас., ген.-м., 282.
Сѣдельниковъ, чл. Г. Д., оренб., 479. 480, 500—505.
Сѣдовъ, стан. атам., Новоч. ст., 510.
Сѣрко, И. Д., кошевой, 92, 124.

Т

Таскинъ, С., А., чл. Г. Д., забайк., 557, 571.
Татаръ, Татаркинъ, Тартарченковъ, д. каз., 23.
Татариновъ, М. И., ат. легк. стан., 23, 77.
Таубе, фонъ, Ѳ. Ѳ., в, наказ. ат., 538—540, 569.
Тацынъ, д. полк., 282.
Терентьевъ, хорунж., 222.
Терскій, в. старш., 152.
Терской, И., д. каз., раск., 129.
Тига, И,, яицк. каз., 133.
Тимофѣевъ, Лаз., д. каз., разинецъ, 106.
Тимощенковъ, д, ист., 396.
Титовъ, деп. Закон. Ком.. 206.
Тихоновъ, Е. И., чл. Г. Д., тер., 521, 522.
Тихонъ, (Задонскій), еписк. Воронеж., 175.
Толстой, губерн. Азов., 111, 146. 187.
Трубецкихъ, И. Ѳ., д. атам., 25.
Трубченинъ, М.. д. атам., 25, 61.
Труженикъ, Тим., самозв.. 156, 157.
Туляковъ, И. Л., чл. Г. Д., доп. раб,, 556.
Туровѣровъ, в. ст., 169.
Туровѣровъ, д. полк., 362.
Турчаниновъ, И. В., полк., 335. 387.

У

Уколовъ, д. атам., 61.
Ульяна, игуменья, Покр. м., 116.
Ушаковъ, И. И.. чл. Г. Д., дон., 510, 513, 514, 555.

Ф

Фальчинскій, в. старш., 152.
Федоровъ, В. Ф., д. зем. дѣят., 396.
Филаретъ, патріархъ, 58, 63. 74.
Филоновъ, д. ист., 347.
Фроловъ, Вас. Ф., войск. ат., 149, 150.
Фроловъ, Ив. И., наказ. ат., 150.
Фроловъ, Макс. Ф., поход. ат., 120.

Х

Харламовъ, В. А., чл. I, II, III, IV, Г. Д., дон., предс. В. Круга, 5, 25, 178, 376, 443, 444, 497, 500, 501, 505, 508, 509—511, 513, 520—528, 531, 533, 549, 556, 568—572.
Хартахай, А. П., чл. Г. Д., рост., 481, 493—497, 508.
Хасанъ-паша Азов., 140.
Хмельницкій, Богд., гетм., 20, 71, 72, 81.
Хмельницкій, Юр., гетм., 72.
Хомутовъ, М. Г., в. нак. атам., 329, 331, 332, 241, 346, 396.
Хоткѣвичъ, гетм., 57.
Хохлачъ, Лука, булавин., 23, 144.
Хорошій, д. каз., 25.
Хрущовъ, П., голова казач., 48, 49, 53.
Хрѣновъ, Л., разинецъ, 106.

Ц

Циммеръ, І. И., чл. Г. Д., дон., 556.

Ч

Чаганъ-Батыръ-тайша, 126, 129.
Чайкинъ, Ив., булавин., 144.
Чеботаревъ, А, П., д. ист., 279.
Чекуновъ, П., в. старш., раск., 93.
Черкатенинъ, М., д. атам., 23, 44.
Черниковъ, д. каз., пугачев., 172.
Черницкій, В. И., чл. Г. Д., 520, 528, 531, 533.
Чернышевъ, гр., президт. В. Коллегіи,214,, 223.
Чернышевъ, кн. А. И,, 247, 260, 265, 276—279, 280—287, 298—306, 311—313, 321, 325.
Чертенскій, Смага, войск. атам., 53, 60, 61.
Чертковъ, М. И., в. нак. атам. 341, 550.
Чертовъ, Усъ, Вас., д. атам., разинец, 25, 104,
Черячукинъ, Ф. В., чл. Г. Д., дон., 556, 571—573.
Чесночихинъ, П., д. атам., 84, 88, 92.
Чулковъ, Дан., станич. служил. атам., 18.
Чюрносовъ, К. М., ат. зим. стан., 89, 93, 125, 126, 128, 129, 251.

Ш

Шаховской, кн. Г. П., дѣят., Смуты, 54.
Шевкалъ, (Шамхалъ) Тарковскій, 134.
Шелудякъ, д. каз., разинецъ, 104.
Шеметовъ, С. И., чл. Г. Д., оренб., 521—523. 553.
Ши-Ахметъ, ханъ, 10.

Шунгаревъ, А. И., чл. Г. Д., 534.
Шольпъ, чл. Г. Д., 498.
Штукаревъ, д. каз., бунт., 235.
Шумковъ, д. полк., 304, 305.
Шумковъ, обл. агрономъ, 536, 537.

Щ

Щербаковъ, канц. В. Канц., рев. 253.
Щербина, Ѳ. А., чл. Г. Д., куб., 510, 539.

Ю

Юсуфъ, кн. ногайск., 11, 13.

Я

Яковлевъ, С. С., д. каз., народов., 431.
Яковлевъ, Корн., в. атам., 101, 105, 106, 113, 118.
Яковлевъ, Молчанъ, служил. атам. каз., 21.
Яковлевъ, Тим., д. атам., 64.
Яновъ, И., в. дьякъ, деп. Законод. Комм., 168, 197, 202—204, 206, 211.
Янченговъ, Як., д. каз., бунт., 213.

Ѳ

Ѳедоровъ, Сусаръ, в. атам. 44, 64.
Ѳедоровъ, Т., в. старш. 140.
Ѳедотовъ, Вл., дьяконъ, сектантъ, 175.
Ѳедотовъ, М., свящ., бунт., 233, 238.
Ѳеодоръ, Алексѣевичъ, царь, 108, 192.
Ѳеодоръ Іоанновичъ, царь, 17, 29, 44, 47, 50, 54, 60, 78, 292.
Ѳеодосій, чернецъ, раск., 129.
Ѳеоктистовъ, Авр., свящ., раск., 262.
Ѳоминъ, М., хорунж., рев., 432.
Ѳоминъ, Н. В., чл. Г. Д., дон., 510, 515.

Важнѣйшія опечатки.

Страницы:			Напечатано:	Слѣдуетъ:
3,	12	с. св.	частичное	частично
7,	8	» сн.	зависимости	зависимость
7,	3	» »	становится	становился
10,	13	» »	Mattiaca	Mattiae à
11,	2	» »	т. XI., ч. II.	т. XI., ч. I.
20,	14	» св.	Верховыя	Верховья
21,	10	» »	Россіи	Россійскіе
23,	24	» »	Болдырей	Болдыревъ
26,	32	» »	себя	себѣ
31,	12	» »	одинъ	одной
33,	2	» »	1677	1671
34,	5	» сн.	1925	1825
34,	2	» »	Карусинъ	Харузинъ
44,	11	» »	на новую	на твою
45,	13	» св.	суверену	сюзерену
48,	8	» сн.	доброхотаетъ	не доброхотаетъ
58,	2	» »	фяларетова	филаретова
64,	11	» св.	зъ Волги	съ Волги
78,	7	» сн.	Азовымъ	Азовомъ
82,	1	» »	L'Икраіне	L'Ukraïne
85,	17	» св.	свѣдующихъ	свѣдущихъ
92,	22	» »	повѣтствуетъ	повѣствуетъ
96,	33	» »	Маяцой	Маяцкой
97,	38	» »	1971	1671
98,	39	» »	въ войскахъ	въ войнахъ
101,	19	» »	домовые	домовные
112,	4	» »	1713	1711
119,	20	» »	имѣлъ	имѣла
123,	20	» сн.	передовымъ	городовымъ
129,	26	» св.	Понилинъ, Распонинъ	Попилинъ, Распопинъ
152,	14	» сн.	грамота	программа
135,	1	» »	П. С. В.	П. С. З.
145,	32	» св.	нашихъ городковъ	нашихъ городовъ
145,	35	» »	«нашихъ» городковъ	«нашихъ» городовъ
147,	4	» сн,	Карисевъ	Карасевъ
148,	27	» св.	дербешевскими	дербетовскими
149,	7	» сн.	«подтвержденія	«для подтвержденія
151,	3	» св.	внѣшняго	на политикѣ внѣшняго
155,	2	» сн.	приазавскихъ	приазовскихъ
159,	20	» св.	или тѣхъ или	или тѣхъ или
162,	5	» сн.	1996	1916
168,	4	» »	Елатна	Елагна
169,	4	» »	П. С. Е.	П. С. З.
170,	2	» »	П. Е. З.	П. С. З.
172,	1	» »	ст. Харузина	кн. Харузина

Страницы:	Напечатано:	Слѣдуетъ:
183, 20 с. св.	съ Кубани	съ пріѣзжавшими съ Кубани
185, 11 » »	Солянная	Соляная
185, 12 » сн.	въ Россіи	соль въ Россіи
185, 11 » »	продавались	продавалась
187, 1 » св.	Въ моментъ	Съ момента
193, 30 » »	казачества, и въ	казачества, а въ
199, 2 » сн.	т. 4,	т. 14,
202, 13 » »	черносотныхъ	черносошныхъ
213, 11 » св.	есаулъ казачества	есаулъ
226, 9 » »	постоянымъ	постепеннымъ
228, 5 » »	отчеству	Отечеству
228, 7 » »	гнуснѣйше	гнуснѣйшее
230, 9 » сн.	всеь	весь
242, 9 » св.	станычныя	станичныя
245, 16 » »	даже	уже
245, 21 » »	въ смыслѣ	въ смыслѣ защиты
246, 1 » сн.	Fooke	Tooke
246, 4 » »	М. 10.	№ 10
248, 2 » »	passini	passim
249, 23 » св.	изъ конца	съ конца
252, 4 » сн.	Штейнеля	Штейнгеля
259, 1 » св.	становились	превращались
261, 4 » »	Ревизію	Ревизіи
263, 1 » сн.	П. Р. З.	П. С. З.
264, 7 » »	общегосударственнымъ узаконеніямъ. Платовъ вынужденъ	
271, 7 » св.	въ	при
272, 24 » »	пустинный	пустынный
273, 2 и 3 » сн.	П. С. В., П. С. Б.	П. С. З.
273, 2 » »	вощелъ	вошелъ
279, 18 » св.	сама-же	само-же
287, 21 » »	поручика	поручику
291, 8 » »	возимѣли	возымѣли
291, 15 » »	примѣры	примѣровъ
300, 6 » »	демократическаго	для демократическаго
303, 12 » сн.	страшную	странную
305, 3 и 5 » »	Баладинъ	Балабинъ
315, 19 » св.	замѣтитъ	замѣтить
318, 15 » сн.	Министровъ	Министромъ
325, 12 » »	оцѣниваетъ	оцѣнивалъ
327, 22 » св.	у	и
334, 18 » »	Растопчина	Ростопчина
336, 3 » сн.	воззаніемъ	воззваніемъ
346, 2 » »	Блюмлера	Блюммера
352, 4 » »	уничтожене	унижено
355, 3 » св.	хадатийству	ходатайству
362, 1 » сн.	Баннъ	Боннъ
375, 12 » св.	денежне	денежное
377, 23 » »	закрытіе	Закрытіе
380, 1 » сн.	Св. Угр.	Св. Учр.
387, 15 » св.	ихъ	его
393, 5 » сн.	землеволцевъ	землевольцевъ
394, 4 » »	волненіяиъ	волненіямъ
396, 15 » »	собственно,	собственно на Дону,
400, 15 » »	Создававшееся	Создавшееся
400, 4 » »	Паравит.	Правит.
409	400	409

Страницы:	Напечатано:	Слѣдуетъ:
433, 22 с. св.	1887 г.	1888 г.
434, 3 » »	Курропаткинъ	Куропаткинъ
437, 11 » »	перенесеніе	перенесенія
438, 10 » сн.	4 книгахъ	29 книгахъ
443, 3 » »	Старина	Страна
445, 23 » св.	Кубанской и	Кубанской обл. и
447, 2 » »	153 разъ.	13 разъ.
455, 21 » »	Ярышенской	Ярыженской
456, 5 » сн.	Р. П. Б.	С. П. Б.
464, 12 » »	1919	1909
468, 5 » »	соприкосневенія	соприкосновенія
481, 4 » св.	порядки	предки
496, 12 » сн.	октябрьскомъ	октябрской
496, 2 » »	1906	1916
502, 4 » св.	каззачествъ	казачествѣ
506, 8 » сн.	того	этого
516, 2 » св.	высказалъ	выказалъ
519, 8 » »	30-го іюня	3-го іюня
519, 1 » сн.	Обнискій	Обнинскій
526, 22 » »	разсосредоточенія	разсредоточенія
530, 24 » св.	Городского	Городового
531, 18 » »	самоуправленіе	саліоуправленіи
533, 20 » »	законопроетка	законопроекта
534, 25 » »	сапаратному	сепаратному
534, 4 » сн.	увидимъ	увидимъ
534, 3 » »	оправдался	оправдался
538, 9 » »	Гоффъ	Горфъ
539, 1 » »	зеъствѣ	земствѣ
540, 2 » »	Соѣщательное	Совѣщательное
547, таблица	статичныхъ обществъ	станичныхъ обществъ
547, »	Тагапрочск.	Таганрогск.
548, 9 с. сн.	73 15 8 2 31 голосъ	73 + 158 = 231 голосъ
549, 6 » св.	въ IV-ей Думѣ.	IV-ой Думы.
550, 4 » »	высящимъ	висящимъ
556, 26 » »	собствен-	I. И. Циммеръ, собствен-
557, 1 » »	Забайкаляскаго	Забайкальскаго
557, 1 » сн.	1010 г.	1910 г.
567, 10 » »	государственной	государственной казной
572, 1 » св.	мелкія	Мелкія
573, 3 » сн.	Стижинскаго	Стишинскаго

Оглавленіе.

		Страница
1.	Предисловіе автора	III—VI
2.	Отъ Донской Исторической Комиссіи	VII—VIII
3. Глава	I. Политическія судьбы Дона въ теченіе 375 лѣтъ (1549—1924 г. г.)	1—6
«	II. Возникновеніе казачества служилаго и вольнаго	6—11
«	III. Основаніе Донскаго Войска	11—16
«	IV. Территорія Дона	16—22
«	V. Народъ Дона	22—33
«	VI. Власть Дона	33—41
«	VII. Донъ въ 1549—1614 г. г.	41—51
«	VIII. Донъ и Смута	51—59
«	IX. Донъ въ эпоху вассалитета (1614—1671) и его международныя отношенія	59—73
«	X. Донъ и царская власть въ 1614—1671 г. г.	73—84
«	XI. Донъ и Московское Государство (1614—1671 г. г.)	84—97
«	XII. Разиновщина и присяга 1671 года	97—109
«	XIII. Эпоха государственной автономіи (1671—1721 г. г.)	109—122
«	XIV. Право убѣжища. Политическое движеніе на Дону (1671—1708 г. г.)	122—138
«	XV. Возстаніе Булавина (1707—1708 г. г.)	138—147
«	XVI. Донъ въ эпоху областной автономіи (1721—1775 г. г.)	148—157
«	XVII. Система жалованныхъ правъ и привилегій въ XVIII—XIX вв. Право на землю и угодья	157—166
«	XVIII. Автономія въ области управленія и суда	166—177
«	XIX. Финансовая автономія и привилегіи Войска	177—185
«	XX. Особое служеніе казачества. Сословія на Дону въ XVIII. в.	185—195
«	XXI. Попытки кодификаціи казачьихъ правъ. Екатерининская Законодательная Комиссія 1767 г. и казачество	195—209
«	XXII. Борьба за казачьи автономіи. Атаманъ Степанъ Ефремовъ (1772 г.) Пугачевъ и его казачья программа	210—224
«	XXIII. Судьба казачьихъ автономій. Донъ въ эпоху Войскового Гражданскаго Правительства (1775—1797 г. г.). Возстаніе 1792—1793 г. г.	225—139
«	XXIV. Донъ при Павлѣ I.	239—253
«	XXV. Донъ подъ управленіемъ Платова (1801—1811 г. г.)	253—263
«	XXVI. Сословіе на Дону въ началѣ XIX. вѣка	264—274
«	XXVII. «Комитетъ 1819 года». Крестьянскія волненія 1820 г.	274—285
«	XVIII. Дворянскій автономизмъ. Докладъ Комитета 1819 г. Донъ и декабристы	285—297
«	XXIX. Выступленіе Иловайскаго въ защиту автономіи (1826)	297—307
«	XXX. «Положеніе» 1835 года. Введеніе его въ дѣйствіе. Высшее мѣстное управленіе	307—317
«	XXXI. Мѣстное подчиненное управленіе. Дворянство. Новый земельный законъ. Казачество.	318—327

XXXII. Судьба казачества при Николаѣ I. Военное и духовное управленіе на Дону. Атаманъ не-войскового происхожденія. Крестьянскія волненія. Политическое движеніе 1840-хъ годовъ . . . . . 327—339

XXXIII. Александръ II. и автономія Дона. Записка Дондукова-Корсакова. Д. А. Милютинъ и раскрѣпощеніе казачества. Главное Управленіе казачьихъ войскъ . . . . . 339—350

XXXIV. Административныя реформы на Дону и судьба казачьихъ привилегій при Александрѣ II. . . . . 350—361

XXXV. Реформы: крестьянская. судебная и войнской повинности. Сословія при Александрѣ II. Земельные законы . . . . . 361—377

XXXVI. Земство на Дону (1876—1882). Комиссія ген. Маслаковца (1880 г.). «Комиссія 106-ти» (1881 г.) Закрытіе земскихъ учрежденій (1882 г.) . . . . . 377—286

XXXVII. Донъ въ революціонномъ движеніи 1860—1870-хъ годахъ. Казачье движеніе 1878 г. . . . . 387—399

XXXVIII. Присоединеніе Приазовья (1888 г.) Административныя реформы при Александрѣ III. . . . . 399—410

XXXIX. Преобразованіе окружнаго управленія (1886 г.) Положеніе объ общественномъ управленіи станицъ (1891 г.) Усиленіе дисциплинарныхъ взысканій . 411—419

XL. Сословія на Дону при Александрѣ III. Донъ въ революціонномъ движеніи 1880-хъ гг. Казачьи «бунты» . . . . . 419—433

XLI. Жалованная грамота Николая II. Комиссіи по вопросу о земствѣ на Дону. Куропаткинъ и казачество. Совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Исключительное положеніе на Дону (1894—1907 г. г.). Ростовское градоначальство . . . . . 434—444

XLII. Судебно-административныя измѣненія. Земельный вопросъ на Дону къ 1905 году . . . . . 444—452

XLIII. Донъ въ проектахъ государственнаго преобразованія и въ программахъ политическихъ партій . . . . . 453—466

XLIV. Донъ въ программахъ казачьихъ политическихъ группъ 1904—1908 г. г. Участіе въ движеніи гражданскаго населенія и донского дворянства. Казачество и подавленіе революціи . . . . . 466—478

XLV. Революціонное движеніе въ казачествѣ. Аграрное движеніе на Дону. Крестьянскій Союзъ . . . . . 478—490

XLVI. Участіе Дона въ народномъ представительствѣ 1905—1907 г. г. Донскіе депутаты I-й Думы. Запросъ о призывѣ на службу 2 и 3 очередей . . 490—502

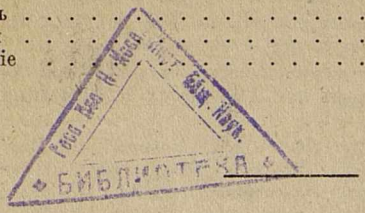
XLVII. Вопросъ о казачествѣ и казачьей землѣ въ I-й Думѣ. Судьба донскихъ депутатовъ I-й Думы послѣ роспуска ея . . . . . 502—509

XLVIII. Донскіе депутаты и казачьи дѣла во II-й Думѣ (1907 г.) . . . . . 509—518

XLIX. Донъ по избирательному закону 3-го іюня 1907 г. Донскіе Депутаты III-ей Думы. Казачьи и донскія дѣла въ III-ей Думѣ (1907—1912 г. г.) . . . . . 518—533

L. Вопросъ о самоуправленіи въ казачьихъ областяхъ. Законопроектъ о донскомъ земствѣ. Анкета о земствѣ на Дону. Принятіе Думою законопроекта (1912 г.) . . . . . 533—549

3. Глава LI. Результаты дѣятельности III-й Думы въ отношеніи Дона и казачества. Выборы и составъ донскихъ депутатовъ IV-й Думы. Законопроекты донскихъ депутатовъ . . . . . 549—562
« LII. Казачьи и донскія краевыя дѣла въ IV-й Думѣ. Донъ предъ революціей . . . . . 562—575
« LIII. Заключеніе . . . . . 675—579
4. Указатель . . . . . 580—586
5. Опечатки . . . . . 587—589
6. Оглавленіе . . . . . 590—



2015116143